ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

ПЛЕМЕНЪ и НАРОДОВЪ

ТОМЪ II

Заклинатели змѣй въ Мадрасѣ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

ПЛЕМЕНЪ и НАРОДОВЪ

Фр. ГЕЛЬВАЛЬДА

СО МНОЖЕСТВОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

Художника КЕЛЛЕРА-ЛЕЙЦИНГЕРА

ТОМЪ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1883

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 іюля 1883 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ постепеннымъ расширеніемъ нашихъ знаній въ землевѣденіи должны были неизбѣжно расшириться наши этнологическія свѣдѣнія. Въ настоящее время этнологія обладаетъ такой массой разнороднаго матеріала, охватывающаго столько сторонъ повседневной жизни, что этнографическія свѣдѣнія сдѣлались необходимыми для каждаго образованнаго человѣка. Не зная этнологіи мы не можемъ сдѣлать разумной оцѣнки политическихъ событій, безъ этнологіи не мыслимо пониманіе историческаго развитія націй и здравая историческая критика; одна этнологія даетъ намъ возможность понять особенности того или другаго народа и уловить идеальныя стремленія въ исторіи человѣчества.

Этнологія находится еще въ первоначальномъ періодѣ своего развитія, что̀ и служитъ лучшимъ объясненіемъ, почему мы до сихъ поръ не имѣемъ вполнѣ установленной этнологической системы. При несовершенствѣ человѣческихъ знаній вообще, умъ нашъ часто оказывается безпомощнымъ передъ великой задачей классификаціи, съ какою бы областью естественныхъ знаній намъ ни приходилось имѣть дѣло. Чѣмъ глубже погружаемся мы въ бездну науки, тѣмъ болѣе сглаживаются и исчезаютъ для насъ характерные признаки, которые, при болѣе поверхностномъ знаніи, повидимому, отдѣляютъ прошлое отъ настоящаго и служатъ для наблюдателя отличіемъ одного объекта отъ другаго. Всѣми признано, что въ необъятныхъ рамкахъ природы вообще нѣтъ никакихъ рѣзкихъ границъ, и что скорѣе по времени, нежели по пространству, существуютъ безконечные переходы отъ низшихъ формъ къ высшимъ и обратно. При этомъ нужно замѣтить, что всѣ тѣ явленія, которыя признаются несомнѣнными въ органи-

ческой природѣ, вполнѣ примѣнимы къ человѣку, хотя и самому благородному, но все-таки продукту природы. Какъ между отдѣльными личностями, такъ и между народами и племенами господствуютъ такія пестрыя разновидности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое близкое сродство, что ни одна изъ попытокъ классификаціи, или, лучше сказать, научнаго раздѣленія, не могла имѣть прочнаго успѣха и достигнуть значенія общепринятой научной системы.

Такимъ образомъ сама собою выясняется точка зрѣнія, которой намѣренъ придерживаться авторъ при дальнѣйшемъ изложеніи „Естественной Исторіи Племенъ и Народовъ". Здѣсь также человѣкъ является какъ высшее и самое значительное созданіе природы въ своихъ различныхъ видоизмѣненіяхъ. Авторъ не считаетъ возможнымъ держаться какого либо особеннаго научно-этнологическаго построенія, при которомъ не остается другого выбора, какъ примкнуть къ одной изъ существующихъ теорій, или создать новую, настолько-же неудобную и нецѣлесообразную. Но само собою разумѣется, что это ни въ какомъ случаѣ не должно служить препятствіемъ къ изученію въ высшей степени важныхъ соотношеній сродства и связи на почвѣ существующихъ наблюденій, во главѣ которыхъ стоятъ такіе извѣстные изслѣдователи какъ Фрид. Миллеръ и Оскаръ Пешель. Послѣдній въ своей „Этнологіи" провелъ во всей строгости ученіе о происхожденіи видовъ, которое съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе усиливающееся значеніе въ естественныхъ наукахъ. На томъ же основаніи построена и „Общая Этнологія" Фрид. Миллера. Авторъ преимущественно обращаетъ вниманіе на степень развитія культуры отдѣльныхъ народовъ; но, желая придать извѣстное единство своей книгѣ, придерживается географической группировки людей. Такимъ образомъ онъ прежде всего описываетъ Австралію съ ея дикими обитателями, стоящими на самой низкой степени культуры; затѣмъ ведетъ читателя черезъ океаническіе острова въ Америку къ арктическимъ эскимосамъ, а отсюда черезъ Атлантическій океанъ къ негритянскимъ обитателямъ „черной части свѣта" (Африки). Этнологія Азіи составляетъ какъ бы заключеніе настоящаго сочиненія. Но само собою разумѣется, что европейскіе культурные народы не могутъ войти въ намѣченные здѣсь рамки, такъ какъ съ одной стороны, при одинаково подробномъ описаніи они составили бы сами по себѣ объемистую книгу, а съ другой—поверхностный обзоръ ихъ не соотвѣтствовалъ бы задачѣ автора.

Какъ и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ добросовѣстно ссылается на источники, которыми онъ пользовался, что значительно

облегчаетъ трудъ дальнѣйшаго изученія этого любопытнаго матеріала для лицъ, интересующихся наукой. Равнымъ образомъ многолѣтнее тщательное изученіе этнографіи, даетъ ему нѣкоторое основаніе предполагать, что въ его книгѣ описано бо̀льшее число племенъ и народовъ, нежели въ любомъ изъ немногихъ изданныхъ до сихъ поръ сочиненій этого рода. Конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о вполнѣ законченномъ описаніи, что̀ понятно всякому, кто имѣетъ хотя поверхностное понятіе объ этнологіи. Поэтому авторъ долженъ былъ постоянно ограничиваться описаніемъ того, что казалось ему наиболѣе важнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при неточности нашихъ знаній ошибки составляютъ неизбѣжное явленіе, и „Естественная Исторія Племенъ и Народовъ" въ этомъ отношеніи не представляетъ собою исключенія; но, тѣмъ не менѣе, авторъ употребилъ всѣ усилія, чтобы сообщить здѣсь самыя новыя и наиболѣе точныя свѣдѣнія.

При этомъ онъ считаетъ весьма важнымъ, что при изданіи его „Естественной Исторіи Племенъ и Народовъ" ему удалось найти талантливаго иллюстратора въ лицѣ художника Келлера-Лейцингера, который взялся сдѣлать рисунки, необходимые для нагляднаго объясненія этнологіи, и отсутствіе которыхъ составляетъ существенный недостатокъ большинства подобныхъ сочиненій. Г. Келлеръ-Лейцингеръ изобразилъ не только типы расъ по самымъ вѣрнымъ источникамъ, преимущественно по фотографическимъ снимкамъ съ натуры, но и предметы домашней жизни, о которыхъ нельзя составить себѣ полнаго представленія безъ соотвѣтствующихъ рисунковъ. Но само собою разумѣется, что главное значеніе послѣднихъ заключается въ томъ, что всѣ они носятъ отпечатокъ безусловной точности и вѣрности.

АФРИКА.

Общій обзоръ.

Въ прежнія времена предполагали, что вся Африка, за исключеніемъ одного Египта (о которомъ предки наши имѣли болѣе точныя свѣдѣнія), населена чернокожими людями или неграми. Но по мѣрѣ расширенія нашихъ знаній о малоизвѣстныхъ внутреннихъ частяхъ Африки, приходилось все болѣе и болѣе убѣждаться, что здѣсь живетъ весьма значительное количество совершенно своеобразныхъ народностей, которыя разнятся между собой въ физическомъ отношеніи, а также по языку, вѣрованіямъ и нравамъ. Еще Кювье подъ общимъ названіемъ „эѳіопской расы" подразумѣвалъ всѣ народности Центральной и Южной Африки; но въ недавнее время признано, что южно-африканцы составляютъ отдѣльную семью.

Даже Исидоръ Жоффруа де-Сентъ Иллеръ на ряду съ эѳіопскимъ, различалъ готтентотскій, а затѣмъ кафрскій типъ. Наконецъ въ новѣйшее время Фридрихъ Миллеръ нашелъ возможнымъ признать въ Африкѣ пять отличныхъ между собою расъ, а именно: готтентотскую на крайнемъ югѣ и юго-западѣ, кафрскую, къ сѣверу отъ первой, распространенную до экватора и выше его; негритянскую въ такъ называемомъ Суданѣ; фуллахскую, которая распредѣлена между негритянской расой и тянется въ одну линію отъ востока къ западу, и въ заключеніе средиземную расу на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ и къ югу до экватора. Изъ этихъ пяти расъ только четыре могутъ считаться туземными, такъ какъ послѣдняя повидимому переселилась изъ Азіи. Но и эти четыре туземныя расы не находились первоначально въ своихъ нынѣшнихъ мѣстахъ жительства, и впервые проникли въ нихъ, благодаря странствованіямъ внутри африканскаго материка. Всѣ эти странствованія ни въ какомъ случаѣ не были предприняты добровольно, а подъ непосредственнымъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Подобныя условія были созданы переселеніемъ цѣлыхъ массъ средиземной расы, которая, превосходя умственно и физически туземцевъ Африки, вынудила ихъ уступить мѣсто чуждому элементу и удалиться на югъ материка. Начало этого переселенія, относится къ весьма отдаленному времени, и, по мнѣнію Фридриха Миллера, ни въ какомъ случаѣ не меньше, какъ за 6.000 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія.

Но такъ какъ до сихъ поръ ни одному этнографу не удалось создать такой системы, которая бы не была отвергнута другими учеными, то весьма естественно, что и вышеприведенное расовое дѣленіе только отчасти принято въ наукѣ. Оскаръ Пешель, который могъ воспользоваться работами Миллера, для своей „Этнологіи“ выбралъ другую, еще менѣе одобренную группировку человѣческаго рода, по которой на Африку приходится только три отдѣльныхъ человѣческихъ племёнъ или расъ, а именно: готтентоты и бушмены, негры и представители средиземной расы. Что же касается кафровъ или народовъ банту, какъ ихъ называютъ лингвисты, то Пешель не разсматриваетъ ихъ какъ отдѣльную расу и считаетъ совершенно ошибочнымъ принимать за таковую негровъ банту; по его мнѣнію, негры составляютъ одну расу, такъ какъ ихъ преобладающіе, неизмѣнные признаки одинаково встрѣчаются, какъ въ Южной, такъ и въ Центральной Африкѣ. Тѣмъ не менѣе по языку, южные африканцы составляютъ большую семью и могутъ быть безусловно отдѣлены отъ Суданскихъ негровъ; вслѣдствіе чего, Пешель различаетъ среди негритянской расы двѣ отдѣльныхъ семьи: негровъ Судана и банту; изъ которыхъ послѣдніе тождественны съ кафрской расой Миллера. Изъ вышеприведеннаго видно, что весь вопросъ заключается въ различной оцѣнкѣ особенностей, присущихъ южнымъ африканцамъ; и въ

томъ, настолько-ли онѣ велики, чтобы служить отличіемъ расы или только семьи. Но въ принципѣ никто не отрицаетъ различій существующихъ между тѣми и другими неграми. Что-же касается фуллахской расы, признаваемой Миллеромъ, то Пешель совершенно отождествляетъ ее съ неграми Судана и приходитъ къ заключенію, что они или представляютъ собой рѣзкое отклоненіе отъ негритянской расы, или же ихъ нужно считать древнимъ, смѣшаннымъ населеніемъ полуберберійской и полусуданской крови. По этому поводу онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, очевидно направленное противъ Фридриха Миллера: „Мы не беремся составить изъ фуллаховъ отдѣльную расу или объяснить ихъ происхожденіе переселеніемъ изъ Азіи въ незапамятныя времена и предоставляемъ это этнологамъ, болѣе насъ одареннымъ живостью воображенія. Но относительно средиземной расы, Пешель вполнѣ соглашается съ вѣнскимъ ученымъ, и равнымъ образомъ полагаетъ, что она распространена на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Африки.

Подъ названіемъ „Средиземная раса“, о которой мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя подробности, подразумѣваютъ разновидность человѣческаго рода, обозначенную нѣкогда Блуменбахомъ подъ именемъ „кавказской расы“. Нынѣшнее названіе „средиземной“ предложено Фридрихомъ Миллеромъ и принято Геккелемъ, Пешелемъ и другими изслѣдователями на томъ основаніи, что наиболѣе выдающіеся народы этой группы достигли своего настоящаго развитія и процвѣтанія по близости Средиземнаго моря. Эта раса, родиной которой считается Армянская плоская возвышенность, распадается, съ этнологической точки зрѣнія, на четыре племени: 1) басковъ, 2) кавказцевъ, 3) хамито-семитовъ и 4) индо-европейцевъ или арійцевъ. Въ Африкѣ встрѣчается только хамито-семитское племя или даже исключительно хамитская семья. Подъ именемъ „хамитовъ“ вышеупомянутые изслѣдователи подразумѣваютъ только ту группу сродныхъ народовъ, которая первоначально распространилась около береговъ Палестины, между Тигромъ и Ефратомъ, отсюда перешла въ Африку и населила Нильскую долину, вмѣстѣ съ береговыми полосами, лежащими къ югу отъ нея, равно и сѣверный берегъ Африки, включая и Канарскіе острова. Этнологическая связь всѣхъ этихъ народовъ доказывается отчасти историческими извѣстіями и частью тѣснымъ сродствомъ ихъ нравовъ, обычаевъ и языковъ. Въ настоящее время хамитское племя дѣлится на три семьи: египетскую, ливійскую, эѳіопскую или восточно-африканскую. Къ первой принадлежатъ древніе египтяне и ихъ потомки — копты; ко второй нынѣшніе берберійскіе народы, какъ туареки, кабилы и т. д.; къ третьей семьѣ относится цѣлый рядъ народовъ восточной Африки, какъ: бедшахъ, богосъ, сахо, агау, фалаша, галла, данакиль и сомаль.

Не подлежитъ сомнѣнію, что это дѣленіе, какъ и всякое другое,

будетъ найдено неправильнымъ, и возникнетъ еще не мало споровъ по поводу болѣе точной этнологической постановки того или другого народа. Но тѣмъ не менѣе группировка Миллера и Пешеля въ главныхъ чертахъ даетъ вообще довольно вѣрное понятіе о физическихъ, психическихъ и умственныхъ особенностяхъ африканскаго населенія. Такимъ образомъ съ помощью неусыпныхъ стараній, трудолюбивой разработки всѣхъ наблюденій представленныхъ путешественниками въ продолженіи столѣтія и тщательнаго сравненія и пересмотра пріобрѣтеннаго въ разное время матеріала, наука, казалось, достигла на половину годной и подходящей группировки. Но и этотъ результатъ требуетъ провѣрки, такъ какъ въ послѣдніе годы провозглашена была новая теорія, имѣющая притязаніе построить африканскую этнологію на совершенно новыхъ началахъ. Теорія эта создана берлинскимъ профессоромъ Робертомъ Гартманомъ, который сопровождалъ барона Барнима въ его годовомъ путешествіи по странѣ Нила. Вступивъ на африканскую почву, онъ пришелъ къ убѣжденію, что названія: кавказецъ, эѳіопъ, семитъ и хамитъ, очень мало выясняютъ что-либо, „также мало", добавляетъ этотъ реформаторъ этнолотіи, какъ и слова: аріецъ, индо-европеецъ, туранецъ. По моему мнѣнію, говоритъ онъ, этнологическое изслѣдованіе должно отыскать другіе пути для разъясненія запутанныхъ народныхъ отношеній сѣверной половины Африки, нежели принятое до сихъ поръ одностороннее сопоставленіе рѣзко разграниченныхъ расовыхъ противоположностей и примѣненіе устарѣвшихъ собирательныхъ именъ, къ народамъ, которые не могутъ быть даже насильственно подведены подъ мѣрку доктринерскихъ взглядовъ. При этомъ Гартманъ все болѣе и болѣе приходитъ къ убѣжденію, что названіе негръ, принятое для обозначенія чернокожаго и курчаво-волосаго обитателя бо̀льшей части Африки, очень часто употребляется въ превратномъ смыслѣ. Въ виду этого онъ предлагаетъ ввести совсѣмъ новый и болѣе точный терминъ нигритійцы для обозначенія этой значительной группы народовъ. Разбору даннаго вопроса посвящена большая монографія Гартмана (Dr. Robert Hartmann, Die Nigritir. Eine anthropologisch-ethnologische Monographie. I Th. Berlin. 1876), которая еще не окончена, такъ какъ до сихъ поръ вышелъ только первый томъ, и его небольшая книга, изданная позднѣе „Народы Африки" (Robert Hartmann, Die Völker Afrikas. Leipzig. 1879). Авторъ въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ задался основною мыслью разсмотрѣть вышеупомянутыя націи въ ихъ внутренней связи. По его мнѣнію, африканцы образуютъ собой неразрывное цѣлое, отдѣльные члены котораго состоятъ между собою въ связи при посредствѣ безчисленныхъ переходныхъ ступеней. При этомъ не только физическія особенности, но также нравы, обычаи, языкъ и т. д. служатъ для него ручательствомъ, что здѣсь не случайно сгруппировались другъ около друга довольно сродные элементы, и что африканскій материкъ сообразно своей ве-

личественной несложной природѣ и равномѣрному распространенію на необъятныхъ пространствахъ растительныхъ и животныхъ формъ, населенъ единой многочисленнй расой человѣческаго рода. Но само собою разумѣется, что необходимо отдѣлаться отъ извѣстныхъ устарѣлыхъ предразсудковъ и нарушить многія усвоенныя традиціи, чтобы поколебать застой, тяготѣющій надъ африканской этнологіей. Такъ, напримѣръ, пришлось бы воздержаться отъ новыхъ теорій семитскихъ переселеній, отстранить хамитовъ какъ нѣчто совершенно лишнее, ограничить кавказскій элементъ Европой и европейцами и относительно арійцевъ, не идти дальше клинообразныхъ надписей и отчасти индійцевъ. Но прежде всего нужно окончательно отрѣчься отъ принятаго въ наукѣ фантастическаго негра съ синевато - чернымъ цвѣтомъ кожи, толстымъ затылкомъ и рунообразными волосами. Нужно отыскивать и изучать африканца на его родинѣ, а для этого необходимо посылать въ Африку болѣе образованныхъ и научно подготовленныхъ путешественниковъ, нежели это дѣлолось не разъ въ послѣднее время.

Смѣлость, съ какою берлинскій профессоръ высказываетъ все это, врядъ ли можетъ удивить кого нибудь, кромѣ меня. Никто не станетъ отрицать, что требованіе изучать африканца на его родинѣ въ высшей степени справедливо, и, что въ доводахъ Гартмана заключаются многіе весьма важные намеки и задатки, изъ которыхъ можетъ выработаться новый этнологическій взглядъ. Но тѣмъ не менѣе врядъ ли кто рѣшится приложить руку къ разрушенію нынѣшняго зданія африканской этнологіи, которое до сихъ поръ воздвигалось съ такимъ трудомъ, не подвергнувъ тщательному изслѣдованію новыя идеи даже въ виду ихъ полемическаго характера. Здѣсь я ограничиваюсь одной Африкой и совершенно упускаю изъ виду все то, что̀ говоритъ Гартманъ о кавказцахъ, арійцахъ и туранцахъ, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ нашей прямой задачи. Такъ, напримѣръ, я считаю совершенно неумѣстнымъ съ его стороны поднимать вопросъ объ одностороннемъ сопоставленіи рѣзко разграниченныхъ „расовыхъ противоположностей“, потому что послѣдователямъ новаго этнологическаго взгляда, основаннаго на теоріи постепеннаго развитія, хорошо извѣстно, что подобныя рѣзко разграниченныя расовыя противоположности встрѣчаются въ исключительныхъ случаяхъ. Скорѣе бываетъ наоборотъ, что этническія границы стушевываются и различныя расы связаны между собою безконечными переходными формами. Здѣсь не сопоставляются расы, а ставятся на ряду одна возлѣ другой, и дѣло заключается не въ противоположности, а въ различіи, и эти два понятія не должны быть смѣшиваемы. Хотя каждая противоположность обусловлена различіемъ, но, тѣмъ не менѣе, каждое различіе ни въ какомъ случаѣ не составляетъ противоположности. Что же касается замѣчанія Гартмана, относительно „примѣненія устарѣвшихъ собира-

тельныхъ именъ къ народамъ, которые не могутъ быть даже насильственно подведены „подъ мѣрку доктринерскихъ взглядовъ“, то не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя собирательныя имена дѣйствительно употребляются и не всегда кстати. Но съ другой стороны мы должны принять во вниманіе, что для общаго обзора собирательныя имена абсолютно неизбѣжны въ каждой наукѣ, хотя въ природѣ вещей, что въ способѣ ихъ примѣненія въ болѣе широкомъ или тѣсномъ смыслѣ господствуетъ извѣстный произволъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторая неопредѣленность. Причина этого заключается въ томъ, что приходится по совершенно внѣшнимъ признакамъ обозначать собирательнымъ именемъ переходныя формы, которыя можно причислить на одинаковомъ основаніи то къ той, то къ другой группѣ. Но еще вопросъ дѣйствительно ли „устарѣли“ употребляемыя до сихъ поръ собирательныя имена и не будетъ ли замѣна ихъ новыми названіями „вливаніемъ стараго вина въ новые мѣхи“.

Если мы признаемъ африканцевъ за неразрывное этническое цѣлое, то съ перваго раза намъ будетъ крайне трудно отрѣшиться отъ мысли, что это—возвращеніе къ старому давно опровергнутому мнѣнію, по которому вся Африка считалась населенной одними неграми. Названіе не измѣняетъ сущности дѣла; если мы будемъ считать всѣхъ африканцевъ звеньями одной замкнутой цѣпи, то въ сущности для насъ будетъ безразлично по которому звену назвать цѣпь. Дѣйствительно нельзя отрицать тѣхъ удобствъ, какія представляетъ эта простѣйшая изъ всѣхъ системъ. Но такъ какъ терминъ „этническая“ относится къ народности, а не къ расѣ, и никто но сомнѣвается въ существованіи множества весьма различныхъ народовъ въ Африкѣ, то выраженіе, что африканцы представляютъ этническое цѣлое само по себѣ не имѣетъ достаточной точности. Здѣсь можетъ быть только вопросъ объ антропологическомъ цѣломъ, и это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что африканцы образуютъ собой только одну расу, вслѣдствіе чего homo niger Линнéя совершенно неожиданно опять вошелъ въ почетъ. По этой теоріи всевозможныя народности какъ бы они ни были различны по внѣшности, росту, образованію черепа, свойству волосъ, тѣлосложенію, способностямъ, направленію ума и образу жизни, собственно принадлежали бы къ одному и тому же племени, какъ напримѣръ: ловкій кабилъ Дшурдшура, некрасивый малорослый бушменъ, атлетическіе негры, іолофы Сенегамбіи, карлики Акка верхней области Нила, людоѣды ніамъ-ніамъ и монбутту, кроткіе буби у Фернандо По или робкій бакалахари южной пустыни, вѣчные странники бедуины Сахары и основатели своеобразныхъ культурныхъ государствъ центральной Африки: Борну, Бахирми, Сокото и т. д.; демократическія барea и кунама, населяющіе горную Абиссинію, и жители сосѣднихъ государствъ Ашанти и Дагоме, которые добровольно покоряются самому ужасному и кровожадному деспотизму. Но

такъ какъ безъ классификаціи не было бы никакой возможности оріентироваться среди этого пестраго смѣшенія людей, то Гартманъ допускаетъ нѣсколько этнологическихъ подраздѣленій, а именно три группы народовъ на сѣверъ отъ экватора, которыя отличаются извѣстными типическими признаками, хотя въ то же время они связаны между собой многочисленными переходными формами. Одно изъ этихъ подраздѣленій населяетъ сѣверную Африку отъ Чермнаго моря до Вади Нунъ и отъ Средиземнаго до южной окраины Сахары; это берберы, или имошагхъ, къ которымъ нужно причислить древнихъ египтянъ, затѣмъ мавровъ и нубійцевъ. Другое живетъ по берегамъ и въ горной Абиссиніи, и затѣмъ въ нѣкоторыхъ равнинахъ на югъ и на западъ отъ этой страны. Гартманъ обозначаетъ народы этого отдѣла собирательнымъ именемъ бедшагъ. Третье изъ этихъ подраздѣленій занимаетъ весь Суданъ и прочія области материка, которыя тянутся выше экватора и большихъ озеръ; это негры, которыхъ Гартманъ для болѣе рельефнаго опредѣленія называетъ „нигритійцами“. Къ нимъ принадлежатъ многочисленные народы распространенные во внутреннихъ частяхъ Африки, съ кожей окрашенной темнымъ пигментомъ, начиная отъ чернокоричневаго до сѣраго и синеваточернаго и волосами, хотя различными по длинѣ и строенію, но бо̀льшею частью рунообразными. Въ то время какъ черты лица берберовъ и бедшаговъ во̀ многихъ отношеніяхъ приближаются къ европейцамъ, они почти всегда приплюснутыя и тупыя у нигритійцевъ или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, негрообразныя. Наконецъ (по Гартману) къ этимъ же нигритійцамъ примыкаютъ на югѣ такъ называемые южноафриканскіе кафры или народы банту.

Но если мы сравнимъ преимущества и недостатки этой новой системы дѣленія народовъ съ той, какая существовала до сихъ поръ, то окажется, что первая произвела несравненно меньше перемѣнъ въ общей группировкѣ нынѣшнихъ африканцевъ, нежели можно было ожидать послѣ обѣщаннаго преобразованія всей африканской этнологіи. Въ южной Африкѣ старое общепринятое дѣленіе народовъ на банту или кафровъ и готтентотовъ остается нетронутымъ. Хотя Гартманъ, согласно съ Пешелемъ, признаетъ первыхъ за настоящихъ „нигритійцевъ“, но допускаетъ, что кафры въ нигритійской семьѣ представляютъ особую вѣтвь, и не считаетъ себя въ правѣ отрицать связи съ народами сѣверной и сѣверовосточной Африки, которую доказываютъ прежніе этнографы. Чтобы объяснить этотъ фактъ онъ допускаетъ существованіе общей родственной связи, нѣкогда соединявшей въ сѣверовосточной Африкѣ племена: бедшагъ, данакиль, сомаль, банту и др. Въ то время, какъ одни преимущественно устремились внутрь материка, народы банту направились больше къ югу. Слѣдовательно Гартманъ точно также, какъ и прежніе этнологи, предполагаетъ, что южные африканцы достигли своихъ нынѣшнихъ мѣстъ

жительства путемъ переселенія изъ общаго, болѣе сѣвернаго, первоначальнаго отечества. Но при этомъ онъ не приводитъ никакихъ побудительныхъ причинъ для подобнаго переселенія, потому что отвергаетъ существующее предположеніе, что туземцы были вытѣснены хамитами, которые переселялись сюда цѣлыми массами. Вслѣдствіе этого, по его мнѣнію, восточные африканцы—не переселившіеся хамиты, а туземцы Африки. Гартманъ не отрицаетъ того факта, что между народами бедшагъ (какъ онъ называетъ эту группу), часто встрѣчаются сирійско-арабскія физіономіи, но приписываетъ это случайности или скрещиванію съ сирійско-арабскими переселенцами. Впрочемъ названіе бедшагъ имѣетъ у него болѣе широкое значеніе, нежели у прежнихъ этнографовъ, потому что, по его мнѣнію, они распространены довольно далеко на западѣ въ области настоящихъ негровъ или „нигритійцевъ". Что же касается послѣднихъ, то область распространенія нигритійцевъ Гартмана почти совпадаетъ съ прежними суданскими неграми, и онъ равнымъ образомъ не признаетъ ихъ отличія отъ фуллаховъ. Наконецъ его группа берберовъ или туареговъ совершенно тождественна съ ливійской семьей африканскихъ хамитовъ Миллера съ тою разницей, что онъ причисляетъ къ ней древнихъ египтянъ, и не видитъ никакихъ проявленій хамитскаго характера у берберовъ, такъ какъ, по его мнѣнію, они природные африканцы, а не переселенцы. Какъ видно изъ вышесказаннаго сущность новаго ученія заключается въ томъ, что оно положительно не допускаетъ даже мысли о какихъ бы-то ни было переселеніяхъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что всѣ эти вопросы сводятся къ обычнымъ ученымъ препирательствамъ, которыя не имѣютъ никакого интереса для простыхъ смертныхъ. Но это не такъ въ дѣйствительности, потому что корень этой теоріи туземнаго происхожденія заключается во взглядѣ, который въ своихъ конечныхъ результатахъ имѣетъ большую практическую важность, что̀ я надѣюсь объяснить при дальнѣйшемъ изложеніи. Подъ такъ называемымъ единствомъ африканскихъ народовъ нужно понимать, какъ упомянуто выше, только расовое единство, и вообще я долженъ замѣтить, что изученіе книги Гартмана во всякомъ случаѣ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ потому и выбралъ терминъ „нигритійцы", чтобы подъ конецъ примѣнить его ко всѣмъ африканцамъ, такъ какъ названіе негръ и связанное съ нимъ специальное значеніе не соотвѣтствовало бы этой цѣли. Но если всѣ африканцы дѣйствительно составляютъ одну расу, то различія существующія между людьми на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ и въ центрѣ „черной" части свѣта представляютъ собою не расовыя особенности, а явленія исключительно обусловленныя внѣшними естественными условіями, какъ напримѣръ, климатомъ, строеніемъ почвы, положеніемъ горъ, раститель-

ностью и пр. Въ этихъ условіяхъ, а не въ расовыхъ особенностяхъ заключается причина того, что одна часть африканцевъ изувѣчена умственно и прозябаетъ почти въ дикомъ состояніи, между тѣмъ какъ другая достигла извѣстной образованости или даже, какъ древніе египтяне, дошла въ своемъ развитіи до богатой культурной жизни. Но тутъ невольно возникаетъ вопросъ: почему наиболѣе отсталые народы между африканцами при благопріятныхъ условіяхъ не сдѣлали въ культурѣ такихъ успѣховъ, какъ ихъ расовые собратья? Короче сказать, новое ученіе радикально измѣняетъ нашъ взглядъ на культурную способность нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ и прежде всего негровъ центральной Африки, которыхъ нравы до сихъ поръ, по отзывамъ наблюдателей, оказывались недоступными цивилизующимъ стремленіямъ европейцевъ. Вопросъ о культурной способности негровъ имѣетъ для насъ въ настоящее время тѣмъ бо̀льшее практическое значеніе, что отъ благопріятнаго разрѣшенія его главнымъ образомъ зависитъ открытіе экваторіальной Африки для нашей образованности, а равно и культурная обработка всей „черной“ части свѣта. Если негръ не вступитъ со временемъ въ кругъ цивилизаціи, то занятая имъ область никогда не составитъ самостоятельной части въ культурномъ развитіи земли.

До сихъ поръ думали, что собрано достаточно доказательствъ для подтвержденія того мнѣнія, что культурное развитіе народовъ не зависитъ исключительно отъ внѣшнихъ условій, но также получаетъ то или другое направленіе отъ прирожденныхъ расовыхъ наклонностей. Чѣмъ инымъ можно объяснить, спрашиваетъ д-ръ Хвольсонъ (Die semitischen Völker, Versuch einer Charakteristik. Berlin 1872), что различные народы одни за другими жили въ той же странѣ, но тѣмъ не менѣе проявляли себя совершено различно въ исторіи? Развѣ не отличаются какъ небо отъ земли египтяне временъ фараоновъ отъ магометанскихъ египтянъ нашего времени, древніе финикіяне отъ теперешнихъ сирійцевъ, обитатели Карѳагена отъ жителей нынѣшняго Туниса? Упадокъ новѣйшихъ испанцевъ приписываютъ тропическому климату страны, но почему же Испанія процвѣтала въ такой степени при арабахъ? Разрѣшеніе этого вопроса, говоритъ Хвольсонъ, заключается въ томъ, что только климатъ, свойство почвы и положеніе страны представляютъ собою лишь условія, вслѣдствіе которыхъ характеръ народа проявляется тѣмъ или другимъ способомъ; они придаютъ ему своеобразный отпечатокъ, но не создаютъ его (Chwolson a. a. O., s. 5). Не только единичные народы, но и отдѣльныя личности несомнѣнно различны по своимъ взглядамъ, понятіямъ, направленію ума, склонностямъ и поступкамъ, что́ мы имѣемъ случай наблюдать чуть ли не ежедневно. Прежній взглядъ,— что человѣкъ при рожденіи представляетъ собой tabula rasa, и что съ помощью воспитанія изъ него можно сдѣлать что̀ угодно,— давно отброшенъ

въ виду его полной несостоятельности. Главнымъ условіемъ является прирожденный характеръ человѣка, который до извѣстной степени можетъ быть смягченъ и измѣненъ; но ничто не можетъ создать или уничтожить его (Chwolson, a. a. O., s. 10). Народы состоятъ изъ отдѣльныхъ индивидовъ, и никто не станетъ отрицать, что всякій изъ нихъ имѣетъ свой особенный болѣе или менѣе рѣзко выраженный характеръ. Развѣ каждый народъ не представляетъ крупную коллективную индивидуальность! Каждая раса также состоитъ изъ различныхъ народныхъ индивидуальностей и нельзя оспаривать, что существуютъ извѣстныя характерныя черты, которыя свойственны цѣлымъ народнымъ группамъ и расамъ. Если поступки и проявленія одного народа иначе, нежели у другого, и, если у одного народа развилось совершенно иное направленіе умственныхъ способностей, нежели у другого и т. п., то это происходитъ отъ ихъ прирожденнаго характера, прирожденныхъ свойствъ и наклонностей. Характеръ націй, подобно характеру отдѣльныхъ индивидовъ, вообще отличается постоянствомъ, и мы видимъ, что главныя характерныя черты новѣйшихъ народовъ были свойственны ихъ предкамъ за тысячу, а иногда и за двѣ тысячи лѣтъ. Если же характеръ народа или расы въ главныхъ чертахъ остается неизмѣннымъ въ продолженіи столѣтій и даже тысячелѣтій, то отсюда прямой выводъ, что дѣйствія, направленіе ума и умственные продукты народовъ и расъ, короче сказать, ихъ культура опредѣляется присущими имъ характерными чертами и склонностями. То, что мы ежедневно замѣчаемъ на отдѣльныхъ индивидахъ, повторяется и на этническихъ единицахъ, и то, что̀ руководитъ судьбой отдѣльныхъ людей, опредѣляетъ также судьбу цѣлыхъ народныхъ группъ и расъ.

Быть можетъ меня упрекнутъ въ многословіи, но я считалъ необходимымъ распространиться относительно даннаго вопроса, потому что въ послѣднее время, повидимому въ связи съ ученіемъ Гартмана „о расовомъ единствѣ африканцевъ“ образовалась школа молодыхъ этнографовъ, которые не только не обращаютъ надлежащаго вниманія на вышеприведенные доводы, но даже отчасти отрицаютъ ихъ. До сихъ поръ на основаніи вышеупомянутыхъ соображеній, мы считали себя вправѣ смотрѣть на негровъ сравнительно съ нами, какъ на низшую расу и сообразно съ этимъ не возлагать на нихъ никакихъ особенныхъ ожиданій въ смыслѣ культуры. Но теперь намъ доказываютъ, что этотъ взглядъ совершенно ошибочный и что негръ въ физическомъ и умственномъ отношеніи стоитъ несравненно выше, нежели обыкновенно думаютъ. Нѣкоторые изъ членовъ нѣмецкой экспедиціи 1873—1876 года, изслѣдовавшей берегъ Лоанго въ западной Африкѣ, съ особеннымъ рвеніемъ распространяютъ эти негрофильскія идеи. Искренность ихъ убѣжденій не подлежитъ никакому сомнѣнію, и они окажутъ большую услугу наукѣ, если вполнѣ выскажутъ ихъ;

но тѣмъ не менѣе людямъ другого лагеря должно быть предоставлено право провѣрки ихъ мнѣній.

Всѣмъ извѣстенъ слѣдующій, хотя до сихъ поръ не объясненный этнологическій фактъ, что подобно тому, какъ соприкосновеніе цивилизованнаго народа съ варварскимъ неизмѣнно приводитъ къ культурной одичалости перваго, такъ и вполнѣ образованные люди доходятъ до такого же состоянія одичалости, если они обречены на сношенія съ одними дикарями. Можно привести цѣлую массу примѣровъ, когда европейскіе культурные люди доходили до такого нравственнаго упадка, что ничѣмъ не отличались отъ туземцевъ. Естественно, что степень этого упадка въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ культурной силы или слабости изолированнаго индивида; но что люди науки также не изъяты отъ подобнаго вліянія, то это доказываетъ примѣръ ботаника Элiе Бонплана, сопровождавшаго Александра Гумбольдта въ его путешествіи по Америкѣ. Этого рода факты всѣмъ извѣстны въ западной Африкѣ, гдѣ они встрѣчаются особенно часто. Такъ, напримѣръ, австрійскій оберъ-лейтенантъ Антонъ Люксъ во время своего пребыванія въ Кимбунду познакомился съ однимъ европейцемъ, который дошелъ до туземнаго поклоненія идоламъ. Долгое пребываніе между западными африканцами не осталось безъ извѣстнаго вліянія на многихъ членахъ нѣмецкой экспедиціи, какъ это видно изъ ихъ собственныхъ показаній. По свидѣтельству д-ра Гюссмана европеецъ только тогда можетъ безпристрастно судить о наружности негровъ, когда его собственная бѣлая кожа начинаетъ казаться ему неестественной и онъ находитъ страннымъ, что не всѣ люди одинаково одарены бархатистой, свѣжей на ощупь темной кожей. Подобное же отношеніе къ своей собственной бѣлой кожѣ проявляется и у талантливаго ботаника Германа Сойо, участвовавшаго въ экспедиціи. Эти господа и особенно послѣдній—извѣстные друзья негровъ и употребляютъ всѣ усилія, чтобы побороть дурное мнѣніе, которое составилось объ этой породѣ людей. Сойо превозноситъ умъ негра, прилежаніе, трудолюбіе, превосходныя свойства характера, такъ что вамъ кажется сномъ все то, что вы читали до сихъ поръ относительно тупоумія, лѣни, неопрятности, лживости и нечестности негровъ. Съ своей стороны я считаю долгомъ добавить, что было бы въ высшей степени утѣшительно, если бы всеобщій суровый приговоръ, произнесенный надъ неграми, былъ смягченъ на основаніи положительныхъ данныхъ; но тутъ невольно является вопросъ: достаточны ли наблюденія вышеназваннаго изслѣдователя, чтобы поколебать сужденіе, которое составилось о всей массѣ негритянской расы. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что упомянутые члены нѣмецкой экспедиціи, хотя и прожили три года въ Африкѣ, но раіонъ ихъ дѣятельности былъ настолько ограниченъ, что даже едва ли можно сказать, что они проникли въ глубь Африки. Такимъ образомъ они познако-

мились съ немногими береговыми племенами, которыя въ продолженіи столѣтій находились въ сношеніяхъ съ поселившимися среди нихъ бѣлыми. Совершенно иное говорятъ тѣ участники экспедиціи, которые познакомились съ чернокожими внутри материка, какъ д-ръ Оскаръ Ленцъ близъ Огоуэ и оберъ-лейтенантъ Люксъ, сопровождавшій д-ра Погге въ Кимбунду. Люксъ ставитъ въ упрекъ неграмъ ихъ жестокость, склонность къ воровству и праздности, страсть къ опустошенію, а также неопрятность, которую онъ считаетъ одной изъ причинъ рѣзкаго специфическаго запаха, свойственнаго неграмъ. Всѣ эти непривлекательныя качества, по его словамъ, даже не вознаграждаются у негровъ неоспоримымъ практическимъ смысломъ. То же самое говоритъ д-ръ Погге. Если же мы сопоставимъ наблюденія Люкса, Ленца и Погге съ тѣми, какія были сдѣланы Гюсфельдомъ и Сойо, то едва ли у кого нибудь явится желаніе отрѣшиться сразу отъ прежнихъ взглядовъ ради новаго ученія. Всѣ эти изслѣдователи даже не имѣли случая узнать настоящаго негра и, за исключеніемъ д-ра Ленца, постоянно вращались въ области народовъ банту, которые, какъ извѣстно, если не составляютъ особой расы, то всетаки должны считаться семьей, настолько рѣзко разграниченной отъ южныхъ негровъ, что наблюденія, сдѣланныя надъ банту, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть перенесены на настоящихъ негровъ. Собственно съ послѣдними сносился одинъ Станлей и, хотя по многимъ причинамъ я не придаю большаго значенія его свидѣтельству въ этомъ вопросѣ, но и десятая доля того, что̀ онъ говоритъ о нихъ, довольно поучительна для насъ.

Д-ръ Гюббе-Шлейденъ заявилъ себя какъ самый ревностный защитникъ культурной способности негровъ (Aethiopien, Studien über Westafrika. Hamburg. 1879). Сдѣланныя имъ наблюденія также собраны главнымъ образомъ во время его восемнадцатилѣтняго пребыванія въ экваторіальной Африкѣ и послужили основаніемъ для его попытки изслѣдовать великую указанную здѣсь задачу какъ въ ея теоретической, такъ и практической возможности. Онъ относится къ дѣлу съ объективностью, достойною всякаго уваженія и если ему удалось рѣшить вопросъ въ пользу негровъ, то съ его выводами еще можно согласиться. Говоря о культурной способности негровъ, онъ вовсе не считаетъ возможнымъ, чтобы они когда-либо достигли собственно нашей европейской культуры и прямо допускаетъ только развитіе свойствъ и наклонностей присущихъ ихъ расѣ. Культура также какъ люди и народы не представляетъ собою нѣчто однородное и одинаковое и поэтому въ противоположность защитникамъ космополитическаго культурнаго развитія я безусловно высказывалъ нѣсколько разъ мое непреложное убѣжденіе, что развитіе культуры ограничено извѣстными обширными раіонами земли. Образованность, подобно животной и растительной жизни материковъ и отдѣльныхъ странъ, бываетъ

различна и издавна свойственна той или другой мѣстности. Если она совершаетъ иногда особый круговоротъ, въ предѣлахъ намѣченныхъ ей природой, то историкъ культуры все-таки долженъ освоиться съ тою истиною, что поступилъ бы разумнѣе, если бы говорилъ о культурахъ, а не объ одной общей неопредѣленной культурѣ, такъ какъ подъ этимъ всегда подразумѣвается образованность какого-нибудь отдѣльнаго народа. Такимъ образомъ африканская культура никогда не будетъ европейской, говоритъ д-ръ Гюббе-Шлейденъ, и онъ совершенно правъ. Весьма возможно, что теперешняя цивилизація чернокожихъ со временемъ настолько возвысится, что они подобно китайцамъ, японцамъ и другимъ народамъ внесутъ свою долю въ общую культурную работу всего человѣчества. Что же касается практическаго способа достиженія этой цѣли, предлагаемаго авторомъ, то я не могу далѣе слѣдовать за нимъ, такъ какъ это заставило бы насъ перейти изъ области строгой этнологіи въ сферу государственной жизни и политической экономіи. Въ теоріи ни одинъ этнографъ не станетъ отрицать возможность подобнаго улучшенія. Но если мы не можемъ согласиться съ тѣми восхваленіями чернокожаго человѣка, которыя хотятъ ввести въ моду новѣйшіе негрофилы, то все-таки должны признать, что онъ далеко не стоитъ на такой низкой степени развитія, какъ думали прежде. Поэтому мы должны по примѣру Гергарда Рольфса, которому принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ, провѣрить болѣе строгимъ образомъ наши сужденія относительно негритянскаго племени и его способности къ развитію. Такимъ образомъ Пешель совершенно вѣрно оцѣнилъ состояніе нашихъ знаній въ этомъ вопросѣ и его слова не потеряютъ своего значенія и въ далекомъ будущемъ. „Если мы объявимъ негра неспособнымъ возвыситься до лучшихъ условій, говоритъ онъ, то это было бы чистымъ произволомъ; но въ то-же время, если мы припишемъ одной природѣ материка низкую степень его теперешней цивилизаціи, то это было бы равносильно полному отрицанію различія существующаго между прирожденными дарованіями человѣческихъ расъ“ (Peschel, Völkerkunde, s. 490).

НАРОДЫ СААНЪ ИЛИ БУШМЕНЫ.

Двѣ большія рѣзко отличныя другъ отъ друга туземныя расы населяютъ южно-африканскія земли: кафры и готтентоты, послѣдніе въ свою очередь составляютъ два различныхъ племени. Когда первые голландскіе колонисты, пустившіе корни въ Капской землѣ, встрѣтили туземцевъ этой благодатной мѣстности, то дали названіе готтентотовъ или бушменовъ обѣимъ, хотя сроднымъ, но уже въ то время враждебнымъ расамъ. Это названіе удержалось за ними въ Европѣ, но сами они называютъ себя khoikhoin „люди отъ людей" (т. е. первобытные люди), или прямо khoin „люди" (множественное число отъ формъ единственнаго числа khoikhoip, khoip) и саанъ (множественное отъ saap, sâp). Слово готтентоты, означаетъ „заики" и произошло отъ рѣзкихъ звуковъ языка кгоикгоиновъ, который одинъ изъ старыхъ нѣмецкихъ путешественниковъ сравниваетъ съ пѣтушинымъ крикомъ. Бушмены (по голландски bosjemans) означаетъ по весьма правдоподобному объясненію „лѣсныхъ людей", т. е. тѣхъ баснословныхъ существъ, которыхъ хотѣли было отождествить съ бродячимъ охотничьимъ народомъ саанъ. Они извѣстны у своихъ сосѣдей подъ различными именами: кафры называютъ ихъ аба-туа; у суто они извѣстны подъ именемъ „ба-роа" а у чуановъ они носятъ прозвище ма-кауту. Всѣ эти выраженія означаютъ въ переводѣ „люди вооруженные лукомъ", какъ ихъ прозвали кафры, которые не имѣютъ другого оружія, кромѣ копья и дубины. Бушмены состоятъ изъ множества ордъ и разсѣяны по песчанымъ и гористымъ частямъ внутренней Африки и вверхъ до Кунене и Замбезе; и вслѣдствіи недостатка въ необходимыхъ средствахъ къ пропитанію, находятся сравнительно съ готтентотами на низшей степени культуры. А. Меренскій, который въ качествѣ завѣдывающаго берлинской трансваальской миссіей, провелъ восемнадцать лѣтъ въ южной Америкѣ, признаетъ бушменовъ и готтентотовъ чуть-ли не самымъ интереснымъ изъ всѣхъ южно-африканскихъ племенъ; во всякомъ случаѣ они представляютъ много любопытнаго и загадочнаго въ тѣлосложеніи, языкѣ, нравахъ и образѣ жизни. Оба народа существенно отличаются отъ кафровъ и другихъ южныхъ африканцевъ. Бушмены и готтентоты ближе подходятъ другъ къ другу; по крайней мѣрѣ по цвѣту кожи и типу лица между ними существуетъ большое сходство. Равнымъ образомъ въ языкѣ этихъ двухъ народовъ — не смотря на незначительное и даже быть можетъ едва уловимое сходство — встрѣчаются крайне своеобразные прищелкивающіе звуки, въ миѳахъ и сагахъ обоихъ играютъ роль солнце, мѣсяцъ и звѣзды,

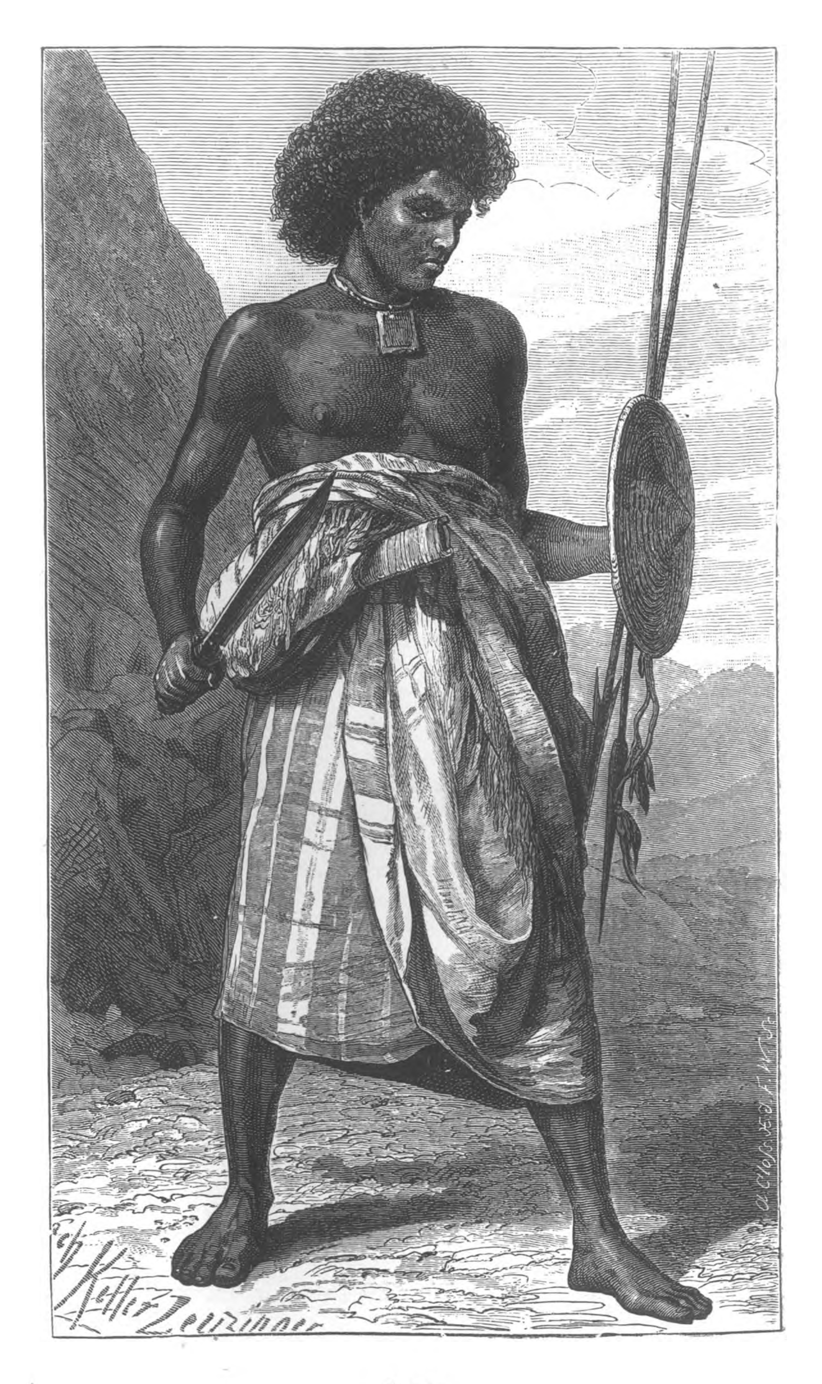
между тѣмъ, какъ въ сагахъ темнокожихъ африканцевъ нигдѣ не упоминается о небесныхъ свѣтилахъ. Тѣмъ не менѣе мы не должны отождествлять бушменовъ съ готтентотами (A. Merensky, Beiträge zur Kenntnis Südafrikas. Berlin, 1875 s. 64—65).

Мы прежде всего обратимся къ бушменамъ, составлявшимъ издавна особое народное племя, что всего лучше доказывается ихъ физическими свойствами, точнымъ изученіемъ которыхъ мы обязаны нѣмецкому ученому и путешественнику профессору Густаву Фричу (Die Eingebornen Südafrikas ethnographisch und anatomisch beschriben. Breslau 1872). Въ наружности бушменовъ особенно поражаетъ наблюдателя ихъ малый ростъ. Такъ, напримѣръ, средняя величина шести взрослыхъ мужчинъ изъ различныхъ мѣстностей доходила только до 144,4 сантиметр., между тѣмъ какъ то-же измѣреніе у пяти женщинъ въ среднемъ выводѣ дало 144,8. Незначительная разница въ ростѣ обоихъ половъ служитъ доказательствомъ, что тѣлосложеніе бушменовъ вообще осталось на сравнительно низкой степени и что полное развитіе человѣка сообразно задаткамъ присущимъ его организму можетъ быть доступно только подъ вліяніемъ культуры. Чѣмъ ниже степень культуры, говоритъ Фричъ, тѣмъ больше наружный видъ становится во многихъ отношеніяхъ звѣрообразнымъ, хотя разумѣется ни одинъ разумный человѣкъ не можетъ допустить, чтобы отъ этого уничтожились преграды отдѣляющія человѣка отъ обезьяны. Никто не отвергаетъ присутствія животнаго элемента въ человѣкѣ; и, если онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выступаетъ сильнѣе, вслѣдствіе недостаточной культуры его высшихъ способностей, то индивидъ всетаки остается человѣкообразнымъ животнымъ, т. е., человѣкомъ, не достигшимъ надлежащаго развитія. Но даже безъ всякаго внѣшняго толчка въ немъ проявляются многія характерныя особенности, указывающія на его принадлежность къ человѣческому роду, хотя бы отсутствіе культуры помѣшало его полному развитію. По мнѣнію Пешеля поразительно малый ростъ южныхъ бушменовъ можетъ быть объясненъ дурнымъ питаніемъ, такъ какъ англичанинъ Чапманъ встрѣтилъ болѣе рослыхъ субъектовъ къ сѣверу отъ озера Нгами при бо̀льшемъ изобиліи дичи, но Фричъ видитъ въ этомъ не болѣе, какъ недоразумѣніе. По его словамъ увеличенію роста бушмена главнымъ образомъ, способствуетъ та свобода, которой онъ пользуется въ Калагари и въ пустынныхъ пространствахъ около озера Нгами; здѣсь даже въ его манерахъ и походкѣ сказывается то высшее чувство собственнаго достоинства, которое свойственно всѣмъ племенамъ, живущимъ при условіяхъ неограниченной свободы (Zeitschrift für Ethnologie. Berlin. 1880, s. 298). Между тѣмъ въ недавнее время сдѣлано было любопытное открытіе, что въ центральной Африкѣ существуютъ такія же малорослыя человѣческія племена. Крапфъ сообщаетъ, что встрѣтилъ къ востоку отъ южнаго Нила малорослыхъ

коричневыхъ доко въ Сеннаарѣ; къ западу отъ большихъ озеръ внутренней Африки живутъ племена акка или тиккитикки открытыя Міани или Швейнфуртомъ; наконецъ на западномъ берегу подъ экваторомъ, американецъ Дюшаллью познакомился съ малорослыми бушменообразными обонго или абонго. Быть можетъ Швейнфуртъ совершенно правъ, признавая въ этихъ племенахъ разсѣянные остатки значительной первобытной африканской расы; съ этимъ мнѣ-

Чистокровный типичный бушменъ.

ніемъ соглашается также Густавъ Фричъ и считаетъ бушменовъ народомъ, который во всякомъ случаѣ остался почти одинаковымъ въ своемъ развитіи въ продолженіи тысячелѣтій (A. a. O. s. 300). По всѣмъ даннымъ бушмены представляютъ собой первобытныхъ обитателей Африки; они жили здѣсь прежде, чѣмъ сюда переселились кафры, племена чуановъ и даже, быть можетъ, прежде готтентотовъ. Во всякомъ случаѣ саанъ нѣкогда были болѣе распространены въ южной Африкѣ и занимали мѣстности населенныя въ настоящее время темнокоричневыми племенами. Теперь бушмены встрѣчаются только въ мѣстахъ, гдѣ они одни могутъ влачить свое жалкое существованіе и гдѣ ихъ не безпокоятъ готтентоты, кафры и бѣлые. Неизвѣстно какъ далеко распространены они на сѣверѣ, но не подле-



Сомали.

житъ сомнѣнію, что бушмены встрѣчаются между чуанами и даже внутри земель Конго.

Бушмены крайне типичны, какъ по внѣшнему виду, такъ и по строенію костей. Несмотря на отсутствіе культуры, скелетъ ихъ не особенно худощавъ и суставы не такъ тонки, какъ у сосѣднихъ кафровъ и кхоикхойновъ. Они также отличаются отъ нихъ формой черепа. Въ то время, какъ черепа кафровъ и кхоикхойновъ схожи между собой въ томъ отношеніи, что они длинны и высота ихъ незначительна, указатель ширины у бушменовъ доходитъ до 73,82, а указатель высоты наоборотъ достигаетъ всего 70,23, что для послѣдняго составляетъ минусъ въ 3,59, но все-таки значительно превышаетъ готтентотскій черепъ (1,71); что же касается частностей, то здѣсь они еще больше отличаются другъ отъ друга. Такъ, напримѣръ, профиль указываетъ на совершенно иное развитіе лицевой линіи, нежели у готтентотовъ, о которыхъ мы поговоримъ ниже. Лобъ не такой вертикальный и постепенно скошенный; надпереносье слегка выдается впередъ; приплюснутыя носовыя кости совсѣмъ сглажены въ верхней части, такъ что въ профиль видна только нижняя часть носа. Кромѣ того значительно выступаютъ отростки верхней челюсти, вслѣдствіи чего лицевая линія является изогнутой, между тѣмъ, какъ у готтентотовъ она поразительно плоская и почти приближается къ прямой. Нижняя челюсть равнымъ образомъ сильно отклонена назадъ.

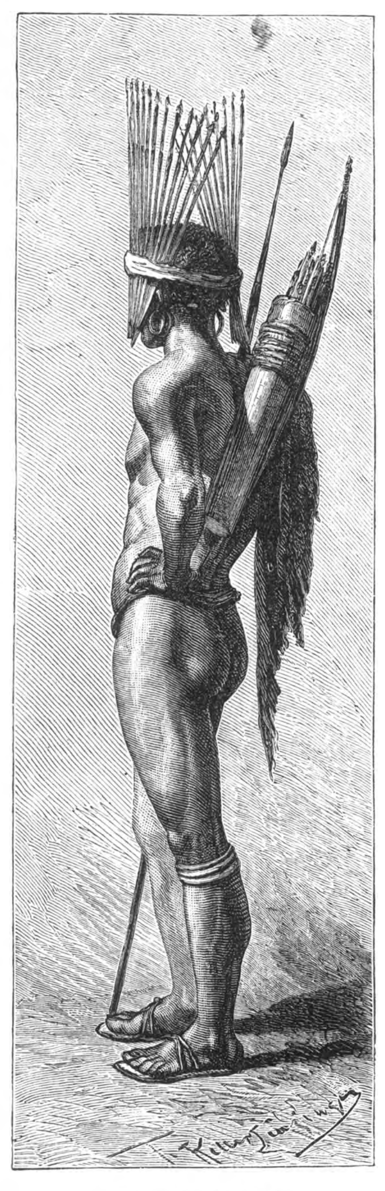
Небольшая высота изуродованнаго черепа, приплюснутаго сверху и замѣтно удлиненнаго кажется менѣе поразительной у бушменовъ, нежели у готтентотовъ вслѣдствіе округленной формы затылка, которая сглаживаетъ угловатость абриса. Ширина лица весьма значительная, равно и поперечные діаметры. Массивность, составляющая вообще преобладающее свойство въ строеніи костей бушменовъ, весьма замѣтна въ черепѣ и придаетъ ему компактный видъ, чему также способствуетъ сильное развитіе мышечныхъ придатковъ. „Лица всѣхъ видѣнныхъ мною бушменовъ, замѣчаетъ Фричъ, представляли одну особенность, которую можно признать за ихъ отличительную черту, тѣмъ болѣе, что лицо готтентота имѣетъ другой характеръ. Графически эта особенность можетъ быть выражена тѣмъ, что лицо бушмена спереди представляетъ прямой четыреугольникъ, а лицо готтентота—ромбоидъ. У перваго это происходитъ отъ значительной ширины лба и височной кости и выступа угла нижней челюсти при умѣренно развитомъ подбородкѣ; у втораго—отъ сильно съуженнаго лба, выступающихъ скуловыхъ костей и рѣзко обозначеннаго остраго подбородка“ (Fritsch. Drei Jahre in Südafrika. Breslau 1868 s. 295). Къ этому нужно еще прибавить слѣдующія черты: умѣренно отвороченныя губы и пропорціональный ротъ, исключая женскаго пола, у котораго послѣдній обыкновенно представляетъ нѣчто хоботообразное. Уши большія и уродливыя; на лицѣ съ наступленіемъ возмужалости появляются безчисленныя морщины, преимущественно на щекахъ, гдѣ временное хорошее питаніе особенно способствуетъ образованію складокъ на кожѣ. Вообще изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ бушмены отличаются наибольшимъ обиліемъ морщинъ (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1873, s. 62. 65).

Оба пола у бушменовъ мало отличаются по росту и наружному виду, и та же незначительная разница сказывается въ формѣ таза, такъ что съ перваго взгляда трудно рѣшить мужской ли это полъ или женскій. Если судить только по ширинѣ бедръ и положенію подвздошной кости, то легко принять мужской тазъ за женскій и только, взявъ въ разсчетъ сравнительно большіе размѣры малаго таза, можно замѣтить ошибку и убѣдиться, что это женскій тазъ. Оконечности равнымъ образомъ очень коротки, и этимъ бушмены существенно отличаются отъ готтентотовъ. Благодаря несоразмѣрно сильному тѣло-

сложенію, цифры получаемыя при измѣреніи ширины и объема ихъ тѣла, несмотря на незначительный ростъ, мало отличаются отъ тѣхъ, какія мы встрѣчаемъ у остальныхъ туземцевъ Южной Африки, и какія должны были бы получиться при надлежащемъ соотвѣтствіи съ длиной тѣла. Бушменки подобно готтентоткамъ склонны къ стеатопигіи; и д-ръ Винцентъ также приписываетъ имъ такъ называемый „готтентотскій передникъ", т. е. удлиненіе labia minora и praeputium clitoridis). Бушмены вообще худощавы и отличаются стройнымъ пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ, несмотря на весьма распространенное вздутіе нижней части живота, а также тонкими суставами и сухой морщинистой кожей, похожей на сафьянъ. Растительность волосъ на тѣлѣ крайне скудная; легкій налетъ волосъ на подбородкѣ замѣняетъ бороду. Г. Фричь считаетъ это явленіе сильнымъ аргументомъ противъ теоріи Дарвина, признающей „волосатаго первобытнаго человѣка", противъ чего многое можно возразить. Бушменъ мѣднокоричневаго цвѣта; но кожа его большею частью покрыта корой пыли пепельнаго цвѣта. Тѣмъ не менѣе, сравнительно съ неграми, цвѣтъ кожи бушменовъ чрезвычайно свѣтлый и, по свидѣтельству Блика, становится все бѣлѣе при хорошей пищѣ, уходѣ и цивилизованномъ образѣ жизни. Они имѣютъ короткіе курчавые и рунообразные волосы (если можно употребить здѣсь это выраженіе), на подобіе свертковъ какъ ихъ называетъ Фричъ. При этомъ бушменъ тщательно завиваетъ нѣсколько локоновъ, украшаетъ свои волосы перьями коршуновъ, втыкаетъ кости въ носъ и уши и восполняетъ сухость кожи, намазывая свои члены жиромъ, и дѣлаетъ это тѣмъ усерднѣе, чѣмъ онъ богаче. Маленькіе блуждающіе глаза бушменовъ, лежащіе глубоко въ впадинахъ, отличаются большимъ блескомъ; и вообще бушмены быстрѣе въ своихъ движеніяхъ, нежели готтентоты.

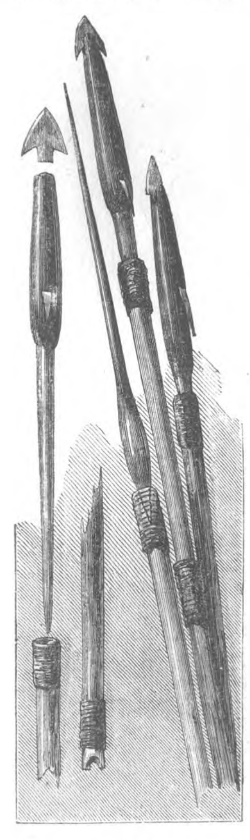
Если мы раздѣлимъ жителей южной Африки не по суммѣ ихъ способностей и наклонностей, а по суммѣ добытой ими культуры, то бушмены или сааны несомнѣнно займутъ послѣднее мѣсто. У бушмена нѣтъ ни дома, ни двора, ни отечества, нѣтъ ни какого скота, коровы или козы, которую онъ могъ бы назвать своею; все его имущество заключается въ собакѣ и мѣховомъ плащѣ, переполненномъ насѣкомыми. Подобно дикому звѣрю, рыщетъ онъ по полямъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ полуприрученныхъ собакъ. Въ сущности сааны по своему образу жизни напоминаютъ дичь преслѣдуемую охотниками; „матабеле" считаютъ ихъ такими-же свободными какъ птицы; а европейцы и кафры ведутъ съ ними борьбу, какъ съ хищными звѣрями. Бушмены вслѣдствіе своихъ разбоевъ издавна жили во враждѣ со своими сосѣдями; начиная съ прошлаго столѣтія, колонисты предпринимали противъ нихъ правильные походы съ цѣлью истребленія, что способствовало сильному уменьшенію ихъ числа. Незначительная часть бушменовъ, которую насильственно принудили къ осѣдлому образу жизни, смѣшалась съ готтентотами и другими цвѣтными людьми. Что же касается свободныхъ бушменовъ, то ихъ по справедливости можно назвать южноафриканскими цыганами, такъ какъ въ нихъ проявляется то же неудержимое стремленіе къ странствованію, при которомъ они не могутъ свыкнуться съ постояннымъ мѣстомъ жительства.

Бушменъ преимущественно устраиваетъ себѣ жилье подъ скалами (потому что онъ до сихъ поръ настоящій пещерный житель), также въ пустыхъ муравейникахъ, норахъ дикообраза и муравьеѣда; или же дѣлаетъ себѣ родъ гнѣзда въ кустарникѣ связывая надъ собою вѣтки. Здѣсь укрывается ночью цѣлая семья, а для защиты отъ дождя служатъ овчины. Даже зимой, при леденящемъ холодѣ горныхъ равнинъ у истоковъ рѣки Вааля они не строятъ себѣ хижинъ. Съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ въ данный моментъ прикрѣпляютъ къ палкамъ нѣсколько рогожъ, и за этой запавѣсью располагается на голой землѣ вся семья. Одни только бушмены живущіе на границѣ Капской земли строятъ себѣ дома около 1,30 м. высоты, имѣющіе видъ пчелиныхъ ульевъ. Они не имѣютъ почти никакого понятія о воздѣлываніи земли и употребляютъ въ видѣ единственнаго земледѣльческаго орудія круглый пробуравленный камень насаженный на остроконечную палку съ помощью котораго можно безъ особеннаго труда выкапывать коренья и луковицы. Вѣсъ камня, при нажиманіи сверху, способствуетъ тому, что остріе палки входитъ въ землю, а при выкапываніи кореньевъ, камень служитъ точкой опоры для рычага, роль котораго исполняетъ палка. Эти пробуравленные камни бушменовъ встрѣчаются на восточномъ берегу и дальше къ сѣверу, даже за тропикомъ. Одежда бушменовъ также проста какъ и ихъ жилище. Они ходятъ почти совсѣмъ нагіе, потому что нельзя считать одеждой клочекъ мѣха, шириною въ ладонь, прикрывающій его спереди и называемый „шакалъ" (вслѣдствіе того, что онъ обыкновенно дѣлается изъ шкуры шакала) или хвостообразный ремень привѣшенный сзади. Что же касается овчинъ и шкуръ другихъ звѣрей, то они едва доставляютъ бушмену необходимую защиту отъ непогоды. Если у него нѣтъ шубы, т. е плаща (kaross), сшитаго изъ звѣриныхъ шкуръ, то онъ нагрѣваетъ огнемъ землю въ длину своего тѣла, перемѣшиваетъ горячій песокъ съ холод-



Вооруженный бушменъ.

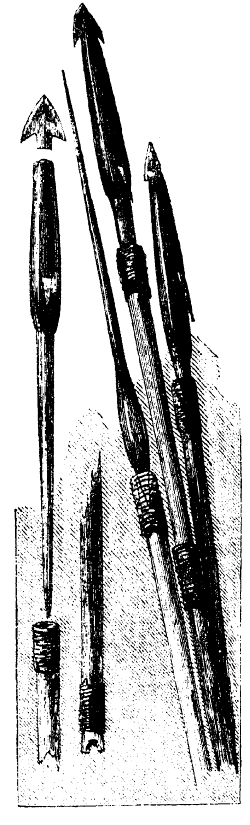
нымъ и зарывается въ него. Однако, несмотря на слабую потребность въ одеждѣ, неопрятный бушменъ тщеславенъ и любитъ наряжаться, придерживаясь при этомъ правила, что „грязь грѣетъ". Одежда женщинъ нѣсколько сложнѣе; онѣ прикрываютъ бедра шкурами и носятъ на рукахъ и ногахъ кольца, сдѣланныя изъ мѣди и желѣза, а также изъ кожи и высушенныхъ кишокъ. Татуировка не въ употребленіи, но западные карри-карри обыкновенно вдѣваютъ въ носовой хрящъ кусокъ дерева, вслѣдствіе чего они и получили свое названіе „neusstockdragers" (въ буквальномъ переводѣ носильщики носовыхъ палокъ). При этомъ само собою разумѣется, что пища бушменовъ не можетъ быть особенно изысканной. Дичина составляетъ ихъ первую и наиболѣе любимую пищу, но они также ѣдятъ все сколько-нибудь удобоваримое, какъ, напримѣръ, ящерицъ, змѣй, крысъ, мышей, а въ случаѣ голода употребляютъ и неудобоваримую пищу, но никогда не ѣдятъ человѣческаго мяса. Саанъ, повидимому, недостаточно цивилизованъ для подобнаго наслажденія. Изъ дичины онъ вырѣзаетъ кровяныя части и пожираетъ остальное. Онъ можетъ прожить отъ четырехъ до пяти дней безъ пищи, но при случаѣ съ избыткомъ вознаграждаетъ себя за такое воздержаніе; пятеро бушменовъ могутъ въ часъ съѣсть половину овцы, а въ нѣсколько часовъ цѣлаго „quagga" (животное сродное съ осломъ и зеброй). Вообще бушменъ отличается удивительнымъ здоровьемъ; не разъ было сдѣлано наблюденіе, что при обильномъ питаніи въ продолженіи двухъ или трехъ недѣль онъ замѣтно жирѣлъ; и тѣло его пріобрѣтало округленныя формы.



Наконечники отравленныхъ стрѣлъ (1/2 натур. велич.).

Бушменъ ѣстъ до пресыщенія, затѣмъ отдыхаетъ и только голодъ можетъ вновь побудить его къ дѣятельности. Если онъ не въ состояніи уничтожить сразу всю добычу, то прячетъ остатки и пожираетъ ихъ въ гниломъ видѣ. Въ случаѣ нужды онъ питается кореньями травъ, растущихъ на песчаной почвѣ его родины. Бушмены ловятъ дичь съ замѣчательнымъ искусствомъ при посредствѣ закрытыхъ ямъ, въ которыя втыкаютъ острыя отравленныя стрѣлы. Куропатокъ и цесарокъ они убиваютъ на лету или на бѣгу; между тѣмъ, какъ коршуны указываютъ имъ тѣ мѣста, гдѣ въ прошлую ночь львомъ была убита дичь и оставлены гигантскія мозговыя кости Bos elaphus, Bos Kafir и жирафъ, которыхъ не могли раздробить даже его челюсти. Что же касается львовъ, то бушмены не иначе нападаютъ на нихъ, какъ на спящихъ; при этомъ одинъ изъ охотниковъ внезапно набрасываетъ плащъ на голову звѣря, тогда какъ другой въ тотъ же моментъ пронзаетъ его животъ нѣсколькими ядовитыми стрѣлами. Равнымъ образомъ нельзя не удивляться тому остроумному способу, какимъ они вводятъ въ обманъ осторожнаго страуса съ помощью шкуры убитой птицы, которую они надѣваютъ на себя, чтобы разыграть въ совершенствѣ роль Struthio africanus. Какъ только переодѣтый такимъ способомъ страусъ приблизится къ своей добычѣ, то внезапно вонзаетъ ей въ сердце

нымъ и зарывается въ него. Однако, несмотря на слабую потребность въ одеждѣ, неопрятный бушменъ тщеславенъ и любитъ наряжаться, придерживаясь при этомъ правила, что „грязь грѣетъ“. Одежда женщинъ нѣсколько сложнѣе; онѣ прикрываютъ бедра шкурами и носятъ на рукахъ и ногахъ кольца, сдѣланныя изъ мѣди и желѣза, а также изъ кожи и высушенныхъ кишокъ. Татуировка не въ употребленіи, но западные карри-карри обыкновенно вдѣваютъ въ носовой хрящъ кусокъ дерева, вслѣдствіе чего они и получили свое названіе „neusstockdragers“ (въ буквальномъ переводѣ носильщики носовыхъ палокъ). При этомъ само собою разумѣется, что пища бушменовъ не можетъ быть особенно изысканной. Дичина составляетъ ихъ первую и наиболѣе любимую пищу, но они также ѣдятъ все сколько-нибудь удобоваримое, какъ, напримѣръ, ящерицъ, змѣй, крысъ, мышей, а въ случаѣ голода употребляютъ и неудобоваримую пищу, но никогда не ѣдятъ человѣческаго мяса. Саанъ, повидимому, недостаточно цивилизованъ для подобнаго наслажденія. Изъ дичины онъ вырѣзаетъ кровяныя части и пожираетъ остальное. Онъ можетъ прожить отъ четырехъ до пяти дней безъ пищи, но при случаѣ съ избыткомъ вознаграждаетъ себя за такое воздержаніе; пятеро бушменовъ могутъ въ часъ съѣсть половину овцы, а въ нѣсколько часовъ цѣлаго „quagga“ (животное сродное съ осломъ и зеброй). Вообще бушменъ отличается удивительнымъ здоровьемъ; не разъ было сдѣлано наблюденіе, что при обильномъ питаніи въ продолженіи двухъ или трехъ недѣль онъ замѣтно жирѣлъ; и тѣло его пріобрѣтало округленныя формы.


Наконечники отравленныхъ стрѣлъ (1/2 натур. велич.).

Бушменъ ѣстъ до пресыщенія, затѣмъ отдыхаетъ и только голодъ можетъ вновь побудить его къ дѣятельности. Если онъ не въ состояніи уничтожить сразу всю добычу, то прячетъ остатки и пожираетъ ихъ въ гниломъ видѣ. Въ случаѣ нужды онъ питается кореньями травъ, растущихъ на песчаной почвѣ его родины. Бушмены ловятъ дичь съ замѣчательнымъ искусствомъ при посредствѣ закрытыхъ ямъ, въ которыя втыкаютъ острыя отравленныя стрѣлы. Куропатокъ и цесарокъ они убиваютъ на лету или на бѣгу; между тѣмъ, какъ коршуны указываютъ имъ тѣ мѣста, гдѣ въ прошлую ночь львомъ была убита дичь и оставлены гигатскія мозговыя кости Bos elaphus, Bos Kafir и жирафъ, которыхъ не могли раздробить даже его челюсти. Что же касается львовъ, то бушмены не иначе нападаютъ на нихъ, какъ на спящихъ; при этомъ одинъ изъ охотниковъ внезапно набрасываетъ плащъ на голову звѣря, тогда какъ другой въ тотъ же моментъ пронзаетъ его животъ нѣсколькими ядовитыми стрѣлами. Равнымъ образомъ нельзя не удивляться тому остроумному способу, какимъ они вводятъ въ обманъ осторожнаго страуса съ помощью шкуры убитой птицы, которую они надѣваютъ на себя, чтобы разыграть въ совершенствѣ роль Struthio africanus. Какъ только переодѣтый такимъ способомъ страусъ приблизится къ своей добычѣ, то внезапно вонзаетъ ей въ сердце

свои ядовитыя стрѣлы. Затѣмъ сынъ пустыни, довольный своей судьбой, выщипываетъ лучшія перья, прячетъ ихъ въ камышевыхъ трубкахъ для предохраненія отъ моли и впослѣдствіи сбываетъ ихъ первому попавшемуся торговцу за водку, трутъ и огниво, или какую нибудь пеструю бездѣлушку. Мясо убитаго страуса тотчасъ же съѣдается на мѣстѣ. Бушмены, живущіе по близости воды, богатой рыбой, отличаются искуснымъ изготовленіемъ красивыхъ вершей и гарпуновъ изъ острыхъ костей, такъ что сравнительно они хорошо живутъ въ этой пустынѣ, гдѣ европеецъ навѣрно умеръ бы съ голоду. Но замѣчательно, что при этомъ, несмотря на примѣръ народовъ нгами, имъ никогда не приходило въ голову постройка плотовъ, а тѣмъ менѣе лодокъ. Также весьма немногое можно сказать объ ихъ утвари и оружіи. Они выказываютъ замѣчательное искусство въ вязаніи сѣтей, которыя они употребляютъ въ видѣ корзинъ для переноски тяжестей и мѣшковъ. Скорлупа страусовыхъ яицъ служитъ имъ въ видѣ сосудовъ для воды; съ этой же цѣлью пользуются они звѣриными шкурами. Хвостъ шакала, привязанный къ палкѣ, замѣняетъ бушмену носовой платокъ; онъ отгоняетъ имъ мухъ и вытираетъ потъ съ лица. Черепашные щитки, наполненные смолою діосмы, служатъ для него помадной банкой, которую онъ носитъ у пояса. Онъ большею частью покупаетъ глиняную посуду у сосѣднихъ племенъ, а равно и копья, которыя довольно часто встрѣчаются у него. Эти копья или такъ наз. „assagai" иногда снабжены крючками и замѣняютъ ему топоръ, пилу и кинжалъ; кромѣ того для той же цѣли служитъ ему острый кварцевый или кремневый осколокъ. Оружіе его, въ тѣсномъ значеніи этого слова, состоитъ изъ длинной дубины въ 30—45 сант.; „kiri" или палки съ твердымъ набалдашникомъ, величиною въ кулакъ, которая большею частью изготовляется изъ дерева жирафной акаціи; всего чаще изъ небольшаго лука въ 0,60—1 м. длины, сдѣланнаго изъ упругаго дерева, съ тетивой изъ кишокъ дикой кошки и, наконецъ, колчана изъ дерева алоэ съ зловѣщимъ пучкомъ 70—80 отравленныхъ стрѣлъ. Бушмены необыкновенно мѣтко стрѣляютъ ими, такъ что ихъ можно считать первыми мастерами въ этомъ искусствѣ. Длина стрѣлъ доходитъ до 60—90 сант., онѣ изготовляются изъ тростника или изъ одного вида твердаго ситника, весьма различны по величинѣ и намазаны болѣе или менѣе сильнымъ ядомъ. Для охоты употребляется слабый ядъ изготовляемый изъ сока одного луковичнаго растенія такъ наз. „bolletjes", а противъ непріятеля—крайне быстро дѣйствующій органическій ядъ „malkop". Послѣдній добывается изъ змѣй; при изготовленіи его бушмены принимаютъ различныя предосторожности. Чтобы придать этому яду воскообразный видъ, они смѣшиваютъ его съ сокомъ Euphorbia candelabra и затѣмъ уже намазываютъ имъ свои стрѣлы. Нерѣдко бушмены надрѣзываютъ стрѣлу у самаго острія съ коварною цѣлью, чтобы оно осталось въ ранѣ при выниманіи стрѣлы. Кромѣ того на мѣстѣ прикрѣпленія отравленнаго наконечника къ стрѣлѣ часто вкладываютъ тончайшую пластинку пера, пропитанную ядомъ, которая легко отстаетъ отъ стрѣлы при выниманіи послѣдней изъ раны, и тогда всѣ существующія лекарства оказываются напрасными. Обыкновенно готтентоты и колонисты при раненіяхъ прибѣгаютъ къ помощи спеціальныхъ знахарей, которые многихъ спасли отъ смерти своимъ обычнымъ средствомъ (уриной), употребляемой въ видѣ противоядія (Theophilus Hahn, im Globus, Bd. XVIII, S. 102—105).

Бушмены представляютъ собою неорганизованныя орды, живущія другъ около друга. Они почти не признаютъ никакой власти, а это само по себѣ служитъ указаніемъ, что и семейныя узы въ высшей степени слабы у нихъ, тѣмъ болѣе, что устройство африканскихъ племенъ вездѣ патріархальное, т. е. глава наиболѣе значительной

семьи есть одновременно и глава племени. По свидѣтельству Пешеля, (какъ и слѣдовало ожидать отъ него), между бушменами господствуетъ строгое цѣломудріе, несмотря на ихъ наготу; при этомъ онъ высоко ставитъ ихъ надъ безчисленными другими племенами, восхваляетъ за нѣжность, съ какой они ухаживаютъ за дѣвушкой, и говоритъ, что браки заключаются у нихъ не иначе, какъ по привязанности (Völkerkunde, s. 146). Но къ сожалѣнію почтенный ученый не подтверждаетъ этихъ положеній указаніями на какіе либо источники, между тѣмъ какъ Меренскій говоритъ самымъ положительнымъ образомъ, что у бушменовъ не существуетъ брака и семейныхъ узъ. Почти всѣ африканцы покупаютъ себѣ жену; плата за нее извѣстное число головъ скота; между тѣмъ бушменъ вовсе не имѣетъ скота и поэтому не можетъ заключать подобнаго брака. Хотя по нѣкоторымъ извѣстіямъ они пріобрѣтаютъ себѣ жену тѣмъ способомъ, что берутъ на себя обязательство сопровождать всюду ея родителей и снабжать ихъ дичью, но отсюда неизбѣжный выводъ, что во многихъ случаяхъ супружество можетъ длиться до тѣхъ поръ, пока молодой мужъ исполняетъ свое обѣщаніе (Merensky, Beiträge zur kenntnis Südafrikas, s. 68) Равнымъ образомъ Т. Ганъ уроженецъ Южной Африки и одинъ изъ наилучшихъ знатоковъ ея говоритъ, что семья бушмена основана на самыхъ примитивныхъ началахъ (Globus, Bd. XVIII, s. 122). Жена для него не болѣе какъ вьючное животное; кромѣ того ей приходится выносить дурное обращеніе, которое нерѣдко кончается для нея смертью. Ребенокъ сосетъ грудь матери; она съ нѣжностью заботится о немъ; хотя съ первыхъ же дней кормитъ его запыленными кореньями. Отецъ очень рано знакомитъ его со всѣмъ, что необходимо для его питанія, со способами добыванія пищи и т. п. Въ точности неизвѣстно существуютъ ли какія либо особыя церемоніи при переходѣ мальчика въ зрѣлый возрастъ; но въ это время юноша уже отыскиваетъ себѣ жену. Само собой разумѣется, что здоровые крѣпкіе мужчины пользуются своимъ превосходствомъ и выбираютъ себѣ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, между тѣмъ какъ болѣе слабые молодые субъекты нерѣдко должны довольствоваться пожилыми женщинами. Одинъ бушменъ увѣрялъ д-ра Гана, что изъ-за женщинъ и обладанія ими у нихъ часто происходятъ убійства и драки на смерть; но при этомъ заявилъ, что очень пріятно имѣть сношенія съ чужими женами. Также несомнѣнно и то, что старикъ ослабѣвшій отъ лѣтъ предоставляется своей участи, въ особенности, если орда собирается перейти на другое мѣсто или оказывается недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Въ виду всего этого понятно, что нравственное чувство бушмена слабо или даже вовсе не развито. Онъ похожъ на хищнаго звѣря по своему характеру и не въ состояніи понять, что нельзя допускать разбоевъ, воровства, нарушенія супружеской вѣрности, убійствъ и другихъ дикихъ проявленій чело-

вѣческой природы. Онъ лѣнивъ, жестокъ и способенъ на все дурное; но прирученный бушменъ очень цѣнится въ качествѣ слуги, такъ какъ вѣрнѣе, прилежнѣе и энергичнѣе готтентота, и особенно полезенъ какъ пастухъ и охотникъ; но при малѣйшемъ поводѣ онъ становится недовольнымъ и приходитъ въ дурное расположеніе духа. Неумѣренность и неопрятность его главные пороки.

У сaановъ подобно большинству дикихъ первобытныхъ народовъ умственныя способности несравненно болѣе развиты, нежели нравственные стимулы, которые одни облагороживаютъ человѣка и возвышаютъ его надъ животнымъ. Дѣйствительно бушмены въ умственномъ отношеніи одарены хорошими природными способностями; по словамъ Фрича „въ нихъ проявляется столько характерныхъ чертъ, что слѣдуетъ признать, что они вовсе не стоятъ ниже готтентотовъ и даже во многомъ превосходятъ ихъ" (Drei Jahre in Südafrika, s. 295). Между всѣми обитателями Южной Африки бушмены всего способнѣе къ музыкѣ; и только они одни украшаютъ свои жилища живописью. Мы позволяемъ себѣ видѣть въ этомъ новое доказательство того факта, что художественное чувство встрѣчается на самыхъ низкихъ ступеняхъ цивилизаціи и не можетъ служить мѣриломъ болѣе высокаго развитія культуры. Поэтому мы не раздѣляемъ удивленія гг. Пешеля, Фрича и другихъ относительно этихъ художественныхъ произведеній бушменовъ, и думаемъ, что мы скорѣе всего можемъ встрѣтить непосредственную любовь къ искусству въ его зачаточномъ видѣ у народовъ стоящихъ на самой низкой степени образованности, какъ напримѣръ, у австралійцевъ, бушменовъ и европейскихъ пещерныхъ жителей.

Бушменъ, какъ сказано выше, обладаетъ особенными музыкальными способностями; онъ постоянно аккомпанируетъ себѣ при танцахъ; скрипка его любимый инструментъ, который онъ замѣняетъ выдолбленной тыквой съ двумя натянутыми на ней струнами. Онъ извлекаетъ жалкіе звуки изъ этого первобытнаго самодѣльнаго инструмента, но тѣмъ не менѣе въ совершенствѣ повторяетъ всѣ мелодіи, какія ему приходится слышать. Въ голосѣ людей этой расы много металлическихъ нотъ, чѣмъ славится и церковное пѣніе готтентотскихъ миссіонерскихъ станцій въ Капской землѣ. Совмѣстно съ музыкальнымъ пониманіемъ проявляется у нихъ сильное пристрастіе къ пляскѣ. Естественно, что эта пляска особеннаго рода. Бушменъ, стоя твердо на одной ногѣ, дѣлаетъ другой ногой быстрыя неправильныя движенія, почти не сходя съ мѣста. При этомъ руки двигаются въ весьма незначительной степени. Танцоръ непрерывно поетъ и соблюдаетъ тактъ въ своихъ движеніяхъ. По временамъ онъ нагибаетъ туловище, затѣмъ внезапно выпрямляется, пока наконецъ не упадетъ на землю отъ изнеможенія, однако не перестаетъ пѣть и дѣлать разныя тѣлодвиженія, подъ тактъ пѣнія зрителей. Хотя одновременно никогда не бываетъ больше одного танцора, но тѣмъ не менѣе все общество занято, такъ какъ всѣ присутствующіе аккомпанируютъ пляску пѣніемъ и выбиваютъ тактъ легкимъ похлопываніемъ въ ладоши. Оба пола участвуютъ въ пѣніи, и хотя голоса различны по тону, но всегда образуютъ правильный аккордъ. Дѣвушки поютъ выше на пять или шесть тоновъ и очень скорымъ темпомъ. Для аккомпани-

мента служитъ барабанъ, состоящій изъ бамбуковаго или деревяннаго сосуда съ небольшимъ количествомъ воды, отверстіе котораго закрыто кускомъ сыраго, туго натянутаго пергамента. По этому инструменту бьютъ указательнымъ пальцемъ правой руки, между тѣмъ какъ мизинецъ и указательный палецъ лѣвой руки регулируютъ тактъ. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ плясовыхъ мелодій:

Зритель
Aye o aye o aye o ayeh eh aye o o o
Танцоръ
Wawa ku Wawa ku Wawa ku Wawa ku
Барабанъ
Зритель
Aye o aye o aye o aye o aye o o o
Танцоръ
Lok a tay Lok a tay Lok a tay
Барабанъ

Бушмены нерѣдко предаются пляскѣ съ такой страстью, что забываютъ всякую осторожность, и только тогда замѣчаютъ приближеніе опасности, когда становятся ея жертвой (Globus, Bd. XVIII, S. 120—122).

Бушмены, благодаря своей необыкновенной способности къ подражанію, могутъ не только передавать своимъ гибкимъ языкомъ голоса птицъ, но и копировать въ совершенствѣ движенія извѣстныхъ лицъ и животныхъ; но этотъ даръ проявляется и въ ихъ первобытныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Проф. Густавъ Фричъ находитъ, что напрасно смѣшиваютъ вышеупомянутую способность бушменовъ съ склонностью обезьянъ къ подражанію, такъ какъ у первыхъ нельзя отрицать разумнаго отношенія къ дѣлу и живой фантазіи, слѣдовательно чисто человѣческихъ свойствъ. (Drei Jahre in Südafrika, S. 98). Между тѣмъ подобное сопоставленіе вполнѣ законно, такъ какъ даръ подражанія собственно развитъ наиболѣе поразительнымъ образомъ у низшихъ расъ, всего ближе стоящихъ къ животнымъ, и значительно уменьшается или совершенно исчезаетъ на болѣе высокой степени цивилизаціи. Каменные гроты и пещеры бушменовъ, стѣны утесовъ въ Снѣговыхъ горахъ Драконоваго горнаго хребта, въ Капской землѣ до Оранжевой рѣки покрыты эскизами людей и животныхъ которые искусно выполнены коричневой, красной, бѣлой или черной краской или выцарапаны на темномъ фонѣ и отличаются болѣе правильнымъ и точнымъ рисункомъ нежели многія произведенія древней египетской или индійской живописи. Точно также поражаетъ насъ рѣзьба и скульптурныя украшенія доисторическихъ троглодитовъ Средней Европы, какъ по точности выполненія, такъ и по исторической правдѣ, которую мы напрасно будемъ искать въ художественныхъ произведеніяхъ начала среднихъ вѣковъ. Въ продолженіи многихъ столѣтій не найдено ничего равнаго по достоинству съ сѣвернымъ оленемъ Тэингерской пещеры. Въ сравненіи съ нимъ живопись бушменовъ—снимки которой приложены Фричемъ къ его сочиненію объ Южной Африкѣ, не представляетъ ничего необыкновеннаго. Въ Трансваалѣ на одной цѣпи небольшихъ холмовъ, состоявшихъ изъ сильно приподнятыхъ пластовъ прекраснаго сланца, А. Гюбнеръ нашелъ до 2—3 сотъ фигуръ, выгравированныхъ на камнѣ, которыя сдѣланы крайне грубо и имѣютъ видъ абрисовъ, но тѣмъ не менѣе показываютъ извѣстный навыкъ въ рисованіи (Zeitschrift für Ethnologie Berlin 1871. S. 51—53). Видно, что творцы ихъ при изображеніи формъ различныхъ животныхъ, хотя въ грубыхъ чертахъ, но тѣмъ не менѣе умѣли придать имъ такое сходство, что можно было узнать ихъ по характернымъ особенностямъ, свойственнымъ каждому изъ нихъ. Абрисы не представляютъ непрерывныхъ линій, но высѣчены въ видѣ небольшихъ дырочекъ, одна возлѣ другой и несомнѣнно какимъ

нибудь рѣзцообразнымъ инструментомъ. Означенныя этимъ способомъ рисунки также наполнены массой подобныхъ же дырочекъ, что можетъ быть признано за слабую попытку пластики. Въ смыслѣ техники можно отличить собственно живопись отъ работъ, высѣченныхъ на камнѣ. Фричъ нашелъ первобытныя произведенія искусства близъ Вѣтряной горы, изображающія различныхъ животныхъ, какъ напримѣръ, быка, собаку, страуса, павіана, различные легко отличимые виды антилопъ, квагга и др., а также людей-туземцевъ и европейцевъ (Globus, Bd. XVIII, S. 100). Георгъ В. Стоу отыскалъ даже изображенія сценъ охоты, пляски, битвъ и т. п., которыя даютъ наглядное понятіе о способѣ веденія войны, охоты и родѣ оружія. „Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, говоритъ онъ,—нельзя не удивляться той степени совершенства, какой достигли эти первобытные художники". Такъ напр., имъ найдены три вида живописи на различной высотѣ и такъ какъ самая верхняя была не моложе шестидесяти лѣтъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что нижняя была сравнительно очень древняя (Globus, Bd. XIX, S. 207). Туземный дикій народъ умѣлъ между прочимъ изготовлять краску, которая въ продолженіи многихъ столѣтій противостояла вліянію погоды (какъ въ Бандилэндѣ) и вѣроятно сохранилась бы еще долѣе, еслибы ее нарочно не уничтожали. Краски, употребляемыя въ пещерахъ, добывались изъ плотной охристой массы, которая встрѣчается въ Карру, въ нѣкоторыхъ пластахъ песчаника; онѣ различнаго цвѣта: желтаго, коричневаго и краснаго; человѣческія тѣла изображенныя въ пещерахъ всегда темношоколадныя (A. a. O.). Въ Бандилэндѣ найдены также ряды колецъ, крестовъ и голубыхъ черточекъ, которые, по мнѣнію Меренскаго, могутъ быть своего рода іероглифами; но это пока вопросъ не рѣшенный, равно и предположеніе, что многія другія живописныя изображенія на скалахъ имѣютъ миѳологическое значеніе (Beitrage zur Kenntnis Südafrikas, S. 73).

Наши свѣдѣнія о религіозныхъ представленіяхъ сааповъ крайне ограничены. Лихтенштейнъ отрицаетъ, чтобы у нихъ было какое либо понятіе о высшемъ существѣ, между тѣмъ какъ позднѣйшіе путешественники утверждаютъ будто бы сааны вѣрятъ въ женское и мужское божество; по свидѣтельству Меренскаго они признаютъ высшее существо, а именно „каганъ" или „каангъ". Во всякомъ случаѣ между ними встрѣчаются жрецы-магики, которые поддерживаютъ въ нихъ всевозможныя суевѣрія. Всѣ безъ исключенія носятъ ладонки, въ надеждѣ, что это предохранитъ ихъ отъ злыхъ духовъ и принесетъ имъ счастье въ предпріятіяхъ. Они играютъ въ кости съ цѣлью узнать волю духовъ. Нѣкоторыя племена относятся съ отвращеніемъ къ извѣстнымъ животнымъ и въ то же время вѣрятъ въ змѣеобразное существо, которое на нашемъ языкѣ можно было бы назвать василискомъ. Подобно другимъ мало развитымъ народамъ сааны отличаются тѣмъ, что считаютъ заколдованными или одержимыми духомъ художественныя и промышленныя произведенія европейцевъ, недоступныя для ихъ пониманія или даже прямо олицетворяютъ ихъ. Нерѣдко можно встрѣтить вѣрованіе, что человѣкъ существуетъ послѣ смерти, и, равнымъ образомъ поговорку, что „смерть есть ничто иное, какъ сонъ", а это само по себѣ указываетъ на вѣру въ загробную жизнь. Съ этимъ связано почитаніе мертвыхъ. Если бушменъ умираетъ среди своихъ соплеменниковъ, то его хоронятъ съ

извѣстными церемоніями. Голову покойника намазываютъ „buchu“, т. е. готтентотской помадой. Трупъ окуриваютъ и кладутъ бокомъ въ яму; затѣмъ орда поетъ хоромъ плачевную пѣсню. По свидѣтельству Фрича мертвеца опускаютъ въ могилу (для чего нерѣдко служитъ нора дикобраза) вмѣстѣ съ оружіемъ, которое онъ носилъ при жизни, его драгоцѣнностями и вещами ежедневнаго употребленія. Фричъ находилъ скелеты въ вытянутомъ положеніи, завернутые въ плащъ; руки были сложены различно и, повидимому, безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ. Надъ мертвецомъ ставятъ камни въ видѣ крыши, но не настолько тщательно, чтобы это могло помѣшать осыпанію земли. По окончаніи траурныхъ церемоній племя оставляетъ данную мѣстность на нѣсколько лѣтъ; и все это время, если кто заговоритъ объ умершемъ, то не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ и со слезами. Давидъ Ливингстонъ имѣлъ случай наблюдать, какъ сопровождавшіе его бушмены у одной могилы обратились къ умершему съ рѣчью и просили его ниспослать имъ счастливый путь (Livingstone, Missionary travels and researches in South Africa. London 1857. s. 165).

Между племенами сааповъ наиболѣе значительные гкхуаи въ сѣверной Капской колоніи, гнуза въ югозападныхъ частяхъ ея, такъ наз. Nasenstockträger (носящіе палки въ носу), въ западныхъ частяхъ пустыни Кари-кари, казарере и бабомантзу къ западу отъ озера Нгами. Языки этихъ племенъ, такъ какъ это дѣйствительно различные языки, а не діалекты, весьма разнообразны; количество существенно различныхъ идіомовъ соразмѣряется числомъ небольшихъ племенъ или обособленныхъ семействъ. Признанный фактъ, что племена, раздѣленныя одной рѣкой, абсолютно не въ состояніи понимать другъ друга; словарь одного языка по отношенію къ другому представляетъ въ корняхъ величайшія отклоненія. Мы не имѣемъ пока никакихъ указаній относительно того, какимъ способомъ образуются слова въ этихъ языкахъ, хотя все еще можно признать между ними извѣстное сродство. При этомъ бушменскіе языки не имѣютъ никакой связи съ готтентотскимъ или какимъ либо инымъ языкомъ Африки. Они отличаются отъ готтентотскаго болѣе грубымъ выговоромъ и за исключеніемъ немногихъ, обоюдно обмѣненныхъ словъ, не имѣютъ съ нимъ никакого сходства, кромѣ одинаково свойственныхъ обоимъ идіомамъ прищелкивающихъ звуковъ, которые производятся прикладываніемъ языка къ зубамъ и различнымъ мѣстамъ десенъ и быстрымъ удаленіемъ его. Европейцы употребляютъ одинъ изъ этихъ прищелкивающихъ звуковъ, чтобы выразить свое неудовольствіе; другой подобный же звукъ мы слышимъ у извощиковъ, когда они понукаютъ своихъ лошадей (Peschel, Volkerkunde, s. 458). Въ готтентотскомъ языкѣ три такихъ прищелкивающихъ звука; но бушмены употребляютъ ихъ еще чаще, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ ихъ

идіомовъ можно отличить до пяти звуковъ этого рода, въ другихъ шесть и семь, а въ иныхъ даже до восьми; при этомъ въ готтентотскомъ языкѣ они встрѣчаются только передъ гласными и гортанными, а въ бушменскомъ, кромѣ того, передъ губными. Такимъ образомъ, по мнѣнію Блика, фонетическія особенности готтентотскаго идіома слишкомъ преувеличены; между тѣмъ какъ постоянное прищелкиваніе, въ связи съ гнусливымъ и непріятнымъ выговоромъ, напоминающимъ полосканія рта придаетъ бушменскому языку или „саа“ сравнительно съ другими идіомами особенное неблагозвучіе и грубость. Онъ является совершенно изолированнымъ; большинство словъ односложные; каждый слогъ кончается одной изъ гласныхъ буквъ, которыхъ пять, или же носовымъ звукомъ. Его грамматическая система стоитъ на самой примитивной ступени, какую только можно себѣ представить. Глаголовъ не существуетъ вовсе, такъ что существительному только отчасти придается глагольное значеніе посредствомъ приставки мѣстоименныхъ корней. Имя существительное также настолько неразвито, что на немъ съ трудомъ можно выразить отношенія родительнаго падежа и множественное число; послѣднее съ помощью простѣйшаго изъ всѣхъ грамматическихъ способовъ, а именно удвоенія имени существительнаго. Изъ прилагательныхъ у нихъ всего два, выражающія „большой“ и „малый“ съ различными формами для единственнаго и множественнаго числа. Но всего первобытнѣе система чиселъ у бушменовъ: они буквально не могутъ досчитать до трехъ; и всѣ числа свыше двухъ выражаютъ словомъ „оайа“, что означаетъ въ переводѣ „много“. При этомъ прибѣгаютъ къ помощи пальцевъ; такъ напр. семь выражаютъ словомъ „оайа“ приподнимая одновременно семь пальцевъ руки. Подобной низкой степени образованія чиселъ не существуетъ даже въ австралійскихъ языкахъ, которые все-таки имѣютъ особыя названія, по крайней мѣрѣ, до трехъ или четырехъ (Fried. Müller, Grundriss der Sprachenurssenschaft, Bd. I Abth. II, s. 25—30). Т. Ганъ утверждаетъ, что гкхуаи могутъ считать до пяти (Globus, Bd. XVIII, s. 142).

ГОТТЕНТОТЫ ИЛИ КХОИКХОЙНЫ.

Отъ саановъ мы перейдемъ къ готтентотамъ или кхоикхойнамъ, которые хотя и ближе стоятъ къ нимъ, нежели къ кафрамъ или неграмъ, но тѣмъ не менѣе должны считаться особымъ племенемъ.

Повидимому этотъ народъ на своемъ собственномъ языкѣ не обозначаетъ себя никакимъ общимъ именемъ. Капскіе готтентоны называли себя кена, племя нама присвоило себѣ прозвище—коикоибы, племя коракхукеулы или тхукхеубы. Собственно готтентоты занимаютъ въ настоящее время западную часть южной оконечности Африки, приблизительно до 19° ю. ш. Въ былыя времена они совмѣстно съ бушменами представляли собой туземцевъ всей юго-западной Африки къ югу отъ двухъ рѣкъ; Замбезе и Кунене, какъ это видно съ одной стороны изъ слѣдовъ, сохранившихся внутри материка (а именно изъ многочисленныхъ могильныхъ насыпей, къ которымъ кафры не имѣютъ никакого отношенія), а съ другой по мѣсту распространенія вышеупомянутыхъ двухъ народовъ и ихъ вліянію на кафровъ.

Странствованіе готтентотской расы—вѣроятно вытѣсненной изъ своего первоначальнаго мѣста жительства натискомъ кафровъ, происходило съ сѣвера на югъ, пока она не остановилась на южной оконечности Африки, и затѣмъ принуждена была подняться съ юга на сѣверъ, вдоль западнаго побережья. Несомнѣнно, что готтентоты недавно водворились на западѣ и югѣ; это подтверждается не только ихъ преданіями, но и тѣмъ незначительнымъ вліяніемъ, какое они оказали на живущіе здѣсь кафрскіе народы (дама и чуаны). Между тѣмъ это вліяніе весьма значительно на восточномъ берегу; мѣстныя кафрскія племена переняли отъ готтентотовъ не только отдѣльныя черты нравовъ и учрежденія, но даже слова и звуки ихъ языка.

Въ настоящее время готтентоты въ смыслѣ расы и народности представляютъ собой не болѣе какъ жалкіе остатки. Когда европейскіе колонисты поселились на мысѣ Доброй Надежды, то они были ёще довольно многочисленны и распадались на цѣлый рядъ народовъ, отличныхъ другъ отъ друга по языку и нравамъ, изъ которыхъ каждый называлъ себя особымъ именемъ. Такъ напр. въ старыхъ актахъ и хроникахъ здѣшней голландской колоніи, а также въ старинныхъ описаніяхъ путешествій упоминается до двадцати племенъ, изъ которыхъ не осталось ни одного индивида. Они или уничтожены войнами съ кафрами и особенно съ поселившимися въ Каплендѣ колонистами голландскаго происхожденія (африканцами) или же исчезли вслѣдствіе скрещиванія съ всевозможными народами, привлеченными сюда европейцами. Въ настоящее время представителями готтентотской народности можно считать только два племени, а именно весьма мало смѣшанные нама (ошибочно наз. намакуа) *) и коча

*) Во многихъ географическихъ руководствахъ встрѣчаются названія намакуа, грикуа, корана. Между тѣмъ суффиксъ qua или gua означаетъ третье лицо Pluralis objectivus; слѣдовательно такія выраженія, какъ: тотъ или тѣ „namaqua“ или „griqua“ вмѣсто nama и gri настолько же непріятно поражаютъ слухъ знатока

съ сильною примѣсью кафрской и европейской крови. Что же касается племени гри, а равно и готтентотовъ живущихъ въ Капской колоніи, то они совершенно утратили свой типъ и національныя особенности и представляютъ собою метисовъ (basters), которые произошли отъ скрещиванія готтентотовъ и бѣлыхъ, а также рабовъ, вывезенныхъ изъ сѣверо-западной Африки и изъ острововъ Индійскаго океана. Они говорятъ на голландскомъ языкѣ, въ которомъ соединены самые разнообразные чуждые элементы (F. Müller, Allgem. Ethnogr. s. 94—95).

Между тѣмъ языкъ настоящихъ кхоикхойновъ крайне замѣчателенъ, такъ какъ онъ образуетъ самостоятельный идіомъ, не имѣющій никакого сродства ни съ однимъ африканскимъ или азіатскимъ языкомъ. Морфологически онъ долженъ быть причисленъ къ классу такъ называемыхъ приставочныхъ языковъ. Съ появленіемъ европейцевъ въ Каплендѣ изъ этого языка возникло нѣсколько діалектовъ; но изъ нихъ уцѣлѣло только два: нама и гкора.

Инвентарь звуковъ готтентотскаго языка заключается въ слѣдующемъ. Гласные суть: *a, i, u, e, o;* они всѣ бываютъ короткія и длинныя; эти же пять короткихъ гласныхъ, кромѣ того употребляются въ третьей, еще болѣе короткой, и вслѣдствіе этого видоизмѣненной формѣ. Двугласныя буквы суть: *au, ai, oi, ou, ui.* Они также какъ и гласныя могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ выговариваться въ носъ (подобные звуки встрѣчаются въ португальскомъ, французскомъ и швабскомъ языкахъ). Такимъ образомъ здѣсь можно насчитать до 30, а въ крайнемъ случаѣ до 40 гласныхъ звуковъ. Согласныя суть: *g, k (gh, kh), h, x; b, p, d, t, m, n, n, s, z, r (w).* Не достаетъ *f* и *l;* но вмѣсто этого являются почти единственные въ своемъ родѣ, такъ называемые готтентотскіе „прищелкивающіе звуки“, число которыхъ доходитъ до четырехъ. Первый изъ нихъ „напоминаетъ ударъ кнута и происходитъ отъ прикладыванія языка къ задней сторонѣ нёба и отщелкиванія его при втягиваніи воздуха“. Второй, „дѣлаетъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы, вытягиваютъ пробку изъ бутылки, и происходитъ отъ нажиманія языкомъ верхней части нёба“. Третій, „похожъ на возгласъ сожалѣнія и образуется вслѣдствіе прикладыванія языка къ переднимъ зубамъ“. Четвертый, „соотвѣтствуетъ звуку, которымъ понукаютъ лошадей, и происходитъ отъ нажиманія языкомъ внутренней стороны щекъ. Эти четыре звука являются только въ началѣ слова и не иначе, какъ передъ гласными и гортанными *(k, p, kh, gh, n).* Но какимъ образомъ можно въ произношеніи непосредственно перейти отъ „инспирирующихъ“ звуковъ къ „экспиратурнымъ“,—это составляетъ не разрѣшимую загадку для тѣхъ, которые сами никогда не слыхали готтентотскаго говора. Тѣмъ не менѣе Т. Ганъ, сынъ миссіонера, выросшій среди одного готтентотскаго племени, утверждаетъ, что онъ также легко произноситъ прищелкивающіе звуки, какъ и всѣ остальные. Говорятъ, будто бы подобные же „прищелкивающіе“ звуки подмѣчены у обезьянъ зоологическихъ садовъ, изъ чего можно было бы сдѣлать выводъ, что этого рода звуки готтентотскаго языка

готтентоскаго языка, насколько образованному человѣку было бы странно слышать вмѣсто „этотъ римлянинъ“ слово „этотъ римляне“. То же можно сказать и о суффиксѣ па въ „кочапа“, который оказывается совсѣмъ лишнимъ. Прищелкивающіе звуки мы обозначаемъ чрезъ г.

составляютъ прямое наслѣдіе того времени, когда человѣкъ находился еще въ непосредственномъ сродствѣ съ своими первоначальными предками. Въ дѣйствительности для лицъ незнакомыхъ съ языкомъ эти „прищелкивающіе" звуки имѣютъ нѣчто звѣрообразное, съ чѣмъ согласенъ и Т. Ганъ (Hahn, Die Sprache der Nama. Leipzig, 1870, s. 5). Само собою разумѣется, что онъ самъ (a. a. O. s. 17), и другіе не разъ пытались опровергнуть этотъ взглядъ; между тѣмъ какъ Адольфъ Бакмейстеръ съ этою же цѣлью указываетъ на тотъ фактъ, что звуки языка или семьи языковъ подвержены медленному, но постоянному измѣненію. „По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, относительно нашихъ арійскихъ языковъ, положительно извѣстно благодаря исторіи, что многіе изъ ихъ нынѣшнихъ, отчасти крайне сложныхъ звуковъ (напримѣръ, славянскіе языки), произошли изъ первоначальныхъ простѣйшихъ звуковъ. Мы видимъ теперь, какъ далеки другъ отъ друга: англійскій, французскій и чешскій языки, сколько затрудненій представляетъ ихъ произношеніе, и какъ тяжело иностранцу говорить на нихъ въ такомъ же совершенствѣ, какъ природному жителю данныхъ странъ. Но если прослѣдить эти идіомы въ прошлыхъ временахъ, изъ столѣтія въ столѣтія, то окажется, что чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ болѣе они подходятъ другъ къ другу, и подконецъ, сливаются въ одинъ простѣйшій первоначальный языкъ, что доказывается не столько историческими сколько лингвистическими фактами. Развѣ мы не вправѣ прійти къ тому выводу, что крайне неустойчивая и непостоянная фонетика языка могла измѣниться и въ другихъ семьяхъ языковъ въ продолженіи тысячелѣтій. Развѣ не основный законъ, что съ теченіемъ времени измѣняется все существующее" (Ausland, 1871, s. 341—342). Разумѣется отвѣчу я, но въ весьма неодинаковой степени. Почтенный физіологъ, увлеченный своимъ анти-Дарвиновскимъ рвеніемъ упустилъ изъ виду, что арійскіе народы достигли такого развитія культуры, какъ ни одна изъ другихъ расъ; и что перемѣны языка, какъ всѣмъ извѣстно, идутъ рука объ руку съ прогрессивнымъ измѣненіемъ нравовъ; или другими словами: чѣмъ успѣшнѣе культура какого нибудь народа, тѣмъ быстрѣе измѣняется его языкъ. Что же касается готтентотовъ, то мы вообще не можемъ указать никакихъ особенныхъ произведеній его культуры, и считаемъ совершенно произвольнымъ предположеніе Бакмейстера будто бы эта раса пережила лучшую болѣе цивилизованную эпоху. Скорѣе можно утверждать противное, а именно, что готтентоты, несчетное количество столѣтій тому назадъ, были совсѣмъ такими же, какими ихъ нашли первые европейцы, посѣтившіе Южную Африку. Относительно ихъ ближайшихъ родичей—бушменовъ, у которыхъ, какъ мы видѣли выше, имѣется еще бо́льшее число прищелкивающихъ звуковъ, профессоръ Густавъ Фричъ пришелъ къ весьма важному заключенію, что ихъ нужно считать первоначальными и древнѣйшими обитателями материка. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ этотъ великій знатокъ Южной Африки—составляютъ ли они туземное населеніе, или постепенно распространились здѣсь изъ сосѣднихъ странъ,—мы все таки должны признать тотъ фактъ, что втеченіи тысячелѣтій они почти не измѣнились въ своемъ развитіи" (Zeitschr. f. Ethnologie. Berlin, 1880 s. 300). Отсюда можно прійти къ достовѣрному выводу, что въ это время языкъ приблизительно оставался однимъ и тѣмъ же. Поэтому мы ни въ какомъ случаѣ не ошибемся, если будемъ считать нынѣшніе прищелкивающіе звуки языка бушменовъ и готтентотовъ уцѣлѣвшими остатками той отдаленной эпохи, когда „первобытный" человѣкъ дифференцировался отъ своихъ звѣриныхъ предковъ. Даже Мартинъ Гаугъ различаетъ въ готтентотскомъ языкѣ два элемента: изъ нихъ одинъ крайне грубый, почти звѣроподобный, остатки котораго представляютъ собою прищелкивающія звуки" (Korresp.—Bl. d. deutsch. Gesellsch. f. Anthrop. 1872, s. 30).

Въ видѣ опроверженія противъ этого взгляда обыкновенно указываютъ на

сложное строеніе готтентотскаго языка. Дѣйствительно грамматика этого діалекта отличается чрезмѣрнымъ обиліемъ формъ. Корни готтентотскихъ словъ односложные, подобно большинству языковъ, и при этомъ двоякаго рода: существительные или мѣстоименные для указанія отношеній. Послѣдніе прибавляются къ первымъ для образованія слова; при этомъ первые также могутъ складываться между собой, хотя ни одно готтентотское слово немыслимо безъ прибавки элемента указывающаго отношенія. Мѣстоимѣнія составляютъ живой элементъ языка и самую выдающуюся особенность готтентотскаго мышленія и разговора; они имѣютъ три рода и три числа (единственное и двойственное и множественное). При этомъ недостаточно различаются лица, число и родъ, и замѣтна бѣдность формы, которая не говоритъ въ пользу умственнаго развитія готтентотовъ и должна служить поводомъ къ многимъ недоразумѣніямъ. Повидимому эта бѣдность переходитъ въ другую крайность, когда къ мѣстоименнымъ корнямъ прибавляются мѣстоименные суффиксы. Обозначеніе рода и числа производится не формальнымъ а чисто предметнымъ способомъ, что ясно вытекаетъ изъ рѣзкаго различія ихъ показателей. Готтентотское мѣстоимѣніе или, вѣрнѣе сказать сами готтентоты не въ состояніи провести различіе грамматическаго рода и числа, такъ какъ то и другое постоянно сливается у нихъ при образованіи новыхъ формъ. Готтентотъ можетъ сказать (въ видѣ исключенія) „Я“ но не „Мы“; и говоритъ обыкновенно „Мы мужчины“, „Мы женщины“, „Мы вещи“. Между прочимъ онъ никогда не скажетъ „Ты“, а всегда: Ты=онъ, Ты=она, Ты оно и т. д. Въ данномъ случаѣ ему не достаетъ понятія о самостоятельномъ значеніи лица. Но такъ какъ онъ всегда одновременно измѣняетъ родъ и число, и даже никогда не раздѣляетъ ихъ, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ не имѣетъ чистаго отвлеченнаго представленія о родѣ и числѣ, и никогда не имѣлъ его; или же это представленіе заглушено избыткомъ формъ. Готтентотъ прибавляетъ эти же мѣстоименные суффиксы къ имени существительному для одновременнаго обозначенія числа и падежа; но и тутъ вышеупомянутыя неудобства даютъ себя чувствовать. Для склоненій не достаетъ падежей, которые выражаются особыми словами. Глаголъ равнымъ образомъ составляется съ помощью приставки или прибавки мѣстоименій; онъ имѣетъ до шести временъ, и пять наклоненій; кромѣ того ясно различаютъ: страдательный глаголъ, возвратный, взаимный и т. п. Формы времени выражаются съ помощью прибавки суффиксовъ, а также повидимому и наклоненія; но въ данномъ случаѣ суффиксы являются въ видѣ глагольныхъ корней съ самостоятельнымъ значеніемъ. Однако несмотря на все это, мы не имѣемъ ни одного готтентотскаго спряженія ни даже собственно глагола, а только „аглютинированные“ первообразные корни склеенные между собой чисто внѣшнимъ способомъ. Слѣдовательно въ готтентотскомъ языкѣ нѣтъ рѣзкаго разграниченія между именемъ и глаголомъ, такъ какъ глагольныя формы большею частью представляютъ по своему образованію ничто иное какъ нарицательныя (Fr. Müller, Grundriss der Sprachwissenschaft, Bd. I. Abth. II s. 1—25). Хотя готтентотъ, какъ сказано выше, не имѣетъ понятія о грамматическихъ числахъ въ строгомъ значеніи этого слова, но мы должны сдѣлать относительно его оговорку, что онъ считаетъ свыше пяти, имѣетъ своего рода десятичную систему, доходитъ въ счетѣ до цифры ста, которую называетъ „большимъ десяткомъ“. Такимъ образомъ, готтентотскій языкъ представляетъ приблизительно слѣдующія особенности: главнымъ матеріаломъ служитъ для него извѣстное число корней, до сихъ поръ преимущественно односложныхъ, безъ строгаго раздѣленія ихъ на существительные и глагольные. Это, какъ бы единственные зачатки дальнѣйшаго развитія корня до такъ называемой основы. Между тѣмъ время, наклоненіе, существительное, прилагательное и нарѣчіе образуются съ помощью суффиксовъ, т. е. первоначальныхъ самостоятельныхъ корней, значеніе которыхъ большею частью

утрачено въ настоящее время. Грамматическій родъ и число различаются только для виду и внѣшнимъ образомъ при посредствѣ весьма сильно развитой системы мѣстоименныхъ суффиксовъ. Эти мѣстоименія по словамъ Фр. Миллера, „образуютъ корни и основу грамматическихъ формъ готтентотскаго языка; въ нихъ собственно заключается жизненная сила его лингвистическаго прогресса. Они приводятъ въ движеніе весь тяжелый механизмъ того языка и придаютъ ему видъ законнаго организма. Но въ сущности онъ представляетъ въ цѣломъ одну агглютинацію, такъ какъ форма здѣсь совершенно отсутствуетъ“ (Reise der östers. Fregatte Novara, Linguistischer Theil, s. 15).

Мартинъ Гаугъ находитъ въ готтентотскомъ языкѣ рядомъ съ вышеупомянутымъ грубымъ элементомъ болѣе утонченный и высшій, „который могъ войти въ него только вслѣдствіе соприкосновенія съ болѣе цивилизованнымъ народомъ и долженъ былъ способствовать смягченію дикаго элемента. Пока вопросъ нерѣшенный: были ли это египтяне и дѣйствительно-ли сроденъ готтентотскій языкъ съ ихъ языкомъ, такъ какъ въ его грамматикѣ очевидно встрѣчаются многія точки соприкосновенія съ грамматикой египтянъ“ (Korresp. Bl. d. deutsch. Gesellsch. f. Anthrop. 1872, s. 31). Нѣкоторые филологи держатся того взгляда, что готтентотскій языкъ представляетъ сходство съ древнимъ египетскимъ языкомъ; и между прочимъ Липсіусъ, который по этому поводу создалъ даже особую невѣроятную теорію смѣшенія языковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что они пришли къ этому въ высшей степени странному взгляду, вслѣдствіе сходства нѣкоторыхъ мѣстоименныхъ элементовъ (преимущественно третьяго лица). Между тѣмъ изъ работъ Фридриха Миллера, относящихся къ этому предмету, можно убѣдиться насколько неправдоподобно такое предположеніе съ лингвистической точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что строеніе готтентотскаго идіома отличается отъ египетскаго, какъ небо отъ земли. Пешель за одно съ Фридрихомъ Миллеромъ возстаетъ противъ гипотезы Липсіуса и, возражая Мартину Гаугу, замѣчаетъ, что „ему не слѣдовало бы упускать изъ виду, что языки могутъ также сдѣлаться болѣе утонченными вслѣдствіе соприкосновенія съ такими народами, которые совершенно напрасно получили прозвище дикихъ“. (Volkerkunde, s. 459). Мы привели выше нѣкоторыя подробности, касающіяся тонкостей готтентотскаго языка, которые во всякомъ случаѣ не настолько поразительны, чтобы объяснять ихъ вліяніемъ чуждой высокоцивилизованной народности; и въ сущности гораздо болѣе подходятъ къ дѣсткому состоянію народнаго духа, при которомъ частности стоятъ на первомъ планѣ. Пешель, принимая во вниманіе, что „многіе слишкомъ требовательные антропологи ставили въ упрекъ древнимъ народнымъ племенамъ, что въ ихъ языкахъ не существуетъ выраженій для отвлеченныхъ идей“,—указываетъ на существованіе слова khoi-si-s, у готтентововъ, стоявшихъ нѣкогда на самой низкой степени развитія, которое въ буквальномъ переводѣ означаетъ „человѣ-

вѣчность" (A. a. O.). Но при этомъ Пешель совсѣмъ упускаетъ изъ виду, что „человѣчность" на готтентотскомъ языкѣ ни въ какомъ случаѣ не означаетъ „человѣколюбія" и слѣдовательно изъ этого слова нельзя заключать о существованіи соотвѣтствующаго понятія. Мы приведемъ слѣдующій примѣръ, чтобы указать готтентотскій ходъ мысли. Изъ khoi (корень отъ человѣка) производятъ слова:

khoi-b, человѣкъ онъ=человѣкъ (мужчина),

khoi-s, человѣкъ она=женщина,

khoi-si, человѣкъ это=человѣчно,

khoi-si-s, человѣкъ это она=человѣчность,

khoi-si-ga, человѣкъ это есть=быть ласковымъ,

khoi si-ga-gu, человѣкъ это есть взаимно, т. е. человѣчнымъ быть взаимно, что означаетъ=жениться, бракъ (Hahn, Die Sprache der Nama, s. 25).

Но такъ какъ готтентотскій языкъ не можетъ выразить неопредѣленнаго существительнаго (какъ напр. лошадь, ребенокъ на нашемъ языкѣ), и всякое имя,—если оно не представляетъ собою сказуемаго въ третьемъ лицѣ,—должно быть снабжено признаками лица, рода и числа, то изъ этого слѣдуетъ, что при подобномъ строго индивидуализирующемъ строеніи языка заранѣе отрѣзанъ путь къ образованію отвлеченныхъ понятій (Müller, Grundriss der Spachwiss. A. a. O. s. 2—3). Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ языкахъ низшаго разряда встрѣчаются слова для выраженія отвлеченныхъ понятій; но при этомъ необходимо изслѣдовать въ точности дѣйствительно-ли это отвлеченныя идеи въ нашемъ смыслѣ или онѣ только кажутся такими. Равнымъ образомъ насъ не должно вводить въ заблужденіе мнимое высокое развитіе, которое мы встрѣчаемъ въ грамматикѣ многихъ первобытныхъ народовъ. Во-первыхъ, эта высота развитія нерѣдко кажущаяся, какъ напр. у готтентотовъ; во-вторыхъ, она не имѣетъ никакого отношенія къ культурѣ, потому что самая сложная грамматика встрѣчается не у высшихъ цивилизованныхъ народовъ, а скорѣе всего у низшихъ; и можно почти считать правиломъ, что съ возрастающей образованностью народа грамматика его стремится къ упрощенію. Такъ напр. въ кругу арійскихъ народовъ, приводимыхъ Бакмейстеромъ, стоитъ сравнить простую грамматику англійскаго языка съ несравненно болѣе сложной русской грамматикой. Но помимо обычной ссылки на грамматику въ нашихъ глазахъ гораздо больше значенія имѣетъ богатство словаря, насколько онъ служитъ выраженіемъ наличной суммы понятій. Это одно даетъ намъ право выводить заключеніе о степени умственнаго развитія народа, или другими словами, языкъ съ бѣднымъ словаремъ и болѣе обильными грамматическими формами составляетъ принадлежность народа стоящаго на несравненно низшей степени культуры, нежели языкъ съ богатымъ словаремъ и простѣйшей грамматикой.

На этомъ основаніи я не могу согласиться съ Пешелемъ, который высказываетъ слѣдующее положеніе: „кто въ состояніи оцѣнить высокое развитіе ихъ языка и тотъ фактъ, что готтентоты легко изучаютъ чужіе языки и превосходно владѣютъ ими; кто имѣлъ случай видѣть образцы Рейнеке Фуксъ представленные фонъ Бликомъ и удивлялся ихъ умѣнію приспособить къ африканскимъ понятіямъ животный эпосъ чуждаго происхожденія,—тотъ не только не позволитъ себѣ причислять кгоикгойновъ къ низшимъ человѣческимъ расамъ, но даже признаетъ за ними возможно почетное мѣсто среди полукультурныхъ народовъ" (Völkerkunde, s. 452). Если мы пересмотримъ списокъ народовъ, которыхъ привыкли считать низшими человѣческими племенами, и возьмемъ для сравненія описанія новѣйшихъ этнологовъ, то увидимъ, что послѣдніе усердно защищаютъ каждый изъ этихъ народовъ въ отдѣльности и ни подъ какимъ видомъ не хотятъ признать его за низшій. Между тѣмъ почтенные этнологи—употребляя всѣ усилія, чтобы поставить каждый народъ въ отдѣльности на высшую ступень, наиболѣе отдаленную отъ первобытнаго состоянія,—не считаютъ нужнымъ указать намъ, которое же племя собственно самое некультурное по ихъ мнѣнію, хотя ясно, какъ день, что одно изъ нихъ, при какихъ бы-то ни было условіяхъ, должно быть ниже всѣхъ остальныхъ. Разумѣется, съ тѣхъ поръ, какъ мы ближе познакомились съ бушменами, никто больше не припишетъ готтентотамъ этой печальной роли. Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ всѣхъ цвѣтныхъ племенъ они достигли наибольшей цивилизаціи въ Капской колоніи, но при этомъ утратили свою національность и чистоту расы. Что же касается чистокровныхъ кгоикгойновъ, то мы можемъ только сказать въ похвалу имъ, что они гораздо дальше распространили свои странствованія, сдѣлали успѣхи въ скотоводствѣ и выработали извѣстнаго рода грубыя религіозныя представленія. Относительно физическаго развитія они отличаются отъ бушменовъ болѣе высокимъ ростомъ, стройнымъ тѣлосложеніемъ, болѣе узкимъ лицомъ при сильно выступающихъ скулахъ, черепомъ угловатымъ сзади и съуженнымъ въ передней части, меньшимъ прогнатизмомъ и въ заключеніе болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи съ пепельнымъ оттѣнкомъ. Но въ этомъ собственно и заключается все различіе. Мы не считаемъ себя въ правѣ отвести кгоикгойнамъ высшую ступень между полукультурными народами, какъ желаетъ Пешель, тѣмъ болѣе, что приводимые имъ доводы слишкомъ недостаточны. Чтобы не возвращаться къ старому, я обойду молчаніемъ вопросъ о такъ называемомъ высокомъ развитіи языка, и замѣчу только по поводу таланта кгоикгойновъ къ изученію чужихъ идіомовъ, что это довольно обычное явленіе у первобытныхъ народовъ, такъ какъ въ основѣ его лежитъ свойственный имъ даръ къ подражанію. Даже среди насъ нерѣдко иной поверхностный умъ легко и преимуще-

ственно усвоиваетъ говоръ чужихъ народовъ, между тѣмъ какъ другой напрасно мучится надъ этимъ, несмотря на выдающіяся способности во всемъ остальномъ. Мы можемъ собственно составить себѣ понятіе объ умственномъ развитіи готтентотскаго народа по его пѣснямъ и баснямъ о звѣряхъ. Вильгельмъ Бликъ познакомилъ насъ со многими изъ послѣднихъ (въ Reynard the Fox in South Africa, or Hottentot Fables and Tales. London 1864). Лиса является здѣсь въ довольно широкомъ значеніи; это не общегерманскій почтенный Рейнеке, а шакалъ, который замѣняетъ лису, какъ въ восточныхъ и индійскихъ, такъ и въ африканскихъ сказкахъ. Многія изъ этихъ „жилъ былъ“ очевидно представляютъ собою заимствованіе, другія ничто иное какъ передѣлка библейскихъ разсказовъ, перешедшихъ въ народъ черезъ миссіонеровъ; наконецъ нѣкоторые повидимому носятъ національный характеръ.

По мнѣнію Блика слѣдуетъ отличать четыре діалекта готтентотскаго языка: нама, кора, восточный и капскій діалектъ. Соотвѣтственно этому лингвистическому дѣленію различаютъ въ этнографическомъ отношеніи четыре семьи кгоикгойновъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія обозначаются общимъ именемъ колоніальныхъ готтентотовъ, такъ какъ ихъ трудно отдѣлить другъ отъ друга. Они живутъ въ Каплендѣ и отсюда далѣе къ востоку до границъ земли каффровъ. Мы уже говорили выше, что капскіе готтентоты не должны болѣе считаться чистокровными представителями своего народа. Кора равнымъ образомъ представляютъ собой жалкіе остатки подвергшіеся болѣе или менѣе сильному европейскому или каффрскому вліянію, изъ которыхъ единичныя группы до сихъ поръ сохранили извѣстную независимость. Въ былыя времена правый берегъ Оранжевой рѣки служилъ для нихъ главнымъ мѣстомъ жительства; но теперь мы встрѣчаемъ ихъ у верхняго теченія и особенно вдоль Вааля и рѣки Гартъ. Хотя перерожденіе этихъ племенъ не особенно сильно, но все-таки они переняли многое чуждое имъ отъ колонистовъ и чуана. Если бы можно было по уцѣлѣвшимъ остаткамъ кора вывести заключеніе объ ихъ первоначальныхъ свойствахъ, то мы должны были бы принять, что они никогда не отличались такими типичными признаками готтентотовъ, какъ ихъ колоніальная отрасль или нама. Въ настоящее время можно различить два основныхъ типа: Одинъ изъ нихъ очевидно болѣе первобытный, представители котораго не только средняго, но даже иногда довольно высокаго роста, съ угловатой костлявой фигурой, сильнымъ тѣлосложеніемъ и, преимущественно, готтентотскими чертами лица. Другой типъ поразительно малорослый, дурно сложенный, худощавый съ крайне неправильнымъ, нерѣдко четырехъугольнымъ абрисомъ лица. Цвѣтъ кожи вообще немного темнѣе, нежели у остальныхъ кгоикгойновъ. Настоящими готтентотами можно считать однихъ нама, которые распространены

въ юго-западной Африкѣ, между тропикомъ Козерога и нижнимъ теченіемъ Оранжевой рѣки. Ихъ область граничитъ съ запада Атлантическимъ океаномъ, а съ востока пустыней Калагари.

Что касается наружности кгоикгойновъ, то они принадлежатъ къ самымъ безобразнымъ человѣческимъ племенамъ. Окраска кожи замѣтно свѣтлѣе, нежели у сосѣднихъ каффровъ и напоминаетъ юфть. Равнымъ образомъ поразительная одутловатость, отличающая послѣднихъ, не такъ замѣтна у кгоикгойновъ. Волоса ихъ еще больше всклочены нежели у каффровъ; растительность бороды скудная. Ростъ готтентотовъ вообще ниже, нежели у европейцевъ, и доходитъ среднимъ числомъ до 1,50—1,65 м. Мужчины, а именно въ преклонныхъ лѣтахъ, весьма худощавы, и полнота встрѣчается только въ видѣ исключенія у индивидовъ чистокровной расы. Хотя женщины у каффровъ достаточно некрасивы, но готтентотки несравненно безобразнѣе ихъ. Если къ этому прибавить отвратительный запахъ, который распространяютъ вокругъ себя готтентоты, вслѣдствіе чего они получили прозвище „черныхъ вонючихъ собакъ", отъ первыхъ голландскихъ колонистовъ, то необходимо признать, что бѣлый долженъ имѣть слишкомъ сильное влеченіе къ прекрасному полу, чтобы избрать себѣ супругу въ этомъ племени. Тѣмъ не менѣе съ давнихъ временъ супружескія связи бѣлыхъ съ готтентотками встрѣчались довольно часто; и даже многіе миссіонеры проповѣдывали христіанство язычникамъ съ библіей въ одной рукѣ и съ готтентотской женой въ другой. Этому отталкивающему безобразію много способствуетъ замѣчательная склонность женскаго пола къ ожиренію. Послѣдній отличается по тѣлосложенію отъ мужскаго во многихъ существенныхъ признакахъ. Такъ, напр., у женщинъ сравнительно съ мужчинами, по крайней мѣрѣ, въ молодости, въ меньшей степени выступаютъ неправильности роста, угловатость и худощавость фигуры. Взрослая женщина большею частью отличается болѣе полными формами: шея и затылокъ пропорціональные; руки стройныя и умѣренно округлены и, въ связи съ изящными оконечностями, нерѣдко могутъ быть названы безусловно красивыми. Развитіе груди ближе подходитъ къ европейскимъ женщинамъ, нежели къ каффрскимъ; но рядомъ съ этимъ у готтентотокъ, даже не особенно толстыхъ, встрѣчается стеатопигія или своеобразное развитіе жировыхъ массъ, которыми онѣ отличаются отъ другихъ расъ. Стеатопигія состоитъ главнымъ образомъ изъ простой гипертрофіи подкожнаго жироваго слоя на извѣстныхъ частяхъ тѣла преимущественно надъ сѣдалищными мышцами, а также по бокамъ бедра и на внѣшней сторонѣ ляшки. Гипертрофированныя части образуютъ слои рыхлаго жира такъ слабо прикрѣпленнаго и проросшаго соединительной тканью, что даже при умѣренномъ движеніи индивида происходитъ значительное дрожаніе и колебаніе этихъ частей. Такое необыкновенное развитіе сѣдалища зависитъ не только отъ отложенія жира на ягодицахъ, но также большею частью отъ положенія таза, который вслѣдствіе сильнаго наклоненія неизбѣжно обусловливаетъ выступленіе крестцовой кости. Подобный объемистый задъ считается красотой, мѣриломъ которой въ глазахъ готтентота вообще служитъ круглая, жирная и мясистая форма. Ганъ имѣлъ не разъ случай наблюдать, что въ пору года, наиболѣе обильную молокомъ и дичью, сѣдалища мальчиковъ достигали баснословныхъ размѣровъ по нашимъ европейскимъ понятіямъ, и находитъ аналогію между этой частью тѣла у готтентотовъ и курдюками ихъ барановъ (Globus, Bd. XII, s. 332); та же мысль невольно пришла въ голову г. Веберу (Vier Jahre in Africa. Leipzig 1878. Bd. I s. 174). Другая особенность кгоикгойнскихъ женщинъ пріобрѣла положительную извѣстность въ анатомическомъ отношеніи, а именно такъ называемый „готтентотскій передникъ". Это ничто иное какъ удлиненіе Labia minora, ко-

торыя достигаютъ до 10—15 сант.; у женщинъ они грязно-синеватаго цвѣта и походятъ на мясистыя лопасти подъ клювомъ индійскаго пѣтуха. Лушка и Гёрцъ нашли у одной изслѣдованной ими бушменской женщины то же уродство, что и у готтентотокъ. Labia majora въ данномъ случаѣ представляли двѣ совершенно плоскія опухоли безъ малѣйшаго слѣда Rima pudendi и Commissur'ы. Но такъ какъ вообще въ развитомъ состояніи Labia majora остаются въ томъ же зачаточномъ видѣ, то здѣсь нѣтъ никакого основанія предполагать искусственнаго уродованія, а скорѣе это естественное и какъ бы прирожденное безобразіе. Тѣмъ не менѣе многіе изслѣдователи утверждаютъ, что „готтентотскій передникъ“ не природный недостатокъ, а происходитъ искусственно, посредствомъ произвольнаго удлиненія Labia minora. Фричъ, повидимому, склоненъ считать это послѣдствіемъ порока онанизма, чрезвычайно распространеннаго у этихъ народовъ. Если въ продолженіи тысячелѣтій дѣйствительно происходило произвольное удлиненіе Labia minora къ ущербу объема Labia majora, и затѣмъ мало по малу природное удлиненіе этого органа сдѣлалось у населенія обычнымъ явленіемъ, какъ думаетъ и Фридрихъ Миллеръ—то во всякомъ случаѣ это доказательство перенесенія искусственнаго уродованія на потомковъ упомянутыхъ народовъ весьма важно, въ смыслѣ подтвержденія ученія Дарвина о происхожденіи видовъ и расъ путемъ наслѣдственности и естественнаго подбора (H. Ploss, Das Kind, Bd. I s. 303).

Характеръ скелета готтентотовъ представляетъ общія черты нецивилизованнаго народа: кости длинныя и тонкія, но при этомъ плотныя и упругія. Мышечные придатки рѣзко обозначены въ женскомъ скелетѣ, но мало выступаютъ впередъ. Черепъ готтентота продолговатый, при сравнительно незначительной высотѣ, и „по своему строенію отличается отъ череповъ всѣхъ другихъ народовъ“. Указатель ширины череповъ, измѣренныхъ и срисованныхъ Фричемъ, доходитъ въ діаметрѣ до 72,71; указатель высоты до 71,0. Такимъ образомъ здѣсь получается минусъ высоты 1,71. Готтентотскіе черепа менѣе массивны, нежели каффрскіе; несмотря на нѣкоторую угловатость, части ихъ представляютъ ровные и изящные абрисы. Линія лица плоская, такъ какъ большею частью глазничныя дуги сравнительно слабо развиты, выемка носа незначительна; а слабыя носовыя части совмѣстно съ соотвѣтствующими отростками верхней челюсти мало выпуклы. Прогнатизмъ проявляется нѣсколько сильнѣе, нежели у каффровъ, вслѣдствіе выступа восходящихъ отростковъ и скошенности верхней челюсти. Равнымъ образомъ заслуживаетъ вниманія ясно обозначенный острый подбородокъ, между тѣмъ какъ нижняя челюсть отходитъ назадъ и ея задняя вертикальная вѣтвь очень коротка.

Всего труднѣе опредѣлить типъ таза у кгоикгойновъ, такъ какъ индивидуальныя колебанія исключаютъ возможность всякаго рѣзкаго разграниченія. При этомъ мы ни въ какомъ случаѣ не встрѣчаемъ здѣсь выдающихся особенностей одного типа, такъ что не подлежитъ сомнѣнію, что изъ группы кгоикгойновъ едва ли можно указать многихъ субъектовъ, совершенно одинаковаго тѣлосложенія. Фактъ этотъ можетъ служить подтвержденіемъ той истины, что человѣческое тѣло при некультурныхъ условіяхъ жизни, не можетъ достигнуть законченнаго типичнаго развитія. Въ данномъ случаѣ характерно только положеніе таза.

Оконечности плохо сформированы. Локтевыя кости поразительно тонки, но Фричъ не замѣтилъ, чтобы онѣ были несоразмѣрной длины сравнительно съ плечевыми. Бедра мало выступаютъ впередъ; ляшки и ноги крайне худощавы; но у женщинъ замѣтно болѣе значительное округленіе этихъ частей, между тѣмъ какъ у мужчинъ вслѣдствіе худобы рѣзко обозначены суставы. Оконечности рукъ и ногъ малы, пальцы костлявы, нога вообще слишкомъ плоская.

Нама и кора, хотя во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ готтенто-

товъ колоніи, но тѣмъ не менѣе сходны съ ними въ главныхъ чертахъ и могутъ быть только до извѣстной степени отдѣлены отъ нихъ. Фричъ причисляетъ къ кгоикгойнамъ племя гри. Подобно тому какъ бергдама между а-банту—говоритъ онъ—такъ и гри среди кгоикгойновъ, представляютъ народъ не принаддежащій ни къ какой расѣ и только заимствовавшій свое имя отъ господствующаго племени; хотя исторія послѣднихъ во всякомъ случаѣ не покрыта такой непроницаемой тайной, какъ у первыхъ. Оба племени сходны въ томъ, что нынѣшніе гри, равно какъ и бергдама обязаны своимъ теперешнимъ состояніемъ вліянію европейской цивилизаціи на туземцевъ Южной Африки, и представляютъ собою примѣръ своеобразнаго фазиса развитія, который нерѣдко проявляется при подобныхъ условіяхъ. Настоящіе гри по своему тѣлосложенію представляютъ большею частью помѣсь готтентотовъ и бушменовъ; они всѣ небольшаго роста, съ желтовато-коричневымъ цвѣтомъ кожи, имѣютъ короткіе рунообразные волосы, и широкія выступающія скулы. Метисы колонистовъ и туземцевь замѣтно отличаются отъ первоначальныхъ гри, и съ гордостью величаютъ себя „бастардами". Между тѣмъ на обыкновенномъ житейскомъ языкѣ, особенно у англичанъ, которые не отличаются точностью въ этнологическихъ терминахъ, бастардовъ нерѣдко обозначаютъ именемъ гри, что, разумѣется, служитъ поводомъ ко многимъ недоразумѣніямъ (Fritsch, Drei Jahre in Südafrika, s. 115).

Хотя кгоикгойны слабѣе каффровъ, но лучше владѣютъ своими членами, и въ этомъ отношеніи болѣе подходятъ къ европейскимъ расамъ. Доказательствомъ этого служитъ то, что они несравненно скорѣе, нежели каффры усвоиваютъ различныя тѣлесныя упражненія, введенныя въ странѣ европейцами, напр. верховую ѣзду, употребленіе огнестрѣльнаго оружія. Ихъ чувства отличаются особенною тонкостью; и въ нѣкоторыхъ пунктахъ—напр. въ остротѣ зрѣнія и связанной съ этимъ способности различать слѣды,—они превосходятъ какъ своихъ сосѣдей, такъ и бѣлыхъ. Въ то время, какъ темнокожія племена противопоставляютъ замѣчательную устойчивость разрушительному вліянію цивилизаціи, кгоикгойны и ихъ родичи подверглись такому быстрому вымиранію, какъ едва ли какое либо другое туземное населеніе (Fritsch, Die Eingebornen Südafrikas, s. 305). Многіе готтентоты не говорятъ больше своимъ языкомъ, а иные даже не понимаютъ его. Нынѣшніе готтентоты Капленда, говорящіе поголовно на ломаномъ голландскомъ и англійскомъ языкѣ (который они переняли отъ своихъ господъ)—распространены во всей колоніи въ качествѣ слугъ, бродягъ и праздношатающихся, проживающихъ при миссіонерскихъ станціяхъ. А Меренскій разумѣется утверждаетъ, что, наоборотъ, число готтентотовъ увеличилось до настоящаго времени; между тѣмъ приводимыя имъ цифры относятся только къ населенію Капской колоніи, гдѣ уже давно не можетъ быть рѣчи о чистокровныхъ готтентотахъ. Но даже здѣсь показанія его не согласны съ большинствомъ источниковъ. По свидѣтельству Непира, число готтентотовъ въ Капской колоніи въ концѣ восемнадцатаго столѣтія доходило еще до 40—50,000, но съ тѣхъ поръ оно уменьшалось постоянно и такимъ поразительнымъ образомъ, что въ 1850 году едва

составляло 20,000, что вѣроятно не представляетъ и десятой доли числа ихъ предковъ въ половинѣ семнадцатаго столѣтія. „Ихъ склонность къ свободѣ или вѣрнѣе сказать къ праздности, говоритъ Пешель, значительно уменьшила число ихъ и едва ли будетъ возможно отклонить ихъ окончательное вымиранiе“ (Völkerkunde, s. 460). Тоже утверждаетъ новѣйшiй путешественникъ, д-ръ Эмиль Голубъ о готтентотской расѣ вообще и о кора въ частности; число ихъ уменьшилось на 50 процентовъ, а ихъ владѣнiя на 25—75 (Holub, Sieben Jahre in Südafrika, Wien 1881. Bd. I s. 113). Меренскiй ссылается на перепись 1868 года, по которой число „настоящихъ“ готтентотовъ въ

Африканецъ кора (по Фричу).

Капской колонiи доходитъ до 81, 598 душъ; но, по замѣчанiю Фрича, весьма сомнительно, чтобы бо́льшая часть этого числа составляла чистокровную расу. Можно проѣхать вдоль и поперегъ всю колонiю, прежде чѣмъ удастся и то съ большимъ трудомъ отыскать индивида, котораго нельзя было бы заподозрить въ примѣси посторонней крови. По мнѣнiю Фрича, причина такой быстрой гибели готтентотовъ заключается въ характерѣ и темпераментѣ расы; замѣчательно, что нѣкоторыя особенности, которыя сами по себѣ считаются преимуществомъ, только ускорили вымиранiе этого племени. Въ характерѣ кгоикгойновъ есть одна черта, которая имѣетъ положительное влiянiе на ихъ образъ

жизни и даже косвенно отзывается на ихъ судьбѣ, а именно,—безпредѣльное легкомысліе. Ихъ темпераментъ преимущественно сангвиническій, и при легкомысліи характера у нихъ проявляется неразсчетливость въ поступкахъ, ослабляющая многія хорошія свойства. Натура готтентота чрезвычайно подвижная; онъ скоро приходитъ въ возбужденное состояніе и живо выражаетъ свои чувства; но также легко становится упрямымъ и жестокимъ, непокорнымъ, гнѣвнымъ и мстительнымъ. Онъ способенъ промотать и растратить все свое имущество; лѣнь его не имѣетъ границъ; даже отсутствіе пищи рѣдко можетъ понудить его къ работѣ; въ этихъ случаяхъ онъ ложится и старается проспать голодъ или же еще крѣпче затягиваетъ себѣ животъ поясомъ. Послѣдній состоитъ изъ широкаго кожаннаго ремня, который носятъ почти всѣ туземцы Южной Африки и который они стягиваютъ все уже и уже, если ощущаютъ голодъ и не могутъ утолить его.

Готтентотскій крааль.

Весьма немногое можно сказать относительно ихъ нравственности; имъ даже не приходитъ въ голову руководиться нравственными стимулами въ своихъ поступкахъ. Если бы страхъ наказанія не удерживалъ людей отъ зла, то голосъ совѣсти въ рѣдкихъ случаяхъ былъ бы достаточно силенъ для этого. Дальнѣйшіе недостатки готтентотовъ составляютъ: ложь, склонность къ воровству и чувственность. Они добродушны по природѣ и не кровожадны; бóльшею частью бываютъ въ веселомъ настроеніи духа, любятъ общество, склонны къ смѣху и шуткамъ. Имъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать въ понятливости; они учатся лучше каффровъ хотя довольно неусидчивы. Племя кора до извѣстной степени отличается тупоуміемъ и недостаткомъ воспріимчивости. Люди этого племени болѣе чѣмъ тихаго характера, довольно угрюмы и также неохотно поддаются культурѣ, какъ и всѣ остальные готтентоты. Несмотря на доброду-

Перекочевка каффрской семьи.

шіе и миролюбивыя склонности ихъ не трудно подзадорить надеждой на добычу и довести до состоянія полуживотной дикости. Благодаря своей безпечности и лѣни они доставляютъ не мало хлопотъ въ миссіонерскихъ школахъ. Самой существенной чертой характера всей расы, является преобладаніе физической дѣятельности, которое мы замѣчаемъ у ребенка, а именно даръ подражанія и способность воспринимать вѣрно и быстро чувственныя впечатлѣнія. Кгоикгойны наравнѣ съ бушменами, отличаются тонкимъ пониманіемъ музыки и необыкновенной способностью къ языкамъ. Но съ другой стороны легкость,—съ какой они объясняются съ европейцами, выучиваются владѣть ихъ оружіемъ и перенимаютъ ихъ нравъ, а еще больше ихъ пороки,—подѣйствовала разрушительно на ихъ общественный и національный строй, хотя сравнительно съ прежнимъ замѣтно улучшеніе въ ихъ нравахъ и привычкахъ. Изъ пороковъ наиболѣе губительно дѣйствуетъ на нихъ употребленіе опьяняющихъ веществъ. Готтентоты страстные любители куренія, для чего обыкновенно служитъ имъ дикая конопля въ чистомъ видѣ или смѣшанная съ табакомъ. Пьянство можетъ безусловно считаться національнымъ порокомъ; стоитъ готтентоту познакомиться съ хмѣльными напитками, чтобы скоро привыкнуть къ нимъ и сдѣлаться неисправимымъ пьяницей; если онъ не напивается изо дня въ день, то только вслѣдствіе недостатка въ винѣ, нравственные стимулы всего менѣе могутъ удержать его.

Приступая къ этнографическому описанію готтентотовъ, мы прежде всего должны имѣть въ виду, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, оно не можетъ одинаково подойти ко всѣмъ готтентотскимъ племенамъ. Сильно скрещенные капскіе готтентоты и кора стоятъ на другой степени образованности, нежели независимые нама въ землѣ Великихъ Намакуа, которые только одни могутъ быть названы настоящими кгоикгойнами. Къ нимъ преимущественно относится нижесказанное. Хотя А. Меренскій утверждаетъ, что сдѣланное о нихъ описаніе 1826 года, больше не подходитъ къ нынѣшнимъ готтентотамъ, но это собственно можно сказать только о тѣхъ племенахъ, которыя сильно измѣнились вслѣдствіе совмѣстной жизни съ бѣлыми. Но такъ какъ и нама не вполнѣ избѣгли этого вліянія, то оно также проявляется и у нихъ, хотя не въ такой сильной степени.

Оба пола употребляютъ для одежды „Kaross“, родъ плаща, изъ шкуръ овцы, шакала и дикой кошки, съ капюшономъ, который откидывается назадъ у знатныхъ дамъ въ видѣ шейнаго платка и состоитъ изъ правильныхъ кусочковъ пестрыхъ мѣховъ, подобранныхъ на подобіе мозаики. Кромѣ того мужчины опоясаны ремнемъ, къ которому спереди прикрѣпленъ кусокъ какого-нибудь мѣха. Въ новѣйшее время, благодаря вліянію миссіонеровъ, болѣе достаточные люди одѣваются совершенно на европейскій ладъ или носятъ длинную рубашку изъ бумажной матеріи и кожанные штаны. Остальное тѣло обыкновенно ничѣмъ не прикрыто; и для защиты отъ перемѣнъ погоды нати-

рается густымъ слоемъ овечьяго жира. Мужчины ничѣмъ не прикрываютъ головы, между тѣмъ какъ женщины надѣваютъ родъ шапки; на ногахъ, особенно въ дорогѣ, мужчины носятъ грубыя сандаліи изъ невыдѣланной кожи; — женщина, наоборотъ, постоянно ходитъ босая. Въ видѣ украшенія на нижней части икръ носятъ обручи изъ кожи, которые вѣроятно были вначалѣ введены въ употребленіе съ цѣлью защиты отъ тернистаго кустарника. Женщины носятъ также на шеѣ и рукахъ ожерелье и браслеты изъ костей, слоновой кости, стеклянныхъ бусъ, латуни и другого матеріала. Въ остальномъ онѣ одѣваются болѣе или менѣе по европейски, хотя при этомъ прикрываютъ туловище съ пояса, т. е. бока „khubib“, называемый колонистами „broekkaross“, который приблизительно имѣетъ форму большаго платка сложеннаго косынкой, съ концами, скрѣпленными спереди. „Khubib“ бываетъ различный для взрослыхъ женщинъ и подростковъ; первый разнообразно украшенъ; второй — у лицъ женскаго пола, не достигшихъ зрѣлости — лишенъ всякихъ украшеній. При этомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ браслетовъ для рукъ и ногъ и талисмановъ, остальное тѣло у всѣхъ нагое (Theoph. Hahn im Globus, Bd. XII s. 307). У готтентотовъ имѣющихъ сношенія съ европейцами, мужчины носятъ большею частью штаны изъ невыдѣланной кожи и сѣрыя войлочныя шляпы съ большими полями, а женщины—юбки изъ недубленной кожи. Прежній обычай татуировки совершенно вышелъ изъ употребленія. Но женщины обыкновенно красятъ себѣ лицо красной землей или угольнымъ порошкомъ, смѣшаннымъ съ жиромъ. Для благовонія прибавляютъ порошокъ „buhu“ добываемый изъ различныхъ видовъ діосмы и кротона. Мужчины придерживающіеся этого обычая, вообще красятъ себѣ только небольшую часть лица отъ носа до верхней губы.

Хижины готтентотовъ имѣютъ форму полушарія отъ 3 — 4 м. въ поперечникѣ и 1,30 м. высоты, и похожи на большіе ульи. Съ боку сдѣланъ небольшой входъ, черезъ который приходится вползать; въ срединѣ устроенъ очагъ. Остовъ хижины дѣлается изъ согнутыхъ древесныхъ вѣтвей, сложенныхъ клѣткообразно и можетъ быть легко разобранъ въ случаѣ надобности. Сверху, хижина большею частью обтянута шкурами и рогожами или прикрыта толстымъ слоемъ хвороста. Изготовленіе рогожъ въ вышей степени своеобразно. Для этой цѣли собираютъ въ большомъ количествѣ лыко одного вида мимозы и сушатъ. Если хотятъ употребить его на рогожи, то кладутъ предварительно въ горячую воду и размачиваютъ. Затѣмъ вся семья приготовляетъ размягченное этимъ способомъ лыко, чтобы приспособить его къ плетенію, а, именно, пережевываетъ его зубами и скатываетъ его на голыхъ колѣняхъ въ видѣ нитокъ. Послѣднія растилаютъ на землѣ параллельными рядами, а поперечныя нитки вдѣваютъ съ помощью заостренныхъ костей или шиповъ, такъ что образуется рѣдкая ткань. Такая рогожа вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Въ жаркое время года, вслѣдствіе своей неплотности, она пропускаетъ воздухъ; между тѣмъ какъ при сырости нитки разбухаютъ и образуютъ сплошную ткань, которая служитъ достаточной защитой противъ дождя и непогоды. Посреди хижины устроенъ очагъ изъ сложенныхъ другъ на друга камней, на которые ставится котелокъ. Дымовой трубы не существуетъ вовсе. Отдѣльныя хижины, стоящія въ видѣ круга, образуютъ деревню, которая по готтентотски называется: „As“, т. е. „мѣсто лагеря“. Болѣе извѣстно названіе „крааль“, голландскаго происхожденія. На площади, среди такого крааля, держатъ ночью мелкій скотъ, мѣжду тѣмъ, какъ быки и коровы пасутся внѣ круга, подъ охраной нѣсколькихъ человѣкъ.

Если готтентотъ занимается скотоводствомъ, то пища его состоитъ изъ молочныхъ продуктовъ его стада. Мясо онъ ѣстъ очень рѣдко и, въ этихъ случаяхъ, убиваетъ барана, и только по поводу какихъ либо особенныхъ празднествъ рѣшается пожертвовать одной или двумя коровами. Скотъ вообще слу-

житъ ему для переноски тяжестей и для верховой ѣзды. Молодыхъ животныхъ заблаговременно приготовляютъ для этой цѣли; имъ пробуравливаютъ носовой хрящъ и вставляютъ палку, снабженную однимъ или двумя крючками. При навьючиваніи ихъ покрываютъ двумя или тремя шкурами, чтобы тяжесть не натерла имъ спины и прикрѣпляютъ вьюкъ поясомъ протянутымъ подъ брюхомъ животнаго. Взрослая рогатая скотина можетъ безъ труда вынести тяжесть трехъ центнеровъ. Быкъ, выѣзженный для верховой ѣзды, бѣжитъ легкой рысью; и если ему недостаетъ быстроты, то, относительно выносливости, онъ можетъ выдержать соперничество со всякой лошадью средняго достоинства.

Готтентоны легчатъ тѣхъ животныхъ, которыхъ не оставляютъ на племя. При этой операціи не вырѣзаютъ testicula, а раздавливаютъ ихъ между двухъ каменьевъ. Вслѣдствіе этого они припухаютъ, продолжаютъ увеличиваться въ объемѣ, и когда скотина убита составляютъ лакомое и вкусное блюдо. Коровы африканской расы, даютъ мало молока, и то, большею частью, въ опредѣленную пору, пока ихъ сосетъ теленокъ. Чтобы получить молоко въ другое время готтентоты прибѣгаютъ къ своеобразному пріему, а, именно, при доеніи они надуваютъ корову сзади, тогда брюхо вспухаетъ и молоко само собою выдѣляется изъ вымени.

Рядомъ съ скотоводствомъ готтентотъ занимается охотой, особенно, если у него нѣтъ собственнаго стада. При этомъ каждая добыча для него одинаково хороша, и только къ весьма немногимъ звѣрямъ чувствуетъ онъ отвращеніе. Такъ, напримѣръ, заяцъ въ его глазахъ несовершенное животное, и онъ не ѣстъ его, равно и свинью. Но въ то-же время саранча въ жареномъ видѣ составляетъ его любимое кушанье. Хотя этотъ фактъ самъ по себѣ возбуждаетъ въ насъ отвращеніе; но мы считаемъ нелишнимъ привести другія подробности. Особенно заслуживаетъ вниманія отношеніе женщинъ племени нама ко вшамъ. Онѣ чувствуютъ къ нимъ необыкновенное пристрастіе; тщательно отыскиваютъ ихъ въ своихъ „kaross“ и наиболѣе жирныхъ и крупныхъ насѣкомыхъ раскусываютъ зубами и выплевываютъ. Главный разсадникъ насѣкомыхъ подъ поясомъ „khibib“. Готтентоты въ этомъ отношеніи своеобразные люди; они выказываютъ величайшее отвращеніе къ жаренымъ зайцамъ и куриному мясу, и въ то-же время съ наслажденіемъ ѣдятъ вшей, ящерицъ, въ 60—90 сант. длины, и муравьиныя яица, сваренныя въ молокѣ, въ видѣ каши (Globus, Bd. XII s. 306). Мясо звѣрей, убитыхъ на охотѣ, тотчасъ-же сушатъ на солнцѣ и растираютъ камнемъ въ порошокъ, изъ котораго варятъ на молокѣ питательную кашу. Остальное мясо, непригодное для сушки, навьючиваютъ на быковъ и везутъ въ деревню, гдѣ жители отъ мала до велика наѣдаются имъ до пресыщенія въ продолженіи нѣсколькихъ дней, пока не истощится запасъ провизіи; въ это время они находятся въ положеніи Boa constrictor переваривающаго пищу. Трудно повѣрить собственнымъ глазамъ, когда видишь массу поглощаемаго ими мяса, такъ что остается необъяснимой загадкой, куда они прячутъ все это количество. Если имъ не лѣнь двигаться, то они ради пищеваренія катаются послѣ ѣды взадъ и впередъ на животѣ. Молодыя дамы отличаются и въ данномъ случаѣ особеннымъ пріемомъ: молодой рабъ долженъ проминать переполненный животъ ногами, чтобы помочь пищеваренію, послѣ чего снова начинается обжорство, потому что иначе нельзя назвать подобную ѣду (A. a. O., s. 335) и мясо никогда не ѣдятъ сырымъ, но всегда жаренымъ на огнѣ или въ горячей золѣ и безъ малѣйшей примѣси пряностей. Отдѣльныя части мяса также варятъ въ водѣ и ѣдятъ въ видѣ супа. Сало, добытое изъ жирныхъ частей мяса, считается особеннымъ лакомствомъ у готтентовъ, которые глотаютъ его съ величайшимъ удовольствіемъ безъ всякой примѣси. Кромѣ того они вырываютъ изъ земли нѣкоторые коренья и съѣдаютъ ихъ сырыми. Людоѣдство совершенно неизвѣстно. Охмѣ-

ляющимъ напиткомъ готтентотовъ можно считать „Krii“ или медовое пиво. Этотъ напитокъ приготовляется изъ дикаго меда, воды и настойки корня krii, доведеннаго до бродячаго состоянія. Эту смѣсь подвергаютъ броженію въ продолженіи трехъ или четырехъ часовъ, послѣ чего получается пріятный прохладительный напитокъ, который пѣнится, какъ шампанское. Кромѣ того готтентоты умѣютъ изготовлять водку изъ одного вида сладкихъ ягодъ. Съ этой цѣлью спѣлыя ягоды кладутъ въ кожанный мѣхъ для броженія. Когда послѣднее достигло извѣстной степени, то растворъ варится въ горшкѣ и паръ перегоняется въ стоящій рядомъ сосудъ, съ помощью стараго ружейнаго ствола. Добытая этимъ способомъ жидкость довольно скоро даетъ осадокъ и превращается въ крѣпкій опьяняющій напитокъ.

Наиболѣе распространеннымъ возбуждающимъ средствомъ можно считать листья дикой конопли (dacha), которая, какъ упомянуто выше, употребляется для куренья или отдѣльно или съ примѣсью табаку. Женщины особенно охотно курятъ табакъ въ чистомъ видѣ, и ихъ пристрастіе къ нему настолько велико, что за незначительное количество табака онѣ охотно отдаютъ штуку рогатаго скота. Трубки, употребляемыя при куреніи, больше европейскихъ; ихъ изготовляютъ сами готтентоны изъ глины или мягкаго камня и насаживаютъ на рогъ. Способъ куренья также совершенно иной, нежели у насъ. Вмѣсто того чтобы затягиваться дымомъ и вновь выпускать его чрезъ ротъ или носъ, готтентотъ привыкъ глотать его, что значительно усиливаетъ наркотическое дѣйствіе этого растенія.

Главный домашній скарбъ составляютъ нѣсколько одѣялъ и рогожъ, въ которыя готтентотъ завертывается ночью, но днемъ онъ скатываетъ ихъ въ свертки и прячетъ въ хижинѣ. Молоко держатъ въ кожанныхъ мѣхахъ или въ выдолбленныхъ тыквахъ. Для стряпанья служатъ глинянные горшки собственнаго изготовленія, чрезвычайно ноздреватые и довольно грубаго вида.

Первобытное оружіе готтентота и бушмена состояло изъ метательнаго копья, лука и ядовитыхъ стрѣлъ. Въ новѣйшее время вслѣдствіе сношеній съ европейцами, готтентоты познакомились съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое вытѣснило у нихъ всякое другое оружіе. Нѣкоторыя изъ готтентотскимъ племенъ сдѣлались грозой своихъ сосѣдей, каффрскихъ народовъ, благодаря мѣткости, съ какой они стрѣляютъ изъ ружей, а также тому, что имѣютъ лошадей.

Если мы внимательно разсмотримъ образъ жизни кгоикгойновъ, то увидимъ, что вся ихъ обстановка и привычки приспособлены къ кочующему образу жизни. Они дѣлали и дѣлаютъ до сихъ поръ добровольно только то, что крайне необходимо для поддержанія ихъ существованія. Они по прежнему остаются пастухами; повидимому никогда не знали земледѣлія и занимаются имъ только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ напр.: если они, въ видѣ осѣдлыхъ поселенцевъ, водворились въ Капской колоніи, въ деревняхъ, миссіонерскихъ станціяхъ или у фермеровъ. У независимыхъ нама все еще господствуетъ кочевой образъ жизни. Женщина у нихъ далеко но въ такомъ угнетенномъ положеніи, какъ у многихъ другихъ первобытныхъ народовъ, и даже у остальныхъ кгоикгойновъ. У ней нѣтъ другихъ обязанностей, кромѣ постройки рогоженныхъ хижинъ, изготовленія рогожъ, шитья „kaross“ (плащей) и чистки молочныхъ сосудовъ, хотя и эти работы, большею частью, исполняются рабынями. Такимъ образомъ она можетъ на свободѣ заняться туалетомъ à la hottentotte, т. е. нарядиться въ прекрасный поясъ, „khubib“ и вымазать себя діосмовой мазью, или-же, ловить вшей и холить свое мясистое тѣло, т. е. ѣсть, спать, предаваться лѣни и курить табакъ, а за неимѣніемъ его—дикую коноплю или „dacha“. О ней можно сказать по справедливости: она не сѣетъ и не жнетъ, но отецъ небесный все - таки питаетъ ее. Готтентотки даже не всегда пожинаютъ тамъ, гдѣ не сѣяли. Такъ выражается о нихъ д-ръ

Т. Ганъ (Globus, bd. XII s. 306). Многожество дозволено у нама, но рѣдко встрѣчается на дѣлѣ, потому что за невѣсту приходится платить значительное число быковъ и овецъ, а для мужчинъ пріятнѣе владѣть большимъ количествомъ скота, нежели красивой женщиной. Несмотря на крайнюю чувственность и эгоизмъ у нама проявляется сердечная супружеская привязанность, независимо отъ плотской любви. Въ то время, какъ готтентотки въ капской землѣ, съ давнихъ поръ почти поголовно отличались крайнимъ легкомысліемъ и распущенностью нравовъ,—такъ что д-ръ Голубъ называетъ семейную жизнь кора въ высшей степени деморализованной (Sieben Jahre in Südafrika Bd. I s. 115),—у нама распутство составляетъ рѣдкость и въ случаѣ огласки ведетъ къ тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Непозволительныя половыя сношенія подчасъ наказываются ударами грознаго „shambock", т. е. хлыста изъ носороговой кожи, который по своему дѣйствію ужаснѣе русскаго кнута. Но рядомъ съ этимъ, по свидѣтельству д-ра Фрича, который слышалъ это отъ достовѣрныхъ людей, онанизмъ настолько распространенъ между молодыми дѣвушками, что его почти можно считать туземнымъ обычаемъ, поэтому не считаютъ нужнымъ особенно скрывать его: и въ разсказахъ и преданіяхъ говорится объ этомъ, какъ о самой обыкновенной вещи. Новобрачные также открыто начинаютъ свое сожительство; весь краалъ знаетъ объ этомъ, и никто не высказываетъ особеннаго любопытства. Они отправляются въ новую хижину и празднуютъ днемъ свадебную ночь; при этомъ опущенная рогожа, заложенная камнемъ служитъ знакомъ, что входъ запрещенъ для постороннихъ лицъ. Говорятъ у нама до сихъ поръ существуетъ невѣроятный обычай, по которому шаманъ обрызгиваетъ своей уриной молодую чету; г-нъ Эрнестъ фонъ Веберъ упоминаетъ о такомъ-же обычаѣ у капскихъ готтентотовъ (Weber, Vier Jahre in Afrika, Bd. I s, 175).

Обыкновенно кгоикгойновъ описываютъ, какъ разслабленныхъ и истощенныхъ людей. Но это справедливо только по отношенію къ остаткамъ ихъ въ капской землѣ, гдѣ гибели ихъ способствуетъ рабство и искуственное умерщвленіе плода, введенное бѣлыми. Къ нама это не относится ни въ какомъ случаѣ. У нихъ еще вполнѣ сохранилась первобытная сила природы, и женщины при родахъ выказываютъ удивительную выносливость. Роды ихъ вообще очень легки и происходятъ безъ посторонней помощи; онѣ удивляются женщинамъ другихъ націй, которыя лежатъ послѣ родовъ. Этотъ обычай настолько чуждъ имъ, что для обозначенія его, у нихъ даже не существуетъ словъ въ ихъ языкѣ. У капскихъ готтентотовъ женщина, чувствуя приближеніе родовъ, удаляется въ свою хижину, гдѣ ей всегда оказываютъ помощь сосѣдки, между тѣмъ какъ мужъ долженъ покинуть хижину. Въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ домашнимъ средствамъ, между которыми главную роль играетъ настойка табака въ коровьемъ или козьемъ молокѣ. Новорожденнаго тотчасъ-же чистятъ коровьимъ навозомъ, натираютъ сокомъ одного вида фиговаго дерева и овечьимъ саломъ, и въ изобиліи посыпаютъ порошкомъ „buchu". Появленіе на свѣтъ ребенка составляетъ радостное событіе, по поводу котораго, сообразно средствамъ семьи, убиваютъ двухъ или трехъ быковъ или овцу. Если родятся близнецы, то это не составляетъ предмета огорченія, какъ у другихъ дикихъ народовъ, но напротивъ того, отецъ очень доволенъ и хвалится своею мужественностью. Только въ томъ случаѣ, если семья бѣдна и мать не въ состояніи сама прокормить трудью обоихъ дѣтей, прибѣгаютъ къ суровому рѣшенію пожертвовать однимъ изъ нихъ. Его подкидываютъ или зарываютъ живымъ. Сама мать кормитъ грудью ребенка, и въ продолженіи цѣлаго дня, даже во время работы,носитъ его на спинѣ или, вѣрнѣе сказать, на жировой подушкѣ, благодаря сильно развитой стеатопигіи. Въ этихъ случаяхъ, чтобы ребенокъ не упалъ, мать привязываетъ его къ себѣ большимъ кускомъ рогожи или одѣяла, а другой подкладываетъ подъ него. Во время кормленія мать под-

держиваетъ свои силы усерднымъ куреніемъ и, даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вкладываетъ трубку въ ротъ ребенка, если послѣдній безпокоенъ. Когда кончается періодъ кормленія, ребенка предоставляютъ самому себѣ, и онъ долженъ самостоятельно научиться употребленію своихъ членовъ. Поэтому нигдѣ нельзя встрѣтить болѣе калѣкъ или субъектовъ, обремененныхъ физическими недостатками.

Въ прежнія времена было въ обычаѣ вырѣзывать одинъ изъ testiculas у подростающихъ юношей на девятомъ или десятомъ году жизни; но теперь этотъ обычай почти повсемѣстно вышелъ изъ употребленія. Наступленіе зрѣлости у дѣвушекъ справляется особеннымъ празднествомъ. До этого дѣвушка, за исключеніемъ нѣсколькихъ браслетовъ на рукахъ и икрахъ, и талисмановъ на шеѣ, не носила никакой одежды; но теперь на нее навѣшиваютъ разукрашенную шубу въ знакъ того, что она годна для супружества. Въ этомъ нарядѣ она должна просидѣть на—показъ три дня у входа своей хижины, съ торжественной физіономіей и ртомъ вытянутымъ, какъ у рыбы. На третій день убиваютъ молодую корову; одинъ изъ ближайшихъ неженатыхъ родственниковъ приходитъ съ сосѣдями и поздравляетъ ее. Затѣмъ онъ навѣшиваетъ ей на голову шкуру, снятую съ брюха убитой коровы и желаетъ ей, чтобы она была также плодовита какъ молодая корова и родила большое количество дѣтей. Съ тѣми же пожеланіями обращаются къ ней поочередно друзья и подруги, и церемонія кончается торжественной пирушкой, во время которой въ изобиліи пьютъ медовое пиво. Въ періодъ мѣсячнаго очищенія женщины обыкновенно удаляются въ особую хижину, а у нѣкоторыхъ племенъ онѣ, кромѣ того, рисуютъ на своемъ лицѣ знаки напоминающіе очки.

Если юноша почувствовалъ склонность къ молодой дѣвушкѣ, то онъ прежде всего сообщаетъ объ этомъ своему отцу или опекуну, и, вмѣстѣ съ нимъ, идетъ въ домъ отца невѣсты. Предлагаютъ въ подарокъ „dacha", послѣ чего зажигаютъ трубки; и когда дымъ окажетъ свое дѣйствіе, женихъ становится разговорчивѣе и, съ помощью своего отца, или опекуна приступаетъ къ сватовству. Если послѣднее принято, то немедленно дѣлаютъ приготовленія и устраивается пирушка. Невѣста уходитъ съ женихомъ, и они безъ дальнѣйшихъ церемоній становятся мужемъ и женой. Разводъ происходитъ безъ всякихъ затрудненій; въ этомъ случаѣ имущество должно быть раздѣлено, также какъ и дѣти: дѣвочки остаются съ матерью, а мальчики съ отцомъ.

Нама не имѣютъ общаго главы или вождя и распадаются приблизительно на двѣнадцать клановъ, которыхъ наибольшая составная часть орламы, т. е. пришлые капскіе готтентоты; остальные въ качествѣ чистокровныхъ нама называютъ себя „царскимъ народомъ". Каждое племя имѣетъ отдѣльнаго вождя, достоинство котораго передается по наслѣдству въ мужской линіи. Онъ самый богатый человѣкъ; но кромѣ этого не имѣетъ никакихъ преимуществъ сравнительно съ своими подданными, за исключеніемъ развѣ того, что хижина его нѣсколько больше и при общественныхъ пирушкахъ онъ получаетъ лучшій кусокъ мяса. Онъ назначаетъ мѣсто, куда должно перекочевать племя, разбираетъ ссоры, наказываетъ преступниковъ, созываетъ народныя собранія и т. п., при этомъ ему помогаетъ совѣтъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей племени. Но вообще званіе вождя, само по себѣ, не придаетъ ему особеннаго значенія, если онъ не съумѣетъ внушить къ себѣ уваженіе какими либо необыкновенными или рѣшительными поступками, смѣлостью на охотѣ и т. п.

(Globus, Bd. XII, s. 305). У независимыхъ нама существуетъ рабство, и хотя нельзя пожаловаться на ихъ обращеніе съ рабами, сравнительно съ другими народами, но и здѣсь, до извѣстной степени, проявляется жестокость, вслѣдствіи чего участь рабовъ вообще незавидная. Всего хуже обращаются съ ними женщины, которыя находятъ удовольствіе въ утонченномъ мучительствѣ, связанномъ съ капризами.

Если убійство совершено безъ всякаго намѣренія, то оно можетъ быть искуплено съ помощью извѣстныхъ подарковъ, поднесенныхъ членамъ семьи убитаго. При этомъ убійца устроиваетъ пирушку, въ которой принимаютъ участіе родственники и друзья обѣихъ сторонъ. Но въ то время, какъ послѣдніе пожираютъ мясо убитой коровы, убійца вымазанный ея кровью, молча присутствуетъ при этомъ, въ качествѣ безучастнаго зрителя. Въ случаѣ предпамѣреннаго убійства выступаетъ на сцену кровавая месть, и преступленіе можетъ быть искуплено только смертью убійцы. Долгъ кровавой мести лежитъ на ближайшемъ родственникѣ, а за неимѣніемъ его—на лучшемъ другѣ убитаго. Если готтентотъ становится старымъ и больнымъ, то его помѣщаютъ въ отдѣльной хижинѣ, снабжаютъ ѣдой и питьемъ; но не оказываютъ ему никакой другой помощи. Въ случаѣ какой нибудь злокачественной болѣзни жители удаляются изъ деревни и предоставляютъ больнаго его судьбѣ. Покойнаго немедленно послѣ смерти завертываютъ въ старыя шкуры и кладутъ въ скорченномъ положеніи въ норѣ, вырытой ежемъ или другимъ звѣремъ, а входъ закладываютъ землей или нѣсколькими каменьями. У могилы вождей накладываютъ болѣе высокую груду каменьевъ. Присутствующимъ друзьямъ и родственникамъ подаютъ угощеніе и для этой цѣли бьютъ нѣсколько штукъ скота принадлежащихъ покойнику (число ихъ соразмѣряется съ его богатствомъ).

Вообще готтентоты достигаютъ глубокой старости: старики отъ девяноста до ста лѣтъ не составляютъ рѣдкости. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія, что готтентотъ не живетъ въ излишествѣ и постоянно подвергается перемѣнамъ погоды. Леченіемъ различныхъ болѣзней занимаются извѣстныя лица, которыя славятся умѣніемъ призывать дождь, открывать тайны и производить другія колдовства. Они обыкновенно приписываютъ причину болѣзни змѣѣ, которую будто бы вытягиваютъ изъ нѣсколькихъ надрѣзовъ, сдѣланныхъ ими на тѣлѣ больнаго. Обыкновенно прежде, нежели они начнутъ леченіе, должна быть заколота корова или овца, сообразно состоянію больнаго, и разумѣется имъ достается львиная часть. Эти чародѣи занимаются также леченіемъ отъ укушенія змѣй и почти всегда съ большимъ успѣхомъ.

Нама, при своемъ живомъ нравѣ, не чуждается общества, особенно, если имѣются подъ рукой какіе либо напитки: кофе, чай, медовое пиво или трубка съ табакомъ. Тѣ же свойства его характера проявляются въ его склонности къ пляскѣ, съ которой связано не только извѣстнаго рода поклоненіе божеству, но и самый культъ чувственности. Пляска большею частью происходитъ ночью, при лунномъ свѣтѣ, и сопровождается пѣніемъ и музыкой. Всѣ танцоры, дамы и кавалеры, становятся въ кружокъ (кромѣ одного танцора, который остается въ срединѣ круга и можетъ считаться какъ бы руководителемъ танцевъ), берутся за руки и начинаютъ кружиться то тише, то быстрѣе. Затѣмъ кругъ разрывается и каждый начинаетъ плясать отдѣльно, напрягая всѣ члены своего тѣла, пока ими овладѣетъ усталость и положитъ конецъ ихъ упражненіямъ.

„Gora“ составляетъ національный инструментъ готтентотовъ и неизбѣжную принадлежность ихъ увеселеній. Онъ имѣетъ видъ лука, къ концу котораго прикрѣплено перо. При игрѣ въ него дуютъ или бьютъ по немъ небольшой

шой палочкой. Въ послѣднемъ случаѣ его ставятъ на землю, какъ маленькую арфу, и нижній конецъ придерживаютъ ногой. Звуки производимые этимъ инструментомъ въ высшей степени простые и не совсѣмъ отчетливые; играющему рѣдко удается повторить тотъ-же тонъ и еще менѣе образовать стройный оркестръ изъ нѣсколькихъ „gora".

Религіозныя вѣрованія готтентотовъ, повидимому, основаны на весьма неопредѣленныхъ представленіяхъ и ограничиваются извѣстнымъ почитаніемъ душъ умершихъ. На это указываетъ страхъ, который они чувствуютъ къ покойникамъ. Хижина, въ которой умеръ кто нибудь, обыкновенно разбирается, и никто не рѣшится вновь построить хижину изъ того же матеріала или употребить дерево на топливо, такъ какъ кушанье, сваренное на такомъ огнѣ, осталось бы нетронутымъ. Ни одинъ готтентотъ, проходя мимо могилы, не забудетъ бросить на нее камень или древесную вѣтку, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ образовавшіеся этимъ способомъ холмы достигаютъ значительной высоты. При этомъ произносятъ имя „Heitsi-Eibip", будто бы погребеннаго въ могилѣ. Вѣроятно это ничто иное, какъ олицетвореніе душъ умершихъ, потому что сообразно преданію „Heitsi-Eibip" вновь воскресъ послѣ смерти и погребенъ въ различныхъ мѣстахъ (Vergl. Theoph. Hahn im Globus XII, 275 und VI, und VII Jahresbericht des Vereins für Erdkunde in Dresden 1870 s. 64, und Bleek, Reynard the fox in South-Africa, London 1864, nr. 36 и 37). На ряду съ „Heitsi-Eibip", который играетъ большую роль, въ преданіяхъ встрѣчается еще другое лицо, называемое „Tsui-goap", творецъ человѣка и источникъ всякаго добра. Подобно „Heitsi-Eibip" онъ былъ нѣкогда великимъ чародѣемъ. Замѣчательно, что каффры заимствовали у готтентотовъ имя „Tsui-goap", для обозначенія высшаго существа (Бога). Что же касается третьяго божества, которое равнымъ образомъ часто упоминается въ сагахъ, то многіе ученые считаютъ его олицетвореніемъ мѣсяца. Новолуніе во всякомъ случаѣ празднуется у кгоикгойновъ пляской и пѣніемъ, въ которыхъ участвуютъ всѣ принадлежащіе къ племени. Во время луннаго затмѣнія поютъ печальныя пѣсни, и если племя имѣло намѣреніе отправиться на охоту или въ какое другое предпріятіе, то оно откладывается изъ боязни несчастія. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Фрича, существованіе самостоятельнаго культа мѣсяцу еще не вполнѣ доказано (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1873, s. 143). Съ этими религіозными представленіями связано безграничное суевѣріе и колдовство. Вѣра въ духовъ сильно распространена. Готтентоты также вѣрятъ въ предчувствіе, хорошія и дурныя предзнаменованія. Ихъ колдуны занимаются изготовленіемъ всевозможныхъ талисмановъ („piljas") и торгуютъ ими; при этомъ, чтобы усилить сбытъ своего товара, они, само собою разумѣется, искусственно поддерживаютъ въ людяхъ боязнь духовъ. Въ готтентотскихъ сказаніяхъ встрѣчаются случаи превраще-

нія людей и животныхъ, которые живо напоминаютъ нѣмецкіе разсказы объ оборотняхъ (Globus, Bd. XII, s. 277).

По свидѣтельству Меренскаго, въ настоящее время, религіозныя воззрѣнія готтентотовъ повсемѣстно видоизмѣнились, вслѣдствіе благодѣтельнаго вліянія миссіонеровъ (beiträge zur Kenntniss Sudafrikas s. 86). Однако несмотря на всѣ увѣренія миссіонеровъ, обращеніе готтентовъ въ христіанство весьма мало подвинулось впередъ; поклоненіе прежнимъ божествамъ, замѣнилось усерднымъ поклоненіемъ имбирной и капской водкѣ въ ея храмѣ, шинкѣ, передъ которымъ нерѣдко можно видѣть самыя возмутительныя сцены. Равнымъ образомъ присущая этому народу склонность къ лѣни не только находитъ поддержку въ большинствѣ миссіонерскихъ станцій, но и поощреніе. Готтентотъ ведетъ здѣсь праздную жизнь и наслаждается „сладостью бездѣлья" подъ предлогомъ обученія христіанской вѣрѣ. Характерныя особенности этого народа, по словамъ Меренскаго, дѣлаютъ его доступнымъ къ принятію евангелія, которое глубоко трогаетъ ихъ; они рыдаютъ, плачутъ и молятся; но къ сожаленію добавляетъ онъ, эти впечатлѣнія слишкомъ мимолетны и быстро улетучиваются. Многіе фарисейски щеголяютъ своимъ благочестіемъ; но нѣсколько часовъ спустя все ихъ поведеніе ясно показываетъ, что судорожныя слезы раскаянія, пролитыя ими, не отличались искренностью и не имѣли другой цѣли, кромѣ желанія пустить пыль въ глаза миссіонеру, чтобы получить отъ него какія либо матеріальныя выгоды. Кора посѣщаютъ миссіонерскія школы въ часы ученія только въ томъ случаѣ, если есть надежда на раздачу табака, но ихъ трудно привлечь сюда безъ этой приманки. Они не особенно способны къ умственному образованію и вообще не отличаются любознательностью. Посѣщеніе ихъ деревень произвело безотрадное впечатлѣніе на д-ра Голуба; и укрѣпило его въ убѣжденіи, что ни у одного изъ туземныхъ племенъ Южной Африки, за исключеніемъ развѣ Матабеле, — миссіонерская дѣятельность не была такъ безплодна, какъ у кора (Holub, Sieben Jahre in Südafrika, Bd. I, s. 104). Они не только мирятся съ присутствіемъ отребія бѣлаго населенія, но еще всѣми способами поощряютъ распущенность этихъ людей. Величайшія истины христіанской религіи искажаются ими въ чувственномъ пошломъ смыслѣ, что служитъ доказательствомъ, насколько послѣдній болѣе близокъ имъ и доступенъ ихъ пониманію. Одинъ миссіонеръ хотѣлъ привить имъ чуждое для нихъ понятіе „совѣсть" и указывалъ на болѣзненное чувство внутренняго недовольства, которое испытываетъ человѣкъ по совершеніи грѣха. Но впослѣдствіи, когда онъ спросилъ своихъ учениковъ, что они подразумѣваютъ подъ словомъ „совѣсть", то получилъ въ отвѣтъ: „боль въ животѣ".

Нынѣшніе готтентоты, подобно прежнимъ, живутъ въ ожесточенной враждѣ съ остальными туземцами Южной Африки. Они презираютъ и ненавидятъ бушменовъ, грабительскіе набѣги которыхъ принесли имъ много вреда и въ значительной мѣрѣ способствовали уменьшенію числа кгоикгойновъ. Одновременно съ этимъ, они ведутъ борьбу съ каффрами; въ шестидесятыхъ годахъ произошла настоящая война между двумя расами: нама и гереро (одной вѣтвью каффровъ), слѣдовательно между желтой и чернокожей расой (Siehe Globus, Bd. XIV s. 202, 245, 270), которая въ заключеніе повела къ междоусобной войнѣ среди самихъ готтентотовъ, а именно между нама и пришлымъ племенемъ „орламъ". (A a O. Bd. XVI s. 236, 246). Повидимому происки христіанскихъ миссіонеровъ (разумѣется съ благою

цѣлью) играли немаловажную роль въ этихъ усложненіяхъ, имѣвшихъ такія гибельныя послѣдствія для мѣстнаго населенія.

СЕМЬЯ НАРОДОВЪ БАНТУ.

Общій обзоръ.

Если мы возьмемъ въ руки этнографическую карту Африки, напримѣръ д-ра I. Шавонъ (Deutsche Rundschau fur Geographie und Statistik, Bd. IV Heft II), то увидимъ, что весь югъ этой части свѣта,—къ востоку отъ области занимаемой готтентотами и бушменами и отъ крайней оконечности Африки до экватора и выше—окрашенъ одинаковой краской. Послѣдняя означаетъ распространеніе большой группы народовъ, сродство которыхъ доказывается языками каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, такъ какъ эти языки составляютъ отпрыски одного первоначальнаго языка, нынѣ уже не существующаго. Обычное названіе каффры употребляемое для обозначенія этихъ народовъ произошло изъ арабскаго слова „kafir", т. е. „невѣрный"; и поэтому правильнѣе было бы писать каферъ или кафиръ. Еще Генрихъ Бартъ прямо обозначалъ эти идіомы общимъ именемъ языковъ „ба", между тѣмъ какъ Яковъ Гриммъ и д-ръ В. Г. I. Бликъ называютъ ихъ банту или языки банту. Въ этихъ идіомахъ abantu означаетъ буквально: человѣки, люди, народъ. Собственно основой и корнемъ слова нужно считать ntu; первый слогъ или приставка aba въ свою очередь распадается на a-ba; при этомъ ba составляетъ приставку, заключающую въ себѣ понятіе множественнаго числа; a образуетъ родъ предлога. Замѣчательное постоянство, съ которымъ корень ntu-человѣкъ, совмѣстно съ приставкой, встрѣчается во всѣхъ южно-африканскихъ идіомахъ,—заставило отбросить терминъ „kafir" и примѣнить названіе банту къ этимъ идіомамъ и ко всѣмъ народамъ говорящимъ на нихъ, какъ болѣе мѣткое и подходящее по формѣ и содержанію. Мы считали себя въ правѣ назвать это постоянство замѣчательнымъ на слѣдующемъ основаніи. Діагональ отъ Кей, пограничной рѣки между землей каффровъ и готтентотовъ, до острова Фернамъ-до-По, въ глубинѣ Гвинейскаго залива, имѣетъ въ поперечникѣ 14 градусовъ долготы и 35 широты; діагональ отъ Китовой бухты до устья Джуба имѣетъ 88 градусовъ долготы и 23 широты; первая доходитъ до 4450, послѣдняя до 3700 км. длины;—и во всей этой области человѣкъ называетъ себя однимъ и тѣмъ же именемъ.

Что касается именъ и группировки народовъ и языковъ въ области банту, то большинство изслѣдователей, какъ Фричъ, Бликъ, Фридрихъ Миллеръ и Пешель раздѣляютъ ихъ на три большихъ отдѣла: на восточныя, западныя и внутреннія племена. Нѣкоторое разногласіе встрѣчается только въ причисленіи отдѣльныхъ членовъ къ той или другой группѣ. Миллеръ дѣлитъ восточную группу на три второстепенныхъ группы, а именно языки кафиръ, замбези и занзибаръ. Къ замбези причисляетъ онъ ма-зона бароце, ба-йейе и пр. Средній внутренній отдѣлъ раздѣляетъ онъ на двѣ группы се-чуана и текеца, изъ которыхъ первая распадается на восточныхъ се-зуто, и западныхъ се-ролоновъ и се-хлапи; а послѣдняя группа—на ма-молоси, ма-тонга и ма-хлоенга. Западный отдѣлъ раздѣленъ у него на бунда съ идіомами: гереро, бунда, лонда и на конго съ идіомами; конго, мпонгве, келе, изубу, фернандо по́. По Блику восточная группа распадается на южную, среднюю и сѣверную. На югѣ господствующіе идіомы: 1) кафиръ, 2) се-чуана, 3) текеца. Кафиръ отличается древней полнотой формъ; этимъ языкомъ говорятъ каффры и ама-коза или пограничные каффры, а также зулусы и ма-свази (ама-свази). Послѣдніе до 1843 назывались ба-рапуза или, по крайней мѣрѣ были извѣстны у ба-зуто подъ этимъ именемъ по ихъ тогдашнему вождю Рапузо. Равнымъ образомъ они называются теперь ма-свази, люди вождя Ум-свази, имя котораго также удержалось въ нѣкоторыхъ названіяхъ мѣстечекъ. Таково было, по крайней мѣрѣ, положеніе вещей въ 1860 (vgl. Petermann, Mittheil. 1860, s. 404); но при недостаточности свѣдѣній сообщенныхъ Almanach de Gotha относительно краалей (деревень) банту, мы должны довольствоваться новѣйшими извѣстіями. Къ востоку отъ свази распространенъ идіомъ ма-канзана, къ югу ма-гхоба. Се-чуана, на которомъ говорятъ чуаны (ба-чуана или бечуана по англійскому выговору) распадается на восточный се-зуто (языкъ ба-зуто) и западный се-хлапи и се-ролонъ. Мѣстность, называемая Чуанъ, показана на картахъ почти подъ 25° ю. ш. и 25° в. д. отъ Гр. Мѣстомъ распространенія третьей группы текеца по Блику, слѣдуетъ считать окрестности залива Делагоа и Лоуренсо Маркесъ. Кромѣ того подраздѣленія текеца составляютъ: ма-молози, ма-тонга и ма-глоенга; но при этомъ разумѣется стоитъ бросить взглядъ на карты, чтобы убѣдиться, что лингвистическія и географическія названія во многихъ случаяхъ далеко не совпадаютъ другъ съ другомъ.

Переходную ступень къ средней восточной группѣ, Мозамбикъ или Замбези образуютъ ин-хамбане, съ приморскимъ городомъ того же имени, подъ самымъ тропикомъ. Собственно у нижняго Замбезе распространены тете (tette) и сена (sena). Къ діалектамъ сена слѣдуетъ причислить нарѣчія софала, килимане (квили-манзе) и маравц. Бликъ равнымъ образомъ причисляетъ къ мозамбикской группѣ

два діалекта встрѣчаемые между озеромъ Ніасса и берегомъ, а именно: ма-куа и ки-хіау, которымъ говорятъ ма-хіау (Wa-hiáu, ve-iao).

Затѣмъ слѣдуетъ сѣверовосточный отдѣлъ Занзибара или Цангіана—діалектъ ки-камба, на которомъ говорятъ а-кампа, ки-ника, ки-самбàла (также ва-замбàра по правописанію Крапфа въ у-замбала) и ки-суàгели. Близко сроденъ съ предъидущимъ діалектъ ки-покомо, которымъ говорятъ ва-покомо.

Представителями втораго главнаго отдѣла внутри материка, по мнѣнію Блика, слѣдуетъ считать живущихъ у озера Нгами ба-йейе, которыхъ чуаны называютъ ба-кхопа, на ряду съ ними можно еще поставить ба-лоязи, ма-понда (ба-ма-понда, ба-понда), баніэнко, ба-тока, баротзе, ба-схуеба, слѣдовательно почти весь рѣчной бассейнъ верхняго Замбезе.

Западная группа распадается параллельно восточной на три отрасли: бунда, конго и сѣверозападный діалектъ. Бунда дѣлится на: 1) очихереро или языкъ дама (неправильно называемый дамара или дамрасъ), по которому западныя племена присвоили себѣ прозвище ова-хереро, а восточныя — ова-мбандшеру; 2) си-ндонга, языкъ племенъ ова-мпо, ова-куамби, ова-куандшера (ova-nguaruiϑe, или oka-ruϑe и okorongaϑe); 3) нано (бенгуала) и 4) ку-а-нгола (ангола). Къ сѣверу слѣдуетъ конго съ его подраздѣленіями конго и мпонгве. Сѣверо-западный діалектъ составляетъ третью отрасль съ нарѣчіями ди-келе, на которомъ говоритъ племя ба-келе, бенга на островахъ Кориско, дуалла или камерунъ, и, наконецъ, фернандіанское нарѣчіе на островѣ Фернамъ-до-По, обыкновенно называемомъ Фернандо-По.

Слѣдовательно всѣ эти народы принадлежатъ къ одной лингвистической группѣ, причисляемой Бликомъ къ приставочно-мѣстоименнымъ языкамъ, которая кромѣ того обнимаетъ семьи мена и горъ. Эти языки всего лучше характеризованы Фридрихомъ Миллеромъ, который въ цѣломъ сходится съ Бликомъ и бòльшею частью уклоняется отъ послѣдняго только относительно описанія. Согласно его изслѣдованію строеніе этихъ языковъ мягкое и благозвучное; слова многосложныя. Слогъ большею частью открытый и составляется изъ согласной и гласной. Слова кончаются гласной буквой. Основы или элементы, изъ которыхъ произошли формы словъ, многосложныя; и, если иногда встрѣчаются односложныя основы, то онѣ позднѣйшаго образованія. Мѣстоименные корни здѣсь также какъ и вездѣ односложные. Словообразованіе совершается посредствомъ приставки формальныхъ элементовъ и рѣже съ помощью суффиксовъ.

Ф. Миллеръ (Grundriss der Sprachwissenschaft, Bd. I, Abth. II, s. 238—262) даетъ наглядное понятіе о духѣ этого въ высшей степени замѣчательнаго языка, который болѣе чѣмъ всякій другой заслуживаетъ названіе типичнаго представителя такъ называемой агглютинаціи. На ряду съ поразительнымъ богат-

ствомъ формы (въ языкѣ кафиръ существуетъ до восьми формъ несовершеннаго и такое же число формъ давнопрошедшаго времени и т. п.), мы встрѣчаемъ здѣсь рѣдкую отчетливость строенія, при которой филологу не стоитъ никакого труда разложить длиннѣйшее слово на его составные элементы. Подобной устойчивости этихъ языковъ (въ то же время замѣчательно прогрессивныхъ въ другихъ отношеніяхъ) главнымъ образомъ способствуетъ своеобразный обычай народовъ банту, повторять нѣсколько разъ въ одномъ и томъ же предложеніи первое встрѣчаемое въ немъ мѣстоименіе, хотя большею частью въ какой-либо иной усѣченной или полной формѣ. Такъ въ зулу (пишется большею частію цулу) языкѣ каффровъ зулу, который представляетъ близкое сродство съ идіомомъ собственно такъ называемыхъ каффровъ, встрѣчается, напримѣръ, такая фраза:

U-mu-ntu	*w*-etu	o-*mu*-chle	*u*-ya-bonakala	si-*m*-tanda
Мужчина (женщина)	нашъ	красивѣе	кажется	мы его любимъ

Означенное курсивомъ мѣстоименіе „u-mu“, поставленное передъ существительнымъ, почти соотвѣтствуетъ члену (Artikel), и повторяется здѣсь передъ всѣми словами предложенія или цѣликомъ (o-mu) или только въ видѣ коренныхъ буквъ (w, u, m). Вдобавокъ это далеко не единственная форма члена или указательнаго мѣстоименія, тѣмъ болѣе, что ихъ до 14-ти въ языкѣ зулу, особенно, если причислить сюда формы множественнаго числа: въ нѣкоторыхъ сродныхъ съ нимъ языкахъ число ихъ доходитъ до 16-ти. Такъ, напримѣръ, на языкѣ зулу множественное отъ umuntu (мужчина, человѣкъ) будетъ abantu (люди); земля называется у нихъ „i-li-zwe“; изъ этого образуется множественное „a-ma-zwe“—земли. Соотвѣтствующіе члены или мѣстоименія діалекта зуто или зото имѣютъ усѣченную форму, напр.: *mo*, множ. *va*; *le*, множ. *ma*. Тѣмъ не менѣе это чрезмѣрное богатство формъ для одного и того же грамматическаго понятія ни въ какомъ случаѣ не служитъ поводомъ къ неясности, потому что здѣсь нѣтъ ничего случайнаго, и въ одномъ и томъ же предложеніи исключительно употребляются формы одного какого-нибудь члена; такъ, напр., „наша прекрасная земля“, па языкѣ зулу выражена фразой: i-li-zwe l-etu e-li-chle. Легко понять, насколько эти постоянныя повторенія должны были способствовать огражденію формъ языка отъ всякихъ измѣненій. Они также въ весьма значительной степени облегчаютъ иностранцу пониманіе языка, такъ что изъ любопытныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ по этому поводу Ливингстономъ, мы узнаемъ, что знаменитый путешественникъ даже видитъ въ этихъ повтореніяхъ одно изъ преимуществъ языка банту передъ европейскими языками. „Они придаютъ каждому предложенію одинаковую силу и ясность и исключаютъ всякую возможность недоразумѣнія по поводу отношенія даннаго члена или мѣстоименія къ предшествующему члену предложенія. Эти частицы (члены) легко узнать съ перваго взгляда, такъ какъ они составляютъ начальный слогъ существительнаго; и поэтому здѣсь не можетъ быть и рѣчи о тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя подчасъ являются у насъ въ виду такихъ сбивчивыхъ выраженій, какъ „тотъ“ и „этотъ“. Тѣмъ не менѣе съ болѣе общей точки зрѣнія мы должны согласиться съ Бликомъ, который называетъ эти частицы лишней затруднительной прибавкой, а равно и съ Фр. Миллеромъ, который ставитъ въ упрекъ языкамъ банту „слишкомъ грубую и осязательную передачу формы, вслѣдствіе чего все строеніе ихъ языка получаетъ нѣчто тяжеловатое и даетъ мало надежды на дальнѣйшій прогрессъ“. Равнымъ образомъ языкамъ банту чуждо то, что мы называемъ грамматическимъ родомъ. Имъ вовсе неизвѣстно то различіе, которое выражается въ опредѣляющихъ словахъ въ видѣ грамматическаго члена или съ помощью окончаній, какъ добрый, добрая, доброе, bonus, bona, bonum; и служитъ характеристикой пола въ одушевленномъ и неодушевленномъ мірѣ. У банту явленія видимаго міра

не дѣлятся на предметы мужскаго, женскаго и средняго рода, а распадаются на шесть или восемь категорій, которыя вообще строго отдѣлены другъ отъ друга, съ помощью приставокъ, какъ со стороны формы, такъ и языка, хотя разумѣется даже при самомъ точномъ анализѣ, только отчасти можно отыскать внутренній и существенный поводъ для подобнаго дѣленія. Равнымъ образомъ банту чуждо собственно то, что мы называемъ множественнымъ числомъ, pluralis; по крайней мѣрѣ чуждо въ общемъ и отвлеченномъ смыслѣ, въ которомъ является у насъ понятіе множественнаго числа и которое мы также можемъ выразить грамматически, какъ, напр., на нѣмецкомъ языкѣ, съ помощью члена die. Мы говоримъ: „die Männer, die Frauen, die Dinge“ (мужчины, женщины, вещи). Но банту не можетъ образовать изъ Frau множ. Frauen, вслѣдствіе неподвижности и неподатливости своего языка. Онъ также не можетъ сказать: die Mann (en), die Frau (en), die Ding (e), потому что у нихъ нѣтъ признака, который бы означалъ вообще множественное число, подобно нѣмецкому die; но вмѣсто этого соотвѣтственно приставкамъ единственнаго числа, у него есть особыя приставки для выраженія множественнаго числа въ каждомъ единичномъ случаѣ. Такъ въ языкѣ кафиръ приставкѣ единственнаго числа m соотвѣтствуетъ приставка множественнаго числа ba и ma, приставка li — ma, приставка si — zi и т. п.; при этомъ нужно замѣтить, что число множественныхъ приставокъ ограниченнѣе, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ, особенно ma, должны служить замѣной многихъ приставокъ единственнаго числа для образованія множественнаго.

Не столько изъ-за лингвистическаго, сколько географическаго интереса, считаемъ нелишнимъ привести здѣсь въ видѣ поясненія родъ сравнительной таблицы, гдѣ приведены главные формы главнѣйшихъ приставокъ, которыя ставятся передъ существительнымъ въ языкахъ банту. Для большой краткости и наглядности мы представимъ только слѣдующія восемь группъ, а именно: I. Кафиръ. II. Сечуана, III. Мозамбикъ (зембези), IV. Занзибаръ, V. Діалектъ внутри материка, VI. Бунда, VII. Конго, VIII. Сѣверозападный діалектъ. Но при этомъ необходимо привести для каждой приставки обѣ формы: единственнаго и множественнаго числа.

Первая приставка. Един. почти одинаковая въ группахъ языковъ I—V umu-, mu-, um-, m-, mo-; въ VI и VII: omu-, om-, mo-, o-, u-; въ VIII: mu-, mo-, mw-, m-, bo-, bu-, bw , o-;
Множ. ba-, aba-, bo-, b-, va-, wa-, a-, o-; VI: ova-, oma-, oa-, ba-.
Вторая прист. Единс. m-, um-, mu-, mo-; VI: omu-, mu-, u-; VIII: mi-, m-, n-, dw-, mw-, mo-, mo-, bo-, bu-;
Множ. mi-, me-: omi-, ovi-, ï-, bi-, be-.
Третья прист. Единс. li-, ili-, le-, ri-, zi, ni-, i-; VI и VII: e-, i-, ri-; VIII: di , dsch-, d-, ì-, r-;
Множ. ma-, ama-, m-; VI: oma-, ova-; VII и VIII: ma-, a-, m-, ba-.
Четвертая прист. Единс. si-, s-, isi-, se-, tschi-, dsch-; IV; ki-, dsch; VI: otschi-, oschi; VII: ki-, ke-, ez-, e-; VIII: vi-, i-;
Множ. zi-, z-, izi-, li-, pi-, hi-, vi-, i-, ovi-.
Пятая прист. Единс. n-, in-, m-, on-, n-, m-;
Множ. zin-, zim-, zi-, izin-, lin-, lim-, m-, n-; VI: od'on-, on-, schom-, scho-, schin-; VII и VIII: sin-, im-, n-, m-.
Шестая прист. Единс. lu-, ulu-, lo-, le-, li-, u-, ro-, oru-, l-;
Множ. zin-, lin-, tin-, ni-, n-.

Кромѣ этихъ 6×2 главныхъ приставокъ, мы должны обратить особенное вниманіе еще на одну приставку, которая выражается въ формахъ ku-, kw-, oku-, xo-, ko-, множ. ma-, pa-, wa-, ha-, и имѣетъ главнымъ образомъ мѣстное значеніе. Подобная таблица по своей сухости и однообразію съ перваго

взгляда производитъ на насъ такое же безотрадное впечатлѣніе какъ африканская пустыня. Но чтобы познакомиться съ пустыней нужно пройти ее вдоль и поперегъ. Весь вопросъ заключается въ томъ: дѣйствительно-ли въ настоящее время наши свѣдѣнія увеличились и стали яснѣе, нежели прежде. До сихъ поръ въ числѣ случайныхъ извѣстій, разсѣянныхъ въ описаніяхъ путешествій и въ географическихъ руководствахъ, мы познакомились съ фактомъ, что югозападный народъ хереро „или также“ овахереро называетъ свой языкъ „очихереро“; кромѣ того мы узнали, что внутри материка діалектъ „сечуана“ господствуетъ у тѣхъ или другихъ племенъ, что такой-то народъ на восточномъ берегу говоритъ на языкѣ „кихіау“ или „кизуахели“ и т. п. Это были единичные факты, которые оставались въ памяти; но никто не задалъ себѣ труда отыскать въ нихъ смыслъ и какую либо связь. Нѣкоторые замѣчали мимоходомъ, что быть можетъ слово „otschi“ на діалектѣ хереро означаетъ „языкъ“ или, что это только родъ грамматическаго члена употребляемаго, въ извѣстномъ смыслѣ, подобно тому какъ нѣмцы вмѣсто „die deutsche Sprache“, говорятъ просто „das Deutsche“. Еще менѣе могло кому нибудь прійти въ голову, что „otschi“ въ сущности то-же самое слово, какъ se и ki въ діалектахъ сечуана и кихіау.

Четвертая приставка (един. чис.) означенная въ вышеприведенной таблицѣ сразу объясняетъ намъ сущность дѣла. Мы узнаемъ теперь, что всѣ эти начальные слоги какъ otschi (=o-tschi) se-, ki- относительно формы, фонетики, а равно своей сущности и значенія одни и тѣ-же; и если въ крайнемъ случаѣ они до извѣстной степени больше разнятся въ звуковомъ отношеніи, нежели верхненѣмецкое „das“ и шведское „det“, но также тождественны по значенію, какъ эти два. Вовторыхъ мы знаемъ, что otschi и т. д. только весьма условно могутъ быть сравниваемы съ нѣмецкимъ „das Deutsche“; и въ третьихъ, что оно собственно означаетъ „языкъ“. Бликъ даже прямо считаетъ otschi-, se-, ki. и т. д. приставками языка банту № VII (по дѣленію Блика), а мы съ своей стороны прибавимъ для поясненія: въ банту встрѣчается значительное число существительныхъ, которыя неизбѣжно связаны съ приставкой ki. Форма ki повидимому первоначальная; и согласно законамъ фонетики переходитъ въ различныхъ діалектахъ въ si, se, tschi и т. д. Въ настоящее время трудно сказать что либо опредѣленное, относительно первоначальной роли и значенія этого ki, потому что въ словаряхъ онъ встрѣчается въ различныхъ значеніяхъ: такъ напр. въ діалектѣ хереро ki ставится передъ именами людей и животныхъ, передъ названіями растеній, камней, частей тѣла, различной утвари, мѣстностей и т. д. Равнымъ образомъ оно ставится между прочимъ передъ именами народовъ и въ этихъ случаяхъ обозначаетъ также языкъ даннаго народа. Изъ этого слѣдуетъ, что се-чуâна, се-хлапи, се-зуто, се-ролонъ, ки-хіау, ки-камба, ки-ника, ки-замбâла, ки-суахели, о-чихереро, (быть можетъ также си-ндонга и и-зубу) представляютъ собой языки чуана и т. п. Этимъ же путемъ отчасти могутъ быть объяснены имена народовъ съ приставкой ki (португальцы пишутъ gui), которыя встрѣчаются въ описаніи Л. Магіара и у другихъ. Если напр. зуто хочетъ назвать свою землю, то онъ не говоритъ „земля Зуто“, а—„Зутоземля“ и т. п. или же прямо прибѣгаетъ къ помощи вышеозначенной третьей приставки le и говоритъ Le-suto. Этотъ le въ діалектѣ „келе“ замѣняется di; и отсюда образуется Di-kele, которое въ буквальномъ переводѣ означаетъ не „языкъ“, а „земля Келе“. Если же зуто хочетъ называть себя сообразно своей національности, то онъ говоритъ мо-зуто, т. е. прибавляетъ давно извѣстную намъ приставку перваго лица мо; соотвѣтственно этому, чуаны называютъ себя мо-чуана, хереро—о-му-гереро.

Соотвѣтствующія приставки множественнаго числа приведены нами выше, а именно: ba, va, ova и т. д.; отсюда произошли употребительныя имена народовъ ба-зуто, ба-чуâна (по англійскому произношенію бечуане) и проч.

Здѣсь однако слѣдуетъ замѣтить, что въ большинствѣ языковъ банту на ряду съ ba, употребляется еще третья множественная приставка, приведенная въ нашей таблицѣ: ma, — ama, и т. д. Сообразно съ этимъ, къ одному разряду могутъ быть причислены слѣдующія имена народовъ: ама-зулу, ма-свацп, ба-чуâна, ба-хлапи, ба-йейе, ба-зуто, ва-хіау, а-кáмба, ва-замбала. Равнымъ образомъ всѣ имена, какъ ва-покомо, ова-хереро, ова-мбо, ба-нано или ба-куа-нано (большею частью наз. нано), м-понгве, ба-келе (въ един. наз. н-келе, земля ді-келе) и сотни сходныхъ съ ними именъ въ Южной Африкѣ въ точности соотвѣтствуютъ другъ другу въ грамматическомъ отношеніи: во всѣхъ встрѣчаются обѣ приставки ba и ma (Bacmeister im Ausland, 1871, s. 644—645).

Приведенной здѣсь характеристикѣ соотвѣтствуетъ также въ высшей степени сложная система мѣстоименій и прежде всего строеніе глагола въ этой отрасли языка. Кромѣ вышеупомянутаго богатства временъ, она отличается подобно арабскому языку разнообразіемъ спряженій, которыя различнымъ образомъ видоизмѣняютъ основу глагола. Такъ, напр., на діалектѣ кафиръ hamba означаетъ идти, hambela = кидаться на что нибудь, hambeka = приготовиться къ ходьбѣ; tanda = любить, tandisa = заставлять любить, tandana = любить другъ друга, tandwa = быть любимымъ. Эти виды спряженій могутъ быть также соединены между собой, вслѣдствіе чего происходятъ различныя усложненія. Такъ, на діалектѣ кафиръ teta значитъ говорить, tet-ela = за себя говорить, tet-el-isa = за себя заставить говорить, tet-el-ana = обоюдно за себя говорить, tet-el-is-wa = за себя говорить быть заставленнымъ;—все это указываетъ на скопленіе формъ, которое живо напоминаетъ турецкій языкъ.

По мнѣнію Теодора Вайца, Геккеля и Фридриха Миллера банту представляютъ отдѣльную расу, отличную отъ такъ называемыхъ суданскихъ негровъ. Эта раса не была первоначально осѣдлой въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы ее находимъ въ настоящее время (на сѣверъ отъ области, занимаемой готтентотами до экватора и 5 гр. с. ш.), и переселилась сюда мало по малу съ сѣверо-востока, какъ показываютъ всѣ преданія каффрскихъ народовъ. „Эти ближайшіе родичи негровъ, говоритъ Миллеръ, вѣроятно жили къ востоку отъ послѣднихъ, и поэтому издавна находились въ дружественныхъ или непріязненныхъ сношеніяхъ съ племенами средиземной расы, вторгавшимися изъ Азіи, преимущественно хамитами. Многія черты каффрскаго типа, какъ въ физическомъ, такъ и умственномъ отношеніи, могутъ быть только объяснены тѣсными сношеніями обѣихъ расъ и народовъ. Каффрскій типъ по цвѣту кожи и строенію лица значительно уклоняется отъ негритянскаго; и въ этомъ отношеніи приближается къ средиземному;—между тѣмъ какъ въ языкѣ столько чертъ несомнѣннаго сходства съ хамитскимъ и семитскимъ идіомами, что мы неизбѣжно должны допустить фактъ заимствованія въ древнія времена. Такимъ образомъ мы считаемъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ предположеніе, что каффрская раса дифференцировалась въ незапамятныя времена, въ теперешній типъ, изъ первоначальной негритянской расы, посредствомъ смѣшенія съ хамитскими племенами“ (Allg. Ethnographie, s. 179). Между тѣмъ Густавъ Фричъ возстаетъ противъ этого

взгляда; и не только сильно оспариваетъ, но почти прямо отрицаетъ связь банту съ средиземной расой; вслѣдствіе чего Робертъ Гартманъ признаетъ банту настоящими нигритійцами (Die Nigritier, Bd. I s. 409), хотя въ то же время долженъ допустить, что въ нигритійской семьѣ они образуютъ крайнюю отрасль (A. a. O., s. 410). Пешель также считаетъ ошибочнымъ обособленіе банту, какъ расы отдѣльной отъ негровъ, хотя по языку и можно было бы строго отдѣлить большую южно-африканскую семью отъ суданскихъ негровъ (Volkerkunde, s. 468). Всѣ племена, принадлежащія къ банту, отличаются темнымъ цвѣтомъ кожи, съ черноватымъ оттѣнкомъ, и рунообразными волосами, длина и свойства которыхъ весьма измѣнчивы; но при этомъ они никогда не бываютъ гладкими и прямыми. Цвѣтъ кожи также далеко не одинаковъ и представляетъ самые разнообразные оттѣнки, отъ темной сепіи до синевато-черной окраски; тѣлосложеніе большею частью сильное, черепъ долихокефальный и высокій; строеніе лица у чистокровной расы никогда не бываетъ похоже на европейскій типъ. Первые изъ изслѣдователей, описавшихъ этотъ народъ, а именно Лихтенштейнъ, Барроу и Вудъ, изобразили каффровъ, какъ идеально красивую породу людей, напоминающихъ „живыя статуи", которыя художникъ охотно выбралъ бы моделью для изученія классическихъ формъ. Но это заблужденіе было окончательно устранено Фричемъ, благодаря измѣреніямъ, которыя были сдѣланы имъ надъ нѣсколькими каффрами, и, быть можетъ, еще болѣе вслѣдствіе его добросовѣстныхъ снимковъ; изображенныя въ нихъ мужскія и женскія фигуры съ перваго взгляда могутъ безслѣдно уничтожить всякія иллюзіи относительно наружности каффровъ.

Не только каффрскій черепъ, но весь скелетъ поразительно отличается отъ европейскихъ расъ. Прежде всего бросается въ глаза въ высшей степени любопытный фактъ, что строеніе костей у каффровъ и у европейцевъ представляетъ то же соотношеніе, какое замѣчается между дикими и прирученными животными того же вида. Скелетъ каффра носитъ ясный характеръ отсутствія культуры; онъ проявляется въ болѣе слабыхъ и тонкихъ костяхъ, которыя при меньшемъ объемѣ крѣпки, эластичны и имѣютъ гладкую поверхность. Выпуклости и суставы рѣзко и ясно обозначены, но не такъ массивны, какъ это нерѣдко бываетъ у нашихъ соплеменниковъ. Повидимому, всего слабѣе развиты оконечности суставовъ. Равнымъ образомъ ребра, позвонки, туловище и т. д. менѣе массивны, нежели соотвѣтствующія кости у любаго нѣмца. Но черепъ въ этомъ отношеніи представляетъ обратное явленіе, такъ какъ онъ отличается плотнымъ массивнымъ развитіемъ костей, что всего болѣе проявляется въ строеніи лица. Темянныя кости довольно толсты, хотя это не особенно поражаетъ съ перваго взгляда, вслѣдствіе общей формы черепа. Что касается послѣдней, то у каффровъ она представляетъ значительную высоту при достаточной длинѣ. Указатель ширины мужскихъ каффрскихъ череповъ, измѣренныхъ Фричемъ, доходитъ до цифры 71,89, тогда какъ указатель высоты тѣхъ же самыхъ череповъ представляетъ 73,81 частей длины. Однако, несмотря на эту значительную высоту, долихокефалія все еще весьма замѣтна. При этомъ затылочная кость сильно выступаетъ впередъ, между тѣмъ, какъ верхняя че-

шуя съ нижней образуютъ замѣтный уголъ. Лобъ большею частью довольно выпуклый; лобные бугры мало выступаютъ впередъ. Особенно поразителенъ прогнатизмъ костей лица, нижняя часть котораго значительно выдвинута впередъ, чего нельзя сказать о направленіи зубовъ, такъ что главная причина прогнатичности заключается въ сильномъ развитіи челюстныхъ костей, особенно нижней челюсти, строеніе которой очень массивно и у мужчинъ почти образуетъ прямой уголъ; восходящая вѣтвь короткая и настолько широка, что ее можно назвать квадратной; подбородокъ ясно обозначенъ, хотя не сильно выступаетъ впередъ. Скуловыя кости также сильно развиты, но скуловая дуга не особенно выпуклая. Черепъ сравнительно всего благообразнѣе, если на него смотрѣть спереди, такъ какъ линіи абриса вообще довольно правильны; но и здѣсь замѣтно сильное развитіе жевательныхъ мышцъ. Лобъ широкій; глазницы большія, округленныя или до нѣкоторой степени косо лежащія; углы умѣренно выпуклые. При этомъ большое разстояніе между обѣими глазницами, при незначительномъ развитіи носовыхъ костей, составляетъ здѣсь весьма выдающуюся особенность, такъ какъ въ такой сильной степени не встрѣчается ни у одного изъ африканскихъ племенъ.

Не менѣе любопытны наблюденія, сдѣланныя Фричемъ надъ тазомъ каффровъ. Они приводятъ къ тому выводу, что тазъ каффровъ не представляетъ никакихъ вполнѣ типичныхъ мужскихъ или женскихъ формъ и составляетъ помѣсь различныхъ признаковъ, которые большею частью скорѣе подходятъ къ мужскому типу. Остальныя части скелета—верхняя часть туловища, верхнія и нижнія оконечности, какъ упомянуто выше, отличаются слабымъ и тонкимъ строеніемъ, что составляетъ ихъ наиболѣе замѣчательную особенность. Считаемъ также не лишнимъ упомянуть, что осевой поворотъ предплечья образуетъ у нихъ значительный уголъ, какъ у многихъ африканскихъ племенъ.

Строеніе ногъ представляетъ поразительныя различія, такъ какъ громадныя колебанія встрѣчаются даже у племенъ, живущихъ почти въ одной мѣстности. Такъ, напр., нога каффра имѣетъ длинную и вытянутую форму и въ то же время положеніе колѣннаго и голенностопнаго сочлененій обусловливаетъ отклоненіе большаго пальца, какъ это вообще довольно часто встрѣчается у дикихъ народовъ. Стоитъ вспомнить ботокудовъ въ Бразиліи, у которыхъ большой палецъ настолько отдѣленъ отъ остальныхъ, что ноги черезъ это становятся очень способными къ лазанію и слѣды ихъ легко отличить отъ бѣлыхъ.

Что касается цвѣта кожи банту, то онъ почти черный, хотя совершенно темныя разновидности встрѣчаются не такъ часто, какъ болѣе свѣтлыя. Здѣсь существуетъ своеобразный обычай намазывать кожу красной охрой и черезъ это, вслѣдствіе болѣе или менѣе сильной окраски, кожа теряетъ свой первоначальный темный колоритъ. Помимо цвѣта, кожа этой расы отличается болѣе грубыми тканями; поры и неровности эпидермиса гораздо замѣтнѣе, нежели у непигментированныхъ народностей, такъ что даже у молодыхъ индивидовъ все тѣло испещрено какъ-бы небольшими скважинами, которыя съ годами переходятъ въ маленькія морщины. Волоса на тѣлѣ составляютъ важный отличительный признакъ для африканскихъ расъ. У а-банту растительность волосъ вообще скудная, такъ что кожа на тѣлѣ почти совсѣмъ гладкая, между тѣмъ какъ борода и волосы на головѣ имѣютъ косматый видъ; при этомъ первая довольно жидка, а послѣдніе густые и крѣпкіе. Волоса въ поперечномъ разрѣзѣ овальной формы, толстые, жесткіе и упругіе.

Фигура каффра вообще кажется слишкомъ удлиненной, что главнымъ образомъ объясняется крутымъ, почти отвѣснымъ положеніемъ грудной клѣтки и незначительнымъ выступомъ бедренныхъ костей, между тѣмъ какъ плечи довольно хороши, хотя некрасиво вывернуты. Въ большинствѣ случаевъ мужчины несравненно типичнѣе женщинъ; и въ то время, какъ при извѣстномъ

знакомствѣ съ туземцами не трудно опредѣлить по тѣлосложенію къ какому племени принадлежитъ субъектъ мужескаго пола, это почти невозможно въ примѣненіи къ женщинѣ. „Въ молодые годы, говоритъ Фричъ, формы тѣла довольно красивыя, полныя и округленныя; но и тогда они лишены миловидности и граціи. Члены тѣла неуклюжіе, съ грубыми очертаніями и точно вырѣзанные изъ дерева". Первая часть характеристики, гдѣ почтенный ученый упоминаетъ о красотѣ тѣлосложенія, можетъ быть вѣрна только съ кафферской точки зрѣнія, но, по нашему идеалу о красотѣ, мы не можемъ согласиться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что имѣемъ передъ глазами рисунки, приложенные къ его труду. Если же дѣвушекъ нельзя назвать красивыми, то замужнія женщины положительно безобразны, чему собственно не мало способствуетъ ихъ общественное положеніе, а равно и возмутительные нравы и обычаи.

КАФФРЫ.

Самый южный отдѣлъ восточныхъ банту представляетъ собою народъ, который мы называемъ общимъ именемъ каффровъ. Онъ живетъ на востокѣ Капской земли, начиная отъ большой Рыбной рѣки

Кечвайо, бывшій король каффровъ зулу.

къ сѣверу по широкой береговой полосѣ до залива Делагоа и образуетъ главную массу туземнаго населенія Британской Каффраріи, въ землѣ „независимыхъ“ каффровъ, въ Наталѣ и восточномъ Трансваалѣ, а также въ области между Тугела и рѣкой Лимпопо. Естественно, что и этотъ народъ въ свою очередь распадается на различныя племена, изъ которыхъ наиболѣе значительныя: ама-ксоза или ама-коза, ама-темпу или тамбуки, ама-тебеле, обыкновенно называемое матебеле, ама-мпондо и ама-зулу. Послѣдніе въ продолженіи долгаго времени были господствующимъ племенемъ; ихъ вождь или король, грозный Чака, „южно-африканскій Наполеонъ“, почти окончательно разсѣялъ и уничтожилъ девять другихъ племенъ. Соединившіеся остатки послѣднихъ образуютъ ама-фенгу или фингу, которые живутъ на лѣвомъ берегу большой рѣки Кай. Племя ама-ксоза живетъ между рѣками Кай и Рыбной; „независимая“ Каффрарія (которая, впрочемъ, съ 22 іюня 1876 года равнымъ образомъ присоединена къ Капской колоніи), пріютила ама-тембу, почти вымершихъ ама-галика или гаика у рѣки Баши, и далѣе на сѣверъ къ Наталю ама-мпондо, которые также распространились внутрь страны, гдѣ они встрѣтили противодѣйствіе со стороны ама-зулу. Послѣдніе равнымъ образомъ живутъ внѣ страны, на сѣверъ отъ Наталя, границей котораго служитъ Тугела; они пользуются полной независимостью подъ властью туземныхъ вождей; и именно эти зулу, или зулусы, самыя сѣверныя изъ болѣе значительныхъ каффрскихъ племенъ, причиняютъ много хлопотъ своимъ сосѣдямъ англичанамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на сѣверѣ къ нимъ примыкаютъ еще многія другія племена; къ сожалѣнію мы не имѣемъ о нихъ точныхъ свѣденій; но по языку и нравамъ они вѣроятно принадлежатъ къ той же группѣ народовъ. Это ама-тонга у залива Делагоа и ама-свази живущіе къ западу отъ первыхъ внутри страны. Матабеле по нѣкоторымъ извѣстіямъ находятся подъ властью зулусовъ; они живутъ совсѣмъ на сѣверѣ, въ южномъ бассейнѣ Замбези. Наиболѣе цивилизованными оказываются тѣ племена, которыя занимаютъ здоровыя мѣстности страны, а именно плоскогорье и болѣе южную часть берега. Внутри материка туземцы чернѣе, менѣе хорошо сложены и также отстали отъ предъидущихъ въ умственномъ отношеніи. Разумѣется мы не станемъ распространяться о всѣхъ каффрскихъ племенахъ и ограничимся описаніемъ самаго значительнаго изъ нихъ зулу (множественное „зулусы“, нѣмецкое правописаніе цулу неправильно; начальный звукъ мягкое з какъ напр., въ словѣ роза); и только при случаѣ будемъ отмѣчать уклоненія встрѣчаемыя у другихъ племенъ, тѣмъ болѣе, что этого рода различія крайне незначительны.

Настоящимъ мѣстомъ жительства зулусовъ служитъ узкая береговая полоса, которая лежитъ на сѣверъ отъ колоніи Портъ-Наталь,

между этой послѣдней, владѣніями Трансвааля и португальскимъ поселеніемъ у залива Делагоа. Но это не всегда было такъ. Въ прежнія времена народъ зулу былъ распространенъ во всей юго-восточной Африкѣ и благодаря своимъ выдающимся воинственнымъ качествамъ поработилъ всѣ сосѣдніе народы. Вождь Чака, котораго скорѣе можно назвать „африканскимъ Аттиллой", основалъ въ 1812—1828 г. большое государство, которое простиралось отъ Мозамбикскаго берега на сѣверѣ до восточной границы Капской колоніи на югѣ.

Предшественникъ грознаго Чака, по имени Дингисвайо, первый создалъ у зулусовъ регулярную постоянную армію, раздѣленную на полки. Чака сынъ Сенцангакаса, одинъ изъ его второстепенныхъ вождей поступилъ солдатомъ въ новую армію. Послѣ смерти Дингисвайо, и, согласно его послѣдней волѣ Чака былъ превозглашенъ королемъ всей націи зулу; удостовѣрившись изъ примѣра прежнихъ битвъ въ дѣйствительности и могуществѣ новой военной организаціи, онъ рѣшился начать наступательную войну въ большихъ размѣрахъ и покорить своей власти всѣ каффрскіе народы Южной Африки. Съ этою цѣлью онъ прежде всего употребилъ всѣ усилія, чтобы закалить по спартански своихъ подданныхъ и сдѣлать изъ нихъ суровыхъ воиновъ, равнодушныхъ ко всѣмъ земнымъ благамъ. Поэтому солдаты его не смѣли имѣть дѣтей: но могли держать какое угодно количество наложницъ. Чака раздѣлилъ свою армію на полки въ 1500 человѣкъ; каждый полкъ въ свою очередь, состоялъ изъ трехъ дивизій: 1) пожилые люди или ветераны, своего рода „старая гвардія", которая употреблялась въ битвахъ въ качествѣ резерва въ крайнихъ случаяхъ; 2) молодые люди, которые должы были начинать каждую битву; 3) обозъ, т. е. носильщики багажа и запасовъ, а равно и погонщики скота. Полки отличались другъ отъ друга цвѣтомъ перьевъ служащихъ украшеніемъ, и шкурами вокругъ пояса; для помѣщенія устроены были общіе укрѣпленные краали. Если въ такомъ краалѣ появлялся ребенокъ, то его безжалостно убивали. Для каждаго полка было два краала на 750 чел. каждый; такой крааль состоялъ изъ четырехъ рядовъ хижинъ, построенныхъ вокругъ скотнаго краала и обнесенныхъ высокимъ заборомъ. Это войско, бывшее постоянно наготовѣ состояло изъ 20 полковъ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ оно могло быть удвоено въ нѣсколько часовъ, а именно до 60,000 человѣкъ.

Одновременно съ этимъ, Чака, безспорно одаренный рѣдкими способностями полководца, ввелъ новый способъ веденія войны, невиданный у туземцевъ Южной Африки, а именно; замкнутую фалангу и короткое копье. Между тѣмъ остальныя туземныя племена привыкли драться въ разсыпную и бросать свои „assagaie" на извѣстномъ разстояніи; и поэтому остались беззащитными, какъ только выпускали изъ рукъ свое метательное оружіе. Чака, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ своимъ воинамъ приносить съ битвы свое копье („Irua"). Наступательное движеніе зулусовъ обыкновенно имѣетъ характеръ набѣга. Среди ночи врывается значительный вооруженный отрядъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ носильщиковъ пробѣгаетъ въ короткое время большія разстоянія и бросается съ дикимъ боевымъ крикомъ на непріятеля, который въ случаѣ удачнаго нападенія безжалостно убивается совмѣстно съ женами и дѣтьми, между тѣмъ какъ захваченный скотъ дѣлится между воинами и вождями.

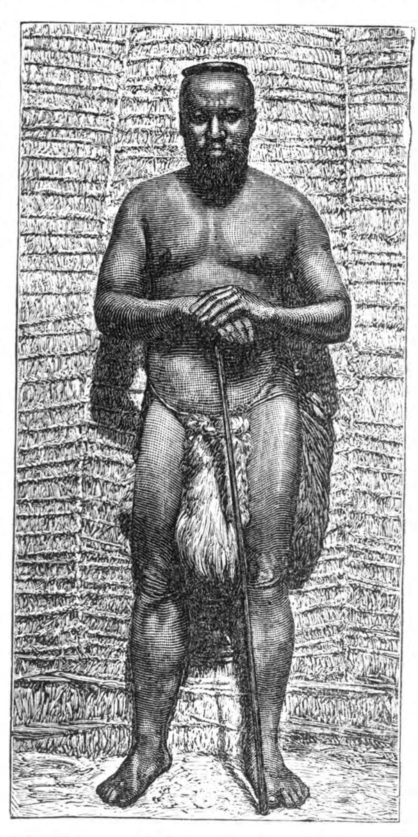
Въ правленіе племянника Чака, короля Кечвайо, — который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ долгой и кровопролитной войны сдался англичанамъ—армія зулусовъ доходила до 45—50000 человѣкъ. Она была раздѣлена на двѣ половины, приблизительно равныя по числу. Въ первой войска были составлены изъ холостыхъ людей и носили бѣлые щиты; во второй—были только

женатые, которые носили черные щиты. Никто не имѣлъ права жениться безъ особаго разрѣшенія короля; но если полкъ выказалъ необыкновенныя подвиги храбрости и заслужилъ чрезвычайную милость, то всѣмъ солдатамъ этого полка давалось разрѣшеніе жениться. Но съ момента заключенія брака они немедленно причислялись къ другой половинѣ арміи. Каждый мужчина отъ 16 до 60-ти лѣтняго возраста считался годнымъ къ военной службѣ. Дисциплина доходила до крайней строгости, и малѣйшее отступленіе отъ нея наказывалось смертью. Впрочемъ каффры зулу вообще отличаются презрѣніемъ къ смерти, которое служитъ для нихъ главнымъ источникомъ мужества и недаетъ имъ отступить въ бою. Говорятъ, что при переходѣ черезъ рѣку, они такъ близко нажимаютъ другъ на друга, безпощадно, подгоняя передніе ряды, что это исключаетъ всякую возможность къ отступленію. Многіе тонутъ въ подобныхъ случаяхъ; но никто не обращаетъ на это вниманіе; войско переходитъ рѣку и продолжаетъ путь, какъ будто ничего не случилось.

Молодой каффрскій воинъ.

Первоначально зулусы были вооружены копьями, такъ наз. „assagaîe"; они владѣли ими съ большимъ искусствомъ и до сихъ поръ употребляютъ ихъ при битвахъ, на незначительномъ разстояніи, и во время набѣговъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Кечвайо задался мыслью завести соотвѣтствующее вооруженіе и сообразно съ этимъ употребилъ всѣ усилія, чтобы добыть огнестрѣльное оружіе для своей арміи. Но это была нелегкая задача. Сначала приходилось довольствоваться всѣмъ, что можно было добыть по этой части. Зулусы, по приказанію короля, покидали родину небольшими группами, и, пройдя съ трудомъ значительныя пространства, нанимались въ качествѣ слугъ или рудокоповъ на алмазныхъ пріискахъ, въ Капской землѣ и работали до тѣхъ поръ, пока имъ не удавалось купить оружіе на сдѣланныя сбереженія. Затѣмъ они возвращались домой съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, пріобрѣтеннымъ дорогой цѣной; приказъ короля въ этомъ отношеніи былъ настолько строгъ, что ни одному зулу не пришло въ голову отступить отъ него. Впослѣдствіи Кечвайо, посредствомъ мѣновой торговли пріобрѣлъ довольно зна-

чительное количество хорошихъ ружей и даже новой системы. Тѣмъ не менѣе зулусы, на свое несчастіе, не могли надлежащимъ образомъ пользоваться ими, такъ какъ не были достаточно знакомы съ ихъ механизмомъ, тѣмъ болѣе, что недостатокъ въ боевыхъ запасахъ лишалъ ихъ возможности упражняться въ стрѣльбѣ. Докторъ Э. Голубъ описываетъ слѣдующимъ образомъ ихъ способъ веденія войны: „Зулусы главнымъ образомъ стараются ударить всей массой на слабый пунктъ непріятеля и подавить его численностью. Съ неудержимымъ мужествомъ и яростью тигровъ они бросаются впередъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на сотни людей падающихъ въ ихъ рядахъ и на мертвыхъ, которые преграждаютъ имъ путь; они спѣшатъ какъ можно скорѣе вступить въ рукопашный бой, не оглядываясь по сторонамъ, и, не дѣлая ни малѣйшей попытки укрыться за кустарникомъ или каменьями. Поэтому для аттаки они предпочитаютъ открытое поле. При своемъ природномъ мужествѣ и гордомъ сознаніи своей храбрости, они глубоко убѣждены, что стоитъ имъ примѣнить вышеупомянутую тактику, чтобы одержать побѣду. Они равнодушно относятся къ потерямъ, которыя испытываютъ послѣ каждой битвы, и настолько привыкли смотрѣть на человѣческую рѣзню, какъ на обыденное событіе, что гибель ихъ товарищей, падающихъ вокругъ нихъ, не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія. Когда они выстроены въ боевомъ порядкѣ, каждый воинъ держитъ ружье въ правой рукѣ, и сверхъ того, короткое и длинное копье „assagei“; къ лѣвому предплечью привязанъ небольшой щитъ. Но такъ какъ они не особенно искусно владѣютъ ружьями, то большею частью ограничиваются двумя залпами въ началѣ битвы. Затѣмъ они кидаютъ въ сторону ружье и бросаются сплоченными массами на непріятеля съ длиннымъ копьемъ въ правой рукѣ. Они останавливаются на всемъ бѣгу, на разстояніи 40 — 60 шаговъ отъ непріятеля; и сотни, тысячи копій летятъ на послѣдняго. Затѣмъ они берутъ въ правую руку короткое копье и нападеніе возобновляется. Если непріятель находится отъ нихъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, то они дѣлаютъ послѣднюю кратковременную остановку, переламываютъ „assagai“ на лѣвомъ колѣнѣ (?); и тогда начинается ихъ любимый рукопашный бой, который среди общей рѣзни, большею частью кончается въ пользу зулусовъ.

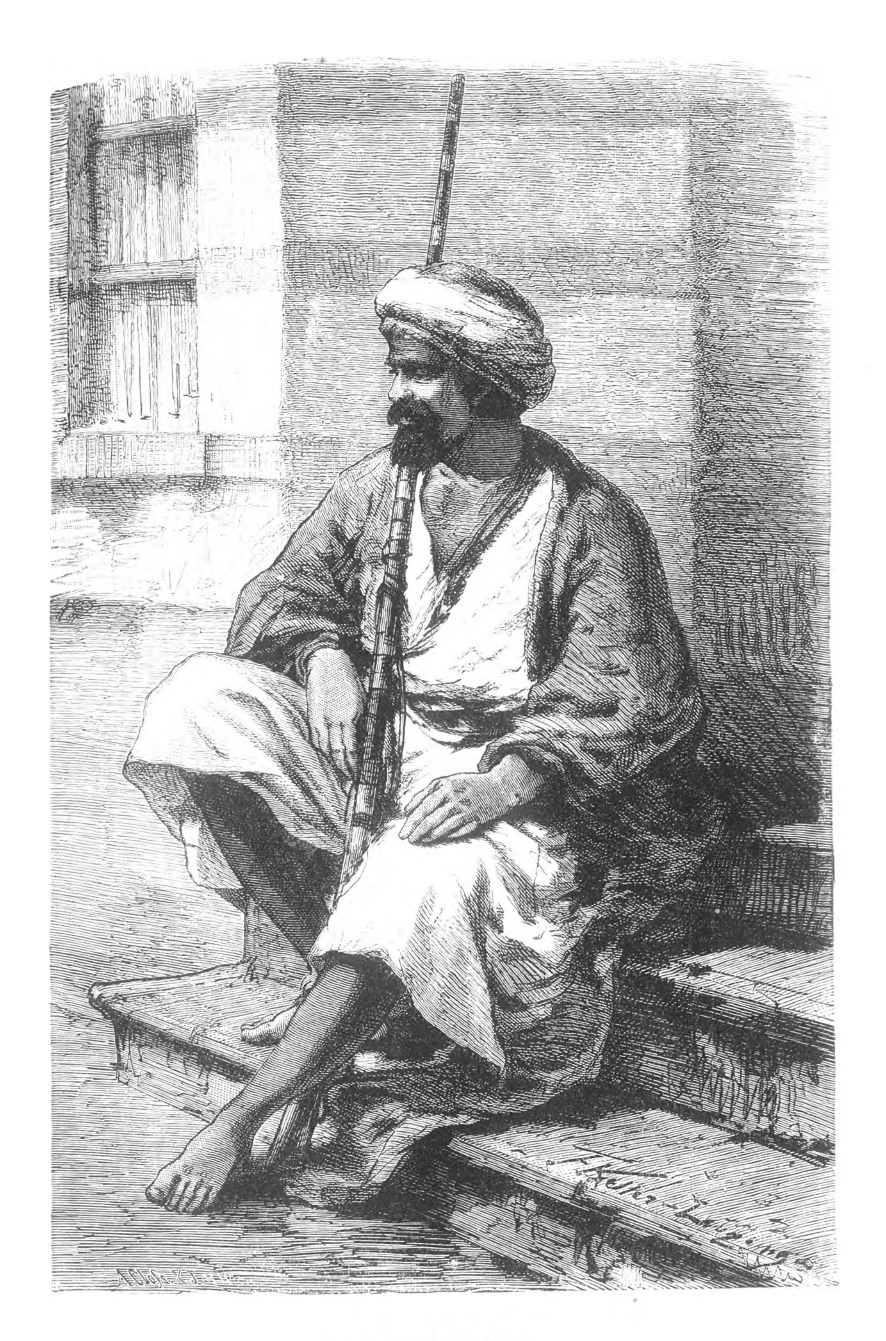


Каффрскій король Гоца, передъ своей хижиной.

По свидѣтельству Густава Фрича наружность зулусовъ въ высшей степени разнообразна, такъ что трудно установить для нихъ опредѣленный типъ. Лица правильнѣе, нежели у другихъ каффровъ; носъ лучше развитъ и менѣе вздернутъ; лобъ высокій, губы сильно выворочены; но прогнатизмъ лица большею частью весьма незначительный. Черепъ, благодаря отсутствію головныхъ покрововъ съ юности, которые бы защищали его отъ солнца, вѣтра и дождя, становится настолько жесткимъ и крѣпкимъ, что можетъ безнаказанно вынести тяжелый ударъ кулакомъ или какимъ-либо другимъ предметомъ, кото-

Каффръ племени амапумазу съ головнымъ кольцомъ „исикоко".

рый положилъ бы на мѣстѣ европейца. Тѣлосложеніе зулусовъ совершенно правильное въ анатомическомъ отношеніи; члены тѣла точно выкованы изъ желѣза и какъ будто нарочно созданы, чтобы выносить сильнѣйшее утомленіе и исполнять самыя тяжелыя работы. На берегу, въ пристаняхъ, часто случается видѣть ихъ бронзовыя атлетическія фигуры; они безъ всякаго усилія занимаются выгрузкой и нагрузкой кораблей и лодокъ при сильномъ прибоѣ волнъ и подъ па-



Бедуинъ изъ Каира.

лящими лучами солнца. Здѣсь рѣдко можно встрѣтить уродливыхъ, болѣзненныхъ или слабыхъ дѣтей. Зулусы вообще отличаются замѣчательнымъ тѣлосложеніемъ. Ростъ ихъ обыкновенно доходитъ до 2 м. высоты; все тѣло пропорціональное и округленное, съ крѣпкими мускулами и сочлененіями; грудная полость сильно развита почти четвероугольная и округленная, но не кончается перехватомъ или такъ называемой таліей.

Цвѣтъ кожи у зулусовъ темно-коричневый, иногда болѣе свѣтлый, съ красноватымъ отливомъ; въ рѣдкихъ случаяхъ даже почти бѣлый при рожденіи, но съ возрастомъ принимаетъ болѣе темный оттѣнокъ, хотя при этомъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозрить примѣсь бѣлой крови. Цвѣтъ кожи становится темнѣе по мѣрѣ приближенія къ сѣверу и къ заливу Делагоа до экватора. Кромѣ того, мужчины отличаются здѣсь отъ другихъ южно-африканскихъ племенъ болѣе богатой растительностью бороды. По достиженіи зрѣлаго возраста, они выбриваютъ волосы вокругъ макушки головы и оставляютъ круглый пучокъ волосъ, изъ котораго устраиваютъ съ помощью камеди Mimosa acacia родъ высокаго волосянаго вѣнка или короны, сообразно положенію лица и времени. Эта прическа бываетъ особенно тщательно сдѣлана и отличается разнообразіемъ во время войны и на празднествахъ. Зулусы держатся гордо и прямо и съ видимымъ сознаніемъ своей свободы и независимости; въ умственномъ отношеніи они также значительно превосходятъ своихъ цвѣтныхъ сосѣдей (каффровъ, готтентотовъ, бушменовъ и т. п.). Измѣненія въ цвѣтѣ кожи, обусловленныя пигментомъ кожи или окрашивающимъ веществомъ, сравнительно болѣе замѣтны въ извѣстную пору. Бархатистая темная кожа становится немного грубѣе и свѣтлѣе преимущественно вслѣдствіе зимняго холода; и тогда въ припадкѣ ярости и гнѣва лицо не краснѣетъ, какъ у людей кавказскаго племени, но, вмѣсто темно-коричневаго, дѣлается коричнево-сѣраго цвѣта и даже радужная оболочка глаза вмѣсто чернаго принимаетъ коричнево-желтый оттѣнокъ. При желтухѣ цвѣтъ кожи свѣтлѣе обыкновеннаго; между тѣмъ какъ при водяной онъ, повидимому, измѣняется въ очень незначительной степени. Если мертвое тѣло болѣе или менѣе продолжительное время пролежало зарытое въ сырой землѣ или въ болотѣ, то темно-коричневая кожа превращается въ красновато-бѣлую. Этотъ фактъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣти иногда рождаются съ совершенно свѣтлой кожей, которая мало по малу становится такой же темной, какъ у родителей, невольно наводитъ на вопросъ: не увеличиваются ли клѣтки пигмента отъ солнечнаго свѣта и, наоборотъ, въ темнотѣ и особенно въ сырой землѣ, не дѣлаются ли онѣ меньше и даже совсѣмъ исчезаютъ?

Требованія цивилизаціи относительно одежды извѣстны зулусамъ только съ 1830 года, а выборъ цвѣтовъ, шерстяныхъ или шелковыхъ матерій до сихъ поръ не представляетъ для нихъ никакого затрудненія. Въ мирное время, все тѣло, кромѣ самаго необходимаго прикрытія бедеръ, предоставлено круглый годъ волѣ вѣтровъ и солнца. У настоящихъ каффровъ покрыты только Glans penis. По старому обычаю они нерѣдко натираютъ голову и всю кожу масломъ и жиромъ, иногда съ примѣсью охры, что во всякомъ случаѣ служитъ предохраненіемъ отъ уколовъ насѣкомыхъ, простуды и накожныхъ болѣзней. Для войны и по поводу большихъ празднествъ зулу укра-

шаетъ себя мѣхами и хвостами львовъ, леопардовъ, бѣлыхъ быковъ, обезьянъ и пр., которые онъ навѣшиваетъ частью на голову, частью на шею, грудь, бедра и колѣни, что въ связи съ высокими страусовыми перьями головнаго убора придаетъ ему дикій и воинственный видъ. Къ этому нужно прибавить широкій, жесткій щитъ въ $1^1/_2$ до 2 м. длины и $^3/_4$ м. ширины, сдѣланный изъ плотныхъ бычачьихъ шкуръ, копья, дубину (еще одинъ видъ смертоноснаго оружія), и мы получимъ наглядное понятіе объ этомъ опасномъ противникѣ, который настолько же ловокъ, насколько мужественъ и, не мѣняясь въ лицѣ, выноситъ сильнѣйшія страданія.

Между женщинами племени зулу встрѣчаются анатомически безупречныя формы, а также интеллигентныя головы и физіономіи. Что касается ихъ одежды, то она могла бы быть названа классической, какъ греческая и римская: это родъ кожаной тоги, называемой „kaross", которая покрываетъ всю фигуру, такъ что видна только шея, часть рукъ и ногъ, украшенныхъ стеклянными бусами и мѣдными кольцами, и ступни ногъ, обутыхъ въ сандаліи. Подъ „kaross" надѣваютъ еще кожаный передникъ или юбочку, покрывающую бедра, которая равнымъ образомъ обшита бусами и металлическими пуговицами. Подростающія дѣти носятъ простой кожанный передникъ. Молодыя дѣвушки при наступленіи зрѣлости должны пройти своего рода курсъ обученія; при этомъ имъ красятъ все тѣло бѣлой краской и надѣваютъ на нихъ шляпу, плащъ и камышевый передникъ. Обученіе заключается въ наставленіяхъ относительно ихъ позднѣйшаго положенія въ семьѣ, свѣтѣ, ихъ правъ, обязанностей и пр.; въ это время онѣ строго отдѣлены отъ своихъ домашнихъ. По окончаніи установленнаго срока устраивается праздникъ, на которомъ онѣ вступаютъ въ ряды женщинъ; съ нихъ снимаютъ камышевый передникъ, купаютъ, наряжаютъ въ бусы и женское платье и раскрашиваютъ безобразными румянами, какъ напр. красной охрой. Актъ празднества кончается пляской и пѣніемъ. Пылающіе костры изъ зажженныхъ камышевыхъ одеждъ и тростника освѣщаютъ эту яркую фантастическую картину празднества.

Наружность зулусовъ имѣетъ въ себѣ нѣчто рыцарское и отчасти внушительное, даже въ томъ случаѣ, если онъ не въ костюмѣ воина и его могущественная атлетическая фигура завернута въ „kombars", плохое шерстяное одѣяло или мѣховой плащъ, сшитый изъ лоскутковъ звѣриныхъ шкуръ. Въ его полуснисходительномъ поклонѣ сказывается гордое самосознаніе, характерное для расы, которая считаетъ себя совершенно равной съ европейской. Насколько зулу высокаго мнѣнія о себѣ, видно изъ того факта, что онъ только въ исключительныхъ случаяхъ дѣлаетъ попытку изучить языкъ европейцевъ и черезъ это принуждаетъ колонистовъ усвоить языкъ зулу.

Зулусы живутъ въ прочныхъ, просторныхъ, круглыхъ хижинахъ, похожихъ на пчелиные улья съ полукруглымъ входомъ такой величины, чтобы взрослый человѣкъ могъ войти и выйти изъ него. Повидимому туземцы не признаютъ другой линіи кромѣ изогнутой, потому что они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о четырехъугольныхъ жилищахъ; поля ихъ также не представляютъ прямыхъ линій, а только округленныя, исключая тѣхъ мѣстностей, гдѣ они научились употребленію плуга. По срединѣ каждой хижины, построенной на мѣстѣ прежняго муравейника, съ гладкимъ крѣпко утоптаннымъ

поломъ, находится плоское круглое углубленіе, которое служитъ очагомъ. Но такъ какъ зулусы, благодаря прекрасному климату, собственно пользуются хижинами только для ночлега и храненія оружія, утвари и имущества, то днемъ они рѣдко сидятъ въ нихъ. Послѣ заката солнца вся семья собирается вокругъ пылающаго огня, ужинаетъ и бесѣдуетъ между собой. Затѣмъ входъ въ хижину закрывается своего рода дверью; и всѣ ложатся на рогожи, бычачьи или звѣриныя шкуры, головой къ стѣнѣ хижины, а ногами къ очагу. Каждый завертывается съ головой въ свое одѣяло или, сверхъ того, въ выдѣланную сыромятную кожу. Обыкновенно собаки стерегутъ хижину. Болѣе зажиточные люди употребляютъ ночью для подстилки пантеровыя или леопардовыя шкуры, а вмѣсто подушки ставятъ подъ голову рѣзную дугообразную деревяшку на четырехъ ножкахъ.

Каффрскія дѣвушки.

Болѣе бѣдные нерѣдко имѣютъ только одно кожанное одѣяло для подстилки и завертыванія. Дымъ отъ вечерняго огня не выходитъ въ трубу, но остается подъ крышей хижины. Хотя такой воздухъ показался бы тяжелымъ для европейца; но зулусы считаютъ его здоровымъ, и они до извѣстной степени правы, какъ это показали новѣйшія санитарныя изслѣдованія.

Обстановка подобной хижины въ высшей степени проста. Одна англичанка леди Баркеръ посѣтила хижину каффрскаго вождя Мазимбулу; по ея словамъ въ хижинѣ ничего не было, кромѣ пары стульевъ, нѣсколькихъ шкуръ и рогожъ, служившихъ постелью; кучи хлѣбной мякины для поддержанія огня, пучка копій и щита. За небольшой перегородкой лежала груда зерноваго хлѣба и тыквъ. Между тѣмъ верхушка хижины Мазимбулу представляла настоящій магазинъ рѣдкостей, въ видѣ волшебныхъ средствъ для удаленія молніи: разбитая фарфоровая чашка, обломокъ раскрашенной куклы и тому подобные курьезнѣйшія вещи, которыя должны были отклонить небесный огонь. Европейскіе громоотводы составляли предметъ ужаса для вождя; онъ выразилъ опасеніе, что если леди Баркеръ не обратится къ его мѣрамъ предосторожности, то ее скоро постигнетъ печальный конецъ отъ молніи. Собственно жилищемъ для зулусовъ служитъ круглая загородка вокругъ всей хижины, которая образуетъ родъ галлереи, гдѣ они хранятъ всякаго рода домашнюю утварь, варятъ кушанье въ глиняныхъ горшкахъ, слѣпленныхъ и обожженныхъ самымъ первобытнымъ способомъ, и гдѣ они собираются дважды въ день, утромъ и вечеромъ, для ѣды. Хотя каффры преимущественно занимаются скотоводствомъ, но они рѣдко ѣдятъ мясо и преимущественно питаются моло-

комъ и „дурра“ или такъ называемымъ „каффрскимъ просомъ“. Всѣ работы, дѣла и увеселенія происходятъ подъ открытымъ и почти постоянно яснымъ небомъ.

Болѣе или менѣе значительное число такихъ хижинъ, стоящихъ вокругъ скотныхъ дворовъ, обнесенныхъ плотнымъ терновымъ плетнемъ,—образуетъ „крааль“ (деревню). Глава его „inkosi“ (вождь) властвуетъ надъ племенемъ. Если вождь пріобрѣтаетъ большія пространства земли, то подъ его защитой собирается нѣсколько такихъ деревень, которыя могутъ мало по малу образовать государство, какъ напр. у Чака, съ сотнями тысячъ подданныхъ. Резиденція такого короля можетъ сама по себѣ заключать нѣсколько тысячъ жителей. Но и въ этомъ случаѣ ихъ хижины построены вокругъ круглой площади, имѣющей приблизительно въ діаметрѣ 3—500 м.; между тѣмъ какъ „inkosi“, вождь или король съ своими женами, дѣтьми, слугами и свитой помѣщается у верхняго конца крааля противъ единственныхъ воротъ, продѣланныхъ въ двойномъ высокомъ заборѣ, которые запираются вечеромъ, какъ только стада загнаны въ крааль.

Особенно замѣчательны военные краали съ ихъ укрѣпленіями. Послѣдніе состоятъ изъ валовъ, окружающихъ хижины, которые можно назвать почти неприступными. Они устроены слѣдующимъ образомъ: сначала вбиваютъ рядъ столбовъ и скрѣпляютъ ихъ частымъ ивовымъ плетнемъ. Пустые промежутки наполняютъ каменьями, вѣтвями, землей, такъ что все это образуетъ лабиринтъ, черезъ который крайне трудно пробраться въ крааль, тѣмъ болѣе, что осажденнымъ легко устроить засаду въ этой засѣкѣ.

Вблизи хижины короля или вождя, которая вдвое больше и просторнѣе остальныхъ и обыкновенно построена на вершинѣ холма, расположены жилища женъ, изъ которыхъ каждая живетъ въ отдѣльной хижинѣ. Затѣмъ слѣдуютъ хижины для холостыхъ и женатыхъ сыновей, а также никѣмъ не занятыя помѣщенія для гостей и ихъ свиты. Кромѣ того всегда есть нѣсколько хижинъ для особаго рода служилыхъ людей, на которыхъ лежитъ извѣстная служба и обязанности, за что они получаютъ содержаніе въ видѣ скота и зерноваго хлѣба, а также извѣстную долю жертвеннаго скота. Но при этомъ они ничѣмъ не связаны и могутъ покинуть крааль, если пребываніе въ немъ становится для нихъ затруднительнымъ и перейти къ другому племени. Хижины меньшихъ размѣровъ, которыя служатъ кладовыми для утвари и ежедневнаго запаса зерноваго хлѣба, сохраняемаго въ большихъ яицеобразныхъ закрытыхъ корзинахъ, стоятъ на нѣкоторомъ отдаленіи. Зулусы опрятнѣе содержатъ свои хижины, нежели остальные туземцы Южной Африки, и гораздо тщательнѣе устраиваютъ свои изгороди, такъ какъ, вдобавокъ, окружаютъ ихъ высокимъ тростниковымъ плетнемъ, вслѣдствіе чего ихъ можно узнать издали. Въ недалекомъ разстояніи отъ хижины „inkosi“, среди круглой площади, обнесенной такимъ же плетнемъ или зеленымъ кустарникомъ, находится родъ форума. Здѣсь обсуждаются всѣ общественныя дѣла, рѣшаются процессы, происходитъ пріемъ иностранцевъ; но входъ дозволенъ однимъ мужчинамъ. Женщины и дѣти исключены изъ этихъ собраній. Безконечныя разсужденія о болѣе или менѣе серьезныхъ вопросахъ жизни составляютъ любимое занятіе зулусовъ. Каффръ необыкновенно ловко владѣетъ языкомъ. Его рѣчь доказываетъ природный умъ и разсудительность. Въ каффрскихъ собраніяхъ произносятся нерѣдко длинныя рѣчи въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Оратора

никогда не прерываютъ и всѣ внимательно слушаютъ его. Въ спорныхъ вопросахъ противникъ возражаетъ такой же пространной и выразительной рѣчью; всѣ пункты рѣзко опровергаются въ томъ же порядкѣ. Кромѣ того, краали служатъ для каффровъ мѣстомъ общественныхъ сборищъ, центромъ ихъ земледѣльческой и пастушеской жизни. Они устроены такимъ образомъ, что первые лучи утренняго солнца безпрепятственно освѣщаютъ ихъ. Въ огородахъ, лежащихъ въ близкомъ разстояніи отъ краала, безъ особеннаго труда разводятъ маисъ, каффрское просо, тыквы и пр. Огороды эти неправильной, округленной формы, и всегда обнесены терновымъ плетнемъ для защиты отъ ежей, обезьянъ, антилопъ, слоновъ и пр. Но главнымъ врагомъ обработки полей и огородовъ является кабанъ.

Не менѣе вредны въ этомъ отношеніи павіаны. Прокладка и устройство терновой изгороди лежитъ на мужчинахъ; подчасъ случается, что вслѣдствіе дурно сдѣланной изгороди пропадаетъ въ одну ночь трудъ жены, работавшей въ огородѣ цѣлый мѣсяцъ изо-дня въ день, безъ соблюденія праздниковъ.

Скотоводство играетъ главную роль въ жизни зулусовъ, какъ и всѣхъ каффровъ, и составляетъ источникъ ихъ благосостоянія. Безъ скота не можетъ быть заключенъ бракъ, принесена жертва, устроено празднество. Быки для зулу болѣе, чѣмъ животныя; они его друзья и собственники; онъ даетъ имъ имена и титулы. Поэтому выборъ мѣста для скотнаго двора и устройство послѣдняго имѣютъ для него особенно важное значеніе. Обыкновенно скотный дворъ расположенъ на высотѣ или склонѣ холма для болѣе удобнаго стока дождевой воды и нечистотъ и скорѣйшаго просушиванія постепенно накопляющагося навоза, на которомъ ночью стоитъ и лежитъ скотъ. Затѣмъ ближайшая и главнѣйшая забота зулусовъ заключается въ томъ, чтобы устроить подходящее сухое мѣсто для хлѣбнаго амбара. Подъ большимъ слоемъ твердой и сухой навозной почвы,—который доходятъ до 30 сант. толщины,—выкапываютъ пещеры глубиною въ человѣческій ростъ, похожую по формѣ на гигантскую бутыль съ отверстіемъ или горлышкомъ такой величины чтобы черезъ него могъ пройти человѣкъ. Эта подземная пещерная бутыль сильно прокаливается огнемъ для просушки и служитъ мѣстомъ склада отъ 5—10 мѣшковъ маиса и хлѣбнаго зерна. Всякій разъ, послѣ того, какъ отсюда забираютъ хлѣбъ, отверстіе закрываютъ каменной плитой и заваливаютъ твердой навозной землей, на футъ высоты, такъ что непосвященному невозможно отыскать это мѣсто.

Зулусы сами изготовляютъ деревянную, глиняную и желѣзную утварь, необходимую для семьи и домашняго употребленія, а равно и оружіе для охоты и войны. Вслѣдствіе этого искусный кузнецъ пользуется большимъ уваженіемъ, и ему даже даютъ титулъ „желѣзнаго знахаря“. Ремесло это требуетъ долговременнаго обученія, за которое вносятъ высокую плату, состоящую изъ нѣсколькихъ быковъ; обыкновенно тайна сохраняется въ одной семьѣ и передается по наслѣдству отъ отца къ сыну.

Кузница большей частью устроена подъ деревьями, близъ жилья, горнъ состоитъ изъ большаго округленнаго діорита, на которомъ подъ большой грудой древеснаго угля положено немного желѣзной руды. Изъ средины камня проведено нѣсколько глиняныхъ, сильно обожженныхъ трубъ, которыя сходятся лучеобразно черезъ вертикально стоящій камень въ роговыя трубки, плотно прикрѣпленныя къ раздувательнымъ мѣхамъ. Послѣдніе сдѣланы изъ невыдѣланныхъ козьихъ и антилопныхъ шкуръ, изъ которыхъ воздухъ прогоняется въ горнъ при посредствѣ упомянутыхъ роговыхъ трубокъ (обыкновенно

изъ оленьяго рога). Отверстіе для втягиванія воздуха на другомъ концѣ, и можетъ быть закрыто и открыто при помощи двухъ параллельныхъ кусочковъ дерева. Кузнецъ или его ученикъ сидятъ на землѣ между двумя мѣхами и попеременно поднимаетъ одинъ изъ нихъ вверхъ, забирая воздухъ, и прижимаетъ другой выпуская воздухъ; но при этомъ не замѣтно, чтобы работа была слишкомъ тяжела для него, или жаръ утомлялъ его. Нѣсколько молотовъ и неуклюжія клещи составляютъ всѣ снаряды кузницы. Какъ только расплавилась желѣзная руда и прошла въ углубленіе, шлакъ выкидываютъ и вынимаютъ желѣзо, бьютъ по немъ молотомъ, опять раскаливаютъ, пока оно не получаетъ твердость стали. Затѣмъ желѣзу придаютъ требуемую форму на каменной наковальнѣ; съ помощью молотовъ. Такъ изготовляются дротики, копья, метательныя пики, топоры, сѣчки, лопаты, кинжалы, шила и т. п. Этимъ-же способомъ зулузскіе кузнецы плавятъ красную и жолтую мѣдь и изготовляютъ проволоку. Въ сломанномъ глинянномъ горшкѣ вмѣсто тигеля они плавятъ небольшое количество мѣди и олова на древесныхъ угольяхъ. Между тѣмъ изъ мелкаго песку приготовляютъ кучки различной величины и протыкаютъ вкось тонкой палкой, а затѣмъ вливаютъ въ отверстіе расплавленный металлъ. Полученныя этимъ способомъ металлическскія палочки обрабатываютъ небольшимъ молотомъ на камнѣ и время отъ времени размягчаютъ на огнѣ, пока толщина ихъ не достигнетъ приблизительно 3 мм. Тогда одинъ конецъ заостряютъ посредствомъ тренія о камень, и съ помощью желѣзной пластинки, извѣстной въ Европѣ, начинаютъ тянуть проволоку, которая мало по мало становится также тонка какъ толстыя нитки употребляемыя сѣдельниками. Зулусы не менѣе искусны въ изготовленіи желѣзныхъ и мѣдныхъ украшеній, браслетовъ въ видѣ обручей, похожихъ на тѣ, которые носятъ европейскія дамы.

Домашнія работы раздѣлены между обоими полами, но преимущественно падаютъ на женщинъ, какъ напр. воздѣлываніе полей и огородовъ. Въ мирное время мужчины сидятъ на площади, которая служитъ пунктомъ ихъ общественныхъ сборищъ, изготовляютъ копья, щиты, метательные снаряды, ножи, вырѣзываютъ деревянныя стулья, палки, ложки, блюда, курительныя трубки, табакерки, ложечки изъ рога и слоновой кости, не употребляя при этомъ никакихъ инструментовъ, кромѣ простыхъ ножей, что особенно поражаетъ европейцевъ, какъ примѣръ необычайнаго терпѣнія. Кромѣ того, они приготовляютъ мѣха и мѣховыя вещи, плетутъ изъ тростника непромокаемые молочные сосуды, мѣшки для хлѣба и табаку; между тѣмъ какъ женщины утромъ до восхода солнца должны принести дровъ, растереть въ муку извѣстное количество каффрскаго проса, натолочь маису, сварить пищу и позаботиться о семьѣ. Вечеромъ, по окончаніи полевыхъ работъ, женщины обыкновенно возвращаются домой съ ребенкомъ на спинѣ, съ какой нибудь ношей на головѣ, сѣчкой и сосудомъ въ рукѣ; и приступаютъ къ изготовленію обѣда. Обыкновенно жены и дочери воздѣлываютъ поле; въ это время мужчины занимаются военными упражненіями, ходятъ на охоту, стерегутъ стада, и оказываютъ помощь на полѣ только въ случаѣ крайней нужды: во время продолжительной засухи и внезапнаго дождя. Вообще у нихъ почти нѣтъ никакихъ занятій, кромѣ военной службы. Только одна работа по

какой-то странной случайности составляетъ ихъ неотъемлемую привиллегію, а именно: доеніе коровъ. Если женщина рѣшится на это, то должна искупить свою вину тяжелымъ наказаніемъ. У зулусовъ, принявшихъ христіанство полевыя работы исполняются совмѣстно мужемъ и женой. Разница въ положеніи женщины при языческомъ деспотизмѣ и англійскомъ правленіи поразительная; хотя новобрачный все еще дѣлаетъ подарокъ на другой день свадьбы; но принужденіе въ этомъ случаѣ запрещается христіанскими законами.

Женщина племени зулу мирится со своимъ положеніемъ и съ достоинствомъ выноситъ его; хотя у языческихъ каффровъ она поставлена почти въ тѣ же условія, что и рабыня. Переселеніе каффрской семьи съ одного мѣста на другое представляетъ собой картину, наиболѣе характеризующую ихъ нравы. Глава семьи идетъ впереди всѣхъ безъ всякой ноши, кромѣ щита, „assagai“ (копья) и „knob-kirrie“ (крѣпкой, дубинообразной палки съ толстымъ набалдашникомъ), въ нѣкоторыхъ случаяхъ ружья и пороховницы, между тѣмъ какъ женщины, нагруженныя какъ вьючныя животныя, съ трудомъ плетутся позади и при этомъ тащатъ еще на спинѣ маленькихъ дѣтей. Одежда бо̀льшею частью изготовляется женщинами и на нихъ лежитъ воспитаніе дѣтей, не исключая мальчиковъ, до тѣхъ поръ, пока послѣдніе настолько подростутъ, что могутъ сопровождать отца на охоту и исполнять за него болѣе легкія работы, какъ напр.: стеречь скотъ, доить коровъ и т. п. Молодыя дѣвушки рано научаются полевымъ работамъ; ихъ заставляютъ полоть сорную траву, плести рогожи и корзины, а также изготовлять глиняную посуду.

Хотя полигамія вообще разрѣшена закономъ, но бываютъ примѣры, гдѣ мужъ, господинъ и повелитель, чувствуетъ дѣйствительную любовь и привязанность къ первой женѣ и не женится во второй разъ. Само собою разумѣется, что это составляетъ исключеніе; такой человѣкъ пользуется особеннымъ уваженіемъ своихъ соплеменниковъ, которые считаютъ его образцомъ воздержанія и добродѣтели. Женщины очень скоро старѣютъ, вслѣдствіе тяжелой работы, которая выпадаетъ на ихъ долю изъ году въ годъ. Въ этомъ случаѣ мужъ обыкновенно пріискиваетъ себѣ болѣе молодую и привлекательную подругу жизни. Первая жена „inkosikasi“ очень довольна, когда начинаютъ строить хижину для второй и даже третьей жены, потому что онѣ будутъ помогать ей въ работѣ. Впрочемъ всѣ слѣдующія жены подвластны первой главной женѣ; онѣ не болѣе какъ ея служанки, хотя и не считаются таковыми. Собственно прислугу составляютъ дѣти. Несмотря на полигамію, жены не заперты въ гаремѣ, какъ у магометанъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою хижину, свои поля и несетъ извѣстныя обязанности, и при этомъ должна быть всегда на готовѣ, чтобы тотчасъ приготовить кушанье по приказанію мужа и въ случаѣ надобности прислуживаетъ гостямъ. Впрочемъ каффрскія дѣвушки не чувствуютъ ни малѣйшаго стремленія къ замужеству, такъ какъ оно представляется имъ въ видѣ тяжелой службы, за которую онѣ не получаютъ никакой платы.

Брачные обычаи каффровъ крайне своеобразны. Если зулу задумалъ жениться и получилъ разрѣшеніе короля, то онъ отыскиваетъ отца избранной имъ невѣсты и покупаетъ послѣднюю за извѣстное количество штукъ скота. Торгъ заключается публично, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, и хотя зулусы не хотятъ примѣнять къ браку слово „продажа“, но несомнѣнно, что вожди и богатые люди предпочитаются родителями невѣсты вслѣдствіе болѣе значительныхъ подарковъ. Впрочемъ, на этотъ вопросъ нужно смотрѣть еще съ другой точки зрѣнія, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа Эрнеста Ве-

бера: „Разъ я спросилъ Янники, красивую, сильную дѣвушку изъ племени амакоза, почему она не выходитъ замужъ за Умфули, молодаго каффра, который ухаживалъ за нею и, повидимому, пользовался ея расположеніемъ. Она отвѣтила, что Умфули дѣйствительно нравится ей, но, что она не можетъ выйти за него замужъ, потому что онъ можетъ дать за нее только десять коровъ, а ея отецъ требуетъ шестнадцать. Я возразилъ на это, что со стороны ея отца жестоко жертвовать счастьемъ дочери изъ-за пяти лишнихъ коровъ. По моему разсчету, эти слова должны были произвести на нее пріятное впечатлѣніе. Но Янники совсѣмъ иначе отнеслась къ нимъ:—„Какъ! воскликнула она взволнованнымъ голосомъ, неужели отецъ можетъ отдать меня за десять коровъ? Этого еще не доставало! Развѣ я не стою больше Эйлли, за которую на прошлой недѣлѣ вождь Тамбуки заплатилъ двѣнадцать коровъ? Я красива собой, умѣю варить кушанье, шить, штопать, говорить по англійски, и при всемъ этомъ вы хотите, чтобы отецъ отдалъ меня за десять дрянныхъ коровъ! Вы, сударь, слишкомъ мало цѣните меня! Нѣтъ, отецъ мой совершенно правъ, что не соглашается на такую уступку; я нахожу даже, что онъ смѣло могъ бы потребовать за меня двадцать коровъ: я стою ихъ". — „Этотъ любопытный разговоръ, добавляетъ Веберъ, заставилъ меня взглянуть на брачные обычаи съ новой точки зрѣнія и привелъ къ убѣжденію, что для каффрской дѣвушки высокая требуемая за нее цѣна составляетъ вопросъ чести" (Weber, Vier Jahre in Afrika, Bd. II, s. 215—216). Равнымъ образомъ существуетъ обычай, что младшія дочери не выходятъ замужъ раньше старшихъ или, лучше сказать, родители не отдаютъ ихъ. Разводы встрѣчаются довольно часто, хотя обыкновенно сопряжены съ большими затрудненіями по поводу обратной отдачи вышеупомянутаго подарка. Равнымъ образомъ нерѣдко сбѣжавшую жену принуждаютъ вернуться къ мужу насильственнымъ способомъ. Безплодіе,— единственный признанный поводъ для развода, который тѣмъ легче, чѣмъ былъ незначительнѣе „подарокъ", отданный за невѣсту. Мужья, которые при этихъ условіяхъ возвращаютъ женъ родителямъ, могутъ потребовать отъ послѣднихъ возврата сдѣланныхъ подарковъ или, выражаясь точнѣе, возврата платы за сдѣланную покупку. Но родители и родные жены обыкновенно отказываются возвратить пріобрѣтенное этимъ способомъ и, быть можетъ, уже прожитое имущество, если только ихъ не принудятъ къ этому закономъ. На ряду съ этимъ, въ другихъ случаяхъ, если есть потомство, то законъ разрѣшаетъ родителямъ жены ничего не платить, такъ какъ долгъ уничтожается фактомъ существованія дѣтей. Для человѣка, имѣющаго много дочерей, замужество послѣднихъ нерѣдко бываетъ очень выгодно и можетъ служить источникомъ обогащенія, потому что при продажѣ ихъ онъ получаетъ въ нѣсколько разъ больше того, что ему стоила его собственная женитьба. Съ этой точки зрѣнія жена представляетъ собою прибыльное помѣщеніе капитала. На дѣвушекъ положительно смотрятъ какъ на товаръ и отецъ можетъ получить за каждую изъ своихъ дочерей, если она только до нѣкоторой степени красива и сильна, до 10—15 и даже, при благопріятныхъ условіяхъ, до 20 быковъ. Такимъ образомъ у каффровъ болѣе пожилые и зажиточные люди имѣютъ обыкновенно самыхъ красивыхъ и молодыхъ женъ. Этимъ же объясняется фактъ, сообщаемый г. Адлеромъ, прежнимъ австрійскимъ консуломъ, что нерѣдко сама семья пріискиваетъ жениха для дочери. Сватовство начинается съ того, что ночью въ хижину избраннаго жениха относятъ тайно какой-нибудь подарокъ. На слѣдующій день къ нему приходитъ въ гости посланный отъ родителей невѣсты, разсказываетъ, между прочимъ, что въ такой-то семьѣ есть взрослая дочь и при этомъ по возможности расхваливаетъ ее. Кромѣ того приходятъ въ гости старухи, для пріема которыхъ должна быть приготовлена особая хижина; онѣ разглядываютъ жениха и приходятъ ночью съ докладомъ къ родителямъ дѣвушки. Между тѣмъ молодой человѣкъ совѣщается съ своими

друзьями и если они совѣтуютъ ему жениться, то начинаются переговоры о цѣнѣ невѣсты. Что касается приданаго, то она получаетъ отъ своихъ родителей только мѣховой плащъ для жениха и одного быка, котораго особенно берегутъ, потому что талисманы, сдѣланные изъ волосъ его хвоста, пользуются большимъ уваженіемъ и примѣняются въ болѣзняхъ. Во время смотринъ тѣло невѣсты вымазано красной охрой и къ бедрамъ привѣшана шкура желтаго прыгунчика (Macros celides sm.); если она въ этомъ видѣ понравится жениху, то свадьба можетъ состояться.

Свадебное торжество празнуется различно, смотря по степени культуры участниковъ. Леди Баркеръ,—которая своими любопытными разсказами наглядно знакомитъ насъ съ южноафриканской жизнью—описываетъ слѣдующимъ образомъ „дикую“ каффрскую свадьбу, видѣнную ею изъ своего сада: „Едва успѣли мы дойти до изгороди сада, говоритъ она, какъ мимо насъ промчался поѣздъ; впереди была толпа воиновъ, одѣтыхъ въ мѣха, головы которыхъ были украшены перьями. Хотя они промчались скорымъ шагомъ, но поровнявшись съ нами изъ вѣжливости замахали своими копьями и щитами и проревѣли во все горло „inkosi!“ Это былъ отрядъ кафрскихъ дворянъ, сопровождавшихъ дочь одного вождя въ крааль, по ту сторону холма. Для нихъ составляетъ вопросъ чести пробѣжать изъ одного крааля въ другой съ быстротой стрѣлы пущенной изъ лука. За толпой воиновъ слѣдовали родственники мужскаго пола со стороны невѣсты въ самыхъ странныхъ одеждахъ. На однихъ были надѣты мѣшки, на другихъ красныя и голубыя туники, многіе почти совсѣмъ не имѣли одежды; но у всѣхъ были табакерки въ ушахъ на подобіе сережекъ. Эти табакерки были сдѣланы изъ самаго разнообразнаго матеріала: изъ тростника, раковинъ, тигровыхъ зубовъ и проч. Вслѣдъ за этой бѣдно одѣтой толпой, даже по каффрскимъ понятіямъ, слѣдовала болѣе нарядная. Мужчины были съ кольцами на головахъ и въ цвѣтныхъ одѣялахъ, обвитыхъ вокругъ туловища; ноги были голыя, чтобы свободнѣе двигаться при бѣгѣ. Приблизившись къ саду, они подняли правую руку и также крикнули: „inkosi“. Посреди нихъ находилась невѣста, которая казалась уже настолько изнуренной, что слѣдующія пять-шесть миль, которыя ей предстояло пробѣжать должны были показаться ей очень утомительными. Но для кафрской невѣсты, единственнаго женскаго существа въ поѣздѣ, не существуетъ другого исхода какъ продолжать путь, потому что при малѣйшемъ проявленіи слабости, палки, которыми вооружены ея спутники, немилосердно опустились бы ей на плечи. На ней не было другой одежды, кромѣ куска коричневаго сукна, красиво драпированнаго вокругъ ея фигуры; ноги ея были также совсѣмъ голыя. На рукѣ у ней былъ небольшой щитъ“. Совершенно иное зрѣлище представилось глазамъ той-же наблюдательницы въ Марицбургѣ на свадьбѣ каффровъ, обращенныхъ въ христіанскую вѣру. Женихъ и невѣста шли во главѣ шествія, которое двинулось попарно изъ церкви и съ большой торжественностью потянулись вдоль пыльной дороги. На этотъ разъ старые красные мундиры были исключены; женихъ, а равно и его друзья красовались въ тиковыхъ сюртукахъ, мягкихъ бѣлыхъ войлочныхъ шляпахъ и сапогахъ, хотя послѣдніе повидимому до крайности стѣсняли ихъ. Невѣста отличалась поразительно увѣренной осанкой, въ своемъ бѣломъ платьѣ съ шлейфомъ, въ вѣнкѣ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ и вуалѣ à l'Européenne. На ней были даже бѣлые башмаки, которыми она ступала по густому слою пыли, покрывавшему дорогу; но при этомъ Леди Баркеръ показалось, что она забыла надѣть чулки. Лицо, шея и руки, черныя какъ уголь, рѣзко выдѣлялись изъ бѣлаго платья. Въ свадебномъ шествіи участвовало съ полдюжины дамъ также одѣтыхъ „въ бѣлоснѣжныя платья“, украшенныя голубыми бантами. Каждую изъ нихъ велъ кавалеръ. У послѣднихъ паръ туалетъ былъ нѣсколько небрежнѣе. Тѣмъ не менѣе всѣ казались одинаково довольными собой и цѣлымъ міромъ.

Зулускія женщины, сообразно своему общественному положенію, носятъ золотые, желѣзные, мѣдные и другіе обручи на шеѣ, верхней и нижней части рукъ и на ногахъ; а также ожерелья изъ коралловъ и бусъ, блестящіе пуговицы на кожаныхъ шкуркахъ, перья, иглы туземнаго дикобраза въ ушахъ и въ волосахъ, въ видѣ украшенія. Затѣмъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, на свадьбахъ и во время танцевъ онѣ носятъ съ собой, какъ ароматическое нюхательное средство, мелкій порошокъ пахучаго дерева, въ маленькихъ тростниковыхъ коробочкахъ съ палецъ величиною, которыя привѣшены къ шнурку изъ бусъ.

Вождь долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, четыре жены, чтобы пользоваться уваженіемъ, соотвѣтствующимъ его положенію. Женщины вообще ниже ростомъ, нежели мужщины, но во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ быть названы „болѣе слабыми". При первобытномъ образѣ жизни имъ почти незнакомы физическія страданія и упадокъ силъ; и только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ наряжены въ европейское платье и ихъ коснулась дрессировка, воспитаніе или такъ называемая цивилизація, къ нимъ переходятъ всѣ дурныя стороны нашей новѣйшей жизни. Новорожденныхъ дѣтей, вскорѣ послѣ перваго купанья въ рѣкѣ, сажаютъ на соломенную рогожу или мягкую шкуру и оставляютъ безъ всякаго ухода. Такимъ образомъ эти маленькія гладкокожія откормленныя существа скоро научаются ходить и выростаютъ при условіяхъ полнѣйшей свободы; ихъ не отягощаютъ платьемъ и сильно балуютъ съ нашей точки зрѣнія. Только въ холодное время года они получаютъ „kaross", т. е. шерстяное или мѣховое одѣяло для прикрытія тѣла. Вообще ихъ воспитаніе и кормленіе не составляетъ никакой тягости для матерей. Послѣднія носятъ ихъ привязанными къ спинѣ или по старому способу у бедра, пока они не научатся ходить.

Что касается семейной жизни зулусовъ, то отецъ и старшій сынъ властелины и покровители семьи. Отецъ ничего не дѣлаетъ не посовѣтовавшись съ старшимъ сыномъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы посредникъ между другими дѣтьми и главой дома. Изъ доставшагося ему наслѣдства онъ отдаетъ младшимъ братьямъ ту часть, какую ему заблагоразсудится. Если отецъ имѣетъ много женъ и дѣтей, то и въ этомъ случаѣ первому и старшему сыну отдаютъ преимущество надъ всѣми остальными дѣтьми. Онъ рѣдко живетъ у отца, но имѣетъ свою собственную хижину, равно и свою прислугу, которая носитъ названіе „сыновнихъ" слугъ. Это привилегированное положеніе старшаго сына въ семьѣ налагаетъ на него извѣстныя обязательства; такъ напр. на него падаетъ отвѣтственность передъ отцомъ, если младшіе братья и сестры сдѣлали что либо дурное и даже, если съ ними случится какое нибудь несчастіе.

Главныя каффрскія племена распадаются на множество мелкихъ, которыя имѣютъ особыхъ вождей. Кромѣ того всѣ племена, принадлежащія извѣстной народности, признаютъ наслѣдственнаго верховнаго главу или предводителя, который правитъ, какъ неограниченный государь и распоряжается подданными какъ своею собственностью. При немъ находится нѣсколько совѣтниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ должность судей въ отдѣльныхъ деревняхъ. За каждое преступленіе платятъ пеню въ видѣ опредѣленнаго количества скота;

тѣлесныя наказанія также примѣняются очень часто. „Тростниковая палка“ играетъ главную роль въ народномъ воспитаніи; благодаря ей зулусы пріучаются къ безусловному рабскому повиновенію. Такъ напр. король Панда, разгнѣвавшись на одного солдата, который носилъ слишкомъ длинные волосы, приказалъ ему выступить изъ рядовъ и убить на мѣстѣ. „Такъ и слѣдуетъ! сказалъ Панда, для чего существуетъ народъ, какъ не для того, чтобы убивать его по приказанію короля!“ Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь самовластіе, доведенное до послѣдней степени безправія. Нѣкоторыя изъ реформъ, введенныхъ королемъ Кечвайо представляются намъ довольно дикими съ нашей точки зрѣнія. Между прочимъ, онъ уничтожилъ, по словамъ Лесли, смертную казнь для обыкновенныхъ преступленій и замѣнилъ ее выкалываніемъ одного глаза или обоихъ. Съ этой цѣлью пріобрѣтены были ножъ и вилка: ножъ для перерѣзыванія глазныхъ нервовъ; вилка для вырыванія глаза. За воровство наказываетъ тотъ, кого обокрали; за увѣчье и убійство—самъ король. Вожди бо́льшею частью молодые люди, потому что послѣ отца наслѣдуетъ меньшой сынъ. Этотъ обычай отчасти объясняется тѣмъ, что вождь беретъ своихъ послѣднихъ женъ изъ болѣе богатыхъ и знатныхъ фамилій, не стѣсняясь платой, такъ какъ при каждой его женитьбѣ народъ платитъ ему дань скотомъ. Такимъ образомъ младшій сынъ вождя происходитъ изъ болѣе значительной и богатой семьи, нежели его старшіе братья.

Что касается духовной жизни и умственныхъ способностей каффровъ, то мы видимъ, что даже наиболѣе возвышенныя представленія религіозной философіи направлены у нихъ къ голой дѣйствительности. Каффръ пастухъ и воинъ по преимуществу. Его быки, т. е. его наиболѣе цѣнная собственность, составляютъ для него идеалъ и предметъ мечтаній, который онъ преимущественно воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ. Онъ разговариваетъ о нихъ часами съ своимъ сосѣдомъ за стаканомъ каффрскаго пива; для нихъ онъ прежде всего строитъ самый прочный краалъ при поселеніи. Онъ требуетъ войны, чтобы красть быковъ. Онъ даритъ ихъ своимъ дѣтямъ при рожденіи, продаетъ за быковъ своихъ дочерей и обмѣниваетъ на нихъ своихъ женъ. Онъ защищаетъ скотъ отъ хищныхъ звѣрей высокимъ заборомъ изъ вбитыхъ столбовъ и частымъ терновымъ плетнемъ. Боязнь потерять свое небольшое, но съ трудомъ пріобрѣтенное имущество и жизнь, подвергаемую постоянной опасности,—слѣдовательно, все, что имѣетъ для него цѣну при отсутствіи высшихъ представленій,—придаетъ, по Фричу, извѣстную трусость его характеру. Много разъ восхваляли героизмъ каффровъ и особенно зулусовъ, но, по мнѣнію Фрича, безъ всякаго основанія. Между тѣмъ послѣднія событія могутъ до извѣстной степени возстановить ихъ прежнюю репутацію „Нація, которая можетъ выдержать адскій огонь англійскаго огнестрѣльнаго оружія системы Martini-Henry не можетъ быть обвинена въ недостаткѣ му-

жества!“) говоритъ „Times“. Равнымъ образомъ другіе наблюдатели,— какъ де-Дре и шведскій миссіонеръ Виттъ, присутствовавшій въ качествѣ очевидца, при битвѣ Изандула 1879 года, имѣвшей такой роковой исходъ для англичанъ,—отзываются съ похвалой о зулусахъ. Нельзя не признать за ними ума, храбрости и горячей любви къ родинѣ. Виттъ называетъ ихъ мужественнымъ, великодушнымъ и гостепріимнымъ народомъ. До прибытія англичанъ и нѣмцевъ въ ихъ землю они радушно принимали каждаго чужеземца, и онъ никогда не уходилъ отъ нихъ безъ подарка. Но съ тѣхъ поръ, они сдѣлались недовѣрчивыми; и у нихъ развилось скряжничество. Зулусы сами по себѣ миролюбивый народъ, и еслибы ихъ оставили въ покоѣ, то они охотно жили бы въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими бѣлыми сосѣдями. По словамъ Фрича, у нихъ обыкновенно такой наглый и хвастливый видъ, что ихъ дѣйствительно можно принять за горделивыхъ воиновъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ это жалкіе негодяи, думающіе только о своей выгодѣ, что считается величайшею добродѣтелью у банту. Въ этомъ направленіи характеръ ихъ всего болѣе развитъ и изощренъ умъ; все остальное подчиняется матеріальной выгодѣ. Гдѣ есть надежда на какую либо прибыль каффръ перестаетъ заботиться о внѣшнемъ спокойствіи и соблюденіи своего достоинства, чѣмъ отличается въ обыкновенное время; не существуетъ такой вещи, которую каффръ не попросилъ бы у васъ при случаѣ, если есть малѣйшая надежда на успѣхъ; и тонъ, съ какимъ онъ это дѣлаетъ, совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ. Насильственный грабежъ встрѣчается довольно часто и до извѣстной степени составляетъ ремесло; но всетаки бываетъ несравненно рѣже, нежели воровство, которое настолько развито въ формѣ кражи скота, что получило политическое значеніе. Совмѣстно съ склонностью къ воровству у каффра не менѣе развито притворство. При этомъ онъ не лишенъ пониманія права и отличается замѣчательною изворотливостью въ обсужденіи юридическихъ вопросовъ. Но вообще его очень мало занимаетъ все то, что выходитъ изъ тѣснаго круга его ограниченныхъ потребностей и склонностей; онъ всего охотнѣе предается безотчетной веселости и наслаждается настоящимъ, не думая о завтрашнемъ днѣ. Если онъ только не стережетъ скотъ и не находится на охотѣ, то проводитъ свое время въ праздности, болтовнѣ, нюханіи и куреніи „даха“. Двѣ послѣднія привычки у него обратились въ страсть. Нюхательный табакъ каффръ постоянно носитъ при себѣ, и нерѣдко хранитъ его въ полой тростниковой палочкѣ, привѣшенной къ ушной мочкѣ, предварительно, смѣшавъ его съ ароматической травой. „Даха“ (родъ Cannabis, похожій на гашишъ) имѣетъ почти такое же дѣйствіе, какъ опій и курится изъ бычачьяго рога, замѣняющаго трубку. Пока каффръ подъ вліяніемъ „даха“ въ миролюбивомъ настроеніи духа, его можно назвать обходительнымъ, гостепріимнымъ и предупредительнымъ. Онъ ищетъ

общества для бесѣды; и, когда онъ сидитъ за горшкомъ пива, въ кругу добрыхъ друзей, болтаетъ и нюхаетъ „даха", то кажется самымъ добродушнымъ человѣкомъ въ мірѣ; между тѣмъ какъ дикость присуща его характеру. Стоитъ только возбудить его дремлющія страсти, чтобы довести каффра до состоянія ярости, при которомъ онъ какъ будто находитъ особенное удовольствіе въ самыхъ возмутительныхъ поступкахъ; вообще его нельзя упрекнуть въ злопамятствѣ и мстительности; его ясное душевное настроеніе даже выражается въ мелодіяхъ.

Музыка зулусовъ, хотя и не кажется привлекательной европейцу, вслѣдствіе своей своеобразной дикости, чуждой для его слуха, но тѣмъ не менѣе нерѣдко производитъ на него сильное впечатлѣніе. При этомъ едва ли возможно передать слова, приложенныя къ ихъ музыкѣ. Писаніе на языкѣ зулусовъ представляетъ почти непреодолимыя трудности, вслѣдствіе прищелкиванія языка и сходнаго съ этимъ страннаго звука, производимаго въ горлѣ подъ правымъ ухомъ. Впрочемъ, произведенія народнаго творчества незначительны у каффровъ. Ихъ пѣсни, которыми они коротаютъ время, небольшаго объема; обыкновенно въ нихъ проведена одна мысль съ различными варіяціями. Но рядомъ съ этимъ, сочиненныя ими пѣсни въ честь умершихъ вождей проникнуты глубокимъ поэтическимъ смысломъ и доказываютъ пониманіе стихотворныхъ формъ. Кромѣ пѣсенъ у нихъ существуютъ басни, загадки, сказки и, между прочимъ, встрѣчаются произведенія въ повѣствовательномъ родѣ.

У зулусовъ, какъ почти у всѣхъ народовъ, есть особый отдѣлъ такъ называемыхъ дѣтскихъ сказокъ. Весьма немногіе догадывались о существованіи ихъ, пока англичанинъ Каллэуей не записалъ ихъ со словъ зулусскихъ женщинъ и издалъ свою цѣнную находку, хотя весьма небольшую по объему (Izinganekwane, Nensumansumane, Nezindaba Zabantu. Nursery tales, traditions and histories of the Zulus, by the Rev. Henry Callayay. Vol. I, Part. I, Natal, John A. Blair, London).

Мысль, что хитрость между звѣрями, дѣйствуетъ успѣшнѣе, нежели грубая сила, проведенная въ басняхъ о Рейнеке Фуксъ и многихъ другихъ народныхъ разсказахъ, равнымъ образомъ является преобладающей въ эпосѣ зулусовъ. Въ баснѣ о маленькомъ зайцѣ, вступившемъ въ союзъ со львомъ, послѣдній все-таки дурно обходится съ нимъ и заяцъ рѣшается отомстить ему. „Батюшка, говоритъ онъ льву, на насъ льетъ дождь и сыплется градъ, построимъ хижину". Левъ слишкомъ лѣнивъ для работы и предоставляетъ ее зайцу. Тогда „хитрый прыгунъ" беретъ хвостъ льва и такъ искусно переплетаетъ его съ кольями и тростникомъ хижины, что левъ не можетъ сдвинуться съ мѣста и заяцъ видитъ, къ своему удовольствію, что его соперникъ умираетъ отъ голода и жажды. Хотя эта продѣлка менѣе ловка, чѣмъ та, гдѣ Рейнеке уговорилъ волка пойти на прорубь удить рыбу, но здѣсь заяцъ приготовилъ смерть льву, между тѣмъ, какъ лисица только лишаетъ волка его украшенія—хвоста.

Подобно тому, какъ въ нѣмецкихъ сказаніяхъ характеръ Рейнеке Фуксъ въ человѣческомъ образѣ снова встрѣчается въ Тилль Эуленшпигелѣ, такъ и у зулусовъ ихъ любимый герой, маленькій плутъ, Утхлаканіана, вначалѣ воз-

буждаетъ только общій смѣхъ и презрѣніе, но въ заключеніе всегда умѣетъ привлечь на свою сторону насмѣшниковъ. Утхлаканіана и одинъ людоѣдъ заключили между собою дружескій союзъ и вздумали покрыть свой домъ соломой; но прежде, чѣмъ приняться за дѣло, они собрались съѣсть двухъ коровъ. Утхлаканіана хотѣлось получить жирную корову, но онъ боялся, что людоѣдъ отдастъ ему тощую корову. Поэтому онъ сказалъ людоѣду: „Давай лучше покроемъ сперва нашъ домъ, а потомъ съѣдимъ обѣдъ. Ты видишь, небо начинаетъ заоболачивать и будетъ дождь". Людоѣдъ отвѣтилъ: „Ты правъ, любезный сынъ сестры". Тогда Утхлаканіана продолжалъ: „Ну, принимайся же за дѣло; я пойду въ домъ и буду подавать тебѣ иголку, чтобы сшивать солому на крышѣ". Людоѣдъ влѣзъ на крышу. Но волосы у него были страшно длинные. Утхлаканіана вошелъ въ домъ и просунулъ черезъ стѣну иголку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продѣлъ волоса людоѣда и привязалъ его. Онъ сдѣлалъ на нихъ узелокъ вмѣстѣ съ соломой, собралъ локоны и прикрѣпилъ ихъ. Наконецъ онъ увидѣлъ, что волосы привязаны достаточно крѣпко и что людоѣдъ не можетъ сойти внизъ. Тутъ, какъ только Утхлаканіана очутился на свободѣ, то подошелъ къ огню, гдѣ варилось коровье вымя. Онъ снялъ его съ огня и съ удовольствіемъ принялся за ѣду. Людоѣдъ сказалъ: „Что ты дѣлаешь, сынъ сестры? Кончимъ сперва домъ, а потомъ будемъ ѣсть. Мы должны дѣлать это вмѣстѣ".—„Такъ сойди внизъ", возразилъ Утхлаканіана. Этотъ согласился. Но когда онъ сталъ слѣзать, то не могъ этого сдѣлать и закричалъ: „Сынъ сестры, что ты сдѣлалъ съ покрышкой крыши?"—„Смотри самъ, возразилъ этотъ. Я хорошо покрылъ крышу и не стану спорить. Я хочу спокойно ѣсть. Больше я ни съ кѣмъ не буду спорить; я одинъ съ моей коровой". Пошелъ дождь и градъ. Людоѣдъ сидѣлъ на крышѣ дома и кричалъ, градъ посыпался на него и онъ умеръ наверху дома. Потомъ снова сдѣлалась ясная погода, Утхлаканіана вышелъ и сказалъ: „Дядюшка сойди внизъ, погода прояснилась, дождь пересталъ, прошелъ градъ и нѣтъ больше молніи. Что ты такъ затихъ?" Такъ Утхлаканіана съѣлъ одинъ корову и пошелъ своей дорогой.

Д-ръ Каллэуей находитъ сходство между „Исторіей странствованій и приключеній Утхлаканіана" съ сказкой „о мальчикѣ съ пальчикъ" и „Гансѣ убившемъ великана". Эта исторія во всякомъ случаѣ напоминаетъ многія продѣлки встрѣчаемыя въ сборникахъ нѣмецкихъ сказокъ. Мастерская штука, продѣланная этимъ героемъ, въ то время, какъ онъ говоритъ о своемъ рожденіи разумѣется превосходитъ дѣянія нѣмецкаго Тиллъ Эуленшпигеля и можетъ только сравниться съ св. Бенедиктомъ, который при тѣхъ условіяхъ, при какихъ Утхлаканіана требовалъ ѣды, пѣлъ гимны. Также заслуживаетъ вниманія своеобразная хитрость, къ которой прибѣгаетъ этотъ зулусскій мальчикъ, чтобы сварить мать людоѣда, хотя она сама должна была приготовить изъ него кушанье. Утхлаканіана былъ пойманъ людоѣдами, которые приказали своей матери сварить его. Когда великаны ушли Утхлаканіана уговорилъ старуху поиграть съ нимъ въ игру, гдѣ они должны были сварить другъ друга. Очередь начиналась съ него. Старая вѣдьма тотчасъ-же согласилась. Онъ позаботился о томъ, чтобы вода не закипѣла; и просидѣвъ нѣкоторое время въ горшкѣ, настоялъ на томъ, чтобы старуха съ своей стороны исполнила уговоръ. Онъ положилъ ее въ горшокъ и закрылъ крышкой. Она кричала: „выпусти меня, я сварилась до смерти".—„Нѣтъ отвѣтилъ онъ, это не правда. Еслибы ты сварилась до смерти, то не могла бы кричать". Такимъ образомъ она сварилась и перестала кричать... Есть также у зулусовъ недурной анекдотъ объ одномъ поварѣ. Его господинъ далъ ему зажарить двухъ куропатокъ. Поваръ былъ очень голоденъ и съѣлъ одну изъ нихъ. Когда господинъ его вернулся домой, то съѣлъ одну куропатку и потребовалъ вторую. „Да вѣдь это и была вторая, возразилъ поваръ; и ничего не могло разубѣдить его, что это было не такъ. Та-же острота повторяется въ сходной формѣ въ исторіи, въ которой

Утхлаканіана учитъ самку леопарда какъ она должна кормить своихъ дѣтенышей. Она настаиваетъ на томъ, чтобы ей подали совмѣстно обоихъ дѣтенышей; онъ утверждаетъ что долженъ сосать одновременно только одинъ дѣтенышъ (потому что самъ передъ этимъ съѣлъ одного). Такимъ образомъ онъ подалъ ей уцѣлѣвшаго дѣтеныша, и когда тотъ насытился опять подалъ тогоже, съ увѣреніями, что это другой дѣтенышъ.

Если зулусы дѣйствительно находились внѣ вліянія нѣмецкихъ миссіонеровъ или нидерландскихъ поселенцевъ при составленіи своихъ дѣтскихъ сказокъ и народныхъ сказаній, то намъ должно казаться еще поразительнѣе, что мы находимъ столько чертъ соприкосновенія и сходства между героями ихъ краалей и нашихъ дѣтскихъ. Въ доказательство этого сходства мы приведемъ еще одну сказку: Узикулуми, южный зулусскій богатырь, готовится освободить двухъ дочерей Узембени, которая съѣла всѣхъ мужчинъ въ странѣ, гдѣ она жила. Обѣ дѣвушки вырыли въ домѣ яму и спрятали въ ней своего возлюбленнаго; къ закату солнца вернулась ихъ мать Узембени. У ней былъ большой палецъ на ногѣ; прежде всего появился палецъ, затѣмъ она сама; и какъ только она вошла въ домъ, то стала валяться со смѣхомъ по полу и сказала: ну, ну, въ моемъ домѣ сегодня отличный запахъ. Дѣтки поищите, что у насъ въ домѣ? Дѣвушки отвѣтили: „ахъ оставь насъ въ покоѣ; мы не знаемъ найдется ли что въ домѣ, мы хотимъ спать“. Этимъ способомъ спасается Узикулуми и послѣ многихъ приключеній и битвъ съ своей тещей похищаетъ ея обѣихъ дочерей.

Здѣсь нѣтъ никакой заключительной морали, равно какъ и въ нѣмецкихъ, французскихъ и сѣверныхъ сказкахъ, и если она встрѣчается въ послѣднихъ то не завѣщана стариной, а добавлена издателями сказокъ. Мы замѣчаемъ, что зло еще болѣе торжествуетъ нежели въ европейскихъ сказаніяхъ, если оно соединено съ хитростью, хотя черта эта не помѣшала намъ принять сказки Лафонтена для чтенія юношества. Въ разсказахъ зулусовъ особенно заслуживаетъ вниманія ихъ заботливость о слогѣ. Разскащикъ не довольствуется тѣмъ, что приводитъ мысль въ одной формѣ, но возвращается нѣсколько разъ къ одному и тому-же предложенію и повторяетъ его, употребляя различныя обороты. Стоитъ вспомнить слова Утхлаканіана, когда онъ варитъ старую людоѣдку; мы приведемъ также для примѣра описаніе наружности людоѣдки Уцембени: „другое ея прозвище былъ длинный палецъ, потому, что большой палецъ на ея ногѣ былъ очень длинный; ее узнавали по пальцу; потому что какъ только она показывалась, пыль поднималась вихремъ, и прежде, чѣмъ она появлялась, появлялась пыль, такъ какъ вихремъ поднималась пыль, взбрасываемая ея большимъпальцемъ; потому что большой палецъ прежде приходилъ на мѣсто, куда приходила (людоѣдка) „Длинный палецъ“. Это подробное описаніе повторяется почти постоянно въ нѣсколько измѣненной формѣ, всякій разъ, какъ только Узембени выступаетъ въ продолженіи разсказа.

Непривычка мыслить служитъ значительнымъ препятствіемъ къ духовному развитію каффровъ; умъ его недостаточно эластиченъ, чтобы вынести тягость высокаго полета мысли. Поэтому религіозныя идеи каффровъ стоятъ на самой низкой ступени; всѣ каффры имѣютъ неясное представленіе о загробной жизни, и духи умершихъ предковъ составляютъ для большинства предметъ извѣстнаго культа. Въ честь ихъ приносились даже многочисленныя человѣческія жертвы. Такъ деспотъ Чака послѣ смерти своей матери, пронырливой честолюбивой женщины, приказалъ принести въ жертву болѣе тысячи быковъ; и затѣмъ торжественно угостилъ ими воиновъ, стоявшихъ на стражѣ у

могилы. При этомъ десять избранныхъ дѣвушекъ были погребены заживо съ умершей; а воины должны были перерѣзать нѣсколько тысячъ человѣкъ, для ея придворной свиты на тотъ свѣтъ. Помимо культа умершихъ и вѣры въ странствованіе душъ, въ видѣ превращенія послѣ смерти въ желтую змѣю (которую держатъ въ домахъ для ловли мышей и считаютъ святыней), что составляетъ для нихъ предметъ завѣтныхъ желаній,—у каффровъ почти нѣтъ признаковъ религіи. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы у нихъ вовсе не было религіи, какъ справедливо доказываетъ Меренскій. Одно несомнѣнно, что береговые каффрскіе народы не имѣли собственно слова для обозначенія высшаго существа и, что первоначально чуждое для нихъ слово „Утиксо" было введено миссіонерами въ каффрскіе языки изъ готтентотскаго. Въ настоящее время это некрасивое слово, украшенное прищелкивающимъ звукомъ, уже перенесено миссіонерами къ зулусамъ, хотя у нихъ, какъ у свази и другихъ существуетъ свое слово „Итонго", подобно тому какъ у племенъ плоскогорья „Модимо", означающее божественное провидѣніе, которое направляетъ и опредѣляетъ судьбу людей. Такъ, по крайней мѣрѣ утверждаетъ Меренскій (A. a. O., s. 122—123). У каффровъ нѣтъ идоловъ, а также настоящихъ жрецовъ; но только одни волшебники и производители дождя, которые пользуются у нихъ большимъ авторитетомъ.

Культъ предковъ у каффровъ естественно идетъ рука объ руку съ самыми разнообразными суевѣріями, между которыми вѣра въ колдовство распространена до невѣроятной степени. Процессы о колдовствѣ бываютъ необыкновенно часто. Во время неизлечимой болѣзни колдунъ узнаетъ внезапно, что кто нибудь наколдовалъ болѣзнь. Послѣдній неизбѣжно богатый человѣкъ. Если обвиняемый сознается въ своей винѣ, то искупаетъ ее большею частью своего имущества, состоящаго въ скотѣ; въ противномъ случаѣ его подвергаютъ жесточайшимъ мученіямъ, среди которыхъ онъ нерѣдко умираетъ. Само собою разумѣется, что если послѣ смерти обвиняемаго болѣзнь все еще продолжается, то вина падаетъ на самого колдуна. Равнымъ образомъ званіе колдуна, спеціальность котораго заключается въ „заговорѣ" воиновъ, подчасъ бываетъ далеко не безопасна, потому что на войнѣ колдуны должны идти впереди войска и нерѣдко погибаютъ отъ первой пули.

Если кто-нибудь умеръ, то его друзья и домочадцы начинаютъ причитывать и бѣгаютъ взадъ и впередъ, ломая руки. При этомъ они бьютъ себя въ грудь и голову. Покойника хоронятъ въ тотъ же день. Съ этой цѣлью внутри изгороди, окружавшей краалъ, или по близости ея вырываютъ могилу и садятъ въ нее трупъ въ скорченномъ положеніи; вмѣстѣ съ нимъ кладутъ оружіе и лучшую одежду. Затѣмъ могилу закрываютъ каменьями и садятъ вокругъ нея терновую изгородь для защиты отъ дикихъ звѣрей, которые могли бы

Чуанскій дворъ.

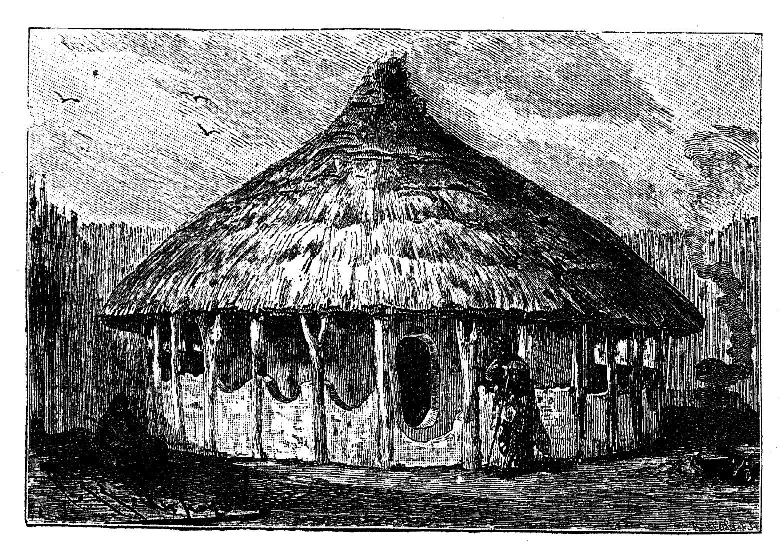
осквернить ее. Нерѣдко могилу украшаютъ сверху рогами. У многихъ племенъ внутри материка, трупы болѣе бѣдныхъ людей выставляются на съѣденіе гіенъ. У нѣкоторыхъ племенъ существуетъ обычай, что если опасаются за жизнь больнаго, то его выносятъ за изгородь краала въ уединенное мѣсто, чтобы домъ и его обитатели не были осквернены присутствіемъ покойника. Здѣсь больнаго оставляютъ до тѣхъ поръ, пока онъ не умретъ или не явится надежда на выздоровленіе. Въ послѣднемъ случаѣ его перетаскиваютъ обратно въ его хижину, снабжаютъ ѣдой и большею частью оставляютъ одного на произволъ судьбы.

ЧУАНЫ.

Изъ народовъ банту, чуаны (бечуаны) несомнѣнно самые распространенные и многочисленные по количеству различныхъ принадлежащихъ къ нимъ племенъ; они близкіе родичи каффровъ, отъ которыхъ обыкновенно отличаются болѣе низкимъ ростомъ и менѣе сильнымъ тѣлосложеніемъ. Лица ихъ съ болѣе мягкими чертами и кроткимъ, покорнымъ, нерѣдко сонливымъ выраженіемъ. Фигура стройная, большею частью слегка сгорбленная; мышцы развиты умѣренно. Свойства и окраска кожи, а равно толстые курчавые волосы, живо напоминаютъ каффровъ. Строеніе лица правильное, не лишено благородства и съ болѣе мягкимъ выраженіемъ, нежели каффрская физіономія. У чуановъ красивые глаза и зубы, короткіе рунообразные волосы и свѣтлая мѣдно-коричневая кожа. По наблюденіямъ Густава Фрича, они могутъ служить точкой опоры для отысканія связи между южными а-банту и народами Сѣверной Африки. Повидимому, ихъ сношенія съ болѣе сѣверными странами прерваны въ сравнительно недавнее время, и они ни въ какомъ случаѣ не были такъ долго исключительными обитателями Южной Африки, какъ каффры. Всѣ даже наиболѣе далеко стоящія племена чуановъ выказываютъ извѣстныя характерныя черты сродства, и это чувство національнаго единства тѣмъ поразительнѣе, что отдѣльныя племена удалены другъ отъ друга на сотни миль. Теперешнія владѣнія чуановъ простираются отъ Оранжевой рѣки, составляющей ихъ южную границу къ сѣверу, до Замбези, захватывая внутреннюю часть материка, между тѣмъ какъ къ востоку горная цѣпь Катламба отдѣляетъ ихъ отъ зулусовъ и свази, а на западѣ пустыня Калагари—отъ мѣстъ жительства нама. На сѣверо-востокѣ границы менѣе опредѣленны, потому что здѣсь между чуанами водворилось каффрское племя матебеле, между тѣмъ

какъ на западѣ бассейнъ озера Нгами образуетъ смѣшанное населеніе, потому что здѣсь сталкиваются о-ва-гереро, нама и чуаны. Эта обширная область съ одной стороны очень слабо населена, между тѣмъ какъ съ другой весь востокъ занятъ владѣніями двухъ независимыхъ боэрскихъ государствъ.

Чуаны распадаются на 23 племени, изъ которыхъ 12 живутъ на востокѣ и 11 на западѣ; названія ихъ происходятъ не отъ именъ вождей, какъ у каффровъ, а большею частью по какому нибудь національному, особенно популярному животному, именемъ котораго иногда величаютъ самого вождя. Они слѣдующія: A. Восточныя племена: ба-зуто, ба-тау (львиный народъ), ба-пути (народъ дуикеровъ), ма-колокуе, ба-пгирингъ (волчій народъ), ли-кгойа, ба-глоква или ба-мантати, ба-мапела, ба-тлоунгъ (слоновый народъ), ба-пери, ба-тзетзе (народъ тзетзе), ба-зукенгъ. B. Западныя племена: ба-ролонгъ, ба-глапи (рыбій народъ), ба-мери, ба-матлару, ба-кгатла (обезьяній народъ), ба-квена (крокодилій народъ), ба-ванкетзи, ба-гурутзе, ба-каа, ба-мангвато, къ сѣверу ба-лала или ба-калагари. Послѣдніе собственно не заслуживаютъ названія племени, потому что составляютъ угнетенный классъ населенія, заключающій въ себѣ представителей самыхъ различныхъ племенъ. Недостатокъ и нищета, которую имъ приходится испытывать, сказываются въ болѣе слабомъ развитіи тѣла, меньшемъ ростѣ, плохихъ мышцахъ, вспученныхъ животахъ молодыхъ индивидовъ, а равно и въ тупыхъ, безобразныхъ лицахъ.



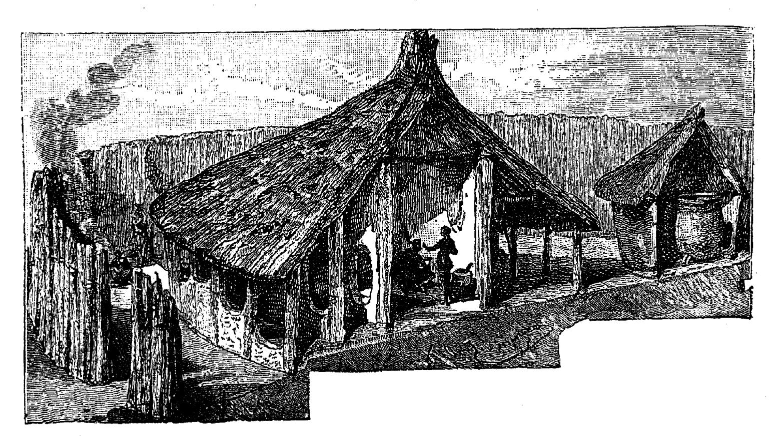
Дворъ чуана (съ внутренней стороны).

„Ба-лала“ означаетъ вообще „бѣдные“, и такъ какъ они живутъ на границѣ пустыни Калагари, то ихъ называютъ „ба-калагари“.

Нерѣдко всѣхъ восточныхъ чуановъ называютъ ба-зуто, между тѣмъ какъ племя зуто собственно только самое могущественное между ними. Зуто, строго говоря, даже не кланъ, а политическій союзъ разрозненныхъ частей различныхъ племенъ, нынѣшній глава которыхъ принадлежитъ къ квена (ба-квена) или къ крокодиловому племени. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія еще не существовало народа зуто (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1873, s. 104). Онъ также обязанъ своимъ существованіемъ переворотамъ, произведеннымъ королемъ Чака.

Зуто впервые сдѣлались извѣстны въ Европѣ благодаря войнамъ, которыя боэры вели съ ними или вѣрнѣе они съ боэрами, такъ какъ послѣдніе стремились вытѣснить ихъ изъ принадлежащихъ имъ земель. Зуто были тогда безусловно охотничьимъ народомъ. Они занимались также скотоводствомъ, но въ незначительной степени, а земледѣліе было у нихъ окончательно запущено. Охота, составлявшая ихъ главное ремесло, вынуждала ихъ къ постоянной борьбѣ со слонами, львами и другими опасными звѣрями, чѣмъ они и заслужили репутацію воинственныхъ, мужественныхъ людей. Но рядомъ съ этой благопріятной стороной ихъ ремесла выступали и темныя стороны. У нихъ почти не было слѣда какой-нибудь культуры. Они едва имѣли понятіе о религіи и принадлежали къ числу немногихъ народовъ, которые не доросли до представленія о богѣ или нѣсколькихъ богахъ. При этомъ они были убѣждены, что единичные люди одарены силой производить злыя чары, и тотъ человѣкъ, который считался колдуномъ, могъ разсчитывать на боязнь, а слѣдовательно, на глубокое уваженіе со стороны своихъ соплеменниковъ. Колдуны были обыкновенно выбираемы въ санъ вождей. Весь народъ распадался на безчисленныя племена, изъ которыхъ каждое имѣло своего вождя. Званіе вождя не было наслѣдственнымъ: оно почти постоянно выпадало на долю самаго ловкаго охотника, имѣвшаго наибольшее число приверженцевъ. Этотъ способъ выборовъ велъ къ постояннымъ междоусобнымъ войнамъ; кромѣ того, различныя племена сами по себѣ находились въ открытой враждѣ и взаимно пожирали другъ друга. Только общая опасность, грозившая имъ со стороны боэровъ, повидимому, побудила ихъ составить своего рода федеративный союзъ и избрать общаго предводителя. Выборъ палъ на одного князя, по имени Мошешъ; во время его владычества, въ 1833 году, между ними поселился первый европеецъ, а именно французскій миссіонеръ протестантскаго вѣроисповѣданія, по имени Кассалисъ, съ двумя товарищами, Арбуссе и Госселинъ. Онъ былъ дружески принятъ королемъ и оставался при немъ въ Моріа, столицѣ страны, если можно назвать этимъ именемъ нѣсколько сотъ хижинъ, построенныхъ изъ земли, тростника и пальмовыхъ листьевъ. Если вѣрить наслово Кассалису, то ему удалось обратить въ христіанство нѣсколько сотъ человѣкъ зуто. Онъ очень хвалитъ самого Мошеша, который будто-бы почти искоренилъ людоѣдство въ своемъ народѣ и вообще сдѣлалъ много добра, что способствовало смягченію варварскихъ нравовъ. Кромѣ того, Мошешъ былъ храбрый и искусный воинъ. Онъ съ успѣхомъ защищалъ свое государство противъ боэровъ съ одной стороны и зулусовъ съ другой, которые проникли до самаго Замбезе, подъ предводительствомъ одного искателя приключеній, впослѣдствіи знаменитаго въ центральной Африкѣ короля Мозеликаце. Эти постоянныя пагубныя войны подконецъ ослабили силу сопротивленія со сто-

роны зуто, которымъ Англія не замедлила предложить свое покровительство. Въ 1848 году зуто оказали англичанамъ довольно существенныя услуги. Но въ продолженіи долгаго времени покровительство англичанъ не приносило особенной пользы зуто. Боэры не прекращали своихъ постоянныхъ нападеній и этимъ едва не довели зуто до окончательной гибели. Это побудило англичанъ къ энергическому вмѣшательству: въ 1866 году зуто были объявлены подданными британской короны, а ихъ страна Лезуто — англійскимъ владѣніемъ; одинъ англичанинъ назначенъ былъ постояннымъ агентомъ отъ правительства. Все это положило извѣстный предѣлъ посягательствамъ боэровъ. По переписи 1875 года число зуто, живущихъ въ Капской колоніи, подъ покровительствомъ англичанъ, доходило до 172,000 душъ.



Продольный разрѣзъ двора чуанскаго вождя.

Голландскіе переселенцы, живущіе въ республикѣ Оранжевой рѣки, не разъ утверждали, что между зуто распространено людоѣдство. Хотя нельзя совершенно отрицать этого факта, но показанія боэровъ могутъ быть преувеличены, такъ какъ они почти непрерывно находились во враждѣ съ зуто. Мошешъ, по свидѣтельству Кассалиса, уничтожилъ людоѣдство еще прежде, нежели вышеупомянутый миссіонеръ поселился у него. „По близости Моріа, говоритъ онъ, находилось до 90 деревень, все населеніе которыхъ состояло изъ людоѣдовъ; они не скрывали своей склонности къ людоѣдству и охотно вернулись бы къ прежнему образу жизни, еслибы ихъ не останавливала строгость короля“. Однако, не смотря на увѣренія Кассалиса, можно смѣло сказать, что людоѣдство, хотя и въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, но все еще находитъ приверженцевъ между зуто.

Джемсъ Генри Боукеръ, первый англійскій агентъ въ землѣ Лезуто, описываетъ слѣдующимъ образомъ свое посѣщеніе „пещеръ людоѣдовъ“, предпринятое имъ въ 1868 году: „Я видѣлъ въ одной изъ пещеръ, говоритъ онъ, несомнѣнные признаки, что людоѣдство еще далеко не вышло изъ употребленія. Среди массы сложенныхъ здѣсь человѣческихъ костей, многія были

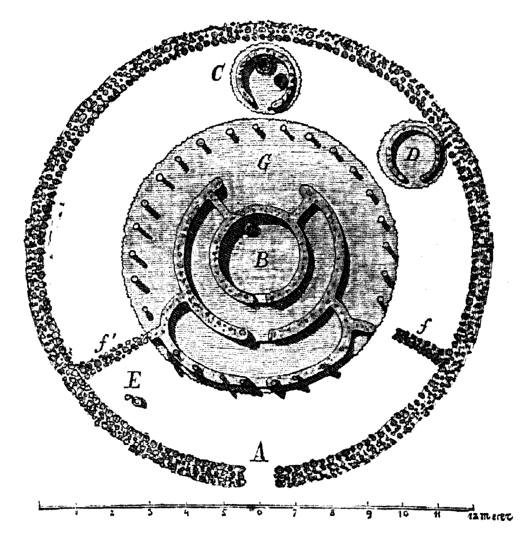
недавно оглоданы. По всѣмъ даннымъ, это были остатки рослаго человѣка, съ крѣпкими костями и черепомъ бѣлизны слоновой кости и твердымъ, какъ сталь. Многочисленные людоѣды живутъ до сихъ поръ по близости пещеръ. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ. На видъ онъ имѣлъ около шестидесяти лѣтъ и былъ одинъ изъ самыхъ порочныхъ и отвратительныхъ индивидовъ Genus homo sapiens, какихъ мнѣ приходилось встрѣтить когда-либо. По его собственному сознанію, онъ съѣлъ впродолженіе своей жизни, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ человѣкъ своихъ собратьевъ. Онъ постоянно охотился за людьми и составлялъ предметъ страха для сосѣднихъ племенъ. По его словамъ, всего вкуснѣе мясо дѣтей отъ восьми до десяти лѣтъ, особенно дѣвушекъ. Слѣдующія подробности могутъ всего лучше дать понятіе о безнравственности этого негодяя. Во время одной охоты ему удалось похитить трехъ молодыхъ женщинъ. Онѣ были сестры. Самую красивую изъ нихъ онъ выбралъ въ подруги жизни; двухъ другихъ онъ откормилъ, убилъ одну за другой — и „пожралъ сестеръ своей жены". Другой пожилой мозуто разсказывалъ Боукеру, что въ добрыя старыя времена онъ сварилъ до тридцати людей и находилъ несправедливымъ и нелѣпымъ, что этого рода изготовленіе человѣческаго мяса вышло изъ употребленія. Повидимому, людоѣдство доставляетъ особенное наслажденіе нѣкоторымъ субъектамъ. Хотя зуто всегда жили въ богатой странѣ, гдѣ множество всякой дичи, но, несмотря на это, они не только охотились за своими врагами, чтобы полакомиться ихъ мясомъ; но пожирали другъ друга, захватывали въ плѣнъ людей своего племени, и если у нихъ не было подъ рукой другихъ жертвъ, то наступала очередь ихъ женъ и дѣтей. Лѣнивую и вздорную жену убивали, безъ всякихъ разсужденій, и она доставляла лакомую ѣду; ребенокъ, который слишкомъ много кричалъ, былъ немедленно усмиряемъ этимъ-же способомъ, и изъ него варили кушанье. Больнымъ и слабымъ даже не давали умирать естественной смертью, потому что это лишило бы окружающихъ возможности наполнить себѣ животы ихъ мясомъ. Таковы были порядки у этого народа" (The Cave Cannibals of South Africa, въ Anthrop. Review, апрѣля 1869). Докторъ Бликъ добавляетъ къ предыдущему слѣдующее примѣчаніе: кто интересуется исторіей людоѣдства этого народа, можетъ найти необходимыя свѣдѣнія въ Relation d'un Voyage d'exploration au Nord-est de la Colonie du Cap de Bonne Espérence par Arbousset et Daumas. Paris, 1842, p. 105—123. Путешествіе было предпринято въ мартѣ и продолжалось до мая того же 1836 года. Въ картѣ, приложенной къ этому сочиненію, обозначены мѣста жительства людоѣдовъ на востокъ отъ Таба Бозіу. Краткія замѣтки встрѣчаются также у Эдварда Соломона, въ его: Two lectures on the Native Tribes of the Interior Cape Town, 1855, p. 62—64. По его словамъ, людоѣдство было въ ходу у четырехъ племенъ; двое изъ нихъ: бакузенгъ или багукенгъ и макатла—чуаны; двое другихъ: бамакакана и баматлапатла—каффры. Весьма вѣроятно, что они сдѣлались людоѣдами вслѣдствіе продолжительной войны, которая чуть-ли не пятьдесять лѣтъ производила страшныя опустошенія въ этихъ мѣстностяхъ. Наконецъ война прекратилась, но пристрастіе къ человѣческому мясу осталось, и людоѣдство существовало послѣ того еще долгое время. Также весьма возможно, что оно составляетъ наслѣдіе несравненно болѣе отдаленнаго времени. Въ туземной литературѣ зулусовъ и чуановъ встрѣчается множество намековъ на A ma zimu (един. i zimu) и на Ma rimo (един. le rimo). Первое слово обозначаетъ людоѣдовъ на языкѣ зулусовъ; второе—на языкѣ чуановъ. Въ дѣтскихъ зулусскихъ сказкахъ, изданныхъ д-ромъ Коллэуей, людоѣды играютъ такую же видную роль, какъ въ нашихъ европейскихъ сказкахъ великаны и людоѣдки-вѣдьмы.

Слѣдующія свѣдѣнія сообщены д-ромъ Беддое. Одинъ англичанинъ, посѣтившій пещеры въ 1868 году, указываетъ на способъ убиванія жертвъ. Людо-

ѣды приступали къ дѣлу съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, подобно тому какъ мясникъ закалываетъ овцу. Черепъ разрубали поперегъ топоромъ у носовой кости; скуловыя кости выбрасывались прочь, какъ негодныя къ употребленію. Затѣмъ въ верхней части головы пробивали дыру и вынимали мозгъ. Ребра опускали въ горшокъ и варили. Кости раскалывали въ длину и вынимали мозгъ. Нерѣдко находимы были хрящи и слѣды разрѣзовъ ножа на черепахъ, съ которыхъ мясо было снято полосами. Всѣ европейцы (боэры), убитые при стычкѣ у Таба Бозіу (или Бозиго), были тотчасъ же съѣдены, вслѣдствіе убѣжденія, что черезъ это ихъ мужество перейдетъ въ тѣло людоѣдовъ. Одинъ мозуто сообщилъ слѣдующій фактъ: людоѣды пожирали бѣлыхъ людей, каффровъ и чуановъ, изъ другихъ племенъ, но не прикасались къ мясу готтентотовъ, а также метисовъ. Сердце и печень считались лакомыми кусками, равно и мозгъ, который завязывали въ кусокъ ткани и пекли въ горячей золѣ. Во время войны (оконченной въ 1868 г.), они съѣли всѣхъ бѣлыхъ людей, которые попали имъ въ руки. Съ тѣхъ поръ людоѣдство почти искоренено и только по временамъ всплываетъ старый обычай. Повидимому, съѣсть непріятеля считается величайшимъ позоромъ, какой только можно нанести ему. Но все-таки гастрономія составляетъ главную причину людоѣдства. Т. Ганъ сообщаетъ, что нѣкто г. Мэдеръ получилъ вспомоществованіе отъ Капскаго правительства для поставки рогатаго скота на убой туземцамъ зуто, съ тою цѣлью, чтобы отклонить ихъ отъ людоѣдства. Нѣкоторое время спустя многіе зуто заявили, что они отказываются отъ бычачьяго мяса, потому что человѣческое гораздо вкуснѣе. Такимъ образомъ скупленный скотъ остался въ распоряженіи Мэдера (Globus, Bd. XV, s. 285).

Земледѣліе и скотоводство наполняютъ жизнь зуто, какъ и всѣхъ чуановъ. Но ихъ хижины построены совсѣмъ инымъ способомъ нежели тѣ, какія мы встрѣчаемъ въ Южной Африкѣ, и положительно напоминаютъ сѣверный „tokul“. Онѣ отличаются стѣнами и конической крышей отъ жилищъ настоящихъ каффровъ похожихъ на плетенные улья. Планъ, какъ показано на приложенномъ рисункѣ, представляетъ кругъ въ нѣсколько метровъ, на которомъ построена глинянная стѣна около 2 м. высоты, съ крышей изъ тростника. Послѣдняя скрѣплена у стропилъ полосами невыдѣланной кожи и по срединѣ опирается на деревянный столбъ; по сторонамъ она настолько выступаетъ впередъ отъ главной стѣны, что опускается къ землѣ на половину человѣческаго роста. Тутъ она снова подперта нѣсколькими деревянными подпорками и образуетъ такимъ образомъ родъ крытой галлереи вокругъ всей хижины. Овальное отверстіе, менѣе чѣмъ въ мужской ростъ, служитъ входомъ въ хижину, въ которой, кромѣ этого, нѣтъ ни дверей, ни оконъ, ни дымовой трубы. Стѣны хижины тщательно выштукатурены или вымазаны глиной, смѣшанной съ коровьимъ навозомъ; полъ также гладкій глиняный. Нечистота превосходитъ здѣсь всякое вѣроятіе. Постелью служитъ рогожа или бычачья шкура. Хижины расположены въ видѣ круга, среди котораго содержится скотъ. Всѣ чуаны живутъ въ болѣе значительныхъ или маленькихъ деревняхъ. Каждый домъ обнесенъ плетнемъ, а вся деревня окружена изгородью изъ колючихъ акацій. Вокругъ отцовской

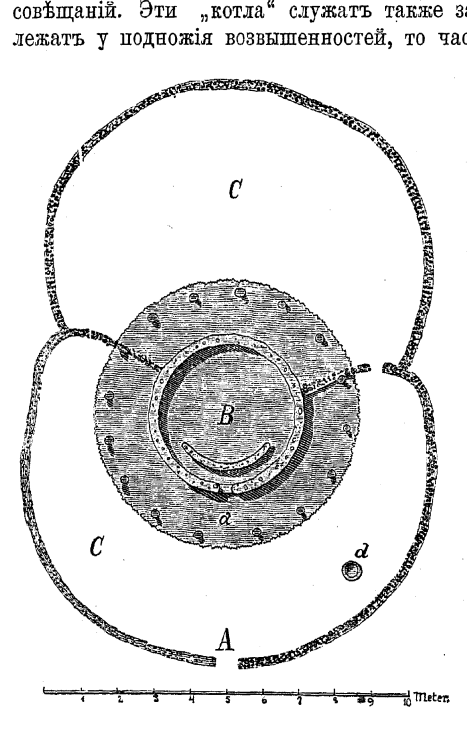
хижины строятся дѣти, къ которымъ здѣсь относятся съ особенной любовью, и чѣмъ многочисленнѣе потомство, тѣмъ больше гордится имъ отецъ. Кругъ, составленный изъ цѣлаго ряда кругообразно расположенныхъ хижинъ,—по обычаю, соблюдаемому мочуанами при всѣхъ постройкахъ,—образуетъ деревню или городъ. Средней величины городъ имѣетъ до 6—8000; но нѣкоторые изъ такъ называемыхъ городовъ не болѣе какъ деревни, какъ напр. Молопололе, гдѣ д-ръ Голубъ былъ принятъ въ „котла“ могущественнымъ Сешеле, королемъ Бакуэны, наиболѣе сѣвернаго государства чуановъ. Подъ названіемъ „котла“ подразумѣваютъ кругъ, огороженный толстыми столбами или стволами деревъ, который всегда устраивается по срединѣ бечуанскихъ городовъ и долженъ служить мѣстомъ совѣщаній. На



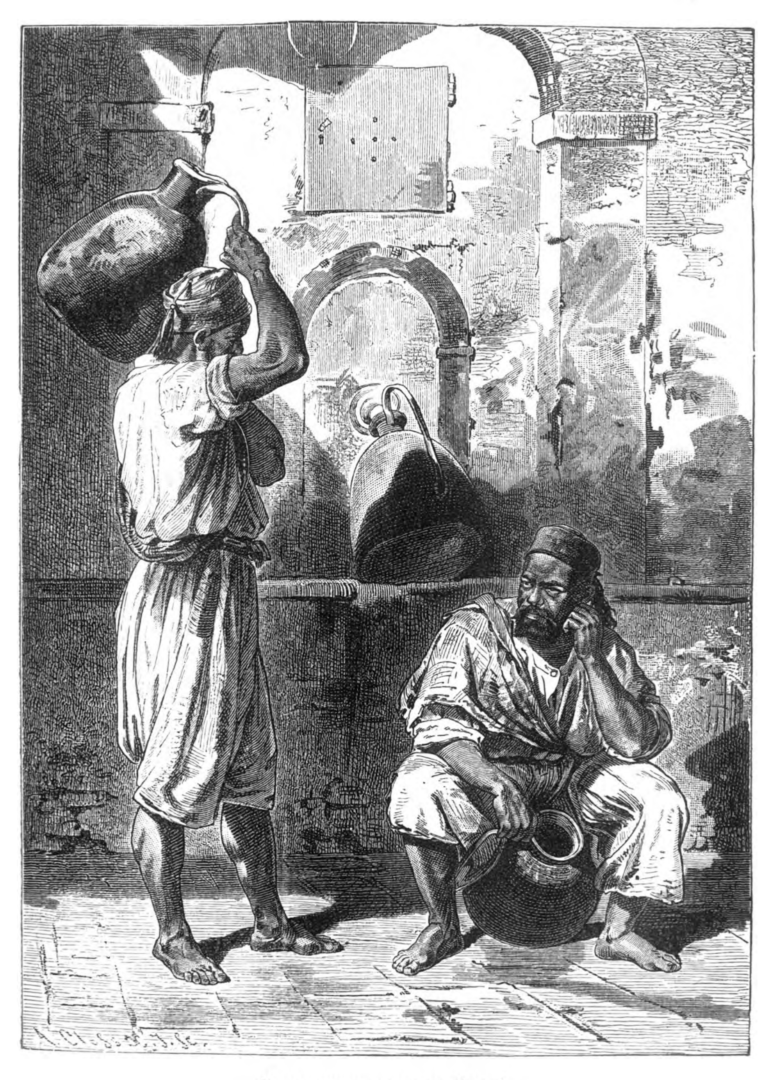
Чертежъ чуанскаго двора.
A. Ворота наружнаго забора. B. Спальня вождя и его семьи. C. Хлѣбный магазинъ съ закромами. D. Особое помѣщеніе для женской прислуги. E. Очагъ. F и F'. Поперечные заборы съ входами. G. Галлерея, закрытая съ передней стороны низкимъ парапетомъ, той-же постройки, какъ и внутреннія стѣны, т. е. изъ кольевъ и хвороста, обмазанныхъ глиной.

сторонѣ забора, обращенной къ королевскому жилищу, находится отверстіе, которое въ случаѣ надобности можетъ быть закрыто древесными стволами. Въ наиболѣе близкомъ пунктѣ къ вышеупомянутымъ жилищамъ, заборъ всего плотнѣе, и здѣсь находится мѣсто, гдѣ властелинъ, сидя на небольшомъ стулѣ, и окруженный съ обѣихъ сторонъ старшинами племени, своими родственниками и вождями слушаетъ доклады гонцовъ, сидящихъ передъ нимъ на землѣ въ смиренной

позѣ, охотниковъ, шпіоновъ, лицъ присланныхъ къ нему для переговоровъ отъ другихъ туземныхъ королей, и самъ произноситъ рѣшеніе или черезъ сидящихъ возлѣ него. Нерѣдко въ этомъ огороженномъ кругѣ построена небольшая крытая деревянная хижина, въ которой обыкновенно горитъ огонь; ею пользуются въ дождливое время для совѣщаній. Эти „котла“ служатъ также замѣной фортовъ. Если они лежатъ у подножія возвышенностей, то часть забора, обращенная къ послѣднимъ, сооружается изъ высокихъ, тяжелыхъ, древесныхъ стволовъ, съ цѣлью ослабить дѣйствіе метательныхъ снарядовъ. Каждая группа семейныхъ хижинъ имѣетъ свою „котла“, гдѣ всѣ собираются для работы, ѣды и болтовни. Бѣдный придерживается „котла“ богатаго человѣка, который относится къ нему съ отеческою заботливостью. Между тѣмъ преуспѣвающая культура уже проложила себѣ путь вглубь Южной Африки; само собою разумѣется, что вліяніе сношеній съ бѣлыми тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе къ берегу. Жалкія земляныя хижины зуто уступили мѣсто красивымъ сельскимъ домикамъ, которыхъ можно насчитать тысячи. Вездѣ замѣтны признаки благосостоянія, даже роскоши. Предводители племенъ, которые не далѣе, какъ десять лѣтъ тому назадъ, жили какъ дикари, занимаютъ теперь одноэтажные каменные и кирпичные дома, построенные въ европейскомъ стилѣ, съ красивымъ внутреннимъ убранствомъ, коврами, обоями на стѣнахъ и пр. Даже внутри материка, хотя и не такъ часто, встрѣчаются красивыя строенія. Такъ, напр., домъ короля Сешеле въ Молопололе представляетъ собой опрятное и нарядное зданіе, вблизи котораго находился его прежній домъ, занимаемый теперь старшимъ



Чертежъ чуанскаго двора.
A. Ворота наружнаго забора, a. овальная входная дверь жилаго помѣщенія, съ задней перегородкой. B. Жилое помѣщеніе. C и C'. Огороженный дворъ. d. Очагъ.



Носильщики воды въ Египтѣ.

сыномъ; къ этому дому примыкали другія строенія, гдѣ помѣщалась остальная королевская семья. Новый домъ былъ выстроенъ и приспособленъ для резиденціи короля г. Тейлоромъ за сумму 3000 ф. стер., которые были выплачены въ видѣ страусовыхъ перьевъ и быковъ.

Пріемъ д-ра Голуба въ этомъ королевскомъ дворцѣ даетъ наглядное понятіе о мѣстныхъ условіяхъ: „Когда мы вошли во дворъ королевскаго жилища, говоритъ онъ, насъ привѣтствовала королева, которая встала съ своего мѣста. Это была рослая, сильная женщина; костюмъ ея состоялъ изъ ситцеваго платья и большаго шерстянаго платка; на головѣ былъ также платокъ, завязанный сзади. Король Сешеле ввелъ насъ въ пріемную комнату, между тѣмъ какъ Мазебеле сдѣлала распоряженіе, чтобы намъ приготовили закуску. Пріемная (Сешеле называетъ ее по англійски „drawing-room", хотя выговариваетъ это слово самымъ неправильнымъ образомъ) была устроена съ полнѣйшимъ европейскимъ комфортомъ; стулья были изъ орѣховаго дерева, равно и остальная мебель; подушки для сидѣнья обтянуты бархатомъ. На веселомъ и полномъ лицѣ добродушнаго властителя куэновъ всегда сіяетъ самодовольная улыбка, доказывающая его высокое мнѣніе о своей особѣ, когда онъ находится въ своемъ „drawing-room" и можетъ показать посѣтителю внутреннее убранство своего дворца. При этомъ онъ видимо наслаждается удивленіемъ чужестранца, которому подобно мнѣ выпадаетъ на долю великое счастье лицезрѣть это великолѣпіе. Пока мы усаживались, король разостлалъ свой носовой платокъ (который онъ, повидимому, никогда не употребляетъ) на выбранный имъ стулъ и затѣмъ уже сѣлъ на него. Мазебеле вошла позже и помѣстилась на деревянномъ стулѣ. Сешеле спросилъ черезъ моихъ провожатыхъ о цѣли моего путешествія, затѣмъ о національности всѣхъ насъ. Въ это время на порогѣ появился смѣющійся субъектъ, который поклонился обоимъ миссіонерамъ; это былъ четырнадцатилѣтній, рослый юноша, въ рубашкѣ, жилетѣ и панталонахъ; на головѣ у него была остроконечная шапка изъ красной шерстяной матеріи. Онъ смѣялся при каждомъ сказанномъ словѣ, особенно когда его мать, — потому что нарядный юноша, въ беретѣ на руноообразныхъ волосахъ, былъ никто иной, какъ Себеле, младшій сынъ и darling Baby (любимое дитя) Ма-забеле,—представила его мнѣ со словами: mo Sebele o Tho-ling Beb. Полчаса спустя юному королевскому сыну пришло въ голову сообщить матери, что чай поданъ въ столовой. Сешеле открылъ собой шествіе; мы слѣдовали за нимъ; Ма-зебеле составляла арріергардъ. Мы всѣ были въ наилучшемъ расположеніи духа, особенно я и Tho-ling Beb, такъ какъ мнѣ въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ, а ему во второй разъ въ это утро приходилось видѣть „пирожное" макоа (печенье бѣлаго человѣка). Но онъ не удостоился подобно намъ чести сидѣть за круглымъ столомъ, потому что на него возложена была обязанность „faire les honneurs" дома, что, повидимому, не составляло для него особеннаго затрудненія. Въ столовой стоялъ красивый столъ, покрытый бѣлой скатертью; чай былъ сервированъ въ чашкахъ, похожихъ на миски; самую большую изъ нихъ подали королю, сидѣвшему у верхняго конца стола; она вмѣщала не менѣе литра. Чайники, сахарница и остальной чайный приборъ, стоявшій на боковомъ столикѣ, были серебряные и поднесены его величеству купцами, періодически живущими въ Молопололе. Чай былъ не дуренъ, а мучное печенье могло удовлетворить самый изысканный вкусъ. Нашъ разговоръ, начатый въ пріемной, продолжался въ томъ же тонѣ; меня спрашивали: какъ намѣрено распорядиться англійское правительство своими бриллiантовыми пріисками и что подѣлываетъ голландское правительство въ Преторіи и Блемфонтейнѣ? Черная королева, повиди-

мому, не особенно интересовалась нашимъ разговоромъ, потому что она мало-по-малу предалась занятію, которое было прервано нашимъ приходомъ во дворъ, а именно дремотѣ. Сначала она засыпала тихо и какъ бы украдкой, а затѣмъ, когда природа взяла свое, то весьма замѣтнымъ и слышнымъ образомъ. Супругъ увидѣлъ это и должно быть поведеніе королевы показалось ему несовсѣмъ приличнымъ; сперва онъ кашлянулъ, но видя, что кашель не помогаетъ, немного погодя далъ ей понять нѣжнымъ прикосновеніемъ своей слоновой ноги, насколько она погрѣшила противъ придворнаго этикета. Мнѣ стоило большаго труда удержаться отъ смѣха; наконецъ я овладѣлъ собой и обратился къ королю съ слѣдующими словами: „Морена! Когда я былъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ и, читая въ первый разъ книги Ливингстона, встрѣтилъ твое имя, то мнѣ не могло тогда прійти въ голову, что я увижу тебя, буду говорить съ тобой и даже пить чай и ѣсть пирожное въ твоемъ домѣ“. Сешеле, хотя носитъ званіе колдуна и занимается при случаѣ „вызываніемъ“ дождя, но умѣетъ кстати привести изреченіе изъ Библіи; поэтому онъ тотчасъ же отвѣтилъ подходящимъ библейскимъ выраженіемъ: „Пути Божіи неисповѣдимы!“ Когда м-ръ Уилльямсъ затѣмъ перевелъ королю слѣдующую фразу, сказанную мной, то правая сторона лица его величества была обращена къ намъ, между тѣмъ какъ лѣвымъ глазомъ онъ, повидимому, продолжалъ слѣдить за своей супругой. Въ это время, замѣтивъ, что Мазебеле опять заснула и совсѣмъ склонилась на сторону, онъ бросилъ на меня лукавый взглядъ и такъ безцеремонно толкнулъ ногой бѣдную королеву, что она едва не опрокинула лбомъ стоявшую передъ ней чашку“ (Holub, Sieben Jahre in Südafrika. Bd. I, s. 406—409).

Одежда мужчинъ у чуановъ повсемѣстно состоитъ изъ кожаннаго передника; они тщательно прикрываютъ имъ нижнюю часть живота и стыдятся снимать его при постороннихъ; женщины носятъ юбочку или фартукъ изъ звѣриныхъ шкуръ. Между чуанами нельзя встрѣтить совсѣмъ голыхъ субъектовъ; но они считаютъ себя достаточно одѣтыми, если на нихъ вышеупомянутая принадлежность туалета; только въ видѣ защиты отъ холода оба пола носятъ „kaross“, преимущественно изъ воловьихъ шкуръ, украшенныхъ, между прочимъ, пестрыми полосами различнаго мѣха. Вожди всего чаще носятъ шкуры леопардовъ; жены богатыхъ людей — серебристаго шакала или красной дикой кошки; у мужчинъ также въ употребленіи плащи изъ шкуръ убитыхъ ими гну или антилопъ, хвосты которыхъ висятъ сзади въ видѣ украшенія. Что же касается зуто, то они, за небольшими исключеніями, стали одѣваться по-европейски. Само собой разумѣется, что Э. фонъ-Веберъ не встрѣтилъ ни одного европейскаго костюма среди сотенъ дѣвушекъ, видѣнныхъ имъ въ чуанскомъ городѣ Чаба-Нчу въ республикѣ Оранжевой рѣки. „Всѣ онѣ были въ первобытномъ и несравненно болѣе интересномъ національномъ костюмѣ туземныхъ каффрскихъ дѣвушекъ, который перешелъ къ нынѣшнему поколѣнію изъ давнихъ временъ. Бедра были обвиты короткимъ „kaross“ изъ мягкихъ мѣховъ шакала или дикой кошки, шерстью внутрь. Грудь и руки (которыя могли бы привести въ восторгъ всякаго художника по своей пластичности) были обна-

жены, равно и ноги выше колѣнъ. Поясъ изъ красивой бохромы, сдѣланной изъ бусъ, охватывалъ стройную тонкую талью; руки и ноги, а также шея и грудь были увѣшены пестрыми бусами; на лѣвомъ плечѣ кокетливо наброшенъ „kaross“ (мѣховая мантилія въ родѣ гусарскаго ментика) шерстью внутрь, лицевая коричневая сторона котораго была богато украшена висячими нитями бусъ и съ красивой орнаментальной вышивкой изъ такихъ же бусъ. Рунообразные волосы были выбриты на нижней части головы, между тѣмъ какъ оставленное сверху высокое руно волосъ, похожее на кардинальскую шапочку, было красиво окаймлено нитью бусъ, съ множествомъ небольшихъ висячихъ нитей бусъ, на подобіе локоновъ. Этотъ волосяной покровъ головы всегда сильно пропитанъ благовонными маслами, такъ что хорошенькія головки дѣвушекъ блестятъ издали какъ будто онѣ посыпаны алмазами“ (Weber, Vier Jahre in Afrika. Bd. II. s. 103—104). Оба пола ходятъ съ непокрытой головой; но замужнія женщины нерѣдко носятъ мѣховыя шапки; многія племена раскрашиваютъ все тѣло красной охрой или блестящими осколками одной породы слюдистаго сланца. Обувью служатъ сандаліи изъ кожи буйволовъ или жирафа. На рукахъ и ногахъ они носятъ мѣдные, латунные и желѣзные обручи и другія украшенія собственнаго издѣлія; женщины, кромѣ того, щеголяютъ такимъ количествомъ тѣсно сплетенныхъ между собой нитокъ стеклянныхъ бусъ, что это украшеніе становится для нихъ настоящей ношей. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ признакомъ богатства, такъ что бѣдныя женщины стараются искусственно усвоить утиную походку, которая у болѣе достаточныхъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отягощенія ногъ. Мужчины носятъ мало бусъ на шеѣ и рукахъ; но увѣшиваютъ себя безчисленнымъ множествомъ бездѣлушекъ, преимущественно талисмановъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особенное назначеніе. Къ этому нужно прибавить неизбѣжную таба-

Тыквенная бутылка и кружка у барутзе (Южн. Африка).

керку, такъ какъ чуаны чувствуютъ особенное пристрастіе къ нюханью табака, который составляетъ для нихъ самый цѣнный подарокъ.

Табакъ старательно растираютъ между двумя каменьями и затѣмъ смѣшиваютъ съ древесной золой, которая придаетъ ему требуемую пикантность. Когда фабрикація кончена, всѣ толпятся кругомъ, чтобы захватить щепотку табаку. Они насыпаютъ порошокъ на лодонь руки, забираютъ его крошечными дозами ложечкой, сдѣланной изъ железа или слоновой кости, которая постоянно виситъ у нихъ на шеѣ и осторожно подносятъ ее къ носу до тѣхъ поръ, пока обильныя слезы не потекутъ по щекамъ, что доставляетъ имъ величайшее удовольствіе. Они никогда не чихаютъ, потому что носы ихъ слишкомъ закалены для этого. Считается крайне неприличнымъ помѣшать чѣмъ либо обществу, занятому нюханьемъ табака; у зуто нюханье такъ-называемаго „невѣстинаго табака" представляетъ своего рода торжество, которое справляется въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Изящныя табачныя баночки („kχoane") у племени зуто изготовляются изъ выдолбленнаго пальмоваго плода или небольшой тыквы. Куреніе также въ обычаѣ, но сначала въ употребленіи былъ только даха, а не табакъ; до сихъ поръ мужчины не выказываютъ особеннаго пристрастія къ куренію табака, которое, наоборотъ, въ усиленной степени практикуется женщинами. Дымъ пропускается черезъ воду и съ этою цѣлью трубки зуто снабжены искуственнымъ аппаратомъ, подобно восточному нардилехъ.

Образъ жизни и занятія у чуановъ представляютъ тѣ же черты, что у каффровъ. Его имущество преимущественно заключается въ рогатомъ скотѣ; это его „возлюбленныя четвероногія чада", выше которыхъ ничего не существуетъ, какъ для восточныхъ, такъ и западныхъ чуановъ. Пастушество считается благороднымъ призваніемъ мужчины; даже сыновья вождей обязаны пасти скотъ. Кромѣ того оба пола сообща занимаются воздѣлываніемъ земли, а именно разведеніемъ Holcus Sorghum (индійская пшеница) важнѣйшаго изъ мѣстныхъ продуктовъ, а также въ новѣйшее время маиса, обыкновенной пшеницы, дынь, тыквъ, черныхъ бобовъ, земляныхъ орѣховъ и табака. Главной пищей служатъ здѣсь хлѣбныя растенія, каффрское просо и молоко, которое зуто употребляютъ квашеннымъ. Кушанье большею частью приготовляется безъ соли и въ видѣ густой каши; его подаютъ на тщательно вымытомъ деревянномъ блюдѣ. Чуаны ѣдятъ три раза въ день; вечерняя или ночная ѣда самая обильная, потому что они убѣждены, что сонъ ихъ будетъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ плотнѣе былъ ужинъ. Они также изготовляютъ пиво, а именно каффрское и такъ называемое „rula" (изъ сока плода того же имени), такъ какъ они вполнѣ знакомы съ добываніемъ солода. Что же касается ручныхъ производствъ, то у нихъ можно встрѣтить хорошую кузнечную работу, а также плетеніе корзинъ и рѣзьбу звѣриныхъ головъ на ложкахъ. Охота—ихъ любимое занятіе; употребляемое при этомъ оружіе служитъ и для войны; оно состоитъ изъ бердыша, кинжала

(въ футлярѣ), копья и „kiri“, т. е. дубинъ для метанія и нанесенія ударовъ, которыя дѣлаются изъ дерева и кости носорога и большею частью украшены красивой рѣзьбой. Чуаны, благодаря разнообразному оружію, которое придаетъ имъ грозную внѣшность, пользуются совершенно незаслуженной репутаціей воинственнаго народа. Они скорѣе могутъ возбудить удивленіе искуснымъ изготовленіемъ оружія, нежели умѣніемъ владѣть имъ. Несмотря на то, что между всѣми обитателями Южной Африки, они имѣютъ самый богатый выборъ оружія для рукопашнаго боя, но тѣмъ не менѣе охотнѣе другихъ племенъ замѣняютъ его огнестрѣльнымъ оружіемъ, которымъ владѣютъ весьма посредственно. Главнымъ народнымъ увеселеніемъ служитъ пляска, которая всего чаще происходитъ при лунномъ свѣтѣ. Э. Веберъ описываетъ подобный балетъ, который по его словамъ со-

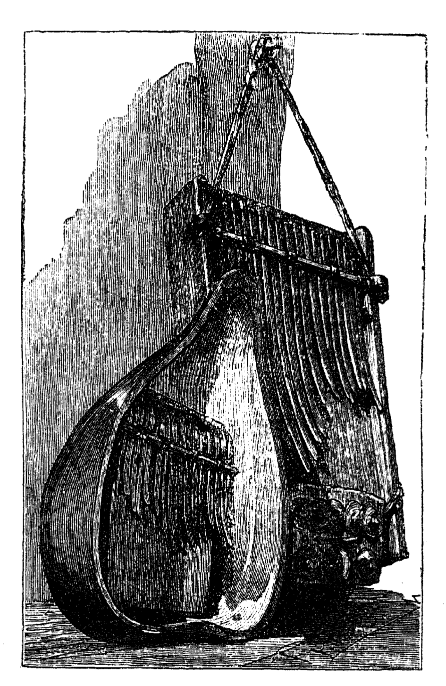
Дѣвушка у бакуэновъ, Мампокъ (Южн. Африка) по д-ру Фричу.

стоялъ изъ „граціознаго, непринужденнаго и при этомъ совершенно приличнаго прыганья въ тактъ веселыхъ и шаловливыхъ дѣтей природы. Эта своеобразная пляска сопровождалась веселымъ пѣніемъ и непрерывнымъ хлопаніемъ въ ладони, напоминающимъ шумъ пароваго локомотива, идущаго тихимъ ходомъ. Граціозныя, змѣеобразныя и быстрыя движенія гармонически и прекрасно сложенныхъ дѣвушекъ имѣли въ себѣ нѣчто напоминающее эластичные прыжки ди-

кихъ кошекъ. Это былъ какъ бы длинный рядъ изящныхъ статуй, вырѣзанныхъ изъ чернаго дерева и внезапно пробужденныхъ къ наэлектризованной ликующей жизни, прикосновеніемъ волшебнаго жезла" (Weber, Vier Jahre in Afrika, Bd. II. s. 105). Пляска всегда соединена съ пѣніемъ. У чуановъ очень мало музыкальныхъ инструментовъ, и всѣ они крайне первобытны, такъ какъ музыка стоитъ на очень низкой степени, хотя пѣсни могутъ дать высокое понятіе о музыкальныхъ способностяхъ этой народной семьи. У племени ба-тока, вѣроятно, сроднаго съ чуанами, встрѣчается своеобразный музыкальный инструментъ, называемый „занза". Онъ состоитъ изъ стальныхъ пластинокъ, натянутыхъ на декѣ изъ твердаго дерева, которая для усиленія резонанса вложена въ тыквенную бутылку. На этомъ инструментѣ (который изображенъ на слѣдующемъ рисункѣ) играютъ двумя большими пальцами, между тѣмъ какъ остальные пальцы подъ декой. Замѣчательно, что этотъ инструментъ не только распространенъ въ Лоанго и Биге, но былъ перенесенъ оттуда негритянскими невольниками въ Южную Америку, гдѣ онъ называется „маримба"; этимъ же названіемъ негры обозначаютъ фортепіано бѣлыхъ людей. Но „занза" ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отождествляема съ „маримба" балондовъ или съ инструментомъ, видѣннымъ Камерономъ у короля Казонго въ Уруа, такъ какъ послѣдній представляетъ довольно близкое сходство съ тѣмъ, который въ настоящее время встрѣчается чуть ли не въ каждой хижинѣ на сѣверо-западѣ Южной Америки, въ области Ріо-Каука.

У зуто и вообще у большинства восточныхъ чуановъ господствуютъ своеобразные нравы и обычаи, которые подробно описаны г-номъ Грюцнеромъ, миссіонеромъ и вице-суперинтендентомъ Трансваальскаго синода. Мы приведемъ здѣсь наиболѣе характерныя черты. Когда наступаетъ моментъ родовъ, то на помощь родильницѣ и ребенку призываютъ старыхъ опытныхъ женщинъ. Немедленно послѣ рожденія онѣ берутъ къ себѣ на воспитаніе ребенка и въ продолженіи первыхъ трехъ дней кормятъ его жидкой кашей. Время отъ времени онѣ растираютъ животъ ребенку, опять набиваютъ его пищей, несмотря на крикъ бѣднаго созданія, пока животъ не сдѣлается совсѣмъ тугимъ. Только по прошествіи трехъ дней онѣ приносятъ его къ матери, груди которой искусственно разцарапаны и натерты „селаре", особенной мазью, приготовленной для этой цѣли. Только при этомъ условіи можетъ она кормить своего ребенка. Отсюда даже между бѣлыми составилось нелѣпое мнѣніе, что у матерей въ Африкѣ только на третьи сутки послѣ родовъ появляется молоко. Первые три дня мать не получаетъ ни одного глотка воды; на четвертые сутки ей приносятъ воду. Все это время отецъ ребенка разлученъ съ нимъ и съ своей женой. Его допускаютъ къ нимъ не раньше пятаго дня и при этомъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ церемоній: женщины, помогавшія матери при родахъ, говорятъ: noana o χodile bzanu! a re bitsen naka! (ребенокъ теперь подросъ, позовемъ лекаря! (колдуна). Послѣдняго призываютъ и онъ является съ своими лекарствами. Родильницу выносятъ на „леапа" (дворъ). Поперегъ двери лежитъ „лепгеко" (талисманъ), т. е. деревянный обрубокъ въ 4 — 6 футовъ длины, который кладется передъ входомъ всякій

разъ, когда въ домѣ лежитъ больной, чтобы никто не входилъ, кромѣ самыхъ близкихъ людей. Родильница садится на „лепгеко“ такимъ образомъ, чтобы верхняя часть туловища приходилась по сю сторону обрубка, а ноги по другую и поджатые кверху колѣна опирались бы на обрубокъ. Послѣ этого зовутъ мужа, который садится тѣмъ же способомъ противъ жены; колѣна обоихъ при этомъ скрещиваются какъ руки. Къ нимъ подходитъ врачъ съ лекарствомъ, которое заключается въ толченыхъ кореньяхъ, приготовленныхъ съ жиромъ. Мужъ и жена, оставаясь въ той же позѣ, натираются ими, начиная съ колѣнъ и кончая ногами. Деревянный обрубокъ равнымъ образомъ натирается лекарствомъ. Нѣкоторые изъ лекарей сверхъ того даютъ пить цѣлительную воду; мужъ пьетъ первый и оставляетъ немного воды женѣ, которая допиваетъ ее. По окончаніи этой церемоніи, мужъ и жена встаютъ, шагаютъ черезъ обрубокъ и расходятся въ противоположныя стороны.



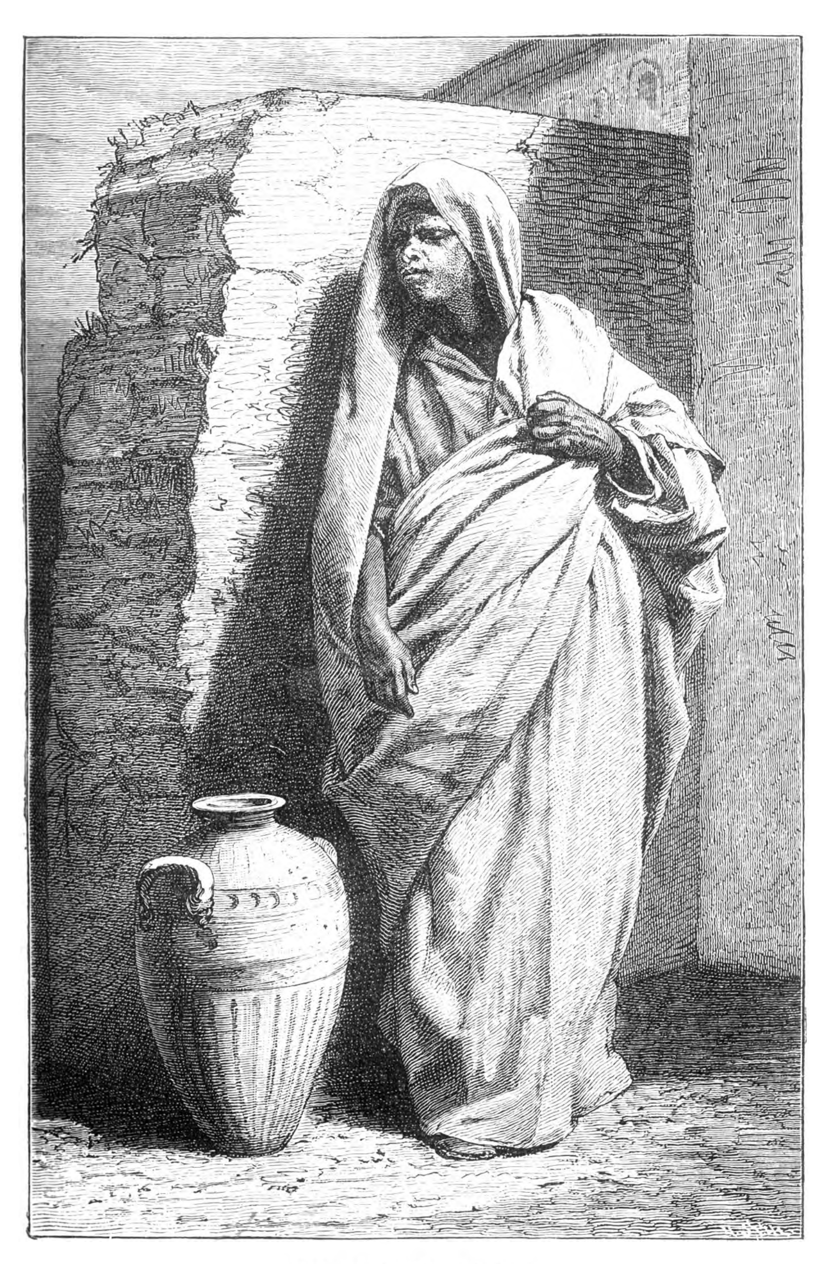
„Занза“ (Маримба), музыкальный инструментъ тока.

Если ребенокъ родится ногами впередъ, то его безъ всякаго милосердія осуждаютъ на смерть и своpачиваютъ ему шею. Равнымъ образомъ убиваютъ всѣхъ близнецовъ, а у нѣкоторыхъ племенъ только одного изъ нихъ. Тѣ дѣти, у которыхъ верхніе зубы прорѣзываются раньше нижнихъ, также умерщвляются. Врачебная помощь оплачивается здѣсь своеобразнымъ образомъ. Онъ не тотчасъ получаетъ вознагражденіе по счету и даже не въ концѣ года. Домашніе врачи у нихъ на другомъ положеніи, нежели у насъ въ Европѣ; онъ лечитъ всѣхъ дѣтей въ семьѣ, не требуя за это никакой платы. Если младшая

дочь въ этой семьѣ благополучно выходитъ замужъ, то врачъ, а въ случаѣ смерти, его законный наслѣдникъ получаетъ корову. При заключеніи подобнаго брака опять приглашаютъ прежняго врача (или его наслѣдника) и говорятъ ему: — Твое дитя выходитъ замужъ! Врачъ навязываетъ „феко“ (талисманъ) на свою паціентку и говоритъ: — Да ниспошлетъ тебѣ Богъ много дѣтей! Да поможетъ тебѣ Богъ въ родахъ! Этимъ ограничивается его помощь, потому что когда его „дитя“ въ свою очередь становится матерью, то она прибѣгаетъ къ другому врачу, такъ какъ старый не можетъ больше лечить ее (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1877, s. 77—80).

Переходъ отъ отроческаго возраста къ зрѣлому сопровождается особеннымъ актомъ, называемымъ „pollo“. Главное его значеніе заключается въ томъ, чтобы засвидѣтельствовать зрѣлость женщины. Для мужскаго пола при этомъ введено обрѣзаніе. „Pollo“ происходитъ не каждый годъ и не одновременно для обоихъ половъ. Всякій, который не захотѣлъ бы подчиниться „pollo“, былъ бы убитъ или, по крайней мѣрѣ, подвергся бы изгнанію. Всѣ, надъ которыми одновременно должно быть совершено „pollo“, образуютъ „choera“ или товарищество. Каждое „choera“ имѣетъ опредѣленное мѣсто. При этомъ врачъ (колдунъ) производитъ обрѣзаніе. Горе тому, кто въ данномъ случаѣ выказываетъ страхъ или какіе-либо признаки боли! Присутствующіе при операціи болѣе пожилые мужчины наказываютъ его немилосердными ударами розогъ. Послѣ обрѣзанія на юношей, вмѣсто обыкновеннаго бедреннаго покрова, одѣваютъ фартукъ, похожій на дѣвическій. Паціенты остаются три мѣсяца въ полѣ до полнаго выздоровленія. Въ это время особый, приставленный къ нимъ надсмотрщикъ, школитъ ихъ, т. е. посвящаетъ ихъ во все, что̀ долженъ соблюдать мужчина. При подобномъ обученіи младшихъ школьниковъ посѣщаютъ ученики старшихъ классовъ и нерѣдко угощаютъ ихъ немилосердными ударами, которые съ особенной силой падаютъ на того изъ нихъ, кто выражаетъ признаки боли. Ни одна особа женскаго пола не смѣетъ въ этотъ періодъ приближаться къ нимъ, а равно ни одинъ мужчина къ дѣвушкамъ, у которыхъ „pollo“ отличается болѣе мягкими формами. На остальныхъ женщинъ въ это время нападаетъ своего рода бѣшенство. Онѣ наряжаются въ мужское платье, носятъ оружіе, продѣлываютъ всевозможныя шалости, доводящія ихъ въ единичныхъ случаяхъ до смертельныхъ ударовъ, что проходитъ тогда безнаказанно. Въ заключеніе устраивается праздникъ въ январѣ или февралѣ, во время жатвы первыхъ полевыхъ плодовъ, на который приглашаются вновь обрѣзанные юноши. Все пируетъ, предается веселой пляскѣ и распутству (K. Endemann, Mittheilunden über die Sothoneger in der Zeitschr. f. Ethnol. 1874, s. 37—38).

Если юноша встрѣтилъ дѣвушку, которую онъ хотѣлъ бы имѣть женой, то онъ ищетъ случая поговорить съ ней и заручиться ея согласіемъ. Если она отвѣчаетъ утвердительно, тѣмъ лучше, если нѣтъ, то это не имѣетъ особеннаго значенія, потому что онъ все-таки можетъ достигнуть своей цѣли, если хочетъ жениться на ней. Но и согласіе дѣвушки ничего не значитъ, потому что отецъ юноши едва-ли не главное лицо въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ ему принадлежитъ скотъ, на который можетъ быть куплена избранная жена. Если отецъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ сыномъ и ему нравится дѣвушка, то онъ принимаетъ въ разсчетъ сердечную склонность юноши. Въ противномъ случаѣ онъ прямо говоритъ: „нѣтъ, я не хочу этой дѣвушки и самъ куплю тебѣ жену!“ или „я давно купилъ тебѣ жену“. Если же сынъ въ свою очередь не согласенъ взять жену, выбранную отцомъ, то послѣдній отвѣчаетъ: „Бѣда не велика, если ты не хочешь жениться на ней! Но такъ какъ она куплена, то ее получитъ твой братъ“. Иногда самъ старикъ охотно беретъ ее себѣ и присоединяетъ къ остальнымъ пожилымъ дамамъ, съ которыми онъ жилъ 20—30 лѣтъ. Такимъ обра-



Мавританка (Сѣв. Африка).

зомъ сынъ долженъ довольствоваться купленной для него женой или же онъ вовсе не получаетъ ее, потому что коровы, назначенныя для этой цѣли, выданы безвозвратно. Если отецъ одобряетъ выборъ сына, то на немъ лежитъ обязанность уладить дѣло съ родителями невѣсты. Онъ идетъ въ крааль къ будущему тестю своего сына и говоритъ: „Не хочешь-ли отдать свою дочь въ жены моему сыну?“ Но въ большинствѣ случаевъ переговоры имѣютъ болѣе поэтическій характеръ. Старикъ приходитъ въ гости къ будущему тестю своего сына и садится у огня. Разговоръ касается государственныхъ и ученыхъ дѣлъ: оба собесѣдника толкуютъ о состояніи здоровья больной козы; хороши-ли посѣвы; почему до сихъ поръ нѣтъ дождя, несмотря на то, что маталасъ взялся вызвать его; гдѣ добыто прекрасное мясо, которое сынъ недавно принесъ съ охоты и т. п. Наконецъ гость объясняетъ настоящую причину своего посѣщенія и говоритъ: „Ki tlile χo kχopela mpsanyana ea lena! (Я пришелъ, чтобы попросить у васъ собачку!). Тотъ, къ которому обращена эта рѣчь, принимаетъ самую глубокомысленную мину, а равно и всѣ присутствующіе, которые вопросительно смотрятъ на отца мнимой собачки. Черезъ извѣстный промежутокъ времени послѣдній открываетъ ротъ и говоритъ: „Morroa oa mokete, rea dila, rea loca dikχomo, u na le dikχomo na?“ (Сынъ такого-то, мы бѣдны, у насъ нѣтъ скота, есть-ли у тебя скотъ?) Если сватъ отвѣчаетъ: „é! dikχomo di χona“ (да, скотъ на лицо), то, смотря по обстоятельствамъ, получаетъ согласіе. Равнымъ образомъ не тотчасъ дается отвѣтъ относительно того, что имѣется скотъ; сватъ сначала жалуется на плохія времена и говоритъ, что легочная болѣзнь уничтожила весь скотъ и осталась всего одна корова съ теленкомъ и пестрая коза, но что можно будетъ выпросить скотъ у родныхъ Если полученъ утвердительный отвѣтъ, то сватъ довольствуется имъ и возвращается домой съ извѣстіемъ, что нашелъ жену нетерпѣливо ожидающему жениху. Послѣдній съ этого момента считается женатымъ человѣкомъ, хотя проходитъ довольно много времени, пока онъ приведетъ дѣвушку къ себѣ на домъ. Затѣмъ посылаютъ кого-нибудь въ крааль, гдѣ живетъ дѣвушка, чтобы попросить у ней „невѣстинаго табака“, который посылается жениху черезъ 2—3 дня съ особеннымъ гонцомъ. Женихъ собираетъ своихъ близкихъ и друзей и вмѣстѣ съ ними нюхаетъ табакъ въ торжественномъ засѣданіи. На слѣдующее утро посылаютъ въ крааль дѣвушки 3—6 штукъ скота, отчасти коровами, частью мелкимъ скотомъ, въ видѣ задатка („malomo“). Вмѣстѣ съ этимъ отсылаютъ обратно пустую табакерку и передаютъ невѣстѣ, которая украшаетъ ее бусами, надѣваетъ на шею, въ видѣ брачнаго знака, и носитъ до тѣхъ поръ, пока у ней не родится первый ребенокъ. Передача скота и табакерки поручается 3 — 4 юношамъ; жениха нѣтъ между ними, такъ какъ ему готовится особенная торжественная встрѣча. По этому случаю варятъ пищу, ѣдятъ, пьютъ пиво и пріѣхавшіе юноши на ночь располагаются въ какомъ нибудь домѣ съ 8—12 дѣвушками крааля, которыя съ этою цѣлью представлены имъ. Попойка и распутная жизнь продолжается отъ 3 — 6 дней, послѣ чего посланные возвращаются домой и заявляютъ о согласіи родителей невѣсты.

Нѣкоторое время спустя, женихъ въ свою очередь отправляется въ путь съ которымъ нибудь изъ товарищей и беретъ съ собой 2—3 штуки скота, преимущественно мелкаго. Едва женщины крааля завидятъ его издали, какъ начинаютъ свои трели, быстро поворачивая взадъ и впередъ языкомъ, какъ мутовкой. Прибывшіе гости садятся и товарищъ жениха объявляетъ: „мы пришли, чтобы выпросить жену и ковшикъ; у насъ много скота“; при этомъ выдаютъ приведенный скотъ. Затѣмъ жарятъ и варятъ все, что есть въ домѣ и начинается дикій пиръ, сопровождаемый попойкой и разгуломъ, такъ какъ вечеромъ юношей опять оставляютъ однихъ въ домѣ съ дѣвушками. Подобная языческая жизнь продолжается иногда 2 — 3 мѣсяца, смотря по времени,

сколько юноши пробудутъ въ краалѣ. Нужно замѣтить, что это народный, глубоко укоренившійся обычай. Дѣйствующія лица хвалятся своими подвигами такимъ безстыднымъ способомъ, что трудно передать это на бумагѣ. Въ данномъ случаѣ соблюдается еще другой своеобразный обычай, а именно: mokχonyana и mmakχatle (женихъ и его провожатый) не могутъ брать ѣду съ блюда, но возлѣ нихъ сидятъ дѣвушки краaля, берутъ палочкой кашу съ блюда и подносятъ имъ, а они снимаютъ ее съ палочки и кладутъ въ ротъ. Такимъ образомъ распутство въ народныхъ нравахъ. Только въ томъ случаѣ, если дѣвушка становится беременной, — что впрочемъ устраняется извѣстными средствами, — платятъ штрафъ, состоящій изъ нѣсколькихъ коровъ или козъ. Половыя отношенія ничѣмъ не стѣснены и распутство дѣтей и подростковъ считается „игрой". Послѣ сватовства наступаетъ праздникъ водворенія невѣсты въ домѣ ея будущаго мужа. Женихъ снова посылаетъ котораго нибудь изъ товарищей. Невѣсту обливаютъ тепловатой водой и ей завиваютъ волосы. Затѣмъ варятъ пиво, бьютъ скотъ, жарятъ его и готовятъ цѣлую гору каши изъ каффрскаго проса; женихъ, на этотъ разъ приглашенный со всей своей родней, беретъ щепотку каши и бросаетъ ее въ ту сторону, гдѣ стоитъ домъ. Послѣ этого друзьямъ жениха подаютъ изготовленное кушанье, начинается попойка и танцы, которые продолжаются до вечера, а именно до прихода колдуна. Женихъ въ послѣдній разъ спитъ съ дѣвушками краaля (а не у своей невѣсты), и только вечеромъ слѣдующаго дня свадебный поѣздъ двигается въ обратный путь. Съ молодой отправляется „phelesi", т. е. „провожатая", маленькая дѣвочка, большею частью младшая сестра и остается съ нею около мѣсяца. Теперь новобрачные поселяются вмѣстѣ въ своемъ домѣ. Утромъ слѣдующаго дня ихъ посѣщаетъ колдунъ, дѣлаетъ разрѣзы на локтевомъ сгпбѣ, ладоняхъ, подошвахъ и подъ колѣнами, беретъ кровь мужа, выступившую на разрѣзахъ и натираетъ ею соотвѣтствующія раненныя мѣста на тѣлѣ жены и, наоборотъ, мажетъ мужа кровью жены. Послѣ этой операціи бракъ считается вполнѣ законнымъ (Verhandl. d. Berl. Gesch. f. Anthrop. 1877, s. 80—84). Пока мужъ не внесетъ сполна платы за жену, дѣти его принадлежатъ не ему а тестю или прямымъ наслѣдникамъ послѣдняго. Въ силу этого закона, подрывающаго всѣ семейныя узы, дѣти часто попадаютъ въ совершенно чужія руки. Число женъ у вождей доходитъ до сорока. Нерѣдко вождь имѣетъ уже извѣстное количество женъ, но у него нѣтъ пока „главной жены", которая была бы ему ровня по происхожденію, и онъ рано или поздно вводитъ таковую къ себѣ въ домъ. Остальныя жены въ этомъ случаѣ носятъ названіе „fersen", которое указываетъ на ихъ зависимое положеніе. Вожди часто отдаютъ одну изъ своихъ женъ въ наложницы которому нибудь изъ слугъ, хотя по закону она остается женой вождя и ему равнымъ образомъ принадлежатъ дѣти, родившіеся отъ этого сожительства. Само собою разумѣется, что при этихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о семейной жизни. У зуто кромѣ того въ обычаѣ бракъ на женѣ умершаго брата (Endemann a. a. O, s. 40). У западныхъ чуановъ господствуютъ болѣе утонченные нравы. Они пріобрѣтаютъ себѣ женъ посредствомъ подарковъ, которые дѣлаются отчасти родителямъ невѣсты, частью ей самой, такъ что сватовство черезъ это получаетъ болѣе благородный характеръ, и женщина, несмотря на всю тяготѣющую надъ ней работу, находится въ лучшемъ положеніи, нежели купленная раба.

Если у мужа умретъ жена или наоборотъ, то у трупа подрѣзываютъ суставы колѣнъ; руки складываютъ на груди одну возлѣ другой, кистью рукъ вверхъ, а также колѣна, чтобы они прикасались къ подбородку. Если покойникъ настолько окостенѣлъ, что ему нельзя придать подобнаго положенія, то дѣлаютъ надрѣзъ на поясницѣ, чтобы можно было согнуть трупъ. Затѣмъ его связываютъ ремнями и завертываютъ въ одѣяло. Если покойникъ знатный человѣкъ или вождь, то убиваютъ быка, сдираютъ съ него шкуру, у которой

обрѣзаютъ концы и углы и завертываютъ въ нее трупъ, пока она еще совсѣмъ мягкая. Мертвеца (разумѣется только знатнаго) наряжаютъ въ „setsiba“, а именно обвиваютъ ему бедра шкурой козла, убитаго съ этой цѣлью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай, прежде чѣмъ посадить покойника въ могилу, послѣднюю поливаютъ водой, съ примѣсью лекарственнаго зелья (чтобы сдѣлать воду болѣе дѣйствительной), особенно съ той стороны, куда обращена его спина. Послѣ этого мертвеца сажаютъ въ яму и зарываютъ его землей, а сосудъ, въ которомъ была освященная вода, разбиваютъ на могилѣ. Когда покойника несутъ въ могилу, то сзади идетъ человѣкъ съ рогомъ, въ который налита освященная вода (т. е. вода, смѣшанная съ толчеными кореньями); онъ макаетъ въ нее палку и обрызгиваетъ слѣды ногъ несущихъ. Послѣ похоронъ могилу также обрызгиваютъ водой. Если это не выполнено, то, по существующему повѣрію, въ странѣ ничто не будетъ рости, перестанетъ идти дождь и пр. Когда покойника зароютъ въ землю, то его опечаленные домочадцы (особенно овдовѣвшія жены) становятся на колѣни, припадаютъ лицомъ къ могилѣ и плачутъ. Затѣмъ всѣ возвращаются домой, собираютъ обрѣзки коровьей шкуры, въ которую завернули покойника, дѣлаютъ изъ нихъ ремни и обвязываютъ ими лбы вдовъ въ знакъ траура. Если корова не была убита, то ремни замѣняютъ повязкой, свитой изъ растительныхъ волоконъ. Утромъ и вечеромъ въ краалѣ идутъ причитанія, которыя иногда продолжаются цѣлый день, если покойникъ былъ знатный человѣкъ, при этомъ происходитъ такой плачь и вопль, что даже камень былъ бы тронутъ ими. Беременныхъ женщинъ хоронятъ въ полѣ, вдали отъ дома, потому что ихъ тѣла отгоняютъ дождь отъ страны. Но такъ какъ близкимъ людямъ тяжело, что ихъ покойники погребены въ пустынѣ и, вдобавокъ, по вышеупомянутому поводу, то многіе прибѣгаютъ къ хитрости, вырываютъ ихъ изъ земли въ ночную пору и хоронятъ въ ближайшихъ горахъ. Въ этихъ случаяхъ производители дождя и во главѣ ихъ самъ вождь вызываютъ дождевыя тучи тѣмъ, что у вновь вырытой покойницы вырѣзаютъ нижнюю часть живота и Uterus, выбрасываютъ ребенка и собираютъ Liquor amnii въ приготовленные для этого сосуды. У вождя есть свой ntlu ea dinaka tsa pula, т. е. домъ, съ бычачьими рогами, обращенными вверхъ; въ эти рога вливаютъ вышеупомянутую жидкость и это притягиваетъ дождь. Когда нужно вызвать дождь, то знахарь садится въ предназначенномъ для этого домѣ съ бычачьими рогами и наигрываетъ на своей трубочкѣ. Отъ родильницъ также собираютъ Liquor amnii.

У всѣхъ чуановъ знахари играютъ весьма значительную роль въ повседневной жизни. Всѣ а-банту отличаются безпечнымъ характеромъ, который проявляется въ отношеніи чуановъ къ религіознымъ вопросамъ и въ менѣе мрачномъ взглядѣ на колдовство. Само собою разумѣется, что они также вѣрятъ колдунамъ и вѣдьмамъ; но фанатизмъ здѣсь рѣдко достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ у каффровъ; ужасающія казни за колдовство не составляютъ у нихъ обычнаго явленія. Въ остальномъ ихъ основныя понятія одинаковы. Мысль о томъ, что̀ будетъ за гробомъ не особенно занимаетъ чуановъ; и у нихъ нѣтъ представленія о Богѣ, какъ о высшемъ существѣ. „Моримо“, котораго можно признать богомъ чуановъ, въ сущности ничто иное какъ своего рода кобольдъ, творящій разныя безчинства; но онъ не одаренъ божественной силой и его не считаютъ существующимъ до начала міра. Чуаны также часто употребляютъ слово близ-

кое къ Моримо, а именно „Баримо“ для обозначенія духа умершаго человѣка. Однако несмотря на то, что они не имѣютъ собственно никакой религіи, масса придерживается многихъ обычаевъ, которые имѣютъ религіозный характеръ у другихъ народовъ, признающихъ многобожіе, какъ напр. въ извѣстномъ почитаніи, воздаваемомъ нѣкоторымъ звѣрямъ, хотя оно ограничивается тѣмъ, что ихъ не убиваютъ, не ѣдятъ ихъ мяса и не употребляютъ шкуръ. Равнымъ образомъ мы видимъ, что эти обычаи соблюдаются и передаются другимъ людямъ извѣстными лицами, подготовленными для подобной роли, которые признаютъ своимъ главой короля, и если онъ сдѣлался христіаниномъ, то котораго нибудь изъ язычниковъ, имѣющихъ послѣ него первостепенное значеніе. Такого рода лица носятъ у чуановъ названіе „нака“ („njaka“, „njaga“). Это слово не означаетъ жреца, а только человѣка, имѣющаго въ своемъ распоряженіи сверхъестественныя силы, безъ чего чуаны вообще не могутъ себѣ представить знахаря. Въ тѣ времена, когда чуаны, хотя и раздѣленные на многія, болѣе мелкія племена, представляли собою единый народъ и единое государство, соединенное подъ однимъ скипетромъ, королевская власть была наслѣдственной въ фамиліи Багарутзе. Впослѣдствіи, они раздѣлились, одно племя (отрасль, подклассъ) отправилось на сѣверъ, другія на югъ, востокъ, юго-востокъ и юго-западъ, и всѣ они основали самостоятельныя болѣе или менѣе значительныя государства; тогда старая королевская фамилія, покинутая большинствомъ своихъ подданныхъ и лишенная прежняго могущества, сохранила власть только надъ незначительнымъ племенемъ, къ которому она принадлежала по своему происхожденію. Тѣмъ не менѣе за нею осталось неотъемлемое право отправленія суевѣрныхъ обычаевъ, и члены королевскихъ фамилій, а равно и „нака“ изъ новообразованныхъ государствъ, приходили издалека ко двору Багарутзе (Багурутзе), чтобы научиться исполненію обычаевъ отъ издавна признаннаго главы племени. Но это почти прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ единичныя отдѣлившіяся племенныя отрасли чуановъ образовали свои болѣе или менѣе могущественныя государства и нѣкоторые изъ ихъ вождей или королей обратились въ христіанство. Несмотря на это всѣ чуаны отзываются съ величайшимъ уваженіемъ о старой королевской семьѣ, которая по волѣ судебъ лишилась всякаго значенія, вслѣдствіе много разъ повторяемаго отдѣленія своихъ членовъ и происходившаго отсюда раздробленія племени. Въ настоящее время часть ихъ находится въ зависимости отъ Трансваальской колоніи и живетъ въ округѣ города Линокана (прежде называемаго также Моиліо или Моилоа), между тѣмъ какъ остальные считаются подданными короля банквакетзовъ и живутъ въ городѣ Мошаненгъ.

Между обычаями, которые отправляются въ отдѣльныхъ чуанскихъ государствахъ главою страны или представителями его, т. е.

вождями различныхъ племенъ — главное мѣсто занимаетъ торжественное вкушеніе первыхъ освященныхъ полевыхъ плодовъ (преимущественно тыквъ), затѣмъ примѣненіе знахарскаго искусства: производство дождя и ворожба. Глава племени есть вмѣстѣ съ тѣмъ и высшій знахарь, колдунъ; при выполненіи церемоній (за исключеніемъ главной изъ нихъ, а именно вкушеніе первыхъ полевыхъ плодовъ, которая можетъ быть совершена имъ одним ъ), ему помогаютъ, между прочимъ „линъяка", называемые также „нака" („njaka"), которыхъ мы для отличія и въ виду ихъ второстепеннаго значенія будемъ неизмѣнно называть „линьяка". Они исполняютъ всѣ остальныя церемоніи, относящіяся къ ворожбѣ и производству дождя и имѣютъ нѣкоторыя первобытныя свѣдѣнія въ цѣлительныхъ травахъ.

Д-ръ Голубъ довольно подробно описалъ пріемы и дѣятельность этихъ „линьяка", и такъ какъ во всей Южной Африкѣ они носятъ почти тотъ же характеръ, то его описаніе можетъ годиться для всей массы народовъ абанту. „Линьяка" чуановъ, исполняющіе роль знахарей, являясь въ публикѣ, носятъ особенную одежду, а именно небольшіе плащи изъ шкуры павіана; жилища ихъ также отличаются своеобразной подстилкой для ногъ, изъ мѣха Hyaena crocata (maculata), на которой они даютъ аудіенціи Многіе изъ нихъ носятъ также на шеѣ шнурокъ или ремень съ привязанными къ нему костями различныхъ млекопитающихъ, птицъ и гадовъ и при этомъ всегда четыре палочки или кусочка, преимущественно изъ слоновой кости, иногда же роговые съ выжженными на нихъ изображеніями, которыя имѣютъ назначеніе игорныхъ костей и употребляются для діагноза. Эти же палочки носятъ и тѣ люди, которые не будучи настоящими „линьяка", проходятъ науку бросанія этихъ „доло" за извѣстную плату. Званіе „линьяка" бываетъ наслѣдственнымъ у чуановъ; но любознательные молодые люди могутъ также сдѣлаться знахарями. Подобный кандидатъ долженъ поднести своему учителю въ видѣ платы корову (въ настоящее время большею частью какіе либо другіе предметы равной цѣнности) или 4—7 фун. стерл., если ему удалось заработать „maili" (денегъ) на брилліантовыхъ пріискахъ, послѣ чего его тотчасъ же принимаютъ въ ученіе. Медицинскій „учебный курсъ" начинается съ выкапыванія („рытья", которое имѣетъ большое значеніе и представляетъ одну изъ важнѣйшихъ манипуляцій во многихъ церемоніяхъ чуановъ) цѣлительныхъ травъ. При этомъ учитель водитъ своего ученика по лѣсамъ и доламъ, объясняетъ ему виды растеній, какія именно части ихъ годны къ употребленію, а равно въ какое время года и дня должно быть выкопано растеніе. Собранныя части растеній приводятся въ порядокъ; ихъ жарятъ или толкутъ, и затѣмъ обращаютъ въ порошокъ или декоктъ подъ громкимъ названіемъ „лекарства". Во время изготовленія послѣдняго, а также при употребленіи приняты извѣстныя изреченія и формальности, которыя носятъ особенно торжественный характеръ, когда врачъ имѣетъ дѣло съ достаточными людьми. Потогонныя травы составляютъ одно изъ наиболѣе употребительныхъ средствъ для излеченія внутреннихъ страданій во всемъ тѣлѣ или въ большей части его (тифъ, дизентерія и пр.), подобно тому какъ насѣчки — въ случаѣ мѣстной боли. При этомъ больной долженъ быть завернутъ въ лучшій „kaross" или въ купленное шерстяное одѣяло, и когда лекарство оказало свое дѣйствіе, является врачъ, беретъ „kaross" или одѣяло, чтобы „закопать" его, вмѣстѣ съ п томъ, т. е. выдѣленнымъ веществомъ болѣзни, или, вѣрнѣе сказать, чтобы присвоить себѣ эти вещи. Между тѣмъ паціентъ, успокоенный сознаніемъ, что изъ дому удалена причина бо-

лѣзни, никогда не рѣшится потребовать обратно свою собственность, хотя бы онъ увидѣлъ послѣ выздоровленія, что жена врача прогуливается по улицамъ деревни въ его шакаловомъ плащѣ. Послѣдній учебный курсъ заключается въ передачѣ способовъ бросанія „dolo“. На ряду съ должностью знахарей „линьяка“ исполняютъ также роль заклинателей или благодѣтельныхъ чародѣевъ. На ихъ обязанности лежитъ доставка, употребленіе и продажа талисмановъ, для ношенія на шнуркѣ, на лбу и шеѣ; такъ напр. львиный коготь придаетъ носящему мужество и силу, лишаетъ энергіи преслѣдующихъ и дѣлаетъ его самого непроницаемымъ для пуль. Къ такимъ средствамъ принадлежатъ талисманы изъ костей конечностей самцовъ нѣкоторыхъ мелкихъ млекопитающихъ, различныхъ четвероногихъ, щитковъ броненосцевъ, бедренныхъ костей извѣстныхъ птицъ, когтей хищныхъ птицъ, изъ кожи змѣй и легуановъ, изъ небольшихъ черепахъ, изъ брюха долгоносика (насѣкомое); а также деревянныя палочки съ различными выжженными на нихъ рисунками, рѣзные козлиные рога, небольшіе рожки мелкихъ видовъ газель, которые нанизаны въ одиночку или вмѣстѣ съ различными пестрыми стеклянными бусами на шнуркѣ, сплетенномъ изъ травы или хвоста жирафа. Всѣ эти талисманы носятъ на рукѣ или вокругъ шеи съ цѣлью предохраненія отъ болѣзней, всякаго зла и несчастій. Къ обязанностямъ „линьяка“ относится равнымъ образомъ: бросаніе „доло“ съ цѣлью узнать будущность или найти мѣсто, гдѣ спрятано украденное имущество или скрывается бѣглецъ, и, наконецъ, различные способы заклинанія, чтобы удалить отъ человѣка хищныхъ и нечистыхъ животныхъ или освободиться отъ противника. Съ этой цѣлью у его забора или по близости вѣшаютъ различныя вещи, разводятъ огонь, ходятъ вокругъ послѣдняго или обносятъ вдоль забора, съ нашептываніемъ извѣстныхъ формулъ. „Добрый“ колдунъ долженъ также принимать непосредственное участіе въ чародѣйскихъ обрядахъ, установленныхъ съ цѣлью огражденія общественнаго благосостоянія, какъ напр. закапываніе двухъ роговъ антилопъ у тропинки, ведущей въ городъ, привѣшиваніе горшковъ къ столбамъ, поставленнымъ между дворами и на болѣе высокихъ пунктахъ поселенія, а равно и вѣшаніе головъ павіановъ у входа въ котла или головы хищнаго звѣря вблизи скотнаго крааля, обитатели котораго были съѣдены имъ. Все это дѣлается съ цѣлью обезпечить благополучіе и благоденствіе города, предохранить его отъ пожаровъ и непріятельскихъ нападеній, а въ послѣднемъ случаѣ оградить скотъ отъ дальнѣйшихъ несчастій. Тѣ же средства ворожбы употребляются для охраны полей отъ саранчи и обезпеченія хорошей жатвы. Эти талисманы, имѣющіе общественное значеніе также называются „липеку“; но ихъ изготовляютъ болѣе торжественнымъ и таинственнымъ способомъ (у Марутзе, близъ центральнаго Замбези, съ этой цѣлью приносились даже человѣческія жертвы) и только старѣйшіе „линьяка“ допускаются къ подобной церемоніи. Весьма немногія изъ этихъ церемоній доступны чужеземцамъ, какъ напр. „khomo kho lipeku“, т. е. быкъ, обреченный на изготовленіе „липеку“. Для этой цѣли выбираютъ животное, которое не было никогда вьючнымъ и не употреблялось для упряжи, зашиваютъ ему вѣки тонкими звѣриными жилами и присоединяютъ къ остальному стаду; при этомъ его заботливо стерегутъ и нѣкоторое время спустя закалываютъ. Затѣмъ кровь его варятъ вмѣстѣ съ другими снадобьями, и смѣсь эту хранятъ въ небольшихъ тыквенныхъ сосудахъ. Во время войны король и предводитель войска вымазываютъ себѣ тѣло этой смѣсью или навѣшиваютъ на себя небольшіе сосуды, наполненные ею.

„Линьяка“, которые въ состояніи принести кому нибудь вредъ по злобѣ или изъ мести, и чары которыхъ преднамѣренно производятъ обратное дѣйствіе, носятъ прозвище „moloi“, т. е. „злыхъ“ колдуновъ. Ихъ боятся и ненавидятъ, такъ что самое слово „moloi“ выражаетъ величайшее презрѣніе, и для чуана не существуетъ болѣе сильной брани, какъ назвать его этой кличкой.

Злой колдунъ или „moloi“ считается у чуановъ могущественнѣе, нежели линьяка, такъ какъ даже безъ примѣненія чаръ, ему повинуется нѣмая природа: онъ не слышно двигается, перелѣзаетъ черезъ заборы и скалы, переходитъ рѣки; огонь не вредитъ ему; собаки, шакалы и другіе звѣри перестаютъ выть и умолкаютъ, когда онъ проходитъ мимо или приближается къ нимъ. Матери стращаютъ именемъ „moloi“ своихъ дѣтей, когда они кричатъ или дурно ведутъ себя. Злые колдуны также нерѣдко приносятъ вредъ жатвѣ. Если вождь посылаетъ „линьяка“ испортить жатву въ сосѣднемъ государствѣ, то отвѣтственность за этотъ дурной поступокъ падаетъ на давшаго порученіе, а лица, посланныя имъ по прежнему остаются „линьяка“, т. е. добрыми колдунами. Чуаны убѣждены, что „moloi“ вырываютъ покойниковъ изъ могилъ, чтобы взять отъ нихъ извѣстныя части тѣла, а также убиваютъ новорожденныхъ дѣтей, чтобы приготовить волшебныя средства изъ нѣкоторыхъ частей ихъ тѣла. Но сами „moloi“ утверждаютъ, что наиболѣе дѣйствительныя изъ ихъ средствъ (т. е. самыя опасныя по ихъ мнѣнію) добываются ими изъ животныхъ, внушающихъ страхъ человѣку, которыми всего труднѣе овладѣть, а именно изъ боа, крокодила и пр. Если какой нибудь человѣкъ ненавидитъ своего ближняго или завидуетъ ему, то онъ отправляется въ сумерки къ „moloi“, чтобы заручиться его содѣйствіемъ за извѣстную плату. Если случится, что субъектъ, находящійся на охотѣ или въ дорогѣ, подпадетъ подъ власть злаго колдуна и умретъ естественой смертью или погибнетъ въ когтяхъ какого нибудь звѣря, то говорятъ въ первомъ случаѣ, что онъ умеръ отъ „molemo“ (яда), а во второмъ, что онъ убитъ звѣремъ, посланнымъ „moloi“ (буйволомъ, львомъ и пр.). Соотвѣтственно ихъ общему характеру злые колдуны считаются врагами дождя. „Moloi“ убѣждены, что могутъ отогнать дождь съ помощью сорванной вѣтки зеленаго кустарника, брошенной въ огонь при извѣстныхъ заклинаніяхъ. Кромѣ того они стараются достигнуть этой же цѣли уничтоженіемъ волшебныхъ средствъ, выставленныхъ производителями дождя; равнымъ образомъ у нихъ существуетъ повѣріе, что повторенные ружейные выстрѣлы спугиваютъ тучи.

Самая важная услуга, требуемая отъ „линьяка“ и ихъ главы заключается въ заклинаніи дождя. Но такъ какъ неудача въ этомъ случаѣ слишкомъ очевидна при „публичныхъ“ церемоніяхъ, то во время продолжительныхъ періодовъ засухи поручаютъ вызовъ дождя другимъ „линьяка“ въ странахъ, обильныхъ дождями. Большею частью этотъ трудъ возлагается на ма-локвана, живущихъ на правомъ берегу средняго Лимпопо, которые за это получаютъ подарокъ, состоящій изъ скота. Въ сырые пасмурные годы работа предоставляется мѣстнымъ линьяка, которые одни, или въ сопровожденіи желающихъ, отправляются въ особое назначенное для этого плодоносное мѣсто, чтобы „tsimo ea pula“, т. е. вырыть поле дождя. Эта церемонія встрѣчается повсемѣстно и иногда происходитъ весною: женщины приступаютъ къ перекопкѣ полей; но передъ этимъ по четыремъ угламъ каждаго небольшаго поля сажаютъ сѣмена, освященныя заклинаніями (каффрскаго проса, маиса, тыквы, арбуза и пр.), которыя покупаются мужчинами у „линьяка“. Въ этотъ день прекращены всѣ работы и только на слѣдующій продолжаются женщинами. Съ этого дня у чуановъ запрещено обламывать вѣтки у молодыхъ деревьевъ и въ особенности у дерева Wart-en-bichi („bitje“), которое вообще пользуется у туземцевъ большимъ уваженіемъ. Только при жатвѣ каффрскаго проса мужчины собираются съ топорами и ножами подъ предводительствомъ „njaka“ и отрубаютъ нѣсколько вѣтвей у священной акаціи, которыми исправляютъ королевскій скотный крааль, лежащій близь котла, а по окончаніи этой работы приводятъ въ порядокъ плетни остальныхъ краалей. Если бы кто нибудь вздумалъ до наступленія жатвы, пронести въ обѣденное время отрѣзанную вѣтку acacia detinens по чуанской деревнѣ, то это было бы принято за глубокое

оскорбленіе всего племени. Во время жатвы всѣ плоды, собранные съ деревьевъ и кустарника, а равно страусовыя перья и слоновая кость должны быть перенесены закрытыми изъ лѣса въ городъ. Если ночью шелъ дождь и продолжался до утра, то въ этотъ день никто не работаетъ въ полѣ, чтобы не задержать дождя и не помѣшать ему. Когда наступаетъ ненастное время года, или, какъ говорятъ чуаны, „линьяка“ вызвалъ дождь своими врачебными средствами, то послѣднія примѣняются также усердно, чтобы „удержать“ дождь на болѣе продолжительное время. Съ этой цѣлью „линьяка“ одни или въ сопровожденіи своихъ учениковъ и владѣльцевъ полей, посѣщаютъ уединенныя и, преимущественно возвышенныя мѣста, свистятъ, кричатъ, бормочутъ заклинанія, зажигаютъ костры въ наиболѣе выдающихся и высокихъ пунктахъ, и при этомъ бросаютъ въ огонь извѣстныя снадобья. Если всѣ средства оказываются недѣйствительными и дождь прекратился, то причину этого находятъ въ народѣ, который обвиняютъ въ какомъ либо нарушеніи стародавнихъ обычаевъ; при этомъ упрекъ преимущественно падаетъ на вдовцовъ и вдовъ за упущеніе предписанныхъ очищеній. Начинается слѣдствіе и если найденъ виновный или виновная, то его или ее приговариваютъ къ публичному очищенію. „Линьяка“ строятъ для нихъ за извѣстную плату травяныя хижины внѣ города, въ которыхъ они должны оставаться нѣкоторое время, чтобы сбрить съ головы свои рунообразные волосы и подвергнуться очищенію „линьяка“. Если и это не помогаетъ, то предпринимаютъ общее очищеніе огня и очаговъ. „Линьяка“ заходятъ на каждый дворъ и уносятъ съ очага три камня, на которыхъ ставился горшокъ на огонь, и несутъ на извѣстное мѣсто, за городомъ, гдѣ складываютъ ихъ въ кучу, и вновь освящаютъ. Во время этой церемоніи всѣ огни на очагахъ должны быть погашены въ данной мѣстности. Вечеромъ того же дня или на слѣдующее утро является второстепенный „njaka“ съ связкой тростника и освященной зажженой палкой, и по всему городу зажигаетъ огонь на очагахъ, которые передъ тѣмъ были тщательно вымыты. Но если еще послѣ всего этого нѣтъ дождя, то отдается приказъ произвести общую очистку по всему городу; зарываютъ брошенные куски шкуръ, кости или даже, быть можетъ, оставшіеся въ полѣ близъ города объѣдки человѣческаго мяса. Если по близости находится могила вождя, которую вообще тщательно скрываютъ, то убиваютъ какое либо животное изъ домашняго скота, чтобы успокоить разгнѣванныхъ покойниковъ. Равнымъ образомъ предпринимаютъ охоту за извѣстными звѣрями, органы которыхъ нужны „линьяка“, какъ средство для заклинанія дождя. Подобная охота носитъ названіе „letschulo“ и совершается подъ непосредственнымъ покровительствомъ производителя дождя.

Хотя христіанство облегчило участь женщины у обращенныхъ чуановъ, но оно не могло избавить ее отъ многихъ тяжелыхъ работъ. Только введеніе плуга, который въ настоящее время все болѣе и болѣе получаетъ права гражданства облегчило участь чуанской женщины въ томъ отношеніи, что мужъ работаетъ плугомъ съ помощью быковъ, къ которымъ женщина никогда не смѣетъ прикасаться. Не подлежитъ сомнѣнію, что водвореніе плуга будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе и въ другомъ отношеніи, а именно на постепенное изчезновеніе суевѣрныхъ и безсмысленныхъ обычаевъ заклинанія дождя (Holub, Sieben Jahre in Südafrika, Bd. I, s. 412—423).

Медленный переворотъ, который совершается мало по малу у восточныхъ чуановъ, собственно у зуто, а также, хотя въ меньшей степени, у западныхъ чуановъ, выражается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: a) въ постепенномъ вытѣсненіи заступа плугомъ; b) въ замѣнѣ скотоводства овцеводствомъ; c) въ распространеніи европейскаго костюма вмѣсто прежней одежды изъ шкуръ, и d) въ увеличеніи

числа повозокъ и упряжи для быковъ, а также европейскихъ фабрикацій и товаровъ. Съ водвореніемъ прочнаго мира и подъ вліяніемъ англійскаго управленія наступило поразительное улучшеніе во всѣхъ направленіяхъ. Въ оффиціальномъ донесеніи 1866 года мы встрѣчаемъ слѣдующій отзывъ о положеніи зуто: „они окончательно обѣднѣли, чуть ли не постоянно голодаютъ и не въ состояніи болѣе бороться противъ своихъ враговъ. Видъ ихъ возбуждаетъ величайшее состраданіе. Они завернуты въ старыя, изодранныя шкуры, или даже всего чаще можно встрѣтить ихъ совсѣмъ нагими и исхудалыми наподобіе скелетовъ; они кажутся самыми жалкими существами въ мірѣ". Два года спустя послѣ водворенія англійскаго резидента (1868) доходъ области не превышалъ 3,000 фун. стерл., который былъ собранъ въ видѣ „хижиннаго" налога и внесенъ маисомъ. Въ 1878 году этотъ налогъ далъ почти 20,000 фун., и несмотря на то, что подать была увеличена чуть ли не въ шесть разъ народъ достигъ извѣстнаго благосостоянія. Нельзя не удивляться поразительнымъ успѣхамъ цивилизаціи, сдѣланнымъ въ короткій десятилѣтній срокъ; они могутъ служить положительнымъ доказательствомъ значительной культурной способности африканскихъ расъ, которая доказывается и ихъ устойчивостью противъ „бѣлой" чумы. Вездѣ, гдѣ только блѣднолицые люди приходятъ въ столкновеніе съ цвѣтными дикарями, они способствуютъ вымиранію послѣднихъ. Но чернокожіе Африки не подходятъ подъ это правило, такъ какъ въ данномъ случаѣ ихъ благосостояніе напротивъ того положительно увеличивается. При этомъ мы замѣчаемъ поразительный фактъ, на который не мѣшало бы обратить вниманіе горячимъ поклонникамъ культуры, которые видятъ въ Африкѣ новый Эльдорадо для европейцевъ, а именно, что въ областяхъ Капской колоніи, не смотря на приливъ позднѣйшихъ переселенцевъ, цифра населенія представляетъ балансъ далеко неблагопріятный для насъ. Десять лѣтъ тому назадъ отношеніе между европейцами и туземцами было 1:2; въ настоящее время оно уже 1:3. Слѣдовательно, десять лѣтъ тому назадъ на 1 европейца приходилось 2 туземца; теперь же на 3 туземцевъ приходится 1 европеецъ. Въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ родина зуто превратилась въ обработанную землю; посажены сотни тысячъ плодовыхъ деревьевъ, которые ростутъ наилучшимъ образомъ. Тамъ, гдѣ прежде была неприглядная пустыня теперь тянутся плодоносныя поля; плугъ заступилъ мѣсто первобытной каффрской мотыки; введено было воздѣлываніе пшеницы; въ настоящее время значительное количество этого зерна вывозится за границу, равно и шерсти, производство которой достигло большихъ размѣровъ, благодаря вниманію, которое обращено здѣсь на овцеводство. Огромное вліяніе имѣло также проложеніе дорогъ и путей, которые связываютъ теперь главный пунктъ поселенія съ остальными округами.

Всего поразительнѣе проявляются культурные успѣхи чуановъ во всемъ существованіи зуто. Въ ихъ нравахъ произошло замѣтное улучшеніе. Вообще чуаны по природѣ отличаются гораздо болѣе мягкимъ характеромъ, нежели каффры, чему соотвѣтствуетъ и то обстоятельство, что воинственный духъ проявляется у нихъ только въ исключительныхъ случаяхъ, вслѣдствіе нападенія непріятеля или возстанія, производеннаго какимъ либо энергическимъ предводителемъ. Этими же свойствами характера чуановъ можно объяснить ихъ замѣчательную воспріимчивость и склонность ко всему чужеземному, а равно и меньшую силу сопротивленія противъ внѣшнихъ вліяній. Подобно настоящимъ каффрамъ чуаны не отличаются честностью, особенно въ томъ случаѣ, если на нихъ не отразилось вліяніе цивилизаціи. Лукавство составляетъ національное свойство чуановъ еще больше, нежели у каффровъ; но при этомъ у нихъ нѣтъ, повидимому, того чувства законности, которымъ отличаются послѣдніе. Лукавство соединено у нихъ съ извѣстнымъ добродушіемъ, такъ что едва ли даже можно возмущаться ихъ безстыдствомъ. Склонность къ беззаботной веселости и общительность составляетъ господствующую черту характера чуановъ, какъ и другихъ народовъ банту; они могутъ проводить цѣлые часы въ смѣхѣ и шуткахъ, и это составляетъ ихъ любимое развлеченіе. У чуановъ нѣтъ недостатка въ природномъ умѣ, и поэтому не трудно познакомить ихъ съ массой разнообразныхъ свѣдѣній. Особенно поразительна ихъ память на мѣстность; Густавъ Фричъ удивляется ихъ замѣчательному пониманію фотографическихъ изображеній. Что же касается умственныхъ дарованій зуто, то миссіонеръ Эндеманъ особенно расхваливаетъ ихъ способность запомнить разсказъ и передать его въ точности. Они также легко, какъ мы, научаются чтенію и письму. Всего труднѣе дается имъ ариѳметика, къ которой они всего менѣе способны. Одинъ изъ мелкихъ вождей, желая блеснуть своимъ умомъ, ежедневно нанизывалъ по стеклянной бусѣ съ того дня, какъ впервые увидѣлъ бѣлаго; но онъ не зналъ сколько нанизано имъ бусъ, такъ что Эндеманъ долженъ былъ сосчитать ихъ для него (Endemann a. a. O., s. 44). У нихъ учреждено много школъ, которыя усердно посѣщаются; Англія можетъ быть вполнѣ довольна своими цвѣтными подданными, которые оказываются въ высшей степени надежными, никогда не измѣняли своей вѣрности и преданности, и съ благодарностью относятся къ тому, что было сдѣлано для нихъ. Но къ несчастью наступили событія, которыя нарушили эти хорошія отношенія, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ привели къ кровавой войнѣ. Тѣмъ не менѣе, чтобы не заслужить упрека въ пристрастіи, мы должны замѣтить, что, по свидѣтельству Густава Фрича, образованіе не улучшаетъ чуановъ, но дѣлаетъ ихъ еще пронырливѣе.

НАРОДЫ БАССЕЙНА ЗАМБЕЗИ.

Всѣ языки банту могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: кафф-скую и конгскую. Къ первой принадлежатъ всѣ вышеописанныя племена, собственно такъ называемыхъ каффровъ, а равно и чуановъ, затѣмъ весь многочисленный рядъ народовъ, которыхъ обозначаютъ крайне неопредѣленнымъ и общимъ названіемъ „восточныхъ“ африканцевъ. Они не только живутъ на берегу, но простираются далеко вглубь Африки, до области большихъ озеръ и дальше до неизвѣстныхъ предѣловъ. Изъ нарѣчій этой группы пользуются наибольшею извѣстностью суагили, т. е. языкъ народа суагили, который живетъ на Занзибарскомъ берегу, и въ настоящее время преимущественно сосредоточенъ на небольшомъ островѣ Занзибарѣ. По всѣмъ даннымъ настоящей родиной суагили можно считать береговую полосу, противъ острова Патта. Отсюда они были вытѣснены болѣе сѣверными племенами галла, и вслѣдствіе этого двинулись къ югу, такъ что въ настоящее время суагили населяютъ большую часть побережья отъ залива Манда и ниже Килоа, и владѣютъ важнѣйшими пристанями на берегу и на сосѣднихъ островахъ. Между этимъ народомъ и арабами произошло такое сильное скрещиваніе, что даже теперь суагили преимущественно называются арабами; подъ этимъ именемъ путешественники часто встрѣчаютъ ихъ во внутреннихъ частяхъ Африки. Всѣ суагили магометане и не только твердо придерживаются этого вѣроисповѣданія, но стараются распространить исламъ вездѣ, гдѣ они только проникнутъ вглубь страны. Суагили усердный и энергическій промышленный народъ, захватившій въ свои руки почти всѣ торговыя сношенія на восточномъ африканскомъ берегу. Они далеко подвинули свои торговыя стоянки внутри материка, въ странѣ Лунныхъ горъ, на торговомъ пути къ озеру Танганика, у береговъ котораго они давно встали твердой ногой; равнымъ образомъ они водворились въ Удшидши, и ихъ челноки пересѣкаютъ огромныя внутреннія озера. Ливингстонъ встрѣтилъ ниже Макололо одно племя чуановъ, а въ 1852 году партія суагильскихъ купцовъ объѣхала весь африканскій материкъ до Венгуэла на Атлантическомъ океанѣ. Поэтому весьма естественно, что нарѣчіе суагили понимаютъ вдоль Мадагаскарскаго берега, въ Аравіи и даже въ Индіи, а въ значительной части центральной Африки онъ въ повседневномъ употребленіи. Капитанъ Буртонъ убѣдился въ этомъ собственнымъ опытомъ во время своихъ путешествій на западномъ берегу, гдѣ онъ съ помощью суагили могъ объясняться съ туземнымъ народомъ. Не подлежитъ со-

мнѣнію, что этотъ далеко распространенный языкъ наиболѣе развитой изъ всѣхъ южно-африканскихъ нарѣчій, и на ряду съ воспріимчивымъ умомъ народа еще болѣе обязанъ этими преимуществами дѣятельнымъ торговымъ сношеніямъ, которыя издавна велись здѣсь съ культурными народами, а именно арабами и персами. Въ лексикографическомъ отношеніи суагили еще не совсѣмъ отрѣшился отъ семитскаго элемента, такъ какъ вслѣдствіе долгаго сношенія съ арабами и вліянія ислама въ него вошло много арабскихъ словъ; но со стороны грамматической формы и словообразованія суагили вполнѣ африканскій языкъ. Само собою разумѣется, что необработанныя нарѣчія сосѣднихъ языческихъ племенъ чище и первобытнѣе. Что касается послѣднихъ, то къ суагили принадлежатъ: нарѣчіе кипаре и китеита, которымъ говорятъ у верхняго Пангани, языкъ дшагга у Килима-Ндшаро, и языкъ ваника, на которомъ говорятъ къ сѣверо-западу отъ Момбаса. Языкъ вашинзи, распространенный между берегомъ и областью Изамбара, который представляетъ самое близкое сродство съ діалектомъ васигва. Нарѣчіе Изамбара въ свою очередь сходно съ пара и нгуру. То же тѣсное сродство проявляется далѣе на югъ въ языкѣ другихъ народныхъ племенъ, ближе расположенныхъ къ берегу.

Число принадлежащихъ сюда народностей составляетъ легіонъ, такъ что мы должны ограничиться перечисленіемъ важнѣйшихъ племенъ, и выберемъ только самыхъ главныхъ изъ нихъ для подробнаго описанія. Если мы начнемъ на югѣ съ береговъ Лимпопо, то мы опять-таки встрѣтимъ до Замбези не мало различныхъ племенъ прибрежныхъ каффровъ, которые довольно глубоко проникаютъ вглубь материка, а также небольшія племена макомбе, матука, балонга, и банъяи; изъ нихъ послѣднее по преимуществу можетъ быть названо красивой породой людей. Между ними много субъектовъ съ молочно-коричневымъ цвѣтомъ кожи, который повсемѣстно считается признакомъ знатнаго происхожденія. Что же касается общественныхъ учрежденій, нравовъ и суевѣрій, то они представляютъ близкое сродство съ африканскими племенами центральной Африки. На югѣ къ нимъ примыкаютъ машона, которые близкіе родичи макалака, и подобно имъ признаютъ власть матебеле.

У банъяи званіе вождя никогда не переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, но всегда въ боковую линію и, вдобавокъ, по выбору свободныхъ людей. Если избранный вождь, послѣ нѣкотораго сопротивленія, установленнаго давнимъ обычаемъ, вступаетъ въ свою должность, то къ нему переходятъ жены, дѣти и все имущество его предшественника. Сыновья свободныхъ людей, начиная съ двѣнадцати и до пятнадцати лѣтъ, поступаютъ на службу къ какому нибудь вождю, какъ бы въ качествѣ его оруженосцевъ или пажей, чтобы пріобрѣсть образованіе, соотвѣтствующее настоящему банъяи, вслѣдствіе чего эта служба сама по себѣ носитъ названіе „банъяи". Они не покидаютъ своего вождя и не женятся до тѣхъ поръ, пока другіе юноши не по-

ступятъ на ихъ мѣсто. Родители снабжаютъ ихъ рабами, которые исполняютъ за нихъ полевыя работы, необходимыя для ихъ пропитанія. Когда юноши возвращаются домой, то имъ предлагаютъ нѣкоторые вопросы въ видѣ испытанія и родители въ высшей степени довольны, если отвѣты окажутся удовлетворительными. У банъяи право отдавать приказанія принадлежитъ женщинамъ, а мужчины обязаны повиноваться имъ. Впрочемъ подобная зависимость существуетъ только въ томъ случаѣ, если мужъ бѣденъ и не въ состояніи купить жену у ея родителей или, другими словами, съ точки зрѣнія самихъ банъяи, если онъ не можетъ откупиться отъ притязаній тестя и тещи. Подобный бѣднякъ долженъ переѣхать въ домъ родителей своей жены или въ деревню, гдѣ они живутъ и не только быть въ послушаніи у жены, но оказывать извѣстное уваженіе тещѣ. Если онъ тяготится бабьимъ правленіемъ, то можетъ уйти, но дѣти остаются у жены. Женщины, на которыхъ лежитъ забота о прокормленіи мужа, тщательно берегутъ свою репутацію и если явится подозрѣніе, что одна изъ нихъ околдовала общаго супруга, то онѣ добровольно подвергаются испытанію, т. е. своего рода „Божьему суду“ („Muawi“). Призванный колдунъ изготовляетъ декоктъ; жены отправляются вмѣстѣ въ поле, соблюдаютъ нѣкоторое время постъ и затѣмъ поочереди выпиваютъ напитокъ и клянутся въ своей невинности, поднимая руки къ небу. Тѣ, у которыхъ дѣлается рвота, считаются оправданными и, наоборотъ, виновными признаютъ тѣхъ, на которыхъ питье дѣйствуетъ какъ слабительное; этихъ приговариваютъ къ смерти черезъ сожженіе. Невинныя возвращаются домой и приносятъ въ жертву пѣтуха духамъ покровителямъ.

Машона по выраженію лица подходятъ къ еврейскому типу; они большею частью обезображены непомѣрнымъ употребленіемъ табака и оспой; вдобавокъ ихъ челюсти настолько выступаютъ впередъ, что они не могутъ одновременно прикрыть пальцемъ ротъ и носъ. Это слабое, изнеможенное племя Одежда ихъ состоитъ изъ звѣриной шкуры, наброшенной на плечи; но едва они попадутъ въ положеніе рабовъ „machole“, то должны измѣнить костюмъ и нарядиться въ набедренникъ, состоящій изъ полосъ, вырѣзанныхъ изъ шкуры дикой кошки. Они живутъ разрозненные, среди своихъ господъ матебеле и подвергаются самому жестокому обращенію со стороны послѣднихъ. Машона занимаются обработкой земли и довольно искусны въ металлическихъ издѣліяхъ. Большая часть дани, которую они платятъ матебеле, состоитъ изъ желѣзныхъ издѣлій, нерѣдко снабженныхъ украшеніями и рѣзными фигурами, разумѣется въ высшей степени первобытными. При этомъ они проявляютъ замѣчательное пониманіе правильной формы круга. Чужестранцамъ, путешествующимъ по ихъ странѣ, приходится выносить много непріятностей отъ ихъ навязчивости. Старый и малый спѣшитъ взглянуть на пріѣзжаго и выпросить у него „ntusa“ (подарки); но имъ никогда не приходитъ въ голову поднести ему что-либо. Они предлагаютъ на продажу молоко, пиво, табакъ, зерновой хлѣбъ; но никакая плата не удовлетворяетъ ихъ. Каждаго прохожаго они привѣтствуютъ словами „saku bona“ (я вижу тебя) и требуютъ, чтобы имъ отвѣтили особымъ поклономъ, въ противномъ случаѣ тотчасъ же осыпаютъ бранью. Если вы отвѣчаете на ихъ привѣтствіе, то за этимъ неизбѣжно слѣдуетъ выпрашиваніе подарковъ.

По ту сторону Замбези, въ обширной области между озеромъ Ніасса и Мозамбикскимъ берегомъ живетъ значительное число народовъ, изъ которыхъ одни мало извѣстны намъ, а о другихъ мы не имѣемъ никакого понятія. Между племенами: могіау или вагіао, мабига, вангиндо, вакинголи, вамуера и т. д. маконда у нижняго Ровума, повидимому, самое значительное. По языку они отли-

чаются отъ народовъ, живущихъ близъ Замбези; но должны быть на равнѣ съ ними причислены къ большой семьѣ банту. Они робкаго характера, и вѣчно боятся нападеній разбойниковъ, которые являются къ нимъ съ цѣлью похищенія невольниковъ. Женщины носятъ въ высшей степени своеобразное украшеніе, которое не только распространено въ этой мѣстности, но встрѣчается вездѣ у верхней и нижней Шире, а также во всей восточной горной странѣ. Это такъ называемое „пелеле", т. е. кольцо, продѣтое въ верхней губѣ. Даже у маленькихъ дѣвочекъ прокалываютъ верхнюю губу иголкой у самаго носа. Когда ранка покроется струпомъ иголку вынимаютъ и замѣняютъ другой, менѣе тонкой, затѣмъ слѣдуетъ новая иголка еще большихъ размѣровъ и т. д. въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ и лѣтъ, пока отверстіе въ губѣ не сдѣлается настолько велико, что въ него легко можно продѣть кольцо въ 5 сант. въ діаметрѣ. Ни одна женщина не явится въ общество безъ этого украшенія, исключая тѣхъ случаевъ, когда она въ траурѣ. При этомъ всего отвратительнѣе смѣхъ, потому что мускулы щекъ поднимаютъ вверхъ „пелеле" до самыхъ бровей, такъ что въ отверстіе кольца видѣнъ только кончикъ носа и острые подпиленные зубы большаго рта, который въ данномъ случаѣ становится похожимъ на пасть крокодила или кошки. Естественно, что при подобномъ уродованіи губныя буквы не могутъ быть ясно произнесены; но это дѣло моды; у нѣкоторыхъ племенъ, какъ напр. у мабига на правомъ берегу Ровума „пелеле" встрѣчается даже у мужчинъ. Мало извѣстная внутренняя область между Мозамбикскимъ берегомъ и о. Ніасса преимущественно населена различными племенами макуа или моккуа, одной изъ наиболѣе хорошо сложенныхъ африканскихъ расъ, которая отличается особенной любовью къ татуировкѣ.

До сихъ поръ мы почти не имѣли никакихъ свѣдѣній о народѣ макуа, но, въ новѣйшее время, онъ былъ довольно подробно изслѣдованъ и описанъ Г. Е. О'Нейллемъ, британскимъ консуломъ въ Мозамбикѣ. Макуа занимаютъ болѣе обширную область, нежели вся Англія, и распадаются на четыре большихъ отдѣла: нижніе макуа, ломве или верхніе макуа, мауа и медо. Что касается двухъ послѣднихъ, то мы не имѣемъ о нихъ пока никакихъ точныхъ свѣдѣній; но О'Нейллъ полагаетъ, что въ главныхъ пунктахъ они почти не отличаются отъ первыхъ двухъ; самое большее, если они представляютъ нѣкоторыя уклоненія въ діалектѣ, и кое-какія племенныя особенности и характерныя черты. Татуировка или внѣшнее отличіе племени весьма разнообразна у различныхъ подраздѣленій нижнихъ макуа и ломве. Она всего глубже и рельефнѣе у нижнихъ макуа; на лбу изображенъ широкій и длинный полумѣсяцъ, оба конца котораго доходятъ до висковъ, по обѣимъ угламъ рта проведены кверху глубокіе шрамы, въ 2 сант. Дополненіемъ къ этому своеобразному украшенію служатъ группы пятенъ и короткія широкія полосы на рукахъ, животѣ и спинѣ. Полумѣсяцъ встрѣчается только у мужчинъ; знаки менѣе замѣтны у женщинъ и не такъ многочисленны. По мѣрѣ приближенія къ востоку, татуировка становится менѣе богатой и рельеф-

ной у обоихъ половъ, а среди ломве нерѣдко встрѣчаются лица, на которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда татуировки. Молодой стрѣлокъ макуа подбираетъ и тщательно связываетъ свои волосы узкими тесемками изъ корня дерева „мламба", такъ что изъ нихъ образуются мотки въ 6 мм. въ поперечникѣ, которые торчатъ на головѣ какъ короткіе прутья, и подвижны только у основанія. Въ концы ихъ воткнуты пучки крупныхъ красныхъ бусъ. Другіе выбриваютъ на головѣ широкія полосы, которыя пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, а оставшіеся волосы торчатъ вверхъ въ видѣ правильныхъ четырехъугольниковъ. Передніе зубы обыкновенно остро подпилены; женщины носятъ въ верхней губѣ родъ „пелеле", а именно кружокъ или цилиндръ изъ большой морской раковины, который подходитъ къ самому носу. Относительно одежды можно сказать весьма немногое, потому что мало носятъ ее; и она вездѣ одинаково проста. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ продаются матеріи, мужчины опоясываютъ себѣ бедра лентообразными полосами, отъ которыхъ спереди и сзади висятъ тряпки отъ 25—30 сант. длины; равнымъ образомъ болѣе прилично одѣтыя женщины обвиваютъ свою талью кускомъ ткани, которая доходитъ до колѣнъ. Далѣе къ востоку ткани замѣнены шкурами; ихъ носятъ оба пола въ упомянутой формѣ тряпокъ, которыя иногда скроены своеобразнымъ способомъ; для задней части тѣла особенно предпочитается форма мальтійскаго креста, острымъ концомъ внизъ. Латунные обручи для рукъ и ногъ составляютъ неотъемлемое украшеніе макуанскаго вождя и его женъ, такъ что никто другой не носитъ ихъ. Между простонародьемъ часто можно встрѣтить женщинъ съ діадемой изъ бусъ вокругъ лба; между тѣмъ какъ болѣе молодые носятъ вокругъ шеи цѣлыя подушки изъ бусъ, большею частью красныхъ и черныхъ.

У здѣшнихъ туземцевъ господствуютъ весьма своеобразныя формы привѣтствій. Если макуа хочетъ поклониться вождю или какой нибудь уважаемой особѣ, то онъ наклоняется впередъ, протягиваетъ обѣ руки во всю длину, такъ что они образуютъ острый уголъ относительно тѣла, и бьетъ въ ладоши два-три раза или больше, смотря по степени почтенія, которое онъ желаетъ выказать. О'Нейлль видѣлъ однажды любопытное зрѣлище утренняго привѣтствія макуанскаго вождя его женами. Болѣе тридцати женщинъ стояло на колѣняхъ, съ выпрямленнымъ туловищемъ передъ верандой, на которой сидѣлъ ихъ повелитель; онѣ медленно и тихо хлопали въ ладоши; при этомъ одна изъ нихъ выбивала тактъ. Эта церемонія продолжалась нѣсколько минутъ; путешественникъ въ это время долженъ былъ ожидать у забора и не могъ подойти до тѣхъ поръ, пока жены поднялись съ колѣнъ и ушли.

Макуанскій вождь живетъ одинъ среди своихъ женъ; весьма немногія привилегированныя особы могутъ приближаться къ изгороди, окружающей ихъ хижины. Его „baraza", предназначенная для оффиціальныхъ пріемовъ, всегда находится внѣ изгороди. Жены готовятъ ему ѣду, варятъ изъ маиса „ротве", который онъ пьетъ изъ тыквенной бутылочки, подносимой одной изъ его любимыхъ женъ. Онѣ постоянно на сторожѣ, подмѣчаютъ каждый знакъ и стараются предупредить его желанія. Если вождь посѣщаетъ иностранца, то его нерѣдко сопровождаютъ нѣкоторыя изъ его женъ, и даже одна изъ нихъ, по свидѣтельству О'Нейлля, исполняла должность меченосца. Многіе вожди имѣютъ значительное число женъ, отъ 100—200; и дѣйствительно, изгороди, окружающія ихъ хижины настолько обширны, что подобное число женъ кажется вполнѣ вѣроятнымъ. Если кто изъ проводниковъ О'Нейлля хотѣлъ внушить ему высокое понятіе о значеніи своего вождя, то употреблялъ такое выраженіе: „Онъ даже не знаетъ, въ какой хижинѣ онъ спитъ". Быть можетъ, съ цѣлью оріентированія въ этомъ направленіи, женскія хижины раздѣлены на четырехугольники, въ которыхъ живутъ отъ 30—40 женъ, по 4—5 въ каждой хижинѣ. Въ опредѣленные промежутки времени повелитель пере-

ходитъ отъ одной группы хижинъ къ другой, что составляетъ важное событіе, которое празднуется обитательницами осчастливленнаго отдѣленія громкимъ битьемъ барабановъ. Способъ раздѣленія хижинъ не совсѣмъ ясенъ для иностранца; но подобныя отдѣленія для женъ, повидимому, существуютъ повсемѣстно, такъ какъ вышеупомянутый путешественникъ вездѣ слышалъ о нихъ. При этомъ у вождя всегда есть собственная хижина, отдѣльная отъ женъ, такъ что его перекочевки изъ хижины въ хижину нельзя считать перемѣной резиденціи; онъ только мѣняетъ цѣль своихъ супружескихъ посѣщеній.

Макуа чувствуетъ особенное пристрастіе къ публичнымъ рѣчамъ. Замѣчательно, что въ этихъ случаяхъ его всегда сопровождаетъ пріятель въ видѣ ассистента, который одновременно поднимается съ мѣста, высокой фистулой проситъ публику обратить должное вниманіе на рѣчь, что повторяется при каждой остановкѣ оратора, хотя съ нѣкоторыми вариантами. Цѣль подобнаго ассистентства, повидимому, заключается въ томъ, чтобы избѣжать неловкихъ паузъ, а также отчасти по инстинктивному стремленію благозвучія. Если ораторъ отъ сильнаго возбужденія неприлично возвышаетъ голосъ, то ассистентъ вторитъ ему другимъ тономъ, какъ бы для того, чтобы оправдать грубый голосъ своего патрона или, благодаря контрасту, увеличить силу его словъ. Когда первый окончитъ свою рѣчь громкимъ и торжественнымъ голосомъ, то второй продолжаетъ тянуть свой заключительный аккомпаниментъ, затихая мало по малу, пока не дойдетъ до чуть слышныхъ звуковъ. Ораторъ и его ассистентъ быстро чередуются другъ съ другомъ; предложенія въ ихъ рѣчахъ постоянно короткія и отрывистыя.

Пляска макуа по своему общему характеру не отличается граціей и нѣжностью; многія движенія видимо разсчитаны на то, чтобы дѣйствовать на чувственность. О'Нейлль описываетъ такую пляску, выполненную съ цѣлью оказать ему почетъ. Танцовщицы, всѣ жены вождя, — съ мѣдными обручами на рукахъ и ногахъ, были обвиты вокругъ тѣла полосами каленкора, доходящими до колѣнъ и каждая держала въ рукѣ хвостъ зебры. Онѣ слегка наклонили тѣло впередъ и медленно махали хвостомъ изъ стороны въ сторону. Не измѣняя положенія, онѣ старались, по возможности, ослабить мускулы верхней части тѣла, очевидно съ цѣлью произвести съ большимъ эффектомъ быстрое боковое движеніе бедеръ и таза; при этомъ онѣ слегка разставляли ноги и попеременно дѣлали нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ. Самая пожилая дама этого общества аккомпанировала на глухомъ барабанѣ и усиленно понукала танцовщицъ своимъ пронзительнымъ голосомъ и ускореннымъ тактомъ, пока онѣ не заявили, что готовы упасть отъ изнеможенія. Два небольшихъ барабана, въ которыхъ били палками, и рѣзкій нестройный хоръ, при участіи всѣхъ женщинъ, еще больше усиливали общую сумятицу и шумъ. Но эта пляска не составляетъ національной собственности макуа, потому что О'Нейлль видѣлъ совершенно такой же танецъ во время одной свадьбы въ Вацарамалендѣ противъ Занзибара.

Макуа имѣетъ неопредѣленное представленіе о всемогущемъ божествѣ, называемомъ „Mlugu“, но, повидимому, не связываетъ съ нимъ счастливыхъ и несчастныхъ случайностей этой жизни; не молится, ни ему, ни его изображенію и не почитаетъ его. Но при этомъ онъ глубоко вѣритъ въ существованіе злыхъ духовъ, незамѣтно шныряющихъ между живущими, и приписываетъ имъ всякое зло, болѣзнь, засуху и даже смерть. Въ бѣдѣ онъ обращается къ помощи колдуна, средства котораго заключаются въ препаратахъ изъ кореньевъ и коры, а также въ кушаньяхъ и тканяхъ, развѣшенныхъ на вѣтвяхъ деревъ, чтобы умилостивить разгнѣваннаго духа. Сообразно вѣрованіямъ макуа, духи бываютъ злые и сверхестественные; но онъ не имѣетъ никакого представленія о безсмертной душѣ въ человѣческомъ тѣлѣ. Смерть, по поня-

Слуги и разсыльные, занятые азартной игрой въ гавани Гонгконгъ.

тіямъ макуа вѣчный сонъ. Они погребаютъ своихъ мертвецовъ въ лежачемъ положеніи, за исключеніемъ вождей, которыхъ хоронятъ сидящими. Послѣднее, повидимому, противорѣчитъ съ вышеупомянутымъ представленіемъ о смерти, а равно и тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ могущественнымъ вождемъ иногда погребаютъ живыхъ людей, какъ бы для того, чтобы они служили ему товарищами на томъ свѣтѣ.)

Страна управляется извѣстнымъ числомъ мелкихъ деспотовъ, каждое слово которыхъ въ раіонѣ ихъ власти имѣетъ силу закона. Подъ вѣдѣніемъ болѣе могущественнаго изъ нихъ находятся второстепенные вожди, которые должны рѣшать мелкія несогласія; но спорящія стороны могутъ всегда обратиться съ аппеляціей къ главному вождю. Должность многихъ изъ этихъ вождей вовсе не представляетъ синекуры: О'Нейлль былъ свидѣтелемъ, что самые могущественные изъ нихъ были постоянно заняты выслушиваніемъ жалобъ и наказаніемъ преступниковъ. Эти первобытные суды всѣ одинаковой постройки: они представляютъ обширное бамбуковое зданіе въ видѣ дождеваго зонтика, покрытое сверху травой и украшенное внутри леопардовыми шкурами, которыя висятъ съ потолка. Съ одной стороны устроенъ родъ балдахина съ низкимъ сидѣньемъ для вождя, а снаружи вбитъ въ землю вилообразный столбъ, къ которому привязываютъ преступниковъ. О'Нейлль не замѣтилъ у большинства вождей макуа и лотве ни малѣйшаго слѣда преднамѣренной жестокости, которая довольно часто встрѣчается между африканскими властелинами. Значительное число подобныхъ независимыхъ вождей служитъ полезнымъ противовѣсомъ произволу и несправедливости, такъ что если кто либо изъ нихъ возбудилъ бы противъ себя общую ненависть подобными дѣяніями, то народъ можетъ избавиться отъ него простымъ способомъ: онъ покидаетъ его и отыскиваетъ себѣ болѣе кроткаго и справедливаго повелителя.

Чтобы убѣдиться въ винѣ или невинности обвиняемаго, а также для рѣшенія сомнительныхъ вопросовъ, заставляютъ пить ядовитый отваръ коры одного дерева, и если дѣло не касается живыхъ людей, то отваръ даютъ пить собакѣ. Такимъ образомъ О'Нейлль долженъ былъ подчиниться подобному „божьему суду" для рѣшенія вопроса: долженъ ли онъ или нѣтъ идти по извѣстной дорогѣ? Обрѣзаніе часто производится у нихъ, но не въ видѣ установленнаго правила, а, повидимому, зависитъ отъ желанія единичныхъ лицъ (Globus, Bd. XLI, s. 295—298).

Къ западу отъ бассейна Ніасса живутъ милліоны темнокожихъ людей, изъ которыхъ мы назовемъ только наиболѣе извѣстныхъ, а именно: марави, мациту, чева, тумбука, мангандша и бабиза. Считаемъ также не лишнимъ упомянуть о базунга, которые пользуются репутаціей хорошихъ кузнецовъ. Марави, живущіе на западъ отъ Шире и вокругъ нижняго Ніасса, разводятъ сладкій картофель невѣроятной величины и занимаются земледѣліемъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Впрочемъ, португальцы разсказываютъ о марави странныя исторіи, которыя даютъ несовсѣмъ благопріятное понятіе объ умственныхъ способностяхъ этого народа. Болѣе выгодное мнѣніе составилось объ его промышленной дѣятельности. Многочисленные мастеровые изготовляютъ весьма цѣнные браслеты и обручи для рукъ и ногъ изъ слоновой кости. Равнымъ образомъ ихъ желѣзныя издѣлія оказываются вполнѣ годными и отличаются законченностью формы, хотя въ ихъ распоряженіи только камень вмѣсто наковальни; другой камень служитъ имъ молотомъ, а два куска дерева—щипцами. Ихъ

„njumba“ или дома — круглой формы и имѣютъ въ поперечникѣ не болѣе $2^1/_4$ м. Глава семьи „dumse“ пользуется деспотической властью надъ своими домочадцами, можетъ продать и убить каждаго изъ нихъ и одинъ присвоиваетъ себѣ деньги за покупку жены при заключаемыхъ бракахъ. Многоженство пользуется почетомъ, и каждая изъ женъ имѣетъ свою собственную хижину. Браки совершаются крайне просто; несравненно торжественнѣе отправляютъ здѣсь похороны вождей, съ которыми прежде погребали заживо ихъ женъ. Варварство марави всего больше выказывается въ сожиганіи людей за колдовство. Вѣдьмъ и колдуновъ постоянно обличаютъ при посредствѣ „muawe“, питья, изготовленнаго изъ Erythrophlaeum ordale. Въ сомнительныхъ случаяхъ воровства въ большомъ ходу испытаніе огнемъ и водой. Марави крайне лукавы и суевѣрны; талисманы, особенно хвосты антилопъ „mechiras“ пользуются у нихъ величайшимъ почетомъ. Что же касается ихъ религіозныхъ представленій, въ которыхъ замѣтны весьма неопредѣленныя идеи о высшемъ невидимомъ существѣ, то они ограничиваются почитаніемъ „musimos“ или духовъ умершихъ людей. Чева имѣютъ много общаго съ марави въ языкѣ и образѣ жизни. Они держатъ много рогатаго скота, но рѣдко бьютъ его, и особенно охотно ѣдятъ собакъ, которыхъ легчатъ и откармливаютъ. Погребеніе вождей равнымъ образомъ сопровождается у нихъ крайне варварскими церемоніями. Одежда ихъ не состоитъ изъ шкуръ какъ у марави; вмѣсто этого они употребляютъ ткани, изготовленныя изъ древесной коры. Тумбука составляютъ особый народъ въ землѣ племенъ чена, гдѣ они водворились въ качествѣ арендаторовъ и колонистовъ, едва терпимыхъ мѣстнымъ населеніемъ. Они живутъ въ многоженствѣ, прокармливаютъ себя земледѣліемъ и скотоводствомъ, и, помимо одежды, отличаются отъ чева своимъ большимъ головнымъ уборомъ „njunzo“. У озера Ніасса встрѣчается сильное племя аява, которое вступило въ борьбу за обладаніе страной съ мангандша, весьма похожими по образу жизни на марави. Эти мангандша по наружности стоятъ нѣсколько выше остальныхъ африканцевъ, еслибы они искусственно не уродовали себѣ лица „пелеле“, а также тѣла. Ливингстонъ совершенно несправедливо считаетъ ихъ первобытнымъ негритянскимъ типомъ. Имъ прежде всего не достаетъ вздернутаго носа, а по языку ихъ можно безошибочно причислить къ каффрскимъ племенамъ. Всего красивѣе мангандша внутренней Африки; при этомъ они отличаются мужественной осанкой и рѣшительнымъ характеромъ, Они вообще высокаго роста, члены ихъ тѣла красивы и пропорціональны. Развитіе мышцъ у взрослыхъ мужчинъ почти достигаетъ гигантскихъ размѣровъ. Наружность женщинъ изуродована до безобразія; но онѣ находятся въ менѣе угнетенномъ состояніи, нежели въ остальной Африкѣ, и могутъ даже достигнуть званія вождя. Мангандша обрабатываютъ желѣзо, ткутъ хлопокъ, плетутъ корзины

и занимаются земледѣліемъ. Ихъ судопроизводство даетъ выгодное понятіе объ ихъ правахъ; но и здѣсь въ ходу „muawe“ или кубокъ съ ядомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они прибѣгаютъ къ магіи, чтобы отыскать преступника. Мангандша вѣрятъ въ высшее существо „Mpambe“, и, повидимому, также въ безсмертіе души. Вообще они въ высшей степени неопрятны, преданы всякимъ излишествамъ, чувствуютъ особенное пристрастіе къ пиву, и неисправимые торговцы невольниками. Люди составляютъ нерѣдко единственный предметъ торговли, который они могутъ обмѣнять на иностранные товары; вслѣдствіе чего вожди продаютъ собственныхъ подданыхъ. Это извѣстно сосѣднимъ аява, которые съ цѣлью пріобрѣтенія рабовъ привозятъ въ землю мангандша: латунь, кольца, глиняную посуду и даже красивыхъ дѣвушекъ. Аява мало по малу сдѣлались властелинами страны; и одновременно съ этимъ кровными родичами побѣжденныхъ; но вскорѣ они должны были сообща вступить въ борьбу съ чуждыми бродячими ордами, а именно съ дикими и воинственными мациту, которые распространили свои хищническіе набѣги отъ рѣки Шире до истоковъ Арруанга, и отъ Ніасса до озера Лувемба. На самомъ сѣверѣ описываемой области Ніасса и озеромъ Бангвеоло живутъ бабиза, народъ торговцевъ, которые далеко простираютъ свои странствованія и существенно отличаются отъ сосѣднихъ мангандша, какъ по формѣ черепа, такъ и рубцамъ на кожѣ. Они славятся въ странахъ, лежащихъ около озера Ніасса, своей предпріимчивостью, мужествомъ и далекими странствованіями, и доставляютъ бо̀льшую часть рабовъ и слоновой кости изъ внутренней Африки въ прибрежныя мѣстности. Обыкновенно они не продаютъ своихъ людей, и поэтому сильнѣе остальныхъ племенъ. Бабиза также живутъ въ горной странѣ Лобиза, но въ противоположность своимъ болѣе достаточнымъ и могущественнымъ племеннымъ родичамъ, находятся въ угнетенномъ состояніи; война и похищеніе рабовъ осудили ихъ на неизбѣжную гибель.

У всѣхъ этихъ сѣверныхъ банту проявляется въ большей или меньшей степени родъ самостоятельной культуры; слово „повелитель“ имѣетъ у нихъ фактическое значеніе; отдѣльныя племена имѣютъ опредѣленныя границы; народъ сознаетъ, что принадлежитъ „государству“. Само собою разумѣется, что понятіе о государствѣ связано съ особой короля. Съ нимъ вмѣстѣ возникаютъ государства, расширяются, слабѣютъ или распадаются на части; по волѣ его фантазіи исчезаютъ города и переносятся на другое мѣсто. Отсюда слѣдуетъ вѣчное странствованіе. Поразительный примѣръ такихъ условій представляетъ судьба макололо, одного племени зуто. Въ 1852—1854 гг., когда Ливингстонъ посѣтилъ страны у средняго Замбези, макололо были господствующимъ народомъ въ плодоносной долинѣ Замбези (нынѣ принадлежащей государству Марутзе-Мамбунда) и подчинили

себѣ обширныя пространства — земли, лежащія по сосѣдству. Но ихъ господство и въ то время держалось на весьма шаткихъ основаніяхъ, такъ что Ливингстонъ, во время своего втораго путешествія къ Замбези, предсказалъ паденіе государства макололо. На послѣднихъ дѣйствительно напали баротзе (марутзе), макалала и луина, и окончательно искоренили ихъ, такъ что самое имя макололо должно было исчезнуть на географическихъ картахъ. Женщины были раздѣлены между побѣдителями. Достойно замѣчанія, что при этомъ уцѣлѣлъ языкъ уничтоженнаго племени „лезуто“ и его унаслѣдовали побѣдители. Въ настоящее время этотъ языкъ, заимствованный у макололо, составляетъ господствующее нарѣчіе въ новомъ государствѣ баротзе, хотя онъ не сохранилъ первобытной чистоты и подвергся довольно сильной порчѣ.

Существованіе новаго государства баротзе, Марутзе-Мамбунда, повидимому связано съ особой деспотическаго короля Сепопо, который устроилъ свою резиденцію въ Нью-Сешеке, на лѣвомъ берегу Замбези. Государство это, возникшее изъ развалинъ прежняго, принадлежавшаго макололо, лежитъ къ юго-западу отъ вышеупомянутой Бабиза. Въ настоящее время, помимо поселившихся съ юга бѣглецовъ бамангвато и остатковъ племени макололо (въ лицѣ женщинъ), его населяютъ 84 туземныхъ племени. Изъ нихъ самые значительные марутзе, которые занимаютъ плодоносныя долины страны Баротзе, съ ихъ безчисленными городами, по обѣимъ сторонамъ Замбези на 320—390 км. въ ширину и говорятъ на языкѣ „саротзе“. Затѣмъ слѣдуютъ мамбунда, самая красивая порода людей въ этой мѣстности; они распространены на сѣверо-востокѣ и востокѣ около страны, принадлежащей марутзе; но ихъ главное мѣсто жительства у верхняго и средняго теченія притоковъ Замбези, Ніоко, Ломбе и Лои. Въ заключеніе мы назовемъ мазупіа, которые населяютъ оба берега Замбези, послѣ его сліянія съ рѣкой Чобе, и образуютъ собой сторожевые посты противъ двухъ сосѣднихъ племенъ: бамангвато и матебеле, живущихъ на югѣ и востокѣ. Властители государства смотрятъ на большинство туземныхъ племенъ, какъ на своихъ подданныхъ и даже рабовъ, и только четвертая часть всего населенія, преимущественно восточныя племена, пользуются извѣстною независимостью, такъ какъ ихъ отношенія заключаются только въ обязанности платить дань. Сопленники короля платятъ ему подать въ видѣ опредѣленнаго количества мѣстныхъ произведеній, а именно: зерноваго хлѣба, маиса, сухихъ плодовъ, тыквъ, табака, гутта-перчи, циновокъ, челноковъ, веселъ, оружія, глиняной и деревянной посуды, музыкальныхъ инструментовъ, звѣриныхъ шкуръ, свѣжей и вяленой рыбы и бегемотоваго мяса. Народы, платящіе одну дань должны доставлять повелителю государства Марутзе-Мамбунда опредѣленное количество слоновыхъ

клыковъ и шкуръ одного крупнаго вида лемура съ длинной сѣрой или темнокоричневой шерстью.

По наблюденіямъ д-ра Голуба, которому мы обязаны изслѣдованіемъ этой мѣстности, жители государства Марутзе-Мамбунда обладаютъ значительною степенью умственныхъ способностей, замѣчательной энергіей и положительнымъ дарованіемъ къ разнымъ издѣліямъ промышленности. Въ нравственномъ отношеніи они стоятъ ниже большинства туземныхъ южно-африканскихъ племенъ; но д-ръ Голубъ видитъ въ этомъ отраженіе первобытнаго состоянія дикости. Впрочемъ этотъ-же путешественникъ называетъ народы государства Марутзе-Мамбунда мужественными, неустрашимыми и выносливыми. Трусость также рѣдко встрѣчается у нихъ, какъ и безумная храбрость. Вообще д-ръ Голубъ хвалитъ ихъ за привѣтливость, скромность, вѣрность и честность. Но при этомъ онъ замѣтилъ въ нихъ извѣстную наглость, а именно въ сношеніяхъ съ бѣлыми торговцами, лукавство, склонность къ воровству и жестокости; а также слишкомъ слабую степень состраданія къ ближнему и отсутствіе отеческой и дѣтской привязанности, которая встрѣчается повсемѣстно въ остальной Африкѣ. По свидѣтельству Голуба туземныя племена относятся тѣмъ добродушнѣе и довѣрчивѣе къ бѣлымъ, чѣмъ далѣе они живутъ на сѣверъ отъ Замбези. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ племена чувствуютъ благодарность къ бѣлымъ, но при этомъ у нихъ проявляется зависть, ревность, мстительность, коварство и сильно развитое тщеславіе. По мнѣнію д-ра Голуба, народы Замбези при своихъ выдающихся умственныхъ способностяхъ могутъ быть исправлены отъ вышеупомянутыхъ дурныхъ свойствъ своевременными внушеніями и примѣромъ своего властелина. Прежде всего необходимо противодѣйствовать безнравственному обычаю „mulekau“ и пляскѣ „kishi“, и по возможности обращать вниманіе на соблюденіе супружеской вѣрности.

Важнѣйшее препятствіе къ умственному прогресу заключается въ суевѣріяхъ, которыя распространены здѣсь до невѣроятныхъ размѣровъ. Обыкновенно главнымъ очагомъ ихъ служитъ королевскій домъ, и властелинъ государства сознательно способствуетъ ихъ распространенію среди подданныхъ. Король Сепопо лучше чѣмъ кто нибудь умѣлъ прославиться среди своихъ соплеменниковъ въ качествѣ великаго колдуна и внушить къ себѣ страхъ, такъ что только съ помощью обмана и разныхъ фокусовъ ему удалось удержаться на престолѣ, несмотря на его невѣроятную жестокость. Д-ръ Голубъ встрѣтилъ здѣсь массу всевозможныхъ волшебныхъ средствъ. Между прочимъ въ ходу одинъ обычай, ужасающій по своей жестокости, который употребляется съ цѣлью колдовства. Онъ состоитъ въ томъ, что передъ началомъ войны, послѣ постройки города, во время народныхъ бѣдствій и въ другихъ важныхъ случаяхъ приносятъ въ жертву извѣстныя части человѣческаго тѣла, которыя отрѣзаютъ у живыхъ людей и хранятъ въ сосудахъ. Король глава всѣхъ колдуновъ. За домомъ, предназначеннымъ для его торжественныхъ пріемовъ, вдоль плетня, окружающаго дворъ, разставленъ рядъ глиняныхъ раскрашенныхъ сосудовъ и тыквенныхъ бутылокъ, наполненныхъ волшебными средствами. Всѣ эти сосуды стоятъ на деревянныхъ ножкахъ, подпоркахъ, древесныхъ кореньяхъ, и защищены отъ солнца и дождя миніатюрными крышами. Кромѣ того король построилъ себѣ особый домъ для храненія медикаментовъ и своихъ многочисленныхъ талисмановъ. Посреди дома вбитъ древесный стволъ, который увѣшенъ сверху до низу разными волшебными средствами, мѣхами, кореньями, травой, соломой, листьями, корзинками, бутылками, блюдами, сосудами, наполненными темноватой пылью, корой и т. п. Глубоко вкоренившееся суевѣріе заставляетъ относиться съ недовѣріемъ къ каждому человѣку, который дѣлаетъ что либо необыкновенное. Уединенная

прогулка въ мало посѣщаемыхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе въ необычный часъ, неизбѣжно возбуждаетъ подозрѣніе, а также задумчивость, продолжительная бесѣда съ самимъ собой и т. п. Если выливаютъ какую либо жидкость передъ дворомъ или у входа въ домъ, то это принимается за попытку колдовства во вредъ хозяину дома или тому, кто по неосторожности перешагнетъ черезъ облитое мѣсто. Обыкновенно нездоровье и даже нерѣдко смерть приписываютъ колдовству или недоброжелательству другихъ людей. Если кто либо изъ подданныхъ дастъ замѣтить, что на него нападаютъ сомнѣнія относительно нелѣпости колдовства, то его отыскиваютъ въ толпѣ, и, обвинивъ въ государственной измѣнѣ и другихъ мнимыхъ преступленіяхъ, спроваживаютъ на тотъ свѣтъ.

Что касается религіозныхъ представленій жителей Марутзе-Мамбунда, то они вѣруютъ въ невидимое, всевѣдущее существо, которое зорко слѣдитъ за дѣйствіями каждаго человѣка и поступаетъ съ нимъ по своему усмотрѣнію. Здѣсь боятся произносить его имя, и употребляютъ взамѣнъ этого слово: „molemo“, которое одновременно означаетъ злыхъ и добрыхъ духовъ, цѣлебныя и волшебныя средства, всякій ядъ, талисманы и пр. Настоящее названіе этого всевѣдущаго существа „Njambe“. Когда туземцамъ нужно произнести это слово, то они поднимаютъ глаза къ небу и указываютъ на него рукой, или же употребляютъ оба способа выраженія, не выговаривая слова „Njamba“. Вышеупомянутый путешественникъ замѣтилъ, что многіе замѣняютъ это слово общимъ выраженіемъ: „Тотъ, который наверху“, или „онъ“. Туземцы думаютъ, что это могущественное существо живетъ въ небесной лазури. Если умретъ кто нибудь, то „Njambe“ беретъ его изъ среды близкихъ ему людей. Приговоренный къ смерти преступникъ смиренно покоряется своей участи, въ убѣжденіи, что заслужилъ наказаніе, предназначенное ему „Njambe“. У большей части народностей, входящихъ въ составъ государства Марутзе-Мамбунда, встрѣчаются признаки вѣрованія въ загробную жизнь.

Король — глава государства; этимъ званіемъ можетъ быть также облечена особа женскаго нола. Онъ владѣетъ обширными землями, которыя воздѣлываются его многочисленными женами и ихъ свитой, получаетъ въ видѣ короннаго имущества всю слоновую кость, которая доставляется его подданными, и сравнительно находится въ хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ, потому что вся внѣшняя торговля исключительно въ его рукахъ. Ему принадлежитъ весь скотъ въ государствѣ, хотя для приличія онъ не отбираетъ его отъ своихъ подданныхъ, но можетъ другимъ способомъ овладѣть той вещью, которая ему понравится. Такъ, напр., онъ прямо обвиняетъ владѣющаго ею въ колдовствѣ и государственной измѣнѣ и присуждаетъ къ казни, потому что повелитель государства Марутзе-Мамбунда можетъ, всегда и при всякихъ условіяхъ, лишить жизни своего подданнаго и обратить въ рабство, заявить притязаніе на его жену или захватить его дѣтей, если они нужны ему для какого либо колдовства. Равнымъ образомъ заслуживаетъ вниманіе крайне своеобразный обычай, по которому считается государственной измѣной, если кто нибудь владѣетъ болѣе значительной вещью, нежели всѣ тѣ, какія составляютъ имущество короля. Правитель всегда владѣетъ лучшими вещами, обмѣненными у сосѣднихъ народовъ и у бѣлыхъ. Когда д-ръ Голубъ предлагалъ въ подарокъ туземцамъ марутзе болѣе или менѣе необыкновенныя вещи, то они отказывались со словами: „мы не смѣемъ взять этихъ вещей, потому что не знаемъ: есть ли такія у Сепопо?“

Обыкновенно резиденція короля находится среди баротзе (впрочемъ Сепопо жилъ въ Сешеке); онъ окруженъ многочисленнымъ придворнымъ штатомъ, который состоитъ изъ 10—30 королевъ съ 5—10 служанками у каждой изъ нихъ и извѣстнымъ количествомъ отпрысковъ королевскаго дома, затѣмъ изъ толпы слугъ. Къ послѣднимъ главнымъ образомъ принадлежатъ:

пастухи скота, погонщики лошадей, сторожа собакъ, гонцы, шпіоны и пр., родственники королевъ, высшіе сановники, нѣкоторые вожди, въ качествѣ представителей важнѣйшихъ племенъ, извѣстное число престарѣлыхъ знахарей, палачъ, рыбаки, охотники вообще и спеціальные охотники за бегемотами, надзиратели за челноками и искатели меда. Каждому отведено для поселенія особое мѣсто по близости королевской резиденціи. Вокругъ дворца, въ которомъ помѣщается король, живутъ преданные ему вожди съ опредѣленнымъ количествомъ воиновъ. На болѣе далекомъ разстояніи помѣщены главы племенъ, которые не пользуются его особеннымъ довѣріемъ, а на самомъ дальнемъ концѣ живутъ тѣ вожди, отъ которыхъ король можетъ постоянно ожидать нападеній. На вопросъ д-ра Голуба о причинѣ подобнаго распредѣленія, король отвѣтилъ, что предпочитаетъ въ минуты опасности имѣть около себя преданныхъ ему людей, а безпокойные элементы населенія на возможно далекомъ разстояніи, Остальные многочисленные сановники государства распредѣлены по областямъ, занятымъ различными племенами. У короля Сепопо былъ такъ называемый ближайшій совѣтъ, который служилъ послушнымъ орудіемъ во всѣхъ его жестокихъ дѣяніяхъ, и затѣмъ великій совѣтъ. Хотя послѣдній представляетъ собою коллегію почтенныхъ вождей различныхъ племенъ, но благодаря своему безсилію не пользуется у народа тѣмъ уваженіемъ, которое онъ могъ бы имѣть по всѣмъ даннымъ.

Судопроизводство у народовъ верхняго Замбези крайне своеобразно, въ особенности назначеніе высшаго наказанія. Если человѣка обвиняютъ въ дѣйствительномъ или мнимомъ преступленіи, то повелитель приказываетъ ему явиться передъ собравшимся „великимъ“ совѣтомъ, гдѣ въ залѣ засѣданій долженъ начаться процессъ. Когда король не заинтересованъ въ дѣлѣ и въ основѣ обвиненія съ его стороны нѣтъ личной непріязни, то приговоръ предоставляется „великому“ совѣту; если же назначена смерть, то подсудимый подвергается „божьему суду“ и выпиваетъ чашу съ ядомъ. Приговореннаго передаютъ въ руки палача; онъ долженъ отправиться въ сопровожденіи своихъ обвинителей и друзей на лобное мѣсто, расположенное въ лѣсу. Здѣсь съ него снимаютъ платье, и навѣшиваютъ ему вокругъ пояса одѣяніе изъ высохшихъ вѣтвей; при этомъ палачъ ломаетъ на немъ всѣ браслеты и другія украшенія на тѣлѣ. Приговореннаго сажаютъ въ колодки и подносятъ ему чашу съ ядомъ, которую онъ выпиваетъ. Обвинители подступаютъ къ нему съ бранью и угрожающими жестами, между тѣмъ какъ друзья клянутся, что онъ невиненъ, въ надеждѣ, что „Njambe“ произведетъ у него рвоту отъ яда. Нѣсколько минутъ спустя, врачи, присутствующіе при этомъ актѣ, снимаютъ колодки съ несчастнаго, вертятъ и трясутъ его, чтобы принятый ядъ скорѣе дѣйствовалъ на тѣло. Затѣмъ его снова сажаютъ въ колодки; съ нимъ дѣлается рвота или же онъ падаетъ безъ чувствъ. Въ послѣднемъ случаѣ вина считается очевидной и его умерщвляютъ, а именно: верхнюю часть его туловища держатъ надъ огнемъ, разведеннымъ вблизи, такъ что если въ немъ есть хотя искра жизни, то онъ задыхается отъ дыма, послѣ чего трупъ сжигаютъ.

Машона самый промышленный изъ народовъ, населяющихъ государство Марутзе-Мамбунда; тѣмъ не менѣе д-ръ Голубъ находитъ, что въ нѣкоторыхъ производствахъ, другія племена превосходятъ ихъ. Изъ продуктовъ мѣстной промышленности наиболѣе заслуживаютъ вниманія: разнообразные виды глиняной и деревянной посуды, сосуды для храненія съѣстныхъ припасовъ, тыквенныя бутылки, ложки изъ древесныхъ волоконъ, плетеныя работы изъ травы, мѣшки, корзины изъ соломы, ножи съ клинками отъ 10—12 сант. длины и 2—4 ширины. Изъ другихъ произведеній этого народа-самоучки мы считаемъ весьма важными исполненныя имъ работы въ области строительнаго искусства

(постройка состоитъ изъ наружнаго и внутренняго дома, съ лицевой, внѣшней и внутренной пристройкой), и практическія приспособленія въ королевскихъ жилищахъ въ старомъ и новомъ Сешеле. Стремленіе къ защитѣ противъ нападеній окружающихъ враговъ, повело къ усовершенствованію оружія, которое весьма разнообразно у народовъ государства Марутзе-Мамбунда. Оно состоитъ изъ многочисленныхъ снарядовъ для метанія, нанесенія ранъ, порѣзовъ, ударовъ, а также оружія обороны, помимо „ассагаи", этого національнаго оружія южныхъ африканцевъ, различные виды котораго приспособлены для умерщвленія людей, крокодиловъ, игуанъ (ящерицъ), рыбъ, бегемотовъ, слоновъ и т. п.

Значительная степень совершенства проявляется также въ снарядахъ туземцевъ для изготовленія различныхъ принадлежностей одежды, въ орудіяхъ для обработки металловъ и постройки челноковъ, въ хранилищахъ для цѣлительныхъ и врачебныхъ средствъ и, наконецъ, въ музыкальныхъ инструментахъ въ видѣ тыквеннаго фортепіано, цитръ, длинныхъ барабановъ, струнныхъ инструментовъ на подставкахъ изъ папируса, двойныхъ барабановъ на подобіе солнечныхъ часовъ, барабановъ для битья тревоги, такъ наз. „стальныхъ

Куреніе даха или пеньковая трубка у марутзе (наполненный водою рогъ, у котораго сбоку придѣланъ чубукъ съ головкой трубки).

перчатокъ", колокольчиковъ, бубенчиковъ, дудокъ и т. п. Изъ этихъ музыкальныхъ инструментовъ особенно заслуживаютъ вниманія „стальныя перчатки". По описанію д-ра Голуба они имѣютъ 20 сант. длины, похожи на два продолговатыхъ немного приплюснутыхъ колокольчика, не имѣющихъ между собою сообщенія, но скрѣпленныхъ вмѣстѣ продолговатой рукояткой. Въ каждую руку берутъ по парѣ этихъ перчатокъ и выбиваютъ ими тактъ во время танцевъ, особенно при такъ называемой слоновой пляскѣ, которая сопровождается сильнѣйшей попойкой. У короля Сепопо было двѣ пары такихъ „стальныхъ

перчатокъ“; когда д-ръ Голубъ испробовалъ ихъ, то они издали совершенно чистые звуки, пріятные во всѣхъ отношеніяхъ.

Для удовлетворенія страсти къ куренью и нюханью табака служатъ трубки, украшенныя рѣзьбой, похожія на сигарные мундштуки и турецкій наргилехъ, затѣмъ сосуды наполненные водой, табакерки изъ слоновой кости, звѣриныхъ когтей, кожи змѣй и ящерицъ (игуанъ), звѣриной кожи, шелухи плодовъ и древесной коры. Равнымъ образомъ у племенъ Марутзе-Мамбунда нѣтъ недостатка въ предметахъ роскоши, туалета и игры, которые отчасти изготовляются изъ металла (обручи для рукъ и ногъ), частью изъ слоновой кости (браслеты и гребни) и изъ другаго матеріала. Щитки водяныхъ черепахъ употребляются для украшенія головы; тѣло между прочимъ татуируется фантастическими фигурами. Къ издѣліямъ промышленности, въ тѣсномъ смыслѣ, нужно отнести скамьи изъ дерева, обтянутыя кожей, подушки, красивыя мухоловки и многое другое.

Охота въ государствѣ Марутзе-Мамбунда составляетъ занятіе отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ (иногда до 2000 человѣкъ); она происходитъ на водѣ и на сушѣ и такимъ же способомъ, какъ въ Европѣ. Изъ звѣрей особенно привлекаютъ охотниковъ слоны, барсы, леопарды, сѣрые шакалы, гіены, жирафы, рѣчныя выдры, антилопы, лемуры, гну, буйволы, носороги и бегемоты. Охота за птицами составляетъ рѣдкость. Само собою разумѣется, что намъ кажется комичнымъ обычай, по которому все, что убивается вблизи короля, считается какъ бы убитымъ имъ самимъ. Рыболовство составляетъ важный промыселъ и дѣлится на двѣ отрасли: ловлю рыбъ и водныхъ пресмыкающихся. Рыбная пища въ большомъ употребленіи даже при дворѣ короля, который постоянно получаетъ свѣжій товаръ отъ колоніи рыбаковъ, причисленныхъ къ придворному штату. Ловля игуанъ и крокодиловъ производится повсемѣстно посредствомъ двойныхъ гигантскихъ крючковъ, весьма искусно сдѣланныхъ, и нерѣдко по заказу самого короля. Для приманки крокодиловъ преимущественно употребляютъ слегка испорченное собачье мясо. Главное занятіе туземцевъ Марутзе-Мамбунда земледѣліе, которое вслѣдствіе благопріятныхъ климатическихъ и мѣстныхъ условій приноситъ обильную жатву, такъ что здѣсь неизвѣстенъ голодъ, этотъ величайшій врагъ даже самыхъ благословенныхъ странъ. Въ обработкѣ полей принимаютъ участіе оба пола; мужчины исполняютъ тяжелую работу; женщины — болѣе легкую. Даже королевы не избавлены отъ полевой работы. Поля тщательно воздѣланы, орошены и содержатся въ порядкѣ, тѣмъ болѣе, что женщины усердно полютъ ихъ (Holub, Sieben Jahre in Süd-afrika, Bd. II, s. 336 — 390)

НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ.

Далѣе къ сѣверу бассейнъ озера Танганійка составляетъ область семьи языковъ, которая простирается къ сѣверу за Нильскія озера и въ страну Галла, на востокъ до берега, а къ западу до неизвѣстныхъ предѣловъ. Здѣсь считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на одну особенность этой области языковъ, которая такъ часто встрѣчается

въ географическихъ названіяхъ, что не лишена извѣстнаго значенія. Приставки: у, ва и м означаютъ у всѣхъ этихъ народовъ: страну, ея жителей и отдѣльное лицо. Такъ „удшидши“ означаютъ страну; жители вообще называются „вадшидши“; а каждое отдѣльное лицо — „мдшидши“. На востокѣ центральной Африки существуютъ большія имперіи и королевства, какъ напр. значительныя имперіи Уганда и Руанда съ населеніемъ около пяти милліоновъ душъ; государство Урунди съ тремя милліонами жителей; королевства Узагара, оба Узуи, Уніоро, Корагве, Узонгора и Укереве, которыя всѣ находятся подъ деспотической властью неограниченныхъ монарховъ. На западѣ центральной Африки отъ озера Танганійка до устья Конго населеніе раздѣлено на небольшіе незначительные округа, города и деревни; каждый округъ подчиненъ своему главному вождю. Всѣ туземцы одинаково воодушевлены духомъ торговли; затѣмъ ихъ наиболѣе выдающіяся черты составляютъ: междоусобія, идолопоклонство и нелѣпая гордость. Большинство ихъ предано людоѣдству, тѣмъ не менѣе Стэнли на ряду съ людоѣдами встрѣчалъ племена, которыя принимали у себя путешественниковъ самымъ гостепріимнымъ образомъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что тѣ народности, которыя подверглись вліянію арабовъ, господствующихъ на восточномъ берегу, вообще оказываются болѣе испорченными и коварными; между тѣмъ какъ племена, свободныя отъ этого вліянія, сохранили свое природное добродушіе или, по крайней мѣрѣ, податливость. Большая рѣка Конго въ своемъ сѣверномъ изгибѣ, переходящемъ за экваторъ, образуетъ преграду противъ наплыва арабскаго элемента, который въ восточной Африкѣ далеко распространился (до 11° ю. ш.), а равно и въ западной Африкѣ у нижняго Конго. Кромѣ того, путешествіе Стэнли доказало несомнѣннымъ образомъ, что всѣ народности центральной Африки сродни между собой по языку и имѣютъ связь съ южными каффрами. Слѣдовательно не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что они члены великой семьи банту. Разумѣется и здѣсь невозможно представить полный перечень всѣхъ извѣстныхъ племенъ или подробно описать ихъ. Мы разсмотримъ только важнѣйшія изъ нихъ.

Между самыми восточными представителями этой группы мы прежде всего назовемъ ва-нгвана, чернокожихъ туземцевъ Занзибара, которые по характеру и наклонностямъ схожи во многихъ отношеніяхъ съ чернокожими племенами материка. Стэнли находитъ ихъ способными къ любви и привязанности; они выказываютъ благодарность и другія благородныя черты характера: отличаются честностью, прилежаніемъ и любознательностью; при этомъ предпріимчивы, справедливы, благонравны; однимъ словомъ, стоятъ наравнѣ съ людьми всякой другой расы или цвѣта кожи. „Хотя они крайне суевѣрны, легко падаютъ духомъ и неразумно поддаются впечатлѣнію неопре-

дѣленнаго страха, но, тѣмъ не менѣе, на нихъ можно всегда подѣйствовать разумнымъ осторожнымъ обхожденіемъ и путемъ убѣжденія, такъ что они сами будутъ смѣяться надъ своимъ легковѣріемъ. Равнымъ образомъ искусный вождь можетъ настолько возбудить ихъ энергію и мужество, что они стоически выносятъ страданія и дерутся на войнѣ какъ герои. Большею частью проявленіе лучшихъ или худшихъ сторонъ ихъ характера вполнѣ зависитъ отъ предводителя шайки" (Henry M. Stanley, Durch den dunkeln Welttheil. Leipzig, 1878. Bd. I, s. 53 — 54). Ваніамуези и вазукума, т. е. туземцы Уніамуези и Узукума, отличаются болѣе суровымъ характеромъ, нежели ва-нгвана; это сильные и выносливые люди, вдобавокъ благонравные и воспріимчивые при хорошемъ обращеніи. Ихъ находчивость и искусство на войнѣ, упорство въ преслѣдованіи цѣли и устойчивость въ защитѣ правъ избраннаго ими вождя послужили богатымъ матеріяломъ для пѣсенъ бардовъ центральной Африки.

Между окрестными обитателями озера Укереве самые значительные: вакереве, варума и ваганда. Изъ нихъ вакереве представляютъ собой предпріимчивый, торговый, въ высшей степени привѣтливый и мирный народъ; они населяютъ многочисленные острова озера Укереве. Ихъ челноки плаваютъ вдоль Угейейя, Узонгора и Уцинца; благодаря своей предпріимчивости и торговымъ сношеніямъ, они настолько сдѣлались извѣстны между племенами, живущими внутри страны, что даже озеро названо было ихъ именемъ. Они отличаются мужественной красотой, пропорціональными членами тѣла и большею частью ходятъ совсѣмъ нагіе. Варума равнымъ образомъ прекрасные, мужественные люди, и при этомъ крайне самоувѣренные. Ваганда подвластны „кабака" (повелитель), государство котораго простирается отъ 2600 к. м. длины и 370 к. м. шир.; кромѣ Уганда, онъ владѣетъ еще Узога, Унійоро, Узуи и Карагве, и имѣетъ до пяти милліоновъ подданныхъ. При немъ находится вполнѣ организованный придворный штатъ съ первымъ министромъ „катекире"; онъ располагаетъ войскомъ, болѣе чѣмъ 150,000 воиновъ, которые, по мѣстному обычаю, раскрашиваютъ себя охрой и трубочной глиной.

Стэнли видѣлъ бо́льшую часть войска, которое проходило мимо него. Начальники шли одни за другими; затѣмъ слѣдовали различные отдѣлы войскъ; каждаго изъ нихъ легко было различить привычному слуху туземца по своеобразному барабанному бою. Впрочемъ армія не имѣетъ никакой организаціи и вооружена копьями и щитами; едва ли пятьдесятъ человѣкъ имѣютъ ружья старой системы, и они обыкновенно находятся неотлучно при особѣ повелителя. Ваганда едва ли не единственный народъ въ Африкѣ имѣющій знамя; флагъ у нихъ двухцвѣтный, красный съ бѣлымъ, и оканчивается тремя обезьяньими хвостами. Въ Уганда существуетъ своеобразная форма правленія, вѣроятно единственная во всей Африкѣ; здѣсь введено раздѣленіе труда и государственная служба, возлагаемая на различныхъ вождей, облеченныхъ званіемъ министровъ и членовъ кабинета. Во главѣ ихъ „когота", который вмѣ-

стѣ съ „конгови“, считается генералиссимусомъ арміи и предсѣдательствуетъ въ собраніяхъ; между прочимъ онъ самъ нерѣдко предпринимаетъ разбойничьи набѣги и грабитъ своихъ собственныхъ единоплеменниковъ. „Кабака“ считается самовластнымъ повелителемъ; но далеко не пользуется такимъ могуществомъ и неограниченною властью, какъ показываютъ извѣстія прежнихъ путешественниковъ. Вожди присвоили себѣ большую часть власти и могущества. Когда умираетъ король Уганда, то выборъ новаго короля падаетъ на одного изъ его дѣтей, рожденныхъ въ то время, когда онъ уже былъ облеченъ въ королевскій санъ. Трое вождей руководятъ выборами; если они не могутъ согласиться между собою въ данномъ вопросѣ, то дѣло доходитъ до открытаго боя. Король владѣетъ весьма небольшимъ количествомъ земли, такъ что нельзя не удивляться тому необыкновенному почету, какой ему оказываютъ вожди. Онъ ежедневно присутствуетъ при собраніяхъ совѣта; при этомъ ему дѣлаютъ доклады не иначе, какъ съ колѣнопреклоненіемъ. Король разбираетъ дѣло только въ важныхъ случаяхъ; его приговоръ всегда ведетъ къ смертной казни. Болѣе значительные проступки наказываютъ обрѣзываніемъ ушей. Нынѣшній „кабака“, по имени Мтеза, сначала обратился въ исламъ, затѣмъ перешелъ въ христіанство, отмѣнилъ человѣческія жертвы и другія проявленія грубаго язычества, такъ что благодаря ему Уганда достигла извѣстной степени цивилизаціи; но въ послѣднее время онъ снова вернулся къ язычеству. 23 декабря 1879 года, во время одного торжественнаго засѣданія, онъ принялъ рѣшеніе запретить преподаваніе всѣмъ миссіонерамъ и казнить смертью тѣхъ туземцевъ, которые будутъ учиться у нихъ. Изданъ былъ декретъ, въ силу котораго ваганда должны были оставаться въ вѣрѣ и обычаяхъ своихъ предковъ, что разумѣется встрѣтило полное одобреніе со стороны собравшихся вождей. Въ характерѣ народа много дѣтскаго: онъ кротокъ, суевѣренъ, робокъ, и его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать воинственнымъ. Ваганда проводитъ жизнь въ праздности или работаетъ очень мало; его трубка и „merisse“ или „pombe“ (пиво) составляютъ для него величайшее блаженство, какъ для многихъ племенъ озерной области, изъ которыхъ туземцы Узонгора втягиваютъ въ себя пиво при посредствѣ длинныхъ соломенокъ. Выдѣлка сыромятныхъ кожъ составляетъ главную отрасль промышленности ваганда и можетъ съ успѣхомъ выдержать сравненіе съ европейскими произведеніями этого рода. Обработка земли возложена на женщинъ; впрочемъ, въ этой мѣстности она производится въ незначительныхъ размѣрахъ, насколько это необходимо для жизни. Мужчины охотятся за слонами, чтобы добыть слоновую кость (C. Chaillé, Long. Central Africa. Naked Truths of naked People. London 1876, s. 127).

Прибрежные и сосѣдніе обитатели Укереве находятся сравнительно еще на болѣе низкой степени образованности. Въ самыхъ восточныхъ частяхъ этой области люди ходятъ совсѣмъ нагіе, что Стэнли наблюдалъ также внутри материка, въ болѣе южной землѣ Урими. Они носятъ украшенія изъ раковинъ; вооружены копьями, лукомъ и метательными снарядами. Въ сосѣдней землѣ Уніоро постройка хижинъ совсѣмъ иная; вмѣсто банановъ главную пищу туземцевъ составляетъ сладкій картофель съ солью. Крайне своеобразныя этнографическія условія господствуютъ въ области гигантской горы Гамбарагара въ центральной Африкѣ. Судя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, на этой горѣ, лежащей почти на самомъ экваторѣ, живетъ народъ съ европейскимъ цвѣтомъ кожи. Повиди-

мому, это прекрасная порода людей съ весьма красивыми женщинами; у нихъ курчавые волоса почти каштановаго цвѣта, правильныя черты лица, тонкія губы, носъ хорошей формы, съ утолщеніемъ на концѣ. Стэнли въ разное время видѣлъ пять или шесть индивидовъ этого загадочнаго народа, и еслибы не негритянскіе волосы, то принялъ бы ихъ за южныхъ европейцевъ или свѣтлокожихъ азіятовъ, какъ, напр., сирійцевъ или армянъ (Stanley, Durch den dunkeln Erdtheil, Bd. I, S. 465). Далѣе къ югу въ Узонгора, мысѣ Мута-Нзиге, живетъ храбрый, воинственный народъ, который имѣетъ большія стада. Близъ оконечности мыса расположены острова озернаго государства Утумби. На западномъ берегу Мута-Нзиге находится государство людоѣдовъ Укондшу, къ южному концу котораго примыкаетъ обширная земля Руанда, въ которую пока не осмѣлился вступить ни одинъ чужеземецъ. Если мы перейдемъ далѣе къ югу, а именно къ озеру Танганійка, то мы встрѣтимъ ватута, особенно опасную породу людей, „которые одни могутъ быть названы настоящими африканскими бедуинами, и настолько же враждебно относятся ко всѣмъ другимъ народамъ, какъ и тѣ къ нимъ“. Ихъ сосѣди должны огораживать свои деревни неприступными заборами, стеречь женщинъ и дѣтей, и добывать топливо не иначе, какъ цѣлымъ обществомъ. Равнымъ образомъ путешественникъ долженъ примѣнить всю свою ловкость, хладнокровіе и умъ, чтобы пройти невредимо около притоновъ этихъ разбойниковъ (A. a. O., Bd. I, s. 541). На западной сторонѣ озера Танганійка живутъ вагуха, крайне церемонный народъ, у котораго процвѣтаетъ искусство придавать волосамъ самыя удивительныя формы.

Жители Луалаба по своей наружности подходятъ къ туземцамъ Лунда, Ніамніамъ, Пагуинъ и т. д., и представляютъ пріятный контрастъ съ типичными неграми западныхъ береговыхъ странъ. „Манъюема, говоритъ Ливингстонъ, значительно отличается по своей наружности отъ безобразныхъ негровъ западнаго берега. Красивая форма головы составляетъ обычное явленіе; вообще мужчины и женщины далеко превосходятъ рабовъ въ Занзибарѣ и въ другихъ мѣстахъ. Френологія оказывается непримѣнимой, еслибы мы захотѣли объяснить, при ея посредствѣ, низкую степень ихъ нравственности... Женщины имѣютъ свѣтло-коричневый колоритъ кожи, прямые носы, прекрасно очерченныя головы, небольшія конечности рукъ и ногъ и безукоризненныя формы тѣла... Онѣ настолько превосходятъ красотой невольницъ Занзибара, что работорговцы употребляютъ всѣ средства, чтобы пріобрѣсти красивыхъ свѣтлокожихъ женщинъ манъюема... Онѣ были бы еще привлекательнѣе, еслибы не уродовали себя острыми подпиленными зубами и искусственнымъ утолщеніемъ ноздрей продѣваніемъ травы въ носовую перегородку. Но къ счастью онѣ не могутъ измѣнить своихъ очаровательныхъ черныхъ глазъ, прекраснаго

лба, изящныхъ закругленныхъ членовъ, хорошо сложенныхъ формъ тѣла, маленькихъ рукъ и ногъ... Королеву Кацембесъ безусловно признали бы настоящей красавицей въ Лондонѣ, Парижѣ и Нью-Іоркѣ, хотя у ней также сдѣлано небольшое отверстіе въ носовой перегородкѣ, почти на концѣ ея прекраснаго, слегка выпуклаго носа... На одномъ сборищѣ у вождя Инзама, жившаго къ западу отъ южнаго конца оз. Танганійка, я встрѣтилъ столько же прекрасно сформированныхъ интеллигентныхъ головъ, какъ въ лондонскихъ и парижскихъ собраніяхъ и этимъ красивымъ головамъ соотвѣтствовали такія же привлекательныя лица и фигуры... Бакуссы или бакуны, на западѣ Лаулаба у Ломаме вообще представляютъ собою рослыхъ, красивыхъ, сильныхъ субъектовъ, которые далеко выше занзибарскихъ рабовъ и не имѣютъ ничего общаго съ неграми на западномъ берегу; у нихъ нѣтъ выступающихъ впередъ челюстей, чудовищнаго рта и широкой пятки".

Что касается образа жизни, учрежденій и пр. жителей Лаулабы, то наши свѣдѣнія весьма скудны. Извѣстно только, что они прилежны, честны и усердно занимаются воздѣлываніемъ полей. Торгъ происходитъ въ опредѣленное время; женщины являются на рынокъ цѣлыми толпами въ своихъ лучшихъ юбкахъ, прикрывающихъ тѣло отъ тальи до колѣнъ. У нихъ не существуетъ общаго государственнаго устройства; во всей землѣ Манъюема нѣтъ ни одного значительнаго вождя, между тѣмъ какъ въ смежныхъ земляхъ, лежащихъ къ югу, господствуютъ два крупныхъ властелина — Муатаянво и Кацембо; каждый вождь независимъ отъ другаго; равнымъ образомъ нѣтъ никакой политической связи между различными подраздѣленіями народа— манъюема, балегга, бабире, базире, бакуссъ. Они называютъ добраго духа „Ngulu" или великимъ, а злаго духа, живущаго въ безднѣ—„Mulambu". Горячій источникъ у Бамбарре, согласно ихъ вѣрованіямъ, принадлежитъ этому злому духу, который способствуетъ смерти утопленниковъ и причиняетъ всякія другія несчастія.

„Манъюема, пишетъ Ливингстонъ, несомнѣнно людоѣды, но они ѣдятъ только враговъ, убитыхъ на войнѣ. Повидимому, они устраиваютъ подобныя оргіи не иначе, какъ подъ вліяніемъ мести и неохотно допускаютъ на нихъ иностранцевъ. Я напрасно предлагалъ большое вознагражденіе тому, кто доставилъ бы мнѣ случай видѣть праздникъ людоѣдовъ. Нѣкоторые изъ болѣе интеллигентныхъ туземцевъ говорили мнѣ, что человѣческое мясо не вкусно, и будто бы послѣ такого угощенія снятся покойники. Женщины никогда не участвуютъ въ этомъ". Далѣе къ сѣверу начинаются владѣнія людоѣдовъ по профессіи. Туземцы Аму-Ніамъ напали на экспедицію Стэнли съ боевымъ крикомъ: „Сегодня мы будемъ ѣсть мясо!" Ничуть не лучше ихъ оказались дикіе мвана-нтаба и бакуму, живущіе на лѣвомъ берегу Луалабы, а равно и ване-мпунгу. Варегга, обитатели земли

Урегга ведутъ замкнутую жизнь вдали отъ міра. Ихъ деревни представляютъ длинный рядъ домовъ, соединенныхъ между собой; многое указываетъ на то, что ихъ семейная жизнь была болѣе общительная, нежели гдѣ либо въ восточной Африкѣ. Они также гораздо искуснѣе въ разнаго рода издѣліяхъ, нежели многія другія племена. Впрочемъ, Ливингстонъ утверждаетъ, что здѣшніе туземцы по наружному виду и образованію черепа ничуть не стоятъ ниже тѣхъ ученыхъ мужей, которые читали о нихъ лекціи въ Лондонѣ. Тѣмъ не менѣе нужно извѣстнаго рода пристрастіе, чтобы упустить изъ виду нѣкоторыя особенности „неиспорченныхъ" туземцевъ, какъ, напр., людоѣдство на западѣ оз. Танганійка. Равнымъ образомъ для насъ не можетъ служить оправданіемъ то обстоятельство, будто бы они пристрастились къ человѣческому мясу благодаря „зоко", большой обезьяны изъ вида гориллъ или шимпанзе, мясо которой чрезвычайно вкусно. Кромѣ того, убійство и смертельные побои составляютъ у нихъ обыденное явленіе; Ливингстонъ, хотя съ видимой неохотой, но, тѣмъ не менѣе, долженъ признать, что религіозныя идеи у нихъ въ крайнемъ упадкѣ. Во всякомъ случаѣ работорговцы не способствуютъ улучшенію ихъ нравственности.

Ливингстонъ познакомился съ торговлей невольниками во всѣхъ стадіяхъ ея развитія, начиная съ продажи преступниковъ въ видѣ наказанія и кончая невольниками, которые были освобождены отъ ярма рабства, вслѣдствіе слабости и болѣзни, и затѣмъ снова пущены въ продажу, не говоря о тѣхъ случаяхъ, гдѣ сами соплеменники и отдѣльные члены семьи продавали другъ друга. Безчисленное количество невольниковъ погибаетъ по дорогѣ къ морскому берегу. Вотъ что пишетъ Ливингстонъ 19 іюня 1866 года: „Мы видѣли, проходя мимо, мертвую женщину, привязанную за шею къ дереву. Туземцы этой мѣстности объяснили, что она не могла идти такимъ скорымъ шагомъ, какъ остальные невольники, а господинъ не хотѣлъ, чтобы она сдѣлалась собственностью кого либо другого. Замѣчу кстати, что мы видѣли еще нѣсколько субъектовъ, привязанныхъ тѣмъ же способомъ; одна несчастная лежала застрѣленная или зарѣзанная въ лужѣ крови. Здѣсь намъ также объяснили, что арабъ, взбѣшенный тѣмъ, что невольница не въ состояніи продолжать путь и что онъ потеряетъ потраченныя деньги, убилъ ее, чтобы удовлетворить свой гнѣвъ" (Horace Waller, Letzte Reise von David Livingstone in Zentralafrika. Hamburg, 1875. Bd. I, s. 78). Что же касается способа, какимъ обыкновенно происходятъ подобныя охоты, то Ливингстонъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ одной изъ нихъ въ Ніангве, близъ Лаулабы. Въ жаркій іюльскій день 1871 года на мѣстномъ рынкѣ собралось до 1,500 человѣкъ. Ливингстонъ, проходя мимо, любовался зрѣлищемъ оживленной торговой дѣятельности. Въ это время онъ замѣтилъ небольшую группу арабскихъ купцовъ, которые явились на рынокъ вооруженные ружьями, хотя не придалъ особеннаго значенія этому обстоятельству. Но тутъ внезапно раздались два-три выстрѣла въ томъ пунктѣ, гдѣ давка была всего сильнѣе; толпа тотчасъ же разступилась. Между тѣмъ арабы, оставшіеся внизу у рѣки, услыхавъ выстрѣлы, въ свою очередь начали угощать ружейными выстрѣлами народную толпу, остолбенѣвшую отъ страха. Многіе бросились въ воду, въ надеждѣ достигнуть вплавь котораго либо изъ своихъ острововъ, другіе столпились около лодокъ, забывъ въ поспѣшности весла. Одна голова за другой исчезала въ водѣ; кто могъ сказать, сколько лю-

дей погибло безвозвратно изъ за этой безполезной жестокости. Сами арабы насчитывали до 330—400 чел. убитыхъ. Такимъ образомъ все населеніе было приведено въ трепетъ (что было главною цѣлью рѣзни), послѣ чего арабы разошлись по окрестнымъ деревнямъ, изъ которыхъ сожгли до 70 въ нѣсколько дней и забрали при этомъ множество людей въ плѣнъ.

Что касается народностей у средней Лаулабы или, вѣрнѣе сказать, у Конго, то отчетъ о путешествіи Стэнли составляетъ пока единственный источникъ. Деревни на правомъ берегу въ Узимби похожи на такія-же селенія племени веніа у водопадовъ Стенли; со стороны внутреннихъ земель они защищены двойными рвами; кромѣ того, каждый домъ окруженъ особымъ дворомъ. Посрединѣ деревни, на небольшомъ возвышеніи, стоитъ небольшой языческій храмъ, коническая крыша котораго подперта слоновыми клыками. Большіе барабаны, вырѣзанные изъ цѣльнаго куска дерева, въ 2 м. длины, 1 м. высоты и 60 сант. шир. разставлены на широкихъ плотныхъ подножкахъ на всѣхъ площадяхъ; стукъ этихъ барабановъ совмѣстно съ звуками боевыхъ роговъ служитъ сигналомъ тревоги для людей, способныхъ носить оружіе. Туземцы безобразно раскрашиваютъ свое тѣло для войны; вооруженіе ихъ состоитъ изъ тяжелаго копья съ широкимъ острымъ клинкомъ и большаго, чрезвычайно красиваго щита, сдѣланнаго изъ ствола пальмы, при этомъ легкаго и непроницаемаго для ударовъ копья и ножа. Всѣ здѣшніе людоѣды искусные мореходы, и имѣютъ прекрасные лодки значительной длины. У Арувими, большаго притока р. Конго, весла снабжены на верхнемъ концѣ шарами изъ слоновой кости; волосы у всѣхъ украшены уборами изъ перьевъ; у каждаго на рукѣ бѣлѣютъ обручи изъ слоновой кости. Эта мѣстность чрезвычайно богата слоновой костью, и всѣ вещи, сдѣланныя изъ этого матеріала, служатъ доказательствомъ, что здѣшній народъ не лишенъ умственныхъ дарованій и болѣе способенъ къ искусству, нежели остальныя племена у Конго. Туземцы въ землѣ Уранги миролюбиваго характера, но несносныя попрошайки. Въ татуировкѣ тѣла они достигли большаго искусства, но вообще, насколько красива ихъ татуировка — это другой вопросъ. Они не только умѣютъ вырѣзывать и накалывать разныя фигуры на кожѣ, но и производить опухоли въ видѣ большихъ пузырей, такъ что у многихъ субъектовъ вслѣдствіе этого совершенно неестественныя черты лица и шеи. Равнымъ образомъ жители Чумбири привѣтливые, но далеко не безкорыстные дикари. Женщины носятъ крайне своеобразное украшеніе на шеѣ, въ видѣ обруча изъ латуни въ 5 — 7,5 сант. толщины, который доходитъ почти до конца плечъ. Можно себѣ представить, насколько удобно носить постоянно вокругъ шеи плотную массу мѣди въ 15 кг. вѣсомъ! Но это еще не все; каждая женщина кромѣ того носитъ въ видѣ украшенія рукъ и ногъ около 3 кг. латунной проволоки. Въ Африкѣ также существуетъ рабство моды. Въ центральной области Конго встрѣчается еще та осо-

бенность, что вездѣ, на разстояніи 5—8 км., существуютъ рынки, которые считаются нейтральной почвой и служатъ мѣстомъ сборищъ для туземцевъ обоихъ береговъ. Утромъ, въ торговые дни, на этихъ заросшихъ травой площадяхъ, толпятся люди, которые спѣшатъ сюда изъ глубины лѣса и изъ своихъ уединенныхъ островов для обмѣна товаровъ. Къ обѣду опять водворяется глубокая тишина, какъ въ безлюдномъ дѣвственномъ лѣсу. Города вдоль рѣки состоятъ изъ ряда деревень, отдѣленныхъ другъ отъ друга на 50—90 м., которыя образуютъ собой длинную улицу отъ 1,50 до 3,25 км. Къ числу миролюбивыхъ дикарей должны быть также отнесены жители Икенго, болѣе способное и радушное племя, нежели всѣ предъидущія. Противоположность имъ составляютъ марундша и батекѐ, живущіе па правомъ берегу, по близости озера Стэнли, которыхъ вообще обвиняютъ въ людоѣдствѣ. Лицо ихъ испещрено круглыми пятнами, выведенными смѣсью сажи и растительнаго масла. Съ плечъ виситъ длинная клѣтчатая ткань; кромѣ того, на одно плечо накинутъ ремень, къ которому прикрѣплено множество небольшихъ тыквъ самаго разнообразнаго вида, наполненныхъ табакомъ и различными волшебными средствами. Эти дикари также искусные мореплаватели. Ряды прямо стоящихъ фигуръ съ ихъ длинными веслами, ихъ равномѣрное нагибаніе впередъ, постепенно усиливающійся хоръ голосовъ, подъ строго соблюдаемый тактъ безпрерывнаго боя большаго барабана — все это вмѣстѣ составляетъ поразительное зрѣлище. Стэнли встрѣтилъ также одно племя дикарей, почти заслуживающихъ названіе карликовъ. Представитель племени ватва, живущаго въ одной изъ внутреннихъ, никѣмъ еще не посѣщаемыхъ странъ (Stanley, durch den dunkeln Erdtheil, Bd. II, s. 240), „пойманный Стэнли близь Конго, былъ ростомъ не болѣе 1,382 м. высоты; охватъ вокругъ груди доходилъ до 76 сант., а въ поясѣ—61 сант. У него большая голова, лицо окаймлено бородой, похожей на пучокъ бахромы; кожа — свѣтло-шоколаднаго цвѣта. Ноги его были необыкновенно кривы и съ тонкими ляшками; сначала Стэнли принялъ его за урода, изгнаннаго какимъ нибудь племенемъ, который одинъ пробрался черезъ лѣсъ; но дальнѣйшія изслѣдованія скоро убѣдили его, что передъ нимъ нормальный и даже „красивый“ представитель извѣстнаго племени. Его оружіе состояло изъ короткаго лука и маленькихъ стрѣлъ съ наконечниками, намазанными ядомъ. Это описаніе близко подходитъ къ тому, какое представлено было д-ромъ Швейнфуртомъ объ акка, которыхъ онъ видѣлъ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ субъектовъ; средній ростъ ихъ доходилъ до 1,47 м. Обонго, описанные Дю-Шаллью, отличаются отъ вышеупомянутаго племени ватва тѣмъ, что ихъ тѣло покрыто густыми волосами. Ватва названы лейтенантомъ Виссманомъ батуа; онъ встрѣтилъ ихъ на пространствѣ отъ Куби до оз. Танганійка въ видѣ остатковъ первобытныхъ жителей. Эти маленькіе, дурно сложенные, худо-

щавые, грязные и дикіе на видъ люди; они живутъ въ жалкихъ соломенныхъ хижинахъ, отдѣльными дворами или небольшими деревнями, и находятся въ презрѣніи у сосѣднихъ племенъ балуба. Они вовсе не занимаются земледѣліемъ, не держатъ ни козъ, ни свиней, а только нѣсколькихъ куръ, и питаются добычей съ охоты и дикими плодами. У нихъ особый языкъ; ихъ оружіе и орудія крайне первобытныя, только кое-гдѣ встрѣчаются желѣзные наконечники стрѣлъ; тѣмъ не менѣе, они разводятъ для охоты лучшую породу борзыхъ собакъ (Globus, Bd. XLIII, s. 87).

На югъ отъ этого малорослаго племени, въ внутреннихъ странахъ Африки отъ Кассаи и далеко на востокъ отъ рѣки Санкура, распространены родичи банту, а именно народъ балуба, который, въ свою очередь, распадается на различныя племена. Сюда принадлежатъ роскошно и дико разрисованные башиланге (един. мушиланге) близъ Луби; затѣмъ воинственные бассонге (един. муссонге), которые живутъ въ опрятныхъ прекрасныхъ деревняхъ, гдѣ ряды просторныхъ нарядныхъ домовъ съ садиками, обнесенными заборомъ, тянутся въ видѣ прямыхъ правильныхъ улицъ, подъ тѣнью элаисовъ и банановъ. Бассонге представляютъ собой красивую и сильную породу людей, нетронутыхъ никакимъ внѣшнимъ вліяніемъ, значительныхъ по числу, богатыхъ благодаря роскошной природѣ, удовлетворяющей съ избыткомъ всѣмъ потребностямъ. При этомъ они достигли довольно высокой степени искусства въ обработкѣ желѣза, мѣди, глины и дерева, въ изготовленіи тканей для одежды и плетеніи корзинъ. Они находятся подъ властью, хотя только номинальной, короля Качичъ. Этотъ король господствуетъ надъ государствомъ Котто, которое образовалось изъ бассонге и нѣкоторыхъ другихъ подчиненныхъ племенъ. Его резиденція расположена на лѣвомъ берегу Лубилаша подъ 5° 7′ 18″. Могущество дряхлаго, слѣпаго, таинственнаго короля основано только на его славѣ „feticeiro“ (заклинателя идоловъ). Далѣе на востокъ къ бассонге должны быть причислены бенеки (един. мунеки), деревни которыхъ доходятъ до 17 км. длины, и калебуе, распространенные до Ламаме. Почти всѣ эти народы, даже башиланге, большею частью преданы людоѣдству (A. a. O). Внѣ всякаго родства съ ними стоятъ нарѣчія ихъ сосѣдей, которые говорятъ на языкѣ лунда, и, подъ именемъ калунда, составляютъ главный элементъ населенія въ государствѣ „Муата Ямво“ (Матіамво). Что же касается различныхъ западно-африканскихъ языковъ, то мы должны замѣтить, что нарѣчія: гинга, или н'гола, голло, бондо и бангала, сонго и минунго образуютъ одну группу. Эту группу можно было бы обозначить именемъ языка м'бунда, хотя ни одинъ изъ перечисленныхъ здѣсь народовъ не называетъ такъ своего языка, ни даже амбаквистасъ, т. е. цивилизованные португальскіе африканцы. Вторую группу образуютъ: киссама, биге и баилунда или кимбунду; между

этими обоими можно поставить таула, гакко и племена лѣваго берега Куанза. Господствующій языкъ этой второй группы лунда недоступенъ для наилучшаго знатока языка м'бунда безъ тщательнаго изученія, потому что между обоими языками такое же различіе, какъ между нѣмецкимъ и французскимъ. Переходъ отъ одного языка къ другому или, вѣрнѣе сказать, смѣсь обоихъ представляютъ нарѣчія: кіоко, ловале, макока и многіе другіе. Въ Муссумба, столицѣ Муата Ямво, и въ окрестностяхъ, калунда называются молуа. Они высокаго роста или, по крайней мѣрѣ, значительно выше чернокожихъ близъ морскаго берега. Цвѣтъ кожи молуа, повидимому, нѣсколько свѣтлѣе, нежели у береговыхъ жителей; губы вообще менѣе вздуты; но это не составляетъ общаго правила. Это народное племя отличается добродушіемъ, общительностью и миролюбивымъ характеромъ. У калунда кроткіе законы, и иностранецъ можетъ совершить пріятное и безопасное путешествіе по ихъ землѣ. Но тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ непосредственной близости съ главными караванными путями и много сносились съ торговцами, сдѣлались попрошайками, лгунами и обманщиками, и крадутъ все, что имъ попадется подъ руку. Они недовѣрчивы, вѣроятно вслѣдствіе того, что много разъ были обмануты торговцами, и вообще испорчены. Между тѣмъ, на другомъ берегу Каланги, гдѣ они еще не вступили въ сношеніе съ торговцами, они скромны, привѣтливы, ничего не выпрашиваютъ и не крадутъ. Къ дурнымъ свойствамъ калунда нужно отнести его лѣнь, трусость, равно и чрезмѣрное тщеславіе. Калунда плохой охотникъ и рыболовъ, и не занимается искусственнымъ пчеловодствомъ, какъ сосѣдніе кіоко. Главнымъ образомъ молуа умѣетъ добывать каучукъ. Торговля составляетъ его главное занятіе, хотя всѣ мѣстные продукты, какъ мелкіе, такъ и крупные большею частью добываются рабами. Онъ преимущественно ведетъ торговлю, чтобы добыть предметы, которые служатъ для украшенія его тѣла.

Знатные молуа никогда не носятъ звѣриныхъ шкуръ и туземныхъ тканей, а только „fazenda“ т. е. привозную бумажную матерію. Мужчины привязываютъ ее вокругъ тальи и сметываютъ узкія миткалевыя полосы такимъ способомъ, чтобы одежда отъ тальи доходила ниже колѣнъ, и большею частью ниже икръ. Женщины, наоборотъ, покрываютъ тѣло бумажной матеріей отъ тальи книзу только на 30 сант. выше колѣнъ, или немного скромнѣе. Богатыя женщины, иногда обвиваютъ въ нѣсколько разъ свою талью такой длинной миткалевой полосой, что еще остается длинный кусокъ, который тянется по землѣ хвостообразно въ видѣ шлейфа, въ 1 м. и длиннѣе; между прочимъ этотъ шлейфъ нерѣдко несетъ сзади невольница. Знатныя дамы часто завѣшиваютъ себѣ грудь лоскуткомъ „fazenda“ или небольшимъ леопардовымъ мѣхомъ, что скорѣе дѣлается въ видѣ украшенія, нежели съ практической цѣлью. Болѣе бѣдныя женщины обыкновенно одѣваются въ туземныя плетеныя матеріи, звѣриныя шкуры или прикрываютъ себя вѣтками кустарниковъ. У женщинъ въ модѣ подпиливаніе верхнихъ рѣзцовъ (чтобы придать имъ круглую форму) и выламываніе нижнихъ, а равно и татуировка на груди, рукахъ и животѣ; пра-

вильная завивка волосъ въ употребленіи только у знатныхъ мужчинъ. Женщины и рабы коротко стригутъ свои волосы; первыя кромѣ того выбриваютъ ихъ такимъ способомъ на передней части головы, что надъ лбомъ образуется обнаженное мѣсто, въ видѣ широкаго кружева.

Во всей землѣ Калунда вообще изготовляютъ мало тканей изъ хлопка и другихъ растительныхъ волоконъ. Большая часть тканей этого рода вывозится съ сѣвера, или выдѣлывается рабами, захваченными на сѣверѣ. Здѣшніе туземцы изготовляютъ въ большомъ количествѣ небольшія плетеныя корзины изъ соломы съ крышками, которыя часто употребляются дамами для храненія бусъ и т. п. Самородное желѣзо привозится въ большомъ количествѣ изъ Кіоко, но также добывается въ самой странѣ; мѣдь получается въ томъ же видѣ съ востока и юга страны, а равно и соль. Кромѣ желѣза, мѣди и латунной проволоки, получаемой съ морскаго берега, въ внутреннихъ странахъ этой части материка неизвѣстны никакіе другіе металлы. Болѣе бѣдные люди, которые не въ состояніи купить себѣ соли, жгутъ длинные сухіе стебли травы и употребляютъ пепелъ вмѣсто соли.

Кузнечное ремесло преимущественно находится въ рукахъ заѣзжихъ искусныхъ кузнецовъ изъ Кіоко. Что касается оружія, то здѣсь между прочимъ употребляются мушкеты, привозимые съ морскаго берега, но ими, главнымъ образомъ владѣютъ знатные люди. Ружья заряжаютъ камнями и кусочками желѣза. Многіе изъ охотниковъ за слонами употребляютъ желѣзныя пули, которыя изготовляются въ Муссумба. На войнѣ и охотѣ въ употребленіи: длинныя желѣзныя копья, съ узкимъ продолговатымъ, ланцетообразнымъ остріемъ, а также легкія деревянныя метательныя копья, съ узкимъ желѣзнымъ остріемъ, на нижнемъ концѣ котораго придѣланы крючки. Рукоятка на мѣстѣ прикрѣпленія острія такъ тонка, что она большею частью обламывается, какъ только клинокъ воткнутъ въ какой либо предметъ, гдѣ онъ задерживается крючками. Кромѣ того, воины и охотники пользуются лукомъ и стрѣлами. Желѣзные наконечники стрѣлъ имѣютъ различную форму; они бываютъ ланцетообразные, или въ видѣ простаго длиннаго острія съ крючкомъ. Равнымъ образомъ въ употребленіи наконечники стрѣлъ изъ твердаго дерева; они почти всегда четырехъугольные, съ нарѣзными зазубринами, которыя имѣютъ то-же назначеніе, что крючокъ у желѣзной стрѣлы. Обыкновенно охотникъ держитъ свои стрѣлы въ рукѣ. Для охоты преимущественно употребляются желѣзныя стрѣлы съ крючками. Молуа также намазываютъ свои стрѣлы ядомъ. Когда д-ръ Погге началъ расправшивать туземцевъ относительно этого обычая, то они сообщили ему, что ихъ ядъ не такъ опасенъ и дѣйствителенъ какъ тотъ, который употребляется на сѣверѣ у ихъ сосѣдей, а именно у людоѣдовъ „кауанда“. На войнѣ молуа употребляетъ обоюдуострый ножъ, или, вѣрнѣе сказать, мечъ, около 60 сант. длины и 5 — 7 сант. ширины. Этотъ мечъ носятъ также для парада; тогда онъ спрятанъ въ кожанныхъ или деревянныхъ ножнахъ, и виситъ на веревкѣ, переброшенной чрезъ плечо. Для повседневнаго употребленія служитъ небольшой острый ножъ, съ однимъ лезвіемъ, въ нѣсколько сант. длины и 2—2,5 сант. ширины, съ деревянной рукояткой. Чернокожіе низшаго класса всегда носятъ эти ножи такимъ способомъ, что рукоятка ножа воткнута между тѣломъ и поясомъ, между тѣмъ какъ клинокъ торчитъ кверху подъ одеждой. Бритвой служитъ тонкая стальная пластинка, заостренная съ одной стороны. Молуа не употребляютъ для запашки никакихъ другихъ земледѣльческихъ орудій, кромѣ небольшаго общеизвѣстнаго негритянскаго заступа. Рубка деревьевъ производится мужчинами обыкновеннымъ негритянскимъ топоромъ, который состоитъ изъ желѣзнаго клина, воткнутаго вмѣсто топорища въ сукъ древесной вѣтки въ 30—45 сант. длины. Банту рубятъ съ помощью этого инструмента высокія толстыя деревья, между тѣмъ какъ лѣсные гиганты болѣе или менѣе обезпечены отъ прикосновенія топора.

Рѣзьба на деревѣ встрѣчается здѣсь въ большомъ количествѣ, а равно и рѣзныя небольшія вещицы изъ слоновой кости, самой первобытной работы. Молуа изготовляютъ изъ дерева блюда различной формы, ружейныя ложа, скамеечки для изголовья, ложки съ длинными ручками для размѣшиванія гущи при варкѣ просоваго пива, и, наконецъ, всевозможныя украшенія и принадлежности идолопоклонства; послѣднія имѣютъ видъ человѣческихъ фигуръ и головъ. Деревянныя скамеечки употребляются знатными туземцами въ видѣ подушки во время сна и ставятся подъ затылокъ, чтобы не смять художественной прически волосъ. Бѣдные люди, вмѣсто этихъ рѣзныхъ подставокъ употребляютъ круглый деревянный обрубокъ, на который упирается ихъ шея и голова, или спятъ безъ всякаго изголовья. Стулья, скамьи и другая мебель для сидѣнія, а равно и столы не въ употребленіи. Туземцы, между прочимъ, вырѣзаютъ изъ слоновой кости небольшіе талисманы, а также столбики для завивки волосъ и пр. Изъ мѣди и желѣза изготовляются застежки для браслетовъ и подвязокъ и особаго рода украшеніе, которое носятъ дамы. Послѣднее представляетъ собою небольшую раковину изъ тонкихъ металлическихъ пластинокъ, въ которую большей частью вдѣланъ небольшой камень; эта раковина прикрѣплена къ тесемкѣ, и обыкновенно надѣвается на лодыжку ноги въ видѣ красивой привѣски. Женщина, украшенная такими раковинами, производитъ при каждомъ движеніи ноги своеобразный шумъ, похожій на бряканье сабли. Латунная проволока—самый благородный металлъ для молуа; богатые люди носятъ изъ нея браслеты въ первобытномъ грубомъ видѣ; или-же кузнецы передѣлываютъ ее въ длинныя тонкія нити, которыми въ видѣ украшенія обвиваютъ различные предметы, на подобіе лентъ. Такія-же нити изготовляются изъ мѣди. Здѣсь между прочимъ дѣлаются браслеты изъ подошвы и кожи слоновъ. Въ Муссумба встрѣчаются мастера, которые изъ длинныхъ волосъ, отрѣзанныхъ у невольниковъ, приготовляютъ прекрасные парики, а также различныя художественныя вещи, употребляемыя для украшенія. Изъ глиняной посуды можно найти обыкновенную кухонную утварь, сосуды для храненія растительнаго масла и головки для „mutopa“ или такъ называемой водяной трубки. Послѣдняя состоитъ изъ грушеобразной тыквенной бутылки; внизу въ тыкву воткнута полая тростниковая палочка, на которую надѣта небольшая трубочная головка цилиндрической формы. Отдушина сдѣлана на верхнемъ концѣ трубочки. Тыквенная бутылка обыкновенно наполнена водой, такъ что курящій съ шумомъ втягиваетъ въ себя дымъ, который проходитъ черезъ воду. Мужчины и женщины часто употребляютъ для куренія эти „mutopa“. Въ Муссумба курятъ табакъ наравнѣ съ коноплей, при этомъ курильщики имѣютъ обыкновеніе проглатывать дымъ. Конопля при куреніи дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ.

Самые обыкновенные музыкальные инструменты:—„маримба“, „ginguva“, барабанъ и обыкновенная негритянская цитра,—которые также въ большомъ употребленіи въ южной экваторіальной Африкѣ, гдѣ они имѣютъ почти ту-же форму. „Маримба“ состоитъ изъ тонкой деревянной доски въ 10—15 сант. ширины, которая имѣетъ форму подковы, около 0,60—1 м. въ поперечникѣ. Подъ доску ставятъ 6—8 тыквенныхъ бутылокъ, смотря по тому великъ или малъ инструментъ, дорогъ или дешевъ; нерѣдко подбираютъ бутылки различной величины такимъ образомъ, чтобы они образовали лѣстницу. Музыкантъ держитъ въ каждой рукѣ палку около 30 сант. длины, конецъ которой обвитъ каучукомъ, и бьетъ ими по декѣ инструмента. При этомъ получаются громкіе и гармоническіе звуки. „Ginguva“ служитъ для аккомпанимента „маримбы“ и состоитъ изъ четырехъугольнаго деревяннаго ящика, открытаго сверху; играющій ударяетъ, какъ въ бубны, въ обѣ боковыя стѣнки двумя барабанными палочками, обвитыми каучукомъ. Звуки этого инструмента громкіе, и напоминаютъ европейскій тамбуринъ. Къ домашнему штату знатнаго малуа обыкно-

венно принадлежитъ собственный оркестръ, состоящій изъ двухъ виртуозовъ, играющихъ на „маримба“ и одного на „ginguva“. Негритянская цитра большею частью представляетъ собой четырехъугольный деревянный ящикъ, открытый съ одной стороны, около 30 сант. длины, 15 сант. ширины и 2,5 сант. высоты. Къ широкой сторонѣ на низкой подставкѣ, придѣланы обыкновенно отъ 8—12 упругихъ желѣзныхъ прутьевъ, которые нажимаютъ большимъ пальцемъ, такъ что они отскакивая принимаютъ прежнее положеніе. Вслѣдствіе вибраціи отдѣльныхъ прутьевъ получаются гармоническіе звуки. Всякій можетъ играть на этомъ инструментѣ. Въ свободные часы и при ходьбѣ мужчины и женщины держатъ обѣими руками цитру и наигрываютъ на ней. Бѣдняки и дѣти сами изготовляютъ этотъ инструментъ. Декой служитъ доска, составленная изъ полыхъ тростниковыхъ палочекъ, скрѣпленныхъ между собою. Желѣзныя прутья замѣнены деревянными. Такой инструментъ издаетъ рѣзкіе и непріятные звуки. Но д-ръ Погге не встрѣчалъ рожковъ и какихъ либо другихъ духовыхъ инструментовъ.

Хижина у калунда по наружному виду напоминаетъ хлѣбную печь. Кровля образуетъ кверху тупой шпицъ и опускается отвѣсно къ землѣ, но не упирается въ нее, такъ что большей частью небольшой свѣтъ проникаетъ снизу въ хижину; кровля, крытая сухой кампинской травой, поддерживается деревяннымъ остовомъ хижины. Круглый входъ въ хижину калунда (принадлежитъ-ли она богатому или бѣдному человѣку, достигаетъ-ли она высоты 6—7,5 м. или имѣетъ только 2—2,5 м.) никогда не бываетъ выше и шире 0,60—1 м., такъ что входящій долженъ вползать въ нее; а тучнымъ людямъ при этомъ положеніи тѣла даже трудно попасть въ хижину. Болѣе достаточные люди и вожди обыкновенно окружаютъ свои хижины плетнемъ, между тѣмъ какъ жилища простыхъ людей ничѣмъ не загорожены.

У калунда, какъ у всѣхъ другихъ племенъ, господствуетъ многоженство. Дѣти принадлежатъ отцу; но разумѣется только въ томъ случаѣ, если онъ свободный человѣкъ. Женщина считаетъ для себя особеннымъ счастьемъ и честью, если у ней много дѣтей. У дѣтей знатныхъ родителей послѣ рожденія нерѣдко сдавливаютъ голову, такъ что затылокъ безобразно выступаетъ назадъ. Обрѣзаніе мальчиковъ составляетъ общій обычай. Женщины во время мѣсячнаго очищенія живутъ вдали отъ общества. Жена простолюдина въ этихъ случаяхъ живетъ одна въ отдѣльномъ „fundo“, и не смѣетъ никому приносить воды или готовить кушанье. Знатныя женщины въ сопровожденіи штата приближенныхъ невольницъ покидаютъ свои оффиціальныя жилища и переселяются на это время въ уединенныя хижины, расположенныя вдали.

Молуа погребаетъ своихъ покойниковъ въ „fundo“; тѣла невольниковъ бросаютъ въ воду. Что-же касается религіозныхъ воззрѣній калунда, то они почитаютъ духа добра „Цамби“, который имъ приноситъ счастье; время отъ времени они устраиваютъ въ честь его празденства. Страхъ передъ колдовствомъ свойственъ каждому изъ нихъ. Молуа имѣетъ свои таинственныя волшебныя средства и своеобразныя фигуры фетишей, нерѣдко состоящія изъ роговъ антилопъ, которыя онъ большею частью носитъ на показъ. При фетишѣ главную роль играетъ „кунонго“, т. е. предсказатель, который занимается предсказаніями и между прочимъ обличаетъ преступниковъ. Равнымъ образомъ банту въ Массумба чувствуютъ особенный страхъ къ духамъ умершихъ людей, „магамба“. Послѣдніе обладаютъ силой колдовства. Нерѣдко „кунонго“ приписываетъ въ сомнительныхъ случаяхъ всю вину „магамба“, чѣмъ спасаетъ жизнь многимъ невиннымъ людямъ. Въ честь „магамба“ устраиваются особыя празднества, съ цѣлью поддержать ихъ хорошее расположеніе духа или для укрощенія опасныхъ и злыхъ „магамба“ (Dr. Paul Pogge, Im Reiche des Muata Iamvo. Tagebuch meiner im Auftrage der Deutschen Gesellschaft zur Erforschung

Aequatorial-Afrikas in die Lundastaaten unterommenen Reise. Berlin. 1880. s. 236—243).

Что касается повелителя Муата Ямво, то это богъ, котораго считаютъ прекраснымъ и безгрѣшнымъ. Никто не смѣетъ убить его, и даже не можетъ сдѣлать это, по мнѣнію чернокожихъ. Но если онъ позволяетъ себѣ слишкомъ большія безчинства, то отъ него избавляются простымъ способомъ: лунда начинаютъ войну съ уанда, съ которыми они часто находятся во враждѣ. По старому обычаю повелитель долженъ неизбѣжно находиться какъ при охотѣ, такъ и на полѣ битвы. Когда лунда очутятся въ виду непріятеля, то, по данному знаку, условленному заранѣе, всѣ они одновременно обращаются въ бѣгство и оставляютъ повелителя одного, сидящимъ на престолѣ, который, такимъ образомъ, становится жертвой враговъ и падаетъ подъ ихъ ударами. У лунда женщины сопровождаютъ мужей на войну, и, повидимому, принимаютъ иногда участіе въ битвѣ.

Ближайшіе сосѣди лунда, много разъ упомянутые нами, кіоко (quioco), представляютъ собою охотничье племя, которое совершаетъ далекія странствованія по центральнымъ частямъ Африки и даже проникаетъ до Умбари, близъ Лаулаба. Кіоко со страстью предаются охотѣ; они узнаютъ возрастъ звѣря по слѣду, за которымъ идутъ до тѣхъ поръ, пока не захватятъ своей добычи; ничто не можетъ отвлечь ихъ отъ этого занятія. Крупную дичину они убиваютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; охота за мелкой дичью производится съ помощью „saço" и западней. Они такіе страстные охотники, что убиваютъ послѣднюю птицу или крысу, какая попадется имъ подъ руку; поэтому, въ ихъ лѣсахъ и поляхъ нѣтъ ни малѣйшаго признака дичи. Они почти также неустрашимы, какъ сосѣдніе бангала, хотя по типу и тѣлосложенію вовсе не похожи на нихъ. Они малы ростомъ, худощавы, чрезвычайно стройны и отличаются такимъ красивымъ тѣлосложеніемъ, какъ будто вылиты изъ жилъ и костей; цвѣтъ кожи можно назвать темно-бархатисто-коричневымъ; кожа мягкая на ощупь. Они содержатъ опрятно свои рунообразные волосы и ничѣмъ не мажутъ, кромѣ растительнаго масла; волосы у нихъ длинные и настолько пышные, что нѣтъ надобности взбивать ихъ. Прическа заключается въ четырехъ косахъ, которыя они иногда развязываютъ въ обществѣ и заплетаютъ вновь. Женщины имѣютъ вообще отвратительный видъ, и, вдобавокъ, ходятъ совсѣмъ нагія, за исключеніемъ небольшаго лоскутка, который они навѣшиваютъ на себя.

Кіоко представляютъ особый интересъ по своимъ желѣзнымъ издѣліямъ. Между тѣмъ ихъ печи представляютъ небольшія кучи изъ мѣстной бѣловатой земли, въ родѣ тѣхъ, какія роютъ кроты; внутри устроенъ каналъ, покатый книзу. Они кладутъ сверху небольшое количество желѣзной руды и нѣсколько углей; желѣзо мало по малу начинаетъ плавиться; въ это время непрерывно прибавляютъ новой руды и угольевъ. Эта работа продолжается отъ утренней

зари до 4 часовъ пополудни; затѣмъ открываютъ отверстіе внизу, которое во время плавки было слегка прикрыто землей и вынимаютъ готовое желѣзо. Дальнѣйшее производство также просто и было не разъ описано; а, именно, желѣзо изъ кузницы переносятъ въ печь, а затѣмъ снова несутъ его въ кузницу. Раскаленное желѣзо рѣжутъ на куски надлежащей величины и выковываютъ молотками, имѣющими форму вальковъ, до тѣхъ поръ, пока оно окончательно не очистится отъ шлака. Уголь добывается ими тѣмъ-же первобытнымъ способомъ. Они разводятъ огонь подъ деревяннымъ обрубкомъ, зажигаютъ его, и мѣшаютъ скорому сгаранію выгребаніемъ образовавшихся углей. Если послѣднихъ окажется достаточно на дневную работу, то они берутъ ихъ и уходятъ, бросивъ горящій обрубокъ дерева. Подобный горнозаводскій промыселъ возможенъ только съ той рудой, которая такъ легко добывается въ болотистыхъ источникахъ Кавемба и особенно Касолло при впаденіи послѣдняго въ Лоангве, такъ какъ это скорѣе чистый металлъ, нежели руда (Reisen im südivestlichen Becken des Kongo von Otto H. Shütt. Nach Tagebüchern und Aufseichnungen des Reisenden bearbeitet und herausgegeben von Paul Lindenberg. Berlin. 1881. s. 132).

Часть обширнаго и довольно плодороднаго бассейна Куанго принадлежитъ могущественному племени бенгала, которое находится подъ властью вождя, имѣющаго титулъ „кассандше“ или „яга“. Португальцы назвали ошибочно этимъ именемъ всю страну.

Бенгала отличаются смѣлымъ и увѣреннымъ обращеніемъ, хотя вообще довольно вѣжливы. Женщины некрасивы; но ихъ лица производятъ сравнительно пріятное впечатлѣніе; ихъ также нельзя назвать особенно робкими. Путешественникъ Отто Шюттъ встрѣчалъ не разъ между ними интересныя и привлекательныя физіономіи, несмотря на приплюснутый носъ; блестящіе глаза особенно придавали имъ нѣчто дикое. Тѣло ихъ вымазано однимъ оттѣнкомъ „lukulla“, краснаго отвара красильнаго корня, отъ котораго на темной кожѣ получается некрасивый карминъ, похожій на краску, которой персы красятъ себѣ бороды. Хижины бангала построены болѣе тщательно, нежели у многихъ сосѣднихъ племенъ, какъ напр. у бандо; онѣ представляютъ правильный четырехъугольникъ, съ двухскатной кровлей, и имѣютъ около двухъ и болѣе метровъ высоты. Общіе размѣры 4 и 6 м.; внутри хижина состоитъ изъ сѣней и главной комнаты, отдѣленной стѣной; посреди лицевой широкой стороны устроенъ главный входъ; въ боковой стѣнѣ другая совсѣмъ низкая дверь, которая съ улицы ведетъ въ главную комнату. Строительнымъ матеріаломъ служатъ молодые стволы лоанго, папирусной пальмы. Оба входа прикрыты рогожами изъ лоанго; надъ дверями красуется изящное художественное произведеніе, большею частью циновка, на которой тщательно выведенъ темный рисунокъ фестонами, изображающій арку дверей, или-же доска съ рѣзными фигурами, ярко окрашенными въ красный и бѣлый цвѣтъ. Вся дѣятельность бангала заключается въ томъ, что они торгуютъ солью, которую они пріобрѣтаютъ путемъ обмѣна въ ближайшихъ солончакахъ Готто и продаютъ внутри страны, затѣмъ въ грабежѣ каравановъ, проходящихъ черезъ ихъ землю.

Населеніе всѣхъ западныхъ странъ центральной Африки весьма незначительно, за исключеніемъ Кассандше и Сонго. Способъ правленія вездѣ носитъ патріархальный характеръ; каждая деревня имѣетъ своего вождя „соба“; деревни въ совокупности, въ свою очередь, подчинены болѣе значительному повелителю, которому они обязаны пла-

Негритянки акра толкутъ маисъ.

тить небольшую дань. У лунда и бангала надъ всей націей господствуетъ императоръ. Подобный повелитель, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его нѣтъ, главный вождь округа или уѣзда, пользуется неограниченной властью. Но при дворѣ всегда есть извѣстное число старыхъ уважаемыхъ людей, которые высказываютъ свое мнѣніе за и противъ рѣшенія вождя, и въ большинствѣ случаевъ руководятъ имъ по своему усмотрѣнію. Они посылаютъ отъ его имени различные приказы, которые бо̀льшею частью безпрекословно исполняются. Деревня, округъ и, слѣдовательно, вся земля обязаны кормить вождя, доставлять ему „гарапа", перебродившій напитокъ изъ проса, а также женъ и многое другое. Кромѣ того, вождь получаетъ свою долю отъ всякой дичины, а именно: ему принадлежитъ правая задняя часть убитаго звѣря; лѣвую отдаютъ охотнику, а остальное дѣлится между товарищами послѣдняго. Одинъ изъ клыковъ убитаго слона составляетъ законную собственность вождя, а также всѣ шкуры убитыхъ львовъ и леопардовъ, такъ какъ онъ одинъ имѣетъ право сидѣть на нихъ, а, слѣдовательно и владѣть ими. Въ земляхъ, гдѣ добывается пальмовое вино, вождь приставляетъ своихъ людей, которые должны выполнять трудную работу сцѣживанія древеснаго сока. Люди, удостоенные этой чести, живутъ вблизи пальмоваго лѣса и стерегутъ его; ихъ единственное вознагражденіе заключается въ томъ, что они могутъ пить вино вмѣстѣ съ вождемъ. Все вино должно быть доставлено вождю, который нерѣдко въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ исключительно существуетъ имъ.

Бангала называютъ „маквито" болѣе значительныхъ могущественныхъ „соба", которые по чину непосредственно слѣдуютъ за главнымъ вождемъ, однимъ словомъ такихъ, которые могутъ сами сдѣлаться правителями. У бандо они носятъ тотъ-же титулъ; у лунда они называются „мона-уто". Въ землѣ кассандше, кромѣ того, есть еще четыре „м'банца"; они не принадлежатъ ни къ одной изъ трехъ фамилій, изъ которыхъ выбираютъ „яга" (kassandsche); но тѣмъ не менѣе также могущественны, какъ и онъ самъ. Безъ этихъ четырехъ сановниковъ не могутъ произойти выборы въ яга; они-же посвящаютъ избраннаго въ его званіе. Это посвященіе чрезвычайно таинственно, и по свидѣтельству португальскихъ путешественниковъ, Ивенса и Брито Капелло, сопровождается крайне своеобразными и непривлекательными церемоніями. Желающій получить званіе яга долженъ исполнить слѣдующія условія: во-первыхъ онъ долженъ съѣсть рагу, изготовленный изъ бычачьяго, бараньяго и человѣческаго бедра; во-вторыхъ онъ долженъ вступить ногой во внутренности чернокожаго, убитаго для этой цѣли, и затѣмъ съ помощью своихъ людей перетащить его трупъ черезъ небольшой ручей. Послѣ этого къ новому яга приносятъ трупъ его предшественника и вкладываютъ въ ротъ послѣдняго хвостъ попугая. Этотъ хвостъ остается во рту мертвеца до тѣхъ поръ, пока его тѣло не дойдетъ до значительной степени разложенія. Тогда новый яга долженъ вынуть хвостъ попугая изо рта умершаго яга и вложить въ свой собственный ротъ. Весьма вѣроятно, что при этомъ онъ незамѣтно принимаетъ медленный ядъ, потому что три фамиліи, изъ которыхъ выбираютъ яга, весьма многочисленны, и нужно чтобы наибольшее число членовъ этихъ фамилій могли получить „estado". Поэтому, желательно, чтобы каждый яга царствовалъ

не болѣе трехъ лѣтъ, что и побудило прибѣгнуть къ упомянутому способу отравленія въ виду многочисленности банту. Никто не запомнитъ, чтобы который либо изъ „яга" правилъ государствомъ болѣе трехъ лѣтъ, исключая великаго Бумба. Этотъ оставался правителемъ 20 лѣтъ, и въ продолженіи этого долгаго періода ничто не могло понудить его принять посвященіе; онъ откладывалъ его съ году на годъ, и довольствуясь дѣйствительной властью яга, пренебрегалъ внѣшнимъ почетомъ, связаннымъ съ нею. Сначала ему поднесли „estado" (коронныя знаки отличія), имѣющій первостепенное значеніе для каждаго чернокожаго; черезъ это онъ получилъ власть въ свои руки, и никто не могъ принудить его совершить окончательно обрядъ посвященія. Относительно порядка престолонаслѣдія при господствѣ бангала, мы должны еще замѣтить, что „kassandsche" tal fulan всегда наслѣдникъ кассандше или яга, или такъ наз. „quitungoa". Когда умираетъ яга, то этотъ наслѣдникъ, старшій племянникъ со стороны сестры, наслѣдуетъ его полный титулъ и имущество, но не права на правленіе; онъ самъ никогда не дѣлается яга, но можетъ только передать этотъ титулъ своимъ наслѣдникамъ.

Несмотра на неограниченную власть вождей надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ, кромѣ нихъ есть еще люди несравненно болѣе вліятельные, а именно колдуны, лѣкаря или знахари, такъ что если вождь пользуется славой знахаря, то можетъ самовластно господствовать надъ своими соплеменниками. Могущество колдуна у банту не выражается внѣшнимъ почетомъ, который они оказывали бы вождю, ни почтительнымъ обращеніемъ; не замѣтно даже, что они считаютъ его выше себя; онъ лично для нихъ такой же простой смертный, какъ и всѣ; они чтутъ и боятся въ немъ колдуна, котораго онъ изображаетъ, а не его особу.

Колдунъ или „quimbanda" (отъ „m'banda" колдунъ) особенно свѣдущъ относительно дѣйствія различныхъ кореньевъ и травъ; онъ главнымъ образомъ занимается леченіемъ болѣзней. Кромѣ того, онъ занятъ изготовленіемъ волшебныхъ средствъ и фетишей всякаго рода съ цѣлью огражденія отъ враговъ, болѣзней, львовъ и змѣй. Между прочимъ, отъ него можно получить такого фетиша, чтобы сдѣлаться счастливымъ охотникомъ, или даже еще болѣе полезный талисманъ, который разгоняетъ дождевыя тучи или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ задерживаетъ дождь, пока путникъ не устроитъ себѣ навѣса на ночь. При систематическомъ леченіи или въ томъ случаѣ, если кто пожелаетъ купить у „quimbanda" какой либо цѣлительный корень, „michi ya m'banda", то колдунъ никогда не отдастъ его въ естественномъ видѣ, потому что это не произвело бы никакого дѣйствія. Цѣлительное средство должно быть неузнаваемо и имѣть видъ черной кожицы или сѣраго порошка; вдобавокъ колдунъ обязанъ непремѣнно вложить его въ рогъ антилопы „gichilo", играющій такую важную роль во всякомъ волшебствѣ. Подобный рогъ, наполненный лекарственнымъ снадобьемъ, одаренъ, по мнѣнію банту, сверхестественной силой. Если такой рогъ воткнутъ въ землю передъ деревней, то онъ охраняетъ послѣднюю отъ нападеній непріятеля и даетъ на поляхъ мандіока болѣе скорое произростаніе кореньямъ, созрѣвающимъ не ранѣе трехъ лѣтъ; при посредствѣ quimbanda (колдуна), рогъ можетъ открыть украденную и потерянную вещь и способствуетъ тому, что человѣкъ, обладающій имъ, остается невредимымъ среди ежедневныхъ козней, которыя происходятъ среди чернокожихъ. Вѣра въ могущество колдуна глубоко вкоренилась въ сердцѣ всѣхъ туземцевъ; даже тѣ изъ нихъ, которые родились въ городахъ и въ ранней мо-

лодости приняли христіанство, не въ состояніи отрѣшиться отъ этого. Если они поставлены въ такія условія, что имъ необходимо заявить фактически, которая религія внушаетъ имъ наибольшее довѣріе, то подобное рѣшеніе ни на минуту не затрудняетъ ихъ.

Вообще здѣсь существуютъ три вида колдуновъ, которыхъ португальцы совершенно ошибочно назвали общимъ именемъ „fetiçeiro“ Вопервыхъ, мы видимъ не разъ упомянутаго нами quimbanda, безвреднаго знахаря, который даетъ больнымъ только извѣстные и имъ самимъ изготовленные напитки изъ цѣлительныхъ травъ и кореньевъ. Затѣмъ слѣдуетъ „devinador“—мукуа н'комбо, который также сравнительно безвреденъ и не имѣетъ никакихъ отношеній съ злымъ и гнуснымъ „Juramento“. Эта обязанность лежитъ на колдунѣ третьяго разряда, а именно „кассандше ка м'бамбу“, т. е. заклинателѣ съ бамбукомъ (Casca).

Такъ, напр., если человѣкъ боленъ и его страданія продолжаются ночью, то это объясняютъ такимъ образомъ, что вокругъ дома ходитъ какая нибудь другая особа и привораживаетъ больнаго съ помощью злаго фетиша. Тогда больной обращается сначала къ „н'комбо“, который тщательно разспрашиваетъ просителя, наводитъ справки относительно злодѣя, сдѣлавшаго покушеніе, и называетъ его имя. Къ счастью „н'комбо“ нерѣдко приписываетъ болѣзнь одному или нѣсколькимъ умершимъ лицамъ, и въ этомъ случаѣ больной варитъ курицу и производитъ „Iufundi“, т. е. ставитъ ее передъ своей хижиной, бросаетъ кусокъ мертвецу и назвавъ его имя, обращается къ нему съ восклицаніемъ: „Вотъ тебѣ ѣда“. Другую часть курицы онъ съѣдаетъ самъ въ обществѣ лекаря, и чѣмъ больше провинился мертвецъ, тѣмъ выгоднѣе для желудка „н'комбо“. Если это средство не помогаетъ, то больной, съ помощью колдуна, старается припомнить, кто изъ живыхъ людей могъ „бродить вокругъ его дома“. Если онъ вспомнитъ о такомъ человѣкѣ, котораго считаетъ способнымъ на это, вслѣдствіе того, что нѣкогда отказалъ ему въ какой нибудь просьбѣ и пр., то онъ идетъ ночью къ его двери и привязываетъ къ ней пучокъ травы съ восклицаніемъ: „Ты мулоге (т. е. колдунъ, дѣлающій фетишей) сдѣлалъ мнѣ фетиша! На слѣдующій день онъ является въ качествѣ истца и приглашаетъ на „божій судъ“ обвиняемаго, который ничѣмъ на свѣтѣ не можетъ избавиться отъ этого. „Божій судъ“ м'бамбу, къ которому обращаются въ данномъ случаѣ, заключается въ томъ, что подсудимому даютъ выпить отваръ горькой коры одного дерева, который, смотря по организму, дѣйствуетъ двумя различными способами. У однихъ дѣлается тошнота и послѣ нѣсколькихъ позывовъ къ рвотѣ, они изрыгаютъ обратно выпитый отваръ; такой человѣкъ признается выдержавшимъ испытаніе и оправданнымъ относительно взведеннаго на него обвиненія въ ворожбѣ. Тогда друзья берутъ его на свое попеченіе, уводятъ домой и укладываютъ спать, послѣ чего всѣ усаживаются вокругъ него на корточкахъ. При этомъ онъ не долженъ закрывать себѣ головы, потому что иначе явятся духи умершихъ отъ бамбуковаго отвара и прикажутъ ему идти вмѣстѣ съ ними. Когда пропоетъ первый пѣтухъ, то спасенный отъ смерти вскакиваетъ съ своего ложа съ восклицаніемъ: „Golombollo riami“ („это мой пѣтухъ“); послѣ чего начинается общее веселіе и пляска, между тѣмъ какъ истецъ обязанъ выплатить ему въ видѣ вознагражденія невольницу, козу, курицу „peça“ и большое количество „fuba“. Нерѣдко на радости его натираютъ съ головы до ногъ „fuba“ съ восклицаніями: „онъ не fetiçeiro“. Если же напитокъ, приготовленный колдуномъ производитъ обратное дѣйствіе, то подсудимый падаетъ

въ судорогахъ и ему даютъ умереть въ нихъ; „кассандше“ протыкаетъ ему тѣло острымъ коломъ; затѣмъ его волокутъ въ кустарникъ и сожигаютъ. Все его имущество должно сдѣлаться добычей огня, за исключеніемъ того, что можетъ пригодиться „кассандше“, а это составляетъ обыкновенно большую часть вещей. Память человѣка, умершаго этимъ способомъ, предается проклятію. Близъ Заира,—какъ только сдѣлается дрожь съ человѣкомъ, выпившимъ древесный отваръ,—его рубятъ въ куски и тѣло бросаютъ въ воду. Болѣе легкое испытаніе заключается въ томъ, что питье ставится на плечо человѣку, обвиненному „кассандше“ съ загадочными словами: „теперь поймай эту саранчу и посади на „бамбукъ“. Если онъ выпиваетъ снадобье и при этомъ виновенъ, то падаетъ навзничъ и умираетъ; въ противномъ случаѣ дѣло остается безъ послѣдствій (Schütts Reisen, s. 39—41).

Такимъ образомъ въ этихъ судахъ,—которые не имѣютъ никакого отношенія къ двумъ первымъ разрядамъ маговъ,—главная роль принадлежитъ къ третьему виду ихъ, „кассандше ка м'бамбу“, который является въ качествѣ судьи, палача или исполнителя. Насколько важна эта роль, видно изъ того, что онъ можетъ сдѣлать напитокъ болѣе или менѣе дѣйствительнымъ, такъ какъ способъ приготовленія вообще зависитъ отъ него и составляетъ его тайну. Слѣдовательно, одинъ „кассандше“, изъ трехъ видовъ вышеупомянутыхъ маговъ, представляетъ особу, непріятную для банту, съ которой онъ неохотно сносится. Число „кассандше не велико, и нерѣдко приходится выписывать ихъ изъ далекихъ уединенныхъ жилищъ для исполненія казни. Главный виновникъ послѣдней „н'комбо“ или совѣтникъ, который назвалъ имя жертвы и предалъ ее въ руки палача — не внушаетъ къ себѣ особеннаго ужаса, а тѣмъ болѣе уваженія. Заклинаніе „м'бамбу“ еще во всей силѣ не только у покоренныхъ негритянскихъ племенъ, но также и у амбаквистасъ, и даже пользуется извѣстнымъ почитаніемъ у дѣтей и внуковъ бѣлыхъ людей. До сихъ поръ заклинанія довольно часто примѣняются на практикѣ въ Лоанда и Умбакка, не смотря на строгое запрещеніе со стороны правительства. Равнымъ образомъ не только въ важныхъ случаяхъ, но изъ-за всякихъ пустяковъ невѣжественные бѣдняки обоюдно предлагаютъ другъ другу прибѣгнуть къ „божьему суду“, и едва ли кто нибудь изъ нихъ отказывается отъ напитка, тѣмъ болѣе, что они въ дѣйствительности не виновны въ колдовствѣ, и глубоко убѣждены, что только настоящій преступникъ можетъ погибнуть при такомъ судѣ.

При безчисленныхъ процессахъ, которые банту намѣренно затѣваютъ другъ противъ друга частью изъ алчности, отчасти ради развлеченія, никогда не требуютъ присяги, и дѣла рѣшаются голосомъ народа. Всякое мелочное обстоятельство служитъ поводомъ для подобныхъ процессовъ, и эти „милонга“, также называемые „мулонго“, „китушъ“ и „кабала“ бросаютъ яркій свѣтъ на прирожденную склонность къ воровству у мѣстныхъ племенъ, а равно на ихъ алчность и стремленіе обмануть ближняго подъ видомъ законнаго права.

Такъ, напр., если кто нибудь случайно толкнетъ другого, или капля его слюны попадетъ на сосѣда во время плеванія, или же кто выльетъ изъ ведра и вода коснется ноги прохожаго и т. п. ad infinitum, то обиженный начинаетъ „китушъ" и требуетъ отъ виновнаго вознагражденія въ десять и сто разъ дороже стоимости вещи подъ какимъ либо нелѣпымъ предлогомъ. Если пролита вода, то истецъ объявляетъ противнику: „Ты хотѣлъ вылить воду на землю, но облилъ меня пожелалъ, чтобы и я былъ въ землѣ! Та же своеобразная логика видна въ слѣдующемъ случаѣ: если, напр., чернокожій говоритъ другому чернокожему: „Ты похожъ на одну особу, которую я зналъ прежде!" — Тотъ, къ кому обращены эти слова, отвѣчаетъ: „Гдѣ тотъ человѣкъ, который имѣетъ такой же видъ, какъ я? Ты скажешь, что его нѣтъ здѣсь!... Приведи его сюда! Ты говоришь, что это невозможно!... Значитъ онъ умеръ и ты желаешь, чтобы я умеръ! Ты долженъ заплатить мнѣ за это столько-то". Если обвиняемый отказывается отъ платы, то вмѣшиваются родственники, и дѣло доходитъ до публичнаго процесса; требуемая сумма все болѣе и болѣе увеличивается, такъ что подсудимому не остается иного исхода, кромѣ рабства. Но лучше всего то, что человѣкъ, заплатившій штрафъ, говоритъ послѣ этого своему обвинителю: „Ты взялъ съ меня столько-то и затѣялъ противъ меня „китушъ", теперь ты долженъ заплатить мнѣ вдвойнѣ, потому что хотѣлъ уморить меня съ голоду, и слѣдовательно желалъ мнѣ смерти!" Затѣмъ исторія начинается заново.

Чтобы дать еще болѣе наглядное понятіе о состояніи нравственности у здѣшнихъ племенъ банту, считаю нелишнимъ упомянуть, что изъ окрестныхъ поселеній мужья посылаютъ ночью своихъ женъ въ лагерь путешественниковъ, чтобы они позабавились съ носильщиками и „побесѣдовали съ ними о старинѣ". На слѣдующее утро приходятъ мужья, которымъ жены разсказали всѣ подробности о предъидущей ночи и выпрашиваютъ „китушъ"; нерѣдко они предъявляютъ непомѣрныя требованія; но, тѣмъ не менѣе, ихъ бо̀льшею частью удовлетворяютъ сполна. Женщина или дѣвушка, которая не хочетъ сноситься съ носильщиками, считается „безполезной дрянной тварью" и подвергается насмѣшкамъ и презрѣнію со стороны своихъ соплеменниковъ. У сонго и бондо цинизмъ доходитъ еще до бо̀льшей степени; женщины приглашаютъ чужеземцевъ къ себѣ на домъ, и считаютъ распутство вполнѣ честнымъ ремесломъ. Подобные этому или тѣ же самые обычаи господствуютъ у всѣхъ дикарей въ этомъ западномъ поясѣ земли, и преимущественно у племенъ, живущихъ до Заира. Равнымъ образомъ брачные обычаи здѣсь почти одинаковы.

Дѣвушекъ нерѣдко обручаютъ еще въ то время, когда онѣ грудныя дѣти. Любитель этого рода товара почти не считаетъ нужнымъ вести переговоры съ отцомъ дѣвушки, и дѣлаетъ это больше изъ вѣжливости, потому что дѣти составляютъ собственность дяди съ материнской стороны. Женихъ торгуется съ послѣднимъ относительно своей будущей жены, обыкновенная цѣна которой коза или „peça" въ 18 ярдовъ, потому что корова или быкъ считаются слишкомъ высокой платой при такой торговлѣ. Здѣсь нѣтъ никакихъ брачныхъ церемоній; мужчина приводитъ къ себѣ въ хижину избранную имъ жену, и живетъ съ ней до тѣхъ поръ, пока это нравится обоимъ. Если случится, что мужъ не желаетъ больше держать при себѣ жену, то онъ заявляетъ объ этомъ

ея старшему дядѣ (разумѣется тому, отъ котораго онъ взялъ ее) и сдаетъ ему свою жену. Дядя смотритъ на это, какъ на выгодную сдѣлку, потому что онъ не долженъ возвращать полученной платы или такъ наз. подарка, а женщина цѣнный товаръ, и онъ может снова перепродать ее. Если дѣвушка была обѣщана кому нибудь и по собственному побужденію вступила въ связь съ другимъ (что случается довольно рѣдко, потому что дѣвушекъ выдаютъ замужъ до наступленія зрѣлости), то этимъ она обязываетъ своего дядю заплатить штрафъ первому жениху, хотя бы онъ не выплатилъ слѣдуемаго за нее выкупа. Поэтому, дѣвушка почти лишена возможности выбрать себѣ перваго мужа; но если онъ умретъ или отошлетъ ее отъ себя, то при выборѣ втораго мужа, который большей частью непосредственно слѣдуетъ за первымъ, принимаютъ во вниманіе и ея личное желаніе. Но при томъ необыкновенномъ уваженіи, какое дѣти питаютъ къ дядѣ, второй бракъ также рѣдко заключается безъ его участія. Во всякомъ случаѣ, какъ только женщина становится свободной, она можетъ вернуться къ дядѣ, хотя обыкновенно не пользуется этимъ правомъ и живетъ въ родительскомъ домѣ, пока живы отецъ и мать.

Своеобразное отношеніе къ дядѣ и безправность отца могутъ быть легко объяснены шаткостью супружескихъ узъ. Женщина можетъ такъ часто мѣнять мужей, что иногда очень трудно рѣшить, кто отецъ ребенка; съ другой стороны у большинства племенъ чернокожіе не видятъ ничего постыднаго въ связи своихъ женъ съ другими мужчинами, не обращаютъ вниманія на эту связь и даже покровительствуютъ ей, если только она выгодна для нихъ. Такимъ образомъ дѣти наслѣдуютъ званіе, имущество и имя не отъ отца, а отъ дяди, что имѣетъ особенное значеніе въ семьяхъ главныхъ вождей. Изъ дѣтей вождя собственно тѣ имѣютъ всего больше правъ на наслѣдство, которыя произошли отъ его брака съ племянницей, такъ какъ этотъ союзъ предпочитается всякому другому. Сыновья, недовольные обращеніемъ отца, идутъ къ дядѣ, котораго они называютъ tatu, что означаетъ одновременно: отецъ и властелинъ. Чѣмъ больше сыновей въ домѣ, не исключая разумѣется и тѣхъ, которые добровольно назвались ими, тѣмъ богаче и могущественнѣе человѣкъ, потому что онъ не тратится на ихъ воспитаніе; ѣда также мало стоитъ ему; они его слуги, ходятъ вмѣсто него на охоту и на войну, и составляютъ его придворный штатъ. Если женщина умираетъ во время супружества, то овдовѣвшій мужъ долженъ заплатить штрафъ дядѣ, потому что обыкновенно предполагается, что онъ до извѣстной степени виновенъ въ ея смерти. Но этотъ штрафъ ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствуетъ суммѣ, которую онъ внесъ за нее и доходитъ всего до 6—10 „реçа", обыкновенной цѣны невольницы. Естественно, что при такомъ условіи банту, во избѣжаніе лишней траты, долженъ беречь жизнь своей жены.

Страна Сонго настолько же богато населена, насколько Минунго бѣдна жителями. Шюттъ не встрѣтилъ здѣсь ни одного чернокожаго, одѣтаго въ ткань; весь нарядъ состоялъ изъ двухъ шкуръ, небольшаго количества стеклянныхъ бусъ и маленькой тростниковой палочки, продѣтой въ ноздри. Волосы были заплетены въ болѣе или менѣе тонкія косички, смотря по степени трудолюбія и любви, которую амига питаютъ къ своимъ избраннымъ. Эти косички висятъ по египетскому способу кругомъ затылка, и каждая въ отдѣльности вымазана красной глиной и растительнымъ масломъ; подъ ними виситъ комокъ изъ той же затвердѣвшей массы; надъ лбомъ заплетенъ такой же густой рядъ косичекъ, украшенныхъ красными ком-

ками. Фигура и физіономія туземцевъ самыя обыкновенныя и не представляютъ ничего характернаго; носъ слегка изогнутый, какъ у евреевъ; ноздри широкія и открытыя, вѣроятно вслѣдствіе ношенія деревянной палочки.

Дома минунго рѣзко отличаются отъ жилищъ другихъ племенъ; они крестообразные, покрыты густымъ слоемъ тончайшаго тростника и, слѣдовательно, большей частью непроницаемы для дождя; при этомъ крайне опрятны по наружному виду. Внутри они во всякомъ случаѣ производятъ нѣсколько иное впечатлѣніе: весьма грязны и при тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи отличаются отсутствіемъ всякой вентиляціи. У минунго существуетъ особое суевѣріе, а именно: каждый изъ нихъ глубоко убѣжденъ въ силѣ, т. е. хорошемъ и дурномъ дѣйствіи „pemba" и „lundo", бѣлой и красной глины; изъ послѣдней, съ примѣсью растительнаго масла, минунга устраиваютъ свои красныя прически. При каждой болѣзни она служитъ имъ въ видѣ лекарства; такъ, напр., они намазываютъ одну половину сосуда для питья растительнымъ масломъ, а другую бѣлой глиной („pemba"). Если пузырьки образуются со стороны „pemba", то болѣзнь приметъ хорошій оборотъ; въ противномъ случаѣ она будетъ упорная; напитокъ, составленный изъ мѣстныхъ травъ, долженъ быть выпитъ изъ сосуда со стороны вымазанной „pemba". Шарики, сдѣланные изъ „pemba", приносятъ счастье въ торговлѣ, равно и въ предпринятомъ воровствѣ и грабежѣ; шарики изъ „lunda" (красной глины) предохраняютъ отъ всякаго зла; поэтому, чернокожіе носятъ тѣ и другіе. Что касается религіи, то минунго поклоняются фетишамъ: „Цамби" и „Гамба", которые они сами вырѣзаютъ изъ дерева; первый имѣетъ иногда крестообразную форму и вылитъ изъ мѣди, или же есть ничто иное, какъ распятіе, купленное у португальцевъ, но также сдѣланное изъ дерева. Второй фетишъ представляетъ собой грубо вырѣзаннаго орла или быка съ всадникомъ, и даже нерѣдко олицетворяется въ старомъ сосудѣ, съ „pemba" или „lunda". Минунго молятся только въ надеждѣ извлечь выгоду изъ извѣстной вещи, и если человѣкъ имѣетъ успѣхъ въ дѣлѣ, о которомъ онъ молится, то этимъ онъ обязанъ только Цамби или Гамба. Они называютъ „кицао" горшокъ съ водой и прочими снадобьями; если кто вымоется въ немъ, то угождаетъ этимъ Гамба. Затѣмъ они величаютъ „кизукуло" горшокъ, наполненный различными цѣлительными средствами, которыя выбрасываются послѣ выздоровленія больнаго.

Бангала чувствуютъ особенное пристрастіе къ собачьему мясу, которое ѣдятъ въ жаренномъ или, вѣрнѣе сказать, прокопченомъ видѣ; племя биге вполнѣ раздѣляетъ этотъ вкусъ, между тѣмъ какъ сонго и минунго не ѣдятъ собакъ. Но, съ другой стороны, сонго и бангала хоронятъ своихъ повелителей болѣе цивилизованнымъ способомъ, нежели минунго, хинге и кіоко. У этихъ трехъ тѣло повелителя выставляютъ публично въ домѣ; всѣ жители покидаютъ въ этомъ случаѣ деревню и идутъ къ наслѣднику умершаго или уходятъ вмѣстѣ съ нимъ. Только три невольника остаются при покойникѣ, живутъ въ томъ же домѣ и тщательно собираютъ день за день червей, падающихъ съ тѣла. Это пріятное занятіе продолжается три года, пока останется одинъ скелетъ. Тогда черви, собранные въ сосудъ, воплотившіе въ себѣ мясо покойнаго, выбрасываютъ вмѣстѣ съ его костями въ какой нибудь частый кустарникъ. Во всѣхъ странахъ за-

падной Африки послѣ смерти вождя туземцы пользуются временемъ, пока онъ не похороненъ и не замѣненъ другимъ, чтобы грабить проѣзжающихъ до послѣдней возможности. Погребальные обычаи у бангала имѣютъ болѣе цивилизованный характеръ.

Шюттъ видѣлъ въ землѣ кассандше много мѣстъ погребенія „quibindas", гдѣ вокругъ могилы, выложенной изъ глины, былъ посаженъ кустарникъ съ тщательно разбитыми дорожками; кромѣ того, вокругъ всего кладбища проложена была большая дорога въ 20 м. ширины съ цѣлью предохраненія отъ частыхъ пожаровъ прерій. Въ такую могилу опускаютъ все тѣло, и не кладутъ одни ногти и пр., какъ у лунда, которые затѣмъ бросаютъ трупъ въ рѣку, равно какъ и тѣла убитыхъ Муата-Ямво. Подобная могила роскошно снабжается „fazenda"; но у лунда, при погребеніи знатнаго человѣка, вмѣстѣ съ нимъ садятъ двухъ живыхъ людей, невольника и невольницу съ переломленными ногами (а также нерѣдко руками), и замуравливаютъ; затѣмъ, на самой могилѣ убиваютъ отъ сорока до пятидесяти рабовъ. Данники Муата Ямво, какъ „маи", „мона-кимбундо", слѣдовательно, значительные вожди другихъ странъ, принадлежащихъ лунда, равнымъ образомъ погребаются вмѣстѣ со своей свитой. Но бангала давно уже отстали отъ этого варварскаго обычая. У могилы, въ видѣ сторожа, приставленъ одинъ изъ вождей, который приходится родственникомъ покойнику; это считается такой честью, что незначительный „соба" пріобрѣтаетъ такимъ способомъ званіе маквита.

Погребальные обычаи бондо ничѣмъ не отличаются отъ анголезскихъ; они хоронятъ своихъ мертвецовъ по дорогѣ. Хотя языкъ представляетъ нѣкоторое отступленіе отъ м'бунду, но представители обоихъ племенъ понимаютъ другъ друга. Діалектъ бондо болѣе мягкій и пѣвучій, но особенно поражаетъ въ немъ хрюкающій звукъ, которымъ они выражаютъ удовольствіе и согласіе, и затѣмъ протяжное, ежеминутно повторяемое „öh".

Ихъ единственное серіозное занятіе заключается въ церемоніяхъ, съ которыми они привѣтствуютъ другъ друга, а затѣмъ въ ѣдѣ и снѣ; все остальное исполняютъ они неохотно и безучастно, и только здороваются съ увлеченіемъ. Если человѣкъ входитъ въ общество людей, равныхъ ему по положенію, то онъ садится на корточки и сперва дотрогивается до земли, затѣмъ до груди, сложенными ладонями рукъ, послѣ чего всѣ одновременно хлопаютъ девять разъ въ ладоши. Первый ударъ въ тактъ самый громкій, затѣмъ быстро слѣдуютъ пять ударовъ descrescendo; три послѣдніе удары еще болѣе медленные и едва слышные. Въ тѣхъ случаяхъ, когда среди собравшагося общества находится знатное лицо, входящій цѣлуетъ землю, и при этомъ наравнѣ со всѣми остальными складываетъ руки и хлопаетъ въ ладоши. Во время пріема у болѣе или менѣе значительныхъ вождей, входящій сгибается такимъ способомъ, что дотрогивается лопаткой праваго плеча до земли, но не ложится, а только цѣлуетъ землю, приложивъ ладонь къ груди. При этомъ онъ по возможности натираетъ кожу пылью, и чѣмъ грязнѣе его тѣло, тѣмъ больше окажетъ онъ почета тому, кого привѣтствуетъ. Эта церемонія никогда не упускается

Вождь фановъ съ убитой гориллой.

изъ виду. Но прощаніе считается лишнимъ; всякій встаетъ, когда ему вздумается и уходитъ. Женщины у бондо не имѣютъ права здороваться; онѣ носятъ квадратный „панно" европейской фабрикаціи, привязанный къ бедрамъ веревкой или тесемкой; грудь большей частью ничѣмъ не закрыта, и только въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ завѣшиваютъ ее кускомъ ситца. Дополненіемъ къ этому туалету служатъ латунные обручи на ногахъ, которые чѣмъ массивнѣе, тѣмъ больше цѣнятся; затѣмъ всевозможныя принадлежности фетишизма, особенно рога молодыхъ свинообразныхъ антилопъ („caseche") и, наконецъ, нитки бусъ вокругъ шеи. Мелкія голубыя, красныя и бѣлыя бусы („cassongo") нанизываются здѣсь въ возможно толстыя пасмы и продѣваются своеобразнымъ способомъ черезъ плечо подъ обѣ руки; по толщинѣ мотковъ бусъ узнаютъ степень любви, которую мужъ питаетъ къ своей женѣ. Пока дѣвушки живутъ у матерей, имъ не легко добыть такое количество бусъ, такъ какъ отцы собственно дарятъ украшенія своимъ дочерямъ только въ то время, когда онѣ малы. Женщины и мужчины носятъ свои волосы связанными вокругъ затылка, въ видѣ небольшихъ, тѣсно прилегающихъ одна къ другой, висячихъ косичекъ, съ вплетенными въ нихъ бусами; при этомъ косички также скрѣплены между собой нитями бусъ (Schütts, Reisen, s. 54—55).

Прическа банту на западѣ центральной Африки можетъ положительно служить мѣриломъ степени цивилизаціи у туземцевъ. Племена, вступившія въ сношенія съ бѣлыми, не носятъ никакихъ особенныхъ прическъ и одинаково стригутъ себѣ волосы. У нѣкоторыхъ племенъ, живущихъ вблизи цивилизаціи, различныя прически существуютъ только у женщинъ, какъ, напр., у бангала; между тѣмъ какъ мужчины, которые чаще посѣщаютъ поселенія амбаквистасъ, имѣютъ коротко остриженные волосы. Что же касается настоящихъ дикарей, то мужчины и женщины носятъ одинаковую прическу, и чѣмъ дальше вглубь страны, тѣмъ она становится болѣе неуклюжей и нелѣпой.

ПЛЕМЕНА НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ ГВИНЕИ.

На сѣверѣ земли Нама, населенной готтентотами, вдоль морскаго берега почти до Кунене, и далеко вглубь страны, тянется сравнительно мало изслѣдованная страна Дама, которую ошибочно называютъ Дамара или Дамрасъ. Къ западу отъ чуановъ ее населяетъ народъ банту, распространенный, по свидѣтельству Гана, между 22° 58′ и 19° 30′ ю. ш. и 14° 20′ в. д. отъ Гр. и на нѣсколько градусовъ къ западу отъ озера Нгами. Западныя племена въ землѣ Дама называютъ себя ова-гереро, восточные — ова-мбандшеру. На сѣверо-востокъ отъ первыхъ расположены поселенія коварныхъ ова-мпо. Дам-

представляютъ собою сильный, выносливый, воинственный и крайне неопрятный народъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами; они ведутъ пастушескій образъ жизни, не имѣютъ постояннаго мѣста жительства и находятся въ постоянной враждѣ съ гросснама, готтентотами и бергдама. Они говорятъ на діалектѣ очигереро, сродномъ съ языкомъ чуановъ, но непонятномъ для послѣднихъ. Эта нѣкогда могущественная нація была отчасти истреблена въ болѣе позднее время племенемъ нама, и частью оттѣснена имъ къ югу. Около тысячи лѣтъ тому назадъ дама двинулись изъ горной страны центральной Африки, и послѣ ряда произведенныхъ имъ переворотовъ, овладѣли странами между Куизиномъ и 19° ю. ш. Несмотря на свое угнетенное состояніе, дама во всякомъ случаѣ считаютъ себя высшими существами, сравнительно съ бушменами. Они убиваютъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ или же обращаютъ въ своихъ рабовъ. По своимъ нравамъ, они представляютъ сродство съ чуанами, а равно и сагамъ, относящимся къ исторіи и мірозданію; съ другой стороны, въ главныхъ чертахъ они не особенно отличаются отъ остальныхъ банту, какъ по характеру, такъ и умственнымъ способностямъ. Теперь дама снова сдѣлались господствующимъ народомъ въ странѣ, увеличили свои стада до огромныхъ размѣровъ, владѣютъ превосходнымъ и дорогимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и даже порядочнымъ количествомъ ружей новѣйшей системы; ѣздятъ верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ и катаются въ экипажахъ. Число ихъ простирается до 100,000 душъ; изъ нихъ 80,000 приходится на ова-гереро и 30,000 на ова-мбандшеру.

Названіе ова-гереро означаетъ приблизительно „веселый народъ“; въ Кэплендѣ ихъ величаютъ дама, при этомъ ихъ дѣлятъ на пастуховъ и горныхъ жителей. Хотя, повидимому, здѣсь не находятъ между ними никакихъ поразительныхъ знаковъ отличія, но въ дѣйствительности горные дама, правильнѣе называемые гау-кгоины представляютъ рѣзкія особенности, какъ въ наружности, такъ и во всемъ остальномъ. Дама высоки ростомъ, съ стройнымъ и пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ и слабо развитыми мышцами; у нихъ темные глаза, мало выступающія скуловыя кости, большой ротъ съ толстыми губами, округленный подбородокъ, красный или темно-коричневый цвѣтъ кожи; косматые волосы ихъ заплетены въ видѣ косъ или висятъ прядями. Женщины малы ростомъ и скоро становятся безобразными. Всѣ дама носятъ передникъ, а при дурной погодѣ мѣховой плащъ (kaross), но при этомъ еще украшаютъ себя своеобразнымъ способомъ. Вокругъ бедеръ они надѣваютъ руло изъ свернутыхъ въ нѣсколько разъ ремней, которые въ случаѣ надобности употребляются для завязыванія вмѣсто веревокъ. Въ хорошую погоду верхняя часть туловища остается ничѣмъ не покрытой, тѣмъ не менѣе тщеславный дама украшаетъ себя всякаго рода тяжеловѣсными украшеніями. Онъ надѣваетъ вокругъ шеи шнурокъ съ шарами изъ слоновой кости различной величины, которые висятъ до колѣнъ и съ шумомъ ударяются другъ о друга при ходьбѣ. Шея и руки украшены шнурками, на которыхъ нанизаны мѣдные шарики; нога ниже колѣнъ обвита ниткой стекловидныхъ коралловъ; такая же нитка надѣта на лбу, съ прикрѣпленной посреди раковиной; къ этому нужно приба-

вить обувь, состоящую изъ сандалій, заостренныхъ спереди и сзади. Женщины выказываютъ такое же пристрастіе къ нарядамъ; онѣ носятъ на головѣ странный чепчикъ изъ твердой кожи, отороченный спереди мягкой кожей, и никогда не снимаютъ этого убора въ присутствіи постороннихъ людей. Онѣ также надѣваютъ на себя родъ корсета изъ сшитой вмѣстѣ тесьмы, къ которой прикрѣплены кусочки страусовыхъ яицъ. Богатыя носятъ на шеѣ ремни съ разнообразными помадными баночками, наполненными бараньимъ жиромъ и красной охрой, а также мѣдные фунтовые шары на сгибѣ ноги и пр. Дама имѣютъ очевидную склонность къ бродячей жизни; ихъ полукруглыя хижины съ неизмѣннымъ скотнымъ краалемъ не отличаются прочностью, такъ какъ стѣны сплетены изъ вѣтвей кустарника и прикрыты сверху тонкимъ слоемъ глины и коровьимъ навозомъ. Ихъ ведра для молока, сосуды для питья и воды, ложки и оружіе сдѣланы непрочно и не особенно красивы. Они не употребляютъ щитовъ; ихъ оружіе неопасно для враговъ и состоитъ изъ короткаго метательнаго копья съ желѣзнымъ наконечникомъ, бычачьяго хвоста, связаннаго узломъ, легкой метательной дубины и кинжала. Стрѣлы намазаны слабымъ ядомъ и бьютъ не далѣе, какъ на 20—30 шаговъ. Многоженство господствуетъ повсемѣстно. Женщина исполняетъ всю работу, но мужъ во всемъ помогаетъ ей. Дама живутъ семьями или небольшими обществами и не выказываютъ большой привязанности къ своему вождю. Главныя черты ихъ національнаго характера: постоянная веселость, легкомысліе, лживость, доходящая до дерзости, замѣчательная способность къ изученію иностранныхъ языковъ и къ механическимъ производствамъ; при этомъ недостатокъ выдержки, непостоянство, чрезмѣрная болтливость и пристрастіе къ куренію даха, танцамъ и музыкѣ. Въ ночныхъ танцахъ участвуютъ также женщины. У дама существуетъ своеобразный церемоніалъ, который при этомъ выработался самостоятельно въ каждой семьѣ. Подростающему молодому поколѣнію выбиваютъ рѣзцы нижней челюсти. Суевѣріе процвѣтаетъ во всякой формѣ. Здѣшніе туземцы боятся привидѣній, ворожбы и колдовства, вслѣдствіе чего знахари извлекаютъ порядочный доходъ изъ своего ремесла. Если умираетъ богатый человѣкъ, то плакальщицы поднимаютъ ужасающій вопль; мертвеца завертываютъ въ темное сукно и хоронятъ вмѣстѣ съ его домашней утварью; надъ могилой вѣшаютъ два бычачьихъ рога. Темная мѣховая шапка служитъ признакомъ траура.

Пространство между Кунене и Конго преимущественно занято португальскими колоніями: Моссамедесъ, Бенгуэла и Ангола, гдѣ туземцы большею частью принадлежатъ къ семьѣ народовъ банту, особенно внутри страны, въ окрестностяхъ Биге. Область Биге населена слѣдующими племенами: муквиссо, мундомбе, мугумбе, квимбанди, байлундо, біэно и гангуэлла; изъ нихъ три послѣднихъ самые значительные. Эти племена тѣмъ выше въ своемъ физическомъ развитіи, чѣмъ болѣе они удалены отъ берега, какъ это ясно показываетъ примѣръ біэно и байлундо. Ихъ одежда въ высшей степени простая; она состоитъ изъ куска сукна или шкуры. Маніока и просо составляютъ ихъ главную пищу, и только по случаю праздниковъ закалываютъ штуку скота. Вся полевая работа лежитъ на женщинахъ; мужчины проводятъ жизнь въ праздности.

Между изслѣдованными туземными племенами Серпа Пинто обращаетъ особенное вниманіе на амбуэлла, такъ какъ, по его мнѣнію, они должны со временемъ прежде другихъ встать твердой ногой на

пути прогреса и цивилизаціи. Амбуэлла образуютъ родъ федераціи подъ властью второстепенныхъ вождей и пользуются порядочнымъ правленіемъ. Ужасающая кровавая рѣзня, которая составляетъ обыденное явленіе въ большихъ государствахъ съ самовластнымъ правленіемъ, никогда не бываетъ здѣсь или только въ исключительныхъ случаяхъ. Хотя у нихъ распространено воровство, но убійство неизвѣстно имъ. Маіоръ Серпа Пинто, во время своего пребыванія у Амбуэлла, познакомился съ замѣчательнымъ альбиносскимъ народомъ мукассеквересъ. Они населяли страну между Кубанго и Куандо, совмѣстно съ амбуэлла и присвоили себѣ лѣсистыя земли. Пинто былъ пораженъ ихъ крайнимъ безобразіемъ. У нихъ маленькіе, косо лежащіе глаза, скуловыя кости далеко удалены одна отъ другой и выступаютъ впередъ; носъ приплюснутый и едва замѣтный съ открытыми ноздрями несоразмѣрной величины; волосы курчавые и рунообразные, ростутъ пучками, и особенно густы на верхушкѣ головы. Цвѣтъ кожи черный у амбуэлла и бѣлый у мукассеквересовъ; послѣдніе принадлежатъ по типу къ готтентотской расѣ. Они не занимаются хлѣбопашествомъ, поэтому земледѣльческія орудія совершенно неизвѣстны у нихъ; лукъ и стрѣлы составляютъ ихъ единственное оружіе. Во многихъ отношеніяхъ они стоятъ ниже обитателей лѣсныхъ чащъ, такъ какъ у нихъ даже нѣтъ пещеръ, гдѣ бы они могли искать убѣжища. Вслѣдствіе этого ихъ можно считать единственными дикарями южной тропической Африки, которые исключительно питаются кореньями, медомъ и дичью, убитой на охотѣ. По мнѣнію Пинто, они не должны быть этнологически причислены къ готтентотамъ. Хотя онъ не представилъ снимковъ съ мукассеквересовъ, но судя по тѣмъ отличительнымъ признакамъ, которые приведены имъ, едва ли возможно отвести имъ мѣсто среди другихъ народовъ (Serpa Pintos Wanderungen quer durch Afrika vom Altantischen zum Indischen Ozean. Leipzig 1881. Bd. I, s. 296 — 301). Амбуэлла, гангуэлла, кабанго и лухаце, подобно большинству племенъ юго-западной Африки, находятся подъ властью отдѣльныхъ вождей („собо“), отличаются трудолюбіемъ; они хорошіе кузнецы, воздѣлываютъ землянные орѣхи, маніоку, бобы, клещевину, хлопокъ, занимаются скотоводствомъ, а также торговлей рабовъ. Человѣкъ ихъ племени можетъ быть обращенъ въ рабство, только въ качествѣ военноплѣннаго или для уплаты долга его родителей.

Земля отъ устья Куанза до р. Дондо и нѣсколько выше населена киссама. У нихъ поразительно безобразныя черты лица, они вообще ниже средняго роста и съ грязно-коричневымъ цвѣтомъ кожи, которая обыкновенно покрыта толстой корой грязи пепельнаго цвѣта. Они составляютъ многочисленное племя, и относятся съ такимъ недовѣріемъ къ европейцамъ, что не позволили португальцамъ учредить торговыя поселенія въ ихъ территоріи. Ихъ восточные сосѣди либоло

представляютъ полный контрастъ съ ними, какъ по строенію тѣла, такъ по характеру и умственному развитію; это рослое, хорошо сложенное племя съ добродушнымъ и интеллигентнымъ выраженіемъ лица. Либоло намазываютъ себѣ все тѣло пальмовымъ масломъ и обвиваютъ бедра легкимъ покровомъ изъ растительныхъ волоконъ, окрашенныхъ черной краской; длинные вычесанные волосы, заплетенные въ тонкія косички съ нанизанными на нихъ стеклянными бусами, деревянными палочками и кораллами висятъ по плечамъ. На макушкѣ головы въ видѣ сіянія красуется кружокъ, сдѣланный изъ шкуры антилопы или изъ волоконъ коры баобаба, изъ-подъ краевъ котораго торчатъ лучеобразно волосы или древесныя волокна. Этотъ головной

Туземецъ съ береговъ Лоанго (по Фричу).

уборъ встрѣчается также у многихъ другихъ племенъ, и, между прочимъ, у живущихъ далѣе къ югу м'балунду (Herman Soyaux, Aus Westafrika, Erlebnisse und Beobachtungen, Leipzig 1879. Bd. II, s. 17—18). Эти м'балунду равнымъ образомъ представляютъ одно изъ лучшихъ здѣшнихъ племенъ, благодаря тому, что еще не вступили въ сношенія съ бѣлыми. Повсемѣстно рабы м'балунда предпочитаются здѣсь всѣмъ другимъ, вслѣдствіе своей честности и трудолюбія. У всѣхъ этихъ племенъ мужчины и дѣвушки собираются толпами для „batuk", канкана чернокожихъ, и подъ аккомпаниментъ пѣнія и хлопанья въ ладоши, со страстью предаются неприличной пляскѣ. Кромѣ обычной, далеко распространенной деревянной „маримба" и повсемѣстно употребляемаго для плясовой музыки барабана н-дунго, путе-

шественникъ Сойо видѣлъ еще въ рукахъ м'балунду особый инструментъ, напоминающій скрипку съ четырехъугольной декой и тремя натянутыми на ней струнами, свитыми изъ растительныхъ волоконъ, по которымъ водятъ смычкомъ, сдѣланнымъ изъ такихъ же волоконъ (Soyaux a, a. O., 177). Сойо сообщаетъ напѣвы м'балунда въ видѣ образца ихъ музыкальныхъ дарованій.

Туземцы Лоанго бафіоте (един. м-фіоте), какъ они называютъ себя, рѣзко отличаются отъ муссеронго, живущихъ далѣе къ югу; ихъ стройныя, нерѣдко величественныя фигуры съ пропорціоанльными членами въ большинствѣ случаевъ напоминаютъ типъ европейца. Руки съ коричневой lunula свѣтлыхъ ногтей; ноги большею частью маленькія и хорошей формы; икры не представляютъ той худобы, которую принято считать типичной. Подбородокъ только въ рѣдкихъ случаяхъ уродливо выступаетъ впередъ; но лицо тѣмъ не менѣе обезображено приплюснутымъ носомъ. Ротъ, напротивъ того, рѣзко и большею частью красиво очерченъ, губы полныя, но не въ такой степени вздутыя, какъ обыкновенно предполагаютъ; зубы бѣлые и небольшіе. Соединительная оболочка темныхъ, огненныхъ и большихъ глазъ имѣетъ желтоватый оттѣнокъ; вѣки окаймлены длинными, слегка загнутыми рѣсницами; брови вообще негустыя, но часто смѣло очерченныя. Лобъ довольно выпуклый; форма головы овальная или полуовальная; у многихъ на щекахъ ямочки; сильно выступающія скулы составляютъ рѣдкость; ушныя раковины малы и даже красивы. Черные чрезвычайно курчавые волосы коротко обстрижены или свернуты въ небольшіе пучки. Цвѣтъ кожи пріятнаго коричневаго цвѣта и довольно нѣжный, такъ что можно замѣтить внезапную блѣдность или румянецъ, выступающій на щекахъ; у хорошо упитанныхъ индивидовъ при спокойной жизни кожа немного свѣтлѣе. Кожа покрыта тонкими волосами. Борода ростетъ плохо; большею частью встрѣчаются одни бакенбарды, хотя Сойо видѣлъ старика съ настоящимъ римскимъ профилемъ и весьма красивыми сѣдыми усами и бородой. Ладони и подошвы имѣютъ желтовато-грязную окраску съ морщинами кровяного цвѣта. Кожа у новорожденныхъ дѣтей свѣтлая, почти такого же цвѣта, какъ у свѣтлокожихъ мулатовъ, съ розоватымъ отливомъ и отдѣльными темными пятнами на извѣстныхъ частяхъ тѣла. Отвратительный запахъ, свойственный негритянской кожѣ, встрѣчается у бафіоте въ исключительныхъ случаяхъ; они сами замѣчаютъ его и видятъ въ этомъ нѣчто особенное.

Уродованіе съ цѣлью украшенія тѣла производится въ ограниченныхъ размѣрахъ: оно состоитъ частью въ выламываніи верхнихъ рѣзцовъ, отчасти въ татуировкѣ груди и средины живота разными рисунками. Что же касается короткихъ шрамовъ отъ надрѣзовъ кожи на спинѣ и плечахъ по три въ рядъ, то они происходятъ отъ частаго кровопусканія съ помощью рожковъ. Эта операція совершается тѣмъ же способомъ, какъ у египтянъ: изъ надрѣзовъ кожи,

сдѣланныхъ ножемъ, вытягиваютъ кровь посредствомъ рога козы или антилопы; затѣмъ раны прикрываютъ мягкимъ каучукомъ. Прокалываніе ушныхъ мочекъ, иногда одной изъ нихъ, ни въ какомъ случаѣ не было введено бѣлыми посредствомъ продажи серегъ, но существовало еще раньше; туземцы вмѣсто серегъ носятъ въ ушахъ кусочки дерева и солому.

М'фіоте наивенъ и дѣтски веселъ по нашимъ понятіямъ; онъ не знаетъ цѣны времени. Роскошь и богатство окружающей его природы непосредственно дѣйствуютъ на его необузданную фантазію и усиливаютъ его склонность къ чувственности. Онъ скоро переходитъ изъ одной крайности въ другую, легко возбуждается какъ въ хорошемъ, такъ и дурномъ смыслѣ, но также скоро

Дѣвушка съ береговъ Лоанго (по Фричу).

приходитъ снова въ спокойное состояніе. Въ ѣдѣ и питьѣ онъ довольно умѣренъ, и пьянство ни въ какомъ случаѣ не составляетъ его порока. Онъ любитъ чистоту, часто купается, и послѣ каждой ѣды моетъ ротъ, зубы и руки. Оскорбленное чувство стыдливости вызываетъ краску на его лицѣ, и цвѣтъ кожи темнѣетъ. У него есть также нѣкоторое понятіе о чести, хотя оно нерѣдко проявляется въ видѣ тупаго упрямства. Такъ, напримѣръ, если въ домѣ бѣлаго совершена кража и т. п., то почти никогда не удается узнать виновнаго или зачинщика среди чернокожей прислуги, потому что каждый въ этомъ случаѣ предпочитаетъ подвергнуться наказанію, нежели выдать виновнаго.

Хотя м'фіоте во многихъ отношеніяхъ можетъ быть названъ ребенкомъ, но онъ далеко не такъ простъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Благодаря сношеніямъ съ бѣлыми, у него развилось коварство и жадность; онъ стремится своеобразнымъ способомъ къ удовлетворенію потребностей, которыя прежде были совершенно неизвѣстны ему, и ради этого прибѣгаетъ къ неза-

сдѣланныхъ ножемъ, вытягиваютъ кровь посредствомъ рога козы или антилопы; затѣмъ раны прикрываютъ мягкимъ каучукомъ. Прокалываніе ушныхъ мочекъ, иногда одной изъ нихъ, ни въ какомъ случаѣ не было введено бѣлыми посредствомъ продажи серегъ, но существовало еще раньше; туземцы вмѣсто серегъ носятъ въ ушахъ кусочки дерева и солому.

М'фіоте наивенъ и дѣтски веселъ по нашимъ понятіямъ; онъ не знаетъ цѣны времени. Роскошь и богатство окружающей его природы непосредственно дѣйствуютъ на его необузданную фантазію и усиливаютъ его склонность къ чувственности. Онъ скоро переходитъ изъ одной крайности въ другую, легко возбуждается какъ въ хорошемъ, такъ и дурномъ смыслѣ, но также скоро

Дѣвушка съ береговъ Лоанго (по Фричу).

приходитъ снова въ спокойное состояніе. Въ ѣдѣ и питьѣ онъ довольно умѣренъ, и пьянство ни въ какомъ случаѣ не составляетъ его порока. Онъ любитъ чистоту, часто купается, и послѣ каждой ѣды моетъ ротъ, зубы и руки. Оскорбленное чувство стыдливости вызываетъ краску на его лицѣ, и цвѣтъ кожи темнѣетъ. У него есть также нѣкоторое понятіе о чести, хотя оно нерѣдко проявляется въ видѣ тупаго упрямства. Такъ, напримѣръ, если въ домѣ бѣлаго совершена кража и т. п., то почти никогда не удается узнать виновнаго или зачинщика среди чернокожей прислуги, потому что каждый въ этомъ случаѣ предпочитаетъ подвергнуться наказанію, нежели выдать виновнаго.

Хотя м'фіоте во многихъ отношеніяхъ можетъ быть названъ ребенкомъ, но онъ далеко не такъ простъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Благодаря сношеніямъ съ бѣлыми, у него развилось коварство и жадность; онъ стремится своеобразнымъ способомъ къ удовлетворенію потребностей, которыя прежде были совершенно неизвѣстны ему, и ради этого прибѣгаетъ къ неза-

конным средствамъ. Кромѣ того, столкновеніе съ чужеземцами благопріятствовало его склонности къ подражанію и усилило въ немъ тщеславіе и любовь къ нарядамъ. Но при этомъ достойно замѣчанія, что въ важныхъ и торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда ихъ властелинъ оффиціально принимаетъ иностранца, они надѣваютъ свои туземныя одноцвѣтныя ткани, вмѣсто любимой пестрой матеріи, привозимой изъ Европы. М'фіоте, подобно всѣмъ представителямъ первобытныхъ народовъ, признаетъ одинъ законъ: „око за око, зубъ за зубъ". Онъ знаетъ, что бѣлый обманетъ его при первомъ удобномъ случаѣ и старается отплатить ему той же монетой, что нерѣдко удается ему. Онъ всегда недовѣрчиво относится къ намѣреніямъ бѣлаго человѣка, но, сознавая его превосходство, скрываетъ свои чувства подъ личиной равнодушія, и такимъ образомъ превращается въ осторожнаго лицемѣра. Но если онъ находится въ рабствѣ или въ услуженіи у бѣлаго человѣка, и убѣждается въ его справедливости и доброжелательствѣ, то искренно привязывается къ нему и чувствуетъ благодарность за хорошее обращеніе. Онъ держитъ данное обѣщаніе и исполняетъ условія, заключенныя съ бѣлыми. Въ сношеніяхъ съ соплеменниками, онъ дѣйствуетъ открыто и честно, внушаетъ своимъ дѣтямъ любовь къ правдѣ и наказываетъ ихъ, если поймаетъ во лжи.

Онъ не одаренъ особенной энергіей и не чувствуетъ горячаго стремленія къ труднымъ предпріятіямъ; его скорѣе можно назвать нерадивымъ, нежели лѣнтяемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, потому что онъ работаетъ охотно и усидчиво для достиженія близкой цѣли; все, что внѣ ея, кажется ему совершенно лишнимъ. Добродушный отъ природы, онъ доходитъ до кровожадной жестокости и безчеловѣчной ярости подъ вліяніемъ суевѣрія и религіознаго фанатизма. Онъ разговорчивъ до болтливости; его можно вообще назвать общительнымъ и въ другихъ отношеніяхъ; такъ, напр., во время ѣды онъ едва ли пропуститъ прохожаго, не угостивъ его. Хотя онъ задоренъ и горячъ въ спорѣ, но обыкновенно выражаетъ свой гнѣвъ только на словахъ; боится войны и кровопролитія, и не отличается спартанской храбростью. Если два противника не могутъ рѣшить спора между собой, то вопросъ обсуждается въ общественномъ „palaver"; при этомъ туземцы обнаруживаютъ поразительную бѣглость языка, краснорѣчіе и ораторскую ловкость, при значительной находчивости и эластичности мыслительныхъ способностей.

Въ пользу развитія духовной жизни м'фіоте говоритъ обычай, по которому молодой дѣвушкѣ дозволяется самой выбрать себѣ мужа, соотвѣтствующаго ея вкусу, а равно и трогательная дѣтская и родительская любовь, которая заставляетъ мириться со многими темными сторонами ихъ характера. Вышеупомянутый ученый вообще не замѣтилъ особенно дружелюбнаго отношенія или сочувствія къ звѣрямъ, а также и дурнаго обращенія съ ними.

Религія бафіоте не представляетъ собственно политеизма въ настоящемъ значеніи этого слова; мы скорѣе встрѣчаемъ здѣсь монотеизмъ, хотя въ весьма смягченной формѣ. Туземцы вѣруютъ въ добраго бога, который создалъ міръ и людей и побѣдилъ злое начало; но это представленіе осквернено невѣроятнымъ количествомъ самыхъ грубыхъ и трудно объяснимыхъ предразсудковъ, задерживающихъ всякое умственное развитіе. Склонность бафіоте къ суевѣрію выражается, между прочимъ, въ множествѣ фетишей, большею частью неодушевленныхъ предметовъ, носимыхъ на тѣлѣ, которымъ жрецы придаютъ божественную силу для опредѣленныхъ цѣлей. Такъ, напр., существуютъ особые охотничьи фетиши, доставляющіе добычу охотнику, или такіе, съ помощью которыхъ открываютъ „н-ганга", т. е. колдуновъ, одержимыхъ злымъ духомъ. Послѣдніе причиняютъ всякаго рода вредъ, а именно, производятъ посредствомъ ворожбы разныя болѣзни, внезапные и преждевременные случаи смерти. Подобно тому, какъ лѣкарственное зелье у индійцевъ, такъ и здѣсь фетишъ

представляетъ собой осязательное выраженіе божественнаго могущества и покровительства, такъ что человѣкъ, владѣющій этого рода фетишемъ, бьетъ его или замѣняетъ другимъ, если онъ не оказываетъ ожидаемой отъ него помощи какъ отъ воплощенія вещества или частицы его. Такъ наз. „tschina“ (= чина) представляетъ родъ религіознаго обряда и заключается въ своеобразныхъ запрещеніяхъ, налагаемыхъ въ различныхъ случаяхъ жизни чернокожихъ. „Tschina“ состоитъ частью изъ общихъ запрещеній, обязательныхъ для каждаго, какъ, напр., въ „majombe“, т. е. въ запрещеніи приближаться съ огнемъ или горящимъ факеломъ къ рѣкѣ Куилу или свистать во время грозы. Но рядомъ съ этими существуютъ и такія запрещенія, которыя касаются отдѣльныхъ семействъ, и имѣютъ для нихъ обязательную силу изъ поколѣнія въ поколѣніе, а именно, имъ не дозволяется: ѣсть извѣстныя кушанья, произносить нѣкоторыя слова, дотрагиваться до извѣстнаго мѣста или предмета, подобно „tabu“ Южнаго океана. При этомъ достойно замѣчанія, что рабы не обязаны исполнять „tschina“.

Туземцы береговъ Лоанго одновременно занимаются рыболовствомъ и земледѣліемъ; это двойное занятіе разумѣется должно было благотворно отразиться на культурномъ развитіи м-фіоте. Рыболовство сравнительно доставляетъ имъ болѣе обезпеченное пропитаніе; если оно до извѣстной степени дѣлаетъ ихъ беззаботными и лѣнивыми, то, съ другой стороны, требуетъ отъ нихъ изобрѣтательности и трудолюбія для изготовленія цѣлесообразныхъ снарядовъ, а также ловкости, выдержки и закаливаетъ въ борьбѣ съ морскими бурями. Земледѣліе до сихъ поръ не могло особенно содѣйствовать ихъ культурѣ, такъ какъ преимущественно предоставлено женщинамъ, и хотя эта работа немыслима безъ сильнаго физическаго напряженіи, но при значительномъ плодородіи почвы и первобытной простотѣ орудій не требуетъ особенной сообразительности и упражненія умственныхъ способностей. Къ этому нужно добавить, что при сравнительно малочисленномъ населеніи, каждый имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточное количество земли, такъ что обработка почвы не приводитъ къ солидарности общественныхъ интересовъ.

Весьма сомнительно, чтобы торговля до сихъ поръ могла оказать благодѣтельное вліяніе на духовную жизнь м-фіоте; но она безспорно возвысила его въ умственномъ отношеніи. Сбытъ скота и другихъ продуктовъ, поступающихъ въ продажу, составляетъ занятіе мужчинъ; между тѣмъ какъ полевые плоды большею частью доставляются на рынокъ женщинами. Къ сожалѣнію, печальныя политическія условія мѣшаютъ развитію торговли съ бѣлыми, которая вслѣдствіе этого не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какія она могла бы имѣть при другомъ положеніи страны. Эти условія, въ свою очередь, представляютъ результатъ прежней торговли невольниками, которая нѣкогда исключительно велась здѣсь. Барышничество людьми не только убило всѣ благородныя стремленія въ душѣ м-фіоте, но привило ему чуждые пороки, заставило его пристраститься къ нимъ, развило въ немъ склонность къ наживѣ и ослабило узы народной и общественной связи въ прежнемъ государствѣ Лоанго. Послѣдній король (Малуанго) этого государства жилъ вѣроятно въ концѣ прошлаго столѣтія. Послѣ его смерти верховная власть была раздѣлена между многими главами семействъ, нѣкоторые изъ нихъ удержали при этомъ прежній титулъ и званіе. Послѣдніе, благодаря своимъ родственнымъ связямъ, богатству и мудрости, считаютъ подвластными своему господству не только деревни, въ которыхъ они сами живутъ, но и принадлежащіе къ нимъ земельные округи. Во время распрей съ другими властелинами деревень, они стараются подарками обезпечить себѣ привязанность подданныхъ и продлить свою власть. М'фіоте бо́льшей частью обмѣниваетъ продукты своей страны на европейскія легкія бумажныя матеріи, которыя отчасти изгнали туземныя

Колдунъ и знахарь съ береговъ Лоанго.

ткани, изготовляемыя изъ внутренней кожицы вѣерообразнаго листа пальмы raphia. Эти ткани употребляются для одежды, состоящей у мужчины, какъ у женщины, изъ фартука, доходящаго до колѣнъ, а также изъ большаго куска матеріи, напоминающаго тогу, который привязываютъ шнуркомъ или шарфомъ вокругъ пояса. Верхняя часть его спускается внизъ, напр., при работѣ, такъ что это своеобразное одѣяніе становится похожимъ на женскую юбку. Кромѣ того, женщины и взрослыя дѣвушки имѣютъ обыкновеніе прикрывать себѣ грудь платкомъ, прикрѣпленнымъ на высотѣ пазухъ. Голову вообще ничѣмъ не покрываютъ, но, тѣмъ не менѣе, здѣсь часто можно увидѣть на туземцахъ шерстянную шапку, привезенную изъ другихъ странъ или сотканную на мѣстѣ изъ волоконъ ананасоваго листа, и подчасъ весьма искусно. Извѣстная форма этой шапки составляетъ преимущество аттрибутъ нѣкоторыхъ сановниковъ. Дѣти не носятъ никакой одежды, кромѣ шнурка, накинутаго на бедра. Жизнь м'фіотовъ проходитъ довольно однообразно; единственнымъ развлеченіемъ служитъ „palaver", т. е. собраніе для рѣшенія общественныхъ дѣлъ или какой либо фамильный праздникъ. Три или четыре мѣсяца послѣ рожденія (мѣсяцъ у нихъ такой же, какъ у насъ, но годъ на половину короче), ребенка крестятъ въ присутствіи всѣхъ жителей деревни, кропятъ водой и уважаемый членъ семьи даетъ ему имя. Это обыкновенно какое нибудь имя, уже существующее въ семьѣ, или названіе растенія и животнаго, къ которому впослѣдствіи прибавляется много другихъ названій, благодаря пристрастію чернокожихъ къ случайнымъ прозвищамъ. Въ послѣднихъ иногда проглядываетъ мѣткій сарказмъ; такія клички весьма кстати примѣняются къ бѣлымъ. Мать воспитываетъ и обучаетъ ребенка, разсказываетъ ему сказки и заставляетъ его упражняться въ трудностяхъ языка. Мальчики и дѣвушки, выйдя изъ отроческаго возраста, собираются въ лунныя ночи для веселаго танца. У мужескаго пола при наступленіи зрѣлости производится обрѣзаніе. Сообразно преждевременной зрѣлости южнаго пояса, браки заключаются раньше, нежели у насъ (Сравн. Pechuel-Lösche, Indiscretes aus Loango in der Berliner Zeitsch. f. Ethnol. 1878, s. 17—33). Здѣсь существуетъ дикій обычай, который составляетъ поразительное противорѣчіе съ чувствомъ стыдливости, въ которомъ нельзя отказать м'фіотамъ. Передъ помолвкой взрослой дѣвушки, ее завертываютъ въ длинную одежду, и, среди своеобразной пляски и пѣнія, водятъ изъ деревни въ деревню, предлагая въ продажу jus primae noctis, что вовсе не вредитъ ея будущему браку. Но если дѣвушка согласна на выборъ мужа, сдѣланный родителями во время ея дѣтства, то она избавлена отъ подобной прогулки и ея послѣдствій. Женихъ не покупаетъ невѣсты, но только дѣлаетъ подарки ея родителямъ. Брачная церемонія крайне своеобразна; она состоитъ въ томъ, что невѣста готовитъ два кушанья въ хижинѣ жениха, и онъ съѣдаетъ ихъ. Если родители не согласны на ея бракъ съ избраннымъ ею человѣкомъ, то она выполняетъ тайно эту простую церемонію въ его хижинѣ, послѣ чего бракъ считается формально заключеннымъ. Хотя полигамія дозволена обычаемъ, но жена поставлена относительно мужа въ совершенно независимое положеніе: она сохраняетъ право распоряжаться своей собственностью; всякое имущество передается по наслѣдству только въ женской линіи; мужъ не можетъ завѣщать ничего своимъ дѣтямъ, ни быть наслѣдникомъ своей жены. Всѣ дѣвушки, которыя происходятъ (опять-таки по женской линіи) отъ могущественныхъ дворянскихъ фамилій стараго государства Лоанго, считаются принцессами, а равно и ихъ потомки, между тѣмъ какъ дѣти принца только причисляются къ дворянству. Принцесса имѣетъ право по своему усмотрѣнію выбрать себѣ въ мужья богатаго или бѣднаго человѣка, свободнаго или раба, но только не принца, а равно и мѣнять мужей, сколько ей угодно. Женщины: благодаря твердому и единодушному способу дѣйствій, умѣютъ сохранить свое

привилегированное положеніе даже при мужѣ, живущемъ въ полигаміи. Менѣе достаточный м'фіоте имѣетъ одну жену, такъ какъ для пріобрѣтенія многихъ женъ нужны свадебные подарки, которые возможны только при извѣстномъ состояніи, пріобрѣтенномъ посредствомъ торговли и охоты. Его богатство и почетъ, которымъ онъ пользуется въ обществѣ, увеличиваются соразмѣрно числу женъ, такъ какъ ихъ приданое заключается въ невольникахъ. Съ послѣдними обходятся кротко, ихъ считаютъ членами семьи, называютъ „сынъ" и „дочь", и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, они могутъ быть наслѣдниками своихъ господъ. Здѣсь не устраивается охоты за невольниками, какъ въ центральной Африкѣ; но въ рабство попадаютъ военноплѣнные, преступники или неоплатные должники. Рабъ, желающій избавиться отъ наказанія, которое онъ ожидаетъ отъ своего господина, переходитъ къ другому свободному человѣку, преимущественно „м-фуми", между прочимъ и къ бѣлому, ломаетъ у него сосудъ, рветъ его платье, наноситъ ему легкій ударъ или причиняетъ какой либо другой вредъ и такимъ образомъ становится неоплатнымъ должникомъ, т. е. собственностью послѣдняго, и этотъ, въ качествѣ новаго господина, обязанъ защищать его. Этотъ обычай даетъ наглядное понятіе о томъ, насколько охраняется собственность въ Лоанго.

М-фіоте, по случаю смерти людей своего племени, позволяетъ себѣ разныя злоупотребленія, источникомъ которыхъ служитъ крайнее суевѣріе, какъ, напр., „божій судъ". Покойника обмываютъ, сушатъ на огнѣ, вытираютъ ромомъ, затѣмъ хоронятъ на общественномъ деревенскомъ кладбищѣ. Погребеніе принцевъ и принцессъ связано съ особеннымъ церемоніаломъ; ихъ хоронятъ на кладбищѣ, исключительно предназначенномъ для „м-фуму" въ деревнѣ Лубу, близъ залива Лоанго (Soyaux, Aus Westafrika, Bd. I, s. 148—163.

Мавумбу, живущіе въ Макайя и въ окрестностяхъ этой области, представляютъ собой племя совсѣмъ иного типа, нежели остальные туземцы береговъ Лоанго. Португальцы прозвали ихъ judeos pretos (черные евреи), сообразно характеру ихъ физіономіи; этому названію соотвѣтствуетъ и ихъ репутація ловкихъ и искусныхъ купцовъ, достигающихъ благосостоянія и богатства. Мавумбу производитъ вообще пріятное впечатлѣніе своимъ серіознымъ и степеннымъ видомъ; глаза его имѣютъ смышленое выраженіе, что подтверждается его замѣчательнымъ искусствомъ въ промыслахъ, въ гончарномъ и въ кузнечномъ ремеслѣ. Цвѣтъ кожи мавумбу представляетъ еще болѣе рѣзкія противоположности, нежели у бафіотовъ; у большинства она черно-коричневая и вообще темнѣе, нежели у другихъ племенъ Лоанго, между тѣмъ какъ у нѣкоторыхъ индивидовъ она также свѣтла, какъ у мѣдно-красныхъ индійцевъ Америки. Весьма часто, въ особенности у женщинъ, можно встрѣтить уродованіе верхнихъ рѣзцовъ, такъ какъ два средникъ коротко подпилены, а сосѣдніе зубы притуплены на углахъ (A. a. O., Bd. I, s. 227).

Совмѣстно съ бафіоте, на берегахъ Лоанго мы встрѣчаемъ бавили, пѣсни которыхъ также однообразны, какъ растительность ихъ страны и затѣмъ байомбе, живущихъ далѣе вглубь страны въ лѣсистой землѣ Майомбе. Типъ лица у мало доступныхъ, замкнутыхъ, недовѣрчивыхъ и молчаливыхъ байомбе, по крайней мѣрѣ, у многихъ индивидовъ отличается почти европейской формой носа, и едва за-

мѣтнымъ прогнатизмомъ, а иногда даже отсутствіемъ его. Европейскіе товары пока мало проникли сюда, за исключеніемъ ружей старой системы. Для одежды употребляются туземныя циновки натуральнаго желтаго цвѣта или окрашенныя въ черную краску. Только болѣе достаточные люди, особенно молодыя дѣвушки, носятъ пестрый ситецъ; послѣднія также расписываютъ себѣ лица. На лбу, немного выше глазъ до ушныхъ раковинъ, проведена широкая красная полоса въ три пальца шириною; отсюда вдоль носа, за исключеніемъ самаго кончика, тянется ярко-желтая полоса до ушныхъ мочекъ, увѣшенныхъ кольцами; подбородокъ выкрашенъ бѣлоснѣжной краской. Вокругъ головы обвито нѣсколько туго натянутыхъ шнурковъ голубаго бисера; точно такіе шнурки окаймляютъ круглое обнаженное мѣсто на макушкѣ черепа; густые волосы на задней части головы до затылка выбриты замысловатыми узорами (A. a. O., Bd. I, s. 309). Племена сималакунъя и бакунъя въ землѣ Іангела отличаются отъ байомбе болѣе выступающимъ лбомъ, вслѣдствіе чего носъ у нихъ кажется приплюснутымъ; кромѣ того, ихъ волоса курчавѣе и гуще, и цвѣтъ кожи темнѣе. Лица ихъ имѣютъ особенно дикое выраженіе, потому что они выбиваютъ себѣ четыре верхнихъ рѣзца; но на дѣлѣ они привѣтливѣе и менѣе скрытны, чѣмъ байомбе. Къ сѣверу, по сосѣдству съ этими племенами, живутъ байяка и балумба.

Своеобразный способъ постройки деревень байяка встрѣчается и у сосѣднихъ племенъ балунда. Онѣ всѣ состоятъ изъ одной прямой улицы. въ срединѣ которой оставлены двѣ площадки для фетишей; по обѣимъ концамъ возвышаются обширные навѣсы на столбахъ, предназначенные для общественныхъ собраній. Деревня среднимъ числомъ состоитъ изъ пятнадцати или шестнадцати хижинъ, которыя построены почти такимъ же способомъ, какъ „чимбекъ“ бафіотовъ, но только изъ другого матеріала. Существенную часть хижины составляетъ и здѣсь прямоугольный абрисъ и крытыя сѣни, но безъ клапана въ крышѣ для выхода дыма, который составляетъ общій признакъ жилищъ на берегахъ Лоанго. Между тѣмъ, почти повсемѣстно можно встрѣтить болѣе или менѣе высокую постель, что во во всѣ времена считалось довольно важнымъ шагомъ къ цивилизаціи. У здѣшнихъ племенъ также въ употребленіи распространенное во многихъ мѣстностяхъ изголовье въ видѣ подставки съ тремя ножками; при этомъ встрѣчается и другая форма скамеечекъ для подпиранія головы, напр., родъ деревяннаго сѣдла или кружокъ, прикрѣпленный къ четыремъ деревяшкамъ. Огнестрѣльное оружіе проникло къ байякамъ путемъ торговли, хотя они мало пользуются имъ; но при этомъ каждый байяка имѣетъ при себѣ большой ножъ, который настолько же служитъ ему для защиты, какъ для работы въ лѣсу и въ полѣ. Кромѣ того въ употребленіи крошечный лукъ, изъ котораго стрѣляютъ такими же маленькими отравленными стрѣлами. Нѣкоторые туземцы искусно владѣютъ этимъ лукомъ, и мѣтко попадаютъ въ тонкій древесный стволъ на разстояніи двадцати-тридцати шаговъ. Равнымъ образомъ встрѣчаются копья различной формы: съ широкой пластинкой безъ крючковъ, другія очень красивыя, съ крючками и, наконецъ, въ видѣ деревянной рукоятки, одинъ конецъ которой обложенъ листовымъ желѣзомъ. Туземные кузнецы обрабатываютъ желѣзо почти тѣмъ же способомъ, какъ байомбе и бакунья, и здѣсь и тамъ употребляются одинаковые мѣхи, той же формы нако-

вальня и молотъ и то-же топливо (уголь собственнаго приготовленія). Пока извѣстно только небольшое число музыкальныхъ инструментовъ, и по всѣмъ даннымъ они дѣйствительно немногочисленны; у байяка они опять-таки встрѣчаются въ той же формѣ, какъ у прибрежныхъ жителей.

Бананы играютъ такую же роль въ пищѣ байяка, какъ маніока у бафіотовъ, байомбе и бакунья. Территоріи байяка, лежащія далѣе внутрь материка, производятъ большое количество земляныхъ орѣховъ; что же касается остальныхъ продуктовъ, то здѣсь также, какъ и на югѣ, распространенъ маисъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ, орѣхъ „kola" и табакъ. Туземцы изготовляютъ пальмовое вино, и любятъ продажную водку. Для куренія существуетъ особое приспособленіе; табакъ курятъ не изъ короткихъ трубокъ, употребляемыхъ въ другихъ мѣстахъ, а изъ своего рода первобытнаго чубука, часто встрѣчаемаго въ внутренной области Лоанго. Германъ Сойо видѣлъ подобное приспособленіе у племени сималакунья: чубукъ состоялъ изъ поразительно маленькой головки изъ обожженной глины, въ которую воткнутъ былъ полый нервъ банановаго листа вмѣсто трубки. Чернокожій почти никогда не куритъ одинъ съ комфортомъ; обыкновенно около него сидятъ на корточкахъ трое или пятеро товарищей; трубка переходитъ отъ одного къ другому и этимъ удовольствіе кончается. Курящій предварительно продуваетъ трубку, втягиваетъ въ себя дымъ, насколько позволяютъ его легкіе, затѣмъ изо всѣхъ силъ выпускаетъ изо рта набранный имъ дымъ и передаетъ трубку сосѣду. Табаку байяковъ приписываютъ особенно сильныя одуряющія свойства.

Одежда байяковъ состоитъ изъ передника, большею частью просто подвязаннаго безъ красиво приподнятаго узла и живописныхъ складокъ, которыми жители Лоанго съ такимъ вкусомъ драпируютъ свою одежду. При недостаткѣ хлопчатобумажныхъ матерій, добываемыхъ путемъ торговли, ткани изготовляются изъ древеснаго лыка. Что касается уборки и прически рунообразныхъ волосъ, то здѣсь настолько же преобладаетъ фантазія, какъ у другихъ африканскихъ племенъ. Всего чаще волосы заплетены на затылкѣ въ видѣ двухъ косъ, оттопыренныхъ сзади и на концахъ. Общепринятый обычай требуетъ, чтобы переднія зубы верхней челюсти были заострены; но такъ какъ эта операція рѣдко удается, то зубы въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ выломаны. У байяковъ даже мужчины, и подчасъ совсѣмъ старые, натираютъ себя порошкомъ красильнаго дерева „tukula", вслѣдствіе чего кожа принимаетъ красновато-коричневый, рѣже кирпично-красный цвѣтъ; въ Лоанго этотъ обычай преимущественно соблюдается женщинами. Татуировка также встрѣчается у мужчинъ; при этомъ поражаетъ выпуклость вырѣзанныхъ на кожѣ фигуръ. Что касается остальныхъ наружныхъ украшеній, то они ограничиваются желѣзными обручами на рукахъ и ногахъ. Женщины также носятъ набедренный передникъ; но головной платокъ изъ растительной ткани крайне характеренъ; онъ завязанъ сзади простымъ узломъ, какъ у европейскихъ крестьянокъ, между тѣмъ какъ рунообразные волосы образуютъ родъ высокой, выступающей впередъ, подушки на передней части головы. За эту подушку накинутъ ремень корзины, въ которой женщины носятъ полевые плоды, а въ случаѣ надобности и другіе продукты. Вмѣсто платка носятъ также плоскія косы, параллельно прилегающія къ головѣ. Весьма часто у здѣшнихъ женщинъ можно встрѣтить своеобразную татуировку на лбу и вискахъ, въ видѣ девяти—шестнадцати большихъ выступающихъ точекъ, образующихъ вкось положенный квадратъ. Матери, какъ это замѣчено и у бакунья, большею частью носятъ своихъ дѣтей на лентообразномъ ремнѣ, протянутомъ отъ плеча къ противоположному бедру. Ребенокъ сидитъ на широкомъ ремнѣ, обвивая ножками бедра матери. Стеклянныя бусы составляютъ любимое украшеніе женщинъ въ землѣ Байяка, равно и на берегахъ Лоанго, хотя здѣсь еще больше цѣнятся латунныя изогнутыя ожерелья, латунные и мѣдные обручи для рукъ и ногъ. На ряду съ

земледѣліемъ байяка занимаются гончарнымъ ремесломъ. Гончарный станокъ неизвѣстенъ; но, тѣмъ не менѣе, туземцы искусно придаютъ желаемую форму глиняной массѣ, съ помощью палочки и даже прямо отъ руки. Изготовленный глиняный сосудъ долго стоитъ на солнцѣ и открытомъ воздухѣ и затѣмъ обжигается на огнѣ.

Способъ переноски тяжести у байяковъ (мужчинъ) совершенно иной, чѣмъ у другихъ африканскихъ племенъ. Употребляемыя съ этой цѣлью корзины той же формы и величины, какъ „mutete", но здѣсь ихъ никогда не носятъ на головѣ или на плечѣ, а всегда на спинѣ. Съ этой цѣлью каждый „mutete" у байяковъ снабженъ для носки тремя широкими ремнями, изготовленными изъ лыка два ремня назначены для плечъ, третій накидывается на голову. „Mutete" превышаетъ носильщика на высоту головы. Ремень, надѣваемый на голову или на лобъ служитъ главнымъ образомъ для удержанія тяжести въ тѣхъ случаяхъ, когда утомлены плечи.

Само собою разумѣется, байяка также преданы фетишизму. Подобно байомбе и бакунъя фетишами служатъ у нихъ звѣриные черепа; и здѣсь, какъ и тамъ, рѣдко можно встрѣтить собраніе череповъ безъ черепа гориллы. Фетишъ „муири" представляетъ у байяка нѣчто совершенно своеобразное и пользуется у нихъ весьма понятнымъ почетомъ. Онъ доставляетъ мужчинамъ полнѣйшее и весьма удобное господство надъ женскимъ поломъ. Женщины и дѣвушки не должны никогда видѣть этого фетиша, и со страху обращаются въ бѣгство, когда его проносятъ мимо. Благодаря „муири" женщины у байяка не смѣютъ ѣсть ни куръ, ни козъ; его именемъ мужчины заявляютъ своимъ женамъ различныя требованія относительно обработки полей, доставки или продажи съѣстныхъ припасовъ. Равнымъ образомъ многіе другіе фетиши, какъ напр. „буанда", „маніэко", „бангойо", въ большей или меньшей степени служатъ средствомъ для запугиванія женщинъ и обращаютъ ихъ въ слѣпое орудіе мужчинъ.

Здѣсь также крайне самобытенъ обрядъ погребенія. Тѣла бѣдныхъ людей завертываютъ въ кожи, несутъ въ лѣсъ и привязываютъ къ вѣтви какого нибудь дерева; но если покойникъ знатный человѣкъ, то его колѣна пригибаютъ къ груди, уносятъ въ лѣсъ, сажаютъ въ плоскую яму и прикрываютъ сверху валежникомъ. Каждый трупъ вскрываютъ передъ завертываніемъ, чтобы „Nganga" могъ видѣть по внутренностямъ покойника произошла ли смерть естественнымъ образомъ или отъ ворожбы колдуна.

Ласкающіе звуки и пѣвучесть говора байяковъ съ перваго раза особенно поражаютъ путешественника, слухъ котораго привыкъ къ языку бафіотовъ и байомбе. Этотъ говоръ производитъ тѣмъ болѣе пріятное впечатлѣніе, что невольно наводитъ на мысль, что такіе мягкіе языки принадлежатъ не менѣе кроткимъ людямъ. Языкъ байяковъ имѣетъ тѣсное сродство съ фіоте и, вѣроятно, представляетъ ничто иное, какъ его измѣненный діалектъ. Многіе, повидимому, совершенно различные слова въ дѣйствительности тѣ же самые, только при этомъ произошло совершенно правильное измѣненіе *t* въ *r*, *d* въ *l*; и примѣнены различныя приставочныя гласныя какъ мы видимъ это изъ слѣдующаго примѣра:

фіоте.	байяка.	
tata	aarr	отецъ
mti	muri	палка, дерево
msitu	muschiru	лѣсъ
lutu	duro	ложка
tanu	irano	пять
tatu	yeriero	три
mbota	buerrero	звѣзда

Байяка, какъ и сродныя съ ними сосѣднія племена не отличаются особенно темнымъ цвѣтомъ кожи. Здѣсь также, какъ и въ Лоанго напрасно было бы отыскивать цвѣтъ кожи, наноминающій черное дерево; если встрѣчаются уклоненія отъ темно-бронзоваго цвѣта, то развѣ еще болѣе свѣтлаго оттѣнка. Ростъ туземцевъ тотъ же, какъ у лоанго. Физіономія ихъ довольно безобразна, что, повидимому, происходитъ отъ сильнаго развитія скуловыхъ костей (Die Loango-Expedition, ausgesandt von der deutschen Gessellschaft zur Erforschung Aequatorial-Afrikas 1873—1876. Ein Reisewerk in drei Abtheilungen von Paul Gussfeldt. Julius Falkenstein, Eduard Pechuel-Loesche. Leipzig 1879. Abtlg. I s. 196—201).

Въ каменистой горной странѣ Шинтече, отдѣленной отъ Іагела большими лѣсистыми пространствами, живетъ народъ бантече, который на берегу носитъ также названіе майолло. Бантече обращаютъ на себя вниманіе своеобразной татуировкой лица, такъ какъ по обѣимъ щекамъ отъ висковъ до носу проведены вкось параллельные надрѣзы кожи.

Затѣмъ слѣдуетъ западная экваторіальная Африка, т. е. область, орошаемая Огове и Габуномъ, которая до сихъ поръ весьма мало извѣстна. Въ этихъ странахъ также нѣтъ совсѣмъ негровъ, и жители должны быть причислены къ народамъ банту, какъ это показываетъ тѣсное сродство идіомовъ: м-понгве и ба-келле.

Племя очеба имѣетъ несравненно большее значеніе, какъ въ отношеніи численности, такъ и въ смыслѣ энергіи и посягательства на права другихъ народныхъ племенъ. Они сами дали себѣ прозвище фанъ или фаонъ; у береговъ ихъ называютъ м-пангве (не нужно смѣшивать съ м-понгве); французы передѣлали это названіе въ пагуэновъ; внутри материка они извѣстны подъ именемъ очеба. Это чрезвычайно распространенное народное племя, которое находится въ постоянномъ передвиженіи, все болѣе и болѣе подвигается изъ внутреннихъ странъ къ берегу; оно почти достигло границы французской территоріи, такъ что въ послѣднее время строжайшимъ образомъ было запрещено продавать винтовки туземцамъ. Область распространенія очеба весьма значительная. Они извѣстны на сѣверѣ отъ горъ Камерунъ, и на югѣ до Огове, гдѣ они занимаютъ весь правый берегъ и распространены далеко вглубь страны. При устьѣ рѣки Лоло они переходятъ даже за Огове; къ востоку встрѣчаются по сосѣдству съ племенемъ озака или ошеба, и распространены на огромное разстояніе къ сѣверо-востоку. Два путешественника: д-ръ Оскаръ Ленцъ и маркизъ де-Компьенъ убѣждены, что эти ошебо близкіе родичи съ племенемъ ніамніамъ въ области верхняго Нила, которое описано Швейнфуртомъ. Дѣйствительно, когда мы разглядываемъ рисунки, представленные Швейнфуртомъ, ихъ оружіе и снаряды, и читаемъ объ ихъ нравахъ, то находимъ много общаго между обоими племенами. Хотя ошеба во всякомъ случаѣ довольно дики и при этомъ людоѣды, но они, тѣмъ не менѣе, понравились Ленцу больше всѣхъ другихъ

племенъ; несмотря на свою жестокость, они до извѣстной степени правдивы, и имъ можно скорѣе довѣрять, нежели какому либо другому племени. На ряду съ большимъ количествомъ ошеба или фанъ, здѣсь существуетъ несмѣтное количество мелкихъ народныхъ племенъ, часто весьма похожихъ между собою, хотя въ то же время они довольно значительно отличаются другъ отъ друга по языку и нравамъ. По мнѣнію Ленца, они могутъ быть раздѣлены на четыре главныя группы. Одну изъ нихъ составляютъ: м-понгве, т. е. люди, говорящіе на языкѣ габунъ; онъ причисляетъ сюда собственно м-понгве, орунгу, живущіе на мысѣ Лопецъ, затѣмъ нкоми, галлоа, степень инига и адшумба. Вторую группу образуютъ народы оканде, а именно ялимбонго, окота, апинши, оканде и азимба, которые очень похожи другъ на друга. Затѣмъ весь лѣвый берегъ Огове между этими двумя группами занятъ акелле (и м-бангве), которые играютъ ту же роль на лѣвомъ берегу рѣки, какъ ошеба на правомъ, т. е. вторгаются въ область другихъ народовъ, мѣстами изгоняютъ ихъ; вообще живутъ во враждѣ со своими сосѣдями и внушаютъ къ себѣ такой же страхъ, какъ и племя фанъ на правомъ берегу Огове. Въ западно-восточномъ направленіи за вышеупомянутыми инипга, слѣдуютъ оканде, послѣ нихъ озака, адума и далѣе вверхъ по теченію банщака, между тѣмъ какъ противоположный, т. е. правый берегъ Огове почти исключительно населенъ племенемъ фанъ. Только на вилообразной полосѣ земли, между Огове и рѣкой Ивиндо, живутъ ошабо, мбамба и умбете. Акелле, подобно ошеба, не могутъ считаться первобытными обитателями страны, и вѣроятно проникли сюда не болѣе, какъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ до нашего времени. Тридцать лѣтъ тому назадъ никто не зналъ о существованіи фанъ, но вслѣдъ затѣмъ они впервые появились на островѣ рѣки Комо. Слѣдовательно, эти народныя племена не особенно давно водворились здѣсь. Стремленіе племенъ выдвинуться изъ внутреннихъ частей материка вполнѣ понятно, по мнѣнію Ленца; они хотятъ непосредственно пользоваться выгодами торговли съ европейцами, а не изъ рукъ населенія Огове, какъ это было до сихъ поръ. Они сами хотятъ видѣть большія факторіи бѣлыхъ и насладиться лицезрѣніемъ огромнаго количества соблазнительныхъ вещей въ видѣ множества бочекъ съ ромомъ, цѣлыхъ грудъ соли, несмѣтнаго числа ружей, пороховыхъ боченковъ и массы блестящихъ предметовъ украшенія. Такимъ образомъ въ послѣднія три-четыре десятилѣтія въ земляхъ Габунъ и Огове разыгрывается весьма важный актъ всемірной исторіи. Движеніе могущественныхъ и многочисленныхъ племенъ изъ внутреннихъ странъ къ морю, напоминающее великое переселеніе народовъ, должно повести за собой перемѣны, которыя будутъ имѣть весьма большое значеніе для лицъ, состоящихъ при мѣстныхъ европейскихъ факторіяхъ.

Между этими различными племенами находятся небольшія посе-

ленія первоначальныхъ жителей страны аккоа, какъ ихъ называютъ, или абонго, какъ они сами величаютъ себя. Они не представляютъ сплоченныхъ между собой народныхъ массъ; только кое-гдѣ встрѣчается деревня; затѣмъ на разстояніи дня пути можно опять увидѣть деревню или даже нѣсколько вмѣстѣ и т. д. У нихъ нѣтъ даже собственнаго языка; они говорятъ на языкѣ той мѣстности, въ которой живутъ, и также распространены далеко на югѣ между рѣками Нгуніе и Офуе, близъ Конго. Д-ръ Ленцъ впервые встрѣтилъ туземцевъ абонго во время своего путешествія въ страну Оканде. Здѣсь онъ равнымъ образомъ въ первый разъ видѣлъ круглую постройку ихъ хижинъ, тогда какъ у всѣхъ другихъ племенъ, какія онъ посѣщалъ до сихъ поръ, дома четырехъугольные. Повидимому, этотъ родъ постройки находится въ прямой зависимости отъ географическаго распространенія одного вида пальмы — Raphia vinifera. Черешки листьевъ этой пальмы, достигающія до 10 м. длины, иногда неправильно называемыя на берегу бамбукомъ, служатъ превосходнымъ строительнымъ матеріаломъ для туземныхъ хижинъ, которыя, при всей своей легкости, могутъ противостоять сильнѣйшимъ „tornados" и ливнямъ тропическаго дождя. Нѣсколько такихъ листовыхъ черешковъ втыкаютъ въ землю обоими концами и образовавшійся такимъ образомъ полукруглый навѣсъ покрывается весьма искусно древесными листьями. Входомъ служитъ небольшое отверстіе такой незначительной величины, что нужно лечь на землю, чтобы пролѣзть въ него; высота самыхъ хижинъ не превышаетъ 1,30 м. Внутри хижины разведенъ неизбѣжный огонь, и затѣмъ въ ней нѣтъ никакой утвари, даже не всегда можно найти настилку изъ листьевъ, которая служитъ постелью.

Что касается роста абонго, то д-ръ Ленцъ, на основаніи произведенныхъ имъ измѣреній тѣла у многочисленныхъ индивидовъ этого племени, пришелъ къ выводу, что средняя высота взрослыхъ мужчинъ доходитъ до 133 — 142 сант. (Oskar Lenz, Skizzen aus Westafrika. Selbsterlebnisse. Berlin. 1878, s. 112). Мнѣніе д-ра Юлія Фалькенштейна, — никогда не посѣщавшаго мѣста жительства абонго, — что это не настоящая раса пигмеевъ, а только малорослая разновидность людей съ болѣе слабымъ тѣлосложеніемъ, нежели мускулистые береговые жители (Die Loango — Expedition, Abthlg. II, s. 26 — 27), кажется намъ вполнѣ вѣроятнымъ. Въ пользу этого говоритъ и то обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ Африки найдены подобные „уменьшенные" люди, существованіе которыхъ еще недавно подтверждено Станли и Виссманомъ.

Изъ множества народностей западной экваторіальной Африки наибольшій интересъ представляютъ для насъ далеко распространенные м-понгве или какъ ихъ обыкновенно называютъ габунезы, такъ какъ они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ бѣлыми, живущими на берегу. У нихъ не замѣтно

ни малѣйшаго слѣда историческихъ традицій, и они, повидимому, никогда не думаютъ о томъ, что было прежде ихъ отцовъ. Вообще все, что намъ извѣстно о нихъ, не дѣлаетъ имъ особенной чести. Имъ проповѣдывали христіанскую религію; но изъ ея предписаній они приняли съ увлеченіемъ только одно, а именно празднованіе воскреснаго дня. Въ то-же время они отличаются крайнимъ тщеславіемъ, которое особенно проявляется въ ихъ комической одеждѣ по воскресеньямъ. Если у габунезе окажется нѣсколько лишнихъ денегъ, то онъ покупаетъ связку ключей и носитъ на шеѣ, чтобы всѣ думали, что у него есть сундуки. Онъ дѣйствительно покупаетъ ихъ, какъ только становится богаче и разставляетъ ихъ въ своемъ жилищѣ на самомъ видномъ мѣстѣ, чтобы показать, что у него огромное количество товаровъ. Честолюбіе каждаго направлено къ тому, чтобы сдѣлаться человѣкомъ „большаго свѣта", т. е. имѣть много женъ, много рому, шляпу цилиндръ и кредитъ у бѣлаго купца. Если онъ достигъ этой цѣли, то онъ становится предметомъ зависти для менѣе счастливыхъ товарищей и долженъ быть насторожѣ, потому что ядъ играетъ большую роль въ Африкѣ. Поэтому каждый такой бѣднякъ изъ предосторожности не ѣстъ другой пищи кромѣ той, какая была изготовлена его первой женой, и которую за нѣсколько времени передъ тѣмъ ѣли другія жены (Marquis de Compiègne, l'Afrique équatoriale, Gabonais, Pahouins, Gallois. Paris. 1875. p. 188). Достоинство человѣка опредѣляется количествомъ его женъ, такъ что въ этомъ заключается одно изъ главныхъ препятствій къ распространенію христіанства. Сынъ вождя, воспитанный въ школѣ миссіи, не можетъ слѣдовать наставленіямъ патера и ограничиться одной женой, потому что въ этомъ случаѣ онъ не только подвергается постояннымъ насмѣшкамъ, но и презрѣнію со стороны соплеменниковъ. Женщины м-понгве благодаря разврату и раннимъ бракамъ вообще имѣютъ мало дѣтей; также встрѣчаются довольно часто браки между двоюродными братьями и сестрами. Мужья у габунезовъ не имѣютъ, повидимому, никакого понятія о ревности. Почти во всей экваторіальной Африкѣ на женщину смотрятъ, какъ на прибыльный источникъ дохода, такъ какъ ея красота можетъ принести больше выгодъ, нежели трудъ рабовъ. Такимъ образомъ мужья всегда готовы предоставить своихъ женъ первому встрѣчному и даже предложить ихъ въ томъ разсчетѣ, что если чужестранецъ богатъ, то онъ внесетъ извѣстную плату; а бѣдный въ этомъ случаѣ становится рабомъ мужа. Если бы жена вздумала сопротивляться щедрому любовнику, то мужъ скоро отучилъ бы жену отъ такой щепетильности съ „кассинго" въ рукѣ. Впрочемъ, каждый можетъ сдѣлаться законнымъ любовникомъ замужней женщины при соблюденіи извѣстныхъ формальностей и съ помощью опредѣленныхъ подарковъ мужу; такой любовникъ называется „konguie", и законъ обязываетъ мужа выносить его (A. a. O., s, 192). У лагуны Фернандо Бацъ женщины вообще цѣнятся не особенно дорого; склонность къ пьянству составляетъ далеко не главный ихъ порокъ. Съ ними обходятся несравненно хуже нежели близъ Габуна; но еще печальнѣе судьба рабовъ, такъ какъ господинъ можетъ убить любаго изъ нихъ, не подвергаясь никакой отвѣтственности. Здѣсь распространено также странное заблужденіе, благодаря которому никто не можетъ умереть естественною смертью безъ того, чтобы не приписали ее колдовству. Люди признанные общественнымъ мнѣніемъ за виновниковъ смерти должны подвергнуться испытанію, т. е. выпить ядовитый напитокъ „мбунду", чтобы очиститься отъ подозрѣнія. Это пагубное заблужденіе больше всякихъ войнъ способствуетъ уменьшенію африканскаго населенія. Компьенъ, описывая смертоносное дѣйствіе напитка „мбунду", добавляетъ, что если кто съ успѣхомъ выдержитъ это испытаніе, то ярость всего народа обращается на обвинителя. Благо послѣднему, если онъ „оганга" (жрецъ фетиша), тогда у него всегда подъ рукой приличная отговорка, чтобы оправдаться отъ подобнаго обвиненія.

Домашній бытъ у м-понгве составляетъ центръ ихъ существованія. Отецъ имѣетъ въ семьѣ высшую власть надъ женщинами, дѣтьми и „осгоака", т. е. домочадцами, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ рабами. Одинъ только „ога" глава фамиліи совершенно свободенъ и обладаетъ степенью самостоятельности, до которой никогда не можетъ достигнуть женщина. По закону Pater familias пользуется въ домѣ неограниченною властью надъ своими подчиненными, но подобно тому, какъ у древнихъ римлянъ его права были смягчены на практикѣ господствующимъ обычаемъ и цензурой, такъ и у м-понгве онъ не злоупотребляетъ своимъ могуществомъ. Онъ наказываетъ при случаѣ своихъ домочадцевъ, наравнѣ съ своими дѣтьми, если не можетъ справиться съ ними инымъ способомъ; но жестокость чужда его природѣ, и м-понгве обыкновенно сохраняетъ свой авторитетъ надъ домашними, не прибѣгая къ тѣлесной расправѣ. Не говоря уже о домашней прислугѣ, которая большею частью состоитъ изъ женъ и дѣтей, онъ никогда не требуетъ даже отъ своихъ рабовъ услуги, которую бы онъ одинаково не потребовалъ въ интересахъ семьи отъ своего сына, брата или племянника. Невольникъ строитъ свой собственный домъ, наравнѣ съ подрастающимъ сыномъ, и подобно ему имѣетъ свое собственное имущество, родъ peculium. По праву pater familias можетъ располагать послѣднимъ; но фактически онъ только тогда распоряжается имуществомъ своихъ дѣтей и домочадцевъ, когда дѣло касается интересовъ всей семьи и нужно спасти общую честь и поднять значеніе фамиліи. Въ Габонѣ можно встрѣтить рабовъ, которые превосходятъ своихъ господъ не только по возрасту и опытности, но въ денежномъ и имущественномъ отношеніи. Въ то-же время они считаютъ для себя счастьемъ быть признанными членами могущественной семьи, тогда какъ эта въ свою очередь гордится тѣмъ, что имѣетъ подобныхъ подвластныхъ ей людей. Также нерѣдко случается, что такой „осгоака" имѣетъ своихъ „осгоака"; онъ пользуется такой свободой, какая нужна ему, и предпочитаетъ пріобрѣсти подвластныхъ ему домочадцевъ, нежели самому откупиться на свободу. Такое зависимое состояніе происходитъ отъ различныхъ причинъ: вслѣдствіе какого нибудь проступка, невыплаченнаго долга, просроченнаго залога, или, когда не выполнено обязательство, за которое человѣкъ отданъ былъ въ видѣ заклада. Всего чаще эти условія объясняются происхожденіемъ, потому что у м-понгве ребенокъ по закону наслѣдуетъ положеніе матери. Здѣсь допущена добровольная отдача свободнаго человѣка въ рабство; но м-понгве не можетъ быть „осгоака" чужестранца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, м-понгве, при всей власти надъ „осгоака", не пользуются своимъ правомъ располагать имуществомъ послѣдняго, и поэтому не смотритъ на него какъ на предметъ торговли. Вообще западные африканцы близъ экватора не ведутъ между собою торговли невольниками. Права м-понгве надъ подвластными ему лицами далеко не такъ велики, какъ его обязанности относительно ихъ, и нерѣдко ему дорого обходится то уваженіе, которымъ онъ пользуется благодаря многочисленности своихъ людей. Его права надъ „осгоака" прямо истекаютъ изъ того факта, что человѣкъ находится въ его власти, при этомъ неизбѣжно смѣшивается право двоякаго рода, а именно: элементъ имущественный съ семейнымъ. То-же самое замѣтно и въ отношеніи мужа къ своимъ женамъ.

Подобно тому, какъ м-понгве, принимая подъ свою власть ребенка, вноситъ за него извѣстную имущественную цѣнность, тоже дѣлаетъ онъ и относительно женщины, которую онъ беретъ къ себѣ въ качествѣ законной жены или наложницы. Эта форма супружества не есть настоящая покупка, что объясняется тѣмъ фактомъ, что супругъ при случаѣ можетъ возвратить жену ея семьѣ, даже потребовать обратно свой свадебный подарокъ; но не имѣетъ права продать ее другому. Само собою разумѣется, что въ семьѣ господствуетъ многоженство. Это учрежденіе, повидимому, главнымъ образомъ слу-

житъ интересамъ женщинъ, какъ женъ, такъ и матерей, потому что онѣ ревностнѣе защищаютъ полигамію, нежели мужчины. Тутъ, конечно, играютъ роль не однѣ только физіологическія причины. Такъ напр. могущество и значеніе семьи прежде всего опредѣляется количествомъ женъ. Каждая жена равная мужу по рожденію, и такая, которая исполняетъ должность служанки въ домѣ, способствуетъ возвеличенію послѣдняго; между тѣмъ, какъ законная жена сверхъ того имѣетъ значеніе для мужа въ смыслѣ вліянія ея родныхъ. Чѣмъ больше женъ у хозяина дома, тѣмъ онъ богаче и тѣмъ почетнѣе общественное положеніе каждой изъ нихъ. Работы въ нашемъ смыслѣ, а именно всякій ручной трудъ въ глазахъ м-понгве не болѣе какъ sordidum negotium; и его жены только въ случаѣ крайней необходимости занимаются такого рода грязными работами. Чѣмъ меньше женъ въ домѣ, тѣмъ больше дѣла у каждой изъ нихъ. Многоженство не тяготитъ женщину, а тѣмъ болѣе мужчину. Поэтому понятіе о моногаміи у чернокожаго равносильно по значенію съ нашимъ словомъ пролетаріатъ.

Различіе между законной женой и служанкой юридически основано на свободномъ и несвободномъ состояніи женщины; соціальное различіе заключается въ томъ, что законная жена равна мужу по своему происхожденію. Только свободная женщина одного съ нимъ племени ровня м-понгве; онъ также считаетъ почти на равнѣ съ собой женъ изъ племени орунгу и нкоми. Женщина всякаго другаго племени, еслибы даже она была дочерью князя, поступая въ домъ м-понгве становится въ положеніе служанки, и близъ Габуна въ первое время едва-ли отличается чѣмъ нибудь отъ несвободной м-понгве, кромѣ одежды. Но ея положеніе становится тѣмъ выше, чѣмъ больше она сживается съ племенемъ. Въ то же время сообразно мѣстнымъ юридическимъ понятіямъ свободная женщина племени м-понгве не можетъ выйти замужъ за чужестранца. Черезъ это въ глазахъ м-понгве ея положеніе становится ниже положенія невольницы, и они даже едва дозволяютъ служанкѣ своего племени поступать въ домъ чужестранца. Женщина, которая тѣмъ или другимъ способомъ выходитъ изъ замкнутаго семейнаго круга м-понгве, совершенно исключается изъ племени.

Законоположенія м-понгве относительно наслѣдства довольно сложные, потому что оно распредѣляется различно, соотвѣтственно тѣмъ правамъ, какими завѣщатель пользовался при жизни. Такъ, напримѣръ, имущество завѣщателя главнымъ образомъ переходитъ къ его старшему сыну; остальное дѣлится между домочадцами по ихъ усмотрѣнію. Но рядомъ съ этимъ отеческая власть надъ семьей, переходитъ къ старшему въ родѣ, помимо потомства завѣщателя; когда вымираетъ старшее поколѣніе, то изъ различныхъ младшихъ поколѣній опять таки отдается преимущество тому изъ нихъ, которое старше остальныхъ.

Общественный строй племени м-понгве патріархальный; тотъ же характеръ носитъ и королевская власть въ ихъ народѣ. Согласно старому преданію король избирается голосомъ народа, который съ этой цѣлью собирается передъ главной королевской хижиной, какъ, напр., у юго-западнаго конца бухты Габунъ; при этомъ происходитъ родъ голосованія. Судопроизводство крайне примитивное. У нихъ нѣтъ особыхъ судей для рѣшенія частныхъ споровъ. Существующія у нихъ юридическія условія представляютъ въ главныхъ чертахъ своего рода систему самоуправленія. Ихъ право основано не на законахъ, а на чувствѣ справедливости каждаго отдѣльнаго лица и выражается въ нравахъ и обычаяхъ племени. Прежде всего обиженный предъявляетъ искъ и ищетъ удовлетворенія въ кругу своей семьи или внѣ его черезъ лицъ принадлежащихъ къ семьѣ или роду, и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ королевскому совѣту. Народное собраніе представляетъ собой высшую судебную инстанцію у м-понгве, равно и у ихъ соплеменниковъ: нкоми

и орунгу (Dr. Hübbe—Schleiden, Ethiopien. Studien über Westafrika. Hamburg. 1879. s. 149—161).

Для рѣшенія хозяйственныхъ и соціальныхъ вопросовъ у нихъ существуютъ тайные союзы „нда“ между мужчинами и „ндшембе“ между женщинами. У нкоми долгое время держался союзъ „язи“, который отличался особеннымъ могуществомъ. Не менѣе заслуживаютъ вниманія отношенія между м-понгве хозяиномъ земли и бѣлымъ, который большею частью поселяется здѣсь въ качествѣ купца. Согласно понятіямъ о правѣ, господствующемъ въ земляхъ Габунъ глава фамиліи или мѣстности, гдѣ впервые водворяется бѣлый человѣкъ является какъ бы майордомомъ относительно послѣдняго, а этотъ становится его бѣлымъ человѣкомъ и поставленъ въ зависимость отъ него. Чтобы дать наглядное понятіе объ этихъ юридическихъ отношеніяхъ можно опредѣлить ихъ такимъ образомъ, что „бѣлый человѣкъ находится въ положеніи домашняго животнаго у своего майордома“. Европейская жизнь не представляетъ даже въ юридическомъ смыслѣ ничего болѣе подходящаго къ этимъ отношеніямъ, какъ положеніе домашняго животнаго, которое мы охраняемъ и лелѣемъ въ виду нашихъ собственныхъ интересовъ, а также извлекаемъ изъ него пользу, считая его своею собственностью, все равно принадлежитъ ли оно намъ или нѣтъ. Отношенія бѣлаго къ его чернокожему майордому или вѣрнѣе послѣдняго къ первому несомнѣнно сводятся къ вещному праву. Чернокожій является юридически субъектомъ, бѣлый—объектомъ этого отношенія. Бѣлый человѣкъ безспорно владѣлецъ своего дома, земли, а также полный хозяинъ своего коммерческаго заведенія. М-понгве не заявляетъ никакихъ притязаній на вещи бѣлаго, а также ничего не требуетъ отъ него самого, при этомъ разумѣется не можетъ быть рѣчи о правахъ на его семью или наслѣдство. Онъ имѣетъ только право на личность бѣлаго, а именно на то, чтобы данный субъектъ считался его бѣлымъ человѣкомъ. Эти отношенія нисколько не обязываютъ бѣлаго платить что либо чернокожему или оказывать ему услуги; напротивъ того, чернокожій оказываетъ своему бѣлому человѣку всевозможныя услуги при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя разумѣется имѣетъ при этомъ въ виду собственную пользу. Его высшая задача преуспѣяніе бѣлаго человѣка; и чѣмъ знатнѣе становится его бѣлый человѣкъ, тѣмъ выше поднимается и онъ самъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ воодушевленъ почти тѣми же стремленіями, какъ въ Европѣ обладатель какого нибудь удивительнаго рысака. Только высокопоставленный чернокожій изъ уважаемой семьи можетъ пользоваться вышеупомянутыми правами, и въ то же время отношенія къ бѣлому человѣку ставятъ его выше всей знати племени м-понгве. Чернокожій, имѣющій бѣлаго человѣка, пріобрѣтаетъ такой почетъ, какъ будто онъ принадлежитъ къ высшей расѣ. Все, что дѣлаетъ бѣлый, способствуетъ и прославленію его майордома въ странѣ; чернокожій міръ приписываетъ послѣднему всю честь, точно дѣло было совершено имъ самимъ. Куда бы ни отправился бѣлый человѣкъ, вездѣ между чернокожими съ нимъ неразлучно имя его майордома. Этотъ цѣнитъ его, какъ свое драгоцѣннѣйшее имущество. Все уваженіе, какимъ пользуется его семья, жены, прислуга, скотъ, домъ,—ничто для чернокожаго, въ сравненіи съ его бѣлымъ человѣкомъ, который дороже для него всѣхъ сокровищъ. Онъ поклоняется ему почти наравнѣ съ своими идолами, лелѣетъ и заботится о немъ, какъ о своемъ домашнемъ животномъ. Подобно тому, какъ у насъ нѣтъ и рѣчи объ обязанностяхъ домашняго животнаго, такъ и эти отношенія не налагаютъ никакихъ юридическихъ обязательствъ на бѣлаго человѣка. Какъ мы никогда не спрашиваемъ нашу лошадь или охотничью собаку: признаетъ ли она наше господство? такъ и чернокожему никогда не приходитъ въ голову потребовать такого признанія отъ своего бѣлаго человѣка. Тѣмъ не менѣе съ этими отношеніями связаны такія же обязательства, какія существуютъ въ нашемъ вещномъ правѣ относительно до-

машняго животнаго. Подобно тому, какъ мы стали бы преслѣдовать каждое третье лицо, которое вздумало бы украсть, утаить или сманить нашу лошадь или охотничью собаку, такъ и майордомъ возстаетъ противъ каждаго чернокожаго, который сдѣлалъ бы попытку разлучить съ нимъ бѣлаго человѣка или какимъ либо способомъ посягнулъ на его права или принесъ ему вредъ въ этомъ смыслѣ. Онъ не считаетъ прямо бѣлаго человѣка отвѣтственнымъ за то, что онъ холодно обращается съ нимъ; но требуетъ отъ всѣхъ чернокожихъ, чтобы они изъ приличія не пользовались этимъ охлажденіемъ. Бѣлый черезъ это нисколько не стѣсненъ, ни въ своей личности, ни въ жизни; всѣ притязанія исключительно относятся къ факту его существованія въ африканской землѣ, а также къ почету и выгодамъ, которые связаны съ этимъ для чернокожаго. Обыкновенно майордомъ ведетъ торговыя дѣла съ своимъ бѣлымъ человѣкомъ и нерѣдко является его главнѣйшимъ поставщикомъ. Но сколько бы ни было купцовъ, надсмотрщиковъ, работниковъ и слугъ въ распоряженіи бѣлаго, всѣ они должны признавать майордома бѣлаго человѣка—его чернокожимъ, который стоитъ на ряду съ нимъ, какъ бы замѣняетъ его, и при этомъ превосходитъ знатностью другихъ чернокожихъ. Еслибы другой чернокожій сталъ добиваться, чтобы бѣлый обращался съ нимъ, какъ съ своимъ майордомомъ, то его отравили бы безъ дальнѣйшихъ церемоній, случайно убили на охотѣ, запугали бы до смерти заклинаніями фетишей и духовъ или, какъ говорятъ здѣсь въ подобныхъ случаяхъ, „онъ былъ бы" съѣденъ тигромъ. Англичане называютъ это „похищеніемъ людей". Дѣти въ западной Африкѣ убѣждены, что люди дѣйствительно исчезаютъ, подобно тому, какъ наши предки вѣрили въ существованіе оборотня. На западномъ берегу Африки это вещное право примѣняется къ каждому, даже самому знатному торговому дому, и запрещеніе налагаемое въ силу этого права при извѣстныхъ условіяхъ, становится стѣснительнымъ для дѣлъ бѣлаго человѣка. Мы считаемъ лишнимъ подробно описывать всѣ тѣ затрудненія, какія ожидаютъ бѣлаго при расторженіи этихъ своеобразныхъ отношеній, при продажѣ факторіи и прекращеніи дѣла. Изъ вышесказаннаго ясно, что дѣловой человѣкъ, долженъ здѣсь постоянно имѣть въ виду эти отношенія и весьма тщательно слѣдить за возникновеніемъ ихъ. М-понгве особенно падки на выгоды предоставляемыя этимъ правомъ; но при правильномъ образѣ дѣйствій на первыхъ порахъ бѣлый можетъ избавить себя въ будущемъ отъ многихъ непріятностей и большой траты денегъ и времени.

Изъ остальныхъ народовъ западной Африки мы упомянемъ **ивили**, расу перешедшую съ юга, которая съ каждымъ днемъ становится многочисленнѣе въ области Огове. Далѣе вверхъ по теченію мы встрѣчаемъ деревни племени **окота**. Хижины сдѣланы изъ древесной коры, и все у здѣшнихъ дикарей имѣетъ жалкій и грязный видъ. Эти окота (вытѣсненныя на лѣвый берегъ Огове племенемъ ошеба, которое изгнало ихъ изъ основанныхъ ими поселеній на другой сторонѣ рѣки)—часто терпятъ голодъ и питаются преимущественно большимъ, зеленымъ, тѣстообразнымъ плодомъ складковатаго вкуса, который встрѣчается въ изобиліи въ ихъ лѣсахъ. Они вообще отличаются безобразной наружностью, какъ мужчины, такъ и женщины; при этомъ злы и коварны. Толки о цѣломудріи женщинъ слишкомъ преувеличены; но у нихъ все-таки нѣтъ такого распутства, какъ у прочихъ племенъ у р. Огове. Невольники составляютъ почти единственный предметъ торговли у окота, языкъ которыхъ представляетъ поразительное сходство съ діалектомъ бенга изъ Кориско; но многіе понимаютъ языкъ м-понгве и даже говорятъ на немъ. **Ялимбонго** значительно отличаются отъ окота, хотя говорятъ на одинаковомъ языкѣ и принадлежатъ къ той же народной семьѣ. По тѣлосложенію ялимбонго выше ростомъ и красивѣе; въ нравственномъ отношеніи они болѣе кротки, привѣтливы и трудолюбивы. За ялимбонго слѣдуютъ **апинши**, которые нѣсколько много-

численнѣе ихъ; это кроткое и трудолюбивое племя; они въ большомъ количествѣ добываютъ каучукъ и медъ, и особенно тщательно приготовляютъ гашишъ. Они дѣлаютъ тонкія плетеныя работы, затѣмъ „tondo“ (шпильки для волосъ) и сосуды; они также имѣютъ козъ и куръ и могли бы считать себя вполнѣ счастливыми, еслибы ошеба не держали ихъ въ состояніи постояннаго страха. Недалеко отъ водопада Элендья на лѣвомъ берегу Огове расположена первая деревня оканда. Въ это мѣстечко, называемое Лопе, стремятся оканда съ различныхъ сторонъ своей земли, на „palaver“ (мѣсто собраній) для пріятнаго препровожденія времени; сюда приводятъ они своихъ женъ, прославленныхъ красавицъ, и безъ всякаго стыда предлагаютъ ихъ чужеземнымъ гостямъ. По свидѣтельству Компьена молва въ данномъ случаѣ преувеличена, хотя онъ не отрицаетъ, что женщины оканда, не уступаютъ въ красотѣ обитательницамъ Габуна. Но къ сожалѣнію въ нихъ не замѣтно ни малѣйшаго слѣда нравственности или чувства стыдливости. Далеко некрасивѣе ихъ женщины у бангуэновъ, довольно многочисленнаго племени, которое живетъ на лѣвомъ берегу Огове, рядомъ съ оканда и очевидно принадлежитъ къ большому семейству акелле, такъ какъ даже говоритъ на одномъ изъ діалектовъ его языка. Прекрасный полъ считаетъ необходимымъ украшать себя своеобразной голубой татуировкой и положительно отличается геркулесовской силой. Хижины у бангуэновъ, какъ у акелле, сдѣланы изъ древесной коры и выстроены по прямой линіи.

На правомъ берегу рѣки живутъ ошеба или фанъ, извѣстные людоѣды, одно имя которыхъ приводитъ въ трепетъ окота, апингп, оканда и даже акелле. По мнѣнію Ленца фанъ могутъ быть характеризованы слѣдующимъ образомъ: они поразительно отличаются отъ всѣхъ народностей, живущихъ вокругъ нихъ, сравнительно хорошо сложены, стройнаго и крѣпкаго тѣлосложенія; цвѣтъ ихъ кожи вообще свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ племенъ, иногда почти желтоватый, волосы и борода чрезвычайно густые; взглядъ неподвижный и кажется еще болѣе дикимъ, вслѣдствіе обычнаго выщипыванія рѣсницъ. При всей своей жестокости они болѣе мужественны и прямодушны, нежели всѣ сосѣдніе народы. Ихъ деревни расположены среди густѣйшаго лѣса; и при этомъ крайне однообразно и правильно построены; онѣ состоятъ изъ двухъ нерѣдко очень длинныхъ и узкихъ рядовъ небольшихъ хижинъ, близко построенныхъ другъ около друга безъ промежуточнаго пространства, такъ что стѣна одного жилища служитъ въ то-же время стѣной и для сосѣдняго дома. Несмотря на легкость постройки, она отличается необыкновенною прочностью и непромокаема для дождя. Деревни окружены западнями въ видѣ „волчьихъ ямъ“ и деревянными острыми кольями вбитыми въ землю, что затрудняетъ къ нимъ доступъ чужестранцу. Одежда фанъ крайне проста. Мужчины носятъ вокругъ бедеръ короткій кусокъ ткани, изготовленной изъ древесной коры. Одежда женщинъ еще проще и состоитъ изъ обезьяньей шкуры, привѣшенной сзади и узкаго куска ткани или пучка травы спереди. Однако, несмотря на этотъ скудный костюмъ, женщины фанъ несравненно стыдливѣе, нежели у другихъ племенъ. Необыкновенное вниманіе обращено на украшеніе головы. Особенно замѣчательна татуировка на груди, рукахъ и спинѣ въ видѣ вырѣзанныхъ звѣздъ и крестовъ. Передніе зубы острые вслѣдствіе подпиливанія. Фанъ имѣютъ особенное пристрастіе къ мѣднымъ и латуннымъ украшеніямъ. Оружіе состоитъ изъ копья, кремневаго ружья и огромныхъ щитовъ, которые нерѣдко достигаютъ 1,60 м. длины. Хотя близъ Габуна распространено многоженство, но женщина не занимаетъ въ обществѣ такого рабскаго положенія, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ моногамія. Хотя она должна воздѣлывать поле, носить тяжести, приготовлять пищу своему мужу, но послѣ выполненія этихъ обязанностей ей предоставлена полная свобода располагать заслуженными ею часами праздности. Что-же касается права

собственности, то при усиливающейся цивилизаціи, оно нерѣдко совсѣмъ отнято у женщины. Достойно замѣчанія, что фаны считаютъ нужнымъ скрывать свое пристрастіе къ человѣческому мясу, и не дозволяютъ ни одному иностранцу присутствовать при ихъ оргіяхъ. Эти возмутительныя пиршества представляютъ собою родъ религіознаго обычая, и только враги убитые въ бою служатъ матеріаломъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ людоѣдству придана форма жертвоприношенія.

Изъ народовъ банту, населяющихъ южную экваторіальную Африку, самымъ сѣвернымъ можно считать дуалла, а также двалла или дивалла, которые живутъ въ горахъ Камерунъ до 30° с. ш. Ихъ діалектъ составляетъ отрасль каффрскаго языка. Дуалла переселились въ эту страну съ сѣверо-запада; слѣдовательно они потомки баквири, которые и теперь живутъ въ горахъ.

Мужчины племени дуалла почти всѣ большаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, но съ жидкой бородой, которая тѣмъ не менѣе считается большимъ украшеніемъ. Цвѣтъ кожи большею частью темно-коричневый, нерѣдко также болѣе свѣтлый; между прочимъ встрѣчаются совершенные альбиносы съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и свѣтлыми бѣлокурыми волосами, и такіе, у которыхъ альбинизмъ только мѣстами проявляется на тѣлѣ, такъ что они кажутся совсѣмъ пѣгими. Развитіе икръ совершенно нормальное. Женщины гораздо меньше ростомъ и не такъ красивы, какъ мужчины; кромѣ того, онѣ обезображены коротко обстриженными волосами. Онѣ ходятъ также какъ и мужчины совсѣмъ нагія, и только опоясываютъ себѣ бедра полосой возможно-пестрой матеріи. Для пляски и празднествъ онѣ увѣшиваютъ себя бусами, колокольчиками, кольцами, ожерельями и браслетами, которые производятъ шумъ при каждомъ движеніи. Здѣшнія женщины наряжаются также въ европейскіе чулки, связанные изъ бѣлой бумаги, которымъ онѣ придаютъ большое значеніе, хотя во время пляски тотчасъ-же теряютъ ихъ, и ноги остаются босыми. Всѣ татуируютъ себѣ лицо и грудь, а также выщипываютъ себѣ рѣсницы, на томъ основаніи, будто-бы онѣ мѣшаютъ остротѣ зрѣнія. Дуалла имѣютъ положительное пристрастіе къ торговлѣ и пріобрѣтенію имущества, и для достиженія цѣли въ этомъ направленіи прибѣгаютъ ко всякаго рода обманамъ и воровству. Вслѣдствіе этого ихъ туземная промышленность весьма незначительная; они преимущественно изготовляютъ обручи изъ слоновой кости, которые мужчины носятъ на сгибѣ руки, рѣзныя палки изъ слоновой кости съ изящными набалдашниками и красивые футляры для ножей и шпагъ. Они разводятъ ямсъ и бананы въ такомъ незначительномъ количествѣ, что оно не всегда оказывается достаточнымъ для ихъ пропитанія. Свободный дуалла считаетъ для себя постыднымъ заниматься какой либо полевой работой и предоставляетъ ее женщинамъ и невольникамъ, число которыхъ служитъ мѣриломъ богатства отдѣльныхъ лицъ. Женщинъ покупаютъ у ихъ отцовъ; онѣ стоятъ среднимъ числомъ отъ 900—1200 марокъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и гораздо дороже, смотря по степени знатности отца. Поэтому менѣе достаточные люди принуждены долго служить, чтобы пріобрѣсти жену. Послѣдняя составляетъ полное имущество мужа, который можетъ подарить ее, дать взаймы или даже перепродать, что онъ впрочемъ дѣлаетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, въ виду ея цѣнности. Тѣмъ не менѣе положеніе женщины вообще весьма жалкое: съ нею обходятся какъ съ вьючнымъ животнымъ. Большое количество дѣтей считается великимъ счастьемъ; но каждая женщина въ отдѣльности рѣдко имѣетъ болѣе двухъ дѣтей. Если жена безплодна, то мужъ требуетъ обратно выданную за нее сумму; въ случаѣ отказа происходитъ горячій споръ. Нару-

шеніе супружеской вѣрности влечетъ за собой такое-же строгое наказаніе, какъ воровство; дозволено даже убить женщину, но это рѣдко случается, такъ какъ она стоитъ слишкомъ дорого. Соблазнитель или соблазненный, хотя бы даже европеецъ, обязанъ заплатить штрафъ истцу или служить у него. Иногда вожди формально задаются цѣлью соблазнять европейцевъ съ помощью своихъ женъ. Рабы пріобрѣтаются посредствомъ похищенія во время набѣговъ или путемъ торговли и совершенно безправны; но вообще съ ними обходятся довольно мягко. Свободный дуалла называетъ ихъ „nigger", хотя считаетъ эту кличку въ высшей степени оскорбительной, когда она примѣняется къ нему лично. У дуалла нѣтъ почти никакихъ государственныхъ учрежденій. Этотъ народъ по своимъ умственнымъ способностямъ мало доступенъ развитію, вслѣдствіе чего англійскіе миссіонеры не достигаютъ особенно большихъ результатовъ, хотя фетишизмъ не проявляется здѣсь въ такой сильной степени, какъ у негровъ на Золотомъ берегу. Нѣмецкій естествоиспытатель, Рейнгольдъ Бухгольцъ имѣлъ случай наблюдать большой праздникъ „Парра-Парра", который повидимому существуетъ у однихъ дуалла. Это торжество не имѣетъ ничего общаго съ празднествами, соединенными съ пляской и играми, и, напротивъ того, сопровождается поединками. Одно поселеніе вызываетъ другое на „Парра-Парра", посылая при этомъ въ одиночку борцовъ за борцами; вызванные въ свою очередь высылаютъ такое-же число противниковъ. Всѣ являются въ назначенное мѣсто въ самомъ пестромъ и по возможности парадномъ убранствѣ; лѣсные жители, большою частью поразительно сильные субъекты, отличаются отъ другихъ нарядомъ ніэнго; только вмѣсто передника изъ ткани они носятъ поясъ изъ сухихъ листьевъ пальмы, а волосы связываютъ въ видѣ своеобразной прямо стоящей косы. Этотъ нарядъ служитъ лучшей защитой отъ всякихъ нападеній. Праздникъ самъ по себѣ представлялъ въ высшей степени любопытное зрѣлище. Поединки происходили сообразно точно установленнымъ правиламъ и длились весьма непродолжительное время; если выбранные для этой цѣли судьи замѣчали какое либо нарушеніе правилъ, то они тотчасъже подбѣгали и разнимали противниковъ. Послѣ каждаго поединка на средину площади выбѣгала толпа молодыхъ людей, разряженныхъ въ пестрые платки и другія украшенія, чтобы удостовѣриться въ исходѣ битвы и тотчасъ-же удалялась, когда выступала новая пара борцовъ; затѣмъ начинался слѣдующій поединокъ. Только разъ одинъ изъ борцовъ былъ сброшенъ на землю, послѣ чего произошелъ невѣроятный шумъ; судьи медленно пронесли черезъ площадь побѣдителя при громкихъ радостныхъ крикахъ толпы; женщины хлопали въ ладоши и составили родъ процессіи, между тѣмъ какъ мать виновника торжества, не помня себя отъ восторга, принялась плясать и пѣть какъ-бы „осѣненная блескомъ его славы". Одинъ изъ побѣжденныхъ также велъ себя чрезвычайно характернымъ способомъ: подъ вліяніемъ сильнѣйшаго гнѣва, онъ грозилъ побить свою мать и громко бранилъ ее, что она родила его такимъ слабымъ (Reinhold Buchholz 'Reisen in Westfarika Von Carl Heinersdorff. Leipzig 1880, s. 165—166).

Сосѣдній народъ баквири, несмотря на свое сродство съ дуалла, отличается отъ нихъ во многихъ отношеніяхъ. Баквири занимаютъ всю область между правымъ берегомъ рѣки Камеруна и горъ того же имени. Бухгольцъ составилъ себѣ о нихъ понятіе, какъ о добродушной, безвредной и хорошо сложенной породѣ людей, едва тронутыхъ европейской культурой.

Остается только пожелать, говоритъ онъ, чтобы цивилизація не сдѣлала между ними особенно большихъ успѣховъ, потому что въ этомъ случаѣ лесть

и притворство достигнутъ у нихъ такихъ-же размѣровъ, какъ у населенія Викторіи, которое съ избыткомъ надѣлено этими качествами". Главное отличіе ихъ отъ сосѣднихъ съ ними обитателей Викторіи, а также кру и дуалла заключается въ томъ, что они не воруютъ и еще менѣе одѣты, нежели эти, особенно женщины. Костюмъ ихъ заключается въ полосѣ ткани, шириною въ ладонь, привязанной спереди шнуркомъ вокругъ бедеръ, затѣмъ продѣтой между ногами и прикрѣпленной сзади къ тому-же шнурку, такъ что по справедливому замѣчанію Бухгольца здѣшніе супруги не выказываютъ большаго желанія тратить деньги на туалетъ женъ. Деревни у баквири также имѣютъ совсѣмъ иной видъ, нежели у дуалла. Помимо того, что хижины гораздо хуже у баквири, но онѣ еще обнесены заборомъ, который приходится перелѣзать всякій разъ при входѣ въ хижину. Заборы эти дѣлаются съ цѣлью задержать скотъ, который бродитъ здѣсь на полной свободѣ. Несмотря на довольно значительное количество овецъ и козъ, только самые богатые люди пользуются ихъ мясомъ въ обыкновенное время; остальные бьютъ скотъ только по случаю праздниковъ; и тогда онъ пожирается въ невѣроятномъ количествѣ. Бухгольцъ не видѣлъ у баквири никакихъ религіозныхъ торжествъ, за исключеніемъ развѣ ночной пляски и пѣнія при полнолуніи; собственно празднества справляются у нихъ только во время похоронъ, которые всегда бываютъ очень шумные и требуютъ большихъ издержекъ. Какъ только умретъ членъ какой нибудь семьи, женщины его деревни (которыя впрочемъ получаютъ за это особую плату), съ оглушительными воплями ходятъ ночью изъ хижины въ хижину, между тѣмъ какъ мужчины, смотря по степени знатности покойника, упражняются въ стрѣльбѣ и тратятъ возможно бо̀льшее количество пороха. На девятый день, — когда душа достигла мѣста успокоенія „bela",—наступаетъ большое празднество поминокъ, въ которомъ принимаютъ участіе сосѣднія деревни. При этомъ выставляютъ огромное количество пальмоваго вина, рому и водки, и все это уничтожается до послѣдней капли, совмѣстно съ невѣроятнымъ количествомъ мяса. У баквири, какъ у дуалла нѣтъ особенныхъ мѣстъ погребенія; мертвецовъ хоронятъ въ ихъ хижинахъ, которыя послѣ этого остаются на нѣкоторое время необитаемыми.

У обоихъ племенъ довольно часто происходятъ процессы о колдовствѣ, которые распространены между банту. Обвиненный долженъ выпить отваръ ядовитаго дерева, называемаго „sascha vood", но которое Бухгольцу не удалось изслѣдовать. Вообще здѣшнее чернокожее населеніе крайне суевѣрно. У дуалла играютъ большую роль талисманы, волшебные напитки противъ болѣзней, чародѣйственныя церемоніи для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Они чувствуютъ неопредѣленный страхъ къ бѣлымъ и ко всему, что исходитъ отъ нихъ; писанная бумага играетъ у нихъ роль фетиша, благодаря которому на мѣстность или предметъ налагается „tabu". Баквири повидимому не имѣютъ королей и живутъ подъ властью главнаго мѣстнаго вождя, который большею частью не пользуется особеннымъ могуществомъ среди своихъ соплеменниковъ, хотя возникающіе споры рѣшаются его приговоромъ (A. a. O., s. 124—126).

НАРОДЫ СУДАНА.

Общій обзоръ.

Суданомъ называютъ обыкновенно ту часть западной и центральной Африки, которая простирается отъ Сенегала до Тимбукту, и отсюда къ сѣверному берегу озера Чадъ, а затѣмъ на сѣверъ въ Сахару до Феццана и къ востоку до области верхняго Нила и его притоковъ. Люди, живущіе на этомъ обширномъ пространствѣ, принадлежатъ къ различнымъ расамъ; но главный элементъ населенія составляютъ негры или негритяне, затѣмъ фулахи или фульбы на западѣ, нубасы на востокѣ и, наконецъ, берберы на сѣверѣ. Настоящими аборигенами, по крайней мѣрѣ сѣверо-западной Африки, нужно во всякомъ случаѣ считать негровъ, область которыхъ простирается вверхъ по Нилу почти до сѣверныхъ береговъ озера Укереве, откуда болѣе или менѣе прямая линія, проведенная къ заливу Біафра, образуетъ ихъ южную границу. Сначала они были вытѣснены съ сѣвера и востока племенами фулахской и каффрской расы, позднѣе средиземной расой; такъ что мало по малу они должны были ограничиться той областью, которую занимаютъ до сихъ поръ; но при этомъ на окраинахъ должно было неизбѣжно произойти скрещиваніе съ племенами, которыя двигались вслѣдъ за ними. Такъ, на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ весьма замѣтна помѣсь съ средиземной расой, а на югѣ съ каффрской; между тѣмъ, какъ повсемѣстно, гдѣ только вторглись фулахи въ качествѣ побѣдителей, можно указать на извѣстное сродство съ негритянскимъ типомъ. Послѣдній сохранился въ наибольшей чистотѣ и опредѣленности въ тѣхъ частяхъ занимаемой ими области, которыя наиболѣе отдалены отъ соприкосновенія съ чуждыми расами и племенами, а именно на юго-востокѣ. Поэтому та часть Африки, которая простирается отъ Сенегала до Нигера, можетъ преимущественно считаться родиной настоящихъ негровъ.

Съ давнихъ поръ высказаны были самые разнообразные взгляды на этнологическое положеніе негра сравнительно съ бѣлымъ. Всего дальше, какъ мы увидимъ ниже, и даже слишкомъ далеко зашелъ въ этомъ направленіи Л. Агассицъ, приверженецъ ученія видоваго различія человѣческихъ расъ, которое было также опровергнуто нами. „Мнѣ удалось найти, говоритъ онъ, болѣе ста существенныхъ отличій между костями и нервной системой негра и бѣлаго. Дѣйствительно въ ихъ тѣлосложеніи нѣтъ ни малѣйшаго сходства. У негра нѣтъ ни одной кости, которая имѣла бы одинаковую форму и вели-

чину, такія же связки и химическій составъ, какъ соотвѣтствующая кость бѣлаго человѣка. Кости негра содержатъ несравненно бо̀льшее количество известковыхъ щелочей. Даже кровь у негра въ химическомъ отношеніи совсѣмъ не та жидкость, которая течетъ въ жилахъ бѣлаго. Вся физическая организація негра настолько же отличается отъ организаціи бѣлаго, какъ отъ чимпанзе,— т. е. по своимъ костямъ, мускуламъ и нервамъ чимпанзе настолько же далекъ отъ бѣлаго, какъ негръ. Этотъ фактъ составляетъ неоспоримый выводъ науки. Климатъ не играетъ никакой роли въ томъ различіи, какое существуетъ между негромъ и бѣлымъ, равно какъ и въ различіи между негромъ и чимпанзе, лошадью или осломъ, или между орломъ и совой. Каждый изъ нихъ существуетъ независимо отъ другаго. Негръ и бѣлый представляютъ собой отдѣльные виды, настолько же различные, какъ сова и орелъ. Имъ суждено занимать разныя мѣста въ системѣ природы. Негръ сдѣлался негромъ, какъ сова совой, не вслѣдствіе какого либо несчастія или случайности. Негръ не можетъ считаться собратомъ бѣлаго, а также нечего искать тѣснаго сродства между совой и орломъ, или же осломъ и лошадью".

Вообще негръ по своей фигурѣ отличаеття сильнымъ и мускулистымъ тѣлосложеніемъ; ростъ его достигаетъ 1,67—1,83 м. высоты. Негритянская раса, въ смыслѣ рабочей силы, самая выносливая послѣ средиземной, а въ жаркомъ поясѣ даже превосходитъ послѣднюю. У негра толстая, короткая и крѣпкая шея и сильно развитой затылокъ, но позвоночный столбъ менѣе гибокъ. Тазъ значительно меньше и уже чѣмъ у бѣлаго, болѣе клинообразенъ и сильно наклоненъ назадъ, чѣмъ объясняется какъ бы обращенная назадъ принужденная походка негра. Предплечье, а равно и пальцы значительно развиты, сравнительно съ этой частью тѣла у другихъ расъ. Но ляжки и икры слабо развиты, чему вѣроятно не мало способствуетъ сидѣніе на корточкахъ, которое составляетъ любимую позу негра. Голень слегка согнута; конечности ногъ снабжены весьма длинной и широкой пяткой. Кожа болѣе толстая, нежели у бѣлаго, свѣжая и бархатистая на ощупь, безъ малѣйшихъ признаковъ волосъ и большей частью имѣетъ свообразный, отвратительный запахъ. Достойно замѣчанія, что кожа на ладоняхъ значительно грубѣе и нечувствительнѣе, чѣмъ у бѣлаго.

Строеніе негритянскаго черепа отличается тяжелыми, толстыми и грубыми костями. Задняя часть головы вытянута въ длину; затылочное отверстіе немного отодвинуто назадъ. Вообще мозгъ негра меньшаго объема, нежели у средиземной расы, и мозговыя извилины менѣе благопріятно развиты. Средняя доля мозга всегда значительно превышаетъ переднюю. Вслѣдствіе узкаго лба и удлиненныхъ, обращенныхъ впередъ челюстей, голова кажется сплюснутой съ боковъ, а лицо длиннымъ и узкимъ; нижняя часть послѣдняго при сильно

выраженномъ прогнатизмѣ имѣетъ рылообразную форму. Поверхность небольшаго округленнаго лба представляетъ неровности. Глаза черные, съ узкимъ разрѣзомъ. Носъ съ широкимъ основаніемъ, толстый, плоскій и съ открытыми ноздрями. Ротъ большой, при смѣхѣ видѣнъ рядъ ослѣпительно бѣлыхъ, наклоненныхъ впередъ и косолежащихъ зубовъ. Губы вздутыя, вывороченныя и темнокраснаго цвѣта. Подбородокъ небольшой, но неуклюжей формы. Кожа темная, начиная отъ

Типъ негра.

цвѣта чернаго дерева до коричневаго и даже до грязноватожелтаго. Волосы черные, короткіе и курчавые и ростутъ только на головѣ; борода составляетъ рѣдкость, а тѣмъ болѣе усы. Трудно опредѣлить съ точностью долговѣчность негра, потому что онъ самъ никогда не въ состояніи сказать, сколько ему лѣтъ. Но судя потому, что во многихъ семьяхъ встрѣчаются 15-лѣтніе внуки и негръ обыкновенно женится 20-ти лѣтъ,—можно заключить, что онъ достигаетъ среднимъ числомъ 60-лѣтняго возраста.

Только что описанный нами, по Фридриху Миллеру, негритянскій типъ, рѣзко отличенъ отъ всѣхъ другихъ; онъ встрѣчается только въ индивидахъ тѣхъ странъ, гдѣ негръ не скрещивался ни съ одной изъ расъ или народовъ чуждаго племени. Въ противномъ случаѣ типъ представляетъ уклоненіе въ томъ или другомъ пунктѣ отъ вышеписаннаго, смотря по тому, болѣе или менѣе долгое время продолжалось вліяніе того или другаго народа. Тѣмъ не менѣе ко всѣмъ негритянскимъ народамъ можетъ быть примѣнено изреченіе Винвуда Рида, что „типичный“ негръ даже среди негровъ представляетъ собой рѣдкую игру природы. То представленіе, какое до сихъ поръ существуетъ у большинства относительно наружности негра, настолько же ложно, какъ и общепринятый взглядъ, будто бы негръ есть олицетвореніе грубости и звѣрства и представляетъ собой посредствующее звено между homo sapiens и четвероногимъ, какъ въ умственномъ, такъ и нравственномъ отношеніи.

Негръ по своему характеру напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ неразвитаго ребенка; его отличительныя черты: глубокая воспріимчивость и способность поддаваться минутнымъ, сильно дѣйствующимъ впечатлѣніямъ. Негръ вообще человѣкъ чувственный, у котораго преобладаетъ фантазія. Поэтому веселость составляетъ основную черту его темперамента, хотя въ силу внѣшнихъ, внезапно дѣйствующихъ причинъ, онъ можетъ легко впасть въ противоположное настроеніе. Его ничѣмъ не сдержанной фантазіи нужно главнымъ образомъ приписать его пристрастіе къ нарядамъ, тщеславіе, а равно и склонность къ шумнымъ представленіямъ и пляскѣ. Въ минуты веселія онъ въ состояніи забыть всѣ свои заботы и страданія и примириться съ самой тяжелой судьбой.

Внѣшній блескъ и пышность всегда производятъ на негра глубокое впечатлѣніе. Вслѣдствіе этого онъ готовъ выказать величайшую покорность тому, кто съумѣетъ импонировать ему въ этомъ направленіи. Съ другой стороны его хвастливость и гордость, проистекающая изъ личнаго тщеславія, заставляютъ его относиться самымъ заносчивымъ образомъ къ людямъ равнымъ ему по положенію или стоящимъ ниже его. Каждый негръ считаетъ вполнѣ законнымъ, чтобы другіе прислуживали ему.

Негръ положительно человѣкъ минуты. Онъ живетъ, такъ сказать, день за день, и не думаетъ ни о будущемъ, ни о прошломъ. Всего охотнѣе проводитъ онъ время въ бездѣліи, пустыхъ забавахъ, безсмысленномъ разговорѣ или въ пѣніи; только голодъ и половое влеченіе могутъ вывести его изъ состоянія полнѣйшаго покоя.

Извѣстная доля природнаго добродушія и даже кротость негра частью объясняются незначительной степенью умственной энергіи. Сердце его всегда открыто для соплеменника и гостя, и онъ никогда не откажется протянуть имъ руку помощи. Съ ними онъ дѣлитъ все,

что имѣетъ, въ томъ предположеніи, что и они то-же сдѣлаютъ для него. Подобное легкомысліе и склонность къ коммунизму поддерживаются отсутствіемъ энергіи и прилежанія и приносятъ величайшій вредъ, такъ какъ препятствуютъ стремленію пріобрѣсти какую либо собственность, а также мѣстной промышленности и труду. Всѣ миссіонеры жалуются на эту черту негритянскаго характера и видятъ въ ней главную помѣху къ окончательному обращенію негровъ въ христіанскую вѣру. Вслѣдствіе такого своеобразнаго взгляда на пріобрѣтеніе и собственность, негръ старательно прячетъ отъ глазъ товарищей ту вещь изъ своего имущества, которой онъ особенно дорожитъ, изъ боязни, чтобы они не заявили на нее притязаній. Такимъ образомъ на ряду съ величайшей щедростью у него развивается грязное и нелѣпое скряжничество, которое побуждаетъ его къ постоянному обману близкихъ ему людей.

Негръ настолько же добродушенъ и привѣтливъ въ своемъ обхожденіи съ друзьями, насколько онъ жестокъ и безпощаденъ къ своимъ врагамъ. Какъ у всѣхъ сангвиниковъ, его гнѣвъ и ярость тотчасъ-же проходятъ, когда онъ видитъ гибель преслѣдуемой имъ жертвы; только религіозный фанатизмъ можетъ минутами настолько овладѣть имъ, чтобы довести его до утонченной жестокости.

Такимъ образомъ жизнь негра проходитъ среди постоянныхъ противорѣчій; въ его душѣ совмѣщаются самыя противоположныя мысли и ощущенія. Беззаботная, безумная веселость смѣняется мрачнымъ отчаяніемъ; чрезмѣрная увѣренность—мучительными сомнѣніями; нелѣпая и легкомысленная расточительность—самымъ мелочнымъ скряжничествомъ.

Умственныя дарованія негра соотвѣтствуютъ крайней впечатлительности, которая составляетъ основу его характера. У него хорошо развиты тѣ духовныя способности, для проявленія которыхъ прежде всего необходимо подражаніе; но онъ оказывается совершенно несостоятельнымъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется самостоятельное мышленіе. Маленькій негръ, въ первые годы своего умственнаго развитія, обыкновенно превосходитъ бѣлаго ребенка; но съ наступленіемъ періода возмужалости, когда начинается самостоятельная переработка пріобрѣтенныхъ свѣдѣній и знаній, для перваго кончается всякій прогрессъ, между тѣмъ какъ второй неуклонно идетъ впередъ. Также не разъ сдѣлано было наблюденіе, что негръ, подобно большинству дѣтей, обладаетъ удивительною памятью и очень легко усвоиваетъ иностранные языки, иногда даже выучивается одновременно нѣсколькимъ языкамъ. Но съ другой стороны онъ не выказываетъ ни малѣйшей способности къ счисленію; это доходитъ до такой степени, что нерѣдко индивидъ не въ состояніи сказать, сколько ему лѣтъ. Такимъ образомъ ацтеки въ сѣверной Америкѣ составили календарь, который далеко превосходитъ греческій по своей точности, тогда какъ негри-

тянскіе народы едва дошли до весьма несовершеннаго измѣренія времени.

Приведенныя нами подробности ни въ какомъ случаѣ не противорѣчатъ тому факту, что негръ въ торговыхъ сношеніяхъ съ чужеземцами выказываетъ замѣчательную смѣтливость и хитрость. Эта черта именно служитъ лучшимъ доказательствомъ ограниченности негра, при которой хитрость является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ недовѣрчивости. Съ другой стороны его тупоуміе видно въ томъ, что онъ безусловно вѣритъ другимъ во всемъ, что превосходитъ его умственный кругозоръ, и чего онъ не видѣлъ собственными глазами въ обыденной жизни. Онъ не въ состояніи сдѣлать какой либо выводъ изъ того, что непосредственно случилось съ нимъ самимъ или составить опредѣленное мнѣніе о томъ, что ему передавали другіе. Такимъ образомъ онъ принимаетъ на вѣру всякую нелѣпость и шутку, и любой обманщикъ можетъ сдѣлать негра своимъ послушнымъ орудіемъ, если только съумѣетъ подѣйствовать на его фантазію.

Эти наблюденія, сдѣланныя надъ отдѣльными индивидами, вполнѣ подходятъ ко всей массѣ негритянскихъ народовъ. Съ незапамятныхъ временъ они находятся въ сношеніяхъ съ расами стоящими выше ихъ и сдѣлали довольно большія успѣхи во внѣшнихъ пріемахъ цивилизаціи, формы которой могутъ быть только продуктомъ подражанія. Но мы нигдѣ не видимъ, чтобы негритянскіе народы дошли до самостоятельной высшей культуры. Во всемъ, что касается иниціативы, они постоянно находились въ зависимости отъ высшихъ расъ; даже въ образованіи отдѣльныхъ государствъ негры, повидимому, исключительно обязаны импульсу ислама. Негръ, подобно безпомощному ребенку, всегда былъ и будетъ руководимъ другими, такъ что сравнительно съ остальными разновидностями человѣческаго рода мы необходимо должны признать за негритянской расой низшую степень умственныхъ дарованій.

Эта подчиненность негровъ въ умственномъ отношеніи проявляется поразительнымъ образомъ въ недостаточномъ пользованіи сокровищами, предоставленными природой въ ихъ распоряженіе, а равно и въ тѣхъ отношеніяхъ, подтверждаемыхъ исторіей, въ какія негритянская раса встала къ другимъ расамъ. Мы видимъ изъ египетскихъ и западноазіатскихъ памятниковъ, что негръ съ самыхъ древнихъ временъ служилъ бѣлымъ народамъ въ качествѣ раба, вслѣдствіе чего, несмотря на протестъ христіанства и нравственности, можно на историческомъ основаніи признать за бѣлой, наиболѣе развитой расой, право господства надъ негромъ. Вообще въ данномъ случаѣ можно вполнѣ согласиться съ замѣчаніемъ одного беспристрастнаго наблюдателя, что „негръ даетъ себя дрессировать; но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можно дѣйствительно воспитать его“ (Fried. Müller, Allgemeine Ethnographie. s. 149—155). Для полноты описанія считаемъ не лиш-

нимъ упомянуть, что нѣкоторые ученые энергически отстаиваютъ культурную способность негра. Наиболѣе восторженный изъ нихъ, Германъ Сойо, формулируетъ слѣдующимъ образомъ свой окончательный выводъ объ умственныхъ дарованіяхъ чернокожихъ: „Мой личный взглядъ, основанный на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною во время двухъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ въ Африкѣ, приводитъ меня къ непреложному заключенію, что негритянская раса по своей организаціи вовсе не въ такой степени разнится отъ бѣлой, и что негръ не только способенъ къ дрессировкѣ, но къ воспитанію и образованію. Если бы вся раса была менѣе способна, то изъ нея не могли бы появиться богато одаренные индивиды. Послѣднее составляетъ непреложный фактъ; помимо многихъ другихъ талантливыхъ негровъ, мы назовемъ; Туссэна Лувертюръ, Веньямина Баннакера, автора „астрономической хроники", Дуалу Букере, изобрѣтателя азбуки слоговъ діалекта вейсъ на верхне-гвинейскомъ берегу, епископа Самуила Кровтера, Іосифа Рейнесъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ выступилъ въ качествѣ оратора палаты депутатовъ въ Вашингтонѣ. Противники негровъ скажутъ намъ, что такіе люди представляютъ собой исключеніе. Но по моему мнѣнію эти исключенія служатъ лучшимъ подтвержденіемъ той истины, что при благопріятныхъ условіяхъ не только значительное число отдѣльныхъ лицъ достигнетъ высокой степени образованія, но и вся масса постепенно двинется впередъ по пути культурнаго развитія. Хотя африканскіе туземцы безъ посторонняго вліянія дѣйствительно не произвели ничего замѣчательнаго въ области искусства и промышленности, но и то, что сдѣлано ими служитъ доказательствомъ, что они могли бы произвести нѣчто лучшее при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ". (Soyaux, Aus Westafrika, Bd. 1, s. 153—154).

НЕГРЫ ВЕРХНЕЙ ГВИНЕИ.

Мы начнемъ перечень народовъ, принадлежащихъ къ негритянской расѣ, съ залива Біафра и направимся далѣе къ западу, чтобы затѣмъ вернуться назадъ въ область Бѣлаго Нила. Здѣсь у залива Біафра можно всего нагляднѣе видѣть переходъ отъ вышеописанныхъ банту къ настоящимъ неграмъ, хотя, впрочемъ, на одномъ материкѣ, а не на островахъ, гдѣ жители были отрѣзаны отъ сосѣднихъ на-

родовъ и не имѣли съ ними близкихъ сношеній. Наиболѣе замѣчательными изъ этихъ островитянъ можно несомнѣнно считать адійя изъ Фернандо По, которые болѣе извѣстны подъ прозвищемъ „буби“. Послѣднее было дано имъ европейцами, потому что въ разговорѣ они называютъ каждаго „буби“, т. е. другомъ.

Адійя (что по Бастіану означаетъ „деревенскихъ жителей“), послѣ открытія Верхней Гвинеи (1471), перешли черезъ португальскія владѣнія Фернандо По на необитаемый островъ, который въ тѣ времена представлялъ пустыню, какъ и всѣ здѣшніе атлантическіе острова. Адійя были вытѣснены изъ ихъ первоначальныхъ мѣстъ жительства въ землѣ Габунъ племенами м-понгве, которыя двинулись на нихъ изъ внутренной Африки. Они встрѣчаются исключительно въ лѣсахъ и никогда не живутъ въ главномъ городѣ Санъ-Изабель, потому что, несмотря на необычайную кротость характера, не могутъ свыкнуться съ европейцами и ихъ привычками. Въ былыя времена ихъ посѣщали миссіонеры; но теперь они пользуются полной свободой и живутъ среди лѣса въ маленькихъ деревушкахъ, такъ что путешественникъ догадывается объ ихъ существованіи по многочисленнымъ столбикамъ дыма вдоль береговъ. Адійя являются въ факторіи бѣлыхъ и въ городъ, чтобы предложить въ обмѣнъ на европейскіе товары произведенія своей земли, которыя одинаковы во всей западной Африкѣ. Но въ противоположность всѣмъ другимъ неграмъ этихъ странъ, они не употребляютъ никакихъ тканей и часто ходятъ совсѣмъ нагіе, потому что даже не всегда носятъ узкій передникъ. Единственная принадлежность туалета, которая считается у нихъ необходимой,—это шляпа, съ широкими полями, большею частью безъ тульи, сплетенная изъ разщепленныхъ листьевъ вѣерной пальмы. Шляпа прикрѣпляется къ головѣ тонкими длинными палочками или костями, которыя высовываются изъ шляпы и торчатъ во всѣ стороны. Волосы почти всегда приподняты кверху въ видѣ большаго пучка и обыкновенно вымазаны желтой охристой землей такимъ способомъ, что пряди волосъ свернуты въ небольшіе шарики. Адійя носятъ вокругъ шеи и суставовъ рукъ ожерелья и браслеты изъ нанизанныхъ камней и костей, полоски шкуръ или толстые шнуры изъ мелкихъ европейскихъ бусъ. Ихъ оружіе преимущественно состоитъ изъ ружья съ огнивомъ, также копья, и въ рѣдкихъ случаяхъ дубины. Кромѣ того у каждаго мужчины къ лѣвому предплечью привѣшенъ на петлѣ большой ножъ, въ деревянныхъ или кожанныхъ ножнахъ; у женщинъ вмѣсто этого привязана курительная трубка. Адійя представляютъ собой рослое (среднимъ числомъ 1,70 м. высоты), сильное и крѣпко сложенное племя, но съ безобразными чертами лица, особенно у женщинъ. Ихъ кроткій и спокойный характеръ составляетъ пріятный контрастъ съ крикомъ и шумомъ, который большею частью производятъ другіе негры (Soyaux A. a. O., Bd. I, s. 92—93).

Если мы вернемся назадъ на материкъ и прослѣдимъ господствующія здѣсь нарѣчія, то увидимъ, что у нижняго Нигера распространенъ языкъ ибо, а отъ Бенуэ вверхъ по теченію нупе или нуффи; изъ нихъ первый по своимъ фонетическимъ и грамматическимъ особенностямъ представляетъ довольно значительное сходство съ языками банту. Хотя и находятъ сродство между ибо или игбо (которое далеко распространено на сѣверъ въ видѣ многихъ діалектовъ) и нупе, но до сихъ поръ неизвѣстно, въ какомъ соотношеніи эти два языка находятся другъ къ другу, такъ что этотъ вопросъ

можетъ быть рѣшенъ только при болѣе точныхъ изслѣдованіяхъ. Равнымъ образомъ Герардъ Рольфсъ, который во время своего путешествія по Африкѣ посѣтилъ народъ нупе, находитъ, что весьма трудно опредѣлить: жилъ-ли послѣдній первоначально въ странѣ или же переселился изъ другой мѣстности. Языкъ его уонъ-нупе указываетъ на сродство съ жителями Іоруба и отличается замѣчательно богатымъ словаремъ. Такъ напр. система чиселъ болѣе развита нежели въ языкѣ любаго изъ здѣшнихъ народовъ: 1 называется nini, 5 gutzu, 6 gutzucin (5+1), 10 guo, 15 godji, 20 eschi, 30 bano, 40 schiba, 50 arata, 60 schita, 24 eschi be guni; каждая сотня имѣетъ особое названіе и даже для обозначенія милліона существуетъ слово: babapodzu. Однако, этотъ языкъ, несмотря на свое богатство, не проникъ далѣе границъ нупе и во всей странѣ настолько же распространенъ языкъ гаусса.

Типъ туземнаго нупе сохранился пока во всей чистотѣ. Это настоящіе негры по цвѣту кожи и строенію лица, и ихъ безспорно слѣдуетъ признать однимъ изъ самыхъ красиво-сложенныхъ племенъ Африки. Мужчины татуируютъ себѣ лицо и другія части тѣла множествомъ тонкихъ надрѣзовъ, выбриваютъ голову, а также бороду и бакенбарды, и оставляютъ только узкую полосу волосъ на щекахъ и подбородкѣ. На верхней части руки они носятъ толстый обручъ изъ бѣлаго и голубаго стекла, нерѣдко изготовленный въ самой странѣ изъ сплава стеклянныхъ осколковъ. Женщины наоборотъ не употребляютъ обручей на рукахъ и ногахъ и только носятъ вокругъ головы на распущенныхъ волосахъ коралловыя украшенія, стеклянныя бусы и пестрые камни. Пока мальчики не достигли возраста зрѣлости, имъ выстригаютъ волосы по частямъ, такъ что по срединѣ головы оставлены полосы торчащихъ волосъ въ 5 сант. ширины, или на макушкѣ головы распредѣлены кружки волосъ, полукруги и другія фигуры. При этомъ не принято являться при постороннихъ безъ всякой одежды (Gerhard Rohlfs Quer durch Afrika. Reise vom Mittelmeere nach dem Tschadsee und zum Golf von Guinea. Leipzig 1874. Bd. II s. 248—249).

Туземцы сосѣдней страны Іоруба отличаются отъ нупе болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и правильнымъ строеніемъ лица, подходящимъ къ кавказскому типу. У нихъ, повидимому, не особенно толстыя губы и носъ болѣе похожъ на орлиный, чѣмъ у другихъ негровъ. Мужчины хорошо сложены и отличаются горделивой осанкой.

Рольфсъ положительно опровергаетъ существующее мнѣніе будто бы іоруба выказываютъ болѣе рабскую подчиненность относительно своихъ властелиновъ и знатныхъ людей, нежели большинство народовъ по ту сторону Нигера. Что же касается одежды и способа постройки жилищъ, то замѣтна существенная разница между іоруба и ихъ сосѣдями. Одежда мужчинъ состоитъ изъ короткой узкой рубашки безъ рукавовъ и узкихъ панталонъ, доходящихъ до колѣнъ, что вполнѣ цѣлесообразно для работы по заросшему первобытному лѣсу. Жилища не представляютъ круглыхъ хижинъ, предназначенныхъ для отдѣльныхъ семействъ, но образуютъ длинное продолговатое зданіе, въ которомъ живутъ подъ одной крышей, какъ въ казармахъ, нѣсколько семействъ, впрочемъ большею частью родственныхъ. Эти зданія обыкновенно образуютъ четырехъ-

угольный дворъ и если послѣдній достаточно обширенъ, то на немъ находятся другія длинныя и узкія постройки. Стѣны дома съ лицевой стороны сдѣланы изъ глины; вдоль остальныхъ устроена открытая галлерея. Между стѣнами и соломенной крышей оставленъ пустой промежутокъ для притока воздуха (Rohlfs, A. a. O., s. 254—255).

Жители болѣе значительныхъ городовъ Іоруба съ большимъ успѣхомъ занимаются промыслами и ремеслами. Они изготовляютъ прекрасные кожаные товары, деревянныя блюда и тарелки, украшенныя рѣзьбой, замѣчательно красивыя плетеныя циновки, различныя вышивки, всякаго рода глиняную посуду, полужелтые и полукрасные башмаки; а въ сельскомъ хозяйствѣ они дошли до изготовленія сыра, о которомъ большинство негритянскихъ племенъ не имѣетъ никакого понятія. Вообще іоруба ѣдятъ все, что имъ попадаетъ подъ руку: лягушекъ, обезьянъ, собакъ, кошекъ, крысъ, мышей и т. п. Саранча и черные муравьи считаются у нихъ особеннымъ лакомствомъ, а также гусеницы: первыхъ жарятъ на маслѣ, послѣднихъ сушатъ съ корнемъ ямса. Всѣ іоруба ревностные идолопоклонники и имѣютъ безчисленное множество деревянныхъ и глиняныхъ фетишей мужскаго и женскаго пола и самого разнообразнаго вида.

Негръ у дельты Нигера (по Фричу).

У дельты Нигера и вокругъ нея живетъ цѣлый рядъ племенъ, языкъ которыхъ рѣзко отличается отъ нупе, а также ибо, какъ напр. языкъ бонни, языкъ Брассленда къ сѣверо-западу отъ предъидущаго, языкъ ква на восточной границѣ дельты, языкъ андонни къ юго-востоку отъ бонни, который даже у самихъ бонніеровъ считается въ высшей степени непонятнымъ и труднымъ для изученія и выговора. Къ востоку отъ рѣки Алькалабара живутъ многія племена, которыя

извѣстны намъ только по имени, какъ мбафу, мичи и пр. Племена, живущіе у нижняго теченія Нигера, преданы идолопоклонству, приносятъ въ жертву животныхъ, а также людей; но послѣднее происходитъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Вверхъ по теченію до Бида господствуетъ исламъ, который по крайней мѣрѣ принесъ ту пользу, что уничтожилъ человѣческія жертвы, тѣмъ болѣе, что послѣднія производились здѣсь въ грандіозныхъ размѣрахъ.

Къ западу слѣдуетъ языкъ эве, который еще больше удалился отъ идіомовъ банту и представляетъ ту особенность, что въ немъ выдѣляются суффиксы при полномъ сліяніи приставокъ. Нарѣчіемъ эве говорятъ жители: Дагоме, Ангфуэ, Англо и Махи, затѣмъ далѣе къ востоку эзики у нижняго Альткалабара, которые отдѣлены отъ предъидущихъ областью языка ибо.

Негры-дагоме безспорно самые значительные изъ вышеупомянутыхъ народовъ; ихъ настоящее названіе ффоны; они распадаются на различныя племена съ особыми идіомами, которые считаются діалектами одного языка. Обыкновенно ффоновъ ставятъ на ряду съ племенами: видахъ, ардрахъ, папаа, а равно аче и ваче. Ффоны не особенно велики ростомъ, отличаются красивымъ и очень сильнымъ тѣлосложеніемъ, но съ непріятными чертами лица. У нихъ есть свое собственное и довольно значительное королевство Дагоме или Дагомей на Невольничьемъ берегу; это по преимуществу военное африканское государство, а въ смыслѣ деспотизма можетъ считаться образцовымъ среди другихъ негритянскихъ земель. Дагомейскій король неограниченный властелинъ въ полномъ значеніи этого слова; вся земля и народъ безусловно принадлежатъ ему; жизнь подданныхъ зависитъ отъ его произвола; онъ можетъ въ любую минуту конфисковать имущество и распорядиться жизнью и семьей всякаго отдѣльнаго лица. Говорятъ даже, что онъ выдаетъ замужъ дочерей своихъ подданныхъ и полученную за нихъ плату складываетъ въ свою королевскую казну. Кромѣ того ему достается значительная часть изъ наслѣдства его подданныхъ и чиновниковъ, потому что онъ въ качествѣ высшаго повелителя и „отца“ земли считаетъ себя наслѣдникомъ всего ихъ имущества. Такіе доходы дѣйствительно необходимы, чтобы удовлетворить многочисленную наемную прислугу обоего пола и народъ во время блестящихъ празднествъ значительными подарками, потому что здѣсь это единственный способъ пріобрѣсти уваженіе. Однако несмотря на крайній деспотизмъ во многихъ пунктахъ проявляется патріархальная форма правленія. Такъ напр. король долженъ править государствомъ согласно обычаямъ и преданіямъ своего племени и держать при себѣ двухъ высшихъ сановниковъ, контролирующихъ его дѣйствія, а именно „minghan'a“, т. е. „старшаго палача“ (министра внутреннихъ дѣлъ) и „mehu“, т. е. „надсмотрщика надъ торговлей“ (министра иностранныхъ дѣлъ и торговли). Они также воспитатели и опекуны несовершеннолѣтняго королевскаго сына и его соправители, пока онъ не провозглашенъ королемъ. Престолъ переходитъ по наслѣдству къ старшему сыну. Каждая провинція имѣетъ особаго вице-короля „avoghan“, который долженъ выставить опредѣленное число солдатъ. Но такъ какъ король представляетъ собой какъ бы вмѣстилище и олицетвореніе мѣстнаго обычнаго права, то оно теряетъ всякую силу съ его смертью и временно наступаетъ анархія, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока не водворится новый король. Въ этотъ опредѣленный и довольно долгій срокъ всѣ проступки, — за которые въ обыкновенное время виновные подвергаются жестокому наказанію, остаются безъ всякихъ послѣдствій.

Хотя Дагоме до сихъ поръ не совсѣмъ доступно для европейцевъ, но Ричардъ Буртонъ, а въ новѣйшее время (1871) I. А. Скерчли (I. A. Skertchly, Dahomey as it is; being a Narrative of Eight Months Residence in that Country. London, Chapman and Hill 1874) проникли внутрь страны и довольно подробно описали ее. Чуть ли не совсѣмъ нагіе носильщики несутъ васъ на своихъ плечахъ въ такъ называемыхъ гамакахъ отъ деревни до деревни. Здѣшніе дороги ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать образцовыми; но самое худшее для путешественника, что послѣ испытанной имъ качки и тряски вмѣсто необходимаго спокойствія его ожидаетъ на каждой станціи въ высшей степени утомительная церемонія привѣтствій. „Cabоceros“ или правители провинцій чествуютъ каждаго пріѣзжающаго или отъѣзжащаго гостя ромомъ или водкой и пляшутъ съ нимъ. Неисполненіе этой церемоніи считалось бы грубымъ нарушеніемъ дагомейскаго этикета и навлекло бы на виновнаго строгое порицаніе. Даже король не можетъ отступить отъ этого обычая. Подобно тому, какъ ветхозавѣтный король Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ, такъ и дагомейскій властелинъ пляшетъ передъ своимъ народомъ при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ; онъ много разъ оказывалъ особенный почетъ Скерчли, приглашая его на танецъ. Англичанинъ никогда не отказывался отъ этихъ приглашеній, чѣмъ онъ преимущественно заслужилъ то уваженіе, какимъ пользовался въ странѣ. Къ полному удовольствію его чернокожаго величества онъ выплясывалъ съ нимъ столько разъ, сколько этому было угодно. Особенно блистателенъ былъ пріемъ, оказанный ему въ столицѣ: не только король привѣтствовалъ его самымъ дружескимъ образомъ, но даже туземный поэтъ воспѣлъ его прибытіе. Толпа пляшущихъ барабанщиковъ, съ многочисленными кольцами на пальцахъ рукъ и съ колокольчиками на большихъ пальцахъ ногъ, декламировала „праздничную поэму“, сопровождая слова мѣрными движеніями. Поэтическое привѣтствіе заключалось въ нѣсколькихъ строфахъ, которыя мы передаемъ съ возможною точностью:

Бѣлый человѣкъ прибылъ изъ Англіи.
О Керзелей!
(т. е. Скерчли.)
Много видѣлъ онъ тамъ чудныхъ вещей.
О Керзелей!
Вотъ пришелъ онъ навѣстить своего друга Гелеле.
О Керзелей!
И сердце короля привѣтствуетъ его.
О Керзелей!
Много покажетъ ему король прекрасныхъ вещей.
О Керзелей!
Да здравствуетъ онъ! Весь народъ привѣтствуетъ его.
О Керзелей!
Крѣпко прижметъ его король къ своему сердцу.
О Керзелей!
Весь народъ долженъ единогласно прославлять друга короля.
О Керзелей!

Между тѣмъ не малый подвигъ жить при дворѣ дагомейскаго короля и принимать участіе въ ежегодныхъ придворныхъ празднествахъ, которые продолжаются цѣлыми мѣсяцами. Что значитъ съѣздъ при европейскомъ дворѣ, хотя бы тутъ господствовалъ строжайшій испанскій церемоніалъ, сравнительно съ задачей просидѣть впродолженіе 16-ти часовъ подъ раскинутымъ навѣсомъ при оглушительномъ шумѣ нѣсколькихъ сотъ пляшущихъ африканцевъ и безпрерывныхъ ружейныхъ залпахъ. Питье рому и при случаѣ pas de deux съ королемъ разнообразили это одуряющее препровожденіе времени. Но всего ужаснѣе былъ тотъ моментъ, когда общее радостное настроеніе достигало выс-

шей степени и съ эстрады спускались въ корзинахъ связанныя человѣческія жертвы. Танцоры тотчасъ же превращались въ палачей, и, окруживъ несчастныхъ, въ одно мгновеніе ока отдѣляли головы отъ туловищъ. Самыя знатныя лица при дворѣ считаютъ для себя честью собственноручно выполнить эту казнь, между тѣмъ какъ король къ увеличенію общаго веселія исполняетъ особенный танецъ и пьетъ вино или водку изъ черепа враждебнаго ему короля убитаго его рукой. Народъ ликуетъ, громко привѣтствуетъ своего властелина и требуетъ съ проклятіями, чтобы его вели на войну противъ непріязненныхъ сосѣдей. Когда умираетъ король, то въ память покойника убиваютъ часть его гарема, состоящаго изъ 3000 женъ, такъ какъ вообще ни одинъ общественный праздникъ не проходитъ безъ человѣческихъ жертвъ. Ежегодно король орошаетъ могилы своихъ предковъ человѣческой кровью. Въ январѣ дагоме неизмѣнно справляютъ въ честь великаго завоевателя Гвадша—Тродо большой праздникъ, при которомъ отрубаютъ головы 40—50 плѣннымъ, преступникамъ или рабамъ. Стѣны королевскаго дворца въ главномъ городѣ Абоме разукрашены отрубленными человѣческими черепами, что представляетъ остатки такъ называемаго „великаго обычая", существовавшаго съ древнѣйшихъ временъ, который соблюдается скорѣе изъ суевѣрнаго страха и набожнаго уваженія къ традиціи, нежели для удовлетворенія кровожадности. Европейское вліяніе уже начинаетъ оказывать нѣкоторое воздѣйствіе на эти празднества, которыя до сихъ поръ считались необходимыми, въ силу существующихъ порядковъ. Нужно сказать къ чести короля Геледе, что онъ значительно уменьшилъ число человѣческихъ жертвъ, убиваемыхъ на этихъ празднествахъ; многихъ онъ милуетъ передъ самой казнью. Равнымъ образомъ это большею частью осужденные на смерть преступники, которыхъ приберегаютъ для этого случая и затѣмъ казнятъ передъ цѣлымъ народомъ. По словамъ вышеупомянутаго англійскаго путешественника, если бы король дѣйствительно пожелалъ отмѣнить эти публичныя казни, то среди дикаго и кровожаднаго народа, всякая подобная попытка, вѣроятно повела бы къ тому, что онъ былъ бы принесенъ въ жертву собственными подданными.

Странную противоположность съ вышеописанной жестокостью дагомеевъ составляетъ то высокое уваженіе, какимъ у нихъ пользуются женщины. Каждая общественная должность доступна женщинамъ на-равнѣ съ мужчинами; королевская лейбъ-гвардія, какъ извѣстно, состоитъ изъ женщинъ. Прежніе дагомейскіе повелители держали при своей особѣ отрядъ амазонокъ или воительницъ, состоящій изъ 3000—8000. Въ настоящее время этотъ отрядъ уменьшенъ до 1500, но все еще образуетъ центръ войска, вооруженнаго пушками и огнестрѣльнымъ оружіемъ, численность котораго доходитъ до 8000—10000 человѣкъ. Мы заимствуемъ у Ричарда Буртона слѣдующее описаніе этой своеобразной гвардіи амазонокъ. Дагомейская армія, какъ мужская, такъ и женская, дѣлится на два крыла: правое и лѣвое. Правое или важнѣйшее изъ нихъ находится ex officio подъ командой „minghan'a" перваго изъ двухъ главныхъ вождей во время похода. Онъ также считается первымъ сановникомъ государства между мужчинами; но „minghan" женскаго пола, находящійся неотлучно въ королевскомъ дворцѣ, имѣетъ надъ нимъ преимущество. „Gan" или предводитель втораго батальона праваго крыла подчиненъ „minghan'y" мужскаго пола и въ то-же время занимаетъ постъ военнаго главнокомандующаго. Между амазонками находится соотвѣтствующій этому военный чинъ. Главный начальникъ лѣваго крыла у мужчинъ называется „meu" у женщинъ „akpadume" исправляющій его должность — „fosupe" между тѣмъ какъ у мужчинъ по чину за „meu" слѣдуетъ „posu". Большинство представительницъ „прекраснаго пола" въ Дагоме имѣетъ черную кожу, какъ-бы вымазанную сажей, между тѣмъ какъ у немногихъ коричневыхъ красавицъ встрѣчаются типичныя черты лица негритянской расы. Всѣ дагоме въ одинаковой

степени преданы своему господину и повелителю; всѣ мужчины рабы короля и всѣ женщины въ его полномъ распоряженіи.

Между мѣстами парада мужскаго и женскаго войска устроенъ барьеръ изъ ряда воткнутыхъ въ землю бамбуковыхъ палокъ, черезъ который никто не смѣетъ переходить. „Dakro“ (женщина) передаетъ приказанія короля „meu“, который сообщаетъ ихъ „minghan'y“; а затѣмъ уже они доходятъ до свѣдѣнія остальныхъ военачальниковъ. „Dakro“ держитъ въ рукѣ палку и, дойдя до бамбуковаго барріера, втыкаетъ ее въ землю; послѣ чего она становится на колѣни, прижимаетъ локти къ бедрамъ, или опирается одной рукой въ землю (смотря по требованію военнаго регламента) и передаетъ шопотомъ возложенное на нее порученіе. При этомъ существуетъ законъ, что „dakro“ передъ „meu“ должна ползти на четверенькахъ; но съ другой стороны, если эта дама встрѣчается съ мужчинами, стоящими ниже ея по своему общественному положенію, то она имѣетъ то удовлетвореніе, что эти въ свою очередь обращаются передъ нею въ четвероногихъ. Этимъ обычаемъ вполнѣ удовлетворяются требованія благочестія и чинопочитанія и выполненіе его не дорого стоитъ, потому что дагоме не носятъ лайковыхъ перчатокъ. Офицеръ не иначе выслушиваетъ приказаніе короля какъ на четверенькахъ. Если „dakro“ получила отвѣтъ, который нужно передать его чернокожему величеству, то само собой разумѣется, что она становится на колѣни и на руки, какъ только увидитъ высочайшую особу своего повелителя. Эта поза представляетъ извѣстныя удобства для его величества, тѣмъ болѣе, что всѣ подданные должны принимать ее въ его высочайшемъ присутствіи. Во первыхъ, король имѣетъ при этомъ полное основаніе считать ихъ своими вѣрными, хотя довольно неповоротливыми собаками; а во вторыхъ, такое положеніе самое подходящее если его величеству вздумается отрубить кому нибудь голову своей саблей. Впрочемъ эти постановленія этикета въ глазахъ народа давно утратили свое первоначальное значеніе безусловной покорности; онъ смотритъ на нихъ какъ на пустое соблюденіе приличій и даже находитъ въ этомъ своего рода удовольствіе.

Теперь мы сообщимъ еще нѣкоторыя подробности о чернокожемъ величествѣ и его арміи. Капитанша королевской лейбъ-гвардіи называется „akutu“. Эта должностная особа носитъ родъ голубаго чепца, на подобіе французской cordonbleu (патентованной кухарки) съ украшеніями бѣлаго и гвоздичнаго цвѣта; на верхушкѣ чепца красуются два крокодила изъ голубаго сукна и пара серебрянныхъ роговъ. Первый офицеръ женскаго пола послѣ „akutu“ называется „humbazi“ и носитъ на лбу серебрянный молотокъ, который придаетъ ему видъ единорога. Впрочемъ дагомейскія воительницы повидимому живутъ недурно и ихъ хозяйство вообще въ наилучшемъ положеніи, потому что по замѣчанію Буртона почти всѣ онѣ начинаютъ сильно жирѣть, какъ только пройдетъ періодъ ранней молодости и даже нѣкоторыя ихъ нихъ становятся чудовищами толщины. Каждый отрядъ имѣетъ свой отдѣльный оркестръ, хотя музыкальные инструменты состоятъ только изъ „chingufu“ (африканскихъ цимбалъ), двухъ небольшихъ „тамтамъ“, которыхъ держатъ подъ мышкой и четырехъ литавръ различной величины: въ нихъ бьютъ палкой или рукой. Парадный нарядъ гвардейцевъ женскаго пола вполнѣ приличенъ и даже красивъ. Волосы у нихъ подвязаны узкой полоской изъ голубой или бѣлой бумажной матеріи; грудь прикрыта разноцвѣтной курткой съ однимъ рядомъ пуговицъ, но безъ рукавовъ. Верхнее платье, начиная съ бедеръ, сшито изъ голубой, красной или желтой ткани, доходитъ до щиколки ногъ и подпоясано вокругъ тальи кушакомъ бѣлаго цвѣта, съ длинными концами. Дополненіемъ къ этому туалету служитъ верхній кушакъ, съ патронташемъ и портупея изъ черной кожи европейской формы, но сдѣланная въ Дагоме и украшенная раковинами. Сумка для ядеръ виситъ на узкомъ ремнѣ, который протянутъ съ праваго плеча къ лѣвому бедру и придерживается кушакомъ. Всѣ

женщины, служащія въ гвардіи, носятъ длинные ножи. Ихъ оружіе убрано длинными кистями и различными украшеніями и отчасти для предохраненія отъ сырости обтянуто шкурами обезьянъ. Женщины-гвардейцы имѣющія ружья съ штыками носятъ голубую тунику, кусокъ бѣлой матеріи на плечѣ, бѣлую повязку на волосахъ и мечъ привѣшенный къ поясу. Тѣ изъ нихъ, которыя вооружены винтовками, носятъ красныя шапки. Всѣ эти женщины считаются женами короля, но фактически ихъ нельзя признавать замужними женщинами.

Ффоны совмѣщаютъ въ себѣ самыя противорѣчивыя свойства. На ряду съ вышеупомянутою кровожадностью и деспотизмомъ господствуетъ культъ звѣрей, доведенный до самыхъ крайнихъ размѣровъ. Ффоны преимущественно поклоняются змѣямъ и пантерамъ. Главнѣйшіе храмы посвящены змѣямъ. Въ храмахъ и во время процессій главную роль играютъ молодыя жрицы, которыя въ великолѣпномъ убранствѣ почти ежедневно пляшутъ передъ фетишами. Впрочемъ любой предметъ, освященный жрецомъ посредствомъ бормотанія магическихъ словъ, можетъ быть обращенъ въ фетиша. Тѣмъ не менѣе христіанство уже сдѣлало нѣкоторые успѣхи и католическая церковь учредила здѣсь викаріатство. Равнымъ образомъ ффоны достигли извѣстной степени цивилизаціи; они великодушны, гостепріимны, отличаются чувствомъ собственнаго достоинства въ своемъ обращеніи, веселаго характера, но склонны къ воровству. Они влѣзаютъ какъ обезьяны на самые высокіе элапсы, пьютъ въ умѣренномъ количествѣ пальмовое вино, но чувствуютъ особенное пристрастіе къ водкѣ. Ихъ музыкальные инструменты состоятъ только изъ бамбуковыхъ дудокъ, тамтама съ колокольчиками; но они съ увлеченіемъ предаются пляскѣ. Ффоны одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ народовъ Африки; они строятъ дома похожіе на дворцы, отличаются искуснымъ изготовленіемъ хлопчато-бумажныхъ тканей и плетеныхъ циновокъ; у нихъ также процвѣтаетъ красильное ремесло и шлифовка драгоцѣнныхъ камней. Народонаселеніе въ Дагоме довольно скудное и уменьшается въ такой степени, что есть основаніе предполагать, что этотъ народъ, который впродолженіи 250 лѣтъ господствовалъ надъ сосѣдними племенами, если не совсѣмъ исчезнетъ, то вскорѣ подпадетъ подъ власть болѣе сильнаго племени. Торговля всей страны и особенно Видаха, ея морской гавани, значительно пострадала съ прекращеніемъ сбыта невольниковъ.

Въ Видахѣ говорятъ на языкѣ вегбе или крепе, къ которому нужно причислить діалактъ га, преимущественно распространенный въ Аккра и окрестностяхъ. Фетишизмъ процвѣтаетъ здѣсь во всей силѣ, и въ процессіяхъ, посвященныхъ этому культу, играетъ главную роль такъ называемый барабанъ фетишей. Этотъ своеобразный музыкальный инструментъ состоитъ изъ кольчатой палки, по которой быстро проводятъ взадъ и впередъ небольшимъ пробуравленнымъ шаромъ (пустой тыквой). Одежда негровъ, которые тѣснятся пестрой толпой въ узкихъ улицахъ, состоитъ у мужчинъ изъ большаго куска шерстяной матеріи, накинутой на лѣвомъ плечѣ въ видѣ тоги: на мѣстномъ языкѣ она носитъ названіе: „mamma“. Негры не надѣваютъ этой одежды при усиленной работѣ, какъ напр. во время гребли на челнокахъ, такъ что многіе ходятъ совсѣмъ нагіе и даже безъ узкаго набедреннаго передника. „Mamma“ бываетъ самаго разнообразнаго цвѣта, такъ что въ многолюдныхъ улицахъ господствуетъ величайшая пестрота. Одежда женщинъ доходитъ до колѣнъ и состоитъ изъ сложенныхъ полосъ матеріи, прикрѣпленныхъ къ тальи. Волосы свернуты

въ толстую, торчащую вверхъ косу, большею частью покрытую кускомъ матеріи, что далеко не способствуетъ украшенію наружности. Кромѣ того, въ ихъ туалетѣ встрѣчается особенность, которая въ карикатурномъ видѣ напоминаетъ оттопыренныя сзади платья, недавно вошедшія въ моду у европейскихъ дамъ, а именно негритянки привязываютъ сзади подъ платьемъ родъ подушки. Послѣдняя служитъ также сидѣніемъ для младшихъ отпрысковъ семьи, безъ которыхъ вы не увидите почти ни одной женщины. Ребенокъ представляетъ собой въ высшей степени комическій видъ, когда онъ такимъ образомъ торчитъ на спинѣ матери завернутый въ платокъ, изъ котораго высовывается одна голова (Reinhold Buchholz, Reisen in Westafrika, s. 49).

Прежнія условія жизни господствуютъ еще во всей силѣ на Золотомъ берегу, не смотря на то, что онъ давно находится подъ британскимъ протекторіатомъ и съ 1874 года причисленъ къ англійскимъ колоніямъ, что здѣсь введены англійскіе законы и прямыя сношенія съ Европой сдѣлались весьма оживленными. До сихъ поръ эта торговая и политическая связь съ Европой, а равно и дѣятельность Базельскаго евангелическаго общества миссіонеровъ весьма мало, или даже вовсе не оказали никакого нравственнаго вліянія на туземцевъ и ихъ соціальное положеніе. Болѣе достаточные береговые мулаты, доходящіе до нелѣпости въ своей спѣси, перенимаютъ только внѣшніе пріемы лондонской общественной жизни безъ пониманія ихъ значенія, а также болѣе легкіе обычаи и формы общежитія. Такимъ образомъ среди варварства и нравственной распущенности фракъ и шляпа-цилиндръ сдѣлались общимъ достояніемъ. Здѣсь изъ подражанія устроены клубы съ многочисленными названіями (напр. клубъ его королевскаго высочества принца Артура), происходятъ политическіе митинги, не имѣющіе ни смысла, ни цѣли, даются концерты и оффиціальные обѣды въ честь вновь назначаемыхъ должностныхъ лицъ. Негръ или мулатъ уже не довольствуется названіемъ мистеръ (господинъ), а хочетъ, чтобы его величали эсквайромъ, какъ называютъ въ Англіи землевладѣльцевъ и крупныхъ торговцевъ, хотя нерѣдко у него за душой только пара дырявыхъ башмаковъ, а иногда и того нѣтъ. Названіе „blackman" считается браннымъ словомъ, равно и выраженіе „nigger", которое одинъ негръ употребляетъ относительно другаго, хотя подчасъ субъектъ, къ которому примѣняется эта кличка имѣетъ болѣе свѣтлую кожу, нежели дающій ее. При этомъ всякій, какъ бы онъ не былъ ничтоженъ самъ по себѣ, хочетъ сдѣлаться уважаемымъ членомъ общества и главнымъ образомъ достигнуть того, чтобы его считали образованнымъ человѣкомъ и называли джентльменомъ. Самый смѣшной нарядъ, напоминающій арлекина, нерѣдко украшаетъ субъекта, который въ соотвѣтствующей мѣрѣ доходитъ до нелѣпости въ своемъ самодовольствѣ. Что касается туземныхъ дамъ, то сегодня вы видите, какъ онѣ, переваливаясь съ боку на бокъ отъ непривычной тѣсной обуви, прогуливаются надушенныя и разодѣтыя въ великолѣпныхъ платьяхъ, вышедшихъ изъ моды въ Лондонѣ, съ высоко-взбитыми рунообразными волосами, въ шляпѣ огромныхъ размѣровъ, съ развѣвающимися перьями. Но если вы посѣтите на другой день тѣхъ-же африканскихъ представительницъ европейскихъ модъ, то вы застанете ихъ среди грязной обстановки и чуть-ли не въ костюмѣ Евы. Онѣ сидятъ на корточкахъ передъ бочкой рома, или же продаютъ табакъ, спички, бусы, и окруженныя своими желтокожими или черными отпрысками семьи, перебраниваются съ конкурентами и покупателями. Тутъ-же на улицѣ онѣ расчесываютъ себѣ волосы

деревянными граблеобразными гребнями, съ длинными зубцами, представляя поразительный контрастъ съ тѣмъ, что онѣ изображали собою наканунѣ (Ausland 1881, s. 903).

Остальные негры Золотого берега, говорящіе на языкѣ одши (или учи) выказываютъ лингвистическое сродство съ предъидущими, хотя ихъ языкъ рѣзко отличенъ отъ гâ. Равнымъ образомъ всѣ племена, живущія вдоль Нигера, судя по ихъ языку, находятся между собой въ тѣсномъ сродствѣ. Группа языковъ одши обнимаетъ племена: ашанти, фанти, акимъ, аквапимъ и аквамба, изъ которыхъ первые два самые значительные. Ашантіи отличаются среди другихъ негровъ наиболѣе стройнымъ тѣлосложеніемъ и чернымъ какъ смоль цвѣтомъ кожи. У нихъ овальное красивое лицо, блестящіе глаза съ приподнятыми густыми бровями, небольшія уши, не особенно широкій носъ съ пунцовыми умѣренно толстыми губами; женщины иногда очень хороши собой и почти съ греческими очертаніями лица. Ашантіи по общему отзыву крайне воспріимчивы и имѣютъ хорошую память. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ внутри материка,—исключительно земледѣльцы, между тѣмъ, какъ у береговъ они также занимаются рыболовствомъ. Они славятся искуснымъ изготовленіемъ тканныхъ ковровъ, плотной узорчатой выбойки, а также изящной лакированной посуды изъ мѣстной глины и головокъ для курительныхъ трубокъ, въ формѣ растеній и животныхъ (Vhdl. d. Berl. ges. f. Anthrop. 1873, s. 100 и 1874, s. 264). Кромѣ того здѣшніе туземцы выдѣлываютъ кожу, плавятъ желѣзо и перерабатываютъ въ мечи, земледѣльческія орудія и даже огнестрѣльное оружіе; при этомъ они хорошіе мастера золотыхъ дѣлъ. Благодаря богатству ашантіевъ, мы встрѣчаемъ у нихъ рѣдкую для негровъ роскошь. Они имѣютъ золотые праздничные сосуды; знатные сидятъ на диванахъ и дорогихъ коврахъ у столовъ, покрытыхъ тончайшими льняными тканями. Дома сооружены изъ глины и покрыты травой; стѣны и башни обмазаны особаго рода известью и нерѣдко украшены рисунками. Крыши съ выступами и образуютъ тѣнь вдоль улицъ. Ашантіи никогда не ѣдятъ на улицѣ и въ присутствіи чужеземцевъ. Бѣлый цвѣтъ считается у нихъ священнымъ; они отращиваютъ волосы въ знакъ траура.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ ашантіи составляли небольшое племя и считались вассалами могущественнаго въ то время государства Денкера, которое теперь находится подъ англійскимъ протекторатомъ. Ашантіи возмутились вслѣдствіе дурнаго обращенія своихъ повелителей, пріобрѣли независимость и, основавъ городъ Кумасси, завоевали сосѣднія государства: Бекгуа, Кокоза, Мампонъ, Аданзи и Цуабинъ. Тѣмъ не менѣе эти государства сохранили своихъ собственныхъ правителей, которые платили дань ашантіямъ, посылали солдатъ ихъ королю, когда онъ шелъ на войну, и являлись въ его столицу на извѣстныя празднества; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ даже призывали на совѣтъ. Такимъ образомъ государство Ашанти состояло изъ множества мелкихъ коро-

левствъ, не имѣющихъ между собой никакой связи, кромѣ страха къ побѣдителямъ и всегда готовыхъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы возвратить себѣ независимость. Въ послѣднее время наступилъ періодъ раздробленія; многія племена отдали себя подъ защиту Англіи и между прочимъ фанти, которые находятся въ наслѣдственной враждѣ съ ашантіями, хотя языки обоихъ народовъ представляютъ только діалектическое различіе. Согласно преданію два туземныхъ племени, страдая отъ голода, раздѣлились во время какого-то похода, предпринятаго противъ общаго непріятеля; одно изъ нихъ поддержало свои истощенные силы травой фанъ, откуда получило прозвище фанти, т. е. „ѣдящіе фанъ", между тѣмъ какъ другое племя питалось травой шанъ и стало съ тѣхъ поръ называться шанти, *а* въ словѣ „ашанти" почти не слышно при произношеніи.

Во главѣ монархическо-аристократическаго государства Ашанти, какъ и въ Дагоме, стоитъ король съ полнымъ придворнымъ штатомъ. Король обладаетъ огромнымъ богатствомъ, которое онъ увеличиваетъ со дня на день, отчасти данью съ подвластныхъ народовъ, частью всякаго рода имуществомъ, отнятымъ у подданныхъ. Впрочемъ власть короля не такъ велика, какъ обыкновенно думаютъ; хотя номинально она считается неограниченной, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ сколько нибудь важныхъ случаяхъ, онъ долженъ сообразоваться съ волей совѣта. Послѣдній называется „Aschanti Katoko" и состоитъ: изъ короля, королевы, трехъ высшихъ сановниковъ государства и нѣкоторыхъ знатныхъ горожанъ Кумасси. Совѣтъ завѣдуетъ дѣлами государства и разбираетъ всѣ жалобы. Король можетъ назначить смертную казнь, но и въ этомъ онъ долженъ подчиниться приговору совѣта. Въ болѣе важныхъ случаяхъ созываютъ всѣхъ сановниковъ; но они всегда одинаковаго мнѣнія съ совѣтомъ, потому что врядъ-ли найдется человѣкъ, который рѣшился бы противорѣчить „Katoko"? Равнымъ образомъ при вступленіи короля на престолъ, государственный совѣтъ предупреждаетъ его, что онъ будетъ немедленно сверженъ, если не станетъ соблюдать извѣстныхъ основныхъ законовъ. Престолъ переходитъ по наслѣдству къ братьямъ короля. Но съ другой стороны королю предоставлена полная свобода тиранить отдѣльныхъ лицъ. Онъ рѣшаетъ дѣла по своему произволу, хотя съ помощью судебныхъ засѣдателей или „языковѣдовъ", какъ они сами называютъ себя. Эти выслушиваютъ и разбираютъ показанія сторонъ и свидѣтелей, а за королемъ послѣ нѣкотораго совѣщанія остается право окончательнаго рѣшенія. Каждую пятницу происходитъ открытый судъ. Если показанія свидѣтелей оказываются недостаточными, то истецъ долженъ принести клятву въ справедливости своего обвиненія. Но если и послѣ этого подсудимый не признаетъ себя виновнымъ, то онъ долженъ съѣсть кусокъ дерева и выпить большую кружку воды. Если онъ заболѣваетъ отъ такого испытанія, то это служитъ доказательствомъ его невинности, и истецъ подвергается смертной казни; въ противномъ случаѣ самъ подсудимый долженъ вынести строгое наказаніе. Законы ашантіевъ отличаются чрезвычайною строгостью. Многіе и нерѣдко легкіе проступки влекутъ за собой смертную казнь. Такъ напр. никто въ Кумасси не смѣетъ свистѣть на улицѣ, уронить или разбить яицо, или пролить каплю пальмоваго масла. Убійцъ лишаютъ жизни среди жесточайшихъ мученій. Но при этомъ существуетъ странный обычай, по которому смертная казнь должна быть отмѣнена, если приговоренный успѣетъ произнести извѣстную фразу или слово, что составляетъ своего рода право самозащиты. Палачи во избѣжаніе этого нападаютъ на свою жертву сзади и сразу прокалываютъ обѣ щеки кинжаломъ, такъ что приговоренному къ смерти зажимаютъ ротъ самымъ дѣйствительнымъ способомъ. Миссіонеръ Рамзейеръ имѣлъ случай наблюдать подобную казнь, которую онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „5 іюня мимо нашего жилища протащили на веревкѣ убійцу, у котораго былъ воткнутъ ножъ въ щеки и двѣ вилы въ спину. Въ

полдень началась ужасная церемонія казни, которая продолжалась съ усиленной жестокостью до восьми часовъ вечера. Тогда бѣдняга весь искалѣченный съ отрѣзанными руками, прежде чѣмъ отправиться на лобное мѣсто, долженъ былъ исполнить танецъ передъ королемъ. Когда онъ отказывался отъ пляски, то къ его ранамъ подносили горящіе факелы. Несчастный, желая избѣжать новыхъ мученій, дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы двигаться, пока не раздался барабанъ и ему отрубили голову. Однако несмотря на такое ужасающее наказаніе—убійства здѣсь совершаются довольно часто". Кромѣ убійцъ, тотъже варварскій способъ казни примѣняется къ тѣмъ лицамъ, которыя осмѣлились завести интригу съ какой-либо изъ королевскихъ женъ. Мать короля занимаетъ болѣе высокое положеніе, нежели всѣ его жены. Она единственная женщина, которая можетъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла и являться гдѣ угодно, съ открытымъ лицомъ. Доказательствомъ богатства и могущества короля служитъ также огромное количество его женъ (больше тысячи). Онѣ никогда не смѣютъ являться днемъ на улицахъ Кумасси, кромѣ большихъ ежегодныхъ празднествъ. Ночью, когда онѣ выходятъ изъ дому, часть евнуховъ идетъ впереди, другіе слѣдуютъ за ними съ кнутами, дубинами и цѣпями. Королевскія жены не смѣютъ никого видѣть, кромѣ своихъ провожатыхъ и короля. Когда онѣ проходятъ по городу, вездѣ царитъ мертвая тишина; дѣтей прячутъ по домамъ, взрослые люди принимаютъ почтительную позу и ждутъ пока не пройдетъ процессія. Вообще многоженство сильно распространено, и жена занимаетъ положеніе простой служанки. Даже среди королевскихъ женъ только нѣкоторыя изъ нихъ пользуются особыми привилегіями и занимаютъ великолѣпное помѣщеніе въ восточномъ вкусѣ; остальныя ничѣмъ не отличаются отъ невольницъ, работаютъ на королевскихъ плантаціяхъ и снабжаютъ дворъ маніокой и фигами. Тщательный надзоръ существуетъ только за королевскими женами; остальныя женщины пользуются полной свободой. Рабство господствуетъ въ обширныхъ размѣрахъ; даже высокопоставленные люди считаютъ себя рабами короля. Названіе „король" само по себѣ внушаетъ страхъ его подданнымъ, жизнью которыхъ онъ располагаетъ по своему усмотрѣнію. Авторитетъ короля поддерживается тщательно организованной системой шпіонства, которая проводится съ систематической строгостью. При королѣ находится гвардія, называемая „kra" или „okra", т. е. „душа короля"; эта гвардія состоитъ приблизительно изъ тысячи человѣкъ, которые носятъ своеобразный золотой орденъ въ видѣ отличительнаго знака своего достоинства. Когда умираетъ король, то ихъ убиваютъ, чтобы они могли сопровождать его въ царство тѣней; поэтому весьма естественно, что ихъ прямой разсчетъ заботливо оберегать его жизнь. Вслѣдъ за смертью короля справляется кровавая сатурналія: сотни людей приносятся въ жертву; молодые люди изъ королевской семьи шныряютъ по городу; при этомъ имъ дозволено застрѣлить кого угодно по своему усмотрѣнію, не исключая самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Если умираетъ кто либо изъ „kra", то все его имущество, состоящее изъ денегъ и украшеній переходитъ въ руки монарха. Большинство свободныхъ людей въ Кумасси занимаетъ какую-либо должность, и король послѣ ихъ смерти конфискуетъ въ свою пользу принадлежавшее имъ имущество.

Разъ въ году король торжественно отправляется на охоту; но это не болѣе какъ соблюденіе формы, потому что охота обыкновенно остается безъ всякихъ результатовъ. Король не бываетъ безъ обуви и постоянно носитъ сандаліи, богато украшенныя драгоцѣнными камнями; въ дорогѣ его носятъ въ циновочномъ гамакѣ; онъ отличается отъ подданныхъ великолѣпіемъ и блескомъ своей одежды. Король и вожди одѣваютъ въ походѣ широкія турецкія шаровары изъ разноцвѣтныхъ тканей; простые люди—одну тунику безъ панталонъ. Въ торжественные дни руки вождей настолько увѣшены тяжелыми золотыми украшеніями, что они кладутъ ихъ для опоры на шеи рабовъ. Вся нація состав-

ляетъ армію ашантіевъ. Какъ только объявленъ походъ—всѣ мужчины, годные носить оружіе, присоединяются къ своимъ отрядамъ и оставляютъ городъ, между тѣмъ какъ женщины собираются толпами на улицахъ и немилосердно колотятъ запоздалыхъ воиновъ. Во время битвы генералы становятся въ арріергардѣ и убиваютъ всѣхъ отступающихъ; если же сраженіе проиграно, то они убиваютъ самихъ себя. Ашантіи язычники; ихъ высшее существо живетъ на небѣ; но они признаютъ также злыхъ духовъ, какъ напр., змѣй, крокодиловъ, пантеръ и т. п., которымъ приносятъ жертвы. При этомъ они вѣрятъ въ загробную жизнь подъ землей, гдѣ она возобновляется и становится вѣчной: король снова пріобрѣтаетъ свой королевскій санъ, а рабъ остается рабомъ. Поэтому смерть для ашантіевъ не болѣе какъ переселеніе; они умираютъ съ полнымъ равнодушіемъ. Во время войны, которая считается главнѣйшимъ и самымъ почетнымъ занятіемъ, они храбро дерутся съ врагами. По поводу совершаемыхъ ими жестокостей, у береговыхъ жителей вошло въ поговорку, что „имъ солоно приходится отъ похлебки ашантіевъ". Христіанство мало проникло къ ашантіямъ; миссіонеры подвергаются у нихъ жестокимъ преслѣдованіямъ. Другія племена на Золотомъ берегу дружелюбнѣе относятся къ христіанству, особенно въ сферѣ дѣятельности Базельскаго миссіонерскаго общества.

Тѣмъ не менѣе мы не должны представлять себѣ успѣховъ миссіонеровъ въ преувеличенныхъ размѣрахъ, такъ какъ большинство негровъ придерживается своихъ языческихъ воззрѣній и находится постоянно въ мнимыхъ сношеніяхъ съ существами другаго міра. Такъ напр. фанти открывая тыквенную бутылку, наполненную виномъ, выливаетъ немного вина на землю, чтобы угостить своего бога покровителя.

Невѣріе неизвѣстно между дикарями; если даже который либо изъ нихъ относится небрежно къ богамъ, не приноситъ имъ жертвъ, и повидимому не признаетъ ихъ власти, то у него нѣтъ ни малѣйшихъ сомнѣній относительно ихъ существованія. Если-же его постигнетъ болѣзнь или несчастіе, то онъ приписываетъ это оскорбленнымъ богамъ, дѣлаетъ имъ подарки и молитъ о прощеніи. По его мнѣнію у боговъ такой-же темпераментъ какъ у людей; онъ считаетъ ихъ такими-же тиранами, какъ своихъ вождей и королей. Онъ говоритъ, что одни изъ нихъ добрые, но немилосердные и обидчивые; другіе злы, но только отчасти, потому что можно ихъ умилостивить. Негры, хотя не въ такой степени признаютъ злое начало, какъ жители вавилонскихъ равнинъ, но все-таки усерднѣе молятся и приносятъ больше жертвъ злымъ, нежели добрымъ богамъ, точно также, какъ они платятъ больше дани тирану, чѣмъ милостивому королю. Сознаніе долга не извѣстно негру; онъ платитъ подати изъ одного страха и такимъ-же образомъ относится къ религіи. Главная добродѣтель дикаря — его привязанность къ семьѣ, которая простирается за предѣлы жизни и видимаго міра. Члены одной семьи или даже одного племени отличаются неизмѣнною вѣрностью другъ другу. Какъ бы они ни были вѣроломны, нечестны и жестоки относительно постороннихъ, но между собой они исполнены любви и преданности. Умершаго нерѣдко погребаютъ въ домѣ, гдѣ онъ жилъ. Родные покойника не думаютъ объ его тѣлѣ изъѣденномъ червями. а представляютъ себѣ его въ видѣ невидимой души, которая витаетъ около нихъ и находится въ ихъ обществѣ. Часто покойнику выставляютъ ѣду и чашу пальмоваго вина, потому что негры вѣрятъ, что душа питается духовной пищей, между тѣмъ какъ вещество, изъ котораго состоитъ пища подлежитъ тлѣнію, какъ и человѣческое тѣло. Если вы скажете негру, что души мертвыхъ далеко отъ насъ, то онъ снисходительно улыбнется съ сознаніемъ своего умственнаго превосходства и разскажетъ о привидѣніяхъ, которыя являлись къ нему ночью или о слышанныхъ звукахъ. Развѣ ему не извѣстно, что любимыя существа около него и онъ не чувствуетъ ихъ присутствія? Для него не существуетъ

уединенія: если по близости нѣтъ живыхъ людей, то съ нимъ неразлучны души умершихъ; онъ поетъ имъ о своей печали и радостяхъ.

Нравы и обычаи западно-африканскихъ племенъ, въ особенности фанти, вообще менѣе извѣстны нежели всѣхъ предъидущихъ. Такъ напр. для всего мужскаго и женскаго населенія существуетъ только семь мужскихъ и семь женскихъ именъ, соотвѣтственно днямъ недѣли, такъ что всѣ дѣвочки родившіяся въ воскресенье называются Accusuah, всѣ мальчики — Quassie или Quashie; всѣ дѣти, которыя родятся въ понедѣльникъ получаютъ имя сообразно полу: Adjuah (женское) или Eudjoe (мужское), имя соотвѣтственное вторнику—Ableinabah или Quabina и т. д. Благодаря такому ограниченному числу именъ туземцы прибѣгаютъ къ насмѣшливымъ прозвищамъ; если напр., человѣкъ родившійся въ понедѣльникъ тученъ, то его не зовутъ простоEudjoe, а непремѣнно Eudjoe Kutumfu и т. д. Но такъ какъ человѣческая злоба довольно изобрѣтательна на всякія клички, то фанти обходятся наилучшимъ образомъ съ семью или, вѣрнѣе сказать, съ четырнадцатью собственными именами. На Золотомъ берегу существуетъ также оригинальный и въ то-же время безнравственный обычай отдавать въ залогъ людей. Отцы и матери закладываютъ своихъ сыновей и дочерей, мужья—женъ, жены—мужей съ тѣмъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ духа, съ какимъ нѣмецкій студентъ закладываетъ свои часы. Самое дурное въ этомъ обычаѣ то, что заложенная женщина совершенно предоставлена произволу и похоти заимодавца. Если умретъ заложенный субъектъ, то трупъ его привязываютъ высоко къ вѣтвямъ дерева, чтобы звѣрь не могъ добраться до него. Но такъ какъ здѣшнія племена вѣрятъ въ безсмертіе души и убѣждены, что покойникъ не можетъ вступить въ вѣчную обитель, пока не погребено его тѣло, то родные употребляютъ всѣ усилія, чтобы освободить заложенный трупъ.

Фанти признаетъ существованіе двухъ демоновъ: одинъ изъ нихъ „Abonsam“ властвуетъ на небѣ надъ душами, которымъ не суждено найти успокоенія; другой демонъ „Sasabonsam“ господствуетъ на землѣ. Послѣдній имѣетъ видъ огромнаго, человѣкообразнаго, краснаго чудовища, покрытаго длинными волосами; онъ покровительствуетъ колдунамъ и вѣдьмамъ и живетъ въ глубочайшихъ оврагахъ мрачнаго лѣса, а именно по близости гигантской шелковицы. Здѣсь также господствуетъ обычай чествовать смерть человѣка особенно расточительными пирушками, которыя ведутъ къ вышеупомянутымъ и часто вреднымъ послѣдствіямъ. Смертность дѣтей на Золотомъ берегу несоразмѣрно велика. Причина этого заключается не только въ томъ, что голыя дѣти подвержены частымъ и внезапнымъ перемѣнамъ температуры; но матери слишкомъ скоро теряютъ молоко и кормятъ своихъ дѣтей такъ наз. „lanki“ (смѣсью доведенной до броженія), что производитъ сильное воспаленіе кишокъ, за которымъ неминуемо слѣдуетъ смерть.

По сосѣдству съ фанти живутъ акваимы. Они также поклоняются фетишамъ, которые находятся въ опредѣленныхъ жертвенныхъ мѣстахъ, такъ что подъ деревьями кладутъ бананы, куски ямса, маисъ и раковины каури. Въ честь ихъ справляются праздники сопровождаемые колдовствомъ.

Бухгольцъ присутствовалъ при подобномъ освященіи фетишей. „Въ концѣ площади на разукрашенномъ столбѣ были выставлены посеребренные идолы, различныя грубыя изображенія и предметы, какъ напр. птица, черепаха, маисовыя колосья, фигура держащая въ рукѣ сосуды разнообразной формы; на противоложной сторонѣ стоялъ жрецъ, приглашенный для освященія фетишей, который немилосердно кривлялся и гримасничалъ. Къ звуку барабановъ и звонковъ съ различными музыкальными приспособленіями (также жестяныхъ барабановъ), примѣшивалось мѣрное хлопанье въ ладоши присутствующихъ зрителей. Всѣ были въ величайшемъ парадѣ. Одинъ негръ, быть можетъ также жрецъ по ремеслу, былъ наряженъ въ красную шелковую mamma“.

Новолуніе „adaito" равнымъ образомъ празднуется оглушительнымъ шумомъ совмѣстнаго барабаннаго боя, звона колокольчиковъ, пѣнія и хлопанья въ ладоши, и представляетъ то отличіе, что участники торжества дѣлаютъ себѣ полосы на лицѣ бѣлой краской. Распорядитель праздника, около котораго всѣ толпятся, размахиваетъ своеобразнымъ опахаломъ, кривляется какъ бѣсноватый; при этомъ все лицо его вымазано бѣлой краской.

Бухгольцъ видѣлъ среднимъ числомъ около 80 порядочно одѣтыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ миссіонерской церкви, построенной въ Абури. Онѣ вообще произвели на него благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ слушали съ величайшимъ вниманіемъ проповѣдь, произнесенную на языкѣ одши. Равнымъ образомъ онъ особенно хвалитъ ихъ церковное пѣніе, которое хотя было безъ аккомпанимента, но пріятно дѣйствовало на слухъ. Вообще нужно замѣтить, что евангелическая миссія въ Абури сдѣлала такія успѣхи, что уже подготовлены законоучители изъ туземцевъ, которые могутъ быть назначаемы на должность въ мѣстныя школы.

Рабство поставлено здѣсь въ совершенно исключительныя условія. Поэтому несчастными невольниками часто овладѣваетъ полное отвращеніе къ жизни. Они заявляютъ о своей рѣшимости господину и, получивъ отъ него бутылку рому, напиваются до безчувствія; въ этомъ состояніи палачъ разбиваетъ имъ дубиной черепъ съ затылка; но тѣла ихъ остаются безъ погребенія и пожираются птицами и лѣсными звѣрями. Въ Гроссбуба дѣло принимаетъ совсѣмъ иной оборотъ. Когда невольникъ тяготится жизнью, то господинъ сначала ведетъ его къ деревенскому старшинѣ, который старается всячески уговорить его. Если же всѣ увѣщанія не приносятъ желаемаго результата, то назначается собраніе всѣхъ старѣйшинъ, которые выслушиваютъ паціента; но такъ какъ этотъ большей частью остается въ томъ-же настроеніи духа, то его привязываютъ къ дереву и присутствующіе бросаются на него какъ стая кровожадныхъ звѣрей. Въ нѣсколько секундъ онъ разорванъ на куски; но при этомъ каждый участвующій въ этой расправѣ платитъ рабовладѣльцу извѣстную дань, такъ что онъ получаетъ достаточное вознагражденіе и можетъ купить себѣ новаго менѣе меланхолическаго слугу. Человѣческія жертвы приносятся ежегодно во время празднества сбора ямса, которое обыкновенно происходитъ въ октябрѣ; при этомъ убиваютъ извѣстное число рабовъ, участвовавшихъ въ погребеніи вождя, подобно тому, какъ это нѣкогда дѣлали галлы и другіе народы. Равенства не существуетъ у дикихъ, ни въ жизни, ни даже въ моментъ смерти, которая сопровождается суевѣрными обычаями.

Въ Гроссбассамѣ мужъ имѣетъ право располагать жизнью и смертью своей жены; одинъ вождь совершенно хладнокровно сообщилъ въ разговорѣ адмиралу Флёріо де Лангль, что носитъ трауръ по своей женѣ, собственноручно убитой имъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на увѣщанія француза и, не прерывая начатой бѣсѣды, замѣтилъ мимоходомъ: „Что-же изъ этого? Она была стара и не могла больше имѣть дѣтей?" Онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго раскаянія въ своемъ проступкѣ, между тѣмъ какъ многіе хотятъ увѣрить насъ, что для всѣхъ людей существуетъ одинъ кодексъ нравственности.

На правомъ берегу Ассини начинаются владѣнія **авеквомовъ**, жителей Слоноваго берега, которые распространены до мѣста жительства кру и, повидимому, находятся съ послѣдними въ этнологическомъ сродствѣ. Согласно преданію кру, **база** и **гребо** (**гедебо**) были вытѣснены изъ центральныхъ частей материка въ занимаемую ими область болѣе сильными народами: мандинго и фулахами. Эта область простирается отъ мыса Мезурадо на правомъ берегу рѣки

Санъ Пауль до Пальмоваго мыса и, слѣдовательно, занимаетъ то пространство, которое принято называть Перцовымъ берегомъ. Изъ живущихъ здѣсь ордъ кру наиболѣе извѣстны благодаря своей геркулесовской силѣ и способности къ мореходству. По языку они ближе подходятъ къ ашантіямъ и фанти, нежели къ мандинго, хотя они заимствовали отъ послѣднихъ много словъ.

Всѣ кру (по англійски krooboys, kroomen) безъ исключенія геркулесовскаго тѣлосложенія и имѣютъ темный, бронзовокоричневый цвѣтъ кожи. Между широкими плечами на короткой толстой шеѣ насажена голова съ выразительнымъ, четырехъ-угольнымъ и добродушнымъ лицомъ, нерѣдко окаймленнымъ бакенбардами. Достойно замѣчанія, что носъ у кру при сильно округленномъ лбѣ не имѣетъ тѣхъ контуровъ, которые обыкновенно встрѣчаются у остальныхъ негровъ, но большей частью рѣзко выступаетъ впередъ. Всѣ кру отличаются черной полосой, которая проведена вдоль лба отъ волосъ до переносья, иногда до кончика носа. Нерѣдко на вискахъ изображенъ черный уголъ, одна сторона котораго въ толщину карандаша проведена у наружнаго угла глазъ отъ макушки головы до половины уха, между тѣмъ, какъ другая простирается отъ половины лба до корня волосъ на вискахъ. Другой болѣе своеобразный рисунокъ встрѣчаемый иногда на лѣвомъ предплечьи состоитъ изъ черныхъ полосъ въ три пальца ширины, образующихъ косые углы, въ которыхъ просвѣчиваетъ кожа съ разбросанными на ней черными круглыми крапинами.

Кромѣ браслетовъ изъ европейскихъ бусъ и обручей изъ слоновой кости на суставахъ рукъ, многіе носятъ въ видѣ украшенія между колѣномъ и икрой шнурокъ, на которомъ прикрѣплено нѣсколько ужовокъ (cypria moneta) или другихъ мелкихъ раковинъ. Они носятъ обыкновенную одежду береговыхъ негровъ изъ европейскихъ тканей. Въ соотвѣтствіи съ ихъ атлетическимъ тѣлосложеніемъ кру отличаются рѣдкой физической силой, такъ что это самая крѣпкая порода людей, не только въ западной, но и во всей Африкѣ. Прозвище кру было дано имъ европейцами; быть можетъ оно тождественно съ англійскимъ словомъ crew (съ которымъ однако не согласуется орѳографія имени croo), т. е. корабельный экипажъ, потому что кру преимущественно служатъ матросами на западно-африканскихъ судахъ; они сами называли себя прежде „клаго“, теперь „гребо“. Согласно преданію, какъ было упомянуто выше, они были изгнаны мандинго и фулахами изъ своей болѣе сѣверной родины, и около 260 лѣтъ тому назадъ поселились на берегу. Здѣсь они пристрастились къ мореходству, такъ что нѣтъ ни одного мѣста на западномъ берегу Африки между вышеуказанными пунктами, гдѣ бы не встрѣчались krooboys; ихъ можно также видѣть на всѣхъ судахъ, которыя имѣютъ сношенія съ здѣшними берегами. Сойо бесѣдовалъ со многими изъ нихъ, и они съ гордостью разсказывали ему о своихъ далекихъ путешествіяхъ въ Англію, Гамбургъ, Соединенные Штаты и Южную Америку и о видѣнныхъ ими большихъ городахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Любовь къ родинѣ и свободѣ составляетъ наиболѣе характерную особенность кру. Винвудъ Ридъ сообщаетъ, что торговцы невольниковъ втайнѣ согласились между собой не вывозить больше кру изъ Африки, потому что всѣ невольники этого племени умирали отъ тоски по родинѣ или „злостно“ лишали себя жизни. Страсть къ путешествіямъ побуждаетъ ихъ наниматься на корабли за мѣсячную плату, доходящую до 1 ф. стер.; но по возвращеніи изъ Европы ихъ обыкновенно высаживаютъ на родномъ берегу. „Въ плаваніяхъ на югъ и обратно ихъ употребляютъ для выгрузки и нагрузки товаровъ и другихъ подобныхъ работъ. Они получаютъ плату по окончаніи путешествія и не деньгами, а большей частью товарами, и если

послѣднихъ оказывается достаточное количество, то они устраиваютъ себѣ домашній очагъ.

Многіе кру нанимаются обыкновенно на годъ или на два, а также поступаютъ въ услуженіе къ европейскимъ поселенцамъ и купцамъ, которые живутъ на морскомъ берегу. Они преимущественно годны какъ матросы, такъ какъ повидимому у нихъ прирожденная способность къ морской службѣ и ко всѣмъ работамъ имѣющимъ къ ней какое либо отношеніе. Каждый капитанъ не нахвалится ими, потому что они понятливы, энергичны, нерѣдко привязываются къ бѣлымъ, трудолюбивы и при этомъ веселаго характера; всякая работа сопровождается у нихъ однозвучнымъ пѣніемъ и они не производятъ безполезнаго шума, который неизбѣженъ у другихъ негритянскихъ племенъ. Ихъ умѣренность заслуживаетъ удивленія. Какъ только имъ покажется, что они достаточно заработали, то немедленно возвращаются на родину. Во всемъ остальномъ характеръ кру представляетъ мало привлекательнаго. Такъ напр. каждое племя обладаетъ такъ наз. военнымъ барабаномъ; порча его сопровождается для виновнаго самыми дурными послѣдствіями и считается предзнаменованіемъ несчастія на войнѣ. Вообще кру переполнены суевѣріями. Къ наиболѣе частымъ и употребительнымъ церемоніямъ этого рода нужно считать заклинаніе духа, при которомъ сожигаютъ такъ наз. „чортовъ кустъ". Въ этомъ случаѣ кру дѣлаютъ пирамиду изъ горючаго матеріала, на вершинѣ которой ставятъ изображеніе идола. Почти нагіе двигаются они вокругъ нея съ пѣніемъ и бормотаніемъ, затѣмъ зажигаютъ пирамиду, не спуская глазъ съ идола. Они убѣждены, что послѣ этого увидятъ во снѣ многозначительные сны, о которыхъ соучастники церемоніи на слѣдующее утро сообщаютъ другъ другу. На основаніи этихъ безсвязныхъ сновъ у нихъ составляются рѣшенія относительно войны и общественныхъ дѣлъ или частныхъ вопросовъ, какъ напр. долженъ ли такой-то взять себѣ жену и т. п.

На Перцовомъ берегу находится единственное вполнѣ независимое африканское государство, устроенное по европейскому образцу, которымъ управляютъ сами туземцы, а именно республика Либерія. Первоначальное поселеніе было основано шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, по иниціативѣ благомыслящихъ американцевъ, сторонниковъ негритянской независимости и при посредствѣ составленнаго съ этой цѣлью общества. Послѣднее поставило себѣ задачей принимать въ качествѣ гражданъ вольноотпущенныхъ негровъ изъ Америки, чтобы такимъ образомъ мало по малу облагородить африканское первобытное племя и при его посредствѣ цивилизовать Африку. Въ виду благой цѣли многіе филантропы изъ Америки и Англіи посылали деньги, сначала для основанія республики, а затѣмъ, чтобы поддержать ея существованіе. Но когда просьбы о помощи стали слишкомъ частыми, то поселенцамъ сдѣлано было соотвѣтствующее внушеніе. Либерійцы съ своей стороны заявили, что неудовлетворительное финансовое положеніе происходитъ отъ политической зависимости, которая лишаетъ ихъ возможности дѣлать какіе либо финансовые обороты, требуемые мѣстными условіями. Это зло могло быть устранено. Либерія была объявлена республикой и получила планъ государственнаго устройства, выработанный въ Америкѣ. Либерійскимъ Ликургомъ былъ профессоръ Гринлифъ изъ Harvard College, который разу-

мѣется руководился въ своемъ трудѣ американскими государственными учрежденіями. Республика пріобрѣла президента, вице-президента, верховный совѣтъ, сенатъ, палату депутатовъ, генералъ-атторнея (прокурора), директора почтъ и все то, что составляетъ принадлежность цивилизованнаго государства. Страна издавна славилась плодородіемъ, и теперь когда она сдѣлалась независимымъ государствомъ ожидали, что оно въ непродолжительномъ времени достигнетъ значительнаго процвѣтанія. Во всякомъ случаѣ финансовое положеніе настолько измѣнилось, что республика получила доступъ на англійскую биржу, хотя разумѣесся только въ виду сдѣланнаго ею государственнаго долга. На конгрессѣ говорились прекрасныя рѣчи, но страна не сдѣлала никакихъ успѣховъ. Хотя плодороднѣйшая почва можетъ произвести несмѣтное количество маиса, но до сихъ поръ этотъ видъ хлѣбнаго зерна привозится изъ Англіи и продается здѣсь по дорогой цѣнѣ.

Съ другой стороны весьма немногіе негры переселились сюда изъ Америки; на дѣлѣ оказалось, что эти не только не оказали цивилизующаго вліянія на своихъ соотечественниковъ, но напротивъ того сами одичали. Обученный медвѣдь не только не научитъ плясать своихъ родичей, но самъ забудетъ пляску. Кромѣ того опытъ показалъ, что республиканское государственное устройство не годится для негровъ и, что для нихъ необходима болѣе суровая форма правленія. Въ 1877 году правительство Соединенныхъ Штатовъ послало въ Либерію чиновниковъ для ревизіи и опубликовало ихъ отчетъ о положеніи страны, которое оказалось далеко не блестящимъ. Судя по этому отчету республика находится въ довольно жалкихъ условіяхъ.

Хотя населеніе въ настоящее время доходитъ до 1.400,000 душъ, но тѣмъ не менѣе насчитываютъ не болѣе 18,000 „цивилизованныхъ“ негровъ. Христіанство распространено въ формѣ американской епископальной церкви. Культура сосредоточена въ небольшой столицѣ Монровіи и въ кругу ея знатныхъ обитателей; остальные негры почти не выказываютъ никакой склонности къ болѣе утонченнымъ наслажденіямъ. Во всей странѣ нѣтъ ни одного плуга, и землю воздѣлываютъ первобытными орудіями. Нравственность въ Либеріи стоитъ на крайне низкомъ уровнѣ. Мужья продаютъ своихъ женъ за пару табачныхъ листьевъ, а также родители своихъ дочерей и нерѣдко въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, не говоря о вышеупомянутомъ „чортовомъ кустѣ“ отвратительномъ обычаѣ, гдѣ суевѣріе соединено съ безнравственностью, такъ что мы считаемъ лишнимъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности. Такимъ образомъ человѣколюбивая попытка основать негритянское государство на новыхъ началахъ оказалась неудачною.

Едва ли положеніе дѣлъ въ британской колоніи Сіерра Леоне

представляетъ большую разницу съ вышеописанными порядками, не смотря на высшую школу, основанную для туземцевъ въ Фоурахъ-Баѣ. Здѣсь англиканское миссіонерское общество имѣло съ давнихъ поръ богословскую семинарію, гдѣ духовныя лица изъ туземцевъ получали приготовительное образованіе для составленія мѣстныхъ миссіонерскихъ общинъ. Это учебное заведеніе было настолько расширено въ 1877 году, что кромѣ богословія здѣсь преподавались древніе классическіе языки: еврейскій и арабскій, сравнительная филологія, философія, англійская исторія, географія, сельское хозяйство, логика. математика, естественныя науки и даже музыка. Равнымъ образомъ учреждены были двѣ стипендіи; желающіе получить ихъ должны были имѣть извѣстную степень общаго образованія, приблизительно соотвѣтствующаго гимназическому въ западной Европѣ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ какіе результаты дала эта высшая школа для негровъ. Трудно предположить, чтобы ея вліяніе распространялось на чернокожихъ живущихъ далѣе вглубь страны и мринадлежащихъ къ племени негровъ галлина.

Если между сосѣдними народами начинается война, то нерѣдко отряды молодыхъ галлина отправляются на мѣсто военныхъ дѣйствій и предлагаютъ свои услуги которой либо изъ воюющихъ сторонъ, чтобы обогатить себя плѣнными; послѣднихъ они обращаютъ въ рабовъ и отводятъ на свою родину. У прибрежнаго населенія существуетъ также обычай въ случаѣ возникшей распри посылать гонцовъ и подарки вглубь страны къ вождю галлина и просить его содѣйствія противъ враговъ. Тогда вождь обращается къ своей семьѣ и говоритъ, что прибылъ гонецъ, чтобы „купить войну“ и что онъ обѣщалъ свое содѣйствіе. Эта формальность считается совершенно достаточной, потому что народъ нетерпѣливо ждетъ случая для грабежа и вовсе не разборчивъ относительно причинъ раздора; ему также совершенно безразлично которой изъ враждующихъ сторонъ оказать помощь. Если галлина отправятся на берегъ по приглашенію, то нерѣдко случается, что нѣкоторое время они больше въ тягость своимъ друзьямъ, нежели врагамъ. Вообще они трусливы до гнусности; сначала они стараются всячески возвеличить себя и прославить свои подвиги; но если предвидится битва, то они требуютъ отъ своего вождя установленной жертвы для обезпеченія побѣды. Послѣ этого согласно „обычаю ихъ страны“ устраивается церемонія, имѣющая пророческое или гадательное значеніе съ цѣлью узнать, какой день назначенъ судьбой, какъ самый благопріятный для нападенія на непріятельскія укрѣпленія. Если-же наконецъ аттака рѣшена, то они разсыпаются по лѣсу и отсюда пробираются небольшими партіями къ извѣстному пункту осаждаемаго города, гдѣ становятся въ боевой порядокъ. При этомъ они обыкновенно посылаютъ впередъ нѣсколькихъ молодыхъ парней, чтобы убѣдиться нельзя ли взобраться на непріятельскія укрѣпленія, не спятъ ли враги и не предвидится ли возможность застать ихъ врасплохъ. Въ этомъ случаѣ выступаютъ настоящіе воины, врываются въ осажденный городъ, съ яростью убиваютъ всякаго кто попадется имъ подъ руку и наводятъ паническій страхъ на непріятеля. Послѣдній очищаетъ укрѣпленія и разбѣгается въ разныя стороны безъ сопротивленія. Осаждающіе въ свою очередь оставляютъ взятыя ими укрѣпленія и начинаютъ ловить плѣнныхъ. Всякій пойманный мужчина, женщина или ребенокъ становятся рабомъ того, кто взялъ ихъ въ плѣнъ, и нерѣдко случается, что тѣ, которые всего менѣе принимали уча-

стія въ битвѣ пріобрѣтаютъ всего больше добычи. По окончаніи битвы младшихъ ставятъ на караулѣ, между тѣмъ какъ болѣе пожилые воины собираютъ плѣнныхъ и добычу. Съ другой стороны также часто случается, что жители города, на который должно быть сдѣлано нападеніе принимаютъ мѣры предосторожности, и ихъ караульные, услыхавъ необычайный шумъ въ лѣсу поднимаютъ тревогу. Тогда нападающіе бѣгутъ со всѣхъ ногъ; походъ отмѣняется подъ тѣмъ предлогомъ, что принесенная жертва не имѣла успѣха; всѣ возвращаются въ лагерь, чтобы еще разъ продѣлать вышеописанную процедуру. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны не устанутъ отъ войны и въ данной мѣстности ничего не останется цѣннаго и стоющаго грабежа, послѣ чего приглашенные наемники возвращаются на родину, захвативъ съ собой въ рабство такое же количество друзей, какъ и враговъ. Когда война окончена и они спѣшатъ во свояси, то настолько неразборчивы въ своей алчности, что къ нимъ можетъ быть примѣнена пословица: „доброму вору все впору".

Галлина, а равно и ихъ сосѣди выказываютъ значительную долю сообразительности въ сооруженіи вышеупомянутыхъ укрѣпленій, которыя обыкновенно четырехъ-угольныя съ небольшой башней на каждомъ углу, которыя снабжены бойницами для ружей, а въ случаѣ возможности небольшими пушками. Укрѣпленія состоятъ изъ живой изгороди, сдѣланной изъ срубленныхъ древесныхъ стволовъ, посаженныхъ другъ отъ друга на разстояніи 1 м., которые быстро пускаютъ корни; на эти стволы накладываютъ поперегъ горизонтальные шесты и прикрѣпляютъ къ нимъ посредствомъ гибкихъ вѣтвей. Эти горизонтальные шесты лежатъ одинъ на другомъ на 0,60 или 1 м. у самой изгороди, достигающей приблизительно 3 м. высоты, на которой устроенъ сверху плетень изъ ивовыхъ прутьевъ, чтобы непріятель не могъ перелѣзть черезъ него. Вторая изгородь воздвигнута тѣмъ-же способомъ, и находится внутри первой на разстояніи 2 м.; иногда внутри этой устроена еще третья изгородь. Если нѣтъ по близости подходящихъ деревьевъ, то вмѣсто изгороди строятся крѣпкія стѣны изъ глины. Въ этомъ случаѣ глину предварительно мнутъ самымъ тщательнымъ образомъ, приготовляютъ изъ нея родъ круглыхъ кирпичей, складываютъ изъ нихъ стѣну, просушиваютъ, затѣмъ оштукатуриваютъ и выравниваютъ. Обыкновенно между укрѣпленіями (если можно назвать ихъ этимъ именемъ), устроены траншеи. Тѣмъ не менѣе, если эти укрѣпленія находятся подъ защитой храбрыхъ, хорошо вооруженныхъ людей, снабженныхъ достаточнымъ количествомъ огнестрѣльнаго оружія, то въ высшей степени трудно овладѣть ими, особенно съ такимъ плохо организованнымъ войскомъ, какое обыкновенно набирается для осады.

Негры галлина все еще употребляютъ лукъ и стрѣлы и повидимому сохранили еще многіе привычки и обычаи своихъ предшественниковъ, которые вѣроятно были чистокровные мандинго. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ народъ впродолженіе многихъ лѣтъ служилъ для посредничества въ торговлѣ невольниками и долгое время находился въ полной зависимости отъ послѣдней, относительно средствъ добыванія пищи, одежды и пр. потому что только въ послѣдніе годы онъ сталъ привыкать къ труду. Теперь между галлина можно встрѣтить многихъ субъектовъ, которые занимаются рѣзьбой изъ дерева и пальмовыхъ орѣховъ, изготовляютъ деревянныя ложки и тарелки и даже различнаго рода металлическія издѣлія.

Вообще галлина записные игроки; у нихъ существуютъ разныя игры; главнѣйшая изъ нихъ называется „warri" и распространена почти во всей Африкѣ подъ различными именами. Играютъ на доскѣ снабженной 12 отверстіями; и при посредствѣ 48 зеренъ. Кромѣ „warri" у галлина много другихъ игръ и они такъ часто упражняются въ нихъ, что проигрываютъ все свое имущество, женъ, дѣтей и даже подконецъ, ставятъ на ставку свою собственную свободу. Всѣ галлина въ большей или меньшей степени исповѣдуютъ магометанство;

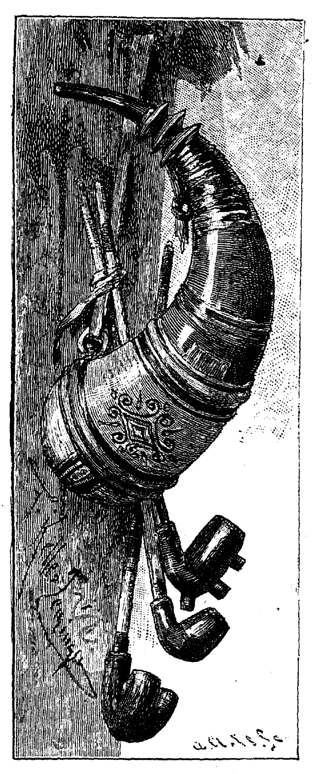
вожди обыкновенно посылаютъ на нѣсколько лѣтъ своихъ сыновей внутрь страны для изученія языка мандинго. Галлина крайне суевѣрны и имѣютъ безусловную и непреклонную вѣру ко всему, что исходитъ отъ книжныхъ людей т. е. народовъ имѣющихъ письменность, какъ напр. магометанъ, европейцевъ, американцевъ и т. п. (Ausland 1866, s. 155—156).

НЕГРИТЯНСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ СЕНЕГАМБІИ.

На западѣ негритянской области, въ особенности въ той части, гдѣ типъ негра сохранился въ наибольшей чистотѣ (между рѣками Сенегаломъ и Нигеромъ), мы встрѣчаемъ народъ волофы („чернокожіе“ въ отличіе отъ фулаховъ желтокожихъ), которыхъ не совсѣмъ правильно называютъ іолофами или джолофами. Они, повидимому, представляютъ собой древнѣйшій, т. е. первый изъ негритянскихъ народовъ, которые при переселеніи въ эти страны составили осѣдлое населеніе и положили основаніе благоустроенному государству подъ господствомъ верховнаго вождя. Этимъ объясняется распространеніе языка волофовъ за предѣлы ихъ владѣній и оказанное имъ вліяніе на сосѣдніе чуждые ему діалекты, въ которыхъ встрѣчаются многія заимствованныя изъ него культурныя выраженія. Въ настоящее время волофы занимаютъ земли: Квало, Кайоръ, часть Баоля съ полуостровомъ Дакаръ у мыса Верде. Волофскій языкъ, лишенный какихъ бы то ни было приставокъ, стоитъ особнякомъ среди негритянскихъ нарѣчій западной Африки.

Волофы самое благообразное изъ всѣхъ негритянскихъ племенъ, съ блестящимъ, совершенно чернымъ цвѣтомъ кожи и превосходятъ другихъ представителей ихъ расы по своему тѣлосложенію. Они выше ростомъ и стройнѣе остальныхъ негровъ западной Африки. Ихъ тѣлосложеніе можно было бы назвать вполнѣ красивымъ, еслибы у нихъ не было такого-же отсутствія икръ какъ у прочихъ негритянскихъ народовъ, плоской ноги и укороченной пятки. Груди у женщинъ имѣютъ грушеобразную форму. Ихъ лица по свидѣтельству путешественниковъ съ правильными привлекательными чертами производятъ пріятное впечатлѣніе, глаза веселые и живые, носъ продолговатый и не плоскій, губы полныя, но не безобразныя. Въ лицѣ выражается умъ, честность и твердость. Волофы сильные люди, способные къ труду и живаго характера; они располагаютъ къ себѣ каждаго своимъ привѣтливымъ обращеніемъ. Считаемъ также нелишнимъ замѣтить, что нѣкоторые путешественники пришли къ совершенно обратному выводу относительно вышеупомянутыхъ качествъ этого народа. По ихъ отзывамъ волофы, хотя и гордятся превосходствомъ своей націи, но суевѣрны, лѣнивы, избѣгаютъ всякаго труда и вслѣдствіе этого легко впадаютъ въ нужду, склонны къ разбойничеству, крадутъ и убиваютъ людей;

сверхъ того лживы, злобны, мстительны, безстыдны, прожорливы и сильно преданы пьянству. Все ихъ имущество состоитъ изъ небольшаго количества рогатаго скота, лошадей и невольниковъ; въ настоящее время они находятся подъ господствомъ множества надменныхъ деспотовъ. У волофовъ въ окрестностяхъ Зеленаго мыса старики пользуются большимъ уваженіемъ и преимущественно имѣютъ право голоса. Вождя выбираютъ изъ извѣстныхъ фамилій патриціевъ. Воздѣланная земля составляетъ общее достояніе жителей деревни и ежегодно дѣлится между ними. Только въ новѣйшее время бываютъ случаи, что то или другое лицо пріобрѣтаетъ землю въ частную собственность и при посредствѣ рабовъ разводитъ на ней земляные орѣхи. Волофъ въ качествѣ мусульманина можетъ по закону имѣть четыре жены. Если юноша хочетъ завести свою семью, то онъ прежде всего выбираетъ мѣсто для жилья, огораживаетъ его соломеннымъ плетнемъ, внутри котораго построены хижины; каждая жена имѣетъ свою собственную хижину; у мужа она не круглая, а четырехъ-угольная. На томъ же дворѣ находятся хлѣвы для скота, хижины для рабовъ и кухни. Рабы пользуются хорошимъ обращеніемъ. Съ водвореніемъ ислама многіе были отпущены на волю, но охотно остаются у своихъ прежнихъ господъ; они не могутъ брать себѣ женъ изъ семействъ давнишнихъ вольноотпущенныхъ, потому что эти считаютъ себя выше рабовъ по своему общественному положенію. Дѣти происшедшіе отъ брака между вольноотпущенными и рабами причисляются къ низшему классу и не имѣютъ права голоса въ правленіи и государственныхъ дѣлахъ. Рабъ можетъ имѣть свое собственное недвижимое имущество, которое принимается въ разсчетъ при дѣлежѣ общинной земли; но собранная имъ жатва должна храниться во дворѣ его хозяина, который въ голодное время можетъ по своему усмотрѣнію, присвоить ее себѣ. Ричардъ Буртонъ считаетъ волофовъ способными къ извѣстной цивилизаціи. Они весьма ревностные магометане. Утромъ они падаютъ ницъ лицомъ, чтобы привѣтствовать восходящее свѣтило; по вечерамъ они стоятъ группами подъ деревьями, а при закатѣ солнца отправляются въ молельни обнесенныя каменной стѣной. Это ихъ мечети, гдѣ они безчисленное число разъ преклоняютъ колѣна и призываютъ Аллаха. Въ изученіи ислама они пользуются содѣйствіемъ фулаховъ и другихъ сосѣдей; болѣе зажиточныя семьи приглашаютъ къ себѣ на домъ магоме-



Пороховница изъ буйволоваго рога, нижняя часть котораго обтянута кожей и украшена рѣзьбой. — Курительныя трубки волоховъ (Сенегалъ).

танскихъ священниковъ, которые въ вечерніе часы говорятъ имъ стихи изъ корана; но при этомъ волофы придаютъ большое значеніе колдовству и предсказаніямъ. Французскій изслѣдователь Флеріо-де-Лангль пришелъ къ выводу, что существуетъ близкое сродство между волофами и жителями Кордофана у береговъ Нила, между тѣмъ какъ Буртонъ нашелъ, что ихъ языкъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ абиссинскій.

На юго-западъ отъ волофовъ живетъ народъ серереры или саррары. Затѣмъ слѣдуетъ сродная съ саррарами весьма развѣтвленная семья языковъ; къ ней нужно причислить слѣдующія племена: фулупъ или фелупъ близь Гамбіи, въ діалектѣ котораго снова встрѣчаются приставки, какъ у абанту; фильгамъ или фильголь у рѣки Казаманцо; біафаде или біафары по обѣимъ берегамъ рѣки Геба и на правомъ берегу Ріо Грандо; папель на островахъ Биссаго и между рѣками С. Доминго и Геба. Кромѣ всѣхъ этихъ племенъ мы назовемъ еще балантеновъ между рѣками Геба и Казаманца, кассангвесовъ между рѣками С. Доминго и Казаманца и наконецъ нага на лѣвомъ берегу С. Доминго.

Саррары безусловно самые рослые негры Сенегамбіи съ чернымъ цвѣтомъ кожи и рѣзкими чертами лица; они представляютъ собой кроткій трудолюбивый народъ, занимаются земледѣліемъ и живутъ преимущественно въ плоскихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ на береговой полосѣ Сенегамбіи. Въ былыя времена ихъ считали въ высшей степени невѣжественными, потому что имъ были чужды самыя элементарныя свѣдѣнія, распространенныя между остальными неграми Сенегамбіи. Сосѣди считаютъ ихъ дикими и мстительными, такъ что названіе сарраръ равносильно бранной кличкѣ. По разсказамъ старинныхъ путешественниковъ (разумѣется далеко недостовѣрнымъ), у сарраровъ не было никакого понятія о высшемъ существѣ, вслѣдствіи чего они представляютъ плодотворное поле для христіанскаго ученія. Тѣмъ не менѣе они остались при своей старой вѣрѣ въ фетишей. По ихъ воззрѣніямъ два могущественныхъ идола: „Такаръ“ и „Тіуракъ“ (или „Teurack“) распоряжаются судьбой людей; первый неумолимъ въ своемъ правосудіи; второй милосердъ и отъ него происходитъ все добро на землѣ. Званіе жреца наслѣдственное въ нѣкоторыхъ семьяхъ. Жрецъ можетъ обнаружить всякую кражу и колдовство. Никто не смѣетъ безнаказанно приблизиться къ священному дереву, подъ которымъ свалена земля попранная ногами подсудимаго, а также прикоснуться къ камню, наложенному на голову послѣдняго для обнаруженія истины. Колдуновъ подвергаютъ испытанію посредствомъ огня и яда. Главнымъ источникомъ дохода жрецовъ служитъ „банте“ — процедура, имѣющая цѣлью искупленіе обидъ. Кто хочетъ отомстить непріятелю идетъ къ жрецу „fitaure“, т. е. духовному и политическому главѣ общины и старается съ помощью подарковъ понудить его къ операціи „банте“, которая приводитъ въ трепетъ самыхъ неустрашимыхъ людей. Истецъ въ числѣ подарковъ приноситъ и „kanari“, т. е. большой сосудъ изъ красной глины; тогда „fitaure“ приступаетъ къ заклинаніямъ и взаключеніе запираетъ душу виновника обиды въ „kanari“, который затѣмъ ставится подъ извѣстное дерево. Тотъ, чья душа заперта такимъ образомъ въ „kanari“ вскорѣ послѣ того умираетъ; иногда вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ цѣлая семья, быть можетъ отравленная „fitaure“, который заинтересованъ въ поддержаніи этого безсмысленнаго вѣрованія. Естественно, что семья, которая узнаетъ о такомъ „банте“ направленнымъ противъ нея, готова на всевозможныя уступки, чтобы избавиться отъ грозящей

ей опасности, что конечно приноситъ не мало выгоды „fitaure“ (L. J. B. Bérenger-Féraud, Les peuplades de la Senegambie. Paris 1879. p. 276—277). Что же касается всего остальнаго, то по новѣйшимъ извѣстіямъ саррары добродушный, честный, гостепріимный, вѣжливый и щедрый народъ, который отличается отъ своихъ лѣнивыхъ сосѣдей прилежнымъ воздѣлываніемъ хлопка.

Фулупы или фелупы живутъ у нижняго теченія р. Казаманца; они занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, имѣютъ большія стада; судя по отзывамъ путешественниковъ это храбрый народъ, склонный къ грабительству, и постоянно ведущій войну съ сосѣдними племенами. Говорятъ, что характеръ фулуповъ представляетъ ту особенность, что они никогда не прощаютъ обидъ, но также не забываютъ оказанныхъ имъ благодѣяній. Ихъ поселенія защищены группами столбовъ, между которыми насыпана земля. Фулупы, которыхъ называютъ также іола и айяматъ, распадаются на девять группъ, а именно: вака, каіаманте, ингуши и кароны (или кабилы) на правомъ берегу, и байоты, фулуны, бангіары и айаматы на лѣвомъ берегу Казаманца; іола живутъ у самого устья рѣки. Всѣ эти племена чернокожіе, небольшаго роста, но пропорціональнаго тѣлосложенія, съ плоскимъ лицомъ, приплюснутымъ носомъ и имѣютъ мало волосъ на тѣлѣ. Подобно большинству народовъ у Бенингова залива и Сіерра Леоне они подпиливаютъ себѣ зубы, особенно на верхней челюсти, и при этомъ считаютъ себя очень красивыми. Они почти не носятъ никакой одежды и находятся въ состояніи полнѣйшаго варварства. У нихъ нѣтъ семьи и господствуетъ возмутительный развратъ и кровосмѣшеніе; продажа дѣтей составляетъ вкоренившійся обычай, а равно и пьянство, которое переходитъ всѣ границы. Беранже-Феро считаетъ фулуповъ жестокими, коварными и склонными къ воровству. Ихъ религія представляетъ крайнюю степень фетишизма; у нихъ есть родъ верховнаго идола, именемъ котораго они называютъ солнце, мѣсяцъ и вообще всѣ силы природы. Колдуны подвергаются испытанію въ видѣ ядовитаго напитка „mansone“. Тотъже обычай господствуетъ у баніуновъ и балантеновъ. Въ каждой деревнѣ есть дворъ, огороженный частоколомъ, среди котораго находится земляная насыпь въ 1 метръ высоты. Этотъ дворъ принадлежитъ королю. Если житель деревни убиваетъ какое-нибудь животное, то долженъ положить его голову на вершину насыпи, и не можетъ иначе ѣсть мясо, какъ обрызгавъ кровью вышеупомянутое огороженное пространство. Равнымъ образомъ здѣсь приносятъ въ жертву первые колосья жатвы. Черезъ каждые семь дней, а именно въ пятницу жители деревни дѣлаютъ возліянія вина и призываютъ „bakinn'a“ (духа). Чужестранцу строжайше запрещено прикасаться къ частоколу; въ случаѣ неповиновенія онъ становится рабомъ жреца. Послѣдній большей частью исполняетъ обязанность деревенскаго вождя; въ то же время онъ вліятельный человѣкъ по своему богатству, и въ качествѣ колдуна внушаетъ къ себѣ страхъ. При каждой церемоніи онъ получаетъ бо́льшую часть жертвы. Если негра постигло несчастіе или онъ ожидаетъ его вслѣдствіе дурнаго предзнаменованія, то онъ выбираетъ лучшій и наиболѣе цѣнный предметъ изъ своего имущества, большею частью самаго тучнаго быка, приготовляетъ извѣстное количество пальмоваго вина и прочихъ напитковъ и предлагаетъ все это жрецу, чтобы онъ упросилъ „bakinn'a“ разъяснить ему его сны или отвратить отъ него несчастіе. Жрецъ убиваетъ быка, поливаетъ его кровью вышеупомянутую насыпь, срѣзаетъ у животнаго рога и отдаетъ просителю; затѣмъ запирается въ оградѣ и призываетъ „bakinn'a“. Немного погодя съ помощью двухъ бамбуковыхъ палокъ, воткнутыхъ одна въ другую, онъ производитъ рѣзкіе звуки, подражая голосу „bakinn'a“. По окончаніи этой церемоніи онъ объясняетъ просителю и его друзьямъ смыслъ словъ, сказанныхъ духомъ, и при этомъ выливаетъ небольшое количество вина на землю; остальное выпивается присутствующими. Говорятъ, что между здѣшними жрецами

встрѣчаются замѣчательные чревовѣщатели. Браки заключаются тѣмъ же способомъ, какъ у балантеновъ, только на королѣ не лежитъ обязянности лишать невинности дѣвушекъ. Послѣднія носятъ до замужества передникъ въ двѣ ладони ширины, который протянутъ между ляшками. Передникъ замужнихъ женщинъ имѣетъ 1 м. длины, но никогда не бываетъ шире 40 сант. Мужчины носятъ короткіе штаны въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются въ Европѣ для морскаго купанія. Богатство измѣряется количествомъ маленькихъ раковинъ изъ вида ужовокъ. Если умираетъ фулупъ, то немедленно бьютъ въ „bombali“, большой барабанъ, принадлежащій деревнѣ, звуки котораго разносятся на далекое пространство. У каждой семьи особый барабанный бой, такъ что съ точностью извѣстно кого постигла смерть. Всѣ принимаютъ участіе въ траурѣ, который для большинства соединенъ съ веселіемъ. Трупъ намазываютъ пальмовымъ масломъ, оставленнымъ въ запасѣ для подобныхъ случаевъ; затѣмъ покойника выставляютъ на деревенской площади и держатъ въ стоячемъ положеніи съ помощью деревянныхъ подпорокъ. Каждый дѣлаетъ ему упреки, зачѣмъ онъ умеръ; при этомъ безпрестанно раздается пальба изъ ружей (до тысячи выстрѣловъ въ день), хотя, разумѣется, это дѣлается только для богатаго покойника. Трауръ продолжается три дня; каждый старается выразить плачемъ свое горе; наемныя плакальщицы валяются по землѣ и среди оглушительнаго вопля посыпаютъ себя пепломъ. На третій день покойника наряжаютъ въ его лучшее убранство и кладутъ на землю; жрецъ еще разъ спрашиваетъ: почему ему вздумалось умереть; затѣмъ его оставляютъ въ лежачемъ положеніи, пока одинъ изъ членовъ семьи, имя котораго покойникъ втайнѣ сообщилъ жрецу передъ смертью, не поднесетъ послѣднему подарка. Жрецъ никому не открываетъ этой тайны; поэтому всѣ члены семьи по очереди подходятъ къ нему съ приношеніями, пока онъ не приметъ отъ кого-нибудь подарка съ заявленіемъ, что это то лицо, которое было названо умершимъ. Такимъ образомъ освобождаются отъ подарковъ всѣ тѣ, которые еще не успѣли поднести ихъ; въ богатыхъ семьяхъ, конечно, послѣдній всегда бываетъ назначенъ покойникомъ. По окончаніи церемоніи „поднесенія подарковъ“ жрецу, трупъ зарываютъ въ землю на 60 сант. и снова начинается ружейная пальба. На восьмой день вся семья торжественно приноситъ жертву „bakinn'y“, чтобы душа умершаго перешла въ другое тѣло, была счастлива и вспоминала-бы объ оставшихся родственникахъ. Фулупы у нижняго теченія Казаманца отличаются особенной страстью къ поединкамъ, такъ что д-ръ А. Маршъ былъ даже разъ свидѣтелемъ смерти одного изъ борцовъ. Однако, несмотря на показанія нѣкоторыхъ наблюдателей, д-ръ Беранже-Феро положительно отвергаетъ людоѣдство фулуповъ.

Біафаде или біафары живутъ противъ острововъ Биссаго къ югу отъ устья Казаманца, по обѣимъ берегамъ рѣки Габа и на правомъ берегу Ріо Гранде; это храбрые отчаянные люди, до страсти преданные войнѣ и не имѣющіе понятія о мирной жизни. Но ихъ войны имѣютъ скорѣе характеръ набѣговъ и продолжаются не болѣе пяти или шести дней. Ихъ сосѣди папель татуируютъ себѣ тѣло и носятъ особенныя кольца на среднемъ пальцѣ и на мизинцѣ. Они объясняются другъ съ другомъ посредствомъ прикосновенія къ кольцамъ, такъ что третье лицо, непосвященное въ этотъ своеобразный языкъ рукъ, не можетъ понимать его, что составляетъ изобрѣтеніе, дѣлающее честь ихъ сообразительности. Папель считаются лучшими гребцами на всемъ берегу. Ихъ идолы помѣщаются на священныхъ деревьяхъ; они приносятъ имъ въ жертву собакъ, пѣтуховъ и быковъ, которыхъ они предварительно откармливаютъ съ особенной заботливостью. Мясо дѣлится между всѣми присутствующими; божество получаетъ отъ убитаго животнаго одни рога, которые вѣшаются на деревѣ.

Балантены представляютъ собой многочисленное, дикое и некрасивое

негритянское племя, живущее между рѣками Гебанъ и Казаманца, откуда они постепенно вытѣснили баніуновъ. По отзыву Беранже-Феро, они отъявленные воры и разбойники, воздѣлываютъ въ небольшомъ количествѣ рисъ и земляные орѣхи, считаютъ грабежъ благороднѣйшимъ занятіемъ и дѣлаютъ набѣги на селенія мандинго и баніуновъ. Но замѣчательно, что при этомъ воровство наказывается у нихъ строжайшимъ образомъ и даже иногда смертью. Они живутъ въ жалкихъ и грязныхъ деревняхъ и пользуются независимостью, тѣмъ болѣе, что власть ихъ вождей довольно ограниченная. Балантены представляютъ чистый негритянскій типъ съ блестящимъ чернымъ цвѣтомъ кожи; они средняго роста, крѣпкаго сложенія, хотя съ худощавыми членами тѣла. У нихъ длинная голова, хорошо очерченный носъ, менѣе приплюснутый, нежели у остальныхъ негровъ, скошенный лобъ, маленькіе сверкающіе глаза съ свирѣпымъ выраженіемъ. Они вообще отличаются довольно дикимъ видомъ. Одежда у мужчинъ состоитъ изъ самодѣльной бумажной матеріи, скроенной на подобіе панталонъ, большей частью чернаго цвѣта; женщины носятъ обычный негритянскій передникъ. Животъ и грудь украшены татуировкой, въ видѣ глубокихъ надрѣзовъ и обжоговъ.

По свидѣтельству Беранже-Феро обрѣзаніе въ обычаѣ только у мужчинъ, которые кромѣ того выпиливаютъ себѣ зубы; Альфредъ Маршъ говоритъ, что эта операція производится у обоихъ половъ въ возрастѣ отъ четырнадцати до восемнадцати лѣтъ. Пищей служитъ преимущественно дичь, а затѣмъ рисъ и ячмень сваренные съ водой и кислымъ молокомъ. Балантены рѣдко ѣдятъ мясо, хотя имѣютъ большія стада, изъ которыхъ бьютъ не болѣе одного животнаго для пирушки, устроенной въ честь покойника. Мужчины истребляютъ въ большомъ количествѣ пальмовое вино. Положеніе женщины довольно жалкое. Свадебная церемонія состоитъ въ томъ, что невѣстѣ подносятъ передникъ, и бракъ признается дѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не износится. Послѣ этого женщина опять свободна и можетъ черезъ два года снова выйти замужъ. Разумѣется прочность передника вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія женщины. Роды должны происходить въ лѣсу. По словамъ Альфреда Марша, вождь обязанъ лишать невинности невѣстъ, къ чему онъ нерѣдко снисходитъ только за значительные подарки; ни одна дѣвушка не можетъ выйти замужъ, если вождь не удостоилъ ее этой милости (A. Marche, Trois voyages dans l'Afrique occidentale. Paris 1879. p. 70). Балантены большіе любители музыки; изъ своихъ первобытныхъ инструментовъ они извлекаютъ гармоническіе, хотя однообразные звуки. Они вѣрятъ въ загробную жизнь, преданы грубому фетишизму и боятся колдуновъ (Berenger-Feraud, A. a. o., p. 299—306). Ядовитый напитокъ, употребляемый для „божьяго суда", называется у нихъ „tali".

Въ недалекомъ разстояніи отъ берега Сіерра Леоне живутъ баніуни (наз. французами bagnouns), которые нѣкогда занимали лѣвый берегъ Гамбіи, но впослѣдствіи были вытѣснены далѣе къ югу, гдѣ они распространены до лѣваго берега Казаманца. Они распадаются на шесть племенъ и живутъ въ независимыхъ другъ отъ друга и нерѣдко враждебныхъ между собою деревняхъ. Каждая деревня находится подъ властью вождя, вліяніе и права котораго весьма различны. У иныхъ онъ совмѣщаетъ въ себѣ достоинство верховнаго жреца; у другихъ власть его ограничена совѣтомъ знатныхъ людей. Баніуны, хотя шумны и склонны къ болтовнѣ, но вообще болѣе миролюбивы и кротки, нежели ихъ сосѣди: фулупы и балантены, которые часто нападаютъ на нихъ. При этомъ они дѣятельны и храбры, горячо привязаны къ своей плодоносной родинѣ, воздѣлываютъ рисъ и земляные орѣхи, собираютъ воскъ и сбываютъ воловьи шкуры, которыя обмѣниваютъ на соль, порохъ и ружья. У нихъ нѣтъ склонности къ грабежу, и ихъ хижины никогда не запираются. Они питаются добычей, пріобрѣтенной на охотѣ и варятъ просо безъ всякой приправы, но

въ высшей степени преданы пьянству, которое нерѣдко доводитъ ихъ до самоубійства. Преступникъ обращается въ бѣгство, но вслѣдъ затѣмъ вступаетъ въ переговоры и всегда получаетъ прощеніе на устроенной имъ пирушкѣ. Хотя баніуны малы ростомъ, но все-таки выше фулуповъ. У нихъ большая голова и ротъ и приплюснутый носъ; на тѣлѣ довольно много волосъ, у мужчинъ часто встрѣчается борода. Волосы заплетены тѣмъ же способомъ, какъ у нихъ сосѣдей мандинго и бамбарра, отъ которыхъ вѣроятно заимствованъ этотъ обычай. Они прокалываютъ себѣ уши въ нѣсколькихъ мѣстахъ и продѣваютъ въ нихъ бамбуковые куски, которые постоянно увеличиваютъ, пока отверстія не достигнутъ величины мизинца. Одежда у обоихъ половъ большей частью состоитъ изъ короткаго негритянскаго передника; только щеголи носятъ на головѣ каленкоровую шапку, нерѣдко грязную до невозможности. Вожди украшаютъ свои передники кольцами изъ мѣди, къ которой баніуны чувствуютъ особенное пристрастіе. Всѣ украшенія дѣлаются изъ этого металла. Подпиливаніе зубовъ въ общемъ употребленіи. Женщины занимаютъ здѣсь болѣе высокое положеніе, нежели у фулуповъ; ихъ мнѣніе имѣетъ даже большое значеніе въ политикѣ. Конечно, многоженство господствуетъ во всей силѣ. Дѣвушекъ обручаютъ 6 — 8 лѣтъ, но онѣ вступаютъ въ бракъ только съ наступленіемъ зрѣлости. Разводъ крайне легкій; но женщина послѣ того не можетъ снова выйти замужъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства. За нарушеніе супружеской вѣрности назначаютъ смертную казнь или тяжелую пеню. Женщины родятъ въ своихъ хижинахъ; обрѣзаніе въ обычаѣ у обоихъ половъ. Мертвыхъ хоронятъ въ особеннаго рода ямахъ; похороны сопровождаются стрѣльбой изъ ружей и попойкой. Баніуны вѣрятъ въ доброе и злое начало; съ этимъ связано множество суевѣрій, какъ, напр., почитаніе „grigri" (общее названіе всякихъ талисмановъ на западномъ берегу Африки), вѣра въ колдуновъ и вѣдьмъ; у нихъ также въ большомъ ходу „божьи суды".

На лѣвомъ берегу Ріо Гранде живутъ тіапи, у Ріо Нунэцъ — ладума или ландуманы; затѣмъ между тіапу и упомянутыми ниже суфу, къ югу отъ Ріо Нунэцъ до Ріо Понго, распространены налу; къ сѣверо-западу отъ устья Понго до берега встрѣчаются бага (быть можетъ, остатки первобытныхъ обитателей Нижней Синегамбіи), по ту сторону Казаманца такъ наз. шербро или шерборо и темне или тимни, которые населяютъ береговые равнины Сіерра Леоне совмѣстно съ своими родичами по языку булламъ или булломи, почти вымершимъ народомъ. Это большею частью воинственныя племена, въ высшей степени преданные суевѣрію. Налу особенно славятся искуснымъ изготовленіемъ бумажныхъ тканей. Бага или багу обладаютъ замѣчательной физической силой, но лишены всякаго умственнаго развитія и стоятъ на самой низкой степени человѣческой образованности. Они не носятъ никакой одежды и живутъ въ жалкихъ полуоткрытыхъ хижинахъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей среди невыносимой грязи и зловонія; у нихъ господствуетъ самое невѣроятное кровосмѣшеніе. Беранже-Феро говоритъ, что они ведутъ скотскій образъ жизни. Мужчины пьютъ или расхаживаютъ безъ дѣла съ копьемъ въ рукѣ. Хотя ихъ нельзя назвать положительно лѣнивыми, но они не имѣютъ понятія о какомъ либо производствѣ. Они воздѣлываютъ рисъ и хлѣбныя растенія (что, впрочемъ, составляетъ занятіе женщинъ), отличаются необыкновенною робостью; и поэтому постоянно становятся добычей своихъ сосѣдей, которые охотятся за ними, какъ за дичиной. Бага очень дорожитъ собственностью, хотя послѣ его смерти все принадлежавшее ему имущество уничтожается до послѣдняго рисоваго зерна, такъ что дѣти наслѣдуютъ только похвальную способность отца къ сбереженію.

Къ сѣверо-западу отъ поселеній волофовъ живутъ серехуле (serakulé, serakolet) или сонинке, которые считаются древнѣйшимъ на-

родомъ въ этой мѣстности. Серахуле по всѣмъ вѣроятіямъ то самое племя, которое составляло основной элементъ населенія въ старинномъ государствѣ Ганата, основанномъ берберами. Названіе серехуле означаетъ „бѣлыхъ людей“ и такъ какъ нѣкоторые ихъ племена дѣйствительно отличаются отъ окружающихъ народовъ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, то ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать самобытнымъ негритянскимъ народомъ, а скорѣе смѣшаннымъ племенемъ, которое образовалось съ давнихъ поръ вслѣдствіе слиянія съ берберійскими элементами. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что серехуле сдѣлались подданными мандинго, которые разрушили старое государство, потому что прозвища: assuanek, ssuaninki, soninke означаютъ „покоренные“ въ противоположность melli, mellinki, т. е. „свободный“, „благородный“. Въ настоящее время серехуле назыв. также гангари, большей частью настолько слились съ мандинго, что только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ составляютъ самостоятельное племя. Ихъ языкъ, называемый гачага или кадшага является изолированнымъ и, повидимому, не представляетъ сродства съ мандинго. Многіе изъ серехуле живутъ среди другихъ народовъ, а именно у верхняго Нигера въ Бамбарра; при ихъ несомнѣнной склонности къ торговлѣ они проходятъ огромныя пространства въ качествѣ купцовъ. Они интеллигентнѣе остальныхъ жителей Сенегамбіи и въ противоположность сосѣднимъ неграмъ бережливы, любятъ порядокъ и понимаютъ выгоды торговли. Они являются юношами въ Санъ Луи и другіе торговые пункты, поступаютъ солдатами („laptots“) на французскую службу или же дѣлаются погонщиками муловъ и агентами, и живутъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не заработаютъ достаточно, чтобы вернуться на родину и завести самостоятельное торговое дѣло. Такимъ образомъ этотъ мирный трудолюбивый народъ по справедливости заслуживаетъ данное ему названіе „суданскихъ евреевъ“. Ихъ „бакири“ или вожди гордятся своимъ историческимъ прошлымъ. Во многихъ мѣстностяхъ серехуле дѣлятся на касты, сообразно происхожденію, званію и занятіямъ. „Tunka“ или король происходитъ изъ княжескаго рода Бакири; слѣдующую касту составляютъ „scibobes“ свободные люди; третью — марабуты (духовные), четвертую — плѣнные. Кромѣ того во всей Сенегамбіи распространена своеобразная каста „гріотовъ“, людей низшаго класса, не имѣющихъ опредѣленной религіи. Многіе изъ нихъ музыканты и вокругъ нихъ постоянно собирается кружокъ любителей; ихъ презираютъ, считаютъ порочными и пьяницами, но тѣмъ не менѣе они необходимые люди, безъ которыхъ нельзя обойтись. Гріотъ долженъ положить покойника на цыновку; молодыя дѣвушки изъ этой касты, вооруженныя копьями, всю ночь сторожатъ умершаго, чтобы защитить его душу отъ злаго духа. Если умираетъ гріотъ, то его трупъ бросаютъ въ пустое древесное дупло, потому

что онъ не можетъ быть погребенъ въ землѣ. Серехуле не разъ скрещивались съ сосѣдними маврами; происшедшіе отсюда мулаты называются пурьонами. Скрещиваніе чернокожихъ съ европейцами произвело метисовъ, извѣстныхъ въ Сенегамбіи подъ именемъ сигнаровъ. Бѣлые въ Сенегамбіи прежде довольно часто вступали съ этими мулатками въ фиктивные церковные браки, которые считались дѣйствительными только во время ихъ пребыванія въ странѣ, но теперь они все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія. Французы называли такой брачный союзъ mariage à la mode du pays.

Гріотъ.

Въ странѣ за Сіерра Леоне, въ особенности у истоковъ Нигера и на 10° с. ш., почти до средняго теченія этой рѣки, затѣмъ въ нѣкоторыхъ округахъ Гамбіи и Казаманца, по сосѣдству съ областью волофовъ и фулуповъ распространены народы и языки группы манде, которые распадаются на четыре отрасли, представляющія тѣсное лингвистическое сродство. Въ этихъ нарѣчіяхъ слово составляется только съ помощью присоединенія приставокъ къ корню; суффиксы также

имѣютъ отчасти самостоятельное значеніе, такъ что способъ, какимъ они употребляются, служитъ поясненіемъ ихъ смысла (H. Steinthal, Die Mande-Negersprachen psychologisch und phonetisch betrachtet. Berlin 1867). Сказанное собственно относится къ суфу и бамбарра, затѣмъ еще къ мандинго и ихъ родичамъ, даровитымъ веи или ваи, которые имѣютъ свои письмена и согласно племенному преданію проникли сюда сто лѣтъ тому назадъ изъ страны Мани. Послѣдняя находится, вѣроятно, на сѣверо-востокъ отъ ихъ теперешнихъ мѣстъ жительства, лежащихъ вдоль берега.

Веи наиболѣе заслуживаютъ вниманія изъ всѣхъ негровъ, потому что они составили азбуку для письменнаго изложенія своего языка, изобрѣтеніе которой дѣлаетъ честь ихъ сообразительности. Но при болѣе точномъ изученіи оказывается, что это письмо, заключающее около 200 знаковъ, не можетъ быть названо фонетическимъ въ строгомъ значеніи этого слова, потому что знаки не изображаютъ отдѣльныхъ буквъ, какъ *a, b, m, r, o* и т. д., а цѣльные слоги. Такъ, напр., выражаясь яснѣе, они напишутъ нѣмецкое слово „Gabe“ не четырьмя буквами: *G, a, b, e,* а двумя знаками, изъ которыхъ первый будетъ означать Ga, а второй знакъ — be. Но само собою разумѣется, что нужно меньшую степень отвлеченнаго умственнаго напряженія и сообразительности, чтобы раздѣлить такое слово, какъ „Gabe“ на слоги, нежели на четыре буквы, т. е. простѣйшіе фонетическіе элементы. Съ другой стороны ясно видно, что языкъ долженъ имѣть опредѣленное, вполнѣ различимое для уха фонетическое строеніе, потому что онъ состоитъ всего изъ 200 постоянно повторяемыхъ слоговъ. Такія условія языка веи, при его крайне простомъ составѣ изъ опредѣленныхъ слоговъ, должны были естественно навести мѣстнаго Кадма на мысль изобрѣсти азбуку, состоящую изъ слоговъ, какъ это мы видимъ, между прочимъ, у японцевъ.

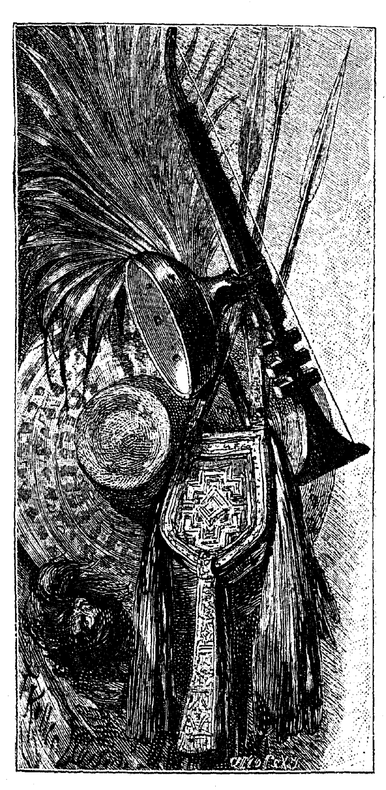
Азбучные знаки изобрѣтателя представляютъ произвольно выбранныя фигуры; такъ, напр., слогъ dong изображенъ знакомъ ⊙, dung — ☐, jo — :|:, kä — черезъ знакъ ⥤, gbo — ⊙ и т. д. Судя по нѣкоторымъ знакамъ, Штейнталь пришелъ къ выводу, что изобрѣтатель первоначально намѣревался составить іероглифическое письмо. Слогъ bu изображенъ, напр., въ его азбукѣ въ видѣ знака ∘∘∘; но такъ какъ слогъ „bu“ означаетъ ружье, то три кружка быть можетъ должны изображать три пороховыхъ зерна. Равнымъ образомъ знакъ ∼∼∼ изображаетъ слово dzi, а это слово означаетъ въ переводѣ воду, такъ что невольно приходишь къ заключенію, что изобрѣтатель имѣлъ въ виду представить прибой волнъ (тотъ же самый мотивъ, какъ извѣстно, по существующему предположенію, послужилъ поводомъ къ изобрѣтенію семитической буквы *m*). Какъ бы то ни было, нужно приписать особенному счастью или геніальности изобрѣтателя, что онъ отклонился отъ попытки іероглифическаго письма и составилъ азбуку слоговъ; если онъ сдѣлалъ это не совсѣмъ послѣдовательно и научно, то мы не должны забывать, что „онъ былъ негръ“. Этотъ Кадмъ назывался Момору (= Могаммедъ) Доалу Бу-кере и, по словамъ веи, привелъ въ исполненіе свое образцовое произведеніе съ помощью семи или восьми друзей. Это событіе совершилось около 1830 года. Существуетъ разсказъ, который, впрочемъ, не представляетъ ничего невѣроятнаго, будто Доалу, будучи еще мальчикомъ, три мѣсяца учился у одного миссіонера, а четырнадцати лѣтъ зналъ на память тексты англійской Библіи. Азбука веи во всякомъ случаѣ не осталась въ видѣ ученой рѣдкости, но перешла въ народъ; не только мальчики, дѣвочки и мужчины, но даже нѣкоторыя женщины научились чте-

нію и письму; образовалась своего рода литература, произведенія которой существуютъ до сихъ поръ. Но сосѣднее племя гура завидовало этому „книжному народу“ и, чтобы помѣшать его усиленію, напало на него и почти окончательно истребило. Такимъ образомъ среди Африки мы видимъ обычное столкновеніе homines literari и obscuri. Тѣмъ не менѣе, если мы даже признаемъ тотъ фактъ, что негритянскій Кадмъ былъ человѣкъ грамотный, — что для него послужили пособіемъ знанія, пріобрѣтенныя въ юности, что, съ другой стороны, онъ былъ знакомъ съ Кораномъ и съ арабскимъ письмомъ, — то это нисколько не уменьшаетъ его заслуги. Мы все-таки назовемъ великимъ умственнымъ подвигомъ, что онъ, при такихъ неясныхъ и недостаточныхъ знаніяхъ, могъ составить вполнѣ самостоятельное письмо, даже сравнительно съ европейскимъ и семитическимъ.

Мандинго до времени завоеваній мусульманскихъ фулаховъ были самымъ могущественнымъ народомъ западной Африки. Государство Мелли, возникшее изъ развалинъ стараго берберійскаго государства Ганата, было создано ихъ соплеменниками, также принявшими исламъ. Этотъ народъ, благодаря блеску и могуществу принадлежавшаго ему государства, а равнымъ образомъ и его языкъ, достигли значительнаго распространенія среди племенъ западной Африки. Мандинго совершенно ассимилировали многія племена и проникли далеко на западъ въ область волофовъ и фулуповъ.

Народъ мандинго, который соотвѣтственно своей юго-западной отрасли называется діули или вангарава (един. вангара) встрѣчается въ земляхъ Сегу, Сергаліа, Феуда, Бамбукъ, Бонду, Каутора, Ули, Ніани, Бадибу, Баръ, Комбо и пр., а равно и во всѣхъ областяхъ къ западу отъ истоковъ Сенегала и Гамби. На ряду съ фулахами, это самая многочисленная и могущественная негритянская нація, а равно и самая богатая, образованная и вліятельная часть населенія верхняго Судана. Генрихъ Бартъ насчитываетъ ихъ до 6 — 8 милліоновъ. Хотя существуетъ большая разница между различными отраслями этого народа, но вообще у нихъ преобладаетъ негритянскій типъ, который во всякомъ случаѣ представляетъ собой красивую расу, способную къ значительной степени образованности и интеллигенціи, а также къ торговлѣ, путешествіямъ и политической организаціи. Прежніе наблюдатели описываютъ выгодными красками мандинго или маллинке, какъ они называли себя. По этимъ отзывамъ они отличаются отъ другихъ негровъ добродушіемъ, веселостью и любознательностью; жены ихъ — нѣжныя матери; дѣти платятъ имъ такою же любовью; въ воспитаніи они преимущественно стараются развить любовь къ правдѣ и неподкупность. Беранже-Феро признаетъ въ нихъ довольно развитыя умственныя способности, но, тѣмъ не менѣе, ставитъ ихъ въ этомъ отношеніи ниже фулаховъ. Мандинго по преимуществу торговый народъ, какъ и серехуле; они необыкновенно гостепріимны и отличаются вполнѣ человѣколюбивымъ обращеніемъ съ бѣдными и больными. Они большіе любители музыки и имѣютъ весьма гармоничный инструментъ „балофонъ“, затѣмъ родъ трехструнной скрипки, нѣсколько различныхъ гитаръ, распространенный у негровъ „тамтамъ“ и желѣзныя цимбалы. Впрочемъ, ихъ характеръ мѣняется сообразно занимаемой ими мѣстности: въ Бамбукѣ они воинственны, въ верхнемъ Сенегалѣ несравненно миролюбивѣе, но при этомъ склонны къ обману и воровству; у Казаманца и Гамбіи отличаются хвастовствомъ, сварливостью и лѣнью. Они жгутъ селенія и позволяютъ себѣ разныя жестокости съ мѣстными торговцами, но не убиваютъ ихъ изъ боязни возмездія. Ихъ деревни бываютъ

различной величины, но окружены болѣе или менѣе прочнымъ заборомъ изъ кольевъ, называемымъ „tata“. Каждое мѣстечко до извѣстной степени пользуется самоуправленіемъ. Нѣкогда мандинго были весьма могущественны и находились подъ властью одного верховнаго вождя, но въ настоящее время у нихъ не менѣе шестнадцати различныхъ государствъ, которыя представляютъ собой небольшія олигархическія республики или крошечныя королевства, не имѣющія между собой никакой непосредственной связи. Вездѣ власть нахо-



Музыкальный инструментъ (Mmonchord) и вышитая кожанная сумка изъ Сенегала.

дится въ рукахъ двухъ людей: „альмами“ (или главнаго духовнаго лица) и „сольтике“ или „алькати“ (т. е. свѣтскаго верховнаго главы), которые часто враждуютъ между собой. Послѣдній начальствуетъ надъ войскомъ, завѣдуетъ правосудіемъ; у него два помощника въ лицѣ двухъ старѣйшинъ, наз. „fode“. Самое употребительное наказаніе — палочные удары, а за убійство смертная казнь. Во время частыхъ поединковъ они рѣдко убиваютъ своихъ противниковъ; это случается только на войнѣ. Ихъ любимое оружіе — большая сабля, которой они наносятъ удары плашмя, отъ которыхъ бываютъ длинныя, но не

глубокія раны. Мандинго прежде всѣхъ приняли и распространили исламъ, и даже теперь, поселяясь въ новой мѣстности, они тотчасъ же открываютъ школу, въ которой учатъ арабскому языку и правиламъ Корана, хотя до сихъ поръ внутри материка многія племена пребываютъ въ язычествѣ, и у нихъ большую роль играетъ фетишизмъ и вѣра въ колдовство. Въ магометанскихъ государствахъ духовныя лица, какъ люди свѣдующія въ Коранѣ, занимаютъ первое мѣсто послѣ короля, второе — вожди, третье — ремесленники, которые распадаются на различные классы; затѣмъ слѣдуютъ свободные люди, послѣ нихъ родившіеся въ странѣ рабы и, наконецъ, военноплѣнные или преступники, обращенные въ рабовъ взамѣнъ другаго наказанія. Невольникъ долженъ слушаться своего господина и работать на него; во всемъ остальномъ между ними нѣтъ никакой разницы. Мандинго, исповѣдающіе исламъ, обрѣзаютъ своихъ дѣтей обоего пола между 14—16 лѣтъ, и при этомъ устраиваютъ торжество, довольно циничное и скандальное въ частностяхъ. Новообрѣзанные живутъ отдѣльно въ продолженіи четырнадцати дней, и въ это время носятъ одежду, существенно отличную отъ другихъ, а именно: голубое одѣяніе, доходящее до ногъ; сверху на правомъ плечѣ прикрѣпленъ полосатый плащъ, бѣлый съ голубымъ. Дополненіемъ къ этому наряду служатъ обручи, шапка, всякаго рода талисманы и длинное копье (Globus, Bd. XLIII, s. 179). Мандинго, какъ и всѣ прочіе жители Сенегамбіи, считаютъ бѣлаго человѣка существомъ высшей расы, которое пользуется милостью боговъ. По ихъ понятіямъ, онъ всемогущъ, и отсюда вѣра въ его врачебное искусство, къ которому они прибѣгаютъ съ особеннымъ усердіемъ. Значительная часть медицинской практики французскаго изслѣдователя Поля Солелльє состояла изъ чернокожихъ дамъ, которыя не краснѣя требовали отъ него возбуждающихъ средствъ для своихъ мужей. Семейное начало мало развито. Женихъ не особенно разборчивъ при выборѣ невѣсты, и всѣ дѣти равноправны. Мандинго обыкновенно покупаетъ себѣ отъ двухъ до четырехъ женъ, цѣна которыхъ среднимъ числомъ доходитъ до 50 — 60 марокъ, но жена не играетъ роли невольницы и вьючнаго животнаго, какъ у многихъ другихъ чернокожихъ. У каждой жены своя хижина, въ которой отведено помѣщеніе для храненія запасовъ. Женщины исполняютъ свою работу на дворѣ, окруженныя домашними животными, смѣются, шутятъ и болтаютъ. Мужчины носятъ бѣлую или голубую „бубу“, т. е. большую блузу, доходящую до ногъ (обычная одежда въ Сенегамбіи), и такого же цвѣта остроконечную шапку; многіе носятъ также короткіе турецкіе штаны и сандаліи. Одни только марабуты (духовные) щеголяютъ въ красныхъ шапкахъ. Мужчины должны всегда имѣть при себѣ короткую саблю, которая виситъ на лѣвомъ бедрѣ и спрятана въ кожанныхъ ножнахъ. Другую неизбѣжную принадлежность туалета составляетъ небольшой кожаный кошелекъ съ талисманомъ, который большей частью состоитъ изъ свертка бумаги съ стихами Корана (Globus, Bd. XXV, s. 325). Женщины ходятъ почти нагія и только опоясываютъ себѣ бедра узкой полосой ткани; но при этомъ носятъ огромное количество всякихъ украшеній, съ которыми онѣ никогда не разстаются, какъ мужчины съ оружіемъ. Нарушеніе супружеской вѣрности не составляетъ рѣдкости. Если соблазнитель пойманъ на мѣстѣ преступленія, то его наказываютъ палочными ударами, а затѣмъ продаютъ въ рабство со всей его семьей въ пользу обманутаго мужа. Невѣрная жена не подвергается наказанію, — и даже наоборотъ сами мужья подчасъ подсылаютъ своихъ женъ къ иностраннымъ купцамъ, чтобы имѣть законное право обобрать ихъ. Какъ только умретъ мандинго, является „альмами“, чтобы читать молитвы надъ покойникомъ, послѣ чего трупъ наряжаютъ въ лучшее платье и зарываютъ въ землю на 30 — 40 сант. Если умретъ мужчина, то восемь дней спустя справляютъ поминки; женщину удостоиваютъ этой чести только въ томъ случаѣ, когда ей не меньше сорока лѣтъ.

*

Базунка, габумка и воiунка не исповѣдуютъ ислама и только этимъ отличаются отъ мандинго. Они такiе же воры и сверхъ того пьяницы (Marche, Trois voyages dans l'Afrique occidentale, p. 68—70). Цвѣтъ кожи у этихъ народовъ оливково-коричневый и менѣе блестящiй, нежели у волофовъ, но совершенно одинаковый на всемъ тѣлѣ. Они высокаго роста и стройнаго тѣлосложенiя; мышечная система хорошо развита, хотя нижнiя конечности слабѣе, нежели у бѣлыхъ. Лицо правильной овальной формы, но съ суровымъ выраженiемъ и немного скошеннымъ лбомъ, широкимъ приплюснутымъ носомъ, большими челюстями и очень ясно обозначеннымъ прогнатизмомъ. Здѣсь часто встрѣчаются уродливости въ видѣ зоба, мясистыхъ наростовъ, кривыхъ ногъ и нарывовъ (Globus, Bd. I s. 22). Часть метисовъ происшедшихъ отъ скрещиванiя мандинго съ фулахами, серехуле съ волофами, вошла въ составъ окружающаго населенiя, тогда какъ изъ нѣкоторыхъ, напр. дьялонке, вѣроятно, составится со временемъ отдѣльное племя (Béranger-Feraud. Les peuplades de la Sénégambie, p. 202). Эти дьялонке произошли отъ скрещиванiя мандинго, серехуле, фулаховъ и бамбарра, и смотря по тому большее или меньшее количество крови того или другого народа течетъ въ ихъ жилахъ извѣстный типъ является преобладающимъ въ наибольшей массѣ субъектовъ. Они живутъ въ горахъ Верхней Сенегамбiи и образуютъ значительную часть населенiя въ Фута-Джалонъ, Куронiа, Балага, Фирiя, Сангера, Сулимана и Буре.

Кромѣ вышеупомянутыхъ „веи" мы должны познакомиться еще съ слѣдующими родичами мандинго, а именно зузу или зозо отъ Рiо Нунеца до Скарсiа внутри материка, которыхъ мы очень рано встрѣчаемъ на исторической почвѣ западной Африки, и затѣмъ съ народомъ бамбарра.

Что касается зузу, нарѣчiе которыхъ является господствующимъ у Рiо Нунецъ, то они представляютъ собой прекрасную породу людей, и хотя ниже ростомъ нежели волофы и болѣе приземисты, но хорошо сложены и большей частью отличаются физической силой. Они живутъ въ болѣе или менѣе значительныхъ деревняхъ, которыя находятся подъ властью почти независимыхъ вождей и не имѣютъ между собой другой связи, кромѣ общей ненависти къ фулахамъ. Поэтому они неохотно принимаютъ исламъ (Béranger-Feraud, a. a. o. p. 329), а тамъ, гдѣ это случается, они во многомъ придерживаются прежняго фетишизма, что, замѣтимъ кстати, составляетъ обычное явленiе у всѣхъ негритянскихъ народовъ, обращенныхъ въ магометанство. Они воздѣлываютъ ямсъ, земляные орѣхи, маисъ и т. п., добываютъ соль, которую продаютъ мандинго и получаютъ отъ послѣднихъ золото, слоновую кость и воскъ. Эти продукты они обмѣниваютъ на англiйскiе мануфактурные товары, которые служатъ имъ для покупки рабовъ. Они владѣютъ послѣдними въ большомъ количествѣ, и кто имѣетъ нѣсколько сотъ невольниковъ считается принцемъ (Globus, Bd. XXV s. 224). Зузу внутри материка, повидимому, находятся еще въ крайней степени дикости, между тѣмъ какъ живущiе по близости европейскихъ факторiй, благодаря влiянiю англичанъ, привыкли къ полуевропейской

одеждѣ. Они часто скрещиваются съ налу и ладума и очень склонны къ пьянству.

Бамбарра представляютъ собой одно изъ самыхъ многочисленныхъ и могущественныхъ племенъ манде въ южной Сенегамбіи, между 20—15° с. ш.; они занимаютъ страну Сегу у верхняго Нигера и область Каарта на лѣвомъ берегу рѣки того же имени; ихъ насчитываютъ до 2 милліоновъ, изъ которыхъ 2 трети рабы. Благодаря скрещиванію съ серехуле, мандинго и фулахами встрѣчаются частыя уклоненія отъ первоначальнаго типа, а именно мандинго. Вообще бамбарра болѣе неуклюжаго, приземистаго и крѣпкаго тѣлосложенія, съ значительной мышечной силой въ рукахъ, скошеннымъ лбомъ, приплюснутымъ носомъ, вздернутыми широкими ноздрями, толстыми черными и вздутыми губами и отступающимъ назадъ подбородкомъ при сильномъ прогнатизмѣ. Кожа темно-черная, волоса рунообразные и растительность ихъ на тѣлѣ обильнѣе, нежели у остальныхъ негровъ Сенегамбіи. По обѣимъ сторонамъ лица отъ висковъ до угловъ рта у бамбарра замѣтны шрамы, вслѣдствіе надрѣзовъ, сдѣланныхъ въ дѣтствѣ. Въ умственномъ отношеніи ихъ находятъ менѣе способными нежели мандинго; по языку они не особенно отличаются отъ своихъ племенныхъ родичей, хотя ихъ нарѣчіе стоитъ ниже относительно выработки. Бамбарра или **бамана**, какъ они себя называютъ, храбрый, воинственный народъ, не смотря на свою неповоротливость, лѣнь и тупоуміе, и при этомъ отличаются веселіемъ и добродушіемъ. Хотя они занимаются земледѣліемъ и торговлей, но большей частью бѣдны, вслѣдствіе недостатка дѣятельности и энергіи, и преимущественно вслѣдствіе того, что торговля находится въ рукахъ арабовъ, которые встрѣчаются во множествѣ во всѣхъ негритянскихъ городахъ.

Главный источникъ богатства бамбарра заключается въ золотѣ, добываемомъ на мѣстѣ; они обмѣниваютъ его на предметы первой необходимости. Кромѣ того они торгуютъ тканями, которыя изготовляются женщинами въ значительномъ количествѣ и цѣнятся за прочность и прекрасный синій цвѣтъ. У нихъ также въ ходу производство золотыхъ и желѣзныхъ издѣлій. Бамбарра живутъ въ селеніяхъ, устроенныхъ на подобіе городовъ; дома ихъ одноэтажные, безъ оконъ на улицу, такъ что свѣтъ получается со двора; соломенныя хижины составляютъ рѣдкость. Бамбарра также имѣютъ историческое прошлое, главные моменты котораго — споры князей о престолонаслѣдіи. Сначала бамбарра противились исламу; но впослѣдствіи онъ былъ принятъ большинствомъ. Ихъ дворянство называется „курбари"; въ составъ его входитъ аристократическая отрасль „мазази", представители которой могутъ одни быть удостоены королевскаго сана въ томъ случаѣ, если изсякло потомство брата умершаго короля. Власть королей неограниченная. Они женятся только на иноземныхъ принцессахъ или на женахъ военноплѣнныхъ, а также свободныхъ туземцевъ, кромѣ рабовъ. Мазази пользуются большими преимуществами; они избавлены отъ смертной казни наравнѣ съ кастой кузнецовъ; но для послѣдней существуютъ исключенія. Вообще бамбарра хорошо обходятся съ плѣнными, кромѣ ненавистныхъ для нихъ мавровъ. Знатные плѣнные имѣютъ даже большое вліяніе въ совѣтѣ короля, а главнѣйшему изъ нихъ поручается начальство надъ войскомъ. Лица взятыя въ плѣнъ съ дѣтства и ихъ потомки носятъ названіе „sofa"; они образуютъ классъ землевладѣльцевъ и отборную лейбъ-гвардію, которая при штурмахъ укрѣпленій занимаетъ почетные посты, между тѣмъ какъ одни бамбарра участвуютъ въ битвѣ. Домашніе рабы большею частью поставлены въ хорошія условія; но рабство является здѣсь въ различныхъ формахъ, равно и полигамія. Жена находится въ полной зависимости отъ мужа. Одежда у обоихъ половъ состоитъ изъ „бубу" (родъ блузы), панталонъ, которыя доходятъ до колѣнъ и прикрѣплены къ поясу, сандалій, туфлей и сапоговъ, а затѣмъ соломенной шляпы или

красной шапки. Всѣ свободные люди носятъ кинжалъ на кожаномъ поясѣ. Женщины прикрываютъ тѣло платкомъ, другой накидываютъ на плечи и украшаютъ себя стеклянными и янтарными бусами. Главнымъ оружіемъ бамбарра служитъ длинный лукъ. Весьма немногіе умѣютъ писать; но у нихъ есть національный эпосъ и легенды.

Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что спиртные напитки играютъ весьма важную роль въ жизни мѣстнаго населенія отъ Сенегала до Нигера. Если негръ пьетъ вино, пиво или водку, то онъ легко подчиняется европейцу и врагъ магометанъ, точно также какъ непьющій негръ наоборотъ считаетъ себя приверженцемъ пророка, хотя онъ никогда не слыхалъ никакихъ подробностей о Могаметѣ. Подчасъ на пьяницу, послѣ сильной попойки, нападаетъ съ похмѣлья раскаяніе; тогда онъ выбриваетъ себѣ голову, кромѣ небольшаго пучка волосъ, считаетъ себя „tub", т. е. обращеннымъ и присоединяется къ общей молитвѣ, совершаемой могометанами. Пьющій негръ носитъ наоборотъ длинные волосы, и если онъ вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ долженъ пожертвовать ими бритвѣ, т. е. вѣрнѣе сказать осколку стекла или раковинѣ, употребляемой для подобной операціи, то онъ оставляетъ кружокъ волосъ вокругъ головы, чтобы его не приняли за „tub". Поэтому можно издали почти безошибочно отличить не пьющаго („sering") отъ пьющаго („tjedo") или собственно магометанина отъ язычниковъ и христіанъ (послѣдніе составляютъ рѣдкость). Оба, т. е. пьющій и непьющій негръ взаимно ненавидятъ и презираютъ другъ друга, между тѣмъ, какъ отдѣльныя племена напр. діоба и саррары доходятъ до того, что застрѣливаютъ каждаго магометанина, если могутъ незамѣтно прицѣлиться въ него. Съ другой стороны, если вы спросите магометанина, что дѣлать съ пьющими людьми, то онъ въ отвѣтъ проведетъ рукой по горлу; и дѣйствительно въ магометанскихъ государствахъ тотчасъ же обезглавливаютъ человѣка, обвиненнаго въ пьянствѣ, хотя бы онъ пилъ только „dolo" т. е. родъ пива, изготовляемаго изъ проса. Достойно замѣчанія, что жители Кайора, сообразно поговоркѣ „il y a des accommodements avec le ciel", вознаграждали себя за вынужденное воздержаніе тѣмъ, что пили одеколонъ въ невѣроятномъ количествѣ!..

Чернокожіе Сенегамбіи представляютъ въ себѣ много ребяческаго: у нихъ всѣ недостатки свойственные дѣтскому возрасту, которые современемъ обращаются въ пороки, но при этомъ они не лишены нѣкоторыхъ хорошихъ качествъ. У негра нѣтъ никакого понятія о томъ, что мы называемъ чувствомъ собственнаго достоинства, хотя онъ довольно самолюбивъ. У него не можетъ быть никакой признательности за оказанныя благодѣянія, потому что они радуютъ его только въ первую минуту, но потомъ онъ забываетъ о нихъ, какъ ребенокъ о подаренной игрушкѣ. Онъ никогда не думаетъ о будущемъ, и все что пріобрѣтаетъ тратитъ на водку и наряды. Пока у него есть деньги, онъ откажется отъ самой прибыльной работы, но два дня спустя исполняетъ ту же работу за бездѣлицу. Онъ добродушенъ и охотно дѣлится съ бѣднякомъ всѣмъ, что имѣетъ; но эта щедрость относится только къ людямъ одного

цвѣта кожи съ нимъ и происходитъ собственно отъ недостатка предусмотрительности; завтрашній день не заботитъ его. Онъ лжетъ, воруетъ и преимущественно руководится въ этомъ своей фантазіей; прежде всего его можно упрекнуть въ томъ, что онъ вѣроломенъ и не держитъ даннаго слова. Поэтому нельзя никогда положиться на заключенное съ нимъ условіе; онъ только тогда исполняетъ принятое на себя обязательство, когда къ этому его побуждаетъ страхъ или корыстолюбіе (Globus, Bd. XXIII, s. 135).

ФУЛАХИ ИЛИ ФУЛЬБЕ.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы дошли до земель, лежащихъ внутри материка, которыя принадлежатъ къ бассейну рѣки Нигера. Здѣсь мы встрѣчаемъ загадочное народное племя, распространившее свои завоеванія далеко вглубь страны, о которомъ считаемъ необходимымъ сообщить нѣкоторыя подробности при дальнѣйшемъ описаніи суданскихъ негровъ, потому что иначе многое останется несовсѣмъ яснымъ для нашихъ читателей. Это народное племя уже не разъ упомянутое нами фулахи или фульбе (един. пуло), которыхъ французы называютъ „peuls“. Слово фулахъ повидимому заимствовано изъ языка мандинго и есть ничто иное, какъ искаженное туземное выраженіе. Pul означаетъ „свѣтлокоричневый, красный“ и примѣняется въ противоположность w-olof, y-olof „чернокожій“ для отличія отъ сосѣднихъ негритянскихъ племенъ. Изъ этой формы образуется един. pulo, множ. pul-be. Прозвище феллани, которымъ также обозначаютъ фулаховъ принята у гауза, феллата у канури. Какъ видно изъ туземнаго названія даннаго этому народу, фулахи сознаютъ свое отличіе отъ негровъ; по свидѣтельству путешественниковъ они смотрятъ на послѣднихъ свысока, какъ на людей, рожденныхъ для рабства, и относительно ихъ ставятъ себя на одну доску съ европейцами.

Фулахи занимаютъ область, которая простирается на западѣ отъ Сенегала до Дарфура и отъ Тимбукту и Гауза на сѣверѣ до Сулимана, Вассуло, земель Іоруба и Адамауа на югѣ. Во всѣхъ этихъ земляхъ они не составляютъ единственнаго населенія, а распространены только въ видѣ пришлаго элемента и даже во многихъ пунктахъ болѣе или менѣе слились съ мѣстнымъ населеніемъ. Они всего многочисленнѣе на западѣ въ Фута, Торо, Бонду и Фута Джаллонъ, куда они явились, также какъ и на югѣ, въ качествѣ завоевателей и распространителей ислама. Они укрѣпились въ землѣ волофовъ и под-

чинили своему вліянію береговые народы до Нунеца. Имъ принадлежатъ единичные укрѣпленные пункты къ востоку отъ Сіерра-Леоне, а именно въ Сулимана и Куранко. Кромѣ того мы находимъ еще фулаховъ въ такъ наз. Фуладу, гдѣ они довольно многочисленны. Въ государствѣ Массина къ югу отъ Тимбукту они составляютъ господствующій народъ, такъ что даже Тимбукту съ 1826 года безпрестанно подвергается ихъ нападеніямъ. Государство Сакату (Сокото) въ землѣ Гауза и Гандо обязано своимъ существованіемъ фулахамъ (съ начала XIX столѣтія). Это государство обнимаетъ собой всю страну Гауза, Рано и Зегзегъ совмѣстно съ землями до Бенуэ, а также Фумбина и Адамауа. Кромѣ того ему подчинены земли Іоруба и Бургу.

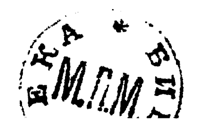
Далѣе къ востоку мы находимъ фулаховъ въ Борну, Мандара, Логоне, въ Багирми, Вадаи и Дарфурѣ, гдѣ они повсемѣстно занимаютъ видное положеніе или стремятся достигнуть его (Fried. Müller, Allgemeine Ethnographie, s. 478—479).

Теперь мы постараемся уяснить себѣ, что собственно представляетъ собой этотъ народъ, который именемъ Корана, вѣроятно, покоритъ своей власти всю центральную Африку. Судя по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, фулахи пришли изъ западнаго Судана отъ Сенегала и распространились по восточному Судану, гдѣ основали большія государства Массина, Гандо, Сокото и Адамауа; но, по мнѣнію д-ра Генриха Барта, ихъ первоначальной родиной слѣдуетъ считать востокъ, а не Сенегалъ. Этотъ изслѣдователь приводитъ цѣлый рядъ историческихъ доказательствъ въ пользу того, что фулахи еще въ семнадцатомъ столѣтіи нашего счисленія, или по крайней мѣрѣ часть ихъ составляли осѣдлое населеніе южныхъ оазисовъ Марокко и Туата. Что касается ихъ языка, то онъ не только представляетъ очевидное сродство съ волофомъ, но и съ каджаго, языкомъ прежняго обширнаго государства Ганата; вслѣдствіе чего д-ръ Бартъ высказываетъ предположеніе, что фулахи могли быть свѣтлокожимъ господствующимъ населеніемъ Ганата. Но Бартъ ошибочно принялъ за фулаховъ метисовъ Туата, происшедшихъ отъ скрещиванія арабовъ или берберовъ и негровъ, какъ это доказалъ Герардъ Рольфсъ (Quer durch Afrika, Bd. II, s. 132); равнымъ образомъ туземцы Ганата были не фулахи, а чернокожіе сонинке. Генералъ Файдгербъ, несомнѣнно первый авторитетъ въ этомъ вопросѣ, полагаетъ, что фулахи вышли изъ восточной Африки, земель Нила или даже быть можетъ изъ западнаго Судана, откуда заимствованъ ими одногорбый зебу и замѣчательный видъ овецъ, которыя не встрѣчаются въ этой части Африки (Petermanns Geogr. Mitheil. 1866, s. 442). Но такъ какъ сами фулахи не имѣютъ никакихъ историческихъ документовъ и свѣдѣнія, сообщаемыя другими африканскими народами относительно ихъ происхожденія, первоначальной родины и лингвистическаго сродства, не представляютъ ничего положительнаго, то этотъ вопросъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ. По мнѣнію Рольфса, только болѣе точное сравнительное изученіе ихъ богатаго, звучнаго и гибкаго языка фульфульде можетъ навести на слѣдъ ихъ сродства съ другими расами. Въ послѣднее время такое изслѣдованіе было предпринято генераломъ Файдгербъ (Essai sur la langue Poul. Paris 1875) и въ результатѣ оказалось, что языкъ фульфульде не имѣетъ ничего общаго съ семитическимъ языкомъ, хотя изъ арабскаго заимствовано множество выраженій, относящихся къ религіи, праву, а равно и календарю. Въ основныхъ чертахъ фульфульде представляетъ сходство съ негритянскими

нарѣчіями и всего больше съ волофомъ, а именно относительно счисленія и цифръ. Его несомнѣнно слѣдуетъ причислить къ приставочнымъ языкамъ, хотя здѣсь мы встрѣчаемъ ту особенность, что нерѣдко при переходѣ существительнаго въ множественное число измѣняется не только начало слова, но и относящееся сюда прилагательное. Вмѣсто „pul-o“ говорятъ ful-be, когда это слово употребляется въ смыслѣ „людей“; если же оно означаетъ какой либо другой предметъ, то утрачиваетъ суффиксъ *o* между тѣмъ какъ начало слова *p* остается неизмѣннымъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ *f* переходитъ во множественномъ числѣ въ *p*. При такомъ лингвистическомъ сходствѣ можно прямо отнести фулаховъ къ неграмъ, какъ это видно изъ четвертаго изданія „Völkerkunde“ (этнологіи) Пешеля, гдѣ этотъ извѣстный ученый говоритъ съ нѣкоторымъ озлобленіемъ противъ стремленія выдѣлить фулаховъ изъ негритянской расы. Но мнѣніе Пешеля относительно этого сомнительнаго вопроса опровергается другими доводами, и мы должны согласиться со взглядомъ профессора Кирхгофа, который при пятомъ изданіи упомянутаго сочиненія нашелъ нужнымъ предпослать замѣчаніе, что „до сихъ поръ не выяснено къ какой собственно расѣ принадлежали фулахи до своего вторженія въ негритянскую землю“ (Peschels Völkerkunde, s. 476).

Хотя мы не имѣемъ возможности опредѣлить въ точности первоначальное происхожденіе фулаховъ, но всѣ антропологическіе и другіе данные говорятъ въ пользу того, что они не принадлежатъ къ негритянской расѣ. Они довольно худощаваго тѣлосложенія, съ мало развитой грудной полостью, неширокими плечами, тонкими руками, едва замѣтными икрами и красивыми конечностями рукъ и ногъ. Вездѣ, гдѣ фулахи не скрещивались съ другими народами, у нихъ желтый матово-бронзовый цвѣтъ кожи, пропорціональное тѣлосложеніе и строеніе лица безусловно сходное съ кавказскимъ типомъ. Такъ, напр., у нихъ довольно низкій лобъ, широкій, но не приплюснутый носъ, тонкія невздутыя губы, нормальныя скуловыя кости, выразительные черные глаза; при этомъ густая борода и длинные, хотя курчавые, волосы блестящаго чернаго цвѣта (Rohlfs a. a. O.). Еще Мунго Паркъ, который видѣлъ фулаховъ на западѣ, говоритъ что у нихъ свѣтлый цвѣтъ кожи и шелковистые, блестящіе волосы. Равнымъ образомъ, по словамъ Беранже-Феро, у фулаховъ Сенегамбіи почти европейскій складъ лица, прямые или вьющіеся волосы, нерѣдко почти бѣлый цвѣтъ лица съ легкимъ бронзоватымъ отливомъ и кожа безъ малѣйшаго негритянскаго запаха (Béranger-Feraud, Les peuplades de la Sénegambie, s. 131—133).

Рольфсъ встрѣтилъ между фулахами въ средней полосѣ государства Сокото (слѣдовательно далеко вглубь материка), нѣсколькихъ субъектовъ съ желтымъ и даже почти бѣлымъ цвѣтомъ кожи и „европейскимъ типомъ лица“; только волосы были курчавые, глянцевитые и черные какъ смоль. Онъ не разъ упоминаетъ въ своемъ путешествіи, что фулахскія дѣвушки по правильности чертъ лица, красивому тѣлосложенію и золотисто-бронзовому цвѣту кожи поразительно отличаются отъ некрасивыхъ гауза и другихъ негритянокъ.



Разумѣется ихъ красота продолжается весьма недолго; въ 25 лѣтъ онѣ становятся старухами и утрачиваютъ всякую прелесть; д-ръ Бартъ сдѣлалъ наблюденіе, что даже въ 20 лѣтъ у нихъ сглаживаются кавказскія черты лица и является нѣчто, напоминающее обезьянъ. Тѣмъ не менѣе фулахи далеко превосходятъ красотой остальныхъ обитателей центральной Африки. По отзывамъ всѣхъ путешественниковъ у нихъ красиво очерченный, слегка загнутый носъ и тонкія губы; и если подобныя особенности между прочимъ встрѣчаются у чистокровныхъ негровъ и настолько видоизмѣняются, что ихъ нельзя считать расовымъ отличіемъ, то во всякомъ случаѣ наибольшая сумма этихъ явленій въ наружности фулаховъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ негровъ. Д-ръ Густавъ Нахтигаль настойчиво увѣрялъ меня, что съ перваго взгляда замѣтна существенная разница между этими двумя народами, такъ что невозможно причислить ихъ къ одной семьѣ, какъ это дѣлаетъ, между прочимъ, Робертъ Гартманъ. Даже послѣдній считаетъ возможнымъ, что фулахи „совмѣстно съ берабра, бедша, а также монбутту принадлежатъ къ отдѣльной нубійско-берберской семьѣ" (R. Hartmann, Die Völker Afrikas. Leipzig 1879, s. 39), но онъ не разъ упоминаетъ при этомъ, что берберы вовсе не представляютъ такого рѣзкаго различія съ чистокровными неграми.

Между тѣмъ у фулаховъ, какъ и у негровъ, встрѣчаются значительныя уклоненія въ физическомъ отношеніи. По отзывамъ всѣхъ путешественниковъ двѣ черты характера фулаховъ составляютъ полную противоположность съ неграми: во-первыхъ, ихъ уваженіе къ труду, которое выражается въ томъ усердіи, съ какимъ они занимаются скотоводствомъ, земледѣліемъ и отдѣльными ремеслами; и во-вторыхъ, въ глубокой религіозности, обратившей ихъ въ фанатическихъ приверженцевъ и распространителей ислама. Эти двѣ черты во всякомъ случаѣ могутъ служить доказательствомъ довольно значительнаго и самобытнаго развитія умственныхъ силъ у фулаховъ, точно также какъ вліяніе и могущество пріобрѣтенныя ими въ негритянскихъ земляхъ приводятъ къ заключенію, что они далеко превосходятъ негровъ по своимъ дарованіямъ. Кромѣ того фулахи сравнительно съ неграми славятся своей замѣчательной честностью. Такъ напр. Г. Рольфсъ (Ergänzungsheft zu Petermann's geographischen Mittheil. XXXIV, s. 45) сообщаетъ о необычайномъ уваженіи къ чужой собственности, какая господствуетъ въ фулахскихъ государствахъ, а именно собственность путешественниковъ считается неприкосновенной, чего нѣтъ въ негритянскихъ земляхъ. Затѣмъ фулахи превосходятъ негровъ чувствомъ собственнаго достоинства, выдержкой, художественнымъ вкусомъ и выносливостью въ трудѣ, хотя обыкновенно уступаютъ послѣднимъ въ добродушіи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что между фулахами и неграми въ физическомъ и психологическомъ отношеніи существуютъ основныя

различія, которыя не могутъ быть удовлетворительно объяснены многочисленными племенными уклоненіями, какія, повидимому, господствуютъ у негритянскихъ народовъ. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что распространеніе фулаховъ въ негритянскихъ земляхъ не осталось безъ вліянія для нихъ, а равно и для негритянскихъ народовъ. Во многихъ мѣстностяхъ ихъ типъ издавна утратилъ свою первоначальную чистоту, вслѣдствіе скрещиванія съ негритянками, какъ это случилось собственно на западѣ. Въ числѣ смѣшанныхъ народовъ, происшедшихъ отъ скрещиванія фулаховъ съ неграми указываютъ на тукулёровъ (или tukulör) въ Фута Торо, на упомянутыхъ выше дьялонке въ Фута Джаллонъ, зизильбе или зилибава, джавамба и соромава въ земляхъ Мандинго и Гауза. Эти метисы отличаются широкимъ, плоскимъ носомъ, вздутыми губами и болѣе курчавыми волосами; сверхъ того цвѣтъ ихъ кожи гораздо темнѣе и тѣлосложеніе менѣе стройное, такъ что по наружнымъ признакамъ они весьма близки къ негритянской расѣ. Равнымъ образомъ Герардъ Рольфсъ утверждаетъ, что фулахи вслѣдствіе усиленнаго скрещиванія съ чернокожими все болѣе и болѣе утрачиваютъ въ физическомъ отношеніи отличительные признаки своей расы, такъ что по всѣмъ даннымъ черезъ три-четыре поколѣнія они совсѣмъ сливаются съ негритянской расой. Особенно заслуживаетъ вниманія тотъ физіологическій фактъ, который совершился въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда фулахи, въ то время еще дикій, кочевой народъ, водворились въ качествѣ побѣдителей въ Фута Торо, на берегахъ Сенегамбіи. До скрещиванія съ другими народами они повидимому не обладали необходимыми качествами для основанія большихъ политическихъ общинъ. Но, покоривъ волофовъ и мандинго, они смѣшались съ ними, и эти новые элементы дали образовавшейся расѣ метисовъ-тукулеровъ практическій смыслъ, способность къ извѣстной дисциплинѣ, болѣе значительную мышечную силу и любовь къ земледѣлію, которому они, вѣроятно, научились у чернокожихъ, хотя тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ работахъ, они скоро превзошли своихъ учителей. Поэтому въ восемнадцатомъ столѣтіи, когда исламъ возбудилъ въ тукулерахъ энергію и религіозное рвеніе къ завоеваніямъ, они оказались способными къ основанію большихъ государствъ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи при новомъ Абд-эль-Кадерѣ Фута Торо религіозная аристократія тукулеровъ „тородо“ образовала аристократическую державу, которая покорила своей власти весь бассейнъ Сенегала. Легкость, съ какой они могли получать оружіе и огнестрѣльные запасы изъ сосѣднихъ французскихъ факторій, давала имъ большое преимущество надъ чернокожими племенами центральной Африки, такъ что съ этого времени они могли играть видную роль въ этой части материка. Такъ, въ концѣ восемнадцатаго столѣтія марабутъ Отманъ-данъ-Фодіе, также уроженецъ Футы, основалъ на развалинахъ Гауза изъ близъ лежащихъ земель, между Нигеромъ и озеромъ Чадъ,

значительное такъ наз. восточное фулахское государство. Между тѣмъ въ западномъ фулахскомъ государствѣ послѣ смерти Абд-эль-Кадера, въ 1770 году, марабуты до новѣйшаго времени почти ничѣмъ не заявляли о своемъ существованіи. Они довольствовались тѣмъ, что ихъ воинственные адепты вездѣ основывали могущественныя государства, какъ, напр., только что упомянутое, Гауза, Массина у Нигера между Сегу и Тимбукту, Фута Джаллонъ, владѣющее берегомъ Казаманца и Сіерра-Леоне, которыя платили за нихъ дань французамъ. Сами марабуты пока ограничивались тѣмъ, что ежегодно затѣвали ссоры съ губернаторами Сенегала; но въ 1854 году, въ нихъ опять проснулся фанатизмъ и побудилъ ихъ къ новымъ грандіознымъ предпріятіямъ. Эль-Гадшъ-Омаръ, „тородо" изъ мѣстности Подоръ, началъ проповѣдывать священную войну, но изгнанный французскимъ оружіемъ изъ судоходной части Сенегала, положилъ основаніе новому такъ наз. западному фулахскому государству у верхняго Сенегала. Въ 1862 году Эль-Гадшъ-Омаръ покорилъ пространство земли въ 1.640,000 кв. км. и послѣ завоеванія Массина распространилъ свою власть до Тимбукту. Въ этой части Судана и, главнымъ образомъ изъ остатковъ двухъ послѣднихъ языческихъ государствъ, онъ основалъ новое государство, а именно въ Каарта, на правомъ берегу верхняго Сенегала и въ Сегу у верхняго Нигера. Вышеупомянутыя языческія государства принадлежали бамбарра, представляли собою могущественныя грозныя монархіи съ неограниченнымъ деспотическимъ правленіемъ и постояннымъ войскомъ, состоящимъ исключительно изъ рабовъ. Этимъ объясняется, почему оба государства къ удивленію народовъ, привыкшихъ трепетать передъ ними, были уничтожены приверженцами ислама, который даетъ правовѣрнымъ защиту и равенство передъ закономъ. Въ Каартѣ господствовали несогласія въ самомъ народѣ, и поэтому Гадшъ-Омару было тѣмъ легче справиться съ нимъ. „Діавара", древнѣйшіе владѣльцы земли возстали противъ массаси, завоевателей бамбарра, которые въ предъидущемъ столѣтіи перешли изъ Сегу въ Каарту. Омаръ объявилъ войну обѣимъ партіямъ, съ одинаковою жестокостью истребилъ всѣхъ, кто оказывалъ ему сопротивленіе, обратилъ въ пустыню Каарту и всю землю Кассонъ. Здѣсь онъ особенно выказалъ свою свирѣпость относительно магометанскаго племени Уладъ Мбарекъ, которое не хотѣло признать святости воинственнаго грабителя. Отсюда Гадшъ-Омаръ, упоенный кровью, съ огромнымъ обозомъ добычи, хотѣлъ вернуться въ Сенегамбію, гдѣ Футу должна была сдѣлаться центромъ его новой державы. На его пути находился фортъ Медина, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ основанъ губернаторомъ Сенегала, Файдгербомъ, на разстояніи 1000—1150 км. отъ устья рѣки Сенегала. Въ то время какъ Омаръ опустошалъ огнемъ сосѣднія земли, многіе бѣглецы изъ Каарты и Кассона укрылись въ Мединѣ, чтобы искать защиты у бѣлыхъ людей. Они нашли себѣ вождя въ лицѣ Кассонке Самбала, который происходилъ изъ рода ихъ старыхъ королей и съ 6000 человѣкъ укрѣпился въ окопахъ подъ прикрытіемъ пушекъ Медины. Гадшъ-Омаръ понималъ, что ему необходимо овладѣть этимъ пунктомъ и какое огромное значеніе будетъ имѣть его побѣда надъ бѣлыми; поэтому онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы завоевать Медину, въ надеждѣ, что этимъ окончательно упрочитъ свою власть. Однако Файдгербу, съ помощью храбраго отряда, удалось въ рѣшительную минуту освободить блокированный фортъ изъ осады, продолжавшейся цѣлый мѣсяцъ и разсѣять непріятеля, который бѣжалъ по разнымъ направленіямъ. Гадшъ-Омаръ не могъ оправиться отъ этого удара; черезъ годъ бѣлые отняли у него укрѣпленіе Гему, воздвигнутое имъ противъ форта Бакель. Съ тѣхъ поръ о немъ не было никакихъ слуховъ, такъ что время его смерти въ точности неизвѣстно; по нѣкоторымъ даннымъ она постигла его въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Гамду-Аллахъ, столицѣ Массины, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Государство основанное Омаромъ перешло къ его сыновьямъ, изъ которыхъ

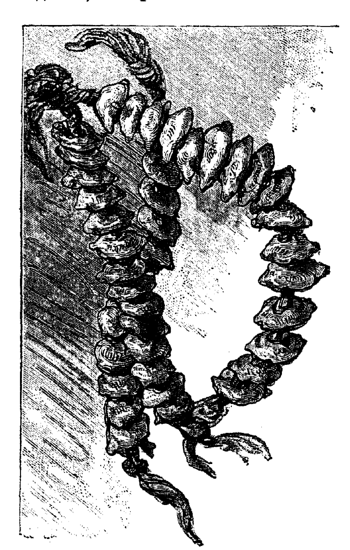
Ахмаду-эль-Мекки, король Сегу, наиболѣе извѣстный и могущественный. Онъ поручилъ своимъ братьямъ управлять государствами и землями, подвластными Сегу, такъ что по его милости Бассиру сдѣлался султаномъ Джіафуну, а Мультъ-Ага королемъ Кaарты. Мать Ахмаду — родная сестра короля Аліу, втораго преемника знаменитаго Отмана-Данъ-Фодіе, такъ что существуетъ близкое родство между властелинами двухъ фулахскихъ государствъ. Ахмаду одаренъ большой энергіей, что для него необходимо, потому что ему постоянно приходится подавлять возстанія и вести борьбу съ остатками старыхъ государствъ, разрушенныхъ его отцомъ. Поль Солеллье, посѣтившій Сегу въ 1878 г., говоритъ, что подданные Ахмаду вообще недовольны его правленіемъ; онъ удалилъ всѣхъ прежнихъ слугъ своего отца, не съумѣлъ пріобрѣсти приверженцевъ и окружилъ себя любимцами. Во всѣхъ предпринятыхъ имъ походахъ его преслѣдуетъ несчастіе; государство его дробится съ каждымъ годомъ, такъ что можно ожидать, что оно окончательно падетъ съ его смертью (Les voyages et decouvertes de Paul Soleillet dans le Sahara et dans le Soudan. Paris 1881, p. 178).

Титулы не существуютъ у западныхъ фулаховъ; даже вождей называютъ просто по имени; только марабуты (духовенство) составляютъ исключеніе и прибавляютъ къ своимъ именамъ не совсѣмъ скромное прилагательное: „cerno“ т. е. ученый. Даже братья вышеупомянутаго короля Ахмаду только отличаются отъ своихъ подданныхъ тѣмъ, что ихъ жилища защищены круглой стѣной, снабженной небольшой башней и бойницей. Ихъ дворцовые офицеры состоятъ изъ женщинъ, которыхъ выбираютъ весьма тщательно, потому что онѣ имѣютъ больше вліянія на ихъ величества, нежели законныя жены. Оба властелина, по словамъ Солеллье, предаются полнѣйшей лѣни, цѣлые дни лежатъ или сидятъ на корточкахъ, съ саблей на колѣняхъ и съ четками въ рукѣ. Маленькія дѣвочки числомъ отъ шести до десяти топчутъ ихъ ногами, щекочатъ, хлопаютъ по груди и спинѣ, между тѣмъ какъ сидящій около музыкантъ слегка наигрываетъ на гитарѣ. У этихъ вождей прекрасные лошади, тогда какъ ихъ подданные должны довольствоваться жалкими клячами. У фулаховъ довольно много стадъ овецъ, козъ и рогатаго скота, ихъ обыкновенно выгоняютъ на общинныя пастбища свободные люди или такъ наз. „діавандо“, которые вечеромъ снова пригоняютъ стада домой. Вьючнымъ скотомъ служатъ быки и ослы. Что же касается товаровъ, то они состоятъ исключительно изъ стеклянныхъ вещей, серебра, тканей и соли; все это вымѣнивается на золото и рабовъ. Въ видѣ денежныхъ знаковъ употребляются узкія полоски бумажной ткани, вѣроятно изготовляемой въ Манчестерѣ, какъ всѣ бумажныя матеріи, встрѣчаемыя въ торговлѣ отъ Тимбукту до Зансандинга. Въ Гвигне и Сегу счетъ производится съ помощью раковинъ ужовокъ. „Діавандо“ (пастухи), а также сапожники и кузнецы не могутъ быть обращены въ рабовъ. Улицы въ деревняхъ поражаютъ непривычнаго человѣка своей грязью.

Восточное фулахское государство, подобно западному Сегу, состоитъ изъ множества мелкихъ и болѣе значительныхъ государствъ, управ-

ляемыхъ султанами, которые всѣ подвластны султану Сокото. Вездѣ фулахи образуютъ сравнительно небольшую часть населенія; это своего рода могущественная аристократія, которая присвоила себѣ всѣ должности и извѣстную долю поземельной собственности, тогда какъ для туземнаго населенія единственнымъ источникомъ обогащенія служитъ торговля. Общая цифра фулаховъ доходитъ до 6—8 милліоновъ; но они не живутъ сплошной массой; такъ напр. вдоль средняго Нигера до Сая тянется узкая полоса разбросанныхъ селеній; но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населеніе гораздо гуще. Фулахскій языкъ господствуетъ въ центральной Африкѣ и болѣе или менѣе понятенъ для туземнаго населенія; онъ также распространенъ между метисами; но во многихъ мѣстностяхъ принятъ старый туземный языкъ, такъ напр. въ Тенда, гдѣ въ употребленіи мандинго. Фулахи, какъ упомянуто выше, всѣ магометане и имѣютъ школы, гдѣ ученики „талибе“ обучаются чтенію, письму, ариѳметикѣ, а также арабскому языку.

Главнымъ источникомъ пропитанія у западныхъ фулаховъ служитъ скотоводство, которымъ они занимаются съ такимъ усердіемъ и заботливостью, какое можно встрѣтить только у цивилизованныхъ народовъ; у восточныхъ фулаховъ главную роль играетъ земледѣліе; при этомъ они держатъ небольшое количество рогатаго скота; далѣе къ югу скотоводство совершенно прекращается. Фулахи имѣютъ нѣкоторое понятіе о молочномъ хозяйствѣ и подобно неграмъ изготовляютъ хорошее масло, но не дошли до производства сыра. Что касается земледѣлія, то они разводятъ рисъ, маисъ, просо, гвинейскую рожь, а равно и садовыя растенія, хлопокъ и овощи. Кромѣ того они держатъ лошадей, овецъ, козъ и ословъ. Въ мѣстахъ, удобныхъ для пастбищъ, фулахи искореняютъ низкій кустарникъ и срубаютъ каждое дерево. Они не употребляютъ другихъ земледѣльческихъ орудій, кромѣ первобытнаго заступа, удобреніемъ служитъ пепелъ травы и соломы. Мужчины воздѣлываютъ поля, ходятъ за стадами и ткутъ; женщины занимаются домашнимъ хозяйствомъ и пряжей. Нерѣдко оба пола принимаютъ одинаковое участіе въ работахъ, относящихся къ различнымъ производствамъ. Женщины толкутъ и перетираютъ въ муку зерновой хлѣбъ, мѣсятъ тѣсто и варятъ отваръ изъ смолистыхъ листьевъ адансоніи, приправляя его большимъ количествомъ перцу и имбиря,



Африканская мелкая монета. Пробуравленныя раковины изъ вида ужовокъ, нанизанныя на мочалку.

вмѣсто дорого стоющей соли. Онѣ также прядутъ хлопокъ, изготовляютъ веревки, но гончарное ремесло все-таки составляетъ ихъ главное занятіе. Мужчины ткутъ готовую пряжу; они располагаются съ своимъ ткацкимъ станкомъ группами по четыре-пяти человѣкъ среди улицы или на открытыхъ мѣстахъ; другіе лощатъ грубую ткань посредствомъ продолжительнаго хлопанья вальками; наконецъ иные сшиваютъ узкія полосы въ широкіе куски. Кромѣ того мужчины плетутъ циновки и корзины, выдѣлываютъ кожи, занимаются башмачнымъ и другими ремеслами (Rohlfs, Quer durch Afrika, Bd. II s. 162). Различная утварь фулаховъ: кувшины, посуда, циновки и пр. служатъ наглядньмъ доказательствомъ ихъ искусства и пониманія красокъ; Рольфсъ видѣлъ изящно сплетенныя циновки въ человѣческій ростъ, цѣною въ 4—5000 „каури", краски которыхъ были подобраны съ замѣчательнымъ вкусомъ. Деньгами служатъ небольшія одностворчатыя раковины ужовки „каури", которыя водятся въ Индійскомъ морѣ; ихъ привозятъ на берегъ въ видѣ корабельнаго груза, преимущественно изъ Дагоме; отсюда деньги эти проникаютъ въ Сегу, Тимбукту, Гауза и даже за предѣлы Сегу къ западу и сѣверу. Способъ, какимъ считаются эти раковины, представляетъ ничѣмъ не объяснимую особенность. Ихъ считаютъ десятками, что повидимому служитъ основаніемъ счета; между тѣмъ, вмѣсто обычнаго счисленія 10×10=100 здѣсь считаютъ, 8×10=100; вмѣсто 10×100=1,000; 10×1,000=1,000—8×10,000=100,000, такъ что 100 составитъ всего 80; 1,000—800; 10,000—8,000; 100,000 всего 64,000. Туземцы считаютъ и болѣе значительныя суммы не менѣе своеобразнымъ способомъ: они берутъ шестнадцать разъ по пяти раковинъ и складываютъ въ одну кучку, что по ихъ счету составляетъ сотню. Кромѣ раковинъ извѣстную денежную цѣнность представляютъ люди, взятые въ плѣнъ или рабы. Стоимость быка или лошади оцѣнивается по количеству людей или частей человѣческаго тѣла. Послѣднія разумѣется не выплачиваются in natura; за нихъ даютъ малолѣтняго или плохаго раба, стоимость котораго не достигаетъ ходячей цѣны 20,000 „каури"; подчасъ плата производится раковинами, одѣяломъ или нарядньмъ платьемъ наз. „loma". Красивый юноша, который можетъ дать хорошій „софа", т. е. 15-ти-лѣтній плѣнный воинъ представляетъ собою высшую денежную стоимость въ странѣ, которая подчасъ равняется двумъ обыкновеннымъ плѣннымъ. Въ этомъ отношеніи съ нимъ можетъ иногда поспорить красивая дѣвушка, одаренная всѣми физическими преимуществами, которая годится въ наложницы „tara" (Ausland 1867, s. 219). Положеніе рабовъ у фулаховъ вообще довольно сносное, потому что они ограждены отъ произвола своихъ господъ. Рабы идутъ въ походъ наравнѣ съ свободными людьми; въ случаѣ смерти господина, а также по поводу нѣкоторыхъ празднествъ ихъ отпускаютъ на волю.

По всѣмъ отзывамъ фулахи съ нравственной стороны заслуживаютъ полнѣйшаго уваженія. Они со всѣми одинаково привѣтливы. Гостепріимство не предписано обычаемъ, какъ у другихъ могаметанскихъ народовъ; но тѣмъ не менѣе оказывается фулахами въ широкихъ размѣрахъ; они всегда готовы услужить и помочь иностранцамъ, пекутся не только о старикахъ и больныхъ, но въ случаѣ голода, даже помогаютъ неграмъ. Несмотря на свою кротость, они не уступаютъ въ храбрости ни одному изъ африканскихъ народовъ. Оружіе ихъ состоитъ изъ копья „sagaie", щита, лука и стрѣлъ и короткаго охотничьяго ножа; въ настоящее время всего больше употребляется огнестрѣльное оружіе. Фулахи вообще отличаются замѣчательнымъ чувствомъ законности, вслѣдствіе чего мѣстное начальство обходится съ ними самымъ кроткимъ способомъ. Преступниковъ преимущественно наказываютъ денежной пеней. Изъ игръ заслуживаютъ вниманія такъ наз. „uri". Для этого употребляется продолговатая толстая доска съ 12—16 углубленіями; каждый играющій долженъ имѣть 24 камешка или такое же количество улитокъ, „каури", которыя перекла-

дываются изъ углубленія въ углубленіе. Если нѣтъ доски, то играютъ на землѣ, въ которой вырыто опредѣленное число ямокъ.

Мужчины носятъ бѣлую коленкоровую рубашку съ множествомъ складокъ, и съ длинными широкими рукавами; женщины обвиваютъ себѣ бедра кускомъ бумажной ткани, сшитой изъ нѣсколькихъ полосъ, такъ что верхняя часть туловища отъ половины живота совсѣмъ обнажена; юноши ничѣмъ не прикрываютъ своей наготы, кромѣ небольшаго узкаго передника. Многіе фулахи носятъ волосяныя накладки въ родѣ шиньоновъ и косы, которыя они прикрываютъ корзинообразными шляпами, украшенными перьями. Люди изъ болѣе достаточныхъ классовъ живутъ въ одноэтажныхъ каменныхъ домахъ, построенныхъ изъ кирпича собственнаго приготовленія высушеннаго на солнцѣ, съ плоской крышей и бѣлымъ каменнымъ поломъ. Эти дома состоятъ только изъ двухъ комнатъ; одна изъ нихъ служитъ кладовой, другая—для жилья и ночлега. Фулахи, спятъ на нарахъ покрытыхъ циновками; въ болѣе холодное время года употребляютъ шерстяныя одѣяла. Бѣднѣйшіе классы живутъ въ хижинахъ, стѣны которыхъ выложены изъ глины, а соломенная крыша по формѣ напоминаетъ улей. Однако несмотря на тонкія стѣны, эти жилища представляютъ надежную защиту отъ непогоды, благодаря прочной постройкѣ и хорошему матеріалу. Въ нихъ постоянно господствуетъ порядокъ и чистота. Фулахи обращаютъ больше вниманія на устройство и хорошее содержаніе дорогъ; города большей частью построены по одному образцу.

Фулахи хорошіе охотники; они убиваютъ львовъ, тигровъ и слоновъ, клыки которыхъ составляютъ предметъ торговли. Что касается мяса, то они коптятъ его и сушатъ.

НЕГРЫ СРЕДНЯГО СУДАНА.

Границей діалектовъ манде можно считать г. Дженне у Нигера, ниже Сегу, въ землѣ Массина. Далѣе къ востоку распространенъ языкъ, которому французскій путешественникъ Рене Каллье далъ названіе киссуръ. Негры киссуръ или н'киссуръ (изъ которыхъ приписываютъ самостоятельное значеніе племенамъ дириманъ, макара и джимбала) представляютъ собою красивую породу людей; ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать первобытными дикарями, потому что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сравнительно цивилизованнымъ народомъ. Негры кессуръ также магометане, но далеко не такіе фанатики, какъ фулахи, и едва ли не превосходятъ всѣхъ послѣдователей Корана по своей вѣротерпимости. На ряду съ мѣстнымъ говоромъ, вездѣ распространенъ арабскій языкъ. Киссуры весьма интеллигентны. Они преимущественно занимаются сельскимъ хозяйствомъ, воздѣлываніемъ маиса, проса и табака; но скотоводство въ довольно плохомъ состояніи. Обработка полей возложена на рабовъ, между тѣмъ какъ свободные люди занимаются торговлей и ремеслами; между ними есть порт-

ные, сапожники, кузнецы, каменьщики, носильщики и пр. Король или вождь живетъ просто и въ этомъ отношеніи мало отличается отъ своихъ подданныхъ; онъ не позволяетъ себѣ никакихъ особенныхъ расходовъ, не налагаетъ пошлинъ и налоговъ и довольствуется добровольными даяніями иноземныхъ купцовъ.

Всѣ киссуры пользуются извѣстнымъ достаткомъ. Рисъ составляетъ ихъ главную пищу; при этомъ почти ежедневно подается два раза свѣжее мясо; всѣ садятся вокругъ большаго блюда и берутъ кушанье пальцами. Женщинамъ дозволено ходить безъ вуаля; но онѣ не могутъ ѣсть за однимъ столомъ съ мужьями и сыновьями. Взрослыя дочери помогаютъ матерямъ въ домашнемъ хозяйствѣ, и особенно заботятся о чистотѣ бѣлья. Въ свободные часы онѣ прядутъ хлопокъ. Однако не смотря на извѣстную степень цивилизаціи, важнѣйшіе города киссуровъ: Дженне и Тимбукту имѣютъ видъ деревень. Улицы проложены неправильно, но достаточно широки для народа, который незнакомъ съ употребленіемъ экипажей; при этомъ ихъ содержатъ весьма опрятно и почти ежедневно метутъ. Города обнесены стѣнами, высота которыхъ доходитъ всего до 3—4 м. высоты, а толщина до 4—50 м. Дома одноэтажные и всегда снабжены террасой; окна обращены на дворъ, ни одно изъ нихъ не выходитъ на улицу. Всѣ комнаты длинныя и узкія. Каждый домъ снабженъ лѣстницей выходящей на террасу, но нигдѣ нѣтъ трубы для выхода дыма, такъ что нерѣдко можно видѣть рабовъ, которые готовятъ кушанье подъ открытымъ небомъ. Одежда походитъ на мавританскую. Мебели не существуетъ; всѣ сидятъ на землѣ, спятъ на циновкахъ или одѣялахъ, купленныхъ у мавровъ; вещи хранятся въ мѣшкахъ привѣшенныхъ къ потолку. Въ числѣ другихъ товаровъ, киссуры доставляютъ на рынки Дженне и Тимбукту глиняные сосуды собственнаго приготовленія, сушеную рыбу, слоновую кость и рабовъ и обмѣниваютъ ихъ на стеклянныя бусы, янтарь, кораллы и соль. Ихъ суда, плавающія по Нигеру, имѣютъ до 30 м. длины и 6—7 м. ширины и могутъ поднять до 80 тоннъ; киссуры управляютъ ими съ большимъ искусствомъ посредствомъ длинныхъ шестовъ; парусовъ не существуетъ. Огнестрѣльное оружіе въ общемъ употребленіи. Каждый можетъ читать по-арабски; но не всѣ понимаютъ значеніе прочитаннаго. Обыкновенно мальчики, по окончаніи курса въ общественной элементарной школѣ, переходятъ въ высшую, гдѣ они должны изучить Коранъ. Если они выучили его на память, то считаются учеными людьми.

На сѣверо-востокъ отъ Мандинго, у сѣверной границы негритянскихъ владѣній, смежной съ областью берберовъ, живетъ народъ сонраи, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ племенемъ сомраи. Народъ сонраи играетъ такую же значительную роль въ центральной Африкѣ, какъ мандинго на западѣ материка. Послѣдніе разрушили берберійское государство Ганата и на развалинахъ его основали Мелли; затѣмъ, въ свою очередь, были побѣждены и подпали подъ власть сонраевъ, государство которыхъ сдѣлалось самымъ могущественнымъ въ такъ называемомъ Суданѣ. Благодаря завоеваніямъ сонраевъ, языкъ ихъ далеко распространился за предѣлы ихъ первоначальныхъ владѣній, а именно отъ Тимбукту и земли Асауадъ до Агафеса. Онъ не представляетъ никакой связи съ сосѣдними языками, и поэтому его скорѣе всего можно считать изолированнымъ (Fried. Müller, Allg. Ethnogr.,

s. 146). Подобно языкамъ всѣхъ народовъ, живущихъ по близости южной окраины Сахары, онъ обязанъ своимъ грамматическимъ образованіемъ соприкосновенію съ арабами и берберами. До этого времени въ немъ не было ни склоненій, ни спряженій, а только существительная форма глагола, которая непосредственно присоединялась къ имени предмета или лица. По описанію д-ра Генриха Барта, сонраи имѣютъ тонкія, и сравнительно правильныя, черты лица, но такихъ миніатюрныхъ размѣровъ, что Робертъ Гартманъ далъ имъ характерное названіе „кукольныхъ головъ". У нихъ черный цвѣтъ кожи съ коричневымъ отливомъ; но также встрѣчаются субъекты съ болѣе свѣтлой коричневой кожей. Волосы ихъ курчавые, довольно длинные и могутъ быть легко заплетены въ косы. Тѣлосложеніе стройное, ноги безъ икръ.

Въ былыя времена сонраи вѣроятно жили на пространствѣ отъ главнаго изгиба Нигера внизъ по рѣкѣ и повидимому приняли исламъ и начатки цивилизаціи изъ Египта. Такъ напр. заботливое отношеніе къ мертвымъ составляетъ общій обычай у сонраевъ и древнихъ магометанъ. Магометанская религія вѣроятно была перенесена черезъ центральный поясъ Судана на Нигерѣ къ сонраямъ исламскими миссіонерами и проповѣдниками, благодаря тѣмъ дѣятельнымъ торговымъ сношеніямъ, какія издавна существовали здѣсь съ верхней долиной Нила. Главный городъ у средняго Нигера назывался Гего. Разрушительныя междоусобныя войны мало по малу истощили значительное государство основанное сонраями, которое обнимало собою всѣ внутреннія страны сѣверной Африки и простиралось на востокъ до озера Чадъ. Въ 1592 году оно было окончательно покорено марокканцами. Послѣдніе прочно водворились въ завоеванной землѣ и брали себѣ женъ среди мѣстнаго населенія; отъ этого скрещиванія произошелъ смѣшанный народъ рума, который составляетъ часть туземнаго населенія въ городахъ, населенныхъ сонраями, и имѣетъ притязаніе на извѣстную цивилизацію. Бартъ утверждаетъ, что сонраи принадлежатъ къ самымъ негостепріемнымъ людямъ, съ какими ему когда либо приходилось имѣть сношенія; въ настоящее время быть можетъ вслѣдствіе своего унизительнаго политическаго положенія они отличаются мрачнымъ необщительнымъ характеромъ (Heinr. Barth, Reisen und Entdeckungen in Nord und Zentralafrika. Gotha 1858. Bd. IV, s. 240). Многіе не носятъ другой одежды кромѣ кожанаго передника, которымъ отчасти прикрываютъ бедра (a. a. O., Bd. V, s. 287). Хижины сонраевъ большей частью сдѣланы изъ глины съ остроконечной камышевой крышей; въ нѣкоторыхъ деревняхъ встрѣчаются во множествѣ высокіе башнеобразные навѣсы для склада хлѣба съ острыми камышевыми крышами, что придаетъ имъ крайне своеобразный характеръ.

Южные сосѣди сонраевъ гауза или гаусса представляютъ собой весьма интеллигентный негритянскій народъ, въ которомъ Бартъ думалъ найти тождество съ „атарантами„ („собранные" отъ слова tara= собирать), о которыхъ упоминаетъ Геродотъ; но это предположеніе опровергнуто проф. Кирхгофомъ, такъ какъ въ пользу его нѣтъ никакихъ данныхъ (Peschel, Volkerkunde. s. 476). Вышеназванный изслѣдователь Африки также держится того взгляда, что гауза перешли сравнительно въ недавнее время изъ болѣе сѣверныхъ областей, какъ, напр., изъ оазиса Аиръ или Асбенъ, въ свои теперешнія мѣста жи-

тельства. Мы имѣемъ мало свѣдѣній объ ихъ исторіи, но, въ виду далекаго распространенія языка гауза за предѣлы владѣній этого народа, можно составить себѣ понятіе объ ихъ прежнемъ значеніи. Языкъ гауза отличается отъ мѣстныхъ діалектовъ благозвучіемъ и богатствомъ формъ; онъ принятъ на сѣверѣ отъ Агадеса въ Асбенѣ, а также въ государствахъ: Катзена, Зегзегъ, Саріа, Кано, Рано, Гоберъ, Даура, Дамергу, Санфара; отчасти — въ Нупе, Гуари, Іаури, Іоруба, Карофа (на лѣвомъ берегу Бенуэ), въ Бургу (на правомъ берегу Нигера), и почти до Бенина. Онъ является изолированнымъ среди африканскихъ языковъ; семито-хамитскій элементъ, который найденъ въ немъ нѣкорыми учеными, можетъ быть объясненъ заимствованіемъ. По своей наружности гауза вполнѣ типичные негры съ плоскимъ лицомъ, нерѣдко приплюснутымъ носомъ и широкими ноздрями, съ прогнатичнымъ ртомъ и очень толстыми губами. Между тѣмъ многія женщины положительно красивы и ихъ покупаютъ по дорогой цѣнѣ для гаремовъ Марокко; онѣ часто окрашиваютъ въ голубой цвѣтъ свои волосы, руки, ноги, бедра и брови; оба пола при этомъ неизмѣнно красятъ себѣ губы и зубы. Гауза пользуются репутаціей живаго и по преимуществу интеллигентнаго народа, который оказалъ извѣстное цивилизующее вліяніе на арабовъ и берберовъ, а равно и на многія другія негритянскія племена центральной Африки. Гауза мусульмане часть ихъ сохранила свою независимость, другіе подчинены фулахамъ; они занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, техническимъ производствомъ, самыми разнообразными ремеслами и особенно торговлей. Главными предметами сбыта служатъ: хлопчатобумажныя ткани мѣстнаго приготовленія, дубленыя бычачьи шкуры, пестрыя раскрашенныя козловыя кожи и преимущественно орѣхи „горо“ или „коли“ (cola acuminata R. Br.), одно изъ наиболѣе распространенныхъ возбуждающихъ средствъ у народовъ центральной Африки (см. Gerhard Rohlfs, Beitrage zur Endeckung und Erforschung Afrikas. Leipzig, 1876, s. 99 — 104). Особенно заслуживаютъ вниманія кожаныя подушки, которыя, несмотря на первобытныя краски, отличаются весьма удачнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Торговля на сѣверѣ производится не самимъ населеніемъ гауза, а при посредствѣ туареговъ. Деревни и города напоминаютъ по своей постройкѣ поселенія киссуровъ и при этомъ весьма значительны. Кулачные бои, танцы и пѣніе составляютъ любимыя народныя увеселенія.

Гауза образуютъ главную массу населенія во многихъ странахъ и государствахъ, находящихся въ ленной зависимости отъ большаго фулахскаго государства Сокото, вслѣдствіе чего въ былыя времена ихъ даже называли государствами гауза. Такъ напр. при дворѣ Баучи преобладаетъ языкъ гауза, и почти всѣ титулы сановниковъ и лицъ состоящихъ на службѣ заимствованы изъ этого діалекта. Замѣчательно, что кузнецы, которые у другихъ народовъ нерѣдко составляютъ презрѣнную касту, наоборотъ пользуются особеннымъ

уваженіемъ у гауза, какъ и у фулаховъ, такъ что ихъ главный мастеръ занимаетъ одно изъ почтеннѣйшихъ мѣстъ при дворѣ.

Населеніе столицы Гаро-н-Баучи или Іакоба также образуется преимущественно изъ гауза. Одежда мужскихъ обитателей города состоитъ у болѣе достаточныхъ изъ бѣлыхъ или голубыхъ клѣтчатыхъ, весьма широкихъ шароваръ и бѣлой рубашки съ длинными рукавами; то и другое сшито изъ узкихъ полосъ бумажной ткани. Дополненіемъ къ этому туалету служитъ длинная „tobe"; лицо защищено чернымъ или бѣлымъ „litham", съ боку виситъ прямой длинный ножъ; копья составляютъ рѣдкость; лукъ и стрѣлы въ общемъ употребленіи. Бѣдняки носятъ только рубашку и шаровары; иногда только послѣднія. Гауза тщательно выбриваютъ себѣ бороду и волосы на головѣ. Мужчины въ деревняхъ ходятъ совсѣмъ нагіе, и только прикрываютъ половые органы кожанымъ передникомъ, кускомъ бумажной ткани или пальмовымъ листомъ; но когда имъ нужно идти въ городъ, то они большей частью обвязываютъ себѣ бедра платкомъ. Женская одежда въ Гаро-н-Баучи отличается тѣмъ, что грудь совсѣмъ открыта, чего мы не встрѣчаемъ въ другихъ значительныхъ негритянскихъ городахъ. У дѣвушекъ волосы на головѣ выстрижены такимъ способомъ, что только на макушкѣ, въ видѣ торчащаго гребня, оставлена полоса волосъ и кромѣ того узкій кружокъ вокругъ головы; у замужнихъ женщинъ густыя сильно напомаженные волосы связаны въ пучекъ на макушкѣ головы. Обитательницы деревень ходятъ нагія, какъ и мужчины (Rohlfs, Quer durch Afrika, Bd. II, s. 160—161).

По сосѣдству съ гауза живутъ и другія негритянскія племена, подвластныя фулахамъ или феллатамъ, которыя въ общихъ чертахъ сходны между собой. Къ нимъ слѣдуетъ также причислить обитателей Гора, горнаго хребта, лежащаго между озеромъ Чадъ, Бенуэ и Нигеромъ. Рольфсъ посѣтилъ ихъ, но не сообщаетъ ихъ имени. Эти туземцы язычники и, за исключеніемъ городскихъ жителей, ходятъ почти нагіе. Женщины носятъ обручи и пряжки на рукахъ и около лодыжки ногъ, но не прокалываютъ себѣ ушныхъ мочекъ, подобно европейскимъ женщинамъ; волосы у нихъ коротко острижены и безъ всякихъ украшеній, между тѣмъ какъ мужчины свертываютъ въ пучокъ свои длинные волосы. Женщины надѣваютъ вокругъ тальи кожаный поясъ, къ которому спереди и сзади привѣшены листья для прикрытія наготы; мужчины носятъ передникъ изъ звѣриной шкуры, нерѣдко искусно вышитый и украшенный множествомъ мелкихъ раковинъ. Они всегда вооружены; ихъ оружіе состоитъ изъ лука, колчана съ отравленными стрѣлами, а также нерѣдко прямаго меча, изготовленнаго въ Гагенѣ или Солингенѣ (Rohlfs, Beiträge, s. 67). Рольфсъ видѣлъ въ Бадико, торговомъ пунктѣ области Гора, пляску въ честь новолунія, такъ какъ луна вообще пользуется у негровъ особеннымъ почитаніемъ. „На большой площади съ одной стороны встали въ рядъ мужчины, одежда которыхъ состояла изъ полосатаго передника бѣлаго съ голубымъ или узкихъ полосъ козьей шкуры и головнаго убора въ видѣ пучковъ пестрыхъ перьевъ. Противъ танцоровъ съ другой стороны площади встали женщины, бедра ихъ были обвязаны платками; многія были съ грудными младенцами на спинѣ; мальчики и дѣвочки встали по srединѣ; у каждаго изъ нихъ былъ въ рукѣ вѣеръ изъ соломы или пальмовый листъ. Подъ тактъ музыки, состоящей изъ барабаннаго боя и бряканья желѣзныхъ бубенчиковъ, привязанныхъ къ ногамъ танцующихъ, ряды ихъ стали придвигаться къ центру на встрѣчу своихъ vis-à-vis, какъ въ полонезѣ или минуэтѣ; но порядокъ скоро былъ нарушенъ; произошла общая сумятица; всѣ скакали и прыгали въ дикой пляскѣ. Въ промежуткахъ исполнены были также въ одиночку пантомимные танцы Одна женщина внезапно откинулась назадъ, какъ бы собираясь упасть, но ее подхватили стоявшіе сзади и стали ее перебрасывать отъ одного къ другому. Затѣмъ одна изъ молодыхъ дѣвушекъ начала кружиться съ невѣроятной бы

стротой, пока не упала въ изнеможеніи; тогда всѣ мужчины стали плясать вокругъ нея и каждый кинулъ ей въ колѣни нѣсколько раковинъ" (Rohlfs, Quer durch Africa, Bd. II, s. 173). Религія этихъ туземцевъ заключается въ поклоненіи фетишамъ; однако несмотря на то, что они язычники, ихъ нельзя причислить къ народамъ стоящимъ на самой низкой степени культуры; хижины ихъ такъ хорошо и правильно построены, что мы должны признать въ нихъ извѣстный вкусъ и пониманіе архитектуры; полъ представляетъ родъ мозаики изготовляемой женщинами. Что касается домашней утвари, глиняной посуды, рѣзьбы на деревѣ и пр., то во всемъ видна искусная изящная работа; равнымъ образомъ туземцы сами изготовляютъ свои желѣзныя орудія. Для защиты отъ зимняго холода въ высокой гористой мѣстности они устроили въ своихъ хижинахъ родъ лежанокъ изъ глины. Послѣднія имѣютъ форму скамьи полой внутри; въ нихъ разводятъ огонь; сверху положены рогожи и шкуры для защиты отъ сильнаго жара, такъ что лежащій испытываетъ пріятную теплоту.

Г. Рольфсъ приходитъ къ слѣдующему выводу относительно гауза и ихъ сосѣдей: „Народныя племена, которыя въ настоящее время населяютъ страну между озеромъ Чадъ, Шари и Ваубе, Бенуэ и Нигеромъ безспорно болѣе развиты въ физическомъ и умственномъ отношеніи, нежели другіе народы Центральной Африки. Не подлежитъ сомнѣнію, что этому развитію способствовали условія почвы, смѣна горъ и долинъ, суши и воды, а равно и разнообразіе растеній и животныхъ. Почти вся сѣверная половина страны населена гауза, а именно племенемъ, которое по тѣлосложенію и чертамъ лица наиболѣе сохранило чистый негритянскій типъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ произошло скрещиваніе съ берберами и свѣтлокожими фулахами, черный элементъ, какъ сильнѣйшій является преобладающимъ. Въ интеллектуальномъ отношеніи гауза превосходятъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ; они положили основаніе организованнымъ государствамъ, которыя уже отчасти сдѣлались историческими, какъ-то: Борну, Сокото, Баучи, Саріа, Кано, Гандо; въ связи съ этимъ и ихъ языкъ сдѣлался господствующимъ до Нигера. Если негры нупе, афо и басса имѣютъ надъ ними преимущество относительно изготовленія платья, тканей, циновокъ и посуды, вышивокъ и стеклянныхъ издѣлій, то не нужно упускать изъ виду, что эти племена заимствовали свою культуру отъ береговыхъ жителей при посредствѣ іоруба, между тѣмъ какъ гауза сами образовали себя и почти безъ посторонней помощи.

Къ югу отъ гауза живетъ множество различныхъ болѣе или менѣе сродныхъ между собой негритянскихъ племенъ: на сѣверъ отъ Гаро-н-барчи встрѣчаются гере, бара и боло, изъ которыхъ послѣдніе имѣютъ свой отдѣльный языкъ, живутъ въ крайне жалкихъ грязныхъ хижинахъ и отличаются сильно отвороченными губами; но цвѣтъ кожи менѣе темный, нежели у ихъ восточныхъ сосѣдей. Мужчины высокаго роста, сильнаго тѣлосложенія, и въ противоположность другимъ негритянскимъ племенамъ не стригутъ волосъ; женщины отличаются маленькимъ ростомъ и тучностью; они зачесываютъ свои волосы кверху и связываютъ ихъ въ большой пучокъ. На востокѣ, до Ганагола, распространены племена: фали и беле, въ остальныхъ округахъ государства Баучи живутъ кирфи, джерàуа, рингель, гермàуа, банкалàуа, кабàуа, кунауа и адшàуа; на сѣверъ отъ Санго-Катаба каддера, за ними кадше и кадо. Послѣдніе имѣютъ почти черный цвѣтъ кожи, но ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать бе-

зобразными. Мужчины и женщины ходятъ почти нагіе; первые надѣваютъ кожаный передникъ, украшенный раковинами или бахромой; послѣднія навѣшиваютъ на себя листья; на лѣвой рукѣ тѣ и другіе носятъ черный каменный обручъ, на пальцахъ нѣсколько желѣзныхъ колецъ; самое большое изъ нихъ красуется на правомъ мизинцѣ и заключаетъ въ себѣ талисманъ. Юноши до двадцати лѣтъ заплетаютъ волосы въ косы и украшаютъ ихъ бусами; на шеѣ они также носятъ нитки бусъ, хотя этотъ женоподобный нарядъ нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ крѣпкимъ мышцамъ и вооруженію, состоящему изъ лука и стрѣлъ. Въ обращеніи господствуетъ вѣжливость, доходящая почти до обрядности. Такъ, напр., каждый прохожій торжественно здоровался съ Рольфсомъ; мужчины низко кланялись ему, повторяя нѣсколько разъ на языкѣ гауза „sünno, sünno“, между тѣмъ какъ женщины становились на колѣни, отвернувъ лицо и не измѣняли этой позы до тѣхъ поръ, пока онъ не проходилъ мимо. При этомъ считаемъ нелишнимъ замѣтить, что у большинства негритянскихъ племенъ въ сѣверной и центральной Африкѣ господствуетъ обычай, по которому женщины должны отвернуться въ присутствіи посторонняго мужчины или закрыть себѣ лицо. Жилище каждой семьи кадо состоитъ обыкновенно изъ двухъ хижинъ, соединенныхъ длинной пристройкой, такъ что получается три смежныхъ покоя, чего не встрѣчается у другихъ негритянскихъ племенъ. Но и помимо этого кадо представляютъ нѣкоторыя особенности въ характерѣ и образѣ жизни (Rohlfs, Quer durch Afrika, Bd. II, s. 179). Затѣмъ въ Кеффи мы встрѣчаемъ племена: джаба, тони, іэскоа; у Бенуэ: афо, басса и кото. Главный вождь басса носитъ титулъ „мадаки“ и живетъ въ столицѣ Удше. Вездѣ господствуетъ фетишизмъ. До сихъ поръ рѣка Бенуэ составляла предѣлъ религіознаго рвенія и завоевательныхъ стремленій фулаховъ; но апостолы ислама уже стали появляться въ Удше и Вукари, такъ что въ непродолжительномъ времени Коранъ вѣроятно и здѣсь одержитъ полную побѣду. Что же касается до общепринятаго мнѣнія, будто бы религіозныя движенія въ магометанской Африкѣ должны быть приписаны **одним**ъ арабамъ, то это не болѣе, какъ заблужденіе, основанное на старыхъ предразсудкахъ и ложно истолкованныхъ извѣстіяхъ. Въ сущности заслуга эта въ одинаковой степени принадлежитъ чернокожимъ пилигримамъ Мекки, такъ наз. „tekarine“ (един. „tekruri“), несомнѣнно негритянскаго происхожденія. Въ теченіи многихъ поколѣній они проходили Африку отъ запада къ востоку и въ обратномъ направленіи и распространяли исламъ среди своихъ языческихъ и полуязыческихъ соплеменниковъ, не только съ пламеннымъ усердіемъ, но съ помощью огня и меча (Hartmann, die Volkër Afrikas, s. 50). По языку басса представляютъ нѣкоторое сродство съ нупе. Мужчины большею частью хорошо сложены, съ крѣпкими мышцами и не лишены икръ. На короткой толстой шеѣ поса-

жена широкая голова, почти съ четырехъугольнымъ лицомъ, и по наблюденію Рольфса, съ болѣе высокимъ лбомъ, нежели у большинства негровъ. У басса острые зубы вслѣдствіе подпиливанія; кромѣ того, они татуируютъ себѣ щеки двумя надрѣзами, которые проведены изогнутой линіей отъ висковъ къ подбородку. До пятнадцатилѣтняго возраста юноши и дѣвушки ходятъ безъ всякой одежды, не употребляя даже пальмоваго листа для прикрытія наготы (Rohlfs. Quer durch Afrika, Bd. II, s. 219 — 220).

Достойно замѣчанія, что склонность дѣтей къ играмъ повидимому вездѣ проявляется одинаковымъ способомъ, такъ какъ сходная форма игрушекъ повторяется у самыхъ различныхъ народовъ. Такъ напр. извѣстны дѣтскія куклы изъ центральной Африки, разумѣется самой первобытной формы, о которыхъ можно составить себѣ понятіе по прилагаемому рисунку. Онѣ сдѣланы изъ лоскутковъ ткани, покрыты темнокоричневымъ воскомъ и разукрашены бѣлыми и голубыми стеклянными бусами.

Окончивъ перечень негритянскихъ народовъ, мы перейдемъ теперь къ жителямъ центрально-африканскаго воднаго бассейна озера Чадъ или Цадъ. Онъ представляетъ почти центръ большой плоскости, гдѣ скапливаются стоки водъ Борну, Багирми, а также изъ странъ, лежащихъ на югѣ Вадаи и государствъ Гауза и Дарфуръ. Многочисленные путешественники по Африкѣ, и особенно въ новѣйшее время д-ръ Нахтигаль сообщили много важныхъ свѣдѣній относительно этнографическихъ условій этой области. Послѣдній составилъ въ общихъ чертахъ этнологическую карту Борну, Канемъ и острововъ озера Чадъ, изъ которой видно, что на ряду съ разсѣянными арабскими элементами, населеніе этихъ странъ обнимаетъ собой: канури (канори) въ Борну, канембу въ Канемъ и Борну, расположенныхъ полукругомъ около сѣверной части озера Чадъ; маза въ Борну и Багирми, іадина или буддума на островахъ озера Чадъ. Къ югу отъ Борну и озера Чадъ живутъ народы повидимому сродные между собой по языку, а именно: котоко и гамергу, логонъ, марги, мусгу, мандара и батта, о которыхъ вообще мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній.

Дѣтская кукла изъ центральной Африки.

Главный народъ въ Борну извѣстенъ подъ названіемъ канури, число которыхъ доходитъ до полутора милліона душъ. Нахтигаль предполагаетъ, что ихъ національное прозвище произошло отъ арабскаго слова

„nur", т. е. свѣтъ, что съ приставкой „ka" или „ke" означаетъ „люди свѣта". Это имя было дано канури въ то время, когда они приняли „истинную" магометанскую вѣру. Они присвоили себѣ господство надъ всей страной, гдѣ кромѣ того живутъ разсѣянныя арабскія племена, затѣмъ тубу, беде, нгизени, гауза и керрикери; всѣ они распадаются на множество подклассовъ, изъ которыхъ племя магоми занимаетъ центръ государства; его предки, согласно преданію, были королевской крови. Наибольшая масса населенія вѣроятно перешла изъ Канева въ теперешнія мѣста жительства. Борну, съ своей многолюдной столицей Кука или Кукауа, представляетъ собой въ настоящее время деспотическое и до извѣстной степени благоустроенное государство, съ аттрибутами цивилизованной страны, которые служатъ свидѣтельствомъ высокаго умственнаго уровня жителей. Еслибы кто нибудь вздумалъ утверждать, что арабы или берберы неспособны къ развитію, то всякій изъ насъ отвѣтилъ бы на это презрительной улыбкой: за арабовъ говоритъ ихъ собственная исторія, а въ пользу берберовъ свидѣтельствуютъ египтяне, которые во времена фараоновъ были самымъ культурнымъ народомъ древняго міра. Между тѣмъ мы спокойно выслушиваемъ смѣлыя увѣренія, что негры неспособны къ высшему соціальному развитію, хотя факты прямо противорѣчатъ этому. Такъ, напр., въ Суданѣ, гдѣ негры были отрѣзаны Сахарой отъ вліянія средиземной культуры, мы встрѣчаемъ у нихъ цвѣтущую промышленность и благоустроенныя государства. Еслибы даже они дѣйствительно отстали въ данномъ направленіи отъ другихъ народовъ и создали мало самобытнаго, то это не имѣетъ особеннаго значенія. Важенъ тотъ фактъ, что негры достигли цивилизаціи собственными силами и, что такой путешественникъ, какъ Рольфсъ, видѣвшій такое множество народовъ, возлагаетъ на нихъ больше надежды, нежели на теперешнихъ берберовъ и арабовъ. Такимъ образомъ, чтобы оспаривать способность негровъ къ развитію, нужно забыть или не признавать изъ упрямства цивилизацію Судана. Также нельзя утверждать, что съ обращеніемъ язычниковъ арабами въ экваторіальной Африкѣ наступили лучшія времена, потому что большіе города были тамъ еще до появленія арабовъ; мы имѣемъ даже исторію Судана, относящуюся къ до-исламскому періоду. Существованіе большихъ городовъ само по себѣ служитъ доказательствомъ высшей образованности, потому что тамъ, гдѣ люди близко скучены другъ около друга, должны неизбѣжно господствовать какія нибудь общія законоположенія, безъ которыхъ немыслима совмѣстная жизнь значительнаго населенія.

Канури по своему характеру считаются добродушными и боязливыми, при этомъ они довольно безпечны и неопрятны. Хотя они изъ тщеславія устраиваютъ воинственныя шествія, но не чувствуютъ никакой склонности къ настоящей войнѣ и всего охотнѣе предаются покою и наслажденіямъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отъ нихъ не тре-

буется проявленія мужества, они необыкновенно подвижны и предпріимчивы, выказываютъ извѣстную сообразительность и неутомимы въ торговлѣ. Они чрезвычайно легко усвоиваютъ чужія изобрѣтенія и выказываютъ искусство въ издѣліяхъ промышленности; простой народъ вообще очень трудолюбивъ и усердно занимается земледѣліемъ.

Жилища большей частью дѣлаются изъ земли, и поэтому требуютъ постоянныхъ поправокъ. Всякій ливень опасенъ для нихъ, потому что онъ можетъ смыть часть плоской крыши и боковыя стѣны, между тѣмъ какъ въ сухое время года въ крышѣ дѣлаются щели и трещины. Вслѣдствіе этого при сильномъ дождѣ приходится складывать вещи въ ящики и кожаные мѣшки, распространенные между туземцами. Единственное удобство этихъ землянокъ заключается въ томъ, что онѣ довольно обширны и не накаливаются въ жар-

Негритянка изъ Судана.

кое время. На ряду съ этими жилищами вездѣ встрѣчаются хижины изъ соломы и тростника различной формы и величины, которыя построены очень тщательно и достаточно защищаютъ отъ дождя. Въ Кука, особенно у богатыхъ нѣсколько землянокъ и хижинъ составляютъ одно жилище, хотя онѣ раздѣлены обширными дворами. На одномъ изъ наружныхъ дворовъ находится конюшня, которая заботливо оберегается отъ „дурнаго глаза“ и поручена надзору раба; она заслуживаетъ особеннаго вниманія по своей необычайной чистотѣ и образцовому порядку. Видъ этихъ обнаженныхъ сѣрыхъ глиняныхъ стѣнъ при отсутствіи оконъ былъ бы крайне однообразенъ, еслибы всѣ дворы и даже отчасти улицы не были украшены темной зеленью тѣнистыхъ фигообразныхъ деревьевъ, стройныхъ „kurna“, гигантскихъ адансоній или вѣтвистыхъ „hedschlitsch“. Тѣмъ не менѣе вышеупомянутыя землянки, лишенныя какихъ бы то ни было внѣшнихъ украшеній и внутренняго убранства, имѣютъ вообще печальный характеръ. Только въ тростниковыхъ и соломенныхъ хижинахъ можно встрѣтить нѣкоторую домовитость и болѣе изящную обстановку. Вокругъ хижины тянется земляная скамья, которая частью служитъ для сидѣнія: остальное пространство скамьи занято домашней утварью и посудой. Послѣдняя смотря по состоянію хозяина дома представляетъ различную степень разнообразія и красоты; но почти всегда содержится опрятно. Тутъ есть сосуды для питья тщательно сдѣланные изъ выдолбленной тыквы, лакированные внутри и украшенные сверху разноцвѣтными полосками: желтыми, красными и черными. Они бываютъ различной величины, начиная отъ такихъ, изъ которыхъ по вмѣстимости можно напоить лошадь и кончая маленькой чашкой, употребляемой туземцами въ видѣ ковша. Одна чашка вложена въ другую, такъ что онѣ образуютъ пирамиду съуженную кверху. Подставками для этихъ чашекъ служатъ корзиночки самой разнообразной формы. Блюда большей частью на трехъ или четырехъ короткихъ ножкахъ; они всегда рѣзныя, изъ твердаго дерева и покрыты черной прочной краской. У болѣе достаточныхъ людей нѣтъ также недостатка въ европейской кухонной посудѣ изъ красной и желтой мѣди; сюда проникъ даже изъ Европы фарфоръ, хотя довольно плохой фабрикаціи. Въ тѣни передъ дверями и на сквозномъ вѣтрѣ стоятъ большіе кружки съ водой; по близости на тонкихъ шестахъ устроенъ тѣнистый навѣсъ, гдѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ жаркихъ хижинахъ.

Канури носятъ длинную одежду со складками, называемую „tobe“, широкіе шаровары и кожаные башмаки. Въ Борну „tobe“ большей частью бѣлая или выкрашенная въ кубовую краску; этой одеждѣ туземцы даютъ безчисленное множество названій, смотря по ткани, покрою, цвѣту и украшеніямъ. Многіе по бѣдности могутъ имѣть только отдѣльныя части одежды; по деревнямъ видишь не мало людей безъ башмаковъ; у нѣкоторыхъ покрыты одни бедра передникомъ изъ невыдѣланной шкуры (Gustav Nachtigal, Sahara und Sudan. Ergebnisse sechsjäriger Reisen in Afrika. Berlin 1879. Bd. I, s. 644). Всѣ выбриваютъ себѣ часть головы и заплетаютъ остальные волосы въ множество маленькихъ косичекъ, которыя висятъ вокругъ головы. Канури очень тщеславны и помѣшаны на красивыхъ платьяхъ. При малѣйшей возможности они надѣваютъ, несмотря на высокую температуру двѣ, три, а иногда до шести „tobe“ одна на другую съ единственною цѣлью удовлетворить своему тщеславію; на пару шароваръ они нерѣдко употребляютъ до 20 м. матеріи въ ½ м. ширины.

Женщины равнымъ образомъ являются въ богатомъ нарядѣ на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ. Помимо шалей, которыя накидываютъ на плечи и вокругъ бедеръ, верхняя часть ихъ туловища покрыта короткой рубашкой, сплошь вышитой шелками, и при этомъ самыми пестрыми, красивыми и своеобразными узорами. Онѣ весьма кокетливо выставляютъ на показъ свои пестрыя, яркія одежды и украшенія состоящія изъ серебряныхъ обручей для рукъ

и ногъ и убора волосъ въ видѣ серебрянаго полумѣсяца, который онѣ носятъ на затылкѣ. Достойно замѣчанія, что канури не курятъ и не нюхаютъ табаку и пренебрегаютъ всякими хмѣльными напитками. Обжорство, пьянство и другіе подобные пороки не встрѣчаются въ Борну или по крайней мѣрѣ очень рѣдко. Орѣхъ „goro" замѣняетъ всѣ другія наслажденія и наркотическія средства; чтобы добыть это любимое лакомство, туземцы готовы продать то, что для нихъ всего дороже, а именно своихъ лошадей и невольницъ. Каждый вечеръ въ городахъ и деревняхъ раздается на улицахъ и площадяхъ музыка, сопровождаемая мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши и довольно пріятнымъ пѣніемъ, которая служитъ аккомпаниментомъ для граціозныхъ кадрилеобразныхъ танцевъ исполняемыхъ молодежью. Въ это время старики собираются группами по дворамъ или на улицѣ и, сидя на циновкахъ или просто на землѣ, удовлетворяютъ своей склонности къ болтовнѣ.

Если мы вздумаемъ прогуляться верхомъ по городу, потому что ни одинъ человѣкъ, сознающій свое достоинство не сдѣлаетъ шага пѣшкомъ, то увидимъ въ многолюдномъ Кука, вмѣщающемъ въ себѣ населеніе въ 50—60000 душъ, такую разнообразную и почти грандіозную жизнь, что европеецъ съ трудомъ можетъ связать ее съ представленіемъ о негритянскомъ городѣ. Даже въ дождливое время, когда на улицахъ образуются большія лужи и приходится переѣзжать ихъ въ бродъ, въ городѣ продолжается та же дѣятельная жизнь, и вы ежеминутно встрѣчаете всадниковъ, лошади которыхъ обрызгиваютъ васъ грязью. Свободные люди привлекаютъ на себя вниманіе чужестранца непокрытой и гладко обстриженной головой и въ особенности той напыщенной важностью, которую они стараются придать своей осанкѣ. Городскіе жители, какъ упомянуто выше, любятъ навѣшивать на себя возможно большее количество платья, такъ что знатные люди превращаются въ какихъ то колоссальныхъ чудовищъ, которыхъ слуги съ трудомъ поднимаютъ на сѣдло. Время отъ времени вы встрѣчаете старика въ грубой бѣлой одеждѣ; онъ держитъ въ рукѣ тяжелую длинную палку съ толстымъ оливкообразнымъ набалдашникомъ, означающимъ, что это дворянинъ, предки котораго были важными сановниками во время господства прежней династіи. Если женщины и дѣвушки не заняты работой, то онѣ охотно прогуливаются по улицамъ, чтобы доставить прохожимъ возможность любоваться ими. Впрочемъ среди нихъ больше занятыхъ, нежели праздныхъ. Разумѣется женщины и дѣвушки говорятъ безъ умолку, когда стоя у глубокихъ колодцевъ наполняютъ водой свои большія кружки, которыя они несутъ домой на головахъ, или общими силами поправляютъ обвалившуюся стѣну дома, строятъ или расширяютъ соломенную хижину. Въ сѣняхъ одного изъ городскихъ домовъ устроена элементарная школа; преподаватель безсмысленно повторяетъ ученикамъ стихи священной книги; въ другомъ мѣстѣ вы увидите ученаго, который читаетъ вполголоса пожелтѣвшіе листы пергамента, машинально перебирая бусы своихъ четокъ. Въ каждомъ домѣ ткутъ узкія полосы для „tobe"; равнымъ образомъ благодаря развившейся роскоши, явился особый классъ портныхъ, и плетенье циновокъ, которое прежде было домашнимъ занятіемъ, обратилось теперь въ выгодное ремесло.

У многихъ ремесленниковъ мастерская устроена подъ навѣсомъ, который состоитъ изъ четырехъ палокъ съ протянутой на нихъ рогожей. Цирюльникъ ходитъ по улицамъ и рѣзкимъ свистомъ приглашаетъ желающихъ обратиться къ его искусству; послѣдніе зовутъ его къ себѣ на домъ или сами выходятъ къ нему, и онъ въ этомъ случаѣ брѣетъ имъ головы на улицѣ. Молочницы громкимъ голосомъ предлагаютъ свой товаръ; барышники выставляютъ на показъ красоту лошадей, выведенныхъ на продажу. Кому нѣтъ крайней необходимости работать, тотъ предается лѣни, и подъ всѣми тѣнистыми деревьями

можно видѣть съ утра до вечера группы мужчинъ, исключительно занятыхъ болтовней.

Но чѣмъ пріятнѣе общее впечатлѣніе, производимое уличной жизнью въ Кука, тѣмъ безотраднѣе видъ слѣпыхъ, которые встрѣчаются здѣсь въ невѣроятномъ количествѣ. Они тянутся длинными вереницами по улицамъ одинъ за другимъ или сидятъ у дороги и громкими жалобами стараются возбудить состраданіе прохожихъ. Другую особенность города составляютъ нищенствующіе студенты, которые стекаются сюда изъ сосѣднихъ государствъ для пріобрѣтенія ученыхъ знаній въ знаменитыхъ духовныхъ школахъ, тѣмъ болѣе, что добродушные жители снабжаютъ ихъ насущнымъ хлѣбомъ. Если кто изъ студентовъ дошелъ до такой премудрости, что прочелъ весь Коранъ, то возвращается домой удовлетворенный и считаетъ себя „mo'allemin". Большихъ свѣдѣній разумѣется нельзя ожидать отъ нихъ; они могутъ въ случаѣ крайности разобрать письмо или написать его, продать цѣлительную формулу или талисманъ ограждающій отъ бѣды, и вдобавокъ имѣютъ нѣкоторое понятіе о первоначальномъ образованіи;— но въ этомъ заключается все ихъ скудное образованіе. Тѣ изъ нихъ могутъ считать себя счастливыми, которые пріютились въ домѣ богатыхъ людей и учатся вмѣстѣ съ ихъ сыновьями. Остальные должны съ трудомъ выпрашивать жалкое пропитаніе у прохожихъ въ видѣ милостыни или зарабатывать себѣ хлѣбъ посредствомъ небольшихъ услугъ, такъ что для научныхъ занятій у нихъ остается только ночь. Многіе успѣютъ состарѣться прежде, чѣмъ достигнутъ цѣли своихъ стремленій. Ихъ легко узнать по внѣшнимъ признакамъ; они не имѣютъ другой одежды для прикрытія наготы, кромѣ козьей, леопардовой и гіеновой шкуры; при этомъ всегда являются въ публикѣ съ длинной палкой, тыквенной чашей для сбора милостыни, чернильницей и деревянной доской для писанія (Nachtigal, Sahara und Sudan, Bd. I, s. 620—626). Въ Кукѣ всегда много также чужеземцевъ. Пилигримы стекаются изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, и проводятъ здѣсь цѣлые мѣсяцы спокойной жизни, такъ какъ набожность составляетъ для нихъ выгодное ремесло при дворѣ знаменитаго шейка Омара извѣстнаго своимъ благочестіемъ и щедростью. Но и въ этомъ случаѣ нужна выдержка. Ежедневно въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль можно видѣть, какъ бѣдный „faqîh" весь въ грязи и въ лохмотьяхъ отправляется на поклоненіе въ королевскій дворецъ. Но если ему удалось заслужить милость какого-нибудь знатнаго лица, который представляетъ его шейку, то онъ можетъ считать себя обеспеченнымъ. Вскорѣ послѣ того онъ уже является въ новой одеждѣ туземцевъ борну или гауза, подчасъ на его плечахъ красуется бурнусъ (плащъ съ капюшономъ); а нѣсколько мѣсяцевъ спустя вы можете встрѣтить его верхомъ на лошади въ сопровожденіи невольниковъ, и не замѣтите ни малѣйшаго слѣда того смиренія, которое еще такъ недавно отличало его. Положеніе купцовъ совсѣмъ иное. Страсть къ путешествіямъ, свойственная всѣмъ арабамъ и полуарабамъ, побуждаетъ ихъ покидать родину и семью; они переходятъ изъ страны въ страну, покупаютъ и продаютъ товары съ большей или меньшей выгодой, а подчасъ и въ убытокъ для себя. Они говорятъ съ тоской о родинѣ и дѣтяхъ; но все-таки не возвращаются домой и приводятъ такую причину: „Господь еще не открылъ мнѣ пути; я не могу явиться передъ моими дѣтьми съ пустыми руками". Между тѣмъ иностранные купцы поставлены въ весьма неблагопріятныя условія. При крайнемъ легкомысліи и недобросовѣстности обитателей Борну почти нельзя найти людей, которые покупали бы на чистыя деньги, а съ другой стороны всѣ попытки принудить должниковъ къ уплатѣ не только сопряжены съ большимъ трудомъ, но подчасъ оказываются совершенно безполезными. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ единственное занятіе купца, пріѣхавшаго съ сѣвера въ Кука, заключается въ томъ, что онъ съ восходомъ солнца садится на лошадь и объѣзжаетъ своихъ должниковъ, а на закатѣ

возвращается домой въ гнѣвѣ, изнемогая отъ жары. Въ заключеніе онъ благодаритъ Создателя, если вмѣсто ожидаемой баснословной прибыли въ 400 процентовъ получитъ десятую долю, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ и это не удается ему. Многіе должны довольствоваться тѣмъ, что вернули затраченный капиталъ; а иные умираютъ прежде, чѣмъ достигнутъ признанія своихъ правъ (A. a. O., s. 637 и 638).

На обширной равнинѣ, передъ восточными воротами столицы Борну, каждый понедѣльникъ происходитъ базаръ, который принадлежитъ къ самымъ величественнымъ зрѣлищамъ. Все имѣетъ опредѣленное мѣсто, и нѣтъ никакой возможности перечислить огромное количество продуктовъ выставленныхъ на продажу; здѣсь вы найдете все, что можно купить или продать въ Борну, начиная отъ рабовъ и кончая травой и шестами для устройства открытыхъ лавокъ, а равно и прѣсной водой, которую продаютъ рыночнымъ посѣтителямъ. Съ утра до вечера движется взадъ и впередъ огромная толпа, болѣе чѣмъ въ 10,000 человѣкъ, которая мало по малу уменьшается къ закату солнца. Несмотря на невѣроятную толкотню и трудность оріентироваться среди множества скученныхъ другъ около друга лавокъ, грандіозная и разнообразная торговля производится миролюбиво и съ удивительнымъ порядкомъ. Главному полицейскому надзирателю рынка почти не приходится разбирать ссоръ и слѣдить за соблюденіемъ общественнаго спокойствія, потому что случаи насилія, кражи и грубаго обращенія составляютъ рѣдкость. Между тѣмъ въ этой толпѣ представителями населенія Кука являются почти исключительно низшіе классы: слуги и рабы и, наконецъ, сельскіе жители, мало затронутые утонченными нравами столицы. Народъ Борну при всемъ разнообразіи его составныхъ частей, вообще не такъ отличается чувствомъ законности, сколько миролюбивымъ и кроткимъ характеромъ и прирожденной вѣжливостью. На этомъ рынкѣ чужестранца еще менѣе поражаетъ количество и разнообразіе товаровъ, нежели смѣсь племенъ и людей различныхъ странъ, потому что притягательная сила рынка не только дѣйствуетъ на представителей населенія всѣхъ частей Борну, но и за предѣлы его (A. a. O., s. 671—688). Вывозной товаръ Борну почти исключительно состоитъ изъ невольниковъ, страусовыхъ перьевъ и слоновой кости; остальные мѣстные продукты не могутъ служить предметомъ вывоза, вслѣдствіе значительной стоимости транспорта. Прежде особенно процвѣталъ торгъ невольниками, и хотя онъ теперь производится въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, но еще пройдетъ много времени, пока онъ будетъ окончательно уничтоженъ. Рабство глубоко вкоренилось въ жизнь чернокожихъ народовъ, и вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ негровъ, существуетъ различіе между свободными людьми и рабами.

Основой правленія страны, хотя только номинально служитъ „Nôkenä“ (собраніе совѣта). Это учрежденіе ведетъ свое начало съ того времени, когда господствующіе фамиліи еще были проникнуты сознаніемъ своего сѣвернаго происхожденія, и короли, сообразно нравамъ жителей пустыни терпѣли при своей особѣ совѣтниковъ, въ лицѣ могущественныхъ дворянъ. Въ настоящее время имѣетъ фактическое значеніе только воля властелина, который носитъ титулъ „mai“, т. е. короля или султана, а затѣмъ вліяніе любимцевъ. Тѣмъ не менѣе ежедневно происходитъ собраніе совѣта, къ которому помимо членовъ королевской фамиліи принадлежатъ представители различныхъ элементовъ населенія изъ свободнаго класса людей, затѣмъ начальники войскъ. Каждое утро являются они въ королевскій дворецъ, снимаютъ башмаки, головной уборъ, бурнусъ (плащъ съ капишономъ) и ждутъ въ сѣняхъ и дверяхъ, пока ихъ не призовутъ въ пріемную залу барабаннымъ боемъ и свистомъ, болтаютъ отъ бездѣлья, шутятъ, строятъ козни. Наконецъ наступаетъ торжественный моментъ; при входѣ въ залу они привѣтствуютъ властелина отрывочными лестными восклицаніями: Премудрый! Левъ! и пр. Каждый идетъ къ своему мѣсту

и садится на корточки, дѣлая жестъ, какъ будто посыпаетъ пылью свою голову. Послѣ этого еще разъ происходитъ обмѣнъ привѣтствій, и тогда только начинается совѣщаніе. „Mai" совмѣщаетъ въ своей особѣ свѣтскую и духовную власть, распоряжается самовольно жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ, назначаетъ и увольняетъ чиновниковъ и можетъ по своему усмотрѣнію отмѣнить приговоръ кади. Наслѣдникъ престола носитъ титулъ jeri-ma; это большей частью сынъ старшей сестры царствующаго короля „kabiske-ma". Остальные родственники „mai" мужскаго пола называются „maina"; въ разговорѣ каждому изъ нихъ даютъ почетный титулъ „aba" (мой господинъ). Большое вліяніе при дворѣ имѣютъ также „adim" евнухи, которые прославились своимъ высокомѣрнымъ и дерзкимъ обращеніемъ; ихъ главный начальникъ называется „yura-ma". Важная должность „mala" казначея также находится въ рукахъ скопца.

Вооруженная сила государства, которому нельзя отказать въ военной, хотя и довольно плохой организаціи, состоитъ изъ 1000 человѣкъ пѣхоты вооруженной ружьями, такого же числа конницы, также вооруженной ружьями и 3000 всадниковъ, оружіе которыхъ состоитъ изъ пикъ, лука, стрѣлъ и „schangermanger". Кромѣ того каждый знатный человѣкъ „kogna", смотря по состоянію содержитъ большее или меньшее число нерегулярнаго войска пѣшаго и коннаго, такъ что Борну можетъ въ совокупности выставить на поле битвы отъ 25 до 30000 воиновъ. Что касается артиллеріи, то въ распоряженіи „mai" три или четыре мортиры и около 20 металлическихъ пушекъ, вылитыхъ въ Кука, поставленныхъ на плохихъ лафетахъ и деревянныхъ чурбанахъ. Начальникъ отряда въ 100 человѣкъ называется „kaschella" (множ. „kaschellana"). Солдаты, какъ и всѣ состоящіе на гражданской службѣ, не получаютъ жалованья, а только участки земли, обработка которыхъ должна имъ доставлять средства къ существованію. Лукъ и стрѣлы составляютъ главное оружіе туземнаго войска. Настоящіе африканскіе стрѣлки, помимо лука, стрѣлъ и колчана имѣютъ при себѣ 2—4 метательныхъ пики, длинное копье и смертоносный „schangermanger"; наброшенная на плечо тигровая шкура придаетъ имъ вполнѣ воинственный видъ. „Schangermanger" или „medschri" (употребленіе котораго повидимому неизвѣстно въ западномъ Суданѣ за предѣлами Борну), распространенъ въ Сахарѣ до самаго океана. Онъ имѣетъ видъ кухоннаго ножа около 30 сант. длины, съ придѣланными къ нему однимъ или двумя небольшими клинками; имъ наносятъ удары и пользуются также какъ метательнымъ оружіемъ. Въ Борну „medschri" дѣлаются также изъ дерева и отчасти украшены художественной рѣзьбой. Конная лейбъ-гвардія короля состоитъ изъ 40 человѣкъ; всѣ они носятъ подъ „tobe" кольчатый панцырь, покрывающій все тѣло, руки и ноги; на головѣ мѣдная или желѣзная пластинка, отъ которой вокругъ плечъ ниспадаетъ кольчатая сѣтка, такъ что только небольшая часть лица остается открытой. Король, принцы и знатные люди носятъ во время войны такія же кольчуги, которыя привозятся изъ Египта за дорогую цѣну. Менѣе достаточные люди носятъ грудные панцыри изъ желѣзныхъ пластинокъ, сдѣланные туземными оружейными мастерами. Чтобы защитить лошадей отъ стрѣлъ ихъ покрываютъ до колѣнъ толстыми ватными одѣялами и обвѣшиваютъ голову сперди и съ боковъ латунными и серебряными пластинками (Rohlfs, Quer durch Afrika, Bd. II, s. 4—6).

Исламъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій признанъ господствующей религіей въ Борну. Его исповѣдуетъ царствующая династія, вся знать и жители болѣе значительныхъ мѣстечекъ. Тѣмъ не менѣе, по наблюденіямъ Рольфса, это вѣроисповѣданіе не пустило прочныхъ корней среди канури, и вѣроятно никогда не утвердится

здѣсь, потому что магометанство въ Африкѣ повидимому не привилось дальше извѣстной границы. У туземцевъ отняли ихъ превобытный фетишизмъ; но это не побудило ихъ принять идеи монотеизма; у нихъ даже нѣтъ слова, которое бы на ихъ языкѣ означало Бога, потому что „kema-nde,“ которымъ они переводятъ чуждый для нихъ терминъ „Аллахъ“ означаетъ „господинъ“ въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Молитвы также исключительно читаются на арабскомъ языкѣ, непонятномъ для большинства. Въ былыя времена канури вѣрили въ лѣснаго духа „koliram“ и водянаго „nsâmaram;“ теперь они больше не признаютъ никакого божества, и вся ихъ религія состоитъ изъ всевозможныхъ суевѣрій и въ высшей степени извращенныхъ понятій о мусульманскомъ раѣ и адѣ. Поэтому религіозныя празднества не имѣютъ для нихъ особеннаго значенія и соединяются съ такими періодическими явленіями природы, какъ полнолуніе, наступленіе дождливаго времени и т. п. (A. a. o., s. 9 и 10).

Языкъ канури долго представлялъ неразрѣшимую загадку. Хотя онъ является вполнѣ самостоятельнымъ, но въ немъ тѣмъ не менѣе замѣтно самое тѣсное сродство съ языкомъ племени тубу, ошибочно причисляемаго къ негритянской расѣ, которое населяетъ значительную часть Сахары къ сѣверо-востоку отъ Борну. Густавъ Нахтигаль весьма правдоподобно объясняетъ это сродство языковъ, „доходящее до полнѣйшаго сходства въ самыхъ существенныхъ чертахъ словообразованія“, тѣмъ обстоятельствомъ, что языкъ канури главнымъ образомъ составился изъ табу (Sahara und Sudan, Bd. II, s. 195). Дѣйствительно канури населяющіе Борну не чистокровные негры, а смѣшанное населеніе, образовавшееся изъ многихъ еще не совсѣмъ ассимилированныхъ элементовъ, среди которыхъ можно прослѣдить и табу. Такимъ образомъ канури представляютъ собой смѣшанный народъ, и мы не знаемъ ни одного первобытнаго племени, которые бы носило это имя. Въ послѣднюю половину тринадцатаго и во все продолженіе четырнадцатаго столѣтія нынѣшнее государство Борну было мало по малу завоевано выходцами изъ Канема, мѣстности лежащей къ востоку отъ озера Чадъ. Первоначальные выходцы изъ Канема принадлежали къ чуждому свѣтлокожему племени, отъ котораго произошли туземные короли; за ними слѣдовали канембу, тубу и различные смѣшаные элементы, образовавшіеся изъ нихъ, а равно изъ первоначальнаго населенія. Представителями первыхъ среди нынѣшняго населенія Борну можно считать магоми и нгальма-дукко, которые въ совокупности составятъ треть всѣхъ канури. Тубу, межбу первоначальными поселенцами въ Борну были вѣроятно настолько же многочисленны, какъ и эти два элемента, потому что причисляемые къ нимъ племена каи, тура и томагера также представляютъ собой существенную часть мѣстнаго населенія.

Что касается собственно племенъ канумбу, то весьма немногіе изъ нихъ проникли въ Борну, гдѣ они слились съ канури, къ нимъ принадлежатъ кубури, которыхъ причисляютъ къ королевскому роду, затѣмъ нгалла и диббири. Кромѣ этихъ отдѣловъ канури мы назовемъ еще нгова, кава и нгазиръ, которые не представляютъ такого опредѣленнаго типа и преимущественно образовались отъ скрещиванія побѣдителей съ побѣжденными и въ большинствѣ случаевъ съ преобладающимъ вліяніемъ послѣднихъ. Вездѣ, гдѣ группы канури, распространяясь въ странѣ, находились между собой въ постоянномъ скрещиваніи, они сдѣлались совершенно однородными по языку, образу жизни и нравамъ, и только тѣ изъ нихъ, которые поселились въ болѣе значительныхъ и до извѣстной степени замкнутыхъ округахъ сохранили нѣкоторыя особенности и развились самобытно. Дѣйствительно нельзя не удивляться тому разнообразію индивидовъ, какіе встрѣчаются между канури по цвѣту кожи, тѣлосложенію и строенію лица. Вообще можно сказать, что признаки сѣвернаго (арабо-ливійскаго) происхожденія магоми совершенно исчезли, хотя время отъ времени слѣды его проявляются въ отдѣльныхъ субъектахъ, происхожденіе которыхъ ни въ какомъ случаѣ не даетъ возможности допустить позднѣйшее вліяніе хамитскаго или берберійскаго элемента. Равнымъ образомъ среди общаго смѣшенія окончательно исчезли физическія особенности тубу, и сгладился характерный типъ чистокровнаго канембу. Такимъ образомъ образовалось новое поколѣніе, которое въ отдѣльныхъ индивидахъ нерѣдко напоминаетъ характерные признаки первоначальныхъ составныхъ элементовъ, но въ цѣломъ представляетъ съ ними весьма отдаленное сходство. Тѣмъ не менѣе это поколѣніе до сихъ поръ не выработалось въ самобытный типъ. Въ физическомъ отношеніи внѣшнее измѣненіе въ отдѣльныхъ чертахъ не было особенно выгодно для теперешнихъ канури. Они не только могутъ быть названы некрасивымъ народомъ, но вполнѣ подходятъ къ типичному безобразію расы, т. е. къ „синеваточерному фантастическому негру, съ толстой шеей и руннообразными волосами", какъ опредѣляетъ его Робертъ Гартманъ, поднявшій гоненіе на этого фетиша науки. Канури обыкновенно средняго роста и въ этомъ отношеніи не уступаютъ мужщинамъ въ Европѣ. Женщины несравненно меньше; ихъ тѣлосложеніе представляютъ нѣчто среднее между полными пластическими формами негровъ гауза и жилистымъ худощавымъ тѣломъ тубу; но вообще онѣ дурно сложены, хотя ноги не лишены икръ и соотвѣтствуютъ туловищу. Цвѣтъ кожи у канури сѣровато-черный или черный съ красноватымъ отливомъ; но они не обладаютъ такой эластичностью и энергіей въ движеніяхъ, какъ тубу и канембу. Негритянскій типъ не столько проявляется у нихъ въ тѣлосложеніи, сколько въ образованіи головы; у нихъ курчавые рунообразные волосы, круглое лицо,

выступающія скулы, вздутыя губы, хотя носъ не приплюснутый, а выдающійся. Женщины кажутся особенно безобразными, сравнительно съ пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ и привлекательными чертами лица представительницъ племени тубу и канембу. Онѣ отличаются необыкновенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; у нихъ высокій прямой лобъ, толстый приплюснутый носъ и большой ротъ съ ослѣпительно бѣлыми зубами. Три продольныхъ шрама на щекахъ, составляютъ характерный признакъ канури. Выраженіе лица и особенно взглядъ по добродушію и привѣтливости могъ бы произвести пріятное впечатлѣніе, если бы послѣднее не нарушалоль желтоватой оболочкой глазъ.

Канури разумѣется могли только до извѣстной степени вытѣснить или ассимилировать первоначальныхъ обитателей. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти могли оказать послѣдовательное противодѣйствіе, они хотя и были покорены наравнѣ съ другими, но все таки сохранили свою самобытную физіономію, языкъ и нравы. Къ числу ихъ принадлежатъ макари или котоко, которые на юго-востокѣ государства образуютъ почти сплошное населеніе. Манга населяютъ значительную часть сѣверозападнаго Борну и до сихъ составляютъ отдѣльное племя; гамергу равнымъ образомъ сохранили многія самобытныя черты; даже небольшое племя моберъ и цыгано-подобные керибина, несмотря на незначительное число, все еще не слились съ остальнымъ населеніемъ и отличаются отъ своихъ сосѣдей.

Важнѣйшее изъ этихъ племенъ макари или котоко. Не подлежитъ сомнѣнію, что они перешли въ нынѣшнія мѣста жительства съ востока, а именно изъ области Буссо и Шари. Они существенно отличаются отъ остальныхъ жителей Борну; несмотря на тѣсное сродство съ окружающими ихъ языческими племенами музгу, они все-таки достигли сравнительно довольно высокой степени цивилизаціи, какъ это мы видимъ въ провинціи Котоко и Логоне. Макари въ физическомъ отношеніи отличаются отъ канури и канембу, и хотя ихъ нельзя назвать красивыми, но по тѣлосложенію они занимаютъ довольно высокое мѣсто среди негритянскихъ племенъ. Они большей частью крѣпко сложены, весьма склонны къ ожирѣнію, и по своимъ неправильнымъ чертамъ лица болѣе подходятъ къ негритянскому типу, нежели къ сосѣднимъ племенамъ. „Если вы войдете въ городъ Котоко, пишетъ Нахтигаль, то здѣсь все носитъ иной характеръ, нежели у другихъ туземцевъ Борну, живущихъ по сосѣдству. Васъ прежде всего поражаетъ прочность и даже можно сказать грандіозность зданій, сдержанная и серіозная осанка людей и своеобразный характеръ цѣлаго. Жилища состоятъ изъ „bongos“, т. е. изъ круглыхъ глиняныхъ хижинъ съ полукруглыми соломенными крышами, и неизмѣнно построены на террасахъ, какъ во всѣхъ мѣстностяхъ подверженныхъ наводненіямъ. На ряду съ этими хижинами возвышаются большія зданія, похожія на замки съ крѣпкими зубчатыми стѣнами, съ башенками и дверями, которыя шире сверху, чѣмъ внизу; наконецъ вы видите и четырехъ-угольные дома, съуженные кверху съ шпицеобразными соломенными крышами. Хотя послѣдніе достигаютъ значительной высоты, но они не раздѣлены этажами и безъ потолка. Изъ этихъ жилищъ замкообразныя зданія имѣютъ наиболѣе величественный видъ и при всей прочности не лишены вкуса“. Соотвѣтственно почтенной наружности лю-

дей и домовъ, темный цвѣтъ преобладаетъ въ одеждѣ и постройкахъ. Внутри домовъ посѣтителя поражаютъ массивныя четырехъугольныя колонны, съуженныя кверху, которыя подпираютъ крышу, а равно и массивныя широкія глиняныя эстрады, около 1—1,30 м. высоты, гдѣ обыкновенно возсѣдаетъ хозяинъ дома. Котоко съ большимъ усердіемъ предаются земледѣлію, промышленности и рыбной ловлѣ. Они преимущественно воздѣлываютъ индійское просо (Sorghum vulgare Pers. или Holeus Sorghum L.) и, кромѣ того, пользуясь благодатной тучной почвой своей родины, разводятъ хлопокъ, табакъ и индиго. Въ ихъ промышленности главную роль играетъ красильное искусство и плетенье изъ соломы и корзинъ, въ чемъ они достигли высокой степени совершенства. Изготовляемыя ими корзины, покрышки блюдъ, циновки и занавѣси дверей по формѣ и рисунку отличаются большимъ вкусомъ при этомъ прочны и своеобразны. Ихъ умѣніе сооружать глиняныя постройки весьма выгодно для нихъ, когда имъ приходится жить на чужбинѣ. Деревянныя блюда ихъ по величинѣ и красотѣ превосходятъ всѣ тѣ, какія встрѣчаются у другихъ племенъ въ этой мѣстности. Качество и въ особенности количество пищи у макари вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ тяжеловатымъ фигурамъ, степенному виду и солидности всѣхъ произведеній. Д-ръ Бартъ описываетъ какое невѣроятное количество кушаньевъ послано было ему въ гостинецъ королемъ Логона. Въ ѣдѣ преобладаетъ рыба, но ее обыкновенно подаютъ въ сушеномъ и сильно протухшемъ видѣ. Макари отличаются серіознымъ, сдержаннымъ и недовѣрчивымъ характеромъ, при этомъ они довольно церемонны, себялюбивы, благоразумны и разсчетливы. Во всей ихъ фигурѣ есть нѣчто таинственное и загадочное, что заставляетъ другихъ обидателей Борну подозрѣвать ихъ въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ злыми духами. Каждый туземецъ Борну считаетъ несомнѣннымъ фактомъ, что всѣ макари болѣе или менѣе опытны въ ворожбѣ, что многіе изъ нихъ ночью превращаются въ гіэнъ и пожираютъ тѣла умершихъ, и ихъ „дурной глазъ" приноситъ много вреда людямъ, что они могутъ сдѣлаться невидимками и т. п. У макари есть одинъ замѣчательный танецъ, который исполняется исключительно женщинами подъ звуки свистка и инструмента напоминающаго барабанъ. Женщины становятся въ кругъ въ недалекомъ разстояніи отъ музыкантовъ; одна изъ нихъ выходитъ на средину круга и, танцуя подъ тактъ музыки, приглашаетъ на пляску желающихъ, пока другая женщина не приметъ вызова. Обѣ нѣсколько разъ приближаются другъ къ другу, проходятъ мимо, пляшутъ кругомъ и, наконецъ, собравшись съ силами, разомъ сталкиваются другъ съ другомъ; при этомъ каждая старается подальше отбросить свою соперницу, и если возможно за предѣлы круга. Побѣдительница продолжаетъ плясать, пока одна изъ танцующихъ не выйдетъ опять на средину круга, чтобы вступить съ нею въ состязаніе.

Правленіе въ странѣ монархическое, но король пользуется ограниченной властью, потому что онъ не можетъ рѣшить ни одного сколько нибудь важнаго дѣла, безъ согласія пятерыхъ придворныхъ сановниковъ, которые назначаются изъ свободныхъ людей (Nachtigal, Sahara und Sudan, Bd. II s. 537).

Керибина не пользуются особеннымъ уваженіемъ у своихъ сосѣдей, тѣмъ болѣе, что почти исключительно существуютъ охотой, которая вообще считается презрѣннымъ занятіемъ. Они живутъ въ лѣсу небольшими шайками, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ населяютъ цѣлыя мѣстности. Они всѣ вооружены луками и стрѣлами и, несмотря на магометанское вѣроисповѣданіе, охотно ѣдятъ свинину. Хотя керибина, живущіе въ Борну, обыкновенно говорятъ на языкѣ канури, но у нихъ есть свое нарѣчіе, которое представляетъ близкое сходство съ діалектомъ ядина. Въ южной части Борну живутъ гамергу и составляютъ значительный весьма населенный округъ. Они безусловно похожи на своихъ сосѣдей мандара или вандала и отличаются отъ нихъ нѣкоторыми особенностями діалекта (A. a. O. s. 428 и 429), но имѣютъ мало общаго съ

канури сѣвернаго Борну. Цвѣтъ кожи у гамергу чернокоричневый; физіономія ихъ представляетъ опредѣленный негритянскій типъ, хотя не лишенный извѣстной красоты; мужчины большею частью высокаго роста и мускулистаго тѣлосложенія. У женщинъ преобладаетъ кроткое выраженіе лица; онѣ носятъ въ пробуравленномъ носѣ большія кольца или пластинки; волосы зачесаны кверху и связаны на макушкѣ въ большой пучокъ; голова съ боковъ выбрита. Дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, до наступленія зрѣлости ходятъ совсѣмъ нагіе и съ раннихъ лѣтъ плаваютъ съ большимъ искусствомъ. Только тѣ гамергу обращены въ исламъ, которые живутъ по близости караванныхъ дорогъ, остальные — язычники; и здѣшній султанъ, который при случаѣ опустошаетъ и раззоряетъ собственную страну, предпринимаетъ противъ нихъ набѣги (Rohlfs Quer durch Afrika, Bd. II s. 25). Исламъ также мало проникъ и къ сосѣднимъ **вандала** или **вандара**, какъ видно изъ того, что они безъ отвращенія ѣдятъ павшихъ животныхъ, ословъ, даже собакъ, хотя это мясо считается „dschifa“, нечистымъ, и строго запрещено у магометанъ. По тѣлосложенію вандала скорѣе подходятъ къ гауза, нежели къ канури, отъ которыхъ они отличаются полнотой формъ. У мужчинъ, сравнительно съ туземцами Борну, передняя часть головы выше и шире, жесткіе курчавые волосы, блестящіе глаза и менѣе приплюснутый изогнутый носъ. Женщины большей частью небольшаго роста, отличаются такой же полнотой, какъ и готтентотки; у нихъ широкія лица съ выступающими скулами, выразительные глаза и менѣе вздутыя губы, нежели у мужчинъ. Что касается промысловъ, то вандала дошли до нѣкотораго искусства только въ обработкѣ желѣза. Въ мѣстностяхъ, лежащихъ непосредственно у южной границы Вандала, взамѣнъ денегъ употребляются куски желѣза, между тѣмъ какъ вездѣ по сосѣдству вмѣсто мелкой монеты служатъ полосы ситца. Большая часть населенія погружена въ язычество и не носитъ другой одежды, кромѣ кожанаго фартука, привязаннаго сзади. У вандала господствуетъ моногамія; они крайне суевѣрны и имѣютъ весьма смутное понятіе о высшемъ существѣ и загробной жизни. Правленіе въ странѣ деспотическое (A. a. O., s. 61 — 62), но султанъ находится въ полной зависимости отъ властелина Борну.

Что касается остальныхъ племенъ Борну, то **мобберъ** въ настоящее время ведутъ такой же образъ жизни, какъ и канембу: разводятъ прекрасную породу рогатаго скота, успѣшно занимаются овцеводствомъ и преимущественно воздѣлываютъ хлопокъ. Но въ физическомъ отношеніи они уступаютъ канембу, имѣютъ болѣе темный цвѣтъ кожи, ниже ростомъ и съ менѣе правильными чертами лица. **Манга** почти исключительно говорятъ на языкѣ канури, но повидимому сохранили своей прежній діалектъ, сродный съ нарѣчіемъ бедде; они носятъ самобытный характеръ по внѣшности, нравамъ и образу жизни. Они довольно высоки ростомъ, крѣпкаго, но неуклюжаго тѣлосложенія и съ некрасивыми чертами лица; передникъ изъ шкуры составляетъ большею частью ихъ единственную одежду, между тѣмъ, какъ женщины и дѣвушки закрываютъ себѣ лицо темной матеріей. Оружіемъ служитъ лукъ и стрѣлы и родъ небольшаго бердыша, который носятъ на плечѣ. У западной границы государства, на югъ отъ округа Манга, живутъ полупокоренные **бедде**, которые большей частью преданы язычеству; ихъ страна представляетъ множество отдѣльныхъ областей, центрами которыхъ служатъ города. Къ югу отъ нихъ живутъ восточные **нгиццемъ**, еще далѣе на югъ **керрикерри**; за тѣмъ слѣдуютъ сродные съ послѣдними **фика**, а къ юго-востоку отъ нихъ племена **бабиръ** или **бáборъ** до Бенуэ, гдѣ они смѣшались съ фуллахами и батта. На востокъ отъ бабировъ живутъ **марги**, изъ которыхъ наиболѣе сѣверные исповѣдуютъ исламъ и находятся подъ властью Борну. Марги красиваго тѣлосложенія и съ правильными чертами лица, не обезображеннаго шрамами отъ надрѣзовъ. Губы менѣе вздуты, нежели у остальныхъ негровъ; въ ихъ наружности всего больше пора-

жаетъ высота лба; кожа нерѣдко свѣтло-мѣднаго или ревеннаго цвѣта, но безъ переходныхъ оттѣнковъ между этими двумя цвѣтами. У марги нѣтъ ни городовъ, ни деревень; жилища разсѣяны по всему пространству ихъ обширной лѣсистой области. Каждый марги строитъ себѣ хижину въ центрѣ принадлежащей ему земли. Ихъ богъ „Tumbi“ пребываетъ въ священной рощѣ, отдѣленной рвомъ отъ другихъ жилищъ. Весьма замѣчателенъ также „божій судъ“, къ которому прибѣгаютъ марги. Если двое людей поссорились, то каждый, взявъ съ собой боеваго пѣтуха долженъ отправиться на какой нибудь изъ гранитныхъ утесовъ, который считается священнымъ. Здѣсь происходитъ пѣтушинный бой, и тотъ, чья птица побѣждена, признаетъ себя виновнымъ. За марги къ востоку слѣдуетъ вышеупомянутый небольшой народъ вандала или мандара, а между ними и западной границей Логона живутъ сѣверныя племена языческаго народа музго, у которыхъ нѣсколько вождей перешли въ исламъ и признали надъ собой верховное господство Борну. Музго принадлежатъ къ значительному племени маза или масса, гдѣ отдѣльныя группы частью отличаются другъ отъ друга существенными особенностями діалекта, а также своеобразными нравами и цивилизаціей. Музго образуютъ множество враждебныхъ между собой общинъ, изъ которыхъ каждая находится подъ властью особаго вождя. Существованіе музго далеко не завидное, потому что сосѣди безпощадно угнетаютъ ихъ, устраиваютъ у нихъ охоты за невольниками и ежегодно вывозятъ ихъ тысячами. Наружность музго производитъ отталкивающее впечатлѣніе; цвѣтъ кожи грязноваточерный; ихъ единственнымъ украшеніемъ служитъ родъ „pelele“, а именно продѣтая въ верхнюю или нижнюю губу круглая кость или металлическая пластинка. Вслѣдствіе этого ротъ мало по малу принимаетъ рылообразную форму, и когда они разговариваютъ между собой, то слышно постоянное хлопанье губъ, что въ связи съ своеобразными шипящими, придыхательными и гортанными буквами, которыми изобилуетъ языкъ, придаетъ ихъ рѣчи крайне своеобразный характеръ. Мужчины упорно придерживаются своего національнаго набедреннаго передника изъ невыдѣланной кожи; единственная одежда женщинъ состоитъ изъ узкой полосы ткани, которой онѣ обвязываютъ нижнюю часть живота. Главнымъ оружіемъ служитъ острое метательное желѣзко „golio“, которымъ они срѣзаютъ ноги людямъ и животнымъ; во время похода они носятъ панцырь, сдѣланный изъ буйволовой кожи, шерстью внутрь, или изъ плотной соломенной циновки, и соотвѣтствующій головной уборъ изъ того-же матеріала (Nachtigal, Sahara und Sudan, Bd. II s. 531). Музго занимаются пчеловодствомъ, воздѣлываютъ табакъ и хлопокъ и стараются увеличить производительность почвы удобреніемъ, чего мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ народовъ центральной Африки.

Мы оставимъ на время описаніе народовъ восточнаго Судана и перейдемъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ озера Чадъ, въ Канемъ, гдѣ мы вскорѣ достигнемъ границы негритянскихъ народовъ, потому что здѣсь начинается господство аравійскаго племениauладъ солиманъ (ulad sliman). Населеніе крайне смѣшанное, хотя вліяніе сосѣдняго племени тубу очевидно. Между 14 и 15° с. ш. и отъ 14—16° в. д. простираются владѣнія кочующихъ племенъ, какъ, напр., вандала, оадава или оадива съ сильной примѣсью элементовъ канембу и ауладъ солиманъ, затѣмъ догорда и мгарба. Всѣ они не могутъ быть причислены къ неграмъ, такъ какъ они большей частью происходятъ отъ даца, одной изъ отраслей тубу. На югъ и юго-востокъ отъ этихъ кочевниковъ мы встрѣчаемъ наиболѣе густое населеніе страны съ по-

стоянными мѣстами жительства. Переходомъ къ послѣднему служатъ округи, занятые кумозоалла, потомками метисовъ даца, затѣмъ осѣдлымъ племенемъ даца гавалла и, наконецъ, чироа, отраслью канембу, слегка измѣненной по крови и нравамъ. За ними слѣдуютъ далатоа и магами, арабы тундшеры въ землѣ Мондо, племя кубури королевской крови въ округѣ Гала; остатки булала съ даноа въ области Бари, происхожденіе которыхъ неизвѣстно въ точности, а также канембу и канури вдоль береговъ озера Чадъ. По весьма вѣроятному предположенію д-ра Нахтигаля, канембу перешли сюда изъ болѣе сѣверныхъ странъ и подъ вліяніемъ перемѣнъ, которымъ подвергались въ теченіе столѣтій, какъ въ климатическомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, мало по малу приняли своеобразный характеръ. Они утратили рѣзкость чертъ ихъ предковъ тубу, жившихъ въ пустынѣ и пріобрѣли извѣстную округленность; но ихъ лица все еще остались на столько правильными, что канури далеко уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ того, они вообще отличаются отъ послѣднихъ пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ и цвѣтомъ кожи, съ неизмѣннымъ болѣе или менѣе красноватымъ оттѣнкомъ. Торчащія уши составляютъ отличительный признакъ большинства канембу. Вездѣ, гдѣ до сихъ поръ они поселялись въ болѣе значительномъ числѣ, типъ сохранился у всѣхъ въ одинаковой степени; въ каждомъ отдѣльномъ индивидѣ ясно видѣнъ характеръ племени; между тѣмъ какъ племя канури, съ которымъ ихъ соединяетъ тѣсное сродство, не имѣетъ никакого характернаго отпечатка. Канембу высокаго роста, съ сильно развитыми нижними оконечностями и сравнительно узкой грудной костью; при этомъ они отличаются тучностью и сильными мышцами. Женщины въ особенности превосходятъ красотой обитательницъ Борну. По одеждѣ и нравамъ канембу также представляютъ много уклоненій отъ своихъ сосѣдей. Одежда ихъ большей частью состоитъ изъ простаго кожанаго передника; они носятъ ожерелье изъ раковинъ каури, обручи на предплечьи и сгибѣ руки и высокую шапку „dschoka", которая нерѣдко обвита полосками бумажной ткани или украшена какимъ нибудь другимъ фантастическимъ способомъ. Молодые люди носятъ длинные волосы, заплетаютъ и украшаютъ ихъ, между тѣмъ какъ стройныя дѣвушки канембу выбриваютъ себѣ виски и только убираютъ макушку головы красиво сплетенными косичками, падающими на обѣ стороны; при этомъ волосы раздѣлены проборомъ только спереди, между тѣмъ какъ на затылкѣ они гладко зачесаны (Nachtigal, Sahara и Sudan, Bd. II, s. 341). Вооруженіе канембу состоитъ изъ небольшаго и легкаго деревяннаго щита, затѣмъ копья и длиннаго ножа, привѣшаннаго къ плечу. Но метательное желѣзо, лукъ, стрѣлы, а равно и лошади имъ совсѣмъ неизвѣстны.

Въ восточной части лагуны Чадъ лежатъ многочисленные острова, отдѣленные отъ материка рукавами воды, которые легко перейти въ

бродъ въ сухое время года. Обитатели этихъ уединенныхъ острововъ извѣстны подъ именемъ буддума, но они сами называютъ себя іедина или ядина. По изслѣдованію Нахтигаля, они распадаются на двѣнадцать племенъ: маидшодша, маибуллуа, будшіа, гуріа, дала, бередша, марганна, джиллуа, диремма, орцонгена, каджингена и бекароа, изъ которыхъ первые четыре далеко многочисленнѣе остальныхъ. Беддума по преимуществу моряки и рыболовы; число ихъ простирается до 20,000 человѣкъ; въ походѣ ими командуетъ „каджелла" (военный капитанъ), но въ мирное время онъ пользуется весьма незначительной властью. Отдѣльныя отрасли этихъ племенъ не имѣютъ между собой никакой политической связи, и даже сами по себѣ не выказываютъ никакого стремленія къ сплоченной общественной жизни. По Нахтигалю, скотоводство составляетъ ихъ главное занятіе, по Рольфсу — рыбная ловля.

Буддума высокаго роста, сильные мускулистые, склонны къ ожирѣнію съ темно-сѣрымъ или чернымъ цвѣтомъ кожи, и представляютъ сходство съ нѣкоторыми племенами макари, между тѣмъ какъ женщины вообще отличаются стройнымъ, нѣжнымъ тѣлосложеніемъ и болѣе походятъ на канембу. Рольфсъ находитъ, что по внѣшности негритянскій типъ рельефнѣе выступаетъ у нихъ, нежели у другихъ жителей Борну: губы болѣе вздуты, скуловыя кости сильнѣе выступаютъ впередъ и цвѣтъ кожи темнѣе. Полнота формъ ихъ тѣла при сильно развитыхъ мышцахъ, а равно языкъ и нравы заставляютъ предполагать тѣсное сродство между ними и канури. Мужчины не татуируютъ себѣ тѣла, кромѣ двухъ небольшихъ надрѣзовъ около глазъ. Они носятъ „tobe", если имѣютъ возможность пріобрѣсти ее, въ противномъ случаѣ — кожаный передникъ. Ихъ обыкновенное оружіе заключается изъ 3 — 4 метательныхъ снарядовъ, копья, деревяннаго щита, рѣже метательнаго желѣзка и неизмѣннаго длиннаго кинжала привѣшаннаго къ плечу, безъ котораго ни одинъ буддума не явится въ Борну, хотя бы даже съ мирной торговой цѣлью. Они знакомы съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но не пользуются имъ, и даже лукъ и стрѣлы, по свидѣтельству Нахтигаля, далеко не въ общемъ употребленіи. Особенно заслуживаютъ вниманія ихъ большія плоскодонныя суда „pum", подчасъ достигающіе 16—17 м. длины и 2, 50—3, 50 м. ширины, съ широкой кормой и узкимъ острымъ носомъ. Они сдѣланы изъ планокъ и связаны канатомъ, сплетеннымъ изъ пальмовыхъ мочалокъ, которыми законопачены также всѣ щели и отверстія. Якоремъ служитъ камень; вмѣсто веселъ, которыя нигдѣ не встрѣчаются у негровъ, употребляются лопаты; но каждое судно снабжено рулемъ мачтой и парусомъ. По обѣимъ сторонамъ придѣланы скамьи для сидѣнія; и кромѣ того устроено подобіе каюты изъ вѣтвей и рогожъ для защиты отъ солнечныхъ лучей (Rholfs, Quer durch Afrika, Bd. I s. 333—334). Женщины буддума отличаются отъ женщинъ сосѣднихъ племенъ своеобразной прической волосъ, раздѣленныхъ на два торчащихъ пучка на макушкѣ и затылкѣ головы, которые увеличены шиньонами изъ шерсти рогатаго скота. Онѣ не прокалываютъ себѣ ноздрей, но въ ушахъ носятъ мѣдныя и латунныя кольца; руки ихъ, начиная съ предплечья, украшены множествомъ металлическихъ браслетовъ не считая четырехъ пряжекъ; на ногахъ подъ икрами надѣта металлическая подвязка; шея увѣшана равнымъ образомъ ожерельями изъ бусъ, кораллами и большимъ количествомъ раковинъ каури. Буддума по вѣроисповѣданію мусульмане; но у нихъ сохранилось много обычаевъ изъ языческихъ временъ, которые пользуются такимъ-же уваженіемъ, какъ и магометанскіе. По свидѣ-

тельству Рольфса они почитаютъ высшее божество „Nadchikenem“, которое служитъ также олицетвореніемъ злаго начала, потому что производитъ бурю и уничтожаетъ суда. Ихъ второстепенныя божества „Betziromaïnò“ и „Bakomamaïn“ — добрые духи, которыхъ они молятъ о покровительствѣ, въ случаѣ опасности; но у нихъ повидимому нѣтъ фетишей, требующихъ особыхъ жертвъ. Понятіе о загробномъ существованіи, небѣ и адѣ не привилось къ нимъ; они также правильно не соблюдаютъ постовъ и ежедневныхъ молитвъ; обрѣзаніе составляетъ единственное изъ предписаній Корана, которое соблюдается во всей строгости. Многоженство было издавна въ ходу. Браки заключаются рано, т. е. женщины большей частью выходятъ замужъ чуть ли не въ дѣтскомъ возрастѣ. По словамъ Рольфса мужчина можетъ взять себѣ такое количество женъ, какое позволяютъ его матеріальныя условія, но онъ не можетъ разстаться ни съ одной изъ нихъ. Между тѣмъ Нахтигаль сообщаетъ, наоборотъ, что расторженіе брака представляетъ обыденное явленіе, даже безъ формальнаго магометанскаго развода. Супруги ссорятся изъ-за пустыхъ поводовъ, и женщина послѣ полученныхъ побоевъ бросаетъ мужа. Свадьба совершается безъ особенныхъ церемоній; дѣло ограничивается угощеніемъ невѣсты и ея родныхъ. Браки большей частью плодовиты. Сношенія между родственниками строго опредѣлены обычаемъ; кузнецы по своему общественному положенію такіе-же паріи, какъ у большинства племенъ пустыни и Судана. Погребеніе совершается по магометанскому способу; мертвеца кладутъ въ могилу отъ 4—5 м. глубины, головой къ югу и съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку. Если кто изъ буддума умираетъ на материкѣ, то его тѣло перевозятъ на родину, а чужестранца умершаго на ихъ островахъ они бросаютъ въ воду. Буддума очень любятъ пѣніе и танцы. Ихъ промышленность ограничивается изготовленіемъ предметовъ, соотвѣтствующихъ ихъ условіямъ жизни, какъ напр. плетеныхъ циновокъ и корзинъ, веревокъ, лодокъ и плотовъ. Они находятся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ береговыхъ племенъ канембу и пріобрѣтаютъ отъ нихъ одежду и украшенія, сбывая въ обмѣнъ рыбу, кнуты изъ гиппопотамовой кожи, соль, которой изобилуетъ ихъ почва, и слоновую кость. При этомъ они неисправимые разбойники, и не только грабятъ одинокихъ путешественниковъ и небольшіе караваны, но съ успѣхомъ предпринимаютъ набѣги противъ цѣлой мѣстности (Nachtigal, Sahara und Sudan, Bd. II, s. 368—371).

Къ югу отъ озера Чадъ лежитъ государство Багирми, которое находится въ зависимости отъ своего восточнаго сосѣда, а именно государства Вадаи, и вѣроятно мало по малу дойдетъ еще до большаго упадка и обратится въ провинцію этой страны. Населеніе Багирми смѣшанное, какъ и въ Борну, но еще въ болѣе сильной степени. Мы встрѣчаемъ здѣсь арабовъ, негровъ, тубу, фуллаховъ и метисовъ всѣхъ этихъ племенъ. Около начала шестнадцатаго столѣтія изъ странъ, лежащихъ на западъ отъ Бѣлаго Нила, хлынулъ въ Багирми могучій потокъ негритянскихъ народовъ: бонго, доръ и динка. Переселенцы, содѣйствовавшіе образованію государства Багирми, мало по малу дошли до земли Массенья, составлявшей центръ его владѣній, и при этомъ вѣроятно вытѣснили макари изъ ихъ первоначальныхъ мѣстъ жительства въ страну Буссо и покорили арабскія племена, кочевавшія здѣсь съ своими стадами. Вторженіе этихъ народовъ равнымъ образомъ повело за собой измѣненіе условій въ Вадаи и Дарфурѣ вслѣдствіе сліянія туземныхъ арабскихъ народовъ съ пришельцами. Та-

кимъ образомъ нынѣшнее населеніе Бигирми, одно изъ самыхъ храбрыхъ и цивилизованныхъ среди негритянскихъ народовъ, не можетъ считаться самобытнымъ племенемъ и никогда не было имъ, а представляетъ собой только продуктъ историческихъ событій не особенно давняго времени. Они произошли отъ скрещиванія бонго съ туземными арабскими кочевниками и покорили своей власти цѣлый рядъ сосѣднихъ племенъ, которыя до сихъ поръ остались главнымъ источникомъ дохода для своихъ властелиновъ, благодаря доставляемой ими дани и охотѣ за невольниками. Такимъ образомъ ежегодно входили новые народные элементы, и ассимилированіе совершалось тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ближе было ихъ племенное сродство съ побѣдителями н чѣмъ меньше прививался къ нимъ исламъ и возвышалъ ихъ надъ уровнемъ сосѣднихъ языческихъ народовъ. Впослѣдствіи, когда страна стала болѣе населенной и всѣ жители приняли магометанство, разница между ними и ихъ языческими сосѣдями, несмотря на племенное сродство, сдѣлалась значительнѣе. Послѣдніе уже больше не ассимилировались побѣдителями; ихъ продавали и держали въ рабствѣ, хотя скрещиваніе продолжалось непрерывно, благодаря значительному числу женщинъ и дѣвушекъ, ежегодно привозимыхъ съ юга. До настоящаго времени покоренныя языческія племена, на востокѣ и югѣ страны, образуютъ собой интегрирующую составную часть государства и отличаются отъ настоящихъ багирми. Сюда нужно отнести племена: сокоро, саруа, буа, ріилемъ, сара, сомраи, ндаммъ, томмокъ и т. д. Управленіе страны, какъ и въ Борну, находится въ рукахъ придворныхъ чиновниковъ, которымъ неограниченный властелинъ „mbang“ самовольно раздаетъ въ пользованіе не только округа и мѣстечки, но и цѣлыя племена. Эти чиновники заботятся не только о своей наживѣ, но и пополненіи королевской казны, потому что иначе ихъ признаютъ безполезными людьми и замѣняютъ новыми, болѣе внимательными должностными лицами. При дворѣ особенно много евнуховъ. Достойно замѣчанія, что въ Багирми, какъ и въ Вадаи, скопцы по преимуществу назначаются на военные посты, хотя признапо, что они не только по внѣшности, но и въ нравственномъ отношеніи пріобрѣтаютъ женственныя свойства. Багирми въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. таръ-багримма, говорятъ на самобытномъ діалектѣ, хотя весьма сходномъ съ лагоне и вандала и занимаютъ центръ страны; число ихъ простирается до $1^1/_2$ милліона; въ военное время они могутъ выставить до 10,000 пѣхоты и болѣе 3,000 конницы. Всадники носятъ латы съ оловянными щитами или панцыри изъ проволочныхъ колецъ; кромѣ того, для защиты лошади и всадника служатъ бумажныя одѣяла, простеганныя правильными четырехъугольниками. Копье и небольшой топоръ составляютъ наиболѣе употребительное оружіе; лукъ и стрѣлы встрѣчаются рѣже, равно щитъ, мечъ и кинжалъ.

Нынѣшніе багирми, хотя и произошли отъ различныхъ народовъ, но представляютъ настоящій негритянскій типъ. Они отличаются отъ своихъ западныхъ сосѣдей красивымъ тѣлосложеніемъ и болѣе привлекательными чертами лица, и вообще гораздо представительнѣе канури; мужчины превосходятъ послѣднихъ по силѣ мышцъ и величинѣ роста. Женщины сравнительно еще выше; въ большинствѣ случаевъ онѣ хорошо сложены, съ стройными пропорціональными членами тѣла и пріятнымъ выраженіемъ лица; у иныхъ большіе темные красивые глаза, такъ что ихъ наружность положительно производитъ пріятное впечатлѣніе. Вообще чернокожія женщины Багирми считаются самыми красивыми въ Суданѣ; по свидѣтельству Нахтигаля у нихъ большей частью живые глаза; ямочки на щекахъ и подбородкѣ не составляютъ рѣдкости и ихъ бѣлые зубы больше соотвѣтствуютъ нашимъ понятіямъ о красотѣ, нежели зубы у женщинъ Борну, которые большей частью окрашены въ коричневокрасный цвѣтъ. Что же касается ихъ домашнихъ добродѣтелей, то Бартъ слышалъ о нихъ много дурнаго и думаетъ, что въ этомъ была извѣстная доля правды (Barth, Reisen und Entdeckungen, Bd. III s. 352). Расторженіе брака бываетъ довольно часто и продажная любовь въ порядкѣ вещей. Д-ръ Нахтигаль замѣчаетъ, что женщины багирми повидимому очень влюбчивы, и многія при случаѣ извлекаютъ матеріальныя выгоды изъ своихъ физическихъ преимуществъ, такъ что онѣ нисколько не нравственнѣе и не серіознѣе представительницъ прекраснаго пола въ Борну и Логонѣ (Nachtigal, Sahara und Sudan, Bd. II s. 616). Женщины обращаютъ большое вниманіе на свою прическу, которая состоитъ изъ небольшихъ косъ, положенныхъ овально по бокамъ головы, что очень идетъ къ ихъ лицу. Одежда состоитъ, какъ и у женщинъ канури, изъ „turkedi“ застегнутой на груди; болѣе достаточныя набрасываютъ еще одну „turkedi“ на плечи (Barth, Reisen, Bd. III, s. 305). Изъ женскихъ украшеній главную роль играетъ кусочекъ коралла въ проколотыхъ ноздряхъ, серебряныя пряжки на рукахъ и серебряныя кольца чудовищной величины. Мужчины носятъ бѣлыя и синія „tobe“ и шаровары умѣренной ширины. Они также никогда не надѣваютъ изъ тщеславія нѣсколько одеждъ одна на другую и даже не знаютъ этого обычая. Нѣкоторые изъ мужчинъ брѣютъ себѣ головы, иные носятъ курчавые короткіе волосы, какъ ихъ создала природа, другіе съ помощью частаго чесанія первобытнымъ гребнемъ стараются сдѣлать ихъ по возможности гладкими. Подданный является передъ королемъ безъ оружія и съ обнаженнымъ туловищемъ, какъ это въ обычаѣ и въ Логонѣ. Женщины имѣютъ вообще здоровый видъ; но у мужчинъ часто встрѣчается своеобразная болѣзнь „mukardam“, родъ подкожнаго червя, который появляется на маленькомъ пальцѣ ноги и уничтожаетъ его. Болѣзнь эта такъ распространена, что по свидѣтельству д-ра Барта изъ десяти человѣкъ всегда найдется одинъ, у котораго только четыре пальца на ногѣ. Багирми приняли исламъ сравнительно въ недавнее время и большинство до сихъ поръ скорѣе заслуживаетъ названіе язычниковъ, нежели мусульманъ. Сумма ихъ свѣдѣній весьма незначительна; людей сколько нибудь ученыхъ совсѣмъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе багирми одарены хорошими способностями, и не подлежитъ сомнѣнію, что неблагопріятныя условія въ значительной мѣрѣ помѣшали ихъ развитію. Насколько они способны къ правильной работѣ и мирнымъ занятіямъ можно видѣть въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ничто не стѣсняетъ ихъ въ этомъ отношеніи. Они научились ткацкому, красильному и сѣдельному мастерству у канури и макари и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сдѣлали въ этомъ такіе успѣхи, что, напримѣръ, въ Кука рабы изъ Массенья особенно цѣнятся, какъ искусные ткачи. Скотоводство находится преимущественно въ рукахъ многочисленныхъ арабскихъ поселенцевъ шуа. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ характеромъ багирми мы видимъ, что они энергичнѣе и мужественнѣе, нежели канури и макари, но при этомъ менѣе честны и добродушны.

Буссо у Шари составляетъ границу настоящихъ багирми и распространенія ислама. Къ югу, востоку, юго-востоку и юго-западу отъ него лежатъ языческія земли, принадлежащія багирми. На юго-востокѣ наши свѣдѣнія о багирми не идутъ дальше рѣки Логонъ. По ту сторону живутъ баи, отдѣльныя мѣстечки которыхъ время отъ времени подвергаются разграбленію; но ихъ нельзя причислять къ языческимъ племенамъ, изъ которыхъ багирми вербуютъ своихъ рабовъ. На востокъ отъ Шари тянутся владѣнія буа, которые состоятъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ королямъ багирми. На сѣверъ отъ нихъ живутъ въ своихъ утесахъ сокоро; благодаря своей близости съ багирми они находятся въ прямой зависимости отъ послѣднихъ; но въ то же время имъ удалось отчасти сохранить самобытные нравы подъ защитой своихъ неприступныхъ жилищъ. Хотя характеръ мѣстности измѣняется постепенно, но относительно людей вы чувствуете себя какъ бы внезапно перенесеннымъ въ другой міръ; при этомъ васъ не столько поражаетъ перемѣна наружности, какъ чуждые нравы и одежда. Туземцы умѣренно чернаго цвѣта и немного выше средняго роста. Мужчины носятъ вокругъ бедеръ шкуру козы или газели; женщины считаютъ ее лишней и ходятъ почти голыя. Шкуру эту надѣваютъ такимъ способомъ что висящій сзади хвостъ слегка приподнятъ и привязанъ спереди къ кушаку. У женщинъ подобіемъ одежды служитъ шнурокъ обвитый вокругъ бедеръ, къ которому прикрѣпленъ дешевый нарядъ изъ листьевъ кустарника. Впослѣдствіи Нахтигаль встрѣчалъ вмѣсто этого шнурка болѣе широкій кушакъ съ кожаной бахрамой, висѣвшей спереди на подобіе короткаго передника. Женщины и дѣвушки, особенно молодыя, носятъ въ видѣ украшенія подвязки, состоящія изъ тесемокъ, къ которымъ придѣлано нѣсколько рядовъ раковинъ каури; кромѣ того онѣ вдѣваютъ въ проколотую верхнюю губу тонкій стеклянный цилиндръ, а иногда обвязываютъ себѣ шею шнуркомъ изъ мелкихъ красныхъ бусъ. Женщины брѣютъ себѣ волосы или же коротко стригутъ ихъ; но и въ этомъ случаѣ передняя часть головы надъ лбомъ гладко выбрита. Мужчины относительно прически выказываютъ гораздо больше тщеславія, нежели женщины. У иныхъ волосы висятъ вокругъ головы длинными тонкими косичками безъ бусъ; есть и такіе щеголи, у которыхъ прическа представляетъ ряды параллельныхъ косичекъ, сбѣгающихъ отъ лба къ затылку и съ одной стороны головы на другую, затѣмъ у нѣкоторыхъ заплетены четыре косички торчащія на головѣ въ видѣ роговъ; другіе тщательно зачесываютъ всѣ волосы кверху съ помощью острыхъ деревянныхъ палочекъ, сложенныхъ вмѣстѣ, на подобіе гребня и равномѣрно подстригаютъ ихъ, такъ что они поднимаются на макушкѣ головы въ видѣ конуса. Однимъ словомъ обычай не полагаетъ никакихъ преградъ тщеславію и изобрѣтательности отдѣльныхъ лицъ. Вообще у мужчинъ болѣе красивыя черты лица, нежели у женщинъ, но послѣднія въ большинствѣ случаевъ отличаются сравнительно болѣе высокимъ ростомъ. Каждый индивидъ мужскаго пола носитъ на шеѣ небольшой свистокъ изъ пробуравленнаго рога козы или газели, который служитъ ему для сигналовъ. Оружіе главнымъ образомъ состоитъ изъ метательнаго желѣзка и копья; у нѣкоторыхъ племенъ изъ короткаго широкаго кинжала и узкаго щита въ человѣческій ростъ, сдѣланнаго изъ плотной циновки или буйволовой кожи.

Д-ръ Нахтигаль отправился однажды въ резиденцію короля сомраи, сначала черезъ рѣдкій лѣсъ, затѣмъ мимо отдѣльныхъ дворовъ и деревень осѣненныхъ зеленью chamaerops humilis (приземистая пальма), ѳивскихъ думъ и фиговыхъ деревьевъ. Тутъ же паслись привязанныя къ длинной веревкѣ малорослыя лошади, которыя составляютъ неизбѣжную принадлежность каждаго дома въ этой мѣстности. По росту такая лошадь не выше пони, съ плоскимъ или приплюснутымъ переносьемъ, необыкновенно ручна и не знакома съ сѣдломъ и уздечкой. Вмѣсто того у ней на спинѣ сдираютъ кожу, такъ что тѣло

голаго всадника довольно плотно прилипаетъ къ спинѣ животнаго. Здѣсь нѣтъ другаго способа ѣзды, какъ шагомъ или галопомъ. Рогатый скотъ и овцы составляютъ рѣдкость; но очень много козъ необыкновенно мелкой породы, которыя нерѣдко достигаютъ чудовищной толщины. Вездѣ невѣроятное количество собакъ; онѣ малы ростомъ, съ острыми ушами и гладкой шерстью и высоко цѣнятся за свое мясо. Швейнфуртъ видѣлъ у ніамніамъ, ту же породу собакъ, изъ которыхъ нѣсколько экземпляровъ было привезено въ Европу нѣмецкой экспедиціей Лоанго.

Къ вечеру того же дня путешественникъ достигъ территоріи габери. Характеръ страны и населенія оставался тотъ же. На дворахъ обнесенныхъ соломеннымъ плетнемъ лаяли неизбѣжныя собаки; передъ каждымъ домомъ паслась лошадь хозяина, привязанная къ длинной веревкѣ съ содранной шкурой на спинѣ. Голыя женщины растилали на солнцѣ приготовленный для пива солодъ изъ зерноваго хлѣба; дѣти, которыя здѣсь вообще красивѣе взрослыхъ, испуганныя неожиданнымъ появленіемъ бѣлаго человѣка, ѣхавшаго на высокой лошади, прятались отъ него съ громкимъ крикомъ; мужчины лежали въ тѣни или шатались безъ дѣла съ метательнымъ копьемъ висѣвшимъ на плечѣ. Они вступали въ разговоръ съ чужестранцемъ на языкѣ багирми, который былъ болѣе или менѣе извѣстенъ всѣмъ имъ. Габери, какъ мужчины, такъ и женщины почти не отличаются отъ сомраи въ физическомъ отношеніи, а равно и въ нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ. Ихъ религіозныя представленія тѣ же, что у сосѣднихъ языческихъ племенъ и ограничиваются вѣрой въ высшее существо, которое заявляетъ о своемъ присутствіи громкимъ голосомъ, т. е. раскатами грома. Символомъ его служитъ священный столбъ изъ дерева „habila“, поставленный въ особой хижинѣ (храмѣ), которому приносятъ жертвоприношенія. На этотъ столбъ навѣшиваютъ звѣриныя шкуры добытыя на охотѣ и передники убитыхъ непріятелей; если нужна его помощь и совѣтъ, то въ видѣ жертвы закалываютъ курицу; когда сварено свѣжее пиво, ему приносятъ полный сосудъ и ставятъ въ хижинѣ. „Habila“ вообще считается священнымъ деревомъ и всякія клятвы произносятся подъ его тѣнью. При этомъ сильно распространена вѣра въ колдовство и злыя силы, дѣйствію которыхъ обыкновенно приписываютъ смерть вождя или знатнаго человѣка и даже гибель красивой лошади. Знахари (жрецы, колдуны) открываютъ преступниковъ, и нерѣдко ни въ чемъ неповинный человѣкъ искупаетъ жизнью смерть враждебнаго ему знатнаго лица; жену и дѣтей его продаютъ въ рабство, а имущество переходитъ къ вождю. Если кто страдаетъ падучею болѣзнью или судорогами, то его убиваютъ, какъ одержимаго нечистой силой, такъ что многія нервныя дамы цивилизованныхъ странъ, получили бы здѣсь скорое изцѣленіе отъ своихъ припадковъ. Покойниковъ опускаютъ въ большія круглыя могилы, гдѣ для трупа устроена стѣнная ниша. Умершаго смотря по состоянію хоронятъ въ одеждѣ, которую онъ имѣлъ при жизни, хотя и не носилъ ее; въ головахъ кладутъ заколотую овцу и ставятъ нѣсколько кувшиновъ съ пивомъ и медомъ, а на ротъ покойника кладутъ небольшое блюдо съ бусами или раковинами каури. Эти съѣстные запасы и деньги (каури) говорятъ въ пользу вѣрованія въ загробную жизнь, хотя всѣ разспросы не привели ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Еще большимъ подтвержденіемъ этого вѣрованія служитъ то обстоятельство, что у нѣкоторыхъ племенъ, вмѣстѣ съ умершимъ вождемъ хоронятъ заживо (12—14 лѣтняго мальчика и дѣвушку того же возраста, чтобы они отгоняли отъ него мухъ. Количество женъ зависитъ отъ состоянія мужа. Жену покупаютъ и даютъ за нее лошадь, полдюжины откормленныхъ собакъ и т. п. Если у ней нѣтъ дѣтей, то ее продаютъ или она обращается въ невольницу и должна исполнять всѣ работы. Женщина, родившая пятерыхъ дѣтей, можетъ вернуться въ родительскій домъ, если этого пожелаетъ, потому что внесенная за нее плата возвращена съ избыткомъ.

Габери, наученные опытомъ, благодаря частымъ охотамъ за невольниками, которымъ они подвергаются со стороны багирми, устроили себѣ, помимо своихъ обыкновенныхъ деревень, состоящихъ изъ плетенныхъ соломенныхъ хижинъ, надежныя военныя поселенія на высокихъ деревьяхъ, гдѣ они водворяются въ минуту опасности со всѣмъ домашнимъ скарбомъ. Здѣсь они находятъ вѣрную защиту отъ багирми, которые не въ состояніи овладѣть этими укрѣпленіями, какъ видно изъ словъ Нахтигаля, принимавшаго участіе въ подобной экспедиціи. „Передъ нами, пишетъ онъ, лежалъ лѣсъ, скрывавшій воздушную деревню. Клубы дыма, служившіе сигналомъ для болѣе отдаленныхъ жилищъ, ясно показывали, что враги замѣтили наше приближеніе. Покинутыя жилища, отчасти уничтоженныя огнемъ, были раскинуты на далекомъ пространствѣ, въ тѣни могучихъ красивыхъ деревьевъ, на вершинахъ которыхъ нѣсколько недѣль тому назадъ водворились обитатели. Это былъ особый видъ гигантскаго шелковистаго хлопчатника, который вполнѣ соотвѣтствовалъ данной цѣли, какъ по высотѣ, такъ и по толстому, прямому крѣпкому стволу, правильному расположенію вѣтвей и ихъ числу. Вѣтви лежащія на одной высотѣ, подъ прямымъ угломъ къ стволу, были соединены поперечными шестами, плотно прилаженными другъ къ другу и составляли платформы, на которыхъ были построены миніатюрныя хижины и загородки для мелкаго скота и птицы (козъ, собакъ, куръ). Къ самому стволу были придѣланы плотныя плетеныя корзины, въ которыхъ помѣщались воины съ своимъ оружіемъ. Въ хижинахъ была только самая необходимая домашняя утварь: большая деревянная ступа для изготовленія муки и большія кружки съ водой, которыя наполняли ночью, когда нечего было опасаться нападеній. Войско, состоящее почти изъ 2000 человѣкъ, оказалось безпомощнымъ противъ этихъ скромныхъ крѣпостей. У осаждающихъ не было достаточно мужества, чтобы овладѣть которой либо изъ нихъ, потому что авангарду грозила неизбѣжная гибель; при этомъ не было надлежащихъ инструментовъ, чтобы срубить дерево, ни такого оружія, которое могло быть опаснымъ для сидящихъ на вершинѣ дерева. Королевскіе невольники, вооруженные ружьями, не умѣли владѣть ими, а тѣмъ болѣе попасть въ цѣль, и только напрасно тратили порохъ. Съ другой стороны хижины были на такой высотѣ, что нелегко было поджечь ихъ; и даже когда удавалось это, то осажденнымъ не стоило особеннаго труда немедленно затушить огонь. Во всякомъ случаѣ эти древесныя жилища несравненно цѣлесообразнѣе обыкновенныхъ укрѣпленныхъ деревень, которыя встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ, менѣе богатыхъ вышеупомянутыми деревьями. До сихъ поръ я съ ужасомъ вспоминаю 31 мая 1872 года, такъ какъ именно въ этотъ день мы напали на деревню Коликъ въ землѣ тумоковъ. Когда мы выступили изъ густаго лѣса, восходящее солнце освѣтило небольшую прогалину съ разбросанными на ней мирными хижинами и полями. Жители были заняты разореніемъ роднаго гнѣзда съ помощью огня и одинъ за другимъ скрывались за широкой глиняной стѣной, составлявшей наружное укрѣпленіе, высота которой, едва достигала человѣческаго роста. За этой стѣной пока все было спокойно, и глазамъ открывалась идиллическая картина мирной сельской жизни. Въ одномъ мѣстѣ лежала на землѣ группа мужчинъ, повидимому занятыхъ болтовней; другіе прогуливались по валу; кое-гдѣ паслись миніатюрныя туземныя лошадки; вдали едва виднѣлись женщины и дѣти, скрытыя тѣнью лѣсной чащи, составлявшей центръ пространства обнесеннаго четырехъугольнымъ валомъ. Въ этой лѣсной, почти неприступной чащѣ, защищенной вторымъ болѣе низкимъ валомъ и рвами находилась военная деревня. Ворота устроенныя по четыремъ сторонамъ квадратнаго вала, были заложены баррикадами изъ древесныхъ стволовъ. Требованіе сдачи встрѣтило рѣшительный отказъ, послѣ чего началась битва, которая продолжалась до 3 часовъ пополудни и служила очевиднымъ доказательствомъ необыкновеннаго мужества осажденныхъ. Первый

валъ и баррикады были скоро взяты, тогда всѣ осажденные, не исключая мужчинъ удалились въ лѣсную чащу, и для осаждающихъ начался рядъ затрудненій. Приходилось пробивать себѣ дорогу въ чащѣ; люди ползли по землѣ, прокрадывались со всѣхъ сторонъ къ центру; но когда удалось поджечь крайнюю хижину военной деревни, участь дня была такъ сказать рѣшена. Число защитниковъ мужскаго пола, становилось все меньше; деревня была обращена въ пепелъ; побѣдители окончательно овладѣли мѣстомъ и когда остатки осажденныхъ, сдѣлали отчаянную попытку выбраться изъ чащи, наступилъ конецъ трагедіи. Раненыхъ полумертвыхъ людей вытаскивали изъ подъ кустовъ и алчные багирми добивали ихъ, чтобы отнять у нихъ оружіе и скудную одежду. Женщинъ и дѣвушекъ почти потерявшихъ сознаніе, волокли по лѣсу изъ ихъ убѣжищъ, и всякій разъ изъ-за нихъ возникала кровавая стычка; грудныхъ дѣтей вырывали изъ рукъ матерей и какъ ненужную добычу бросали на землю и топтали ногами. Эти стычки корыстолюбивыхъ побѣдителей о правѣ собственности надъ несчастными безпомощными существами, по своей грубости и жестокости, были ужаснѣе самой борьбы. Около двадцати мужчинъ, оставшихся въ живыхъ, добровольно отдались въ руки побѣдителей и за это поплатились жизнью. Такимъ образомъ мирное богатое мѣстечко было стерто съ лица земли, чтобы король Багирми пріобрѣлъ 300—400 лишнихъ рабовъ. Подъ вліяніемъ самыхъ печальныхъ мыслей, проѣхалъ я по пожарищу военной деревни, гдѣ насчиталъ до 27 труповъ грудныхъ дѣтей, которымъ матери въ порывѣ варварскаго героизма свернули шеи или бросили въ огонь. Казалось никогда еще не насыщалась въ такой степени человѣческая жестокость, которая подъ предлогомъ религіи истребила столько невинныхъ людей въ различныхъ странахъ свѣта“. Въ дополненіе къ этимъ невеселымъ картинамъ, считаемъ не лишнимъ привести слова Нахтигаля, который описываетъ слѣдующимъ образомъ свое обратное путешествіе въ сопровожденіи большаго каравана рабовъ: „Нашъ караванъ значительно увеличился живымъ товаромъ, стоимость котораго равнялась обыкновенной цѣнѣ лошадей, но для меня было загадкой, какъ несчастные невольники вынесутъ трудности пути. Половина ихъ страдала той же болѣзнью, которая угрожала и моей жизни; остальные были изнурены голодомъ. Въ первый же день нѣсколько человѣкъ упало на землю и никакіе побои и удары кнута не могли заставить ихъ продолжать путь, такъ что ихъ пришлось оставить на дорогѣ. Не смотря на жестокія истязанія, вынесенныя этими бѣдняками я радовался за нихъ въ надеждѣ, что они отдохнутъ, и быть можетъ соберутся съ силами, чтобы вернуться на родину; но мнѣ сообщили, что рѣшено ихъ убить въ назиданіе другимъ. Сначала я не могъ и не хотѣлъ вѣрить этому. Мнѣ было извѣстно, что каравары невольниковъ, идущіе черезъ пустыню на сѣверъ, принуждены оставить многихъ изъ нихъ на дорогѣ въ случаѣ ихъ крайняго истощенія, такъ какъ рѣдко оказываются лишніе верблюды, и брошенные невольники умираютъ отъ голода и жажды подъ палящими лучами солнца. Но я считалъ немыслимымъ, чтобы человѣкъ хладнокровно убивалъ больнаго собрата, какъ козу или курицу. Между тѣмъ фактъ былъ на лицо. Если нельзя было заставить невольника или невольницу продолжать путь ударами кнута, то хозяинъ изъ приличія отставалъ немного отъ каравана, спокойно вынималъ ножъ и перерѣзывалъ имъ горло. Впослѣдствіи мнѣ приходилось ежедневно видѣть это, и для меня было величайшей нравственной пыткой сознаніе моего полнаго безсилія въ виду подобнаго варварства“.

Изъ вышеприведенныхъ языческихъ племенъ наиболѣе тѣсное сродство съ багирми представляютъ жители областей: Буссо и Саруа. Изъ нихъ собственно первая должна считаться составной интегрирую-

щей частью государства; именемъ буссо здѣсь большею частью называютъ не только жителей, все племя и территорію, но даже главное мѣстечко. Буссо, повидимому, говорятъ на томъ же діалектѣ, какъ живущіе на западѣ и юго-западѣ отъ нихъ куангъ, которые, по нѣкоторымъ даннымъ, въ свою очередь, представляютъ по языку тѣсную связь съ своими западныни сосѣдями музго. Къ востоку отъ буссо живутъ саруа, среди которыхъ встрѣчается значительное число багирми; чистокровные саруа отличаются отъ послѣднихъ особымъ діалектомъ. Жители области Сокоро распадаются на двѣ отрасли, отдѣленныя другъ отъ друга существеннымъ различіемъ діалекта. Къ югу отъ Сокоро распространены буа, которые распадаются на множество независимыхъ между собой племенъ, но говорящихъ на одномъ общемъ діалектѣ. Внѣшнимъ отличіемъ буа служитъ мѣховая куртка безъ рукавовъ, шерстью вверхъ. Посрединѣ лба, начиная отъ корня волосъ и до носа, у нихъ всегда проведена широкая продольная полоса, которая придаетъ ихъ лицу крайне непріятное выраженіе. На востокѣ за южными буа слѣдуютъ сара-куфу, которые прокалываютъ себѣ губы кругомъ всего рта и украшаютъ ихъ короткими палочками; затѣмъ сара-джакъ, манна съ острыми, подпиленными зубами и, наконецъ, мбу, живущіе довольно близко отъ арабскихъ поселеній, лежащихъ къ югу отъ Вадаи. Ньилемъ, южные сосѣди и родичи буа, равнымъ образомъ распадаются на множество отдѣловъ. Въ центрѣ описаннаго нами овала живутъ три племени, сплоченныхъ до нѣкоторой степени въ замкнутыя государства, а именно: воинственные сомраи, ндаммъ и туммокъ; изъ нихъ послѣдніе два говорятъ на одинаковомъ діалектѣ; у сомраи они извѣстны подъ общимъ именемъ дидже (Nachtigal, Sahara und Sudan, Bd. II, s. 671 — 682).

На востокъ отъ Канема и Багирми лежитъ наиболѣе организованное государство центральной Африки, Вадаи, которое совмѣстно съ платящими дань народами, населяющими области Фиттри, часть Канема, Баръ-эль-Гацаль и Борку, Даръ Рунга и Кути заключаетъ около 5 милліоновъ жителей. Населеніе Вадаи состоитъ на сѣверѣ изъ тубу, въ центрѣ и на югѣ изъ настоящихъ африканскихъ негровъ, между которыми вторглись и арабы. Главное племя маба, присвоившее себѣ господство надъ страной, говоритъ на языкѣ бора мабангъ или маба, который также принятъ здѣсь повсемѣстно для торговыхъ сношеній. Въ составъ маба входятъ всѣ знатнѣйшія племена страны; въ настоящее время высшая власть въ ихъ рукахъ; король долженъ принадлежать къ нимъ по своему происхожденію, такъ что ни одинъ принцъ не считается годнымъ къ правленію, если его мать не изъ этого привилегированнаго рода. Маба распадаются на значительное число племенъ; изъ нихъ извѣстны кодои или абу-зенунъ по своимъ краснымъ зубамъ, вѣроятно окрашеннымъ въ этотъ цвѣтъ какимъ нибудь растительнымъ веществомъ, затѣмъ ауладъ джема, маланка,

мадаба, дебба, абиссахъ и пр. Съ этими отраслями маба сродны еще нѣкоторыя племена: марфа, массолидъ, кашемере, курунка и т. д. Всѣ вадава (жители Вадаи), говорящіе на различныхъ діалектахъ языка бора мабангъ, настоящіе негры; многіе съ рѣзко очерченнымъ, изогнутымъ острымъ носомъ, немного расширеннымъ у крыльевъ и съ мясистыми губами, между тѣмъ, какъ у другихъ индивидовъ носъ болѣе притупленный и съ широкими ноздрями. Вадава далеко уступаютъ канури и багирми въ культурномъ отношеніи, а равно въ искусствѣ и промышленности; нравы ихъ вообще гораздо грубѣе. Первобытная домашняя утварь изъ выдолбленныхъ тыквъ и т. п. служитъ доказательствомъ ихъ неумѣлости, недостатка художественнаго вкуса и пониманія красоты, а равно и весьма низкой степени развитія вадава. Соломенныя хижины этого племени далеко не удовлетворительны съ практической и художественной стороны, такъ что вышеупомянутые язычники, живущіе на югѣ отъ багирми, значительно превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Ткани („tokaki") поражаютъ своей грубостью и только у отдѣльныхъ племенъ встрѣчаются болѣе тонкія матеріи. При этомъ вадава способны на всякое насиліе, сварливы и жестоки, особенно подъ вліяніемъ „melissa" или „merissa", перебродившаго пива изъ индійскаго проса „духу" или „дурра", въ употребленіи котораго они отличаются крайнею неумѣренностью. Пристрастіе къ „merissa" и любовныя похожденія служатъ чуть ли не ежедневно поводомъ къ убійству и смертельнымъ побоямъ. Эти свойства въ связи съ непомѣрной гордостью и ненавистью вадава къ чужестранцамъ вѣроятно скоро привели бы къ совершенному прекращенію торговли съ берегомъ, еслибы ихъ до извѣстной степени не сдерживало твердое правленіе нынѣшняго султана. Образъ правленіе монархически-деспотическій, и для блага страны примѣняется съ драконовской строгостью.

Жители Даръ-Кути и Даръ-Рунга къ югу отъ Вадаи принадлежатъ къ одному племени. Кути язычники; рунга представляютъ сродство съ мангари и кибетъ и исповѣдуютъ магометанскую религію; при этомъ они рослые сильные люди, съ темнымъ цвѣтомъ кожи, упрямаго и воинственнаго характера. Они извѣстны также какъ смѣлые охотники за слонами и носорогами, на которыхъ они нападаютъ въ одиночку, сидя верхомъ на лошади, и убиваютъ ударомъ копья. Что касается народовъ, живущихъ далѣе на югъ отъ Вадаи, то мы почти не имѣемъ о нихъ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ ихъ не посѣщалъ ни одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ. Тѣмъ не менѣе д-ру Нахтигалю удалось узнать о нихъ нѣкоторыя подробности отъ одного уроженца Борну.

Племена живущія на югъ отъ Кути въ Баръ-эль-Абіадъ, Баръ-эль-Ацрекъ, Баръ-эль-Ардхе и на сѣверномъ берегу Баръ-Кута извѣстны у рунга, кути и у поселившихся среди нихъ чужестранцевъ подъ общимъ именемъ банда, а

также „nyamanyan“, потому что большинство предано людоѣдству. Слово „nyamanyan“ есть ничто иное какъ множественное отъ „nyam nyam“, но здѣсь оно употреблено въ единственномъ числѣ. Туземецъ, изъ Борну, сообщившій эти свѣдѣнія Нахтигалю утверждалъ, что вышеупомянутыя племена связаны между собой лингвистическимъ единствомъ и приводилъ для примѣра слова изъ языка банда, на которомъ объяснялся совсѣмъ свободно. Мужчины у банда употребляютъ для одежды первобытныя рагожи изъ коры „djimmeze“; женщины прикрываютъ свою наготу листьями „habila“. Они рѣдко стригутъ свои длинные волосы. У мужчинъ и у женщинъ острые подпиленные зубы. Они прокалываютъ себѣ ушныя мочки (у женщинъ отверстіе занимаетъ значительную часть наружнаго уха), ноздри и губы и продѣваютъ въ нихъ короткіе цилиндры. Всѣ банда охотно напиваются „merissa“ и „dumma“ (перебродившій напитокъ изъ маиса и меда), и курятъ виргинскій табакъ изъ самодѣльныхъ небольшихъ трубокъ, для которыхъ матеріаломъ служитъ глина, добытая изъ термитныхъ муравейниковъ. Многоженство въ обычаѣ; количество женъ зависитъ отъ состоянія; ихъ покупаютъ какъ товаръ и платятъ за нихъ бусами, собачьими зубами, желѣзомъ, мѣдью и оловомъ. У многихъ племенъ въ обычаѣ обрѣзаніе юношей, но далеко не у всѣхъ. Большинство предано людоѣдству. Руки, ноги и зубы несчастныхъ жертвъ предоставляются наиболѣе знатнымъ людямъ, которые изъ зубовъ дѣлаютъ ожерелья для себя, женъ и дѣтей. Оружіе банда состоитъ изъ лука, стрѣлъ, копья и короткаго метательнаго желѣзка. Въ каждомъ хозяйствѣ отведена небольшая хижина для главнаго божества „Wamba“ (женскаго пола) и для ея супруга „Botokollo“. Имъ обоимъ всегда отливаютъ извѣстное количество свареннаго пива и приносятъ въ жертву часть добычи пріобрѣтенной на охотѣ, а также военныхъ трофеевъ; ихъ молятъ о ниспосланіи дождя съ помощью жертвъ и заставляютъ предсказывать исходъ задуманнаго набѣга. У этихъ святилищъ банда приносятъ свои клятвы; сюда являются они съ новорожденными дѣтьми и вновь пріобрѣтенными рабами, чтобы испросить благословеніе свыше.

ЖИТЕЛИ ВОСТОЧНАГО СУДАНА.

Обширная полоса земли — которая граничитъ на западѣ съ Багирми, Вадаи и Дарфуромъ, на востокъ съ Нильскими землями и Касса, а на югъ съ владѣніями народовъ банту, — представляетъ въ обширномъ смыслѣ область верхняго Баръ-эль-Абіада или Бѣлаго Нила. На новѣйшихъ географическихъ картахъ эта область нерѣдко названа Египетскимъ Суданомъ, потому что дѣйствительно верховная власть Каирскаго хедива въ болѣе или менѣе значительной степени распространена на всѣ эти земли. Здѣсь живетъ довольно много племенъ, которыя отчасти весьма мало извѣстны и преимущественно принадлежатъ къ негритянской расѣ, хотя сильно скрещенной съ арабами и нуба,—племенемъ повидимому сроднымъ съ фуллахами. Таково по крайней мѣрѣ пятимилліонное населеніе Дарфура, который

въ настоящее время образуетъ провинцію обширнаго египетскаго государства. Главную массу народа составляютъ негры; ихъ всего больше въ центрѣ страны, а именно въ горахъ Марра, между тѣмъ какъ на сѣверо-западѣ живетъ многочисленное племя феллатаховъ. Главный языкъ Дарфура составляетъ идіомъ гондшара, въ которомъ замѣтна сильная примѣсь арабскихъ словъ; въ городахъ преимущественно говорятъ по арабски. Изъ туземцевъ наиболѣе замѣчательны собственно фури или гондшары, нѣкогда самый могущественный народъ въ странѣ, до сихъ поръ удержавшій власть въ своихъ рукахъ. Фури, настоящіе негры, хотя у нихъ длинные прямые волосы, довольно большой носъ, тонкія губы и овальное лицо съ интеллигентнымъ выраженіемъ. Они замѣтно отличаются отъ другихъ жителей Дарфура болѣе тонкими и благородными чертами лица. У нихъ нерѣдко довольно свѣтлый цвѣтъ кожи и скорѣе съ коричневымъ, нежели съ чернымъ отливомъ. Горныя племена, судя по отзывамъ ихъ сосѣдей очень дики, преданы пьянству и негостепріимны. Но при этомъ довольно богаты, имѣютъ большія стада и воздѣлываютъ въ большихъ размѣрахъ плодовыя деревья и хлѣбныя растенія. Жители равнинъ отличаются лѣнью, неопрятностью и раболѣпствомъ.

Хижины въ Дарфурѣ имѣютъ видъ круглыхъ палатокъ, сплетенныхъ изъ соломы и всегда обнесены терновой изгородью. Болѣе достаточные фури носятъ одежду изъ кисеи или англійскаго каленкору и кромѣ того плащъ, а на головѣ „tarbusch", т. е. родъ красной фески; у бѣдняковъ прикрыта только верхняя часть тѣла. Женщины носятъ кольцо въ ноздряхъ, большія серебряныя сережки и подвязки на рукахъ и ногахъ. При заключеніи браковъ женихъ долженъ заплатить родителямъ невѣсты большой выкупъ, состоящій изъ скота и рабовъ. Промышленность довольно значительна. Кромѣ земледѣлія и огородничества туземцы занимаются пряжей, ткацкимъ и красильнымъ ремесломъ, дубленіемъ кожъ и кузнечествомъ; они изготовляютъ наконечники копій, лукъ и стрѣлы, первобытныя земледѣльческія орудія, хорошую кожу и т. п. Торговля ихъ достигаетъ большихъ размѣровъ; предметами сбыта преимущественно служатъ плоды, гутта-перча, слоновая кость, бычачьи шкуры и, въ особенности, невольники, торгъ которыми правильно организованъ. Исламъ составляетъ господствующую религію.

На востокъ отъ Дарфура до Абиссинскихъ горъ тянется большая саванна, заключающая двѣ египетскія провинціи: Кордофанъ и Сеннаръ. Въ былыя времена черезъ Кордофанъ прошло множество кочующихъ племенъ; но въ настоящее время его населяютъ преимущественно три племени нуба, совмѣстно съ многочисленными чисто негритянскими элементами. Этнографическія условія Кордофана, какъ и въ остальномъ египетскомъ Суданѣ, сдѣлались съ теченіемъ времени весьма сложными. Помимо древнѣйшихъ осѣдлыхъ обитателей страны, которыхъ можно обозначить общимъ собирательнымъ именемъ кордофанезовъ, мы встрѣчаемъ во многихъ южныхъ и западныхъ деревняхъ общины такариповъ и феллатаховъ, которые издавна переселились сюда съ запада. Этому усложненію этнографическихъ условій не мало спо-

собствовали многочисленные рабы, а также текеле и нуба изъ юго-западныхъ областей Баръ-эль-Газаль и пр. нубійскіе элементы: данакиль, джалинъ и пр., а также племена баггара, кочующія въ южныхъ областяхъ, въ сѣверномъ Гассаніэхъ и Кабабишъ.

Осѣдлые жители деревень въ восточныхъ и сѣверовосточныхъ частяхъ страны называютъ себя кауамахъ; ихъ можно считать наиболѣе значительными изъ здѣшнихъ племенъ, равно и шоехадъ, марамрахъ, маканинъ, бедеріехъ, кодіахъ, хотя всѣ они не представляютъ между собой никакихъ существенныхъ отличій. Въ большинствѣ случаевъ они выше средняго роста, скорѣе отличаются худощавымъ и жилистымъ тѣлосложеніемъ, нежели тучностью, съ курчавыми и нерѣдко рунообразными волосами; борода встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Голова представляетъ ясно выраженный долихокефальный типъ; прогнатизмъ мало развитъ, въ чемъ они всего болѣе сходны съ племенемъ фундшъ; кожа бываетъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ отъ шоколадно-коричневаго до чернаго. Одеждой всего чаще служитъ широкая рубашка изъ грубой самодѣльной ткани; въ меньшемъ употребленіи „ferdah", т. е. обычная нубійская накидка изъ кисеи съ красной каймой; мужчины носятъ иногда короткіе штаны. Нарядъ женщинъ тотъ-же, что и во всемъ остальномъ магометано-египетскомъ Суданѣ, дѣвушки носятъ набедренный передникъ „rahad", распространенный и на сѣверѣ отъ Уніоро до послѣднихъ водопадовъ Сіэне. Сандаліи почти въ общемъ употребленіи. Деревни часто построены на далекомъ разстояніи другъ отъ друга; но укрѣпленія, окружающія у Голубаго Нила цѣлыя деревни, встрѣчаются здѣсь только около отдѣльныхъ домовъ и служатъ загородками для скота, и то не всегда, потому что въ хорошо обработанномъ и населенномъ центрѣ, близь Эль-Обеида, нѣтъ больше крупныхъ хищныхъ звѣрей. „Tukul", какъ называютъ хижины въ восточномъ Суданѣ, носятъ тотъ-же характеръ, что и въ остальномъ Суданѣ, но часто бываютъ большихъ размѣровъ и строятся изъ соломы „duchu". Вы видите передъ собой обширное четырехугольное зданіе съ плоской крышей, называемое „rakubah", съ узкимъ низкимъ отверстіемъ, вмѣсто двери. Скудная утварь та-же, что и въ остальномъ Суданѣ; оружіемъ служатъ копья различной величины и палки. Здѣсь не тратятъ много времени и труда на воздѣлываніе почвы. На вновь распаханныхъ мѣстахъ срубаютъ деревья, и оставляютъ пни въ половину человѣческаго роста, и только поля тщательно очищаются отъ сорной травы. Почва неблагопріятна для разведенія дурра; но здѣсь прекрасно растетъ „duchu", который подобно дурра въ другихъ частяхъ Судана служитъ не только кормомъ для домашняго скота, но составляетъ главную пищу для людей. Изъ „duchu" приготовляютъ: „kisrah", „luqmah", а также „luqmah el Gir", названный такъ по своей крѣпости, затѣмъ потребляемые въ этой провинціи напитки: „merissah", „bilbil" и „asalia". Для очистки полей „duchu" служитъ употребляемое во всемъ Суданѣ земледѣльческое орудіе мѣстнаго изготовленія, а именно „malot", состоящее изъ куска желѣза, имѣющаго форму полумѣсяца съ деревянной рукояткой. Для разрыхленія почвы употребляютъ тотъ-же „malot", только въ этомъ случаѣ желѣзо насаживается на вилообразную рукоятку, одинъ конецъ которой короче другой. Этой работой занимается большая часть деревенскаго населенія, но преимущественно женщины, и при этомъ бѣднѣйшаго класса, потому что всякій, кто можетъ держать невольниковъ или невольницъ, посылаетъ ихъ вмѣсто себя въ поле. Что касается нравовъ, то жители Кордофана мало отличаются отъ населенія Сеннара, за исключеніемъ большей свободы, предоставленной женщинамъ, которыя сверхъ того не подвергаются операціи „infibulatio", какъ въ другихъ мѣстностяхъ Судана. Гостепріимство въ обычаѣ и весьма

распространено здѣсь (Ernst Marno, Reise in den ägyptischen aequatorialprovinz und in Kordofan in den Jahren 1874—1876. Wien 1878, s. 203—204).

Изъ туземцевъ, живущихъ у верхняго теченія Нила, намъ всего больше знакомы негритянскія племена, населяющія западную часть страны. Изъ послѣднихъ мы назовемъ шиллукъ, къ которымь принадлежатъ также джуръ или луохъ у Баръ-Джура. Второе племя нуёръ или нуэхръ живетъ къ югу отъ шиллуковъ на правомъ берегу Баръ-эль-Абіада; третье динка, денка или джангехъ распространена у восточнаго берега Бѣлаго Нила отъ горъ Динка (12° с. ш.) до 6° с. ш. и по западному берегу Баръ-эль-Абіада до 10° с. ш. Они распадаются на множество племенъ, изъ которыхъ туичъ, боръ, эліабъ и кіэчъ самыя значительныя. Къ югу отъ владѣній эйлабовъ и боръ живутъ бари, самое сѣверное племя которыхъ носитъ названіе чиръ; на востокъ отъ нихъ слѣдуютъ бери, говорящіе на сродномъ языкѣ съ шиллуками и динка, а на западъ ніангъ-бари или ніамъ-бари. И здѣсь на сравнительно небольшомъ пространствѣ встрѣчаются поразительныя видоизмѣненія въ тѣлосложеніи и цвѣтѣ кожи. Пауковидныя длиннорукія фигуры шиллуковъ съ ихъ ходулеобразными ногами, а равно у нуэровъ и динка вполнѣ приспособлены къ занимаемому ими болотистому раіону Баръ-эль-Абіада, между тѣмъ какъ отрасли нуба, живущія далѣе къ востоку у возвышенной и гористой страны отличаются меньшимъ ростомъ и по своему пропорціональному и сильному тѣлосложенію представляютъ извѣстную аналогію съ своей родиной. Къ югу мы встрѣчаемъ то-же явленіе у ширъ, занимающихъ возвышенную сухую мѣстность, у бари и еще въ сильнѣйшей степени у ніамъ-бари, живущихъ вблизи лѣсистой горной страны и ихъ сосѣдей: лиги, мору, мундо, абу-кеіа, абака и т. д., которые не превышаютъ норму обыкновеннаго роста и имѣютъ нормальные члены тѣла. Равнымъ образомъ мы часто находимъ у нихъ болѣе свѣтлую черноватокоричневую или коричневую окраску кожи и рѣже тотъ чисто черный цвѣтъ, свойственный племенамъ нуба, который извѣстенъ у туземцевъ говорящихъ на арабскомъ языкѣ подъ именемъ „arask“, т. е. голубой. Многіе путешественники, по примѣру Марно, довольно справедливо называютъ этотъ цвѣтъ „голубаточернымъ“, между тѣмъ какъ Швейнфуртъ считаетъ выдумкой голубоватый отливъ негритянской кожи и въ крайнемъ случаѣ объясняетъ его отраженіемъ голубаго неба (Д-ръ Georg Schweinfurth, Im Herzen von Afrika. Reisen und Entdeckungen im zentralem Aequatorialafrika während der Iahre 1868—1871. Leipzig 1874 Bd. I, s. 160). Вышеназванныя племена представляютъ до извѣстной степени переходъ къ макрака, ніамніамъ и монбутту, отличаются коренастымъ приземистымъ тѣлосложеніемъ, широкимъ лицомъ и коричневымъ цвѣтомъ кожи. Та-же связь съ мѣстными условіями замѣтна и въ культурномъ отношеніи. Въ болотистомъ раіонѣ у Баръ-эль-Абіада и у средняго Баръ-

эль-Джебель негры не носятъ никакой одежды, не знаютъ никакихъ ремеселъ и по образу жизни почти не отличаются отъ животныхъ. У ширъ и бари достигшихъ несравнено большаго развитія даже дѣвушки прикрываютъ свою наготу, хотя мужчины подобно ніамъ-бари упорно отказываются отъ всякой одежды. У абу-кеіа, мору, мундо мужской полъ носитъ своеобразный передникъ; женщины предпочитаютъ первобытное одѣяніе изъ листьевъ; мужчины макрака и ніамніамъ носятъ мѣховые передники. Наконецъ мы видимъ монбутту, которые въ этомъ отношеніи сдѣлали значительные успѣхи, такъ какъ употребляютъ для одежды ткань изъ древесной коры совершенно сходную съ той, какую изготовляютъ уганда близъ Укереве, стоящіе на одинаковой съ ними и сравнительно высокой степени культуры. Послѣдніе съ одной стороны довольно близко подходятъ къ монбутту, съ другой — къ живущимъ на сѣверо-востокъ отъ нихъ народамъ галла, которые пока весьма мало извѣстны намъ.

Шиллуки живутъ на лѣвомъ берегу Бѣлой рѣки и занимаютъ территорію около 330 км. длины и всего 15 км. ширины. Число ихъ доходитъ до 1.200,000 душъ; однихъ деревень около 3000. Съ того времени, какъ Египетъ распространилъ свое господство надъ округомъ, т. е. съ 1871 года, каждая деревня имѣетъ своего начальника или надзирателя; начальники 50, 70 и даже иногда 100 деревень въ свою очередь подчинены главному надзирателю. Изъ домашнихъ животныхъ шиллуки держатъ рогатый скотъ, овецъ, козъ и большое количество собакъ, которыя по виду схожи съ борзыми, но едва достигаютъ роста нашей лягавой собаки. Если мы употребили выше выраженіе деревня, то при этомъ должны сдѣлать оговорку, что весь западный берегъ Нила, насколько простираются границы страны, представляетъ собственно одну сплошную деревню, части которой отдѣлены другъ отъ друга небольшими промежутками въ 500—1000 шаговъ. Хижины построены съ удивительною правильностью и такъ тѣсно скучены между собой, что издали кажутся сплошной массой разросшихся грибовъ. Въ срединѣ каждой деревни находится круглая пустая площадь, на которой по вечерамъ собираются жители, лежатъ на разостланныхъ шкурахъ или сидятъ на корточкахъ, вдыхая дымъ горящаго безостановочно костра изъ сухаго коровьяго помета, разведеннаго для защиты отъ мошекъ, или курятъ туземный табакъ изъ колоссальныхъ глиняныхъ трубокъ. На такой площади обыкновенно поставленъ большой деревянный столбъ, на которомъ, по общему африканскому обычаю, висятъ бубны, чтобы въ случаѣ опасности можно было поднять тревогу во всей мѣстности. Шиллуки отличаются отъ большинства сосѣднихъ народовъ формой своихъ жилищъ; ихъ „tukul“ обыкновенно небольшихъ размѣровъ съ куполообразными плоскими крышами, что придаетъ имъ поразительное сходство съ шляпками нѣкоторыхъ грибовъ. Деревни не обнесены наружными заборами, но къ тѣсноскученнымъ хижинамъ примыкаютъ соломенные плетни, которые служатъ убѣжищемъ для скота, принадлежащаго главѣ семьи.

Хотя шиллуки совсѣмъ незнакомы съ утонченными европейскими нравами, но у нихъ существуетъ своего рода косметика, для защиты отъ насѣкомыхъ. Болѣе достаточные вымазываютъ себя древесной золой, вслѣдствіе чего кожа становится сѣрой; бѣдняки вмѣсто этого натираются коровьимъ пометомъ, ржавчино-красный цвѣтъ котораго придаетъ ихъ фигурамъ крайне своеобразный и дикій видъ. Зола, пометъ и коровья моча составляютъ здѣсь неизбѣжную принадлежность туалета. Сообразно далеко распространенному аф-

риканскому обычаю, туземцы, быть можетъ, въ виду недостатка въ поваренной соли, моютъ коровьей мочей свои молочные сосуды, что непріятно поражаетъ обоняніе чужестранца, когда ему приходится употреблять ихъ. Шиллукъ далеко не отличается привлекательной наружностью, чему также способствуетъ недостатокъ нижнихъ рѣзцовъ, выбитыхъ у всѣхъ въ дѣтскомъ возрастѣ, сообразно общему обычаю распространенному у негровъ, населяющихъ низменности въ верхнемъ бассейнѣ Нила. Строеніе лица не представляетъ ясно выраженнаго негритянскаго типа, какъ этого можно было бы ожидать по темнокоричневому, почти черному цвѣту кожи. Образованіе черепа указываетъ, что этотъ народъ принадлежитъ къ болѣе развитымъ расамъ центральной Африки, потому что отличается отъ другихъ негритянскихъ племенъ болѣе слабой степенью прогнатизма и менѣе опредѣленнымъ узкоголовіемъ. (Schweinfurth, Im Herzen von Afrika. Bd. I, s. 92—95). По словамъ Джона Петерика шиллуки представляютъ рослую, сильную и хорошо сложенную породу людей, съ благообразными чертами лица, такъ что плоскій носъ и вздутыя губы составляютъ исключеніе; ихъ даже можно было бы назвать красивыми, еслибы въ нижней челюсти не были выломаны четыре переднихъ зуба. Они принадлежатъ къ мезокефаламъ и большею частію средняго роста. До брака оба пола ходятъ безъ всякой одежды, и только послѣ этого женщины привязываютъ спереди и сзади передники изъ дубленой телячьей кожи, доходящіе до колѣнъ, къ нижнему краю которыхъ привѣшены желѣзныя кольца и колокольчики, чтобы они не приподнимались отъ вѣтра (Petherick, Egypt, the Soudan and Central Africa. Edinburgh etc. London 1861, p. 362). Женщины коротко стригутъ себѣ волосы; за то мужчины особенно заботятся о своихъ прическахъ. Они такъ искусно сплетаютъ свои длинные волосы кругомъ головы, что косы образуютъ нѣчто похожее на поля шляпы; другіе зачесываютъ волосы съ затылка на переднюю часть головы и закалываютъ ихъ надъ лбомъ однимъ или нѣсколькими торчащими вверхъ гребнями. Нѣкоторые носятъ кромѣ того вокругъ головы уборъ изъ перьевъ, похожій на сіяніе. Ричардъ Бухта видѣлъ многихъ индивидовъ съ короткими волосами своеобразно украшенными вѣнкомъ сплетеннымъ изъ волосъ жирафовыхъ хвостовъ (Petermanns Geograph. Mitth. 1881, s. 82). Волоса на тѣлѣ уничтожаются своевременнымъ вырываніемъ. Любимымъ украшеніемъ служатъ стеклянныя бусы на шеѣ и обручи на рукахъ и ногахъ изъ слоновой кости. Шиллуки не употребляютъ другаго оружія, кромѣ дубины и большаго желѣзнаго копья; лукъ и стрѣлы неизвѣстны имъ. Мы упоминали выше объ ихъ гигантскихъ курительныхъ трубкахъ. Къ мундштуку нерѣдко придѣлана большая тыквенная чаша, которую наполняютъ душистыми цвѣтами, такъ что табачный дымъ, проходя черезъ нее, получаетъ прекрасный ароматъ. Табачные листья сушатъ, перетираютъ, обращаютъ въ тѣсто и сохраняютъ въ видѣ хлѣбовъ. Шиллуки кромѣ табака „duchu" воздѣлываютъ дурра, бобы, сезамъ, разводятъ зебу, овецъ и куръ и искусные рыболовы, хотя не имѣютъ, ни сѣтей ни удочекъ. Они бьютъ рыбу копьемъ, выдвижной клинокъ котораго снабженъ крючкомъ и прикрѣпленъ къ рукояткѣ въ 3 м. длины; кромѣ того къ клинку привязана бичевка; послѣднюю дергаютъ время отъ времени пока рыба окончательно не обезсилѣетъ. Рыбная ловля производится въ маленькихъ челнокахъ, сдѣланныхъ на подобіе плоскихъ гондолъ изъ скрѣпленныхъ вмѣстѣ молодыхъ стволовъ дерева „ambatsch"; хотя человѣкъ можетъ легко нести на плечѣ три такихъ челнока, но тѣмъ не менѣе одинъ челнокъ можетъ поднять на водѣ троихъ людей. У шиллуковъ существуетъ полигамія и они покупаютъ себѣ женъ. Петерикъ познакомился съ однимъ вождемъ по имени Дудъ, который обѣщалъ навѣстить путешественника на его суднѣ съ „своими дѣтьми", и дѣйствительно явился на другой день съ цѣлой ватагой вооруженной дубинами и копьями. Когда европейцы протестовали противъ такой свиты

и не хотѣли пустить ее на свое судно, то шиллукскій вождь воскликнулъ: „Это мои храбрые сыновья, они не разъ дрались со мной противъ динка, скотъ которыхъ помогъ имъ купить себѣ женъ“. Такимъ образомъ оказалось, что Дудъ привелъ съ собой 40 взрослыхъ сыновей, но оставилъ дома своихъ дочерей и меньшихъ сыновей „изъ боязни показаться навязчивымъ“. Между прочимъ онъ сообщилъ въ разговорѣ, что хотя и отослалъ отъ себя многихъ изъ своихъ первыхъ женъ у него все-таки осталось ихъ до 15 и, что его семья, не считая грудныхъ дѣтей, состоитъ изъ 53 сыновей и 20 дочерей. Онъ охотно показалъ чужестранцу свой гаремъ, гдѣ по обычаю образованныхъ магометанъ у каждой жены была отдѣльная хижина (Petherick, Egypt etc. p. 355—356). Единственное представленіе шиллуковъ о высшемъ существѣ ограничивается почитаніемъ героя, по имени Никамъ; праотца племени шиллуковъ, который привелъ ихъ на нынѣшнія мѣста жительства. Къ его имени взываютъ въ случаѣ нужды, когда необходимо добиться отъ него дождя или хорошей жатвы. Они вѣрятъ, что умершіе постоянно находятся вблизи живыхъ людей и сопровождаютъ ихъ (Schweinfurth a. a. O. s, 99). Кромѣ того у шиллуковъ есть родъ культа солнца и Нила. Тому и другому посвящены стада коровъ, къ которымъ приставлены старыя колдуньи „duendam“, потому что еслибы ихъ подоила простая женщина, то получила бы кровь вмѣсто молока (Nach Brun-Rolleî bei Petermann und Hassenstein. Innerafrika. Gotha 1863 s. 23). Убійцу наказываютъ смертью, а жену и дѣтей обращаютъ въ рабство. Кража у чужестранца, если она не обнаружена, считается достойной похвалы; въ противномъ случаѣ украденное возвращается, а виновный вмѣстѣ съ семьей попадаетъ въ рабство.

Нуэры, втрое значительное племя, говорятъ на особомъ языкѣ, но также понимаютъ въ большинствѣ случаевъ нарѣчіе динка. Въ недавнее время они изгнали динка изъ Собата и водворились здѣсь. Они живутъ довольно далеко отъ берега, чтобы оградить себя отъ наводненій. Нуэры считаются самыми богатыми неграми у верхняго Нила; ихъ главное и едва ли не единственное имущество заключается въ стадахъ рогатаго скота, къ которому они относятся съ большей нѣжностью, нежели къ своимъ женамъ и дѣтямъ. Быкъ, который предводительствуетъ стадомъ пользуется чуть ли не божескими почестями; на него смотрятъ какъ на генія семьи; утрата его считается величайшимъ несчастіемъ; нуэръ считаетъ его воплощеніемъ красоты и силы и величаетъ его именемъ „Nyeledit“, которое связано у него съ неяснымъ представленіемъ о высшемъ существѣ и громѣ (Marno, Reisen im Gebiete des Blauen und Weissen Nil. s., 347—350). По словамъ Брэнъ-Ролле нуэры вѣрятъ въ единаго бога „Nav“—что весьма сомнительно. Ихъ духовный глава называется „Dua“, и, какъ увѣряетъ вышеупомянутый ученый, представляетъ собой родъ Далай-ламы, которому воздаютъ почти божескія почести (Ausland 1855, s. 231). У позднѣйшихъ путешественниковъ мы не встрѣчаемъ этого извѣстія, а Жюль Понсе прямо говоритъ, что ихъ религіозныя представленія также слабы какъ у остальныхъ негровъ (Poncet, Le fleuve blanc. Paris p. 40); онъ также опровергаетъ все сказанное Брэнъ-Ролле относительно поста. Но у нуэровъ несомнѣнно въ ходу вызываніе дождя, колдовство, а равно и другіе нелѣпые предразсудки. У нихъ нѣтъ одного общаго главы; они живутъ патріархально, т. е. болѣе или менѣе многочисленная семья со всѣми ея членами на различныхъ степеняхъ родства образуетъ деревню, гдѣ наиболѣе уважаемый и богатый человѣкъ считается вождемъ и заставляетъ всѣхъ величать себя „beng-did“, т. е. „великимъ господиномъ“. Все, что творится внѣ деревни, не представляетъ никакого интереса для ея обитателей. По наружности нуэры несравненно привлекательнѣе шиллуковъ; у многихъ совершенно европейскія черты лица; они высокаго роста и довольно стройнаго тѣлосложенія; но благодаря узкой груди и длиннымъ оконечностямъ ихъ фигуры принимаютъ худощавый веретенообразный видъ. У хорошо упитанныхъ субъектовъ развиты икры и ягодицы.

Какъ у всѣхъ негровъ Нильской области у нихъ не въ обычаѣ обрѣзаніе, равно и „infibution“ дѣвушекъ, распространенное у всего магометанскаго населенія (Marno, a. a. O. s. 344—345). Нуэры своей внѣшностью мало отличаются отъ другихъ негритянскихъ племенъ у нижняго теченія Бѣлаго Нила. Ихъ жилище — вышеописанный „tukul“; оружіемъ служитъ копье и дубина; одежда женщинъ заключается въ передникѣ изъ тростника, рѣже изъ шкуръ; мужчины ходятъ всю жизнь совсѣмъ нагіе. Въ видѣ украшенія употребляются ожерелья изъ бусъ и желѣзные обручи у лодыжки ногъ; волосы на головѣ служатъ предметомъ особенной заботливости; съ помощью любимой помады составленной изъ золы, коровьяго помета и мочи здѣсь устраиваются самыя вычурныя прически. Молодыя женщины прокалываютъ верхнюю губу и вдѣваютъ въ нее торчмя деревянный штифтикъ въ 5 сант. длины, который весь покрытъ голубыми бусами и украшенъ на одномъ концѣ бѣлой стеклянной бусой. Нуэры татуируютъ себѣ лобъ горизонтальными надрѣзами отъ одного виска къ другому. Они необыкновенно гостепріимны и очень опрятны, а также превосходные воины и охотники за слонами (Poncet. Le fleuve blanc, s. 40—41). При этомъ считаемъ нелишнимъ упомянуть о весьма распространенномъ обычаѣ: Вождь негритянскаго племени, джангаръ, подарилъ Петерику козу и въ видѣ вознагражденія попросилъ путешественника плюнуть въ руку его сына, чтобы послѣдній могъ со временемъ съ большей силой бросать свое копье. Петерикъ щедро исполнилъ эту несложную ворожбу, и юноша вслѣдъ затѣмъ принималъ поздравленія своихъ друзей. Племена, живущія вверхъ по теченію рѣки, также придаютъ большое значеніе плеванію. Когда они здороваются, то плюютъ въ собственную руку и манятъ ею къ себѣ желаннаго гостя. Только вождь плюетъ на руку или въ лицо человѣка, которому онъ хочетъ оказать милость. Достойно замѣчанія, что мы встрѣчаемъ подобный обычай у несравненно болѣе культурнаго народа Америки, а именно у перувіанцевъ. Но у послѣднихъ только инка, воплощенный сынъ солнца, плевалъ въ руку избранной придворной дамы, por magestad, добавляютъ старыя испанскія хроники. Негритянки нуэръ пользовались всякимъ случаемъ, чтобы удовлетворить свое любопытство визитами къ миссисъ Петерикъ, первой бѣлой женщинѣ, которая такъ далеко проѣхала по Нилу. Онѣ искренно жалѣли несчастную даму, что у ней бѣлая кожа, и даже дѣвушка изъ племени ніамъ-ніамъ, находившаяся въ услуженіи у Петерикъ чистосердечно созналась, что ея госпожа была бы очень красива, если бы имѣла черную кожу. Здѣсь мы опять видимъ подтвержденіе избитой истины, что понятіе о красотѣ мѣняется сообразно мѣстности и людямъ. Считаемъ нелишнимъ добавить, что бѣлая кожа неизмѣнно производитъ непріятное отталкивающее впечатлѣніе на чернокожихъ людей, между тѣмъ какъ европейскіе путешественики подъ тропиками настолько привыкаютъ къ темной кожѣ, что подконецъ также начинаютъ предпочитать ее (Ausland 1870, s. 52).

Народъ динка (туземное названіе dzyen, множ. dzyan), со многими принадлежащими ему племенами значительно уменьшился въ числѣ, благодаря частымъ охотамъ за невольниками. Хотя отдѣльныя племена динка представляютъ рослую породу людей, такъ что нерѣдко мужчины достигаютъ 2 м. высоты, но вообще средняя величина ихъ не превышаетъ 1,74 м. Нѣкоторые путешественники называютъ ихъ красивыми, стройными и съ кроткимъ выраженіемъ лица; между тѣмъ какъ портреты динка, сообщенные Швейнфуртомъ, ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствуютъ этому описанію (См. Schweinfurth, Im Herzen von Afrika, Bd. I s. 160 и 161). По его наблюденіямъ характерными признаками динка служатъ: удлиненныя оконечности, короткое туловище, костлявыя жилистыя очертанія тѣла, горизонтально приподнятыя угловатыя плечи, длинная шея немного съуженная книзу, сообразно черепу, заостренному къ затылку и вообще довольно плоскому, который представляетъ

высшую степень узкоголовія, при сильно развитомъ прогнатизмѣ. Черная кожа представляетъ ясный коричневый оттѣнокъ, если счистить золу, которой динка также охотно натираютъ себѣ тѣло. Вообще мужчины больше и лучше сложены, нежели женщины одного съ ними возраста. Сколько нибудь привлекательныя черты лица, чтобы не сказать человѣческія, составляютъ рѣдкость; невообразимо безобразныя физіономіи кажутся еще уродливѣе, благодаря постояннымъ гримасамъ, которымъ частью способствуютъ короткія брови при узкомъ междубровномъ промежуткѣ и доходящемъ до minimum'а разстоянія бровей отъ корня волосъ. Все это придаетъ большинству сходство съ обезьянами, хотя нѣтъ недостатка въ исключеніяхъ, такъ что нѣкоторые субъекты, сравнительно со всей массой отличаются безусловно правильными чертами лица" (Schweinfurth, Im Herzen von Afriha, Ad. I s. 160 и 161). Волосы большей частью не особенно густы и коротко острижены; только на макушкѣ головы динка оставляютъ торчащій клокъ, который они нерѣдко украшаютъ страусовыми перьями. При этомъ волосы окрашены также коровьей мочей въ красновато-желтый цвѣтъ. Борода ростетъ плохо. Выламываніе зубовъ въ обычаѣ у обоихъ половъ вслѣдствіе чего произношеніе ихъ не отличается ясностью. Впрочемъ у динка часто бываютъ испорченные зубы. У стариковъ нерѣдко верхніе передніе зубы выступаютъ изо рта на подобіе клыковъ, такъ что нубійцы называютъ такихъ людей „Abu-Senum" (отецъ-клыкъ). Мужчины и женщины прокалываютъ себѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ края ушей, а женщины кромѣ того и верхнюю губу. Татуировка въ обычаѣ у однихъ мужчинъ и состоитъ изъ десяти надрѣзовъ на лбу и вискахъ, которые сходятся къ переносью въ видѣ радіуса. Динка не считаютъ нужнымъ прикрывать себя даже подобіемъ одежды; женщины одѣваются тѣмъ-же способомъ, какъ у нуэровъ и шиллуковъ, и кромѣ того носятъ въ видѣ украшеній около полуцентнера желѣзныхъ погремушекъ. Любимымъ украшеніемъ мужчинъ служатъ массивные обручи изъ слоновой кости на предплечьи, между тѣмъ какъ нижняя часть руки обвита узкими кольцами, какъ шинами. Динка не могутъ устроить никакихъ причесокъ съ своими жидкими волосами, и поэтому у нихъ въ большомъ употребленіи шапки и парики. Ихъ головной уборъ изъ страусовыхъ перьевъ, помимо легкости, прекрасно защищаетъ отъ солнца. Въ знакъ траура динка носятъ веревку на шеѣ. Желѣзная промышленность менѣе развита, нежели у сосѣднихъ народовъ. Лѣнивые динка исключительно занятые уходомъ за коровами, мало посвящаютъ времени трудному кузнечному ремеслу, и всѣ ихъ многочисленныя украшенія показываютъ весьма первобытную степень культуры. Главнымъ оружіемъ служитъ копье, затѣмъ дубины и палки изъ твердаго дерева; лукъ и стрѣлы неизвѣстны имъ. Для защиты отъ ударовъ, наносимыхъ дубинами и палками, динка употребляютъ два вида своеобразнаго оборонительнаго оружія „kuerr" и „dang". Первое дѣлается изъ красиваго рѣзнаго дерева въ 1 м. длины съ выдолбленнымъ углубленіемъ въ срединѣ для прикрытія рукоятки; второе—родъ лука, крѣпкія тетивы котораго преимущественно приспособлены, чтобы ослабить силу наносимыхъ ударовъ. Что касается кулинарнаго искусства, то динка могутъ съ честью выдержать сравненіе съ нубійцами, потому что ихъ молочныя и мучныя кушанья не уступаютъ лучшимъ продуктамъ этого рода европейской кухни. Для питья служитъ молоко и вода. Въ жилищахъ соблюдается чистота, хотя динка имѣютъ особенное пристрастіе къ золѣ, такъ что даже на ночь ложатся въ нее. У нихъ нѣтъ никакихъ гадовъ, но они приручили къ себѣ змѣй, которымъ они оказываютъ родъ культа. Они называютъ змѣй своими „собратьями" и считаютъ преступленіемъ убить которую либо изъ нихъ. Они не ѣдятъ никакихъ пресмыкающихся и чувствуютъ отвращеніе къ собачьему и человѣческому мясу, между тѣмъ какъ черепахи, дикія кошки и особенно заяцъ считаются у нихъ лакомыми кушаньями. Динка чувствуютъ особенное пристрастіе къ табаку и употребляютъ

подобно шиллукамъ колоссальные чубуки, изъ которыхъ принуждены курить сидя. Ихъ жилища разсѣяны въ видѣ отдѣльныхъ дворовъ и небольшихъ выселковъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ хижинъ. У нихъ нѣтъ деревень; но скотъ отдѣльныхъ округовъ пасется вмѣстѣ въ обширной рощѣ. Конусообразныя хижины большей частью просторны и отличаются прочностью постройки. Болѣе значительныя хижины имѣютъ въ діаметрѣ до 13 м. Нижняя часть зданія построена изъ глины, смѣшанной съ рѣзанной соломой; стропила состоятъ изъ вѣтвей акаціи или другаго твердаго дерева. Опорой ихъ служитъ не центральный столбъ, а большой развѣсистый древесный стволъ, врытый въ землю посредины хижины. Крыша состоитъ изъ слоевъ соломы, наложенныхъ терассообразно одинъ надъ другимъ. Такое строеніе держится отъ 8—10 лѣтъ, послѣ чего оно разрушается отъ подтачиванія червей. Утварью служатъ звѣриныя шкуры, циновки, глиняная, посуда тыквенныя чаши, корзины и деревянныя ступы. Для топлива употребляется коровій пометъ. Динка мало занимаются земледѣліемъ, и преимущественно пастушескій народъ. Главное имущество заключается въ стадахъ; рогатый скотъ принадлежитъ къ породѣ зебу; кромѣ того они имѣютъ овецъ, козъ и собакъ. Всѣ помыслы динка обращены на сбереженіе и пріобрѣтеніе рогатаго скота, который для него дороже жены и дѣтей. Они никогда не бьютъ скотъ и, если пало животное, то его съѣдаютъ на пирушкѣ, что составляетъ эпоху въ однообразной жизни туземцевъ; но при этомъ ѣдятъ только сосѣди; самъ хозяинъ слишкомъ разстроенъ потерей, чтобы преодолѣть горе и прикоснуться къ смертнымъ останкамъ дорогаго существа. Но тѣмъ непонятнѣе становится практикуемое ими легченіе животныхъ съ цѣлью усладить зрѣніе образованіемъ жира. Туземцы въ видѣ развлеченія лѣпятъ изъ глины фигуры козъ и рогатаго скота. Молочное хозяйство въ жалкомъ видѣ, потому что у нихъ лучшая корова даетъ меньше молока, нежели у насъ коза средняго удоя.

Динка рослый народъ и нельзя сомнѣваться въ ихъ національномъ единствѣ въ смыслѣ расы, образа жизни и нравовъ; но имъ недостаетъ политической національной связи. Поэтому не только многія племена часто воюютъ между собой, но охотно служатъ орудіемъ измѣны въ пользу чужеземныхъ завоевателей. У динка нѣтъ общаго главы, которому бы они всѣ повиновались. Вожди отдѣльныхъ общинъ не пользуются особеннымъ уваженіемъ и властью; но къ нимъ обращаются за совѣтами; они предводительствуютъ на войнѣ, и къ ихъ имени прилагается титулъ „dit“ т. е. превосходительство. Вожди не имѣютъ права собирать дани и рѣшаютъ споры съ участіемъ старшинъ. Динка съ непреклоннымъ упорствомъ противодѣйствуютъ чужеземному вліянію и отличаются безграничной любовью къ свободѣ. Они никогда не были обращены въ рабство; но египетское правительство охотно принимало ихъ къ себѣ на службу въ качествѣ солдатъ, и даже до сихъ поръ значительная часть чернокожихъ египетскихъ войскъ состоитъ изъ динка. Они жестоки на войнѣ, не знаютъ пощады и исполняютъ дикіе танцы около труповъ убитыхъ враговъ. Все поселеніе принимаетъ участіе въ оргіи, которую устраиваетъ ихъ сосѣдъ въ прославленіе первой жертвы, павшей отъ его ударовъ. Но бываютъ случаи, когда динка являются милосердными и великодушными. Никогда братья, родители и т. п. не откажутся выручить другъ друга изъ бѣды, если можно оказать малѣйшую помощь. Поэтому мы находимъ совсѣмъ неосновательнымъ мнѣніе, будто у динка нѣтъ семейной связи въ нашемъ смыслѣ (Schweinfurth, Im Herzen von Afrika, Bd. I s. 159—182). Они живутъ въ полигаміи и покупаютъ себѣ женъ въ обмѣнъ рогатаго скота. Поведеніе молодыхъ незамужнихъ дѣвушекъ отличается цѣломудріемъ и скромностью. Случаи обольщенія молодой дѣвушки весьма рѣдки. Динка скорѣе серіознаго, нежели веселаго характера. Относительно своихъ религіозныхъ воззрѣній они гораздо развитѣе нубійцевъ и даже отрицаютъ общее восточное вѣрованіе въ дѣйствіе „дурнаго

глаза". Но у нихъ тѣмъ не менѣе есть заклинатели духовъ или колдуны („tyet") и производители дождя („kodschur"). Они признаютъ также добрыхъ и злыхъ духовъ: „adjok" и „djok", которые большею частію невидимы, но могутъ сдѣлаться видимыми; динка представляютъ себѣ ихъ въ человѣческомъ образѣ. Предвѣстіемъ ихъ приближенія служитъ несчастіе, и отъ нихъ происходятъ всѣ бѣды. Въ этихъ случаяхъ обращаются къ помощи колдуновъ; — у динка есть кромѣ того вѣдьмы и колдуньи. „Tyet" призываютъ при всякой болѣзни; онъ является съ глинянной кружкой, оплевываетъ больнаго съ головы до ногъ, особенно больныя мѣста, смываетъ съ нихъ грязь и песокъ, похлопываетъ кругомъ руками какъ бы для того, чтобы изгнать злыхъ духовъ: затѣмъ онъ вкладываетъ въ кружку кусокъ дерева и вливаетъ въ нее воды; тогда начинается бесѣда съ злымъ духомъ. Колдунъ наклоняется надъ кружкой и, приложивъ къ ней ротъ, произноситъ непонятныя слова; въ отвѣтъ раздаются глухіе звуки, въ которыхъ онъ слышитъ доступную только для него одного рѣчь сатаны. Послѣ этого онъ снова подходитъ къ больному, ощупываетъ его и въ удобный моментъ показываетъ вынутый имъ изъ больнаго мѣста кусокъ дерева, или камень, бывшій причиной страданія. Въ заключеніе онъ кропитъ больнаго и окружающихъ водой изъ волшебной кружки и объявляетъ, что больной выздоровѣлъ. Если леченіе не удалось, что случается довольно часто, то это сдѣлалъ чортъ на зло колдуну или его болѣе могущественный товарищъ. Любопытно, что почти то-же колдовство и съ подобными-же пріемами примѣняется австралійскими знахарями у Куперкрика. Народнымъ увеселеніемъ служитъ пляска, т. е. мѣрная ходьба и подпрыгиваніе, сопровождаемое громкимъ пѣніемъ, ломаніемъ рукъ и всевозможными тѣлодвиженіями подъ тактъ барабана, сдѣланнаго изъ выдолбленнаго куска дерева съ обѣихъ сторонъ обтянутаго кожей. Но такъ какъ одна кожа тоньше другой и бьютъ съ обѣихъ сторонъ, то слышенъ бой какъ бы двухъ барабановъ. Мужчины подъ тактъ этой музыки топаютъ ногами и прыгаютъ съ глухимъ свистомъ. Языкъ динка по Миллеру отличается въ фонетическомъ отношеніи преобладаніемъ небныхъ звуковъ и скопленіемъ согласныхъ сопровождаемыхъ *y*. Буква *w*, которая часто встрѣчается въ началѣ слова передъ *t*, *d* и *n* не можетъ быть причислена къ согласнымъ, такъ какъ едва слышна въ произношеніи, чѣмъ во многихъ случаяхъ избѣгается скопленіе согласныхъ. Шипящихъ буквъ не существуетъ вовсе. Языкъ по словообразованію отличается отсутствіемъ грамматическихъ формъ; имена существительныя не имѣютъ ни рода, ни флексій, ни члена и во многихъ словахъ единственное и множественное число одинаковы. Въ числительныхъ отсутствуютъ порядковыя, кромѣ словъ: первый и послѣдній (Müller Grundriss der Sprachwissenshaft, Bd. I Abth. II, s. 48—58).

Несмотря на видимое уклоненіе въ строеніи Фридрихъ Миллеръ находитъ тѣсное сродство между языковъ динка и діалектомъ живущихъ на югъ отъ нихъ бари, потому что у обоихъ не только встрѣчаются общіе корни, которые по своимъ формамъ не могли быть заимствованы, но они также имѣютъ тождественныя числительныя и различныя грамматическія согласованія (A. a. O. s. 81—84). Языкъ бари отличается благозвучіемъ и мягкостью, благодаря обилію гласныхъ и полному отсутствію гортанныхъ звуковъ (*a*. a. O. s. 59—80 и Friedr. Müller, Die sprache der Bari. Ein Beitrag zur afrikanischen Linguistik. Wien 1864.), но въ устахъ негра самыя благозвучныя слова превращаются въ непонятный лепетъ, потому что онъ говоритъ небрежно и неясно и едва шевелитъ языкомъ. Буквы: h, s, v, x, z, ch и g сов-

сѣмъ не встрѣчаются въ языкѣ бари; но въ немъ есть нѣмецкое sch и испанское n. До сихъ поръ не опредѣлено въ точности, какъ далеко къ югу простирается область бари, но можно безошибочно принять, что она доходитъ до границы банту, слѣдовательно до сѣверной окраины экваторіальныхъ озеръ. Благодаря долгому пребыванію у нихъ католическихъ миссіонеровъ бари подобно динка болѣе извѣстны, нежели другія африканскія племена; но, во многихъ отношеніяхъ они были представлены въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ и прежде всего относительно ихъ представленій о высшемъ невидимомъ существѣ, многіе слышали и находили то, что желали найти и услышать. Съ другой стороны Петерикъ увѣряетъ, что всѣ негры Бѣлаго Нила не принявшіе исламъ, не имѣютъ никакого понятія о Богѣ и возмездіи на томъ свѣтѣ. Но онъ добавляетъ, что они вѣрятъ въ сверхъ-естественный даръ извѣстныхъ людей вызывать дождь. Такихъ производителей дождя и колдуновъ имѣютъ шиллуки, нуэры, динка и бари; это такъ называемые „kodschur" или „kugur"; у бари они извѣстны подъ именемъ bundit" или „bonit". Въ сущности нѣтъ ничего удивительнаго, что эти шаманы умѣютъ заслужить уваженіе своимъ мнимымъ могуществомъ и въ качествѣ „schiuch" (множ. отъ schéich шеикъ) и т. п. оказываютъ вліяніе на суевѣрную массу. „Kugur" называются также волшебныя средства и талисманы, для которыхъ употребляются всевозможные предметы, такъ что на дворахъ, въ полѣ и въ лѣсу попадаются самыя невообразимыя заколдованныя вещи, „kugur". Насколько могъ узнать Марно, это дѣлается по обѣту, чтобы достигнуть исполненія какого нибудь желанія и въ особенности въ случаяхъ болѣзни. Если „kugur" окажется безсильнымъ, то его уничтожаютъ и замѣняютъ другимъ (Marno, Reise in der ägypt. Aequat-Provinz. s. 107—108). Затѣмъ существуетъ поклоненіе быку; но изъ описанія Петерика нельзя заключить, распространено ли оно у всѣхъ или только у нѣскольких племенъ бѣлаго Нила. Во всякомъ случаѣ онъ видитъ въ этомъ остатки древнеегипетскаго культа Апису. Для посвященія выбираютъ самаго красиваго пестраго быка, какого только можно найти на огромномъ разстояніи. Такой племенной быкъ любимый и балуемый всѣми, скоро начинаетъ сознавать свое высокое значеніе и всегда идетъ впереди стада. Его ноги и путы украшены кольцами изъ лучшаго желѣза и мѣди; на концахъ его длинныхъ роговъ развиваются въ видѣ убора коровьи и жираффовые хвосты. Въ честь его туземцы сочиняютъ пѣсни и обращаются къ его помощи, если хотятъ избавиться отъ грозящаго имъ несчастія. Если священный быкъ окончилъ свое существованіе, то его хоронятъ съ торжественными церемоніями; его рога привязываютъ къ столбу, который обозначаетъ или долженъ обозначать мѣсто его погребенія (Petherik, Travels in Central Africa and explorations of the western Nile tributaries, London 1860. Bd. II s. 10).

Слѣдующее описаніе можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія Петерика относительно недостатка отвлеченныхъ понятій у Нильскихъ негровъ.

Латука представляютъ собой красивое, способное племя, живущее на юго-востокъ отъ бари; они хоронятъ своихъ мертвыхъ въ землѣ, и, украсивъ свое нагое тѣло фантастическимъ убранствомъ, исполняютъ въ честь покойника своеобразные танцы подъ звуки большихъ барабановъ и рожковъ антилопъ. По прошествіи извѣстнаго времени они снова вырываютъ кости изъ земли, собираютъ въ глиняный сосудъ и выставляютъ въ назначенномъ для этого мѣстѣ, которое можно было бы назвать „кладбищемъ костей". Что касается вѣрованія въ загробную жизнь, то оно, повидимому, совершенно чуждо латука, какъ видно изъ приведеннаго ниже разговора сэра Самуэля Уайтъ Бекера съ умнымъ и почтеннымъ Комморо, братомъ вождя. Этотъ разговоръ весьма характеренъ, такъ какъ живо рисуетъ несложное міровоззрѣніе простодушныхъ дѣтей природы, которые, отрицая ученіе отвлеченной религіозной системы, отстаиваютъ свои взгляды съ тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ, какое даетъ субъективное сознаніе истины.

Развѣ вы не вѣрите, что наша жизнь продолжается за гробомъ? спросилъ Бекеръ представителя латукскаго племени, съ которымъ онъ бесѣдовалъ о погребальныхъ обычаяхъ. Вѣроятно вырываніе человѣческихъ костей имѣетъ у васъ какую нибудь опредѣленную цѣль? — Комморо отвѣтилъ съ удивленіемъ: Загробная жизнь! Можетъ ли это быть! Развѣ мертвый человѣкъ можетъ выйти изъ своей могилы, если мы не выроемъ его? — *Б.* Неужели вы думаете, что человѣкъ животное и послѣ смерти все кончено для него? — *К.* Разумѣется! Быкъ сильнѣе человѣка, онъ также умираетъ; только кости его крѣпче и держатся долѣе. Человѣческія кости скоро разрушаются — онъ слабѣе. — *Б.* Развѣ человѣкъ не превосходитъ быка разумомъ и умъ не руководитъ его дѣйствіями? — *К.* Нѣкоторые люди уступаютъ быку въ ловкости. Люди должны сѣять хлѣбъ для своего пропитанія; быкъ и дикіе звѣри не сѣятъ и все-таки прокармливаютъ себя. — *Б.* Развѣ вы не знаете, что внутри васъ есть духъ, который сильнѣе плоти. Неужели вамъ не случалось видѣть сны и мысленно странствовать по далекимъ мѣстамъ въ то время, какъ ваше тѣло оставалось неподвижнымъ. Какъ вы объясняете себѣ это? — *К.* А вы сами чѣмъ можете объяснить это? Я не въ состояніи понять такихъ вещей, хотя это случается со мной каждую ночь. — *Б.* Духъ независимъ отъ плоти; наше тѣло можетъ быть связано, но для духа не существуетъ предѣловъ; тѣло умретъ, обратится въ прахъ или его съѣдятъ коршуны, но духъ будетъ вѣчно жить. — *К.* Гдѣ будетъ жить духъ? — *Б.* Гдѣ живетъ огонь? Вы можете добыть огонь треніемъ двухъ кусковъ дерева; но вы не видите огня въ деревѣ. Между тѣмъ невидимый и безвредный огонь, который заключается въ деревѣ обладаетъ такой силой, что можетъ опустошить цѣлую страну. Что сильнѣе небольшой кусокъ дерева, который производитъ огонь или самый огонь? Такъ духъ представляетъ собой элементъ внутри тѣла, какъ огонь въ кускѣ дерева; элементъ выше матеріи. — *К.* А можете ли вы мнѣ объяснить то, что мы часто видимъ ночью, когда зайдемъ вглубь пустыни? Это не разъ случалось со мной, я блуждалъ въ потьмахъ и видѣлъ вдали огонь; но когда я подходилъ ближе, то огонь исчезалъ, и я не только не могъ объяснить причины этого, но даже найти мѣсто, гдѣ былъ огонь. — *Б.* Развѣ у васъ нѣтъ представленія о существованіи духовъ, которые по своей природѣ выше людей и животныхъ; и вы не представляете себѣ другихъ несчастій, кромѣ тѣхъ, какія происходятъ отъ физическихъ причинъ? — *К.* Я боюсь слоновъ и другихъ звѣрей, когда мнѣ приходится бывать ночью въ лѣсной чащѣ и ничего кромѣ этого. — *Б.* Значитъ, вы ни во что не вѣрите, ни въ добраго, ни въ злаго духа. Вы думаете, что со смертью кончается тѣлесное и духовное существованіе, что мы подобны звѣрямъ и нѣтъ разницы между человѣкомъ и животнымъ, такъ какъ оба исчезаютъ и кончаютъ смертью? —

К. Разумѣется! — *Б.* Развѣ вы не видите никакого различія въ хорошихъ и дурныхъ поступкахъ? — *К.* Хорошее и дурное встрѣчается, какъ у людей, такъ и животныхъ. — *Б.* Неужели вы думаете, что одинаковая судьба постигаетъ добраго и злаго человѣка, и что ихъ ждетъ тотъ-же конецъ? — *К.* Да, потому, что для нихъ нѣтъ иного исхода! Развѣ они могутъ избѣгнуть смерти? Добрые и злые всѣ умираютъ. — *Б.* Погибаетъ тѣло, но духъ продолжаетъ жить; добрые наслаждаются блаженствомъ; злые испытываютъ муку. Если у васъ нѣтъ вѣры въ будущую жизнь, то стоитъ ли человѣку быть добрымъ? Развѣ ему не выгоднѣе быть злымъ, если онъ можетъ достигнуть счастья съ помощью коварства? *К* — Люди большей частью злы; если они сильны, то обижаютъ слабыхъ. Всѣ добрые люди слабы; они добры, потому что недостаточно сильны, чтобы быть злыми". — Въ это время около разговаривающихъ стали доставать жито изъ одного мѣшка; нѣсколько зеренъ упали на землю, что и навело Бекера на мысль воспользоваться для назиданія библейскимъ сравненіемъ: — Вы видите это зерно, сказалъ онъ, обращаясь къ Комморо, вотъ лучшее изображеніе состоянія человѣка послѣ смерти; оно сгніетъ, но изъ него выростетъ растеніе и снова возродится первобытная форма.—Вы совершенно правы, возразилъ Комморро, я понимаю, что вы хотите сказать. Но первоначальное зерно не выростаетъ вновь; оно сгніетъ какъ мертвый человѣкъ и для него наступаетъ конецъ; выросшій плодъ не то зерно, которое мы зарыли, а только продуктъ этого зерна. Такъ бываетъ и съ человѣкомъ: я умираю, подвергаюсь тлѣнію, для меня наступилъ конецъ; но мои дѣти выростаютъ, какъ плодъ этого зерна. Нѣкоторые люди не имѣютъ дѣтей, такъ и многія зерна пропадаютъ безъ плода; для тѣхъ и другихъ одинаково наступаетъ конецъ. Samuel White Baker. The Albert Nyanza, great basin of the Nile and explorations of the Nile sources. London 1866 Bd. I s. 247—250). Такимъ образомъ мнѣніе, будто бы человѣческой природѣ свойственна вѣра въ другую жизнь, не подтверждается этнографическими наблюденіями.

Негры бари занимаютъ видное мѣсто между племенами верхняго Нила, какъ по численности, такъ и по своимъ физическимъ и нравственнымъ свойствамъ. Они очень высоки ростомъ, пропорціональнаго тѣлосложенія, съ широкимъ носомъ, мясистымъ выступающимъ ртомъ, пріятнымъ интеллигентнымъ выраженіемъ лица (типъ котораго не вполнѣ негритянскій), рунообразными вололосами, черной, а по свидѣтельству Бухта, матовой бурокоричневой кожей и съ мускулистыми членами тѣла. Женщины довольно стройны и въ молодости отличаются пропорціональными формами, хотя о красотѣ въ нашемъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. По своему характеру бари лживы, ненавистливы, сварливы, рабы своихъ похотей, отличаются распущенностью, склонны ко всякимъ излишествамъ, особенно къ кражѣ, такъ что ихъ можно считать самымъ испорченнымъ народомъ у Бѣлаго Нила; но при этомъ они очень воинственны и энергически защищаютъ свою независимость. Они сами изготовляютъ свое оружіе, и ихъ кузнецы справедливо славятся своимъ искусствомъ. Исламъ пока не проникъ къ бари. Фетишизмъ и вѣра въ шамановъ у нихъ въ полномъ ходу, хотя они слишкомъ лѣнивы, чтобы довести свои религіозныя воззрѣнія до извѣстной степени развитія. Относительно одежды и нравовъ, они сходятся въ главныхъ чертахъ съ вышеописанными племенами.

Что касается ихъ національныхъ особенностей, то можно указать на то, что отдѣльные индивиды носятъ сандаліи изъ слоновой или бычачьей шкуры и, что у бари въ употребленіи лукъ и отравленныя стрѣлы. Такъ наз. растительный ядъ, добываемый ими изъ отдаленныхъ странъ производитъ медленное отгниваніе раненной части тѣла. Мальчики съ ранняго дѣтства умѣютъ владѣть лукомъ и стрѣлами; но бари вообще плохіе стрѣлки и ихъ оружіе бьетъ на незначительномъ разстояніи. Любимая поза мужчинъ заключается въ томъ, что они стоятъ на одной ногѣ, опираясь на копье, между тѣмъ какъ другая нога, приподнята и опирается на колѣнный суставъ первой. Та-же привычка усвоена дшибба, сосѣднимъ племенемъ бари, въ которомъ замѣтна примѣсь крови галла (Petherick, Travels in Central Afrika. Bd. II s. 6). Кромѣ того бари неразлучны съ маленькой скамейкой, которую они постоянно носятъ съ собой наравнѣ съ оружіемъ, въ рукѣ, на плечѣ или на веревкѣ, привязанной къ тѣлу. Какъ только выпадутъ первые дожди, производится посѣвъ, а вслѣдъ за окончаніемъ жатвы наступаетъ пора веселія и пировъ; лунныя ночи проходятъ въ пляскѣ, и изготовляется напитокъ похожій на „merissa". Тогда въ короткій промежутокъ времени уничтожается все, что дала жатва затѣмъ нерѣдко наступаетъ голодъ, который уноситъ много жертвъ. Совѣщанія по общимъ дѣламъ происходятъ подъ деревомъ; каждый имѣетъ право участвовать въ нихъ и подать голосъ, но говорятъ одни „monje" (шейки), которыхъ легко узнать по конусообразной шапкѣ. Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ; даже вожди должны покоряться рѣшенію и могутъ заставить измѣнить его только угрозой остановить дождь. Женщины послѣ смерти мужа достаются, его сыновьямъ, которые за исключеніемъ родной матери могутъ сожительствовать съ женами отца, послѣ его смерти. Но съ сестрами и дочерьми не дозволено вступать въ бракъ, хотя это въ обычаѣ у многихъ сосѣднихъ племенъ (Petermanns Geograph. Mitth. 1881, s. 86). Чѣмъ больше количество женъ, тѣмъ сильнѣе уваженіе, какимъ пользуется человѣкъ; женщины способствуютъ также его политическому значенію, потому что родители жены обыкновенно становятся кліентами своего зятя; ихъ сыновья защищаютъ его, стерегутъ скотъ и составляютъ его маленькое племя. Жены не чувствуютъ никакой ревности другъ къ другу и живутъ подъ одной крышей, но вознаграждаютъ себя нарушеніемъ супружеской вѣрности. Браки рѣдко заключаются по склонности; всего чаще отцы имѣющіе красивыхъ дочерей спекулируютъ ими. Такимъ образомъ бѣдняки лишены возможности жениться; вслѣдствіе этого постоянно происходятъ кражи невѣстъ, которыя всего чаще бываютъ въ праздничную пору послѣ жатвы. Вообще бари довольно хорошо обходятся съ своими женами; потому что не хотятъ возстановить противъ себя родителей жены. Если дѣвушка становится беременной, то она должна назвать соблазнителя, котораго принуждаютъ купить ее за нѣсколько штукъ скота, если онъ достаточно богатъ для этого. Кража не считается позоромъ; и если у вора хватило хитрости скрыть ее, то онъ считается героемъ. Бари никогда не убиваютъ человѣка въ своей деревнѣ, такъ какъ убѣждены, что пролитая кровь повлечетъ за собой безплодіе ихъ женъ. Мертвеца погребаютъ у двери его хижины, гдѣ собирается его родня, чтобы утоптать землю на его могилѣ съ громкими воплями. Затѣмъ на этомъ мѣстѣ закалываютъ пару быковъ и въ честь покойника устраивается пирушка. Бари страстные любители пляски и справляютъ общія празднества „leri", которыя имѣютъ характеръ настоящихъ сатурналій; при этомъ оба пола въ продолженіи трехъ дней пользуются полнѣйшей свободой. Эти празднества устраиваются также въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно рѣшить войну или набѣгъ, и тогда совѣщанія происходятъ на третій день. Пляска, сопровождаемая звуками деревяннаго „noqarah" начинается при закатѣ солнца и кончается съ солнечнымъ восходомъ. Миссіонеръ А. Кауфманнъ присутствовалъ при подобной воинской пляскѣ 25 іюля 1858 года и описываетъ ее слѣдующимъ образомъ:

„Послѣ обѣда, пишетъ Кауфманнъ, барабанъ подалъ сигналъ, что вечеромъ будетъ пляска; въ 7 часовъ по полудни, снова раздался бой большаго барабана ускореннымъ танцовальнымъ темпомъ и продолжался довольно долго, чтобы извѣстить сосѣднія деревни о предстоящемъ веселомъ празднествѣ. Въ 9 часовъ, когда мѣсяцъ поднялся высоко на небѣ, началось торжество; изъ всѣхъ окрестныхъ деревень послѣ сытнаго ужина потянулся народъ къ мѣсту пляски. Послѣднее существуетъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ около гигантскаго „kurulengi“ (Elacis guinensis, видъ пальмы) и въ данный моментъ было ярко освѣщено луной; кругомъ виднѣлись поля дурра съ его высокими красивыми стеблями, за которыми скрывались хижины, кромѣ нѣсколькихъ находившихся на болѣе близкомъ разстояніи. Когда мы подошли къ мѣсту пляски еще сильнѣе загремѣлъ оглушительный бой барабановъ.—Вы уже здѣсь? добрый вечеръ!—Сегодня у насъ пляска!—Нравится ли вамъ пляска?—Нѣтъ ли у васъ табаку?—раздалось сразу нѣсколько голосовъ, между тѣмъ какъ другіе громко выкрикивали наши имена въ толпѣ. — Таковъ былъ сдѣланный намъ пріемъ.

По срединѣ площади виднѣлся врытый въ землю ветхій древесный стволъ, украшенный по случаю праздника „Ware“, т. е. вѣнкомъ изъ зеленыхъ вѣтокъ и травы. Вокругъ него расположились барабанщики и толпа дѣтей, которыя скакали, прыгали и расправляли свои молодые члены. Наконецъ началась пляска. Женщины, дѣти мужчины и юноши разомъ бросились впередъ съ радостнымъ ликованіемъ и составили родъ двойнаго хоровода; внутренній меньшій кругъ состоялъ изъ женщинъ и дѣвушекъ съ длинными стеблями дурра вмѣсто копій (онѣ нерѣдко носятъ и настоящія копья); наружный болѣе обширный кругъ составляли отцы семействъ и юноши, вооруженные колчанами, стрѣлами и копьями. У болѣе достаточныхъ были щиты изъ слоновой кожи. Обыкновенно бари на этихъ празднествахъ выставляетъ на показъ всѣ свои лучшія вещи въ доказательство своей знатности. У всѣхъ было по пучку бѣлыхъ перьевъ, который отчасти представлялъ подобіе высокаго шлема частью висѣлъ назади головы въ видѣ лошадинаго хвоста. Нѣкоторые щеголяли въ шкурахъ ихневмоновъ, цибетовъ и мелкихъ пантеръ, которыя смотря по величинѣ надѣваются на голову или грудь. Не было также недостатка въ стеклянныхъ бусахъ. Но главной принадлежностью туалета танцоровъ составлялъ шнурокъ съ колокольчиками („maryakan“), привязанный къ ногамъ отъ ступни до колѣнъ и даже немного выше, вслѣдствіе чего они производили при каждомъ шагѣ въ тактъ музыки оглушительный шумъ. Дѣвушки для праздника украсили себѣ шею и бедра стеклянными бусами, равно и женщины; которыя кромѣ того надѣли новые передники. Кто имѣлъ возможность вымазать себя съ головы до ногъ яркокрасной масляной краской, тотъ считалъ себя необыкновенно красивымъ и производилъ эффектъ. Вождь мади красовался въ желтомъ жестяномъ поясѣ, который купилъ за день передъ тѣмъ за четыре курицы. Эта драгоцѣнность возбуждала общую зависть. „Онъ великій человѣкъ“! говорили они между собой. Голова вождя была украшена спереди клювомъ марабу; онъ держалъ въ рукѣ щитъ изъ слоновой кожи, между тѣмъ какъ на плечахъ висѣла леопардовая шкура. Многочисленныя мѣдныя кольца на его рукахъ и ногахъ были тщательно вычищены. Онъ имѣлъ сіяющій видъ, потому что вѣроятно выпилъ передъ этимъ нѣсколько чашъ пива („yawa“). Кругомъ стояли толпы зрителей и выжидали момента, когда танцующіе удалятся для отдыха, чтобы занять ихъ мѣсто. Ихъ роль пока ограничивалась тѣмъ, что они сдерживали шумную ватагу рѣзвыхъ ребятишекъ, чтобы они не ворвались въ средину круга и не нарушили порядокъ пляски. Послѣдняя состоитъ въ томъ, что танцоры топаютъ ногами какъ бѣсноватые, мѣрно раскачиваютъ взадъ и впередъ свое туловище, откидываются назадъ и производятъ страшный шумъ желѣзными колокольчиками. Женщины, составлявшія внутренній кругъ, расмахивали при

этомъ руками, наклонялись взадъ и впередъ, высоко подскакивали, поднявъ руки, кричали и вторили пронзительнымъ визгомъ непрерывному хоровому пѣнію пляшущихъ мужчинъ. Вслѣдъ затѣмъ, по данному знаку, наступила общая сумятица; пляска и пѣніе прекратились; только въ ушахъ по прежнему непріятно раздавался неистовый барабанный бой. Мужчины бросились другъ на друга съ свирѣпымъ видомъ, поднявъ надъ головой копья, какъ во время разгара битвы; послышались дикіе вопли женщинъ; но это былъ не болѣе, какъ фарсъ; копья опустились, и протяжный радостный крикъ огласилъ воздухъ. Вскорѣ опять раздался сигналъ барабана; вождь выступилъ впередъ съ высоко поднятымъ копьемъ, за нимъ слѣдовали всѣ танцоры; составилось шествіе воиновъ, которые обошли кругомъ всю площадь въ боевомъ порядкѣ, за ними двигались женщины. Если, кто пожелалъ бы видѣть красивыхъ, гигантскихъ, но дикихъ воиновъ, тотъ могъ бы въ этотъ моментъ вполнѣ удовлетворить своему любопытству. Въ заключеніе принесены были факела изъ зажженной соломы; и при этомъ освѣщеніи снова начался воинственный танецъ и становился все болѣе и болѣе дикимъ и своеобразнымъ (A. Kaufmann, Schilderungen aus Zentralafrika. Brixen 1862. s. 171).

На югъ отъ бари, мы встрѣчаемъ мади, которые отличаются отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей почти самобытнымъ языкомъ, приземистымъ тѣлосложеніемъ и болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи съ красновато-коричневымъ отливомъ. Но въ нравахъ и обычаяхъ они имѣютъ много общаго съ бари, хотя менѣе искусны въ обработкѣ желѣза и глины. Ихъ владѣнія простираются вдоль рѣки до Ваделей въ южномъ направленіи, до земель Макрака на западѣ, а къ востоку до территоріи Шулитерри. Д-ръ Эминъ Бей благодаря содѣйствію общительныхъ и привѣтливыхъ мади познакомился съ племенами Ваделея или скорѣе коче (ko-tsche). Ихъ языкъ а-лури представляетъ близкое сродство съ тули, такъ что между ними существуетъ только діалектическое различіе. Далѣе къ югу у Махаги на западномъ берегу Мвутана языкъ туземцевъ, по наблюденіямъ Эминъ Бея, весьма сходенъ съ діалектомъ шули и шефули на которомъ говорятъ у пороговъ Карума и Тада и въ то-же время тождественъ съ идіомомъ распространеннымъ въ Ваделеѣ и въ округахъ Рокетто. Сверхъ того Эминъ Бей признаетъ несомнѣннымъ сродство этого идіома съ языкомъ шули, который въ свою очередь представляетъ много общаго съ шиллукомъ. Отсюда почтенный изслѣдователь выводитъ гипотезу о весьма значительномъ переселеніи шиллуковъ на югъ, и въ подтвержденіе этого указываетъ на поразительное сходство языка, нравовъ и обычаевъ у трехъ вышеупомянутыхъ народовъ. Эта гипотеза является тѣмъ болѣе вѣроятной, что по свидѣтельству д-ра Швейнфурта, въ области Баръ-эль-Гасаль встрѣчаются отрасли шиллукской семьи; слѣдовательно ихъ присутствіе далѣе къ югу не представляетъ ничего особеннаго или поразительнаго (Petermanns Geograph. Mitth. 1881 s. 5). По словамъ Бухта негры шули послушны, воспріимчивы и довѣрчивы, какъ умныя дѣти. Они преимущественно охотятся за львами, леопардами, каракалами, слонами, носорогами, буйволами, жирафами, гіе-

нами и нильской лисицей. На ихъ кухнѣ истребляется значительное число антилопъ, газелей и трупкозубовъ (A. a. O. s. 87). Ніамбари, западные сосѣди бари всего ближе подходятъ къ нимъ. Относительно ихъ языка нельзя пока сказать ничего опредѣленнаго, но по нравамъ и обычаямъ они схожи съ бари; при этомъ у нихъ есть нѣкоторыя общія черты съ западными племенами, такъ что, сообразно съ ихъ названіемъ, они могутъ быть поставлены между ніамніамъ и бари. Слово „ніамъ“ и „ніамъ“. — одно и то-же и все отличіе заключается въ томъ выговариваетъ ли это слово бари или арабъ. Восточные сосѣди бари, а именно лиги, мору, мундо несравненно больше отличаются отъ нихъ, чѣмъ ніамбари. По внѣшности, они ближе подходятъ къ народамъ литту, хотя ихъ языки весьма различны. Величина роста у этихъ трехъ племенъ, а равно у живущихъ близь Абу-Кейа и Абака большей частью не превышаетъ обыкновенной нормы; женщины въ особенности склонны къ ожирѣнію; цвѣтъ кожи довольно однообразный и быть можетъ однимъ оттѣнкомъ свѣтлѣе, чѣмъ у предъидущихъ племенъ. Нравы и обычаи, хижины и утварь, оружіе и т. п. не представляютъ ничего замѣчательнаго. Но, благодаря давней зависимости отъ „зерибовъ“, какъ называютъ здѣсь укрѣпленныя поселенія арабскихъ купцовъ, они въ значительной степени утратили свою самобытность. У нихъ есть, впрочемъ, одна особенность, рѣзко отличающая ихъ отъ восточныхъ и сѣверныхъ сосѣдей, а именно передникъ у мужчинъ, который не встрѣчается ни у одного изъ негритянскихъ племенъ Баръ-эль-Абіада. Равнымъ образомъ онъ въ употребленіи у племенъ, живущихъ на западъ отъ ніамбари, отчасти въ видѣ самобытнаго, а частью заимствованнаго обычая. Негры всего бассейна Бѣлаго Нила не носятъ одеждъ изъ ткани или какой либо матеріи и даже живущіе въ арабскихъ поселеніяхъ съ трудомъ привыкаютъ къ ней и предпочитаютъ свой національный нарядъ или совершенную наготу. У динка напр. одежда считается годной только для женщинъ; одинъ вождь увѣрялъ, что еслибы ему обѣщали награду въ тридцать коровъ, то и тогда онъ не согласился бы постоянно носить одежду. Для бари равносильно быть одѣтымъ или сдѣлаться женоподобнымъ. Нагляднымъ примѣромъ этого, по словамъ Бухты, можетъ служить ихъ великій шейкъ Лоронъ де Гондокоро, который владѣетъ нѣсколькими тысячами головъ рогатаго скота. Несмотря на старанія многихъ египетскихъ губернаторовъ и на то, что ему не разъ посылали въ подарокъ платье, его никакъ не могли убѣдить надѣть на себя какую нибудь, хотя бы самую ничтожную часть одежды. Единственнымъ внѣшнимъ признакомъ цивилизаціи внесенной въ его страну служитъ зонтикъ, который онъ согласился принять для защиты своего нѣжнаго цвѣта лица отъ палящихъ лучей тропическаго солнца. Бухта добавляетъ, что въ высшей степени забавно видѣть, какъ этотъ совершенно голый негръ, высоко поднявъ надъ го-

ловой распущенный зонтикъ, прогуливается мѣрнымъ шагомъ по улицѣ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства (А. а. О., s. 85). Негръ утверждаетъ, что всякая ткань и платье имѣютъ отвратительный запахъ; и это совершенно справедливо по тому способу, какъ онъ носитъ ихъ. Всякая ткань на его тѣлѣ въ короткое время принимаетъ видъ грязныхъ лохмотьевъ, пропитанныхъ жиромъ и пòтомъ, такъ чтó въ сравненіи съ ними кожанный передникъ и поясъ съ бахрамой кажутся прочными, опрятными и красивыми. Между тѣмъ племена на западъ отъ ніамбари, наоборотъ, охотно носятъ одежду изъ ткани и готовы отдать за нее не только свой національный нарядъ, но и все, чтò имѣютъ. Женщины предпочитаютъ всему пучокъ листьевъ ежедневно возобновляемый, и этотъ костюмъ Евы до извѣстной степени идетъ къ нимъ; но у нихъ въ обычаѣ южно-африканскій „пелеле", который производитъ на европейца отвратительное впечатлѣніе и противорѣчитъ всѣмъ его понятіямъ о красотѣ. „Пелеле" повидимому распространенъ отчасти и между мужскимъ поломъ (Marno, Reise in der ägypt. Aequat. Prov. s. 117—123).

На западъ отъ динка, или вѣрнѣе на юго-западъ западной окраины бассейна рѣки Газель и у средняго теченія Баръ Джура живутъ дшуры на нижней террасѣ центральной горной страны, а за ними народъ бонго или доръ. Названіе дшуры или джуры (dschur, djur) дано имъ динками и означаетъ приблизительно „лѣсныхъ людей" или „дикарей". Сами дшуры называютъ себя луохъ. Нубійцы величаютъ дшурами различныя племена близь Роля, къ югу отъ територій динка, хотя это прозвище совсѣмъ чуждо имъ, и они не имѣютъ ничего общаго съ западными дшурами, ни въ языкѣ, ни въ расовыхъ отличіяхъ и всего менѣе въ нравахъ. Нубійцы заимствовали слово „дшуръ", отъ динка; послѣдніе обыкновенно обозначаютъ имъ всѣ племена, которыя не занимаются скотоводствомъ. Настоящіе дшуры (луохъ) говорятъ до сихъ поръ на чистомъ шиллукскомъ языкѣ, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій, перенятыхъ отъ динка; но у нихъ не сохранилось никакихъ преданій о томъ, что ихъ предки перешли въ страну съ сѣвера. Занимаемая ими область не велика; число ихъ едва превосходитъ 20,000 душъ.

Дшуры черновато-коричневаго цвѣта, немного свѣтлѣе динка и, несмотря на извѣстную зависимость отъ послѣднихъ, сохранили до сихъ поръ многіе шиллукскіе обычаи, особенно въ одеждѣ, такъ что, ни мужчины, ни женщины не признаютъ татуировки и не носятъ передниковъ. Но тѣмъ тщательнѣе прикрываютъ они себя сзади небольшимъ кускомъ мѣха, покрой котораго напоминаетъ фалды фрака. Искуственныя прически не въ обычаѣ; оба пола всего чаще носятъ коротко остриженные волосы. Любимымъ убранствомъ мужчинъ служатъ, какъ у динка, желѣзныя кольца въ видѣ браслетовъ, затѣмъ массивный обручъ изъ слоновой кости на верхней части руки и своеобразное украшеніе изъ тяжелыхъ колецъ литой мѣди, съ тщательно выведенными на нихъ узорами. Латунь („damara") цѣнится здѣсь втрое больше, нежели красная мѣдь. Женщины носятъ тѣ же украшенія, что динка, но кромѣ того не-

рѣдко продѣваютъ большое кольцо изъ слоновой кости въ переносье, носовую кость или въ обѣ ноздри. Края ушей часто украшены множествомъ мелкихъ колецъ. Также въ большомъ употребленіи маленькіе цилиндры изъ кованнаго желѣза, нанизанные на нитки. Въ послѣднее время многое исчезло изъ первобытныхъ нравовъ, какъ напр. обычай взаимнаго оплеванія, который служилъ выраженіемъ величайшей сердечной привязанности. Дшуры искусные кузнецы. Въ мартѣ, т. е. незадолго передъ началомъ посѣва, они оставляютъ свои хижины; одни идутъ къ берегу для рыбной ловли, другіе — въ лѣсъ, чтобы заняться плавкой руды. Они дѣлаютъ узкія доменныя печи въ 1, 30 м. высоты, съ восемью первобытными раздувальными мѣхами, въ которыхъ получается желѣзо смѣшанное съ шлакомъ; но они выковываютъ его на наковальнѣ кусками гранита, а затѣмъ изготовляютъ изъ него копья и различныя желѣзныя орудія, которыя сдѣлали бы честь британскому кузнецу. Швейнфуртъ подробно описалъ любопытную процедуру работы (Im Hersen von Afrika, Bd. I, s. 224—227). Наконечники копій въ 60—70 сант. длины — обыкновенная форма, которую придаютъ металлу, чтобы онъ имѣлъ стоимость соотвѣтствующую нашей чеканенной монетѣ. Такимъ образомъ копья и „malot" (небольшая лопата) служатъ ходячей монетой во всей области верхняго Нила. Но дшуры не умѣютъ обжигать уголь. Они воздѣлываютъ табакъ и курятъ его изъ глиняныхъ трубокъ. Въ тыквенную бутылку, придѣланную къ мундштуку трубки, вкладываютъ шарики изъ древеснаго лыка и хлопка, которые постепенно пропитываются никотиномъ и служатъ жевательнымъ табакомъ. Конусообразныя хижины дшуровъ крайне просты и лишены украшеній, но построены тщательно, симметрично и довольно красиво. Внутри хижины устроенъ закромъ въ 1,60—2,30 м. вышины для храненія запасовъ зерна, который имѣетъ форму огромной плетеной бутылки, замазанной глиной для защиты отъ крысъ. Эта глина отличается замѣчательной твердостью. Передъ хижиной стоитъ большая деревянная ступа, врытая въ землю для толченія зерна, которое затѣмъ растирается въ мелкую муку на первобытныхъ ручныхъ жерновахъ. Едва дшуръ, благодаря своему трудолюбію, достигнетъ извѣстнаго благосостоянія, какъ уже начинаетъ думать о покупкѣ жены, такъ что въ странѣ не найдется ни одной дѣвушки старше 8 лѣтъ, которая не была бы невѣстой. Старыя дѣвы составляютъ здѣсь contradictio in adjecto. Женщины весьма плодовиты и взаимная любовь родителей и дѣтей проявляется здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо въ центральной Африкѣ. Старость также пользуется почетомъ у миролюбивыхъ дшуровъ, и можно встрѣтить много субъектовъ съ сѣдыми волосами. Положеніе женщинъ лучше, чѣмъ гдѣ либо, потому что ихъ слабость внушаетъ къ нимъ уваженіе; дшуръ только въ крайнемъ случаѣ бьетъ невольницу, а тѣмъ болѣе своихъ женъ. Тѣмъ не менѣе на женщинахъ преимущественно лежитъ вся работа. Дшуры выдѣлываютъ кожи, плетутъ циновки, изготовляютъ рѣзныя низкія стулья, роговыя ложки и т. п. усердно занимаются охотой и рыбной ловлей, тщательно обработываютъ почву, и особенно дорожатъ скотомъ; но большей частью имѣютъ только тощихъ козъ, значительное число курицъ и собаку, которая стережетъ домъ. Къ сожалѣнію плоды ихъ трудолюбія въ большинствѣ случаевъ переходятъ въ руки нубійскихъ разбойниковъ (Schweinfurth, a. a. O., Bd. I, s. 219—232).

На сѣверъ отъ дшуровъ распространены многочисленные дембо и болѣе мелкія сродныя съ ними племена; далѣе къ югу живутъ беланда, которые несмотря на значительное различіе нравовъ, очевидно измѣнившихся подъ вліяніемъ бонго, почти сохранили шиллукскій языкъ въ его первоначальномъ видѣ. Беланда отчасти платятъ подать ніамніамскому повелителю Солонго, частью картумернамъ; ихъ владѣнія отдѣлены отъ дшуровъ землей бонго.

Бонго или доръ живутъ между 6 — 8 с. ш. на пространствѣ, имѣющемъ въ окружности 31, 475 ккм.; число ихъ по Швейнфурту доходитъ всего до

100.000 душъ, что составляетъ довольно скудное населеніе сравнительно съ занимаемой ими территоріей. Бонго пріобрѣтаютъ себѣ пропитаніе скотоводствомъ, рыбной ловлей, охотой и преимущественно земледѣліемъ. Изъ хлѣбныхъ растеній они воздѣлываютъ индійскую пшеницу „духу“, телебунъ (eleusina coracana), затѣмъ овощи, стручковые плоды, кунжутъ и земляной орѣхъ. Они также весьма тщательно разводятъ табакъ. При отсутствіи поваренной соли, они употребляютъ для приправы кушаньевъ поташъ, который добываютъ изъ золы древесной породы Grewia mollis. Изъ всѣхъ народовъ, живущихъ по рѣкѣ Газель, бонго строятъ всего тщательнѣе свои жилища, которыя всегда конусообразныя, но при этомъ отличаются разнообразіемъ формы. На конусѣ крыши изъ красивой соломенной настилки устроено сидѣнье; отсюда открывается обширный видъ вдаль на плоскую мѣстность, покрытую полями зерноваго хлѣба. Входное отверстіе настолко низко, что приходится вползать въ хижину. Къ каждому жилищу примыкаетъ хлѣбный амбаръ, построенный на высокихъ столбахъ для предохраненія отъ сырости, крысъ и термитовъ. Бонго всего охотнѣе строитъ себѣ жилье подъ большимъ деревомъ обширная тѣнь котораго доставляетъ ему естественную защиту отъ солнца; здѣсь же на открытомъ воздухѣ исполняются тѣ работы, для которыхъ нужно больше свѣту, нежели можетъ дать внутренность хижины. Кругомъ жилья, на довольно значительномъ разстояніи, земля вычищена и хорошо утоптана, потому что это рабочій столъ, на которомъ женщины изготовляютъ все необходимое для ихъ хозяйства.

Цвѣтъ кожи бонго, какъ у сосѣднихъ митту, ніамніамъ и креджъ землистокраснокоричневый, такъ что сравнительно съ ними динка, нуэры и шиллуки кажутся совсѣмъ черными. Бонго отличаются также своимъ тѣлосложеніемъ; они большей частью средняго роста, съ укороченными оконечностями и съ болѣе рѣзко обозначенными мышцами; въ ихъ наружности особенно поражаетъ несоразмѣрная длина туловища въ соединеніи съ ненормальной шириной черепа; у нихъ короткіе, курчавые, рунообразные волосы, о которыхъ они очень мало заботятся. Мужчины постоянно носятъ передникъ изъ шкуры или ткани, который они привязываютъ шнуркомъ къ тальи; женщины прикрываютъ себѣ бедра пучками листьевъ и травы, а также нерѣдко привязываютъ къ себѣ мочалки изъ волоконъ сансевьеры, которыя волочатся сзади по землѣ, на подобіе чернаго конскаго хвоста. Остальныя части тѣла голыя у обоихъ половъ; головной уборъ изъ перьевъ употребляется только въ торжественныхъ случаяхъ. При этомъ оба пола выказываютъ большое пристрастіе къ щегольству и украшеніямъ, состоящимъ изъ стеклянныхъ бусъ, которыя они нанизываютъ на шнурки и носятъ вокругъ шеи. Но мужчины большей частью предпочитаютъ ожерелья изъ нанизанныхъ кусочковъ дерева, корней, совиныхъ и орлиныхъ когтей, крокодиловыхъ и собачьихъ зубовъ, которымъ приписываютъ силу тилисмановъ, и думаютъ, что они предохраняютъ ихъ отъ опасности. Тотчасъ послѣ выхода замужъ у женщины прокалываютъ нижнюю губу и вдѣваютъ въ нее кусочки дерева, постепенно увеличивая ихъ, такъ что наконецъ объемъ губы увеличивается въ пять или шесть разъ; въ верхней губѣ также сдѣлано отверстіе, въ которое втыкаютъ мѣдный гвоздь или кольцо. Затѣмъ оба пола вдѣваютъ въ крылья носа двѣ три соломенки; въ хрящъ пробуравленной носовой перегородки вводится мѣдное кольцо, подобно тому, какъ это дѣлаютъ съ буйволами и другими животными, чтобы сдѣлать ихъ ручными. Предплечье, грудь и животъ татуируются линіями, выведенными зигзагами. Наружность женщинъ бонго не совсѣмъ соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о женской красотѣ. Всѣ онѣ въ зрѣломъ возрастѣ достигаютъ невѣроятной тучности и носятъ на себѣ такія огромныя туши мяса, что, глядя на худощавыя жилистыя фигуры ихъ мужей, нельзя не удивляться такому контрасту между обоими полами. Ляшки нерѣдко такого-же объема, какъ обхватъ въ груди у

ихъ мужей, между тѣмъ какъ бедра развиты, въ такой-же степени, какъ у готтентотокъ, и нерѣдко достигаютъ несравненно большихъ размѣровъ. Вслѣдствіе этого, когда тучная женщина бонго идетъ усиленнымъ шагомъ, то она имѣетъ поразительное сходство съ павіаномъ, чему также не мало способствуетъ длинный мочальный хвостъ.

Даже самые достаточные бонго не имѣютъ болѣе трехъ женъ, а бѣдняки довольствуются одной. Женихъ платитъ отцу невѣсты выкупъ, состоящій изъ десяти двухъ-фунтовыхъ желѣзныхъ плитокъ и двадцати наконечниковъ копій; за меньшую цѣну можно получить только пожилую жену. Бракъ заключенный этимъ способомъ можетъ быть легко расторгнутъ. Каждый можетъ возвратить жену ея отцу; но обыкновенно только безплодіе бываетъ причиной развода. Обыкновенно браки бываютъ очень плодовиты. Погребальные обычаи бонго заключаются въ слѣдующемъ: какъ только наступила смерть, покойника усаживаютъ на корточки; колѣни его, какъ у перуіанскихъ мумій, насильственно пригибаютъ къ подбородку, а голову и бедра связываютъ крѣпкими повязками; затѣмъ его кладутъ въ мѣшокъ, сшитый изъ шкуръ, и опускаютъ въ глубокую могилу въ сидячемъ положеніи. Если покойникъ мужскаго пола, то лицо его обращаютъ къ сѣверу, у женщины — на югъ. На зарытую могилу накладываютъ кучу камней и ставятъ сверху кружку съ водой. Тотъ-же способъ погребенія существуетъ у митту и мади. У бонго нѣтъ вѣры въ безсмертіе, а также никакого опредѣленнаго религіознаго культа; ихъ божество носитъ названіе „loma", но они не воздаютъ ему никакихъ почестей. Бонго чувствуютъ особенный страхъ къ злымъ духамъ и для огражденія отъ нихъ носятъ талисманы въ видѣ кусочковъ дерева и корней. Добрые духи имъ неизвѣстны. „Мы знаемъ, говорятъ они, что духи дѣлаютъ намъ зло, но мы никогда не слыхали, что есть хотя одинъ доброжелательный духъ, которому мы обязаны нашимъ существованіемъ". Языкъ бонго благозвученъ, вслѣдствіе преобладанія гласныхъ, и отличается простотой грамматическаго строенія. Профессоръ Лео Рейнишъ находитъ тѣсное сродство между бонго и „багримма", языкомъ племенъ багирми на южномъ берегу озера Чадъ. Отсюда можно, повидимому, вывести заключеніе, что бонго, перешли съ сѣвера на югъ въ ихъ теперешнія мѣста жительства, на что указываетъ и своеобразное положеніе, какое придаютъ покойнику въ могилѣ, лицо котораго должно быть обращено на сѣверъ. Равнымъ образомъ нравы и обычаи бонго во многомъ сходятся съ багирми и жителями Дарфура.

У юго-восточной границы бонго, въ бассейнѣ рѣки Газель, между 5^0 и 6^0 с. ш., живетъ негритянскій народъ митту, область котораго соприкасается на востокѣ съ племенами динка. Языкъ митту повидимому сроденъ съ бонго. На сѣверѣ страны именемъ митту обозначаютъ также племена мади (которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутыми сосѣдями бари того-же имени), абака и луба. Всѣ они по типу подходятъ къ неграмъ центральной Африки, довольно слабаго тѣлосложенія и занимаются земледѣліемъ. У митту существуетъ своеобразный обычай откармливать и ѣсть собакъ, которыя вслѣдствіе этого считаются полезными домашними животными, на ряду съ козами и курицами. Швейнфуртъ восхищается удивительными музыкальными произведеніями этого народа. Музыка митту, по всѣмъ отзывамъ, весьма мелодична и носитъ иной характеръ, нежели обычная негритянская музыка. Они хорошо поютъ въ хорѣ и сравнительно съ своими сосѣдями имѣютъ болѣе усовершенствованные духовые и струн-

ные инструменты. Они живутъ подъ властью мелкихъ независимыхъ вождей, часть которыхъ находится въ полномъ подчиненіи у арабскихъ купцовъ, торгующихъ слоновой костью. Къ настоящимъ негритянскимъ племенамъ въ этой мѣстности принадлежитъ бабукръ, сродные съ ними по языку монву, бамбири, база, кверембо, берембо, шери бамбіа и т. п.; но къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній относительно ихъ этнологической связи съ другими туземными народами. Намъ извѣстно только, что у нихъ развитъ въ высшей степени негритянскій типъ, что они большей частью находятся въ условіяхъ рабства и преданы въ сильной степени людоѣдству.

Въ послѣдніе годы бонго и ихъ сосѣди подпали подъ власть арабскихъ охотниковъ за рабами, такъ наз. „dschellaba", которые живутъ въ своихъ осѣдлыхъ поселеніяхъ „зерибахъ" (что въ буквальномъ переводѣ означаетъ терновая изгородь), и безпощадно эксплуатируютъ страну и ея сокровища для своихъ торговыхъ цѣлей. Въ былыя времена страна была раздѣлена на множество мелкихъ округовъ, въ которыхъ господствовала анархія, обычная во всѣхъ второстепенныхъ африканскихъ республикахъ. Поэтому шайки грубыхъ наемниковъ изъ Картума могли легко присвоить себѣ господство надъ неграми. Туземцы были обращены въ рабство и водворены вокругъ „зерибовъ", устроенныхъ въ странѣ. Часть населенія спаслась отъ рабства, благодаря переселенію къ динка и ніамніамъ. Швейнфуртъ характеризуетъ въ сильныхъ и рельефныхъ выраженіяхъ поведеніе картумскихъ купцовъ въ то время, когда они овладѣли страной: „нубійцы, по его словамъ, хозяйничали тутъ, какъ стадо наглыхъ павіановъ въ хлѣбныхъ поляхъ племенъ така и гедарефовъ". Съ этихъ поръ джеллаба рыскаютъ по всему пространству верхняго Нильскаго бассейна, опустошаютъ все, что попадается на ихъ пути и приносятъ съ собой несчастіе и опустошеніе. Земли на югъ отъ Вадаи и Дарфура служатъ главнымъ центромъ торговли невольниками, хотя въ началѣ семидесятыхъ годовъ для ея уничтоженія египетское правительство отправило на Бѣлый Нилъ большую экспедицію, подъ начальствомъ Самуила Бекера. Мнѣніе, которое высказываетъ Марно объ этомъ предпріятіи и вообще о всѣхъ подобныхъ попыткахъ,— какъ и можно было ожидать отъ такого основательнаго знатока нильскихъ народовъ, чуждаго какихъ либо предразсудковъ — представляетъ мало утѣшительнаго для мечтаній ложно понятой филантропіи. Оно сводится къ непреложной истинѣ, хотя рѣдко принимаемой въ разсчетъ, что въ борьбѣ побѣда сильнаго надъ слабѣйшимъ, какъ и угнетеніе послѣдняго, въ какой бы то ни было формѣ, составляютъ общій законъ природы, проявленія котораго не можетъ уничтожить никакая человѣческая дѣятельность, ни даже положить имъ какіе либо предѣлы. При этомъ Марно указываетъ на общеизвѣстный фактъ, что война, завоеванія и опустошенія составляютъ обыденное явленіе среди негритянскихъ племенъ центральной Африки; и, что если побѣжденный не убитъ и не можетъ причинить зла, то несовмѣстимо съ понятіями этого народа, чтобы онъ смотрѣлъ на него иначе, какъ на благопріобрѣтенную собственность. Вслѣдствіе этого неудавшееся предпріятіе Бекера, стоившее такихъ огромныхъ денегъ, встрѣтило мало сочувствія даже среди негритянскихъ народовъ, которые должны были воспользоваться его благодѣтельными результатами. Но если бы даже оно удалось,— что представляетъ весьма мало вѣроятія,— то и тогда неграмъ врядъ ли пришлось бы благодарить своихъ защитниковъ, потому что это лишило бы ихъ выгодной торговли и единственныхъ случаевъ, которые они имѣютъ для соприкосновенія съ цивилизованнымъ міромъ при сбытѣ невольниковъ. Между неграми ходили тогда самые баснословные слухи о намѣреніяхъ египетскаго пра-

вительства, такъ какъ настоящая цѣль предпріятія была окончательно непонятна для нихъ. Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду, что невольникъ у восточнаго человѣка (все матеріальное существованіе котораго основано на рабствѣ) пользуется несравненно болѣе мягкимъ или, какъ говорятъ теперь, „человѣчнымъ" обращеніемъ, нежели у европейца, думающаго только о быстрой наживѣ. Здѣсь отношенія невольника къ своему господину менѣе тягостны, и онъ далеко не находится подъ такимъ гнетомъ, какъ были иногда крѣпостные во многихъ цивилизованныхъ странахъ Европы. Невольникъ, выведенный изъ своего полускотскаго состоянія, знакомится съ массой новыхъ жизненныхъ потребностей и сравнительно доходитъ до извѣстной цивилизаціи, такъ что съ утратой свободы положительно выигрываетъ въ смыслѣ культуры и понимаетъ это. Необходимость всегда имѣла и будетъ имѣть перевѣсъ надъ всѣми другими условіями. Въ Африкѣ людей обращаютъ и будутъ обращать въ рабство до тѣхъ поръ, пока африканскіе народы не сойдутъ съ пути, по которому они, вѣроятно, слѣдовали съ первыхъ моментовъ своего существованія. На всемъ востокѣ трудъ лежитъ на невольникахъ и это составляетъ неизбѣжное условіе хозяйства, и, если гдѣ и оказывается избытокъ рукъ, то съ другой стороны никакая сила на свѣтѣ не удержитъ притокъ живаго товара къ мѣсту спроса. Единственное радикальное и возможное, хотя, повидимому, неисполнимое средство заключается въ томъ, чтобы принудить восточный людъ къ свободному труду. Другими словами необходимо поработить восточныхъ людей, чтобы освободить негровъ, или выражаясь точнѣе, ограничить рабство негровъ центральной Африкой, такъ какъ въ этомъ случаѣ отъ глазъ Европы съ ея христіанской чопорностью было бы скрыто явленіе, которое хотя и сообразно съ естественнымъ ходомъ человѣческаго развитія, но тѣмъ не менѣе постоянно приводитъ ее въ ужасъ.

Смѣшеніе всевозможныхъ народностей, населяющихъ зничительную часть сѣверовосточной Африки лишаетъ насъ возможности сдѣлать характеристику отдѣльныхъ элементовъ или провести точныя границы ихъ распространенія, такъ что въ физическомъ и географическомъ отношеніи у насъ нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ, чтобы сказать, гдѣ собственно начинаются негры. Только на далекомъ югѣ мы встрѣчаемъ у туземцевъ столько общихъ признаковъ, что можетъ обозначить ихъ этимъ, хотя весьма растяжимымъ собирательнымъ именемъ. Многіе изъ этихъ народовъ до сихъ поръ стоятъ на самой низкой степени человѣческаго развитія; иные достигли извѣстной степени цивилизаціи; но тѣ и другіе, какъ въ физическомъ, такъ и психическомъ отношеніи, служатъ поразительнымъ подтвержденіемъ высказаннаго нами положенія.

Такимъ образомъ, этнографы не отвели опредѣленнаго мѣста цѣлому ряду народностей, которыя живутъ отчасти среди перечисленныхъ выше негритянскихъ племенъ и частью по сосѣдству съ ними на югъ и юго-востокъ. По внѣшности, они отличаются отъ фуллаховъ и настоящихъ негровъ, такъ что Фридрихъ Миллеръ причисляетъ ихъ къ племенамъ нуба. Наиболѣе вѣроятнымъ можно считать то предположеніе, что эти племена центральной Африки составляютъ переходный типъ отъ негритянской расы къ нуба. Что касается ихъ языка, то мы имѣемъ о немъ такъ мало свѣдѣній, что классификація

становится здѣсь крайне затруднительной. Это особенно примѣнимо къ Даръ Фертиту, области, лежашей на югъ отъ Дарфура и Вадаи.

Даръ Фертитъ, по своимъ этнографическимъ условіямъ, представляетъ въ высшей степени сбивчивую картину, такъ какъ нигдѣ нельзя встрѣтить такую массу смѣшанныхъ расъ, скученныхъ на ограниченномъ пространствѣ. На западѣ за бонго, слѣдуютъ отдѣленные отъ нихъ обширными пустынями голо и ссере. Послѣднія два племени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сильно смѣшались между собой. Ссере первоначально находились въ рабскомъ подчиненіи у ніамніамъ и повидимому въ недавнее время перешли съ юга, вслѣдствіе опустѣнія страны, вызваннаго торговлей невольниками, подобно тому, какъ сандехи (ніамніамъ) съ давняго времени поселились въ Гебель Мара на сѣверо-востокъ отъ Креджа. Голо и ссере по своей внѣшности напоминаютъ бонго, между тѣмъ какъ діалектъ этихъ двухъ народовъ не имѣетъ ничего общаго съ языкомъ бонго, кромѣ нѣсколькихъ созвучій въ единичныхъ случаяхъ. Подобно южнымъ бонго, голо и ссере не выламываютъ нижнихъ переднихъ зубовъ; но верхніе у нихъ подпилены и такіе же острые, какъ у ніамніамъ. Нравы ніамніамъ удержались также въ ихъ образѣ жизни, домашней утвари и пр. Ссере особенно заинтересовали Швейнфурта, потому что во время своего путешествія по Африкѣ, онъ нигдѣ не встрѣчалъ туземцевъ съ болѣе воспріимчивымъ темпераментомъ, который бы въ такой степени проявлялся во всемъ. По его словамъ ссере самый живой и веселый негритянскій народъ, какой ему когда либо приходилось видѣть. Многочисленныя болѣе мелкія племена, которыя въ былыя времена отчасти и теперь, въ качествѣ зависимымъ земледѣльцевъ живутъ среди наіамніамъ, встрѣчаются такъ совмѣстно съ этимъ народомъ въ зерибахъ на крайнемъ западѣ отъ земли Креджъ, какъ напр. факкере, баддо, таббо и пр. Креджи состоятъ равнымъ образомъ изъ множества мелкихъ племенъ, область которыхъ не ограничена извѣстнымъ пространствомъ земли, такъ какъ они далеко разсѣяны въ странѣ въ видѣ отдѣльныхъ группъ, подобно пучкамъ злаковъ среди многихъ другихъ сортовъ травы. Изъ нихъ только ндугго, бейя и іонгбонго до извѣстной степени живутъ въ отдѣльныхъ округахъ, гдѣ они составляютъ преобладающій элементъ населенія. По словамъ Швейнфурта креджи самый безобразный народъ изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ восточныхъ племенъ Баръ-эль-Газаля; что касается ихъ интеллигенціи, то вслѣдствіе ли долгаго подчиненія чужеземнымъ завоевателямъ или гнета скудныхъ условій существованія, но они во всякомъ случаѣ стоятъ въ этомъ отношеніи на несравненно болѣе низкой степени, нежели голо, ссере, бонго и пр.

Область, занятая народомъ креджъ, граничитъ съ владѣніями дембо, шиллукскаго племени сроднаго съ дшурами, и на сѣверѣ съ поселеніями сандеховъ (ніамніамъ) и арабовъ баггара-эль-хомръ. Въ

$3^1/_2$ дняхъ ѣзды, къ сѣверо-западу отъ Зиберъ-Зериба, распространено негритянское племя манга, отличное отъ креджовъ. На западъ граница земли Креджъ находится на разстояніи 5—6 дней ѣзды отъ Демъ Гудъю, гдѣ живутъ осѣдлые бенда, у верхняго Бахъ-эль-Араба, страна которыхъ Даръ-Бенда съ давнихъ поръ служитъ для фури цѣлью набѣговъ, или вѣрнѣе сказать охоты за невольниками, за ними слѣдуютъ абу-динга, не выказывающіе ни малѣйшаго сродства съ ніамніамъ и даже креджами. Племена креджовъ въ пограничныхъ земляхъ называются: адъя, бейя и мере.

Подобная-же смѣсь народовъ наполняетъ большое государство А-Сандехъ или Ніамніамъ, населеніе котораго по Швейнфурту простирается до нѣсколькихъ милльоновъ, между тѣмъ какъ въ сущности только часть равнины занята а-сандехами и эмбели. Послѣдніе произошли отъ вѣковаго скрещиванія а-сандеховъ съ нѣкогда годсподствовавшими классами покоренныхъ ими народовъ. Въ настоящее время они считаютъ себя равными по происхожденію съ а-сандехами, сходны съ ними въ нравахъ, обычаяхъ и языкѣ, принадлежатъ также къ аристократіи страны и отличаются только по имени, такъ что ихъ можно смѣло причислить къ настоящимъ а-сандехамъ. Рядомъ съ ними на той-же территоріи живетъ нѣсколько племенъ, которыя нѣкогда были побѣждены и разсѣяны народомъ ніамніамъ, и въ настоящее время находятся въ зависимости отъ него, образуя его невольническія колоніи и рабочій классъ. Хотя съ теченіемъ времени эмбели въ значительной мѣрѣ утратили свои первобытныя черты, но тѣмъ не менѣе они до сихъ поръ живутъ среди а-сандеховъ въ видѣ обособленныхъ племенъ, и многіе изъ нихъ имѣютъ даже свой отдѣльный языкъ. Сюда принадлежатъ, напр. абарамба, памбія, а-мади, баширъ и аугу̀, бéри и а-банга̀. Кромѣ племенъ баширъ или ссере и голо, которыя равнымъ образомъ разсѣяны въ различныхъ мѣстностяхъ, на сѣверозападѣ встрѣчаются еще осѣдлые представители народовъ: мбàддима, бóддо, кале, бèри и пакàлле, говорящіе всѣ на особыхъ языкахъ, кромѣ пакалле, у которыхъ повидимому въ употребленіи діалектъ ніамніамъ (Petermanns Gaograph. Mith. 1881, s. 254).

Названіе ніамніамъ собирательное имя и означаетъ „обжоры". Они сами называютъ себя сандакъ, между тѣмъ какъ монбутту зовутъ ихъ бабунгера, а митту—макарака или какарака. По свидѣтельству Марно именемъ макрака обозначаютъ восточныхъ ніамніамъ. Племеннымъ отличіемъ ніамніамъ служитъ татуировка въ видѣ трехъ или четырехъ квадратовъ на лбу вискахъ и щекахъ, покрытыхъ точками, въ родѣ тѣхъ шрамовъ, какія остаются послѣ кровопусканія рожками; кромѣ того подъ грудной костью выведена фигура, похожая на x. Одежда у ніамніамъ состоитъ изъ шкуръ, живописно драпированныхъ вокругъ бедеръ. Мужчины обращаютъ особенное вниманіе на свою прическу, которая обыкновенно состоитъ въ томъ, что волосы раздѣлены по срединѣ головы прямымъ проборомъ на двѣ равныя половины. Въ долинѣ Кифа голова у туземцевъ окружена лучистымъ сіяніемъ, напоминающимъ изображеніе святыхъ. Этотъ лучистый вѣнокъ устраивается изъ собственныхъ во-

лосъ субъекта, которые заплетаются съ боковъ въ тонкія косички и накидываются на обручъ украшенный раковинами каури. Такая художественная прическа требуетъ большихъ стараній, и на нее обыкновенно тратится нѣсколько часовъ въ день. Женщины дѣлаютъ проборъ на макушкѣ головы, но ничѣмъ не украшаютъ своихъ волосъ. Вожди носятъ на головѣ шкуру тибетской кошки, какъ это также въ обычаѣ у варегга и фанъ. Мужчины украшаютъ себя кромѣ того поддѣльными львинными клыками, сдѣланными изъ слоновой кости; тѣ изъ нихъ, которые преданы людоѣдству навѣшиваютъ на шею ожерелья изъ человѣческихъ зубовъ. То-же самое дѣлаютъ и варегга, хотя при этомъ увѣряютъ, что человѣческіе зубы добыты ими изъ Сокоса.

Оружіе ніамніамъ состоитъ изъ копья, метательнаго желѣзка и кинжала; лукъ и стрѣлы употребляются рѣдко. Они прокармливаютъ себя охотой и земледѣліемъ; охота составляетъ занятіе мужчинъ; второе лежитъ на обязанности женщинъ. Здѣсь особенно разводится „телебунъ" (Eleusina coracana), между тѣмъ какъ индійская пшеница и маисъ воздѣлываются въ незначительномъ количествѣ; изъ телебуна туземцы изготовляютъ очень вкусное пиво. Здѣсь разводятся два вида табака: nicotiana tabacum и rustica. Его курятъ изъ глиняныхъ трубокъ безъ чубука; но жеваніе табака здѣсь неизвѣстно. Изъ домашнихъ животныхъ ніамніамъ держатъ только собакъ и затѣмъ курицъ. Собаки принадлежатъ къ гладкошерстой породѣ, напоминающей шавокъ. Городовъ и деревень нѣтъ. Хижины сгруппированы въ видѣ небольшихъ выселковъ, разбросанныхъ среди обработанныхъ полей; въ каждомъ изъ нихъ живетъ не больше одной семьи.

Жилище короля и его женъ состоитъ также изъ хижинъ, но болѣе многочисленныхъ. Способъ постройки тотъ-же, что у бонго, только крыша еще выше и болѣе остроконечной формы. Для ночлега подростающихъ сыновей знатныхъ фамилій построены своеобразныя миніатюрныя хижины „bamogih" съ крышей, въ видѣ колокола. На женщинахъ лежатъ всѣ полевыя и домашнія работы. Онѣ ведутъ болѣе уединенную и замкнутую жизнь, нежели женщины у бонго и митту, и отличаются особенной сдержанностью въ своемъ обращеніи съ чужеземцами. Сватовство обложено небольшой данью, которую женихъ, по общепринятому африканскому обычаю, долженъ выплатить своему будущему тестю. Если кто намѣренъ жениться, то онъ обращается къ королю, который скоро находитъ ему жену, соотвѣтствующую его вкусу. Большое число дѣтей служитъ у этого народа лучшимъ ручательствомъ любви и уваженія мужа; быть матерью множества дѣтей считается величайшей честью. Званіе вождя у ніамніамъ переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну и не приноситъ никакихъ выгодъ, кромѣ той, что лицо, облеченное въ это званіе, получаетъ извѣстный доходъ съ слоновой кости, добытой на охотѣ и половину мяса убитаго слона. Власть вождя состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ право созывать людей способныхъ носить оружіе на охоту или въ походъ, и въ этомъ отношеніи онъ пользуется безусловнымъ авторитетомъ. Кромѣ того онъ совершаетъ собственноручно смертную казнь надъ приговоренными. Вообще внѣшній блескъ чуждъ ніамніамскому вождю и у него нѣтъ никакихъ знаковъ отличія. Рилигіозныя воззрѣнія туземцевъ во всемъ сходны съ бонго; только въ языкѣ ніамніамъ есть имя для высшаго существа, которое они называютъ „Gumba" (что означаетъ также молнію), но вообще не воздаютъ ему никакихъ особенныхъ почестей. Они наравнѣ съ бонго вѣрятъ въ злыхъ духовъ; и прибѣгаютъ къ „божьему суду" для уголовныхъ преступленій, а въ важныхъ предпріятіяхъ, какъ напр. въ случаѣ войны, особенно важную роль играютъ предсказанія колдуновъ. Хотя ніамніамъ не имѣютъ понятія о загробной жизни, но у нихъ существуютъ извѣстные погребальные обычаи. Когда у кого нибудь умираетъ близкій родственникъ, то онъ стрижетъ себѣ волосы, которые составляютъ его гордость и плодъ долгихъ неусыпныхъ стараній, и бросаетъ

обрѣзанныя косы. Покойника вымазываютъ разноцвѣтной красной краской наряжаютъ въ дорогія шкуры и перья и, усадивъ на его будничный передникъ, опускаютъ въ могилу; мужчинъ съ лицомъ обращеннымъ на востокъ, женщинъ — на западъ. Несмотря на свою первобытную дикость, ніамніамъ отличаются воспріимчивымъ характеромъ, очень любятъ музыку и даже изобрѣли много музыкальныхъ инструментовъ. У нихъ также есть пѣвцы по профессіи, хотя не всегда одаренные особенно хорошимъ голосомъ и талантомъ, которые отличаются фантастическимъ нарядомъ и преимущественно поютъ на праздникахъ и вечернихъ пирушкахъ. Склонность къ лжи, по свидѣтельству д-ра В. Юнкера, составляетъ главный недостатокъ ніамніамъ, такъ что нарушеніе даннаго слова составляетъ самое обыкновенное явленіе. Подобно всѣмъ чернокожимъ, они не обидчивы и не злопамятны, такъ какъ самолюбіе совершенно чуждо имъ. Впрочемъ многое даже нельзя ставить имъ въ вину. Они дѣлаютъ зло безъ умысла, и впослѣдствіи готовы сознаться въ своемъ дурномъ поступкѣ, если имъ объяснятъ его въ настоящемъ свѣтѣ (Petermanns Geograph. Mitth. 1881, s. 153). Далеко распространившаяся молва объ ихъ людоѣдствѣ вполнѣ основательна. Ніамніамъ сами хвалятся этимъ и украшаютъ столбы жилищъ черепами своихъ жертвъ. Они пожираютъ не только всѣхъ военноплѣнныхъ, но и людей умершихъ внезапной смертью; человѣческій жиръ считается особенно лакомымъ кушаньемъ. Ніамніамъ не ѣдятъ близкихъ имъ людей; поэтому они нерѣдко обмѣниваютъ другъ у друга покойниковъ, и даже вырываютъ въ подобныхъ случаяхъ погребенныя тѣла, какъ это въ обычаѣ у племени фанъ въ западной Африкѣ. Если у нихъ нѣтъ междоусобной войны, то они нападаютъ на нубійскіе караваны, хотя имъ прямой разсчетъ быть съ ними въ мирѣ, потому что эти дорого платятъ имъ мѣдью и стеклянными бусами за доставку слоновой кости и съѣстныхъ припасовъ и, сверхъ того, дѣлаютъ щедрые подарки ихъ вождямъ. Разумѣется нубійцы далеко не такъ сговорчивы въ своихъ укрѣпленныхъ поселеніяхъ, но относительно ніамніамъ ихъ нельзя ни въ чемъ упрекнуть, потому что вражда съ этимъ кровожаднымъ племенемъ разстроила бы всѣ ихъ планы. Только черезъ него могутъ они получить слоновую кость; при этомъ у ніамніамъ нѣтъ рогатаго скота, который можно было бы ограбить, въ видѣ вознагражденія за понесенный убытокъ, а женщины и дѣти при малѣйшей опасности заблаговременно скрываются въ непроницаемую чащу лѣса, такъ что здѣсь нельзя также разсчитывать на добычу въ видѣ рабовъ. Какъ это не кажется дикимъ, но главную цѣль войны для ніамніамъ составляетъ надежда добыть человѣческаго мяса. Ихъ боевой крикъ: мясо! мясо! и если невольница, посланная за водой, имѣетъ несчастіе заблудиться, то она неизбѣжно становится жертвой этихъ людоѣдовъ. Говорятъ, что нѣкоторыя племена ніамніамъ наоборотъ чувствуютъ отвращеніе къ человѣческому мясу. По словамъ Марно, тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ нубійскихъ поселеніяхъ почти совсѣмъ отвыкаютъ отъ людоѣдства, и предаются ему только въ исключительныхъ случаяхъ (Reise in die ägypt. Aequat-Prov., s. 130).

По изслѣдованіямъ Швейнфурта ніамніамъ или сандехи принадлежатъ къ брахикефаламъ; цвѣтъ ихъ кожи очень темный, черноватокраснокоричневый (шоколаднобурый); они коренастаго тѣлосложенія, съ широкимъ плоскимъ лицомъ и толстыми губами. Ихъ волосы вьющіеся мелкими кольцами лежатъ по плечамъ; глаза необыкновенно велики, миндалевидной формы и немного косо лежащіе; по своему тѣлосложенію они склонны къ ожирѣнію и большей частью средняго роста (1,80 м.). Обрѣзаніе, вѣроятно введенное магометанами, не составляетъ рѣдкости у макрака, живущихъ по сосѣдству съ нубійскими

укрѣпленными поселеніями, но совершенно неизвѣстно у ніамніамъ. Между тѣмъ этотъ обычай распространенъ повсемѣстно у живущихъ къ югу отъ нихъ монбутту или мангебатту (какъ называетъ ихъ д-ръ В. Юнгеръ сообразно мѣстному выговору), которые сверхъ того вырѣзываютъ кусокъ наружнаго уха, но такимъ образомъ, что края остаются нетронутыми. Швейнфуртъ полагаетъ, что число ихъ простирается до милліона; по его словамъ они рѣзко отличаются отъ негровъ. Кожа у монбутту цвѣта молотаго кофе и замѣтно свѣтлѣе, чѣмъ у ихъ сѣверныхъ сосѣдей ніамніамъ. Достойно замѣчанія, что Швейнфуртъ пріѣхавшій съ сѣвера и Ливингстонъ изслѣдовавшій южныя страны сдѣлали одинаковое наблюденіе, что въ центрѣ материка господствуетъ болѣе свѣтлокожая раса. Д-ръ Швейнфуртъ встрѣтилъ также среди монбутту многихъ индивидовъ съ свѣтлыми волосами, которые при этомъ выказывали довольно ясные признаки альбинизма. Волоса ихъ волнистые и достигаютъ вообще значительной длины. Физіономія монбутту представляетъ нѣкоторое сходство съ семитическимъ типомъ, особенно по длинному изогнутому носу, чѣмъ они рельефно выдѣляются среди негровъ. По внѣшности монбутту главнымъ образомъ отличаются отъ ніамніамъ своей одеждой, сплетенной изъ древесной коры, и прической волосъ взбитыхъ въ видѣ множества наложенныхъ одинъ на другомъ валиковъ, что придаетъ задней части головы удлиненную цилиндрическую форму.

Монбутту повинуются двумъ королямъ, которые дѣлятъ между собой страну, управляемую многочисленными вождями. Каждый изъ нихъ носитъ своеобразный скипетръ въ видѣ сабли, которая служитъ внѣшнимъ отличіемъ ихъ сана. Вожди и короли монбутту поставлены въ лучшія условія, нежели у ніамніамъ, потому что помимо монополіи на слоновую кость и мѣдь, они пользуются еще особеннымъ доходомъ отъ урожая полей. Монбутту несравненно интеллигентнѣе всѣхъ своихъ сосѣдей; они разводятъ плодовыя деревья и нѣкоторыя клубневыя растенія; но воздѣлываніе зерноваго хлѣба не привилось къ нимъ. Изъ домашнихъ животныхъ они держатъ только маленькихъ собакъ и курицъ. Они не имѣютъ понятія о тканныхъ матеріяхъ и изготовляютъ себѣ одежду изъ лыка фиговаго дерева. Охота и война составляютъ занятіе мужчинъ. Домашнія и полевыя работы предоставлены женщинамъ, которыя отличаются особеннымъ искусствомъ въ приготовленіи различныхъ кушаньевъ, для которыхъ обыкновенно служитъ человѣческій жиръ, потому что людоѣдство у монбутту въ несравненно большемъ ходу, нежели у ихъ сѣверныхъ сосѣдей, и ихъ вообще можно считать чуть ли не самыми отчаянными людоѣдами въ цѣлой Африкѣ. Король Мунса ежедневно кушалъ человѣческое мясо. Монбутту предпринимаютъ формальныя охоты на югъ противъ еще болѣе дикихъ негритянскихъ племенъ; убитая жертва тотчасъ же пожирается на мѣстѣ; но при этомъ предварительно вялятъ мясо и вытапливаютъ жиръ, который сливаютъ въ глиняные горшки и сохраняютъ въ видѣ кухоннаго запаса. Плѣнныхъ забираютъ съ собой во время путешествія, чтобы имѣть возможность убить ихъ въ случаѣ надобности. По описанію д-ра Юнкера марубанга одно изъ самыхъ могущественныхъ племенъ манбутту, никогда не хоронятъ ни одного покойника, и даже въ случаѣ естественной смерти спрашиваютъ оракула о причинѣ; этотъ всегда указываетъ на одного или нѣсколькихъ виновниковъ

которыхъ немедленно казнятъ и пожираютъ, такъ что каждая смерть влечетъ за собой новыя жертвы. Но у этихъ антропофаговъ все-таки сохранилась одна человѣческая черта, а именно—отвращеніе къ мясу ближайшихъ родственниковъ, что̀ однако не мѣшаетъ остальнымъ болѣе отдаленнымъ родичамъ пожирать покойника. Какъ исполненіе приговора, такъ и людоѣдская пирушка всегда происходятъ на извѣстномъ разстояніи отъ хижины. Женщины въ видѣ добавочнаго кушанья приносятъ пирующимъ „lugma", родъ густой каши изъ муки дурра.

Вооруженіе воина монбутту состоитъ изъ щита, копья, лука, стрѣлъ и криваго ножа, похожаго на саблю, совершенно такой-же формы, какъ у древнихъ египтянъ. Въ кузнечномъ ремеслѣ монбутту превосходятъ всѣхъ африканцевъ, и ихъ изящныя желѣзныя цѣпочки, употребляемыя въ видѣ украшенія, по тонкости работы и совершенству формы, могутъ выдержать сравненіе съ лучшими европейскими цѣпочками изъ стали. У нихъ также встрѣчаются издѣлія изъ мѣди; но другіе металлы неизвѣстны имъ. Особенно заслуживаютъ вниманія ихъ лодки однодеревки, которыя вполнѣ цѣлесообразны и достигаютъ до 10 м. длины. Монбутту занимаются также рѣзьбой и превосходятъ въ издѣліяхъ изъ глины всѣхъ сосѣдей, хотя не употребляютъ даже обыкновеннаго гончарнаго кружка. Короли живутъ въ небольшихъ дворцахъ, похожихъ на воксалы, которые построены съ большимъ искусствомъ изъ черешковъ вѣерной пальмы. Аудіенція данная Швейнфурту королемъ Мунса со всей ея варварской обстановкой происходила въ весьма обширной и высокой залѣ, такой изящной прочной постройки, на которую едва ли можно было считать способными африканцевъ. Сановники государства Мунса въ полномъ воинскомъ нарядѣ сидѣли длинными рядами, при этомъ каждый занималъ отдѣльный стулъ. Наконецъ послѣ долгаго ожиданія при звукахъ рожковъ, металлическихъ бубновъ появился король, плотный и красивый человѣкъ, съ необыкновенно окладистой бородой, составляющей рѣдкость у африканцевъ. Одежда его, какъ у всѣхъ воиновъ монбутту, была изготовлена изъ коры фиговаго дерева (orostigma kotschyana) и покрывала у пояса середину туловища; на головѣ его была тростниковая шляпа цилиндрической формы, украшенная перьями попугая. Руки и ноги были буквально навьючены мѣдными кольцами и цѣпями; въ правой рукѣ красовался короткій серповидный мечъ изъ блестящей мѣди. Жилища остальныхъ монбутту совсѣмъ иныя, нежели у нильскихъ негровъ, и по способу постройки сходны съ хижинами на западномъ берегу Африки. Полигамія господствуетъ во всей силѣ; но жены совершенно независимы отъ своихъ мужей, и въ своемъ обращеніи съ чужестранцами далеко не такъ сдержаны, какъ цѣломудренныя женщины ніамніамъ. Мы имѣемъ вообще мало свѣдѣній объ ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, но по нѣкоторымъ даннымъ они вѣруютъ въ существованіе Бога, живущаго на небѣ.

Если монбутту, ніамніамъ и многочисленныя племена Дарфура съ значительной долей вѣроятія могутъ быть причислены къ народамъ, составляющимъ переходную ступень отъ негровъ къ нубійцамъ, то это ни въ какомъ случаѣ не примѣнимо къ **акка** или **тиккитикки**, которыхъ Швейнфуртъ положительно признаетъ за первобытную расу центральной Африки. Область этого народа карликовъ начинается на разстояніи двухъ дней ѣзды на югъ отъ столицы земли монбутту (приблизительно подъ 3° с. ш.) и отчасти подвластна ихъ королю. Средній ростъ мужчинъ доходитъ до 1.46 м.; но Швейнфуртъ видѣлъ субъектовъ, которые по его измѣреніямъ имѣли 1340 мм.; къ тому же выводу пришелъ въ новѣйшее время д-ръ Робертъ Фелькинъ, кото-

рому, между прочимъ, удалось измѣрить тридцатилѣтняго акка. Послѣднiй имѣлъ короткiе курчавые волосы блестящаго чернаго цвѣта коричневые глаза и тонкiя губы. Ростъ его доходилъ до 1,364 мм., окружность головы надъ ушами имѣла 549 мм., высота головы отъ одного уха къ другому 278 мм., линiя отъ наружнаго края лобноскуловаго шва до бугорка затылочной кости 324 мм., длина руки 155 мм., ноги 204 мм., бедра 683 мм., плечевой кости 324 мм., локтевой кости 382 мм., окружности груди 768 мм. Мускулы его были довольно развиты, и онъ вообще отличался хорошимъ тѣлосложенiемъ; кожа была шоколадно-коричневаго цвѣта, руки и ноги немного свѣтлѣе. Что касается умственныхъ способностей этого субъекта, то Фелькинъ не считаетъ его особенно ограниченнымъ. По словамъ Швейнфурта, въ наружности акка всего больше поражаетъ ихъ большая голова, которая покачивается изъ стороны въ сторону на слабой тонкой шеѣ. Прогнатизмъ доходитъ у нихъ до высшей степени, такъ что лицевой уголъ въ 60° не составляетъ рѣдкости. Сильно выступающiя губы при полукрутомъ ртѣ, съ рѣзко обозначеннымъ рубцомъ, придаютъ имъ большое сходство съ обезьянами. Всѣ члены тѣла съ угловатыми выступающими суставами и только колѣна неуклюжей круглой формы; при ходьбѣ они не выворачиваютъ ногъ носками внутрь, и въ этомъ составляютъ противоположность съ остальными африканцами. По отзыву самихъ акка они охотничiй народъ и не держатъ при себѣ никакихъ ручныхъ животныхъ, кромѣ домашней птицы. Они живутъ въ маленькихъ разбросанныхъ деревняхъ и употребляютъ лукъ и стрѣлы. Ихъ языкъ совершенно неизвѣстенъ.

СѢВЕРНАЯ АФРИКА.

Обширный восточный выступъ материка и большая часть гористыхъ странъ на востокѣ Бѣлаго Нила населены темнокожими людьми, которые этнологически не могутъ быть причислены къ неграмъ. Они распадаются на двѣ расы: нуба (живущихъ ближе къ неграмъ, и болѣе сходныхъ съ ними), и на хамитскiе народы бедша. Между нуба и неграми, какъ мы говорили выше, встрѣчаются многочисленные переходные типы, такъ что нерѣдко очень трудно опредѣлить, къ какой расѣ нужно причислить тотъ или другой народъ, и ученые въ этомъ отношенiи до сихъ поръ не сходятся въ своихъ мнѣнiяхъ.

Тѣмъ не менѣе это не даетъ намъ ни малѣйшаго права отвергать существованіе народности нуба или отождествлять ее съ негритянской расой, какъ дѣлаютъ нѣкоторые господа.

Подъ именемъ расы нуба или вѣрнѣе нуба-фулахской мы подразумѣваемъ согласно съ Фридрихомъ Миллеромъ рядъ народовъ, которые живутъ на сѣверѣ Африки, отчасти среди негровъ, частью близь окраины негритянской области и отличаются отъ нихъ, какъ по своимъ физическимъ свойствамъ, такъ и этнологическимъ признакамъ. Ихъ главными представителями можно считать фулаховъ на западѣ и нуба на востокѣ. Въ сущности это не негры и не средиземные хамиты, а нѣчто среднее между тѣми и другими. Подобно каффрамъ они образуютъ переходную ступень отъ негритянской расы къ средиземной и особенно къ хамитскому типу. Разница между ними и каффрами заключается въ томъ, что каффры какъ въ физическомъ, такъ и психическомъ отношеніи ближе стоятъ къ неграмъ, нежели къ средиземцамъ, между тѣмъ, какъ нуба-фулахскіе народы, наоборотъ, представляютъ все больше и больше сходства съ послѣдними, по мѣрѣ того, какъ они удаляются отъ настоящихъ негровъ. При этомъ должно было также произойти скрещиваніе съ хамитами, что подтверждается отчасти до сихъ поръ дѣйствующими антропологическими факторами и частью извѣстными чертами этническаго сродства, а именно въ отношеніи языка. Область распространенія племенъ, которыхъ мы обозначаемъ общимъ именемъ нуба простирается отъ мѣстъ жительства фулаховъ въ Дарфурѣ на западѣ, до владѣній бедша и примыкающихъ къ нимъ на востокѣ хамитскихъ племенъ; а на югѣ приблизительно отъ 5° ш. до Ассуана на сѣверѣ. По Фридриху Миллеру сюда принадлежатъ слѣдующія племена:

Такъ называемые настоящіе нубійцы или, какъ они сами величаютъ себя, барабра (Barâbîrah араб. множ. отъ Barbarî, Berberî). По Швейнфурту имя „барабра“ ничто иное, какъ насмѣшливая кличка, данная нубійцамъ египтянами. Живущіе въ Египтѣ европейцы зовутъ ихъ берберами или варварійцами. Они населяютъ Биледъ-эль-Берâбра или Нубію, т. е. узкую Нильскую долину отъ перваго водопада у Ассуана до втораго у Вади Хальфа. Эта полоса имѣетъ около 40,000 обитателей, населяющихъ восемьдесятъ деревень и небольшой городокъ Дерръ, который считается столицей ихъ земли. Они разсѣяны также у Бѣлаго и Голубаго Нила и еще далѣе къ востоку и западу; многіе юношами отправляются въ Египетъ, гдѣ поступаютъ въ матросы или нанимаются въ услуженіе. Въ физическомъ отношеніи они представляютъ большое сходство съ неграми, но въ тоже время имѣютъ много общаго съ египтянами и феллахинами. Барабра отличаются красновато-коричневымъ цвѣтомъ кожи и большей частью средняго роста; женщины немного ниже. Мышцы ихъ плохо развиты и почти безъ всякихъ признаковъ жира. Оконечности удли-

ненныя; руки и ноги малы и красивой формы. Черепъ небольшой и продолговатый, ширина его 73, 72, лобъ высокій, глаза большіе и черные, носъ прямой и красивый, волоса курчавые, но не рунообразные.

Барабра пользуются репутаціей необыкновенно трудолюбивыхъ и умѣренныхъ людей. Они особенно славятся своей правдивостью и честностью, вслѣдствіе чего въ Египтѣ ихъ охотно нанимаютъ на должности, гдѣ эти качества имѣютъ особенное значеніе (привратниковъ, слугъ, дворецкихъ). Всѣмъ этимъ барабра рѣзко отличаются отъ негровъ.

У барабра оба пола до восьми и даже десятилѣтняго возраста ходятъ совсѣмъ нагіе; затѣмъ, на мальчиковъ надѣваютъ рубашку или обвязываютъ имъ бедра кускомъ полотна; дѣвушки до замужества носятъ такъ называемый „rahat". Этотъ нарядъ состоитъ изъ широкаго ремня, опоясывающаго нижнюю часть живота, къ которому прикрѣплены тонкіе ремешки различной длины. Замужняя женщина тотчасъ послѣ брака снимаетъ „rahat" и надѣваетъ узкіе панталоны некрасиваго покроя. На чужбинѣ берберъ носитъ обычную одежду арабовъ или египетскихъ феллаховъ. Мужчины коротко обстригаютъ себѣ волосы и оставляютъ только пучокъ на макушкѣ головы, который нерѣдко заплетаютъ въ тонкія косички и накрываютъ бѣлымъ „takieh" (родъ ермолки). Одежда ихъ состоитъ изъ бѣлой рубашки, пояса, довольно узкихъ панталонъ доходящихъ до колѣнъ и „ferdah"; бѣдняки ограничиваются послѣдней принадлежностью туалета; болѣе достаточные, кромѣ того носятъ голубую рубашку и обвязываютъ шаль вокругъ „takieh" на подобіе чалмы. У женщинъ и дѣвушекъ волосы висятъ вдоль щекъ и шеи въ видѣ множества тонкихъ косичекъ; если ихъ расплесть, то они образуютъ спиральные локоны. Женщины такъ щедро мажутъ себѣ волосы клещевиннымъ масломъ, что оно стекаетъ каплями съ головы на шею и грудь, пропитываетъ одежду и придаетъ имъ отвратительный запахъ. Руки и ноги украшены кольцами изъ металла или буйволаго рога; въ ушахъ также висятъ два кольца (одно продѣто въ мочку уха, другое въ верхній край хряща).

Жилища барабра состоятъ изъ небольшихъ хижинъ, построенныхъ изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ и крытыхъ маисовой соломой. Передъ каждой хижиной для храненія запасовъ устроенъ ящикъ изъ Нильскаго ила, цилиндрической формы въ 1—1,30 м. высоты и 60—90 сант. въ поперечникѣ. Сюда складываютъ для защиты отъ мышей, птицъ и гадовъ различные съѣстные припасы, зерновой хлѣбъ, финики и пр. Но такъ какъ въ Нубіи дожди рѣдки, и подчасъ ихъ совсѣмъ не бываетъ, а термометръ отъ солнечнаго жара часто доходитъ до 62,5° Ц., то эти ящики, несмотря на дурной матеріалъ очень прочны и вполнѣ соотвѣтствуютъ своей цѣли. Весь домашній скарбъ состоитъ изъ нѣсколькихъ кроватей, т. е. продолговатыхъ деревяныхъ рамокъ на четырехъ ножкахъ съ переплетомъ изъ тростника, затѣмъ изъ кружекъ для воды и молока, корзинъ, циновокъ, сплетенныхъ изъ тонкихъ финиковыхъ листьевъ, и другой утвари.

Пища почти исключительно растительная. Барабра разводятъ духу (Holcus sorghum), ячмень, бобы, чечевицу, тыквы, дыни, баміэ, табакъ, клещевину и т. п., сверхъ того финиковую пальму и фиговыя деревья. Скотоводство весьма незначительно; кромѣ небольшаго количества домашней птицы (куръ и голубей), у нихъ есть быки, ослы, овцы, козы, насколько это необходимо въ ихъ сельскомъ хозяйствѣ. Изъ муки духу они изготовляютъ напитокъ „merissa"; при этомъ муку обваривают горячей водой и оставляютъ на нѣкоторое время

пока не произойдетъ броженіе. Затѣмъ въ желтовато-мутную, пѣнистую жидкость, немного кисловатую на вкусъ, прибавляютъ нѣкоторыя травы; вслѣдствіе чего она превращается въ хмѣльное пиво, къ которому барабра чувствуютъ особенную страсть. Въ Нубіи не курятъ табаку, а жуютъ его съ примѣсью небольшаго количества соды.

Барабра магометане, и поэтому полигамія не запрещена у нихъ. Но разумѣется только богатые могутъ пользоваться своимъ законнымъ правомъ и имѣютъ нѣсколько женъ. Браки заключаются рано (дѣвушекъ выдаютъ замужъ отъ одиннадцати до двѣнадцати лѣтъ). Женщины очень скоро старѣются, вслѣдствіе ранняго замужества, постоянной заботы о пропитаніи и множества всякихъ домашнихъ работъ, такъ что въ старости доходятъ до ужасающаго безобразія, чему особенно способствуютъ ихъ попытки уничтожить сѣдину сокомъ лавзоніи, кото-

Нубіецъ, офицеръ нерегулярныхъ египетскихъ войскъ.

рый придаетъ ихъ волосамъ яркокрасный цвѣтъ. Хотя женщины не носятъ покрывала и свободно сносятся съ иностранцами, но сдержаны въ своемъ обращеніи и цѣломудренны. Противоестественные пороки, вообще сильно распространенные на востокѣ, не встрѣчаются у барабра, и они чувствуютъ къ нимъ положительное отвращеніе. Между тѣмъ по другимъ извѣстіямъ оба пола предаются величайшему распутству. „Хотя нубійцу, пишетъ Швейнфуртъ совершенно чужды гнусные пороки турокъ, но тѣмъ не менѣе скотское любострастіе и употребленіе возбуждающихъ средствъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ физическія силы не соотвѣтствуютъ ненасытнымъ требованіямъ воображенія, играютъ у нихъ такую-же роль какъ у самыхъ развращенныхъ народовъ востока“ (Schweinfurth, Im Herzen von Afrika. Bd. II, s. 347). Несмотря на свое корыстолюбіе барабра отличаются поразительной честностью. Воровство,

составляющее національный порокъ негровъ, совершенно неизвѣстно у нихъ; но не чувство справедливости побуждетъ нубійцевъ къ честности, а скорѣе отсутствіе мужества, которое проявляется во всѣхъ его дѣйствіяхъ. У нихъ не хватаетъ смѣлости, ни на хорошое, ни на дурное. Изъ того же источника вѣроятно истекаетъ ихъ трогательное миролюбіе въ частной и общественной жизни и стремленіе каждаго въ отдѣльности прекратить возникшую ссору, хотя бы между совершенно посторонними людьми. Необузданная жажда нубійца къ свободѣ служитъ только выраженіемъ его антипатіи ко всякому установленному порядку. Лживость вошла въ его плоть и кровь (Schweinfurth, a. a. O., s. 339). Другую характерную черту не только барабра, но и всего негритянскаго племени составляетъ глубокое религіозное чувство; барабра принадлежатъ къ числу тѣхъ магометанъ, которые не только по внѣшности признаютъ исламъ, но сознательно исполняютъ его религіозныя предписанія. Тѣмъ не менѣе у нихъ распространены самыя нелѣпые предразсудки въ родѣ „дурнаго глаза" и пр.

Что касается умственныхъ дарованій нубійцевъ, то мы видимъ здѣсь то же явленіе, какъ у всѣхъ чернокожихъ расъ. Тѣ способности, которыя обусловлены воспріимчивостью, развиваются необыкновенно быстро; но гдѣ необходимо самостоятельное мышленіе, они проявляются у нихъ крайне медленно и недостаточно, и въ этомъ отношеніи нубійцы уступаютъ другимъ расамъ. Барабра веселаго характера, любятъ пѣніе и танцы и могутъ цѣлыми часами брянчать на своемъ любимомъ инструментѣ „тамбура" (пятиструнная лира). Ихъ промышленность весьма незначительна, а къ торговлѣ они не чувствуютъ ни малѣйшей склонности. Они живутъ въ деревняхъ подъ властью деревенскихъ вождей „samilgi" и безгранично преданы своей бѣдной родинѣ, такъ что всегда проѣдаютъ дома деньги, пріобрѣтенныя на чужбинѣ.

Жители Донгола по языку должны быть также причислены къ настоящимъ нубійцамъ, такъ какъ донголави (который распадается на діалекты кенусъ и махасъ) только діалектически отличается отъ нубійскаго языка. Кордофанскіе нобахъ или нуба, живущіе въ горахъ Нуба, на югъ отъ Кордофана, которыхъ обыкновенно называютъ неграми нуба, равнымъ образомъ представляютъ собой близкихъ родичей барабра. Языкъ этой группы — тумале, на которомъ говоритъ также племя, юмале или сумале (множ. отъ умале). Границы распространенія тумале отъ 47 до 48 в. д. и 11—12 с. ш. онъ представляетъ самую тѣсную связь съ болѣе сѣвернымъ нарѣчіемъ теггеле (текеле). На западъ отъ тумале лежитъ область языка колдаги или колдаджи по Руссеггеру или кулфанъ, какъ его называетъ Рюппелль; между тѣмъ какъ на югѣ господствуетъ шейбунъ. Языкъ нуба кромѣ того распространенъ въ большей части Дарфура, гдѣ онъ принятъ въ торговлѣ.

Нуба сильнаго приземистаго тѣлосложенія отъ 1, 50—1, 58 м. высоты, съ плоскимъ приплюснутымъ носомъ, немного вздернутыми губами, густыми волосами на головѣ и съ весьма скудной бородой. Ихъ вооруженіе состоитъ изъ копій, дубинъ и щитовъ, и рѣже изъ ружей. Копья и ружья они пріобрѣтаютъ посредствомъ мѣновой торговли, а дубины и щиты изготовляютъ сами. Дубины сдѣланы изъ „babanus" (чернаго дерева) и представляютъ слегка загнутыя палки съ набалдашникомъ на одномъ концѣ, величиной съ кулакъ. Щиты бываютъ самой разнообразной формы; ихъ изготовляютъ изъ

антилоповыхъ кожъ, но кожа жирафа предпочитается другимъ и цѣнится всего дороже. Все мужское населеніе, за исключеніемъ земли Гебель Делена, не носитъ никакой одежды; между тѣмъ какъ женщины прикрываютъ нижнюю часть живота полосами бумажной матеріи въ 20 сант. ширины.

„Kudjur kaijkum“ представляетъ собой не только свѣтскаго но и духовнаго главу государства, подъ его вѣдѣніемъ находятся четыре „kudjur“, которые избираются народомъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ своего духа покровителя, который въ важныхъ случаяхъ вселяется въ него и говоритъ его устами. Такъ, напримѣръ, „kudjur kaijkum“ въ Гебель Деленѣ, духъ покровитель котораго называется „Arut el-nimmer“ (духъ пантеры), играетъ роль пророка на четырехъ главныхъ религіозныхъ празднествахъ, справляемыхъ ежегодно. Для этой цѣли устроивается родъ налоя, который покрываютъ пантеровой шкурой. „Kudjur kaijkum“, войдя на ступени трибуны, наклоняется надъ разостланной шкурой и подражаетъ крику пантеры. Вскорѣ послѣ того въ него вселяется вызванный имъ „Arut el-nimmer“ (духъ пантеры), и онъ среди конвульсій возвѣщаетъ народу его будущую судьбу. Во время этой церемоніи только старѣйшіе люди изъ народа могутъ приблизиться къ „kudjur-у“, чтобы услышать изъ его устъ откровенія добраго духа, и затѣмъ уже передаютъ ихъ собравшейся толпѣ. Нуба вѣрятъ въ безсмертіе души, но не имѣютъ опредѣленныхъ молитвъ или какихъ либо религіозныхъ обрядовъ. Волоса „kudjur kaijkum-a“ считаются священными; никто не смѣетъ прикоснуться къ нимъ, чтобы не навлечь на себя месть „добраго духа“. Само собой разумѣется, что самъ „kudjur“ въ данномъ случаѣ явился бы мстителемъ за добраго духа, который только черезъ него сносится съ народомъ; но, по разсказамъ нуба, до сихъ поръ ни одному подданному не пришло въ голову прикоснуться до „святыхъ волосъ“. Браки простыхъ смертныхъ могутъ быть заключены только „kudjur kaijkum-омъ“, котораго стараются умилостивить подарками; съ его дозволенія можно также жениться на чужой женѣ, только вмѣстѣ съ нею нужно купить и дѣтей прижитыхъ ею съ первымъ мужемъ. Количество женъ у нуба соразмѣрно его состоянію, потому что, какъ сказано выше, согласіе на бракъ покупается съ помощью подарковъ. „Kudjur kaijkum“ рѣшаетъ тяжбы между своими подданными и его постановленіе имѣетъ силу закона; равнымъ образомъ въ его власти заключить миръ или объявить войну. Добыча, пріобрѣтенная на войнѣ (плѣнные и лошади) составляютъ его собственность, равно и шкуры звѣрей, убитыхъ на охотѣ.

Роскошная растительность земли Нуба доставляетъ обильную пищу всякаго рода звѣрямъ, такъ что при разнообразіи и богатствѣ дичи охота можетъ дать большую прибыль, но ею преимущественно пользуются сосѣдніе барабра. Единственная причина, почему нуба занимаются мало охотой, заключается въ большомъ количествѣ ихъ домашняго скота. Даже у самыхъ бѣдныхъ можно встрѣтить нѣсколько быковъ, коровъ, овецъ, козъ, такъ что нуба имѣютъ все необходимое въ такомъ изобиліи, что не считаютъ нужнымъ добывать шкуры и мясо болѣе или менѣе затруднительной охотой. Для нихъ всего важнѣе увеличить число молочныхъ коровъ и козъ, хотя и на это они не тратятъ много труда. Благодаря торговлѣ съ Кордофаномъ нуба познакомились съ стоимостью денегъ, но у нихъ въ ходу только двѣ турецкія монеты: талеръ меджидіэ и серебряный піастръ. Въ ихъ странѣ до сихъ поръ существуетъ мѣновой торгъ, и деньги были введены въ употребленіе только въ 1875 году католическими миссіонерами. Но цѣны на скотъ, приведенный въ продажу, были неимовѣрно высоки. Такъ напр., туземцы просили за корову 24—30 медж., за овцу или козу средней величины 3 медж. Нуба пьютъ молоко, частью въ свѣжемъ, отчасти въ квашенномъ видѣ; а остатокъ молока, который не могутъ потребить, выливаютъ на землю, потому что приготовленіе сыра имъ неизвѣстно. Вообще скотоводство стоитъ у нихъ на довольно низ-

кой ступени развитія; затѣмъ ихъ сельское хозяйство ограничивается воздѣлываніемъ дурра и небольшаго количества мелохіэ и баміана. Каждый можетъ выбрать любое мѣсто, которое ему кажется удобнымъ для обработки, и распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію. Обыкновенно распашка производится въ маѣ и іюнѣ. Если на мѣстѣ, выбранномъ для поля, оказываются деревья, то ихъ срубаютъ топорами; сорную траву счищаютъ посредствомъ особеннаго орудія, которымъ одновременно разрыхляютъ землю. Оно состоитъ изъ рукоятки и деревянной палки въ 1 метръ длины, къ которой прикрѣплена довольно острая желѣзная пластинка, почти имѣющая форму полумѣсяца. Работникъ шагъ за шагомъ втыкаетъ передъ собой инструментъ въ землю, рѣжетъ или мнетъ траву и при этомъ слегка разрыхляетъ землю. Сѣмя бросаютъ въ образовавшіяся борозды и слегка затаптываютъ ногой въ землю; остальное предоставляется природѣ. Мужъ обработываетъ свой участокъ съ помощью женъ; но всѣ обязаны воздѣлывать поля главнаго вождя (kudjur kaijkum), который въ это время угощаетъ своихъ даровыхъ работниковъ „merissa“.

Хотя по всѣмъ вѣроятіямъ къ нуба нужно причислить жителей египетской провинціи Сеннаръ, но мы пока не имѣемъ для этого достаточныхъ данныхъ. Изъ живущихъ здѣсь чернокожихъ народовъ всего многочисленнѣе фундшъ или фунье (един. фунге), воинственное племя, которое совмѣстно съ южными сосѣдями, шиллукскими неграми, предприняли рядъ набѣговъ и утвердились не только на сѣверѣ, но и за предѣлами страны. Робертъ Гартманнъ считаетъ ихъ настоящими неграми, но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, потому что имъ не достаетъ многихъ характерныхъ признаковъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Эрнеста Марно какъ въ антропологическомъ, такъ и лингвистическомъ отношеніи, а отчасти въ виду показаній самихъ туземцевъ, мы можемъ скорѣе признать народныя племена верхняго Сеннара за связное цѣлое, которое въ отдѣльныхъ частяхъ также представляемъ переходныя ступени отъ арабскаго типа къ южноафриканской и подъ экваторіальной негритянской расѣ. Марно дѣлаетъ слѣдующую классификацію народовъ Сеннара, которую мы и приводимъ здѣсь,

1) Хаммеджъ дѣлятся на три отрасли, а именно:

a. настоящіе хамеджъ, населяющіе Розересъ и Фассоглъ,

b. фундшъ, въ горахъ верхняго Сеннара,

c. таби, у западнаго берега Голубаго Нила.

2) Бертатъ къ югу и западу отъ Фассогля до Тумата и Ябоса.

3) Гумусъ, въ горахъ къ югу и востоку отъ Фассогля, по обоимъ берегамъ Голубаго Нила.

4) Бурумъ, язычники, населяющіе южныя горы Сеннара къ Собатъ и Ябосъ. Эти бурумъ, плодоносная страна которыхъ лежитъ къ югу отъ прежнихъ владѣній фундшъ и на западъ отъ Даръ Бертата, представляютъ собой рослую, мускулистую и сильную породу людей. Они окрашиваютъ свои курчавые рунообразные волосы красной охрой; болѣе знатные люди носятъ набедренный передникъ

того-же цвѣта. Они употребляютъ лукъ и отравленныя стрѣлы, равно и большія копья съ прямыми крючками, которые изготовляются въ южномъ Даръ Бурумѣ, на берегахъ Ябоса.

5) Описанные выше динка на берегахъ Бѣлаго Нила, въ Ябосѣ и Собатѣ и живущіе на югъ отъ нихъ динка, принадлежатъ къ долихокефальному негритянскому типу, съ рѣзко-выраженнымъ прогнатизмомъ.

Хаммеджъ давно смѣшались съ арабской кровью, такъ что здѣсь почти не можетъ быть рѣчи о чистой расѣ. Это обстоятельство, повидимому, не совсѣмъ благопріятно отразилось на нихъ, потому что они совмѣщаютъ въ себѣ пороки обоихъ народовъ, а именно отвращеніе къ труду, лѣнь и нечистоплотность арабовъ съ самыми дурными свойствами негровъ. Деревни, нерѣдко состоящія изъ жалкихъ наскоро построенныхъ „tukul", окружены огромными кучами навоза; все служитъ доказательствомъ величайшей лѣни и небрежности обитателей. Мужчины проводятъ время, лежа на „anquareb" (низкомъ диванѣ), пьютъ merissa и наслаждаются пѣніемъ и пляской молодежи. Хаммеджъ въ настоящее время сходны съ арабами относительно одежды, нравовъ и пищи, и даже ихъ діалектъ вытѣсненъ здѣсь арабскимъ языкомъ.

Хаммеджъ, кромѣ дурра, разводятъ въ значительномъ количествѣ маисъ. Земледѣліе ограничивается тѣми полосами земли, которыя въ дождливое время затопляются рѣкой, потому что народъ слишкомъ лѣнивъ для искусственнаго орошенія полей. У береговъ садятъ хлопокъ (Hibiscus escullentus), табакъ, арбузы и огурцы. Рогатый скотъ, овцы и козы разводятся въ большомъ количествѣ, равно и куры. Верблюды имѣютъ второстепенное значеніе, такъ какъ годятся только для сухаго времени года; съ наступленіемъ дождей въ видѣ вьючныхъ животныхъ употребляютъ быковъ и ословъ. Промышленность ограничивается изготовленіемъ грубыхъ хлопчатобумажныхъ тканей; что касается желѣзнаго производства, то о немъ едва ли стоитъ упоминать, потому что здѣсь нѣтъ другихъ издѣлій, кромѣ копій и ножей.

Нравы и языкъ фундшъ сохранились сравнительно въ большей чистотѣ. Они сами признаютъ свое сродство съ другими чернокожими народами Сеннара, какъ напр. шиллукъ, бурумъ, гумусъ, бертатъ, динка и даже называютъ ихъ своими братьями, т. е. племенными родичами. Весьма замѣчателенъ фактъ, указанный Марно, что фундшъ и бурумъ могутъ безъ труда объясняться съ динка, хотя ни одинъ изъ этихъ народовъ не знаетъ языка другаго; такое явленіе конечно мыслимо только при весьма близкомъ лингвистическомъ сходствѣ. По внѣшности фундшъ исповѣдуютъ магометанскую религію, хотя они мало обращаютъ вниманія на обязанности и правила предписанныя исламомъ. Въ нихъ глубоко вкоренилась вѣра въ таинственныя средства и ворожбу. Ни у одного народа нѣтъ такого количества добрыхъ и злыхъ колдуновъ, какъ у фундшъ. По ихъ мнѣнію колдуны, съ помощью злаго духа, могутъ обращаться въ гіенъ и въ этомъ видѣ съ ужаснымъ воплемъ рыщутъ кругомъ жилищъ въ ночную пору, справляя свои отвратительныя пирушки. Днемъ они снова становятся людьми, но ихъ нужно остерегаться, потому что своимъ дурнымъ глазомъ они могутъ заколдовать внутренности, руку, ногу, которыя начинаютъ сохнуть и человѣкъ вслѣдствіе этого умираетъ среди ужасныхъ мученій. Подобно тому, какъ эти колдуны могутъ повредить людямъ, такъ есть и святые, которые, съ помощью божества, устраняютъ нанесенный вредъ. Если кто нибудь думаетъ, что колдунъ приворожилъ ему болѣзнь, то онъ идетъ къ факиру, который пишетъ изреченіе корона на бумагѣ, затѣмъ сжигаетъ ее и заставляетъ больнаго вдыхать дымъ.

На югъ отъ Фассогля, на западномъ берегу Голубаго Нила, начинается

земля Даръ Бертатъ и тянется вдоль береговъ Тумата къ югу, на разстояніе пяти дней ѣзды до рѣки Селька, текущей между горами Беледафа и Бельбиссу, у южныхъ береговъ котораго начинается земля Даръ Бембеши, все еще населенная неграми бертатъ. Эти бертатъ (един. берта), насколько можно судить по устойчивости нравовъ свойственной дикимъ народамъ, повидимому были исвѣстны древнимъ. Плиній упоминаетъ объ иисодорea, окрашивающихъ себя охрой, какъ это до сихъ поръ дѣлаютъ бертатъ; а Птоломей разсказываетъ о птоемфанои, у которыхъ королемъ была собака. Дѣйствительно у бертатъ существуетъ издавна обычай ежегодно привлекать короля къ общественному суду; если дѣло оканчивается въ пользу короля, то около него убиваютъ собаку; въ противномъ случаѣ онъ самъ подвергается удушенію. По своему внѣшнему виду, бертатъ должны быть причислены къ одной изъ высшихъ расъ. Оконечности больше гармонируютъ съ остальнымъ тѣломъ, нежели у живущихъ вокругъ негровъ, какъ напр. шиллуковъ, динка, нуэровъ, у которыхъ узкая грудь при длинныхъ рукахъ и ногахъ придаетъ имъ тощій веретенообразный видъ. Черепъ и лицо представляютъ долихокефальный прогнатичный типъ негритянской расы, но не въ полномъ его развитіи, такъ что въ этомъ отношеніи бертатъ представляютъ нѣчто среднее между хаммеджъ-фундшъ и негритянскими племенами у Бѣлаго Нила. Мужчины вообще красивѣе женщинъ, что обратно тому явленію, которое наблюдается у динка. Волосы курчавые, рунообразные и нерѣдко гладко выстрижены, за исключеніемъ небольшаго пучка на макушкѣ головы, выкрашеннаго красной охрой и убраннаго перьями, клочками волосъ и полосами кожъ. Женщины иногда стригутъ себѣ волосы, но также нерѣдко заплетаютъ ихъ въ маленькія короткія косички и носятъ такую же прическу, какъ нубійцы. Единственной одеждой мужчинъ служитъ узкій ремень, который опоясываетъ бедра и свѣшивается сзади двумя концами на подобіе звѣринаго хвоста; женщины привязываютъ къ таліи кусокъ грубой ткани, окрашенный красной охрой который доходитъ до колѣнъ. Оба пола татуируютъ свои тѣла и носятъ вокругъ шеи въ видѣ украшенія талисманы изъ бусъ, обезьяньихъ и леопардовыхъ зубовъ.

Вооруженіе бертатъ состоитъ изъ легкихъ копій и различнаго метательнаго и другаго оружія изъ дерева и желѣза. Шейки и болѣе достаточные люди имѣютъ также огнестрѣльное оружіе, но весьма низкаго достоинства. Пріятный контрастъ съ грязными деревнями племенъ, живущихъ у Голубаго Нила, представляютъ опрятныя деревни бертатъ, большею частію расположенныя на склонахъ горъ, хижины въ виду предупрежденія отъ пожаровъ далеко разбросаны другъ отъ друга. Форма ихъ цилиндрическая съ конусообразной крышей, какъ во всемъ Сеннарѣ; но онѣ выстроены болѣе тщательно и даже съ извѣстнымъ комфортомъ. Семья рѣдко довольствуется однимъ жильемъ и обыкновенно строитъ себѣ еще нѣсколько хижинъ; въ одной изъ нихъ помѣщается хозяинъ дома, въ другой его жены, остальныя служатъ для скота, храненія хлѣбныхъ запасовъ и пр. Такая группа хижинъ всегда обнесена терновой изгородью. У входа въ жилыя хижины устроена веранда, которая служитъ мѣстомъ сборища семьи въ жаркое и сухое время года. Эти веранды похожи на тѣ, какія встрѣчаются у бареа и кунама въ сѣверной Африкѣ (Vergl. Munzinger, Ostafrikanische Studien, Schaffhausen, 1864 s. 505 ff.).

Семейная жизнь почти такая же, какъ у другихъ народовъ Сеннара. Многоженство и наложничество съ невольницами у тѣхъ, которые въ состояніи имѣть ихъ, составляетъ общій обычай. Невѣрность жены повидимому всегда влечетъ за собой смертную казнь. Вездѣ существуетъ кровавая месть. Вокругъ тѣлъ убитыхъ справляется военный танецъ; при этомъ имъ отрубаютъ головы, которыя въ видѣ трофея украшаютъ хижины и ближайшія деревья. Берта чувствуетъ такое же отвращеніе къ труду, какъ и другіе сродственные съ

нимъ чернокожіе. Здѣсь, какъ и на Бѣломъ Нилѣ, туземцы садятъ дурра къ дождливому времени въ такомъ количествѣ, какое приблизительно необходимо для ихъ пропитанія и изготовляютъ изъ него мериссовое пиво. Пирушки, по окончаніи жатвы, продолжаются до безконечности и при этомъ нерѣдко уничтожаются сѣмена, которыя слѣдовало сохранить до слѣдующаго посѣва. Такимъ образомъ случается, что во время голода продаютъ двухъ трехъ дѣтей за мѣшокъ овса. Главное богатство бертатъ заключается въ скотѣ, а именно: въ козахъ, овцахъ и ослахъ, такъ какъ они не держатъ рогатаго скота и верблюдовъ.

Хотя берта не имѣетъ никакихъ религіозныхъ понятій и не признаетъ божества, но онъ очень преданъ суевѣрію. Не только языческое населеніе, но и принявшее по внѣшности исламъ приписываетъ сверхъестественныя свойства извѣстнымъ кореньямъ, травамъ и нѣкоторымъ частямъ животныхъ (Vgl. Ernst Marno, Reisen im Gebiete des Blauen und Weissen Nil im ägyptischen Sudan und den angrenzenden Negerländern in den Iahren 1859 — 1873. Vien. 1874).

Шангала, живущіе близь Такацце и Атбара, говорятъ на языкѣ, называемомъ далла, но о нихъ также, какъ о хаммеджъ, фундшъ и бертатъ нельзя сказать вь точности: принадлежатъ ли они къ расѣ нуба или нѣтъ. Робертъ Гартманнъ признаетъ ихъ неграми; по его примѣру и другіе причисляютъ ихъ къ шиллукамъ. Они занимаются охотой, разбойничествомъ и рыбной ловлей, живутъ въ болотистой и лѣсистой мѣстности у подножья Абиссинской горной страны, а также отчасти въ ущельяхъ и пещерахъ и, благодаря своей дикости, постоянно враждуютъ съ сосѣдними болѣе культурными народами. Съ несравненно большей вѣроятностью можно причислить къ нума вакуази или элоикобъ, затѣмъ племена мазаи, изъ которыхъ первые живутъ внутри страны отъ 2° с. ш. до 4° ю. ш. на протяженіи отъ 7—8 градусовъ долготы. Племена мазаи говорятъ на языкѣ, который только діалектически отличается отъ вакуази; ихъ главнымъ мѣстомъ жительства служитъ земля зеренгедди. Оба племени, судя по описанію, сходны съ сомаль; они высокаго роста, стройнаго тѣлосложенія, съ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и прямыми волосами, чѣмъ они положительно отличаются отъ негровъ и банту. Къ вакуази по языку принадлежатъ вандуробо и элькононо, а къ мазаи—ваманъ, которые вѣроятно были покорены двумя упомянутыми племенами и переняли ихъ языкъ.

Вакуази—пастушескій народъ, совершенно незнакомый съ земледѣліемъ, которое внушаетъ имъ такое отвращеніе, что невольники, живущіе на берегу у суахели, рѣшительно отказываются отъ работы, когда ихъ хотятъ употребить на обработку земли. Вслѣдствіе этого вакуази ведутъ постоянную войну съ сосѣдними земледѣльческими народами, стада которыхъ они расхищаютъ время отъ времени. Ихъ деревни обнесены терновой изгородью и частоколомъ. Хижины крыты шкурами и коровьимъ пометомъ. Вакуази черезъ каждые пять или шесть мѣсяцевъ мѣняютъ мѣста жительства, чтобы имѣть подъ рукой запасъ свѣжей травы и воду; во время перекочевки все имущество навьючивается на домашнихъ животныхъ. Рогатый скотъ каждой семьи снабженъ особыми значками, которыми ихъ отличаютъ среди другихъ стадъ принадлежащихъ племени. Юноши отъ 20—25 лѣтъ, составляютъ стражу и всегда заняты охотой

или войной. Государственное устройство строго патріархальное; власть въ рукахъ вождей („elkimirischo“). При этомъ колдунъ („oleibon“) имѣетъ большое вліяніе на всякаго рода предпріятія, которыя рѣшаются сообразно внутренностямъ убитыхъ животныхъ. Оружіе вакуази состоитъ изъ копья и щита, который настолько великъ, что защищаетъ ихъ отъ непріятельскихъ стрѣлъ. Огнестрѣльное оружіе суахели также не внушаетъ имъ особеннаго страха. Въ этихъ случаяхъ они бросаются на землю и ждутъ, пока не истощится запасъ пороха у непріятеля; затѣмъ поднимаются и безпощадно убиваютъ копьями всѣхъ, кто имъ попадется подъ руку. Они нерѣдко дерутся нѣсколько дней сряду безъ пищи и отдыха, до тѣхъ поръ, пока не одолѣютъ непріятеля или онъ окончательно не побьетъ ихъ. Въ семьѣ господствуетъ многоженство. Женихъ покупаетъ невѣсту за нѣсколько штукъ рогатаго скота. Каждой замужней женщинѣ и ея дѣтямъ предоставляется въ пользованіе извѣстное количество домашняго скота. Одежда у обоихъ половъ состоитъ изъ кожаной юбки, которая покрываетъ грудь и доходитъ до колѣнъ. Кожу красятъ въ желтый и красный цвѣтъ отваромъ двухъ видовъ древесной коры. Обрѣзываніе мальчиковъ производится довольно поздно. Что касается религіозныхъ представленій, то здѣсь господствуетъ вѣра въ высшее существо называемое „Engai“ (небо). Но туземцы не прямо обращаются къ нему съ молитвами и жертвоприношеніями, а къ „Neiterukob“ второстепенному божеству, которое въ обыденной жизни пользуется несравненно большимъ значеніемъ, нежели „Engai“. Пища состоитъ изъ молока и молочныхъ продуктовъ, отчасти изъ мяса убитыхъ звѣрей. Въ видѣ хмѣльнаго напитка употребляется родъ медоваго пива, къ которому туземцы чувствуютъ особенное пристрастіе. Табакъ, какъ въ Нубіи, употребляется только для нюханья. Танцы и музыка, которыя играютъ такую важную роль въ жизни земледѣльческихъ народовъ, почти неизвѣстны вакуази. Ихъ единственный музыкальный инструментъ коровій рогъ, которымъ они созываютъ участниковъ похода (F. Müller, Allg. Ethnogr. s. 487—489).

Воинственные мазаи вообще мало извѣстны; но П. Горнеру удалось видѣть нѣсколькихъ индивидовъ, о которыхъ онъ сообщаетъ слѣдующія подробности: они носятъ на головѣ широкій пучокъ перьевъ; плечи и ноги ихъ украшены зебровыми шкурами; къ бедрамъ привѣшивается козлиная шкура. Воинъ имѣетъ огромный щитъ около 2, 30 м. высоты изъ буйволовой кожи и копье въ 2, 30 м., къ которому въ случаѣ одержанной побѣды онъ прикрѣпляетъ палку въ 2, 60 м. длины украшенную козьими волосами и птичьими перьми. Мазаи также кочевники и ведутъ постоянную войну. Они надрѣзываютъ кожу у своихъ быковъ и пьютъ горячую кровь, послѣ чего перевязываютъ рану; пьютъ они также коровье молоко, но смѣшиваютъ его съ бычачьей кровью. Они дѣлаютъ хмѣльный напитокъ изъ листьевъ шильника; кора этого же растенія служитъ имъ для изготовленія тканей, которыя носятъ женщины и вожди. Бракъ замѣняется простымъ сожительствомъ. Вожди имѣютъ право требовать себѣ въ видѣ дани молодыхъ дѣвушекъ, а замужнихъ женщинъ, захваченныхъ на войнѣ, предоставляютъ своимъ слугамъ. Женщинъ дурнаго поведенія бьютъ плетью или продаютъ въ неволю; отцы могутъ проідавать дѣтей по своему усмотрѣнію. Вожди двухъ племенъ мазаи, а именно мазеве и мазава, заставляютъ себѣ прислуживать совершенно голыхъ женщинъ. Если которая либо изъ нихъ дурно исполняетъ свою обязанность, то ей сперва отрѣзаютъ одинъ палецъ, на слѣдующее утро другой, затѣмъ поочередно и другіе члены, пока она не умретъ мучительной смертью. Чтобы сдѣлать женщинъ достойными предстоящей имъ участи, ихъ съ ранняго дѣтства отпаиваютъ молокомъ въ такой степени, что онѣ подконецъ не могутъ стоять на ногахъ отъ тучности и ползаютъ на четверенькахъ. Мазаи имѣютъ прямые волосы и свѣтлый цвѣтъ кожи. Впрочемъ обширная земля мазаи населена различными племенами, которыя болѣе или менѣе отличаются другъ

отъ друга по своимъ нравамъ и обычаямъ (Horner, Reisen in Zanguebar in den Jahren 1867 и 1870. Regensburg 1873, s. 202—205). Такъ напр. въ Кикуйо мы встрѣчаемъ земледѣльческое племя мазаи, которое, соотвѣтственно своему занятію, отличается миролюбивымъ характеромъ и находится въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ своими хищными и воинственными соплеменниками.

На сѣверо-западъ отъ исполинской горы Килима-Нджаро и на юго-западъ отъ озера Баринго, до котораго не доходилъ ни одинъ изъ европейцевъ, живутъ кавирондо, которые распространены до Укереве и повидимому населяютъ восточный берегъ этого озера. Они занимаются земледѣліемъ, разводятъ мтама, различные виды бобовыхъ растеній, пататы, маніоку и бананы; при этомъ имѣютъ большія стада рогатаго скота, овецъ, козъ и значительное количество куръ. Изъ „великой воды" (оз. Укереве) они доставляютъ на рынокъ крупную рыбу, которую ловятъ, разъѣзжая по озеру въ своихъ „schombos". Несмотря на свои мирныя занятія, они отличаются воинственностью и въ этомъ отношеніи превосходятъ даже своихъ хищныхъ сосѣдей вакуази. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ щита и длиннаго копья, къ которому придѣлано небольшое желѣзное остріе. Жилища имѣютъ круглую форму и очень просторны; они строятся наполовину изъ дерева и глины; крыша крыта травой; рогатый скотъ и пр. помѣщенъ въ обширныхъ загородкахъ. Города окружены частоколомъ и въ нихъ бываетъ до 300 домовъ. Кавирондо ходятъ совсѣмъ нагіе, носятъ длинные волосы и обыкновенно вырываютъ передніе зубы нижней челюсти. Сырое мясо и теплая кровь только что убитыхъ животныхъ составляетъ ихъ ежедневную пищу; затѣмъ они особенно любятъ кашу изъ муки мтама съ водой и коровьей мочей. Вообще моча рогатаго скота играетъ важную роль въ ихъ домашнемъ быту: ее примѣшиваютъ къ листьямъ для натиранія кожи, и нерѣдко употребляютъ вмѣсто соли для приправы кушаньевъ. Соль добывается также изъ нѣкоторыхъ растеній. Коровій пометъ служитъ топливомъ. На сѣверъ отъ кавирондо и въ недалекомъ разстояніи отъ Самбуру живетъ народъ карликовъ суку, которые несмотря на свой маленькій ростъ наводятъ страхъ на сосѣдніе народы своими разбоями. Они вооружены копьями и щитами и часто являются въ Самбуру для кражи скота.

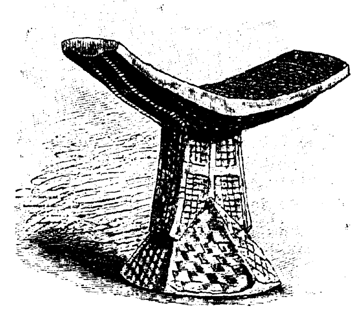
Въ мало изслѣдованныхъ раіонахъ на сѣверъ и востокъ отъ мазаи, вдоль рѣки Тана и на берегу до Килима-Нджаро (кромѣ арабовъ, суахели, ваника и нѣкоторыхъ мелкихъ племенъ, живущихъ южнѣе и на берегу), встрѣчаются народы, сомаль, вагалла, вапокомо, вабони и вассаніэ. Со времени Декена и Бреннера, путешествія которыхъ не простирались дальше Нгао, произошло значительное измѣненіе въ жизненныхъ условіяхъ отдѣльныхъ народовъ. Сомаль сдѣлались наиболѣе могущественными изъ нихъ; они прошли черезъ Юба до Тана и Сабаки, убивая и грабя на своемъ пути все, что имъ попадалось подъ руку; при этомъ они отчасти уничтожили, частью вытѣснили изъ прежнихъ мѣстъ жительства вагалла, которые нѣкогда были распространены отъ Сабаки до Юба. Послѣдніе со времени этого пораженія значительно уменьшились въ числѣ и представляютъ собой слабый и, по всѣмъ признакамъ, вымирающій народъ. Но испытанныя ими бѣдствія благодѣтельно подѣйствовали на нихъ въ томъ отношеніи, что они окончательно обратились къ мирнымъ занятіямъ. Въ настоящее время арабы и суахели, живущіе на берегу и внутри страны, избавлены отъ хищничества своихъ безпокойныхъ

и дерзкихъ сосѣдей. Гордый галла, который нѣкогда не признавалъ другой пищи, кромѣ мяса, крови и молока, и съ насмѣшкой и презрѣніемъ относился къ земледѣльцамъ, теперь настолько обѣднѣлъ, что исполняетъ должность пастуха у береговыхъ жителей, или нанимается у нихъ въ качествѣ вьючнаго животнаго и полеваго работника. По нѣкоторымъ извѣстіямъ галла даже завели собственныя поля маиса и мтама какъ для своего потребленія, такъ и для торговли. Среди вагалла и отчасти между сомаль разсѣяны вабони, вассаніэ и валангуло. Они были прежде самыми могущественными племенами въ этихъ равнинахъ, пока не были вытѣснены и покорены вагалла, которые въ настоящее время въ свою очередь подпали подъ власть сомаль. Всѣ эти племена по внѣшности, языку и нравамъ, схожи съ вагалла, исключая вапокомо, которые не имѣютъ ничего общаго съ послѣдними, кромѣ коричневаго цвѣта кожи, и по тѣлосложенію, языку и обычаямъ, гораздо больше подходятъ къ суахели, ваника, вакамба и вадшагга. Вапокомо, сильные рослые люди, съ прекраснымъ тѣлосложеніемъ; многіе мужчины и женщины достигаютъ до 2 м. высоты. По строенію головы они сходны съ ваника, вакамба и вадшагга; но тѣло у нихъ вообще тучнѣе, и въ этомъ отношеніи они представляютъ рѣзкую противоположность съ стройными вагалла съ ихъ тощими икрами. Вапокомо не принадлежатъ къ неграмъ, несмотря на свои короткіе курчавые волосы. Весь народъ дѣлится на четыре семьи, которыя также отличаются другъ отъ друга легкими уклоненіями въ языкѣ (Petermanns Geogr. Mitth. 1881, s. 15—17).

Что касается вагалла или орма (т. е. отыскивающіе родину), какъ они называютъ себя на своемъ языкѣ, то источникомъ этого могущественнаго народнаго потока нужно повидимому считать горы южной Абиссиніи и восточной экваторіальной Африки, а равно и обширное плато, на которомъ тянутся эти хребты. Вагалла до сихъ поръ занимаютъ первоначальныя мѣста жительства своего племени. Одинъ изъ рукавовъ этого потока направился къ югу и, поглотивъ болѣе слабыя негритянскіе народы, образовалъ совмѣстно съ ними племена: мазаи, вакуази, ваника, вадоэ и др.; но его дальнѣйшему распространенію помѣшала многочисленная каффрская раса, которая въ это время двинулась съ юга на сѣверъ. То-же повторилось на юго-западѣ и западѣ въ области озеръ и въ Нильскомъ бассейнѣ. Къ сѣверу распространены племена орма: сомаль, аферъ или данакиль и шохо; быть можетъ къ этому же разряду нужно причислить народы габабъ, бишаринъ и гадендоа. Близь Абиссиніи границы распространенія этихъ племенъ обозначены менѣе рѣзко. Фридрихъ Миллеръ причисляетъ всѣхъ ихъ къ эѳіопской семьѣ хамитской народной отрасли, такъ какъ о существованіи общей связи между ними можно предположить не только на основаніи антропологическихъ данныхъ, но въ виду одинаковыхъ обычаевъ и сродства языка. Съ принятіемъ

ислама, который провелъ рѣзкую границу между вѣрующими и язычниками, сомаль стали все болѣе и болѣе удаляться отъ первобытнаго племени орма и опустошили его владѣнія огнемъ и мечемъ, несмотря на крайне близкое сродство между ними и галла, такъ какъ среди хамитскихъ языковъ нарѣчія обоихъ племенъ представляютъ только діалектическое различіе (Mittheil. der anthrop. Gesellseh. in Wien, 1870, Bd. I s. 11). По мнѣнію Ригби (Transactions of the Ethnological society of London. New series. Bd. V s. 91—95), сомали отличается отъ негра не только по языку, но и по тѣлосложенію.

Внѣшность сомаль (въ един. сомали) весьма разнообразна. Такъ напр. гудабурзи отличаются кофейномолочнымъ цвѣтомъ кожи и нерѣдко имѣютъ почти кавказскій типъ, между тѣмъ какъ иза, которые обыкновенно вырываютъ себѣ волосы на тѣлѣ, принадлежатъ, по словамъ англійскаго путешественника Р. Буртона, къ самому чернокожему и безобразному типу. У мугдашо, по описанію Христофера, черный цвѣтъ кожи и курчавые волосы; но при этомъ правильное тѣлосложеніе и строеніе лица, прямой носъ и не особенно толстыя губы. Буртонъ, который преимущественно описываетъ сѣверныхъ сомаль, говоритъ, что у нихъ скорѣе удлиненная, чѣмъ круглая голова, высокій, хорошо сформированный лобъ, большіе красивые глаза и брови, выступающія впередъ скуловыя кости, а также бодбородокъ и нижняя челюсть, толстыя губы и большей частью скудная борода. Волосы жесткіе, ровные, завитые въ кольца, но умѣренной длины; туземцы причесываютъ ихъ различнымъ способомъ и окрашиваютъ известью, сначала въ желтоватый, затѣмъ въ красный цвѣтъ. Что касается восточныхъ сомаль, то они весьма подробно описаны французомъ Гюиллэнъ. По его словамъ у нихъ чернокрасный цвѣтъ кожи, высокій лобъ замѣтно сплюснутый у висковъ, черные курчавые волосы, черные глаза, короткій носъ и большой ротъ съ немного вздутыми губами. Выраженіе лица довольно сонное и непріятное.



Подставка для головы у сомаль.

Гильдебрандъ считаетъ сомаль смѣшаннымъ народомъ, который, несмотря на извѣстное національное сходство, представляетъ значительное различіе въ основныхъ признакахъ двухъ главныхъ типовъ, съ ихъ подраздѣленіями. Одни подходятъ больше къ африканскому типу; ихъ характерными признаками служатъ: плоскій лобъ, приплюснутый широкій носъ съ открытыми ноздрями, вздутыя губы, прогнатичные зубы и нижняя челюсть и короткіе курчавые волосы. У большинства нѣтъ вовсе бороды или она очень скудная и ростетъ только у подбородка. Тѣлосложеніе неуклюжее, приземистое съ сильно развитыми членами; цвѣтъ кожи совсѣмъ темный. Другая группа составляетъ отчасти переходъ отъ африканскаго типа къ семитическому. Ея представители имѣютъ высокій съуженный лобъ, съ выступающимъ срединнымъ бугромъ, слегка горбатый носъ съ небольшими ноздрями, сильно развитыя скулы, небольшіе впалые глаза, хорошо очерченный ротъ, иногда слегка отвислую нижнюю губу, правильные немного прогнатичные зубы, волнистые, до-

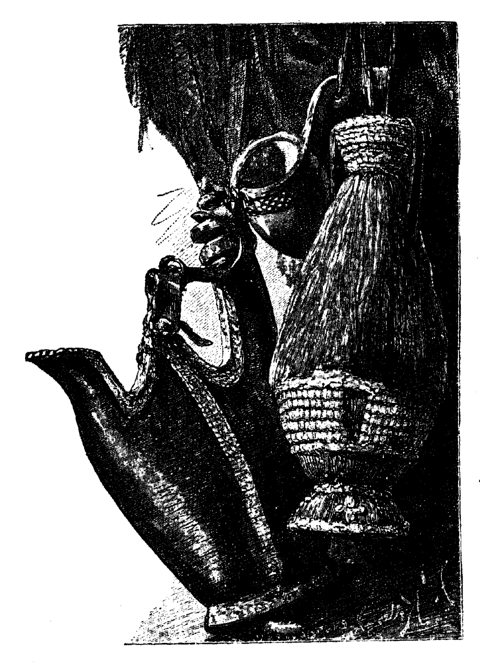
вольно жесткіе волосы, длина которыхъ доходитъ иногда до 50 сант. У нѣкоторыхъ субъектовъ красивая борода, но въ большинствѣ случаевъ она плохо ростетъ и только у подбородка; тѣлосложеніе у всѣхъ замѣчательно стройное; нерѣдко ростъ бываетъ выше 2 м.; но оконечности худощавыя и несоразмѣрно длинныя; бедра плохо развиты у женщинъ; цвѣтъ кожи весьма разнообразный отъ свѣтлокоричневаго до черноватаго. Эта группа въ значительной степени является преобладающей и постепенно ассимилируетъ другой болѣе негрообразный типъ (Zeitschrift für Ethnologie 1875, s. 3).

Отдѣльныя отрасли сомаль, по мнѣнію капитана Круттендена, могутъ быть всѣ подведены подъ двѣ большія группы: Эдуръ и Даррудъ. Но этнологи отдали предпочтеніе дѣленію, предложенному Гюиллэномъ, который различаетъ: 1) аджи отъ Зеила къ Расъ Асваду на востокѣ до рѣки Денокъ на западѣ и юго-западѣ; къ нимъ принадлежатъ міиертейны, варсангели или веръ-зингелли, лулбахантехъ, дехчишехъ, тіулехъ и гобтанлехъ; 2) гавіяхъ къ югу отъ предъидущихъ до Денока, къ которымъ слѣдуетъ отнести гургатехъ, абгаль и уджурахъ и 3) рагхан'винъ; къ нимъ принадлежатъ гебрунъ между Денокомъ и Гананехъ или джубъ; ихъ владѣнія граничатъ на западѣ съ землей галла. Каждое племя говоритъ на особомъ діалектѣ.

У сомаль не въ обычаѣ племенные знаки отличія, татуировка, уродованіе зубовъ и т. п. Обрѣзаніе совершается у мальчиковъ и дѣвочекъ между восемью и десятью годами; у послѣднихъ кромѣ того совершается операція „infibulatio". Этотъ обычай въ общемъ употребленіи, начиная отъ Нильскихъ водопадовъ и вверхъ по рѣкѣ и встрѣчается у беджа, галла, сомаль, у жителей Гаррара, Массауа и т. д. Онъ состоитъ въ томъ, что слегка надрѣзаютъ наружныя части нимфъ и затѣмъ края раны сшиваютъ, оставляя небольшое отверстіе, но всего чаще вылечиваютъ безъ шва. Это дѣлается съ цѣлью сохранить цѣломудріе дѣвушекъ до брака, передъ которымъ производится соотвѣтствующая, но противоположная операція (H. Ploss, Das Kind. Bd. I, s. 314).

Мужчины носятъ длинные волосы, раздѣленные прямымъ проборомъ, который дѣлаютъ съ помощью палочки или вилки съ двумя тремя зубцами. Послѣдняя въ общемъ употребленіи у всѣхъ эѳіопскихъ народовъ; ее втыкаютъ въ волосы надъ затылкомъ; она также служитъ для „почесыванія". Племена внутри материка носятъ парикъ изъ овчины выкрашенной въ красный цвѣтъ; но правовѣрные сомаль брѣютъ волосы и носятъ на головѣ чалму. Прическа женщинъ весьма разнообразна. Онѣ употребляютъ большой гребень съ многими зубцами, но не носятъ его въ волосахъ. Равнымъ образомъ покрывало не въ обычаѣ у женщинъ сомаль. Чтобы не смять прически во время сна употребляется подставка, которая поддерживаетъ затылокъ спящаго, и называется „korborschi". Одежда состоитъ изъ выдѣланной овечьей кожи; мужчины носятъ ее въ видѣ „reram" широкой набедренной повязки, обвитой вокругъ пояса; на ночь ее опускаютъ и она покрываетъ все тѣло. „Du" женщинъ несравненно большихъ размѣровъ и покрываетъ ихъ отъ шеи до икръ; его привязываютъ къ таліи поясомъ. Сандаліи (между прочимъ изъ дерева), встрѣчаются довольно часто, но не въ общемъ употребленіи. Талисманы, сдѣланные изъ дерева и кожанные мѣшечки служатъ главными украшеніями; женщины кромѣ того носятъ нанизанные кусочки стекла и стеклянныя бусы, маленькія кольца въ видѣ серегъ, браслеты изъ фарфора и стекла. Мужчины обыкновенно не носятъ никакихъ украшеній, исключая двухъ грубо вырѣзан-

ныхъ янтарей, въ кулакъ величины, которые они охотно навѣшиваютъ себѣ на шею. Во время путешествія, кромѣ оружія, сомали носитъ на плечѣ „masalla“, т. е. дубленую козью шкуру, выкрашенную въ красный цвѣтъ, которая служитъ ему ковромъ во время молитвы, и затѣмъ плетеную фляжку съ водой для питья и омовенія. Въ колчанѣ хранятся необходимые запасы для добыванія огня, и виситъ на шнуркѣ зубная щетка и небольшіе щипцы для вытягиванія терновыхъ шиповъ изъ тѣла. Оружіе сомаль состоитъ изъ двухъ копій: „dochana“ для нанесенія ударовъ и короткаго метательнаго копья „hafta“, затѣмъ изъ небольшаго мечеобразнаго ножа съ двумя лезвіями, круглаго меча около 50 сант. въ поперечникѣ, и сверхъ того лука и стрѣлъ. По-



Кожаный кувшинъ, молочный сосудъ, украшенный каури и деревянный ковшъ у сомаль.

слѣднія отравлены сокомъ одного вида молочайника, который варится до тѣхъ поръ, пока не обратится въ кашу; тогда наконечники стрѣлъ покрываютъ густымъ слоемъ этого яда и обвиваютъ сверху тонкими волокнами. Дубины вырѣзанныя изъ цѣльнаго куска дерева употребляются только бѣдняками, которые не въ состояніи имѣть другаго оружія (Zeitschrift f. Ethnologie. 1875, s. 4—8). Капитанъ Майлсъ (Proceedings of the Roy. geographical Society. 1872, XVI. Bd. s. 149—157) говоритъ о сомаль, что они привѣтливы въ обращеніи, трудолюбивы, спокойнаго характера, но крайне бѣдны. Другіе наблюдатели наоборотъ приписываютъ имъ хищничество, кровожадность, вѣроломство и вражду къ европейцамъ, которая дѣйствительно подтверждается многими не-

чальными примѣрами. Гордость составляетъ выдающуюся черту національнаго характера, а также любопытство и навязчивость; при этомъ ихъ не всегда можно назвать правдивыми и честными. Что касается вѣры, то весьма немногія племена строго относятся къ ней, и хотя всѣ сомаль поголовно преданы исламу, но послѣдній въ большинствѣ случаевъ не налагаетъ на нихъ никакихъ обязательствъ. Они подчинены султану, который вообще имѣетъ мало вліянія, затѣмъ кади или судьямъ отдѣльныхъ племенъ. Ихъ круглыя хижины окружены терновыми изгородями (краалями) для немногихъ овецъ и козъ; онѣ сплетены изъ вѣтвей и покрыты шкурами; полъ устланъ циновками. Въ каждой хижинѣ можно встрѣтить постель, циновки и сосуды сплетенные изъ соломы. Вообще вся домашняя работа лежитъ на женщинахъ; воздѣлываніе полей предоставлено невольникамъ, большей частью привезеннымъ изъ Занзибара; съ ними обходятся въ высшей степени кротко, и они почти ничѣмъ не отличаются отъ членовъ семьи. Тѣмъ не менѣе у сомаль существуютъ касты паріевъ, изъ которыхъ Гильдебрандтъ упоминаетъ три: „midgân“ — желѣзныхъ дѣлъ мастера, „tomal“ — слуги, пастухи, и вожаки верблюдовъ и „jibbin“, которые странствуютъ цѣлыми семьями по странѣ, въ качествѣ фокусниковъ и пастуховъ; всѣ относятся къ нимъ съ презрѣніемъ. Кочевыя племена, живущіе внутри страны, занимаются скотоводствомъ и охотой, собираютъ каучукъ, любятъ молоко и верблюжье мясо и умѣютъ приготовлять жидкое масло „semen“ изъ коровьяго и козьяго молока.

Галла, вагалла или орма въ физіологическомъ отношеніи также занимаютъ видное мѣсто среди африканскихъ расъ и не имѣютъ ничего общаго съ неграми, кромѣ темнаго цвѣта кожи. Одежда ихъ состоитъ изъ толстаго бумажнаго платка, который образуетъ родъ двойнаго передника; мужчины носятъ на шеѣ въ видѣ украшенія латунныя цѣпи; женщины украшаютъ себѣ руки и ноги желѣзными обручами, но бусы не въ употребленіи. Оружіе состоитъ преимущественно изъ копій съ клинкомъ въ 15 сант.; кромѣ того мужчины носятъ на мизинцѣ и на указательномъ пальцѣ желѣзныя кольца съ шипомъ въ 2 сант. длины. Хорошо направленный ударъ кулака въ рукопашномъ бою — любимый способъ битвы у галла и почти всегда кончается смертью. Женщины пользуются почетнымъ и независимымъ положеніемъ; дѣвушки имѣютъ право отказать жениху, который имъ не по сердцу; и хотя на женѣ лежатъ всѣ домашнія работы, но въ домашнемъ быту всѣ ея приказанія безусловно исполняются. Моногамія въ обычаѣ у галла, и цѣломудріе дѣвушки до брака считается обязательнымъ. Политическое устройство такое-же патріархальное, какъ у сомаль; во главѣ каждаго племени стоитъ „heiitsch“ или султанъ, власть котораго ограничена. Южные галла не исповѣдуютъ ислама, но вѣрятъ въ высшее существо „waka“, представленіе о которомъ настолько неосязаемо и неопредѣленно, что довольно близко подходитъ къ понятію о божествѣ самыхъ культурныхъ народовъ.

Мѣста жительства данакиль (множ. отъ арабскаго слова dankali) простираются вдоль восточнаго берега Африки отъ бухты Цула до залива Таджурра. Народъ состоитъ изъ 150 племенъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего отдѣльнаго независимаго отъ другихъ властелина или

короля „redanto“. Только въ случаѣ крайней опасности всѣ они соединяются и образуютъ общій союзъ. Они ведутъ кочевой образъ жизни и не имѣютъ постояннаго мѣста жительства; ихъ имущество состоитъ изъ верблюдовъ, рогатаго скота, козъ и овецъ, въ которыми они переходятъ съ одного пастбища на другое; но границы пастбищъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ племенамъ, строго опредѣлены. Данакиль отличаются красивымъ сильнымъ тѣлосложеніемъ и темнымъ цвѣтомъ кожи; у нихъ прямые длинные волосы и рѣзкія черты лица. Они исповѣдуютъ исламъ, но по бѣдности не имѣютъ мечетей; по однимъ извѣстіямъ данакиль трусливы, склонны къ лѣни и воровству, по другимъ

Сомали.

имѣютъ храбрый и рѣшительный характеръ. Они искусные охотники за страусами, гонятся за ними пѣшіе, заманиваютъ нѣжными звуками свирѣлей и убиваютъ отравленными стрѣлами. Они называютъ свой языкъ аферъ. Сахо, шохо или шихо, живущіе въ горной странѣ на юго-западѣ отъ Массауа,—ихъ близкіе родичи. По отзывамъ путешественниковъ, сахо дикій, гордый и непреклонный народъ, но крайне честный; данное слово для нихъ свято, они всегда держатъ его, хотя бы дѣло шло о величайшемъ мошенничествѣ. Пѣніе и танцы составляютъ необходимый элементъ въ ихъ жизни.

Проф. Лео Рейнишъ составилъ подробное описаніе жизни и нравовъ этихъ кочевниковъ, которымъ мы тѣмъ охотнѣе воспользуемся, что кромѣ незначительныхъ уклоненій, оно вполнѣ подходитъ къ другимъ представителямъ восточно-африканской эѳіопской семьи. Буру, самое сѣверное изъ племенъ данакиль населяетъ полуостровъ того-же имени, далеко выступающій въ море, къ югу отъ Массауа. Благодаря своей склонности къ мореходству и многочисленнымъ стадамъ они пользуются значительнымъ благосостояніемъ. Буру славятся, какъ хорошіе матросы и лоцманы; они имѣютъ множество небольшихъ судовъ и лодокъ, съ помощью которыхъ ведутъ дѣятельныя торговыя сношенія съ Массауа, Цула, островомъ Дахлакъ и Годеидой на противоположномъ арабскомъ берегу. При этомъ они опытные водолазы и занимаются ловлей жемчуга, отчасти въ свою пользу, частью въ видѣ наемныхъ водолазовъ при ловлѣ жемчуга на островѣ Дахлакъ. Другая отрасль промышленности буру заключается въ дубленіи кожъ рогатаго скота, козъ и овецъ, въ чемъ они достигли значительнаго искусства. Кожи эти свѣтложелтаго цвѣта, необыкновенно мягки и прочны и имѣютъ постоянный сбытъ въ Массауа, Годеидѣ и Джеда въ Аравіи, а также въ Египтѣ.

Каждое племя, какъ упомянуто выше, находится подъ властью короля „redanto", достоинство котораго переходитъ по наслѣдству отъ отца къ старшему сыну. Король, въ тоже время, предводитель войска и верховный судья племени; затѣмъ онъ исполняетъ обязанность главнаго жреца и въ качествѣ пророка и ясновидца пользуется особеннымъ уваженіемъ; онъ предсказываетъ будущее по внутренностямъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву, по созвѣздіямъ и полету птицъ. Нравственное значеніе „redanto" весьма велико, тѣмъ болѣе, что, благодаря званію пророка, онъ имѣетъ огромное вліяніе на семейныя дѣла, а слѣдовательно и на отдѣльныя семьи и черезъ это пользуется безграничнымъ господствомъ надъ цѣлымъ племенемъ. Такъ напр. данакиль не заключаютъ ни одного брака, не спросивъ предварительно у „redanto", могутъ ли будущіе супруги разсчитывать на счастье и благополучіе? „Redanto" дѣлаетъ наблюденія надъ положеніемъ звѣздъ и затѣмъ говоритъ свое мнѣніе; которому слѣдуютъ безусловно, какъ божественному предопредѣленію. У данакиль существуетъ много преданій, въ которыхъ разсказаны различные случаи, когда просвѣщенные люди заключали браки вопреки опредѣленію звѣздъ; при этомъ всегда сообщается въ видѣ нравоученія о печальномъ концѣ постигшемъ ослушниковъ божественной воли. Такимъ образомъ семейныя дѣла безусловно въ рукахъ „redanto", что преимущественно способствуетъ прочности его власти надъ цѣлымъ племенемъ.

Вліяніе „redanto" на самыя интимныя сердечныя дѣла его подданныхъ основано на вѣрѣ въ духовъ покровителей, которые находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ человѣческимъ родомъ и имѣютъ непосредственное сообщеніе съ „redanto". У каждаго человѣка есть звѣзда на небѣ въ видѣ духа покровителя, которую Богъ опредѣляетъ ему въ моментъ рожденія; она охраняетъ его во время всей жизни и сопутствуетъ ему до самой смерти. То, что мы называемъ совѣстью и внутреннимъ голосомъ человѣка, у данакиль — увѣщательный карающій голосъ духа покровителя, и горе тому, для кого умолкнетъ этотъ голосъ, потому что закоснѣлый грѣшникъ подпадаетъ подъ власть мстительнаго міра духовъ.

Хотя королевскій санъ считается наслѣдственнымъ, но съ нимъ связано неизбѣжное условіе, а именно, чтобы наслѣдникъ престола не имѣлъ никакихъ тѣлесныхъ и умственныхъ недостатковъ: онъ долженъ быть „безъ пороковъ". Это условіе не теряетъ своей силы и во все время слѣдующаго затѣмъ королевскаго правленія. Если короля постигнетъ какое нибудь несчастіе, и онъ ослѣпнетъ, сдѣлается глухимъ или нѣмымъ, то лишается черезъ это права на господство, которое переходитъ вышеупомянутымъ способомъ къ

Кабилъ.

ближайшему наслѣднику. Сверхъ того обычай требуетъ, чтобы наслѣдникъ престола подчинился церемоніи избранія. Для этой цѣли въ назначенный день старѣйшины племени собираются подъ священной коронаціонной смоковницей, чтобы подвергнуть испытанію правительственной способности предполагаемаго наслѣдника. Первая часть испытанія заключается въ томъ, что избираемаго аскультируютъ, чтобы убѣдиться въ нормальномъ состояніи его тѣла и органовъ зрѣнія, слуха и пр.

Если осмотръ кончился благополучно, то затѣмъ слѣдуютъ выборы, которые сопровождаются особенными пріемами. Чтобы будущій король не замѣтилъ лицъ своихъ избирателей и впослѣдствіи не вздумалъ отомстить имъ, его прячутъ въ мѣшокъ, который завязываютъ наглухо. Въ этомъ положеніи наслѣдникъ престола долженъ отвѣчать на вопросы, предлагаемые ему старѣйшинами, и приноситъ клятвы по поводу поставленныхъ ему условій. По окончаніи этой процедуры наслѣдника престола вытаскиваютъ изъ мѣшка и поднимаютъ на большой камень, послѣ чего старѣйшины поздравляютъ его отъ имени всего собравшагося племени и подносятъ ему подарки въ видѣ опредѣленнаго количества скота.

Данакиль и сахо по образу жизни сходятся до малѣйшихъ подробностей съ арабскими бедуинами и кочующими племенами восточной Африки. Мужчина обязанъ охранять свой домъ и стада противъ разбойниковъ; на женѣ лежатъ всѣ домашнія работы, а именно складываніе палатокъ, изготовленіе кушаньевъ и присмотръ за дѣтьми. Эти народы не имѣютъ осѣдлыхъ поселеній и переходятъ съ мѣста на мѣсто со своими стадами, отыскивая для нихъ пастбища. Съ наступленіемъ жаркихъ и сухихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда вся трава выгараетъ въ степяхъ Самхары, они переселяются на горы, гдѣ благодаря недавнимъ дождямъ высоты покрыты роскошной растительностью. Въ первой половинѣ октября начинаются дожди въ Самхарѣ; палящій солнечный зной уступаетъ мѣсто живительной прохладѣ; вскорѣ голыя выжженныя поля покрываются великолѣпной флорой, и кочевники снова спускаются въ низменности Самхары съ своими стадами и остаются здѣсь до апрѣля. Выбравъ мѣсто стоянки, они устраиваютъ обширную загородку изъ густыхъ терновыхъ кустовъ, для защиты своихъ стадъ въ ночное время отъ хищныхъ звѣрей. Вокругъ этой изгороди они располагаютъ свои палатки; жилище каждой семьи обнесено особеннымъ терновымъ заборомъ. Устройство жилья лежитъ на обязанности женщинъ и не требуетъ особеннаго труда. Въ землю вбиваютъ нѣсколько кольевъ, которыя должны составить четырехъ-угольникъ; затѣмъ къ нимъ привязываютъ сверху и съ боковъ шкуры рогатаго скота и тростниковыя циновки, и домъ готовъ. Такимъ образомъ на пустынной равнинѣ въ одинъ день возникаетъ обширный городъ съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ жителей.

Общественная безопасность въ подобномъ городѣ не требуетъ вмѣшательства полиціи. Глава семьи рѣшаетъ ссоры своихъ домочадцевъ; распри между отдѣльными семьями разбираетъ вождь, авторитетъ котораго, хотя и не поддерживается военной силой, но тѣмъ не менѣе имѣетъ высокое значеніе въ силу его нравственнаго вліянія и добровольнаго подчиненія всего племени. Власть отца простирается на всѣ домашнія дѣла, а равно и на членовъ семьи; въ его рукахъ жизнь и смерть дѣтей, но не женъ. Если которая изъ нихъ совершила не особенно важный проступокъ, то мужъ отсылаетъ ее обратно къ ея родителямъ, а въ случаѣ преступленія — предаетъ суду вождя. Послѣднему подлежатъ всѣ иски относящіеся къ спорамъ объ имуществѣ, какъ между цѣлыми семьями, такъ и ихъ членами. Убійство и смертельные побои, по какому бы то ни было поводу были ли они нанесены при нападеніи или защитѣ, также подведены подъ категорію дѣлъ о нарушеніи правъ собственности и должны быть искуплены соотвѣтствующей денежной пеней или смертной казнью убійцы.

Если послѣднему удалось спасти жизнь бѣгствомъ, то убиваютъ его близкаго родственника, потому что отвѣтственность за пролитую кровь падаетъ на весь родъ убійцы. Въ подобныхъ случаяхъ рельефно проявляется врожденное хищничество и мстительность туземцевъ. Оскорбленная семья съ нетерпѣніемъ ожидаетъ момента, чтобы обагрить свой ножъ кровью врага и искупить этимъ способомъ смерть своего родича, хотя съ другой стороны она также охотно воспользуется случаемъ, чтобы обогатить себя значительнымъ денежнымъ штрафомъ. Обыкновенно жажда мести съ особенной силой проявляется у женщинъ; несмотря на свой кроткій характеръ, онѣ въ подобныхъ случаяхъ становятся кровожадными и превращаются въ настоящихъ фурій. Мужчины въ этомъ отношеніи гораздо разсудительнѣе и охотнѣе довольствуются денежнымъ штрафомъ, не столько изъ жадности, сколько въ виду дальнѣйшихъ послѣдствій кровавой мести, потому что разгорѣвшіяся страсти не утихнутъ до тѣхъ поръ, пока не погибнутъ цѣлыя семьи, а подчасъ и племена среди общей кровавой рѣзни.

Вообще эти кочевые народы представляютъ замѣчательную смѣсь въ своихъ характерныхъ особенностяхъ. Женщины высокаго роста и съ красивыми формами тѣла, но скоро старѣются. Онѣ цѣломудренны и вѣрны своимъ мужьямъ, дѣятельныя хозяйки дома и хорошія матери, отличаются тонкимъ и любезнымъ обращеніемъ, общительны и добры до самоотверженія; но если въ нихъ заговоритъ страсть, въ любви или ненависти, то онѣ становятся глухи къ голосу разсудка. Мужчины не лишены энергіи и извѣстнаго великодушія. Въ своемъ обращеніи они нерѣдко до комизма стараются выказать чувство собственнаго достоинства, но въ дѣйствительности крайне легкомысленны, тщеславны и хвастливы. Свойственная имъ гордость не представляетъ особеннхыъ неудобствъ, если только не задѣта ихъ щекотливость; а шуткой и добрымъ словомъ вы можете добиться отъ нихъ, чего хотите. Но горе тому, кто оскорбилъ ихъ какимъ-нибудь обиднымъ словомъ, бранью и побоями или имѣлъ неосторожность возбудить въ нихъ алчность! Тогда въ этихъ варварахъ пробуждаются животные инстинкты и настолько заглушаютъ всякое человѣческое чувство, что для нихъ не существуетъ никакихъ границъ, и они не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ своей мести или сами не будутъ убиты. Въ психологическомъ отношеніи нельзя не признать за ними извѣстной наблюдательности, когда люди этой націи, сознавая свое сходство съ хищными звѣрями, обращаясь другъ къ другу во время своей воинственной пляски, сравниваютъ себя съ львами, пантерами и гіенами. Всѣ европейскіе путешественники, которымъ приходилось имѣть сношенія съ этими народами, считаютъ сахо и данакиль, а равно ихъ племенныхъ родичей сомаль и галла, самыми опасными дикарями восточной Африки. Но професоръ Рейнишъ считаетъ это мнѣніе не вполнѣ справедливымъ, потому что для вѣрной оцѣнки нужно брать людей въ ихъ нормальномъ состояніи, а не въ минуты возбужденія.

Представители обѣихъ націй свято соблюдаютъ данное слово или произнесенную клятву. Они клянутся тѣнями своихъ отцовъ, святой смоковницей, любовью своихъ женъ и пр. Послѣдняя форма клятвы при извѣстныхъ условіяхъ можетъ вести къ нѣкоторымъ неудобствамъ; поэтому путешественникъ изъ благоразумія не долженъ настаивать на выполненіи такихъ клятвъ. Если туземецъ клянется своей женой, то обычай требуетъ, чтобы онъ разстался съ ней, если онъ почему-либо не можетъ или не хочетъ исполнить своей клятвы. Если извѣстно, что человѣкъ, который приноситъ клятву, дѣйствительно любитъ свою жену и считаетъ для себя несчастіемъ разлуку съ нею, то это служитъ ручательствомъ, что онъ при какихъ-бы то ни было условіяхъ постарается сдержать данное слово. Нерѣдко также данакиль прибѣгаетъ къ клятвѣ, чтобы избавиться отъ нелюбимой жены. Это дѣлается въ виду слѣдующаго соображенія: если мужъ почему-либо хочетъ отослать свою жену, то можетъ испол-

нить свое желаніе во всякое время, но подъ тѣмъ условіемъ, что возвратитъ ей приданое, и въ случаѣ надобности будетъ содержать ее до тѣхъ поръ, пока она не выйдетъ замужъ. Между тѣмъ жена, разлученная съ мужемъ, вслѣдствіе нарушенной имъ клятвы, не можетъ имѣть притязанія на какое-либо вознагражденіе, и поэтому корыстолюбивые мужья стараются подчасъ избавиться отъ своихъ женъ даннымъ способомъ.

Данакиль, какъ и ихъ ближайшіе родичи сахо, сомаль и отчасти галла, съ давнихъ поръ приняли магометанскую религію; но подъ внѣшнимъ покровомъ исламскаго вѣроисповѣданія они сохранили свои древнія языческія воззрѣнія. Смоковница все еще считается священнымъ деревомъ у этихъ народовъ и на алтарѣ подъ смоковницей мнимые магометане до сихъ поръ приносятъ своему національному божеству обильныя жертвы закланія, въ видѣ рогатаго скота и овецъ. Но божество должно довольствоваться только запахомъ жира, приносимой жертвы, потому что данакиль и сахо въ этихъ случаяхъ сами съѣдаютъ мясо, выпивая при этомъ большія чаши молока и пива. Подобные дни жертвенныхъ празднествъ проходятъ среди шумнаго веселія; въ то время, какъ подрастающее поколѣніе предается пѣнію и танцамъ, а взрослые юноши занимаются военными играми и турнирами, старики собираются въ кружокъ, курятъ трубки и слушаютъ героическія пѣсни и разсказы своихъ бардовъ. Сообразно съ этимъ у данакиль существуетъ поговорка: „Дѣтямъ прилична рѣзвость и веселая игра, юношеству — мужество и дѣятельность, старикамъ мудрая опытность и поучительное слово“. На ряду съ турнирами мужей, способныхъ носить оружіе, идутъ другого рода поединки между сѣдыми стариками, которые состязаются въ краснорѣчіи; толпа слушаетъ ихъ съ напряженнымъ вниманіемъ, потому что старые люди считаются благословенными свыше и учителями народа. Сюжетами этихъ общественныхъ рѣчей служатъ историческія преданія, саги, сказки, нравственныя поученія, поясненіе главныхъ правилъ жизни путемъ сравненій, басни изъ міра животныхъ съ указаніями на практическую жизнь, анекдоты и т. п.

У сахо, на ряду съ языческими воззрѣніями, сохранились и нѣкоторыя христіанскія понятія, потому что нѣкогда они принадлежали къ коптско-абиссинской церкви. Пѣніе и танцы играютъ важную роль въ ихъ жизни и неизбѣжны при свадьбахъ, болѣзняхъ и даже погребальныхъ торжествахъ. Если умираетъ женщина, то начинаются обычные вопли, которые доходятъ до неистовства, если смерть постигла мужчину. Въ домъ знатнаго покойника собираются сотни людей; при этомъ появляются его жены, укутанныя съ головы до ногъ, и поднимаютъ дикій вопль. Наконецъ выходитъ его любимая жена съ мечомъ въ рукѣ и пересчитываетъ, сколько жертвъ пало отъ руки покойника, послѣ чего начинается отвратительная, скотоподобная пляска.

Что касается другихъ отраслей эѳіопской народной семьи, то наибольшее значеніе имѣютъ агау или аговъ, фалаша, богосъ и беджа. Агау образуютъ по меньшей мѣрѣ половину жителей Абиссиніи; они сродны по языку и типу съ гонгасъ и нѣкогда населяли полосы земли въ сѣверовосточной Африкѣ, которыя впослѣдствіи были заняты семитическими народами. Въ настоящее время они составляютъ сплошную массу населенія только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напр. въ Ласта, въ области истоковъ Такацце и Дамотъ; но вездѣ, гдѣ среди культурной части народа приняты языки тигре и амхарна, низшіе классы говорятъ на языкѣ агау. Характерную особенность домовъ агау составляетъ входъ, который по внѣшнему виду напоминаетъ входы древнеегипетскихъ храмовъ. Агау исповѣдуютъ магоме-

танство, поэтому ихъ ошибочно называютъ абиссинскими іудеями или фалашами. Они не имѣютъ ничего общаго съ семитическими іудеями. Ихъ языкъ гуараца или квара весьма близокъ съ аталла, однимъ изъ діалектовъ агау.

Названіе фалаша есть видоизмѣненная форма слова „fallasi" (множ. „fallasjan"), т. е. пришельцы. Другое ихъ прозвище каила (kaïla), т. е. не переходи, а именно не переходи черезъ рѣку, чего фалаша никогда не дѣлаютъ во время шабаша. Въ Валькаитѣ и Тегадіэ ихъ зовутъ фоггара, у галла они извѣстны подъ именемъ фенджа. Они говорятъ о себѣ: мы, домъ Израиля, или прямо Израиль; имя аихудъ, іудей, неизвѣстно у нихъ. Что касается ихъ мѣста жительства, то они распространены въ области Гондаръ и Чельга, въ горахъ Семенъ и на сѣверозападномъ берегу озера Тзана. Фалаша рослые, сильные люди. Цвѣтъ ихъ кожи, какъ у абиссинцевъ, темнокоричневый; у женщинъ онъ немного свѣтлѣе. Волосы у всѣхъ черные и курчавые, равно и борода, которую никогда не брѣютъ, а только подстригаютъ ножницами. Фалаша имѣютъ невольниковъ и, такъ какъ послѣднихъ они обращаютъ въ іудеевъ тотчасъ послѣ ихъ поступленія въ семью, то между ними встрѣчаются метисы-негры съ отвороченными губами и поразительно темнымъ цвѣтомъ кожи. Фалаша живутъ въ особыхъ деревняхъ или отдѣлены отъ христіанъ заборами и изгородями, чтобы предохранить себя отъ оскверненія. Въ провинціи Куара они считаются собственниками земли или „остатковъ" своего наслѣдственнаго достоянія. Фладъ насчитываетъ ихъ до 200,000 душъ. Фалаша умѣренны и трудолюбивы; они преимущественно занимаются земледѣліемъ, но также знакомы съ различными ремеслами; между ними можно встрѣтить хорошихъ плотниковъ, каменьщиковъ, кузнецовъ оружія и ткачей; но торговля у нихъ въ пренебреженіи. Они не лишены мужества и нерѣдко добровольно поступаютъ въ абиссинское войско. Женщины пользуются тѣми-же правами, что мужчины, свободно вращаются въ ихъ обществѣ и не закрываютъ себѣ лица. Фалаша не вступаютъ въ бракъ съ женщинами другихъ народовъ и строго придерживаются одноженства, хотя признаютъ, что полигамія не запрещена закономъ Моисея. Они женятся рано; женихъ не дѣлаетъ никакихъ подарковъ отцу невѣсты; разводы рѣдки и рѣшаются въ общемъ собраніи. Обрѣзаніе производится у обоихъ половъ на седьмой день послѣ рожденія. Фалаша образуютъ среди іудейства особую секту, которую не слѣдуетъ смѣшивать ни съ какой другой. Они буквально исполняютъ правила очищенія и соблюдаютъ шабашъ строже другихъ іудеевъ, но не придаютъ такого значенія праздничнымъ днямъ и жертвоприношеніямъ. Въ каждой фалашской деревнѣ построена молельня и рядомъ съ нею находится школа, гдѣ священнослужители и „debteras" (ученые) обучаютъ дѣтей чтенію библіи и особенно псалмовъ. Іерусалимъ состав-

ляетъ конечную точку, къ которой направлены всѣ помыслы фалаша, но замѣчательно, что при этомъ онъ не имѣетъ никакого понятія о Мессіи и талмудѣ. Они хоронятъ своихъ мертвыхъ на кладбищахъ, которыя расположены вдали отъ деревень. Ихъ надгробные камни безъ надписей (Richard Andree, Zur Volkskunde der Juden. Bielefeld und Leipzig 1881, 8°, стр. 81—88).

Богосъ занимаютъ горную страну на сѣверозападъ отъ Массауа, ихъ языкъ называется беленъ. Цвѣтъ ихъ кожи восьма разнообразный, отъ желтаго до чернаго; у нихъ красивыя черты лица; мужчины хорошо сложены; локоны ихъ волосъ опускаются до плечъ. Они опоясываютъ себѣ бедра кускомъ ткани и живутъ въ хижинахъ, въ родѣ вышеописаннаго „tukul". Скотоводство составляетъ ихъ главное занятіе; они ведутъ кочевую жизнь, находятся подъ властью неограниченнаго вождя и крайне бѣдны; кровавая месть у нихъ въ обычаѣ.

Беджа занимаютъ страну, которая простирается на сѣверъ отъ Абиссиніи и на востокъ отъ Нубіи до 24° с. ш. вдоль Краснаго моря. Но они распространены и за предѣлами этой области отчасти въ Нубіи и частью въ странѣ Така, лежащей далѣе къ югу. Языкъ беджа (to-bedschauijjeh) въ употребленіи не только у нихъ, но и у многихъ арабскихъ племенъ, кочующихъ въ этихъ странахъ (напр. бени-амеръ; хабабъ, у арабовъ хомранъ и пр.). Хотя Лепсіусъ повидимому признаетъ ихъ за прямыхъ потомковъ древняго культурнаго государства Мероэ (Briefe aus Aegypten, Aethiopien und der Halbinsel des Sinai. Berlin, 1852, 8°, стр. 181. 266), но это предположеніе кажется намъ весьма сомнительнымъ. Мы считаемъ гораздо болѣе правдоподобнымъ взглядъ Катрмера, который видитъ въ беджа потомковъ древнихъ блемміевъ (Friedr. Müller, Allgem. Ethnogr, стр. 501).

Беджа красивые люди, съ сильно развитыми мышцами, у нихъ темная, почти чернокоричневая кожа, волосы цвѣта воронова крыла, полуволнистые и полурунообразные; заплетенные въ безчисленное множество косичекъ, они падаютъ по плечамъ и такъ обильно намазаны бараньимъ саломъ, что голова походитъ на сѣроватый комъ жира. Туземный щеголь, вымазавъ себѣ голову этимъ способомъ, садится подъ палящими лучами солнца и вытираетъ стекающее сало своимъ бумажнымъ платкомъ „ферда" (который онъ затѣмъ накидываетъ на плечи или вокругъ таліи), чтобы вымазать имъ все тѣло. Волосы зачесаны съ затылка на макушку головы, и въ нихъ воткнута длинная тонкая палочка, вырѣзанная изъ дерева акаціи или изъ слоновой кости, которая служитъ для отдѣленія прядей и взбиванія волосъ, чтобы они не казались слишкомъ приглаженными. Оружіе состоитъ изъ копій съ широкимъ желѣзнымъ остріемъ превосходной работы, щита изъ слоновой и носороговой кожи, прямого меча съ двойнымъ лезвеемъ (настолько острымъ, что онъ употребляется вмѣсто бритвы) и криваго ножа, который служитъ для домашняго обихода. Этотъ ножъ, „schótel", обоюдоострый и нерѣдко изогнутъ въ видѣ крючка; беджа носитъ его постоянно при себѣ на кожанномъ кушакѣ, въ 5 сантим. ширины. „Schótel" вложенъ въ полуоткрытые ножны; его лезвее превосходно выковано и настолько острое, что въ поединкахъ этотъ своеобразный ножъ становится опаснымъ оружіемъ въ рукахъ ловкаго беджа, который безъ труда распарываютъ имъ животъ своему противнику. Пастухи и вожаки верблюдовъ

нерѣдко вооружены дубинообразной палкой изъ твердаго дерева, которую они бросаютъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и употребляютъ для охоты за зайцами и цесарками. Плугъ неизвѣстенъ у беджа. Ихъ единственное земледѣльческое орудіе — острая палка, окованная желѣзомъ, которую они втыкаютъ въ землю на равныхъ разстояніяхъ и въ образовавшіяся такимъ образомъ ямки бросаютъ отдѣльныя зерна дурра. Женщины беджа довольно красивы въ молодости, но ихъ изящныя формы тѣла съ пропорціонально развитыми грудями рано проявляютъ признаки старости, такъ какъ онѣ выходятъ замужъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Лица ихъ миловидны, но съ наглымъ и чувственнымъ выраженіемъ. Одежда ихъ состоитъ изъ узкой юбки, тщательно сшитой и украшенной раковинами каури; на плечахъ накинутъ бумажный платокъ, который одновременно покрываетъ и голову. Кромѣ того онѣ украшаютъ кольцами носъ и уши и нерѣдко вдѣваютъ въ ноздри серебряныя и латунныя пуговицы, между тѣмъ какъ мужчины носятъ на предплечьи и у рукоятки меча многочисленные, сшитые изъ кожи талисманы, для предохраненія отъ болѣзни и ранъ. Жилища строятся изъ кольевъ, покрытыхъ пальмовыми циновками, и сгруппированы полукругомъ на подобіе юноафриканскихъ краалей. Каждый туземецъ носитъ при себѣ небольшую табакерку съ жевательнымъ табакомъ, который стертъ въ порошокъ и перемѣшанъ съ золой и солью; время отъ времени онъ насыпаетъ себѣ щепотку на руку и затѣмъ подноситъ ко рту. При этомъ у каждаго въ губахъ небольшая вѣтка pavetta longifolia, „мезуакъ“, обгрызенной конецъ которой служитъ зубочисткой. Быть можетъ, благодаря этому обычаю зубы у беджа вообще здоровые и ослѣпительной бѣлизны. Во всемъ остальномъ беджа не отличаются чистоплотностью; при этомъ вслѣдствіе массы испорченнаго бараньяго жира, которымъ пропитано ихъ тѣло, они распространяютъ издалека особый запахъ, невыносимый для новичка, но къ которому вы настолько привыкаете въ короткое время, что онъ уже не кажется вамъ непріятнымъ. Беджа вообще отличаются дикимъ и необузданнымъ характеромъ; хотя они магометане, но не особенно строго придерживаются предписаній ислама.

Беджа долго считались пришлыми чистокровными арабами и даже до сихъ поръ отдѣльныя, принадлежащія къ нимъ отрасли, извѣстны подъ именемъ арабовъ. Они съ давняго времени исповѣдуютъ исламъ. При ихъ склонности къ созерцанію и религіозности они охотно давали у себя пріютъ мусульманскимъ миссіонерамъ, пришлымъ арабамъ и негритянскимъ богомольцамъ изъ Мекки, говорящимъ по арабски, и нетолько предоставили имъ власть и вліяніе среди своего племени, но приняли политическое дѣленіе, нравы и законы бедуиновъ Хеджаса. Такимъ образомъ они, постепенно сами превратились въ арабовъ по своимъ соціальнымъ учрежденіямъ, языку и религіи, и до сихъ поръ упорно держатся ислама и арабской національности, которая всегда пользовалась у нихъ особеннымъ уваженіемъ. Тѣмъ не менѣе, хотя они съ извѣстной гордостью и называютъ себя арабами, но это оказалось неправильнымъ въ антропологическомъ отношеніи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ произошло скрещиваніе съ арабской кровью, они сохранили своебразный типъ, который ближе подходитъ къ египтянскому, берабра и т. д. На ряду съ арабскимъ они говорятъ на своемъ собственномъ древнемъ нарѣчіи беджа (языкѣ бедуиновъ), которымъ также владѣютъ племена, называющія себя „ара-

бами". По мнѣнію Пешеля наиболѣе чистокровными племенами беджа нужно считать бишаринъ (единственное племя, которое Фр. Миллеръ признаетъ за беджа), затѣмъ гаденда и отчасти бени амеръ. Робертъ Гартманъ въ отличіе отъ осѣдлыхъ берабра обозначаетъ именемъ беджа пастушескіе народы, населяющіе Верхвій Египетъ, Нубію, Сеннаръ, Така, Абиссинію, Кордофанъ, Дарфуръ, Вадаи, Багирми и Борну, которые вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти занимаются земледѣліемъ. Они всѣ принадлежатъ къ одному общему типу и представляютъ до извѣстной степени своеобразное явленіе среди остальныхъ африканцевъ, такъ что ихъ нужно признать отдѣльной народной семьей, которая распадается на многочисленныя племена. Гартманъ причисляетъ къ беджа: абабдэ, бишаринъ, племена така (а именно галенга, гадендоа, сабдератъ, сикулабъ, собабъ, хомранъ и бени амеръ), шукуріэ, абу рофъ, эль алавинъ дабена, эль гассаніэ, кабабишъ и баггара. Кромѣ этихъ настоящихъ и несомнѣнныхъ беджа онъ относитъ къ нимъ извѣстное число племенъ, которыхъ называютъ „чистокровными арабами", „арабами Хеджаса", „кореишитами" и другими настолько же неопредѣленными сбивчивыми и произвольными именами.

Абабдэ (единствен. аббади), число которыхъ доходитъ приблизительно до 40,000 душъ, живутъ въ Верхнемъ Египтѣ и Нубіи отъ Коссеира до 20° с. ш., также сѣвернѣе до Омбоса. Въ физическомъ отношеніи они представляютъ нѣчто среднее между берабра и бишаринъ и сходны съ послѣдними по своей одеждѣ, нравамъ и обычаямъ, но считаютъ себя вообще выше бишаринъ и по возможности держатся вдали отъ нихъ. Абабдэ пользуются репутаціей добродушныхъ, вѣрныхъ и надежныхъ людей. Многіе уже обратились къ земледѣлію; другіе ведутъ кочевую жизнь съ своими стадами въ отдаленныхъ частяхъ пустыни (E. B. Klunzinger, Bilder aus Oberägypten, der Wüste und dem Roten Meere. Stuttgart 1877 s. 245 — 262). Численность бишаринъ доходитъ до 200,000 душъ; они преимущественно сосредоточены въ горахъ Сотирба; ихъ главная отрасль эльба или ольба; это хищный и довольно безнравственный пастушескій народъ, который отчасти занимается земледѣліемъ. Бишаринъ крѣпкаго тѣлосложенія; они крайне негостепріимны, коварны, робки и недовѣрчивы; но тѣмъ не менѣе при ихъ посредствѣ совершается транспортъ товаровъ черезъ пустыню (Globus, Bd. XXXIX, s. 285, 301). Изъ племенъ така наиболѣе значительные: галенга, гадендоа, хомранъ и бени амеръ. Гадендоа самые храбрые изъ всѣхъ, и при этомъ величайшіе воры; они живутъ между Суакинъ и Кассала; ихъ языкъ представляетъ безусловное сродство съ „to-bedschauijjeh", какъ показываютъ слѣдующіе примѣры, заимствованные изъ обоихъ нарѣчій:

Языкъ to-bedschauijjeh по Мунцингеру		Языкъ гадендоа
o' bĕrâm	вѣтеръ	o' bah-ramm
to' ne	огонь	to' nah
to' êin	солнце	to' î (do' î)
o' tekk	человѣкъ	o' tekk
o' hada	левъ	n' harda
to' kelei	птица	oh' kla
o' kam	верблюдъ	oh' ká
lehéit	завтра	heht-fagger

Бени амеръ, послѣ трусливыхъ, но болѣе честныхъ шукуріэ, наиболѣе значительное племя въ Суданѣ, такъ какъ ихъ численность доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ душъ. Кромѣ ихъ близкихъ родичей у Барки, каковы гелькота и менна близъ Коръ эль Гаша къ нимъ нужно еще причислить нѣкоторыя племена у Кассала и въ Альгеденѣ. Бени амеръ представляютъ собой дикій, воинственный и хищническій народъ, внушающій страхъ своимъ сосѣдямъ, хотя въ этомъ отношеніи еще больше прославились въ новѣйшее время ихъ родичи баріа, живущіе на сѣверъ отъ Гаша, по направленію къ Сенхиту. Исламъ пока мало распространенъ между ними; ихъ часто похищаютъ и продаютъ въ рабство. По нѣкоторымъ извѣстіямъ они не могутъ жениться, пока не убили хотя бы одного врага. Бени амеръ состоятъ изъ дворянъ, подданныхъ, фамилій шейховъ и рабовъ. Дворяне дѣлятся на два племени, которыя никогда не упускаютъ изъ вида существующаго между ними различія, а именно белонъ и небтабъ. Послѣднее образуетъ дворянство; къ нему принадлежитъ по своему происхожденію „деглель“ или племенной властелинъ, которому подчиненъ весь народъ. Дворяне составляютъ особый передвижной лагерь, но иногда живутъ совмѣстно съ такъ называемыми „подданными“, которые распадаются на множество отдѣльныхъ племенъ и составляютъ двѣ группы гасса и бедани. Первое названіе обозначаетъ племя, говорящее на языкѣ „тигре“, второе всякаго подданнаго, который говоритъ на языкѣ „беджа“. Хотя бени амеръ принадлежатъ къ кочевникамъ, но они имѣютъ осѣдлыя поселенія или деревни, состоящія изъ палатокъ и соломенныхъ хижинъ. Они занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, но особенно дорожатъ своими стадами верблюдовъ. Ослы, мулы и лошади также встрѣчаются у нихъ довольно часто. (Werner Munzinger, Ostafrikanische Studien, s. 278—289). По своей наружности и нравамъ бени амеръ и ихъ сосѣди габабъ больше походятъ на своихъ сѣверныхъ сосѣдей беджа, нежели на живущихъ къ югу отъ нихъ абиссинцевъ. Бени амеръ съ давнихъ поръ исповѣдуютъ исламъ, между тѣмъ какъ значительная часть габабовъ, равно и ихъ сосѣди менза, такуэ и богосъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ причисляли себя къ абиссинскимъ христіанамъ.

Горы на сѣверъ отъ Каигата заняты совершенно чуждыми племенами, которыя держатъ стада козъ и живутъ осѣдло въ хижинахъ или пещерахъ. Они подчинены бени амеръ. Наиболѣе значительные изъ ихъ племенъ: бетъ мале, бетъ ауедъ, бетъ башо и гамазы. Всѣ они ведутъ замкнутую жизнь и вслѣдствіе этого довольно дики; молоко составляетъ ихъ единственную пищу. У нихъ есть старшины, которые доставляютъ ихъ дань „деглелю“, но вообще они совершенно независимы и по нѣкоторыхъ извѣстіямъ сильно безпокоятъ своихъ сосѣдей постоянными разбоями. Они говорятъ отчасти на языкѣ касса (тигре), частью на „to bedschauijjeh“ (беджа).

Къ югу и востоку отъ вышеупомянутой границы живутъ бетъ асгеде, т. е. „знатные“, съ массой кліентовъ изъ различныхъ племенъ. Они дѣлятся на ацъ гибтесъ, теклесъ и темаріамъ (адомаріамъ). Ацъ гибтесъ, наиболѣе могущественные изъ этихъ племенъ, занимаютъ всю землю между Каигатомъ и Киссетомъ и вверхъ до Рора. Ихъ страна называется Габабъ; это-же названіе примѣняется къ народу. Бетъ-асгеде принадлежатъ провинціи Массауа, но въ юридическомъ отношеніи они довольно независимы; ихъ вождь называется „кинтебаи“, но власть его не простирается на темаріамъ и теклесъ. Впрочемъ подчиненіе египетскому правительству оказало и на нихъ свое нивеллирующее вліяніе и способствовало постепенному распространенію демократическихъ идей въ странѣ, такъ что знать потеряла прежнее значеніе для своихъ кліентовъ. Бетъ-асгеде исключительно пастушескій народъ, и только теклесъ у Анзеба воздѣлываютъ незначительное количество дурра. Поэтому ихъ продукты состоятъ изъ кожъ, масла и шерсти, которую они обрабатываютъ первобыт-

нымъ способомъ. У нихъ сохранились преданія объ ихъ древней культурѣ. Первые асгеде пришли изъ Ацъ-Нефасъ (въ Гамазенѣ); они близкіе родичи дсана-дегле и долгое время занимались земледѣліемъ въ Рора, но затѣмъ постепенно завели верблюдовъ и плугъ былъ забытъ. Они сдѣлались могаметанами около 70 лѣтъ тому назадъ, но сохранили почти всѣ свои старые обычаи. Асгеде преимущественно имѣютъ торговыя сношенія съ Массауа; въ числѣ другихъ продуктовъ вывозится также масло (Petermanns Geograph. Mitth. 1872, стр. 204).

Къ югу отъ габабъ, между ними и гамазами и на востокъ отъ мареа, живутъ въ горахъ менза, численность которыхъ доходитъ до 10,000 головъ. Это полукочевой народъ; они издавна были заклятыми врагами живущаго на сѣверъ отъ нихъ габабскаго племени темаріамъ; но прежнія войны ведутся теперь болѣе безопаснымъ способомъ. Какъ только произошла распря и противники вступаютъ въ борьбу, то оружіе, какъ напр. копье и мечи, откладываются въ сторону, и бой происходитъ съ помощью короткихъ толстыхъ палокъ, которыя не приносятъ никакого вреда желѣзному черепу африканца. Менза въ настоящее время находятся подъ властью Египта и должны платить ежегодную подать въ Масауа. Въ физическомъ отношеніи они отличаются красивымъ тѣлосложеніемъ; мужчины большого роста, стройные и сильные, съ пріятными чертами лица, напоминающими европейскій типъ. Цвѣтъ кожи темнокоричневый, волосы жесткіе и прямые, борода въ большинствѣ случаевъ рѣдкая. У многихъ волосы заплетены въ тонкія косички, которыя падаютъ по плечамъ и намазаны масломъ, что составляетъ весьма распространенную прическу у африканскихъ народовъ. Иные совсѣмъ выбриваютъ себѣ головы и оставляютъ только пучокъ волосъ; другія, смотря по желанію, носятъ болѣе или менѣе длинные волосы. Женщины уступаютъ въ красотѣ мужчинамъ; въ молодости онѣ имѣютъ полныя округленныя формы, но скоро старѣются вслѣдствіе ранняго замужества и тяжелой работы, такъ что ихъ фигура обращается въ настоящій скелетъ, прежде нежели онѣ достигнутъ тридцатилѣтняго возраста. Одежда у обоихъ половъ состоитъ изъ большого платка, распространеннаго также во всей Абиссиніи; мужчины носятъ иногда короткіе абиссинскіе штаны; но это составляетъ особенную роскошь.

Менза кочуютъ по всей странѣ болѣе или менѣе многочисленными шайками съ своими стадами буйволовъ, овецъ и козъ, такъ что вездѣ можно встрѣтить ихъ циновочныя палатки, похожія на пчелиные ульи. Отъ іюня до сентября, во время дождей въ Абиссиніи, они живутъ въ горахъ, затѣмъ въ ноябрѣ, когда начинаются дожди въ Самхарѣ, они переходятъ въ низменныя равнины и остаются здѣсь до апрѣля. Поля засѣваются здѣсь дважды въ годъ, но земледѣліе производится въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ это возможно при постоянномъ плодородіи почвы, такъ что зерновой хлѣбъ добывается въ такомъ незначительномъ количествѣ, что нерѣдко его привозятъ изъ Тигре. Менза разводятъ ячмень и дурра, хотя весьма плохого качества, и кромѣ того воздѣлываютъ хорошій табакъ, который курятъ изъ трубокъ, устроенныхъ своеобразнымъ способомъ, такъ что дымъ проходитъ черезъ воду. Ни одно собраніе не обходится безъ куренія; если вы посѣтите пастуховъ на пастбищѣ или земледѣльца на полѣ, то послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій достаютъ трубку, спрятанную гдѣ нибудь въ кустарникѣ, и она съ индійской торжественностью переходитъ изъ рукъ въ руки, или вѣрнѣе, изо рта въ ротъ. Кромѣ земледѣлія менза занимаются скотоводствомъ; изготовляемое ими масло продается въ Массауа въ кожаныхъ мѣшкахъ, между тѣмъ какъ пахтанье составляетъ ихъ главную пищу. Помимо номадныхъ деревень, переносимыхъ съ мѣста на мѣсто, въ землѣ менза есть два осѣдлыхъ поселенія, состоящія изъ жалкихъ хижинъ. Послѣднія построены изъ кольевъ и такъ плохо покрыты соломой, что дождь безпрепятственно проникаетъ въ нихъ, а

по ночамъ гіены входятъ въ хижины и похищаютъ все съѣдомое, особенно мѣшки, наполненные масломъ, а подчасъ уносятъ съ собой и дѣтей. Несравненно тщательнѣе, нежели эти жилища живыхъ людей, устроены гробницы для мертвыхъ. Могилы у Гелеба обнесены каменными стѣнами, зубцы которыхъ красиво выложены кусками бѣлаго кварца; иногда вмѣсто этого сооружены низкія бѣлыя пирамиды, которыя на высокихъ мѣстахъ необыкновенно эффектно выдѣляются среди окружающей зеленой пустыни.

Менза придерживаются коптской религіи; они также какъ и аббиссинцы считаютъ себя христіанами, если можно назвать христіанствомъ смѣсь суеверныхъ обычаевъ и безсознательно соблюдаемыхъ церемоній. Далеко не всѣ менза носятъ на шеѣ голубой шнурокъ, который служитъ отличительнымъ признакомъ абиссинскихъ христіанъ. Но въ битвахъ они большей частью примѣняютъ обычную абиссинскую формулу: „Во имя Бога и святой Троицы", хотя, разумѣется, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о смыслѣ и значеніи произносимыхъ ими словъ. Эти слабые слѣды христіанства, нѣкогда далеко распространеннаго на сѣверѣ, исчезаютъ все болѣе и болѣе; теперь уже половина менза перешла въ исламъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что и остальные послѣдуютъ ихъ примѣру. Процессъ, наблюдаемый во всей Абиссиніи, совершается и здѣсь: вездѣ распространяется ученіе Магомета и при этомъ съ такой быстротой, что въ недалекомъ будущемъ магометане составятъ большинство абиссинскаго населенія, если какое нибудь непредвидѣнное событіе не положитъ предѣлы усиленію ислама. Само собою разумѣется, что хорошія и дурныя свойства характера менза не измѣнятся съ перемѣной религіи. Менза не лучше и не хуже другихъ кочевниковъ, говорящихъ ня языкѣ тигре, которые распространены на побережьѣ, къ сѣверу отъ Массауа; ихъ лучшее качество гостепріимство, и оно процвѣтаетъ здѣсь повсемѣстно, потому что земля Менза лежитъ въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ дорогъ. Хотя они не лишены ума и природныхъ дарованій, но при этомъ отличаются безграничной алчностью, хитростью и коварствомъ, а также лѣнью и крайней безпечностью (Ausland 1876, стр. 888—889).

Племя абу рофъ или арабы руфа безусловно самые многочисленные въ Гезирэ Сеннарѣ. Подобно всѣмъ кочевникамъ, они мѣняютъ мѣста своихъ стоянокъ, сообразно времени года, съ наступленіемъ дождей они переходятъ на сѣверъ Гезирэ, а съ уменьшеніемъ дождей все болѣе и болѣе подвигаются къ югу, гдѣ они отчасти имѣютъ осѣдлыя поселенія. Въ Гакра ежегодно бываетъ большая ярмарка, куда они приносятъ на продажу продукты своего скотоводства, — масло, жиръ, а также цыновки; здѣсь же обсуждаются общія дѣла племени и происходитъ распредѣленіе дани („tulbah"). Затѣмъ они перекочевываютъ черезъ степи въ южный Гезирэ Сеннаръ, и отсюда предпринимаютъ грабительскіе набѣги противъ бурумъ, которые не всегда кончаются въ ихъ пользу. Бедуины беджа въ Кордофанѣ отличаются воздержаніемъ, съ гордостью носятъ оружіе и относятся съ пренебреженіемъ ко всякой ручной работѣ. Въ былыя времена война была ихъ нормальнымъ занятіемъ, но теперь они сдѣлались миролюбивѣе. Кабабишъ, которыхъ полковникъ Кольстонъ видѣлъ въ Кордофанѣ, представляютъ собой красивую породу людей; у многихъ женщинъ привлекательныя черты лица. Онѣ не носятъ покрывала; тѣло ихъ обнажено до пояса. Хотя онѣ разговаривали безъ всякаго стѣсненія съ солдатами экспедиціи и вообще пользуются свободой, но тѣмъ не менѣе вполнѣ цѣломудренны. Кабабишъ, подобно абабдэ и бишаринъ, не носятъ никакого головнаго убора; но въ то время какъ эти два племени устраиваютъ прически, которыя защищаютъ ихъ отъ солнечныхъ лучей, кабабишъ наоборотъ брѣютъ себѣ головы. Въ эль-Обеидѣ встрѣчаются въ значительномъ числѣ баггара (т. е. пастухи коровъ), которые пріѣзжаютъ

въ городъ на волахъ и вооружены копьями. Здѣсь мы опять находимъ племена нуба, о которыхъ было упомянуто въ началѣ этой главы.

„Баггара чистокровной расы, пишетъ Рудольфъ Слатинъ, стройные люди отъ 1,65 до 1,80 м. роста, съ мѣднокраснымъ цвѣтомъ кожи, пріятными чертами лица и довольно густыми волосами и бородой. Но чистокровная раса весьма немногочисленна; здѣшніе туземцы большей частью произошли отъ скрещиванія нуба и баггара; цвѣтъ ихъ кожи болѣе или менѣе темный; но чѣмъ сильнѣе примѣсь крови нуба, тѣмъ скуднѣе растительность бороды. Оба племени дѣлятся на осѣдлыхъ и номадовъ. Жители деревень отличаются гостепріимствомъ; они существуютъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Среди нихъ путешественникъ можетъ считать свою жизнь въ безопасности; но едва онъ выйдетъ изъ деревни, какъ попадаетъ въ руки кочующихъ баггара, которые не признаютъ никакихъ законовъ. Они презрительно относятся и къ египетскому правительству, хотя обязаны платить ему дань; воровство и грабежъ служатъ для нихъ средствомъ пропитанія, такъ какъ они не занимаются ни скотоводствомъ, ни земледѣліемъ. Даргеоадъ баггара (пастухи лошадей), какъ показываетъ ихъ прозвище, разводятъ лошадей, безъ которыхъ они не могли бы предпринимать своихъ грабительскихъ набѣговъ; но ихъ табуны такъ незначительны, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о продажѣ лошадей въ большихъ размѣрахъ. Лошади хорошей породы, превосходные неутомимые бѣгуны, и при этомъ довольствуются малымъ. Даршелонги пріобрѣтаютъ ихъ посредствомъ обмѣна на свои продукты. Тѣ изъ нихъ, которые не въ состояніи купить себѣ лошадей, ѣздятъ на быкахъ; между послѣдними встрѣчаются иногда хорошіе бѣгуны. Женщины баггара употребляютъ быковъ для перевозки домашней утвари. Въ разбойничьихъ набѣгахъ баггара участвуютъ большей частью джеллаба, которые получаютъ свою долю добычи. Иногда они предпринимаютъ также военные походы, которые продолжаются цѣлыя недѣли; въ это время они отсылаютъ добычу подъ надежнымъ прикрытіемъ въ свои „терикъ", гдѣ жены должны хранить ее въ безопасномъ мѣстѣ до возвращенія своихъ мужей. Нуба въ большинствѣ случаевъ не въ состояніи устоять противъ баггара, которые производятъ свои нападенія такъ быстро и неожиданно, что награбленная ими добыча достигнетъ мѣста назначенія прежде нежели нуба успѣютъ собраться и выступить противъ нихъ. Нерѣдко баггара прокрадываются ночью къ пастбищамъ и устраиваютъ облаву. На разсвѣтѣ, едва появятся пастухи, они тотчасъ же нападаютъ на нихъ, связываютъ и сажаютъ на лошадей и, окруживъ стада, гонятъ ихъ передъ собой черезъ пни и колоды, лѣса и долины, понукая оробѣвшихъ животныхъ криками и ударами копій. Само собой разумѣется, что при этомъ половина захваченной добычи попадаетъ въ руки бѣгущихъ вслѣдъ за ними нуба, которые большей частью многочисленнѣе, мужественнѣе и лучше вооружены, нежели баггара, такъ что послѣдніе только этимъ способомъ могутъ совершать свои разбойничьи набѣги. Если баггара удается иногда дѣлать успѣшные набѣги на землю нуба, то это объясняется тѣми распрями, какія существуютъ у нуба. Необыкновенная способность къ охотѣ едва ли не единственное свойство, гдѣ баггара является въ выгодномъ свѣтѣ, сравнительно съ другими народами. Рѣдко можно встрѣтить людей, которые выказывали бы такое упорство и находчивость въ отысканіи слѣдовъ звѣря и преслѣдованіи дичи, какъ баггара. Сидя на лошади и не выказывая ни малѣйшаго волненія, онъ зорко слѣдитъ за направленіемъ, какое принято звѣремъ. Сорванный стебелекъ травы, помятыя листья, затоптанная вѣтка, камень, слегка вдавленный въ землю, служатъ для него вѣрными безошибочными признаками во время преслѣдованія дичи. Баггара повидимому никогда не ходитъ одинъ на охоту, а всегда въ обществѣ отъ пяти и до двадцати человѣкъ. Если дичина отыскана, то дѣлаютъ облаву и охотники наскакиваютъ одновременно усиленнымъ галопомъ, такъ что звѣрь

окруженный со всѣхъ сторонъ, неизбѣжно падаетъ подъ ударами копій своихъ враговъ. Съ него сдираютъ шкуру, а мясо рубятъ на куски для перевозки. При этомъ разводятъ огонь и по суданскому обычаю охотники немедленно съѣдаютъ печень, сердце, почки, внутренности („kirscha"), между тѣмъ какъ мясо и шкуру они сбываютъ большей частью нуба, отъ которыхъ получаютъ въ обмѣнъ „духнъ". Благодаря своимъ превосходнымъ лошадямъ баггара также успѣшно охотятся за страусами и добытыя перья продаютъ джеллаба за полотно, старыя ружья и т. п. Кромѣ того здѣсь производится довольно выгодная для обѣихъ сторонъ торговая операція, состоящая въ продажѣ и покупкѣ рабовъ (нуба, похищенныхъ баггара'ми), которыхъ затѣмъ выставляютъ на продажу во всѣхъ большихъ городахъ судана" (Ausland 1876 s. 781 — 782).

До сихъ поръ остается нерѣшеннымъ вопросъ, можно ли согласно съ мнѣніемъ Рейниша причислить бареа и ихъ сосѣдей кунама или базенъ къ хамитскимъ эѳіопамъ. Строеніе языка бареа, по изслѣдованіямъ этого ученаго, несмотря на нѣкоторыя общія черты настолько отличается отъ беджа, сахо, агау, галла и сомали, что Фридрихъ Миллеръ пока не считаетъ возможнымъ подвести его подъ одинъ разрядъ съ этими языками. Тѣмъ не менѣе мы не рѣшаемся разсматривать эти любопытныя народности, какъ нѣчто отдѣльное отъ названныхъ здѣсь племенъ, такъ какъ теперь едва ли найдется для нихъ болѣе подходящее мѣсто. Часть сѣверной горной Абиссиніи, которая простирается отъ Барка на западъ до длиннаго хребта Леви или Неби, была обитаема съ незапамятныхъ временъ земледѣльческимъ народомъ бареа. Его ближайшими сосѣдями на сѣверѣ и востокѣ являются племена бени амеръ; на югѣ — кунама, на западѣ — альгеденъ. Происхожденіе бареа не выяснено никакими историческими преданіями, и у нихъ самихъ не сохранилось никакихъ воспоминаній о своемъ прошломъ. Они повидимому занимали прежде болѣе обширную страну и весьма вѣроятно составляли осѣдлое населеніе нынѣшняго Богосъ и Такуэ. Названіе бареа, подъ которымъ сдѣлался извѣстенъ этотъ народъ было распространено амхарами, на языкѣ которыхъ слово „barea" означаетъ „раба". До сихъ поръ неизвѣстно, существуетъ ли общее туземное названіе для обозначенія этого племени. Земля бареа дѣлится на двѣ области: Нера и Могоребъ. По вычисленіямъ Мунцингера общая цифра населенія доходитъ до 20,000 душъ. Они живутъ въ 26 болѣе или менѣе значительныхъ мѣстечкахъ.

Отношенія бареа къ сосѣднимъ народамъ обусловлены ихъ образомъ жизни. Такъ напр., они съ незапамятныхъ временъ занимаются земледѣліемъ и поэтому постоянно враждуютъ съ кочующими бенъ амеръ, противъ которыхъ они не защищены географическими условіями, а именно бареа живутъ въ долинахъ, незамѣтно переходящихъ въ плоскость Барка, т. е. въ пастбища бени амеръ. Но съ другой стороны бареа находятся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ своими западными сосѣдями, земледѣльческимъ народомъ альгеденами и южными пограничными жителями кунама, съ которыми они связаны

одинаковымъ образомъ жизни, тѣми же занятіями, религіей, нравами и обычнымъ правомъ. Въ политическомъ отношеніи бареа и кунама находятся въ зависимости отъ Абиссиніи платятъ ей ежегодную дань; во всемъ остальномъ они совершенно независимы. Но такъ какъ ихъ земля находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ египетскими владѣніями (Нубіей), то они во избѣжаніе хищническихъ набѣговъ должны и имъ платить дань, вслѣдствіе чего фактически подвластны двумъ государствамъ.

Во внутреннемъ своемъ управленіи бареа пользуются полнѣйшей свободой. Ихъ государственное устройство безусловно демократическое; каждый бареа чувствуетъ себя равнымъ и свободнымъ относительно любаго изъ своихъ соплеменниковъ; личная свобода ограничена постановленіями стариковъ, которымъ всѣ обязаны повиноваться. Безусловное почтеніе къ старости составляетъ сущность ихъ религіи и самую твердую опору общественнаго строя. Проклятіе стариковъ единственное дѣйствительное орудіе противъ нарушителей спокойствія въ общинѣ, потому что каждый убѣжденъ, что задуманное имъ предпріятіе кончится неудачей, если онъ не заручился благословеніемъ стариковъ, и что ихъ проклятіе неизбѣжно ведетъ къ гибели. Область Бареа образуется изъ общинъ, относительно которыхъ семейная власть безсильна, поэтому происхожденіе не играетъ здѣсь никакой роли. Община состоитъ изъ жителей деревни мужскаго пола, слѣдовательно изъ лицъ, а не изъ цѣлыхъ семействъ. Даже поселившійся среди нихъ чужестранецъ пользуется одинаковыми правилами съ туземцами если владѣетъ ихъ языкомъ; только гость нуждается въ покровительствѣ хозяина. Если убитъ гость, то его хозяинъ въ видѣ мести убиваетъ въ свою очередь гостя убійцы.

Только семья въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова зависитъ отъ отца; все, что внѣ этого, зависитъ отъ общины. Если произошелъ споръ, то для рѣшенія его старики собираются подъ деревомъ или подъ навѣсомъ изъ зелени, „logodat" („log": земля, мѣсто, „dat": сидѣть). Старики сидятъ, народъ стоитъ вокругъ нихъ. Вслѣдъ за подачей жалобы каждый имѣетъ право сказать свое мнѣніе; начинаетъ самый младшій, затѣмъ говоритъ слѣдующій за нимъ по старшинству, пока самый пожилой человѣкъ изъ всѣхъ присутствующихъ не скажетъ своего послѣдняго рѣшающаго слова. Его приговоръ имѣетъ силу закона. Всѣ подобные приговоры „onta" переходятъ по преданію отъ поколѣнія къ поколѣнію и составляютъ мѣстное обычное право. У бареа, какъ и у кунама доказательствами преступленія служатъ показанія свидѣтелей и клятва. Свидѣтелей приглашаютъ въ судъ для показаній; число ихъ по желанію истца или подсудимаго доходятъ до трехъ. Показаній вора, разбойника, извѣстнаго лгуна, женщины и ребенка не принимаютъ въ разсчетъ. Свидѣтель сообщаетъ факты, не подкрѣпляя ихъ клятвой. Въ случаѣ отсутствія свидѣтелей истецъ клянется самъ или заставляетъ подсудимаго произнести клятву. Послѣдняя бываетъ различнаго рода: субъектъ, приносящій клятву, бьетъ своего сына по рукѣ или по правому бедру, наступаетъ на свой мечъ или на могилу умершаго родственника или же ломаетъ вѣтку въ священной рощѣ Тербо-Водегъ. Старики облечены властью и въ политическомъ отношеніи, такъ какъ отъ нихъ зависитъ объявленіе войны и заключеніе мира. Если они хотятъ поддержать дружескія сношенія съ сосѣднимъ племенемъ, то, подъ угрозой проклятія, запрещаютъ своимъ соплеменникамъ предпринимать противъ него хищническіе набѣги. Лица, посланные отъ стариковъ, чтобы вести переговоры съ другимъ государствомъ или собирать дань, остаются по прежнему простыми слугами общины и не имѣютъ никакихъ преимуществъ передъ своими согражданами. Но во время исполненія возложеннаго на нихъ порученія

они избавлены отъ платежа налоговъ, и ихъ поля обработываются общиной. Здѣсь не существуетъ различія между знатными и незнатными людьми; ни кто не считаетъ себя лучше другихъ. Богатство и бѣдность не имѣютъ никакого значенія въ политическомъ отношеніи. Дворянство не выдѣляется изъ толпы; одна только старость пользуется извѣстными преимуществами. Вслѣдствіе всего этого генеалогія не играетъ никакой роли, потому что родословное дерево не имѣетъ значенія тамъ, гдѣ семья лишена власти и родство не принимается въ разсчетъ.

По своей религіи бареа и кунама язычники. Но уже многія общины приняли исламъ, и бареа, какъ ближайшіе сосѣди магометанъ, вѣроятно въ непродолжительномъ времени поголовно обратятся къ полумѣсяцу. Впрочемъ ихъ обращеніе заключается въ признаніи единаго Бога и ниспосланнаго имъ пророка, но они вообще мало придаютъ значенія предписаніямъ и запрещеніямъ Корана. Сущность первобытной народной религіи заключается въ глубокомъ уваженіи къ старости. Юноши никогда не вмѣшиваются въ разговоръ старшихъ и даже пожилые люди молча слушаютъ рѣчь стариковъ. Отецъ и мать пользуются величайшимъ почтеніемъ; къ матери дѣти выказываютъ особенную любовь и нѣжно заботятся о ней во время ея старости. Бареа и кунама не признаютъ вмѣшательства высшихъ силъ въ судьбу человѣка, но они вѣрятъ въ существованіе высшаго божества, которое бареа называютъ „Ebberé“, а кунама — „Anna“, хотя ни тѣ, ни другіе не воздаютъ ему никакихъ почестей, не имѣютъ храмовъ и богослуженія и не признаютъ молитвы и откровенія. Мунцингеръ пишетъ, что „нѣкоторые повидимому вѣрятъ въ загробную жизнь, которая по ихъ понятіямъ продолжается подъ землей, между тѣмъ какъ другіе убѣждены, что все кончается для человѣка съ его смертью“. Ежегодно послѣ жатвы оба народа справляютъ въ ноябрѣ особый праздникъ, который бареа называютъ „ñyot“. Это праздникъ радости, по поводу собранныхъ плодовъ, общаго примиренія и воспоминанія объ умершихъ, день мира, гдѣ прекращается всякая вражда. Въ каждомъ домѣ къ этому времени приготовляется большое количество пива „alfa“, и для каждаго умершаго родственника ставятъ на два дня по небольшому сосуду, наполненному пивомъ, которое затѣмъ выпиваютъ участники праздника. Въ этотъ день все населеніе области собирается въ назначенномъ мѣстѣ, гдѣ время проходитъ незамѣтно среди игръ и танцевъ.

Подобно всѣмъ туземцамъ Африки, оба народа вѣрятъ въ могущество талисмановъ и приписываютъ особенную таинственную силу кореньямъ, носимымъ на тѣлѣ, такъ какъ послѣдніе должны предохранять ихъ отъ болѣзни, отравы и непріятельскаго оружія. Они всего больше боятся „дурного глаза“ и стараются оградить себя отъ него талисманами, изъ которыхъ наиболѣе дѣйствительными считаются зубы гіенъ и когти хищныхъ птицъ. Также цѣнится всякая исписанная бумага; но чтò собственно написано въ ней — не имѣетъ для нихъ большаго значенія.

Вѣра въ превращеніе людей въ животныхъ распространилась у магометанскихъ народовъ восточной Африки въ сравнительно недавнее время и возникла на почвѣ ислама, равно какъ и въ Европѣ извѣстные національные боги, культъ которыхъ трудно было искоренить въ народѣ, превратились въ христіанскихъ святыхъ. Поэтому тѣ племена восточной Африки, которые еще не отказались отъ язычества, не имѣютъ никакого понятія о людяхъ, превращенныхъ въ звѣрей, и до сихъ поръ оказываютъ божескія почести нѣкоторымъ животнымъ какъ напр. павіану, змѣѣ, совамъ и пр. Кунама въ этомъ отношеніи особенно заслуживаютъ вниманія, такъ какъ ихъ культъ животныхъ едва отличается отъ подобнаго же культа у древнихъ египтянъ. Подобно тому, какъ въ древнемъ Египтѣ каждая область имѣла свое особое божество, которому поклонялись въ видѣ опредѣленнаго священнаго животнаго, такъ въ землѣ кунама до

настоящаго времени каждая область почитаетъ извѣстное животное, признавая въ немъ своего областнаго бога. Поэтому путешественникъ долженъ постоянно остерегаться, чтобы не поранить или не убить звѣря, которому въ данной мѣстности воздаются божескія почести. Тѣ кунама, которые уже приняли магометанство, хотя и отказались отъ культа животныхъ, все-таки чувствуютъ передъ ними священный трепетъ. Такую-же боязнь чувствуютъ они къ такъ называемымъ „отмѣченнымъ“ людямъ: рыжимъ, косымъ и тѣмъ, у которыхъ блуждающій или слишкомъ пронзительный взглядъ; они сторонятся отъ нихъ и избѣгаютъ ихъ присутствія. До сихъ поръ у бареа и кунама не открыто ни малѣйшаго слѣда вѣры въ духовъ и колдовство. Высшее духовное лицо „alfai“ (поарабски alif, калифъ, глава племени) пользуется особеннымъ уваженіемъ. „Alfai“ у бареа живетъ одинъ на горѣ близъ Тембáде (мирный „старикъ горы“) съ своей семьей. Народъ доставляетъ ему подать, одежду и плоды и обработываетъ принадлежащее ему обширное поле. Онъ представляетъ собой родъ короля, званіе котораго переходитъ по наслѣдству къ его брату или сыну сестры. Его обязанность заключается въ томъ, что онъ долженъ вызывать дождь или отгонять саранчу. Если онъ не оправдываетъ возложенныхъ на него надеждъ, то его побиваютъ каменьями; при этомъ ближайшій родственникъ долженъ бросить въ него первый камень.

У всѣхъ вышеупомянутыхъ суданскихъ народовъ исламъ дѣлаетъ положительные успѣхи. По сдѣланнымъ наблюденіямъ, онъ настолько соотвѣтствуетъ складу ихъ ума, что это должно служить не малымъ препятствіемъ къ введенію христіанства въ Суданѣ. Здѣшній туземецъ не хочетъ затруднять себя размышленіями: ученіе о нравственности, долгѣ и другія постановленія христіанской религіи слишкомъ тягостныя принудительныя правила для свободнаго сына пустыни. Онъ скорѣе готовъ съ каждымъ восходомъ и закатомъ солнца обратить свое лицо къ востоку и пробормотать молитву съ нѣкоторыми формальностями, называть Магомета пророкомъ и т. п., лишь бы дѣлать то, что ему вздумается. При этомъ къ жителямъ Судана привилась не духовная, а только внѣшняя сторона ислама. Постоялые дома и гостинницы совершенно лишни, благодаря прославленному восточному гостепріимству; но у многихъ оно соблюдается не въ видѣ религіозной обязанности, а въ силу издавна усвоенной привычки. Покойное и, по внѣшности, болѣе доступное ученіе Магомета вполнѣ подходитъ къ общему нравственному уровню обитателей Судана, и даже безъ участія миссіонеровъ распространяется все болѣе и болѣе, благодаря фанатикамъ, ежегодно прибывающимъ изъ Мекки.

Въ вышеприведенномъ обзорѣ мы представили краткое описаніе не только главныхъ отраслей расы нуба, тѣсно связанной съ фуллахами, но и важнѣйшихъ членовъ эѳіопской народной семьи. Въ центрѣ образуемаго ими круга, въ Абиссинской горной странѣ, этой африканской Швейцаріи, живутъ разбросанные группы людей совершенно инаго происхожденія, а именно семиты, которые не имѣютъ ничего общаго съ неграми, нуба или хамитами и отличаются отъ окружающихъ народовъ несравненно высшимъ уровнемъ образованія. Это такъ называемые абиссинцы; вѣрнѣе сказать они образуютъ самую

важную составную часть народной амальгамы, въ которой эѳіопы играютъ не послѣднюю роль. Нынѣшніе абиссинцы не представляютъ собой единаго народа и повидимому принадлежатъ къ тремъ главнымъ племенамъ, такъ что трудно подвести ихъ подъ общую характеристику; но въ физическомъ отношеніи они подходятъ подъ одинъ типъ. Изъ этихъ трехъ главныхъ племенъ наиболѣе древними нужно признать жителей земли Тигре, на сѣверъ отъ Абиссинскаго горнаго хребта, которые, по Фридриху Миллеру, составляли древнюю колонію химъяритовъ въ Южной Аравіи и за нѣсколько столѣтій до начала нашего лѣтосчисленія перешли проливъ Бабъ-эль-Мандебъ. Ихъ старый, такъ называемый эѳіопскій языкъ или геецъ представляетъ тѣсное сродство съ химъяритскимъ языкомъ найденныхъ надписей. Въ настоящее время геецъ вышелъ изъ повседневнаго употребленія и считается исключительно церковнымъ языкомъ. Но онъ до сихъ продолжаетъ существовать въ двухъ образовавшихся изъ него нарѣчіяхъ: тигре, на которомъ говорятъ въ Сѣверной Абиссиніи, и тигрина. Сѣверные абиссинцы отличаются длиннымъ, замѣчательно узкимъ черепомъ (указатель ширины 69, указатель высоты 76), длиннымъ изогнутымъ носомъ и не особенно толстыми губами. При этомъ у нихъ живые и немного продолговатые глаза, какъ у арабовъ, выступающія скулы, тонкая шея, рунообразные волосы и пропорціональное тѣлосложеніе. Они храбры и славятся своей ловкостью. Ко второму культурному періоду можно отнести жителей Ласты, т. е. восточной горной страны въ Средней Абиссиніи. Ихъ можно отличить съ перваго взгляда по незначительнымъ размѣрамъ черепа, греческому лбу, пріятнымъ чертамъ лица и изящному тѣлосложенію съ миніатюрными оконечностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ сравнительно очень свѣтлый цвѣтъ кожи, не лишены умственныхъ способностей и отличаются живымъ, и даже вспыльчивымъ характеромъ; но имъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ довѣрять. Хотя жители Ласты занимаютъ весьма высокую горную страну, они считаются лучшими всадниками и воинами Абиссиніи. Третье главное племя составляютъ жители Амхара, Шоа и Гурагуе, которые большей частью имѣютъ типъ смѣшанной расы. У нихъ широкіе черепа, большіе красивые глаза, привѣтливый взглядъ, выступающія скуловыя кости, курчавые волосы, пропорціональное тѣлосложеніе и вообще темная, оливкокоричневая кожа. По своему характеру они гостепріимны, веселы, услужливы и привѣтливы въ обращеніи, но при этомъ тщеславны и хвастливы; мужчины вообще крайне лѣнивы, между тѣмъ какъ женщины замѣчательно дѣятельны. Они говорятъ на языкѣ амхарна, который распространенъ во всей области между Такацце и Абай, равно и въ Шоа. Этотъ языкъ не произошелъ прямо изъ гееца, но составляетъ его побочную, пока еще мало извѣстную вѣтвь и вѣроятно образовался изъ примѣси чуждаго элемента и, быть можетъ, даже изъ

языка гуараца, на которомъ говорятъ агау и фалаша. Между тѣмъ амгарна (весьма далекій отъ тигре) мало по малу значительно распространился въ Южной и Средней Абиссиніи и сдѣлался придворнымъ языкомъ. Онъ употребляется также для письма; его письменные знаки представляютъ близкое сродство съ гимъярит кими письменами.

Кромѣ настоящихъ абиссинцевъ въ Абиссиніи живетъ много другихъ племенъ, какъ напр. aганъ, преимущественно въ Ласта и Агвамедеръ, на ряду съ фелама, которые распространены въ сѣверной горной странѣ. Затѣмъ слѣдуютъ чернокожіе галласы (имя ихъ встрѣчается въ греческихъ надписяхъ временъ Птоломея) въ южныхъ безводныхъ плоскогорьяхъ, отчасти въ Каффа, Іэдшоу и Годжамѣ, совмѣстно съ ихъ племенными родичами данакиль и адаль, живущими въ сухихъ равнинахъ вдоль Краснаго моря и Индійскаго океана до абиссинскаго нагорья. Наконецъ, въ самыхъ южныхъ горныхъ мѣстностяхъ и къ сѣверу въ видѣ отдѣльныхъ племенъ до Абаи и Годжама, встрѣчаются гонга и по сосѣдству съ ними тангала, обитатели лѣсистыхъ и болотистыхъ равнинъ. На ряду съ данакиль и адаль въ восточныхъ безводныхъ равнинахъ и предгорьяхъ живутъ магометанскіе народы, большею частью только номинально подвластные Портѣ, а именно тероа и азаорта, которые отчасти говорятъ на нарѣчіи геецъ, и частью на діалектѣ галла. Въ гористыхъ мѣстностяхъ сѣверной границы распространена часть племени бени амеръ.

Французскій путешественникъ Ашилль Раффрэ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ общее впечатлѣніе, производимое страной и ея обитателями па чужеземца. „Путешественникъ встрѣчаетъ вездѣ безусловную цивилизацію, которая въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій оставалась въ одномъ и томъ-же положеніи. Взгляните на группы дѣвушекъ, которыя горделиво идутъ къ колодцу съ кувшинами на головахъ, на стариковъ въ плащахъ, на князей окруженныхъ слугами и воинами или на отрядъ всадниковъ, ѣдущихъ на богато осѣдланныхъ мулахъ, съ длинными метательными копьями, кривыми саблями и щитами обложенными серебромъ, въ красныхъ и бѣлыхъ одеждахъ развѣвающихся по вѣтру,— и передъ вами воскреснетъ ветхозавѣтная Ревекка, мудрецы Греціи, войско Александра Македонскаго. Что за прелестный ладшафтъ служитъ рамкой для этой картины, и какое дивное освѣщеніе! Вы видите наши Альпы озаренныя лучами тропическаго солнца! Передъ вами всѣ цвѣта кожи отъ свѣтложелтаго до цвѣта чернаго дерева; не достаетъ только европейскаго колорита лица; преобладающій оттѣнокъ каштанокоричневый. Черты лица у здѣшнихъ туземцовъ также весьма разнообразны, но большей частью приближаются къ европейскому типу и часто не уступаютъ ему въ красотѣ, особенно у представительницъ женскаго пола“. Женщины почти всѣ безъ исключенія отличаются классическимъ тѣлосложеніемъ, тонкими правильными чертами лица и греческимъ типомъ носа. Все ихъ существо также нѣжно и кротко, какъ ихъ душа. Въ женскомъ обществѣ онѣ высказываютъ безпредѣльную веселость, но въ

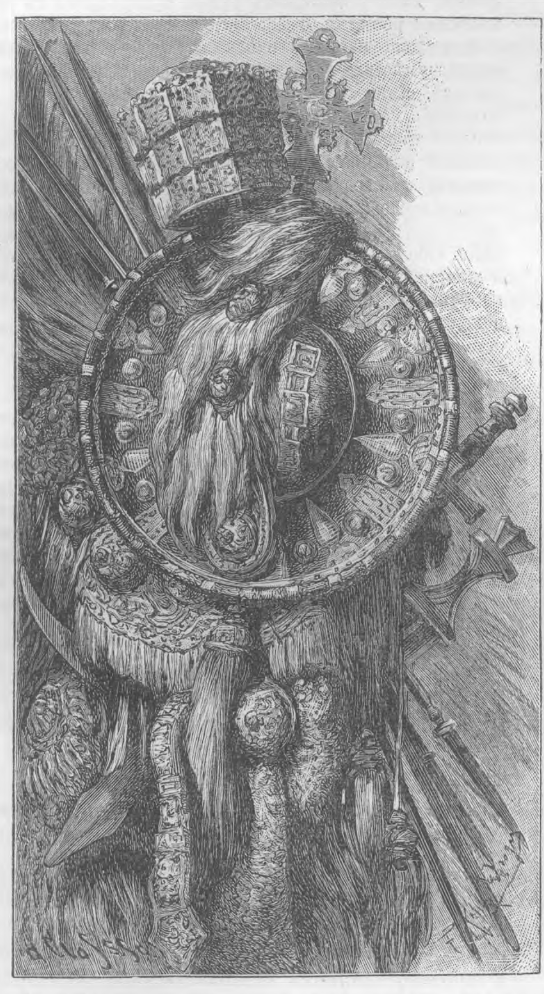
обращеніи съ мужчинами въ высшей степени приличны и исполнены чувства собственнаго достоинства.

Форма правленія въ своихъ основныхъ чертахъ неограниченно монархическая. Король „negus" высшій ленный властелинъ Абиссиніи и предводитель войска. За нимъ слѣдуютъ „raz" намѣстники, которые въ былыя времена были вполнѣ самостоятельными вассалами и фактически пользовались несравненно большимъ могуществомъ, нежели самъ король, но теперь утратили прежнее значеніе. Они обязаны доставлять королю войско и платить дань, но почти независимы въ управленіи ввѣренныхъ имъ провинцій. Нынѣшній король старается мирнымъ способомъ уничтожить присвоенную ими власть, держитъ ихъ при своемъ дворѣ подъ видомъ отличія и раздачи почетныхъ должностей, и по возможности увеличиваетъ ихъ число. Вмѣсто нихъ управляютъ провинціями „meslani" или товарищи намѣстниковъ; имъ подчинены въ свою очередь „balambara", „azadsch" и „chum" т. е. начальники меньшихъ округовъ. На войнѣ „raz" (намѣстники) занимаютъ первое мѣсто послѣ короля въ качествѣ второстепенныхъ военачальниковъ; подъ ихъ командой находятся полковники и капитаны, которые носятъ различныя названія.

Государственные доходы состоятъ преимущественно: 1) изъ таможеннаго сбора, который большей частью сдается въ аренду; 2) изъ пошлинъ назначенныхъ при продажѣ муловъ, лошадей и пр.; 3) изъ доставки провіанта для войска (большей частью размѣщеннаго по городамъ и деревнямъ), въ видѣ зерноваго хлѣба, скота, соли, бумажныхъ тканей и пр. и наконецъ 4) изъ налоговъ съ земли и естественныхъ продуктовъ. Въ Абиссиніи нѣтъ постояннаго войска, за исключеніемъ тѣлохранителей короля. Если послѣдній намѣренъ препринять походъ, то онъ призываетъ подвластныхъ ему вассаловъ, которые собираютъ длл него войско, состоящее изъ ихъ подданныхъ и охотниковъ.

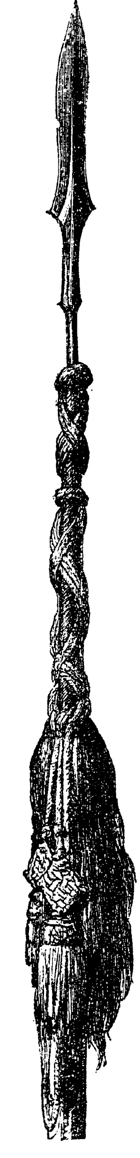
Хотя здѣсь, во всякомъ случаѣ, много людей, которые посвятили себя военному ремеслу, но въ мирное время они не соединены въ отдѣльный корпусъ и не принадлежатъ къ свитѣ какого нибудь значительнаго вождя, который-бы самъ заботился объ ихъ содержаніи или заставилъ ихъ самихъ заботиться о себѣ и пользоваться доходомъ съ отведенной имъ земли. Эти солдаты по призванію образуютъ главную составную часть абиссинской арміи, которая въ военное время пополняется рекрутами и крестьянами. Послѣдніе въ большинствѣ случаевъ добровольно слѣдуютъ за своимъ господиномъ, а иногда ихъ прямо принуждаютъ къ этому; но едва кончится война они снова возвращаются къ плугу. Если предводитель войска или поводъ къ войнѣ популярны въ той мѣстности, черезъ которую проходитъ армія, то къ ней присоединяются всѣ мужчины, способные носить оружіе. Ихъ жалованье и содержаніе не особенно заботятъ предводителя; для этого существуютъ реквизиціи и грабежъ; война должна сама покрыть военныя издержки, и если она долго продолжается въ какой нибудь мѣстности, то влечетъ за собой полное разореніе жителей. Армія состоитъ изъ конницы и пѣхоты; послѣднюю составляютъ стрѣлки и копьеносцы. Всѣ воины безъ исключенія вооружены прямыми или кривыми

саблями съ однимъ или двумя лезвіями; всадники и копьеносцы имѣютъ кромѣ того большой круглый щитъ изъ буйволовой или гиппопотамовой кожи, болѣе или менѣе искусно украшенный, и одинъ или нѣсколько дротиковъ. Абиссинцы



Абиссинскія королевскія регаліи (Тіара, „абуна". Оружіе и убранство абиссинскаго короля Θеодора). Тройная корона „абуна", которая впослѣдствіи перешла во владѣніе короля Θеодора; щитъ обтянутый чорнымъ бархатомъ и окованный золотыми пластинками; одежда съ серебряными выпуклыми украшеніями.

весьма искусно владѣютъ этимъ оружіемъ и мѣтко попадаютъ въ цѣль на разстояніи тридцати метровъ. Всадники нерѣдко бросаютъ свои дротики въ то


Копье абиссинскаго всадника.

время, когда ихъ лошади несутся усиленнымъ галопомъ. Оружіе стрѣлковъ весьма незавидное и большей частью состоитъ изъ кремневыхъ ружей, изготовляемыхъ на востокѣ; ложе той-же формы, какъ у арабскихъ ружей и скрѣплено съ стволомъ кожанными ремнями. Здѣсь встрѣчаются также старыя португальскія ружья, нерѣдко окованныя серебромъ, которыя были-бы скорѣе умѣстны въ музеѣ древняго оружія, нежели въ рукахъ солдата. Каждый воинъ носитъ на себѣ боевые запасы въ большомъ кожанномъ патронташѣ; пороховницами служатъ маленькіе тростниковые футляры. Сѣдла похожи на арабскія, со спинкой и чапракомъ, почти доходящимъ до земли. Красные чапраки съ зеленой обшивкой составляютъ принадлежность предводителей; у королей и принцевъ они сдѣланы изъ леопардовой шкуры. Лошади и мулы увѣшаны погремушками и пряжками. Обозъ арміи состоитъ изъ множества оруженосцевъ, слугъ и женщинъ. Всадники для сбереженія своихъ боевыхъ коней поручаютъ слугамъ вести ихъ подъ устцы, а сами во время похода ѣдутъ на мулахъ. Щитъ привѣшанъ къ лукѣ сѣдла; остальное оружіе несутъ слуги. Здѣсь нѣтъ интендантовъ, которые бы заботились о продовольствіи войска; каждый долженъ думать о себѣ и беретъ въ походъ своихъ слугъ. Женщины несутъ кухонную утварь, снабжаютъ войско топливомъ и водой, изготовляютъ муку, а во время битвы ободряютъ сражающихся, ухаживаютъ за ранеными и заботятся о томъ, чтобы они не испытывали никакихъ лишеній. Многія жены сопровождаютъ въ походѣ своихъ мужей, и смотря по состоянію идутъ пѣшкомъ или ѣдутъ на мулахъ, нерѣдко съ ребенкомъ на спинѣ или позади сѣдла. Въ лагерѣ каждый устраивается какъ можетъ. Вокругъ палатки предводителя разбросаны хижины изъ вѣтвей, въ которыхъ помѣщаются солдаты съ своими семьями.

Христіанство было перенесено изъ Александріи въ Абиссинію не позже четвертаго столѣтія и до сихъ поръ народъ придерживается христіанской религіи, а именно коптскаго вѣроисповѣданія, т. е. секты монофизитовъ. Церковный глава облеченъ въ санъ патріарха и носитъ титулъ „абуна“, т. е. нашъ отецъ. „Абуна“ получаетъ посвященіе въ Александріи и занимаетъ фактически мѣсто архіепископа; ему подчинены епископы и низшее духовенство; его могущество ограничено только королевской властью. Страна переполнена духовными лицами, монахами, монахинями и людьми изучившими св. Писаніе; но всѣ они не особенно славятся святостью своей жизни, и скорѣе отличаются безнравственностью и лѣнью. Тунеядство составляетъ какъ бы призваніе монаховъ; они пользуются доходами съ богатыхъ церковныхъ имуществъ, торгуютъ отпущеніемъ грѣховъ, собираютъ милостыню и прибѣгаютъ ко всякаго рода обманамъ. Религія состоитъ изъ соблюденія пустыхъ церемоній, не имѣющихъ никакого внутренняго смысла. Умственное развитіе народа

стоитъ на весьма низкой степени, несмотря на множество ученыхъ, а именно богословскихъ сочиненій. У абиссинцевъ есть даже своя исторія; но она разумѣется написана въ стилѣ хроникъ и въ этомъ видѣ продолжается до сихъ поръ. Здѣшніе ученые очень сильны въ теологическихъ тонкостяхъ и придаютъ большое значеніе заучиванью наизусть. Абиссинецъ вообще очень любознателенъ, охотно читаетъ то, что ему попадается подъ руку; равнымъ образомъ учащаяся молодежъ въ Гондарѣ отличается замѣчательнымъ прилежаніемъ и усидчивостью. Тѣмъ не менѣе народъ суевѣренъ и придерживается самыхъ нелѣпыхъ лжеученій. Колдуны по профессіи и заклинатели дождя все еще пожинаютъ здѣсь обильную жатву. Но абиссинцы всего больше боятся „дурнаго глаза", отъ котораго стараются оградить себя дорого стоющими талисманами. Сны считаются божественнымъ откровеніемъ: старухи глубокомысленно объясняютъ ихъ. Кометы возбуждаютъ общій ужасъ. Крикъ шакаловъ обозначаетъ несчастіе; карканье вороновъ служитъ предзнаменованіемъ смерти. Для образованія и развитія простаго народа не предпринимается никакихъ мѣръ, особенно со стороны духовенства. Только тѣ дѣти, которые предназначены для церковной службы, получаютъ нѣкоторое образованіе.

Абиссинцы относятся весьма снисходительно къ своимъ дѣтямъ, для которыхъ не существуетъ ни народныхъ школъ, ни гимназій. Главная задача воспитанія дѣтей заключается въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ мужественными и неукротимыми. Подростки помогаютъ родителямъ въ работахъ, соотвѣтствующихъ ихъ возрасту. Мальчики и дѣвочки живутъ вмѣстѣ. Ежедневно молодежь собирается на деревенской площади для игръ и танцевъ. Но свободное обращеніе обоихъ половъ совершенно прекращается послѣ брака.

Обыкновенно браки рѣшаются заранѣе между родителями или опекунами, которые при этомъ имѣютъ въ виду только семейныя связи. Нерѣдко обрученіе бываетъ въ день рожденія жениха или невѣсты, а иногда и до этого, такъ какъ семьи, которыя желаютъ породниться этимъ способомъ даютъ другъ другу обѣщаніе, что ихъ дѣти не заключатъ другихъ браковъ, какъ только между собой. Если невѣста умираетъ до брака, то обязательство переходитъ на слѣдующую за нею сестру; равнымъ образомъ въ случаѣ смерти жениха его мѣсто заступаютъ братья по старшинству, а въ случаѣ ихъ отсутствія отецъ вступаетъ въ права умершаго сына. Отецъ невѣсты не можетъ заявить противъ этого никакихъ претензій, и она переходитъ безъ всякихъ формальностей къ ближайшему наслѣднику своего умершаго жениха. Свадьба большей частью происходитъ около рождества, потому что окончаніе жатвы облегчаетъ праздничные расходы; но и въ остальное время года не запрещено вступать въ браки. Въ постъ никогда не бываетъ свадьбы; этотъ обычай соблюдается не только христіанами, но и магометанами. Свадьба происходитъ исключительно въ субботу или воскресенье: въ субботу, если невѣста дѣвушка и въ воскресенье, если вдова выходитъ замужъ во второй или третій разъ. Въ послѣднемъ случаѣ невѣста вступаетъ въ домъ жениха безъ всякой пышности, но если невѣста дѣвушка, то ея вступленіе въ домъ принимаетъ характеръ блистательнаго празднества, въ которомъ принимаютъ участіе не только всѣ родственники, но и жители обоихъ селеній, къ которымъ принадлежатъ обрученные. Отецъ жениха, или старшій въ его семьѣ отправляется за невѣстой въ сопровожденіи родственниковъ мужскаго пола. Во главѣ процессіи шеству-

ютъ музыканты съ трубами, бубнами и флейтами, а также шуты, которые гонятъ передъ собой бѣлую корову украшенную вѣнкомъ. Юноши деревни, въ которой живетъ невѣста, вступаютъ въ мнимый бой съ пришельцами и дѣлаютъ видъ, что не хотятъ впустить ихъ. Наконецъ на встрѣчу гостямъ выходятъ старшіе члены невѣстиной семьи здороваются съ ними и вводятъ въ домъ. Вслѣдъ затѣмъ прибывшіе закалываютъ бѣлую корову; мясо съѣдаютъ родственники невѣсты, а кости и голову торжественно зарываютъ въ яму. По окончаніи этой процедуры на протянутыя руки отца жениха или заступающаго его мѣсто кладутъ въ горизонтальномъ положеніи невѣсту, укутанную съ головы до ногъ, и онъ бѣжитъ съ нею въ домъ ея будущаго мужа. Если путь слишкомъ далекъ, то отецъ жениха или заступающій его мѣсто, которому приходится вести или, выражаясь точнѣе, нести невѣсту, садится съ нею на мула и возвращается верхомъ въ ту деревню, гдѣ живетъ женихъ. Здѣсь онъ кладетъ свою ношу у порога вновь устроенной циновочной палатки, и тогда является женихъ съ покрытой головой, окруженный своими друзьями, которые ведутъ его подъ руки. Онъ останавливается передъ невѣстой, лежащей на землѣ, моетъ себѣ все тѣло, слегка притрогивается ногой до ея затылка и, перешагнувъ черезъ нее, входитъ въ палатку. Тутъ онъ разбиваетъ глиняный горшокъ, послѣ чего къ нему подводятъ невѣсту. Родственники остаются съ новобрачными отъ субботы до слѣдующаго понедѣльника, и въ это время совмѣстно со всѣми жителями деревни угощаются на счетъ жениха мясомъ, печеніями, пивомъ и медовымъ виномъ. Ночи проходятъ среди шумнаго ликованья, пѣнія и танцевъ.

Этотъ способъ заключенія браковъ распространенъ здѣсь, повсемѣстно, какъ у христіанъ, такъ и магометанъ, евреевъ и язычниковъ. О церковномъ бракѣ, въ строгомъ значеніи этого слова, даже христіане не имѣютъ никакого понятія. Тѣмъ не менѣе у нихъ въ обычаѣ, чтобы супруги вмѣстѣ посѣтили церковь, хотя это дѣлается долгое время спустя послѣ свадьбы, обыкновенно по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ или же въ концѣ того года, когда былъ формально заключенъ бракъ.

Впродолженіе этого срока, который служитъ какъ бы временемъ испытанія, мужъ можетъ отослать обратно свою жену къ ея родителямъ, не принимая на себя никакихъ обязательствъ, и немедленно пріискать себѣ новую подругу жизни. Въ противномъ случаѣ, если онъ доволенъ своей женой, то по истеченіи вышеупомянутаго срока, объявляетъ мѣстному священнику о своемъ намѣреніи причаститься въ слѣдующее воскресенье вмѣстѣ съ женой такъ какъ эта религіозная церемонія считается равносильной браку. Впрочемъ по эѳіопскому обычаю жена также имѣетъ право разстаться съ мужемъ; но для этого она должна предварительно трижды убѣжать отъ него въ домъ своего отца. Бракъ не болѣе какъ торговая сдѣлка; отецъ жениха заключаетъ ее съ отцемъ или женихомъ невѣсты и при этомъ долженъ поднести послѣднему извѣстные дары, стоимость которыхъ соразмѣрна состоянію договаривающихся сторонъ. Женихъ, въ день свадьбы, получаетъ въ свою очередь на такую же сумму всякихъ печеній, и кромѣ того невѣста приноситъ ему въ приданое супружескую постель, полотно и кухонную посуду. Женщины носятъ въ видѣ украшеній браслеты изъ золота, серебра и слоновой кости, обручи на ногахъ, два кольца въ ушахъ и одно въ носу, діадему и гребень въ волосахъ. Къ этому нужно прибавить небольшое нюренбергское зеркало. Золото носятъ одни „благородные"; для остальныхъ сословій изготовляются украшенія изъ серебра и слоновой кости. Носовое кольцо въ будни замѣняется пуговицей изъ слоновой кости, которая вдѣвается въ лѣвую проколотую ноздрю.

Считаемъ не лишнимъ упомянуть еще объ одномъ своеобразномъ обычаѣ, по которому мужъ, согласно существующимъ законамъ и нравамъ, обязанъ скрываться отъ своей тещи, всѣми способами избѣгать всякой встрѣчи, ни-

когда не смотрѣть ей въ лицо, не говорить съ нею и не отвѣчать на ея вопросы.

Всякая дѣвушка, также какъ и замужняя женщина, лишена всякихъ правъ. Она не можетъ получить наслѣдства; ея клятва не принимается во вниманіе, а равно ея поручительство и показанія на судѣ. Поэтому женщина обвиненная въ убійствѣ не можетъ быть привлечена къ суду; отвѣтственность за совершенное ею преступленіе падаетъ на ея естественнаго опекуна, т. е. на отца или мужа, если она замужняя. Тѣмъ не менѣе, хотя она стоитъ весьма низко по закону и полная безправность ставитъ ее въ весьма невыгодныя условія, но тѣмъ не менѣе участь женщинъ далеко не такъ печальна, какъ можно было бы ожидать послѣ всего сказаннаго нами. Въ то время, какъ во многихъ магометанскихъ земляхъ женщины проводятъ всю жизнь въ гаремахъ, т. е. въ строжайшемъ заточеніи, въ Эѳіопіи онѣ, наоборотъ, пользуются полнѣйшей свободой, со всѣхъ сторонъ встрѣчаютъ величайшее уваженіе и вниманіе, и не только богатыя, но и бѣдныя дѣвушки всегда имѣютъ возможность составить приличную партію. На хозяйкѣ лежитъ только забота о дѣтяхъ и присмотръ за домашней челядью; но она избавлена отъ какой бы то ни было работы. Мужъ, который заставилъ бы свою жену трудиться въ домѣ или исполнять полевыя работы, сдѣлался бы предметомъ общаго посмѣянія. Внимательная предупредительность мужей относительно ихъ женъ не составляетъ рѣдкости. Здѣшнія женщины придаютъ большое значеніе нарядамъ, различнымъ украшеніямъ и румянамъ, и ежедневно посвящаютъ много часовъ своему туалету. Если женщина хочетъ произвести неотразимое впечатлѣніе на своего супруга силой своей женской красоты, то она принимаетъ ванну изъ пахучихъ травъ, краситъ себѣ руки и ноги лавзоніей, расчесываетъ волосы и, сильно вымазавъ ихъ душистой помадой, украшаетъ цвѣтами. Затѣмъ она натираетъ все тѣло ароматическимъ масломъ. Такимъ образомъ, если чужеземцу прійдется встрѣтить даму въ подобный моментъ даже на извѣстномъ разстояніи, то она настолько заражаетъ собой воздухъ, что у него отъ непривычки дѣлается головокруженіе, между тѣмъ какъ туземецъ видитъ въ этомъ предвкушеніе рая. Длинные ногти у дамъ считаются признакомъ хорошаго тона, хотя онѣ нерѣдко пользуются ими въ видѣ оружія противъ своихъ мужей, которые въ этихъ случаяхъ обращаются въ поспѣшное бѣгство, такъ какъ считается унизительнымъ ударить женщину. Поэтому и въ Абиссиніи примѣнима поговорка: „мужъ глава семьи и поэтому долженъ слушаться жены".

Женскій полъ въ ранней молодости пользуется здѣсь самымъ изысканнымъ обращеніемъ; равнымъ образомъ, если женщина достигла періода безпомощной старости, то дѣти и родные заботятся объ ея пропитаніи. Одинокія матроны занимаются предсказаніями и ворожбой, что доставляетъ имъ довольно значительный доходъ. Въ каждой деревнѣ можно встрѣтить подобныхъ прорицательницъ, которыя посвящены во всѣ семейныя тайны и умѣютъ пользоваться ими. Безъ ихъ совѣта не совершается ни одна свадьба или сколько нибудь важное дѣло и не предпринимается ни одно путешествіе. Имъ приписываютъ даръ сверхъестественнаго знанія, и поэтому всѣ ихъ приказанія безпрекословно исполняются; кромѣ того многія женщины, а именно тѣ изъ нихъ, которыя отличаются тучностью, считаются вѣдьмами. Онѣ, сообразно мѣстному повѣрію, превращаются въ вампировъ, ложатся всей тяжестью своего тѣла на спящихъ и высасываютъ кровь, или же обращаются въ гіенъ и производятъ опустошенія въ стадахъ козъ и овецъ.

Родильницамъ оказываютъ помощь старыя опытныя женщины. Если роды тяжелые, то отецъ снимаетъ сандаліи и обходитъ домъ босикомъ, нанося плашмя удары своимъ мечемъ по стѣнамъ съ наружной стороны, между тѣмъ какъ женщины присутствующія при родахъ поютъ молитвы св. Маріи, покровительницѣ матерей. Если родится мальчикъ, то женщины издаютъ радостный крикъ,

который повторяютъ пять разъ сряду, между тѣмъ какъ рожденіе дѣвочки принимается молча съ полной покорностью судьбѣ. Начиная со дня рожденія ребенка, какъ его отецъ, такъ вообще всякій мужчина не имѣетъ права войти въ домъ впродолженіе мѣсяца. По истеченіи этого срока, отца пускаютъ къ женѣ и ребенку, и тогда происходитъ крещеніе и обрѣзаніе. Послѣднее распространено во всей Абиссиніи, не только у іудеевъ и магометанъ, но и у христіанъ. Какъ было упомянуто выше, у данакиль, сахо, бедуанъ, богосъ, бареа и кунама обрѣзаніе примѣнимо и къ женскому полу, между тѣмъ какъ въ самой Абиссиніи варварскій обычай надрѣзовъ у дѣвушекъ въ большинствѣ случаевъ ведетъ впослѣдствіи къ тяжелымъ родамъ и даже выкидышу.

Что касается правительства въ этихъ странахъ, то оно считаетъ своей главной задачей выжимать деньги у народа и не заботиться ни о чемъ другомъ; поэтому самозащита составляетъ не только законное, но и неизбѣжное явленіе. Въ виду народной охраны обычай кровавой мести вездѣ поставленъ на легальную почву. Потомки отца до седьмаго колѣна составляютъ кровное родство, члены котораго взаимно гарантируютъ другъ другу безопасность личности. Если убитъ членъ семьи, то всѣ родственники по крови, не только имѣютъ право отомстить за убійство, но это считается даже ихъ священной обязанностью. Равнымъ образомъ, если кто либо изъ членовъ семьи совершилъ убійство, то вина падаетъ на всѣхъ кровныхъ родственниковъ, и они подвергаются такой-же отвѣтственности, какъ и самъ убійца. Тѣмъ не менѣе кровавая месть иногда примѣняется вполнѣ, иногда только до извѣстной степени. Полная кровавая месть простирается на всю семью въ томъ случаѣ, если одинъ изъ ея членовъ убилъ кого нибудь изъ другой семьи или продалъ въ рабство, а равнымъ образомъ и тогда, если отецъ отдастъ свою дочь другому человѣку, а не ея первому жениху. При этомъ не принимается въ разсчетъ совершено-ли преступленіе преднамѣренно или вслѣдствіе несчастной случайности. Разбойникъ, умертвившій путешественника, подвергается такой-же отвѣтственности, какъ и путешественникъ, который защищая свою жизнь, убилъ напавшаго на него разбойника, потому что по существующему правилу: кровь можетъ быть только искуплена кровью. Одинъ только монархъ не отвѣчаетъ за пролитую кровь. Законъ мотивируетъ это слѣдующимъ образомъ: „только Богъ и императоръ безкровны“. Чужеземцы стоятъ внѣ закона и должны искать защиты для своей безопасности только подъ прикрытіемъ вооруженной силы. Въ случаѣ отсутствія послѣдней, чужестранецъ отыскиваетъ себѣ покровителя среди туземцевъ, и этотъ отвѣчаетъ за его безопасность всѣмъ своимъ кровнымъ родствомъ. Неполная кровавая месть полагается въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) Если субъектъ, которому нанесена рана или увѣчье остался живъ. 2) Если убійство совершено безъ вѣдома и участвія собственника оружія. 3) Если человѣкъ убилъ свою невѣсту, то онъ платитъ ея отцу половину штрафа, положеннаго за пролитую кровь, потому что по эѳіопскимъ законамъ только половина невѣсты принадлежитъ ея отцу, другая половина составляетъ собственность жениха. Подобный штрафъ, т. е. половина цѣны пролитой крови, платится рогатымъ скотомъ и доходитъ до 72 штукъ рогатаго скота. Вообще здѣсь повсемѣстно принято за правило платить добромъ за добро и зломъ за зло и такимъ образомъ расплачиваться другъ съ другомъ той-же монетой.

Теперь мы постараемся въ общихъ чертахъ познакомить нашихъ читателей съ погребальными обычаями абиссинцевъ. Если кого нибудь постигнетъ смерть или, выражаясь цвѣтистымъ языкомъ туземцевъ, когда „вражеская рука смерти пробуравитъ сердце человѣка остріемъ копья и исторгнетъ изъ него дыханіе жизни“, тогда его ближайшія родственницы поднимаютъ громкій вопль, и печальная вѣсть быстро распространяется по всей мѣстности и сосѣднимъ деревнямъ. Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ родственники и знакомые, чтобы сопровождать покойника въ его послѣднее жилище. Если смерть случилась ночью

то погребеніе откладывается до слѣдующаго утра; но если еще не закатилось солнце, то всѣ мужчины деревни общими силами роютъ могилу, предоставляя причитываніе женщинамъ, которыхъ всегда набирается цѣлая толпа. Старухи обмываютъ трупъ, натираютъ благовонными эссенціями и завертываютъ въ новый кусокъ бумажной ткани; при этомъ въ ротъ покойника вкладываютъ бѣлый камень. Едва женщины окончатъ эту процедуру, покойника кладутъ на носилки и тотчасъ-же несутъ къ могилѣ; семья и все собравшееся общество торжественно провожаютъ его. Во время пути носилки трижды ставятъ на землю и трупъ опрыскиваютъ водой, въ которой распущенъ ладонъ. То-же дѣлается и на мѣстѣ погребенія; затѣмъ покойника опускаютъ въ могилу, гдѣ ему подъ голову кладутъ камень. Отверстіе могилы закладываютъ шиферными досками и строятъ вокругъ стѣну въ 1,30 — 1,50 метровъ, послѣ чего все пространство, обнесенное стѣной, наполняютъ мелкими каменьями и сооружаютъ пирамиду изъ такихъ-же мелкихъ камней. Могилы князей достигаютъ иногда весьма значительныхъ размѣровъ; нѣкоторые могильные холмы имѣютъ отъ 6 — 10 м. высоты. Тѣло покоится въ просторномъ каменномъ склепѣ, такъ какъ могилы никогда не зарываются землей. Вдова, въ знакъ траура по умершемъ мужѣ, завязываетъ назадъ свое покрывало, посыпаетъ пепломъ голову и одѣвается въ красныя шерстяныя ткани. Всѣ родственницы умершаго должны исполнять роль плакальщицъ. Для этой цѣли женщины группируются въ два хора, которые поочередно смѣняютъ другъ друга. Надгробный плачъ абиссинцевъ по общему характеру пѣнія, напоминаетъ Requiem. Текстъ мѣняется сообразно состоянію и возрасту покойника. Помимо положенныхъ причитаній жена оплакиваетъ мужа, мать свою дочь и т. д. сидя передъ домомъ въ продолженіи долгихъ ночей. Нерѣдко эти напѣвы очень поэтичны и исполнены томленія; они всегда представляютъ собой импровизацію, на половину поются, на половину говорятся речитативомъ.

Законы о наслѣдствѣ вполнѣ выработаны и содержатъ самыя точныя постановленія. Они преимущественно основаны на томъ, что наслѣдство переходитъ отъ отца къ семьѣ безъ всякаго завѣщанія. Обычай писать духовную или дѣлать посмертныя распоряженія черезъ душеприкащиковъ не существуетъ въ эѳіопскомъ правѣ. Со смертью индивида кончаются и его права. Женщины и дѣвушки исключены изъ прямаго наслѣдства. Главная часть переходитъ къ старшему сыну, остальное дѣлится поровну между другими сыновьями. Поэтому старшій сынъ обязанъ содержать своихъ сестеръ и вмѣсто отца дать имъ приданое. Вдова переходитъ по наслѣдству къ брату или сыну брата своего покойнаго мужа, который обязанъ жениться на ней даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ былъ женатъ. Но вообще подобное наслѣдство не считается особеннымъ счастьемъ, какъ видно изъ того, что нельзя больше оскорбить абиссинца и пожелать ему болѣе сильной бѣды, какъ „жениться на двухъ женахъ".

Домашній бытъ абиссинцевъ обыкновенно отличается крайней простотой. У знатныхъ и богатыхъ людей иногда встрѣчаются каменные дома, но въ большинствѣ случаевъ жилища строятся изъ дерева или крыты соломенными циновками и почти всегда безъ оконъ. Свѣтъ проходитъ изъ дверей. Кушанья за обѣдомъ подаются въ изобиліи и большей частью хорошо и вкусно приготовлены. Ножи, вилки и салфетки не въ употребленіи; поэтому передъ обѣдомъ и по окончаніи обѣда разносятъ воду для мытья рукъ. Приглашенные гости сами не берутъ кушанье, но ихъ кормитъ хозяинъ дома или еще чаще его дочери. Гостя обыкновенно сажаютъ между двухъ дамъ, которыя во время обѣда кормятъ его до пресыщенія тѣмъ-же способомъ, какъ у насъ откармливаютъ гусей. Одна изъ сосѣдокъ тянется къ блюду, отрываетъ кусокъ мяса, пробуетъ его и затѣмъ всовываетъ въ ротъ гостю, который едва успѣетъ прожевать и проглотить кусокъ, какъ другая, сидящая около него дама, снова набиваетъ ему полный ротъ. Къ концу обѣда дамы удаляются и тогда начинается про-

должительная попойка, при которой выпивается большое количество пива и медоваго вина (Leo Reinisch in der Wiener Abendpost von 29 и 30 Marz 1877).

Живущіе въ Абиссіи магометане и іудейскіе фалаша въ нравственномъ отношеніи стоятъ несравненно выше христіанъ. Мусульмане занимаются торговлей и берутъ на откупъ пошлины, между тѣмъ какъ фалаша—трудолюбивые земледѣльцы и ремесленники. Христіане, живущіе въ городахъ большей частью принимаютъ дѣятельное участіе въ торговыхъ предпріятіяхъ, хотя торговля постоянно уменьшается, такъ какъ въ странѣ никто не чувствуетъ себя въ безопасности. Въ торгашествѣ они не уступаютъ своимъ соплеменникамъ, арабамъ и финикійцамъ, и вообще нужно замѣтить, что абиссинецъ большей частью отличаются замѣчательной ловкостью въ спекуляціяхъ, чему онъ отчасти обязанъ своей растяжимой совѣсти. Остальное населеніе существуетъ земледѣліемъ и скотоводствомъ; мужской элементъ часто посвящаетъ себя солдатской службѣ, къ которой абиссинецъ чувствуетъ такую же склонность, какъ и къ купеческому званію. Онъ скорѣе готовъ служить за ничтожную плату у знатнаго господина, нежели научиться какому нибудь ремеслу. Бѣдняки, въ случаѣ крайности, нанимаются въ услуженіе у купцовъ и путешественниковъ; многіе съ этой цѣлью поселяются въ Египтѣ, гдѣ они скоро получаютъ мѣста, благодаря своему трудолюбію, ловкости и привязанности къ своимъ господамъ. Вообще эѳіопъ не лишенъ значительной степени смышленности; въ его обращеніи замѣтно извѣстное чувство приличія, и хотя онъ вообще апатиченъ и неповоротливъ, но отличается живостью въ разговорѣ.

Чувство собственнаго достоинства и отчасти хвастливость составляютъ выдающіяся черты характера абиссинца. Онъ никогда не приходитъ въ отчаяніе и самоубійство вообще не случается среди мужчинъ, но представляетъ довольно обыденное явленіе между женщинами, которыя не хотятъ пережить своихъ мужей. Грабежъ на большой дорогѣ и дерзкое нападеніе считается геройскимъ подвигомъ, такъ что смѣлые разбойники даже прославляются въ пѣсняхъ, между тѣмъ, какъ трусливое воровство возбуждаетъ общее презрѣніе. Абиссинецъ всегда держитъ свое обѣщаніе, хотя бы оно было сопряжено съ опасностью; никто не прикоснется къ имуществу, отданному на сохраненіе, несмотря на соблазнъ и самую крайнюю нужду. Гостепріимство считается ненарушимымъ долгомъ чести; странникъ можетъ смѣло войти въ любой домъ и вездѣ встрѣтитъ самый дружескій и сердечный пріемъ. Неизмѣнная любовь и счастливое супружество не составляютъ исключенія; сыновья нерѣдко жертвуютъ многолѣтнимъ заработкомъ, чтобы доставить безбѣдное существованіе своему престарѣлому отцу. Благородство и доброта не составляютъ отличительной особеннности бѣлаго человѣка, такъ какъ эти душевныя свойства нерѣдко встрѣчаются и у чернокожихъ абиссинцевъ.

САХАРА И СѢВЕРНЫЯ ПРИБРЕЖНЫЯ СТРАНЫ.

Когда заходитъ рѣчь о пустынѣ, то мы невольно припоминаемъ великую Сахару въ сѣверной Африкѣ, самую огромную пустыню на земномъ шарѣ, занимающую плоскость, которая въ три раза превышаетъ Средиземное море и въ десять разъ больше Германіи. Въ послѣдніе десять лѣтъ эта негостепріимная область чаще, чѣмъ когда либо, посѣщалась учеными и образованными путешественниками, такъ что наши свѣдѣнія о ней значительно расширились. Тѣмъ не менѣе, хотя и можно смѣло сказать, что тѣ взгляды, которые въ юношествѣ составились у насъ о Сахарѣ со словъ старыхъ учебниковъ, существенно видоизмѣнились въ наше время, но въ массѣ публикѣ почему-то удерживались прежнія извращенныя понятія. Во-первыхъ мы узнали, что то пространство земли, которое только и можетъ имѣть притязаніе на имя „Сахара“ гораздо меньше, нежели думали прежде и многіе думаютъ до сихъ поръ. Теперь собственно Сахарой принято считать только тѣ части страны, гдѣ нѣтъ правильныхъ атмосферныхъ осадковъ, и слѣдовательно господствуетъ полное отсутствіе растеній, для которыхъ необходимъ дождь, и нѣтъ крупныхъ хищныхъ звѣрей. Прежній знаменитый „левъ пустыни“ перешелъ въ область миѳа. Вмѣстѣ съ этимъ рушилось и старое представленіе о безмолвіи, безжизненности и пр., которое было связано съ пространствомъ, обозначенномъ на картѣ подъ именемъ Сахары, такъ какъ въ дѣйствительности здѣсь множество оазисовъ, мало извѣстныхъ европейцамъ, которые всѣ служатъ мѣстопребываніемъ людей и животныхъ. Замѣчу кстати, что названіе „оазисъ“ неизвѣстно въ Сахарѣ и перешло къ грекамъ отъ египтянъ; оно представляетъ непосредственную связь съ словомъ „uah“, который на коптскомъ языкѣ означаетъ „жилище“ и употребляется на востокѣ вмѣсто слова „оазисъ“. Большіе оазисы называются въ Сахарѣ „bled“ или „biled“, т. е. „страна“; болѣе мелкіе извѣстные подъ именемъ „rhabba“ (лѣсъ) или „rhoud“ (маленькій лѣсъ).

Такимъ образомъ мы видимъ, что пустыня болѣе населена, нежели обыкновенно думаютъ, и даже внѣ оазисовъ, въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ перепадаютъ дожди и есть извѣстная растительность (преимущественно на западѣ), встрѣчаются многочисленныя кочевые племена. Большинство этихъ жителей пустыни принадлежитъ къ ливійской или берберійской народной семьѣ, къ которой примѣшались различные арабскіе элементы, далеко проникшіе на югъ, такъ что въ данномъ случаѣ точная классификація всѣхъ этихъ людей весьма затрудни-

тельна. Прежде всего почти невозможно различить вполнѣ арабскіе и ливійскіе элементы, входящіе въ составъ племенъ фигурирующихъ подъ именемъ „арабовъ"; поэтому если какое либо племя названо „арабскимъ", то это еще не значитъ, что его родиной нужно считать Аравію. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что всѣ здѣшнія племена преданы исламу, который господствуетъ въ Сѣверной Африкѣ и придало имъ одинъ и тотъ же характеръ, благодаря одинаковымъ нравамъ и обычаямъ. Тѣмъ не менѣе при болѣе подробномъ излѣдованіи можно отличить нѣсколько значительныхъ этническихъ группъ, границы которыхъ, какъ между ними, такъ и ихъ южными сосѣдями неграми, не всегда опредѣлены съ достаточной ясностью и часто сливаются одна въ другую. Это особенно примѣнимо къ народной группѣ ту, тубу или тиббу, которые повидимому представляютъ собой переходъ отъ негровъ или вѣрнѣе сказать канури къ ливійцамъ или берберамъ. Эти тубу въ свою очередь распадаются на два отдѣла; теда и даза, которые значительно отличаются по діалекту отъ тедага и дагаза. Теда населяютъ горную страну Тибешти или Ту, между тѣмъ какъ даза живутъ въ болѣе южныхъ областяхъ Борну, Канемъ и Баръ-эль-Газель.

По свидѣтельству Густава Нахтигаля теда занимали прежде несравненно большее пространство пустыни, нежели теперь. Тѣ изъ нихъ, которые нѣкогда жили въ оазисѣ Куфара, перешли на востокъ Тибешти, и даже въ Феццанѣ число ихъ переселенцевъ замѣтно уменьшилось. Но въ Борну и Канемъ встрѣчаются многія племена теда, которые мало по малу переселились сюда, особенно въ новѣйшее время. Замкнутость и бѣдность горной страны, узкія долины и ущелья, въ которыхъ всякій непрошенный гость подвергался вѣрной смерти, оградили жителей Тибешти отъ скрещиванія съ другими народами и помогли имъ сохранить свою независимость и самобытный характеръ. Теда средняго роста, красиваго и пропорціональнаго тѣлосложенія; они отличаются легкостью и эластичностью въ движеніяхъ; умѣренны и выносливы. Ихъ овальное лицо, съ безъукоризненно правильными чертами, могло бы казаться привлекательнымъ, если бы первое пріятное впечатлѣніе не нарушалось мрачнымъ и коварнымъ выраженіемъ глазъ. Благодаря здоровому климату и умѣренному образу жизни они не особенно подвержены болѣзнямъ. Способъ пропитанія здѣшнихъ туземцевъ особенно заслуживаетъ вниманія, такъ какъ у нихъ съ крайней худощавостью тѣла совмѣщается замѣчательная выносливость относительно голода, жажды и напряженія физическихъ силъ. Нахтигаль разсказываетъ, что теда могутъ проводить цѣлые дни безъ сна, пищи и даже почти безъ воды, и при этомъ не теряютъ своей энергіи. Въ то время, когда самъ Нахтигаль и его слуги почти изнемогали отъ слабости, они также легко и бодро продолжали путь, не выказывая ни малѣйшей усталости. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, теда, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ безъ пищи, собираютъ побѣлѣвшія кости верблюдовъ, погибшихъ въ пустынѣ, толкутъ ихъ въ порошокъ и, смѣшавъ съ водой или кровью, выпущенной изъ жилъ домашнихъ животныхъ, обращаютъ въ тѣсто. Равнымъ образомъ, они иногда превращаютъ въ съѣдомое вещество кожаное кольцо на суставѣ руки, къ которому привѣшенъ ихъ длинный ножъ или же расколачиваютъ свои сандаліи, рѣжутъ ихъ на куски и варятъ. Д-ръ Нахтигаль пишетъ, что по тѣмъ наблюденіямъ, какія онъ могъ сдѣлать во время своего кратковременнаго пребыва-

нія въ пустынѣ, человѣкъ изъ племени ту можетъ выдержать четырехдневное путешествіе безъ воды, если онъ ѣдетъ ночью на верблюдѣ, укутанный въ „litham“, а днемъ лежитъ молча и неподвижно въ тѣни утесовъ, не возбуждая жажды пищей или усиленными движеніями. Но, по истеченіи этого срока, онъ начинаетъ изнемогать и прибѣгаетъ къ послѣднему средству, а именно привязываетъ себя къ сѣдлу и, отказавшись отъ всякой иниціативы, предоставляетъ свою особу инстинкту верблюда, который, въ этомъ случаѣ, долженъ самъ отыскивать себѣ дорогу. Впрочемъ нужда лучшая и самая принудительная школа для теда; она не только изощряетъ ихъ органы чувствъ и закаляетъ характеръ, но дѣлаетъ ихъ смышлеными и изобрѣтательными. Они извѣстны какъ самые ловкіе, хитрые и искусные купцы и воры. Но къ несчастію все то, что способствовало развитію ихъ умственныхъ способностей и силѣ воли, дурно повліяло на ихъ нравственность. Теда прибѣгаютъ къ самымъ непозволительнымъ средствамъ для удовлетворенія своего эгоизма и корыстолюбія: лгутъ, воруютъ, рѣшаются на убійство. Что касается ихъ частныхъ сношеній между собой, то мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ условій, аристократизмъ достигъ здѣсь крайняго развитія, такъ что власть вождей весьма ограничена. Теда дѣлятся на „благородныхъ“ „maina“ и народъ, во главѣ котораго стоятъ вожди „dardai“. Вождь — главное лицо въ собраніи „maina“, но могущество его незначительно а равно и получаемые имъ доходы. Простой народъ не имѣетъ никакихъ правъ и обязанностей и совершенно зависитъ отъ произвола многочисленныхъ, бѣдныхъ, но высокомѣрныхъ и корыстолюбивыхъ „maina“. Подобно другимъ языческимъ и магометанскимъ народамъ, паріями являются здѣсь кузнецы, которыхъ избѣгаютъ, какъ заклинателей нечистой силы. Теда—магометане и отличаются крайнимъ фанатизмомъ, чему способствуетъ религіозное сообщничество съ сектой снуссія живущей въ оазисѣ Вау, которая отсюда распространилась въ оазисы Куфара и Ваньянга. Теда вѣрятъ въ таинственную силу изрѣченій Корана, которыя носятъ въ кожаныхъ мѣшечкахъ на чалмѣ, у верхней части руки и около шеи. Обыкновенно они имѣютъ только одну жену, которая ведетъ тяжелую трудовую жизнь, полную самоотреченія, что развиваетъ въ ней энергію характера. Во время долгихъ отлучекъ своихъ мужей жены соблюдаютъ цѣломудріе и дѣятельно занимаются домашнимъ хозяйствомъ. При гордости и вспыльчивости теда у нихъ часто бываютъ ссоры, которыя рѣшаются не судебнымъ приговоромъ вождя, а оружіемъ, т. е. поединками. Самый способъ, какимъ тубу здороваются между собой, въ высшей степени характеренъ и заключается въ слѣдующемъ: лицо покрыто концомъ чалмы такимъ образомъ, что видны только глаза; они садятся на корточки другъ противъ друга на разстояніи шести шаговъ; при этомъ каждый держитъ въ одной рукѣ копье, въ другой метательное желѣзко. Одинъ начинаетъ съ того, что спрашиваетъ другаго о состояніи его здоровья, употребляя попеременно различныя выраженія, а именно: „lahaïnkenaho“, „lahadintchêda“, „lahaniheni“ или „killahâni“, между тѣмъ какъ его собесѣдникъ отвѣчаетъ ему „laha“ или „killaha“. Когда эти вопросы и отвѣты повторены чуть ли не двѣнадцать разъ, одинъ громко вскрикиваетъ: „ihilla“, другой повторяетъ тотъ же возгласъ и т. д., такъ что этотъ взаимный обмѣнъ постоянно повторяемыхъ привѣтствій можетъ довести до отчаянія по своей продолжительности. Сначала „ihilla“ раздается громкимъ мужскимъ голосомъ, затѣмъ постепенно понижается и переходитъ въ глухое, неясное бормотаніе. Вдобавокъ все это производится съ такимъ серіознымъ видомъ, что непосвященному можетъ скорѣе показаться, что онъ видитъ важную церемонію, нежели простое привѣтствіе. Когда они дойдутъ до едва слышныхъ нотъ и ихъ голосъ дойдетъ до тихаго бормотанья, то одинъ изъ собесѣдниковъ снова выкрикиваетъ „laha“ или „ihilla“ и повторяетъ опять всю гамму. При этомъ каждый изъ нихъ, по-

видимому, нисколько не интересуется особой своего собесѣдника; они почти не смотрятъ другъ на друга и намѣренно глядятъ вдаль или опускаютъ глаза въ землю. Нѣкоторое время спустя послѣ обмѣна вышеупомянутыхъ привѣтствій начинается повтореніе вопроса: „какъ ты поживаешь?“ съ безконечными варіяціями на эту тему и отвѣтовъ: „хорошо!“ или „съ миромъ!“. Наконецъ, когда истощится весь запасъ привѣтствій, къ стереотипнымъ вопросамъ и отвѣтамъ примѣшивается разговоръ о посторонних предметахъ, какъ напр. о цѣли предполагаемаго путешествія, о событіяхъ, совершившихся въ странѣ, и состояніи ближайшихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе время отъ времени раздается возгласъ „ihilla“, но повторяется все меньшее число разъ; мало по малу начинается обыкновенный разговоръ и всякія привѣтствія окончательно прекращаются. Знакомые при встрѣчѣ и прощаньи подаютъ другъ другу руку, и это единственный случай, когда принято подобное привѣтствіе. Между родственниками и даже между мужемъ и женой господствуетъ крайняя сдержанность, такъ что, когда члены семьи сойдутся вмѣстѣ, то не смотрятъ другъ на друга и натягиваютъ на лицо „litham“. Главное оружіе теда копье и метательное желѣзко, которое они мѣтко бросаютъ на разстояніи 50 м. При ихъ вздорномъ и воинственномъ характерѣ раны и увѣчья составляютъ обычное явленіе. Одежда состоитъ изъ покрывала, голубой рубашки, сшитой изъ бумажной ткани, а также изъ козьихъ и овечьихъ шкуръ. У нихъ замѣтно такое же пристрастіе къ украшеніямъ, какъ у другихъ племенъ. Они тщательно изготовляютъ свою домашнюю и дорожную утварь; но домà отличаются простотой постройки. Путешествіе и разбой составляютъ ихъ любимое занятіе. Въ Фецанѣ они обмѣниваютъ финики, а въ земляхъ Гауза различныя принадлежности одежды на овецъ и верблюдовъ. Вообще теда имѣютъ много общаго съ берберами пустыни и жителями Судана, какъ по своимъ умственнымъ и физическимъ свойствамъ, такъ и въ нравахъ, понятіяхъ, образѣ жизни и занятіяхъ; но въ ихъ физіономіи, по наблюденіямъ Гер. Рольфса, несравненно больше проявляется вліяніе негритянскаго, чѣмъ берберійскаго элемента. Численность населенія въ странѣ Тибешти простирается до 12000. До сихъ поръ вопросъ нерѣшенный: можно ли ихъ считать за потомковъ гарамантовъ или жителей пещеръ Геродота, такъ какъ до послѣдняго времени мы не имѣли точныхъ извѣстій объ этомъ народѣ, вслѣдствіе его замкнутости.

Тубу встрѣчаются также въ оазисѣ Каваръ или Кауаръ на полдорогѣ между Мурфутомъ, столицей Фецана и Кука у озера Чадъ и живутъ здѣсь подъ властью особаго князя. Кромѣ этого свѣтскаго властелина въ Кава́рѣ есть и духовный глава, который живетъ въ мѣстечкѣ Себимонеденъ. Это шейкъ изъ секты снуссія, къ которому туземцы приближаются съ глубокимъ смиреніемъ. Они подходятъ къ нему одинъ за другимъ, униженно цѣлуютъ его въ грудь, между тѣмъ какъ шейкъ, погруженный въ благочестивыя размышленія, небрежно перебираетъ четки пальцами одной руки, а другой дѣлаетъ видъ, что заключаетъ посѣтителя въ объятія. Званіе и общественное положеніе послѣдняго играетъ большую роль въ данномъ случаѣ, такъ какъ шейкъ, несмотря на свое видимое равнодушіе, придаетъ сообразно степени знатности богомольца большую или меньшую выразительность вышеупомянутому жесту.

Въ сосѣдствѣ съ даза встрѣчается разбойничье кочевое племя уэладъ слиманъ или ауладъ солиманъ, веладъ слиманъ. Эти кочевники обыкновенно живутъ въ Канемѣ вслѣдствіе его близости къ торговымъ пунктамъ, а также Боделе и Борку, которыми они распоряжаются, какъ своими подвластными землями. Черезъ каждые три или четыре года они посѣщаютъ богатыя финиковыя плантаціи

Борку, чтобы присвоить себѣ обильную жатву и подкрѣпить себя и своихъ верблюдовъ здоровымъ климатомъ. Такимъ образомъ насъ не должно удивлять, если осѣдлые жители Борку, число которыхъ доходитъ до 5,000 не выказываютъ особенной заботливости въ обработкѣ земли, потому что имъ рѣдко приходится пользоваться плодами своихъ трудовъ. Нахтигаль говорилъ съ лучшими и наиболѣе разумными людьми племени уэладъ слиманъ и старался доказать имъ всѣ преимущества правильно организованнаго труда и осѣдлаго образа жизни, но получалъ приблизительно слѣдующій отвѣтъ: „Разумѣется, объясняли они, мы исключительно живемъ неправдой и грѣхомъ, но какимъ-же другимъ способомъ мы могли-бы пріобрѣтать средства къ жизни, помимо работы. Наши предки никогда не занимались трудомъ, и мы считаемъ позоромъ и предательствомъ отступать отъ этого обычая прежнихъ обитателей нашей земли? Къ чему существуютъ проклятые язычники на землѣ, какъ не для того, чтобы работать на людей стоящихъ выше ихъ!“ Само собой разумѣется, что въ виду такой житейской мудрости всякая проповѣдь. въ обратномъ направленіи не можетъ привести ни къ какимъ результатамъ. Хотя Уэладъ Слиманъ переселились въ Канемъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но сохранили чистый арабскій типъ, что объясняется отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что они привели съ собой и свои семьи. Между тѣмъ мгарба, которые подобно предъидущимъ переселились изъ Борку и живутъ среди нихъ, оставили дома своихъ женъ и сильно смѣшались не только съ сосѣдними тубу, но и съ неграми. Въ Эннеди и Вадъянга на сѣверо-востокъ и востокъ отъ Борку живутъ беле или терравіа, которые по языку и преданію отличаются отъ тубу и повидимому представляютъ сродство съ цогхава западнаго Судана.

Къ сѣверу отъ вышеописанной мѣстности простирается обширная страна Феццанъ, которая подобно сосѣднему Триполи или Триполитаніи находится подъ властью Египта. Населеніе этой обширной области вообще скудное, но крайне разнообразное по своему внѣшнему виду. Въ настоящее время трудно рѣшить, къ какой собственно расѣ принадлежатъ нынѣшіе жители Феццана, такъ какъ они представляютъ трудно различимую народную амальгаму. На югѣ живутъ чистокровные тубу Тибешти, на юго-западѣ чистокровные туарики, и на сѣверѣ и востокѣ разсѣяны отдѣльныя колоніи сѣверныхъ берберовъ, чистокровные осѣдлые арабы, арабскіе и берберійскіе кочевники, невольники изъ Борну, государствъ Гауза и другихъ странъ внутренней Африки и ихъ потомки. Свободные люди и невольники распространены во всей странѣ; кромѣ того встрѣчаются вездѣ люди, которые по типу, не подходятъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ и совмѣщаютъ въ себѣ черты многихъ народовъ. Они образуютъ собой небольшое зерно собственно такъ называемыхъ феццанцевъ, которые съ теченіемъ времени подверглись различнымъ измѣненіямъ. Первона-

чальные обитатели страны не сохранили своей самобытности, хотя пустыня съ ея обширными пространствами, отчужденіе отъ другихъ народовъ и замкнутость населенныхъ оазисовъ представляли для этого всѣ необходимыя условія. Но если мы будемъ имѣть въ виду вѣковыя торговыя сношенія болѣе южныхъ странъ съ сѣвернымъ побережьемъ, магометанскія завоеванія и позднѣйшее господство Борну, то для насъ будетъ ясно, почему первоначальное населеніе утратило свой самобытный характеръ и производитъ впечатлѣніе смѣшаннаго народа. „Во всѣхъ своихъ свойствахъ и занятіяхъ во внѣшней и внутренней жизни они представляютъ съ одной стороны переходъ отъ жителей сѣвернаго побережья къ племенамъ пустыни, а съ другой — къ жителямъ Судана. Съ сѣвера впервые были внесены измѣненія въ ихъ бытѣ берберійскими и арабскими элементами; отсюда заимствовали они ту степень цивилизаціи, какая досталась имъ въ удѣлъ и мало по малу преобразовались, благодаря политическому вліянію своихъ новыхъ властелиновъ. Съ другой стороны тотъ-же процессъ происходилъ на югѣ и усиленное воздѣйствіе суданской крови продолжается до сихъ поръ. Что касается ихъ западныхъ сосѣдей — туариковъ, то здѣсь нѣтъ ни особенно дѣятельнаго торговаго сообщенія, ни скрещиванія; въ этомъ отношеніи они находятся въ болѣе тѣсной связи съ тубу Тибешти. Однако, не смотря на такую связь и сходство климатическихъ условій, при которыхъ живутъ оба народа, между феццанцами и тубу существуетъ весьма рѣзкое различіе, что само по себѣ составляетъ фактъ заслуживающій вниманія“ (Nachtigal, Sahara und Sudan, Bd. I s. 196).

Жители Феццана по своему характеру поразительно отличаются отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей пустыни. Они настолько-же лишены энергіи, трусливы, добродушны, честны и падки на всякое удовольствіе, насколько туарики (târiki) строги и мужественны, а тедету (един. отъ теда или тубу) неутомимъ, эгоистиченъ, хитеръ, вороватъ и умѣренъ въ своихъ привычкахъ. Но еще рельефнѣе разница между женщинами Феццана и теда. Рѣшительный характеръ проявляется у послѣднихъ не только во внѣшности, но и въ чертахъ лица, въ обращеніи и походкѣ, между тѣмъ, какъ феццанки во всемъ этомъ представляютъ прямую противоположность имъ. По своей одеждѣ онѣ представляютъ нѣчто среднее между жителями сѣвернаго побережья и бассейна р. Нигера. Кромѣ большаго платка, заимствованнаго у первыхъ, они переняли и широкую суданскую рубашку. Женщины носятъ длинную рубашку и тяжелые браслеты аравитянокъ, но по своей прическѣ волосъ и различнымъ украшеніямъ, онѣ отчасти подходятъ къ аравитянкамъ, женщинамъ тубу и негритянкамъ. Та-же странная, лишенная всякаго характера смѣсь сѣвера съ югомъ проявляется во всемъ. Если вы входите въ небольшой городокъ, обнесенный стѣной, то многое въ немъ напоминаетъ маленькія мѣстечки сѣвернаго берега и въ то же время васъ поражаютъ различныя черты сходства съ городами Борну. Хотя у феццанцевъ нигдѣ не встрѣтишь низкихъ продолговатыхъ и прямоугольныхъ хижинъ или навѣсовъ изъ кольевъ, крытыхъ циновками, какіе вездѣ распространены у туба, но у тѣхъ и у другихъ бѣдняки въ деревняхъ и на плантаціяхъ сооружаютъ себѣ жилища изъ плетеныхъ пальмовыхъ листьевъ. При этомъ само собой разумѣется, что проникшій съ сѣвера

исламъ и внесенная имъ культура должны были всего больше сгладить рельефныя племенныя особенности. Такъ напр. въ Феццанѣ огнестрѣльное оружіе вытѣснило всякое другое и метательное желѣзко тубу. Равнымъ образомъ феццанцы по своему общественному строю, способу, какимъ они здороваются другъ съ другомъ, семейнымъ торжествамъ во время свадьбы и по поводу рожденія ребенка, обрѣзанію и погребальнымъ обычаямъ, представляютъ полнѣйшее сходство съ арабами, но не имѣютъ ничего общаго съ тубу и туариками.

Въ Феццанѣ исламъ не связанъ съ фанатизмомъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, что объясняется легкомысліемъ и добродушіемъ жителей. Секты, которыя нѣкогда были сильно распространены между берберійскими племенами въ сѣверной Африкѣ, теперь даже неизвѣстны по имени. Но въ настоящее время одна секта „снуссія", названная такъ по имени ея основателя Сиди Сенуси, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія. Эти сектанты, по смыслу своего ученія и обрядамъ, не отличаются отъ правовѣрныхъ; вся ихъ задача заключается въ обновленіи и распространеніи ислама. Они преимущественно занялись обращеніемъ жителей восточной пустыни, которые особенно нуждаются въ ихъ помощи, и въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ чрезвычайно разумно и съ неизмѣнной настойчивостью. Снуссія держатся въ сторонѣ отъ ученыхъ „улема". Почва Триполи повидимому неблагопріятна для ихъ дѣятельности; въ Борну они также ведутъ себя крайне осторожно. Но тѣмъ усерднѣе распространяютъ они свое ученіе среди тубу, нецивилизованныхъ племенъ вадаи и въ оазисахъ Египта. Въ восточной пустынѣ не было ни одного сколько нибудь извѣстнаго проповѣдника, пока онъ не явился въ лицѣ Сенуси, который отличался строгостью своихъ религіозныхъ воззрѣній и ненавистью противъ всякой цивилизаціи и ея представителей. Мало по малу во всей сѣверной африканской пустынѣ, во всѣхъ оазисахъ и соединительныхъ пунктахъ караванной торговли, во всѣхъ городахъ и мѣстахъ сборищъ аравійскихъ кочевыхъ племенъ распространился духовный орденъ снусси, этихъ іезуитовъ ислама, которые вездѣ основали свои поселенія „sauiya" и снабдили ихъ школами и мечетями. Нынѣшній глава братства Сиди-эль-Махди выбралъ для своей резиденціи Джарубъ или Сарабубъ у египетской границы, въ 150 км. на западъ отъ оазиса Сіуахъ. Этотъ папа снусси пользуется неограниченной властью, которая простирается не только надъ всѣми „sauiya" сѣверной Африки, но и надъ арабскими племенами окружающей пустыни.

Мы уже не разъ упоминали выше о западныхъ пограничныхъ сосѣдяхъ феццанцевъ и тубу, а именно туарикахъ, которыхъ также называютъ туарегами (tuàredch, един. targi) или берберами, правильнѣе имошархъ (imuharh, imazirghen), откуда произошло извращенное мѣстное названіе амациргхенъ или мацигъ. Племена, входящія въ составъ этого народа, благодаря значительной примѣси чужеземной крови распадаются на два отдѣла, а именно такъ называемыхъ

свободныхъ людей (ихаггаровъ), и подвластныхъ или вассаловъ (имрхадъ). Послѣдніе несомнѣнно представляютъ собой покоренныя племена, которыя, слившись съ берберами, приняли ихъ нравы и языкъ. Имошархи или берберы далеко распространенная кочующая нація; они занимаютъ всю сѣверную Африку, а именно всѣ оазисы между арабскими государствами сѣверной Африки и негритянскими землями. Отдѣльныя независимыя другъ отъ друга племена имѣютъ особыя названія, подъ которыми они болѣе извѣстны. Такъ напр. племена живущія въ городахъ Туниса и Алжира обыкновенно называются кабилами (по араб. „caһail“ т. е. „племена“), горные жители Марокко носятъ названіе шулухъ, шлу или шеллёхенъ и т. д. Что-же касается названій мѣстечекъ, рѣкъ и горъ, встрѣчаемыхъ въ старинныхъ сочиненіяхъ, то новѣйшіе изслѣдователи объяснили ихъ съ помощью нынѣшняго языка имошарховъ та-машекъ или та-маширтъ, такъ что послѣдній можетъ считаться отраслью стараго нубійскаго языка (F. Müller, Allgem. Ethnographie, s. 500—501). Естественно, что нынѣшнее населеніе страны,—которую поперемѣнно занимали финикіяне, римляне, карѳагеняне, арабы и турки,—представляетъ довольно пеструю амальгаму народовъ. Это особенно замѣтно въ береговыхъ полосахъ, такъ какъ внутри страны этническіе элементы менѣе сложны, и вообще можно сказать, что сѣверная Африка, какъ въ географическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніи, образуетъ нѣчто цѣльное и однородное. Вездѣ въ Марокко, Алжирѣ, Тунисѣ, а равно и въ Сахарѣ, главную массу населенія составляютъ берберы, на которыхъ мы должны смотрѣть, какъ на постоянныхъ и коренныхъ жителей сѣверной Африки, по крайней мѣрѣ въ виду тѣхъ историческихъ данныхъ, какія мы имѣемъ до сихъ поръ. По Фридриху Миллеру, они, равнымъ образомъ, въ незапамятныя времена пришли изъ Азіи. Онъ причисляетъ ихъ къ хамитамъ, т. е. признаетъ отраслью той народной семьи, изъ которой древніе египтяне нѣкогда играли такую видную роль, и соорудили гиганскія пирамидальныя постройки въ Нильской долинѣ. Послѣднія уцѣлѣли до настоящаго времени, хотя въ теченіи тысячелѣтій постоянно подвергались бурямъ и непогодѣ. Еще недавно профессоръ Робертъ Гартманъ оспаривалъ азіятское происхожденіе берберовъ и, отвергая названіе хамитовъ, доказывалъ ихъ сродство съ остальными чернокожими африканцами. Между тѣмъ Геродотъ въ этомъ отношеніи выказываетъ большую прозорливость, потому что проводитъ весьма точное различіе между ливійцами, какъ прежде называли берберовъ, и эѳіопами, т. е. африканскими неграми. Затѣмъ Геродотъ отличаетъ двѣ особыя группы ливійцевъ, а именно кочевыхъ и осѣдлыхъ, что встрѣчается до сихъ поръ и можетъ быть объяснено различіемъ почвы, гористой на западѣ и низменной на востокѣ.

Въ собственно такъ называемой центральной Африкѣ, до караван-

ной дороги между Тафилетомъ и Тимбукту (т. е. въ области, которая по своему пространству въ пять разъ больше Германіи), живутъ берберы извѣстные подъ именемъ туариковъ, хотя сами туземцы не признаютъ такого прозвища и считаютъ его чужеземнымъ. Эти кочующіе имошархи рѣзко отличаются отъ арабовъ и даже отъ берберовъ и арабскихъ племенъ западной Сахары. Они распространены на

Молящійся моллахъ.

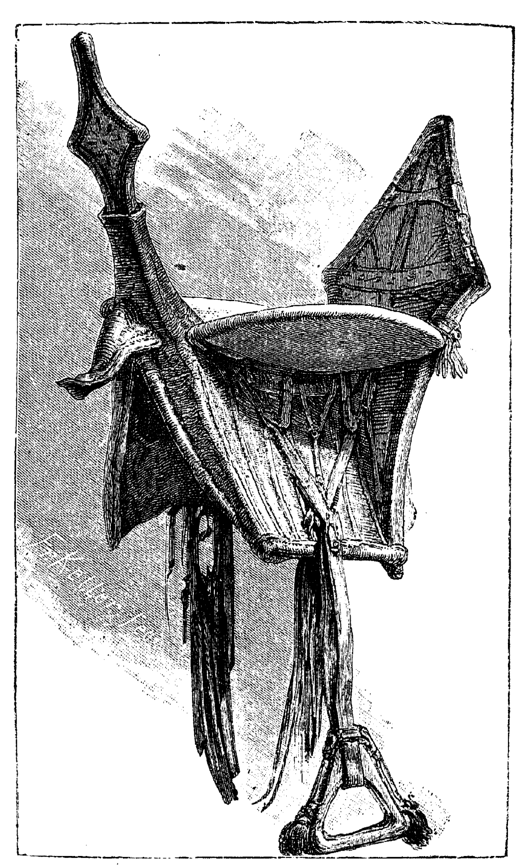
юго-западѣ и даже за Тимбукту; на сѣверѣ ихъ набѣги простираются до южныхъ алжирскихъ оазисовъ и отсюда до Радамеса; кромѣ того, какъ упомянуто выше, они встрѣчаются вблизи Мурзука. Нѣкоторыя изъ ихъ племенъ весьма могущественны и занимаютъ большое пространство; но между собой они живутъ въ постоянной враждѣ и съ презрѣніемъ отзываются другъ о другѣ. Какъ страна, такъ и нація

сообразно условіямъ почвы и мѣстности, равно и нравамъ народа, могутъ быть раздѣлены безъ всякой натяжки на четыре большихъ отдѣла. На сѣверо-востокѣ этой обширной области асджеры населяютъ сѣверное плато Тассили; на западъ отъ этого племени живутъ какъ бы въ неприступной крѣпости ахаггары или хоггары, занимая сѣверо-западъ территоріи. Если мы перейдемъ отсюда на юго-западъ, то встрѣтимъ въ гористомъ оазисѣ Аиръ племя кель-аиръ или келови; къ западу отъ него и на югъ отъ ахаггаровъ до мутныхъ водъ рѣки Нигера распространено племя ауэлеммиденъ, которое имѣетъ осѣдлыя мѣста жительства въ гористомъ Адгаго. Двѣ первыя группы извѣстны подъ именемъ сѣверныхъ, а двѣ послѣднія подъ именемъ южныхъ туариковъ. Асджеры распадаются на шесть племенъ: имананъ-орагенъ, имангазотены, кель-исхабанъ, иметтриталенъ и ихаднаренъ; къ нимъ присоединены еще два племени хогха и ихехауенъ. Къ этимъ восьми, такъ называемымъ благороднымъ племенамъ, нужно причислить населеніе, состоящее изъ тридцати отдѣльныхъ племенъ, преимущественно орагенъ и имананъ, которыя находятся въ крѣпостной зависимости отъ нихъ. Всѣ названныя здѣсь племена признаютъ номинально въ „аменокалѣ“ (берберійскій титулъ султана) своего общаго главу; но фактически его власть весьма ограничена и совершенно зависитъ отъ уваженія, какимъ пользуется лицо, облеченное этимъ саномъ. Келови и ихъ кровные родичи представляютъ ту характерную особенность, что живутъ въ деревняхъ, состоящихъ изъ постоянныхъ, прочно построенныхъ хижинъ, между тѣмъ какъ у асджеровъ, ахаггаровъ и ауэлеммиденъ встрѣчаются только палатки изъ шкуръ и циновокъ. Туарики, подобно келови, утратили свой первоначальный характеръ вслѣдствіе браковъ съ туземными женщинами полуэѳіопской расы. Такимъ образомъ мы видимъ въ келови соединеніе строгихъ нравовъ древнихъ берберовъ съ веселымъ игривымъ характеромъ жителя Нигриціи. Равнымъ образомъ они утратили свою благородную осанку и красивую рослую фигуру; ихъ свѣтлая кожа приняла темный оттѣнокъ кожи негровъ гауза, отъ которыхъ келови заимствовали и языкъ, на которомъ они объясняются также свободно, какъ на діалектѣ темахакъ. Благодаря этому скрещиванію сѣверные туарики относятся къ келови съ извѣстнымъ презрѣніемъ и даже не рѣдко называютъ ихъ „икеланъ“ (рабы). Наиболѣе представительную отрасль келови составляютъ ироланги изъ народной семьи аменокаленъ, которые живутъ въ окресностяхъ Тинтеллуста. Какъ они, такъ и ихъ племенные родичи по своимъ прекраснымъ мужественнымъ фигурамъ и цвѣту лица носятъ несомнѣнные слѣды чистой берберійской крови; нѣкоторыя изъ сродныхъ съ ними племенъ — разбойники по профессіи и своими набѣгами безпокоятъ всю мѣстность между Аиромъ и государствомъ Борну. Большинство племенъ келови подчинено аменокалу Ассоди; между тѣмъ какъ меньшинство, совмѣстно

съ келгероссами, сродными съ ними по крови, признаютъ верховную власть султана Агадеса.

Туарики по своему высокому росту и пропорціональному тѣлосложенію самое красивое изъ всѣхъ африканскихъ племенъ. Они отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ одежды; западныя племена носятъ тѣсную прилегающую къ тѣлу рубашку; у другихъ преобладаетъ широкая одежда; равно и панталоны, короткіе и узкіе на западѣ, достигаютъ значительной длины и ширины на востокѣ. Изъ тканей преимущественно употребляется бумажная парусина, темносиняго и даже почти чернаго цвѣта. Особенно характеренъ распространенный у нихъ, какъ и у племенъ тубу лицевой платокъ „litham“ или „tessilgemist“ завязанный на затылкѣ бантомъ, которымъ они въ два раза обвиваютъ лицо, такъ что имъ закрыты глаза, ротъ и подбородокъ и остается свободной только средняя часть лица и кончикъ носа. Макушка головы съ коротко остриженными или свернутыми въ косу волосами ничѣмъ не прикрыта; иногда изъ подъ „litham“ высовывается борода. Этотъ платокъ или собственно шаль служитъ защитой отъ песка пустыни. Только на окраинахъ пустыни у туариковъ встрѣчаются сандаліи. Одежда изъ кожи повидимому также можетъ считаться національной. Восточныя племена носятъ у кожаннаго пояса кожанный кошелекъ, между тѣмъ какъ западныя привѣшиваютъ къ шеѣ красивый кисетъ, въ которомъ кромѣ нитокъ и шнурковъ положена трубка и табакъ. Оружіе свободныхъ людей состоитъ изъ прямаго очень длиннаго меча, кинжала привязаннаго къ сгибу лѣвой руки, копья въ 2 м. длины, нерѣдко ружья и затѣмъ большаго кожаннаго щита, который въ поединкахъ служитъ надежной защитой отъ ударовъ меча, но не выдерживаетъ пуль. Они исповѣдуютъ исламъ, о которомъ имѣютъ весьма смутное понятіе. Вездѣ господствуетъ суевѣріе; у туариковъ не только грудь и поясъ, но руки и ноги увѣшаны талисманами и мѣшечками, въ которыхъ зашиты изреченія Корана и другія предохранительныя средства. Любовь къ нарядамъ и женщинамъ составляетъ преобладающую страсть. Болѣе чистокровныя племена отличаются воинственностью, поэтому они находятся между собой въ постоянной враждѣ и вездѣ внушаютъ къ себѣ страхъ и ненависть; но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя назвать жестокими. Прежде чѣмъ какое нибудь племя рѣшится предпринять „amdscher“ (походъ) или „edschen“ (набѣгъ, „rhessi“ арабовъ) созываютъ „miâad“ родъ конференціи и дѣлаютъ попытку устроить мирное соглашеніе, потому что тарги, несмотря на свою природную воинственность въ такой-же степени любитъ пожинать лавры своихъ дипломатическихъ и риторическихъ усилій. Сверхъ того всякая подобная мирная сдѣлка сопровождается гомерическимъ пиромъ, который весьма заманчивъ для его апетита, вошедшаго въ поговорку среди обитателей Сахары. Только „благородные“ имѣютъ политическія права и пользуются вліяніемъ въ своемъ племени. Въ государственномъ строѣ отдѣльныхъ группъ туариковъ видную роль играютъ марабуты („inislemin“); они принадлежатъ къ туземной знати и отказываются отъ всякой политической дѣятельности, чтобы достигнуть большаго религіознаго авторитета. Они совмѣщаютъ въ своей особѣ обязанность священниковъ, судей, учителей, и такимъ образомъ являются представителями религіи, правосудія и просвѣщенія. Въ противоположность арабскимъ марабутамъ, которые имѣютъ постоянныя мѣста жительства (монастыри), туарикскіе марабуты преимущественно исполняютъ роль миссіонеровъ и странствуютъ отъ племени къ племени. „Благородный“ (ihaggaren) имѣетъ неограниченную власть надъ имуществомъ своихъ крѣпостныхъ „imrhad“, которые отличаются отъ рабовъ только тѣмъ, что ихъ нельзя продать и они переходятъ отъ одного господина къ другому по наслѣдству или въ видѣ подарка. Крѣпостной тарги не можетъ никогда выйти изъ своего зависимаго положенія или сдѣлаться „благороднымъ“, а

также откупиться или искать спасенія въ бѣгствѣ, потому что „благородный“ пользуется неограниченнымъ правомъ относительно его личности. Тѣмъ не менѣе никогда не бывало случая, чтобы „imrhad“ возмутились противъ господъ; они довольны своимъ положеніемъ и считаютъ для себя такою же честью быть туариками, какъ и „благородные“. Почти всѣ туарики держатъ рабовъ негровъ, и даже „imrhad“ могутъ имѣть таковыхъ; они исполняютъ роль слугъ въ домѣ господина; съ ними вообще обращаются кротко и смотрятъ на нихъ,



Верблюжье сѣдло въ сѣверной Африкѣ.

какъ на членовъ семьи. Женщины у туариковъ не покрываютъ себѣ лица и не рѣдко вмѣшиваются въ дѣла мужчинъ. Онѣ пользуются уваженіемъ и почетомъ и, по берберійскимъ законамъ, могутъ сами распоряжаться своимъ имуществомъ. Бракъ всегда моногамическій. Въ юности женщина получаетъ образованіе, сообразно степени цивилизаціи своихъ соплеменниковъ, и по достиженіи зрѣлости она сама располагаетъ собой въ выборѣ мужа; отецъ можетъ только помѣшать неравному браку. Воспитаніе дѣтей лежитъ исключи-

тельно на женщинѣ; она имѣетъ на нихъ больше правъ, нежели мужъ, потому что по туарикскимъ законоположеніямъ ея кровь даетъ дѣтямъ званіе и положеніе, которыя они занимаютъ въ обществѣ, семьѣ и среди племени. По обычаю старшій сынъ наслѣдуетъ послѣ старшей сестры, что должно способствовать продолженію рода и соблюденію чистоты крови и семейныхъ традицій противъ всякихъ случайностей. Но это не должно вести къ предположенію, что подобныя предосторожности имѣютъ цѣлью отклонить послѣдствія супружеской невѣрности, потому что женщины тарги славятся не только строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, но умѣніемъ оградить свои права, которыя здѣсь весьма значительны. Туарики—номады въ полномъ значеніи этого слова; они переѣзжаютъ съ одного торговаго пункта въ другой на своихъ прекрасно выѣзженныхъ верховыхъ или „осѣдланныхъ верблюдахъ“ »meheri“. Только въ нѣкоторыхъ оазисахъ, какъ напр. Рхатъ, Джанетъ, Иделесъ, Рхадамесъ и въ Феццанѣ они отчасти занимаются земледѣліемъ; равнымъ образомъ ихъ промышленность, хотя и достигла большаго развитія, но не переходитъ границъ безусловной необходимости. Въ противоположность тубу кузнецы пользуются у нихъ особеннымъ уваженіемъ, причисляются къ „благороднымъ“ и занимаются починкой испорченнаго оружія. Кожевенное производство составляетъ довольно значительную отрасль промышленности, за тѣмъ слѣдуютъ сѣдельные мастера, которые изготовляютъ своеобразныя верблюжьи сѣдла („arhazer“ у туариковъ, „rachla“ и арабовъ). Нѣкоторые занимаются также плетеніемъ корзинъ и гончарнымъ ремесломъ; другіе изготовляютъ употребляемую въ странѣ деревянную хозяйственную утварь и тѣ части вооруженія тарги, которыя дѣлаются изъ дерева. Туарикамъ нельзя отказать въ смышленности; но тарги большей частью проводитъ жизнь въ путешествіяхъ, охотѣ или въ исполненіи обязанности проводника, вожака верблюдовъ или пастуха при стадахъ.

Достойно замѣчанія, что туарики изъ всѣхъ племенъ и народовъ Сѣверной Африки (не говоря объ абиссинцахъ и египтянахъ), одни имѣютъ собственные письменные знаки „tefinagh“, которые конечно не примѣнялись никогда къ другой цѣли, кромѣ записыванія короткихъ предложеній, именъ, надписей и т. п. Если гдѣ либо и существуютъ таргійскія книги, то онѣ вѣроятно написаны арабскими буквами, потому что до сихъ поръ не найдено ни одной книги, написанной таргійскими буквами. Неизвѣстно имѣютъ ли туарики числовые знаки; но таковые существуютъ у рхадамзерновъ, языкъ которыхъ представляетъ близкое сродство съ нарѣчіемъ томашекъ. Эти численные знаки повидимому употребляются только въ торговлѣ и преимущественно служатъ для практической цѣли, какъ напр. для обозначенія цѣны товаровъ, чтобы непосвященный не могъ прочесть ихъ. Рхадамзеры представляютъ собой едва замѣтную небольшую общину среди остальной Африки, снабжаемой продуктами торговли Средиземнаго моря. Хотя число ихъ весьма незначительно, сравнительно съ остальнымъ населеніемъ, но тѣмъ не менѣе, то обстоятельство, что они имѣютъ численные знаки, понятные имъ однимъ, даетъ имъ большое преимущество надъ остальнымъ населеніемъ. Впрочемъ мы встрѣчаемъ то-же явленіе въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ. Только посвященный въ торговыя дѣла можетъ понять напр. что *L, a* равняется денежной суммѣ, назначенной за товаръ, помѣченный этими буквами, что *M* означаетъ 3,50 и т. п. Этотъ языкъ чиселъ принятъ во всемъ христіанскомъ купеческомъ мірѣ; но въ каждой странѣ свои знаки, и даже крупныя торговыя фирмы имѣютъ свой языкъ, непонятный для непосвященныхъ.

Какъ видно изъ нижеприведенныхъ цифръ способъ записыванія ихъ тотъ же, что у семитическихъ народовъ, а именно справа налѣво, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ рхадамзеры пишутъ одно число подъ другимъ. 20 = 00 мо-

жетъ быть также выражено $\substack{0\\0}$; вмѣсто 44 = IIII 0000 пишутъ $\substack{II\ 00\\II\ 00}$, что вѣроятно дѣлается для краткости. Сложныя числа служатъ лучшимъ доказательствомъ, что здѣсь вообще принятъ способъ записыванія цифръ справа налѣво. Такъ напр. 6 = I > римлянинъ пишетъ VI, т. е., сперва ставитъ V, затѣмъ направо отъ него I, между тѣмъ какъ рхадамзеры наоборотъ пишутъ прежде послѣднюю цифру, а затѣмъ первую, число 15 = > 0 римлянинъ пишетъ XV, слѣдовательно сперва X, потомъ прибавляетъ справа V, тогда какъ рхадамзеръ сперва ставитъ 0 = т. е. 10 и затѣмъ къ этому слѣва > т. е. 5. Рхадамзерскіе купцы разумѣется тщательно скрываютъ смыслъ этихъ знаковъ отъ триполійскихъ, туниссквихъ, каирскихъ, христіанскихъ и іудейскихъ купцовъ, подобно тому, какъ арабскіе купцы соблюдаютъ тайну относительно значенія своихъ цифръ. Если Герарду Рольфсу удалось пріобрѣсть таблицу чиселъ съ объясненіемъ ихъ значенія отъ одного рхадамзера, то только благодаря значительному подарку и особенно тому обстоятельству, что онъ не принадлежалъ къ купеческому сословію:

0 = •	11 = I0	30 = 000	311 = I0◊◊◊
1 = I	12 = II0	32 = II000	422 = II00◊◊◊◊
2 = II	13 = III0	44 = IIII0000	534 = IIII000X
3 = III	14 = IIII0	55 = >ƨ	657 = II>ƨ◊X
4 = IIII	15 = >0	67 = II>0ƨ	765 = >0ƨ◊◊X
5 = >	16 = I>0	78 = III>00ƨ	876 = I>00ƨ◊◊◊X
6 = I>	17 = II>0	89 = IIII>000ƨ	900 = ◊◊◊◊X
7 = II>	18 = III>0	99 = IIII>0000ƨ	1000 = ⧖
8 = III>	19 = IIII>0	100 = ◊	
9 = IIII>	20 = 00	201 = I◊◊	
10 = 0	21 = I00		

Что касается цифръ свыше 1,000, то рхадамзеры могутъ досчитать до 10,000, хотя повидимому не имѣютъ особеннаго знака для обозначенія этого числа, такъ какъ вышеупомянутый туземецъ не могъ сообщить его Рольфсу. Кромѣ того ихъ счисленіе представляетъ еще ту особенность, что въ то время, какъ мы складываемъ всѣ числа съ помощью нашихъ 10 знаковъ, рхадамзеры имѣютъ особые знаки для первыхъ пяти чиселъ, изъ которыхъ составляютъ числа до девяти; затѣмъ у нихъ существуютъ особые знаки для 10, а затѣмъ для 50, 100, 500 и 1,000. Изъ всего этого можно видѣть, что для счисленія эти знаки настолько же неудобны на практикѣ, какъ и римскія цифры (G. Rohlfs im Ausland 1872, s. 695).

Берберійскіе пастухи, кочующіе въ западной Сахарѣ, по наружному виду существенно отличаются отъ туариковъ. Верхняя часть туловища обнажена у мужчинъ, цвѣтъ кожи красноватый; глаза имѣютъ интеллигентное выраженіе, носъ изогнутый, волосы скорѣе курчавые, нежели вьющіеся. Женщины не покрываютъ себѣ лица и носятъ длинную одежду, которая съ плечъ опускается до пятокъ. Эти племена берберовъ очень кроткаго характера, и по этому ихъ причисляютъ къ марабутамъ. У нихъ также господствуетъ моногамія; женщины повидимому властвуютъ надъ мужщинами, которые стараются всячески угодить

имъ. Необыкновенно легкій разводъ служитъ замѣной полигаміи. Свободныя женщины не исполняютъ никакой работы и никогда не ходятъ пѣшкомъ. Кожа у мужчинъ темнокоричневаго цвѣта отъ сильнаго загара; у женщинъ наоборотъ совсѣмъ бѣлая; но въ этомъ трудно убѣдиться съ перваго взгляда потому, что ихъ кожа всегда покрыта корой грязи. Онѣ вообще избѣгаютъ воды; одна женщина, которую разспрашивалъ путешественникъ Винсенъ, была настолько осторожна въ этомъ отношеніи, что въ продолженіи семи лѣтъ ей ниразу не пришло въ голову умыться. Пища берберовъ состоитъ изъ продуктовъ ихъ стадъ. Тіябъ нѣкогда представляли собой воинственное племя, теперь они обратились въ марабутовъ (духовныхъ) и славятся своимъ гостепріимствомъ. Близъ мели Аргуимъ живутъ берберійскія племена, занимающіеся рыболовствомъ, которое здѣсь сопряжено съ опасностью, потому что море переполнено акулами. Между 21—23 с. ш. тянутся владѣнія кочеваго племени уледъ делимъ, извѣстнаго по красотѣ женщинъ и дѣвушекъ. Въ этомъ отношеніи онѣ дѣйствительно заслуживаютъ удивленія, такъ какъ у нихъ гладкіе волосы, большіе глаза съ густыми рѣсницами, греческій носъ и ослѣпительно бѣлые зубы; кромѣ того онѣ отличаются стройнымъ тѣлосложеніемъ и замѣчательной нѣжностью ногъ и рукъ, съ ногтями окрашенными лавзоніей въ розоватый цвѣтъ. Семейныя узы берберовъ крайне слабы, потому что браки обыкновенно заключаются на короткій срокъ. Въ этой западрой части Сахары встрѣчаются также берберійскіе города съ населеніемъ около 7000 душъ, которое существуетъ доходами съ финиковыхъ плантацій и полей проса, маиса, ячменя и пшеницы, орошаемыхъ изъ неглубокихъ, но весьма обильныхъ колодцевъ. Берберы и здѣсь скрещиваются съ негритянской кровью и образуютъ племена полуметисовъ, какъ трарца, бракна и др., которыя кочуютъ въ западной Сахарѣ. Равнымъ образомъ жители тунисскаго Биледъ-ульДжерида представляютъ собой небольшой своеобразный народъ, который по характару, удовольствіямъ и нравамъ представляетъ большое сходство съ африканскими чернокожими народами. Арабское вторженіе дало имъ религію; но въ нравственномъ отношеніи ученіе Корана далеко не привилось къ нимъ въ такой степени, какъ у мавровъ въ городахъ. Поэтому они ни въ какомъ случаѣ не могутъ отрицать своего происхожденія отъ туземныхъ берберовъ, и можно было бы идти еще дальше и доказывать ихъ средство съ негритянскими народами. Они подходятъ къ послѣднимъ по наружному виду, формѣ головы и выраженію лица. Разумѣется на это сходство берберовъ съ южными туземными расами могло также вліять тождество климатическихъ и другихъ условій. Но такое вліяніе слишкомъ недостаточно само по себѣ, чтобы служить опроверженіемъ гипотезы объ общемъ происхожденіи (Ernst v. Hesse-Wartegg. Tunis. Land und Leute. Wien 1882 s. 219).

Не только финикійскія и пуническія поселенія, но также римляне и даже вандалы въ этнологическомъ отношеніи не имѣли такого значенія для туземнаго населенія Сѣверной Африки, какъ вторженіе арабовъ, слѣдствіемъ котораго было культурное семитизированіе страны. Хотя въ былыя времена большая часть берберовъ исповѣдывала христіанскую религію, но при посредствѣ огня и меча ихъ принудили перейти въ исламъ; вмѣстѣ съ тѣмъ арабское вліяніе во многихъ отношеніяхъ отразилось на ихъ языкѣ и нравахъ. Но въ этомъ процессѣ нужно тщательно различать нѣсколько періодовъ. Во времена первыхъ арабскихъ завоеваній, въ концѣ VII столѣтія, въ сѣверную Африку прибыли только воины и отдѣльныя арабскія семьи, которыя водворились въ городахъ и кое-гдѣ по крѣпостямъ, но вся низменность, горы и Сахара остались въ рукахъ туземныхъ берберовъ. Тѣмъ не менѣе у насъ обыкновенно совсѣмъ упускаютъ изъ виду тотъ фактъ, что до 1050 года нашего лѣтосчисленія, сѣверная Африка, за исключеніемъ городовъ, была населена одними берберами. Почти до половины XI столѣтія здѣсь существовали сравнительно цивилизованныя государства съ берберійскимъ населеніемъ и берберійскими династіями. Только въ эту эпоху совершилось великое арабское переселеніе, которое видоизмѣнило всѣ мѣстныя этнологическіе условія и въ то-же время дало новое направленіе развитію культуры въ сѣверной Африкѣ. Арабскія завоеванія VII столѣтія въ культурно-историческомъ отношеніи не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ принятія ислама берберами, которые при этомъ не утратили своей національности. Въ 710 году, когда арабы, вторглись въ Испанію при Муза и Тарикѣ, условія остались почти тѣ же; но въ ихъ свитѣ были уже довольно многочисленные берберійскіе элементы и даже самъ Тарикъ былъ берберъ. Равнымъ образомъ, какъ и на востокѣ чистокровные арабы составили въ Испаніи только часть всего населенія: здѣсь вслѣдствіе естественныхъ условій должно было постепенно произойти уменьшеніе арабской народности, которая вслѣдствіе удаленія отъ родины не могла усиливаться новыми переселенцами. Между тѣмъ берберы были отдѣлены отъ своихъ соплеменниковъ только узкимъ Гибралтарскимъ проливомъ, и поэтому могли легко распространиться по Испаніи. Они преимущественно утвердили свое господство среди мусульманскаго населенія Андалузіи, въ пользу чего говоритъ то обстоятельство, что послѣ Оммаядовъ вездѣ возникли берберійскія династіи. Для христіанъ, какъ берберы, такъ и арабы были только магометанами или маврами (moros, moriskos). Римляне называли Мавританіей сѣверо-западную часть Африки, и это названіе страны было перенесено на жителей, такъ какъ европейцы того времени еще не признавали этнологическихъ различій. Словомъ „мавры" обозначали также мусульманъ. Общая религія въ непродолжительномъ времени побудила испанскихъ берберовъ къ принятію арабскаго языка, т. е. языка Корана, получив-

шаго міровое литературное значеніе. Осѣдлость обоихъ народовъ, какъ исчезающихъ по числу арабовъ, такъ и постоянно прибывающихъ берберовъ еще больше способствовала ихъ слiянiю, такъ что, когда всѣ магометане или мавры были изгнаны изъ Испанiи, сами арабы и берберы не могли больше отличить другъ друга. По словамъ Герарда Рольфса, хотя въ Испанiю пришли арабы и берберы, но оттуда вернулись одни арабы, потому что на чужбинѣ произошло такое тѣсное слiянiе обоихъ народовъ, что арабы съ внѣшней стороны во всѣхъ отношенiяхъ поглотили берберовъ, не только, благодаря своему умственному превосходству, но и религiи, которой они были главными представителями. Дѣйствительно въ Испанiи образовался арабо-берберiйскiй смѣшанный народъ съ несомнѣннымъ преобладанiемъ съ одной стороны арабскаго языка и нравовъ, а съ другой берберiйской крови, чѣмъ объясняется вытекающее отсюда сходство во внѣшности. Этотъ смѣшанный народъ, послѣ своего изгнанiя изъ Испанiи, вернулся въ сѣверную Африку и содѣйствовалъ усиленiю арабскаго элемента въ смыслѣ языка и нравовъ, но не арабской крови. Изгнанники остались частью въ городахъ, гдѣ вслѣдствiе заключаемыхъ браковъ слились съ мѣстнымъ населенiемъ, опять-таки состоящимъ изъ арабовъ и берберовъ, между тѣмъ какъ значительная часть и даже быть можетъ большинство, въ виду общаго недовѣрiя и непрiязни, разсѣялось по всей странѣ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что сѣверо-африканскiе берберы, хотя и составляютъ самую распространенную народную отрасль, но тѣмъ не менѣе подвергались весьма разнообразнымъ видоизмѣненiямъ. Арабы, наводнившiе страну въ половинѣ XI столѣтiя, представляли собою дикихъ кочевниковъ, которые были главными виновниками гибели сѣверо-африканской цивилизацiи. Если бы новые пришельцы были больше способны къ цивилизацiи, то они несомнѣнно основали бы въ побѣжденныхъ странахъ новыя государства и династiи; но они остались „бедуинами“ до настоящей минуты. Сами они не были въ состоянiи преобразовать покоренныя земли въ политическомъ отношенiи, и, хотя они не вполнѣ уничтожили существовавшiя до нихъ государственныя учрежденiя, но оставили только слабое подобiе ихъ. Города и морскiя гавани не имѣли никакого значенiя для бедуиновъ; поэтому они предоставили господство надъ ними старымъ династiямъ, которыя до сихъ поръ номинально считаются высшей властью въ странѣ. Почти все плоскогорiе и наиболѣе плодоносные оазисы Сахары были обращены въ пастбища арабовъ, которые вытѣснили туземныя берберiйскiя племена и заставили ихъ отчасти искать убѣжища въ пустынѣ, частью въ высокихъ горахъ. Тѣмъ не менѣе это не помѣшало усиленному скрещиванiю между обоими народами. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ полосахъ земли, какъ напримѣръ въ сѣверномъ Тунисѣ скрещиванiе происходило не только между берберами и ара-

бами, но и съ разнородными элементами, издавна населявшими страну, и достигло такихъ размѣровъ, что въ настоящее время едва ли можно говорить о чистокровныхъ берберахъ или кабилахъ, о чистокровныхъ арабахъ и т. п. Только въ Марокко первобытные берберы были удалены отъ арабовъ и не смѣшались съ ними. Хотя въ здѣшнихъ городахъ и болѣе населенныхъ пунктахъ встрѣчаются браки между представителями обоихъ народовъ, но нынѣшніе арабы и берберы также чужды другъ другу, какъ и во времена перваго нашествія арабовъ.

Что касается численности и распространенія обоихъ народовъ, то мы видимъ, что въ Марокко берберы не только гораздо многочисленнѣе, но и занимаютъ несравненно большее пространство земли. Чистокровное арабское населеніе встрѣчается только къ югу отъ нихъ въ земляхъ Рхарбъ и Бени Гассанъ, а также въ Андьера и въ береговой полосѣ отъ мыса Эспартель до Могадора. Даже такія мѣстности, какъ Шауя, Дукала и Абда отчасти населены арабскими племенами и частью берберійскими. За исключеніемъ большихъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ арабы неизмѣнно составляютъ преобладающій элементъ населенія, они нигдѣ не встрѣчаются сплошными массами. Такимъ образомъ можно почти безошибочно сказать, что четыре пятыхъ страны занимаютъ берберы и только одна пятая приходится на долю арабовъ. Что же касается численности населенія, то берберы приблизительно составляютъ двѣ трети и одну треть — арабы. Послѣдніе въ Марокко величаютъ себя „арби“, т. е. арабами, но если они хотятъ вмѣстѣ съ тѣмъ обозначить въ точности свою нынѣшнюю родину, то они называютъ себя „рхарби“ или „рхарбаун“ (люди изъ западной земли). Берберы называютъ себя „мазигъ“ или „шеллахъ“; слово „берберъ“ имъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, къ югу отъ Атласа. Они какъ будто сознаютъ значеніе этого прозвища и не любятъ когда его примѣняютъ къ нимъ; сами же они никогда не называютъ себя берберами, а всегда „бребберами“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что осѣдлые народы, жившіе нѣкогда въ нынѣшнемъ Марокко, должны были оставить послѣ себя извѣстный слѣдъ. По крайней мѣрѣ только этимъ мы можемъ объяснить то явленіе, что среди черноволосаго и черноглазаго населенія мы встрѣчаемъ индивидовъ съ свѣтлыми глазами и бѣлокурыми волосами, которые, по всѣмъ даннымъ, представляютъ собой потомковъ германскихъ вандаловъ. Между тѣмъ подобные типы весьма рѣдки среди арабовъ, изъ чего можно вывести заключеніе, что послѣ вторженія арабовъ не было больше ни одного нашествія бѣлокурыхъ народовъ на западную Африку. Такимъ образомъ нерѣдко можно видѣть дѣтей съ свѣтлыми глазами и бѣлокурыми волосами въ такихъ семьяхъ, гдѣ отецъ и мать черноволосые и черноглазые. Берберы говорятъ на языкѣ „шамаширтъ“, или „шеллахъ“, который извѣстенъ у сѣверныхъ туариковъ подъ именемъ „темахакъ“, а у южныхъ — „темашекъ“; онъ встрѣчается въ Ауджила и еще далѣе на крайнемъ востокѣ въ оазисѣ Юпитера Аммонскаго. Различные діалекты „тамаширта“ рѣзко отличаются между собой, что вполнѣ естественно, такъ какъ этотъ языкъ распространенъ на пространствѣ, занимающемъ почти четвертую часть Африки. Тѣмъ не менѣе эти отличія не настолько велики, чтобы разные народы, говорящіе на берберійскихъ діалектахъ не могли понимать другъ друга. Марокскіе берберы, въ противоположность своимъ соплеменникамъ туарикамъ, не имѣютъ и не знаютъ никакихъ письменныхъ знаковъ.

Хотя арабы и берберы существенно различаются по языку, но во всемъ остальномъ они почти не представляютъ между собой никакой разницы. Какъ въ низменностяхъ, такъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ, арабы и берберы имѣютъ

одинаковую наружность (быть можетъ вслѣдствіе постоянныхъ кочевокъ), а именно стройное и жилистое тѣлосложеніе, съ сильно развитыми мускулами, смуглую кожу, кавказскій окладъ лица, рѣзко изогнутый носъ, черные огненные глаза, черные прямые волосы, острый подбородокъ, выступающія скуловыя кости и жидкую бороду. Вообще горные жители отличаются болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, и это относится не только къ берберамъ, живущимъ въ горахъ Рифа, но и къ арабскому населенію гористой мѣстности Андъера. Что касается женскаго пола у обоихъ народовъ, то аравитянки вообще ниже ростомъ, нежели берберійскія женщины; но во всемъ остальномъ ихъ трудно отличить по наружности. Можно безошибочно сказать о тѣхъ и другихъ, что онѣ очень рано достигаютъ зрѣлости; въ молодости имѣютъ красивыя полныя формы и большей частью правильныя черты лица, но скоро старѣются, худѣютъ отъ недостаточнаго питанія и вообще становятся безобразными въ пожиломъ возрастѣ.

Въ Марокко, какъ у арабовъ, такъ и берберовъ, господствуетъ моногамія. Хотя бываютъ исключительные случаи, когда особенно богатый или знатный арабъ держитъ гаремъ, но такіе примѣры не имѣютъ особеннаго значенія; что-же касается бербера, то какъ бы ни было высоко его общественное положеніе, онъ всегда женится только на одной женѣ. Разводы дозволены религіей и встрѣчаются весьма часто, что нерѣдко ведетъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Мужъ разстается съ женщиной, отъ которой имѣлъ ребенка и женится во второй разъ; она дѣлаетъ тоже; затѣмъ у ней родится ребенокъ отъ втораго мужа; послѣдній равнымъ образомъ разводится съ нею и она подчасъ выходитъ замужъ въ третій разъ и такимъ образомъ снабжаетъ дѣтьми три семьи. Незамужняя дѣвушка крайне рѣдко отдается мужчинѣ до брака; нарушеніе супружеской вѣрности также составляетъ небывалое явленіе. Но тѣмъ свободнѣе живутъ вдовы, которыя не считаютъ нужнымъ стѣснять себя относительно нравственности, какъ только потеряютъ надежду снова выйти замужъ. Вообще дѣвушки и замужнія женщины отличаются въ Марокко некрасивой походкой. Повидимому берберійскія женщины переняли ее у аравитянокъ (или она быть можетъ свойственна и имъ самимъ), потому что женщины чуть ли не у всѣхъ семитскихъ народовъ имѣютъ ту-же особенность.

Обыкновенно бракъ заранѣе рѣшается родителями и родственниками жениха и невѣсты, но также довольно часто встрѣчаются браки по любви. Это объясняется тѣмъ, что всѣ женщины и молодыя дѣвушки ходятъ безъ покрывала, такъ что женихъ имѣетъ возможность познакомиться съ своей будущей женой. Подобные браки по сердечной склонности большей частью продолжаются всю жизнь, между тѣмъ какъ супружества заключенныя по разсчету обыкновенно непрочны. Покупка жены не въ обычаѣ; женихъ долженъ только вручить своему будущему тестю сумму денегъ, необходимую для покупки одежды и украшеній его дочери. Если женщина подаетъ поводъ къ разводу или сама требуетъ его, то она обязана возвратить потраченную на нее сумму, но если мужъ бросаетъ жену, то всѣ вещи остаются у ней и ея отецъ не обязанъ возвращать денегъ.

Обрѣзаніе въ общемъ употребленіи, хотя у нѣкоторыхъ берберійскихъ племенъ мы не встрѣчаемъ этого обычая; равно и въ Марокко онъ не считается безусловно необходимымъ для магометанъ. Вообще у берберовъ замѣтны нѣкоторыя особенности, которыя не встрѣчаются у арабовъ; такъ напр. жители Рифа ѣдятъ мясо дикой свиньи вопреки запрещенію Корана. Всѣ берберы ведутъ лѣтосчисленіе по солнечнымъ мѣсяцамъ и имѣютъ для нихъ старинныя названія, заимствованныя у христіанъ; это лѣтосчисленіе принято также арабами, живущими къ югу отъ Атласа.

Семейная жизнь вполнѣ патріархальная, и здѣсь придаютъ необыкновен-

ное значеніе родству и роду; особенныхъ фамильныхъ названій въ новѣйшемъ смыслѣ не существуетъ ни у арабовъ, ни у берберовъ, есть только прозвища для обозначенія всего рода или племени. При этомъ каждый къ общему родовому прозвищу добавляетъ имя своего отца, иногда дѣда и даже прадѣда. У арабовъ мы встрѣчаемъ почти исключительно имена, взятыя изъ Библіи или Корана, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Берберы и въ этомъ отношеніи сохранили свою самобытность, такъ какъ до сихъ поръ носятъ арабскія и берберійскія имена, напр. Хумо, Буко, Рохо, Аха и т. д., хотя арабскія имена являются преобладающими. Дѣти собственно не получаютъ никакого воспитанія; до двухлѣтняго возраста они почти не покидаютъ спины своихъ матерей, которыя кормятъ ихъ грудью, впродолженіе этого времени, а иногда и долѣе. Почти въ каждомъ „тшаръ“ (деревня изъ домовъ), „дуаръ“ (деревня изъ палатокъ) и „кзоръ“ (деревня въ оазисѣ) можно встрѣтить школьнаго учителя „тхалебъ“ или „факи“, хотя ученики большей частью едва выучиваютъ главу Корана, необходимую для молитвы, не говоря о томъ, что чтеніе и письмо имъ недоступно. Подрастающія дочери помогаютъ матерямъ въ домашнихъ занятіяхъ, между тѣмъ какъ юношей пріучаютъ стеречь стада, помогать въ полевой работѣ во время запашки; но впослѣдствіи представители мужскаго пола трудятся только короткое время въ году и проводятъ остальную жизнь въ праздности. Табакъ и гашишъ въ общемъ употребленіи, хотя въ умѣренной степени. Опіумъ не пріобрѣлъ правъ гражданства, кромѣ городовъ и оазиса Туата. Празднество винограднаго сбора играетъ вездѣ важную роль и непосредственно сопровождается попойками. Марокко представляетъ собой страну необыкновенно богатую виноградниками. Г. Рольфсъ набрасываетъ далеко неутѣшительную картину господствующей здѣсь неумѣренности и грубости нравовъ. Вообще всѣ марокканцы не отличаются особенной мягкостью, благородными чувствами или кроткимъ характеромъ. У берберовъ, а именно на сѣверномъ склонѣ Атласа, грубость нравовъ доходитъ до такой степени, что они во многихъ отношеніяхъ не уступаютъ животнымъ.

Подобно тому, какъ во времена Авраама люди ѣли на полу, сидя на корточкахъ около блюда, такъ ѣстъ марокканецъ и до сихъ поръ. Употребленіе ножей и вилокъ ему неизвѣстно. Равнымъ образомъ не вездѣ можно встрѣтить ложки. У Атлантическаго океана отъ мыса Эспартель до устья Суза и даже, повидимому, далѣе къ югу взамѣнъ ложекъ служатъ раковины изъ вида устрицевыхъ, которыя океанъ выбрасываетъ на берегъ. Мужчины ѣдятъ отдѣльно отъ женщинъ, которыя должны ѣсть вмѣстѣ съ дѣтьми. Этотъ обычай, благодаря исламу, водворился и у берберовъ. Въ деревняхъ мясо ѣдятъ только по случаю праздниковъ и то въ умѣренномъ количествѣ. Равнымъ образомъ чай, который въ городахъ составляетъ любимый напитокъ марокканцевъ, встрѣчается въ деревняхъ только у богатыхъ и знатныхъ людей; остальные пьютъ воду. Въ Марокко совершенно неизвѣстно изготовленіе „буза“ (опьяняющій напитокъ изъ зерноваго хлѣба) или „лакби“ (пальмовый сокъ). Марокканцы считали бы великимъ преступленіемъ погубить для этой цѣли финиковую пальму или лишить ее возможности приносить плоды. Равнымъ образомъ „лакби“ совсѣмъ неизвѣстенъ во всѣхъ марокканскихъ оазисахъ. Обычай прививанія пальмъ начинается собственно въ оазисахъ, лежащихъ къ югу отъ Туниса.

Но мы не должны упускать изъ виду одно хорошее качество марокканцевъ, а именно гостепріимство, которое чуждо хвастовства и церемонности и считается чѣмъ-то неизбѣжнымъ и обязательнымъ. Во всѣхъ деревняхъ состоящихъ изъ домовъ или палатокъ, есть такъ наз. „даръ“ или „гитунъ эльдіафъ“, предназначенный для путешественниковъ. Чужеземецъ не связанъ никакимъ обязательствомъ за оказанное ему гостепріимство и даже, наоборотъ, имѣетъ право подать жалобу, если о немъ недостаточно позаботились. Само

собой разумѣется, что въ этомъ случаѣ, его подробно разспрашиваютъ обо всемъ, потому что сдержанность и молчаливость, относительно личныхъ дѣлъ, не въ характерѣ марокканцевъ. Считаемъ также не лишнимъ замѣтить, что арабскія племена вообще щедрѣе берберовъ.

Среди жителей Марокко нѣтъ собственно дворянъ въ нашемъ смыслѣ. Самый знатный классъ называется шюрфа - „schürfa“ (множ. отъ „scherif“), т. е. потомки Магомета, разумѣется арабскаго происхожденія. Они умножились до такой степени, что иногда встрѣчаются цѣлыя мѣстности, которыя почти сплошь населены „schürfa“; ихъ легко узнать но ихъ привычкѣ прибавлять къ каждому имени „sidi“ или „mulei“, т. е. „мой господинъ“. Нынѣшняя династія въ Марокко, по своему происхожденію принадлежитъ къ „schürfa“. Нельзя сдѣлаться „schürfa“ по наслѣдству черезъ женщину. Если напримѣръ простой марокканецъ женится на „scherifa“, то его дѣти не будутъ schürfa“. Но „scherif“ можетъ жениться на женщинѣ изъ какого угодно сословія, и дѣти его все таки будутъ “schürfa“. Послѣднія не исключаются изъ сословія „schürfa“, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда „scherif“ женится на христіанкѣ или еврейкѣ (которыя могутъ сохранить свою религію), или даже на негритянкѣ (послѣдняя должна перейти въ исламъ). Равнымъ образомъ дѣти рожденныя внѣ брака имѣютъ одинаковыя права съ законными дѣтьми. Вездѣ въ Марокко на „schürfa“ смотрятъ, какъ на особый привилегированный классъ. Они имѣютъ право оскорблять людей другихъ сословій, и тѣ не могутъ платить имъ той-же монетой. Магометанинъ не можетъ нанести болѣе сильнаго оскорбленія своему противнику, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ бранитъ его предковъ или родителей. Простой человѣкъ долженъ молча перенести и такую обиду отъ „scherifa“, потому что, еслибы онъ вздумалъ въ свою очередь поносить отца или предковъ потомка пророка, то это было бы оскорбленіемъ религіи. Но онъ имѣетъ право бранить самого „scherifa“. Марабуты въ Марокко пользуются несравненно меньшимъ значеніемъ, нежели въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ „schürfa“ играютъ здѣсь наиболѣе видную роль.

Мы почти не можемъ вывести никакихъ заключеній, относительно умственныхъ дарованій марокканцевъ. Въ новѣйшее время мы не видимъ у нихъ выдающихся людей, и врядъ-ли марокканецъ способенъ имѣть какія либо благородныя стремленія. Порча нравовъ далеко не такъ велика въ деревняхъ, какъ по городамъ. Такъ напримѣръ здѣсь почти никогда не видишь разврата, нарушенія супружеской вѣрности или другихъ пороковъ, но воровство, ложь и обманъ въ обоюдныхъ отношеніяхъ между отдѣльными родами, не считаются грѣхомъ. Ложь вообще настолько свойственна арабамъ и берберамъ, что едва-ли можно встрѣтить человѣка, который бы говорилъ правду. Ложь стала здѣсь своего рода профессіей съ ея неизмѣнными спутниками: обманомъ и воровствомъ. Господство кулачнаго права, разбой и убійство составляютъ обыденное явленіе во всѣхъ частяхъ страны, куда не можетъ проникнуть армія султана. Разсказы о томъ, что гость священная особа относительно марокканца не имѣетъ никакого основанія, потому что во многихъ мѣстностяхъ даже „schürfa“ не ограждены отъ насилія (Gerh. Rohlfs, Mein erster Aufenthalt in Marokko und Reise südlich vom Atlas durch die Oasen Draa und Tafilet. Bremen 1873 s. 59—81).

Берберійское султанство Марокко образуетъ независимое государство, которое находится при самыхъ неутѣшительныхъ соціально-политическихъ условіяхъ. Народъ живетъ согласно религіознымъ правиламъ и предписаніямъ, которыя постоянно тяготѣютъ надъ нимъ, такъ какъ религія тѣсно связана съ его существованіемъ. Здѣсь нѣтъ никакого гражданскаго законодательства. Все основано на религіи, около религіи вращается вся жизнь, а именно около Корана, этого кодекса магометанскаго ученія. Хотя отдѣльныя берберійскія племена имѣютъ свой „kanun“, по которому они рѣшаютъ дѣла, но большая часть на-

рода подвластна „kadi“, а эти въ своихъ приговорахъ большею частью руководятся собственнымъ вдохновеніемъ, т. е. произвольнымъ толкованіемъ смысла божественной книги. Поэтому прогрессъ немыслимъ у магометанскихъ и особенно у марокканскихъ народовъ. Въ Марокко инстинктивно чувствуютъ, что соприкосновеніе съ культурными народами поведетъ къ упадку религіи. Съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшняя династія „schürfa“, Филали, утвердилась на престолѣ, она поставила себѣ правиломъ болѣе чѣмъ когда либо оградить страну отъ какихъ либо сношеній съ христіанами. Такой способъ дѣйствій вполнѣ понятенъ, потому что съ успѣхами цивилизаціи связана свобода мысли, съ культурой критика въ религіозныхъ вопросахъ, что неизбѣжно должно заградить путь личному произволу и деспотизму. Представители нынѣшней династіи тѣмъ болѣе заинтересованы въ томъ, чтобы удалить народъ отъ всякихъ культурныхъ стремленій, что династія до извѣстной степени отождествляетъ себя съ религіей ислама, такъ какъ она непосредственно происходитъ изъ рода Магомета. Поэтому можно легко вообразить себѣ, какъ велико обаяніе этихъ правителей, которые не только властелины страны и всего, что въ ней; и совмѣщаютъ въ своей особѣ высшую духовную власть надъ подданными съ полной непогрѣшимостью ихъ особы, но имѣютъ еще то громадное преимущество, что — личные потомки пророка. Такимъ образомъ ни одинъ монархъ на землѣ не убѣжденъ въ такой степени въ своемъ божественномъ правѣ и превосходствѣ надъ всѣми другими людьми, какъ марокккскій султанъ, который называетъ себя „Hakem el Mumenin“ или „Emir el Mumenin“ т. е. повелителемъ правовѣрныхъ и кромѣ того добавляетъ къ своему титулу: „Первый боецъ Господень на этомъ и томъ свѣтѣ“. Равнымъ образомъ ни одинъ народъ въ мірѣ не относится съ такимъ почитаніемъ, такой преданностью и любовью къ своему монарху, какъ марокканцы. Султанъ своего рода Богъ, онъ пользуется болѣе неограниченной властью, нежели русскій государь и гораздо непогрѣшимѣе папы. Онъ представляетъ собой идеалъ самовластнаго монарха, не уступающаго въ этомъ отношеніи средневѣковымъ деспотамъ, и ореолъ котораго остался неприкосновеннымъ вопреки всякому прогрессу (Ausland 1877, s. 629). Нынѣшній султанъ повидимому болѣе чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ готовъ порвать цѣпи отдѣлявшія Марокко отъ остальнаго міра, а именно отъ Европы, и нельзя отрицать, что въ этомъ смыслѣ уже произошелъ извѣстный внѣшній прогрессъ. Жизнь при дворѣ султана существенно отличается отъ той, какая была здѣсь не далѣе, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ Марокко султанъ и его дворъ олицетворяютъ собой страну, и къ нему болѣе чѣмъ кому либо примѣнима фраза: „l'état c'est moi“. Если султанъ будетъ стремиться къ прогрессу, то страна неизбѣжно послѣдуетъ за нимъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились болѣе или менѣе чистокровные берберы, мы встрѣчаемъ у нихъ извѣстныя черты, которыми они самымъ положительнымъ образомъ отличаются отъ арабовъ, даже несмотря на различныя видоизмѣненія въ нравахъ и характерѣ. Арабы преимущественно кочевники, т. е. „бедуины“, между тѣмъ какъ берберы выказываютъ склонность къ осѣдлой жизни. Само собою разумѣется, что было бы полнымъ заблужденіемъ думать, что арабъ только кочевникъ, а берберъ ведетъ всегда осѣдлую жизнь. Ни того, ни другаго мы не видимъ въ дѣйствительности. Теперь извѣстно, что подъ словомъ „кочевая жизнь“, мы не должны представлять себѣ безусловной свободы, при которой родъ можетъ и имѣетъ право выбрать для кочевки любое мѣсто и въ то время, когда ему вздумается. Въ этно-

логіи неизвѣстенъ ни одинъ примѣръ такого способа кочеванія даже у самыхъ дикихъ народныхъ племенъ. Равнымъ образомъ у австралійцевъ мы видимъ опредѣленные округа для пастбищъ и охоты, а тѣмъ болѣе должны они быть у арабовъ, которые далеко превосходятъ ихъ въ культурѣ. Почти повсемѣстно кочевникъ долженъ прибѣгать къ земледѣлію, чтобы прокормить скотъ въ зимнее время. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у арабовъ каждое кочующее племя въ сѣверной Африкѣ занимается также посѣвомъ и пашней. Рольфсъ утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ, что арабы въ сѣверной Африкѣ прежде всего земледѣльцы, а затѣмъ уже занимаются скотоводствомъ. Когда они весной и лѣтомъ покидаютъ свои зимовья, чтобы перевести стада на опредѣленныя пастбища, часть племени остается на мѣстѣ. Но мы считаемъ не совсѣмъ вѣроятнымъ, чтобы берберы заимствовали плугъ у арабовъ, какъ утверждаетъ Рольфсъ, потому что древніе египтяне, которые были также берберы имѣли плугъ, хотя и первобытной формы, который до сихъ поръ употребляется въ странѣ. Между тѣмъ Рольфсъ хочетъ доказать на основаніи личныхъ наблюденій, что берберы только тамъ знакомы съ этимъ земледѣльческимъ орудіемъ, гдѣ они встрѣчаются совмѣстно съ арабами. Послѣдніе всего охотнѣе живутъ въ „duar“, т. е. въ временныхъ поселеніяхъ, состоящихъ изъ палатокъ, которыя безъ труда могутъ быть раскинуты среди округа, назначеннаго для пастбищъ и распашки и вновь перенесены на другое мѣсто. Берберъ, наоборотъ, предпочитаетъ для жилья каменные дома, но вообще избѣгаетъ городовъ. Ни одно изъ берберійскихъ поселеній не превосходитъ по величинѣ наши европейскія деревни. Въ сѣверной Африкѣ, помимо туариковъ Сахары, встрѣчаются многочисленныя кочевыя племена Изъ нихъ хумаирсы или крумиры въ Тунисѣ, подобно берберамъ Алжира, не имѣютъ постоянныхъ мѣстъ жительства. Хотя встрѣчаются отдѣльныя племена, которыя живутъ въ небольшихъ домахъ, построенныхъ изъ глиняныхъ кирпичей или въ уцѣлѣвшихъ развалинахъ безчисленныхъ римскихъ городовъ, покрывающихъ малоизслѣдованныя цѣпи горъ къ сѣверу отъ Меджерда, но ихъ сравнительно не много. Многія племена продолжаютъ вести кочевую жизнь, подобно арабскимъ бедуинамъ, занимаются одновременно скотоводствомъ и земледѣліемъ и не имѣютъ другихъ жилищъ, кромѣ черныхъ палатокъ, сплетенныхъ изъ верблюжьей шерсти. Въ нѣкоторыхъ частяхъ страны берберы встрѣчаются преимущественно въ горахъ, куда они были вытѣснены изъ равнины арабскими пришельцами; но во всей сѣверной Африкѣ распространены многочисленныя берберійскія племена, какъ въ равнинахъ, такъ и въ горахъ. Въ Алжирѣ у берберовъ преобладаетъ діалектъ шовіахъ; но кабилы сохранили свое первобытное нарѣчіе, хотя, въ него вошли многіе арабскіе элементы; для письма приняты арабскія буквы. Въ Тунисѣ берберы, равнымъ образомъ, употребляютъ

многія европейскія и арабскія выраженія; въ послѣднее время это дошло до такой степени, что они стали мало пользоваться своимъ первобытнымъ языкомъ и въ сношеніяхъ съ кочевыми и осѣдлыми арабами объясняются съ ними на туниссо-арабскомъ языкѣ или „махреби". Если арабы не всегда понимаютъ ихъ, то, по свидѣтельству Эрнста фонъ Гессе Вартегга (Tunis, s. 163), это нужно приписать тому обстоятельству, что они говорятъ на воровскомъ жаргонѣ, который также въ употребленіи у разбойничьихъ ордъ на южной и западной границѣ Алжира и Туниса, подобно тому какъ въ европейскихъ столицахъ мошенники имѣютъ особый языкъ. Равнымъ образомъ во многихъ другихъ отношеніяхъ тунисскіе берберы утратили особенности своей расы и переняли извѣстныя черты отъ арабовъ, которые въ свою очередь многое заимствовали отъ нихъ, и если до сихъ поръ существуютъ различія между этими двумя большими группами, то они не такъ рѣзки, какъ прежде. Въ Алжирѣ эти два элемента издавна почти слились въ одинъ, хотя привычный глазъ все еще можетъ легко отличить ихъ. У кабиловъ, которые живутъ болѣе сплошными массами и рѣже приходятъ въ соприкосновеніе съ кочевыми племенами равнинъ, берберъ больше отличается по тѣлосложенію отъ араба. Ростъ его не выше средняго; но онъ довольно коренастаго тѣлосложенія. У него большая голова, окладъ лица почти четыреугольной формы, лобъ широкій и прямой, носъ и губы толстые; при этомъ довольно часто можно встрѣтить голубые глаза и рыжіе волосы. Въ Тунисѣ наблюдается такое же явленіе: въ то время, какъ у всѣхъ бедуиновъ волосы, глаза и борода совсѣмъ черные, берберы не рѣдко имѣютъ рыжіе и бѣлокурые волосы, голубые глаза, бѣлокурую косматую бороду, а также болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи. Такимъ образомъ берберъ этой части Африки по своей внѣшности скорѣе напоминаетъ сѣвернаго жителя, нежели уроженца жаркихъ странъ.

Берберы особенно отличаются своей склонностью къ промышленности и искусствомъ въ ремеслахъ, нагляднымъ доказательствомъ чего могутъ служить серебряныя филиграновыя вещи алжирскихъ кабиловъ, которыя пользуются большой извѣстностью. Кабилъ трудится безъ устали; зимой, когда прекращаются полевыя работы, онъ обращается въ портного, кузнеца и т. п. или же изготовляетъ знаменитые ятаганы (наз. „flissa" соотвѣтственно племени, которое преимущественно занимается ихъ фабрикаціей), ружья, красивые сосуды, обѣденныя дощечки и пр. Зимой и лѣтомъ, въ хорошую и дурную погоду его жизнь представляетъ образецъ безпрерывной дѣятельности. Онъ ткачъ, фабричный работникъ, рудокопъ, горшечникъ, при случаѣ плететъ корзины и занимается выжиманіемъ оливковаго масла; но кузнечество его главное ремесло, начиная отъ грубой оружейной работы до тонкихъ серебряныхъ и золотыхъ вещей. Великолѣпныя зданія сооруженныя берберами въ Тлемзенѣ, Фецѣ и Марокко, служатъ свидѣтельствомъ ихъ изящнаго вкуса и способности къ архитектурѣ. Баронъ Г. Окапитенъ, основательно знакомый съ берберами, называетъ кабиловъ Джурджура интеллигентными, но неотесанными мужиками. Между тѣмъ берберійскіе бедуины, которые образуютъ въ Тунисѣ большинство населенія, стоятъ почти на равной степени культуры

съ арабами, и только въ незначительной степени отличаются отъ нихъ по одеждѣ и нравамъ. Личное мужество кабиловъ и арабовъ плоскогорья и Сахары считается неоспоримымъ фактомъ; но берберы едва-ли даже не воинственнѣе ихъ. Они не уступаютъ арабамъ въ гостепріимствѣ, выносливости и трезвости, хотя послѣднее скорѣе представляетъ послѣдствіе чрезмѣрной скупости, нежели прирожденной умѣренности. Берберъ довольствуется скудной пищей, пока ему приходится платить изъ своего кошелька, но если онъ можетъ жить на чужой счетъ, то онъ поглощаетъ невѣроятную массу ѣды. Онъ рѣзко отличается отъ араба по своей честности и прямодушію. Свойственная ему скупость проявляется и въ одеждѣ, которая всегда грязная и въ лохмотьяхъ, въ чемъ берберы составляютъ противоположность съ арабами, такъ какъ у послѣднихъ платье почти всегда цѣло и крайне опрятно. Чтобы дать понятіе о нарядѣ кабила можно повторить старую остроту о „платьѣ, состоящемъ изъ дыръ, между которыми кое-гдѣ видна матерія“. Кромѣ бурнуса или „haik“, большей частью чернаго цвѣта, берберъ носитъ еще длинную шерстяную рубашку („schelukha“), доходящую до колѣнъ; во время работы онъ надѣваетъ широкій кожаный передникъ („tabenta“). Его голова большей частью ничѣмъ не покрыта; но его ноги укутаны „burrerus“, т. е. шерстяными вязаными штиблетами (Dr. Bernhard Schwarz. Algerien, Küste, Atlas und Wüste, nach 50 Jahren französischer Verwaltung. Leipzig 1881 s. 350).

Мягкое и почти христіанское обращеніе съ женщиной составляетъ главное отличіе бербера отъ араба, которое имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что характеризуетъ берберійскую народность на всемъ ея протяженіи и на самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры. Хотя многіе путешественники утверждаютъ, что женщина у арабовъ не болѣе какъ служанка, но такой взглядъ основанъ на поверхностномъ наблюденіи. Если наступаетъ рабочая пора, то всѣ мужчины, какъ арабы, такъ и берберы, немедленно принимаются за дѣло. Они не только пашутъ поле, сѣютъ хлѣбъ, но смотрятъ за садомъ, пасутъ стада, бьютъ скотъ, однимъ словомъ, исполняютъ всѣ тяжелыя работы. Во всякомъ случаѣ женщина у берберовъ занимаетъ несравненно высшее положеніе и пользуется большей свободой, нежели аравитянка, что слѣдуетъ отнести еще къ до-магометанскимъ временамъ. Она съумѣла сохранить это завидное положеніе и послѣ принятія магометанства. У многихъ берберійскихъ племенъ, также какъ и у туариковъ, наслѣдникомъ отцовской власти считается не старшій сынъ въ семьѣ, какъ у большинства народовъ, а сынъ старшей сестры или дочери. У нѣкоторыхъ племенъ даже верховная власть можетъ быть въ рукахъ женщины. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ женщина имѣетъ голосъ у берберовъ и здѣсь мужчины болѣе чѣмъ у какого либо другого народа подчиняются рѣшенію женщинъ. Въ то время, какъ аравитянка не смѣетъ показаться безъ покрывала и даже должна закрыть лицо руками, если ее застанутъ врасплохъ на полѣ или за домашней работой, — женщины у берберовъ не только ходятъ съ открытымъ лицомъ, но даже могутъ говорить о дѣлахъ съ посторонними мужчинами. Равнымъ образомъ аравитянка не можетъ ѣсть за однимъ столомъ съ своимъ мужемъ и должна прислуживать ему во время ѣды, между тѣмъ какъ у кабиловъ вся семья ѣстъ вмѣстѣ изъ одного блюда. У берберовъ разведенная жена или покинутая мужемъ пользуется полной личной свободой; никто не ставитъ ей въ упрекъ любовную связь внѣ брака. Аравитянка не товарищъ, не подруга и даже не любовница своего мужа, тогда какъ жена бербера совмѣщаетъ все это въ своей особѣ. У берберовъ супруги пополняютъ другъ друга; даже на полѣ битвы женщина выказываетъ неутомимую дѣятельность; она перевязываетъ раненыхъ, заботится о боевыхъ запасахъ, и даже подчасъ сама беретъ ружье въ руки, и въ этомъ случаѣ нерѣдко превращается въ фурію. Въ палаткѣ арабскаго бедуина въ Тунисѣ и Алжирѣ обыкновенно живутъ двѣ или три женщины; чѣмъ больше ихъ число,

тѣмъ онъ чувствуетъ себя счастливѣе. Онъ увеличиваетъ свой гаремъ, по мѣрѣ возрастанія средствъ къ жизни. По свидѣтельству Рольфса у арабовъ только въ Марокко господствуетъ моногамія. Между тѣмъ берберъ почти всегда довольствуется одной женой.

Крайне замѣчателенъ также общественный строй у берберовъ. Въ Алжирѣ и Тунисѣ существуютъ настоящія республики, которыя по своей организаціи

Женщина у кабиловъ.

напоминаютъ государственныя учрежденія Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ деревняхъ существуютъ отдѣльные гражданскіе суды, составленные по свободному выбору всего мѣстнаго населенія. Предсѣдатель только уполномоченъ налагать по собственному усмотрѣнію денежные штрафы, размѣръ которыхъ опредѣляется закономъ. Въ остальномъ онъ не болѣе, какъ слѣпое орудіе въ рукахъ общиннаго совѣта. Деревни кабиловъ, нерѣдко состоящія изъ нѣсколькихъ тысячъ жителей раздѣлены на „kharuba“, т. е. участки, состоя-

щіе изъ многихъ домовъ, принадлежащихъ одному роду. Такая „kharuba" имѣетъ родъ общиннаго суда, состоящаго изъ постоянныхъ чиновниковъ „dahman". Кромѣ того каждая „kharuba", смотря по своей численности, посылаетъ въ этотъ судъ одного или нѣсколькихъ представителей рода, извѣстныхъ по своей опытности и интеллигенціи, такъ называемымъ „euqual", т. е. собственно судей. Они собираются обыкновенно по пятницамъ на торговой площади и выбираютъ одинъ или два раза въ году „амина", т. е. главнаго начальника или предсѣдателя („ukil"), управляющаго или кассира, нѣсколькихъ полицейскихъ и членовъ совѣта. Двое первыхъ представляютъ собой исполнительную власть; отъ остальныхъ зависитъ заключеніе дѣла. Вся корпорація въ полномъ своемъ составѣ образуетъ „dschemma" (буквально „мечеть"). „Ukil" прежде всего ведетъ реестръ, въ который подъ контролемъ общины вносится приходъ и расходъ. „Dahman" помощники предсѣдателя. Они служатъ какъ бы посредниками между предсѣдателемъ и собраніемъ и отвѣтственны передъ послѣднимъ за точное выполненіе его рѣшеній. Хотя эти сборища сообразно горячей крови южныхъ уроженцевъ по предмету совѣщанія нерѣдко принимаютъ бурный характеръ, но тѣмъ не менѣе въ нихъ всегда господствуетъ величайшій порядокъ. Всѣ амины извѣстнаго племени избираютъ изъ своей среды „Amin el Umena", т. е. верховнаго главу, и въ свою очередь, совмѣстно съ духовными шейками или марабутами образуютъ родъ сената, который рѣшаетъ войну и миръ между отдѣльными племенами, а также важныя внутреннія дѣла и т. п. Эти демократическія учрежденія и парламентскія формы существуютъ издавна у берберовъ; Франція по возможности оставила ихъ неприкосновенными въ Алжирѣ; только амины должны отдавать отчетъ въ принятыхъ ими рѣшеніяхъ. Хотя у мусульманъ, а тѣмъ менѣе у берберовъ нѣтъ духовной іерархіи, но ее отчасти замѣняютъ марабуты, такъ какъ ихъ вліяніе на толпу весьма значительно. Повидимому это вліяніе не можетъ быть объяснено религіозными причинами, потому что берберы никогда не были ревностными магометанами, какъ видно изъ того, что они единственный народъ исповѣдующій исламъ, который не считаетъ Коранъ книгой закона и имѣетъ свой собственный кодексъ „kanun", который вѣроятно принадлежитъ къ до-христіанской эпохѣ. Берберу чуждъ религіозный фанатизмъ, въ чемъ онъ составляетъ противоположность съ арабомъ. Но всѣ берберы выказываютъ несомнѣнную склонность къ сектантству, и дѣйствительно вся сѣверная Африка въ изобиліи снабжена религіозными сектами, которыя образовались изъ берберійскихъ элементовъ. Такимъ образомъ исламъ въ Тунисѣ, Алжирѣ и Марокко ни въ какомъ случаѣ не представляетъ ничего цѣлаго и единаго. Само собой разумѣется, что вѣрующіе здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, до извѣстной степени связаны одинаковымъ вѣроисповѣданіемъ и одинаковыми историческими условіями. Что-же касается общности соціальныхъ и религіозныхъ интересовъ, то объ этомъ не можетъ быть рѣчи, уже потому что этнологическое различіе здѣшнихъ мусульманъ дѣлаетъ такое общеніе невозможнымъ или крайне затруднительнымъ. Арабскіе переселенцы и туземные берберы, даже въ борьбѣ съ невѣрными никогда не дѣйствовали сообща. Такъ напримѣръ воззваніямъ Абдъ-эль-Кадера слѣдовали одни арабскія племена, между тѣмъ какъ берберійскіе кабилы держались особнякомъ отъ своихъ единовѣрцевъ и боролись собственными силами. Повидимому между берберами и арабами нѣтъ ничего общаго, кромѣ ихъ взаимной ненависти другъ къ другу и одинаковаго отвращенія къ христіанамъ и евреямъ.

Число берберійскихъ племенъ, живущихъ въ Сѣверной Африкѣ, неизмѣримо велико. Мы назовемъ только наиболѣе значительные изъ нихъ. Въ провинціи Алжирѣ, а именно въ плоскогоріи (Tell) живутъ: цуауа, флисса, гештула, несліуа, бени аидель (въ Аумале), му-

заія и сумата (къ сѣверу и югу отъ Медеа). Затѣмъ слѣдуютъ племена, распространенныя въ горахъ: Шершель, Тенесъ и Уаранзенисъ и наиболѣе многочисленныя бени ратенъ, которыя населяютъ гористую страну, метду Уэдъ Иссеръ и Уэдъ Сахель или такъ называемую Великую Кабилію; въ Сахарѣ живутъ: уаргла, туарики и особенно: бени мцабъ. Въ провинціи Константинѣ и особенно въ плоскогоріи (между Сахель и Сейбузе, т. е. въ полосѣ, называемой Малой Кабиліей) живутъ: бени мехенна, бени тифутъ, ферджіуа, цердеза, цуарра, племена близъ Джиджелли, племена въ Баборѣ и Гергурѣ, бени аббесъ въ долинѣ Сахеля, мцаія, туджа и фенаія, аитъ амехръ у Бугіэ и шауія въ горахъ Ауресъ и, наконецъ, сибанъ и руарха въ Сахарѣ. Въ провинціи Оранъ живутъ горныя племена дахре: бени урархъ, флита, улхаза, трара, мзирда и бени снусъ. Въ плоскогоріи (Tell) наиболѣе важную роль по численности и значенію играютъ жители Великой Кабиліи (горъ Джирджура), а въ пустынѣ — племя бени мцабъ. Это самые типичные, не только среди алжирскихъ, но и сѣверо-африканскихъ берберовъ.

Деревни алжирскихъ кабиловъ для болѣе удобной защиты отъ непріятельскихъ нападеній обыкновенно расположены на вершинѣ отвѣсныхъ утесовъ. Въ противоположность разбросаннымъ палаткамъ кочевыхъ арабовъ, дома большей частью построены изъ камня или глины и крыты черепицей; при этомъ они такъ тѣсно прижаты другъ къ другу, что между ними оставлены только узкіе горные переходы. Всѣ постройки большею частью скучены внутри двора, который отдѣленъ отъ внѣшняго міра стѣной, снабженной дверью. На такомъ дворѣ бываетъ иногда нѣсколько домовъ, обыкновенно занятыхъ родственными семьями, а иногда и знакомыми. Передъ каждымъ жильемъ лежитъ куча навоза отъ скота находящагося въ домѣ. Въ строеніи обыкновенно одна дверь и крошечныя оконныя отверстія, изъ которыхъ можно видѣть все, что происходитъ внѣ дома; но съ улицы нельзя заглянуть въ домъ. Внутренняя обстановка жилища крайне проста. Кромѣ помѣщенія для скота, устроено всего два покоя: въ одномъ спятъ мужчины, въ другомъ, который нерѣдко находится подъ самой крышей, живутъ женщины и дѣти. Домашней утварью и въ то-же время единственнымъ убранствомъ служатъ: глиняные горшки и всякаго рода кружки большею частью весьма красивой формы, двѣ каменныхъ скамьи около 60 сант. высоты, нѣсколько циновокъ и одѣялъ, первобытная ручная мельница, состоящая главнымъ образомъ изъ двухъ, наложенныхъ другъ на друга, камней и наконецъ чаны, въ которыхъ хранится растительное масло. Послѣдніе представляютъ собой колоссальные сосуды, на подобіе урнъ, сдѣланныхъ изъ глины, смѣшанной съ навозомъ, съ деревянными подставками и настолько тяжелыхъ, что ихъ никогда не сдвигаютъ съ мѣста. Они стоятъ на одной изъ вышеупомянутыхъ каменныхъ скамей, и въ то-же время служатъ какъ бы спинкой дивана для сидящихъ на скамьѣ. Эти чаны четырехъугольной формы, съужены внизу и нерѣдко покрыты красивыми арабесками. Съ передней стороны сдѣлано одно или нѣсколько отверстій, закупоренныхъ деревянными или глиняными пробками. Жидкость вливаютъ сверху въ особое отверстіе, которое такъ же закрывается. Величина и количество этихъ чановъ „aschufi“ служитъ мѣриломъ благосостоянія семьи. Очага не существуетъ, потому что кушанье большею частью готовятъ на дворѣ. Скотъ помѣщается въ домѣ; для этой цѣли въ землѣ сдѣлано углубленіе, которое отдѣлено отъ комнаты нѣсколькими ступенями или неболь-

нимъ уступомъ. Затѣмъ, смотря по ремеслу, которымъ занимается хозяинъ дома, въ комнатѣ стоитъ наковальня, ткацкій станокъ и т. п. Въ каждой деревнѣ можно неизмѣнно встрѣтить два общественныхъ зданія. Первое изъ нихъ — мечеть, скромной постройки: въ нижнемъ этажѣ живетъ имамъ; верхній этажъ предназначенъ для богослуженія; на крышѣ возвышается четырехъугольный минаретъ. Второе общественное зданіе — ратуша, которая составляетъ характерную особенность деревень, населенныхъ кабилами; здѣсь устроена обширная зала для засѣданій; но въ ней нѣтъ другой утвари, кромѣ каменныхъ скамеекъ и каменныхъ столовъ.

Жители Мцаба, мцабиты, называемые также бени-мцабъ, представляютъ собой берберійское племя состоящее изъ 50 — 60,000 душъ, которое до сихъ поръ съумѣло оградить себя отъ всякаго смѣшенія съ чуждыми народными элементами. Бени-мцабъ, подобно всѣмъ остальнымъ берберамъ, приняли исламъ, но не принадлежатъ, ни къ одному изъ четырехъ подраздѣленій магометанскаго вѣроисповѣданія и причисляются къ огромной массѣ людей, которыхъ правовѣрные обозначаютъ именемъ еретиковъ. Вѣра мцабитовъ основана на „kamfia“ (пятой) буквѣ Корана; они не признаютъ никакихъ комментарій, а также религіознаго превосходства марабутовъ и не вѣрятъ, чтобы добродѣтель могла имѣть какое либо соотношеніе съ духовнымъ саномъ. Въ отправленіи своей религіи они придерживаются многихъ обычаевъ, повидимому заимствованныхъ отъ христіанъ или евреевъ. Такъ, напримѣръ, они совершаютъ омовеніе (т. е. священникъ моетъ пальцы рукъ во время богослуженія); у нихъ въ мечетяхъ есть, также, небольшія комнаты съ ваннами для купанья, какъ это было въ обычаѣ у израильтянъ. Въ извѣстные дни года они собираются для молитвы на кладбищѣ, послѣ чего въ назначенномъ для этого домѣ происходитъ общая трапеза. Тотъ-же обычай существовалъ у христіанъ въ Африкѣ; и противъ него еще въ IV вѣкѣ ратовалъ въ своихъ проповѣдяхъ св. Августинъ, архіепископъ Гиппонскій. Если кто либо изъ мцабитовъ совершилъ серіозное преступленіе, то соплеменники осуждаютъ его на изгнаніе, и этотъ приговоръ по своему общему характеру напоминаетъ христіанское отлученіе отъ церкви. Изгнанникъ становится чужимъ человѣкомъ, его имущество конфискуютъ въ пользу мечети или дѣлятъ между его родственниками. На него смотрятъ, какъ на мертваго и считаютъ настолько оскверненнымъ, что онъ не смѣетъ войти ни въ одинъ городъ Мцаба; ни одинъ изъ его соплеменниковъ не можетъ жить съ нимъ подъ одной кровлей, такъ какъ въ этомъ случаѣ ему грозитъ строгое наказаніе. Равнымъ образомъ считается преступленіемъ, если кто накормитъ подобнаго изгнанника, или дастъ ему глотокъ воды; если даже кто нечаянно дотронется до его бурнуса, то и тогда онъ обязанъ заплатить штрафъ. Способъ, какимъ мцабитъ можетъ искупить всякое преступленіе, какъ важное, такъ и самое незначительное, весьма своеобразенъ. Если совѣсть бени-мцаба не совсѣмъ чиста, то онъ идетъ въ пятницу въ мечеть во время богослуженія. Здѣсь священникъ спрашиваетъ его, „что ему нужно?“ и грѣшникъ объявляетъ во всеуслышаніе, что онъ считаетъ себя виновнымъ, пересчитываетъ свои грѣхи и проситъ прощенія. Ему дѣлаютъ выговоръ и обѣщаютъ простить его, если онъ исполнитъ возложенную на него эпитимію; послѣдняя обыкновенно заключается въ томъ, что грѣшникъ болѣе или менѣе продолжительное время не долженъ имѣть никакихъ сношеній съ своими единовѣрцами, хотя и живетъ среди нихъ.

Авторитетъ священниковъ, которые носятъ скромный титулъ „tolba“ (ученыхъ един. „taleb“) весьма значителенъ у мцабитовъ и простирается на весь Союзъ, между тѣмъ, какъ ихъ свѣтская власть ограничивается управленіемъ одного города. Мечеть, „dschemma“ полновластна надъ всѣмъ Союзомъ. Здѣшнее духовенство по своей организаціи напоминаетъ римско-католическое; во главѣ стоитъ единый владыка, „scheich-el-baba“ (достопочтенный отецъ); его

выбираютъ главы духовенства всѣхъ городовъ изъ своей среды и назначаютъ пожизненно на его высокій постъ. Вся судебная власть въ рукахъ „tolba“; они судятъ безъапелляціонно по туземнымъ законамъ. Считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторыя изъ этихъ законоположеній. Такъ напримѣръ бени-мцабъ запрещено жениться на женщинѣ иного племени; за нарушеніе этого правила виновный подвергается вѣчному изгнанію. Женщины и дѣвушки не могутъ ни подъ какимъ предлогомъ оставить свою родину; въ противномъ случаѣ онѣ также подлежатъ изгнанію. Только женатый мцабитъ можетъ предпринять путешествіе; если у него еще нѣтъ дѣтей, то онъ долженъ передъ отъѣздомъ принести клятву, что онъ оставляетъ свою жену беременной. Однако въ послѣднее время это правило уже не соблюдается съ такой строгостью, какъ прежде. Сообразно законамъ „tolba“ наказываютъ тяжелыя преступленія временнымъ или пожизненнымъ изгнаніемъ; за болѣе легкіе проступки они назначаютъ палочные удары. Смертная казнь и заключеніе здѣсь совершенно неизвѣстны. Денежные штрафы налагаются „dschemâa“, т. е. свѣтской властью въ случаѣ нарушенія предписаній муниципалитета. Мечети владѣютъ значительнымъ имуществомъ, и каждый гражданинъ обязанъ платить имъ извѣстную подать сообразно своему состоянію. Правленіе мечетей ведетъ правильные реестры, въ которые вносятся всѣ рожденія, смертные случаи и браки. Но помимо этихъ реестровъ у „tolba“ существуютъ хроники; въ нихъ они записываютъ всѣ событія, какія происходятъ въ Мцабѣ или тѣ, которыя сами по себѣ представляютъ извѣстный интересъ. Равнымъ образомъ здѣсь хранятся также письменные отчеты о большихъ собраніяхъ, созываемыхъ „scheich-el-baba“ черезъ неопредѣленные промежутки времени, на которыхъ рѣшаются не только религіозныя, но и всякія дѣла, касающіяся Союза. На этихъ собраніяхъ является все духовенство, а также представители свѣтскихъ властей. Каждый городъ управляется особо при посредствѣ djemâa (собраніе изъ почетныхъ жителей), члены которой избираются изъ главъ старинныхъ мѣстныхъ фамилій. Каждая djemâa избираетъ изъ своей среды трехъ „mokadem“ (сторожей) на которыхъ преимущественно лежитъ управленіе общины; они должны содержать въ порядкѣ дороги и улицы, смотрѣть за рынкомъ и заботиться по возможности объ устраненіи преступленій. Они же обязаны созывать „djemâa“, докладывать ей о важныхъ дѣлахъ и приводить въ исполненіе ея рѣшенія.

Мцабиты стоятъ одиноко среди Сахары и принуждены защищать себя отъ нападеній и разбойничества туариковъ и другихъ сосѣдей, для которыхъ богатства жителей Мцаба, достигшихъ сравнительно высокой степени культуры, служатъ постоянной приманкой. Вслѣдствіе этого здѣсь создана была правильная военная организація, которая оказалась достаточной, чтобы удержать отъ нападеній окрестныя враждебныя племена. Въ каждой мечети записаны на доскѣ или сверткѣ имена всѣхъ мужчинъ, годныхъ носить оружіе, съ обозначеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, а именно: живетъ ли данная личность въ Мцабѣ или находится въ путешествіи, имѣетъ лошадь или мула и т. п. Каждый мцамбитъ обязанъ постоянно имѣть при себѣ ружье, пистолетъ, саблю, извѣстное количество пороха и пуль. Каждый городъ въ Мцабѣ обнесенъ тщательно выстроенной стѣной, и въ башняхъ неизмѣнно находятся на караулѣ нѣсколько вооруженныхъ жителей. Однако, несмотря на такую военную организацію бени-мцабъ часто нанимали на свою службу кочевниковъ съ цѣлью поддержать извѣстную партію во внутреннихъ раздорахъ, которые уже столько разъ вели къ разъединенію Союза.

Бени-мцабъ выдѣляются по своей наружности среди остальныхъ берберовъ въ томъ отношеніи, что у нихъ несравненно меньше бѣлокурыхъ субъектовъ; кромѣ того, ихъ можно легко отличить отъ арабовъ по сильному развитію рукъ и ногъ, малому росту и приземистому тѣлосложенію. Низкій ростъ мцамбитовъ приписываютъ тяжелой работѣ, которую имъ приходится нести въ от-

роческомъ возрастѣ, такъ какъ они ежедневно цѣлыми часами должны черпать воду для орошенія полей. Однако, несмотря на такое несвоевременное примѣненіе физическихъ силъ обращено вниманіе и на умственное развитіе мальчиковъ. Они должны ежедневно проводить нѣсколько часовъ въ школахъ, содержимыхъ „tolba", которыя обыкновенно устроены вблизи мечетей. Здѣсь на ряду съ религіей ихъ научаютъ законамъ страны, чтенію, письму и ариѳметикѣ; въ школахъ принятъ арабскій языкъ, а не берберійскій, хотя послѣдній въ общемъ употребленіи. Многіе мцабиты заставляютъ своихъ дѣтей учиться французскому языку, вслѣдствіе чего почти все молодое поколѣніе понимаетъ и можетъ говорить на этомъ языкѣ; а нѣкоторые юноши даже пишутъ по французски. Бени-мцабъ получаютъ суровое воспитаніе. Мальчики встаютъ рано утромъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ черпаютъ воду для орошенія садовъ, затѣмъ идутъ въ школу; сверхъ того они должны употребить свободные часы на ремесла, такъ что ихъ рѣдко можно видѣть занятыхъ какой либо игрой. У мцабитовъ, какъ у всѣхъ берберовъ, господствуетъ моногамія; но тѣмъ не менѣе жены ихъ живутъ въ строгомъ заключеніи и прилежно работаютъ за ткацкимъ станкомъ. Мцабитъ не покупаетъ себѣ жены, а, наоборотъ, она приноситъ ему приданое. Замужняя женщина почти не покидаетъ своего дома, но имѣетъ большое вліяніе на свою семью; она обыкновенно выходитъ къ родственникамъ и друзьямъ, которые посѣщаютъ ея мужа. Разводъ существуетъ, хотя рѣдко примѣняется на практикѣ; „tolba" допускаютъ его только въ исключительныхъ случаяхъ. Масса всевозможныхъ хлопотъ и дѣлъ, какими обременена хозяйка дома въ цивилизованныхъ странахъ, поручается здѣсь молодымъ дѣвушкамъ. Послѣднія своимъ присутствіемъ придаютъ жизнь и веселіе городамъ Мцаба; онѣ почти всѣ миловидны и довольно красивы, съ большими глазами и правильными чертами лица. Одежда ихъ почти такая же, какъ у дѣвушекъ другихъ племенъ пустыни, и состоитъ изъ голубаго или краснаго шерстяного платья, застегнутаго спереди металлическими застежками и стянутаго у тальи поясомъ. Голова ничѣмъ не покрыта, но волосы причесаны своеобразнымъ способомъ: сзади они образуютъ родъ короны, а на обоихъ вискахъ свернуты въ формѣ раковинъ. Эта прическа придаетъ имъ странный видъ, чему также способствуетъ обычай намазывать кончикъ носа дегтемъ для предохраненія отъ „дурнаго глаза".

Всѣ взрослые мужчины Мцаба занимаются торговлей. Они имѣютъ не только въ Мцабѣ, но въ Алжирскомъ и Тунисскомъ плоскогоріи (Tell) свои конторы и поселенія, откуда снабжаютъ страну всевозможными товарами и нерѣдко въ кредитъ. Благодаря караванамъ шаанба и жителей Туата они поддерживаютъ сношенія съ южными, восточными и западными оазисами Сахары и ведутъ особенно дѣятельную торговлю съ Туатомъ и Тидикельтомъ. Отсюда они вывозятъ лавзонію, селитру, перья, негровъ и негритянокъ (въ видѣ рабовъ). Промышленность весьма развита у бени-мцабъ; они изготовляютъ большое количество пороха и имѣютъ до пяти тысячъ ткацкихъ станковъ, на которыхъ женщины ткутъ простую, но плотную и цѣнную ткань. Равнымъ образомъ въ сѣверной Африкѣ и во всей Сахарѣ распространены бурнусы и ковры Мцаба, тѣмъ болѣе, что низкая цѣна, обусловленная незначительной рабочей платой, обезпечиваетъ быстрый сбытъ этого товара. Вслѣдствіе усиленной фабрикаціи шерстяныхъ издѣлій цѣна на овечью шерсть всегда очень высока въ Мцабѣ. Если бени-мцабъ не находится въ зависимости отъ родственника, друга или своего патрона, прежняго хозяина мастерской, то онъ пользуется первой возможностью для сбыта своихъ собственныхъ шерстяныхъ издѣлій. Когда мцабитъ водворяется въ Алжирѣ, Тунисѣ, Константинѣ или какомъ либо другомъ городѣ, то онъ употребляетъ деньги, вырученныя за привезенный товаръ, на устройство мясной или мелочной лавки, или же заводитъ мельницу. Такъ проводитъ онъ нѣсколько лѣтъ, зани-

маясь своимъ торговымъ предпріятіемъ; затѣмъ онъ возвращается на родину и посылаетъ вмѣсто себя въ Телль для дальнѣйшаго веденія дѣла другого мцабита, своего пріятеля, который въ его отсутствіе заботился объ его домѣ и пальмовыхъ деревьяхъ. Этимъ способомъ устраиваются такъ наз. мцабитскія компаніи, которыя преимущественно способствуютъ процвѣтанію здѣшней торговли. Вернувшійся на родину мцабитъ открываетъ здѣсь мелочную торговлю товарами, которые получаетъ отъ своего товарища въ Теллѣ. Такъ возникли многіе торговые дома, которые пользуются уваженіемъ во всей сѣверной Африкѣ и имѣютъ многочисленные склады въ различныхъ пунктахъ. Между бени-мцабъ встрѣчаются милліонеры, которые большей частью начали съ мелочной торговли. Трудолюбіе мцабитовъ и торговыя сношенія съ Сахарой, Суданомъ и плоскогоріемъ способствовали скопленію богатствъ въ Мцабѣ, какое едва ли можно найти въ другихъ оазисахъ Сахары.

Вообще до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія на тотъ фактъ, что даже тѣ полосы и участки земли, которые представляютъ дѣйствительную и настоящую пустыню, какъ печальная „Гаммада“ и „низменности Сериръ“, все-таки посѣщаются людьми, хотя бы только во время перехода каравановъ, при посредствѣ которыхъ производится торговля въ Сахарѣ. И здѣсь мы видимъ своего рода жизнь и движеніе хотя въ своеобразной формѣ. Не говоря о торговлѣ, которую ведутъ отдѣльныя кочевыя племена для удовлетворенія своихъ первыхъ потребностей, въ Сахарѣ существуетъ настолько же обширная, какъ и правильная система торговли. Благодаря послѣдней, поддерживаются постоянныя сношенія между цивилизованными государствами Европы и негритянскими странами на югѣ.

Торговля въ пустынѣ представляетъ ту характерную особенность, что единственный продуктъ, а именно соль является главнымъ рычагомъ всего грандіознаго торговаго движенія, какое совершается здѣсь. При этомъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что природа снабдила богатѣйшими залежами соли самыя пустынныя и безплодныя части Африки, между тѣмъ какъ роскошныя тропическія страны центральной Африки совершенно лишены этого минерала, который сдѣлался насущной потребностью для человѣка. Вслѣдствіе этого въ областяхъ, куда еще не проникла торговля солью, отдѣльныя негритянскія племена для приправы своей пищи добываютъ суррогатъ соли посредствомъ щелочи, получаемой изъ нѣкоторыхъ растеній. Съ законами природы, пишетъ Генрихъ Бартъ, такъ тѣсно связанъ принципъ международныхъ сношеній и обмѣна мѣстныхъ продуктовъ, что житель негостепріимной пустыни изъ отдаленныхъ мѣстностей направляется къ залежамъ соли, нагружаетъ ею сотни и тысячи верблюдовъ и другихъ вьючныхъ животныхъ и предпринимаетъ далекое путешествіе. Послѣднее длится цѣлые мѣсяцы; но онъ совершаетъ трудный и опасный переходъ и доходитъ до плодоносныхъ странъ, гдѣ жители охотно скупаютъ у него соль за зерновой хлѣбъ и издѣлія своей промышленности. Во всѣхъ долинахъ гористой мѣстности Аиръ или Асбенъ, въ Сахарѣ замѣтно необычайное оживленіе, когда большіе караваны съ солью (airi), направляются къ восточному оазису Бильма или возвращаются обратно съ дорогимъ товаромъ. Тогда въ долинахъ раздается оглушительный шумъ общаго праздничнаго веселія, игръ и танцевъ. На обширной живописной равнинѣ, прерываемой нагроможденными глыбами скалъ и, освѣщенной по вечерамъ свѣтомъ большихъ костровъ, происходятъ характерныя сцены, которыя представляютъ наглядную картину народной жизни, такъ что путешественникъ невольно забываетъ при

этомъ слабыя стороны нравовъ обитателей пустыни. Цѣлый народъ приходитъ въ движеніе, чтобы выполнить свое великое призваніе: удовлетворить потребностямъ другихъ племенъ и въ свою очередь посредствомъ обмѣна получить отъ нихъ необходимые для него продукты. Моментъ выступленія такого каравана, состоящаго изъ 2—3000 навьюченныхъ верблюдовъ, представляетъ величественное зрѣлище, которое не лищено своебразной красоты. Мужчины идутъ пѣшкомъ или сидятъ на верблюдахъ; женщины на быкахъ или ослахъ со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, даже съ шестами и циновками для палатокъ, съ горшками, ступками, блюдами, сосудами для питья и различными вещами, привѣшанными гдѣ попало. Всѣ становятся въ боевомъ порядкѣ, какъ бы готовясь къ походу; затѣмъ шествіе выступаетъ въ путь, подъ предводительствомъ опытныхъ и надежныхъ слугъ или приверженцевъ отдѣльныхъ вождей.

Залежи соли встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ Сахары и составляютъ источникъ богатства для племенъ, которыя владѣютъ ими. Наиболѣе восточныя изъ нихъ извѣстны подъ названіемъ Себха и занимаютъ полосу земли въ области Адраръ въ шести дняхъ ѣзды отъ города Шингита и въ восьми дняхъ отъ Вадана. Соль расположена пластами и достигаетъ до 1½ м. глубины. Самые значительные пласты не превышаютъ 8 сант. и перемежаются залежами сѣрой иногда красной глины. Соль на поверхности плохаго качества, но чѣмъ далѣе въ глубину, тѣмъ она становится лучше и подконецъ встрѣчается желтоватыя кристаллическія массы. Въ Ваданѣ изготовляются орудія для добыванія соли, которое не можетъ представлять никакого затрудненія, потому что работникъ получаетъ вмѣсто денегъ одну плитку изъ семи. Эта каменная соль нарѣзается плитками въ 1 м. длины и 25 сант. толщины, и имѣетъ монетную цѣнность въ странѣ, такъ что служитъ основаніемъ при всякой торговой сдѣлкѣ. Въ обыкновенные годы четыре плитки соли, а иногда и три стоятъ квентъ (¼ лота) золота; въ Тишитѣ стоимость одной плитки доходитъ даже до 1 — 2½ кв. Въ землѣ Эль-Джуфъ (т. е. „брюхо пустыни") въ западной Сахарѣ замѣтно сильное просачиваніе соли, что заставляетъ предполагать существованіе подземныхъ залежей, между тѣмъ какъ въ сосѣднемъ Таудени открыты значительныя соляныя копи и разрабатываются съ 1596 г. мавританскими племенами, которыя для этой цѣли примѣняли трудъ негритянскихъ невольниковъ. Соляныя залежи Таудени находятся на 1½ м. глубины подъ песчаной почвой въ видѣ могучихъ пластовъ, изъ которыхъ выламываютъ большія глыбы. Но и здѣсь соль распиливаютъ на тонкія плитки; въ этомъ видѣ ее укладываютъ и отправляютъ въ продажу. Таудени преимущественно обязанъ соленымъ копямъ, если достигъ такого важнаго торговаго значенія, чему разумѣется способствовало и то обстоятельство, что здѣсь сходятся караванные пути изъ Тафилета, Могадора, Вади-Драа и Туата на югѣ, изъ Марокко и Алжира съ караванными путями изъ Триполи и Рхадамеса. Что касается Таудени, то это собственно мѣсто склада или даже, вѣрнѣе сказать, нагрузки соли, вывозимой въ Тимбукту и Дженне, а равно и далѣе въ западный Суданъ. На рынкѣ знаменитаго города Тимбукту соль составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ торговли и на ряду съ золотомъ съ давнихъ временъ служитъ главнымъ предметомъ обмѣна вдоль всего теченія Нигера. Цѣна плитки колеблется здѣсь между 3—6000 раковинъ каури и поднимается къ веснѣ, такъ какъ вслѣдствіе безчисленныхъ роевъ кровососокъ (нас. hyppoboscida), наполняющихъ городъ и окрестности Нигера, караваны съ солью становятся рѣдкостью. Само собой разумѣется, что въ то время, когда закрытъ путь къ главному торговому городу сѣверной Африки на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, вслѣдствіе распрей между отдѣльными племенами, то цѣна на соль доходитъ до весьма крупной цифры. Въ Тимбукту торговля солью производится въ большихъ размѣрахъ посредствомъ обмѣна этого продукта на „turkedi" т. е. бумажную ткань, изготовляемую въ

Каво, которая служитъ для женской одежды. Къ наиболѣе знаменитымъ мѣсторожденіямъ соли въ Сахарѣ принадлежатъ копи въ Бильма, южной провинціи большаго оазиса Кауара, главный городъ котораго Гару, резиденція султана, благодаря близости соляныхъ залежей сдѣлался сборнымъ пунктомъ важнѣйшихъ каравановъ, пересѣкающихъ Сахару, по направленію отъ Триполи и Мурзука къ озеру Чадъ. Эти залежи состоятъ изъ глубокихъ ямъ въ 7—10 м. высоты, на днѣ которыхъ течетъ вода. Послѣдняя настолько насыщена солью, вслѣдствіе необыкновенно сильнаго испаренія, что въ нѣсколько дней на поверхности воды образуется кора въ 10—12 сант. толщины, которую проламываютъ и вылавливаютъ отдѣльными кусками. Соль покрываетъ здѣсь воду, какъ ледяной покровъ, и эти не особенно обширныя ямы благодаря быстрой кристаллизаціи производятъ такое количество соли, что ею снабжается большая часть центральной Африки и весь средній Суданъ.

На ряду съ этой обширной туземной торговлей солью, для насъ разумѣется представляетъ еще большій интересъ тотъ способъ, какимъ европейскіе товары проникаютъ въ Суданъ. Это не дѣлается такъ просто, какъ обыкновенно думаютъ, потому что товары никогда не идутъ прямо внутрь страны караванами, которые составляются въ Марокко, Алжирѣ, Тунисѣ и Триполи. Возьмемъ для примѣра тюкъ товаровъ, упакованный въ Тунисѣ: прежде всего тунисскій купецъ везетъ его въ Габесъ, самый южный оазисъ регентства у малой Сиртэ; здѣсь весь тюкъ скупаютъ купцы изъ Рхадамеса и перевозятъ въ свой городъ, лежащій въ пустынѣ, гдѣ товаръ попадаетъ въ другія руки и его перемѣшиваютъ съ издѣліями Алжира, Триполи и Египта. Затѣмъ эти перемѣшанные товары идутъ съ главнымъ ежегоднымъ караваномъ на рынокъ Рхата, гдѣ ихъ обмѣниваютъ на продукты юга. Что же касается привезенныхъ товаровъ, то съ даннаго момента они въ рукахъ туариковъ, которые доставляютъ ихъ въ землю негровъ, но относительно ихъ дальнѣйшей участи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Этимъ путемъ проходятъ всѣ товары на востокѣ материка. На западѣ торговое обращеніе совершается почти тѣмъ же способомъ. Товары изъ городовъ Марокко и Алжира при посредствѣ жителей обѣихъ странъ переправляются въ сѣверные оазисы Сахары, какъ Тафилетъ Метлили и т. п. Отсюда черезъ посредничество священнаго племени шюрфа или воинственныхъ арабовъ шаанба товары доходятъ до центральнаго рынка Эль-Голеахъ (который находится въ вѣдѣніи французовъ), затѣмъ они распространяются въ оазисахъ Туата и особенно въ Инфалахѣ тѣми же племенами, къ которымъ нужно причислить и оммади. Но чтобы доставить товары изъ Туата въ Тимбукту нужно опять-таки вмѣшательство всемогущаго туарика. Третій еще болѣе западный путь въ Тимбукту идетъ изъ Тендафа, гдѣ равнымъ образомъ собирается ежегодно большой караванъ „akbar", состоящій изъ 3—400 хорошо вооруженныхъ людей и 1000—1200 верблюдовъ. Онъ доставляетъ въ Тимбукту бумажныя ткани, сахаръ, чай и вывозитъ отсюда на сумму ³/₄ милліона фр. страусовыя перья, золотой песокъ, слоновую кость, негритянскихъ невольниковъ и т. п.

Весьма немногіе изъ купцовъ рѣшаются слѣдовать за своими товарами и подвергнуть себя вышеописанному странствованію. Въ караванахъ большей частью участвуютъ рхадамзеры, которые проходятъ восточный путь подъ покровительствомъ туариковъ или шаанба, тѣмъ болѣе, что послѣдніе съ оружіемъ въ рукахъ умѣютъ проложить себѣ дорогу на западъ. Дѣятельность рхадамзеровъ въ данномъ случаѣ особенно заслуживаетъ удивленія. Хотя Рхадамесъ составляетъ одинъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ сѣверной Сахары, но здѣшнее туземное населеніе не превышаетъ 7000 душъ, къ которому можно причислить до 1000 душъ пришлаго населенія, во время прибытія большихъ каравановъ. Все значеніе этой земли заключается въ торговлѣ, которую ведутъ ея жители. Она простирается къ сѣверу до Туниса и Три-

поли, на югъ до Кука въ Борну, Кано и Сокото въ государствахъ Феллата и Тимбукту, а на западъ доходитъ до Инсалаха. Рхадамзеры главные посредники торговли между Средиземнымъ моремъ и центральной Африкой. Въ Рхадамесѣ есть не мало торговыхъ домовъ, которые имѣютъ свои суккурзалы на большихъ рынкахъ Судана, а также въ Триполи. Рхадамзеры въ качествѣ торговыхъ людей, подобно туарикамъ, много путешествуютъ; ихъ тѣсныя отношенія съ этими властелинами пустыни и караванныхъ путей объясняются общими интересами, потому что торговля Рхадамеса не могла бы существовать безъ содѣйствія или дружбы туариковъ.

Если мы сдѣлаемъ еще шагъ далѣе къ югу и перейдемъ въ Рхатъ, то убѣдимся, что его значеніе въ смыслѣ рынка центральной Сахары отразилось между прочимъ, въ пестрой смѣси, какую представляетъ его населеніе. Одни и тѣ-же торговые интересы привлекли сюда всѣ націи и племена великой пустыни; мы видимъ здѣсь не только людей всякихъ оттѣнковъ кожи, но также во всевозможныхъ костюмахъ, негровъ Судана и невольниковъ, арабовъ и берберовъ. На равнинѣ Рхата, гдѣ происходитъ большой караванный торгъ собираются купцы изъ Туата, Тимбукту, Агадеса и Тибешти. Въ каждомъ сколько нибудь значительномъ городѣ пустыни въ опредѣленный періодъ устраивается ярмарка. Въ Рхатѣ число купцовъ изъ различныхъ странъ нерѣдко доходитъ до 500 ч. и болѣе. Здѣсь продаются страусовыя перья, кожи, всякая утварь изготовляемая въ Суданѣ, которая въ общемъ употребленіи между жителями Сахары, а равно и голубыя бумажныя матеріи, въ какія одѣвается чуть ли не половина населенія пустыни. Изъ европейскихъ издѣлій выставлены на продажу браслеты, ожерелья, шелковыя и бумажныя матеріи самыхъ яркихъ цвѣтовъ; но все это самаго плохаго качества. Караваны изъ Феццана привозятъ необходимые съѣстные припасы и золото, хотя въ небольшомъ количествѣ и только въ видѣ грубо сдѣланныхъ женскихъ украшеній. Обыкновенно подобныя мелкія вещи завернуты въ тряпье и купецъ прячетъ ихъ въ складки своей чалмы или на груди.

По новѣйшимъ извѣстіямъ торговое движеніе въ Туатѣ далеко не достигаетъ такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ думали до сихъ поръ. Мѣстная торговля преимущественно производится въ четырехъ пунктахъ, а именно: Тиммимумѣ и Гурара, Адрарѣ и Таментитѣ; для мѣновой торговли наибольшее значеніе имѣетъ Инсалахъ, который также служитъ сборнымъ мѣстомъ каравановъ идущихъ въ Тимбукту. Для туариковъ Инсалахъ то-же, что Рхатъ и Рхадамесъ, т. е. рынокъ, гдѣ они безъ ущерба для своего кошелька могутъ добыть тѣ запасы, въ которыхъ имъ отказываетъ ихъ бѣдная страна. Ахаггаръ-туарики, вѣроятно, испытывали бы весьма часто крайнюю нужду если бы купцы Инсалаха не снабжали ихъ подарками, съѣстными припасами и одеждой. Равнымъ образомъ съ другой стороны безъ покровительства ахаггаръ, туариковъ, которые сопровождаютъ купеческіе караваны, идущіе изъ Инсалаха въ Тимбукту и Рхадамесъ, должна была бы прекратиться всякая торговля, которая составляетъ единственное богатство города. Адуамъ, главное мѣстечко оазиса Тафилета, также служитъ однимъ изъ центральныхъ торговыхъ пунктовъ пустыни. Сюда свозятся не только товары изъ Алжира и Марокко, но продукты Туата и Вади-Драа и даже Судана. Въ Адуамѣ три раза въ недѣлю происходитъ большой торгъ, который представляетъ такую пеструю и оживленную картину, что она невольно поражаетъ иностранца. Строеволѣсъ составляетъ здѣсь рѣдкость; поэтому всѣ лавки, а также дома въ деревняхъ, строятся изъ глины и имѣютъ видъ кротовинъ, лавки образуютъ улицы какъ и въ марокксnúmскихъ городахъ; каждая изъ такихъ улицъ занята особой отраслью торговли. Налѣво отъ входа улица съ мелочнымъ товаромъ; направо отъ нея начинается длинная улица, занятая торговцами сукна, шелковыхъ товаровъ и бумажныхъ матерій; это большей частью купцы изъ Феца. Къ этой

улицѣ примыкаютъ ряды, въ которыхъ продается растительное и коровье масло, мыло и пр., затѣмъ слѣдуютъ лавки „kifta", родъ европейскихъ ресторановъ. Далѣе слѣдуютъ улицы оружейниковъ, ветошниковъ, продавцевъ шерсти, столяровъ, сапожниковъ и т. п.; однимъ словомъ для всякаго товара и ремесла отведена особая улица. Кромѣ того есть еще нѣсколько площадей, гдѣ торгъ происходитъ подъ открытымъ воздухомъ; но и здѣсь соблюдено то-же дѣленіе по роду товаровъ: на одной площади продаются овощи и плоды, на другой финики, на третьей соль, на четвертой циновки и ковры; наконецъ есть особый рынокъ для продажи скота. Торговля финиками весьма значительна въ Тафилетѣ, потому что здѣшніе финики славятся во всей западной пустынѣ. Другимъ важнымъ предметомъ торговли служатъ кожи, выдѣланныя на мѣстѣ, которыя отсюда посылаются въ Фецъ и Тлемзенъ, затѣмъ страусовыя перья и невольники, привезенные изъ Судана черезъ Туатъ. Въ Абуамѣ можно также получить всѣ европейскіе продукты. Замѣчательно, что въ продажѣ для послѣднихъ принятъ французскій вѣсъ „ratal" = 500 гр.; равнымъ образомъ пять франковъ составляютъ здѣсь господствующую монету.

Тимбукту, какъ торговый городъ, преимущественно отличается отъ вышеописанныхъ рынковъ въ томъ отношеніи, что не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ смыслѣ сбыта. Существованіе этого, нѣкогда такого знаменитаго, но теперь сильно упавшаго города, почти исключительно зависитъ отъ чужеземной торговли, для которой онъ служитъ удобнымъ пунктомъ сообщенія благодаря сѣверному изгибу Нигера. Эта внѣшняя торговля можетъ совершаться тремя главными путями: во-первыхъ, ей открыта дорога вдоль рѣки, начиная съ юго-запада; затѣмъ ей открыты двѣ дороги съ сѣвера, а именно: отъ Марокко и Рхадамеса. Въ этой торговлѣ помимо соли, о которой мы упоминали выше, главнымъ товаромъ служитъ золото, хотя количество его весьма незначительно по европейскимъ понятіямъ и достигаетъ всего 8—900,000 франковъ. Значительная часть золота привозится въ видѣ колецъ, изъ которыхъ каждое вѣситъ „mithkal", что равняется стоимости 3—4,000 раковинъ каури 5 франковъ). Равнымъ образомъ орѣхъ „кола" — который въ землѣ чернокожихъ составляетъ предметъ роскоши и замѣняетъ недостатокъ кофе,—играетъ въ высшей степени важную роль въ здѣшней торговлѣ. Рынокъ въ Тимбукту представляетъ привлекательную и крайне оживленную картину, которая имѣетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что мы встрѣчаемъ здѣсь не только типы обитателей Сахары, но и значительное число представителей суданскихъ народовъ. Передъ нашими глазами пестрое смѣшеніе всевозможныхъ оттѣнковъ кожи и одеждъ. На ряду съ купцами изъ Рхадамеса, Инсалаха и Тафилета толпится торговый людъ изъ Кано, Катзена и Сокото (восточнаго Судана), изъ Зансансига и Сегу (западнаго Судана), берберы изъ Могадора, мавры изъ Арауана, валата, ваданы и наконецъ масса людей изъ Сонраи и Фульбе. Но среди всѣхъ этихъ разнообразныхъ элементовъ конфедераціи Ауэлеммидовъ рѣзко выдѣляются по своей гордой осанкѣ сыны пустыни, туарики.

Торговля въ пустынѣ почти вся мѣновая и только изрѣдка употребляются деньги. Тунисскія монеты всего больше распространены въ Феццанѣ и Туатѣ. далѣе къ югу встрѣчаются испанскіе піастры, дошедшія сюда изъ Марокко и турецкія деньги изъ Триполи, но ихъ принимаютъ весьма неохотно, между тѣмъ какъ французскія пятифранковыя монеты постепенно входятъ въ употребленіе. Вышеупомянутыя раковины каури служатъ монетой у негровъ, и ежегодно англичане привозятъ болѣе 100 тоннъ этихъ раковинъ изъ Бенгаліи, гдѣ ихъ стоимость въ десять разъ ниже. Естественно, что подконецъ европейцы обратили вниманіе на торговлю Сахары и, что теперь у нихъ постоянно возникаютъ новые проекты съ цѣлью обезпечить за собой дальнѣйшее вліяніе на страну. Желѣзная дорога черезъ Сахару, проектированная французами, врядъ-ли осуществится въ скоромъ времени, но не подлежитъ сомнѣнію, что страна,

которая пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ считалась безлюдной пустыней, будетъ рано или поздно играть не послѣднюю роль въ мiровой торговлѣ.

Описанiе различныхъ берберiйскихъ народовъ невольно навело насъ на сравненiе съ арабами, которые далеко распространены въ Сѣверной Африкѣ, такъ что мы уже имѣли случай упомянуть о главныхъ характерныхъ чертахъ и свойствахъ, отличающихъ арабскую нацiональность. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нелишнимъ разсмотрѣть подробнѣе этотъ элементъ, который по своему происхожденiю не имѣетъ ничего общаго съ туземными африканскими племенами.

Арабъ, какъ мы уже говорили, преимущественно бедуинъ, между тѣмъ какъ берберъ большей частью ведетъ осѣдлую жизнь, хотя и не горожанинъ. Тѣмъ не менѣе тотъ и другой народный элементъ встрѣчается въ сѣверо-африканскихъ городахъ, которые несомнѣнно существуютъ съ давнихъ поръ и большей частью окаймляютъ сѣверный берегъ. Въ настоящее время внутри страны несравненно меньше настоящихъ городовъ, нежели при римлянахъ. Число населенныхъ пунктовъ, возникшихъ со времени вторженiя арабовъ незначительно и они едва ли основаны арабами. Самые важнѣйшiе изъ нихъ Фецъ и Маккакешъ обязаны своимъ существованiемъ Эдризидамъ и Альморавидамъ, которые хотя и были арабскими династiями, но находились въ зависимости отъ берберiйскихъ племенъ, признавшихъ ихъ своими властелинами. Господство надъ страной все еще оставалось въ рукахъ берберовъ и сохранило всю свою силу до 1150 года, слѣдовательно сто лѣтъ спустя, послѣ покоренiя страны арабами. До 1050 года здѣсь не было никакихъ арабскихъ племенъ, а въ Марокко они никогда не водворялись въ качествѣ переселенцевъ. Алжиръ вѣроятно былъ основанъ на мѣстѣ древне-римскаго Ikosium берберiйскими Циридами, которые кромѣ того владѣли Буджiа, Гаммедомъ и другими мѣстностями. Многочисленные римскiе города, какъ Neapolis Horrea Coelia, Hadrumatum и Tysdrus были расположены на берегу тунисскаго Сахеля; изъ нихъ возникли нынѣшнiя гавани: Небель, Гаммаматъ, Суфа, Монаштиръ, Мехдiа, изъ которыхъ Суфа самая значительная и превосходитъ всѣ остальныя по величинѣ. Только Каiуранъ, который считается въ Тунисѣ священнымъ городомъ, былъ основанъ арабомъ, а именно Сиди Окба, другомъ и товарищемъ по оружiю пророка. Вообще арабы не были строителями городовъ и ихъ дѣятельность въ этомъ отношенiи была настолько же ничтожна, насколько блистательна ихъ культура, вызванная соприкосновенiемъ съ восточными римлянами и персами. Это составляло ихъ особенность съ давнихъ временъ. Равнымъ образомъ въ своей родинѣ Аравiи они были также преимущественно „бедуинами“ и собственно эти бедуины, а не осѣдлая часть нацiи создали исламъ и побѣдоносно распространили его на половинѣ земнаго шара. Эти кочевники даже въ собственной землѣ едва ли имѣли больше двухъ исторически извѣстныхъ мѣстечекъ, которыхъ

даже нельзя назвать городами: Мекка съ своимъ Кааба, жалкой кучей камней и Ятрибъ, перекрещенный Магометомъ въ аль Мадина (Медина), что означаетъ городъ, а также „правовѣрное государство“. Настоящіе города встрѣчаются только въ южной Аравіи и здѣсь они существуютъ съ глубокой древности. Жители южной Аравіи, Іемена и Неджрана, древніе сабейцы и химъяриты, — у которыхъ нѣкогда процвѣтала значительная по своему времени культура, отличались по языку отъ разбойничьихъ бедуинскихъ племенъ. Ихъ нарѣчіе составляетъ отдѣльный языкъ и не можетъ считаться діалектомъ арабскаго; и если оно одинаковаго происхожденія съ нимъ, то послѣднее нужно отыскивать въ какомъ нибудь южно-семитскомъ языкѣ. Эти южные арабы до сихъ поръ живутъ въ городахъ, и то, что было создано ими, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ приписывать побѣдоноснымъ бедуинамъ. Въ нынѣшнихъ городахъ Сѣверной Африки несомнѣнно вездѣ господствуютъ арабскіе нравы, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ раздѣлить мнѣніе Рольфса, что преобладающая часть туземнаго населенія въ сѣверо-африканскихъ городахъ арабскаго происхожденія, на томъ основаніи будто бы у арабовъ существовали „города“. Послѣдняго, какъ мы упомянули выше никогда не было на дѣлѣ. До сихъ поръ принято было называть жителей сѣверо-африканскихъ городовъ маврами, подъ которыми преимущественно подразумѣвали смѣсь арабовъ съ берберами. Но въ дѣйствительности мавры представляютъ помѣсь всевозможныхъ народностей, которыя когда либо появлялись на берегу Сѣверной Африки, начиная отъ аргонавтовъ до французскаго вторженія.

Прозвище „мавръ“ имъ совершенно неизвѣстно; ихъ называютъ также по арабски именемъ „hadar“, т. е. жители домовъ; сами-же они величаютъ себя просто арабами. Хотя и по мнѣнію Рольфса скрещиваніе разнообразныхъ элементовъ въ городахъ было сильнѣе, чѣмъ въ остальной странѣ, но онъ полагаетъ, что оно не было значительнѣе, чѣмъ въ любомъ европейскомъ городѣ. При этомъ онъ находитъ, что внѣшнія физическія различія между маврами и арабами, какъ напримѣръ болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи и склонность къ отучнѣнію не больше той разницы, какая существуетъ въ Европѣ между горожанами и сельскими жителями. Между тѣмъ многіе новѣйшіе путешественники настойчиво упоминаютъ о тучности мавровъ. Всѣ мавры говорятъ по арабски; поэтому Рольфсъ этнографически причисляетъ городское населеніе сѣверной Африки къ арабамъ, хотя въ подобномъ случаѣ врядъ-ли можно принять мѣриломъ употребленіе того или другаго языка въ извѣстный моментъ. Равнымъ образомъ въ антропологическомъ отношеніи нельзя упускать изъ виду, что въ ихъ жилахъ течетъ кровь хамитовъ, семитовъ, грековъ и римлянъ, іудеевъ и христіанъ, бѣлыхъ и чернокожихъ, германцевъ и римлянъ, такъ, что я не считаю возможнымъ, по примѣру Рольфса, отбросить выраженіе „мавръ“, которое употреблялось до сихъ поръ для обозначенія этой этнологической помѣси. Часть мавровъ представляютъ собой потомковъ мусульманъ, вернувшихся изъ Испаніи и Сициліи. Изъ всѣхъ націй, которымъ мавры обязаны своимъ существованіемъ, они преимущественно заимствовали отъ нихъ дурныя качества. Но при этомъ они отличаются крайне привлекательной внѣшностью. Мавръ большей частью высокаго роста и имѣетъ нѣжную, немного смуглую кожу. У

него прекрасный римскій носъ, полныя губы, большіе, черные огненные глаза, черная густая борода и такого-же цвѣта волосы на головѣ (Schwarz, Algerien, s. 361). Между тѣмъ англичанинъ Георгъ Гаскелль совершенно иными красками описываетъ тѣхъ-же алжирскихъ мавровъ. По его словамъ, они не имѣютъ такихъ характерныхъ мужественныхъ чертъ лица, какими отличаются арабы и кабилы. У нихъ нѣтъ также огненнаго смѣлаго взгляда и орлинаго красиво очерченнаго носа, который составляетъ особенность арабовъ и кабиловъ; носы у мавровъ такой-же разнообразной формы, какъ у европейцевъ. Прежде всего имъ недостаетъ своеобразныхъ выразительныхъ губъ; что же касается гордости и чувства собственнаго достоинства, которыми одарены берберы и арабы, то у нихъ нѣтъ и малѣйшаго признака этихъ качествъ. У мавровъ блѣдное, нерѣдко заплывшее жиромъ лицо, овальной формы; при этомъ всѣ они съ небольшими исключеніями имѣютъ женоподобную наружность. Они вообще не имѣютъ опредѣленнаго типа лица, такъ что ихъ можно было бы принять за европейцевъ, если бы на нихъ было надѣто французское платье вмѣсто ихъ бросающейся въ глаза одежды (George Gaskell, Algerien wie es ist. A. d. Engl. Wien 1877. s. 32.). Мавры одѣваются различно, смотря по мѣстности, хотя эти различія не особенно значительны. Такъ, напримѣръ, въ Тунисѣ они носятъ „тщательно свернутую бѣлую чалму или вышитую желтыми цвѣтами куртку, широкіе шаровары со складками, доходящіе до колѣнъ и стянутые у пояса пестрымъ шарфомъ. Иногда они накидываютъ на плечи легкій плащъ изъ тонкой шелковой матеріи; ноги обуты въ бѣлые чулки и желтыя или красныя туфли; носовой платокъ привязанъ кончикомъ къ плащу; затѣмъ роза, заткнутая за правое ухо, и камышевая палка съ серебрянымъ набалдашникомъ дополняютъ этотъ своеобразный нарядъ. Нѣкоторые изъ мавровъ носятъ красную чалму, что̀ служитъ отличительнымъ признакомъ „хаджи“ или пилигримовъ въ Мекку; у другихъ зеленыя чалмы, а именно у потомковъ пророка, такъ называемаемыхъ шюрфа (schürfa); наконецъ встрѣчаются субъекты въ бѣлыхъ чалмахъ туго свернутыхъ мелкими складками, что̀ означаетъ кади. Послѣдніе нерѣдко надѣваютъ одновременно двѣ или три пары башмаковъ, одѣтыхъ одни на другіе и важно шествуютъ въ нихъ“ (v. Hesse-Wartegg Tunis. s. 45). Мавританскія женщины въ Алжирѣ носятъ широкую рубашку изъ тонкаго полотна и кромѣ того широкій кафтанъ изъ заткаканнаго золотомъ бархата или сукна. Голова обвита одной или нѣсколькими полосами шелковой матеріи или парчи. Что касается характера мавровъ, то они вообще изнѣжены, вѣроломны, лживы, честолюбивы, мстительны, жадны и склонны къ чувственности. Женщины большей частью кокетливы, жеманны и пронырливы.

Сужденіе о степени арабской культуры видоизмѣняется сообразно тому этнологическому положенію, какое отводятъ маврамъ, составляющимъ значительное меньшинство среди мѣстнаго населенія. Если мы, по примѣру Рольфса, будемъ отождествлять мавровъ съ арабами, то придется приписать послѣднимъ немногія произведенія мавританской промышленности. У мавровъ почти нѣтъ другихъ издѣлій, кромѣ незначительнаго количества горшечнаго товара, кордуанской кожи, шелковыхъ платковъ, красивыхъ кушаковъ и повсемѣстно употребляемыхъ красныхъ фесокъ. Изящныя „арабскія бездѣлушки“, которыя путешественники вывозятъ изъ Сѣверной Африки подъ названіемъ „мавританскихъ издѣлій“ нерѣко изготовляются въ Оффенбахѣ и т. п. Во всякомъ случаѣ „арабскія“ ручныя издѣлія изготовляются только въ городахъ, а именно маврами на дому; послѣдніе также отличаются

Арабскій нищій.

извѣстнымъ искусствомъ въ торговлѣ. Такимъ образомъ, если мы выдѣлимъ мавровъ изъ остальнаго арабскаго населенія, то убѣдимся, что послѣднее состоитъ изъ однихъ бедуиновъ, вся промышленность которыхъ ограничивается сѣдлами, конской сбруей и горшечнымъ производствомъ, а также тканями, которыя исключительно изготовляются женщинами. Хотя арабы весьма интеллигентны и ихъ напрасно обвиняютъ въ лѣни, но тѣмъ не менѣе они далеко уступаютъ берберамъ въ промыслахъ и художественномъ вкусѣ. Вообще едва ли стоитъ распространяться объ арабахъ, потому что въ главныхъ чертахъ они остались такими-же, какими мы видимъ ихъ на родинѣ. Они явились сюда въ качествѣ завоевателей и, представляя собой болѣе сильный элементъ, ввели у берберовъ свою религію, языкъ и даже отчасти свои нравы. Въ сущности все, что можно сказать объ арабахъ, сводится къ тому, что они кочевники въ полномъ и безусловномъ значеніи слова. Въ этомъ заключается ихъ сила и въ то же время ихъ слабая сторона. Быстрота, съ какой они впродолженіе немногихъ столѣтій, а иногда десятилѣтій занимали обширнѣйшія страны, объясняется ихъ привычкой, перенесенной изъ родины, проходить обширныя пространства, не имѣя опредѣленнаго мѣста жительства. Этимъ также можно объяснить ихъ выносливость, умѣренность, склонность къ барышничеству, изворотливость въ торговлѣ, географическія способности и легкость, съ какой они сходятся съ иностранцами. Съ другой стороны сюда-же слѣдуетъ отнести ихъ непостоянство, нежеланіе прочно устроиться на одномъ мѣстѣ, нелюбовь къ горамъ и пристрастіе къ равнинѣ, а равно ихъ лѣнь, отвращеніе къ ремесламъ и земледѣлію и вообще ихъ неспособность къ культурѣ. Кочевая жизнь, которая сдѣлалась ихъ второй природой и послужила краеугольнымъ камнемъ ихъ временнаго величія, будетъ рано или поздно причиной ихъ паденія. Способъ, какимъ они прошли значительную часть земнаго шара былъ своего рода набѣгомъ кочевниковъ, имѣвшимъ успѣхъ въ полунаселенныхъ странахъ и среди нецивилизованныхъ народовъ, но который долженъ былъ остановиться у границъ культуры. При этомъ само собой разумѣется, чѣмъ дальше станетъ проникать культура, тѣмъ быстрѣе будетъ обратное движеніе кочевниковъ. Номадная и культурная жизнь составляютъ между собой несогласимое противорѣчіе. Поэтому арабы съ древнѣйшихъ временъ до нынѣшняго дня не могли создать самобытнаго государственнаго строя. Если исламъ въ извѣстномъ смыслѣ сплотилъ арабовъ въ компактную массу, то онъ былъ воплощеніемъ религіозной, а не политической идеи (Schwarz, Algerien. s. 340, bis 341). Изъ вышесказаннаго не слѣдуетъ, чтобы арабы не могли цивилизоваться, они несомнѣнно имѣютъ тѣ-же склонности, способности и чувства, какъ европейцы; но они не хотятъ цивилизаціи; этого не допускаетъ ихъ религія. Они такіе-же фанатическіе приверженцы исламскихъ традицій, какъ и нѣсколько столѣтій тому

назадъ и по прежнему презираютъ христіанина и его религію. Послѣдняя не нужна имъ, потому что они, помимо ея, чувствуютъ себя счастливыми. Ихъ вѣра обѣщаетъ имъ царствіе небесное, какъ и христіанская религія. Они пользуются свободой въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ ихъ распоряженіи жена, палатка, лошадь, средства къ жизни; ихъ область равна по величинѣ половинѣ Европы, и въ ней они безграничные властелины. Они иначе смотрятъ на образованность, нежели мы и имѣютъ иныя понятія о цивилизаціи, такъ что считаютъ насъ варварами. Они не могутъ помириться съ европейскимъ порядкомъ вещей, и всѣ попытки пріучить ихъ къ осѣдлой жизни оказываются напрасными.

Въ подтвердженіе вышесказаннаго считаемъ нелишнимъ привести слѣдующій примѣръ: французы въ Алжирѣ пришли къ убѣжденію, что лучшее средство пріучить арабовъ къ осѣдлости понудить ихъ вождей выстроить себѣ постоянныя жилища, потому что арабъ чувствуетъ большое уваженіе къ властямъ и охотно слѣдуетъ примѣру своихъ вождей. Послѣдніе въ свою очередь изъ уваженія къ высшей власти безпрекословно согласились, чтобы французы построили имъ осѣдлыя жилища. Нѣкоторое время спустя, инженеръ, строившій домъ шейку, спросилъ его: доволенъ ли онъ своимъ жилищемъ? Арабъ отвѣтилъ на это: „я въ полномъ восхищеніи. Французы дѣйствительно удивительный народъ. Съ тѣхъ поръ, какъ выстроенъ мой домъ, у меня больше не пропало ни одной овцы“.—„Что это значитъ, спросилъ съ удивленіемъ инженеръ, гдѣ же ты самъ живешь?“ — „Ну, что касается до меня, отвѣтилъ шейкъ съ гордымъ сознаніемъ своего аристократическаго превосходства, то конечно ты поймешь, что такой чистокровный человѣкъ, какъ я, не можетъ жить иначе, какъ въ палаткѣ изъ верблюжьей шерсти“ (F. Hugonnet, Souvenir d'un chef de bureau arabe. Paris 1858 p. 123). Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о „duar“, арабской деревнѣ, состоящей изъ палатокъ (такія-же деревни у многихъ арабскихъ племенъ). „Duar“ обыкновенно состоитъ изъ десяти, пятнадцати, и крайне рѣдко изъ двадцати семействъ, которыя большей частью связаны между собой родствомъ; тѣмъ не менѣе у каждой семьи особая палатка. Обыкновенно палатки раскинуты на разстояніи тридцати шаговъ другъ отъ друга, двумя параллельными линіями, такъ что по срединѣ образуется родъ четырехъугольной площади, открытой съ обѣихъ сторонъ. Почти всѣ палатки одинаковы. Онѣ состоятъ изъ большаго куска ткани чернаго или шоколаднаго цвѣта, сплетенной изъ верблюжьяго волоса или изъ волоконъ приземистой пальмы (chamaerops humilis) и раскинутой на двухъ крѣпкихъ столбахъ съ поперечной перекладиной, вмѣсто крыши. По внѣшнему виду палатки представляютъ полное сходство съ жилищами нумидійцевъ Югурты, которыя Саллюстій сравниваетъ съ опрокинутыми вверхъ кораблями. Зимой ткань опущена до земли и прикрѣплена къ ней колышками для защиты отъ вѣтра и дождя, тогда какъ лѣтомъ вокругъ палатки оставлено довольно широкое разстояніе отъ земли для притока воздуха; при этомъ вокругъ палатки устраивается изгородь изъ камыша, тростника и терновника. Такимъ образомъ эти палатки представляютъ лѣтомъ больше прохлады и лучше защищены въ дождливое время, нежели мавританскіе дома въ городахъ, закрытые со всѣхъ сторонъ и съ окнами безъ стеколъ. Ни одна изъ палатокъ не выше двухъ съ половиной метровъ; наибольшая длина доходитъ до десяти метровъ. Внутри палатка раздѣлена тростниковой перегородкой. На одной половинѣ спятъ родители, на другой дѣти и остальные члены семьи. Что же касается обычной утвари, какую можно встрѣтить въ этихъ палаткахъ, то она состоитъ изъ одной или двухъ

подстилокъ, сплетенныхъ изъ ивовыхъ вѣтвей, пестро раскрашеннаго ларя, венеціанскаго зеркала, камышеваго треножника, который служитъ подставкой для мытья, затѣмъ двухъ тяжелыхъ камней для растиранія хлѣбнаго зерна, ткацкаго станка стариннаго устройства, первобытнаго жестянаго подсвѣчника, нѣсколькихъ глиняныхъ сосудовъ и т. п. Въ одномъ углу неизмѣнно кудахтаетъ курица.

Помимо религіознаго фактора у арабовъ всегда господствовало и господствуетъ до сихъ поръ семейное начало. Отецъ, мать и дѣти составляютъ необходимыя условія ихъ общественной жизни, которыми они вполнѣ удовлетворяются. Эта жизнь, установленная какъ бы самой природой, получила вслѣдствіе кочеванія своеобразный характеръ. Путешествіе само по себѣ сближаетъ людей. Сверхъ того отчужденность отъ остальнаго міра среди безконечныхъ степныхъ пастбищъ и разныя опасности, которымъ съ дѣтства подвергается кочевникъ, должны придавать въ его глазахъ особенную прелесть отцовской палаткѣ и усилить родственную связь. Положеніе отца въ семьѣ должно было неизбѣжно возвыситься благодаря кочевой жизни. Твердая руководящая рука и единая нераздѣльная власть были вдвойнѣ необходимы при такомъ непостоянномъ существованіи. Такимъ образомъ отецъ сдѣлался главой дома, неограниченнымъ властелиномъ надъ другими членами семьи, которые обречены на роль подданныхъ, слугъ, индивидовъ лишенныхъ воли. Подобная подчиненность вообще менѣе чувствительна для сыновей, которые сознаютъ, что со временемъ могутъ достигнуть такой же власти; къ тому же отецъ до извѣстной степени нѣжитъ ихъ, какъ своихъ наслѣдниковъ. Но тѣмъ сильнѣе тяготѣетъ гнетъ отца надъ женщинами, принадлежащими къ семьѣ, для которыхъ не существуетъ другого положенія, кромѣ абсолютной зависимости. Этимъ только можно объяснить тѣ своеобразныя условія, въ которыя поставлена женщина у арабовъ, не только въ роли матери, но и дочери. Такъ напр. глава семьи можетъ, не стѣсняясь присутствіемъ жены, держать при себѣ наложницу, а также продать кому вздумается своихъ дочерей. Такимъ образомъ мы не находимъ здѣсь ни малѣйшаго равенства между обоими полами; мужчина обращенъ въ полубога, между тѣмъ какъ женщина сдѣлалась вещью.

Въ Коранѣ сказано: „Женщина несовершенное существо, занятое своей внѣшностью и нарядами; она всегда готова безъ всякаго повода вступить въ споръ или затѣять ссору; нужно хорошо обходиться съ нею, но при случаѣ подвергать наказанію“. Это правило господствуетъ у арабовъ въ продолженіе многихъ столѣтій и всегда останется во всей силѣ. Мы видимъ въ настоящее время, что приверженецъ Магомета сдѣлалъ различныя уступки цивилизаціи: онъ носитъ наши тюки, прислуживаетъ нашимъ слугамъ, выпрашиваетъ милостыню и т. п.; но есть вещи, которымъ онъ никогда не подчинится и ни при какихъ условіяхъ. Такъ напримѣръ онъ никогда не явится въ публикѣ подъ руку съ женой и не заговоритъ, какъ съ равноправной, съ женщиной, которая удостоилась чести быть матерью его дѣтей. Когда мусульманинъ живетъ въ городѣ, то прячетъ свою жену и больше всего боится, чтобы она не увидѣла его гостя. При этомъ онъ наивно объявляетъ, что „если его жена уви-

дитъ христіанина, то не захочетъ больше жить съ своимъ мужемъ". Мусульманинъ, живущій въ деревнѣ или въ пустынѣ, заставляетъ жену исполнять всѣ тѣ работы, которыя считаетъ унизительными для своего достоинства. Но, чтобы составить себѣ полное понятіе о судьбѣ женщины въ этихъ странахъ, мы прослѣдимъ ея жизнь отъ рожденія до смерти.

Какъ только родится дѣвочка на свѣтъ, мать начинаетъ жалобно плакать, между тѣмъ, какъ отецъ произноситъ слѣдующія слова: „Ахъ, я несчастный человѣкъ! у меня родилась дочь!" т. е. на домъ снизошло проклятіе. Въ первое время мать носитъ ребенка на спинѣ, въ бѣломъ шерстяномъ мѣшкѣ, своеобразнаго покроя, изъ котораго время отъ времени выглядываетъ маленькая головка съ кудрявыми волосами и большими черными глазами. Отецъ почти никогда не удостоиваетъ ее взглядомъ; все его вниманіе обращено на сына, который составляетъ гордость дома, такъ что даже маленькая Фатма (Fatma) скоро начинаетъ смотрѣть на него, какъ на своего будущаго господина. Съ того момента, какъ дѣвочка въ состояніи поднимать небольшую ношу, она помогаетъ матери во всѣхъ домашнихъ работахъ. Съ ранняго утра она уже въ движеніи, босая и одѣтая въ первую попавшуюся ей въ руки тряпку. Она разводитъ огонь, варитъ кашу или маисъ, печетъ небольшіе хлѣба, доитъ коровъ и козъ, и только время отъ времени отрывается отъ дѣла, чтобы посмотрѣться въ осколокъ стараго зеркала, вымазать себѣ подъ глазами сокомъ ложенкой травы и подкрасить ногти лавзоніей. Для нея наступаетъ лучшій моментъ дня, когда она идетъ къ источнику съ кувшиномъ, величина котораго соразмѣрна ея силамъ. Здѣсь сходятся всѣ дѣвушки деревни и, наполнивъ свои кувшины, ставятъ ихъ у колодца; затѣмъ садятся на землю и между ними начинается бесѣда. Это — моментъ отдыха, посвященный непринужденной болтовнѣ. Но вскорѣ неоконченная работа заставляетъ весь этотъ женскій персоналъ снова вернуться домой.

Въ то время, какъ Фатма работаетъ безъ устали, ея братъ, маленькій Али, забавляется съ лошадью своего отца, всюду сопровождаетъ ее, смотритъ, какъ она пасется по лугу, лазитъ у ея ногъ и всячески ласкаетъ красивое животное, которое слѣдитъ за его движеніями своими большими кроткими глазами. Если мальчуганъ еще не можетъ самъ подняться на лошадь, то онъ прибѣгаетъ къ хитрости, подаетъ ей горсть сочной травы и, какъ только она наклонитъ голову къ землѣ, хватается за ея длинную гриву, и въ тотъ моментъ, когда вѣрное животное подниметъ голову, Али какъ кошка карабкается на его спинѣ, выражая свою радость пронзительнымъ крикомъ. Но вскорѣ наступаетъ день, когда Фатма видитъ, что хижина или палатка ея отца разукрашена по праздничному: Али объявляютъ совершеннолѣтнимъ „и на него надѣваютъ „dschellaba". Этотъ бурнусъ составляетъ національное платье араба и бербера; тотъ и другой носитъ его всю жизнь и въ немъ умираетъ. Затѣмъ слѣдуетъ другой праздникъ: Али окончилъ свой первый постъ и начинаетъ повторять монотоннымъ голосомъ изреченія изъ Корана. Но при каждомъ семейномъ праздникѣ маленькая Фатма начинаетъ все болѣе и болѣе сознавать, что она лишняя: она не можетъ сидѣть за столомъ отца, ни войти въ мечеть, свою церковь, т. е. для нея не существуетъ ни семьи, ни Бога. Такимъ образомъ это бѣдное существо выростаетъ съ сознаніемъ своего ничтожества и отчужденности и втайнѣ молитъ небо, чтобы оно оставило ее въ отцовской палаткѣ и избавило отъ судьбы ея подругъ, живущихъ въ городахъ. Но вскорѣ она замѣчаетъ, что слишкомъ долго предавалась этимъ печальнымъ размышленіямъ, между тѣмъ ужинъ еще не готовъ. Она должна приготовить кускусъ, принести деревянныя чашки, большую мѣдную тарелку, глиняное блюдо, и едва успѣла она исполнить все это, какъ отецъ входитъ въ палатку. Онъ идетъ медленнымъ шагомъ, съ важнымъ видомъ верховнаго жреца, стоитъ нѣсколько секундъ молча и неподвижно среди своихъ домочадцевъ; женщины и дѣти цѣ-

луютъ ему руки и почтительно удаляются по угламъ. Затѣмъ слѣдуетъ краткое изреченіе изъ Корана—хозяинъ дома садится, скрестивъ подъ собой ноги, опускаетъ правую руку въ блюдо, беретъ по частямъ кускусъ, скатываетъ шариками и бросаетъ себѣ въ ротъ. Если при этомъ подана курица или баранина, то онъ рветъ мясо кусками и всегда пальцами и ногтями, потому что Коранъ запрещаетъ употребленіе ножа. Если случится, что мальчикъ по своей дѣтской смѣлости опуститъ маленькіе пальцы въ кускусъ, то отецъ улыбается; но стоитъ маленькой Фатмѣ послѣдовать примѣру брата, чтобы ее отбросили въ уголъ, съ видомъ полнѣйшаго презрѣнія. Когда хозяинъ дома „наполнитъ свой животъ", какъ говорятъ арабы, то онъ отдыхаетъ одну минуту, положивъ обѣ руки на край блюда, и по данному знаку ему подаютъ пить. Передъ нимъ держатъ наполненную водой шкуру козы, сшитую въ формѣ мѣшка и сильно вымазанную дегтемъ, съ однимъ небольшимъ отверстіемъ; онъ пьетъ большими глотками, затѣмъ приказываетъ убрать воду. Магометъ сказалъ, что при ѣдѣ слѣдуетъ пить не больше одного раза.

Во все это время мужъ не произнесъ ни единаго слова; женщины, дѣти, собаки почтительно ждутъ, пока онъ милостиво произнесетъ слова священной книги: „ѣшьте и вы всѣ!". Съ этими словами онъ отодвигаетъ отъ себя блюдо, бросивъ въ него оглоданныя имъ кости. Кускусъ снимаютъ со стола и относятъ въ дальній уголъ палатки. Женщины и дѣти тѣснятся около остатковъ кушанья; при этомъ каждый старается по возможности „наполнить свой животъ", между тѣмъ какъ собаки на второмъ планѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ своей очереди. Въ этотъ моментъ у входа въ палатку появляется странникъ и проситъ гостепріимства. Арабъ тотчасъ-же встаетъ и привѣтствуетъ его словами: „Добро пожаловать!". Онъ не знаетъ, кто такой чужестранецъ, откуда и куда идетъ, но велитъ немедленно убить самую откормленную скотину изъ своего стада, самъ прислуживаетъ гостю, не утруждая его ни единымъ вопросомъ. Онъ даже не говоритъ съ гостемъ, если замѣчаетъ на его лицѣ усталость или неудовольствіе. Каждый бѣднякъ, который прибѣгаетъ къ благотворительности араба, увѣренъ, что никогда не получитъ отказа. Дѣйствительно этотъ гордый и властолюбивый хозяинъ дома, этотъ лѣнтяй, который только что обходился съ своими женами и дѣтьми, какъ съ рабами, счелъ бы величайшимъ грѣхомъ отказать страннику или бѣдняку.

Но вотъ солнце исчезаетъ на горизонтѣ. Это часъ третьей молитвы. Отецъ, сыновья, слуги, гость, нищій—всѣ встаютъ и молятся, между тѣмъ какъ бѣдная Фатма, загнанная въ дальній уголъ палатки, сидитъ на корточкахъ среди собакъ, вдали отъ тѣхъ, которые повидимому одни имѣютъ право призывать божество. Вскорѣ ночной мракъ покрываетъ горы и долины, наступаетъ опасное время, полное ужаса, когда арабъ долженъ быть на сторожѣ. Покинутое дитя смотритъ черезъ отверстіе палатки на звѣздное небо; великая всеобъемлющая тишина охватываетъ ея существо. Циновки постланы на землѣ, принесены ковры, всѣ ложатся вмѣстѣ: гость, старухи, маленькія дѣти; каждый выбираетъ себѣ мѣсто по своему усмотрѣнію. Хозяинъ въ послѣдній разъ обходитъ вокругъ палатки и затѣмъ ложится головой въ ту сторону, гдѣ находится стадо; рядомъ съ нимъ спитъ его жена, у другаго бока положено длинное ружье. Если послышится малѣйшій шорохъ, то онъ на ногахъ: это можетъ быть только воръ, шакалъ, пантера или влюбленный въ его жену. На дворѣ сторожатъ собаки съ неопредѣленнымъ цвѣтомъ шерсти, но съ острыми зубами. По ихъ лаю арабъ узнаетъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло: съ дикимъ звѣремъ, прохожимъ или врагомъ. Подчасъ крики, проклятія, ружейные выстрѣлы и даже ожесточенный бой нарушаютъ тишину ночи, затѣмъ слѣдуетъ день, такой-же, какъ предъидущій, пока не наступитъ время, когда неожиданно снимаютъ палатку, что служитъ признакомъ перекочевки на другое мѣсто.

Наконецъ дочь достигаетъ двѣнадцатилѣтняго возраста и можетъ выйти

замужъ. Кто будетъ ея супругомъ? Она не знаетъ этого, не должна знать, и не только не имѣетъ права выбрать себѣ мужа, но даже отказаться отъ замужства. Ей не дозволено распоряжаться своей судьбой, потому что она не болѣе какъ рабыня, все назначеніе которой заключается въ размноженіи человѣческой расы. Каждый отецъ можетъ всегда выдать свою дочь по своему усмотрѣнію; если же отецъ умеръ, то это дѣлается черезъ дядю молодой дѣвушки, вождя племени или кого-либо изъ вліятельныхъ жителей деревни. Въ одинъ прекрасный день Фатма слышитъ, что семья *X* выбрала ее въ жены для одного изъ своихъ членовъ, т. е. желаетъ ее купить. Женихъ ничего не знаетъ объ этомъ, такъ какъ не считаютъ нужнымъ спрашивать его согласія. Между тѣмъ семья *X* созываетъ сосѣдей, беретъ лучшую овцу изъ стада, навьючиваетъ своихъ слугъ всѣми запасами и принадлежностями, необходимыми для праздничной пирушки и отправляется къ отцу молодой дѣвушки, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Шествіе, дойдя до мѣста, останавливается, и происходитъ обмѣнъ обычныхъ привѣтствій. Во время слѣдующихъ затѣмъ переговоровъ женщины и дѣти стоятъ на извѣстномъ разстояніи и стараются угадать результатъ по выраженію лицъ собесѣдниковъ. Проходитъ довольно много времени, пока согласятся въ цѣнѣ, но способъ, какимъ ведется весь этотъ разговоръ, а равно и серіозныя мины участниковъ и ихъ осанка, исполненная чувства собственнаго достоинства, представляютъ много своеобразнаго. Когда всѣ переговоры окончены, то по данному знаку присутствующіе при этомъ женщины издаютъ громкій радостный крикъ, и въ ту же секунду является толпа грязныхъ евреевъ съ типичными физіономіями. Они раскладываютъ передъ собравшейся семьей вышитые носовые платки, ожерелье изъ бусъ, браслеты, серьги и т. п., а также небольшія ручныя зеркала и другіе европейскіе товары, безъ которыхъ немыслимо ни одно торжество. Начинаютъ одѣвать невѣсту; всѣ старухи деревни принимаютъ въ этомъ участіе: одна подкрашиваетъ ей губы, другая глаза, третья ногти; наконецъ одна изъ нихъ наклеиваетъ на лобъ и щеки маленькія золотыя звѣзды изъ бумаги, которыя только могутъ упасть отъ поцѣлуевъ супруга.

Въ это время женихъ прохаживается взадъ и впередъ въ сильномъ нетерпѣніи, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ увидѣть невѣсту только послѣ свадьбы; онъ пристаетъ къ родственникамъ съ вопросами: хороша ли она собой, какого цвѣта у ней волосы, какіе глаза? и т. п. Во все время помолвки одно пиршество слѣдуетъ за другимъ, и воздержный въ обыкновенное время арабъ пожираетъ невѣроятное количество кускуса и баранины. При этомъ пресыщеніе гостей выражается крайне безцеремоннымъ способомъ, запрещеннымъ въ цивилизованномъ обществѣ, но который пріятно поражаетъ слухъ устроителя пира, какъ признакъ довольства и благосостоянія. Такъ продолжается до дня свадьбы, когда, наконецъ, невѣсту передаютъ ея властелину при непрерывной трескотнѣ ружейныхъ выстрѣловъ и своеобразныхъ вскрикиваніяхъ женщинъ.

На слѣдующій день все прекращается; Фатма въ новой палаткѣ и среди своей новой семьи. Теперь наступаетъ самая счастливая пора ея жизни. Несмотря на тежелую работу, на всѣ законы и постановленія, она властвуетъ надъ сластолюбивымъ мужемъ, благодаря своей красотѣ. Не даромъ гласитъ поговорка, что она „днемъ вьючное животное, а ночью королева". Въ это время она проводитъ цѣлые дни передъ зеркаломъ, расчесываетъ волосы и украшаетъ себя. Но скоро ее начинаетъ томить однообразіе жизни; чѣмъ сильнѣе тяготѣетъ надъ ней неволя, тѣмъ больше мечтаетъ она о любовныхъ приключеніяхъ. Когда она шла къ колодцу, то встрѣтила по дорогѣ Мансура, который бросилъ на нее странный взглядъ и многозначительно дотронулся до своей бороды. Фатма задрожала отъ головы до ногъ, потому что она слишкомъ хорошо понимаетъ, чего хочетъ Мансуръ. Неужели онъ рѣшится прійти? Наступаетъ

ночь, Фатма со страхомъ и трепетомъ прислушивается ко всякому шуму. Мужъ только что заснулъ, положивъ руку на ружье. Она слышитъ его ровное дыханье, ощупываетъ рукоятку кинжала, который постоянно при немъ, знаетъ, что при малѣйшемъ подозрѣніи онъ безжалостно заколетъ ее. Ей чудится тихій шорохъ, но собаки не лаютъ. Она наклоняетъ ухо къ землѣ и поднимается съ мѣста внѣ себя отъ ужаса. Старая терновая изгородь окружающая палатку слегка шевелится, кто-то осторожно раздвигаетъ вѣтки; появляется голова, затѣмъ туловище. Это Мансуръ... въ зубахъ у него кинжалъ, въ рукѣ — ружье; онъ ползетъ на животѣ; на немъ нѣтъ ни малѣйшаго признака одежды, такъ какъ ему извѣстно, что ни одна собака не лаетъ на голаго человѣка. „Молчи, или я убью тебя!“ шепчетъ Мансуръ, и тутъ же на мѣстѣ, между двумя ружьями и кинжалами подъ страхомъ угрозъ возлюбленнаго и еще болѣе опаснаго для нея пробужденія мужа, испуганная Фатма, полуживая отъ ужаса, отдается Мунсуру. Съ этого момента она принадлежитъ ему. Она уже сама назначаетъ ему свиданія и будетъ ревниво охранять его, какъ свою собственность, сдѣлавъ повѣренными своей любви старыхъ родственницъ и своднпцъ. Впослѣдствіи Мансура смѣнитъ А. за нимъ будетъ В. и т. д. Тутъ невольно является вопросъ: любитъ-ли она кого либо изъ всѣхъ этихъ лицъ, удостоенныхъ ея милостью? Врядъ-ли, потому что все это дѣлается съ единственною цѣлью нарушить томительное однообразіе жизни и по возможности воспользоваться кратковременной молодостью. Она знаетъ, что въ двадцать лѣтъ ее будутъ считать отжившей и слѣдуетъ правилу: „наслаждайся, пока можешь!“ На счастье Фатмы мужъ ея настолько-же легковѣренъ, какъ ревнивъ; если онъ возвращается домой послѣ долгаго отсутствія и неожиданно находитъ прибавленіе семьи, то она равнодушно отвѣчаетъ на его вопросъ: „Успокойся другъ мой, этотъ ребенокъ спалъ въ моей утробѣ со дня твоего отъѣзда; я не хотѣла тревожить его, до тѣхъ поръ пока не узнала, что ты вернешься къ намъ!“ „Хвала Аллаху!“ восклицаетъ мужъ и спѣшитъ сообщить о своемъ мнимомъ счастьи сосѣду. Всѣ поздравляютъ его, потому, что у арабовъ существуетъ родъ религіознаго вѣрованія, что на младенца нападаетъ сонъ въ утробѣ матери, гдѣ она можетъ задержать его столько времени, сколько ей вздумается. При этомъ, смотря по обстоятельствамъ, она назначаетъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, на который ею были замедлены роды, такъ, что это вѣрованіе подчасъ оказываетъ немалую услугу аравитянкамъ. Несмотря на это, Фатма начинаетъ сильно тяготиться домашней работой, и въ одинъ прекрасный день спрашиваетъ своего мужа: не намѣренъ ли онъ взять себѣ другую жену? Она больше не ревнуетъ мужа и желаетъ имѣть соучастницу своей тяжелой жизни, которая отчасти помогала бы ей въ работѣ и главнымъ образомъ проводила бы съ нею время. Предстоящій бракъ занимаетъ ее не менѣе ея собственной свадьбы, она сама подкрашиваетъ глаза и ногти невѣсты; вмѣстѣ съ другими женщинами выражаетъ радость громкимъ вскрикиваньемъ и знакомитъ вновь прибывшую съ тайнами палатки. Между тѣмъ Фатма продолжаетъ прежнюю жизнь и доходитъ до такого нравственнаго паденія, что за баранью ногу готова измѣнить самому красивому любовнику и пожертвовать человѣческой жизнью за нарядъ въ пять франковъ. Ей наступаетъ двадцатый годъ; ее считаютъ старухой; для нея начинается жизнь исполненная страданій, такъ какъ аравитянка въ этомъ возрастѣ представляетъ собой жалкое покинутое существо, которое всѣ избѣгаютъ. Она подчасъ исполняетъ роль сводни, и даже отчасти колдуньи. Презираемая однимъ, отвергнутая другимъ, она старается заслужить расположеніе маленькихъ дѣтей порученныхъ ея присмотру и молодыхъ женщинъ, для которыхъ служитъ посредницей въ любовныхъ дѣлахъ. Наконецъ наступаетъ время, когда бывшая красавица Фатма, за которую столько людей рисковали жизнью, сидитъ скорчившись въ углу палатки, съ длинными космательми волосами, вся въ лохмотьяхъ и какъ собака съ жадностью гложетъ объ-

ѣдки объѣдковъ. Тотъ самый человѣкъ, который боготворилъ Фатму, не удостаиваетъ ее ни единымъ взглядомъ; она сама робко прячется отъ глазъ мужа, который только по привычкѣ даетъ ей убѣжище. Такова въ общихъ чертахъ жизнь арабской женщины (Adolf von Conring, Marokko, das Land und die Leute, Berlin 1880. s. 294 — 302).

Вышеописанное исключительное положеніе главы семьи неизбѣжно должно было привести къ расширенію тѣсныхъ рамокъ семейнаго круга. Автократія отца незамѣтно распространилась на другихъ ближайшихъ членовъ семьи, на зятя, внука, шурина. Одна палатка сдѣлалась сосредоточіемъ цѣлаго ряда палатокъ, дуара (duar). Образовалась родовая связь; верховный глава семьи сдѣлался такъ сказать родовымъ властелиномъ „шейкомъ". Отъ рода оставался одинъ шагъ до образованія племени (первоначально „Ul", позднѣе съ предлогомъ „ad" или „ed", который необходимъ, когда прибавляется названіе племени, напр. Ul ad Nail, слитое въ одно слово Ulad). Если съ одной стороны при постоянной перемѣнѣ пастбищъ немыслима была совмѣстная жизнь огромныхъ народныхъ массъ, то съ другой стороны для успѣшной защиты отъ враговъ и опасностей явилась необходимость въ сплоченіи людей въ извѣстныя болѣе значительныя группы. Численность этихъ отдѣльныхъ племенъ большей частью не превышала 5—600 душъ; но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ доходила даже до 40,000. Но и тутъ патріархальный характеръ въ цѣломъ оставался неизмѣннымъ. Племя въ сущности представляло собой расширенную, но замкнутую семью, вождь „kaid" оставался отцомъ семьи, но только болѣе вліятельнымъ. Даже теперь прежнія отношенія удержались въ народномъ сознаніи, такъ что многочисленныя распри между племенами не считаются междоусобными войнами, достойными сожалѣнія; на нихъ смотрятъ, какъ на походы противъ непріятеля и они воспѣваются въ пѣсняхъ.

Совмѣстно съ патріархальнымъ характеромъ на арабахъ замѣтенъ отпечатокъ извѣстнаго аристократизма. Присущій ему типъ семьи, съ деспотизмомъ главы дома, неограниченный монархизмъ въ полномъ значеніи этого слова представлялъ полную противоположность съ республикой. Съ другой стороны естественное положеніе главы семьи, не допускавшее равенства и какихъ либо иныхъ способовъ повышенія и пріобрѣтенія правъ, должно было неизбѣжно привести къ образованію настоящаго родоваго и наслѣдственнаго дворянства. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на такой подготовленной почвѣ идея дворянства пустила особенно глубокіе корни. Дѣйствительно едва ли у какого другого народа можно встрѣтить такой культъ дворянству, какъ у арабовъ. Каждый глубоко убѣжденъ въ могуществѣ крови, въ силѣ расы. „Возьми терновый кустъ", говорилъ знаменитый эмиръ Абдъ-эль-Кадеръ, „поливай его цѣлый годъ розовой водой и онъ ничего не дастъ кромѣ терна; возьми финиковую пальму оставь ее безъ воды и ухода; и она все таки произраститъ финики". Для араба дворянство та-же

финиковая пальма; онъ не думаетъ возставать противъ такого взгляда и мирно покоряется ему. „Голова остается головой, хвостъ хвостомъ", говоритъ бѣднѣйшій изъ арабскихъ пастуховъ, и его умъ не задается мыслью о пріисканіи средствъ, чтобы измѣнить этотъ порядокъ вещей. Весьма характеренъ также тотъ фактъ, что даже въ религіозной области арабъ признаетъ наслѣдственность власти, между тѣмъ, какъ во всемъ остальномъ мірѣ она достигается посредствомъ назначенія или свободнаго выбора. Потомки „святаго" (марабута) черезъ длинный рядъ поколѣній пользуются величайшимъ уваженіемъ, даже въ томъ случаѣ, если давно утратили свою святость. При этомъ существуетъ еще военное дворянство („dschaud", един.: „dschied" выг. какъ два слога), потомки древнихъ родовъ, которые прославились своими военными подвигами, а именно „mehhal", товарищи по оружію Магомета; имъ и до сихъ поръ принадлежитъ предводительство во время войны. Наконецъ существуетъ настоящее родовое дворянство, къ которому принадлежатъ такъ наз. „шерифы", потомки дочери пророка, Фатмы Зоры и его дяди, Сиди-Али-Аби-Талебъ. Кромѣ того, какъ извѣстно, у арабовъ признается дворянство лошадей и собакъ съ своимъ родословнымъ деревомъ, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ доведено до лошадей и собакъ пророка.

Поэты античнаго міра не разъ описывали кліентовъ, которые въ Римѣ наполняли цѣлыми толпами портики дворцовъ, принадлежащихъ патриціямъ. У арабовъ большая палатка въ пустынѣ находится при тѣхъ же условіяхъ, какъ роскошныя жилища древней римской знати. Вождь племени важно возсѣдаетъ на коврѣ, съ осанкой исполненной чувства собственнаго достоинства, свойственной однимъ восточнымъ людямъ, и принимаетъ поочередно людей, ожидающихъ его повелѣній. Терпѣніе составляетъ его величайшую добродѣтель. Къ нему обращаются со всевозможными жалобами, и онъ, внимательно выслушавъ каждаго просителя, принимаетъ мѣры противъ обнаруженныхъ злоупотребленій. При этомъ онъ усиленно напрягаетъ свои мыслительныя способности и всю прирожденную ему силу воли. Одному онъ даетъ совѣтъ, другому приказаніе, разбираетъ всякое дѣло и никому не отказываетъ въ помощи. Онъ обязанъ соединять въ себѣ великодушіе съ мудростью и постоянно примѣнять къ дѣлу высокую, хотя нѣсколько тщеславную благотворительность, какую мусульманскій законъ предписываетъ всѣмъ правовѣрнымъ. Его палатка служитъ убѣжищемъ несчастныхъ; вблизи его не можетъ быть голодающихъ. Корыстолюбіе должно быть чуждо его душѣ. Онъ никогда не посвящаетъ свободныхъ часовъ игрѣ въ кости или въ карты. Знатный арабъ никогда не играетъ и не даетъ взаймы денегъ на проценты. Тѣмъ не менѣе богатство здѣсь далеко не въ пренебреженіи и, какъ вездѣ, составляетъ неизбѣжное условіе власти, но, преимущественно, пріобрѣтается военными подвигами. Если воинъ пріобрѣлъ деньги и славу съ помощью грабительскихъ набѣговъ, то его называютъ „Ben Derau", т. е. „Сынъ своей руки", и онъ можетъ стремиться къ высшимъ должностямъ среди своего племени. Арабскій вождь долженъ быть самымъ храбрымъ изъ людей носящихъ оружіе. Онъ потерялъ бы навсегда всякое вліяніе, если бы его обвинили въ малодушіи, и нужно замѣтить, что арабы умѣютъ отличить дѣйствительную храбрость отъ мнимой. Они удивляются душевной силѣ, а не одному атлетическому тѣлосложенію и особенно цѣнятъ быстроту дѣйствій, ловкость и храбрость. Несмотря на это они имѣютъ совершенно иное представленіе о муже-

ствѣ, нежели мы. Они не считаютъ трусостью бѣгство не только передъ болѣе многочисленнымъ непріятелемъ, но даже передъ слабѣйшимъ, если они не заинтересованы въ побѣдѣ; имъ нужно только, чтобы битвы по возможности приносили имъ практическую пользу. Пока счастье на ихъ сторонѣ, они выказываютъ необыкновенное рвеніе и тотчасъ же разбѣгаются и исчезаютъ, когда оно измѣняетъ имъ. Ихъ уваженіе къ храбрости не настолько велико, чтобы они безпощадно осуждали людей, не обладающихъ этимъ качествомъ. Трусъ, конечно, никогда не достигнетъ въ своемъ племени виднаго положенія, но въ то же время онъ не возбуждаетъ къ себѣ презрѣнія. „Богу не угодно было сдѣлать изъ него храбраго человѣка: нужно жалѣть его, а не осуждать", говорятъ арабы. Отъ него требуютъ только, чтобы онъ загладилъ свою слабохарактерность мудрыми совѣтами и постоянной щедростью. Хвастовство скорѣе возбуждаетъ здѣсь презрѣніе, нежели боязливость. „Если ты называешь льва осломъ, то пойди и взнуздай его!" гласитъ восточная пословица, которая здѣсь въ большомъ ходу. Поединки совершенно неизвѣстны. За оскорбленіе мстятъ убійствомъ, которое нерѣдко приводится въ исполненіе съ помощью нанятыхъ убійцъ. Но если пострадавшій субъектъ больше жаждетъ денегъ, нежели смерти своего противника, то выжидаетъ случая, чтобы лично напасть на него и убить на мѣстѣ или же погибаетъ самъ. Въ послѣднемъ случаѣ кровавая месть нерѣдко передается по завѣщанію другому лицу, переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и вообще очень распространена между арабами, хотя и въ этомъ случаѣ не прибѣгаютъ къ поединку. Кровавая месть бываетъ личная или общая, сообразно съ тѣмъ: задѣты ли общіе или частные интересы. Если по какому либо поводу человѣкъ, принадлежащій къ племени, убитъ рукой вождя или даже низшаго члена сосѣдняго племени, то убійца по закону можетъ навсегда покончить распрю, заплативъ „dia" (цѣну крови) наслѣдникамъ павшей жертвы.

Мы описали здѣсь въ общихъ чертахъ характеръ арабской знати въ пустынѣ; теперь сдѣлаемъ попытку изобразить жизнь знатнаго араба въ наиболѣе торжественные моменты. Въ тотъ день, когда въ большой палаткѣ родится мальчикъ, здѣсь начинается необычайное веселіе. Всѣ приходятъ къ отцу новорожденнаго и обращаются къ нему со словами: „Да будетъ счастливъ твой сынъ!" Въ то время какъ мужчины толпятся около отца, мать принимаетъ поздравленія женщинъ своего племени. Посѣтители обоего пола являются съ подарками, соотвѣтствующими данному случаю. Хозяинъ дома, принимая всѣ эти доказательства пріязни и уваженія, обязанъ оказать широкое гостепріимство посѣтителямъ. Иногда угощеніе гостей продолжается двадцать дней сряду. Какъ только ребенокъ достигаетъ извѣстныхъ лѣтъ, его учатъ читать и писать, что составляетъ нововведеніе у сѣверо-африканскихъ джуадовъ. Прежде одинъ марабутъ занимался наукой, и всякій военный человѣкъ презиралъ знаніе. Но съ тѣхъ поръ, какъ арабы убѣдились, что даже простой французскій солдатъ обладаетъ извѣстнымъ образованіемъ и, что это нисколько не мѣшаетъ его храбрости, взглядъ ихъ въ этомъ отношеніи совершенно измѣнился. „Въ былыя времена, говорятъ они, мы могли обходиться безъ ученія, потому что миръ и благополучіе господствовали среди насъ, но въ тѣ безпокойныя времена, какія мы переживаемъ въ настоящее время, наука должна выручить насъ". Тѣмъ не менѣе на ряду съ ученіемъ верховая ѣзда и умѣніе владѣть оружіемъ играютъ весьма важную роль въ арабскомъ воспитаніи. Какъ только мальчикъ въ состояніи держаться на лошади, ему даютъ для ѣзды жеребенка, а затѣмъ взрослыхъ коней. Проходитъ еще нѣкоторое время, его уже водятъ на охоту, заставляютъ стрѣлять въ цѣль, убивать копьемъ кабана. Когда ему исполнится шестнадцать или восемнадцать лѣтъ, его женятъ, если только онъ знаетъ Коранъ и можетъ поститься.

До этого момента родительская нѣжность съ неотступнымъ вниманіемъ

охраняетъ чистоту его нравовъ. Его никогда не оставляютъ одного; за нимъ шагъ за шагомъ слѣдуетъ слуга или учитель. Онъ долженъ встрѣтить съ здоровымъ тѣломъ и чистой душой ту, которую дадутъ ему въ подруги жизни. Ему выбираютъ молодую дѣвушку не менѣе знатнаго происхожденія, съ незапятнанной репутаціей и по возможности красивую. Брачныя пиршества нерѣдко продолжаются три дня и три ночи. Они возобновляются всякій разъ, когда мужъ беретъ новую жену. Законъ дозволяетъ арабскому вождю имѣть одновременно четыре жены; но это число оказывается недостаточнымъ при подвижномъ непостоянномъ характерѣ арабовъ, такъ что имъ приходится прибѣгать къ разводу. У нѣкоторыхъ арабскихъ вождей двѣнадцать и даже пятнадцать законныхъ женъ.

Арабскій шейкъ.

Знатный человѣкъ въ пустынѣ непосредственно послѣ своей женитьбы вступаетъ въ новую жизнь и для него начинается личная дѣятельность. Онъ не пользуется полной самостоятельностью, пока онъ не первое лицо въ палаткѣ и не распоряжается вполнѣ своимъ имуществомъ, т. е. пока живъ его отецъ. Но и при этихъ условіяхъ онъ уже считается въ своемъ племени человѣкомъ, способнымъ оказать помощь дѣломъ и совѣтомъ. Мало по малу онъ пріобрѣтаетъ опытность, какая необходима для него, чтобы окончить поверхностное образованіе, полученное имъ, благодаря хорошимъ примѣрамъ и совѣтамъ, и становится важнымъ господиномъ. У него уже есть своя челядь, свои лошади, „slugi“ (гончія собаки), соколы и полное вооруженіе для войны

и охоты. Его кліенты, молодые люди одного съ нимъ возраста, его будущіе придворные; для него выбраны чистокровные кони, которые по всѣмъ примѣтамъ должны принести счастье своему хозяину. Собаки его вскормлены молокомъ толченыхъ финиковъ и кускусомъ отъ его обѣдовъ; онъ самъ дрессировалъ ихъ, и въ то время какъ простыя собаки лаютъ по ночамъ на гіенъ и шакаловъ, „slugi“ лежатъ въ палаткѣ у ногъ своего господина, даже на его постели. Принадлежащіе ему соколы воспитаны на его глазахъ сокольничимъ, который пріучилъ ихъ подниматься на воздухъ и возвращаться по его приказанію. Между его боевыми и охотничьими снарядами находится много ружей изъ Туниса и Алжира съ красивой серебряной и золотой насѣчкой и ложемъ, оправленнымъ кораллами и перламутромъ, сабли изъ Феца съ вычеканенными серебряными ножнами, сѣдла обтянутыя бархатомъ и сафьяномъ и вышитыя золотомъ и шелками. Дополненіемъ къ его наряду служитъ ташка (какъ у гусаръ), украшенная шкурой пантеры, высеребренныя шпоры съ кораллами, „medol“, т. е. высокая соломенная шляпа съ широкими полями и пучкомъ страусовыхъ перьевъ и сафьянный патронташъ, вышитый шелками, золотомъ и серебромъ.

Знатный арабъ въ юношескомъ возрастѣ почти исключительно предается удовольствію. Его можно встрѣтить верхомъ на лошади въ сопровожденіи друзей и нѣсколькихъ слугъ, которые ѣдутъ на верблюдахъ и держатъ на привязи его гончихъ собакъ или даже везутъ ихъ на рукахъ. Онъ ѣдетъ въ какое нибудь отдаленное пастбище, чтобы осмотрѣть свои стада и пользуется случаемъ для охоты за страусомъ или газелями, смотря по мѣстности и времени года. Но съ того дня, какъ его отецъ кончитъ свое земное существованіе, онъ становится владѣльцемъ большой палатки и всего оставшагося имущества въ видѣ ковровъ, подушекъ, кошельковъ съ драгоцѣнностями, серебряныхъ чашъ, охотничьихъ, боевыхъ и военныхъ запасовъ для всей семьи, которая вмѣстѣ съ слугами доходитъ до 25—30 душъ. Ему принадлежатъ теперь благородные кони которые пасутся въ виду палатки на длинной веревкѣ, восемь или десять негровъ или негритянокъ покойнаго отца, склады зерна, проса, финиковъ и меду, (которые для охраны отъ грабежа перевезены въ „ksor“, т. е. деревню), отъ 8000 до 10000 овецъ, 500 или 600 верблюдовъ, которые разсѣяны на обширныхъ пастбищахъ, подъ наблюденіемъ пастуховъ.

Арабъ съ приближеніемъ къ старости становится все болѣе и болѣе степеннымъ. Каждый сѣдой волосъ, который появляется въ его бородѣ служитъ поводомъ къ серіознымъ размышленіямъ; онъ охотно посѣщаетъ слугъ Аллаха, дѣлается все религіознѣе, рѣже бываетъ на охотѣ, на свадьбахъ и т. п. Съ другой стороны въ качествѣ вождя онъ имѣетъ мало свободнаго времени, такъ какъ долженъ исполнять роль судьи, заботиться объ увеличеніи своего имущества, воспитаніи дѣтей, поддержаніи дружбы съ сосѣдями. Тѣмъ не менѣе рыцарскій духъ, одушевлявшій его въ юности не совсѣмъ погасъ въ немъ; если его племени нанесено оскорбленіе, то онъ не останется въ палаткѣ и будетъ считать для себя счастьемъ умереть мужественно въ бою. Нѣкоторыя фамиліи хвалятся тѣмъ, что ни одинъ изъ ихъ предковъ не умеръ въ палаткѣ. При этомъ благородный арабъ всегда умираетъ съ непоколебимой вѣрой въ единаго Бога и, если онъ погибъ въ бою за свое племя честной смертью, то дворянина пустыни неизмѣнно чествуютъ пышнымъ погребеніемъ.

Мы считаемъ лишнимъ пересчитывать арабскія племена разсѣянныя въ сѣверной Африки, и назовемъ только наиболѣе значительные изъ нихъ. Сюда слѣдуетъ прежде всего отнести бени гассанъ, которые извѣстны въ Морокко своими грабительствами; это самое без-

покойное, смѣлое, ловкое и хищническое племя долины Себу. Ихъ пріучаютъ съ юности къ разбоямъ, и отцы не стѣсняясь заявляютъ, что мальчикъ восьми лѣтъ приноситъ ему мало прибыли, двѣнадцатилѣтній гораздо больше, а въ шестнадцать лѣтъ уже доставляетъ ему значительный доходъ. При этомъ у нихъ также до извѣстной степени существуетъ принципъ раздѣленія труда; одни исключительно воруютъ зерновой хлѣбъ, другіе рогатый скотъ, иные лошадей; затѣмъ нѣкоторые промышляютъ воровствомъ на рынкахъ, помимо особыхъ разбойниковъ на большихъ дорогахъ и расхитителей дуаровъ (деревень). Число послѣднихъ особенно велико; они прокрадываются въ дуаръ почти безъ одежды во избѣжаніе собачьяго лая; все тѣло ихъ натерто мыломъ, чтобы легче вывернуться изъ рукъ противниковъ, если бы тѣ вздумали задержать ихъ. Другое Марокканское племя сиди гассанъ носитъ иной и весьма своеобразный характеръ; оно образуетъ родъ военной колоніи, гдѣ земля раздѣлена между значительнымъ числомъ солдатскихъ семействъ; въ каждомъ изъ нихъ военная служба обязательна для дѣтей мужскаго пола, т. е. каждый сынъ съ рожденія солдатъ, и прежде чѣмъ онъ въ состояніи носить оружіе ему выдаютъ жалованье. Эти солдатскія семьи освобождены отъ всякихъ податей, и собственность каждаго изъ нихъ, не можетъ быть отчуждена, пока не прекратилось мужское поколѣніе. Такимъ способомъ они представляютъ собой правильную, дисциплинированную и вполнѣ надежную милицію, съ помощью которой правительство можетъ по мѣстному выраженію „поглотить" любую изъ возставшихъ провинцій. Ихъ можно было бы также назвать милиціей сборщиковъ податей. Алжиръ особенно богатъ арабскими племенами. Такъ, въ провинціи Алжирѣ, а именно въ плоскогоріи (Tell) живутъ племена: атафъ, кзеиръ, кхруиденъ, сбеахъ, арибъ, бени джаадъ, бени слиманъ, бени кхрелифа, кхрашна, бени мусса, бени гассенъ, моктаръ и племена титри; въ Сахарѣ: зенакра, шаибъ, рахланъ, наилъ рхараба, ларба и арацлія. Въ провинціи Константинѣ (въ плоскогорьи) живутъ: ханешна, неменша, характа, си яхеіа бенъ талебъ, селлана, сенъя, теларрма, уладъ абдъ эль нуръ, эльма, амеръ рхараба, селемъ, султанъ и уласъ аби бенъ саборъ; въ Сахарѣ: наилъ шерага, рхаманъ, цекри, мулатъ и саіахъ. Въ провинціи Оранъ (въ плоскогорьи) живутъ: флита, хашемъ, сдама, племена якубіа, джафра, бени амеръ и ахоссель; въ Сахарѣ племена Джебель Амура, хараръ хаміанъ и сиди шеихъ.

Изъ названныхъ здѣсь племенъ уледъ сиди шеихъ самыя могущественныя; они занимаютъ пограничную область между Марокко и Алжиромъ. Равнымъ образомъ заслуживаетъ вниманія племя уледъ наилъ, палатки котораго встрѣчаются у Ба Сада, а именно въ степныхъ равнинахъ Ходна къ югу отъ Шотъ эсъ Саида. Это гостепріимное племя, весьма почтенное во многихъ отношеніяхъ, имѣетъ своеобразныя понятія о нравственности и приличіи. Какъ только дочь въ родительскомъ домѣ достигнетъ зрѣлости, отецъ посылаетъ ее

въ ближайшій большой городъ, преимущественно въ Бискру, чтобы она заработала, какъ можно больше денегъ, торгуя своей красотой. Дочери добросовѣстно исполняютъ отцовское наставленіе, и замѣчательно, что тѣ изъ нихъ, которыя возвращаются домой, нагруженныя сокровищами, скорѣе находятъ себѣ мужа, не ради сокровищъ, которыя достаются ихъ отцу, а въ виду той высокой оцѣнки, какая имъ была сдѣлана на чужбинѣ. Эти naïlijah, какъ ихъ называютъ по имени племени, къ которому они принадлежатъ, нанимаются танцовщицами въ кофейни Бискры; онѣ всегда одѣты вполнѣ прилично и въ сущности отличаются только массой украшеній, выставленныхъ на показъ. Толстыя золотыя и серебряныя цѣпочки украшаютъ ихъ шею; тонкія пряжки съ бубенчиками и колокольчиками привязаны къ суставамъ рукъ и къ щиколкѣ ногъ. Молодыя дѣвушки, лежа днемъ передъ домами, привлекаютъ прохожихъ бряканьемъ бубенчиковъ. Подобныя танцовщицы „almeh“ встрѣчаются въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ осѣдлаго европейскаго населенія, и существовали съ глубокой древности у египтянъ, гдѣ ихъ можно найти и до сихъ поръ (Schwarz, Algerien, s. 228 и 230). Вообще ошибочно было бы предполагать, что арабскимъ кочевникамъ чужда проституція. Хотя въ большихъ населенныхъ центрахъ сѣверной Африки публичные дома составляютъ рѣдкость и изъ всѣхъ марокканскихъ городовъ только въ Микенесѣ существуетъ одинъ публичный домъ, но лица, ближе знакомыя съ магометанской жизнью, могутъ засвидѣтельствовать, что половина замужнихъ женщинъ занимаются проституціей. Благодаря легкости, съ какой мусульманинъ по самому ничтожному поводу разводится съ женой, въ каждой деревнѣ существуетъ извѣстное число „hadschela“ (вдовъ) и разводныхъ женъ которыя безцеремонно отдаются каждому (Rohlfs, Reise durch Marokko, s. 197).

Въ Тунисѣ хамама, на ряду съ ургема въ Биледъ-уль-Джеридѣ внушаютъ наибольшій страхъ своимъ сосѣдямъ. Хамама имѣютъ многочисленныя стада, которыя доставляютъ жителямъ Гасса массу сыраго матеріала. Изъ Гасса они получаютъ необходимое для нихъ оружіе, боевые запасы, одежду и утварь въ тѣхъ случаяхъ, если не могутъ добывать ихъ грабежомъ каравановъ, и хотя, они неисправимые разбойники, но обыкновенно живутъ въ мирѣ съ обитателями Джерида. На крайнемъ востокѣ, въ горной странѣ Барка кочуютъ арабы суія, въ числѣ 5000 душъ, которые ежегодно въ іюлѣ, во время сбора финиковъ, переходятъ въ оазисъ Куфара. Зимой суія живутъ у Большой Сирте и въ южной Баркѣ, гдѣ отчасти занимаются земледѣліемъ, частью кочуютъ съ своими стадами, но средину лѣта проводятъ въ Куфара, гдѣ, въ видѣ отдѣльныхъ шаекъ, располагаются въ опредѣленныхъ мѣстахъ группами. Послѣднія состоятъ изъ 50—80 годныхъ къ оружію мужчинъ; они не устраиваютъ для себя лагеря изъ палатокъ, а выбираютъ для жилья густую пальмовую заросль, гдѣ группы стволовъ, окруженныхъ молодыми отпрыскама образуютъ родъ навѣсовъ, наз. „hausch“.

Что касается наружности араба, то у него большею частію свѣтлая кожа, черные волосы на головѣ и бородѣ, тонкія губы, изогнутый носъ, черные живые глаза, скошенный лобъ, овальное лицо, высокій ростъ и при этомъ стройное и сильное тѣлосложеніе. Женщины въ физическомъ отношеніи стоятъ ниже мужчинъ, вслѣдствіе гаремной

Туареги составляютъ планъ набѣга.

жизни и своего жалкаго положенія. Одежда мужчинъ состоитъ изъ широкаго, шерстянаго, большей частью бѣлаго плаща безъ рукавовъ, такъ называемаго „бурнуса“ и „haik“ (послѣдній встрѣчается рѣже). Гладко выбритая голова всегда прикрыта; многіе надѣваютъ сперва небольшую вязанную шапочку, въ родѣ дѣтскаго чепца и обвязываютъ сверху чалмой. Общеизвѣстное покрывало не вездѣ принято у женщинъ. Оно всего больше распространено у мавровъ или въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ постоянно живутъ европейцы. Хотя по всѣмъ даннымъ покрывало было первоначально введено для защиты отъ палящаго солнечнаго зноя (у туариковъ имъ прикрываются и мужчины), но теперь оно большей частью обязано своимъ существованіемъ ревности мужей. Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ указать на замѣчательное сходство характера между арабами и израильтянами, которое служитъ лучшимъ доказательствомъ общаго семитическаго происхожденія. У нихъ тѣ-же достоинства и недостатки, и хотя еврейскій элементъ вообще мягче, податливѣе и трусливѣе, нежели арабскій, но такого рода различія встрѣчаются и между родными братьями. Тѣ и другіе отличаются непреклонной энергіей, необыкновенной способностью къ самопожертвованію для достиженія извѣстной цѣли, трезвостью, умѣренностью, пламенной фантазіей, мечтательностью, фанатизмомъ и нетерпимостью. На ряду съ высокими поэтическими дарованіями они обладаютъ способностью скрыть всякое душевное движеніе подъ маской равнодушія. Они чувствуютъ положительное отвращеніе къ земледѣлію и промышленности (алжирскіе бедуины ничего не производятъ, кромѣ сѣделъ, сбруи и глиняной посуды, а ихъ женщины извѣстнаго количества тканей), и выказываютъ особенную склонность и способности къ торговлѣ и естественнымъ наукамъ. Что же касается ихъ характера, то они, совмѣстно съ тщеславіемъ и высокомѣріемъ, соединяютъ извѣстную жестокость и безсердечіе при значительной доли скупости. При этомъ у арабовъ нѣтъ никакой способности къ счисленію, такъ что нельзя не удивляться ихъ неразвитости въ этомъ отношеніи. Они положительно лишены того, что называютъ „глазомѣромъ“. Нерѣдко случается, что если вы спросите старика: сколько ему лѣтъ? то васъ удивитъ его отвѣтъ въ виду сѣдой бороды, составляющей его единственную гордость. Равнымъ образомъ, если вы во время путешествія спросите проѣзжаго араба о разстояніи до извѣстнаго мѣста, то онъ отвѣтитъ на-угадъ: „шесть часовъ“! между тѣмъ, какъ вы убѣждаетесь, что доѣхали до назначеннаго пункта въ несравненно болѣе короткій промежутокъ времени. Эта характерная черта умственныхъ способностей арабовъ объясняетъ многія поразительныя особенности въ ихъ дѣловыхъ и общественныхъ сношеніяхъ. Даже различныя выраженія ихъ языка становятся понятными для насъ только въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть въ виду свойственную имъ неточность во всемъ, что касается счисленія.

Въ сѣверной Африкѣ встрѣчаются повсемѣстно евреи (называемые здѣсь „ihudi“), не только на побережьи и въ городахъ, но въ Большомъ Атласѣ и въ оазисахъ пустыни Сахары, а равно среди арабскихъ бедуиновъ тунисскаго Биледъ уль Джерида. Рольфсъ не согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ этихъ евреевъ потомками первобытныхъ жителей, и, слѣдовательно, берберами по своему происхожденію. Они отличаются другимъ тѣлосложеніемъ, строеніемъ лица и нравами и несомнѣнно семиты. Вообще здѣшніе евреи красивѣе и сильнѣе арабовъ; но ужасающая грязь, выставляемая ими, какъ бы на показъ, ихъ небрежная и жалкая одежда придаетъ имъ въ высшей степени отталкивающую внѣшность. Извѣстный всѣмъ, еврейскій типъ, проявляется менѣе рѣзко, нежели у ихъ европейскихъ единоплеменниковъ, какъ въ очертаніи носа, такъ и во всѣхъ другихъ признакахъ. Они всѣ высоки и хорошо сложены, а женщины при этомъ замѣчательно красивы; поэтому если въ ихъ сосѣдствѣ живетъ какой нибудь важный и знатный человѣкъ, то онѣ нерѣдко попадаютъ въ его гаремъ.

Въ Марокко, гдѣ безъ преувеличенія, ихъ насчитываютъ до 200,000 душъ, сохранилось преданіе, что ихъ предки переселились сюда изъ Палестины, задолго до нашего лѣтосчисленія. Эти евреи говорятъ на берберійскомъ языкѣ и живутъ независимо отъ марокканскаго правительства, по крайней мѣрѣ настолько-же, какъ и берберы. Они подчинены берберійскому шейку и должны доставить ему извѣстное количество войска; въ остальномъ они ничѣмъ не отличаются отъ берберовъ и также хорошо владѣютъ оружіемъ. Вообще это единственные евреи, живущіе среди магометанскаго населенія, которые носятъ оружіе. Они одѣты точно такъ, какъ и другіе обитатели горъ и въ разговорѣ съ берберійскимъ мусульманиномъ, не величаютъ его „сиди“ (мой господинъ), какъ это предписано марокканскимъ евреямъ, а прямо называютъ его по имени. Говорятъ, что здѣшніе евреи не имѣютъ книгъ Моисея и никакихъ извѣстій о существованіи Христа, а также о вавилонскомъ плѣненіи, такъ какъ въ это время уже переселились въ Африку. По слухамъ, близъ Нуна, есть также берберы, которые исповѣдуютъ іудейскую религію, и евреи, говорящіе по берберійски. Затѣмъ существуютъ еще евреи, которые одновременно съ арабами или непосредственно послѣ магометанскаго нашествія переселились въ Марокко и живутъ въ Уойда, Теза, Фецѣ, Тафилетѣ, Фигигѣ, Драа и другихъ мѣстахъ. Они всѣ говорятъ по арабски, но для письма употребляютъ еврейскія буквы. Мы знаемъ, что въ Германіи евреевъ можно тотчасъ-же узнать по ихъ выговору; равнымъ образомъ и въ другихъ европейскихъ странахъ они всегда иначе говорятъ на господствующемъ языкѣ, нежели христіане. То-же явленіе повторяется и въ сѣверной Африкѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ евреи по одеждѣ и физіономіи не отличаются отъ арабовъ, ихъ можно тотчасъ-же отличить между сотнями по языку. Нѣтъ ничего комичнѣе, какъ слышать еврея коверкающаго арабскій языкъ или израильтянъ, живущихъ среди берберовъ, когда они говорятъ по берберійски и передѣлываютъ по своему тамазирхтъ, подобно тому, какъ это они дѣлаютъ со всевозможными языками (Rohlfs, Reise in Marokko, s. 84).

Кромѣ того мы знаемъ о слѣдующихъ значительныхъ переселеніяхъ евреевъ: въ 1350 изъ Нидерландъ, въ 1290 и 1403 изъ Англіи, въ 1403 изъ Франціи, въ 1342 изъ Италіи и въ особенности въ 1492 и 1494 изъ Испаніи. Эти евреи живутъ преимущественно въ гаваняхъ Марокко; при этомъ испанскіе выходцы

давно ассимилировали себѣ англійскихъ, французскихъ и другихъ европейскихъ евреевъ. Всѣ они говорятъ по испански и даже большинство ихъ по арабски; но между собой они исключительно объясняются на испанскомъ языкѣ. Этотъ испанскій жаргонъ евреевъ, равно и различные европейскіе языки обозначаютъ въ странѣ общимъ именемъ el adjmia. Мы съ трудомъ можемъ представить себѣ всѣ тѣ бѣдствія, какія вынесли евреи въ былыя времена. Даже теперь, внутри страны на нихъ смотрятъ, какъ на неодушевленную вещь, такъ что они поставлены въ худшее положеніе, нежели рабы. Можно смѣло сказать что къ евреямъ примѣняются двоякаго рода распоряженія: тѣ, которыя до извѣстной степени основаны на законѣ и приняты во всемъ государствѣ, и такія, которыя произвольно примѣняетъ къ нимъ отдѣльный городъ или частное лицо. Послѣдніе нерѣдко бываютъ стѣснительнѣе первыхъ. По закону евреи внѣ раіона своего „milha“ (ghetto) не могутъ владѣть домами, или землей, ни воздѣлывать почву, а также брать въ залогъ участки земли и строенія. Они не имѣютъ права садиться на лошадь и должны ѣздить только на мулахъ и ослахъ. Имъ запрещено прикасаться рукой къ мусульманину даже для самозащиты, за исключеніемъ впрочемъ собственнаго жилища. Они не могутъ быть свидѣтелями на судѣ и должны не иначе говорить съ магометанскимъ судьей какъ присѣвъ на корточки. На рынкѣ и въ лавкахъ еврей не смѣетъ перебивать товаръ у мусульманина, если онъ покупаетъ съѣстные припасы. Вообще евреямъ запрещено читать и писать по арабски, а также во время путешествія подходить къ колодцу, если вокругъ него стоятъ мусульмане. Они не иначе садятся въ присутствіи мусульманина, какъ наискось отъ него. При встрѣчѣ на улицѣ они должны переходить на другую сторону, а во время путешествій сходить съ осла, если вдали ѣдетъ мусульманинъ, чтобы встрѣтить его пѣшкомъ. Феска у еврея не можетъ быть инаго цвѣта кромѣ чернаго, а равно и туфли. Бурнусъ долженъ быть накинутъ такимъ образомъ, чтобы отверстіе было на правой сторонѣ, между тѣмъ, какъ лѣвая рука остается закрытой, и онъ лишенъ возможности владѣть ею. На ряду съ этими запрещеніями существуетъ цѣлый рядъ предписаній, которыя обязательны для евреевъ. Такъ напр. они должны платить извѣстную сумму при рожденіи ребенка въ семействѣ султана (что случается довольно часто въ Марокко), или поднести какой нибудь подарокъ самому султану. Затѣмъ на нихъ лежитъ обязанность вѣшать или обезглавливать преступниковъ и погребать ихъ тѣла; имъ-же поручено кормить хищныхъ звѣрей принадлежащихъ султану. Тотъ еврей можетъ считать себя счастливымъ, дочь котораго плѣнила своей красотой султана или котораго либо изъ его сыновей. Хотя она должна сдѣлаться „мислемата“ (т. е. магометанкой), но ея семья въ этомъ случаѣ обезпечена отъ всякихъ притѣсненій и преслѣдованій (G. Rolhfs in der Allg. Zeitg. vom 27 Iuni 1880).

Евреи въ Алжирѣ поставлены въ тѣ-же условія, потому что во всей сѣверной Африкѣ имъ приходится выносить не только ожесточенную ненависть со стороны туземцевъ, но и самое презрительное обращеніе. Если христіанина называли „rumi“ (собакой), то израильтянинъ долженъ былъ довольствоваться кличкой „dschifa ben dschifa“ (падали, сыномъ падали). Но все это замѣтно измѣнилось въ Алжррѣ, со времени французскаго господства, и изъ различныхъ элементовъ населенія евреи имѣютъ больше всего повода радоваться новому порядку вещей. Поэтому насъ тѣмъ болѣе поражаетъ тотъ фактъ, что евреи, судя по отзыву барона Генри Окапитэна, не чувствуютъ особенной симпатіи къ французамъ и убѣждены, что при англійскомъ господствѣ они могли бы заработать несравненно больше денегъ. Луи де Бодикуръ писалъ въ 1856 году: Большинство евреевъ въ внутренней Африкѣ представляютъ собой агентовъ Англіи. Алжирскіе евреи также предпріимчивы и интеллигентны, какъ всѣ ихъ единовѣрцы, и, несмотря на свое пристрастіе къ деньгамъ, часто довольствуются малымъ заработкомъ. Въ настоящее время дѣти Израиля, осво-

божденные отъ тиранства своихъ прежнихъ суровыхъ повелителей, спокойно наслаждаются жизнью, перенимая все болѣе и болѣе французскіе нравы и даже наряды, такъ что ихъ прежняя живописная одежда отчасти уступила мѣсто парижскимъ модамъ. Такая-же перемѣна вѣроятно произойдетъ съ евреями въ Тунисѣ, благодаря водворенію французскаго господства. Но до сихъ поръ имъ приходилось выносить здѣсь всевозможныя притѣсненія. Если мусульманинъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ кѣмъ либо изъ евреевъ, то онъ убивалъ его безъ всякихъ объясненій и только вносилъ за это извѣстный денежный штрафъ въ казну. Однако и при этихъ условіяхъ сыны Израиля умудрялись пріобрѣтать богатства. Въ узкихъ, вѣчно оживленныхъ улицахъ Туниса, гдѣ число ихъ доходитъ до 30000, они занимаютъ особый кварталъ и составляютъ въ настоящее время важнѣйшій элементъ населенія. Евреевъ можно сразу отличить по ихъ одеждѣ и внѣшности. Они большею частію высокаго роста и сильнаго тѣлосложенія, съ красивыми правильными чертами лица и окладистой бородой; при этомъ ихъ наружность кажется еще представительнѣе, благодаря живописной одеждѣ. Въ послѣднее время они переняли красную арабскую феску „scheschia“, но при этомъ удержали свою прежнюю черную чалму, между тѣмъ, какъ молодое поколѣніе вовсе не носитъ чалмы. Одеждой служитъ короткая куртка изъ свѣтлой матеріи, богато вышитая золотомъ, открытая на груди, черные шаровары съ широкими складками, привязанные къ ногамъ ниже колѣнъ, бѣлые чулки и кожанные лакированные башмаки съ вѣчно стоптанными пятками. Широкая, большей частью, богато вышитая шаль опоясываетъ талію. Зимой евреи преимущественно носятъ длинный круглый плащъ, на подобіе бурнуса, свѣтлоголубаго цвѣта, который они замѣняютъ лѣтомъ болѣе легкимъ, ослѣпительно бѣлымъ плащомъ, называемымъ „r'fara“. Насколько красивъ и живописенъ этотъ мужской нарядъ евреевъ, настолько же безобразенъ онъ у женщинъ. Трудно представить себѣ болѣе странный и лишенный всякаго вкуса туалетъ. Здѣшніе еврейки напоминаютъ издали балетныхъ танцорокъ, которыя верхнюю часть туловища прикрыли мѣшкомъ, предоставивъ остальную половину тѣла нескромнымъ взорамъ публики. Обыкновенный костюмъ еврейки, начиная отъ ранняго дѣтства до глубокой старости состоитъ изъ немногихъ вещей. Сверхъ бѣлой полотняной рубашки онѣ носятъ небольшой бархатный корсажъ охватывающій бюстъ и короткія полотняныя панталоны бѣлаго цвѣта, которыя такъ плотно облегаютъ тѣло, какъ трико у европейскихъ танцовщицъ. Ноги (большей частью миніатюрныя) обуты въ короткіе бѣлые чулки; наноскахъ одѣты кожаныя черныя туфельки, едва доходящія до половины подошвы или высокія деревянныя сандаліи. Верхняя половина туловища до бедеръ прикрыта широкой растопыренной рубашкой краснаго, желтаго или свѣтлозеленаго цвѣта; шляпой служитъ бархатная шапочка „kufia“, вышитая золотомъ, которая имѣетъ форму сахарной головы и привязана къ волосамъ красной или желтой шелковой лентой. Шея и руки украшены тяжелыми золотыми цѣпочками и застежками. Лицо и оконечности рукъ ничѣмъ не прикрыты. Черты лица замѣчательно красивы; роскошные волосы заплетены въ длинныя косы; глаза настолько велики и съ такимъ удивительнымъ блескомъ, что передъ ними стушевывается колоссальная толщина тѣла. Тучность тунисскихъ евреекъ объясняется тѣмъ, что едва онѣ достигнутъ десятилѣтняго возраста, какъ ихъ подвергаютъ систематическому откармливанію, запираютъ въ тѣсную темную комнату, не даютъ другой пищи, кромѣ мучной и мяса молодыхъ собакъ, такъ что онѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обращаются въ безформенныя кучи жира. Сверхъ того у евреекъ существуетъ отвратительный обычай румяниться лавзоніей, что обезображиваетъ даже самыя красивыя черты лица. Тѣмъ не менѣе многія еврейки обратили на себя милостивое вниманіе султана, къ удовольствію угнетенныхъ отцовъ, которые считали величайшею честью, что властелинъ удостоилъ приблизить къ себѣ

ихъ дочерей. Эти своеобразныя условія въ значительной мѣрѣ способствовали безнравственности тунисскихъ евреевъ, и до сихъ поръ здѣшнія израильтянки далеко не отличаются цѣломудріемъ (Hesse-Wartegg, Tunis, s. 89—100).

Въ Биледъ улъ Джеридѣ также живутъ евреи, но, преимущественно среди бедуинскихъ племенъ Гамама, которымъ чужда религіозная нетерпимость остальныхъ обитателей Туниса. Они въ такой степени переняли нравы, обычаи и даже одежду кочевниковъ, что ихъ съ трудомъ можно отличить отъ нихъ. Одни только бедуины сразу узнаютъ ихъ. Евреи завѣдуютъ всей торговлей племени, среди котораго они живутъ, покупаютъ и продаютъ шерсть и кожи, перепродаютъ вещи, награбленныя бедуинами, и доставляютъ послѣднимъ охмѣляющій „lakm“, арабскую водку, и вообще по своей дѣятельности ничѣмъ не отличаются отъ своихъ единовѣрцевъ въ Европѣ. Но они не могутъ жениться на аравитянкѣ, ни раскинуть палатки среди чистокровныхъ бедуиновъ, а живутъ внѣ лагеря, въ особомъ іудейскомъ городѣ, также состоящемъ изъ палатокъ. Во всякомъ случаѣ присутствіе израильтянъ среди арабскихъ кочевниковъ представляетъ весьма замѣчательное явленіе.

Чернокожая раса также имѣетъ своихъ представителей въ Сѣверной Африкѣ. Въ Марокко преимущественно встрѣчаются негры гауза, сонрхаи и бамбара. Они въ сильной степени смѣшались съ арабами, хотя въ деревняхъ скрещиваніе съ чернокожими встрѣчается рѣже, нежели въ городахъ. Браки съ негритянками далеко не бываютъ такъ часты въ простонародьи, какъ между знатью. Вся семья марокканскаго султана и всѣ главнѣйшія фамиліи „schürfa“ въ настоящее время по крови настолько-же негры, какъ и арабы. Но марокканскіе берберы никогда не скрещивались съ чернокожими, такъ какъ считали бы это униженіемъ своего достоинства. Въ Марокко хорошо обращаются съ чернокожими рабами и ихъ большей частью отпускаютъ на свободу черезъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Число чернокожихъ въ Марокко никогда не уменьшается, благодаря постоянному наплыву ихъ изъ центральной Африки и доходитъ приблизительно до 50,000. Ихъ зовутъ здѣсь „гнауи“ (на ихъ языкѣ „gnauyia“). Въ Алжирѣ негры составляютъ особую, непризнанную закономъ общину, и какъ бы своего рода тайное общество. Здѣсь они вообще немногочисленны и принадлежатъ по

Талисманъ или григри, въ видѣ ожерелья съ кожанными мѣшечками.

своимъ занятіямъ къ низшему классу общества. Многіе изъ нихъ исполняютъ роль уличныхъ метельщиковъ, другіе нанимаются въ конюхи или носильщики, и нельзя не удивляться тѣмъ огромнымъ тяжестямъ, которыя они носятъ на головѣ, съ терпѣніемъ и выносливостью буйвола. Нѣкоторые изъ нихъ плетутъ соломенныя циновки и немного тяжелыя, но красивыя корзины изъ камыша, перевязаннаго пестрой шерстью. Всѣ они отличаются спокойнымъ характеромъ и нерѣдко дѣтской веселостью. Во время смѣха они широко раскрываютъ ротъ; у нихъ вздуваются ноздри; каждая черта чернокожаго лица выражаетъ безпечное веселіе; при этомъ замѣтно трясутся большія уши, которыя сильно отступаютъ отъ рунообразнаго черепа. Негритянки по роду занятій могутъ быть раздѣлены на три разряда, а именно: на служанокъ, банщицъ и хлѣбныхъ торговокъ. Послѣднихъ всего больше; въ мавританскомъ кварталѣ ихъ можно встрѣтить на каждомъ перекресткѣ, гдѣ онѣ навязываютъ прохожимъ свои запыленныя хлѣба. Одежда ихъ состоитъ изъ длиннаго „haik“, который падаетъ складками отъ шеи до ногъ и большей частью откинутъ назадъ, такъ что скорѣе обнаруживаетъ, нежелѣе скрываетъ ихъ роскошныя формы. У болѣе пожилыхъ нерѣдко замѣтны слѣды клеймъ на щекахъ, наложенныхъ ихъ прежнимъ хозяиномъ, который мѣтилъ этимъ способомъ свой живой товаръ еще въ то время, когда французы не успѣли вывести изъ употребленія этотъ обычай. Большинство хлѣбныхъ торговокъ принадлежитъ къ „ахрифа“, родъ женской корпораціи, на сѣверномъ берегу Африки, благодаря которой извѣстные обычаи составляютъ предметъ благоговѣнія для мѣстнаго населенія. Такъ напр. въ Марокко, гдѣ даже въ случаѣ исполненія правосудія, мужчина не можетъ поднять руки на женщину, онѣ до сихъ поръ арестуютъ преступницъ, подвергаютъ пыткѣ, а также могутъ освободить отъ всякаго наказанія. Эти права отняты отъ нихъ со времени завоеванія Алжира французами; но имъ все еще предоставлена роль сивиллъ и знахарокъ. Арабы часто обращаются къ нимъ за совѣтами, такъ какъ убѣждены, что онѣ могутъ изцѣлить чуть ли не отъ всякой болѣзни съ помощью таинственныхъ травъ и талисмановъ. Онѣ съ большимъ искусствомъ и успѣхомъ лечатъ лихорадки и нервныя болѣзни, которыя часто встрѣчаются въ здѣшнемъ климатѣ. Если состояніе паціента внушаетъ особенныя опасенія, то онѣ сверхъ обычныхъ цѣлительныхъ средствъ прибѣгаютъ къ религіозной церемоніи въ честь Сиди Блена великаго негритянскаго марабута, внушеніямъ котораго приписываютъ свое врачебное искусство. Эти церемоніи или празднества носятъ у нихъ названіе „derbdah“.

Мы передадимъ здѣсь разсказъ очевидца, который присутствовалъ на одной изъ подобныхъ церемоній въ Алжирѣ. „Derbdah“, говоритъ онъ, большей частью происходитъ въ какомъ нибудь старомъ домѣ, что считается величайшей честью и счастьемъ для хозяина, который убѣжденъ, что марабутъ ниспошлетъ за это благословеніе на него самого и на всѣхъ его домочадцевъ. Входомъ въ эти дома служитъ низкая дверь, которая изъ узкаго корридора ведетъ на небольшой че-

тырехъ-угольный дворъ, напоминающій древній римскій атріумъ, какимъ мы видимъ его въ возстановленныхъ зданіяхъ Помпеи и Геркуланума. Легкіе изящные столбы поддерживаютъ галлерею, которая окружаетъ первый этажъ и ведетъ въ жилыя помѣщенія, устроенныя на одномъ уровнѣ съ землей. Вся постройка крыта плоской террасообразной крышей. Дворъ устланъ циновками; онъ почти пустой, и только въ одномъ углу стоитъ старый ящикъ, жаровня и нѣсколько глиняныхъ сосудовъ, что составляетъ чуть ли не всю домашнюю утварь. Меня ввели въ одинъ изъ подобныхъ домовъ съ довольно таинственнымъ видомъ, потому что считается особенной милостью, если франкъ, т. е. европеецъ, получилъ дозволеніе присутствовать на такомъ празднествѣ. Я былъ пораженъ и, такъ сказать, ослѣпленъ зрѣлищемъ, которое представилось моимъ глазамъ. Вездѣ направо и налѣво, на лѣстницѣ и на каменномъ полу, покрытомъ коврами, сидѣли группы негритянокъ по позахъ напоминающихъ изображенія на этрусскихъ вазахъ. Вмѣсто обыкновенной жалкой одежды, на нихъ были платья такихъ же яркихъ цвѣтовъ, какъ перья у попугаевъ. Арабы и мавры отличаются тонкимъ пониманіемъ гармоніи красокъ, между тѣмъ, какъ негры чувствуютъ особенное пристрастіе къ рѣзкимъ контрастамъ цвѣтовъ, и ничто не можетъ привести ихъ въ большій восторгъ, какъ сочетаніе яркосиняго, яблочнозеленаго, свѣтложелтаго и вишневокраснаго цвѣта. Поэтому въ данномъ случаѣ проявилась вся экцентричность ихъ вкуса. Богатство пополняло недостатокъ изящества. Здѣсь были шелковыя матеріи всѣхъ сортовъ, преимущественно атласъ и восточныя ткани, и на ряду съ золотомъ и драгоцѣнными камнями красовались первобытныя украшенія изъ простаго стекла. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы мелочная хлѣбная торговля и знахарство могли доставить средства для пріобрѣтенія такихъ дорогихъ нарядовъ, но мнѣ объяснили впослѣдствіи, что негритянки, впродолженіе всей своей жизни, сберегаютъ каждый лишній пфеннигъ, чтобы прибавить какое нибудь лишнее украшеніе къ этимъ праздничнымъ туалетамъ. Дѣйствительно у самыхъ пожилыхъ женщинъ были наиболѣе блистательные наряды. Мавританки сидѣли на терассѣ въ своихъ покрывалахъ. Ихъ большіе, черные, какъ уголь глаза, съ веселымъ и интеллигентнымъ выраженіемъ, рѣзко выдѣлялись на ихъ блѣдныхъ лицахъ. Время отъ времени онѣ подталкивали другъ друга локтемъ или перешептывались между собой, съ такимъ видомъ, который заставлялъ предполагать, что ихъ отзывы представляютъ мало лестнаго для присутствующихъ. Я искренно пожалѣлъ, что незнаніе языка лишало меня возможности понять ихъ болтовню; но тутъ оглушительный шумъ прервалъ мои размышленія. Оркестръ только что принялся за дѣло. Онъ состоялъ исключительно изъ однихъ барабановъ. Сила и быстрота ударовъ, напоминающихъ приливъ и отливъ морскихъ волнъ, единственный мелодичный элементъ этой своеобразной музыки. Говорятъ, что негры изобрѣли барабанъ; во всякомъ случаѣ этотъ инструментъ доведенъ ими до наибольшаго, хотя чисто внѣшняго разнообразія, начиная съ небольшаго „derbuka“ изъ обожженной глины до гигантскаго „tebbelt“, изъ выдолбленнаго древеснаго ствола. Никогда до этого намъ не приходилось слышать такой дикой музыки. Это было нѣчто отлушающее. Около двадцати чоловѣкъ негровъ били изъ всѣхъ сихъ тяжелыми крючковыми палками на барабанахъ различной величины, Мой покровитель колотилъ тѣмъ-же способомъ на небольшомъ инструментѣ, напоминающемъ тамбуринъ. Зрители еще больше увеличивали шумъ ударами кастаньетъ.

Началось празднество. Одна изъ женщинъ „ахрифа“ поднялась съ мѣста и медленно выступила на средину двора, между тѣмъ, какъ присутствующіе, скрестивъ руки надъ землей, привѣтствовали ее низкими поклонами. Она была одѣта въ пеструю „sutah“, плотно прилегающую къ бедрамъ; спереди былъ привѣшанъ парчевый шарфъ, сложенный широкими складками. Подъ кофтой

изъ тончайшей прозрачной кисеи видѣнъ былъ золотой корсажъ, низко вырѣзанный на груди. Голова была украшена страусовыми перьями и цвѣтами жасмина; на затылкѣ виднѣлись концы краснаго и зеленаго фуляра, которыми было повязано горло. Въ огромныхъ ушахъ висѣли большія кольца изъ дутаго серебра, наполненныя маленькими кусочками металла, звенѣвшими, какъ бубенчики, при каждомъ движеніи негритянки, Такіе-же обручи были надѣты на рукахъ и у щиколки ногъ; откинутое назадъ покрывало служило дополненіемъ этого своеобразнаго туалета. Съ перваго взгляда нельзя было опредѣлить сколько лѣтъ этой негритянкѣ, потому что ея плоскій носъ, широкія губы и глаза на выкатѣ не могли привести ни къ какимъ положительнымъ заключеніямъ относительно ея возраста. Она наклонялась вправо и влѣво и бросала томные взгляды на окружающихъ. Восторженныя восклицанія, которыми ее привѣтствовала публика ясно показывали, что это знаменитая танцовщица. Прежде, чѣмъ пуститься въ пляску, она широко раскинула руки и томно наклонила голову на подобіе горлицы. Насколько танцы аравитянокъ полны прелести, сладострастія и граціи, настолько-же пляска негритянокъ кажется смѣшной и неуклюжей. Она почти исключительно состоитъ изъ покачиванія и дикихъ обезьяньихъ прыжковъ. Одна „ахрифа" за другой присоединялась къ пляскѣ, и всякій разъ барабаны гремѣли все громче и быстрѣе. Среди общей суматохи и дикаго размахиванья рукъ танцовщицы все чаще и чаще сталкивались другъ съ другомъ. Наконецъ одна изъ нихъ въ изнеможеніи упала на полъ; но возгласы зрителей побудили ее снова приняться за пляску, и она начала опять выдѣлывать самые удивительные прыжки своими толстыми ногами. Вскорѣ послѣ того замолкли барабаны и „ахрифа" утерли ладонями рукъ потъ, выступившій на лбу. Наступали сумерки, такъ что съ трудомъ можно было различить фигуры, сидѣвшія на галлереѣ. Въ это время на стѣнахъ зажжены были тонкія разноцвѣтныя свѣчи; при ихъ мерцающемъ свѣтѣ возбужденныя лица танцорокъ приняли еще болѣе ужасающій видъ. Вслѣдъ затѣмъ торжественно раздался глухой голосъ „Scheich-Dbah"'а призывающій къ молитвѣ. Двѣнадцать негритянокъ подошли къ старому бѣлобородому негру и низко поклонились ему; онѣ держали въ рукахъ небольшіе глиняные сосуды, наполненные пепломъ, различными травами и талисманами присутствующихъ „ахрифа". На раскаленныя жаровни бросили ладонъ; одновременно съ этимъ поднялся марабутъ и гнусливымъ голосомъ запѣлъ гимнъ, въ которомъ нѣсколько разъ упомянулъ имя Сиди Блена. Онъ благословилъ поочереди каждый талисманъ и передалъ его по принадлежности. Послѣ этого онъ выступилъ впередъ на два шага, и стоявшія передъ нимъ негритянки занялись его туалетомъ. Однѣ убрали ему голову цвѣтами; другія засучили его широкія бѣлыя шаравары выше колѣнъ, опоясали шарфомъ и надѣли на шею вдоль плечь родъ узкой тесемки, украшенной мѣдными монетами. По окончаніи этой церемоніи онъ принялъ изъ рукъ „ахрифа" два длинныхъ ножа. Ему поднесли пѣтуха и курицу, которыхъ онъ схватилъ за ноги, повертѣлъ трижды вокругъ своей головы съ лицомъ, обращеннымъ къ Меккѣ, и прокричалъ рѣзкимъ голосомъ имя знаменитаго марабута. Послѣ этого онъ придавилъ ногою несчастныхъ птицъ, глубоко вонзилъ имъ ножъ въ горло и молча смотрѣлъ, какъ они бились въ предсмертныхъ судорогахъ. Мнѣ объяснили впослѣдствіи причину подобной жестокости. Чѣмъ продолжительнѣе смерть жертвы и, чѣмъ она больше мучится въ предсмертныхъ судорогахъ, тѣмъ вѣрнѣе достигается цѣль, потому что, по мнѣнію „ахрифа", страданія больнаго уменьшаются соразмѣрно силѣ страданій жертвеннаго животнаго. Это отвратительное зрѣлище было не болѣе какъ своего рода прологъ. У входа послышался сильный шумъ, и четыре негра втащили теленка, который напрасно выказывалъ отчаянное сопротивленіе. Крики, которыми зрители встрѣтили новую жертву напоминали вой шакаловъ и гіенъ. Опять произнесены были усердные молитвы и животное очищенное

Гавассъ въ Каирѣ.

облаками ѳиміама и увѣнчанное цвѣтами было выведено на средину двора, послѣ чего при громкомъ воззваніи имени Сиди Блена ему глубоко вонзили въ горло ножъ, обагренный кровью первыхъ жертвъ. Несчастое животное сдѣлало прыжокъ, хотѣло вырваться изъ рукъ своихъ мучителей, но его удержали на мѣстѣ. Кровь хлынула ручьемъ на украшавшіе его вѣнки цвѣтовъ; въ помутившихся глазахъ видны были предсмертныя муки. Затѣмъ теленокъ жалобно замычалъ и всей тяжестью свалился на землю. При неровномъ мерцаніи потухающихъ свѣчей „ахрифа" какъ хищные звѣри бросились на трепещущее животное, обагряя себѣ руки и ноги его кровью: „Scheich-Dbah" обмакивалъ палецъ въ кровь и дѣлалъ имъ знакъ на лицѣ каждой „ахрифа". Послѣ этого теленокъ былъ разрѣзанъ на куски, и снова началась дикая пляска; на этотъ разъ вокругъ лужи крови. Мнѣ удалось незамѣтно ускользнуть среди общей сумятицы (Wiener Abendpost vom 29 August 1878).

При описаніи сѣверной окраины Африки мы коснулись области народовъ, отчасти принадлежащихъ исторіи, которая еще болѣе вступаетъ въ свои права, если мы двинемся далѣе къ востоку и войдемъ въ долину Нила съ его многочисленными гигантскими памятниками, наслѣдіемъ древнихъ египтянъ. Настоящее населеніе страны едва сохранило слабые остатки прежней высокой цивилизаціи и представляетъ собой продуктъ скрещиванія, которое совершалось впродолженіе столѣтій. Если мы до сихъ поръ не упоминали о немъ, то съ единственною цѣлью посвятить ему болѣе подробное описаніе. Древнеегипетское племя несомнѣнно принадлежитъ къ средиземной расѣ и составляетъ особую отрасль хамитской народной семьи. По всѣмъ вѣроятіямъ оно перешло въ до-историческое время черезъ Суэзскій перешеекъ въ долину Нила, гдѣ встрѣтило еще болѣе первобытныхъ обитателей Африки и скоро смѣшалось съ ними. Семитическій народъ гиксосы или пастухи произвели первое исторически извѣстное нашествіе на Египетъ, гдѣ они господствовали отъ четырехъ до пяти столѣтій и весьма прочно утвердились въ странѣ, такъ что семитическая кровь должна была перейти въ значительномъ количествѣ къ египетскому народу. При нихъ совершилось вторичное вторженіе семитовъ въ Египетъ, которыхъ многіе принимали за библейскихъ израильтянъ; но это предположеніе не подтверждается новѣйшими изслѣдованіями (Dr. Bernhard Stade, Geschichte des Volkes Israel. Berlin. 1881 s. 128—129). Нѣсколько столѣтій спустя Египетъ былъ наводненъ эѳіопами, которые двинулись сюда съ юга; но въ 525 году до Р. Х. персы завоевали страну и владѣли ею впродолженіе двухъ сотъ лѣтъ. Такимъ образомъ въ египетскомъ народѣ явилась примѣсь арійской крови. Персовъ замѣнили Птоломеи, при нихъ греческіе нравы и греческая народность достигли неограниченнаго господства въ странѣ. Изъ рукъ Птоломеевъ Египетъ перешелъ къ римлянамъ, при которыхъ здѣсь распространилось христіанство, затѣмъ все, что осталось нетронутымъ послѣ вышеупомянутыхъ переворотовъ, было поглощено разрушительнымъ могуществомъ ислама, совмѣстно съ грубостью и варварствомъ его приверженцевъ. Исламъ и арабы уничтожили все

то, чего не могли или не хотѣли уничтожить прежніе завоеватели и переселенцы, а именно то, что составляло особенность египетскаго народа и, что онъ сохранилъ неприкосновеннымъ въ теченіе тысячелѣтій. Все это было истреблено ими и стерто съ лица земли до малѣйшаго остатка, такъ что древняя цивилизація погибла безвозвратно и предана забвенію. Со времени завоеванія страны, арабскіе переселенцы устремились сюда въ видѣ непрерывнаго и постояннаго потока. Въ самый непродолжительный срокъ они въ такой степени наводнили собой Египетъ, что даже относительно численности получили перевѣсъ надъ туземнымъ населеніемъ. Вслѣдствіе этого имъ удалось мало по малу ассимилировать себѣ послѣднее и слиться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что оно цѣлыми массами переходило въ исламъ. Такимъ образомъ мѣстное населеніе приняло еще болѣе смѣшанный характеръ, тѣмъ болѣе, что въ заключеніе Египетъ былъ завоеванъ турками, которые во всякомъ случаѣ были достаточно многочисленны, чтобы оказать свою долю вліянія на процессъ новаго этнологическаго образованія. До сихъ поръ въ Египтѣ господствуетъ турецкая династія. Достойно замѣчанія, что несмотря на свою трагическую судьбу египетская народность до извѣстной степени уцѣлѣла до сихъ поръ, и мы ясно видимъ живую непосредственную связь между нынѣшними египтянами и народомъ сѣдой египетской древности. Помимо коптовъ, прямыхъ потомковъ древнихъ египтянъ, говорящихъ на старомъ египетскомъ языкѣ, которые почти не скрещивались съ другими народами, даже въ самой массѣ нынѣшняго египетскаго населенія замѣтно поразительное сходство съ его древними предками. Оно особенно проявляется у сельскаго населенія или феллахиновъ, т. е. „пахарей“, которые представляютъ собою продуктъ скрещиванія арабскихъ переселенцевъ съ туземцами, тогда какъ въ городахъ преимущественно скучены арабскіе переселенцы и другіе чуждые элементы. Отличительные признаки древней египетской народности, которые необыкновенно отчетливо сохранились на мѣстныхъ памятникахъ, проявляются болѣе или менѣе рѣзко въ нынѣшнемъ поколѣніи. Поэтому мы не знаемъ на какомъ основаніи нынѣшнихъ египтянъ постоянно называютъ арабами, наравнѣ съ жителями Аравіи, а также сѣвернаго и сѣверо-восточнаго побережья Африки. Тѣмъ не менѣе, хотя было бы гораздо правильнѣе назвать ихъ египтянами, а не арабами, но послѣднее прозвище настолько вошло въ общее употребленіе, что мы должны поневолѣ принять его во избѣжаніе недоразумѣній. Съ другой стороны мы тѣмъ охотнѣе подчиняемся этой необходимости, что все наиболѣе существенное въ народной жизни, какъ языкъ, нравы, религія и вообще вся культура заимствованы нынѣшними египтянами у арабовъ (Moritz Lüttke Aegyptens neue Zeit. Leipzig 1873. Bd. I s. 7—20). Кромѣ того, въ здѣшней пустынѣ также живутъ арабскіе бедуины, о которыхъ мы считаемъ лишнимъ распространяться, потому что къ нимъ вполнѣ

примѣнимы подробности, сообщенныя нами объ остальныхъ сѣверо-африканскимъ кочевникахъ. Мы займемся теперь исключительно коптами и феллахинами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что копты могутъ считаться прямыми потомками старыхъ египтянъ, хотя разумѣется, мы не должны доходить до слишкомъ глубокой древности. Въ сущности, они представляютъ собой цѣлое, несмѣшанное племя только съ того времени, когда началось исламское завоеваніе и переселеніе. Преданность христіанству и отвращеніе къ исламу, равно и ожесточенная борьба противъ него были главными причинами, почему копты упорно сопротивлялись всякому сліянію съ послѣдователями Магомета. Но до этого времени они подверглись такому же скрещиванію съ другими націями, какъ и все остальное населеніе древняго Египта.

Языкъ нынѣшнихъ коптовъ до малѣйшихъ подробностей тождественъ съ древнимъ египетскимъ, съ тою разницей, что для письма приняты греческія буквы. При этомъ отдѣльные звуки, для которыхъ не достаетъ греческихъ буквъ, выражены особыми знаками, заимствованными изъ народныхъ египетскихъ письменъ. Въ настоящее время народъ не говоритъ больше на коптскомъ языкѣ; но онъ употребляется при богослуженіи, и ему обучаютъ въ низшихъ коптскихъ школахъ. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ египтянъ копты по строенію лица и головы всего больше подходятъ къ типу, изображенному на древнихъ памятникахъ. У нихъ такой-же широкій и большей частью низкій лобъ, черные, слегка вьющіеся волосы, прямой, рѣзко очерченный носъ и большіе глаза продолговатой формы, чернаго блестящаго цвѣта. Равнымъ образомъ многое въ ихъ нравахъ и обычаяхъ напоминаетъ жизнь древняго Египта, какъ напримѣръ обрѣзаніе и воздержаніе отъ свинаго мяса.

Въ настоящее время копты не особенно многочисленны; ихъ не болѣе 200,000 душъ; но и это число постоянно уменьшается. Въ Нижнемъ Египтѣ они не составляютъ сплошнаго населенія, а встрѣчаются только въ видѣ отдѣльныхъ общинъ, изъ которыхъ самыя значительныя находятся въ Александріи и Каирѣ. Этотъ городъ представляетъ центральный пунктъ коптской церкви, потому что здѣсь живетъ патріархъ, паства котораго доходитъ до 10,000 душъ. Въ Среднемъ Египтѣ также довольно много коптовъ, а именно въ Файумѣ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ вдоль Нила. Въ Верхнемъ Египтѣ они сравнительно всего многочисленнѣе, такъ что нѣкоторые города и деревни почти исключительно населены ими. Въ религіозномъ отношеніи, помимо христіанскаго культа, копты ничѣмъ не отличаются отъ магометанскаго населенія: тутъ и тамъ мы встрѣчаемъ религіозныя формы безъ внутренняго содержанія, строгое и добросовѣстное соблюденіе религіозныхъ обрядовъ, безъ малѣйшаго участія души и сердца. Даже фанатизмъ мусульманъ до извѣстной степени проявляется у коптовъ. При этомъ они поставлены въ крайне неблагопріятныя условія въ смыслѣ пониманія христіанскаго ученія и христіанскихъ истинъ, такъ какъ у нихъ существуетъ невѣроятная масса суевѣрій и суевѣрныхъ обычаевъ. Что-же касается ихъ нравственности, то они совмѣщаютъ въ себѣ всѣ тѣ недостатки, которые составляютъ неизбѣжное слѣдствіе долгаго и постояннаго произвола, угнетенія и насилія, въ соединеніи съ несправедливымъ и презрительнымъ обращеніемъ. Копты вообще отличаются мрачнымъ настроеніемъ духа; они недовѣрчивы, скрытны, въ высшей степени корыстолюбивы, вѣроломны и льстивы. При этомъ, смотря по обстоятельствамъ, они бываютъ покорны и раболѣпны или выказываютъ упорство, жестокость и властолюбіе. Даже коптское духовенство большей частью пользуется плохой репутаціей,

такъ какъ нерѣдко злоупотребляетъ своимъ саномъ ради личныхъ выгодъ. Вообще копты живутъ среди арабовъ, въ качествѣ купцовъ, ремесленниковъ и промышленниковъ. Хотя они во всякомъ случаѣ искуснѣе арабовъ и пользуются большимъ благосостояніемъ, но во всемъ остальномъ почти не отличаются отъ нихъ, кромѣ чисто внѣшнихъ признаковъ, а именно черной и синей чалмы. Помимо религіи и моногаміи, которая составляетъ полнѣйшую противоположность съ магометанскимъ многоженствомъ, общественная и домашняя жизнь коптовъ поставлена въ тѣ-же условія, какъ у ихъ исламскихъ соотечественниковъ (Lüttke, a. a. O., Bd. I, s. 23—41).

Нынѣшній Египетъ представляетъ странное зрѣлище, такъ какъ на старой почтенной почвѣ фараоновъ и пирамидъ процвѣтаетъ теперь полуевропейская, полувосточная культура. Совмѣстно съ первобытными способами перевозки, торговое обращеніе совершается посредствомъ грандіозной сѣти желѣзныхъ дорогъ; по сосѣдству съ европейскимъ театромъ возвышается мечеть; на ряду съ бурнусомъ полудикаго араба встрѣчается фракъ цивилизованнаго человѣка. Съ перваго взгляда неопытный чужестранецъ выноситъ такое впечатлѣніе, какъ будто сюда перенесена одна изъ европейскихъ столицъ, но при дальнѣйшемъ пребываніи въ странѣ, онъ вскорѣ убѣждается, что подъ внѣшнимъ блескомъ все еще скрывается старое восточное варварство. Въ Александріи и Каирѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ благоустроенными частями города, въ которыхъ живутъ европейцы, расположены арабскіе кварталы съ ихъ узкими неправильными улицами, гдѣ лѣтомъ постоянная пыль, а зимой непроходимая грязь, и одноэтажные дома разбросаны въ величайшемъ безпорядкѣ. Мы считаемъ лишнимъ приводить здѣсь всѣ тѣ контрасты, какіе вызваны взаимодѣйствіемъ двухъ такихъ разнообразныхъ цивилизацій какъ европейская и восточная, и которые едва ли не всего лучше могутъ быть наблюдаемы въ столицѣ страны, а именно, блестящемъ Мазръ эль Кагира. Западная сторона города почти выстроена вновь и значительно расширена къ Нилу; въ другихъ кварталахъ также проложены большія улицы. Среди этого новаго преобразованнаго міра движется цѣлая масса людей восточнаго происхожденія. Вы видите степеннаго мусульманина на бѣломъ ослѣ, стройнаго араба (египтянина), возсѣдающаго на высокомъ сѣдлѣ, негра въ бѣлой или яркой разноцвѣтной одеждѣ и, наконецъ, бѣдняка „саиса“, который бѣжитъ передъ экипажемъ, соразмѣряя свои шаги съ быстро мелькающими копытами лошадей. Должность саисовъ исполняютъ молодые парни, нерѣдко евнухи; у богатыхъ людей они разодѣты въ шитыя золотомъ куртки, разноцвѣтныя чалмы и бѣлые короткіе шаровары; ноги остаются голыми. Они опоясаны шелковой повязкой; въ рукахъ у нихъ легкая палка. Чуть-ли не половина публики, которую вы встрѣчаете на улицахъ, ѣдетъ на ослахъ, начиная со школьника и кончая тучнымъ горожаниномъ, который, подчасъ тяжелѣе животнаго, на которомъ онъ сидитъ. Вы видите также укутанныя фигуры обитательницъ гарема, одѣтыхъ въ

голубое или черное платье съ бѣлымъ покрываломъ или въ черномъ платкѣ, украшенномъ монетами, который приколотъ на носу латунной шпилькой. Знатные египтяне носятъ сверхъ своихъ длинныхъ бѣлыхъ или голубыхъ рубашекъ суконное платье европейскаго покроя и въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ цвѣтной кафтанъ. Въ Египтѣ нѣтъ другаго головнаго убора, кромѣ фески или чалмы и почти всѣ европейцы носятъ фески. Здѣсь всего болѣе поражаютъ носильщики, ко-

Египетскій носильщикъ.

торые зачастую носятъ на спинѣ такія тяжелыя ноши, что въ этомъ отношеніи ни одинъ европеецъ не можетъ сравниться съ ними. Кромѣ того заслуживаютъ вниманія нильскіе лоцманы, на такъ называемой „Dahabiye", своеобразныхъ нильскихъ судахъ, затѣмъ водоносъ, который носитъ на спинѣ своей товаръ въ мѣшкѣ изъ козлиной кожи и заявляетъ о себѣ постукиваньемъ жестяныхъ чашъ, а также крикомъ: „Moje!" (вода). Считаемъ также не лишнимъ упомянуть о грязномъ

феллахѣ въ его голубомъ кителѣ, и всемогущемъ „kawass“, который опаясанъ саблей и шествуетъ съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства. Послѣдній назначенъ правительствомъ для охраны и защиты иностранныхъ консуловъ, и въ то же время исполняетъ роль полицейскаго чиновника. Не смотря на присутствіе этой важной особы, слѣпой нищій обращается къ прохожимъ съ трогательнымъ возгласомъ: „Зрящіе, подайте слѣпому!“ Маленькій погонщикъ цѣлыми часами бѣ-

Старый нильскій лодочникъ.

житъ около своего галлопирующаго осла; жена феллаха предлагаетъ на продажу овощи, съ непокрытымъ лицомъ, между тѣмъ какъ голый ребенокъ сидитъ верхомъ на ея плечахъ. Рядомъ съ нею фигляръ показываетъ свое искусство передъ толпой оборванцевъ; въ другомъ мѣстѣ „haavi“ продѣлываетъ фокусы съ змѣями, о которыхъ между прочимъ расказываетъ Геродотъ. Среди зрителей вы можете увидѣть важнаго писаря въ зеленой чалмѣ; его легко узнать съ перваго взгляда,

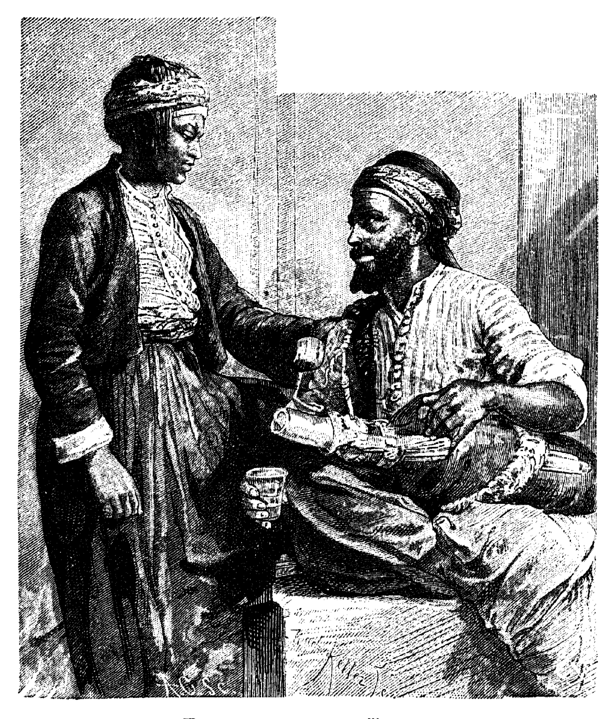
потому что за его поясомъ красуется старомодный письменный приборъ, который былъ въ употребленіи у древнихъ египтянъ. По сосѣдству съ богатыми кварталами, освѣщенными газомъ и усѣянными европейскими домами, тянутся извилистыя улицы и переулки, въ которыхъ каждый рискуетъ переломать себѣ руки и ноги, если онъ выйдетъ изъ дому безъ „fanus" т. е. уличнаго фонаря. Въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, съ домами безъ дверей и балконообразными выступающими окнами, толпится все восточное населеніе города; въ низкихъ грязныхъ кладовыхъ базара вы найдете всевозможные товары, какъ для удовлетворенія потребностей роскоши, такъ и для домашняго обихода.

Мы прежде всего отправимся на базаръ башмачниковъ, гдѣ множество маленькихъ лавокъ и мастерскихъ образуютъ родъ длинныхъ, отчасти крытыхъ улицъ. Въ то время, какъ въ нихъ усердно работаютъ мастера и подмастерья, съ лицевой стороны разложены и вывѣшаны товары. Это большей частью красныя и желтыя туфли, башмаки, полусапожки и дамскія туфли изъ цвѣтнаго бархата, вышитыя золотомъ и бусами. Отсюда ежедневно отправляется множество разнощиковъ, нагруженныхъ туфлями, которые сбываютъ свой товаръ на другихъ базарахъ и людныхъ городскихъ улицахъ. За башмачниками слѣдуютъ сѣдельные мастера, лавочки которыхъ увѣшаны красными сѣдлами для лошадей иословъ, уздечками, подпругами и т. п. Весь этотъ товаръ чрезвычайно дешевъ и красивъ съ перваго взгляда, но относительно прочности не можетъ сравниться съ европейской фабрикаціей; сѣдельники сами ткутъ подпруги, и нельзя не удивляться, какъ они справляются съ работой въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи. По близости тянется крытая темная галлерея, въ которой помѣщается базаръ торговцевъ коврами, шелковыми и шерстяными матеріями. Эти, такъ называемые купцы, считаютъ себя выше простыхъ ремесленниковъ, они важно возсѣдаютъ на своихъ сундукахъ, читаютъ или курятъ кальянъ; товары ихъ разложены какъ попало и безъ всякаго вкуса. То-же можно сказать о базарѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, товаръ которыхъ относительно выбора и стоимости далеко уступаетъ этого рода издѣліямъ въ любомъ изъ европейскихъ городовъ. Мастерскія столярныхъ издѣлій составляютъ особый отдѣлъ; въ нихъ выставлены изящные столики въ 1 ф. высоты, деревянныя сандаліи и пр.; всѣ эти вещи прекрасно лакированы и выложены перламутромъ. Значительная часть товаровъ европейскаго происхожденія, и только ситцы, каленкоръ и шертингъ англійской фабрикаціи. Во многихъ лавкахъ можно найти старое оружіе, монеты и другія древности, а также леопардовыя шкуры, страусовыя перья и яйца, перламутровыя раковины и разныя рѣдкости, вывезенныя изъ негритянскихъ странъ внутренней Африки. Но всего любопытнѣе базаръ торговцевъ съѣстными припасами, аптекарскими, красильными товарами и пр., маленькія лавки которыхъ тянутся длинными рядами черезъ весь рынокъ. Здѣсь выставлены на продажу въ мѣшкахъ и корзинахъ: апельсины, винныя ягоды, сушеные и прессованные финики, огурцы, дыни, кокосовые и простые орѣхи и миндаль, салатъ и овощи, горохъ, чечевица, маисъ, сезамъ (кунжутъ), полевые бобы и пр. Затѣмъ слѣдуютъ молочныя лавки, гдѣ продаютъ сыръ, цѣльное молоко, сливки и другіе продукты молочнаго хозяйства. Тутъ же рядомъ расположена миніатюрная харчевня, гдѣ хозяинъ жаритъ на угольяхъ небольшіе куски бараньяго мяса, продѣтые на вертелъ. Кромѣ того, здѣсь изготовляется и другой видъ жаркого такимъ же простымъ и остроумнымъ способомъ. Онъ состоитъ въ томъ, что ставятъ одна на другую отъ 8—10 желѣзныхъ жаровенъ въ одинъ футъ длины и такой же ширины, наполненныхъ горячими угольями, которыя образуютъ родъ печи въ 75 сант. вышины и 30

сант. ширины. Передъ нею на разстояніи 15—30 сант. вкладываютъ отвѣсный стержень или вертелъ въ 1 м. высоты въ особыя устроенныя для этого отверстія. Къ верхнему концу вертела придѣланъ кружокъ изъ легкой жести, изогнутой вѣерообразно, какъ у стѣнныхъ вентиляторовъ въ европейскихъ гостинницахъ. На вертелѣ снизу до самаго верха нанизаны тонкіе круглые куски болѣе или менѣе жирнаго мяса, около 15 сант. ширины, посыпанные перцемъ и солью. Затѣмъ вертелъ приводится въ движеніе притокомъ горячаго воздуха, который поднимается отъ пылающихъ углей, и мясо равномѣрно обжаривается. Когда оно достаточно зарумянилось, его срѣзаютъ сверху острымъ ножемъ и придвигаютъ ближе къ огню оставшееся мясо, которое жарится и снова срѣзается со всѣхъ сторонъ. Послѣ этого вертелъ опять придвигаютъ къ огню и когда дожарятся послѣдніе куски ихъ снимаютъ и замѣняютъ сырымъ мясомъ. Изготовленное этимъ способомъ жаркое необыкновенно вкусно; его ѣдятъ горячимъ прямо съ вертела. Хозяинъ харчевни, исполняющій одновременно роль повара и слуги, раскладываетъ мясо на тарелки вмѣстѣ съ мелко изрубленнымъ салатомъ, чеснокомъ и лукомъ и подаетъ гостямъ, изъ которыхъ каждый получаетъ при этомъ круглый хлѣбъ. Эта процедура продолжается съ утра до вечера, пока не запрутъ харчевни. Подобный завтракъ стоитъ около 2—2½ піастровъ и составляетъ роскошь для неприхотливаго желудка араба тѣмъ болѣе, что онъ можетъ при этомъ пить воду à discrétion. Въ мясныхъ лавкахъ базара нельзя ничего купить, кромѣ баранины, кишекъ и другихъ внутренностей, а также бараньихъ головъ, которыя подчасъ имѣютъ весьма неаппетитный видъ, но, повидимому, составляютъ любимое кушанье простаго народа. Бычачье мясо рѣдко встрѣчается въ продажѣ; свинины совсѣмъ нѣтъ. Голубей и молодыхъ куръ привозятъ на рынокъ въ большихъ четырехъугольныхъ корзинахъ. Базаръ особенно оживленъ въ обѣденную пору; если купецъ уходитъ въ сосѣднюю мечеть для молитвы или въ харчевню, то онъ развѣшиваетъ сѣть надъ своей лавкой, въ знакъ того, что отлучился на короткое время. Базары большей частью помѣщены въ крытыхъ зданіяхъ или же сверху натянуты платки, такъ что въ нихъ постоянно господствуетъ пріятная прохлада. Вслѣдствіе этого они служатъ любимымъ мѣстомъ прогулки для мѣстнаго населенія. Кромѣ того въ различныхъ частяхъ города разбросано множество лавокъ, мелкихъ ресторановъ и особенно кофейныхъ домовъ. Послѣдніе большей частью первобытнаго устройства, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ сравниться съ европейскими кофейнями. Булочныя почти также многочисленны, какъ и кофейные дома. Здѣсь продается различнаго рода хлѣбъ; въ наибольшемъ употребленіи круглая булка, величиной съ тарелку изъ непросѣянной муки и безъ соли; затѣмъ большіе очень жесткіе крендели посыпанные солью и сезамомъ. Ихъ нанизываютъ на палки и въ этомъ видѣ продаютъ по улицамъ (A. Kappler im „Schäb Merkur“ vom 30 November 1882).

День въ Египтѣ кончается съ закатомъ солнца. Всякая жизнь прекращается на улицахъ съ наступленіемъ сумерекъ; ворота запираются засовами; всѣ спѣшатъ по домамъ до слѣдующаго утра, пока съ высоты башенъ не раздастся пѣніе „муэциновъ“, возглашающихъ часъ молитвы Аллаху и хвалы Пророку. Затѣмъ снова начинается жизнь. На волнахъ Нила появляются первые паруса; слышенъ однообразный шумъ гидравлическихъ колесъ; караваны верблюдовъ выступаютъ въ путь съ обычнымъ возгласомъ: „Бисмиллахъ шейкъ Абдъ эль Кадеръ!“ Бородатые арабы въ бѣлыхъ чалмахъ, длинныхъ кафтанахъ и съ большими пальмовыми палками въ рукахъ мѣрно выступаютъ изъ город-

скихъ воротъ, обращаясь другъ въ другу съ обычнымъ привѣтствіемъ: El salam aleikum! (Миръ да будетъ съ тобой!), на это слѣдуетъ отвѣтъ: Aleikum el salam wu rachmet lillahi wu baraktu! (Да будетъ съ тобой миръ, Божья милость и Его благословеніе!). Муэцины пять разъ въ день возглашаютъ на каждомъ минаретѣ обычное изрѣченіе Корана: „Единъ Богъ и Магометъ его пророкъ!“ призывая этимъ къ молитвѣ послѣдователей ислама. На ряду съ этимъ прекраснымъ обыкновеніемъ, которое даже въ христіанахъ вызываетъ торжественное на-



Продажа лимонада въ Каирѣ.

строеніе духа, существуютъ другіе обычаи, настолько дикіе, что ихъ только могъ создать самый крайній религіозный фанатизмъ, хотя они тѣмъ не менѣе служатъ поводомъ для извѣстныхъ празднествъ.

Народные праздники въ Египтѣ дѣлятся на два разряда: 1) чисто магометанскіе, какъ напримѣръ „бейрамъ“, справляемый по окончаніи поста „рамазана“, время выступленія въ путь богомольцевъ, идущихъ въ Мекку, затѣмъ жертвенный праздникъ, день рожденія пророка и пр., въ которыхъ участвуютъ одни мусульмане, и 2) національные праздники, которые одинако чествуются, какъ магометанами, такъ коптами и евреями. Къ послѣднимъ принадлежитъ празднество „Schem en Nasim“, справляемое передъ тѣмъ време-

немъ, когда начинаетъ дуть горячій вѣтеръ шамсинъ, а также ежегодный праздникъ въ честь прибыли воды въ Нилѣ. Изъ религіозныхъ празднествъ наиболѣе важнымъ считается день рожденія пророка. На площади раскидываютъ двойной рядъ палатокъ; здѣсь день и ночь стоитъ кружкомъ толпа людей, которые, съ самыми странными тѣлодвиженіями и кривляніями, громко молятся, то на распѣвъ, то съ дикими воплями и вскрикиваніями, что продолжается до тѣхъ поръ, пока они не упадутъ въ изнеможеніи на землю. Это не дервиши, а простые смертные, которые поставили себѣ цѣлью выразить такимъ способомъ свое почитаніе Бога и пророка, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ отказались идти на богомолье въ Мекку. Между тѣмъ, благодаря этимъ молитвамъ, которыя преимущественно состоятъ изъ повторенія однихъ и тѣхъ-же словъ, они достигаютъ такой-же степени святости, какъ „хаджи“ (богомольцы въ Мекку). Измученные нравственно и физически они время отъ времени подкрѣпляютъ свои силы куреніемъ и кофе, послѣ чего они снова принимаются за свои благочестивыя упражненія. Этотъ праздникъ сопровождался своеобразной церемоніей, которая была въ послѣдній разъ совершена здѣсь и въ Каирѣ въ 1880 году. Графъ К. фонъ-Кроковъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Торжество по обыкновенію происходило на дворѣ шейка Бакри. Народъ въ этомъ день доводитъ себя до крайней степени фанатическаго напряженія, и то, что сначала представляетъ простое препровожденіе времени, переходитъ подъ конецъ въ какое-то дикое сумасбродство. Многіе полуодѣтые субъекты выступали изъ толпы, съ цѣлью выказать свое мужество посредствомъ тяжелыхъ испытаній. Одинъ обвилъ себѣ шею и спину большими живыми змѣями и съ ужасающими кривляніями проглотилъ половину этихъ отвратительныхъ животныхъ. Другой расмахивалъ тяжелымъ кускомъ желѣза въ формѣ колоссальнаго гвоздя и дѣлалъ видъ, что намѣревается выколоть имъ глазъ или-же съ мнимымъ напряженіемъ силъ подбрасывалъ желѣзо и мѣтилъ имъ въ оба глаза. Наконецъ третій забавляется тѣмъ, что, шпиковалъ себя какъ зайца, втыкая подъ кожу на груди и рукахъ длинныя иглы. Трудно было рѣшить насколько въ этихъ фокусахъ участвовало искусство и шарлатанство; но я никогда не забуду искаженныя измученныя лица этихъ людей, которыя снова приняли прежній видъ, какъ только наградили ихъ щедрымъ „Backhschisch“ (подаяніемъ). Наконецъ наступилъ самый важный моментъ празднества. На дворѣ, передъ главнымъ входомъ зрители встали по обѣ стороны, вслѣдствіе чего образовалось длинное пустое пространство. Затѣмъ изъ толпы вышли благочестивые люди, воодушевленные религіознымъ рвеніемъ, и легли навзничь на землю, такъ что мало по малу вся улица была какъ бы вымощена людьми. Нѣкоторые изъ зрителей приводили въ порядокъ лежавшихъ, чтобы головы ихъ приходились одна возлѣ другой. Послѣ этого началось торжество, которымъ чествовали день рожденія Магомета, а по другимъ извѣстіямъ, его вступленіе въ Мекку. Лежавшіе бормотали молитвы, тогда какъ взоры окружавшей толпы были обращены на закрытыя ворота. Наконецъ ихъ открыли и на дворъ въѣхалъ имамъ на лошади. Испуганное животное попятилось назадъ при видѣ своеобразнаго ковра, по которому ему приходилось ступать. Сѣдокъ, проникнутый важностью момента, также не рѣшался пришпорить коня, который, послѣ нѣкотораго колебанія сталъ медленно и осторожно передвигать ноги, какъ бы щадя добровольныхъ мучениковъ. Но эти тотчасъ-же вскочили съ земли и какъ безумные бросились на обѣ стороны. Между тѣмъ стоявшая кругомъ толпа устремилась впередъ, чтобы снять съ лошади измученнаго имама, который достигъ цѣли своего путешествія послѣ продолжительной ѣзды по городу, гдѣ почти на всѣхъ площадяхъ и главныхъ улицахъ его встрѣчали вышеописаннымъ способомъ. Шейкъ Бакри и его единовѣрцы почтительно привѣтствовали имама, за которымъ съ громкими криками слѣдовала ликующая толпа“ (Ausland 1866, s. 214).

Такимъ образомъ на почвѣ Египта сходятся всевозможныя крайности, и подъ внѣшними формами европейской образованности скрывается прежнее варварство. Магометанская религія не допускаетъ духовной свободы, которая дѣйствуетъ на нее разлагающимъ образомъ и въ сущности лишаетъ ее всякаго значенія. Исламъ и цивилизація

„Муэцинъ", возглашающій часъ молитвы.

несовмѣстимы, такъ что не можетъ быть и рѣчи объ ихъ сліяніи. „Цивилизованное" египетское правительство, съ своими чиновниками, усвоившими внѣшній французскій лоскъ, ни въ какомъ случаѣ не служитъ опроверженіемъ вышесказаннаго. Эти люди перестали быть магометанами и настолько безличны и ничтожны, что къ нимъ непримѣнимо даже общее названіе философовъ и матеріалистовъ. Впро-

чемъ число ихъ весьма незначительно; большинство — чистокровные турки, которые проклинаютъ вторженіе европейцевъ и, какъ настоящіе мусульмане лишены той живости и воспріимчивости, какая составляетъ основную черту характера египтянъ. Между высшими сановниками можно также встрѣтить людей съ европейскимъ образованіемъ: турокъ, армянъ, французовъ и итальянцевъ. Это большей частью придворные по призванію, которые при случаѣ умѣютъ держать себя съ достоинствомъ и обворожить иностранца любезностью, но не въ состояніи понять свое истинное назначеніе и смотрятъ на страну, какъ на дойную корову. Такимъ образомъ здѣсь создаются учрежденія, успѣшному развитію которыхъ мѣшаютъ самыя условія жизни и недостатокъ предварительной подготовки. Но никто не обращаетъ на это вниманія, довольствуясь громкими названіями. Это всего замѣтнѣе, если мы сравнимъ существующія центральныя учрежденія съ общей администраціей и исполненіемъ правосудія въ странѣ. Мы находимъ здѣсь кабинеты и министерства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, просвѣщенія и т. п. и даже особое театральное управленіе, начальникъ котораго носитъ титулъ превосходительства. Но рядомъ съ этимъ, масса народа, феллахины томятся подъ гнетомъ налоговъ, противъ которыхъ крестьянинъ фактически безсиленъ. Здѣсь не существуетъ апелляцій по поводу тяжести податей или общественной помощи, хотя нерѣдко поселяне раззоренные сборщикомъ податей не имѣютъ сѣмянъ для посѣва, ихъ поля обращены въ пустыри, голыя дѣти валяются въ грязи. Деньги, вымогаемыя турецкимъ правительствомъ, обогащаютъ сборщика податей, пашу, хедива, людей всякаго разбора, только не народъ и не страну. Возникаютъ новыя улицы, дворцы, сады и гаремы, гавани и маяки, но тѣ, чьи деньги идутъ на подобныя траты не извлекаютъ изъ всего этого никакой пользы. Равнымъ образомъ здѣсь сооружаются огромные сахарные зоводы, съ различными механичическими проспособленіями, сообразно съ тѣмъ, завѣдуетъ ли ими французъ, англичанинъ или какой другой европеецъ. Но въ то-же время окончательно приходятъ въ упадокъ старыя зданія и фабрики, буквально воздвигнутыя цѣною пота и крови несчастнаго народа. Такимъ образомъ страна производитъ самое грустное впечатлѣніе на иностранца, какъ только онъ перейдетъ черту города съ принадлежащимъ къ нему округомъ.

Деревни феллахиновъ представляютъ картину крайней нищеты. Когда ихъ видишь издали, то съ трудомъ можно повѣрить, что такія кучи нечистотъ могутъ служить жилищами для людей. Только, подойдя на болѣе близкое растояніе, вы видите, что среди этой сплошной массы глины и навоза проведены ходы, которые отдѣляютъ одни жилища отъ другихъ и настолько узки, что двое людей не могутъ пройти въ нихъ рядомъ. Затѣмъ вы различаете двери и небольшія рѣшетчатыя отверстія въ футъ величины, замѣняющія окна; все это крыто глиной, сухой травой или навозомъ. Передъ этими грязными деревушками неизмѣнно разложены для просушки „gilde“, кружки верблюжьяго по-

мета, употребляемаго въ видѣ топлива. Тутъ же вы увидите скорченныхъ на землѣ людей, которые съ жадностью хватаютъ объѣдки, бросаемые имъ съ кораблей. На крышахъ стоятъ или сидятъ женщины въ темносиней одеждѣ, съ

Жена феллаха.

покрываломъ такого-же цвѣта, окруженныя голыми дѣтьми, красношерстыми козами и желтыми собаками. Голые коптскіе монахи и нищенствующіе магометане подплываютъ къ борту идущихъ мимо судовъ и, получивъ милостыню, въ

видѣ остатковъ ѣды или мелкой монеты, снова бросаются въ воду съ крикомъ: Katter cherak ketir! (Онъ, то есть Богъ пошлетъ тебѣ счастья!) На поляхъ дурра или у колодцевъ, устроенныхъ для орошенія на берегахъ Нила (нерѣдко на разстояніи 200 шаговъ одинъ отъ другаго), двигаются темножелтыя, большей частью голыя феллахинки или чернокожія и коричневыя фигуры негровъ и нубійцевъ, занятыхъ тяжелой работой. Всюду господствуетъ дѣятельность. Здѣсь феллахъ пашетъ поле и ведетъ двухъ буйволовъ или буйвола и верблюда, которые тащатъ за собой плугъ безъ колесъ, самаго первобытнаго устройства. Тамъ проводятъ воду въ борозды вырытыя плугомъ; эта вода получается изъ вышеупомянутыхъ колодцевъ „sakieh", глубокихъ выложенныхъ камнемъ цистернъ, надъ которыми устроено колесо со множествомъ привязанныхъ къ нему деревянныхъ ведеръ и глиняныхъ сосудовъ. Тѣ и другіе наполняются внизу водой и сверху выливаются въ жолобъ, изъ котораго вода пропускается въ канавы. Къ черпальному колесу придѣлано горизонтальное зубчатое колесо, которое приводится въ движеніе буйволомъ или быкомъ. Орошеніе полей длится цѣлыми мѣсяцами и составляетъ главную задачу египетскаго земледѣлія. Тысячи цистернъ распространены по всей странѣ; нѣкоторые изъ нихъ существуютъ съ глубокой древности, окружены тѣнистыми деревьями и служатъ мѣстомъ сборищъ для поселянъ. Равнымъ образомъ встрѣчаются и простые колодцы, изъ которыхъ воду достаютъ бадьями и черпалками безъ всякихъ особенныхъ приспособленій. Орошенное поле тотчасъ-же засаживаютъ. Мужчины, женщины и дѣти роютъ въ сырой землѣ небольшія углубленія и сажаютъ въ нихъ ростки огурцовъ и дынь, лукъ, чеснокъ, рѣпу и прочее, послѣ чего нѣсколько дней спустя снова орошаютъ поле. Таковы условія полевой работы въ Нижнемъ Египтѣ, едва ли не самой прозаичной страны въ мірѣ: здѣсь нѣтъ и слѣда романтизма; если можетъ быть рѣчь объ этомъ въ дельтѣ Нила, то развѣ о поэзіи крайней бѣдности. Но никто не замѣчаетъ ее и не чувствуетъ къ ней состраданія; феллахъ знаетъ, что его предки чуть ли не въ продолженіи десятковъ тысячъ лѣтъ бѣдствовали также какъ онъ, что ему не хуже ихъ и, слѣдовательно, нечего ждать лучшаго! Сорго и небольшое количество бобовъ все-таки поддержатъ его существованіе. Тѣмъ не менѣе молодыя феллахинки работаютъ безъ устали; вы видите ихъ коричневыя фигуры стоящія по колѣно въ канавахъ; онѣ одновременно льютъ воду на поля изъ сосудовъ, похожихъ издали на корзины. Съ утра до вечера однообразно поднимается и опускается неуклюжее колесо колодца, вытягивая глиняные сосуды наполненные водой. Тутъ-же на берегу Нила или канала хозяйничаютъ жены феллахиновъ, моютъ сосуды и кувшины; ихъ ноги выше колѣнъ въ водѣ; платье высоко приподнято, коричневое лицо покрыто синимъ широкимъ покрываломъ; голыя руки до логтя украшены латунными и серебряными браслетами; на пальцахъ надѣты кольца. Около нихъ голыя дѣти, мальчики и дѣвочки играютъ въ водѣ съ гусями или сидятъ скорчившись на илистомъ берегу и грызутъ сахарный тросникъ. Въ другомъ мѣстѣ прямыя, какъ свѣчки феллахинки идутъ изъ деревни къ берегу; ихъ можно узнать издали по своеобразной граціозной походкѣ природныхъ египтянокъ. На ихъ головахъ высокіе тяжелые кувшины; одна голубая рубашка покрываетъ тѣло; береговой вѣтерокъ съ Нила развѣваетъ ее, обрисовывая красивыя формы. Нерѣдко вы увидите мать которая несетъ груднаго ребенка на правой рукѣ; другой сидитъ верхомъ на плечѣ; на головѣ ея кувшинъ, второй кувшинъ меньшихъ размѣровъ въ ея лѣвой рукѣ; за нею идетъ дочь съ гусемъ, чтобы спустить его на воду или съ козочкой, которую она купаетъ у берега. Затѣмъ молодая феллахинка, не уступая мужчинамъ въ силѣ мускуловъ, поднимаетъ на голову тяжелый кувшинъ, наполненный водой, беретъ другой кувшинъ на руку и снова поднимается на берегъ. Онѣ приходятъ къ рѣкѣ однѣ за другими утромъ, въ полдень и вечеромъ, чтобы наполнить свои кувшины водой, вымыть посуду, овощи или го-

лубыя рубашки, которыя составляютъ весь ихъ гардеробъ, если у нихъ нѣтъ пестрыхъ преимущественно блѣдно-красныхъ шароваръ, которыя вообще считаются предметомъ роскоши.

Вдали по узкой тропинкѣ, вдоль высокой плотины подвигается группа феллахиновъ. Они ѣдутъ другъ за другомъ; одинъ сидитъ на ослѣ съ ребенкомъ за спиной; жена идетъ около него пѣшкомъ и также держитъ на плечѣ ребенка; сосѣдъ ѣдетъ на верблюдѣ. Послушное животное, изгибая длинную шею, важно выступаетъ впередъ, навьюченное тростникомъ и клеверомъ, изъ котораго сверху выглядываютъ двѣ дѣтскія головки. Оселъ бѣжитъ скорой рысью; тяжело ступаетъ мѣрнымъ шагомъ верблюдъ своими длинными не-

Арабскій скрипачъ въ Каирѣ.

уклюжими ногами. Нѣсколько голыхъ или полуодѣтыхъ дѣтей бѣгутъ сзади. Всѣ эти фигуры отчетливо рисуются въ прозрачномъ воздухѣ, какъ въ діорамѣ, и молча исчезаютъ. Тамъ феллахинки вырываютъ изъ земли траву дурра или косятъ ее небольшими серпами. Онѣ стоятъ почти по колѣно въ водѣ, еще глубже быть можетъ, нежели на рисовыхъ поляхъ, и неутомимо работаютъ съ утра до вечера, съ мокрыми ногами, подъ палящими лучами солнца. Тѣмъ не менѣе здѣсь не слышно о простудѣ и солнечныхъ ударахъ. Постоянныя бѣдствія, гнетъ и нужда сдѣлали феллаха трусливымъ, но онъ не лишенъ мужества и выдержки въ тѣхъ случаяхъ, когда его ожидаетъ неминуемая бѣда. Нерѣдко можно встрѣтить человѣка, работающаго въ тяжелыхъ цѣпяхъ,

который, повидимому, находится въ наилучшемъ расположенiи духа и съ веселымъ смѣхомъ здоровается съ товарищемъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ не преступникъ, но такъ какъ преступленiе было совершено, то кто нибудь долженъ былъ подвергнуться наказанiю. „Kischmet" (судьбѣ) угодно было, чтобы обвиненiе пало на него, и его осудили, потому что у него не было денегъ, которыми бы онъ могъ подкупить судью. Равнымъ образомъ, когда феллаху приходится платить увеличенную подать, онъ съ тѣмъ же равнодушiемъ выноситъ палочные удары, и даже хвастается сколько получилъ ударовъ по пятамъ и какъ послѣ того, впродолженiе нѣсколькихъ недѣль, онъ не въ состоянiи былъ сидѣть на землѣ. Онъ видитъ въ правительствѣ своего естественнаго врага, и считаетъ хедива потомкомъ тѣхъ бедуиновъ, которые ограбили его предковъ. Голосъ его безсиленъ въ вопросѣ о налогахъ, и онъ не знаетъ какимъ способомъ оградить себя отъ нихъ. Какъ бы ни были обременительны законы о налогахъ, онъ не въ состоянiи прочесть ихъ. Феллахъ по природѣ веселаго характера, умѣренъ и склоненъ къ бережливости, но при случаѣ выказываетъ щедрость, и никогда не скряжничаетъ, когда нужно оказать гостепрiимство или подать милостыню. Его потребности ограничены и къ нимъ нужно причислить музыку. Феллахъ ничего не дѣлаетъ безъ пѣнiя; онъ поетъ при всякой работѣ и игрѣ, поетъ въ полѣ, во время свадьбы, при похоронахъ, сидя на верблюдѣ или въ лодкѣ за весломъ, словомъ всегда и вездѣ. Когда онъ накачиваетъ насосъ, то протяжныя ноты его пѣсни производятъ издали прiятное впечатлѣнiе, но вообще европейцу трудно уловить мелодiю въ египетской музыкѣ. Гамма настолько разнится отъ нашей, что почти невозможно передать египетскiя мелодiи, на которомъ либо изъ нашихъ инструментовъ. По всѣмъ вѣроятiямъ онѣ составились изъ греческой и азiатской гаммы и, быть можетъ, отчасти подъ влiянiемъ древней египетской музыки. Даже музыканту по профессiи было бы трудно воспроизвести вполнѣ египетскую музыкальную пiесу, которая представляетъ для насъ своего рода загадку. До сихъ поръ всѣ попытки передать арабскiе напѣвы на нашихъ инструментахъ кончались неудачей. Туземцы очень ловко играютъ на своемъ двухструнномъ инструментѣ. Музыка единственное искусство, которое удержалось у нихъ при первобытномъ образѣ жизни.

Феллахъ носитъ одно платье и сильно страдаетъ зимой отъ холода, потому что не имѣетъ, ни отопленiя, ни постели, а только кровъ. Онъ питается неквашенымъ хлѣбомъ, кислымъ молокомъ, сырыми овощами и нерѣдко впродолженiи цѣлыхъ недѣль у него нѣтъ другой ѣды, кромѣ сушеныхъ финиковъ. Въ городахъ продаются готовыя кушанья изъ различныхъ бобовъ и чечевицы. Домъ феллаха безъ крыши, и только подчасъ сверхъ потолка наложены два ствола сахарнаго тростника; внутри за глиняными стѣнами нѣтъ никакой утвари. Въ Верхнемъ Египтѣ передъ дверью обыкновенно лежитъ циновка и въ хижинѣ можно найти подобiе дивана, сдѣланнаго изъ глины. Жена феллаха (онъ долженъ довольствоваться одной женой) равнымъ образомъ имѣетъ единственное платье и покрывало; его дѣти ходятъ нагiе, Тѣмъ не менѣе, по отзывамъ путешественниковъ, нищета увеличивается съ каждымъ годомъ. Невѣроятную смертность дѣтей можно отчасти приписать нечистоплотности, такъ какъ ихъ не моютъ до семи лѣтъ, но она главнымъ образомъ объясняется полнымъ отсутствiемъ медицинской помощи и невѣденiемъ причинъ заболѣванiя. Женщины во всѣхъ отношенiяхъ стоятъ ниже мужчинъ. Онѣ слишкомъ бѣдны, чтобы имѣть какое либо домашнее занятiе, имъ не приходится чинить платье, варить кушанье и т. п. Онѣ моютъ свою жалкую одежду въ рѣкѣ и вмѣсто мыла употребляютъ глину. Браслеты и ожерелья составляютъ ихъ неизмѣнное украшенiе, даже въ то время, когда онѣ работаютъ въ полѣ и стерегутъ скотъ. Все количество воды, какое необходимо для домашняго обихода, принесено ими съ рѣки въ тяжелыхъ кувшинахъ; при этомъ онѣ пользуются случаемъ,

чтобы посидѣть на берегу, болтаютъ другъ съ другомъ и высасываютъ мухъ. Египтянки не обязаны произносить тѣхъ молитвъ, какъ мужчины. Ихъ безжизненныя лица представляютъ рѣзкій контрастъ съ благородной и нерѣдко интеллигентной наружностью мужскаго населенія. Высшій идеалъ жизни заключается для нихъ въ праздности. Дочь стараются удержать какъ можно долѣе въ семьѣ, и если она не вышла замужъ до пятнадцати лѣтъ, то это служитъ признакомъ хорошаго тона, что разумѣется исполнимо только въ болѣе или менѣе зажиточныхъ семьяхъ.

Въ Нубіи положеніе женщинъ поставлено въ лучшія условія. Хотя ихъ одежда еще болѣе жалкая, нежели въ Египтѣ, но онѣ имѣютъ элементарное понятіе о вязаніи, плетеніи корзинъ и циновокъ, держатъ домъ въ большемъ порядкѣ, метутъ полъ и посыпаютъ его золотисто-желтымъ пескомъ. Во всѣхъ домахъ есть двери, а у нѣкоторыхъ даже съ желѣзными замками. Надъ дверью устроена для украшенія небольшая ниша, въ которую вставленъ сосудъ или чаша, выпрошенная въ видѣ милостыни у одного изъ плывшихъ мимо нильскихъ судовъ. Здѣсь также находятся особыя помѣщенія для голубей. Эти птицы, какъ извѣстно, не стоятъ пожираемаго ими корма и въ значительной мѣрѣ увеличиваютъ грязь, господствующую въ Нижнемъ Египтѣ. Передъ входомъ находится рядъ круглыхъ глиняныхъ закромовъ для сбереженія зерна. Несмотря на крайнюю нечистоплотность, лихорадка составляетъ рѣдкое явленіе, но при этомъ феллахъ подверженъ различнымъ желудочнымъ и накожнымъ болѣзнямъ. Воспаленіе глазъ сдѣлалось рѣже въ Каирѣ съ тѣхъ поръ, какъ городъ поставленъ въ лучшія гигіеническія условія, благодаря болѣе широкимъ улицамъ; но въ деревняхъ эта болѣзнь все еще необыкновенно распространена и переносится мухами отъ ребенка къ ребенку. Изъ другихъ болѣзней особенно заслуживаетъ вниманія по своимъ роковымъ послѣдствіемъ видъ спячки, который до сихъ поръ мало изслѣдованъ врачами. Туземецъ возвращается домой съ работы, ложится въ постель, повидимому здоровый, спитъ безпрерывно трое сутокъ и затѣмъ умираетъ.

Трудно представить себѣ болѣе печальную участь, нежели та, на которую осужденъ феллахъ. Онъ долженъ работать свыше силъ и при такомъ скудномъ вознагражденіи, которое едва достаетъ для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей; куча глины обозначаетъ его безъимянную могилу. Какъ только смерть освободила его отъ земныхъ оковъ, надъ нимъ совершаютъ тотъ-же обрядъ, какой совершался пятсотъ лѣтъ тому назадъ надъ его набальзамированными предками, которыхъ перевозили въ лодкѣ черезъ рѣку, между тѣмъ какъ гребцы пѣли гимнъ Озирису, судьѣ умершихъ.

МАДАГАСКАРЪ.

На востокъ отъ африканскаго материка, изъ волнъ Индійскаго океана возвышается большой островъ Мадагаскаръ, который по своимъ размѣрамъ далеко превосходитъ германское государство, и по величинѣ занимаетъ третье мѣсто среди острововъ земнаго шара. Въ сущности Мадагаскаръ представляетъ собой особую часть свѣта. Онъ отдѣлился отъ сосѣдней Африки въ такой ранній періодъ исторіи нашей земли,

что съ тѣхъ поръ между обоими едва ли сохранилась какая либо связь, со стороны природы, растительнаго и животнаго царства, и даже въ этнологическомъ отношеніи. Въ настоящее время можно считать дѣломъ рѣшенымъ, что наибольшая часть жителей Мадагаскара не представляетъ никакого сродства съ африканскими племенами. Тѣмъ не менѣе населеніе острова нельзя считать однороднымъ, такъ какъ оно распадается на множество племенъ, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣютъ: бетсимизарака на восточномъ берегу, закалавы на западномъ побережьи и хова на сѣверѣ центральной части острова. Послѣдніе — самые многочисленные; они достигли политическаго первенства на Мадагаскарѣ, основали собственное королевство и распространили свое владычество надъ остальными племенами. Но всѣ жители острова говорятъ однимъ языкомъ, хотя съ діалектическими различіями. Это нарѣчіе не имѣетъ ничего общаго съ нарѣчіями другихъ африканскихъ племенъ и скорѣе подходитъ къ языкамъ Явы, Борнео, Целебеса и Филиппинскихъ острововъ.

Можно легко изучить языкъ Мадагаскара, такъ какъ онъ отличается крайне простой грамматикой, въ которой отсутствуютъ флексіи и нѣтъ особыхъ формъ для рода, числа и лица. Буквы также не приходится изучать, потому что мадегассы не имѣли письменности, пока англійскіе миссіонеры не научили ихъ читать и писать, вслѣдствіе чего была принята латинская азбука. Языкъ мадегассовъ крайне мягкій и музыкальный, благодаря обилію гласныхъ и богаче англійскаго по нѣкоторымъ частямъ рѣчи, какъ напримѣръ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ мѣста. Послѣдніе обозначаютъ съ такой точностью различныя степени удаленія отъ мѣста, гдѣ находится говорящій, что врядъ ли кто кромѣ туземцевъ можетъ похвалиться вполнѣ правильнымъ употребленіемъ ихъ. Равнымъ образомъ очень развита система чиселъ. Тотъ фактъ, что въ языкѣ существуютъ имена для обозначенія чиселъ до милліона, говоритъ въ пользу умственныхъ способностей мадегассовъ. Слово, которымъ называютъ милліонъ означаетъ буквально „конецъ счета". Относительно изящества, эллептическихъ оборотовъ и постояннаго употребленія прилагательныхъ мѣстоименій языкъ мадегассовъ представляетъ сходство съ еврейскимъ. Своеобразный обычай, общій всѣмъ полинезійскимъ языкамъ, по которому въ обыденной жизни избѣгаютъ словъ, составляющихъ названіе вождя — встрѣчается и въ Мадагаскарѣ. Но такъ какъ здѣсь въ видѣ собственныхъ именъ употребляются названія деревьевъ, четвероногихъ животныхъ, птицъ и прочія, то это служитъ поводомъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ, и мѣшаетъ окончательному образованію языка, который все еще находится въ состояніи постояннаго колебанія. „Fadi" или запрещеніе извѣстныхъ словъ равносильно тому, еслибы въ Англіи, напр., не дозволено было употреблять слова, въ которыхъ входятъ слоги, составляющія имена: Викторія, Георгъ и пр., такъ что слова: геометрія географія, геологія и пр. принадлежали бы къ числу запрещенныхъ словъ! Мадегасскій языкъ изобилуетъ короткими, изящными предложеніями и оборотами рѣчи, въ формѣ пословицъ, что придаетъ ему силу и выразительность. Но, къ сожалѣнію, мы можемъ только мимоходомъ указать на эту особенность языка. Такъ, напр., вмѣсто обычнаго выраженія „сторговаться" мадегассъ скажетъ „взять съ бою покупку", потому что торговля и здѣсь, какъ на востокѣ, связана съ разными затруднительными церемоніями. На мадегасскомъ языкѣ слово „плата" означаетъ также рвота. Выраженіе употребляемое вмѣсто слова „разводъ" доказываетъ стремленіе представить дурной поступокъ

въ приличной формѣ. Такъ, если кто разошелся съ женой, то говорятъ: „онъ отблагодарилъ ее“, выражая этимъ, что мужъ поблагодарилъ ее за прошлое и дружелюбно разстался съ нею, т. е. не сдѣлалъ никакой несправедливости. Такимъ образомъ, если мадегассъ желаетъ разойтись съ своей женой, то не имѣетъ никакой надобности обращаться къ суду. Онъ даетъ женѣ при свидѣтеляхъ золотую монету со словами: „Благодарю тебя, жена“, и разводъ считается рѣшеннымъ. Если хотятъ назвать человѣка льстецомъ, то говорятъ: „онъ только способенъ разостлать рогожу“. Темный смыслъ этого выраженія становится яснымъ для насъ, когда мы знаемъ, что глиняный полъ въ домахъ покрытъ рогожами, которыя скоро грязнятся, тѣмъ болѣе, что мадегассы не отличаются чистоплотностью, но рогожи никогда не снимаются, и ихъ только покрываютъ новыми. Эта процедура повторяется до безконечности, такъ что нижнія рогожи постепенно сгниваютъ. Когда является гость, то кладутъ новую рогожу, и жилище принимаетъ чистый и уютный видъ; но горе тому, кто вздумаетъ присмотрѣться ближе. Такимъ образомъ домъ кажется опрятнымъ, когда „разостлали новую рагожу“, что и подало поводъ обозначать вышеупомянутой фразой такія дѣйствія, которыя по внѣшности кажутся приличными, но служатъ только для прикрытія неправды и низости. Всего рѣже можно услышать простой отвѣтъ: „да“ или „нѣтъ“, потому что мадегассы, какъ всѣ народы, недавно усвоившіе письменный языкъ, отличаются многословіемъ и утопаютъ въ потокѣ собственнаго краснорѣчія.

Такимъ образомъ мы видимъ очевидную лингвистическую связь между мадегассами и людьми малайско-полинезійской расы. Это средство проявляется не только въ языкѣ, но въ различныхъ обычаяхъ, ручномъ производствѣ, физическихъ и умственныхъ особенностяхъ. Поэтому мальгаши или мадегассы несомнѣнно принадлежатъ къ народамъ малайскаго и полинезійскаго архипелага, такъ что ихъ можно считать западными представителями далеко распространенной полинезійской породы людей. Кромѣ того нѣкоторыя физическія отличія, черты лица, глаза и волосы указываютъ на общее происхожденіе съ малайцами. Соотвѣтственно тремъ главнымъ племенамъ, населяющимъ Мадагаскаръ, можно предположить, что малайское переселеніе совершилось въ три различные періода. Бетсимизараки, населяющіе восточный берегъ и восточныя горныя террасы, представляютъ собой независимое и замкнутое племя среди другихъ обитателей Мадагаскара, и до сихъ поръ сохранили грубый языкъ своей первоначальной родины, Суматры, въ его простѣйшей формѣ. Мы очень мало знакомы съ традиціями береговыхъ племенъ, но преданія хова ясно указываютъ, что ихъ предки перешли съ восточнаго берега вглубь страны. Разумѣется невозможно опредѣлить, когда собственно они прибыли на Мадагаскаръ, равно и время вторженія другихъ племенъ, которое вѣроятно совершилось гораздо раньше. Что касается мадегасскаго языка вообще, то новѣйшій лингвистъ, В. Е. Кузенъ, приходитъ къ заключенію, что нарѣчіе употребляемое на островѣ представляетъ болѣе раннюю стадію развитія, нежели то, какое распространено на обширномъ пространствѣ Индійскаго и Тихаго океана и, что оно ни въ какомъ случаѣ не происходитъ отъ того языка, который теперь принято называть „малайскимъ“.

Благодаря долгимъ сношеніямъ европейцевъ съ населеніемъ восточнаго берега и внутренней провинціи Имерина, племена, живущія въ этихъ частяхъ острова, лучше всего извѣстны въ Европѣ. Тѣмъ не менѣе при ихъ классификаціи нельзя упускать изъ виду, что здѣсь, какъ и тамъ, произошло смѣшеніе чуждыхъ элементовъ и что не такъ легко опредѣлить, насколько они видоизмѣнили массу кореннаго населенія. Въ восточныхъ частяхъ острова нельзя отрицать нѣкоторую примѣсь европейской крови, отчасти вслѣдствіе скрещиванія туземцевъ съ пиратами, крейсировавшими на Индійскомъ океанѣ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, а также частью съ французскими и креольскими переселенцами. На югѣ и на сѣверѣ явилась примѣсь арабской крови, благодаря старымъ арабскимъ поселеніямъ, которыя были основаны на Мадагаскарѣ двѣнадцать столѣтій тому назадъ. Впродолженіе вѣковъ съ каждымъ поколѣніемъ происходило все болѣе и болѣе сильное ассимилированіе туземной и чужой крови, между тѣмъ какъ климатъ и иныя подобныя вліянія содѣйствовали съ своей стороны полному сліянію того и другаго элемента. Хова, живущіе внутри острова, также не избѣгли скрещиванія съ чужеземцами, между тѣмъ какъ въ населеніи сѣверныхъ и западныхъ областей Мадагаскара, которое извѣстно подъ общимъ именемъ закалавовъ, замѣтна примѣсь не только арабской, но индійской и африканской крови. Скрещиваніе съ индійцами произошло благодаря значительному числу купцовъ, проживающихъ во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ мѣстечкахъ сѣверо-западнаго берега. Что касается примѣси африканской крови, то она можетъ быть объяснена наплывомъ невольниковъ изъ африканскаго материка, которые съ незапамятныхъ временъ были привозимы на островъ арабскими торговцами.

Изъ трехъ главныхъ мадегасскихъ группъ хова и отчасти бетсимизирака (на восточномъ берегу), съ нѣкоторыми сосѣдними племенами имѣютъ наиболѣе свѣтлый цвѣтъ кожи. Затѣмъ въ этомъ отношеніи всего ближе подходятъ къ нимъ живущіе на югѣ внутреннихъ областей бетсилео, танала, лѣсныя племена восточной окраины и, быть можетъ, жители болѣе южныхъ полосъ земель внутри острова, хотя о послѣднихъ мы имѣемъ очень мало точныхъ свѣденій. Между тѣмъ закалава, роспространенные на западной сторонѣ Мадагаскара и отчасти въ его сѣверовосточномъ углу, отличаются наиболѣе темной окраской кожи. Большинство этихъ темнокожихъ мадегассовъ выше ростомъ и имѣютъ болѣе сильное тѣлосложеніе, нежели ихъ свѣтлокожіе, сосѣди. Хова, между прочимъ, выдѣляются среди другихъ племенъ правильнымъ черепомъ, высокимъ лбомъ и нерѣдко почти европейскими очертаніями лица, такъ что, судя по ихъ внѣшности, они не лишены умственныхъ способностей. Однако, несмотря на такой опредѣленный типъ, нѣкоторые путешественники приписываютъ имъ косолежащіе монгольскіе глаза. У мужчинъ жидкіе бакенбарды и бороды; но при этомъ нерѣдко можно встрѣтить хорошіе усы, хотя они всегда коротко острижены.

У хова сохранилось одно преданіе, изъ котораго мы узнаемъ извѣстныя подробности объ ихъ прошлой жизни. Первоначальное поселеніе хова, по ихъ разсказамъ, находилось на юго-восточномъ берегу острова, откуда они въ видѣ двухъ отдѣльныхъ племенъ, ибара и бетсилео, распространились въ горной странѣ и, около 800 лѣтъ тому назадъ, достигли нынѣшней провинціи Имерина. Хова, впродолженіе 120 лѣтъ, жили въ дружбѣ съ туземнымъ на-

родомъ вацимба; но послѣ этого между ними начались распри, и вацимба двинулись къ юго-востоку въ „невѣдомыя" страны. Если хова одержали верхъ въ борьбѣ, то они обязаны этимъ своему желѣзному оружію, тогда какъ ихъ противники были вооружены только деревянными копьями. Несмотря на насильственное раздѣленіе двухъ племенъ, хова относятся съ особеннымъ почитаніемъ къ вацимба, которыхъ признаютъ своими предками. Каменныя могилы вацимба до сихъ поръ считаются святыми и по внѣшнему виду ничѣмъ не отличаются отъ нынѣшнихъ могилъ хова. Преданіе сохранило имена семи королей вацимба, которыя представляютъ большое сходство съ именами хова, что служитъ доказательствомъ одинаковаго происхожденія обоихъ племенъ. Болѣе свѣтлая окраска кожи горныхъ жителей и болѣе темная у береговаго населенія съ перваго взгляда можетъ привести къ заключенію, что мадегассы принадлежатъ къ двумъ отдѣльнымъ расамъ. Но въ дѣйствительности эта разница обусловлена различіемъ климата и наблюдается повсемѣстно, гдѣ одна и та же порода людей населяетъ знойное побережье и болѣе прохладную и сухую горную страну.

Англійскій миссіонеръ Джозефъ Мьюлленсъ, на основаніи собранныхъ имъ данныхъ, приводитъ слѣдующія цифры, которыя даютъ намъ понятіе о численности населенія Мадагаскара:

1) Бетсимизараковъ (включая 40,000 сиханака, 20,000 танала, 50,000 танкей и 20,000 иконго =	300,000 душъ.
2) Закалавовъ = ...	500,000 „
3) Хова (включая 300,000 бетсилео и 200,000 ибара и пр.) = ...	1,700,000 „
Итого .	2.500,000 душъ.

По словамъ Мьюлленса, жители государства Хованъ представляютъ собой богато одаренный въ умственномъ отношеніи, гостепріимный, честный и религіозный народъ, который со времени введенія христіанства сдѣлалъ большіе успѣхи въ новѣйшей культурѣ. Въ 1883 г. во время коронаціи покойной королевы Рановалоны II, благодаря стараніямъ англійскихъ миссіонеровъ удалены были всѣ внѣшніе признаки прежняго идолопоклонства и на почетномъ мѣстѣ по правую руку ея величества положена была библія. Въ слѣдующемъ году королева крестилась, а 8 сентября 1869 года, по ея повелѣнію, отобраны были идолы у всего народа и преданы пламени. Такимъ образомъ выросло сѣмя посѣянное семьдесятъ лѣтъ тому назадъ лондонскими миссіонерами. Врядъ ли на всемъ земномъ шарѣ можно указать другую страну, гдѣ бы совершился такой внезапный религіозный переворотъ. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству путешественника Ж. Одебера, хова приняли христіанство, не изъ убѣжденія, а вслѣдствіе политическаго разсчета. Христіанская религія послужила для нихъ средствомъ, чтобы воспользоваться преимуществами цивилизаціи и черезъ нихъ расширить и утвердить свое господство надъ болѣе дикими племенами. Ученіе Христа непонятно для хова и не имѣетъ для нихъ никакого нравственнаго значенія, потому что мальгашъ вѣритъ только тому, что доступно его пониманію. Въ виду этого немыслимо, чтобы хова достигли когда либо господства надъ цѣлымъ Мадагаскаромъ, пока островъ населенъ различными народами и пока здѣсь не нача-

лась самостоятельная духовная жизнь. Вообще культура менѣе коснулась хова, нежели это можетъ показаться съ перваго взгляда; такъ напр., въ цѣлой странѣ нѣтъ ни одной проложенной дороги и ни одного моста. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ побережья цивилизація сдѣлала замѣчательные успѣхи, но она почти не проникла вглубь страны; что же касается наукъ и ремеселъ, то въ этомъ отношеніи мадегассы несомнѣнно достигли значительнаго развитія.

Народное просвѣщеніе находится сравнительно въ цвѣтущемъ состояніи, особенно въ виду недавняго времени, съ котораго христіанская культура проникла въ Мадагаскаръ. Каждая община имѣетъ школу; въ столицѣ учреждена богословская семинарія, и всѣ эти учебныя заведенія усердно посѣщаются значительнымъ числомъ учениковъ. Миссія напечатала нѣсколько тысячъ элементарныхъ книгъ для школьнаго обученія; кромѣ того изданы руководства для старшаго возраста, которыя также расходятся въ большомъ количествѣ. Въ пользу умственнаго развитія столичнаго юношества говоритъ тотъ фактъ, что руководство по физической географіи принадлежитъ къ числу наиболѣе читаемыхъ книгъ, такъ что скоро понадобится второе изданіе. Равнымъ образомъ книга „Основы логики“ охотно читается публикой. Число подписчиковъ на дешевый ежемѣсячный журналъ „Хорошія слова“ доходитъ до 3,400 чел. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ основанъ былъ второй журналъ „Совѣтникъ“, который выходитъ четыре раза въ годъ и, несмотря на серіозное направленіе, находитъ обширный кругъ читателей, наравнѣ съ другими книгами такого же содержанія. Въ „Совѣтникѣ“ участвуютъ не только европейскіе, но туземные писатели, и ихъ статьи нерѣдко выказываютъ несомнѣнныя дарованія и наблюдательность. Въ механическихъ производствахъ, какъ, напр., печатаніе книгъ и переплетное мастерство, равно и такихъ, которыя требуютъ художественнаго пониманія, между прочимъ, въ литографіи, мадегассы выказываютъ замѣчательныя способности. Книги, переплетенныя ими подъ руководствомъ европейцевъ, нисколько не уступаютъ тѣмъ, которыя выходятъ изъ европейскихъ мастерскихъ. Тѣмъ не менѣе часовое мастерство не существуетъ у нихъ; но такъ какъ всѣ дома построены одинаковымъ способомъ и въ томъ же направленіи, то они служатъ какъ бы солнечными часами. Различные часы названы по частямъ дома, которыя, однѣ за другими, освѣщаются солнечными лучами впродолженіе дня. Такъ, напр., 1 часъ по-полудни называется „mitsidihandro“—„заглядыванье дня“, когда отвѣсные лучи солнца начинаютъ проникать въ домъ черезъ открытую дверь; 3 часа по-полудни носятъ особое названіе, которое въ буквальномъ переводѣ означаетъ „мѣсто, гдѣ привязываютъ телятъ“, такъ какъ въ это время солнечные лучи падаютъ на средній столбъ, къ которому ночью обыкновенно привязываютъ этихъ животныхъ и пр.

Форма государственнаго устройства крайне проста. Различныя племена образуютъ союзъ подъ властью хованскаго короля. Главныя племена распадаются на многочисленныя подраздѣнія, которыя управляются потомками князей, низверженныхъ царстствующей хованской династіей. Во главѣ правленія послѣ верховнаго владыки стоятъ три министра съ англійскими должностными титулами: Prime Minister, Commander-in-Chief и Chief Secretary of State. Они составляютъ государственный совѣтъ, совмѣстно съ нѣкоторыми другими сановниками. Въ особенныхъ случаяхъ созываются племенныя собранія, гдѣ

обсуждаются, наиболѣе важные вопросы и рѣшаются властелиномъ. Законы страны были собраны и напечатаны въ царствованіе Ранавалоны II. Подати вносятся естественными продуктами или въ видѣ барщины; должностныя лица вмѣсто жалованья получаютъ землю или долю податей съ опредѣленнаго числа подданныхъ. Рабство, несмотря на введеніе христіанства, осталось во всей силѣ, хотя отчасти приняло форму крѣпостнаго права. Всякая работа считается унизительной для свободнаго человѣка и исполняется рабами, такъ что по своему общественному положенію онъ обязанъ имѣть ихъ въ видѣ слугъ. Число невольниковъ у нѣкоторыхъ богатыхъ людей доходитъ до 2000, а подчасъ и 3000 душъ. Невольники преимущественно набираются изъ военно-плѣнныхъ (хотя бы они были изъ племени хова, бетсилео или закалава), затѣмъ изъ осужденныхъ на смертную казнь воровъ и преступниковъ. Въ настоящее время запрещенъ привозъ негритянскихъ преступниковъ, хотя онъ продолжается до сихъ поръ, доказательствомъ чего можетъ служить значительное число чернокожихъ на Мадагаскарѣ, которые совсѣмъ не понимаютъ мѣстнаго языка. Невольники, какъ мы упоминали выше, пользуются до извѣстной степени свободой и самостоятельностью; они нерѣдко служатъ у чужихъ господъ и получаютъ весь заработокъ или часть его въ свою пользу, что даетъ имъ возможность откупиться на волю. Цѣна невольниковъ очень низкая; взрослый мужчина стоитъ отъ 40 — 200 марокъ.

Во внутреннихъ провинціяхъ острова, всѣ тѣ, которые не принадлежатъ къ многочисленному классу рабовъ и не „голубой крови“, называютъ себя хова, т. е. „простыми“, свободными людьми, хотя во многихъ отношеніяхъ пользуются весьма ограниченной свободой. Хова сверхъ того дѣлятся на двѣ большія группы „borizano“ статскихъ или гражданскихъ и „miaramila“, т. е. военныхъ. Тѣ и другіе могутъ быть посланы королевой и правительствомъ на всякія работы: рубку лѣса въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ города, изготовленіе кирпичей, обтесываніе камня, равно и на деревянныя и каменныя постройки. Всѣ эти работы исполняются безплатно въ видѣ барщины, такъ наз. „fanompoana“, что по весьма понятнымъ причинамъ служитъ немалымъ препятствіемъ къ распространенію культуры въ странѣ. Кромѣ школьныхъ учителей, ни одно должностное лицо не получаетъ жалованья, начиная отъ намѣстника и верховнаго судьи, и, кончая простымъ солдатомъ. Съ другой стороны никто изъ нихъ не платить прямыхъ податей. Между тѣмъ налоги довольно значительны и извлекаются преимущественно изъ высокихъ пошлинъ и другихъ подобныхъ источниковъ; но вообще они мало приносятъ пользы государству.

Дворянство страны состоитъ изъ такъ называемыхъ „андріановъ“, потомковъ прежнихъ независимыхъ вождей Имерины, владѣнія которыхъ мало по малу были присвоены нынѣ царствующей династіей. Тѣмъ не менѣе потомки этихъ прежнихъ князей все еще пользуются нѣ-

которыми сословными преимуществами, такъ напр. съ ними здороваются особеннымъ способомъ; у нихъ другія могилы, нежели у остальнаго народа, и даже нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ право носить пунцовый зонтикъ, который служитъ отличительнымъ признакомъ королевскаго сана. Такимъ образомъ мадегасская аристократія представляетъ собой кровное дворянство, а не продуктъ королевской милости, и до сихъ поръ не было случая, чтобы ея привилегіи были пожалованы представителю котораго либо изъ низшихъ классовъ. Между тѣмъ большинство андріановъ находится далеко не въ блестящемъ матеріальномъ положеніи, такъ что въ Мадагаскарѣ часто можно услышать поговорку: „бѣденъ какъ андріанъ“. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, за исключеніемъ рабовъ, иногда все населеніе состоитъ изъ андріановъ, подобно тому какъ въ Польшѣ цѣлыя мѣстечки населены шляхтой. Однако въ послѣднее время образовалась ненаслѣдственная служебная аристократія, „roninahita“, т. е. „распредѣленіе почестей“, которая раздѣлена на шестнадцать различныхъ степеней или разрядовъ. Только три или четыре лица, въ видѣ особенной милости, удостоены высшей изъ этихъ степеней. Подобно тому, какъ хова не можетъ вступить въ бракъ съ невольницей, такъ и андріанъ не имѣетъ права жениться на женщинѣ хова.

На Мадагаскарѣ существуютъ различные своеобразные обычаи, связанные съ королевскимъ саномъ или достоинствомъ вождя. Во время вступленія на престолъ новаго властелина лица всѣхъ сословій и депутаты болѣе отдаленныхъ племенъ, прибывшихъ по этому поводу въ столицу, должны принести родъ присяги. Послѣдняя выражается тремя различными способами: „Lefon'omby“ или закалываніе теленка, „Veli-rano“ или сѣченіе воды и, наконецъ, поднесеніе „Hasina“ или серебряной монеты. При церемоніи „Lefon'omby“ убиваютъ молодаго теленка и затѣмъ прокалываютъ его насквозь копьями. Лица, призванные къ присягѣ также держатъ копья въ рукахъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ присутствующихъ судей произноситъ формулу присяги, угрожаетъ страшными наказаніями нарушителямъ клятвы и выражаетъ желаніе, чтобы въ этомъ случаѣ ихъ постигла участь теленка, разрубленнаго въ ихъ присутствіи. Въ отвѣтъ на это присягающіе трясутъ изо всѣхъ силъ копьями. Эта форма присяги примѣнима только къ болѣе знатнымъ и вліятельнымъ лицамъ. Для низшихъ классовъ считается достаточнымъ „Veli-rano“. Участники присяги становятся вокругъ пруда или бочага, куда предварительно бросаютъ пометъ вола, цвѣты особой травы, ружейную пулю, мушкетный шомполъ, вѣтку дерева амбіати, длинный стебелекъ травы и водяной цвѣтокъ. Судья произноситъ формулу присяги, и присутствующіе выражаютъ свою готовность принести клятву ударами древесныхъ вѣтвей по водѣ, въ которую сверхъ того бросаютъ копье, затѣмъ стрѣляютъ изъ ружья и церемонія присяги считается оконченной. При вступленіи на престолъ Рановалона I учинена была особаго рода присяга „Misotro vokaka“. Она заключалась въ томъ, что изъ одной королевской могилы добыто была извѣстное количество красной земли, которую смѣшали съ водой, и затѣмъ заставили народъ пить эту жидкость. „Misotro vokaka“ должно было навлечь проклятіе на каждаго изъ присутствующихъ, кто бы впослѣдствіи оказался виновнымъ въ нарушеніи присяги. Но въ то время, какъ эта, такъ и двѣ вышеописанныя формы присяги примѣняются только при вступленіи на престолъ новаго государя, „Hasina“ или поднесеніе серебряной

монеты составляетъ неизбѣжное условіе каждой аудіенціи, которую Королева назначаетъ чужестранцу или которому либо изъ своихъ подданныхъ. Монета, подносимая ея величеству называется „Ariary“. Въ настоящее время вошла въ употребленіе пятифранковая французская монета, называемая также „Vola tsi vaky“,—„цѣльныя деньги“, въ отличіе отъ общеупотребительныхъ разрубленныхъ денегъ, „Ariary“, подносится не только людьми низшихъ классовъ, но также намѣстниками и другими сановниками, при этомъ выражается желаніе, чтобы подносимая монета принесла счастье и благополучіе королевѣ.

Багровокрасный цвѣтъ считается королевскимъ на Мадагаскарѣ. Когда умираетъ монархъ или монархиня, то одно изъ королевскихъ зданій съ вершины крыши до земли обтягивается кругомъ алымъ сукномъ. Если народъ, хотя бы на далекомъ разстояніи, видитъ красный королевскій зонтикъ, то отвѣшиваетъ поклоны въ данномъ направленіи, привѣтствуя этимъ способомъ свою монархиню. Если-же кто очудится вблизи ея величества, то протягиваетъ къ ней обѣ руки со словами: „Желаю тебѣ, великая государыня достигнуть глубокой старости, никогда не испытать болѣзни и жить столько же лѣтъ, какъ твой народъ!“ Подобно тому, какъ правовѣрный мусульманинъ во время молитвы становится въ сторону Мекки, такъ и вѣрноподданный мадегассъ при всякомъ приздноствѣ не иначе пьетъ за здоровье главы государства, какъ обративъ лицо въ томъ направленіи, гдѣ стоитъ королевскій дворецъ. Равнымъ образомъ считается въ высшей степени неприличнымъ, если въ Имерина, хотя бы даже охотникъ по ремеслу, стрѣляетъ въ ту сторону, гдѣ находится королевское жилище. Это имѣетъ видъ угрозы, относящейся къ царствующему величеству. Всѣ одушевленные и неодушевленные предметы и вещи, составляющіе собственность главы государства, пользуются такимъ-же уваженіемъ, какъ и его особа. Подданные почтительно сторонятся, если на улицахъ Антананаривоса появляется копьеносецъ, за которымъ слѣдуетъ стадо молодыхъ воловъ изъ корлевской конюшни, или слуги, несущіе въ большихъ кувшинахъ воду для ея величества. Каждый въ этомъ случаѣ стоитъ съ непокрытой головой, пока королевскій транспортъ не скроется изъ его глазъ. Если собака перебѣжитъ дорогу, по которой подвигается шествіе, то копьеносецъ безжалостно убиваетъ несчастное животное и предаетъ его мучительной смерти. Когда приходится подновить или перестроить которое либо изъ королевскихъ зданій, то представители всѣхъ слоевъ общества отъ высшаго до низшаго считаютъ для себя великой честью приложить руки къ дѣлу. Работы производятся на глазахъ королевы, которая наблюдаетъ за ними, сидя на возвышеніи; самые знатные сановники не уступаютъ въ усердіи своимъ рабамъ: носятъ камни, копаютъ землю, вколачиваютъ столбы и исполняютъ роль простыхъ рабочихъ.

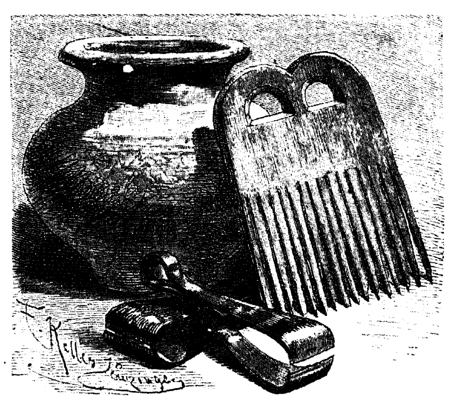
Что-же касается мадегасскихъ нравовъ вообще, то кровное братство едва ли не занимаетъ первое мѣсто. Это союзъ на жизнь и смерть, заключаемый между двумя лицами, которые скрѣпляютъ его тѣмъ, что каждый пьетъ кровь своего друга и оба приносятъ взаимную клятву въ неизмѣнной любви и товариществѣ. Церемонія эта извѣстна подъ названіемъ „Fato-dra“ (то есть связать кровью) и существуетъ почти у всѣхъ туземныхъ племенъ. Она состоитъ въ томъ, что оба участника, вступая въ такой союзъ, дѣлаютъ у себя легкій надрѣзъ на груди или на боку и выпускаютъ въ общую чашу нѣсколько капель крови, къ которой прибавляютъ извѣстныя снадобья. Изготовленный такимъ способомъ напитокъ мѣшаютъ концомъ копья, и оба участника выпиваютъ его. Въ это время произносятся самыя ужасныя проклятія противъ нарушителей священнаго обѣта. Европейцы не разъ вступали въ подобное кровное родство съ медегассами, чтобы заручиться милостью того или другаго вождя. Такъ напримѣръ, французскій путешественникъ Грандидье сдѣлался кровнымъ братомъ Цомены, вождя племени тамози, живущаго на югозападѣ Мадагаскара, потому что нуждался въ его покровительствѣ для своихъ цѣлей. Но въ данномъ слу-

чаѣ, вмѣсто крови употреблена была кровь быка, убитаго съ этой цѣлью. „Цомена и я, разсказываетъ Грандидье, сидѣли вдвоемъ на новой циновкѣ къ востоку отъ королевскаго дворца. Привели вола и, бросивъ его на землю, связали ему ноги веревкой. Принцъ изъ фамиліи Цафираминіа, съ бормотаніемъ молитвъ, закололъ вола и подставилъ тыквенную бутылку наполненную водой, чтобы въ нее стекла первая струя хлынувшей крови. Затѣмъ онъ бросилъ въ воду горсть соли, немного сажи и свинцовую пулю и поставилъ бутылку передъ нами. Я взялъ въ руки шомполъ моего ружья и обмакнулъ нижній конецъ его въ приготовленную жидкость; тоже сдѣлалъ и Цомена остріемъ своего копья. Деревенскій вождь, который во время предъидущей церемоніи, не переставая билъ палкой по нашему оружію, сказалъ рѣчь, перечисливъ въ ней обязательства, налагаемыя кровнымъ союзомъ, и молилъ небо ниспослать на насъ величайшее несчастіе, если бы мы когда либо нарушили его. Тогда Цомена наполнилъ деревянную чашу священнымъ напиткомъ, поднесъ ее къ моимъ губамъ и заставилъ меня выпить ее. Послѣ этого онъ слегка ударилъ меня пустой чашей по обоимъ плечамъ, спинѣ и груди. Я повторилъ съ нимъ ту же церемонію и „Famake", кровное братство было заключено. Мои новые родственники пожелали мнѣ счастья, и цѣлая толпа принцовъ и принцессъ (изъ которыхъ одни, называли меня сыномъ, другіе — отцемъ и братомъ) поочередно брали меня за руку".

До послѣдняго времени не менѣе распространенъ былъ обычай „Tanghena", родъ „божьяго суда", при которомъ употреблялся напитокъ изъ сильно дѣйствующаго яда, съ цѣлью отыскать виновнаго, какъ самого колдуна, такъ и субъекта испорченнаго ворожбой. Равнымъ образомъ лица, обвиненныя въ убійствѣ, кражѣ или измѣнѣ, должны были подвергнуться испытанію яда, чтобы доказать свою невинность или пострадать за свою вину. "Tanghena" въ смыслѣ доказательства правоты дѣла пользовалась такимъ общимъ уваженіемъ, что къ ней прибѣгали для рѣшенія споровъ о собственности. Но въ подобныхъ случаяхъ заинтересованныя лица не сами принимали ядъ, а подвергали испытанію своихъ собакъ. Тотъ, чья собака гибла при „Tanghena", долженъ былъ не только исполнить всѣ требованія своего противника, но вынести наказаніе, постановленное закономъ за неправильное владѣніе и ложное обвиненіе. Тѣмъ не менѣе, „Tanghena" только въ нѣкоторыхъ частяхъ, Мадагаскара кончалась смертью. Если кто падалъ жертвой яда, то это въ глазахъ всѣхъ служило несомнѣннымъ доказательствомъ его виновности. Другой способъ испытанія былъ не менѣе варварскій, но только въ исключительныхъ случаяхъ кончался смертью. Онъ состоялъ въ слѣдующей процедурѣ: обвиненный съѣдалъ возможно бо́льшее количество вареннаго риса и проглатывалъ цѣликомъ три куска куриной кожи въ талеръ величиной. Затѣмъ ему подносили пробный напитокъ приготовленный изъ небольшаго количества стручьевъ ядовитаго плода тангиніи и сока банановъ. „Skid" или знахарь накладывалъ руки на голову подсудимаго, предавая его самому ужасному проклятію въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно виновенъ. Послѣ этой церемоніи его заставляли пить воду въ такомъ количествѣ, что съ нимъ начиналась рвота. Если кусочки куриной кожи оказывались на лицо, то обвиненной считался оправданнымъ отъ всякаго подозрѣнія, не только по закону, но и въ нравственномъ отношеніи. Въ противномъ случаѣ виновность подсудимаго признавалась вполнѣ доказанной, и надъ несчастнымъ всю жизнь тяготѣлъ позоръ, связанный съ совершоннымъ преступленіемъ. Но иногда ядъ дѣйствовалъ такъ быстро, что послѣдующее испытаніе оказывалось непримѣнимымъ. Впрочемъ такое скорое свареніе желудка было своего рода счастьемъ для подсудимаго, такъ какъ нерѣдко случалось, что субъекты, которые не въ состояніи были выдержать испытаніе, возбуждали противъ себя ярость окружавшей толпы, которая разбивала имъ черепъ ударами дубинъ.

Съ принятіемъ христіанства грубость нравовъ смягчилась подъ вліяніемъ болѣе кроткаго міровоззрѣнія; безчеловѣчныя наказанія были отмѣнены. Въ болѣе значительныхъ провинціяхъ окончательно уничтожено многоженство, которое составляло обыденное явленіе и было связано со всевозможными безнравственными обычаями. Случаи нарушенія супружеской вѣрности стали рѣже, хотя туземцы въ былыя времена относились къ этому крайне снисходительно; теперь они все болѣе и болѣе придаютъ значенія святости брака и цѣломудрію. Семейная связь очень сильна у нихъ; дѣти брата и сестры считаются наравнѣ съ своими собственными дѣтьми. Браки бо̀льшей частью заключаются въ самой семьѣ съ той цѣлью, чтобы имущество по возможности осталось нераздѣльнымъ. Когда родятся дѣти, то родителей уже не называютъ по имени, а говорятъ „отецъ и мать такого-то или такой-то". Несмотря на видимое улучшеніе нравовъ все еще господствуетъ обычай дѣтоубійства, вслѣдствіе котораго погибаетъ, по крайней мѣрѣ, четвертая часть новорожденныхъ. У закалавовъ пятница считается несчастнымъ днемъ, и поэтому они уносятъ въ лѣсъ каждаго ребенка, родившагося въ этотъ день, кладутъ его въ яму и оставляютъ на произволъ судьбы. У прочихъ мадегасскихъ племенъ другіе дни недѣли предвѣщаютъ несчастіе.

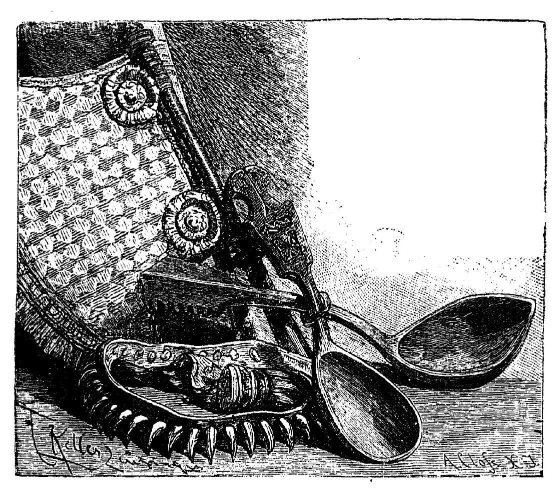
Каждый ребенокъ, который родится въ воскресенье у принца и принцессы также уносится въ лѣсъ, хотя бы у нихъ были другія дѣти или они не имѣли больше надежды имѣть ихъ. Мадегассы убѣждены, что ребенокъ родившійся



Мадегасскія туалетныя принадлежности (Деревянный гребень и желѣзные щипчики).

въ такой „великій день", долженъ быть необыкновенно счастливъ, такъ что если его оставить въ живыхъ, то онъ можетъ достигнуть бо̀льшаго могущества, нежели его родители. Равнымъ образомъ осуждены на гибель всѣ дѣти

появившіяся на свѣтъ въ другіе счастливые дни, физическіе уроды, а также близнецы, которые вообще считаются вредными, такъ что еще недавно королева приказала унести въ лѣсъ двухъ красивыхъ здоровыхъ мальчиковъ, родившихся у ея дочери. Если женщина чувствуетъ слабость при кормленіи и у ней пропадаетъ молоко, то объ этомъ извѣщаютъ вождя, который является въ сопровожденіи палача. Въ случаѣ, если донесеніе оказывается справедливымъ, то палачъ немедленно убиваетъ маленькое неблагодарное существо за его намѣреніе убить родную мать. Когда ребенокъ родится въ полночь и, вдобавокъ, между счастливымъ и несчастнымъ днемъ „faly", то его судьбу рѣшаетъ родъ „божьяго суда". Новорожденнаго кладутъ на узкую дорогу, по которой гонятъ быковъ въ поле. Если они прошли мимо, не тронувъ ребенка, то его оставляютъ въ живыхъ; но если одинъ быкъ слегка прикоснулся къ нему ногой, то его тотчасъ убиваютъ. По разсказамъ хова, такой же обычай



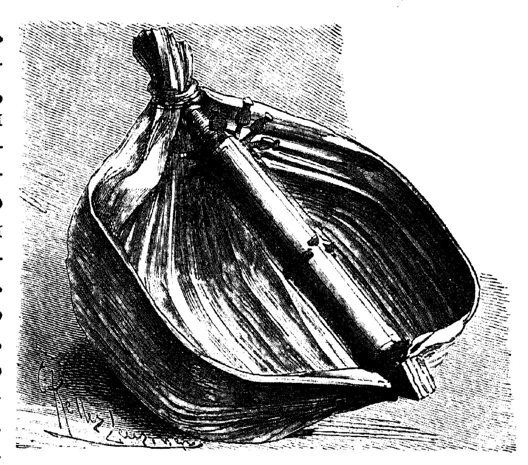
Мадагаскаръ. Деревянныя рѣзныя ложки. Ожерелья съ украшеніями въ видѣ серебряныхъ когтей. Талисманы и вѣеръ, сплетенный изъ соломы.

господствуетъ въ Тананариво. Недавно умершій французскій миссіонеръ, патеръ Ривасъ, много лѣтъ жившій въ Мадагаскарѣ, напрасно пытался спасти младенцевъ, случайно найденныхъ имъ въ лѣсу, потому что ни одна женщина, даже за большую плату, не соглашалась взять на себя кормленіе такого „заброшеннаго существа".

Мы видимъ изъ этого, что христіанство далеко не пустило такіе глубокіе корни, какъ думаютъ въ Европѣ, и что народъ все еще упорно держится старыхъ языческихъ суевѣрій. Тѣмъ не менѣе мадегасское идолопоклонство никогда не представляло цѣльной организованной системы. Мы не находимъ здѣсь ни храмовъ, ни правильнаго богослуженія, ни жрецовъ. Религія состоитъ изъ фетишизма или поклоненія волшебнымъ средствамъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ семьямъ; каждый хозяинъ жрецъ въ своемъ домѣ. Мадегассъ имѣетъ крайне смутныя понятія о состояніи человѣка послѣ смерти. О мертвецѣ говорятъ, что онъ „расплылся въ воздухѣ" или „обратился въ божество", такъ что эти выраженія заставляютъ предполагать, что у мадегассовъ въ основѣ

культа мертвыхъ лежитъ пантеистическій взглядъ. Они вѣрятъ въ загробное существованіе, обращаются съ молитвой къ умершимъ людямъ и тратятъ много времени и труда на устройство могилъ и погребальныхъ пиршествъ. Они хоронятъ своихъ мертвецовъ въ большихъ каменныхъ могилахъ и кладутъ вмѣстѣ съ ними ихъ платье, украшенія и вещи, которыми они особенно дорожили при жизни. Этотъ же обычай встрѣчается у полинезійскихъ малайскихъ племенъ и у сѣверо-американскихъ индійцевъ. Затѣмъ, чтобы показать степень почета, какимъ умершій пользовался при жизни, у могилы ставятъ въ рядъ камни, на которыхъ варилось кушанье для погребальнаго пиршества, а также (на столбахъ) черепа убитыхъ по этому случаю быковъ.

Мадегассы ведутъ простой образъ жизни; рисъ и картофель, мясо рогатаго скота и баранина, а также домашняя птица составляютъ ихъ обычную пищу, въ которой они не имѣютъ недостатка. Въ центральныхъ провинціяхъ рѣдко можно встрѣтить пьянаго чемовѣка, но разумѣется этого нельзя сказать о жителяхъ восточнаго берега, гдѣ водка привозится въ большомъ количествѣ европейскими купцами. Мадегассы также, какъ и полинезійцы, носятъ ткани изъ растительныхъ волоконъ. Туалетъ ихъ настолько несложный, что одна женщина можетъ выткать то количество ткани, какое необходимо, чтобы одѣть всю семью. Постройка дома также обходится недорого. Стѣны дѣлаются изъ той же земли, на которой стоитъ домъ; крышей служитъ трава. Оконныя рамы и полы не въ употребленіи; вмѣсто послѣднихъ на землю стелютъ красивыя плотныя циновки. Впрочемъ, въ послѣднее время, въ болѣе значительныхъ городахъ, стали стоиться порядочные дома, по европейскому образцу, такъ какъ съ развитіемъ цивилизаціи увеличились и потребности мадегассовъ. Они уже не довольствуются прежними жилищами съ одной общей комнатой и однимъ отверстіемъ въ высокой остроконечной крышѣ. Въ Тананариво особенно произошло много перемѣнъ, изъ которыхъ видно, что мадегассамъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать въ способности къ ручному производству. Всевозможныя кованныя вещи изъ желѣза, мѣди и латуни доведены у нихъ до значительной степени совершенства. Золотыхъ дѣлъ мастера изготовляютъ необыкновенно изящныя вещицы


Зезандо. Музыкальный инструментъ изъ Роте (Мадагаскаръ).

и тонкія филиграновыя работы, при этомъ они могутъ исполнить любой заказанный имъ узоръ. Музыкальнымъ инструментомъ служитъ зезандо, который изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. Но въ художественныхъ произведеніяхъ мадегассы вообще далеко уступаютъ малайскимъ полинезійцамъ.

АЗІЯ.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Азія, величайшая изъ всѣхъ частей свѣта, по всѣмъ вѣроятіямъ служила нѣкогда колыбелью человѣчества; въ настоящее время это — родина безчисленнаго множества людей, различныхъ по языку и расѣ, которые находятся на самыхъ разнообразныхъ степеняхъ культуры. Азіятскія нарѣчія, также какъ и народы, не представляютъ одного общаго типа, такъ что здѣсь болѣе нежели въ какой либо другой части свѣта, встрѣчаются чуть ли не всѣ ступени развитія языка. Въ этнологическомъ отношеніи выраженіе „азіятскіе народы" также лишено всякаго смысла, какъ и названіе „азіятскіе языки" для лингвистической систематики. Мы будемъ избѣгать лишнихъ подробностей и ограни-

чимся поверхностнымъ перечнемъ главнѣйшихъ народныхъ-группъ, тѣмъ болѣе, что никакія общія описанія не примѣнимы къ обитателямъ Азіи. На западѣ и югозападѣ мы встрѣчаемъ семитическія племена, а именно: арабовъ и ихъ родичей въ Аравіи, Сиріи и Месопотаміи. Съ востока къ нимъ примыкаютъ индоирманцы, къ которымъ принадлежатъ курды, армяне, персы и рядъ болѣе мелкихъ народностей, преимущественно населяющихъ горы Гинду-Куша, совмѣсто съ иранской и индійской народной группой, какъ: дарду, сіахъпошъ, кафиръ и т. п. Индусы занимаютъ большую часть полуострова, орошаемую Гангомъ до Декана и бассейна Брахмапутры къ востоку. На югъ отъ арійскаго Индостана, дравитская раса, распространенная также на Цейлонѣ, составляетъ главную массу индійской народности. Далѣе къ востоку, на крайнемъ югѣ, въ такъ называемомъ Золотомъ полуостровѣ или въ Задней Индіи, а также на островахъ Остъ-Индскаго архипелага распространены малайцы. Къ сѣверу отъ нихъ живутъ сіамцы, бирманцы и аннамиты, представители крайне самобытной и довольно значительной культуры, односложное нарѣчіе которыхъ составляетъ переходъ къ языку китайцевъ, древнѣйшаго культурнаго народа Азіи. Послѣдніе представляютъ собой ближайшихъ сосѣдей тибетанцевъ и монголовъ; они по справедливости называютъ себя „срединнымъ“ народомъ, такъ какъ занимаютъ все пространство отъ восточной азіятской окраины до центра материка. На сѣверо-востокѣ Азіи живутъ японцы, народъ достигшій высокой степени развитія, и корейцы, этнологическое положеніе которыхъ пока не опредѣлено въ точности. Весь сѣверъ занятъ урало-алтайцами съ ихъ четырьмя значительными этнологическими семьями: тунгусской, монгольской, самоѣдской и тюркской, изъ которыхъ послѣдняя имѣетъ своихъ представителей въ Европѣ. Горная страна, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ наполнена цѣлой массой кавказскихъ народовъ, языки которыхъ до сихъ поръ остаются почти изолированными. При дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ по возможности придерживаться того же порядка, какъ и въ приведенномъ здѣсь краткомъ перечнѣ народовъ.

АЗІЯТСКІЕ АРАБЫ.

Вообще географы относятся съ положительнымъ пренебреженіемъ къ аравійскому полуострову. Каждый изъ насъ, разглядывая карту Аравіи, невольно обращаетъ вниманіе на пробѣлы въ видѣ большихъ

свѣтлыхъ пятенъ, которыя служатъ доказательствомъ скудости нашихъ знаній о родинѣ ислама. Рѣдко нога европейца вступала на раскаленный зыбкій песокъ аравійской пустыни, и до сихъ поръ почти половина этой колоссальной области совершенно не изслѣдована. Аравія въ климатическомъ отношеніи, а равно и по своей природѣ, растеніямъ и животнымъ, этнографическомъ и историческомъ условіямъ, весьма близко подходитъ къ Африкѣ. Она отдѣлена только узкой полосой воды Чермнаго моря отъ африканскаго материка, и вообще представляетъ такое сходство съ нимъ, что ее слѣдовало бы скорѣе причислить къ этой части свѣта, нежели къ Азіи. Равнымъ образомъ на той и другой сторонѣ Чермнаго моря, мы встрѣчаемъ одно и то же населеніе. Арабы сѣверной Африки не могутъ отрицать своего происхожденія изъ пустынной Аравіи; но тѣмъ не менѣе азіятскіе арабы настолько отличаются отъ своихъ африканскихъ соотечественниковъ, что мы не можемъ пройти ихъ молчаніемъ. Къ тому же Аравійскій полуостровъ, служившій первоначальнымъ мѣстомъ жительства южной семитской семьи (откуда принадлежащіе къ ней народы распространились черезъ Суэзскій перешеекъ въ сѣверо-восточной Африкѣ), ни въ какомъ случаѣ не представляетъ однороднаго населенія. Мы находимъ въ немъ двѣ значительныя рѣзко различныя между собой группы, а именно: центральныхъ и южныхъ арабовъ.

Центральные арабы или просто арабы (измаильтяне), составляютъ населеніе сѣверной и средней Аравіи; хотя они позднѣе другихъ семитическихъ народовъ выступили на поприще исторіи, но ихъ языкъ и нравы носятъ отпечатокъ глубокой старины. Арабскій языкъ десятаго столѣтія послѣ Р. Х. несравненно древнѣе того языка, которымъ говорили сѣверные семиты за тысячу лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія. Такимъ образомъ арабъ въ этнологическомъ отношеніи можетъ считаться первобытнымъ типомъ семита. Аравійскій языкъ распадался первоначально на рядъ діалектовъ, употребляемыхъ отдѣльными племенами, изъ которыхъ состоялъ народъ. Всѣ эти діалекты мало по малу слились въ одинъ языкъ, вслѣдствіе централизаціи и литературнаго образованія, внесеннаго исламомъ. Арабы своими завоеваніями распространили этотъ языкъ въ основанныхъ ими государствахъ. Прежнія туземныя нарѣчія Месопотаміи, Сиріи и Египта были устранены, между тѣмъ какъ персидскіе языки и діалекты пришлыхъ татарскихъ племенъ были усилены приливомъ новаго элемента. Арабскій языкъ, благодаря исламу и широкимъ торговымъ сношеніямъ арабовъ оказалъ прочное вліяніе и на тѣ страны, въ которыя мусульмане вторглись силой оружія. Слѣды этого вліянія замѣтны въ большей или меньшей степени чуть ли не во всѣхъ языкахъ восточной Азіи и сѣверной Африки. Въ настоящее время арабскій народный языкъ, также какъ и прежній, распадается на нѣсколько діалектовъ, которые легко могутъ быть подведены подъ слѣдующіе три типа: 1) За-

падный діалектъ, или языкъ такъ называемый магхриба. 2) Средній діалектъ, языкъ Египта и подвластныхъ ему земель; и 3) Восточный діалектъ, языкъ Сиріи и пограничныхъ съ нею полосъ земли, лежащихъ къ югу и востоку.

Языкъ Малты или мальтійскій представляетъ собой арабскій жаргонъ съ сильной примѣсью итальянскаго элемента.

Южные арабы (іоктаниды) или жители южной Аравіи были извѣстны въ древности подъ названіемъ гиміаритовъ. Они рѣзко отличаются по языку отъ арабовъ, живущихъ къ сѣверу отъ нихъ. Гиміаритское нарѣчіе составляетъ отдѣльный языкъ, а не діалектъ арабскаго. Оно сохранилось во множествѣ древнихъ надписей, которыя были изданы и разобраны въ новѣйшее время. Такъ называемый экили или хакили непосредственно происходитъ отъ гиміаритскаго языка и распространенъ на югѣ Аравіи, а именно въ провинціи Махра. (F. Müller, Allgem. Ethnogr; s. 506—507). Между тѣмъ сѣверный арабскій языкъ, священный языкъ Корана, далеко переступилъ границы своей первоначальной области распространенія и окончательно вытѣснилъ національный языкъ изъ Іемена, Яфіа и Гадрамаута, такъ что, кромѣ Махра, только въ Оманѣ удержалось господство стараго южноарабскаго нарѣчія. Народы Омана и пограничныхъ областей отличаются также отъ остальной массы правовѣрныхъ, которые считаютъ ихъ „Charidschiya“ или „Chuaridsch“ (еретиками). Въ Гадрамаутѣ и югозападной Аравіи осѣдлое населеніе городовъ и деревень принадлежитъ къ самымъ строгимъ послѣдователямъ суннитскаго вѣроисповѣданія. Мы прежде всего займемся этими южными арабами.

Всѣ они имѣютъ почти такую же черную кожу какъ абиссинцы; но при этомъ большей частью съ такимъ пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ и правильными формами, какія можно встрѣтить только у самыхъ красивыхъ представителей бѣлой расы. Въ ихъ наружности нѣтъ ничего общаго съ неграми и другими племенами болѣе или менѣе напоминающими эѳіопскій типъ. Замѣчательно, что всѣ эти южные арабы, несмотря на отсутствіе одежды и суровый образъ жизни, вовсе не худощавы и отличаются умѣренной полнотой тѣла; здѣсь нѣтъ ни особенно тучныхъ, ни скелетообразныхъ людей. Единственная роскошь ихъ заключается въ дорогомъ оружіи. Такъ, напримѣръ, у проводника Г. Мальцана къ серебряному кованному поясу былъ придѣланъ массивный серебряный ящичекъ, для пуль, на подобіе сахарницы, украшенный художественной чеканкой, затѣмъ небольшой серебряный рогъ для насыпанія пороха на полку ружья и, кромѣ того, другой улиткообразный приборъ изъ того же металла, но бо́льшихъ размѣровъ съ ружейными зарядами. Ружье было также оковано серебромъ и, по своему внѣшнему великолѣпію, могло занять видное мѣсто въ музеѣ стариннаго оружія. Южные арабы, въ противоположность своимъ сѣверо-африканскимъ соотечественникамъ не додумались

до кремневыхъ замковъ и даже никогда не слыхали о нихъ. Подобно средне-вѣковымъ солдатамъ они довольствуются первобытными ружьями съ фитилями. Но южный арабъ всего больше гордится своимъ „dschembiye", кривымъ кинжаломъ, изогнутымъ въ формѣ полумѣсяца, который вложенъ въ подковообразный футляръ. Такимъ образомъ съ перваго взгляда можетъ показаться, что „dschembiye" также имѣетъ видъ подковы и описываетъ болѣе, чѣмъ полукругъ. Но въ дѣйствительности одинъ конецъ футляра пустой и гораздо шире рукоятки; къ

Молодая аравитянка изъ Адена.

нему придѣлана наставка въ видѣ серебрянаго, изящно сдѣланнаго колчана, „amud", который въ вооруженіи играетъ главную роль въ смыслѣ красоты. По словамъ Мальтцана, футляръ кинжала у его проводника былъ изъ цѣльнаго серебра и стоилъ, по крайней мѣрѣ, 90 марокъ. Остальное оружіе вѣроятно обошлось ему вчетверо противъ этой суммы; между тѣмъ это былъ бѣднякъ въ полномъ значеніи этого слова, не имѣвшій даже постояннаго заработка; пища его состояла изъ хлѣба дурры и кунжутнаго масла, единственной ѣды южныхъ арабовъ, которые вообще отличаются необыкновенною умѣренностью.

Одинъ султанъ ѣстъ мясо и пшеничный хлѣбъ (H. von Maltzan in der Allg. Zeitung vom. 2 März 1871).

Южная Аравія, а именно югозападный уголъ ея, Іеменъ, находится подъ турецкимъ господствомъ; къ ней примыкаетъ британская область, Аденъ. Затѣмъ слѣдуютъ независимыя племена подъ властью отдѣльныхъ, болѣе или менѣе неограниченныхъ вождей или мелкихъ султановъ, такъ что нерѣдко на небольшомъ пространствѣ встрѣчаются самыя разнообразныя условія общественной жизни и государственнаго устройства. Но что особенно характеризуетъ южную Аравію въ противоположность съ сѣверной частью полуострова, это — замѣтное уменьшеніе бедуинскаго элемента, сравнительно съ осѣдлымъ населеніемъ, скученнымъ въ болѣе значительныхъ мѣстечкахъ или собственно въ городахъ. Равнымъ образомъ здѣшніе бедуины имѣютъ мало общаго съ кочевниками сѣверной Аравіи и Африки: они живутъ въ постоянныхъ деревняхъ, хотя относятся съ ненавистью и презрѣніемъ къ обитателямъ городовъ. Во многихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ провинціи Гадрамаутѣ, каждый городъ или деревня имѣетъ отдѣльнаго султана; всѣ эти мелкіе правители независимы другъ отъ друга, но въ дѣйствительности не имѣютъ ни малѣйшаго значенія, такъ какъ находятся подъ защитой или, вѣрнѣе сказать, подъ господствомъ бедуиновъ. Послѣдніе — настоящіе повелители страны, а султаны, власть которыхъ не простирается далѣе городскихъ стѣнъ, не болѣе, какъ ихъ вассалы въ полномъ значеніи этого слова.

Когда видишь въ первый разъ бедуиновъ Гадрамаута, говоритъ Адольфъ фонъ Вреде, то они положительно внушаютъ къ себѣ мало довѣрія. Стоитъ только представить себѣ темнокоричневыхъ мускулистыхъ субъектовъ, съ длинными, черными, немного курчавыми волосами, связанными въ пучекъ на затылкѣ, вся одежда которыхъ состоитъ изъ передника, привязаннаго вокругъ пояса и доходящаго до колѣнъ. Скудная борода едва прикрываетъ ихъ подбородокъ, между тѣмъ какъ усы тщательно выбриты, (у многихъ мусульманъ они считаются „makruh", т. е. неприличными). Изъ-подъ густыхъ бровей выглядываютъ сверкающіе глаза съ темными вѣками синевато стальнаго цвѣта, выкрашенными сурьмой (collyrium). Но всего характернѣе ротъ съ жемчужными зубами и презрительнымъ выраженіемъ тонкихъ губъ, такъ какъ дикіе сыны пустыни смотрятъ свысока на всѣхъ тѣхъ, которые не пользуются такой же свободой, какъ они и не рыщутъ подобно дикимъ звѣрямъ въ безлюдныхъ песчаныхъ степяхъ. За поясомъ бедуина красуется кинжалъ и большой блестящій рогъ съ порохомъ; другой рогъ меньшихъ размѣровъ съ мелко-перетертымъ порохомъ виситъ на ремнѣ, украшенномъ металлическими пуговицами, который перекинутъ черезъ грудь и лѣвое плечо. При этомъ у него всегда наготовѣ заряженное ружье, какъ для того, чтобы отразить нападеніе, такъ и произвести его при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ этими бедуинами охотно миришься съ ихъ дикой наружностью. Нравы и обычаи, освященные временемъ, ставятъ тѣсныя рамки ихъ хищничеству и грабежу и придаютъ нѣчто рыцарское ихъ характеру, что вообще представляетъ странный контрастъ съ ихъ поступками. Такъ, напримѣръ, бедуинъ никогда не измѣнитъ данному слову, не изъ религіозныхъ и нравственныхъ поводовъ, а потому, что этого требуетъ честь племени. Еще

отецъ училъ его этому основному правилу, и онъ знаетъ, что люди, нарушившіе данное слово, презираются цѣлымъ племенемъ, которое изгоняетъ ихъ изъ своей среды, что̀ составляетъ величайшее наказаніе для бедуина. Такимъ образомъ купцы смѣло поручаютъ свои товары, хотя бы самые цѣнные, бѣдняку бедуину, который перевозитъ ихъ внутрь страны и съ величайшей добросовѣстностью сдаетъ по назначеаію, хотя при этомъ сердце его обливается кровью. Онъ не можетъ отрѣшиться отъ мысли, какъ было бы хорошо, если бы всѣ эти вещи попались ему подъ руку безъ всякой защиты, и онъ могъ бы похитить ихъ, не вредя своей чести. То же можно сказать о путешественникахъ и ихъ проводникахъ. Такой проводникъ называется „dachail“; это слово ни въ какомъ случаѣ не означаетъ человѣка, указывающаго путь въ качествѣ слуги, а скорѣе тѣлохранителя, взявшаго путешественника на поруки, который хотя и получаетъ плату за свой трудъ, но не оказываетъ путешественнику никакихъ другихъ услугъ, кромѣ защиты. „Dachail“ долженъ быть неизбѣжно выбранъ изъ бедуиновъ, которые господствуютъ внутри страны, такъ какъ власть султановъ не простирается далѣе стѣнъ ихъ городовъ. Если чужестранецъ довѣрилъ свою жизнь проводнику бедуину, то онъ черезъ это поступаетъ подъ защиту его племени и всѣхъ союзниковъ послѣдняго. Во время путешествія онъ какъ бы усыновленъ племенемъ, и всякая постигшая его непріятность считается обидой, нанесенной цѣлому племени. „Dachail“, въ качествѣ представителя племени, принимая на себя обязательство защищать ввѣреннаго ему путешественника, долженъ предварительно принести въ этомъ торжественное удостовѣреніе. Вреде описываетъ эту церемонію слѣдующимъ образомъ:

„По заключеніи условія хозяинъ вложилъ руку бедуина въ мою и спросилъ его: согласенъ ли онъ охранять меня и мое имущество во время путешествія? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ послюнилъ свой указательный палецъ и написалъ имъ мое имя на лбу бедуина со словами: Имя этого чужестранца написано на твоемъ челѣ. Если его постигнетъ какое нибудь бѣдствіе, то тебѣ больше никогда не поднимать чела передъ твоимъ племенемъ! Бедуинъ возразилъ съ живостью: Если бы это случилось, то ни города, ни горы не увидѣли бы больше моего лица. Его смерть моя смерть! Моя смерть его смерть! Единъ Богъ и Магометъ его пророкъ. Все исходитъ отъ него!— Этимъ кончилась церемонія, и хозяинъ увѣрилъ меня, что теперь я могу вполнѣ довѣриться бедуину. Арабскій „Hedschâs“ устанавливаетъ тѣ же отношенія. Путешественникъ выбираетъ среди бедуиновъ „Rasik“ — „друга“ и можетъ безусловно разсчитывать на его вѣрность. „Nanu Malihin“—„мы ѣли вмѣстѣ соль“, говорятъ бедуины, обозначая этими словами дружественный союзъ. Однако Буртонъ замѣчаетъ, что у нѣкоторыхъ племенъ подобное обязательство, принятое на себя бедуиномъ, должно быть возобновляемо черезъ каждые 24 часа, потому что въ противномъ случаѣ нельзя разсчитывать на его вѣрность, такъ какъ, выражаясь его языкомъ, „у него въ желудкѣ больше нѣтъ соли“. Тѣхъ же понятій держится и бедуинъ южной Аравіи. Онъ защищаетъ ввѣреннаго ему чужестранца до послѣдней капли крови, но по окончаніи срока, установленнаго договоромъ, не задумываясь убьетъ того же чужестранца, если встрѣтитъ его на улицѣ, безъ охраны котораго либо изъ своихъ соплеменниковъ. Въ бедуинскихъ деревняхъ, гдѣ населеніе рѣдко превышаетъ 400 человѣкъ, путешественникъ большей частью встрѣчаетъ радушное гостепріимство, но его постоянно осаждаютъ вопросами, а при ѣдѣ зажиточный хозяинъ самъ набиваетъ ему ротъ кусками баранины. Бедуины преимущественно ѣдятъ мясо въ сыромъ видѣ и безъ соли, и даже считаютъ нелѣпымъ употребленіе ея.

Адольфъ фонъ-Вреде, которому мы обязаны первыми извѣстіями о жителяхъ Гадрамаута, присутствовалъ при одномъ изъ тѣхъ большихъ сборищъ пле-

менъ и племенныхъ группъ цѣлой провинціи, которое извѣстно у арабовъ подъ названіемъ „Kaḃayl Bakri“, то есть „братскій праздникъ племенъ“. Блюстители вѣры должны были предварительно выбрать для этого благопріятное время сообразно теченію мѣсяца, послѣ чего прочтена была молитва и собравшимся бедуинамъ возвѣщено открытіе праздника. Тогда со всѣхъ сторонъ раздался оглушительный возгласъ: „Allah Hafits el Kaḃayl!“, то есть „Аллахъ да хранитъ племена!“ и, повторяемый отъ лагеря къ лагерю, пронесся по горамъ и долинамъ. Предстоящій праздникъ имѣлъ важную цѣль, а именно дипломатическое совѣщаніе двухъ значительныхъ племенныхъ группъ, представители которыхъ играли первенствующую роль. Кромѣ того собралась цѣлая толпа нейтральныхъ бедуиновъ, не призванныхъ на совѣтъ, которые были только праздными зрителями и участниками торжества, но не вмѣшивались въ совѣщанія. Послѣднія начались съ вступительныхъ рѣчей двухъ племенныхъ вождей. На этотъ разъ шелъ вопросъ о томъ: предпринять ли походъ противъ сосѣдней провинціи или отмѣнить его? Сторонники похода одержали верхъ и война была рѣшена въ сравнительно короткое время, послѣ немногихъ весьма оживленныхъ рѣчей. Рѣшеніе было объявлено толпѣ и принято ею съ новымъ возгласомъ „Allah Hafits el Kaḃayl“. Послѣ этого совершена была своеобразная символическая церемонія, которая должна была придать религіозный характеръ принятому рѣшенію. „Костеръ горѣвшій посреди площади былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ новымъ запасомъ дровъ; вспыхнувшее при этомъ пламя было встрѣчено толпой громкими криками радости. Затѣмъ принесена была большая древесная вѣтвь и приведенъ откормленный баранъ. Старшій изъ присутствовавшихъ шейковъ связалъ ему ноги, поднялъ вѣтвь и прочитавъ надъ ней молитву, бросилъ въ огонь со словами: „Пусть изсохнутъ наши враги, какъ сохнетъ эта вѣтвь!„ Но едва сгорѣли листья, какъ шейкъ снялъ ее съ огня, прочиталъ еще разъ молитву и, перерѣзавъ кинжаломъ горло барану, потушилъ хлынувшею кровью горѣвшую вѣтвь съ слѣдующимъ заклинаніемъ: „Если кто въ часъ опасности отстанетъ отъ товарищей и покинетъ эту окровавленную вѣтвь,—наше знамя, то съ нимъ самимъ и съ его домочадцами случится то же, что съ этой изсохшей вѣтвью!“ Послѣ этого шейкъ оборвалъ боковыя вѣтки съ обгорѣвшей вѣтви и передалъ ихъ соотвѣтствующему числу бедуиновъ, которые поспѣшно удалились съ ними въ разныя стороны. Почернѣвшая, обрызганная кровью вѣтвь была воткнута въ землю. Бедуины распустили свои связанные волосы, развели заново костеръ и начали вокругъ него свою характерную военную пляску, подъ аккомпаниментъ „Tar-a“ (тамбурина) и воинственныхъ пѣсенъ. Пляска и пѣніе продолжались до полуночи, пока знамя (окровавленная вѣтвь) не было вынуто изъ земли; оба шейка послѣдовали за нимъ въ ту сторону, гдѣ находился востокъ и скоро исчезли во мракѣ“. Главная вѣтвь, какъ сообщали Вреде туземцы, служитъ общимъ знаменемъ для всего союзнаго войска; оторванныя вѣтки разсылаются отдѣльнымъ племенамъ въ видѣ знаменъ, вокругъ которыхъ собираются отставшіе и затѣмъ спѣшатъ присоединиться къ главному войску. При заключеніи мира всѣ вѣтки торжественно сжигаются и шейкъ говоритъ при этомъ: „Наша вражда уничтожена, какъ уничтожены эти вѣтки!“ Каждый въ данномъ случаѣ приноситъ въ жертву барана. Если у одной изъ сторонъ больше убитыхъ, нежели у другой, то шейкъ имѣющій въ этомъ отношеніи преимущество говоритъ другому шейку, своему бывшему противнику: „Выбирай между кровью и молокомъ! то есть между поединкомъ и „кровными“ деньгами. Обыкновенно при заключеніи мира дѣло кончается денежнымъ взносомъ. Въ Гадрамаутѣ относительно этого нѣтъ опредѣленныхъ правилъ, какъ въ другихъ странахъ Аравіи, и размѣръ взноса бываетъ то больше, то меньше, сообразно состоянію платящаго лица.

У нѣкоторыхъ изъ этихъ бедуиновъ свадебныя празднества связаны съ

крайне своеобразными обрядами, такъ что Вреде встрѣтилъ у нихъ даже древнѣйшій обычай мнимаго похищенія невѣстъ. „Всѣ мужчины, говоритъ онъ, собрались передъ началомъ свадьбы у пещеры жениха (эти бедуины пещерные жители), а всѣ женщины у пещеры невѣсты. Каждый изъ родственниковъ жениха закололъ нѣсколько барановъ, послѣ чего разведены были большіе костры и начался пиръ, сопровождаемый пѣніемъ, который продолжался еще два часа спустя послѣ заката солнца. Юноши, окруживъ жениха, отправились вмѣстѣ съ нимъ за невѣстой къ ея пещерѣ. Но тутъ имъ объявили, что невѣста убѣжала, и никто не знаетъ куда! Они принялись обыскивать пещеру и, не найдя въ ней дѣвушки, бросились съ оглушительнымъ крикомъ за своими ружьями, зарядили ихъ, и отправились на поиски бѣглянки. Я присоединился къ толпѣ, и въ продолженіи цѣлыхъ двухъ часовъ рыскалъ съ нею взадъ и впередъ. Наконецъ мы увидѣли группу молодыхъ дѣвушекъ, охранявшихъ пещеру, въ которой спряталась невѣста. Женихъ сталъ уговаривать дѣвушекъ, чтобы онѣ выдали бѣглянку, но вмѣсто отвѣта на насъ посыпались камни въ такомъ количествѣ, что трудно было принять это за шутку. Тогда молодые люди, заслонивъ лицо рукой, бросились на приступъ, но ихъ снова встрѣтилъ цѣлый градъ камней. Впрочемъ это была послѣдняя попытка къ защитѣ, потому что едва нападающіе приблизились къ дѣвушкамъ, онѣ разбѣжались въ разныя стороны съ громкими воплями, оставивъ невѣсту въ добычу побѣдителямъ. Женихъ безпрепятственно овладѣлъ ею; остальные стояли на сотню шаговъ отъ пещеры; къ нимъ присоединились и убѣжавшія дѣвушки. Немного погодя появилась брачная чета, которая изъ жениха и невѣсты превратилась въ мужа и жену; послѣдняя была покрыта большимъ платкомъ. Ихъ тотчасъ-же окружили и съ ружейными залпами и пѣніемъ проводили въ пещеру мужа, гдѣ у входа были убиты двѣ овцы, тотчасъ-же изжарены и съѣдены на мѣстѣ. Этимъ кончилось празднество.

Женская одежда у бедуиновъ отличается простотой и оригинальностью и состоитъ изъ коричневой шерстяной рубашки, которая сзади доходитъ до пятокъ, а спереди едва прикрываетъ колѣна. Сверху сдѣлано круглое отверстіе съ разрѣзомъ на обоихъ плечахъ, который застегивается послѣ того, какъ надѣта рубашка. Рукава доходятъ до половины предплечья. Широкій кожанный поясъ, украшенный латунныли кольцами и маленькими бѣлыми раковинами „ужовками“, стягиваетъ этотъ нарядъ у таліи. Поясъ служитъ также для ношенія топора, съ которомъ здѣшнія аравитянки никогда не разлучаются, такъ какъ рубятъ имъ дрова, въ то время, какъ пасутъ свои стада. Узкіе штаны изъ бумажной матеріи, доходящіе до икръ, дополняютъ ихъ несложный нарядъ. Голова и лицо ничѣмъ не покрыты; волосы распущены и въ безпорядкѣ падаютъ по плечамъ. Женщины также какъ и мужчины ходятъ большей частью безъ обуви и надѣваютъ сандаліи только для зашиты отъ колючаго кустарника при добываніи топлива. У нихъ на ногахъ въ видѣ украшенія латунныя кольца въ три дюйма ширины и одну линію толщины, на рукахъ гладкія кольца въ одинъ дюймъ ширины, на шеѣ стеклянные кораллы, а въ ушахъ и пробуравленныхъ ноздряхъ латунныя или серебряныя кольца. Когда онѣ пасутъ свои стада въ степяхъ, то носятъ на ремнѣ корзину обтянутую кожей, которая имѣетъ видъ срѣзаннаго ядра, обращеннаго открытой стороной къ тѣлу. Эти корзины служатъ матерямъ для ношенія грудныхъ дѣтей, неизмѣнно голыхъ; нерѣдко женщины переносятъ въ нихъ новорожденныхъ овецъ и козлятъ, которые слишкомъ слабы, чтобы бѣжать за стадомъ. Въ городахъ, какъ напримѣръ въ Караибе, столицѣ Вади Доанъ, женщины, вопреки мусульманскому обычаю, ходятъ безъ покрывала. Онѣ носятъ почти тотъ же костюмъ, какъ и бедуинки, только изъ болѣе богатыхъ и тонкихъ матерій. Верхняя рубашка у нихъ свѣтлоголубая, съ каймой изъ зеленой матеріи, а у болѣе богатыхъ украшена серебряной вышивкой; панталоны полосатые бѣлые съ крас-

нымъ; поясъ нерѣдко съ серебряной застежкой. Въ каждомъ ухѣ у нихъ до двѣнадцати довольно толстыхъ серебряныхъ колецъ; съ этой цѣлью въ ушахъ сдѣланы отверстія въ двѣнадцати мѣстахъ. Нѣкоторыя носятъ носовыя кольца. На каждой сторонѣ головы волосы подвиты кружками въ видѣ ядеръ, соединенныхъ между собой на подобіе виноградныхъ кистей. Главная задача такой прически заключается въ томъ, чтобы завить возможно большее количество кружковъ; съ этой цѣлью волосы навертываютъ на старые лоскутки и тряпки; (такимъ образомъ здѣсь существовали шиньоны, задолго до изобрѣтенія ихъ въ Европѣ). Чтобы придать прочность подобной прическѣ ее обливаютъ аравійской камедью. Отъ одного виска къ другому протянута лента съ множествомъ привѣшанныхъ къ ней четырехъ-угольныхъ коробочекъ изъ серебра или другаго металла, въ которыхъ хранятся талисманы. Сверхъ того вдоль волосъ проведены красныя полосы, въ палецъ толщиной отъ лба къ затылку. Лицо, шея, руки и ноги окрашены въ желтую краску экстрактомъ корня бѣлаго имбиря (curkuma), а на лицѣ кромѣ того выведены красные и темносиніе цвѣты. Вѣки окрашены „kohel" (сурьмой) въ черный цвѣтъ.

Дѣти въ Вади Доанѣ до четырехъ-лѣтняго возраста ходятъ совсѣмъ нагіе. Волосы у нихъ выстрижены своеобразнымъ способомъ. У нѣкоторыхъ виситъ крыглый пучокъ волосъ надъ лбомъ; у другихъ такіе пучки у обоихъ висковъ, а на макушкѣ головы устроенъ гребень изъ волосъ; наконецъ у иныхъ два такихъ гребня, дѣлятъ голову на три отдѣльныхъ части. Женщины носятъ своихъ дѣтей, не на плечахъ, какъ египтянки, а у пояса, и дѣти обыкновенно сидятъ у нихъ верхомъ на бедрахъ. Всѣ дѣти увѣшаны талисманами для защиты отъ дурнаго глаза; у нѣкоторыхъ число ихъ доходитъ до пятидесяти.

Вреде присутствовалъ въ Хауранѣ при одномъ погребеніи и описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „покойникъ лежалъ на „kafen" (сукнѣ), которымъ были покрыты носилки, имѣвшія форму гроба; съ обѣихъ сторонъ стояли мѣдные сосуды, изъ которыхъ поднимался дымъ отъ горѣвшаго ладана. У ногъ сидѣли два духовныхъ лица и читали Коранъ. Руки покойника были сложены на животѣ, а пальцы ногъ связаны вмѣстѣ. Въ ушахъ, ноздряхъ, во рту, между указательнымъ и слѣдующимъ пальцемъ рукъ и тѣми же пальцами ногъ торчали большіе клочки ваты; глаза были также покрыты ею. Вскорѣ послѣ нашего прибытія покойника завернули въ сукно, на которомъ онъ лежалъ и связали въ трехъ мѣстахъ: надъ головой, кругомъ пояса и ниже ногъ. Затѣмъ прочтена была молитва и похоронная процессія двинулась въ путь. До этого слышно было только тихое хныканье, но теперь всѣ женщины, не только жившія въ домѣ, но и постороннія подняли такой оглушительный надгробный плачъ, что нельзя было разслышать собственныхъ словъ. При входѣ въ мечеть носилки поставили на приготовленное съ этой цѣлью возвышеніе; вслѣдъ затѣмъ имамъ прочелъ нѣсколько главъ Корана. По окончаніи чтенія покойника понесли къ могилѣ, вырытой на 2, 5 м. глубины. Съ одной стороны, во всю длину ямы, устроена была въ землѣ ниша такой высоты, что въ ней могъ удобно помѣститься человѣкъ въ сидячемъ положеніи. Покойника положили въ нишу, развязали повязки покрова, поставили вкось рядъ вѣтвей передъ нишей и накрыли ихъ соломенной циновкой. Каждый изъ присутствующихъ бросилъ трижды горсть земли въ могилу и, пробормотавъ молитву, удалился, послѣ чего явились могильщики и зарыли яму. Ниша устраивается съ слѣдующей цѣлью. Едва земля покроетъ умершаго, какъ въ мочилу являются къ нему два ангела: „Monkir" и „Nakr" (то есть „испытующій" и „вывѣдующій") и допрашиваютъ его относительно вѣры и т. п. Онъ долженъ отвѣчать имъ сидя, и чтобы ничто не мѣшало ему принять это положеніе роютъ въ землѣ нишу соотвѣтствующей величины.

Погребальные обычаи у бедуиновъ Гадрамаута имѣютъ совсѣмъ иной характеръ. Вреде присутствовалъ при одномъ подобномъ погребеніи, на пути отъ

Хаурана къ Сахва. Бедуины сняли съ своего умершаго соплеменника всю одежду, не исключая даже небольшаго передника, вымыли трупъ у колодца и привязали ему колѣни къ шеѣ, такъ что подбородокъ касался ихъ. Затѣмъ они посадили связаннаго покойника на песокъ, лицомъ къ востоку, и накрыли его грудой камней. Этотъ обычай очевидно сохранился съ временъ язычества потому что по мусульманскому обряду лицо покойника должно быть обращено не къ востоку, а въ сторону Мекки и трупъ положенъ въ землю, а не на ея поверхности; и только въ этомъ случаѣ могила можетъ быть покрыта каменьями. У Страбона мы встрѣчаемъ описаніе такого-же погребенія трупа у троглодитовъ восточной Африки.

Погребенный бедуинъ былъ убитъ собственнымъ сыномъ, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, въ припадкѣ гнѣва. Подобные примѣры отцеубійства, по словамъ Вреде, не рѣдкость у бедуиновъ, и большей частью остаются безъ наказанія, потому что здѣсь ближайшіе родственники мстятъ, за убійство, а въ данномъ случаѣ убійца—самый близкій родственникъ покойника. Если живъ дѣдъ покойника или дядя съ отцовской стороны, то они одни имѣютъ право отомстить за него убійцѣ.

Способъ, какимъ примѣняется правосудіе въ странѣ служитъ лучшимъ мѣриломъ высшей или низшей степени культуры ея обитателей. Мы не находимъ безпристрастнаго правосудія ни въ одной изъ странъ Европы, несмотря на ея высокую цивилизацію, и тѣмъ менѣе можемъ требовать этого отъ магометанскихъ земель, которыя вернулись къ прежнему полуварварскому состоянію. Напрасно стали бы мы искать даже въ образованныхъ государствахъ условій, удовлетворяющихъ чувству справедливости, такъ что въ виду той пародіи на правосудіе, какую представляетъ новѣйшая юстиція, невольно задаешь себѣ вопросъ: Не отдать ли предпочтеніе первобытному самоуправству vulgo кулачному праву, господствующему въ отдаленныхъ странахъ востока? Само собой разумѣется, что при послѣднемъ всякаго рода несправедливости могутъ быть гораздо чаще. Но не слѣдуетъ забывать, что примѣры самоуправства отдѣльныхъ лицъ составляютъ исключеніе и, что то кулачное право, какое существовало въ средніе вѣка въ Европѣ, когда сильный распоряжался, по своему усмотрѣнію, слабѣйшимъ, перешло въ область преданій. На востокѣ кулачное право носитъ характеръ народнаго правосудія и обыкновенно примѣняется однимъ племенемъ, къ другому племени. Разумѣется и въ этомъ случаѣ оно является совершенно произвольнымъ, и слабѣйшее племя гибнетъ, хотя бы оно защищало самое справедливое дѣло. Но каждое племя само по себѣ представляетъ небольшое государство, такъ что обыкновенныя понятія о правосудіи здѣсь совершенно не примѣнимы и не могутъ регулировать международныхъ отношеній. Въ южной Аравіи правосудіе примѣняется двоякимъ способомъ. Въ небольшихъ султанствахъ, гдѣ государи пользуются не только номинальной, но и дѣйствительной властью, мы встрѣчаемъ старое арабское и турецкое законодательство, а именно неумолимый законъ корана. Онъ также господствуетъ здѣсь, какъ въ Турціи и Египтѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и примѣняется съ такой же строгостью неограничен-

ными монархами. Въ земляхъ болѣе свободныхъ племенъ, — гдѣ нерѣдко самъ султанъ находится въ зависимости отъ нихъ и только въ военное время пользуется извѣстнымъ авторитетомъ и властью — господствуетъ кулачное право въ вышеуказанной формѣ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ совмѣстно примѣняются оба вида правосудія, и въ то время, какъ при одномъ изъ нихъ можетъ вполнѣ проявиться авторитетъ султана, при другомъ онъ встрѣчаетъ непреодолимое противодѣйствіе.

Султанство Лахеджъ, которое въ настоящее время подчинено англійскимъ владѣніямъ, близъ Адена, имѣетъ уже то преимущество передъ мелкими государствами южной Аравіи, подвластными своимъ повелителямъ, что всего ближе подходитъ къ идеалу мусульманскаго государства. Здѣсь султанъ дѣйствительно совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ не только законодателя, правителя и высшее начальство, но даже большей частью является единственнымъ судьею, потому что емля настолько мала, что нерѣдко случаи первой инстанціи представляются на разсмотрѣніе высшей судебной власти. Въ разбирательствѣ уголовныхъ дѣлъ буквально примѣняется законъ Магомета: „Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь", то есть убившій будетъ убитъ, „el katel yuktal", какъ гласитъ краткое арабское изреченіе. Здѣсь не обращаютъ вниманія на то: съ намѣреніемъ-ли совершено убійство или нѣтъ. Случайный свидѣтель насильственной смерти наказывается наравнѣ съ убійцей. Но съ другой стороны преднамѣренный убійца избавляется отъ наказанія, если почему либо причиненная имъ рана, не повлечетъ за собою смерти. Фактъ самъ по себѣ рѣшаетъ все, намѣреніе не принимается въ разсчетъ.

Султанъ Лахеджа не допускаетъ въ своемъ государствѣ кровавой мести, которая въ остальной Аравіи составляетъ единственный уголовный законъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ власть князей безсильна надъ окружающими племенами. Въ Лахеджѣ кровавая месть даже не разрѣшена въ томъ видѣ, какъ она принята въ другихъ мусульманскихъ государствахъ, не признающихъ другихъ законовъ кромѣ корана, гдѣ повелитель, произнося смертный приговоръ надъ убійцей, даетъ разрѣшеніе кровному мстителю убитаго, то есть его ближайшему родственнику, исполнить роль палача надъ подсудимымъ. При этомъ способѣ исполненія казни, палачь становится лишнимъ. Но въ Лахеджѣ, наоборотъ, для этого существуетъ особая должность. Казнь происходитъ на кладбищѣ около открытой могилы, вырытой для преступника; послѣднему не отрубаютъ головы и вмѣсто этого закалываютъ кинжаломъ. Различнаго рода воровства, начиная отъ похищенія носоваго платка и кончая самой значительной кражей, наказываются одинаково, а именно, палачъ отрубаетъ руку подсудимому. Отрубленная рука, согласно мусульманскому преданію, основанному на вѣрованіи въ будущее воскресеніе мертвыхъ, погрѣбается на кладбищѣ съ тою цѣлью, чтобы ея владѣлецъ почилъ рядомъ съ нею, и могъ со временемъ снова найти ее. Операція большей частью производится крайне неискуснымъ способомъ, такъ какъ рука скорѣе отпиливается, нежели отрубается кинжаломъ. Тѣмъ не менѣе казнимые рѣдко выражаютъ свои страданія. Даже варварскій актъ, слѣдующій за отрубаніемъ руки, не вызываетъ у нихъ крика боли. Актъ этотъ не долженъ считаться наказаніемъ, а представляетъ своего рода леченіе. но настолько грубое и безжалостное, что въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ когда либо примѣнима поговорка, что лѣкарство хуже „самаго недуга". Здѣшніе врачи, вмѣсто того, чтобы перевязать рану и остановить кровь какимъ нибудь способомъ, постепенно утоляющимъ боль, заливаютъ рану кипящимъ дегтемъ, такъ какъ это единственное извѣстное имъ средство. Кровь дѣйствительно перестаетъ течь, но они доставляютъ этимъ невыносимыя мученія паціенту; и еще больше растравляютъ рану, усиливъ ее обжогомъ. Нерѣдко это

леченіе производится такимъ неискуснымъ способомъ, что послѣ того приходится сдѣлать ампутацію руки, которая по просьбѣ самихъ паціентовъ большей частью производится англійскими врачами, въ Аденѣ. Въ случаѣ вторичной кражи вору отрубаютъ другую руку; если и это не исправляетъ его, то онъ подвергается смертной казни. Обыкновенно подсудимыхъ по окончаніи суда выпускаютъ на волю. Тюремное заключеніе не принадлежитъ къ числу наказаній. Хотя въ Лахеджѣ существуетъ тюрьма и она почти всегда переполнена, но никого не присуждаютъ собственно къ тюремному заключенію. Это большей частью люди, пойманные на мѣстѣ преступленія солдатами султана и уличенные въ нарушеніи полицейскихъ правилъ и религіозныхъ предписаній; они посажены въ тюрьму не съ цѣлью наказанія, а скорѣе для того, чтобы лишить ихъ возможности приносить вредъ. Всѣ они закованы, а именно по ногамъ, на которыхъ надѣты тяжелыя обручи спаянные вмѣстѣ, такъ что ходьба крайне затруднительна для нихъ. Только важнымъ преступникамъ одѣваютъ цѣпь на шею съ прикрѣпленнымъ къ ней тяжелымъ ядромъ; но они остаются недолго въ тюрьмѣ, такъ какъ ихъ скоро казнятъ. Забота о прокормленіи заключенныхъ лежитъ исключительно на ихъ семьяхъ. Султанъ ничего не даетъ имъ; но благотворительность настолько развита у арабовъ, что даже узники, не имѣющіе семьи въ Лахеджѣ рѣдко испытываютъ нужду. Заключенные могутъ во всякое время принимать посѣтителей въ неограниченномъ числѣ.

Кромѣ убійства и кражи въ уголовной практикѣ Лахеджа встрѣчаются еще случаи нарушенія супружеской вѣрности. Но тутъ судебной власти рѣдко приходится прибѣгать къ карѣ. Обыкновенно супругъ самъ мститъ за нанесенную ему обиду, не подвергаясь никакой отвѣтственности, или-же (что бываетъ, повидимому, еще чаще), дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ измѣны своей жены, и втайнѣ заключаетъ денежную сдѣлку съ своимъ соперникомъ. У независимыхъ племенъ подобный позоръ какъ нарушеніе супружеской вѣрности можетъ быть не иначе смытъ какъ кровью преступника и его жертвы. Но и здѣсь равнымъ образомъ имѣетъ значеніе только совершившійся фактъ. Мусульманинъ считаетъ женщину существомъ лишеннымъ воли. Тѣмъ не менѣе, если фактъ вполнѣ доказанъ, то общепринятый законъ чести требуетъ, чтобы женщина отвѣчала за свой невольный проступокъ, или, вѣрнѣе сказать, за совершенное надъ нею преступленіе (H. v. Maltzan im Ausland 1871, s. 601 — 604).

Мы встрѣчаемъ совсѣмъ иной порядокъ судопроизводства въ небольшомъ государствѣ, лежащемъ на границѣ Лахеджа и Адена и населенномъ племенемъ акаребъ, которое находится въ такой-же полувассальной зависимости отъ Англіи, какъ и его прежніе смертельные враги абадель (племя населяющее Лахеджъ). Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, государственное устройство приближается къ патріархальному идеалу. Племя акаребъ настолько малочисленно, что государь и подданные составляютъ одну большую семью, не только въ фигуральномъ, но и въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Здѣшній шейкъ (который отвергъ съ презрѣніемъ султанскій титулъ, данный ему англичанами), по своему происхожденію акраби (един. отъ акаребъ), между тѣмъ какъ султанъ, царствующій въ Лахеджѣ, принадлежитъ къ иному племени, нежели его народъ. Между шейкомъ и его подданными существуютъ, повидимому, самыя близкія непринужденныя отношенія. Если вы спросите акаребъ, какъ наказываютъ у нихъ за убійство, кражу и нарушеніе супружеской вѣрности, то они отвѣтятъ: „у насъ этого никогда не случается; мы всѣ между собою братья!“ Дѣйствительно здѣсь преступленія составляютъ рѣдкость, потому что число жителей незначительно и они вообще кроткаго характера, хотя разумѣется Биръ Хамедъ—столица ихъ государства, далеко не представляетъ земнаго рая въ смыслѣ невинности. Преступниковъ наказываютъ въ крайнемъ

случаѣ, т. е. тогда, когда, несмотря на всѣ совѣты, они отказываются добровольно оставить родину. Повидимому денежные штрафы были единственнымъ наказаніемъ, которому подвергались акаребъ въ послѣднее десятилѣтіе. Но и это судебное взысканіе большей частью назначалось только для виду, такъ какъ племя настолько бѣдно, что преступникъ почти всегда оказывается несостоятельнымъ, и его запираютъ въ тюрьму, чтобы хотя этимъ способомъ удовлетворить правосудіе. Если онъ вздумаетъ бѣжать, что не представляетъ никакого затрудненія, то никто не считаетъ нужнымъ отыскивать его. Естественно, что такія общественныя условія возможны только въ микроскопическомъ государствѣ, въ сравненіи съ которымъ Лихтенштейнъ и Санъ-Марино показались бы значительными державами.

Государство Фодли, называемое также Отмани, несравненно могущественнѣе предъидущаго и кромѣ столицы Серіа имѣетъ еще приморскій городъ Шугра. Оно простирается къ востоку отъ Адена на 80 км. вдоль берега и въ половину этого разстоянія вглубь материка. Династія Отмани представляетъ ту особенность, что всѣ члены ея родятся съ пальцеобразнымъ мясистымъ наростомъ у мизинца обѣихъ рукъ, а также у маленькаго пальца ногъ. Вслѣдствіе того ее прозвали „шестипалой династіей", хотя „шестой палецъ" почти не заслуживаетъ этого названія.

Земля Фодли принадлежитъ къ числу государствъ съ смѣшаннымъ народнымъ правомъ. Населеніе состоитъ отчасти изъ „гауа" (райя) т. е. деспотически управляемыхъ безправныхъ подданныхъ и частью изъ „kaḃayl", что въ переводѣ означаетъ „племена", но подъ этимъ словомъ подразумѣваютъ только „свободныя племена". Группа „гауа", хотя бы представляющая племенное единство, никогда не будетъ удостоена почетнымъ названіемъ „kaḃail". Одни „рауа" подлежатъ суду и произволу султана. Уголовное судопроизводство то же, что и въ Лахеджѣ, только расправа съ ворами еще короче. Послѣ первой кражи имъ отрубаютъ руку, послѣ второй преступника сажаютъ въ мѣшокъ и бросаютъ въ море. Вообще можно принять за общее правило, что всѣ жители городовъ—„гауа",а бедуины—„kaḃail", хотя граница между ними не всегда рѣзко обозначена. Положеніе племени зависитъ отъ его военнаго могущества. Основой общественнаго правосудія въ Аравіи служитъ правило, что „слабый всегда виноватъ". Едва бедуинское племя теряетъ силу, какъ вслѣдъ затѣмъ лишается и самостоятельности. „Kaḃail" скорѣе союзники, нежели подданные султана; онъ даже не рѣшается наказывать ихъ за преступленія. Въ землѣ Фодли господствуетъ наслѣдственная кровавая месть въ ея первобытномъ видѣ. При нарушеніи права собственности сильный всегда одерживаетъ верхъ надъ своимъ противникомъ. Если воръ недостаточно могущественъ, то его заставляютъ возвратить украденное, а иногда кромѣ того даже присуждаютъ къ денежному штрафу. Впрочемъ „kaḃail", какъ и всѣ бедуины, относятся крайне снисходительно къ кражѣ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда обѣ стороны одинако могущественны, обращаются къ вмѣшательству султана, который тогда принимаетъ на себя роль примирителя.

Вмѣшательство султана большей частью связано съ особенной процедурой, основанной на суевѣріи. Это такъ называемый „Божій судъ", который существуетъ почти во всѣхъ государствахъ южной Аравіи и до сихъ поръ въ такой же силѣ, какъ это было у насъ въ средніе вѣка. Испытаніе огнемъ составляетъ его обычную форму. Одному султану предоставлено право примѣнять Божій судъ; но вмѣсто него роль судьи обыкновенно исполняетъ его родственникъ, султанъ небольшаго государства Махръ, который считается чародѣемъ, способнымъ привести дѣло къ правильному рѣшенію. Такимъ образомъ во многихъ мелкихъ государствахъ южной Аравіи можно встрѣтить лицо (всегда одно), которому приписываютъ сверхъестественный даръ отличить праваго отъ виноватаго посредствомъ наложенія каленаго желѣза. Но такъ какъ

подобные чародѣи rarae aves и не каждое государство имѣетъ счастье обладать имъ, то обращаются къ чародѣю сосѣдняго племени.

Испытаніе огнемъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: если человѣка подозрѣваютъ въ убійствѣ и онъ не можетъ быть выславъ изъ страны по недостатку уликъ, то его приводятъ къ султану, который при допросѣ окруженъ родственниками убитаго, но только въ томъ случаѣ, если подсудимый не „raya“, потому что относительно послѣдняго самъ султанъ принимаетъ на себя обязанность кровнаго мстителя. Чародѣй разумѣется главное лицо при „Божьемъ судѣ“. Истецъ и подсудимый предварительно цѣлуютъ ему руки и онъ приступаетъ къ дѣлу: кладетъ желѣзо на жаровню, наполненную горячими угольями, бормочетъ молитвы, затѣмъ вытаскиваетъ раскаленный металлъ и прикладываетъ его къ языку подсудимаго. Если на языкѣ замѣтны слѣды ожога, то вина считается доказанной. Когда убійца „raya“, то султанъ немедленно произноситъ его смертный приговоръ. Если же онъ принадлежитъ къ „kabayl“, то кровные мстители ни въ какомъ случаѣ не могутъ тотчасъ напасть на него, такъ какъ онъ долженъ вернуться невредимымъ къ своему племени. Султанъ отвѣчаетъ за его безопасность. Кровная месть вступаетъ въ свои права, только съ того момента, когда преступникъ уличенный „Божьимъ судомъ“ вернулся въ свой домъ. Въ этомъ случаѣ, разумѣется, племя на сторожѣ, убійца тѣмъ болѣе; но такъ какъ отвѣтственность за совершенное преступленіе падаетъ не на него одного, а на каждаго принадлежащаго къ его племени, то не рѣдко случается, что вмѣсто него гибнетъ совершенно постороннее лице, какъ напр. маленькій пастухъ, котораго кровные мстители встрѣтили одинокимъ въ полѣ. Обыкновенно дѣло этимъ не ограничивается. Племя, къ которому принадлежитъ преступникъ осужденный „Божьимъ судомъ“, послѣ этого вторичнаго убійства ищетъ удовлетворенія въ новомъ (третьемъ) убійствѣ, за которымъ слѣдуетъ четвертое и такъ до безконечности, пока наконецъ опять не потребуется вмѣшательство султана. Если обѣ стороны находятъ, что достаточно пролито крови и число жертвъ у каждой изъ нихъ одинаково, то распря кончается миромъ. Впрочемъ нерѣдко испытаніе огнемъ ведетъ къ оправданію преступника. Несмотря на вѣру въ сверхъестественное могущество колдуна, туземцы стараются задобрить его, потому что все зависитъ отъ быстроты, съ какой онъ проведетъ по языку раскаленнымъ желѣзомъ.

Къ сѣверу отъ земли Фодли лежитъ Яфіа, которая распадается на три части, сообразно тремъ отдѣльнымъ, населяющимъ ее племеннымъ группамъ: Верхнюю и Нижнюю Яфіа и Рецацъ. Правосудіе носитъ здѣсь тотъ же характеръ, какъ у фодли; кровавая месть господствуетъ во всей силѣ. „Diyn“ или „кровныя деньги“ почти не въ употребленіи и считаются позоромъ; только тѣ довольствуются „diyn“, которые по слабости не рѣшаются на кровавую месть. Испытаніе огнемъ нигдѣ не примѣняется въ странѣ, равно и отсѣченіе рукъ. Въ городѣ воровъ наказываютъ 20—24 палочными ударами, равно и тѣхъ, которые имѣютъ сношенія съ распутными женщинами. Проституція строго запрещена, но большею частью игнорируютъ тѣхъ, которыя занимаются ею, а преслѣдуютъ только посѣтителей. Тюремнымъ заключеніемъ наказываютъ побои, нанесеніе ранъ, а также нерѣдко мелкіе воровства. Но все это примѣнимо въ городахъ и для „raya“. Въ селахъ и у kabayl господствуетъ кулачное право.

Въ Рецацѣ существуетъ рѣзкое различіе между „кабаилъ“ и „райя“. Къ послѣднимъ принадлежатъ всѣ жители Бедха, единственнаго торговаго города въ странѣ, затѣмъ „achdam“ (един. châdem) и „schumr“ (един. schimri) касты паріевъ южной Аравіи, которые разсѣяны между всѣми здѣшними племенами (H. v. Maltzan, a. a. O., s. 630—632).

Замѣчательно, что въ Аравіи, гдѣ духъ свободы и національная гордость достигли высшей степени развитія, мы находимъ на ряду съ независимыми племенами два класса людей, которые, хотя и не отличаются по вѣроисповѣданію отъ остальныхъ жителей страны, но представляютъ собой такихъ же отверженцевъ общества, какъ самые закоснѣлые еретики. Вездѣ, гдѣ только существуютъ паріи они исповѣдуютъ другую вѣру или же принадлежатъ къ какой либо особой сектѣ и отдѣлились отъ господствующей церкви. Въ южной Аравіи мы не видимъ ничего подобнаго, и поэтому здѣшніе паріи составляютъ исключительное явленіе, которое даже не встрѣчается въ Остъ-Индіи. Магометанство, признающее свободу и равенство всѣхъ „правовѣрныхъ", не въ силахъ было эманципировать упомянутыя касты въ южной Аравіи, что само по себѣ служитъ рѣзкимъ отличіемъ этой страны отъ центральной Аравіи. Эта страна обладала своеобразной культурой съ древнѣйшихъ временъ и даже послѣ своего упадка сопротивлялась центрально-аравійскому элементу. Хотя впослѣдствіи она должна была постепенно подчиниться послѣднему и болѣе или менѣе отрѣшиться отъ своихъ особенностей, но во многихъ отношеніяхъ упорно сохранила нѣкоторыя отдѣльныя, глубоко вкоренившіяся черты и, между прочимъ, существовавшія издавна касты паріевъ. Если паріи разсчитывали, что принятіе ислама поведетъ къ ихъ освобожденію, то они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Присущее странѣ кастовое дѣленіе оказалось сильнѣе эмансипирующаго вліянія магометанства. Исламъ не только не водворилъ равенства въ южной Аравіи, но, соотвѣтственно своеобразному религіозному пониманію ея обитателей, послужилъ поводомъ, чтобы воздвигнуть новую преграду между паріями и господствующимъ классомъ, такъ что послѣдній даже запретилъ одной изъ кастъ посѣщеніе мечетей. Эта неслыханная мѣра совершенно противорѣчитъ арабскимъ нравамъ, потому что по магометанскимъ понятіямъ однимъ иновѣрцамъ долженъ быть запрещенъ входъ въ мечеть, между тѣмъ, паріи такіе же мусульмане, какъ ихъ соотечественники. Но мы не должны упускать изъ виду, что всѣ наши понятія объ „арабскомъ" и „неарабскомъ" основаны исключительно на источникахъ, относящихся къ центральной Аравіи.

Слово ахдамъ - achdam (един. châdem) означаетъ „слуга" и это прозвище въ точности рисуетъ отношеніе паріевъ къ господствующей расѣ. Многіе промыслы въ пренебреженіи у гордыхъ бедуиновъ и ими занимаются ахдамъ. Они выдѣлываютъ кожу, стираютъ бѣлье, изготовляютъ глиняную посуду, бьютъ скотъ и считаются болѣе или менѣе оскверненными этими нечистоплотными промыслами хотя не въ такой степени, чтобы сдѣлать нечистыми предметы, исходящіе изъ ихъ рукъ, какъ у другой касты паріевъ шумръ-schumr (един. schimri). Ахдамъ допущены въ мечети, но имъ закрытъ доступъ въ дома арабовъ. Они живутъ особнякомъ, обыкновенно внѣ городовъ и мѣстечекъ. Даже въ Аденѣ, гдѣ кастовое дѣленіе не имѣетъ оффиціальнаго значенія, они сторонятся отъ своихъ соотечественниковъ и занимаютъ отдѣльный кварталъ.

Подобно тому, какъ колодникъ, заключенный въ исправительномъ заве-

деніи, не можетъ выдать себя за мирнаго гражданина, такъ и ахдамъ, живущіе въ земляхъ, гдѣ господствуютъ кастовыя понятія, лишены возможности скрыть свое общественное положеніе. Само собой разумѣется, что они неохотно сознаются въ томъ, что принадлежатъ къ паріямъ. Если вы спросите наединѣ кого нибудь изъ ахдамъ объ его общественномъ положеніи, то онъ выдастъ себя за бедуина. Но въ присутствіи послѣдняго онъ никогда не рѣшится на это во избѣжаніе брани и побоевъ, потому что бедуинъ неукротимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ задѣта его племенная гордость. Ахдамъ также не чужды своего рода племенной гордости. Нельзя нанести имъ большаго оскорбленія какъ спросить ихъ: не принадлежатъ-ли они къ классу шумръ? Они готовы принести всевозможныя клятвы, чтобы очистить себя отъ этого обвиненія, и имъ всего тяжелѣе необходимость выслушивать подобныя вещи. Само собой разумѣется, что они не могутъ отомстить за обиду чужестранцу или арабу. Но горе тому шимри (един. отъ шумръ), который выдастъ себя за хадемъ (един. отъ ахдамъ). Это обыкновенно бываетъ въ томъ случаѣ, когда вы спросите шимри: какой онъ касты? и при разговорѣ не присутствуетъ хадемъ, такъ какъ всѣ шумръ проникнуты сознаніемъ, что они ничтожнѣе ахдамъ и даже не пытаются выдать свою касту за нѣчто лучшее. Представители обѣихъ кастъ отрекаются отъ своего происхожденія. Каста сама по себѣ есть нѣчто насильственное, чѣмъ она существенно разнится отъ другихъ расовыхъ отличій. Такъ напримѣръ евреи въ южной Аравіи въ соціальномъ отношеніи безусловно поставлены въ такія-же неблагопріятныя и даже нерѣдко худшія условія, нежели ахдамъ и шумръ. Но еврею никогда не прійдетъ въ голову отрицать свою національность. Онъ, наоборотъ, гордится ею, какъ нѣкогда мученики христіанства своей вѣрой, ради которой они равнымъ образомъ сдѣлались отщепенцами общества.

Ахдамъ также тщательно избѣгаютъ шумръ, какъ бедуины избѣгаютъ самихъ ахдамъ. Каста шумръ представляетъ крайне своеобразное явленіе, которое ограничивается извѣстной мѣстностью. Въ то время, какъ ахдамъ распространены во всей южной Аравіи, то есть отъ Іемена до Омана, шумръ встрѣчаются собственно въ одномъ Іеменѣ. Уже въ Яфіа, которая также принадлежала нѣкогда къ государству имамовъ они совершенно неизвѣстны. Но съ другой стороны мы находимъ шумръ во всѣхъ городахъ Іемена, хотя и тутъ они живутъ особнякомъ, какъ въ Аденѣ, гдѣ они занимаютъ еще болѣе отдаленныя улицы, нежели ахдамъ. Разумѣется въ Аденѣ неудобно было запретить имъ посѣщеніе мечети, но во всѣхъ другихъ странахъ, внутри страны мечети закрыты для нихъ, хотя они, какъ упомянуто выше, держатся того же вѣроисповѣданія, какъ и господствующая раса. Гдѣ послѣдняя состоитъ изъ суннитовъ, тамъ шумръ также сунниты; между тѣмъ какъ въ центральномъ Іеменѣ они принадлежатъ къ сектѣ цаиди, которая здѣсь является преобладающей. Причина, почему имъ не дозволяютъ присутствовать при богослуженіи, должна имѣть болѣе глубокое традиціонное основаніе, потому что всѣ тѣ объясненія, какія мы обыкновенно слышимъ отъ арабовъ, не выдерживаютъ критики. Такъ, напримѣръ, арабы говорятъ, что шумръ сдираютъ шкуры съ убитаго скота и пропахли мертвчиной (существуетъ даже подозрѣніе, что они питаются падалью), хотя многіе шумръ совсѣмъ не занимаются этимъ промысломъ. Большинство ихъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ въ качествѣ уличныхъ пѣвцовъ, музыкантовъ, барабанщиковъ, и хотя этого рода занятія также въ презрѣніи, но сами по себѣ въ общественномъ отношеніи нисколько не унизительнѣе тѣхъ промысловъ, какіе распространены между ахдамъ. Тѣмъ не менѣе духъ касты настолько силенъ, что шумръ могутъ заниматься чѣмъ угодно и все-таки никогда не выйдутъ изъ своего унизительнаго общественнаго положенія. Оно принадлежитъ имъ по рожденію, независимо отъ профессіи.

Въ Іеменѣ большая часть промысловъ, которыми пренебрегаютъ арабы, на-

ходится исключительно въ рукахъ ахдамъ, такъ что весьма немногіе изъ нихъ остаются на долю шумръ. Къ числу такихъ промысловъ принадлежитъ сдираніе шкуръ съ убитаго скота. Естественно, что при этихъ условіяхъ они въ большинствѣ случаевъ осуждены на крайнюю нищету. Равнымъ образомъ можно предположить, что ихъ нравственность не всегда безъукоризненная, хотя несомнѣнно, что обвиненія арабовъ крайне преувеличены. Такъ напримѣръ несогласимо съ здравымъ смысломъ, чтобы женщины шумръ торговали своей красотой, потому что тутъ невольно является вопросъ: кого собственно могутъ онѣ прельщать? Если вы спросите относительно этого араба, то онъ затрудится дать опредѣленный отвѣтъ, потому что ни одинъ изъ его соплеменниковъ не рѣшится вступить въ сношенія съ паріа, хотя бы она была такъ хороша, какъ Клеопатра. Что-же касается ахдамъ, то они еще больше предубѣждены противъ шумръ, нежели арабы. Въ Аденѣ странствующія пѣвицы изъ касты шумръ подчасъ попадаются въ сводничествѣ. Но онѣ никогда не примѣняютъ этаго ремесла къ своимъ соплеменникамъ. Замѣчательно, что даже тѣ женщины шумръ, которыя занимаются сводничествомъ, заставляютъ изъ пуританизма своихъ мужей сопровождать ихъ въ тѣ дома, гдѣ онѣ приглашены въ мужское общество для пѣнія. Всѣ шумръ, а именно женщины, отличаются необыкновенной живостью. Обыкновенно онѣ проводятъ жизнь на улицѣ, играютъ, поютъ, и при этомъ находятся въ постоянномъ движеніи. Пѣсни женщимъ большей частью эротическаго характера, хотя никогда не переходятъ границъ приличія. Въ языкѣ и физіономіи шумръ нѣтъ никакихъ особенностей, изъ которыхъ можно было бы вывести какія либо заключенія, относительно ихъ происхожденія. Весьма вѣроятно, что они представляютъ остатки самобытнаго народа, уже не существующаго въ видѣ отдѣльной націи, хотя нельзя доказать, а еще менѣе опредѣлить, какой это былъ народъ. Въ южной Аравіи они приблизительно поставлены въ тѣ же условія, какъ нѣкогда гелоты въ Спартѣ.

Ахдамъ, повидимому, другаго происхожденія и въ этнологическомъ отношеніи не составляютъ самобытной націи. Даже въ настоящее время случается, хотя довольно рѣдко, что арабъ, преимущественно изъ низшаго класса городскихъ жителей, вслѣдствіе бѣдности, становится хадемъ. Выпущенные на волю негры также часто вступаютъ въ эту касту. Шимри, наоборотъ, можно сдѣлаться только по рожденію. Положеніе ахдамъ зависитъ отъ промысла, который также большей частью передается по наслѣдству, хотя иногда случается, что за тотъ или другой промыселъ берутся совершенно посторонніе люди. Впрочемъ паріа, какъ бы въ видѣ вознагражденія за общественую несправедливость, пользуются тѣмъ преимуществомъ, что они совершенно освобождены отъ всякихъ податей. Считается позоромъ, если султанъ или шейкъ чѣмъ либо пользуется отъ ахдамъ, и, наоборотъ, среди арабовъ прославляютъ тѣхъ, которые щедро награждаютъ ихъ, особенно въ томъ случаѣ, если они усладили слухъ хозяина дома игрой на своихъ музыкальныхъ инструментахъ. Во время праздества арабы хвастуютъ другъ передъ другомъ щедрыми подарками, и этотъ обычай весьма выгоденъ для музыкантовъ. Просьба ахдамъ должна быть непременно исполнена, такъ что во время свадьбы они нерѣдко разоряютъ вступающаго въ бракъ выпрашиваньемъ милостыни (H. v. Maltzan im Ausland. 1871. s. 1024—1028).

Слово „ахдамъ“ получаетъ другой смыслъ внѣ Іемена; но тѣмъ не менѣе паріи существуютъ во всей южной Аравіи, хотя подъ другими именами. Въ землѣ Аудели, къ востоку отъ Сафиса, они называются „merâfai“, „deschân“, соотвѣтственно музыкальнымъ инструментамъ, на которыхъ они играютъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ нѣтъ шумръ, ремесломъ странствующихъ музыкантовъ занимаются ахдамъ.

По близости Годера, столицы Аудели находится особая деревня Месфегга, исключительно населенная „merâfai“. Въ земляхъ Аулаги и Вахидѣ они извѣстны подъ именемъ „ahl haik“, т. е. „ткачи“, такъ какъ они занимаются этимъ промысломъ. Нѣкоторые города населены этими „ahl haik“, какъ напримѣръ городъ Раудха между Хота и Хатбаномъ. Въ Хадрамаутѣ паріи носятъ названіе „zabih“, т. е. мясники, такъ какъ и здѣсь они названы сообразно своему ремеслу.

Вообще въ Хадрамаутѣ сословные предразсудки особенно сильны. Различаютъ пять степеней или ранговъ: 1) Шерифы, мнимые потомки пророка. 2) „Амуди“, потомки Иза бенъ Амудъ, султановъ и властелиновъ въ Вади Dô'анъ; собственно въ Хадрамаутѣ господствуетъ родъ Кетхири. 3) Бедуины, которые въ качествѣ воиновъ стоятъ выше, нежели 4) осѣдлое населеніе „harrat“ (крестьяне). 5) „Zabih“, мясники, къ нимъ же причисляютъ горшечниковъ. Ahl haik (ткачи) въ Хадрамаутѣ не принадлежатъ къ паріямъ.

Въ землѣ Вахиди существуютъ слѣдующія подраздѣленія: 1) Шерифы. 2) Султанъ и его фамилія. 3) „Мешаихъ“, родъ духовнаго дворянства, основаннаго на происхожденіи отъ святыхъ, но не отъ пророка, подобно шерифамъ. 4) Богатые купцы. 5) Бедуины. 6) Крестьяне. 7) Ahl haik, вышеупомянутые паріи. Впрочемъ представители всѣхъ классовъ могутъ находиться совмѣстно въ одномъ домѣ и даже комнатѣ, но съ тою разницей, что лица привилегированныхъ классовъ занимаютъ почетныя мѣста, а паріи должны оставаться у дверей. Французскій путешественникъ Жозефъ Галеви подробно познакомилъ насъ съ крайне своеобразными соціальными условіями, существующими въ землѣ Джауфѣ. Здѣсь общество дѣлится на шерифовъ, господъ или дворянъ и подданныхъ „Oerâwi“. Къ послѣднимъ причисляются также евреи, хотя законъ относительно ихъ допускаетъ различныя уклоненія отъ общихъ правилъ.

Шерифы, въ качествѣ дѣйствительныхъ или мнимыхъ потомковъ Магомета пользуются наибольшимъ почетомъ. Адольфъ фонъ-Вреде, въ видѣ привѣтствія, поцѣловалъ руку своего хозяина и его сыновей, которые были всѣ шерифы; кромѣ того ему пришлось выполнить своеобразную церемонію, которую онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Когда я поцѣловалъ руку шейху, то обратился къ присутствующимъ и, сообразно обычаю, произнесъ слова: „Hak esch Scheraf“ (т. е. право шерифовъ), послѣ чего немедленно всѣ шерифы, саидъ (спеціальное названіе потомковъ Гассана) и въ томъ числѣ двѣнадцатилѣтній мальчикъ протянули мнѣ свои руки. Меня заставили по очереди приложиться къ нимъ, не столько для поцѣлуя сколько для обнюхиванья, потому что, по существующему убѣжденію, руки шерифа пахнутъ святостью, и на того, кто вдыхаетъ этотъ запахъ, нисходятъ всѣ небесныя блага“. Въ Джауфѣ число шерифовъ также значительно, какъ и въ Хадрамаутѣ, и они оказываютъ такое же вредное вліяніе на нравы бедуиновъ. Равнымъ образомъ и здѣсь они пользуются большимъ духовнымъ значеніемъ, несмотря на свое скандальное поведеніе, потому что сообразно арабскимъ понятіямъ „личность проповѣдника и проповѣдуемая имъ нравственность двѣ совершенно различныя вещи“. Такимъ образомъ, нерѣдко люди, извѣстные своимъ дурнымъ поведеніемъ, слу-

жатъ при мечетяхъ и достигаютъ высшихъ духовныхъ должностей. Изъ этого Галеви выводитъ заключеніе, что практическое примѣненіе упомянутой аксіомы составляетъ настоящую силу ислама и главнѣйшую причину быстраго распространенія ислама въ Азіи и Африкѣ, которое продолжается и до сихъ поръ. За исключеніемъ Сана и другихъ большихъ городовъ масса народа въ Іеменѣ относится крайне равнодушно къ Корану. Молитва въ пренебреженіи, и Галеви утверждаетъ, что онъ никогда не встрѣчалъ у арабовъ того религіознаго воодушевленія, какимъ отличаются магометане въ Африкѣ. Къ тому же выводу пришелъ Вреде относительно Хадрамаута. Бедуины и тутъ отличаются шаткостью вѣры, никогда не молятся, не заботятся о разрѣшеніи грѣховъ, но чувствуютъ родъ суевѣрнаго страха къ „morâbit“, священнымъ могиламъ и къ фанатичному духовенству городскаго и осѣдлаго населенія. Это даетъ послѣднему возможность возвыситься въ глазахъ бедуиновъ и извлечь пользу изъ ихъ суевѣрія, тѣмъ болѣе, что колдовство внушаетъ имъ непреодолимый ужасъ, и всякій, кто умѣетъ читать и писать, слыветъ за мудреца, изучившаго самыя сокровенныя науки, а слѣдовательно и колдовство. Но вообще предписанія ислама не имѣютъ особеннаго значенія въ южной Аравіи. У „kabayl“ Джауфа гражданскія и уголовныя законоположенія Корана до сихъ поръ не вошли въ употребленіе. Каждая „kabayl“ имѣетъ свое устное обычное право, извѣстное только наиболѣе вліятельнымъ людямъ. Юрисдикція Архаба, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, совершенно отличается отъ той, какая существуетъ у сосѣднихъ племенъ. Галеви пріѣхалъ въ южную Аравію съ предвзятымъ мнѣніемъ, что встрѣтитъ здѣсь господство чистаго ислама, но вмѣсто этого онъ увидѣлъ мѣстныя, традиціонныя учрежденія, подверженныя постояннымъ колебаніямъ. Если законъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ времени, то собраніе старшинъ отмѣняетъ его и тотчасъ же составляется текстъ новаго закона. Существуетъ даже родъ международнаго кодекса, который долженъ регулировать отношенія отдѣльныхъ племенъ. Затѣмъ установленъ постоянный оборонительный союзъ между ямъ (племена въ Недж-ранѣ), дху-Хузейномъ и дху-Мугаммедомъ, что однако не мѣшаетъ имъ воевать другъ съ другомъ и въ случаѣ обиды искать удовлетворенія въ видѣ кровной мести. При заключеніи этого рода союзовъ, какъ въ самомъ племени, такъ и между нѣсколькими „kabayl“, шерифы играютъ первую роль, но они никогда не рѣшаются нарушить традиціонные обычаи, чтобы дать перевѣсъ религіознымъ предписаніямъ. Шерифы видятъ въ племенныхъ раздорахъ источникъ богатства и хотѣли бы продлить ихъ до безконечности. Они почти всегда являются зачинщиками внутреннихъ распрей, которымъ придаютъ религіозную окраску. Всякій нападающій имѣетъ въ нихъ естественныхъ союзниковъ. Они хорошіе наѣздники, и поэтому ихъ содѣйствіе при стычкѣ въ открытомъ полѣ имѣетъ большую важность. Помимо значительной доли добычи они получаютъ ежемѣсячно денежное вознагражденіе, доходящее до 150 франковъ. Къ ихъ помощи прибѣгаютъ и въ частныхъ дѣлахъ, не говоря о томъ, что безъ ихъ участія не предпринимается ни одинъ походъ въ Аравіи. Еще до начала непріязненныхъ дѣйствій, ведущіе войну стараются склонить на свою сторону одного или даже нѣсколькихъ шерифовъ, которымъ, по общему отзыву, открытъ сокровенный смыслъ Корана, чтобы они предали проклятію ихъ враговъ. Послѣ произнесенія проклятій шерифы приступаютъ къ извѣстнымъ мистическимъ священнодѣйствіямъ, чтобы сдѣлать ихъ ненарушимыми. Армія, въ рядахъ которой находятся шерифы, чувствуетъ свою нравственную силу, не только потому, что разсчитываетъ на покровительство потомковъ Магомета, но и вслѣдствіе глубокой вѣры въ талисманы, розданные шерифами всѣмъ воинамъ за извѣстную плату, какъ надежное средство противъ ранъ. Разочарованіе въ этомъ случаѣ вовсе не ослабляетъ вліянія шерифовъ и даже, наоборотъ, увеличиваетъ его, такъ какъ неудача постигшая

одну изъ партій только служитъ доказательствомъ, что шерифы противниковъ превосходятъ своихъ товарищей въ святости и каббалистической мудрости. Передъ слѣдующей войной побѣжденное племя употребитъ всѣ усилія, чтобы склонить на свою сторону шерифовъ, оказавшихъ такія важныя услуги ихъ побѣдителямъ. Такимъ образомъ потомки Магомета не могутъ представить себѣ другихъ условій существованія, кромѣ войны, потому что для людей такого высокаго званія немыслимо взяться за какое нибудь унизительное ремесло или мелкое предпріятіе, которое приноситъ мало чести и еще менѣе прибыли. Число шерифовъ увеличивается до невѣроятности и Аравія была бы переполнена ими, еслибы война ежегодно не уничтожала ихъ въ значительномъ количествѣ. Сверхъ того многіе изъ этихъ благочестивыхъ рыцарей переселяются въ Хадрамаутъ и Африку. На африканской почвѣ шерифы превращаются въ апостоловъ и водворяютъ здѣсь систему строгости и благочестія, къ которой трудно склонить болѣе разсудительныхъ сыновъ Аравіи. Благодаря быстрымъ успѣхамъ ислама среди негритянскихъ народовъ, шерифы могутъ смѣло разсчитывать на выгодныя мѣста въ качествѣ политическихъ или религіозныхъ предводителей. Большая часть магометанскихъ королевствъ Судана основана выселившимися арабскими шерифами.

Послѣ шерифовъ вторую наиболѣе значительную касту составляютъ свободные или привиллегированные люди, которые по своему общественному положенію, во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ средневѣковое поземельное дворянство. Они фактически владѣютъ землей и недвижимыми имуществами страны. Ихъ поля воздѣлываются рабами или подданными, которымъ они предоставляютъ часть жатвы. Ручная работа для нихъ дѣло непривычное, но они отчасти занимаются торговлей и путешествуютъ съ караванами. Нерѣдко юный представитель этой касты, при отсутствіи другихъ средствъ къ существованію, предпринимаетъ набѣгъ на одно изъ сосѣднихъ племенъ. Если онъ выслѣдилъ мѣсто, гдѣ пасутся лошади или коровы, то ложится въ засаду, чтобы украсть нѣсколько животныхъ; подчасъ онъ проводитъ здѣсь цѣлые дни и даже недѣли, терпитъ голодъ и жажду, прежде чѣмъ ему удастся выполнить свой планъ. Когда нѣсколько человѣкъ стерегутъ стадо, тогда дѣло затягивается, но если одинъ пастухъ, то разбойникъ рѣшается на всѣ средства, чтобы избавиться отъ послѣдняго, нападаетъ на него ночью или вступаетъ съ нимъ въ рукопашный бой. Въ случаѣ побѣды онъ забираетъ съ собой добытые трофеи, и съ этого момента судьба его обезпечена; онъ пріобрѣтаетъ извѣстность среди своего племени; поэты восхваляютъ его въ своихъ пѣсняхъ. Этого рода хищничество настолько въ правахъ Джауфа, что сами матери подвязываютъ мечъ своимъ сыновьямъ, когда они снаряжаются въ подобныя экспедиціи. Но и при этихъ разбойничьихъ набѣгахъ соблюдаются извѣстныя правила чести: всѣ средства считаются дозволенными относительно врага, который въ состояніи сопротивляться; если же кто убиваетъ беззащитныхъ субъектовъ, то онъ совершаетъ безчестное дѣло. Къ послѣднимъ относятся женщины, евреи и необрѣзанные юноши. Вообще обрѣзаніе признается актомъ зрѣлости и торжественнаго вступленія въ военную жизнь. Если кто изъ взрослыхъ не рѣшается на подобную операцію, того считаютъ трусомъ, и его прикосновеніе можетъ только осквернить противника, который болѣе или менѣе дорожитъ своей репутаціей. Въ случаѣ большой опасности, когда всѣ люди способные носить оружіе выступаютъ въ походъ, стада остаются на попеченіи женщинъ и подростковъ, чтобы хотя до извѣстной степени защитить ихъ отъ внезапнаго нападенія.

Третій классъ населенія носитъ названіе „oerawi". Они находятся безусловно въ подчиненномъ состояніи, не принимаютъ никакого участія въ обсужденіи дѣлъ племени и во всѣхъ отношеніяхъ зависятъ отъ произвола землевладѣльцевъ, которые передаютъ ихъ по завѣщанію своимъ наслѣдникамъ.

Однимъ словомъ „oerawi"—крѣпостные въ полномъ значеніи этого термина. Хотя они не въ такой степени привязаны къ мѣсту, какъ рабы, но равнымъ образомъ не могутъ имѣть никакой собственности. Весь ихъ заработокъ принадлежитъ землевладѣльцу, который въ случаѣ надобности можетъ воспользоваться имъ. „Oerawi" обязанъ въ извѣстное время года обработывать поля своего господина, платить ему десятую часть своей жатвы и слѣдовать за нимъ во время войны, чтобы доставить ему необходимыя справки относительно расположенія непріятельскаго войска. „Oerawi" не имѣетъ права ѣздить верхомъ, носить чалму и огнестрѣльное оружіе; но ему не запрещено имѣть копье или мечъ. Господинъ обязанъ защищать своихъ подданныхъ противъ нападенія дворянъ или людей другихъ классовъ. Этого рода обязательство нерѣдко влечетъ за собой роковыя послѣдствія для семьи землевладѣльца, но правило noblesse oblige имѣетъ въ Аравіи болѣе значенія, нежели гдѣ либо. Титулъ „dschâr" (множ. dschirân), т. е. „защитникъ", принятый господиномъ относительно oerâwi, настолько льститъ его самолюбію, что онъ готовъ подвергнуться и тѣмъ опасностямъ, которыя нерѣдко связаны съ нимъ. Эта феодальная система не была введена въ Аравіи мусульманскимъ завоеваніемъ, но существовала еще во времена древнѣйшаго сабейскаго государства. Іерархія была, повидимому, установлена традиціями съ незапамятной эпохи, такъ какъ въ сабейскихъ надписяхъ встрѣчается множество именъ, обозначающихъ различныя степени дворянства и крѣпостной зависимости.

Кромѣ туземнаго населенія, большей частью сабейскаго происхожденія, въ Джауфѣ живетъ небольшое число евреевъ, которые составляютъ особый классъ и по своему общественному положенію находятся въ самыхъ печальныхъ условіяхъ. Израильтянскія общины Джауфа преимущественно обязаны своимъ существованіемъ переселенцамъ, потому что евреи, проживъ здѣсь пять—десять лѣтъ, обыкновенно возвращаются въ горы. Дальнѣйшее пребываніе въ Джауфѣ считается опаснымъ. Дѣйствительно, въ низменностяхъ господствуютъ лихорадки, желтуха и страданія печени, которыя особенно распространены и проявляются внезапной потерей сна и аппетита. Первый мѣсяцъ по окончаніи дождливаго времени считается особенно неблагопріятнымъ въ санитарномъ отношеніи, и всѣ болѣе или менѣе достаточные люди проводятъ это время въ горахъ. Такимъ образомъ еврейскія общины въ Джауфѣ почти исключительно состоятъ изъ юношей, семьи которыхъ живутъ въ другихъ мѣстахъ.

Евреи, подобно „oerâwi", составляютъ собственность землевладѣльца, который съ своей стороны обязанъ защищать ихъ; вся разница заключается въ томъ, что еврей по прибытіи въ Джауфъ самъ избираетъ себѣ господина, которому желаетъ служить. Чтобы заручиться защитой дворянина, онъ даритъ ему полотно и различныя украшенія его женѣ и дочерямъ; если пріемъ былъ милостивый, то онъ начинаетъ строить своему новому господину домъ или садовую стѣну и сверхъ того посылаетъ въ подарокъ корову или козу. Эта процедура утверждаетъ крѣпостную зависимость просителя и ставитъ господина въ необходимость защищать его. Еврей нерѣдко заручается одновременно нѣсколькими защитниками, что нисколько не противорѣчитъ арабскимъ нравамъ. Такимъ образомъ онъ становится рабомъ нѣсколькихъ дворянскихъ фамилій, что при ихъ взаимномъ соревнованіи доставляетъ ему извѣстнаго рода обезпеченіе, потому что, еслибы кто изъ господъ вздумалъ притѣснять его, то остальные приняли бы его подъ свою защиту. Само собой разумѣется, что при этихъ условіяхъ ему приходится терять не мало времени на службу нѣсколькимъ господамъ, изъ которыхъ ни одинъ не заботится объ его прокормленіи. Сверхъ того, всѣ эти предосторожности вовсе не ограждаютъ его отъ безпрерывныхъ оскорбленій со стороны народа, которыя онъ переноситъ безропотно съ своей обычной покорностью. Только въ синагогѣ евреи, поль-

зуясь предоставленной имъ религіозной свободой, нарушаютъ ночной сонъ арабовъ своимъ крикомъ и возгласами и этимъ способомъ мстятъ имъ за всѣ ихъ преслѣдованія. Вслѣдствіе другой особенности арабскихъ нравовъ, на ряду со всевозможными притѣсненіями, евреямъ предоставлено право публично бранить своихъ мучителей съ высоты крышъ. Еврейки широко пользуются этимъ правомъ и осыпаютъ площадной бранью и насмѣшками арабовъ, проходящихъ мимо ихъ домовъ. Домъ еврея, хотя бы построенный имъ самимъ. считается собственностью его господина, и только терраса на крышѣ составляетъ родъ его неприкосновеннаго убѣжища, гдѣ всякое нарушеніе правъ хозяина служитъ для послѣдняго поводомъ къ мести. Если еврей или „oerawi“ ограбленъ соплеменникомъ своего господина, то этотъ долженъ наказать вора или, по крайней мѣрѣ, принудить его къ выдачѣ похищенныхъ вещей. Около полуночи, когда всѣ погружены въ глубокій сонъ, онъ выходитъ на улицу и, прогуливаясь взадъ и впередъ передъ своимъ домомъ, выкрикиваетъ непрерывно: „О горе! О горе! лицо мое почернѣло какъ уголь!“ Онъ дѣлаетъ это съ цѣлью устыдить вора, и затѣмъ въ преувеличенныхъ выраженіяхъ описываетъ внѣшность похищеннаго предмета. Три ночи сряду повторяетъ онъ эту церемонію, послѣ чего начинаетъ непріязненныя дѣйствія противъ семьи вора, которыя нерѣдко кончаются кровопролитіемъ, если во время не заключенъ миръ. Послѣдній возвѣщается истцомъ, который обращается къ вору и если этого нѣтъ въ живыхъ, то къ его наслѣднику со словами: „Да будетъ миръ, мое лицо снова побѣлѣло, какъ снѣгъ!“

Въ Джауфѣ рѣдко пропадаютъ оставленные кѣмъ либо вещи, такъ что караваны часто сваливаютъ на концѣ улицы тюки, которыхъ имъ неудобно взять съ собой, и находятъ ихъ нетронутыми послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія. Это тѣмъ поразительнѣе, что кража наказывается здѣсь менѣе строго, нежели въ земляхъ съ центральнымъ управленіемъ, гдѣ ворамъ отсѣкаютъ руки. Чувство чести, единственный мотивъ этого способа дѣйствій: уроженецъ Джауфа, который не останавливается ни передъ какимъ преступленіемъ для удовлетворенія своихъ страстей или корыстолюбія, избѣгаетъ малодушныхъ поступковъ изъ боязни навлечь на себя общее презрѣніе. Между тѣмъ убійство составляетъ обыденное явленіе, даже среди близкихъ, и не влечетъ за собой смерти убійцы, если онъ можетъ заплатить установленный обычаемъ выкупъ, размѣръ котораго мѣняется сообразно богатству страны. Въ Джауфѣ выкупъ за убійство дворянина доходитъ до 2000 коровъ, за „oerawi“ только 500. Если убитъ еврей, то за него положенъ выкупъ въ 501 корову, изъ которыхъ одна достается семьѣ убитаго, а остальные 500 его господину, также какъ въ случаѣ убійства „oerawi“. Замѣчательно, что по закону жизнь презираемаго иновѣрца-еврея цѣнится выше, нежели „oerawi“, который все таки принадлежитъ къ правовѣрнымъ мусульманамъ. Разница между этими двумя элементами крѣпостнаго сословія весьма значительна и замѣтна съ перваго взгляда. Въ то время, какъ „oerawi“ старается заслужить милость своего господина безграничной покорностью, еврей ненавидитъ его отъ глубины души и пользуется всякимъ случаемъ, когда можетъ принести ему какой либо вредъ. Онъ пускается на всевозможныя хитрости и уловки, чтобы избѣгнуть притѣсненій. Если ничто не помогаетъ, то онъ прибѣгаетъ къ слезамъ, жалобамъ и вздохамъ, и этимъ способомъ добивается нѣкоторыхъ облегченій. Нѣсколько минутъ спустя послѣ этого, онъ смѣется надъ глупостью господина среди своихъ домашнихъ; при этомъ, какъ во всѣхъ случаевъ, когда евреи хотятъ потѣшиться надъ арабами, онъ употребляетъ особый жаргонъ, непонятный для мусульманъ вслѣдствіе примѣси еврейскихъ словъ.

Считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя подробности, которыя даютъ наглядное понятіе о взаимной ненависти арабовъ и евреевъ. Послѣдніе, изъ которыхъ большинство золотыхъ дѣлъ мастера. имѣютъ всегда доступъ въ

покои аравитянокъ, куда они являются съ своимъ товаромъ, не возбуждая этимъ ни малѣйшаго подозрѣнія, какъ вслѣдствіе своей признанной нравственности, такъ и трусости. Тѣмъ не менѣе одинъ шерифъ, прибывшій изъ Мекки, сталъ однажды доказывать туземцамъ всю несообразность подобной довѣрчивости. Тогда арабы призвали евреевъ и спросили ихъ мнѣніе относительно аравитянокъ. Евреи возразили, что считаютъ ихъ нечистыми существами, которыя могутъ осквернить человѣка однимъ своимъ прикосновеніемъ. Этотъ отвѣтъ понравился присутствующимъ въ смыслѣ нагляднаго рѣшенія вопроса. Не менѣе велика антипатія арабовъ къ еврейкамъ, которыя ходятъ безъ покрывала и не лишены красоты, такъ что въ этомъ отношеніи почти никогда не бываетъ столкновеній между обоими народами. Равнымъ образомъ въ матеріальныхъ и нравственныхъ условіяхъ повседневной жизни мало гармоніи между арабами и евреями. Первые работаютъ только по необходимости и стараются при первой возможности избавиться отъ унизительнаго занятія; евреи же смотрятъ на трудъ, какъ на исполненіе священнаго долга, возложеннаго на нихъ традиціями ихъ расы. Почти вся промышленность Аравіи въ рукахъ евреевъ, среди которыхъ можно встрѣтить оружейныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, мѣдниковъ, портныхъ, башмачниковъ, каменьщиковъ, кожевниковъ, красильщиковъ, гончаровъ, плотниковъ и кузнецовъ; они также охотно занимались бы винокуреніемъ и земледѣліемъ, но послѣдній имамъ запретилъ имъ эти занятія. Предметы первой необходимости, равно и роскоши большей частью изготовляются евреями, которые до извѣстной степени поддерживаютъ чувство изящнаго среди полудикихъ ордъ пустыни, которыя безъ нихъ возвратились бы къ состоянію полнаго варварства. Хотя здѣшніе евреи не создали ничего самобытнаго, но они обладаютъ необыкновенными способностями къ подражанію; іеменскіе писцы считаются лучшими еврейскими каллиграфами; ихъ рукописи замѣчательно красивы и опрятны.

Но всѣ эти занятія нисколько не отвлекаютъ ихъ отъ умственной дѣятельности. Бѣднѣйшій еврей въ Іеменѣ умѣетъ читать и писать, между тѣмъ какъ у арабовъ грамотный человѣкъ составляетъ исключеніе. Воспитаніе дѣтей имѣетъ религіозное направленіе и ведется сообразно заведенной рутинѣ, которая представляетъ то преимущество, что сохраняетъ чистоту выговора еврейскаго языка въ томъ видѣ, въ какомъ онъ перешелъ изъ массоретскихъ школъ западной Сиріи, въ первомъ столѣтіи христіанской эры. Талмудская ученость, которой гордятся евреи въ восточной Европѣ, не играетъ никакой роли въ Аравіи, гдѣ даже нѣтъ талмудскихъ рукописей; но съ другой стороны здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы-то ни было распространено знаніе религіозно-обрядовыхъ предписаній („dinim“). Поэтому чуть ли не каждый еврей въ южной Аравіи раввинъ и носитъ отличительные знаки этого званія, которые даютъ ему право убивать скотъ и дѣлать мясо съѣдобнымъ, что какъ извѣстно связано съ соблюденіемъ различныхъ казуистическихъ тонкостей. Сверхъ того іеменскіе евреи оказываютъ человѣчеству сомнительную услугу изученіемъ мистицизма въ духѣ Зохара и каббалистической школы Лурія, которая образовала здѣсь новую отрасль. Чужестранца особенно поражаетъ, когда онъ слышитъ кузнецовъ, которые, съ молотомъ въ рукѣ, разсуждаютъ о теоріи божественнаго исхожденія и смѣлыхъ умозрѣніяхъ неоплатонической философіи (Joseph Hàlevy. Voyage au Nedijan въ Bull. Soc. géograph. de Paris. 1873. II s. 587—599).

Полную противоположность съ вышеупомянутыми жителями Аравіи, представляетъ группа измаильтянъ, а именно тѣхъ арабовъ, которые занимаютъ центръ и сѣверъ полуострова, и за предѣлами его значительную часть Сиріи, Сирійской пустыни и Месопотаміи. Эти сѣвер-

ные арабы по преимуществу бедуины; осѣдлое населеніе встрѣчается только на берегу Краснаго моря въ небольшихъ мѣстечкахъ, которыя, не исключая даже Мекки и Медины, мѣсторожденія ислама, едва заслуживаютъ названія городовъ. Ни у одного народа колыбелью религіи не послужила такая безплодная почва, какъ у арабовъ. На необозримомъ пространствѣ тянутся обнаженные песчаные холмы и скалистыя горы, гдѣ изъ разсѣлинъ выглядываетъ низкій тернистый кустарникъ, скудно питаемый ночными росами; только кое-гдѣ по берегамъ ручьевъ ростетъ трава и разсѣяны одинокія финиковыя пальмы и кусты амириса. Палящее солнце освѣщаетъ вертикальными лучами эту неприглядную картину; время отъ времени проносится вихрь и поднимаетъ клубами раскаленный песокъ. Только, когда наступаетъ буря съ дождемъ, великолѣпіе тропической природы выступаетъ во всей красѣ, или ночью, когда на ясномъ синемъ небѣ свѣтятся Плеяды и другія звѣзды, нарушается печальное однообразіе. Въ необозримыхъ пустыняхъ, которыя простираются отъ скалистыхъ береговъ Краснаго моря до Евфрата и Персидскаго залива и отъ границъ Іемена и Хадрамаута до Сиріи, съ древнѣйшихъ временъ кочуютъ пастухи или бедуины. У этихъ дикихъ сыновъ пустыни, ведущихъ разбойничью жизнь, полную приключеній, не только издавна процвѣтала поэзія, но впервые возникъ исламъ, имѣвшій міровое значеніе, который среди культурныхъ религій новѣйшаго времени, несомнѣнно занимаетъ низшее мѣсто.

Подробное изложеніе исламскаго ученія не входитъ въ задачу нашей книги, поэтому мы ограничимся краткимъ критическимъ обзоромъ его внутренняго значенія, заимствуя главныя положенія изъ характеристики ислама Лудольфа Креля (Ludolf Krehl: Beiträge zur Charakteristik der Lehre vom Glauben im Islam Leipzig 1877). Всѣми признано, что исламъ заключаетъ въ себѣ чисто религіозныя основанія; но они настолько извращены чуждыми элеменами, что ему не достаетъ той глубины внутренняго содержанія, какая необходима для цѣльной религіозной системы. Полное душевное успокоеніе, которое мусульманинъ находитъ въ своей вѣрѣ, идетъ рука объ руку съ умственнымъ квіетизмомъ, вслѣдствіе чего исламъ представляетъ собой религію, наиболѣе подходящую для народной массы, но не можетъ долѣе удовлетворять мусульманина, усвоившаго европейскую культуру. Въ виду несомнѣннаго превосходства христіанско-европейской культуры надъ культурой народовъ исповѣдующихъ исламъ, онъ не только долженъ отказаться отъ вѣрованія въ исключительныя права ислама, но признать въ христіанской религіи цивилизующіе элементы, какихъ не представляетъ исламское вѣроисповѣданіе. Религія христіанъ даетъ ему идеалъ нравственнаго совершенства, который долженъ постепенно воплотиться въ жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго общества. Дѣятельное стремленіе къ этому идеалу неизбѣжно влечетъ за собой процесъ прогрессивнаго нравственнаго развитія въ жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго общества, не существующаго для ислама, который ограничивается исполненіемъ опредѣленныхъ релизіозныхъ и нравственныхъ предписаній. Исламъ можетъ только поддержать старый установленный до него нравственно-соціальный порядокъ; онъ лишенъ активной силы развитія и стремленія къ чему либо болѣе высокому и совершенному. Онъ не есть нѣчто, всецѣло наполняющее духовный

міръ человѣка и не заключаетъ въ себѣ такихъ задатковъ, которые бы способствовали всестороннему усовершенствованію человѣческаго существа, его развитію и образованію. Можно вообще принять за аксіому, что религія, которая не проникнута духомъ гуманности не можетъ имѣть большого культурнаго значенія. Христіанство стоитъ выше ислама, благодаря присущимъ ему и неразрывно связаннымъ съ нимъ идеямъ гуманности и усовершенствованія человѣческой природы, которыя служатъ первой основой всякаго духовнаго развитія. Мы не можемъ считать простой случайностью и слѣдствіемъ чисто внѣшнихъ условій, что соприкосновеніе магометанскихъ арабовъ съ греческой образованностью, послужившее основаніемъ блестящаго періода магометанской культуры, имѣло только временное значеніе и не оставило никакихъ слѣдовъ въ жизни магометанскихъ народовъ. Между тѣмъ христіанство съ самаго начала вступило въ сношенія съ римско-греческой культурой и въ своей тогдашней литературѣ приняло всѣ наилучшіе элементы грекоримской образованности, такъ что христіанскій міръ непосредственно наслѣдовалъ сокровища образованности, завѣщанныя ему античной культурой. Этотъ фактъ самъ по себѣ служитъ доказательствомъ благотворнаго вліянія христіанства на развитіе мыслительныхъ способностей, тогда какъ у народовъ, исповѣдующихъ исламъ, наблюдается совершенно обратное явленіе. Д-ръ Крель, указывая на необыкновенное могущество и быстрое распространеніе ислама въ первыя столѣтія его существованія, замѣчаетъ, что послѣдующій упадокъ этого ученія ясно показываетъ, что ему недоставало выдержки и прочности, возможной только при болѣе отвлеченномъ міровоззрѣніи.

Что касается религіозныхъ представленій, то исламъ наравнѣ съ іудейской и христіанской вѣрой имѣетъ то преимущество, что признаетъ единобожіе. Этимъ преимуществомъ, какъ извѣстно, исламская религія обязана знакомству своего основателя съ обѣими монотеистическими религіями. Магометанское пониманіе единобожія далеко ниже христіанскаго и ветхозавѣтной Библіи. Понятіе о животворящемъ Богѣ не нашло отголоска въ мышленіи Магомета. Богъ для него высшій, всемогущій господинъ, имѣющій всѣ аттрибуты неограниченнаго земнаго властелина, который милостивъ и сострадателенъ къ своимъ вѣрнымъ приверженцамъ, располагаетъ жизнью и смертью, со временемъ будетъ судить всѣхъ людей и доставитъ правовѣрнымъ райское блаженство. Эту форму монотеистическаго ученія можно назвать самой элементарной, и ею въ состояніи довольствоваться люди съ неразвитымъ религіознымъ мышленіемъ. Монотеистическое религіозное ученіе тогда только имѣетъ образовательное значеніе, когда перестаютъ думать о Богѣ, какъ объ единомъ существѣ, который одинако властвуетъ надъ міромъ. Истинный, животворящій, единый Богъ долженъ представлять собой въ нашемъ мышленіи абсолютную полноту бытія и жизни, абсолютное вмѣстилище душъ и высшее существо, обнимающее собой цѣлый міръ. Только подобное представленіе о Богѣ можетъ вполнѣ удовлетворить человѣческій умъ. Религіозная философія не мыслима съ точки зрѣнія религіозной догматики ислама, которая, по свидѣтельству историковъ, всегда тщательно избѣгала философскихъ объясненій ея внутренняго содержанія. Весьма возможно, что этотъ уклончивый способъ дѣйствій былъ первоначально принятъ подъ вліяніемъ пантеистическихъ и натуралистическихъ идей на религіозную догматику. Тѣмъ не менѣе въ своихъ деистическихъ взглядахъ она никогда не доходила до болѣе глубокаго пониманія ихъ сущности, что неизбѣжно должно было случиться, еслибы исламское религіозное міровоззрѣніе съ самаго начала не исключило возможность всякихъ философскихъ объясненій.

Достоинство религіознаго ученія измѣряется степенью пониманія взаимныхъ отношеній между Богомъ и человѣкомъ; здѣсь идетъ вопросъ о сравнительной оцѣнкѣ божественнаго правосудія и милосердія съ нравственнымъ

состояніемъ человѣка въ данный моментъ. Въ исламской догматикѣ нѣтъ недостатка въ понятіяхъ о грѣхѣ, долгѣ и раскаяніи, но мы не видимъ въ ней ни малѣйшаго пониманія разницы между человѣкомъ, какимъ онъ есть въ дѣйствительности и идеаломъ человѣка. Между тѣмъ въ непосредственномъ сознаніи противорѣчія между дѣйствительнымъ человѣкомъ и тѣмъ, какимъ онъ долженъ быть, коренится христіанская идея спасенія, потребность искупленія и утѣшительнаго сознанія примиренія съ Богомъ, подкрѣпленнаго наглядными примѣрами христіанской благодати. Нравственныя побужденія, которыя выражаются въ потребности примиренія съ Богомъ и людьми, отсутствуютъ въ исламской религіозной догматикѣ. При чисто натуралистическомъ пониманіи человѣческаго существа ей недостаетъ также сознанія несовершенства и грѣховности человѣка, имѣющаго извѣстный жизненный опытъ, слѣдовательно сознанія того, что можетъ быть достигнуто постояннымъ нравственнымъ очищеніемъ внутренняго человѣка, которое ведетъ къ упомянутому примиренію. Вмѣсто этого мы видимъ у мусульманина родъ фаталистическаго самоуспокоенія съ значительной долей увѣренности и пассивнаго квіетизма, составляющаго полную противоположность съ фанатическимъ воодушевленіемъ. Мечтательное, возбужденное состояніе въ первыя времена существованія ислама и разцвѣта его силъ было естественнымъ слѣдствіемъ ученія, лишеннаго правильныхъ психологическихъ и нравственно-религіозныхъ основаній. Фаталистическая покорность судьбѣ должна была сдѣлаться главнымъ религіознымъ стимуломъ магометанства въ тѣхъ случаяхъ, когда ему предстояла непосильная борьба съ болѣе могущественными культурными государствами. Общеизвѣстный фактъ, что это-же чувство безропотной покорности судьбѣ встрѣчается въ людяхъ, посвященныхъ въ члены тайнаго религіознаго союза; съ другой стороны, также какъ и здѣсь, мы находимъ въ исламѣ искренность религіозныхъ убѣжденій. Такимъ образомъ, какъ съ общечеловѣческой, такъ и христіанской точки зрѣнія мы не считаемъ себя вправѣ признать въ исламѣ одно только религіозное суевѣріе. Благодаря своимъ монотеистическимъ воззрѣніямъ онъ далеко превосходитъ въ духовномъ отношеніи язычество древняго востока; но при этомъ представляетъ неразвитую, преимущественно внѣшнюю форму монотеистическаго религіознаго ученія, которая должна была неизбѣжно положить свой характерный отпечатокъ на исламскую культуру.

Замѣчательно, что арабскій полуостровъ, первоначальная родина ислама, сдѣлался положительно жертвой религіознаго антагонизма. Здѣсь собственно никогда не бывало религіозно-политическаго движенія, и врядъ-ли оно возможно въ будущемъ. Значительныя племенныя группы туземныхъ народностей на сѣверѣ, востокѣ, югѣ и западѣ, раздѣленныя огромными песчаными пустынями внутренней Аравіи, большей частью находятся между собой въ непріязненныхъ отношеніяхъ, не только по поводу вопросовъ вѣры, но ихъ историческаго прошлаго и даже этническихъ условій. Такъ, напримѣръ, на западномъ берегу полуострова, гдѣ находятся священные города, послужившіе исходнымъ пунктомъ ислама, Мекка все еще оставалась средоточіемъ ученія пророка, несмотря на послѣдующій переходъ свѣтской власти къ Дамаску и Багдату. Между тѣмъ юговосточныя береговыя страны остались совершенно нетронутыми сильными потрясеніями, которыя магометанство повлекло за собою. Съ другой стороны восточный берегъ Аравіи издавна служилъ средоточіемъ религіозной реакціи въ видѣ ли противодѣйствія исламу, какъ, напримѣръ,

„карматы“ или съ цѣлью возстановленія древней истинной вѣры, какъ „вахабиты“. Что касается запада и юга, то здѣсь все оставалось постарому и господствовало полное затишье, тогда какъ внутри страны и на востокѣ происходило броженіе, носившее задатки новой жизни. Это было своего рода реформаціонное движеніе, которое несомнѣнно рано или поздно снова порветъ тѣсныя, наложенныя на него, оковы.

Вахабизмъ представляетъ замѣчательное явленіе въ исламскомъ мірѣ и тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что принадлежитъ къ новѣйшему времени. Въ 1750 году, въ Хореймла, въ Неджедѣ (Верняя Аравія) появился пророкъ, который горячо ратовалъ противъ еретическихъ отступленій отъ истинной вѣры. Онъ также назывался Магометомъ, какъ и основатель исламской религіи, и былъ сыномъ Абдулъ Вахаба. Онъ желалъ собственно не реформы ислама, а скорѣе возстановленія магометанства въ его первоначальномъ, нетронутомъ видѣ, съ исключеніемъ какихъ либо божественныхъ почестей, воздаваемыхъ пророку. Равнымъ образомъ должно было быть устранено все, что было связано съ почитаніемъ живыхъ или умершихъ людей, какъ напримѣръ памятники, часовни и всѣ предметы, ведущіе къ идолопоклонству, къ которымъ сынъ Абдулъ Вахаба прежде всего причислилъ великолѣпныя мечети и весь сбродъ творящихъ чудеса дервишей. На ряду съ этими основными догматами постановлены были правила и законы, предписывающіе простой, строго нравственный образъ жизни; кромѣ того запрещена роскошь, всякія украшенія, а также употребленіе табака и кофе.

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на остальную Аравію, то увидимъ, что на ряду съ Неджедомъ, Оманъ и юго-восточное побережье издавна занимали исключительное положеніе въ исламскомъ мірѣ. Въ Сахарѣ, небольшомъ городкѣ береговой страны Маската возникла въ свое время спорная секта каpиджитовъ („charidjit“), которые были самыми ожесточенными противниками Оманеядскаго калифата. Вахабизмъ также издавна пустилъ здѣсь свои корни, по крайней мѣрѣ, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Омана, такъ что бедуинскія племена на югѣ этой страны (Бени Аби Гассанъ, Бени Аби Али, Дженаба и пр.) до сихъ поръ вахабиты, насколько исламъ доступенъ ихъ пониманію. Одни племена береговой страны Хадрамаута остались внѣ великаго религіозно-политическаго движенія, которое въ былыя времена отразилось на общественномъ строѣ всего востока.

На западномъ берегу Аравіи мы также не находимъ однороднаго мусульманскаго вѣроисповѣданія. Сѣверные кланы Іемена, — съ воинственнымъ духомъ которыхъ османы познакомились только въ послѣдніе годы, — принадлежатъ къ весьма распространенной шіитской сектѣ „саиди“. Шіитство обитателей сѣвернаго Іемена вообще представляетъ ту особенность, что они не причисляютъ себя къ приверженцамъ „Schia“ (они признаютъ условно своими предками пророка Абу Бекра и Омара, но не Отмана) и называютъ себя членами пятой правовѣрной секты (помимо четырехъ существующихъ: ханбалитовъ, малебитовъ, ханефитовъ и шафаитовъ). Сунниты отвергаютъ это дробленіе на секты, вслѣдствіе чего отношенія между саиди и остальными магометанами были всегда крайне натянуты. Подобный же антагонизмъ существуетъ между обитателями альпійской страны Азиръ (между Геджасомъ и Іеменомъ), и сосѣдними арабскими племенами. Они большей частью вахабиты или близко подходятъ къ нимъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ.

Таковъ общій характеръ религіозныхъ условій въ Аравіи. Что касается ея населенія, то оно дѣлится на осѣдлыхъ („hadarije“) и обитателей палатокъ („wabarije“) или бедуиновъ. При этомъ можно легко

прослѣдить, что „hadarije", живущіе въ немногихъ сѣверныхъ городахъ (гдѣ они много разъ скрещивались съ абиссинскими и негритянскими невольницами), были также первоначально бедуинами и сдѣлались осѣдлыми, вслѣдствіе особенно благопріятныхъ условій. Если сѣверный арабъ представляетъ собой первобытный типъ семита, то бедуинъ, который одинъ сохранилъ чистоту крови, тѣмъ болѣе заслуживаетъ названіе настоящаго араба и, слѣдовательно, является семитомъ κατ᾽ ἐξοχήν, такъ какъ носитъ въ себѣ всѣ особенности семитскаго племени. Названіе бедуинъ есть передѣлка арабскаго слова „bedawi" (множ. „bedu"), т. е. жители пустыни; но это объясненіе не можетъ быть принято буквально, потому что бедуины, какъ всѣ кочевники, прежде всего ищутъ пастбищъ, такъ что ихъ можно встрѣтить какъ въ степяхъ, такъ и долинахъ рѣкъ, въ оазисахъ и на окраинахъ настоящей пустыни. Совмѣстная жизнь родичей обусловливаетъ дѣленіе на племена, изъ которыхъ каждое, сообразно числу головъ и количества стадъ, занимаетъ извѣстное пространство земли для жилья и кочевокъ. Число главныхъ и второстепенныхъ племенъ, управляемыхъ „шейхами" или „эмирами" весьма значительно; но ихъ статистика не представляетъ никакихъ точныхъ данныхъ, такъ какъ бедуины изъ боязни, что перепись принесетъ имъ несчастіе, стараются скрыть настоящее число ихъ стадъ и племенъ. По свидѣтельству англичанина Джиффорда Уилльяма Польгрева численность бедуиновъ въ сѣверной Аравіи, за исключеніемъ большаго племени анезе, доходитъ до 40,000, а въ средней Аравіи до 80,000. Общая цифра народа Анезе, по оцѣнкѣ Буркгардта, сдѣланной въ началѣ нынѣшняго столѣтія, доходила отъ 300,000 до 350,000 душъ. Къ наиболѣе важнымъ племенамъ арабскихъ бедуиновъ принадлежатъ еще шераратъ, отъ Джебеля Шера до Вади Сирхана и эль Джауфа и шаммаръ или шомеръ въ Джебель Шаммарѣ и окрестностяхъ; большая часть этого племени живетъ осѣдло. Затѣмъ мы назовемъ еще гуэтатъ въ горахъ у сѣвернаго берега Краснаго моря, маазе и бени атіэ въ равнинѣ Гисма между Джебель Шера и Шефа, атеибе, отеибе и эктебе въ обширной равнинѣ къ востоку отъ Медины. На востокъ отсюда живутъ метеиръ, прежніе властелины сѣверо-восточнаго Недjеда. За ними, по направленію къ землѣ Эль-Хаза, гдѣ поселились бени хаджаръ, слѣдуютъ аджманъ и бени калидъ, къ которымъ примыкаютъ монтефики, распространенные далѣе къ сѣверу черезъ Иракъ. Отъ границъ Сиріи до долинъ Неджеда, живутъ разсѣянные по всей сѣверной Аравіи солиба или селаба, вѣроятно сирійскаго происхожденія, между тѣмъ какъ на Синайскомъ полуостровѣ распространены товарахъ (един. тури), получившіе свое прозвище отъ слова Торъ, какъ назывался прежде полуостровъ. Въ Палестинѣ живутъ значительныя арабскія племена къ востоку отъ Іордана, а также въ пустынѣ Тіэ. Племена Іорданской долины, повидимому, скрещивались съ

неграми, тогда какъ та'амирехъ феллахскаго происхожденія. Изъ этихъ бедуиновъ, которыхъ кочевки ограничены небольшими округами, съ опредѣленными границами, наиболѣе значительные: меф'аидъ и к'абнехъ, абунузеиръ въ Іерихонской долинѣ и въ Іудейской пустынѣ, по сосѣдству съ вышеупомянутыми та'амирехъ (которые носятъ чалмы и сѣятъ зерновой хлѣбъ), затѣмъ джахалинъ и сугръ къ востоку отъ Іордана (Globus, Bd. XXXV, s. 252). У сѣверной оконечности Мертваго моря до Вади Церка распространено могущественное племя бени адуанъ; по сосѣдству съ ними живетъ враждебное имъ племя бени сахеръ, которое простираетъ свои кочевки до владѣній бени м'шалха въ Го̀рѣ. Послѣдніе распространены на сѣверѣ почти до Вехадине; къ нимъ примыкаютъ бени аббадъ, которые находятся въ извѣстной зависимости отъ адуанъ. Отъ Вехадине до Вади Ябиса живутъ бени ксумъ, по сосѣдству съ ксавійэ, вышеупомянутыми месаидъ и „б'шаве". До сихъ поръ между этими бедуинами не замѣчено было ни одного метиса, и ни одинъ изъ череповъ, измѣренныхъ П. Лангегаузомъ не имѣлъ признаковъ черной крови (Arch. f. Anthrop. Bd. VI s. 44).

Бедуины вообще средняго роста и правильнаго тѣлосложенія; женщины особенно отличаются красотой формъ. При этомъ онѣ всѣ имѣютъ гордую осанку и необыкновенно легкую походку. Тучные субъекты составляютъ рѣдкость; несравненно чаще встрѣчается худоба и жилистое развитіе мышцъ. Мускулы ихъ худощавыхъ рукъ натянуты какъ тетива у лука; верхнія и нижнія оконечности относительно величины и формы составляютъ нѣчто среднее между этими частями тѣла у европейцевъ и индійцевъ. Большой палецъ очень длиненъ у арабовъ и почти доходитъ до половины перваго сустава указательнаго пальца; кисть руки съ тонкими костями и очень эластична. Цвѣтъ кожи, смотря по высотѣ мѣстности, колеблется между бѣлымъ и шоколадно-коричневымъ, который преимущественно встрѣчается у береговыхъ жителей. Арабы Багдата большей частью свѣтлокожіе и вообще бѣлѣе персовъ; цвѣтъ лица не темнѣе, чѣмъ у итальянцевъ, испанцевъ и португальцевъ, хотя лѣтомъ жара доходитъ до 49° Ц. и, по выраженію арабскаго поэта, „солнце пристально смотритъ на нихъ" (Beil. zur Allg. Zeitg. vom 29 Iuli 1875). По нѣкоторымъ извѣстіямъ арабы по формѣ черепа приближаются къ узкоголовымъ расамъ, хотя не могутъ быть вполнѣ причислены къ мезокефаламъ; но мы не можемъ придать особеннаго значенія этимъ свѣденіямъ, такъ какъ намъ неизвѣстно, къ какой собственно части арабскаго населенія они могутъ быть отнесены. Форма лица у бедуиновъ большей частью овальная, лобъ широкій и выпуклый, носъ прямой и средней величины, красиво очерченный ротъ и прекрасные бѣлые зубы. Уши равнымъ образомъ красивой формы и немного загнуты впередъ. Черныя густыя брови оттѣняютъ черные, глубоколежащіе, живые глаза, которые у бедуиновъ отличаются необыкновеннымъ блескомъ. Волосы, преимущественно чернаго цвѣта, иногда бѣлокурые; растительность бороды скудная, бакенбарды составляютъ рѣдкость.

Господствующее въ Европѣ представленіе о кочевомъ образѣ жизни арабовъ во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствуетъ истинѣ. Обыкновенно пишутъ въ книгахъ, что они странствуютъ съ мѣста на мѣсто съ своими палатками; въ дѣйствительности едва ли существуетъ другой

народъ, который бы менѣе странствовалъ и болѣе любилъ свою родину, какъ бедуины. У нихъ есть зимній и лѣтній лагерь, состоящій изъ палатокъ; и они вообще рѣдко мѣняютъ свое мѣстопребываніе, кромѣ необходимыхъ переходовъ изъ одного лагеря въ другой, сообразно времени года. На пути они никогда не раскладываютъ палатокъ и спятъ укутанные въ свои плащи подъ открытымъ небомъ. Ихъ лагерь напоминаетъ цыганскій, только обитатели его имѣютъ еще болѣе дикую и живописную наружность. Романическій блескъ, которымъ окруженъ этотъ народъ, благодаря восточнымъ разсказамъ и краснорѣчивымъ описаніямъ европейскихъ путешественниковъ, исчезаетъ мало по малу, когда вы ближе знакомитесь съ его домашней и общественной жизнію. Не подлежитъ сомнѣнію, что бедуины имѣютъ многія хорошія качества, которыхъ нѣтъ у жителей городовъ и деревень. Они отличаются умѣренностью въ ѣдѣ и питьѣ; ихъ физическая сила, выдержка и чувство независимости дѣйствительно заслуживаютъ наше удивленіе. Чрезмѣрное высокомѣріе также чуждо имъ какъ и рабская покорность. Эти качества составляютъ какъ бы неизбѣжное слѣдствіе ихъ нравовъ, условій страны и образа правленія, при которомъ они находятся. Ихъ нельзя назвать храбрыми въ битвѣ, потому что, если они не занимаютъ выгоднаго положенія и не превосходятъ значительно непріятеля числомъ, то скоро теряютъ присутствіе духа. Мужество идетъ у нихъ рука объ руку съ трусостью, потому что они смѣло нападаютъ на караваны, сопровождаемые немногими загонщиками и проводниками, но почти никогда не приближаются къ нимъ, когда они подъ охраной регулярнаго отряда, какъ бы онъ ни былъ малочисленъ. Поэтому было бы ошибочно считать безусловно арабовъ простыми разбойниками. Во всякомъ случаѣ, когда дѣло касается чужестранца, они иначе смотрятъ на собственность, нежели мы. Между собой, а также относительно тѣхъ, которые отдали себя подъ ихъ защиту, они отличаются честностью и вѣрностью. Равнымъ образомъ нужно приписать неумолимой строгости, съ какой здѣсь соблюдается кровавая месть („thar“), что убійства случаются рѣже, чѣмъ даже въ цивилизованныхъ странахъ. Ихъ много разъ прославляемое гостепріимство ни въ какомъ случаѣ не выше того радушнаго пріема, какой обыкновенно оказываютъ гостю у большинства восточныхъ народовъ. Сверхъ того весьма сомнительно, чтобы бедуины дѣлали что либо безъ твердой увѣренности получить тройную награду. Путешественники обыкновенно цвѣтисто описываютъ пріемъ, оказанный имъ арабами въ пустынѣ, но они всегда умалчиваютъ о томъ, что̀ имъ пришлось заплатить за подобную любезность. Алчность составляетъ выдающуюся черту характера арабовъ. Они рѣдко довольствуются платой, предложенной имъ за услуги, и съ величайшей наглостью и настойчивостью выпрашиваютъ у путешественника сапоги, галстукъ, ружье и другія вещи, которыя заслужатъ ихъ вниманіе. Нечистоплотность бедуиновъ въ

одеждѣ и кухнѣ вошла въ поговорку; такъ, напримѣръ, они никогда не мѣняютъ и не моютъ рубашку, которую надѣнутъ на себя, и обыкновенно носятъ ее до тѣхъ поръ, пока она не свалится лохмотьями съ тѣла. О воспитаніи и обученіи у нихъ нѣтъ и рѣчи; въ каждомъ племени есть одинъ или два моллаха, которые пишутъ для шейха и должны прочитывать мѣста изъ Корана. Тѣмъ не менѣе эта должность не пользуется большимъ уваженіемъ, потому что бедуины не особенно религіозный народъ, хотя во многихъ случаяхъ выказываютъ слѣпую преданность ученію Магомета. Они рѣдко соблюдаютъ часы, назначенные для молитвы; обыкновенно два или три лица молятся по очереди за весь лагерь, такъ какъ здѣсь существуетъ убѣжденіе, что это имѣетъ такое-же дѣйствіе, какъ если бы каждый въ отдѣльности предавался благочестію (Ausland 1852, s. 503—504.). Бедуины вообще веселаго характера; нерѣдко они безропотно переносятъ величайшую усталость и лишенія, и при этомъ счастливы и довольны своей судьбой, какъ показываетъ ихъ поговорка: „Радостно сердце того человѣка, у кого есть острый мечъ, красивая жена и хорошій верблюдъ". Они отличаются необыкновенно вѣжливымъ и тонкимъ обращеніемъ. Арабъ крайне остороженъ въ выборѣ выраженій изъ боязни оскорбить своего собесѣдника. Если какая нибудь фраза можетъ повести къ недоразумѣнію или быть истолкована въ смыслѣ непріятнаго намека, то онъ спѣшитъ сдѣлать оговорку, какъ напримѣръ: „безъ всякаго злаго умысла задѣть тебя" или „съ добрымъ намѣреніемъ", „безъ задней мысли" и т. п. Чѣмъ необразованнѣе субъектъ, тѣмъ чаще разсыпается онъ въ подобныхъ извиненіяхъ (Dr. Wetzstein im Ausland 1871, s. 1150.). Но въ ссорѣ, которая неизбѣжно возникаетъ всякій разъ, когда дѣло касается денегъ, они, наоборотъ, спорятъ и бранятся съ горячностью, не признающей никакой удержки. При заключеніи условія арабъ, не стѣсняясь, лжетъ и прибѣгаетъ ко всякаго рода уловкамъ; но когда дѣло рѣшено, то въ точности исполняетъ договоръ. Воровство и обманъ здѣсь почти неизвѣстны. Въ несравненно худшемъ свѣтѣ является бедуинъ въ своихъ отношеніяхъ къ родителямъ, а именно къ отцу, потому что женщины не имѣютъ никакого значенія. Какъ только юноша достигаетъ зрѣлости, можетъ жениться и завести свою палатку, то онъ уже не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на своего отца, который, сдѣлавшись старымъ и дряхлымъ, долженъ иногда прибѣгать къ благотворительности своихъ соплеменниковъ, между тѣмъ какъ его сынъ живетъ въ полномъ изобиліи. Обязанность доставлять продовольствіе племени лежитъ разумѣется на мущинахъ; но средства къ существованію нерѣдко бываютъ весьма скудны и недостаточны.

Товарахъ, населяющіе пустынный горный округъ Синая, живутъ въ крайней бѣдности. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сиріи и плодоностныхъ округахъ Іемена, Хадрамаута и т. д. Арабы часто имѣютъ значительное состояніе; у нѣкоторыхъ шейховъ бываетъ до тысячи лошадей и верблю-

довъ и безчисленныя стада овецъ. Въ Синаѣ, наоборотъ, шейхъ, который владѣетъ тремя или четырьмя верблюдами считается Крезомъ. Однако, несмотря на свою бѣдность, многіе изъ нихъ особенно между гарашехами держатъ негритянскихъ невольниковъ, которые смотрятъ за верблюдами и исполняютъ всю тяжелую работу. Господа кротко обращаются съ ними и не считаютъ низшими существами, хотя разумѣется невольники не имѣютъ права жениться на дочеряхъ бедуиновъ.

Товарахъ представляютъ собой сильную красиво сложенную породу людей; мужчины, несмотря на жалкіе покрывавшіе ихъ лохмотья, держатся съ извѣстнымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Ихъ одежда состоитъ изъ бѣлой рубашки съ разрѣзными рукавами (въ которыхъ они хранятъ мелкія драгоцѣнности) и кожанаго пояса; сверху накинута длинная тканая одежда изъ козьяго или верблюжьяго волоса. У бедуиновъ рѣдко можно встрѣтить полосатый головной уборъ, въ которомъ ихъ изображаютъ на картинахъ, такъ какъ у нихъ преимущественно въ употребленіи чалмы и фески. Мужчины носятъ сандаліи изъ „рыбьей кожи“ или, вѣрнѣе сказать, изъ кожи одного вида дельфина, который водится въ Красномъ морѣ. Всѣ женщины въ покрывалахъ, мѣтко названныхъ Теккереемъ „носовыми мѣшками“. Онѣ татуируютъ себѣ подбородокъ; замужнія женщины почти никогда не носятъ распущенныхъ волосъ и зачесываютъ ихъ напередъ въ видѣ узла или рога, къ которому привѣшанъ красный стеклянный шаръ. Дѣвушки завиваютъ волосы надо лбомъ короткими локонами и привязываютъ къ нимъ украшеніе, называемое „scheikeh“; сверху накинутъ красный платокъ съ подвѣсками изъ перламутра. Остальной костюмъ ихъ состоитъ изъ широкой голубой юбки и ожерелья, сдѣланнаго изъ нитки стеклянныхъ бусъ, кусочковъ блестящаго металла, стекла и т. п.; сверху надѣтъ голубой плащъ, сложенный складками. Дѣти большей частью ходятъ нагіе; въ холодное зимнее время они иногда надѣваютъ на себя лоскутокъ козлиной кожи или лохмотья изношенной „abba и свертываютъ ихъ въ ту сторону, съ которой дуетъ вѣтеръ. Естественно, что вслѣдствіе дурнаго питанія и скудной одежды господствуютъ различныя болѣзни, особенно между стариками и дѣтьми. Различные виды лихорадки, одышка и невральгія составляютъ обыденное явленіе. Равнымъ образомъ у товарахъ по временамъ бываетъ эпидемія, называемая ими „el maj el asfar“ (желтая чума). Она появляется съ горячимъ вѣтромъ и внезапно поражаетъ людей за работой. Товарахъ говорятъ, что она никогда не бываетъ въ землѣ „Моисея, гдѣ ростутъ шіахъ и мирра“ (Подъ этимъ они разумѣютъ величественную область гранитовъ у Джебель Муза).

Въ каждомъ племени синайскихъ бедуиновъ три шейха; это званіе наслѣдственное и переходитъ прямо отъ отца къ сыну. Шейхъ скорѣе повѣренный по дѣламъ и судья, нежели правитель; его единственныя обязанности состоятъ въ заключеніи условій съ нанимателями верблюдовъ, въ переговорахъ съ правительствомъ, въ качествѣ представителя племени, и, наконецъ, въ рѣшеніи споровъ между бедуинами. За дѣла перваго рода шейхъ получаетъ небольшое вознагражденіе. Способъ, какимъ здѣсь взыскиваютъ долгъ, заключается въ слѣдующемъ: Если арабъ требуетъ обратно своихъ денегъ и получаетъ отказъ отъ своего должника, то идетъ къ главному шейху и оставляетъ у него въ видѣ залога ножъ, ружье, верблюда или какую нибудь принадлежащую ему вещь, стоимость которой соотвѣтствуетъ суммѣ иска. Залогъ этотъ называется "rizgah“. Отвѣтчикъ долженъ сдѣлать то-же самое, а въ случаѣ отказа, съ его стороны истецъ имѣетъ право вынудить у него залогъ съ помощью хитрости или насилія. Обѣ стороны представляютъ свои вещи шейху и, если долгъ вполнѣ доказанъ, то отвѣтчикъ лишается залога и можетъ получить его обратно только въ томъ случаѣ, если внесетъ сполна требуемую сумму. Хотя онъ можетъ подать апелляцію на приговоръ перваго шейха двумъ другимъ шейхамъ; но при

этомъ каждый разъ онъ долженъ внести новый залогъ; такимъ образомъ, если его дѣло проиграно, то онъ можетъ не только потерять всѣ три залога, но еще быть вынужденнымъ заплатить всю сумму долга. Обыкновенно судъ шейха вполнѣ безпристрастенъ; по крайней мѣрѣ случаи подкупа совершенно неизвѣстны у товарахъ. При воровствѣ собственникъ похищенной вещи оцѣниваетъ ее, и шейхъ старается назначить соотвѣтствующее вознагражденіе или устроить добровольно соглашеніе между спорящими сторонами. Если стоимость похищенной вещи или сумма вознагражденія окончательно назначена и воръ отказывается отъ уплаты, то истецъ можетъ взять и продать все, что угодно изъ его имущества, пока не получитъ требуемой суммы. Воровство здѣсь настолько рѣдко, что подлежитъ гражданскому судопроизводству.

„Agyd“ военное должностное лицо, подъ начальствомъ котораго находится вся армія товарахъ во время войны. Его власть имѣетъ значеніе только по отношенію военныхъ дѣйствій; въ мирное время онъ не болѣе, какъ частное лицо. Этотъ санъ составляетъ достояніе племени савалихехъ.

У бедуиновъ нѣтъ собственно уголовныхъ законовъ, кромѣ случаевъ смертоубійства. Тогда во всей строгости примѣняется кровавая месть; ближайшій родственникъ умершаго убиваетъ при первой возможности виновника смерти его родственника. Но даже въ этомъ случаѣ можетъ быть предложено и принято денежное вознагражденіе, цѣна крови (“Dieh“); но требуемая сумма большей частью превышаетъ ограниченныя средства тури.

Бедуины, которыхъ до извѣстной степени можно назвать рыцарями пустыни, имѣемъ безспорно много превосходныхъ качествъ. Семья въ тѣсномъ смыслѣ держится женщиной, которая составляетъ какъ бы ея охрану. Честь женщины, уваженіе къ старости, щедрость къ бѣднымъ, равноправность всѣхъ — таковы главныя основныя положенія нравственности у бедуиновъ, которыя наглядно выражены въ прекрасныхъ изреченіяхъ. „Любовь женщины золотой плодъ, зрѣющій подъ защитой мужа и питающій несчастныхъ“. — „Кто прикоснется бороды старца, оскверняетъ свою руку; кто сегодня подаетъ милостыню будетъ сытъ завтра; одинъ праведно прожитый часъ стоитъ 77 часовъ молитвы и пр.“ Бедуинъ женится, едва достигнувъ семнадцати-лѣтняго возраста. „Женись какъ можно раньше, говорятъ обитатели палатокъ, женитьба обуздываетъ взоръ мужчины и поведеніе женщины.“ Со дня брака наступаетъ новая жизнь для юнаго бедуина. Походы, соколиная охота, травля страусовъ и газелей, блистательныя военныя празднества, звѣздныя ночи съ волшебными сказками и любовью наполняютъ теперь его существованіе. Много часовъ проводитъ онъ въ поэтическихъ изліяніяхъ, къ которымъ чувствуетъ особенную склонность; двѣ три строфы какого нибудь странствующаго поэта о красотѣ женщинъ вообще и въ частности о преимуществахъ его любимаго коня, во всякое время находятъ въ немъ внимательнаго и щедраго слушателя. Но онъ всего больше дорожитъ своей женой, хотя злые языки утверждаютъ, что любимый конь имѣетъ для него еще большую цѣну. Во всякомъ случаѣ онъ любитъ обоихъ до безконечности, потому что они удовлетворяютъ его наиболѣе сильнымъ привязанностямъ къ семьѣ и свободѣ. Онъ доходитъ до трогательной нѣжности въ своихъ ласкахъ къ женѣ и любимому

коню и называетъ ихъ наединѣ такими ласкательными именами, какихъ никто не услышитъ отъ него. Страстная любовь не чужда арабамъ пустыни. Дѣвушки у бедуиновъ пользуются большей свободой нежели въ городахъ, гдѣ онѣ осуждены на строгую замкнутость гаремной жизни. Этой свободѣ способствуютъ также непринужденныя отношенія между двумя полами, особенно во время большихъ празднествъ у могилъ святыхъ, чтимыхъ арабами.

Нѣмецкій оріенталистъ д-ръ Вецштейнъ во время своего пребыванія между бедуинами Сирійской пустыни записалъ одну новеллу, которую мы считаемъ нелишнимъ сообщить нашимъ читателямъ, потому что она представляетъ любопытный матеріалъ въ смыслѣ характеристики арабовъ вообще и въ особенности ихъ любовныхъ отношеній. „Одинъ шейхъ, по имени Бени Калидитъ пользовался величайшимъ уваженіемъ у своихъ соплеменниковъ, но, „когда Богъ захотѣлъ свернуть Бени Калида", счастье измѣнило ему. Его мѣсто заступилъ другой шейхъ, „передъ которымъ плясалъ весь міръ, такъ какъ онъ имѣлъ блистательный успѣхъ". Это несчастіе побудило его оставить родину, и онъ вмѣстѣ съ женой, сыномъ и остаткомъ имущества отправился отыскивать далеко на востокѣ страны, гдѣ не было бы ни одного человѣческаго существа. Онъ уже приближался къ цѣли своего путешествія; но тутъ встрѣтилъ человѣка, который тотчасъ-же прицѣлился въ него изъ ружья, Калидитъ крикнулъ ему: „кто ты?" Этотъ отвѣтилъ: „Я тотъ, кого ты видишь, а ты кто?" Арабъ не любитъ при чужихъ людяхъ называть свое имя, родину или племя, потому что часто подвергается изъ-за этого опасности. Калидитъ возразилъ: „я тотъ, кого ты видишь, у меня мечъ, у тебя ружье; съ мечомъ трудно тягаться противъ человѣка, вооруженнаго ружьемъ". Другой спросилъ: „Что привело тебя сюда?" Калидитъ отвѣтилъ: „Клянусь Богомъ, мой сынъ, что ничто, кромѣ невзгоды обычной въ наше время". Тогда человѣкъ, вооруженный ружьемъ, опустилъ руку, потому что съ нимъ случилось то-же, что съ калидитомъ и онъ спросилъ послѣдняго, какого онъ племени. Этотъ отвѣтилъ: „Клянусь Богомъ, дорогой товарищъ, я калидитъ, на ссору или ласку" (т. е. теперь я назвалъ себя; увидимъ другъ ли я твой или недругъ). „Значитъ мы враги! воскликнулъ другой, я шеммаритъ; но пустыня ставитъ преграду между людьми, которые дорожатъ своей честью; теперь объясни мнѣ, что привело тебя сюда". Когда калидитъ окончилъ свой разсказъ, оба уговорились отправиться вмѣстѣ въ одну и ту-же долину. Калидитъ позвалъ своего сына и сказалъ: „Дитя мое я встрѣтилъ шеммарита и, хотя онъ былъ прежде нашимъ врагомъ, но мы подружились и переночевали вмѣстѣ. На слѣдующій день я спросилъ его: сколько у него дѣтей и онъ сказалъ мнѣ, что имѣетъ дочь; на его вопросъ о моихъ дѣтяхъ, я объявилъ ему, что у меня также дочь, и мы рѣшили сойтись въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы встрѣтились. Поэтому я хочу одѣть тебя какъ дѣвушку; могу ли я положиться на тебя? Будь на сторожѣ и не говори дочери шеммарита пустяковъ! Если она тебя поцѣлуетъ, то ты не цѣлуй ее; если вы будете спать вмѣстѣ, то не снимай своего платья. Дѣвушки купаются въ водѣ, но ты не долженъ купаться въ ея присутствіи! Слышишь ли, что я говорю, сынъ мой, нужны ли дальнѣйшія увѣщанія?" Сынъ, по имени хаббасъ, возразилъ: Отецъ мой ты можешь положиться на меня".

Свиданіе состоялось въ назначенномъ мѣстѣ; дочь шеммарита подбѣжала къ мнимой дочери калидита и поцѣловала ее въ видѣ привѣтствія; затѣмъ обѣ дѣвушки повели одновременно своихъ верблюдовъ на пастбище, а вечеромъ легли вмѣстѣ спать. Шеммаритянка сняла свое платье и (по обычаю кочевниковъ) легла голая въ постель; при этомъ она сказала своей подругѣ: „сестра раздѣнься!" Эта отвѣтила: „Я не стану раздѣваться, потому что всегда

сплю въ платьѣ". Дочь шеммарита стала разговаривать съ своей подругой и поцѣловала ее, но та не отвѣтила на ея поцѣлуй. На слѣдующее утро дѣвушки, напѣвая вполголоса подоили верблюдицъ, послѣ этого каждая взяла кусокъ хлѣба, сѣла на своего верблюда, и обѣ отправились въ путь, въ сопровожденіи верблюдицъ, которыхъ заманивали пѣснями, пока не достигли потока. Здѣсь онѣ сошли на землю и разговаривали другъ съ другомъ, сидя у воды между тѣмъ какъ животныя паслись на лугу. Когда стало припекать солнце и наступилъ полдень, дочь шеммарита сказала: „Сестра, если ты хочешь, то будемъ купаться и вымоемъ одна другую! и когда эта отказалась, то она воскликнула: „Умоляю тебя объясни мнѣ, почему ты не хочешь купаться?" Калидитянка отвѣтила: „Сестра, у маня былъ меньшой братъ; онъ вошелъ въ воду и утонулъ, съ тѣхъ поръ я боюсь погружать мою кожу въ воду". Дочь шеммарита пошла купаться; когда она сняла свое платье, то другая дѣвушка отошла отъ берега и повернулась лицомъ къ пустынѣ. Шеммаритянка пожаловалась однажды родителямъ на свою подругу: „Что это значитъ, сказала она, когда я цѣлую ее, то не получаю отъ нея поцѣлуя? Развѣ отъ моего рта дурной запахъ, что она не можетъ поцѣловать меня; я снимаю свое платье, она ложится спать не раздѣваясь; я купаюсь, она не хочетъ купаться". Родители отвѣтили: „Милое дитя, быть можетъ она стыдится; это часто случается".

Такъ все шло благополучно довольно продолжительное время. Но тутъ случилось однажды, что Богъ ниспослалъ па нихъ разбойниковъ, и тѣ завладѣли ихъ стадомъ. Обѣ дѣвушки закричали: „Помогите, у насъ отняли стадо!" Отцы услыхали ихъ крикъ, осѣдлали коней, отправились въ путь и настигли стадо; дѣвушки бѣжали за ними вслѣдъ. Они закричали непріятелю: „Ей вы всадники, выдайте намъ „окла" („Окла" означаетъ выдача извѣстной доли добычи, которая обыкновенно возвращается обратно, если разбойники, сдѣлавшіе набѣгъ убѣждены, что тѣ, которыхъ они ограбили, должны погибнуть отъ голоду.) Предводитель шайки хотѣлъ возвратить имъ десять штукъ скота, затѣмъ еще шесть, „ради красоты обѣихъ дѣвушекъ". Ограбленные находили это недостаточнымъ, между тѣмъ, какъ грабители съ своей стороны въ виду „мельничихъ дорожнаго запаса" (т. е. своихъ женъ, сестеръ и пр., которыя на ручныхъ жерновахъ намололи имъ муки въ дорогу), находили, что честь не дозволяетъ имъ дальнѣйшую добровольную выдачу ограбленнаго имущества. Вслѣдствіе этого завязалась горячая борьба, которая долго оставалась нерѣшенной. Но шеммаритъ и его другъ уже начали изнемогать. Хаббасъ видя, что они слабѣютъ, не могъ долѣе удержаться; онъ поспѣшилъ къ своей палаткѣ и на бѣгу сбросилъ съ себя одежду, такъ что на немъ осталась одна женская рубашка. Его мать стала сѣдлать ему жеребца, взнуздала его и принесла мечъ, пистолеты и красный плащъ; дочь шеммарита подошла къ ней и спросила: „Ты сѣдлаешь этого жеребца, гдѣ же всадникъ?—„Онъ сейчасъ прійдетъ, отвѣтила мать, ты увидишь его собственными глазами". Пока онѣ говорили, поспѣшно вошелъ юноша и его мать громко крикнула „Zagruta!" (крикъ ликованія). Высоко на лошади красовался онъ передъ Хамдой (такъ называлась дочь шеммарита) и сказалъ ей: „Ради твоихъ глазъ Хамда!" (т. е. я иду на борьбу и смерть изъ-за твоихъ глазъ); крикни Хаббасу „Zagruta!" Она отвѣтила: „Братъ мой, кто это Хаббасъ?"—„Твоя бывшая подруга, отвѣтилъ онъ, ты видить что это былъ юноша, а не дѣвушка".—Тогда громко раздался крикъ „Zagruta!" сопровождаемый ржаніемъ коня, и жажда битвы закипѣла въ грудѣ юноши; онъ бросился на враговъ съ крикомъ; „На счастье Хамды, иду на добычу коней:" Онъ разбилъ непріятеля, захватилъ четырехъ коней и освободилъ стадо.

Хамда съ тѣхъ поръ страстно полюбила Хаббаса; онъ былъ не менѣе влюбленъ въ Хамду. Отецъ изъ боязни за невинность своей дочери тайно уѣхалъ съ нею; отецъ Хаббаса также принужденъ былъ вернуться къ своему племени, ради сына, который не могъ долѣе оставаться вблизи опустѣвшаго

жилища бывшаго сосѣда. Здѣсь онъ снова достигъ прежняго значенія. Но Хаббасъ все думалъ о Хамдѣ, пересталъ ѣсть и пить и, наконецъ, долженъ былъ слечь въ постель. Слезы и стоны были единственнымъ утѣшеніемъ юноши, пока его не посѣтилъ однажды Хосенъ, съ которымъ онъ нѣкогда побратался; этотъ вызвался соединить его съ возлюбленной, говоря, что будетъ легко устроить это дѣло съ Божьей помощью. Послѣ восьмидневной верховой ѣзды днемъ и ночью, они достигли племени Шеммаръ и стали наводить справки о семьѣ Хамды. Къ несчастью оказалось, что они пріѣхали наканунѣ помолвки Хамды съ ея двоюроднымъ братомъ Али. Но Хосенъ съумѣлъ и тутъ дать совѣтъ и выручить изъ бѣды. Ему усердно помогала въ этомъ сестра Али, которая была посвящена въ исторію любви Хамды. Отецъ Хамды недружелюбно встрѣтилъ Хаббаса словами: „Горе, горе мнѣ! Да погубитъ тебя Богъ, негодный человѣкъ! Ты рѣшился даже здѣсь преслѣдовать меня! Если бы я увидѣлъ тебя до соли (т. е. прежде, чѣмъ ты вкусилъ соли въ моей палаткѣ), то по истинѣ твоя голова пала бы на этой землѣ!" Но гнѣвъ отца Хамды прекратился и онъ „убоялся сатаны", когда Хосенъ возразилъ ему: „Предоставь твое дѣло Богу! Это судъ Божій, который постигаетъ не тебя одного. Благодари небо, что до сихъ поръ съ тобой не случилось ничего худшаго". Хосенъ умудрился, вмѣсто Али провести Хаббаса въ палатку, гдѣ должна была праздноваться свадьба. Добродушный Али выказалъ благоразуміе. Онъ сказалъ своей двоюродной сестрѣ: „Я отказываюсь отъ тебя. Скажи мнѣ наединѣ, чего ты желаешь; даю честное слово, что тебѣ бояться нечего". Она возразила ему: „Али, я желаю одного, быть женой Хаббаса, гостя нашего сосѣда"; послѣ чего она разсказала все, что произошло между имъ и ею отъ начала до конца. „Если ты не хочешь погрѣшить противъ меня, добавила она, то знай, что я желаю быть съ Хаббасомъ, потому что я принадлежу ему всѣмъ сердцемъ и никому другому, кромѣ его. Богъ не отниметъ у тебя жизни, не отнимай и ты у меня Хаббаса". Али снизошелъ къ ея просьбѣ и сказалъ: „Богъ не лишилъ меня великодушія!" И онъ былъ съ избыткомъ вознагражденъ за это. Когда онъ проводилъ молодыхъ на родину Хаббаса, то ему удалось здѣсь познакомиться и жениться на дѣвушкѣ, которая никому не уступала въ красотѣ и любезности. Это была Гизпа (прекраснѣйшая), сестра Хосена, которая, услыхавъ объ его поступкѣ, влюбилась въ него. Въ доказательство своей любви она заботливо расчесывала ему волосы, мыла голову и очищала его плащъ отъ насѣкомыхъ. Обоимъ было всего пріятнѣе, когда никто не приходилъ къ нимъ и они не видѣли ни одного человѣка. Такимъ образомъ Хосенъ выдалъ свою сестру за знатнаго человѣка. Разсказчикъ заключилъ свой разсказъ слѣдующимъ образомъ: „Когда Али вернулся домой съ дѣвушкой, такой же красивой, какъ Хамда и кобылой, подаренной ему Хаббасомъ (въ видѣ вознагражденія) къ нему собрались соплеменники и привѣтствовали его. Онъ разсказалъ о почетномъ пріемѣ, оказанномъ ему Хосеномъ, Хаббасомъ и ихъ племенемъ и о полученныхъ подаркахъ. „Лошадь, сказалъ онъ, подарена Хаббасомъ, дѣвушка, сестра Хосена". Присутствующіе сказали: „Богъ свидѣтель, ты достоинъ этого!" Затѣмъ они напились кофею и разошлись по домамъ. Мы оставили ихъ въ благополучіи и блаженствѣ. Да пошлетъ Богъ счастливую жизнь нашимъ слушателямъ!" (Dr. Wetzstein im Ausland 1869, s. 60—61).

Бедуинъ имѣетъ представленіе о любви и понимаетъ значеніе вѣрности въ супружествѣ, которая составляетъ краеугольный камень его семьи, потому что жена бедуина не выноситъ дѣлежа палатки, а также сердца и ложа своего супруга. Семья составляетъ здѣсь государство и соединяетъ кочующія племена; если она распадется

когда либо, то и они разсѣятся какъ наносный песокъ по волѣ вѣтра. Поэтому нарушеніе супружеской вѣрности составляетъ весьма рѣдкое явленіе въ палаткѣ бедуина. То, что у насъ считается простымъ порокомъ, нелишеннымъ пикантности и веселымъ препровожденіемъ времени, кажется бедуину смертельнымъ грѣхомъ и внушаетъ ему глубокое отвращеніе. Можно араба назвать трусомъ и онъ спокойно отнесется къ этому, потому, что по его понятіямъ, онъ могъ родиться такимъ отъ природы; бранная кличка „вора" также вызоветъ у него улыбку: хитрое воровство между его соплеменниками считается достославнымъ дѣломъ. Вы упрекнете его въ нарушеніи даннаго слова, и онъ только пожметъ плечами, такъ какъ этого быть можетъ требовала выгода племени; но если кто скажетъ ему въ лицо „tachan" (рогоносецъ), то онъ до рукоятки вонзитъ свой ножъ въ грудь человѣка, нанесшаго ему подобное оскорбленіе. Оскверненіе супружескаго ложа единственный случай, когда отецъ имѣетъ право убить сына, сынъ отца, не навлекая на себя кровавой мести. Между синайскими бедуинами, а именно у племенъ: савалихехъ и джибалійэхъ нарушеніе супружеской вѣрности наказывается смертью; оскорбленный мужъ или его родственникъ могутъ застрѣлить соблазнителя, гдѣ бы не нашли его, также такъ и при кровавой мести. У бедуиновъ эйнцейнехъ и тейяханъ не считается нужнымъ проливать кровь соблазнителя, вмѣсто этого онъ долженъ заплатить штрафъ, въ видѣ извѣстной суммы денегъ или нѣсколькихъ верблюдовъ. Размѣръ штрафа опредѣляется судьей, какъ при обыкновенныхъ гражданскихъ искахъ.

Свадебныя празднества у синайскихъ бедуиновъ заключаются въ слѣдующемъ: Женихъ идетъ съ пятью-шестью друзьями къ отцу дѣвушки, который ставитъ имъ блюдо съ кушаньемъ и кофе. Послѣ угощенія начинается разговоръ; женихъ выражаетъ желаніе вступить въ болѣе близкія отношенія съ семьей хозяина. „Я ничего не имѣю противъ этого, отвѣчаетъ отецъ дѣвушки, но съ своей стороны требую тысячу піастровъ выкупа". Изъ этого возникаетъ шумный споръ, пока будущій тесть не согласится на половину цѣны и торгъ заключенъ, что служитъ сигналомъ громкихъ выраженій радости. Молодежь забавляется разнаго рода играми и фокусами; одно изъ самыхъ любимыхъ занятій стрѣльба въ цѣль, въ голову ибиса, прибитую надъ дверью палатки. Затѣмъ зовутъ „катиба" или нотаріуса, который беретъ стебелекъ травы, называемой „gassaleh", и завертываетъ въ чалму жениха. Послѣ этого онъ подходитъ къ отцу невѣсты и жениху, кладетъ между ними свернутую чалму и крѣпко сжимая ихъ руки спрашиваетъ отца невѣсты: „Согласенъ ли ты отдать свою дочь этому человѣку?" на что слѣдуетъ отвѣтъ: „Согласенъ". Тогда катибъ обращается къ жениху съ вопросомъ: „Берешь ли ты въ жены дѣвушку, чтобы прожить съ ней счастливые и черные дни?" и если этотъ отвѣтитъ: „Я беру ее", то онъ добавляетъ: „Если ты будешь дурно обращаться съ нею, и она будетъ нуждаться въ пищѣ и одеждѣ, то грѣхъ падетъ на твою голову". Эти вопросы и отвѣты повторяются до трехъ разъ, послѣ чего обрученіе считается оконченнымъ. Дѣвушка остается въ неизвѣстности до послѣдней минуты, если у ней явилось подозрѣніе относительно своей помолвки, то приличіе требуетъ, чтобы она сдѣлала попытку бѣжать въ горы.

Вечеромъ, когда, по возвращеніи съ пастбища, она сидитъ въ палаткѣ

своего отца, то за нею ставятъ втайнѣ жаровню съ горячими угольями и посыпаютъ ихъ ладаномъ, дымъ котораго долженъ защитить ее отъ дурнаго глаза. Въ этотъ моментъ въ палатку прокрадывается катибъ съ „aƀba“ (верхнее платье) жениха и внезапно накидываетъ его на нее со словами: „Имя Божіе да будетъ съ тобою! Никто не можетъ взять тебя въ жены, кромѣ такого-то“ и называетъ при этомъ имя ея будущаго мужа. Дѣвушка вскакиваетъ съ мѣста, хочетъ обратиться въ бѣгство и съ громкимъ плачемъ и крикомъ зоветъ на помощь отца и мать; собравшіяся женщины насильно хватаютъ ее, повторяя въ одинъ голосъ слова катиба; затѣмъ въ знакъ торжества раздается пронзительный возгласъ: „Zagharit!“ или „Zagruta“. Невѣсту отводятъ въ палатку, раскинутую передъ жилищемъ ея отца и кропятъ ее кровью овцы, принесенной въ жертву по этому случаю. Три дня она остается въ палаткѣ. Затѣмъ составляется шествіе изъ женщинъ, которыя ведутъ ее къ „живому источнику“ (т. е. проточной водѣ) и по окончаніи омовенія провожаютъ до палатки жениха, который въ честь ея устраиваетъ большое празднество. Сосѣди, въ свою очередь, жертвуютъ овцу для общаго угощенія и получаютъ наравнѣ съ женщинами, присутствующими при церемоніи, денежный подарокъ отъ отца невѣсты. Одни эйценехъ въ этихъ обычаяхъ до извѣстной степени отличаются отъ другихъ племенъ; у нихъ дѣвушка, вмѣсто того, чтобы остаться въ палаткѣ отца, обращается въ бѣгство и проводитъ три дня въ горахъ. Если дѣвушка нашла жениха по своему выбору, а родные хотятъ ее принудить выйти замужъ за другаго, то она пользуется предоставленнымъ ей трехдневнымъ срокомъ, прячется въ палаткѣ сосѣда и такимъ образомъ отдаетъ себя подъ его защиту. Здѣсь она остается до тѣхъ поръ, пока не удалится непрошенный женихъ и не начнутся переговоры съ ея возлюбленнымъ и его родными. Какъ только родится ребенокъ мать опускаетъ его въ отверстіе, сдѣланное въ полу палатки, наз. girbûs. Затѣмъ она завертываетъ его отъ колѣнъ до пояса въ полотно или кусокъ сукна, кладетъ въ колыбель или, вѣрнѣе, мѣшокъ, называемый „zangûd“ и красить ему глаза и брови сурьмой. Голову сплющиваютъ въ надлежащую форму и крѣпко связываютъ. Въ руку ребенка вкладываютъ кусокъ душистой камеди; браслеты изъ стеклянныхъ бусъ и мелкихъ мѣдныхъ монетъ на рукахъ и ногахъ дополняютъ этотъ своеобразный дѣтскій туалетъ, который возобновляютъ утромъ и вечеромъ. Послѣ родовъ женщина не выходитъ изъ палатки впродолженіе семи и даже четырнадцати дней. На седьмой день вся ея одежда тщательно моется. Если родится мальчикъ, то въ честь матери устраивается празднество; если дѣвочка, то это считается лишнимъ, потому что бедуинъ говоритъ: „el Benât battâlech“ (дѣвочки ни на что не годны). Это презрительное отношеніе къ дѣтямъ женскаго пола дошло до невѣроятной степени у до-исламскихъ арабовъ Синая, и отмѣна обычая „Wad el Benat“ или погребенія живыхъ дочерей, принадлежитъ къ самымъ виднымъ и благодѣтельнымъ реформамъ мусульманства (По E. H. Palmer. Der Schauplatz der vierzigjärigen Wüstenwanderung Israels. Fussreisen in der Sinaihalbinsel und einigen angrenzenden Gebieten. Gotha 1876).

Вообще положеніе женщины у арабовъ, особенно въ городахъ до сихъ поръ не можетъ быть названо удовлетворительнымъ. Восточный человѣкъ даже не желаетъ слышать о равноправности женщинъ (которое у янки доходитъ до идолопоклонства дамамъ). „Боже, благодарю тебя, что я не родился женщиной!“ молился еврей еще въ до-христіанскія времена. У арабовъ до сихъ поръ существуетъ презрительное выраженіе: „Съ позволенія сказать женщина“. По мнѣнію восточнаго человѣка европеецъ унижаетъ себя, когда говоритъ о своей женѣ или освѣдомляется о чьей либо другой; для него это равносильно тому,

что спрашивать о здоровьи служанки или кухарки. Это явленіе разумѣется представляетъ непосредственное слѣдствіе гаремной жизни и рабства. Нужно замѣтить, что ни объ одномъ изъ восточныхъ учрежденій не существуетъ такихъ превратныхъ понятій, какъ о гаремной жизни, съ которой неизбѣжно связываютъ такъ называемую „восточную роскошь".

Баронъ Гейнрихъ Мальцанъ, во время своего путешествія по Аравіи, не разъ видалъ настоящіе гаремы, въ ихъ обыденной обстановкѣ, обитатели которыхъ даже не подозрѣвали, что имѣютъ передъ собой зрителя. Между прочимъ онъ посѣтилъ въ Меккѣ гаремъ одного богатаго человѣка, который имѣлъ довольно значительное число красавицъ, хотя ко многимъ изъ нихъ прилагательное „красивая", могло быть примѣнено только въ томъ смыслѣ, что онѣ принадлежали къ такъ называемому „прекрасному" полу. У него было три законныхъ жены, старшая, средняя и младшая; первыя двѣ величественныя полныя дамы, послѣдняя съ необыкновенно нѣжными и тонкими чертами лица. Кромѣ того было нѣсколько чернокожихъ наложницъ, нѣсколько невольницъ, цѣлое гнѣздо дочерей различнаго возраста, не исключая двадцатилѣтнаго, равно и значительное число маленькихъ мальчиковъ, потому что подростки не могутъ оставаться въ гаремѣ. Все это общество помѣщалось какъ попало въ большой залѣ, къ которой примыкали крошечныя спальни трехъ женъ (всѣ остальные проводили ночи въ залѣ). Здѣсь они ѣдятъ, спятъ, моются, поютъ, болтаютъ, и всего чаще проводятъ время въ спорахъ, потому что миръ и согласіе не принадлежатъ къ добродѣтелямъ господствующимъ въ гаремахъ. Впрочемъ и ссоры бываютъ здѣсь непродолжительны, и, по временамъ, уступаютъ мѣсто изъявленіямъ сестринской нѣжности. Яблокомъ раздора конечно служилъ хозяинъ дома. Если которая нибудь изъ женъ или рабынь временно обращала на себя его вниманіе, тотчасъ-же возникала самая тѣсная дружба между ея соперницами. Только одна держалась въ сторонѣ отъ остальныхъ, а именно младшая и самая красивая жена, которой всякій человѣкъ со вкусомъ долженъ былъ бы отдать пальму первенства по красотѣ. Но ея грубоватый мужъ не въ состояніи былъ достаточно оцѣнить ее, потому что иначе онъ отказался бы отъ другихъ женъ и оставилъ ее одну. Она конечно была немного горда и сдержанна, что не всегда нравится восточнымъ людямъ; только утонченныя натуры умѣютъ цѣнить эти свойства, а болѣе грубыя требуютъ безотвѣтной чувственной любви. Хозяинъ дома получалъ большіе доходы, благодаря множеству пилигримовъ, которые постоянно останавливались у него, поэтому и въ гаремѣ господствовало изобиліе. Здѣсь не было недостатка въ дорогихъ платьяхъ и украшеніяхъ, которыя были на всѣхъ женщинахъ, начиная отъ послѣдней невольницы до первой жены. Украшенія у восточныхъ женщинъ не роскошь, а скорѣе самое вѣрное, хотя и непроизводительное помѣщеніе капитала. Проценты не въ ходу между строгими мусульманами. Поэтому богатство большей частью не приноситъ никакихъ доходовъ, и еще за него приходится платить налоги, иногда очень значительные. Одни только золотыя и другія украшенія изъяты отъ налоговъ, и такъ какъ формѣ не придаютъ никакого значенія, то они сохраняютъ свою первоначальную стоимость по вѣсу металла, чѣмъ объясняется изобиліе ихъ въ гаремахъ. Обитательницы вышеупомянутаго гарема были буквально увѣшаны брилліантами и разодѣты въ дорогія платья. Это была своего рода „восточная роскошь", но не то, что подъ этимъ словомъ подразумѣваютъ европейцы, которые привыкли чтобы все было одинаково изящно на женщинѣ, которая позволяетъ себѣ носить такія дорогія вещи. Что сказалъ бы каждый изъ насъ, еслибы которая либо изъ нашихъ дамъ надѣла великолѣпную мантилію изъ настоящаго кру-

жева на полинялое отъ стирки ситцевое платье. На востокѣ это составляетъ самое обыденное явленіе. Бываетъ и хуже этого: та-же самая особа, у которой на шеѣ всякія драгоцѣнности, на плечахъ рѣдкая кашемировая ткань,— въ состояніи надѣть грязную изношенную юбку, всю въ лохмотьяхъ. То-же было и въ гаремѣ моего хозаина. Я видѣлъ однажды, какъ его первой женѣ принесли въ подарокъ дорогой индійскій платокъ, затканный золотомъ. Хотя ея растрепанные волосы были украшены бриллiантами, но остальная одежда имѣла такой видъ, какъ будто она спала въ угольной ямѣ и прогуливалась среди репейника. Тѣмъ не менѣе дорогой платокъ былъ немедленно надѣтъ этой чумичкой, и разумѣется представлялъ странный контрастъ съ ея остальнымъ костюмомъ. То-же, замѣчаетъ Мальцанъ, встрѣчалъ я во всѣхъ восточныхъ гаремахъ, надъ которыми мнѣ удавалось украдкой дѣлать мои наблюденія, равно и въ гаремахъ высшихъ сановниковъ и богатѣйшихъ восточныхъ князей (Heinr, Frhr. von Maltzan in der Neuen freien Presse vom 20. August 1873).

Этотъ-же путешественникъ описываетъ дамское общество въ Аравіи, о которомъ онъ имѣлъ случай собрать достовѣрныя свѣдѣнія въ Геджасѣ, а именно въ Джедда. „Шейха (scheicha) составляетъ обычный титулъ, съ которымъ знатныя дамы Геджаса обращаются другъ къ другу. Слово шейха означаетъ собственно „старѣйшая“, но отсюда ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выводить заключенія, чтобы она дѣйствительно была „старѣйшая“ по возрасту. Она можетъ быть молода и хороша собой и все таки ее будутъ называть такъ, потому что ея мужъ одинъ изъ старѣйшихъ, хотя и онъ самъ подчасъ не старъ годами и не всегда пользуется репутаціей мудрости. Этотъ почетный титулъ, который означаетъ извѣстный чинъ, крайне щедро раздается въ Геджасѣ, такъ что каждый сколько нибудь знатный и не совсѣмъ бѣдный человѣкъ имѣетъ его. Привѣтствія между дамами носятъ вообще характеръ церемонности; соотвѣтственно съ этимъ употребляются самыя напыщенныя выраженія. Хозяйка дома обращается къ вновь прибывшимъ гостямъ со словами: „На мою хижину снизошла благодать о шейха! твоя величественная нога переступила мой низкій порогъ“. Посѣтительница старается превзойти ее въ любезности и отвѣчаетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: „Слабая звѣзда меркнетъ отъ солнечнаго блеска о шейха и едва осмѣливается показать свой свѣтъ передъ этими лучезарными лунами. „Звѣзда, разумѣется, особа, говорящая это привѣтствіе, солнце хозяйка дома, а луны — гостьи прибывшія до ея прихода. Бесѣда въ этомъ тонѣ продолжается довольно долго, потому что шейхи должны сказать другъ другу отъ десяти до двѣнадцати подобныхъ фразъ. Затѣмъ наступаетъ очередь другихъ приглашенныхъ. Если которая изъ вновь прибывшихъ незнакома съ остальными дамами, то ее представляютъ косвеннымъ образомъ; такъ какъ не принято непосредственно знакомить гостей другъ съ другомъ. При этомъ обыкновенно употребляется титулъ: „Es Sitt“ (госпожа), но не шейха, какъ въ другихъ случаяхъ. Хозяйка указываетъ на незнакомую даму и говоритъ той, которой она хочетъ представить ее: „Госпожа такая-то (называетъ имя) восхищалась передъ этимъ твоей прекрасной одеждой о шейха! и т. д. Представленіе этимъ ограничивается. Затѣмъ наступаетъ очередь другихъ, и когда наконецъ, всѣ перезнакомятся, между собой начинается самый задушевный разговоръ. Таковъ тонъ хорошаго дамскаго общества на Востокѣ. Судя по ихъ обращенію, онѣ всѣ точно влюблены другъ съ другомъ, и на перерывъ разсыпаются между собой въ любезностяхъ. Но и здѣсь невозмутимо гладкая поверхность воды не исключаетъ возможности бурь. Яблокомъ раздора также, какъ и въ Европѣ, служитъ соперничество, а именно невинное желаніе превзойти въ туалетѣ остальныхъ женщинъ. Хотя все, что надѣто на другой дамѣ, восхваляется въ самыхъ преувеличенныхъ выраженіяхъ, но глубокая печаль снѣдаетъ сердце ея соперницъ, если она дѣйствительно заслу-

живаетъ этого восхищенія. Но если, наоборотъ, которая либо изъ дамъ дурно одѣта, то какое злорадство наполняетъ серца ея подругъ, какъ трудно скрыть имъ свою затаенную радость! Однѣ только жены и дочери высшихъ сановниковъ неуязвимы въ этомъ отношеніи. Онѣ до извѣстной степени, какъ бы оффиціально признаются красавицами въ женскомъ ареопагѣ, если бы даже были дурны собой, какъ смертный грѣхъ.

Но въ жизни каждой восточной женщины, даже самой незнатной есть періодъ, гдѣ всѣ считаютъ своимъ долгомъ расточать передъ ней ѳиміамъ лести. Это счастливая пора, когда она невѣста и, въ особенности, новобрачная. Въ послѣднемъ случаѣ, впродолженіе двухъ, трехъ недѣль, она возведена въ роль богини надъ всѣми остальными дочерями Евы. Но и это положеніе представляетъ свои неудобства. Красавица во все время свадебныхъ пиршествъ (всегда нѣсколько недѣль) должна каждое утро отдавать себя въ полное распоряженіе женщины, которая занимается ремесломъ одѣванія невѣстъ. Послѣдняя натираетъ ее мазью и масломъ, краситъ румянами, наклеиваетъ на лицо золотыя блестки, завиваетъ, однимъ словомъ производитъ различныя операціи, способствующія украшенію наружности. Къ полудню невѣста выходитъ изъ своей комнаты во всемъ блескѣ красоты, остатокъ дня она проводитъ на возвышеніи, устроенномъ на подобіе трона и принимаетъ визиты многочисленныхъ посѣтительницъ. Въ подобныхъ случаяхъ домъ невѣсты бываетъ переполненъ толпой женщинъ, потому что къ ней допускаютъ знакомыхъ и незнакомыхъ, знатныхъ и простыхъ. При этомъ прекращается всякое соперничество. Посѣтительницы даже не особенно наряжаются, чтобы не подумали, что онѣ хотятъ затмить собой виновницу торжества. Приглашаютъ пѣвицъ, которыя восхваляютъ ее въ прекрасныхъ арабскихъ стихахъ; наемныя танцовщицы исполняютъ въ честь ея свои танцы. Свадебныя празднества составляютъ любимое препровожденіе времени аравитянокъ. Простыя женщины даже не знаютъ другихъ увеселеній, и только у знатныхъ существуютъ вышеупомянутые кружки. Вообще болѣе близкое знакомство съ жизнью восточныхъ женщинъ убѣждаетъ насъ, что она не особенно разнится отъ европейской и не такъ бѣдна удовольствіями, какъ обыкновенно думаютъ. Сношенія съ мужчинами разумѣется ограничены въ послѣдней степени и всякія свиданія наединѣ покрыты мракомъ таинственности, что также имѣетъ свою прелесть. Несомнѣнно нѣкоторыя изъ обитательницъ гарема завидуютъ свободѣ европейскихъ женщинъ, но остальнымъ неизвѣстно это чувство. Ихъ матери и бабки жили также какъ онѣ и не были при этомъ несчастны. Зачѣмъ стремиться имъ къ свободѣ, которая внушаетъ большинству нѣкотораго рода страхъ, какъ все неизвѣстное. Къ тому-же свобода при нынѣшнемъ развитіи восточныхъ женщинъ привела бы ихъ только къ гибели.

Несмотря на унизительное положеніе женщинъ, арабъ не менѣе бедуина дорожитъ семьей и считаетъ обладаніе ею величайшимъ счастіемъ и честью. Горе о потери члена семьи отца, мужа или сына выражается слезами и воплями; у нѣкоторыхъ племенъ трауръ по близкомъ покойникѣ продолжается цѣлый годъ. Если у товарахъ умираетъ бедуинъ, то его тѣло тотчасъ уносятъ изъ палатки на мѣсто назначенное для погребенія, моютъ мыломъ и завертываютъ въ полотно. Возлѣ покойника кладутъ мѣшокъ съ небольшимъ количествомъ зерноваго хлѣба (наз. „schedadeh“), послѣ чего непосредственно слѣдуютъ похороны. Когда покойникъ опущенъ въ землю, то его друзья, ударяютъ палками по землѣ, читаютъ молитву и восклицаютъ: „О милосердный Богъ, не оставь насъ, милостивый Боже!“ Затѣмъ они дотрагиваются до верхняго края могилы небольшой лопаткой и обращаются къ покойнику съ слѣдующими словами: „Если зеленые ангелы станутъ спрашиватъ и испытывать тебя, то скажи: Охотникъ до пировъ веселится, волкъ идетъ на добычу; судьба человѣка всегда одинакова, все кончено для меня. Яблоня твоя тетка, пальма твоя

мать". Послѣ того каждый бросаетъ горсть земли въ могилу со словами: „Господь да будетъ милостивъ къ тебѣ"! всѣ идутъ въ палатку умершаго, гдѣ приготовлено угощеніе. Четыре мѣсяца спустя въ честь его снова происходитъ пиршество. Если кто либо умираетъ въ лагерѣ, то родственницы покойнаго выходятъ изъ своихъ палатокъ, снимаютъ покрывало, и поднимаютъ громкій надгробный плачъ, который продолжается цѣлый день.

СИРІЯ И МЕСОПОТАМІЯ.

Когда Александръ Великій, во время своего побѣдоноснаго похода на персидское государство, перешелъ малоазіатскія пограничныя горы Аманусъ, то встрѣтилъ впервые сильную многочисленную націю, отъ которой въ настоящее время уцѣлѣли жалкіе остатки. Она жила на востокѣ близъ устья Тигра и Ефрата, простиралась на сѣверо-востокъ и сѣверъ до гористыхъ окраинъ Мидіи, Арменіи и Малой Азіи. На западѣ, несмотря на спорадическое разселеніе этой національности, языкъ ея былъ нѣкогда распространенъ до Синайскаго полуострова, но гдѣ собственно она граничила къ югу съ сѣверной Аравіей нельзя опредѣлить въ точности. Жители этой обширной полосы земли говорили однимъ языкомъ, раздѣленнымъ на различные діалекты, которые были настолько же сродны между собой, какъ нынѣшнія нѣмецкія нарѣчія. Хотя всѣ племена, входившія въ составъ этой націи, были извѣстны подъ однимъ именемъ арамейцевъ, но греки называли ихъ сирійцами. Слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать вліянію христіанства, что они отказались отъ своего туземнаго прозвища и приняли греческое названіе, которымъ съ теченіемъ времени стали исключительно обозначать западныхъ арамейцевъ. Эти сирійцы никогда не достигали національнаго единства, что и было главной причиной, почему они не въ силахъ были оказать противодѣйствіе періодическимъ народнымъ бурямъ, которыя разражались на нихъ. Такимъ образомъ сирійская національность не могла дойти до самобытнаго развитія; въ настоящее время она почти совсѣмъ исчезла съ лица земли и проявляетъ только слабые признаки существованія. Древніе арамейцы были, подобно арабамъ, семиты, но принадлежали наравнѣ съ своими племенными родичами, евреями, жившими съ ними по сосѣдству, къ сѣверной отрасли этой народной семьи. Въ настоящее время мы подразумѣваемъ подъ именемъ сирійцевъ, не только арамейцевъ, но потомковъ различныхъ народовъ, кромѣ евреевъ, которые въ началѣ нашего лѣтосчисленія говорили по арамейски. Эти сирійцы образуютъ на далекомъ пространствѣ христіанскій элементъ нынѣшней Си-

ріи и являются, по преимуществу, представителями христіанства на востокѣ, хотя они съ давнихъ поръ раздѣлились на несторіанъ и монофизитовъ. Сопротивленіе сирійской національности наплыву гордаго арабскаго элемента, исполненнаго молодыхъ силъ, не могло быть особенно устойчиво. Значительная часть сирійцевъ скоро перешла въ исламъ и, вмѣстѣ съ религіей, приняла арабскій языкъ. Впослѣдствіи произошло постепенное вымираніе сирійскаго языка, который уже во времена Бархебреуса, послѣдняго значительнаго сирійскаго писателя, былъ уже повидимому мертвымъ, церковнымъ и ученымъ языкомъ. Сирійцы начали писать по арабски, но не арабскими, а сирійскими письменными знаками. Рукописи этого рода называются особымъ до сихъ поръ необъясненнымъ названіемъ „karschûni".

Къ сожалѣнію мы можемъ сообщить весьма немногое о существующихъ нынѣ остаткахъ сирійской національности и языкѣ. Восточный берегъ озера Урмія, равно и городъ того же имени въ сѣверозападной Персіи, населены несторіанами, говорящими на простонародномъ сирійскомъ нарѣчіи. Среди нихъ водворилась американская миссія, завела школы и перевела библію на ихъ нарѣчіе. Отдѣльныя несторіанскія общины, говорящія на томъ-же нарѣчіи, находятся также въ Курдскихъ горахъ. Затѣмъ существуютъ сирійскія (монофизитскія) общины въ Турабдинѣ, на сѣверѣ Месопотаміи, гдѣ жители говорятъ на особомъ простонародномъ сирійскомъ нарѣчіи. Наконецъ монофизиты живутъ въ деревнѣ Малула, по близости Дамаска, которые равнымъ образомъ отличаются особымъ говоромъ (Eduard Sachau in der Oesterr. Wochenschrift 1872, Bd. II s. 289—294.) Населеніе нынѣшней Сиріи въ этнографическомъ отношеніи дѣлится на собственно сирійцевъ, грековъ, арабовъ, турокъ, евреевъ и франковъ, а по религіи: на магометанъ, христіанъ, евреевъ, назареевъ, измаильтянъ, друзовъ, метавиле, маронитовъ и т. д. Большинство принадлежитъ къ греческой церкви; остальные сирійскіе христіане дѣлятся на греко-уніятовъ, сирійскихъ храстіанъ, уніатовъ и маронитовъ, приверженцевъ римско-католической церкви, затѣмъ на такъ называемыхъ якобитовъ или сирійскихъ христіанъ не-уніатовъ и наконецъ на коптовъ и армянъ.

По свидѣтельству Альфреда Кремера, эти сирійскіе христіане представляютъ въ высшей степени интеллигентную расу, весьма воспріимчивую къ культурѣ. Не напрасно ихъ далекіе предки, финикіяне, были однимъ изъ наиболѣе одаренныхъ культурныхъ народовъ древности. Разумѣется въ жилахъ новѣйшихъ сирійцевъ течетъ неуловимо малая частица финикійской крови, но примѣсь греческаго и арабскаго элемента не принесла ущерба ихъ природнымъ склонностямъ. Они все-таки остались финикіянами по своей предпріимчивости, способности къ торговлѣ и страсти къ путешествіямъ. Въ Марселѣ, Ливерпулѣ и Манчестерѣ существуютъ значительныя сирійскія колоніи, которыя ведутъ дѣла съ своей отдаленной родиной и даже поддерживаютъ торговыя сношенія съ Швеціей, Норвегіей и сѣверомъ. Равнымъ образомъ христіане Бейрута вообще пользуются довольно значительнымъ благосо-

стояніемъ, соотвѣтствующимъ ихъ трудолюбію. Здѣсь нѣтъ и слѣдовъ того отвратительнаго пролетаріата, который составляетъ язву большихъ европейскихъ городовъ. Всѣ занимаются торговлей или какимъ либо промысломъ. Особенно пріятное впечатлѣніе производитъ ихъ простая патріархальная семейная жизнь. Женщины красивы, интеллигентны, хотя безъ особеннаго научнаго образованія, хорошія матери, бережливыя хозяйки и до ребячества преданы своимъ мужьямъ. Онѣ имѣютъ мало сношеній съ внѣшнимъ міромъ и довольствуются тихой жизнью въ тѣсномъ домашнемъ кругу. Чтеніе романовъ и бряцанье на фортепьяно къ счастью составляютъ пока рѣдкое явленіе; но тѣ семьи, гдѣ съ французскимъ полуобразованіемъ вошелъ въ употребленіе кринолинъ, представляютъ мало утѣшительнаго. Здѣсь исчезла старая простота

Сиріецъ.

нравовъ и уступила мѣсто нелѣпому подражанію европейскимъ нравамъ, въ самой формѣ. Хотя нѣтъ недостатка въ женскихъ школахъ, но преподаваніе преимущественно направлено на изученіе французскаго или англійскаго языка. Община „Сестеръ Милосердія" имѣетъ довольно хорошую женскую школу, въ которой учатъ рукодѣлію и подготовляютъ туземныхъ воспитательницъ. Но еще больше хвалятъ институтъ „Сестеръ Назарета" и училище „Прусскихъ Діакониссъ". Богатая англичанка г-жа Моттъ употребляетъ большія суммы на благотворительныя и благочестивыя цѣли; она содержитъ на свой счетъ основанный ею институтъ слѣпыхъ, женскій пансіонъ и многочисленныя элементарныя школы, которыя между прочимъ поставили себѣ задачей распространеніе претестантства. Вообще религіозная пропаганда въ Сиріи служитъ

главнымъ рычагомъ всѣхъ предпріятій, относящихся къ народному образованію. Изъ нихъ особенно заслуживаетъ вниманія школа американскихъ миссіонеровъ, которую они нѣсколько высокопарно величаютъ университетомъ. Она преимущественно преслѣдуетъ практическія цѣли и въ этотъ отношеніи стоитъ выше другихъ учебныхъ заведеній, гдѣ всего больше обращено вниманіе на преподаваніе языковъ. Молодые сирійцы, которымъ вообще не достаетъ осно-

Сирійскій торговецъ коврами.

вательнаго образованія, послѣ четырехъ-лѣтняго пребыванія въ этой школѣ становятся врачами и получаютъ докторскій дипломъ. Эти юные Эскулапы, которымъ европеецъ врядъ ли рѣшился бы довѣрить свою жизнь, во всякомъ случаѣ далеко превосходитъ туземныхъ лекарей-шарлатановъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ, такъ называемый университетъ, не смотря на легкое отношеніе къ знанію вообще, оказалъ немалую услугу странѣ распространеніемъ

полезныхъ свѣдѣній, особенно благодаря знакомству съ естественными науками. Въ то же время профессора этого университета являются усердными проповѣдниками евангелія и занимаются пропагандой съ чисто американской энергіей. Протестантская община въ Бейрутѣ состоитъ уже изъ нѣсколькихъ сотъ семействъ, и помимо школы и усовершенствованной типографіи, богатыя пожертвованія изъ Америки дали ей возможность построить прекрасную церковь. Въ Ливанѣ идеи протестантства также дѣлаютъ быстрые успѣхи. На ряду съ протестантскими учрежденіями существуютъ католическія и православныя. Наилучшее изъ нихъ — коллегія мелкитійскихъ грековъ, которая имѣетъ нѣсколько сотъ пенсіонеровъ и хорошо ведется, какъ въ смыслѣ пищи, такъ и преподаванія. Для послѣдняго принятъ арабскій языкъ; что-же касается вопросовъ вѣры, то коллегіи относятся къ нимъ довольно безразлично. Равнымъ образомъ особенно хорошей репутаціей пользуются двѣ французскія коллегіи: іезуитовъ въ Гацирѣ и лазаристовъ въ Антурѣ. Большинство молодыхъ бейрутцевъ кончило въ нихъ свое воспитаніе; отсюда французскій языкъ мало по малу распространился въ образованномъ классѣ; въ настоящее время онъ почти вытѣснилъ итальянскій языкъ, который двадцать лѣтъ тому назадъ былъ здѣсь господствующимъ (Ausland 1872, s. 150—151).

Сельское населеніе Сиріи и Палестины составляютъ также, какъ и въ Египтѣ, феллахини или крестьяне, къ которымъ кочевые бедуинскіе племена относятся съ презрѣніемъ. Этихъ феллахиновъ часто смѣшивали съ бедуинами и даже отчасти съ господствующей націей, турками, которыхъ здѣсь вообще незначительное количество. Между тѣмъ феллахини находятся въ величайшемъ угнетеніи и служатъ послушнымъ орудіемъ для турецкихъ чиновниковъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя подобно Гаурану лежатъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ правительственными центрами. Но въ покоренныхъ сирійскихъ земляхъ, гдѣ нѣтъ бедуиновъ, положеніе феллахиновъ ничуть не лучше. Они живутъ въ жалкихъ глиняныхъ хижинахъ и даже это ограниченное помѣщеніе дѣлятъ съ своимъ домашнимъ скотомъ, большей частью крайне малочисленнымъ. У нихъ вездѣ принятъ арабскій языкъ; исламъ составляетъ господствующую религію; мѣстами между ними встрѣчаются христіане, но не евреи. Разумѣется, у нихъ не можетъ быть той чистоты крови, какъ у кочевниковъ пустыни, но, по внѣшности, между тѣми и другими нѣтъ большой разницы. Феллахини вслѣдствіе усиленной работы только нѣсколько мускулистѣе и, соотвѣтственно своему угнетенному положенію, отличаются робостью и боязливостью отъ гордыхъ и самоувѣренныхъ бедуиновъ. По измѣреніямъ П. Лангергауза головы феллахиновъ относительно размѣровъ нѣсколько больше, чѣмъ у кочевниковъ, и они также какъ эти послѣдніе принадлежатъ къ ортокефаламъ (Arch. f. Anthrop., Bd. VI s. 202, 211).

Феллахская деревня состоитъ изъ 20 — 100 хижинъ, скученныхъ вокругъ высокаго двухъэтажнаго дома шейха и обыкновенно расположенныхъ на возвышеніи, по близости воды. Очага не существуетъ, и въ хижинѣ нѣтъ другой утвари, кромѣ постели, нѣсколькихъ циновокъ и кухонной посуды; только у достаточныхъ людей встрѣчаются ковры и диваны. За хижинами расположены

фиговыя и гранатовыя плантаціи, а также красивыя оливковыя рощи. Близь деревни возвышается „Mukam“, съ своимъ бѣлымъ куполомъ, священное мѣсто, гдѣ находится гробница какого нибудь святаго, нерѣдко изъ временъ язычества; немного далѣе колодецъ или источникъ, къ которому съ шумомъ и болтовней идутъ стройныя дѣвушки и дородныя матроны съ своими большими черными или коричневыми кувшинами. Когда чужестранецъ входитъ въ деревню, то „ghufr“ или сторожъ ведетъ его въ гостинницу, гдѣ ему подаютъ даромъ кофе и ѣду и онъ только при прощаньи даетъ сторожу мелкую монету. Населеніе деревни доходитъ до 30—40, а иногда и 1000 душъ. Мужчины воздѣлываютъ поле, мальчики стерегутъ стада, женщины готовятъ ѣду и носятъ воду. Пища почти исключительно растительная; онъ состоитъ изъ прѣснаго хлѣба, который макаютъ въ масло, риса, оливокъ, винограднаго сока, растопленнаго масла, яицъ, плодовъ, гороха и огурцовъ. Мясо ѣдятъ только во время большихъ праздниковъ. Питьемъ служитъ вода и кофе, и то и другое употребляется въ невѣроятномъ количествѣ. Типичный головной уборъ феллаха состоитъ изъ чалмы, т. е. шерстяной или шелковой шали, обвитой вокругъ красной ермолки („tarbusch“). Подъ этой ермолкой надѣта одна или двѣ войлочныхъ ермолки („libdak“); подъ ними еще одна стеганная изъ бѣлой бумажной ткани, которая плотно прилегаетъ къ головѣ („takijeh“). Феллахъ неохотно снимаетъ свой головной уборъ при постороннихъ и отодвигаетъ его на уши, которыя вслѣдствіе этого образуютъ прямой уголъ или даже бываютъ отворочены книзу. Волосы на головѣ постоянно выбриваются. Необыкновенно длинная рубашка, съ разрѣзомъ отъ шеи до таліи, доходитъ до пятъ и опоясана широкимъ кожанымъ поясомъ. При ходьбѣ феллахъ продѣваетъ нижній край рубашки между ногъ и притягиваетъ его къ поясу, такъ что ноги обнажены выше колѣнъ. Сверху накинутъ шерстяной плащъ („abba“), какъ у бедуиновъ. На ногахъ одѣты красные кожанные башмаки съ острыми концами. Болѣе достаточные люди носятъ сверхъ рубашки верхнее платье красное или пурпуровое, а также полосатое, бѣлое съ желтымъ („kumbaz“); въ городахъ преимущественно въ употребленіи короткая суконная куртка (dschubbeh“). Женская одежда состоитъ изъ широкаго голубаго платья со шлейфомъ, чернаго головнаго покрывала и вуаля, украшеннаго каймой изъ висячихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, который отъ глазъ доходитъ до тальи. Въ горахъ Іерусалима и Геброна голубая рубашка у женщинъ не такъ широка, какъ у мужчинъ, но несравненно длиннѣе, рукава кончаются остріемъ; вуаль не въ въ употребленіи и замѣняется головнымъ покрываломъ изъ бѣлой тяжелой матеріи, которое доходитъ до пояса. Въ Самаріи женщины носятъ капишонъ, который спереди имѣетъ форму лошадиной подковы. Ото лба до ушей протянуто полукруглое украшеніе изъ нанизанныхъ серебряныхъ монетъ, которыя нерѣдко составляютъ все приданое женщины, стоимостью въ 100 марокъ. Женщины имѣютъ красивые глаза, но безобразятъ себя, такъ какъ татуируютъ черной и синей краской лицо, грудь, ноги и руки; между глазами обыкновенно проведена одна черта. Кромѣ того мужчины и женщины, въ знакъ радости, красятъ себѣ ноги, кончики пальцевъ и ладони лавзоніей. Христіане, которые всего многочисленнѣе въ верхней Галилеѣ, отличаются отъ мусульманъ пестрой одеждой и носятъ одну ермолку безъ чалмы. Феллахини преимущественно подвержены воспаленію глазъ, диссентеріи и лихорадкамъ, страданіямъ печени, а также проказѣ, сравнительно частой и пока еще невыясненной болѣзни; но вообще они крѣпкаго тѣлосложенія и отличаются хорошимъ здоровьемъ и выносливостью. Что же касается ихъ характера, то они лѣнивы, расточительны и коварны (Globus, Bd. XXXIV s. 359 — 360). Проф. Сеппъ, наоборотъ, отзывается о нихъ, какъ объ усердныхъ и дешевыхъ работникахъ, но замѣчаетъ, что культура не доступна имъ безъ руководителя (Beil. zur Aleg. Zeit. vom 21 August 1874). Ихъ религіозные обычаи, святыня,

а равно и языкъ носятъ отпечатокъ исторіи ихъ страны. Первобытная политеистическая вѣра уступила здѣсь мѣсто самымъ разнохарактернымъ элементамъ: христіанскія преданія, магометанская исторія и чужеземное идолопоклонство часто неразрывно смѣшаны между собой, такъ что у тѣхъ же алтарей можно встрѣтить такъ называемаго мусульманина, іудеевъ, самаритянъ, христіанъ и даже язычниковъ. Богослуженіе, совершаемое у этихъ алтарей, составляетъ религію деревенскихъ жителей. Хотя по вѣроисповѣданію они принадлежатъ къ магометанамъ, но многіе изъ нихъ ни разу въ жизни не были въ мечети, потому что они больше придаютъ значенія милости и покровительству „Mukam“ (гробницѣ святаго), нежели самого Аллаха и его пророка (A. a. O. Bd. XXXII s. 251).

Среди этой сирійско-арабской народной отрасли уцѣлѣлъ замѣчательный остатокъ народа, который по всѣмъ даннымъ долженъ скоро исчезнуть съ лица земли. Это самаритяне, живущіе замкнутымъ кружкомъ у подножья горы Гарицимъ. Проф. Сеппъ посѣтилъ въ 1874 году ихъ главнаго священнослужителя, который сообщилъ ему, что небольшая самаритянская община состоитъ изъ 160 душъ (Beil. zur Allg. Zeit. vom 9 Iuni 1875.). Ихъ родичи по крови, древніе евреи, нѣкогда преслѣдовали ихъ съ слѣпымъ фанатизмомъ религіозной ненависти и даже въ настоящее время къ нимъ примѣняется бранная кличка „поклонниковъ голубей“, такъ какъ ихъ предки кутейцы этимъ символомъ олицетворяли ассирійскую „мать міра“. Такимъ образомъ они съ одной стороны сдѣлались жертвой сектантской вражды, а съ другой отчасти сами способствовали вымиранію своего ослабѣвшаго племени, потому что изъ-за религіозныхъ причинъ, избѣгали брачныхъ связей съ сосѣдями.

Подобно тому, какъ Кавказъ по множеству населяющихъ его народностей можетъ быть названъ Vagina gentium, такъ Сирія и, въ особенности, Ливанъ заслуживаютъ названіе колыбели религіи. Въ горахъ пріютилось другъ около друга множество мелкихъ народовъ, исполненныхъ религіознаго фанатизма. Рядомъ съ друзами живутъ марониты и мельхиты, нозейріеры или анзаріеры, сунниты и шіиты секты Метуали, которые оспариваютъ другъ у друга право существованія. Христіане у всѣхъ семитскихъ націй называются „nasrani“, назареями въ воспоминаніе Назарета, мѣсторожденія Іисуса. Въ Ливанѣ насчитываютъ до 50,000 греческихъ христіанъ, которые дѣлятся на двѣ партіи. Одни изъ нихъ — православные, находятся подъ духовной властью Іерусалимскаго и Антіохійскаго патріарха и отправляютъ свое богослуженіе на арабскомъ языкѣ; ихъ называютъ также мельхитами. Другіе—греко-католики, состоятъ подъ властью дамасскаго патріарха, признаютъ авторитетъ папы и со стороны Рима пользуются извѣстными уступками, относительно права священниковъ вступать въ бракъ, а также литургіи и причастія. Якобиты, которые въ настоящее время имѣютъ въ Ливанѣ не болѣе трехъ монастырей, представляютъ собой остатки древнихъ монофизитовъ, подобно тому, какъ марониты — остатки прежнихъ моноѳелетовъ. Между сирійскими хри-

стіанами марониты безусловно занимаютъ первое мѣсто. Они населяютъ Ливанъ отъ Триполи на сѣверѣ, до Тира и Генисаретскаго озера на югѣ, а именно округъ Кесруанъ, который можно считать ихъ родиной и главнымъ мѣстомъ жительства. Кромѣ того они встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ среди другихъ народовъ въ Халебѣ, Дамаскѣ, Кипрѣ и въ другихъ городахъ и деревняхъ Сиріи. Марониты приняли христіанство еще во времена апо-

Маронитскій священникъ.

столовъ; они также сирійцы по своему происхожденію, какъ это доказываетъ сирійскій языкъ, принятый до сихъ поръ въ ихъ богослуженіи. Между тѣмъ весьма немногіе марониты понимаютъ сирійскій языкъ, потому что всѣ говорятъ на туземномъ арабскомъ языкѣ.

Путешественники разнятся въ своихъ показаніяхъ относительно численности маронитовъ, которая была нѣкогда весьма значительна, но сильно уменьшилась вслѣдствіе многихъ войнъ и преслѣдованій. По достовѣрному вычисленію 1875 года, общая цифра всѣхъ маро-

нитовъ доходила до 280,000 душъ; они были раздѣлены на восемь эпархій. Число туземцевъ другихъ вѣроисповѣданій, какъ напримѣръ армянъ, грековъ (мелхитовъ), латинянъ, халдеевъ, сирійцевъ и коптовъ доходитъ до 153,000 душъ, такъ что сравнительно съ ними маронитовъ почти вдвое больше. Около 370 мѣстечекъ населены одними маронитами; кромѣ того они живутъ въ 287 деревняхъ, совмѣстно съ другими иновѣрцами, вслѣдствіе чего турки называютъ весь этотъ округъ „смѣшаннымъ“. Въ одномъ Ливанѣ изъ 300,000 жителей насчитывается до 230,000 христіанъ, такъ что Ливанъ долженъ считаться христіанской страной. Якобиты, остатки древнихъ монофизитовъ, имѣютъ всего три монастыря въ Ливанѣ. Со времени послѣдней рѣзни друзы постепенно выселяются въ Гауранъ, такъ что ихъ число въ Ливанѣ, вѣроятно, не превышаетъ 40,000.

По свидѣтельству проф. Г. Чокке, который посвятилъ подробное описаніе маронитамъ (въ Beil. zur Wiener Abendpost vom 22, 23, 24, 26 u. 27 Marz 1880), ихъ духовенство состоитъ изъ патріарха, епископовъ и священниковъ. Во главѣ іерархіи стоитъ патріархъ, который избирается подвластными ему епископами изъ ихъ среды, для чего требуется не менѣе двухъ третей голосовъ и утвержденіе папы. Кромѣ того онъ долженъ черезъ каждые десять лѣтъ представлять отчетъ верховному главѣ католической церкви о состояніи своей патріархіи. Съ 1254 года онъ имѣетъ титулъ „патріарха Антіохійскаго и всего Востока“, и такъ какъ апостолъ Петръ былъ первымъ Антіохійскимъ патріархомъ, то нынѣшній патріархъ кромѣ того носитъ имя Петра (Botros). Ему подвластны эпархіальные архіереи, которые отчасти называются архіепископами, частью епископами; изъ нихъ многіе епископы in partibus infidelium; они имѣютъ почетныя мѣста въ патріархіи и при учебныхъ заведеніяхъ. Изъ нихъ двое завѣдуютъ при патріархѣ духовными и свѣтскими дѣлами, третій управляетъ его епархіей, четвертый живетъ въ Римѣ, въ качествѣ представителя маронитовъ, пятый исполняетъ должность судьи. Эпископамъ подвластны 1200 человѣкъ бѣлаго духовенства, изъ которыхъ одни занимаютъ мѣста приходскихъ священниковъ, или же получаютъ отъ эпископовъ другія назначенія. Число церквей доходитъ до 356. Приходскіе священники избираются общинами; они должны хорошо владѣть сирійскимъ и арабскимъ языкомъ и передъ посвященіемъ въ духовный санъ выдержать соотвѣтствующій экзаменъ. При выборѣ нѣсколькихъ кандидатовъ рѣшаетъ епископъ, а въ спорныхъ случаяхъ— патріархъ. За исключеніемъ земледѣлія имъ строго запрещено заниматься какимъ либо ремесломъ или торговлей. Кромѣ 67 мужскихъ монастырей, въ которыхъ живутъ 1400 монаховъ, существуютъ еще 15 женскихъ монастырей съ 300 монахинь. Монахи большей частью слѣдуютъ уставу св. Антонія. Они воздерживаются отъ всякаго мяса и питаются исключительно молокомъ, оливками, винными ягодами, бобами и виноградомъ; яйца, поджаренныя на оливковомъ маслѣ, считаются у нихъ особенно лакомымъ блюдомъ. Для питья служитъ вода, кофе и въ крайне рѣдкихъ случаяхъ вино. Кромѣ хороваго пѣнія монахи занимаются также полевыми работами. Но всякія умственныя и научныя занятія, которыми нѣкогда славились восточные монастыри, теперь въ полномъ пренебреженіи. Монахи носятъ темнокоричневое платье съ капишономъ и черный кожаный поясъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ есть еще много такъ называемыхъ частныхъ, по преимуществу, женскихъ монастырей, которые не особенно строго придерживаются уставовъ и основаны на средства благочестивыхъ людей, подъ условіемъ, чтобы во главѣ ихъ былъ кто либо изъ ихъ семьи.

Эти монастыри находятся подъ надзоромъ эпархіальнаго епископа. Одежда у всего бѣлаго духовенства почти одинакова. Они носятъ подрясникъ съ длинными узкими рукавами и круто свернутую чалму; вся разница въ цвѣтѣ—священники носятъ темносинюю рясу, епископы фіолетовую, патріархъ—красную. Вообще маронитское духовенство крайне бѣдно, какъ по своей многочисленности, такъ и вслѣдствіе необходимости содержать семью. Бѣдность маронитскаго священника замѣтна во всей его внѣшности и одеждѣ. Только патріархъ и нѣкоторые монастыри владѣютъ значительными помѣстьями; равнымъ образомъ многія церкви имѣютъ обширныя земли. Доходы епископовъ нѣсколько значительнѣе, нежели у священниковъ, но это зависитъ отъ извѣстныхъ условій.

Научное образованіе маротитовъ находится въ жалкомъ состояніи. Для духовенства устроены различныя учебныя заведенія; но для общаго образонанія мірянъ сдѣлано до сихъ поръ очень мало, хотя замѣтно стремленіе произвести въ этомъ отношеніи нѣкоторыя улучшенія. Одно несомнѣнно, что недостатокъ образованія у маронитовъ не привелъ ихъ къ той грубости, испорченности нравовъ и варварству, какое мы встрѣчаемъ у другихъ азіатскихъ народовъ. Нравственному развитію этого бѣднаго, угнетеннаго и преслѣдуемаго народа не мало способствовало присущее ему глубокое религіозное чувство. Марониты, нравственно связанные съ своими священниками, живутъ въ тихомъ уединеніи среди своихъ долинъ. Они до сихъ поръ остались кроткимъ, честнымъ и уживчивымъ народомъ, способнымъ на самоотверженіе и благородныя чувства, который вмѣстѣ съ своей національностью сохранилъ чистоту религіи, такъ какъ никогда не дѣлился на секты и не былъ склоненъ къ внутреннимъ раздорамъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что изъ 300,000 маронитовъ, едва ли найдется 100 человѣкъ, которые бы не соблюдали религіозныхъ обязанностей своей вѣры, хотя въ этомъ отношеніи соблазнъ достаточно великъ въ странѣ, которая служитъ средоточіемъ всевозможныхъ религій и обрядовъ. Всѣ марониты—земледѣльцы, такъ что Ливанъ представляетъ какъ бы сплошную крестьянскую деревню безъ городовъ, гаваней и путей сообщенія съ сосѣдними землями. Тѣмъ не менѣе большинство маронитовъ умѣетъ читать и писать. По чистотѣ нравовъ, гостепріимству, ласковому и открытому обращенію, непоколебимой твердости характера и живости ума, они далеко превосходятъ остальныхъ сельскихъ жителей. У нихъ нѣтъ фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ, газетъ, театровъ и полицейскихъ; но ихъ жены ткутъ прекрасныя ткани и вѣрны своимъ мужьямъ; авторитетъ главы семейства замѣняетъ вооруженную силу. При этомъ красота неба, величіе безбрежнаго моря, плодородіе почвы, достигнутое ими въ потѣ лица, ежедневно доставляютъ имъ зрѣлище, которымъ они умѣютъ довольствоваться. Проступки составляютъ рѣдкость; о преступленіяхъ почти не слышно. Хотя многіе путешественники отзываются о нихъ съ отрицательной стороны, но, по мнѣнію проф. Чокке, это слѣдуетъ приписать ихъ предубѣжденію противъ страны или тому, что они судили о маронитахъ съ европейской точки зрѣнія.

Марониты по своему образу жизни мало отличаются отъ остальныхъ сельскихъ жителей. Большая часть деревень расположена на склонѣ горъ. Домъ состоитъ изъ четырехъ каменныхъ стѣнъ крытыхъ бревнами. Пустое пространство между балками крыши наполнено хворостомъ и плотно замазано глиной, которую уминаютъ въ дождливое время желѣзнымъ валькомъ, такъ что образуется крѣпкій каменный полъ. Нижній этажъ служитъ для помѣщенія скота. Сѣверная стѣна безъ оконъ; двери устроены съ противоположной стороны, а равно и единственное окно, которое закрывается ставнями. Внутри дома устроена деревянная широкая полка, для домашней утвари, и скамья, покрытая пестрой тканью или подушкой. Каждый домъ осѣненъ орѣховымъ или фиговымъ деревомъ и при немъ находится небольшой садъ или плантація

деревьевъ, которая орошается рвами и канавами, въ которые вода проведена изъ ручья, протекающаго черезъ мѣстность. Жилища богатыхъ людей ничѣмъ не отличаются отъ вышеописанныхъ, только обыкновенно состоятъ изъ нѣсколькихъ каменныхъ домовъ и убраны красивой мебелью, зеркалами и картинами. Древніе отчасти разрушенные дворцы эмировъ построены въ старомъ сарацинскомъ стилѣ, съ остроконечными арками и колоннадами. Марониты, какъ всѣ восточные люди, носятъ шаровары, привязанные къ поясу широкимъ шелковымъ или шерстянымъ кушакомъ; цвѣтъ шароваръ бѣлый или голубой, кушакъ всегда пестрый. Остальной нарядъ состоитъ изъ жилета, плотно прилегающаго къ тѣлу, куртки, плаща или накидки богато украшенной шнурами, съ короткими открытыми рукавами, ермолки, отчасти сдвинутой къ затылку и туфлей съ острыми концами. Цвѣтъ чалмы, обвитой вокругъ ермолки—черный или голубой у духовенства, бѣлый у друзовъ и голубой или зеленый у остальныхъ. Волосы на головѣ коротко выбриты; марониты носятъ одни бакенбарды, а духовныя лица, кромѣ того, бороду. Нарядъ женщинъ еще живописнѣе; по общему восточному обычаю онѣ носятъ вуаль; у дѣвушекъ онъ зеленаго, желтаго, краснаго и голубаго цвѣта и откинутъ назадъ, между тѣмъ какъ у магометанокъ темносинее или черное покрывало, которымъ онѣ закрываютъ себѣ лицо. У маронитовъ, какъ женщины, такъ и дѣвушки носятъ шаровары, короткую куртку, головной уборъ и деревянныя сандаліи, которыя производятъ мѣрный стукъ при ходьбѣ и нерѣдко настолько высоки, что походка становится медленной и нерѣшительной. Головной нарядъ достаточныхъ женщинъ состоитъ изъ убора или діадемы обильно увѣшанной золотыми монетами. У менѣе богатыхъ голова украшена съ обѣихъ сторонъ серебряными монетами, нанизанными въ рядъ, число и размѣръ которыхъ зависитъ отъ ихъ состоянія. „Datt“ или татуировка составляетъ своеобразный восточный обычай, который встрѣчается также въ Ливанѣ и распространенъ у обоихъ половъ, у друзовъ и маронитовъ, мусульманъ и грековъ, безъ различія религіи и состоянія. Цивилизованный арабъ знатной семьи въ настоящее время воздерживается отъ татуировки и считаетъ неловкимъ войти въ европейское общество съ синими руками, но, тѣмъ не менѣе, эта процедура до сихъ поръ въ большомъ ходу. На кожѣ дѣлаются разные узоры посредствомъ укола иглы, и затѣмъ впускаютъ красное или голубое красящее вещество. Обыкновенно татуируютъ руки отъ плеча до кисти. У христіанъ изображены кресты, голуби, чаша, дароносица, звѣзды; у мужчинъ скрещенныя сабли, св. Георгія и пр. Сгибъ руки у локтя особенно покрытъ подобными рисунками; нерѣдко татуировка выведена также около рта и на лбу. Затѣмъ женщины красятъ еще ногти желтой и красной краской, вѣки черной, губы голубой, щеки—красной и бѣлой. Женщины и дѣвушки охотно курятъ табакъ изъ водяныхъ или наргилевыхъ трубокъ; при этомъ онѣ проводятъ нѣсколько часовъ сряду въ праздной болтовнѣ. Въ нравахъ господствуетъ вообще замѣчательная простота. Въ Ливанѣ, какъ и въ другихъ восточныхъ странахъ, не употребляютъ столовъ; на полу разстилаютъ коверъ или циновку; по срединѣ ставятъ маленькую скамейку, на которую положена круглая деревянная или жестяная дощечка съ кушаньемъ. Передъ ѣдой моютъ руки, такъ какъ онѣ должны замѣнять здѣсь ножъ и вилки. Тонкія мучныя лепешки служатъ хлѣбомъ и салфеткой. Баранина съ рисомъ, огурцы съ рисомъ, яблоки, изюмъ фисташки и хлѣбъ составляютъ уже роскошный обѣдъ. Передъ началомъ его пьютъ ликеръ и вино; послѣ обѣда подаютъ кофе и трубки.

Друзы, смертельные враги маронитовъ, составляютъ полную противоположность съ ними по своему характеру и нравамъ. Этотъ вѣчно бродячій элементъ среди компактной массы жителей Ливана, разсѣ-

янный спорадически отъ Бейрута до базальтовыхъ городовъ Гаурана и далѣе до Дамаска и въ пустынѣ. Друзы, эль-деруцъ, эль-дерци или эль-дераци до настоящаго времени окружены извѣстной таинственностью. Происхожденіе друзовъ и ихъ самобытная религія все еще не достаточно изслѣдованы. По всѣмъ даннымъ они представляютъ собой помѣсь сирійско-арабскаго элемента, но съ замѣтнымъ преобладаніемъ сирійскаго; при этомъ весьма возможно ихъ смѣшеніе съ индогерманцами. Д-ръ Лангергаузъ называетъ друзовъ красивѣйшей породой людей и говоритъ, что они поразительно отличаются отъ остальныхъ жителей Сиріи, говорящихъ на арабскомъ языкѣ. Голубые и рыжевато-бѣлокурые волосы не составляютъ рѣдкости; равнымъ образомъ всѣ очертанія лица доказываютъ, что они не имѣютъ ничего общаго съ другими сирійскими семитами. Коричневый цвѣтъ радужной оболочки глазъ и свѣтлые волосы съ давнихъ поръ привели къ гипотезѣ, впрочемъ ничѣмъ не доказанной, что друзы находятся въ извѣстной связи съ германскими крестоносцами (Arch. f. Anthrop., Bd. VI, s. 207). Они собственно не христіане и не магометане (хотя ближе къ послѣднимъ), и, повидимому, ревниво оберегаютъ свое таинственное ученіе, которое, какъ кажется перешло къ нимъ изъ Египта. Проф. Сеппъ находитъ, что они по общему характеру своей секты всего ближе подходятъ къ шіитамъ, но что ихъ религія сплетена съ языческими, еврейскими и христіанскими догматами. Въ сущности всего вѣроятнѣе, что они заимствовали основныя положенія своего ученія изъ Египта или Индіи.

По мнѣнію Г. В. Шассо, въ пользу глубокой древности обычаевъ этого народа говоритъ то обыкновеніе, что, если кто изъ друзовъ спустился съ дерева и стряхнулъ съ него столько плодовъ, насколько позволили его силы, то онъ ни при какихъ условіяхъ не можетъ болѣе прикасаться къ этому дереву. Оставшіеся плоды считаются собственностью бѣдняковъ. Въ этомъ отношеніи друзы, наравнѣ съ другими сирійцами строго, придерживаются предписаній Моисея (Моисей V гл. 34 ст. 4). На томъ же основаніи во время уборки зерноваго хлѣба они неизмѣнно оставляютъ на полѣ полную мѣру въ пользу собирателей колосьевъ. Изъ этого можно было бы вывести заключеніе, что друзы представляютъ собой арабское племя, которое вслѣдствіе отказа принять религію пророка было загнано мусульманами въ его нынѣшнія недоступныя мѣста жительства. Между тѣмъ арабское происхожденіе несогласимо съ ихъ типомъ, который, по достовѣрнымъ источникамъ, имѣетъ мало общаго съ семитическимъ. Ихъ языкъ, по мнѣнію однихъ ученыхъ, чисто арабскій; другіе считаютъ его арабскимъ нарѣчіемъ. Что касается ихъ религіи, то они по внѣшности исповѣдуютъ исламъ, но въ дѣйствительности слѣдуютъ тайному ученію, которое сообщаютъ вполнѣ надежнымъ людямъ, такъ что среди нихъ существуютъ двѣ касты: „akkâl" или „посвященные" и „dschohal" или „невѣдущіе". Между тѣмъ священныя книги друзовъ сдѣлались извѣстны, благодаря точнымъ копіямъ (Sacy: Exposé de la religion des Druses, Paris 1838), изъ которыхъ видно, что ихъ ученіе представляетъ магометанскій гностицизмъ, гдѣ безъ всякой внутренней связи приняты идеи христіанства, древнихъ философскихъ системъ и персидскаго магизма. Они сами называютъ себя унитаріями (muwahhidun), потому что основа ихъ ученія единство и непости-

жимость Бога, который можетъ быть признаваемъ только его избранными дѣтьми, т. е. его воплощеніями въ человѣческомъ образѣ. Соотвѣтственно десяти воплощеніямъ (avatara) Вишну, Богъ, по религіи друзовъ сдѣлался, десять разъ человѣкомъ. Воплощеніе совершается посредствомъ переселенія душъ, которое впрочемъ простирается на всѣхъ людей. Еще въ XII вѣкѣ Веньяминъ Тудела писалъ, что, по ученію друзовъ, душа добродѣтельнаго человѣка переселяется въ тѣло новорожденнаго ребенка, а душа злаго въ собаку или какое нибудь другое животное. Главныя обязанности вѣрующаго заключаются: въ соблюденіи справедливости относительно своихъ соплеменниковъ, въ поддержкѣ единовѣрцевъ, признаніи единства Бога и постоянной покорности его волѣ. У друзовъ нѣтъ собственно священниковъ, но ихъ замѣняютъ „akkâl", которые въ свою очередь дѣлятся на различныя секты. Они ведутъ аскетическую жизнь, особенно „atkija" и „adschawid" т. е. посвятившіе себя благочестію, которые живутъ отшельниками на вершинахъ высокихъ горъ и цѣлыми годами воздерживаются отъ мяса и свѣжихъ плодовъ. Каждый мужчина или женщина можетъ сдѣлаться „akkâl", только при этомъ требуется родъ исповѣди и отрѣшеніе отъ той свободы, какой пользуются „dschohâl". Вообще „akkâl" не получаютъ жалованья и работаютъ наравнѣ съ другими, но пользуются большимъ уваженіемъ; нѣкоторымъ изъ нихъ предписано безбрачіе. Къ „akkâl" принадлежитъ четвертая часть друзовъ. Каждый четвергъ всѣ „akkâl", живущіе въ деревнѣ, сходятся на религіозное сборище, въ которомъ они толкуютъ о политикѣ, читаютъ выдержки изъ священныхъ книгъ и поютъ воинственные гимны. Въ это время ставятъ сторожей, чтобы ни одинъ непосвященный не могъ явиться на собраніе. Въ подобномъ случаѣ дерзновеннаго постигла бы моментальная смерть. Эти тайныя собранія носятъ положительно масонскій характеръ, и даже сами друзы признаютъ сходство своего ученія съ шотландскимъ масонствомъ (W. A. Neumann, Ueber das Volk der Drusen und den Emir Fachreddin. Wien 1878, s. 8). Мѣста вышеупомянутыхъ сходбищъ называются „holans"; они безъ всякихъ эмблемъ и украшеній. „Akkâl" носятъ предписанную имъ короткую одежду до колѣнъ, бѣлую или голубую, затѣмъ „abba" или „abaja", т. е. шерстяную накидку съ бѣлыми или черными полосами и длинную бороду. Женщины одѣты тѣмъ же способомъ, только у нихъ большей частью бѣлая накидка „izar" доходитъ до щиколки ногъ и перепоясана кушакомъ. Но при этомъ странное впечатлѣніе производитъ „tartura" или „tantur" рогообразный головной уборъ изъ жести, кедроваго дерева, серебра и драгоцѣнныхъ камней, нерѣдко 80 сант. высоты съ вуалемъ, которымъ долженъ быть прикрытъ только одинъ глазъ. „Dschohâl" не посвящены въ религію и поэтому безразлично относятся къ ней, вслѣдствіе чего, вѣроятно, и составилось мнѣніе, что друзы не имѣютъ религіи. Дѣйствительно, у нихъ не существуетъ никакихъ религіозныхъ предписаній и запрещеній, такъ что они могутъ свободно слѣдовать культу того народа, съ которымъ они находятся въ сношеніяхъ. Обрѣзаніе не принято у нихъ, а равно и молитвы, посты и праздники; они пьютъ вино и ѣдятъ свинину. Имъ также неизвѣстны тайные знаки, по которымъ другіе сектанты узнаютъ другъ друга; для нихъ имѣютъ значеніе только нравы и обычаи, перешедшіе къ нимъ отъ предковъ. Многоженство разрѣшено ихъ религіей, но составляетъ рѣдкость; браки вообще также легко заключаются, какъ и расторгаются. Женщины ведутъ крайне замкнутую жизнь и всегда покрыты вуалемъ; относительно супружескаго сожительства постановлены самыя строгія правила; при этомъ цѣломудріе женщинъ избавляетъ ихъ родственниковъ отъ необходимости оберегать кинжалами ихъ нравственность. Въ ѣдѣ и питьѣ господствуетъ умѣренность; вообще друзы не употребляютъ для куренія ни чубуковъ, ни наргиле (водяной трубки), хотя держатъ ихъ для своихъ гостей. Равнымъ образомъ они воздерживаются отъ спиртныхъ напитковъ. Проф. Оскаръ Фраасъ описы-

ваетъ слѣдующимъ образомъ гостепріимство, оказанное ему однимъ изъ шейховъ: „Прежде всего появлялась сахарная душистая вода; затѣмъ десять минутъ спустя слѣдовали апельсины въ сахарѣ, разные вареные плоды (изъ нихъ зеленый миндаль былъ всего вкуснѣе) и маленькіе стаканчики водки, т. е. спирта, настоеннаго на анисѣ или мятѣ. Черезъ другіе десять минутъ подавался кофе, сигаретки и чубуки. Всякій разъ, какъ я подносилъ что либо ко рту и произносилъ „katacherat", присутствующіе дѣлали обычное движеніе рукой отъ сердца ко лбу и бормотали: „Аллахъ да благословитъ тебя, то что ты ѣшь и пьешь". Послѣ этого проходило довольно много времени, пока на улицѣ шли приготовленія къ столу; я пользовался этимъ промежуткомъ, чтобы сдѣлать замѣтки въ памятной книжкѣ или записать что либо въ моемъ дневникѣ. Меня не разъ отрывали отъ этого занятія вопросами: хорошо ли я себя чувствую, не желаю ли кофе? и т. п., на что я отвѣчалъ ласково-снисходительнымъ тономъ: „Taib Kebir!" Наконецъ насъ приглашали къ столу; мы выходили изъ дому и я садился на свое мѣсто. Здѣсь обыкновенно парадный обѣдъ заключается въ слѣдующемъ: 1) супъ съ рисомъ или лапшой (у болѣе богатыхъ людей); если онъ сваренъ изъ курицы, то очень вкусенъ, но, къ сожалѣнію, курицу часто замѣняетъ баранина и тогда это кушанье становится несъѣдобнымъ; 2) квашенные бобы, т. е. зерна большихъ полевыхъ бобовъ, очень вкусные; 3) рисовыя клецки, завернутыя въ виноградный листъ и поджаренныя въ маслѣ; къ нимъ подаютъ сметану; 4) жареная курица, которую ставятъ на столъ неразрѣзанную и затѣмъ рвутъ руками; 5) по близости моря подаютъ рыбу, въ горахъ баранину и къ этому неизбѣжный петрушечный салатъ, который арабы съѣдаютъ цѣлыми тарелками, но я бралъ обыкновенно на кончикъ вилки. Иногда этотъ салатъ замѣнялся вареным майораномъ или тминомъ, съ уксусомъ и оливковымъ масломъ; 6) сладкое блюдо, обыкновенно рисовая каша на розовой водѣ съ большимъ количествомъ сахара или мучное пирожное, поджареное въ бараньемъ жирѣ; 7) десертъ—изюмъ, миндаль, винныя ягоды въ низменностяхъ, а въ горахъ апельсины и „djebbes", густо сваренный виноградный сокъ или медъ. Подобный утонченный арабскій обѣдъ, разумѣется, можно встрѣтить только у каймакана или мудира (высшее должностное лицо или верховный судья). Во всемъ Ливанѣ, какъ у знатныхъ людей, такъ и у простаго народа, употребляется одинаковый хлѣбъ; въ каждой семьѣ его пекутъ ежедневно, и онъ вообще довольно вкусенъ. Обѣдъ, какъ вездѣ на востокѣ, не представляетъ затрудненія, потому что вы можете тотчасъ поѣсть, какъ только почувствуете голодъ; стоитъ войти въ любой домъ, и вамъ подадутъ хлѣбныя лепешки, молоко, оливки и винныя ягоды. Въ винѣ рѣдко бываетъ недостатокъ, только оно обыкновенно сладкое и подваренное съ тою цѣлью, чтобы предохранить его отъ порчи. Вино обыкновенно хранится въ большихъ каменныхъ кувшинахъ; погребовъ и бочекъ не существуетъ. Неподваренное вино превосходно на вкусъ и настолько крѣпко, что его нельзя пить безъ воды" (Oskar Fraas, Drei Monate in Libanon. Stuttgart. 1876 s. 21—22). У друзовъ гостепріимство и кровавая месть считаются священными. Мелкіе споры, касающіеся цѣлой деревни или отдѣльныхъ семействъ разбираются мѣстными шейхами. Когда умираетъ друзъ, то у его могилы происходитъ сборище, на которомъ выслушиваютъ показанія свидѣтелей, относительно его жизни. Покойниковъ наряжаютъ въ лучшее платье и хоронятъ въ каменныхъ могилахъ, устроенныхъ на подобіе жилыхъ покоевъ. Опечаленные родные считаютъ особенной честью нести гробъ умершаго. Друзы въ обращеніи съ посторонними людьми строго исполняютъ всякія формальности и отличаются необыкновенной вѣжливостью. Когда они здороваются, то употребляютъ особенныя фразы и по отвѣтамъ тотчасъ-же узнаютъ чужестранца. Они не имѣютъ склонности къ наукамъ, искусству и промысламъ, но у нихъ много школъ, въ которыхъ учатъ читать Коранъ и писать. Взрослые занимаются

политикой, земледѣліемъ и мелкими войнами. Въ гражданскихъ дѣлахъ, кромѣ наслѣдства, большей частью принятъ исламскій законъ. Имущество должно оставаться въ родѣ, поэтому женщины не получаютъ наслѣдства и не могутъ завѣщать свою собственность кому либо внѣ семьи. Друзы довольно независимый народъ, съ полупатріархальной и полуфеодальной формой правленія. Ихъ вассальная зависимость отъ Порты заключается въ платежѣ дани; шейхи наиболѣе интеллигентные люди, владѣютъ лучшими полосами земли и неусыпно заботятся о чистотѣ крови, вслѣдствіе чего женятся только между собой. Къ западу отъ Дамаска и до морскаго берега ихъ насчитываютъ до 75,000; но такъ какъ они теперь переселяются сотнями изъ Ливана въ Гауранъ, то въ первомъ едва ли больше 40,000 душъ. Нѣкоторые живутъ въ значительныхъ городахъ и деревняхъ, среди маронитовъ, отъ которыхъ они отдѣлились только въ этомъ столѣтіи. Съ тѣхъ поръ между ними и маронитами не разъ происходили кровавыя стычки. Весь народъ постоянно готовъ къ бою и относится съ фанатической ненавистью къ другимъ иновѣрцамъ. Между тѣмъ друзы отличаются вообще терпимостью относительно другихъ вѣроисповѣданій и съ ними пріятнѣе имѣть дѣло, нежели съ маронитами, которые болѣе или менѣе фанатики. Въ глазахъ послѣднихъ друзъ не лучше чорта. Поэтому нужно пользоваться крайне осторожно тѣми свѣдѣніями, которыя сообщаютъ о друзахъ марониты (Oskar Fraas. a. a. O. s. 98).

Англійскіе миссіонеры преимущественно обратили вниманіе на обращеніе друзовъ, и охотно предоставляютъ остальное населеніе попеченіямъ своихъ агентовъ, изъ которыхъ большинство—обращенные армяне. Крайнее религіозное усердіе, проявляемое протестантской миссіей въ Сиріи, нерѣдко служитъ прикрытіемъ для политическаго разсчета, чему врядъ ли въ состояніи противодѣйствовать простодушные католическіе лазаристы, которые нигдѣ не видятъ ничего дурнаго. Къ тому же англійскіе проповѣдники библіи богато снабжены денежными средствами. Карлъ Винеценти во время своего путешествія по востоку близко сошелся съ одними изъ этихъ „библейскихъ господъ", который сообщилъ ему нѣкоторыя подробности своего ремесла. „Онъ жаловался на друзовъ, что они, пользуясь даровой раздачей книгъ, перебрали у него нѣсколько тюковъ библіи, привезенныхъ на мулахъ и послѣ того продавали ее за пару піастровъ еврейскимъ разнощикамъ. Вообще „поклонники золотаго тельца" необыкновенно быстро обращались въ христіанство, но стоило это чрезвычайно дорого. Одинъ хотѣлъ имѣть ружье, другой кашемировую шаль или румянъ, третій почетный плащъ. Но большинство требовало золота, полученіе котораго они засвидѣтельствовали своими подписями и печатями, въ особой книгѣ, которую миссіонеръ съ торжествомъ показывалъ мнѣ, такъ какъ видимо гордился своимъ успѣхомъ. Имена всѣхъ этихъ людей, обращенныхъ на истинный путь съ помощью золота или подарковъ были занесены въ упомянутую книгу, въ качествѣ лицъ, дѣйствительно принявшихъ протестантскую религію. Подобный примѣръ грубаго самообольщенія представителей религіозной пропаганды даетъ наглядное понятіе объ ихъ нравственномъ уровнѣ и тѣхъ стимулахъ, какими они руководятся въ своихъ стремленіяхъ. Во всякомъ случаѣ,

насколько я могъ замѣтить, проповѣдникъ трудился не даромъ, потому что одновременно съ именемъ вновь обращеннаго тщательно записывалъ премію, которую онъ, миссіонеръ Е..., долженъ былъ получить отъ библейскаго общества. Такимъ образомъ англійскимъ миссіонерамъ на востокѣ весьма полезно знакомство съ двойной бухгалтеріей. Миссіонеры католической пропаганды поставлены въ менѣе благопріятныя условія, потому что они не могутъ платить своимъ неофитамъ и разсчитывать на премію. Слѣдовательно имъ недостаетъ двухъ важныхъ факторовъ успѣха. Ихъ дѣятельность всего плодотворнѣе относительно польскихъ и нѣмецкихъ евреевъ, которые испытали на востокѣ всевозможныя превратности судьбы. Эти люди понесшіе кораблекрушеніе въ жизни, большей частью лѣнивые и глубоко испорченные въ нравственномъ отношеніи, съ радостью бросаются въ объятія лазаристовъ, такъ какъ уже перепробовали всякія вѣроисповѣданія и религіи. Перемѣна вѣры составляетъ для нихъ въ высшей степени выгодную сдѣлку и даетъ имъ возможность устроиться со временемъ болѣе или менѣе приличнымъ образомъ. Въ большинствѣ случаевъ они начинаютъ съ протестантства и тотчасъ же послѣ обращенія получаютъ пенсію, пока не найдутъ себѣ какой нибудь профессіи. Но они скоро бросаютъ послѣднію, переходятъ въ греческое православіе и нѣкоторое время кормятся въ греческихъ монастыряхъ, а если представится удобный случай, то дѣлаются мусульманами. Въ турецкихъ провинціяхъ магометанскій неофитъ можетъ всегда разсчитывать на расположеніе мѣстнаго населенія. Его вездѣ принимаютъ, кормятъ безплатно, дѣлаютъ ему подарки; короче сказать, онъ ведетъ самую привольную жизнь. Но если гостепріимство измѣнитъ этому благочестивому хамелеону, то ему остается въ видѣ послѣдняго прибѣжища римско-католическій монастырь, гдѣ онъ также находитъ покровителей. Востокъ переполненъ подобными искателями приключеній, которые мѣняютъ вѣру, какъ поношенное платье и этимъ способомъ всегда тепло одѣты" (Wanderer vom 2 Februar 1872).

Кромѣ друзовъ въ предѣлахъ Ливана живетъ до 15,000 мусульманъ и, приблизительно, такое-же число метуоли, метеолли или метавили, къ которымъ ихъ сосѣди мусульмане и христіане относятся съ крайнимъ недовѣріемъ. Они всѣ шіиты, т. е. приверженцы калифа Али; ихъ прозвище означаетъ, „истолкователи", вслѣдствіе аллегорическаго и мистическаго толкованія Корана, въ которомъ, по ихъ убѣжденію, нужно придерживаться внутренняго, а не буквальнаго смысла. Проф. Фраасъ не видитъ причины, почему многіе изъ новѣйшихъ путешественниковъ нападаютъ на метуали за ихъ фанатизмъ, такъ какъ они не лучше и не хуже друзовъ и маронитовъ. Равнымъ образомъ проф. Сеппъ находитъ, что они вполнѣ безобидные и простодушные люди, которые по своей природной веселости не уступаютъ „rumi" или христіанскимъ арабамъ (Beil. zur Allg. Zeit vom

16 august 1874). Кромѣ того у сѣверной границы Ливана живетъ нѣсколько сотъ измаильтянъ, которые въ настоящее время занимаются замледѣліемъ и скотоводствомъ. Это остатки древнихъ ассасиновъ, извѣстныхъ своими коварными убійствами, которыхъ фанатическая секта подъ именемъ „Scheich el Dschebel“ (горныхъ шейковъ) приводила въ трепетъ западныя страны во времена крестоносцевъ. Они также какъ и метуоли произвольно толкуютъ Коранъ, которому придали характеръ таинственнаго ученія.

Начиная отъ Наръ-эль-Кебира, вдоль всего сѣвернаго побережья Сиріи до Аманійскаго ущелья и далѣе къ Киликіи, до Адана и Тарфуса распространенъ загадочный народъ нозаиріеры, составляющіе главное населеніе горной цѣпи, которая тянется параллельно берегу и большей частью въ недалекомъ разстояніи отъ него. Они родятся и умираютъ въ родныхъ горахъ и почти никогда не оставляютъ ихъ иначе, какъ по принужденію. Земледѣліе и скотоводство доставляютъ имъ средства, если не для роскошнаго, то безбѣднаго существованія. Ихъ всего больше около Ладакіэ и Антіохіи; равнымъ образомъ въ этихъ обоихъ городахъ живутъ многіе нозаиріеры и занимаются торговлей; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ окружаютъ магометане, они скрываютъ свои вѣрованія и выдаютъ себя за правовѣрныхъ мусульманъ. У нихъ принятъ арабскій языкъ, а именно: діалектъ сирійскихъ горцевъ. Въ Аданѣ и близь лежащихъ деревняхъ число ихъ доходитъ до 5,000; они также довольно многочисленны въ Тарфусѣ и окрестностяхъ. Общее число нозаиріеровъ къ Сиріи доходитъ приблизительно до 120 — 180,000; изъ нихъ около половины приходится на округъ Ладакіэ и Триполи. Магометане ненавидятъ ихъ отъ глубины души, бранятъ феллахинами и при каждомъ удобномъ случаѣ преслѣдуютъ ихъ; нозаиріеры относятся къ нимъ съ тѣмъ-же непріязненнымъ чувствомъ. Они слывутъ во всей Сиріи за неисправимыхъ разбойниковъ, такъ что путешествіе черезъ ихъ землю считается рискованнымъ предпріятіемъ. Объ ихъ религіи и нравахъ ходятъ невѣроятные разсказы. Они сами скрываютъ свою религію и соблюдаютъ относительно этого упорное молчаніе.

Насколько можно судить изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Альфредомъ Кремеромъ, которому мы обязаны подробнымъ изслѣдованіемъ о нозаиріерахъ, они признавали первоначально тройственность высшихъ силъ: небо — Али, солнце — Магометъ, мѣсяцъ — Сельманъ. Эта идея въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи привела къ страннымъ отступленіямъ, такъ что нозаиріеры признали одновременное тройственное воплощеніе божества, повторяемое до безконечности. Сверхъ того божество проявляется въ самомъ разнообразномъ видѣ не только въ образѣ людей, но и животныхъ. Такъ напр. нозаиріеры утверждаютъ, что собака, о которой упоминается въ коранѣ, въ легендѣ о семи спящихъ юношахъ, была воплощеніемъ божества; равнымъ образомъ они видятъ воплощеніе Бога (Али) въ верблюдѣ пророка Салиха, убитаго тамудитами. Подобныхъ божественныхъ откровеній въ земномъ образѣ, по ихъ ученію, было очень много и весьма разнообразныхъ. Такимъ образомъ въ этихъ бред-

няхъ видна извѣстная система. Между обѣими главными сектами нозаиріеровъ, существуютъ своего рода догматическіе спорные пункты: секта шимали утверждаетъ тождество Али съ небомъ, тогда какъ секта килаци признаетъ его тождественнымъ съ мѣсяцемъ. Во всякомъ случаѣ основой ихъ ученія служитъ вѣрованіе въ первоначальную тройственность божества — неба (эѳира), солнца и мѣсяца, которые были впослѣдствіи различно олицетворяемы. При этомъ три ипостаси божества, обозначаемыя именами: Ma'nâ, Bâb и Higâb, были приведены въ извѣстную зависимость другъ отъ друга, что, повидимому, во многомъ подходитъ къ гностическому пониманію христіанской Троицы. Ученіе о сотвореніи міра произошло изъ того-же круга идей и соотвѣтствуетъ гностической теоріи исхожденія. Тройственность божества олицетворяется въ небѣ, солнцѣ и мѣсяцѣ; послѣдній, низшій членъ тройственнаго божества, создалъ пятерыхъ „aitâm“ (не имѣющихъ отца), которые собственно и вызвали жизнь въ мірѣ. Небо и земля въ ихъ рукахъ. Ученіе о созданіи міра обнимаетъ собой происхожденіе человѣка и грѣхопаденіе.

Обрядовая сторона культа весьма замѣчательна. Во время молитвы нозаиріеры обращаются къ восходящему и заходящему солнцу; и при этомъ дѣлаютъ извѣстное число земныхъ поклоновъ. Чаша съ виномъ занимаетъ видное мѣсто въ ихъ религіозномъ церемоніалѣ. Посвященіе юноши въ тайны религіи обыкновенно бываетъ на 18-мъ году. Священникъ въ присутствіи общины подаетъ ему чашу съ виномъ, которую онъ долженъ выпить, затѣмъ ему кладутъ на голову башмакъ священника, который читаетъ надъ нимъ молитву.

Сорокъ дней спустя юношу опять призываютъ въ общину, священникъ снова подаетъ ему чашу съ виномъ, которую онъ выпиваетъ со словами: „Пью за тайну А!“ Буква А означаетъ небо (Али — Ma'nâ) M — солнце (Магометъ — Bâb), S — мѣсяцъ (Сельманъ — Higâb). Затѣмъ священникъ приказываетъ посвященному повторять ежедневно пятьсотъ разъ эти священныя слова. Черезъ семь мѣсяцевъ наступаетъ настоящее посвященіе. Воспріемникъ вводитъ юношу; по правую руку идетъ священнослужитель, по лѣвую — священникъ. Каждый держитъ чашу съ виномъ; затѣмъ съ пѣніемъ религіозныхъ гимновъ они по очереди подводятъ юношу къ имаму (главному священнику) и духовному учителю („morschid“) и накладываютъ на него руки; онъ беретъ чашу изъ рукъ воспріемника, дѣлаетъ земной поклонъ, читаетъ молитву и выпиваетъ вино. Тогда имамъ обращается къ нему съ вопросомъ: чувствуетъ-ли онъ въ себѣ достаточно силъ и мужества, чтобы соблюсти тайну своей религіи. „Готовъ-ли ты, спрашиваетъ онъ, дать отрубить себѣ руку и ногу, не измѣнивъ этой величайшей изъ всѣхъ тайнъ?“ Послѣ того, по требованію имама, юноша представляетъ за себя поручителей. Имамъ, обращаясь къ нимъ, говоритъ: „Если онъ измѣнитъ тайнѣ, то приведите его ко мнѣ, чтобы я могъ разрубить ему тѣло въ куски и выпить кровь“. Несмотря на эту угрозу, имамъ въ заключеніе предлагаетъ посвящаемому принести клятву на святой книгѣ относительно строгаго соблюденія тайны и говоритъ: „Если ты измѣнишь тайнѣ, о, юноша, то земля выброситъ твое тѣло и ты больше не вернешься къ своимъ въ человѣческомъ образѣ и одѣнешь звѣриную шкуру, отъ которой никогда не избавишься!“ Вслѣдъ затѣмъ посвящаемый садится, ему обнажаютъ голову и прикрываютъ небольшимъ платкомъ; поручители накладываютъ на него руки, выпиваютъ чашу, читаютъ молитвы и заставляютъ его выпить чашу со словами: „Во имя Бога и тайны Абу Аллаха, за того, кто, глубоко носитъ въ умѣ признаніе Бога, за благочестиваго, которому Богъ восхотѣлъ дать блаженство!“ Послѣ этого для посвящаемаго наступаетъ собственно религіозное обученіе. Первая молитва, которую онъ долженъ выучить это такъ называемая: „литія проклятія“, въ которой предаютъ проклятію четырехъ первыхъ калифовъ, многихъ другихъ сотоварищей Магомета, затѣмъ

Мо'аба перваго омаядскаго калифа, его сына Яцида Хаггагъ; намѣстника Ирака, Абдольмалика и Гарунъ Рашида, равно и другихъ позднѣйшихъ исламскихъ святыхъ, какъ напр. шейха Ахмедъ Бадави, Ахмедъ Рифа, и Ибрагима Дазухи и т. д. и въ заключеніе даже Іоанна Маро, покровителя Маронитовъ. Замѣтимъ кстати, что вышеописанное посвященіе примѣняется только къ сыновьямъ знатныхъ людей; для лицъ изъ простаго званія принята болѣе сложная и скучная церемонія.

Равнымъ образомъ и при другихъ, весьма многочисленныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, называемыхъ „kaddâs", т. е. обѣдни, священникъ съ чашей играетъ видную роль. Преподаваніе религіи считается совсѣмъ лишнимъ для женщинъ: онѣ выучиваютъ наизусть только слѣдующую молитву: „Я простираю свою руку въ воду, текучую, проведенную, которая скользитъ отъ одной жемчужины къ другой до лучезарной Фатимы. Я кроплю водою мою правую сторону и уповаю на Али, главу правовѣрныхъ; я кроплю водою мою лѣвую сторону и уповаю на Великаго, Всесильнаго; я кроплю водою мою голову и всѣ мои члены; о, мой Богъ, Богъ людей! Сними всякія скверны съ моего.. до моей главы и всѣхъ моихъ членовъ — подобно тому, какъ небо было отторгнуто отъ земли. Я кроплю позади себя и уповаю на мѣсяцъ и солнце; я кроплю передъ собой и уповаю на созвѣздіе Плеядъ и Вѣсовъ; я кроплю на.. который въ лицѣ Н. Н. (затѣмъ слѣдуетъ проклятіе на названную особу)" Здѣсь несомнѣнно мы имѣемъ дѣло съ древнѣйшей формой заклинанія; все измѣненіе заключается въ томъ, что вмѣсто прежнихъ языческихъ боговъ введены имена магометанскихъ и другихъ божествъ. Та-же молитва, сообразно обычаю, перенятому отъ предковъ, читается мужчинами при всякомъ очищеніи. Всѣ празднества нозаиріеровъ носятъ религіозный характеръ и весьма многочисленны, такъ какъ въ городахъ они кромѣ того справляютъ всѣ магометанскіе и христіанскіе праздники. Въ деревняхъ, гдѣ они не окружены иновѣрцами, они наравнѣ съ магометанами справляютъ праздникъ Рамадана, затѣмъ жертвенный праздникъ (Kurbân-Bairam) и праздникъ новаго года 1-го января, который у сельскихъ жителей считается несравненно выше двухъ предъидущихъ. Къ числу религіозныхъ обычаевъ нозаиріеровъ можно отнести и то, что высшій классъ, а именно: секта шимали не брѣетъ бороды, воздерживается отъ употребленія желтой тыквы, баміа (Hibiscus esculentus), испанскаго перца, плодовъ райской смоковницы (musa), а также отъ куренія. Секта килаци менѣе строга въ этомъ отношеніи. Запрещеніе ѣсть мясо самокъ какихъ-бы то ни было животныхъ простирается на всѣхъ.

Іерархическое дѣленіе крайне просто. Во главѣ каждой общины стоитъ имамъ (главный священникъ); народъ повинуется его повелѣніямъ съ суевѣрнымъ страхомъ и считаетъ самого имама непогрѣшимымъ; ему подвластны духовныя лица низшаго званія. Всѣ они женатые. Масса народа дѣлится только на благородныхъ и простыхъ.

Въ сношеніяхъ съ чужестранцами нозаиріерамъ дозволено скрывать свою религію. Они узнаютъ другъ друга по извѣстнымъ таинственнымъ лозунгамъ. Одинъ изъ нихъ заключается въ вопросѣ: „гдѣ вы?" на что слѣдуетъ отвѣтъ: „передъ воротами города Харрана!" Это не болѣе, какъ ссылка на гл. XIII ихъ корана, гдѣ идетъ рѣчь объ основателѣ секты нозаиріеровъ, шейкѣ Абу Абдаллахъ Касиби и его 51 апостолахъ, о которыхъ сказано: „и они стоятъ передъ воротами города Харрана..." Вообще нужно замѣтить, что нозаиріеры въ высшей степени суевѣрны и признаютъ огромное число святыхъ. У нихъ есть священныя мѣста на холмахъ и горахъ, гдѣ они складываютъ рядами камни, приносятъ жертвы, воскуренія и молитвы. Падающія звѣзды, по ихъ воззрѣніямъ, представляютъ собой ангеловъ, посѣщающихъ могилы святыхъ или даже души этихъ святыхъ. При этомъ по окончаніи всякой молитвы, они молятся о скорѣйшемъ уничтоженіи турецкаго господства (Ausland. 1872, s. 553—558).

Нозаиріеры (единственный нузаири) называемые также на сирійскомъ простонародномъ говорѣ анзаиріехи, по весьма вѣроятному предположенію А. Ф. Кремера, имѣютъ нѣкоторую связь съ древними манихеями, тогда какъ мѣстное населеніе считаетъ ихъ язычниками, а именно: остатками прежнихъ поклонниковъ Астарты. Они также слывутъ за „гасителей огня“ и, по слухамъ, своеобразнымъ образомъ покланяются красивой женщинѣ, возсѣдающей на алтарѣ. Въ святилище прокрадываются черезъ занавѣси женщины, закрытыя покрываломъ, послѣ чего внезапно гасятъ всѣ свѣчи и начинается самая дикая оргія. Трудно ручаться въ справедливости этихъ разсказовъ, потому что восточные люди вообще падки на подобныя обвиненія.

Нозаиріеры представляютъ собой красивую породу людей, съ болѣе сильными костями и мышцами, нежели у большинства восточныхъ жителей; цвѣтъ ихъ кожи темнѣе, нежели у турокъ, но свѣтлѣе, чѣмъ у арабовъ; у нихъ нерѣдко коричневые волосы. Женщины красивы въ молодости, съ свѣтлыми волосами и черными глазами; но быстро отцвѣтаютъ. Одежда преимущественно бѣлаго цвѣта (который считается священнымъ) и состоитъ изъ бѣлой чалмы и бѣлой бумажной рубашки, открытой на груди; но поясъ всегда красный съ чернымъ. Дополненіемъ къ этому костюму служитъ сирійская куртка и бѣлые короткіе штаны. Женщины одинаково одѣты, также носятъ штаны, но не имѣютъ покрывала и большей частью живутъ безвыходно въ своихъ жалкихъ грязныхъ жилищахъ. Обрѣзаніе существуетъ у нозаиріеровъ и совершается въ различномъ возрастѣ. Кровная вражда „Hack — el — Dum“ проявляется только въ мирное время и можетъ быть прекращена взносомъ „кровныхъ денегъ“. Смертельный ударъ, нанесенный во время войны, не влечетъ за собой кровавой мести. Мужъ покупаетъ свою жену; затѣмъ онъ долженъ заплатить „Hirce“ собственнику деревни извѣстный выкупъ, чтобы получить разрѣшеніе на свадьбу. Развода не существуетъ, но дозволено имѣть до четырехъ женъ.)

Та-же пестрая смѣсь сирійскихъ племенъ и религіозныхъ нарѣчій встрѣчается въ большей или меньшей степени, не только въ прибрежныхъ, но и внутреннихъ городахъ, какъ Дамаскъ и Халебъ. Тѣмъ не менѣе въ городахъ замѣтно отразилось вліяніе арабскихъ нравовъ. Всѣ они имѣютъ особенный, такъ называемый „восточный“ характеръ, который нужно приписать арабамъ и тому культурному направленію, котораго они являются представителями. Съ другой стороны можно предположить въ данномъ случаѣ вліяніе несравненно болѣе далекаго прошлаго. Одно несомнѣнно, что со временъ Авраама, какъ самый языкъ, такъ и обороты рѣчи мало измѣнились въ семитическомъ мірѣ и что вообще на востокѣ все остается по старому. Во всякомъ случаѣ арабы своими исламскими постановленіями способствовали развитію и распространенію извѣстнаго типа. Способъ постройки восточныхъ городовъ почти вездѣ одинаковъ. Улицы большей частью узкія и грязныя, дома одноэтажные, построенные изъ камня съ плоскими крышами, въ которыхъ тщательно утоптанный полъ изъ песка и желѣзняка непроницаемъ для дождя. Халебъ, въ видѣ исключенія, славится своими хорошо вымощенными опрятными улицами, но и они довольно узки и со многими крытыми переходами, что производитъ въ высшей степени своеобразное впечатлѣніе. Во всей Сиріи и Месопотаміи преобладаетъ тотъ-же стиль постройки до-

мовъ съ маленькими дверями обитыми желѣзомъ, со множествомъ большихъ гвоздей, и отсутствіемъ оконъ на улицу, такъ какъ фасадъ обращенъ во дворъ. Страхъ непріятельскаго нападенія или вторженія въ домъ разбойниковъ, съ древнихъ временъ ввелъ въ обычай окованныя желѣзомъ двери, высота которыхъ едва доходитъ до 1 — 1,20 м. Такимъ образомъ при входѣ и выходѣ изъ дому, каждый долженъ наклонить голову. Такая-же маленькая калитка нерѣдко вдѣлана въ ворота, которыя открываются только въ томъ слу-

Сирійская женщина.

чаѣ, если долженъ пройти черезъ нихъ большой транспортъ. Миніатюрная входная дверь носитъ у арабовъ характерное названіе „игольнаго уха", въ которомъ какъ-бы заключается намекъ на евангельское сравненіе, что „удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе". На цѣломъ востокѣ существуетъ обыкновеніе снимать сапоги у дверей пріемной комнаты, такъ что по количеству ихъ можно заключить о чинѣ и значеніи эф-

фенди. Въ виду грязи, господствующей на улицахъ, обращено особенное вниманіе на то, чтобы соблюсти чистоту циновокъ и ковровъ, на которыхъ садятся посѣтители. Равнымъ образомъ, когда господинъ идетъ въ мечеть, то слуга несетъ за нимъ особые туфли или верхніе башмаки, потому что никто не входитъ въ святилище въ сапогахъ или со шпорами. Отсутствіе бороды считается нарушеніемъ приличій, возбуждаетъ презрѣніе и служитъ признакомъ слабости. Борода свидѣтельствуетъ о пробужденіи мужской силы и зрѣлаго возраста. Слова: „Аллахъ да ниспошлетъ благополучіе твоей бородѣ!" составляютъ обычное арабское благословеніе. Равнымъ образомъ съ древнѣйшихъ временъ существуетъ обычай клясться бородой. Не менѣе древнее обыкновеніе заставляетъ арабовъ по возможности воздерживаться отъ убиванія скота. До сихъ поръ арабы никогда не били рогатаго скота, и всѣ они не пьютъ вина, не исключая тѣхъ, которые обращены въ христіанство. По восточнымъ религіознымъ воззрѣніямъ, человѣкъ не имѣетъ право убивать животныхъ. Земля принадлежитъ Богу и не составляетъ собственности человѣка; онъ только пожизненно пользуется ею: у него есть другая, высшая родина. Поэтому здѣсь повторяется то-же явленіе, какъ и вездѣ, гдѣ человѣкъ не владѣетъ, а только пользуется землей: онъ оставляетъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она досталась ему. Арабъ, по своимъ свойствамъ, все еще носитъ характеръ кочевника: онъ не прокладываетъ дорогъ и не имѣетъ понятія о какихъ-либо повозкахъ. Верблюды замѣняютъ для него желѣзныя дороги. Такимъ образомъ по странѣ приходится путешествовать верхомъ, иногда впродолженіе двухъ недѣль сряду, что крайне утомительно. Туземцу и въ голову не приходитъ устранить препятствія на пути или избѣжать лишнихъ объѣздовъ. Такъ напр., подъѣзжая къ колодцу, вы напрасно надѣетесь найти здѣсь какое-либо, хотя бы самое простое приспособленіе для подъема воды. Вы видите только по краямъ водоема глубокіе выемки на камнѣ отъ тренія веревокъ, съ помощью которыхъ впродолженіи столѣтій доставали воду. Равнымъ образомъ какъ-бы ни была быстра и глубока рѣка, мостъ считается лишней роскошью. Одна изъ арокъ обрушилась, никто не думаетъ замѣнить ее, пока та-же участь не постигнетъ остальныя. Поэтому нѣтъ иного исхода, какъ переплыть рѣку на спинѣ вьючнаго животнаго. Къ вечеру все мертво и тихо въ городахъ; только время отъ времени изъ улицы въ улицу робко проскользнетъ красавица укутанная въ свой „Izar" на подобіе монахини, такъ что съ трудомъ можно различить ея глаза и носъ.

Недостатокъ образованія и воспитанія неизбѣжно отражается и на физической красотѣ. Тотъ, кто ведетъ замкнутую жизнь, лишенную движенія, и проводитъ большую часть времени, сидя на корточкахъ, не можетъ достигнуть нормальнаго роста и равномѣрнаго развитія тѣла. На востокѣ мужчины танцуютъ отдѣльно отъ женщинъ.

Арабская музыка состоитъ изъ мѣрнаго битья въ бубны, почти такого-же, какъ у нашихъ вожаковъ медвѣдей, странствующихъ по деревнямъ. Всѣ присутствующіе, вытянувъ руки, хлопаютъ въ ладоши, замѣняя этимъ кастаньеты. Изъ толпы зрителей выступаетъ танцоръ и на тѣсномъ пространствѣ производитъ самыя изящныя тѣлодвиженія и жестикуляціи. Онъ неожиданно, какъ-бы въ экстазѣ, поднимаетъ глаза къ небу, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, затѣмъ назадъ, граціозно поводитъ рукой и въ заключеніе садится для отдыха, поджавъ подъ себя ноги, среди рукоплесканій зрителей, которые привѣтствуютъ его, какъ избраннаго танцора, извѣстнаго своимъ искусствомъ. Это такъ называемый арабскій танецъ. Въ Египтѣ альмеи также исполняютъ одни свои соблазнительные танцы, и при этомъ самымъ неприличнымъ образомъ покачиваютъ нижнюю часть живота. Пляска бедуиновъ производитъ впечатлѣніе разбойничьяго нападенія; они становятся рядами и, нанося удары направо и налѣво, бросаются впередъ на подобіе звѣрей съ дикими криками и тѣлодвиженіями. Женщина на востокѣ остается отчужденной и не оказываетъ никакого вліянія ни на развитіе мужчины, ни на общество. Тѣмъ не менѣе она считается неприкосновенной, и поэтому ея близость или покровительство ограждаютъ отъ всякой опасности. Всѣ аравитянки и даже жена бѣднаго феллаха носитъ на головѣ все свое приданое въ видѣ тяжелыхъ дорогихъ пряжекъ, нерѣдко около двухъ фунтовъ вѣса. Это сокровище также составляетъ нѣчто священное, такъ что никакой разбойникъ не посягнетъ на него, и даже мужъ не считаетъ себя въ правѣ распоряжаться имъ. Ни одинъ шлемъ не привязанъ къ головѣ воина болѣе крѣпкими завязками и не можетъ лучше охранить отъ ударовъ сабли, какъ золотой или серебряный уборъ аравитянки. Но этимъ дѣло ограничивается. Многіе убѣждены, что если уничтожить полигамію и открыть гаремы, то восточная женщина заняла-бы подобающее ей мѣсто и могла-бы оказать извѣстное нравственное вліяніе. Проф. Сеппъ, у котораго мы заимствовали вышеупомянутыя подробности, оспариваетъ этотъ взглядъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій. Многоженство уже почти не существуетъ; у сирійскихъ мусульманъ, также какъ и у евреевъ, чуть ли не указываютъ пальцами на человѣка, который имѣетъ двѣ или болѣе жены. Необходимость держать для каждой изъ нихъ особое хозяйство заставляетъ туземцевъ отказаться отъ подобной роскоши. Даже паши въ данномъ случаѣ показываютъ собою примѣръ и довольствуются одной супругой, что само по себѣ представляетъ огромный прогрессъ! Тѣмъ не менѣе въ общественной жизни, не исключая христіанъ, здѣсь господствуетъ возмутительное отчужденіе между обоими полами. Стоитъ отправиться вечеромъ на берегъ Тигра, чтобы встрѣтить толпы горожанъ, мужчинъ и юношей, которые проводятъ здѣсь время до ночи, среди самой оживленной бесѣды. Между тѣмъ у городской

стѣны бродятъ, какъ привидѣнія, въ свѣтлыхъ плащахъ и покрывалахъ бѣдныя женскія существа, отчужденныя отъ остальнаго міра или сидятъ, какъ бѣлые голуби у надгробныхъ памятниковъ. Онѣ тотчасъ-же поднимаютъ рѣзкій крикъ, когда кто-либо изъ франковъ случайно обогнетъ уголъ развалинъ и неожиданно для себя самого очутится въ опасномъ сосѣдствѣ. Мусульманку можно узнать по пестрому личному забралу, такъ какъ христіанки не закрываютъ себѣ лица (Beil. zur Allg. Zeit vom 31 Iuli und 21 August 1874).

Представленный нами очеркъ сирійскаго населенія можетъ быть вполнѣ отнесенъ къ Месопотаміи или Эль-Джезиреху, такъ что въ послѣднемъ врядъ-ли намъ удастся найти хотя одну новую характерную черту. Въ немногихъ месопотамскихъ городахъ мы встрѣчаемъ самое пестрое населеніе, которое представляетъ странную помѣсь первоначальныхъ халдейскихъ обитателей съ арабами, персами и турками, которые поочередно господствовали надъ ними; но при этомъ вездѣ принятъ арабскій языкъ. Равнымъ образомъ здѣсь существуетъ невѣроятное число вѣроисповѣданій: магометанскіе сунниты и шіиты, іезиды или поклонники „нечистой силы", халдейскіе, сирійскіе, армянскіе и латинскіе христіане, несторіане и якобиты и, наконецъ, евреи. Во многихъ мѣстностяхъ только между ними можно встрѣтить фанатиковъ, которые считаютъ своихъ европейскихъ единовѣрцевъ отступниками отъ Ветхаго завѣта и называютъ ихъ „eschkenasi". Они образуютъ важный и полезный элементъ населенія, живутъ, повидимому, въ мирѣ съ мусульманами, какъ на всемъ востокѣ; но магометане, какъ и христіане, относятся къ нимъ недружелюбно. Въ низменностяхъ арабы смѣшаны съ сирійскими и халдейскими христіанами и распространены по всему бассейну Ефрата и Тигра до сѣверныхъ горныхъ округовъ, обитаемыхъ курдами. Мы познакомимся въ слѣдующей главѣ съ этими дикими горными племенами, единичные представители которыхъ встрѣчаются въ месопотамскихъ городахъ. Арабы распадаются на нѣсколько главныхъ и множество второстепенныхъ племенъ. Въ областяхъ нижняго Ефрата, Тигра и Шатъ-эль-Араба живутъ монтезики, бени-ламъ, каабъ и маданъ; въ средней Месопотаміи мосулъ, аширатъ и шаммаръ. Въ прибрежныхъ болотистыхъ странахъ Тигра и Ефрата они большей частью земледѣльцы и лодочники и находятся подъ непосредственнымъ господствомъ турокъ; но въ степныхъ мѣстностяхъ и пустынѣ они бедуины и по своему усмотрѣнію признаютъ верховную власть султана.

КУРДЫ.

На сѣверъ Месопотаміи, по сосѣдству съ арабами, живутъ **курды**, которые занимаютъ большую часть западной Азіи, преимущественно Курдистанъ, отъ озера Ванъ до Сулейманіэха. Они также распространены въ значительной части южнаго и восточнаго Адсербейджана или сѣверо-западной Персіи, на югѣ Худистана и въ извѣстной части Месопотаміи, а также населяютъ большую часть горныхъ округовъ на западъ и востокъ отъ Тигра. Отдѣльныя курдскія племена и семьи живутъ въ болѣе далекомъ разстояніи отъ такъ называемаго Курдистана, особенно въ Луристанѣ и до Персидскаго залива. Другіе распространены до Хорассана, въ Дамасскомъ пашалыкѣ и Халебѣ. Небольшія стоянки кочевыхъ курдовъ встрѣчаются между Эрзерумомъ и Байбуртомъ въ Арменіи, а равно на плоской возвышенности Аракса, на югѣ и востокѣ альпійской горной страны Гоктшапри, отчасти совмѣстно съ іозидійскими кочевниками. Вообще можно сказать, что курды живутъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, которыя составляютъ пограничную область азіятской Турціи, Персіи и Россіи, такъ что есть турецкіе, персидскіе и русскіе курды. Число первыхъ весьма значительно, между тѣмъ какъ послѣднихъ очень мало. На Кавказѣ ихъ не болѣе 44,500.

По всѣмъ вѣроятіямъ нынѣшніе курды представляютъ собой смѣшанный народъ, въ массѣ котораго, повидимому, преобладаетъ кровь полудикаго народа, а именно мидійскихъ горныхъ жителей, которыхъ древніе греческіе историки называли кардухами. Съ этимъ мнѣніемъ Морица Вагнера (Ausland 1852, s. 54) согласенъ и Германъ Вамбери, который признаетъ въ курдахъ самый чистый типъ древней мидійско-персидской расы. Онъ находитъ въ ихъ продолговатыхъ узкихъ чертахъ несравненно болѣе сходства съ древне-персидскими физіономіями, увѣковѣченными скульптурой, нежели у нынѣшнихъ персовъ, которые уже значительно видоизмѣнились, вслѣдствіе скрещиванія съ тюрко-арабской расой (Globus, Bd. XVII s. 29). Во всякомъ случаѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что курды принадлежатъ къ великой арійской или индо-германской семьѣ и такимъ образомъ по языку и племени сродны съ цивилизованными націями Европы. Дѣйствительно ихъ языкъ, хотя и представляетъ сильную примѣсь различныхъ нарѣчій и раздѣленъ на множество значительно уклонившихся другъ отъ друга діалектовъ, но можетъ быть вполнѣ названъ индо-германскимъ; а по своему грамматическому строенію всего болѣе сроденъ съ ново-персидскимъ. Вся разница заключается въ томъ, что онъ подвергся большей порчѣ, нежели этотъ послѣдній, и несравненно

менѣе развитъ въ литературномъ отношеніи. Курдскій языкъ, вслѣдствіе необыкновеннаго обилія гортанныхъ буквъ крайне непріятенъ для слуха и далеко уступаетъ персидскому въ гармоніи и благозвучіи. Литература заключается въ народныхъ пѣсняхъ, біографіяхъ святыхъ и немногихъ сочиненіяхъ религіознаго содержанія.

Копты въ сущности не могутъ быть подведены подъ одинъ типъ. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ окрестностяхъ Діарбекира представляютъ рѣзкую противоположность съ арабами. По свидѣтельству Лотара Беккера это коренастые люди, нерѣдко съ бѣлокурыми вьющимися волосами и бородой того-же цвѣта, большей частью сѣрыми или голубыми глазами, выдающимися скулами, здоровымъ цвѣтомъ лица и менѣе выступающимъ носомъ, нежели у арабовъ (Globus, Bd. XXIII, s. 184). Курда можно сразу отличить среди сотенъ другихъ азіятовъ по его особеннымъ, вѣчно сверкающимъ глазамъ, съ злымъ и коварнымъ выраженіемъ. Въ сѣверозападныхъ округахъ курды по всѣмъ описаніямъ представляютъ собой сильныхъ широкоплечихъ субъектовъ съ правильнымъ тѣлосложеніемъ, и ихъ наружность вообще не производитъ непріятнаго впечатлѣнія. Они часто доживаютъ до ста лѣтъ, и при этомъ сохраняютъ всѣ свои умственныя и физическія силы. Вообще курды дѣлятся на два рѣзко отличныхъ между собою типа, соотвѣтственно двумъ, существующимъ у нихъ классамъ: воиновъ и земледѣльцевъ. У первыхъ грубыя угловатыя черты лица, при сильномъ развитіи передней части головы, глубоко лежащіе голубые или сѣрые неподвижные глаза, и суровый, рѣшительный видъ; тогда какъ послѣдніе отличаются болѣе мягкимъ характеромъ лица, съ красивыми, нерѣдко греческими чертами. Дѣти курдовъ большей частью краснощекіе, не имѣютъ никакихъ накожныхъ болѣзней, необыкновенно ловки, хорошо сложены и легко переносятъ голодъ, холодъ и жажду.

Курды раздѣляются на два сословія или класса: сословіе воиновъ, которое владѣетъ стадами и обыкновенно занимается при этомъ разбоями; это такъ называемые „assireda“ или „kermani“, т. е. благородные. Второе сословіе состоитъ изъ крестьянъ „guran“; они находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи; въ Курдистанѣ ихъ вчетверо или впятеро больше, нежели первыхъ. Поразительное различіе тѣлосложенія этихъ двухъ сословій невольно приводитъ къ заключенію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя разнородными этнологическими элементами, такъ что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что семьи курдскихъ предводителей и князей произошли отъ арабскихъ завоевателей. Какъ извѣстно, на всемъ исламскомъ востокѣ арабское происхожденіе считается особенно почетнымъ. Въ южномъ Курдистанѣ воины называютъ себя „сипаями“ или „солдатами“, а крестьяне „райями“. У кочевыхъ племенъ сѣверной Арменіи не существуетъ подобнаго дѣленія на касты. Слабые слѣды его еще замѣтны въ Багдадскомъ пашалыкѣ; въ русской Арменіи оно совершенно исчезло.

Такимъ образомъ у западныхъ курдовъ, въ собственно такъ называемомъ Курдистанѣ, мы уже не встрѣчаемъ тѣхъ національныхъ и общественныхъ учрежденій, которыя, также какъ и въ прошлые вѣка, налагаютъ на нынѣшнихъ восточныхъ курдовъ отпечатокъ цѣльной народной индивидуальности. Популярность западныхъ кур-

довъ объясняется только тѣмъ, что хотя они первые подпали подъ власть турокъ, но всегда были и остались до нашихъ временъ самымъ непокорнымъ элементомъ въ странѣ, который много разъ возставалъ противъ Порты и стремился подорвать ея авторитетъ. Всѣ эти племена, окончательно оторванныя отъ своей тѣсной родины, восточнаго и западнаго Курдистана, рѣшились на долгое время оставить горную страну между Тигромъ и Ефратомъ и наводнили собой сосѣднія провинціи, для которыхъ они составляютъ своего рода народное бѣдствіе. Къ такому переселенію отчасти побуждала ихъ врожденная склонность къ странствованіямъ, частью возрастающее политическое и военное могущество Порты и, наконецъ, постоянный гнетъ со стороны мѣстнаго тюркменскаго населенія. Эти племена не могутъ быть особенно многочисленны; но они, несомнѣнно, находятся на самой низкой степени нравственности, какъ видно на ихъ выдающихся представителяхъ, шейхахъ, такъ что мы напрасно стали бы искать въ нихъ той благородной гордости, исполненной чувства собственнаго достоинства, какую мы находимъ въ горныхъ кланахъ Арделана, Чальдирана и Рowандица. Грабежъ составляетъ ихъ настоящее, доведенное до виртуозности, ремесло, и нерѣдко сопровождается убійствомъ и смертельными побоями. Курды, хотя и магометане, но такіе же непримиримые враги своихъ единовѣрцевъ-турокъ, какъ и христіанъ, не столько изъ-за религіозныхъ и національныхъ мотивовъ, сколько изъ чисто соціальныхъ. Всякое имущество, пріобрѣтенное тяжелой работой, чужая собственность, даже хлѣбъ на полѣ и плоды на деревьяхъ, возбуждаютъ ихъ хищническіе инстинкты, съ окраской коммунизма самаго опаснаго свойства. Цѣлый рядъ фактовъ доказываетъ, что исключительно соціальные поводы поддерживаютъ антагонизмъ, господствующій между этими разсѣянными племенами и остальными обитателями страны, принадлежащими къ различнымъ народнымъ особямъ. Такъ, напр., въ національномъ отношеніи мы видимъ кровавыя племенныя распри, обращаемыя на собственную плоть и кровь; въ религіозномъ отношеніи—замѣчательное разъединеніе большой массы курдовъ на многія весьма значительныя секты: кизильбашей, іецидовъ, несторіанъ, али-илахи. Къ этому нужно причислить не малое количество тайныхъ союзовъ, что въ совокупности свидѣтельствуетъ о слабомъ вліяніи ислама на горные народы. Такимъ образомъ, когда дѣло идетъ о курдахъ, нужно прежде всего имѣть въ виду, что курды дѣлятся на три главныя и различныя между собою группы: 1) Восточные курды, наиболѣе сохранившіе свою народную индивидуальность, вслѣдствіе довольно далекихъ сношеній какъ съ турками, такъ и персами. 2) Западные курды (въ географическомъ отношеніи правильнѣе было бы называть ихъ центральными курдами), живутъ въ Курдистанѣ, который представляетъ скопище ихъ деревень, мѣстечекъ и общинъ, не имѣющихъ между

собой никакой политической связи; здѣсь также очагъ всѣхъ курдскихъ смутъ послѣдняго десятилѣтія. 3) Курдскія племена, вытѣсненныя изъ Курдистана и добровольно поселившіяся въ Арменіи и Анатоліи; они не имѣютъ сознанія своей національности, какъ восточные курды, и политическаго единства, какъ западные курды, и представляютъ собой отщепенцевъ общества, живущихъ на чужой счетъ, т. е. разбоями и воровствомъ.

Вышеприведеннымъ условіямъ трехъ главныхъ группъ соотвѣтствуетъ и географическое распространеніе курдовъ. На востокѣ они занимаютъ большую часть западной Персіи; ихъ особенно много къ югу отъ озера Урумія, гдѣ сосредоточены главныя племена: мильки, беи и бильбасъ. Къ послѣднимъ примыкаютъ курды-арделанъ съ ихъ восточной отраслью близъ Сенна и наиболѣе южной въ Кириндѣ, главномъ мѣстѣ жительства али-илахи, которыхъ можно считать подраздѣленіемъ секты іезидовъ или поклонниковъ нечистой силы, извѣстныхъ на всемъ востокѣ съ самой дурной стороны. Всѣ эти племена, причисляемыя къ восточнымъ курдамъ, живутъ въ персидской землѣ, большей частью на обширномъ плато или терасахъ Вестерана, которыя съ одной стороны спускаются къ мессопотамской низменности, а съ другой переходятъ въ дикія альпійскія горы, Романдица и Джуламерка или Хаккіари. Здѣсь, въ снѣговыхъ долинахъ могучаго Кандиль, слѣдовательно уже въ турецкихъ владѣніяхъ, живутъ курды-корнавъ, въ Романдицѣ хиндеринъ и пиратини, между тѣмъ какъ въ Сулеманіэхѣ господствуетъ каста воиновъ кермани. Портѣ удалось пріобрѣсти извѣстный авторитетъ въ одной части восточнаго Курдистана; но это ни въ какомъ случаѣ не относится къ притонамъ отдѣльныхъ горныхъ племенъ, которыя пользуются независимостью и не имѣютъ никакихъ сношеній съ правительствомъ. Въ особенности въ округѣ Романдица, а затѣмъ далѣе на западъ во владѣніяхъ курдовъ цибари издавна существовала кровавая вражда между мѣстнымъ населеніемъ и оффиціальными властями. На сѣверъ отъ этихъ территорій живутъ курды герки и душки родина которыхъ лежитъ у самой персидской границы. Еще далѣе къ сѣверу гдѣ плоская возвышенность почти спускается къ озеру Ванъ, распространено пограничное племя курдовъ хайдерли, извѣстное своими разбоями. Половина ихъ живетъ на персидской и половина на турецкой землѣ.

Дикая альпійская страна, между большимъ Цабромъ и Тигромъ съ одной стороны и бассейномъ озера Ванъ съ другой, какъ бы создана самой природой для возбужденія усиленныхъ стремленій къ независимости, которыми издавна отличались вышеупомянутые горные народы. Мы прежде всего поднимемся вверхъ по теченію рѣки Царбъ до Керметиса, гдѣ низменныя плодородныя мѣста въ настоящее время густо населены земледѣльческимъ народомъ, халдеями. Непосредственно за Керметисомъ возвышается съ сѣвера такъ называемая альпійская страна несторіанъ, которая представляетъ необыкновенно живописную массу горъ, скученныхъ на небольшомъ пространствѣ. До начала сороковыхъ годовъ несторіане или халдеи, не принадлежащіе къ уніатамъ, были единственными хозяевами даннаго округа. Этотъ народъ, помимо своихъ воинственныхъ качествъ, не выказываетъ ни малѣйшихъ способностей къ культурѣ и умственному развитію, вслѣдствіе чего въ послѣднее время онъ легко подпалъ подъ вліяніе лжеучителей и шарлатановъ, которые пробудили въ немъ духъ интригъ. Послѣднія послужили поводомъ къ первымъ ссорамъ между несторіанами и ихъ курдо-мусульманскими соотечественниками, которые привели къ позднѣйшимъ кровопролитнымъ стычкамъ. Курды остались побѣдителями, и съ этого времени считаются господствующимъ элементомъ населенія въ Хаккіари. Ихъ главное мѣсто жительства Ушитахъ, гдѣ могуще-

ственный глава племени курдовъ-лейхунъ занимаетъ древнѣйшую крѣпость, построенную среди скалъ. Повсемѣстно въ суровыхъ горныхъ долинахъ разсѣяно множество курдскихъ племенъ, между тѣмъ какъ несторіане удалились въ болѣе низменныя мѣста, гдѣ красуются ихъ каменныя хижины, окруженныя великолѣпными садами и группами деревьевъ. Къ сѣверу отъ курдовъ-лейхунъ, въ странѣ совершенно неизвѣстной въ географическомъ отношеніи, встрѣчается незначительное племя гертоши. Эта страна съ сѣверной стороны постепенно понижается къ бассейну озера Ванъ. Мы находимъ тутъ множество бродячихъ племенъ, обыкновенно обозначаемыхъ коллективнымъ именемъ курдовъ-ванъ. Ихъ зимнимъ мѣстопребываніемъ служитъ обширная плоская возвышенность, лишенная всякой культуры, между упомянутымъ озеромъ и персидской границей. Изъ живущихъ здѣсь племенъ наиболѣе важныя: хайдеранли, на сѣверномъ берегу озера до горныхъ цѣпей, окаймляющихъ бассейнъ Мурада, и затѣмъ шамседдюрли, распространенные на востокъ отъ озера, гдѣ они приходятъ въ соприкосновеніе съ вышеупомянутыми пограничными племенами персидскихъ курдовъ хайдерли. Въ сущности курды-ванъ не принадлежатъ больше къ Курдистану; но такъ какъ они повсемѣстно все еще далеко превосходятъ численностью здѣшнее армянское населеніе, то эти племена едва ли могутъ быть включены въ третью группу, совмѣстно съ курдами, выселенными изъ страны.

По всѣмъ развѣтвленіямъ Тавра, къ востоку въ Бухтанѣ до Хаккіари, на югѣ вдоль суровыхъ тѣснинъ Тигра, затѣмъ на сѣверо-западъ до города Діарбекира съ его округомъ, однимъ словомъ, во всѣхъ этихъ дикихъ едва доступныхъ мѣстностяхъ кишатъ безчисленныя мелкія племена горныхъ курдовъ, съ которыми Порта никогда не могла завести никакихъ сношеній. То же можно сказать и объ ефратскихъ курдахъ, которые нашли себѣ убѣжище въ такъ называемой полосѣ водопадовъ между Мелатіей и Самосатомъ. Здѣсь кончается область восточныхъ курдовъ и собственно Курдистана. Сюда можно было бы еще отнести курдовъ милли съ ихъ главными племенами музесанъ, кики и садъели, живущихъ между Тигромъ и Ефратомъ, на юго-западъ отъ Діарбекира. Но къ востоку отъ Ефрата, по направленію къ Антитавру, начинается рядъ разрозненныхъ бродячихъ племенъ, подраздѣленія которыхъ далеко проникаютъ вглубь Анатоліи. Ихъ черныя войлочныя палатки можно встрѣтить у береговъ Халиса близъ Ангора и Кайзаріеха, а равно и на пограничныхъ пастбищахъ противъ Джаника; и вездѣ, они одинаково составляютъ предметъ ужаса, какъ для христіанскаго, такъ и мусульманскаго сельскаго населенія. Даже Коніахъ у сѣверныхъ склоновъ силиційскаго Тавра не обезпеченъ отъ ихъ разбоевъ; а въ большихъ солончаковыхъ степяхъ на востокъ отъ Кутахія и Карахиссара они при всякой возможности грабятъ торговые караваны изъ Караманіи. Подобный же сбродъ разбойниковъ представляютъ собой курды-хормакли, которые населяютъ высокую снѣжную область Бингель Дага, къ югу отъ Эрзерума, а равно и всѣ горныя племена къ востоку и западу отъ Ефрата. Изъ первыхъ особенно прославились своими грабежами курды-селанти, по сосѣдству съ Баязидомъ (Beil. zur Allg. Ztg. vom 27 December 1877).

Всѣ курды преимущественно существуютъ скотоводствомъ и очень мало занимаются земледѣліемъ; ихъ зимнія жилища крайне несложны и строятся наскоро. Они большею частью ведутъ полукочевую жизнь, и, начиная отъ первыхъ весеннихъ дней до поздней осени, а при случаяхъ и всю зиму живутъ въ теплыхъ просторныхъ палаткахъ („karatschadyr“); осѣдлые имѣютъ низкіе каменные дома, съ плоской крышей. Во время перекочевокъ изъ одного лагеря въ другой па-

латки преимущественно перевозятся на лошадяхъ; но въ южномъ Курдистанѣ не вездѣ употребляются лошади. Курды смѣлые, хотя не всегда искусные, а иногда и плохіе наѣздники, и имѣютъ мало понятія о разведеніи лошадей. Тѣмъ не менѣе ихъ рѣдко можно встрѣтить пѣшкомъ и никогда безъ оружія. Они, такъ сказать, вооружены съ головы до ногъ; ихъ оружіе состоитъ изъ тяжелаго длиннаго копья, пары, а иногда и болѣе пистолетовъ (заткнутыхъ за широкій поясъ изъ пестрой шали), кривой сабли и круглаго щита. Ихъ нарядъ крайне живописенъ и заключается въ суконной курткѣ краснаго или какого либо другаго яркаго цвѣта, съ разрѣзными широкими рукавами, выложенной золотой парчей или шелковыми шнурами. такихъ же панталонъ, высокихъ красныхъ сафьянныхъ сапоговъ и огромной чалмы, сложенной изъ разноцвѣтныхъ шалей и платковъ. Такъ одѣваются собственно болѣе достаточные люди, костюмъ бѣдняковъ гораздо проще. Турки и въ мирное время вербуютъ курдовъ въ свои регулярныя войска; но эти дезертируютъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Во время войны изъ курдовъ образуются отряды всадниковъ, въ родѣ баши-бузуковъ; и такая военная служба болѣе подходитъ къ нимъ, потому что ихъ особенно прельщаетъ разбой и добыча. Но даже и въ этомъ случаѣ турецкое правительство не можетъ вполнѣ разсчитывать на нихъ, такъ какъ при малѣйшемъ перерывѣ военныхъ дѣйствій и неудачѣ, они бросаются въ разсыпную и возвращаются домой.

Курды пользуются репутаціей самаго воинственнаго народнаго племени Малой Азіи, между тѣмъ русскіе, которые уже не разъ имѣли дѣло съ ними, называютъ ихъ трусами. Они избѣгаютъ всякаго рукопашнаго боя, вообще крайне неохотно сражаются противъ непріятеля въ открытомъ полѣ, а нападаютъ на мирныхъ жителей небольшими отрядами и, преимущественно, на транспорты провіанта, гдѣ можно захватить добычу, не подвергаясь при этомъ особенной опасности. Малѣйшее наступательное движеніе непріятеля, хотя бы слабѣйшаго, обращаетъ въ бѣгство курдовъ, въ десять разъ превосходящихъ его численностью. Въ мирное время, въ качествѣ кочевниковъ, они едва ли не вреднѣе, чѣмъ на войнѣ, потому что вслѣдствіе производимыхъ ими убійствъ и разбоевъ, составляютъ язву сосѣднихъ благоустроенныхъ народовъ. На нихъ особенно жалуются ихъ тепершніе сосѣди ансоры (остатки прежнихъ ассиріянъ) и армяне, которые имѣютъ склонность къ спокойной осѣдлой жизни. Впрочемъ, относительно національнаго характера курдовъ существуютъ разнорѣчивыя показанія. Повидимому, они имѣютъ всѣ хорошія и дурныя качества, которыми отличается большинство полудикихъ горныхъ народовъ востока. Они сильны и могущественны, дорожатъ свободой, гостепріимны, до извѣстной степени цѣломудренны и вѣрны своему слову, выше всего ставятъ разбой, войну, охоту и праздность, боль-

шіе любители музыки, особенно игры на флейтѣ, и соблюдаютъ обычай кровавой мести. У нихъ господствуетъ дикая племенная анархія; они нерѣдко служатъ въ чужихъ войскахъ по найму; имъ нельзя отказать въ извѣстной гордости и рыцарскихъ чертахъ, которыя особенно проявляются у вождей (Ausland 1852, s. 70). Ихъ племенные старшины пользуются большимъ почетомъ; у нихъ въ домѣ или въ палаткѣ ежедневно собираются уважаемые люди. У значительныхъ курдскихъ племенъ вождь держитъ постоянно открытый столъ.

Гостей принимаютъ въ просторныхъ палаткахъ со многими отдѣленіями. Помѣщеніе, которое исключительно назначено для гостей, убрано шелковыми коврами и подушками. Эти ковры, которые могли бы служить оригинальнымъ украшеніемъ самаго нараднаго европейскаго кабинета, изготовляются изъ чистаго шелка женами и дочерьми курдовъ и никогда нъ поступаютъ въ продажу. Утромъ, послѣ обѣда и вечеромъ гостю предлагаютъ превосходный черный кофе въ фарфоровыхъ чашечкахъ, вставленныхъ въ глубокія серебряныя блюдечки, ахалцихской филиграновой работы. Къ обѣду или ужину жарится или варится цѣлый баранъ или овца съ „пловомъ“ (извѣстное восточное приготовленіе риса); кромѣ того подаются и другія добавочныя кушанья, какъ напр. „каймахъ“ (сгущенные вареные или сырые сливки), сыръ и т. п. Наиболѣе уважаемые сосѣди, по приглашенію хозяина, садятся вмѣстѣ съ гостемъ за обѣдъ и ужинъ; при этомъ взамѣнъ тарелокъ подаютъ большія лепешки, испеченныя на жестяныхъ круглыхъ пластинкахъ. Обыкновенно при ѣдѣ засучиваютъ рукава, а послѣ стола гостямъ подаютъ теплую воду для мытья рукъ, вымазанныхъ жиромъ. По окончаніи этой церемоніи радушный хозяинъ предлагаетъ гостю трубку съ янтарнымъ мундштукомъ, набитую превосходнымъ турецкимъ табакомъ. Замѣчательно, что у многихъ курдовъ, несмотря на ихъ дальнозоркость, можно встрѣтить отличные бинокли.

Хотя большинство курдовъ пользуется довольно значительнымъ благосостояніемъ, но они въ высшей степени неопрятны въ своей домашней обстановнѣ; ихъ женщины и дѣти ходятъ почти нагія и возбуждаютъ отвращеніе своей нечистоплотностью. Тѣмъ не менѣе курдскія женщины пользуются бо̀льшей свободой и уваженіемъ, нежели персіянки и турчанки, и вообще счастливѣе ихъ, особенно въ богатыхъ семьяхъ. Только знатныя женщины носятъ покрывало; жены простыхъ воиновъ и крестьянъ ходятъ всегда съ открытымъ лицомъ. Первыя называются „khanun“, послѣднія „jaja“. Тѣ и другія не обязаны жить неотлучно въ гаремѣ; могутъ выходить изъ дому, свободно видѣться и разговаривать съ мужчинами. Супружеская любовь и вѣрность не составляетъ рѣдкости у курдовъ; они съ нѣжностью относятся къ своимъ дѣтямъ и даже къ слабымъ и увѣчнымъ. Мужчины женятся на десятомъ или двѣнадцатомъ году; но при этомъ заключаются предварительно условія между родителями жениха и невѣсты. Женихъ обязанъ заплатить выкупъ за невѣсту. Если обѣ стороны изъявили свое согласіе, то призываютъ моллаха и заключаютъ брачный договоръ („kjubin“). Только богатые и знатные курды имѣютъ нѣсколько женъ; простые воины и гурани считаютъ счастьемъ, если имъ удастся купить одну жену и они могутъ прокормить ее.

Мы упоминали выше, что слабую сторону курдовъ составляетъ не только ихъ давній племенной антагонизмъ, но и религіозныя несогласія. Изъ милліона турецкихъ курдовъ едва насчитывается 700,000 мусульманъ, остальные сектанты. По оффиціальнымъ даннымъ, въ одномъ Эрзерумскомъ округѣ изъ 360,000 курдскаго населенія 185,000 кизильбашей или красноголовыхъ и 2,000 іезидовъ или поклонниковъ нечистой силы. Въ Діарбекирскомъ округѣ изъ 500,000 курдовъ около 50,000 кизильбашей и 10,000 іезидонъ; такъ называемые синдъяріезиды, которыхъ насчитывается до 10,000, также курды, хотя съ сильной примѣсью арабской крови. Тѣ же условія господствуютъ близь Сулейманіэха, на крайнемъ востокѣ османскаго государства, гдѣ у верхняго теченія рѣки Хольтвана, также на турецкой почвѣ, встрѣчается курдская секта али-илахи.

Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: къ какому собственно кругу религіозныхъ воззрѣній принадлежатъ всѣ эти курдскія секты. Мы не имѣемъ возможности разобрать подробно богословскую сторону этого вопроса и только упомянемъ вкратцѣ, что іезиды, какъ и кизильбаши принадлежатъ къ ультрашіитамъ, т. е. вѣрятъ, что Богъ воплотился въ пророка; въ остальномъ они удержали много языческихъ формъ въ своихъ обрядахъ, такъ что ихъ связь съ исламомъ крайне слабая. Воплощенное божество іезидовъ—Ади, сынъ Мозазиреса, сиріецъ по происхожденію. Кромѣ того эти сектанты отчасти сохранили сабейскій культъ солнца; они поклоняются дневному свѣтилу, подъ именемъ шейха Шемсъ, въ его храмѣ, расположенномъ въ романической долинѣ, названной Ади, по имени пророка. Это святилище представляетъ бѣлое оштукатуренное зданіе; съ конусообразнымъ шпицемъ, который видѣнъ на далекомъ пространствѣ. Въ день рожденія святаго сюда ежегодно стекаются вѣрующіе подъ тѣнь платановъ и орѣшниковъ, осѣняющихъ священный источникъ Адисъ. Здѣсь при свѣтѣ факеловъ и звукахъ флейтъ и бубенъ происходятъ своеобразныя ночныя празднества, которыя по всей обстановкѣ представляютъ нѣчто волшебное; мужчины въ черныхъ головныхъ повязкахъ и бѣлыхъ плащахъ („maschlah“), женщины безъ покрывалъ, въ легкомъ одѣяніи исполняютъ совмѣстно фантастическій танецъ, оглашая воздухъ радостными криками. Эти ночныя вакханаліи подали поводъ иновѣрцамъ, живущимъ въ сосѣдствѣ, обвинить іезидовъ, будто бы въ данномъ случаѣ они предаются крайнему распутству. Но это обвиненіе опровергнуто несомнѣнными доказательствами, и можетъ только относиться къ такъ называемымъ „гасителямъ огня“, къ которымъ принадлежатъ курдскіе кизильбаши у верхняго теченія Ефрата. Трудно рѣшить, почему собственно іезиды заслужили названіе поклонниковъ нечистой силы: весьма возможно, что ихъ культъ сатаны образовался изъ различныхъ элементовъ сабейскаго поклоненія Сатурну, перешедшихъ въ ихъ обряды. Они чувствуютъ къ „падшему ангелу“ не богопочитаніе, а только извѣстное уваженіе, исходя изъ того взгляда, что рано или поздно Богъ, прощающій всѣ грѣхи, снова возвратитъ нечистаго духа въ сонмъ ангеловъ. Равнымъ образомъ іезидамъ запрещено употреблять при проклятіяхъ имя сатаны, такъ что даже и на этомъ основаніи имъ непріятны всякія сношенія съ турками и арабами, которыя, какъ извѣстно, часто упоминаютъ въ разговорѣ „побитаго каменьями“ (Авраамомъ въ долинѣ Мина близъ Мекки). Съ другой стороны правовѣрные, а именно турки, которые менѣе терпимы, нежели арабы, глубоко ненавидятъ и преслѣдуютъ іезидовъ, у которыхъ нѣтъ никакихъ письменныхъ религіозныхъ преданій, потому что со-

гласно Корану, только имѣющіе „священное писаніе“ заслуживаютъ уваженіе.

Несравненно большимъ снисхожденіемъ какъ со стороны властей, такъ и иновѣрцевъ, живущихъ по сосѣдству, пользуются кизильбаши, называемые турками „tscheragh sanderans“, т. е. „гасители огня“. Къ нимъ принадлежатъ самыя дикія независимыя курдскія племена верхняго Ефрата; они исключительно существуютъ грабежемъ и разбоями; отъ нихъ собственно всего больше достается мусульманамъ, на которыхъ они нападаютъ изо дня въ день, тѣмъ болѣе, что мѣстныя власти безсильны противъ ихъ шаекъ. Съ христіанами они сравнительно въ лучшихъ отношеніяхъ, и, подобно имъ, пьютъ вино; ихъ женщины не закрываютъ себѣ лица. У кизильбашей есть своего рода религіозные обряды, но въ высшей степени безнравственные по своей сущности, такъ какъ заключаются въ мистическихъ празднествахъ, въ неосвѣщенномъ храмѣ, гдѣ въ темнотѣ сходятся оба пола. Изъ 400,000 кизильбашей въ Курдистанѣ, Арменіи и нѣкоторыхъ частяхъ Месопотаміи, по крайней мѣрѣ, 250,000 курды, остальные туркмены; арабовъ всего меньше.

Наибольшая масса курдовъ принадлежитъ къ одной изъ второстепенныхъ суннитскихъ сектъ, такъ называемой шуси („schusi“); они заклятые враги шіитовъ, которыхъ они избѣгаютъ и презираютъ даже болѣе, нежели христіанъ. Прозвище „аджами“, которое они даютъ персамъ и татарамъ шіитскаго вѣроисповѣданія, по ихъ понятіямъ, самая бранная изъ всѣхъ кличекъ. Равнымъ образомъ магометанское богослуженіе у курдовъ заключается въ бормотаніи арабскихъ изреченій корана (едва понятныхъ немногимъ изъ ихъ моллаховъ), многочисленныхъ земныхъ поклоновъ и колѣнопреклоненій въ сторону Мекки. Въ „яйлакѣ“ или кочевомъ лагерѣ каждаго курдскаго племени можно встрѣтить моллаха, который читаетъ на арабскомъ языкѣ, но не обязанъ понимать его и вообще отличается поразительнымъ невѣжествомъ.

АРМЯНЕ.

Въ высокой гористой странѣ между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, которая граничитъ съ сѣвера Кавказомъ, съ юга Персіей, Курдистаномъ и Малой Азіей находятся первобытныя мѣста жительства армянскаго народа. По всѣмъ научнымъ даннымъ, какія могла представить этнографія, Арменія была родиной средиземной расы въ тѣ далекія времена, когда еще главныя племена жили нераздѣльно. Одно изъ этихъ племенъ сдѣлалось впослѣдствіи извѣстнымъ подъ именемъ армянъ, которыхъ такимъ образомъ, безусловно нужно признать отраслью арійской народной группы. Еще не такъ давно армянъ хотѣли приписать къ семитамъ; теперь ихъ причисляютъ къ арійцамъ. Дѣйствительно армянскій языкъ, по своему строенію, подходитъ къ ближайщимъ кавказскимъ нарѣчіямъ, особенно къ оссетинскому; но при этомъ многія слова и обороты рѣчи заимствованы изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей языковъ. Надъ армянами долго господствовала

парѳянская династія, и поэтому даже въ ихъ старомъ словарѣ встрѣчаются многія парѳянскія слова; кромѣ того въ армянскомъ языкѣ есть чуждый элементъ, который за неимѣніемъ болѣе точнаго выраженія названъ скиѳскимъ, туранскимъ и кушитскимъ. Семитическое вліяніе на Арменію до начала ислама и даже христіанства, подтверждается исторіей; но въ языкѣ не достаетъ строгой логичности и звуковъ, свойственныхъ семитическому языку. Съ другой стороны онъ богаче, отличается большей гибкостью и въ немъ, что особенно важно, найдены односложныя коренныя слова. Поэтому въ настоящее время армянское нарѣчіе причислено къ эранскимъ языкамъ, хотя отличается отъ нихъ во многихъ отношеніяхъ. Старое армянское нарѣчіе пишется 36 своеобразными буквами; оно не особенно благозвучно, вслѣдствіе скопленія согласныхъ, несовмѣстимыхъ въ другихъ языкахъ; но вообще отличается богатствомъ и правильнымъ строеніемъ. Новѣйшій общеупотребительный языкъ дѣлится на нѣсколько діалектовъ и довольно значительно уклоняется отъ древняго литературнаго языка.

Сами армяне называютъ себя „hai"; это слово повидимому не имѣетъ другаго значенія какъ „господинъ" (на старомъ эранскомъ языкѣ: pati, paiti) и противопоставляется слову "setruk" (невольникъ, первоначально врагъ). Это заставляетъ предполагать существованіе болѣе древняго народа въ нынѣшней Арменіи. Дѣйствительно она была нѣкогда обитаема кавказскими туземцами; Геродотъ называетъ ихъ алародіерами и говоритъ, что этотъ народъ, сродный съ жителями Колхиды, находился близь Понта. Повидимому эти алародіеры тождественны съ урарду, которые упоминаются въ асситинскихъ клинообразныхъ надписяхъ и оставили слѣды своего прежняго мѣстопребыванія въ названіи горы Арарата. Такимъ образомъ алародіеровъ можно считать предками нынѣшнихъ армянъ, нѣкогда покорившихъ ихъ своей власти. Сами армяне называютъ себя потомками Гаика или Хаигха, родоначальника первыхъ армянскихъ титановъ, который по древнѣйшимъ преданіямъ былъ правнукъ Іафета.

Нынѣшніе армяне не представляютъ собой вполнѣ чистаго типа, что объясняется скрещиваніемъ различныхъ народовъ на почвѣ Арменіи. Въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ не было примѣси чуждыхъ элементовъ, природа снабдила ихъ весьма существенными преимуществами, крѣпкими костями, высокимъ ростомъ, хорошимъ тѣлосложеніемъ, но склоннымъ къ отучненію, широкими, какъ бы сплюснутыти мышцами и желѣзными нервами. Кто когда либо видѣлъ армянъ, тотъ вездѣ сразу отличитъ ихъ, по своеобразной растительности волосъ на головѣ, бровямъ и бородѣ, а также чернымъ, большимъ, нерѣдко впалымъ глазамъ, широкому и низкому лбу, необыкновенно длинному орлиному носу, при овальной формѣ лица, чувственному рту, съ сильно развитыми челюстями. Армянинъ по своей плотной неуклюжей фигурѣ напоминаетъ вола, и вообще вся его внѣшность невольно наводитъ на

мысль, что онъ созданъ быть вьючнымъ животнымъ. Форма черепа положительно долихокефальная; кожа у молодыхъ армянъ отличается бѣлизной и нѣжностью; но въ старости у обоихъ половъ принимаетъ мѣдно-красноватый оттѣнокъ.

Обыкновенно характеръ армянъ изображаютъ далеко не въ розовомъ свѣтѣ, и нельзя отрицать, что въ немъ много темныхъ сторонъ; но тѣмъ не менѣе мы должны по справедливости признать, что ихъ хорошія качества далеко перевѣшиваютъ недостатки. Они всѣ отличаются трезвостью, умѣренностью, трудолюбіемъ и бережливостью; кромѣ того къ ихъ національнымъ особенностямъ нужно отнести тихій и кроткій характеръ, необыкновенную вѣжливость въ обращеніи, настойчивость и страсть къ наживѣ. При этомъ не только въ обыденной жизни, но и въ области знанія они выказываютъ замѣчательную податливость, рѣдкій практическій смыслъ и умъ.

Земледѣліе и торговля составляютъ любимое занятіе армянина. Въ сельскомъ хозяйствѣ онъ примѣняетъ къ дѣлу свою физическую силу, которая приноситъ ему немалую пользу какъ въ уходѣ за скотомъ, такъ и въ обработкѣ почвы. Если онъ по профессіи купецъ, маклеръ или занимается предпріятіями, то не дѣлаетъ большихъ скачковъ, а идетъ спокойно и разсудительно къ задуманной цѣли и преслѣдуетъ ее съ одинаковымъ упорствомъ. Значительная часть оптовой торговли въ Турціи и во всей передней Азіи въ рукахъ армянъ, несмотря на ихъ сравнительную малочисленность; при этомъ они владѣютъ вдесятеро большимъ богатствомъ, которое заключается въ золотой монетѣ. Трудно сказать, куда идутъ всѣ деньги пріобрѣтаемыя ими изъ году въ годъ въ Босфорѣ! Это невольно наводитъ на мысль, что они копятъ ихъ въ виду великой будущности, предстоящей ихъ народу. Во всякомъ случаѣ невѣроятныя суммы исчезаютъ въ ихъ сундукахъ и только часть денегъ тратится ими на школы и полезныя учрежденія, а также на комфортабельную жизнь, наряды женщинъ и драгоцѣнности. Къ жемчугу и дорогимъ камнямъ они, повидимому, чувствуютъ особенное пристрастіе. Армянинъ слишкомъ дорожитъ своимъ спокойствіемъ и благоденствіемъ, чтобы рѣшаться на рискованныя предпріятія, которыя побуждаютъ евреевъ снова пустить въ оборотъ весь свой капиталъ. Онъ крайне остороженъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, и только тогда принимается за дѣло, когда можетъ вѣрно разсчитать и взвѣсить всѣ шансы. Армяне извѣстны на всемъ востокѣ своей смѣтливостью или, вѣрнѣе сказать, необыкновенной проницательностью и подвижностью ума, при умѣньи скрывать эти свойства подъ личиной равнодушія. Армянинъ какъ будто видитъ сквозь дерево и желѣзо сколько денегъ въ кассѣ его товарища по дѣламъ и знаетъ заранѣе его намѣренія, между тѣмъ какъ онъ самъ сохраняетъ невозмутимое спокойствіе; съ его лица не сходитъ вѣчно одинаковая обязательная улыбка. При всякихъ условіяхъ жизни онъ идетъ своей дорогой; его холодный разсчетливый умъ никогда не измѣняетъ ему. Бѣдный носильщикъ въ приморскомъ городѣ, нагибаясь подъ тяжестью ноши, несоразмѣрной съ его силами, считаетъ на ходьбѣ: много ли онъ получитъ денегъ вечеромъ, какъ великъ будетъ его мѣсячный заработокъ и удастся ли ему накопить въ годъ небольшую сумму, чтобы начать какое нибудь самостоятельное торговое предпріятіе. То же представляетъ собой и армянскій дипломатъ, который далеко закинулъ свои сѣти за предѣлы Туниса и Марокко. Если вы зайдете вечеромъ къ нему на домъ, то онъ покажется вамъ олицетвореніемъ душевнаго спокойствія, между тѣмъ мысли его заняты слѣдующимъ днемъ: онъ думаетъ о томъ,

что ему дѣлать, чтобы побѣдить противника или задобрить его и черезъ это увеличить свои доходы.

Нужно считать чуть ли не національной чертой то искусство, съ какимъ армянинъ умѣетъ принаровиться къ обстоятельствамъ, чтобы обойти всѣ препятствія. Эта податливость характера выражается во многихъ армянскихъ пословицахъ, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь наиболѣе типичныя:

Если видишь, что вода не слѣдуетъ за тобой, то иди вслѣдъ за нею.

Начинай съ малаго, чтобы достигнуть большаго.

Поворачивай такъ, чтобы вертѣлъ и жаркое остались цѣлы.

Ступай домой, когда столъ накрытъ, а въ церковь, когда обѣдня на исходѣ.

Смотри за матерью, а женись на дочери.

Если ты потерялъ половину и остановился, то считай себя въ выигрышѣ.

Куй желѣзо, пока горячо.

Подкупъ освѣщаетъ путь.

Если хлѣбъ вкусенъ, то мнѣ все равно: пекъ ли его турокъ или еврей.

По одежкѣ протягивай ножки (Ausland 1871, s. 403—404).

Хотя указанныя нами черты характера не внушаютъ особенной симпатіи, но имѣютъ большую цѣну въ смыслѣ существованія и благоденствія народа. Само собой разумѣется, что при этомъ есть и обратная сторона медали. Армянинъ низшаго сословія въ большинствѣ случаевъ честный, прямодушный человѣкъ, справедливый и милостивый ко всѣмъ, миролюбивый и выносливый. Онъ уважаетъ всѣмъ сердцемъ своего гостя, и на его слово можно положиться. Вообще все это относится собственно къ армянскому простонародью, которое во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ грековъ, извѣстныхъ своимъ непостоянствомъ, вѣроломствомъ и ненасытной жаждой къ грабежу. Но горе тому, кто попадетъ въ руки образованнаго армянина! Послѣдній мало по малу опутаетъ его невидимой сѣтью хитростей и козней, которую невозможно распутать, а тѣмъ болѣе порвать; онъ не выйдетъ изъ нея до тѣхъ поръ, пока не лишится послѣдняго имущества. Никто не въ состояніи провести это дѣло грабежа съ такимъ жестокосердіемъ и убійственнымъ хладнокровіемъ, какъ армянинъ. Таково общее мнѣніе о немъ на востокѣ; и, дѣйствительно, полуобразованный армянинъ превзойдетъ всякаго въ ловкомъ и коварномъ шпіонствѣ и мошенническомъ добываніи денегъ. Турокъ ненавидитъ армянина всѣми силами своей души, но не можетъ обойтись безъ его помощи. Послѣдній, въ качествѣ преданнаго и покорнаго слуги, старается сначала заслужить его расположеніе тонкой лестью; затѣмъ становится довѣреннымъ лицомъ въ денежныхъ и семейныхъ дѣлахъ и, мало по малу, высасываетъ изъ него всѣ жизненные соки. Ложь и коварство, которымъ проникнуты турецкія газеты, слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать армянамъ. Они-же постоянно оказываютъ вліяніе на политику Порты и въ несравненно большей степени, нежели обыкновенно думаютъ. Турки могутъ достигнуть только извѣстнаго умственнаго развитія; но если европейское образованіе коснулось головы армянина, то въ ней тотчасъ же начинается усиленная мозговая дѣятельность. Умъ его пріобрѣтаетъ необыкновенную изворотливость, быстро находитъ средства помощи и всевозможныя лазейки, которыя даютъ ему громадное преимущество надъ менѣе ловкими противниками.

Въ домашнемъ быту армянъ господствуетъ патріархальная чистота нравовъ; они чувствуютъ отвращеніе ко всякаго рода нравственной распущенности, обладаютъ всѣми семейными добродѣтелями, и при этомъ отличаются щедростью и гостепріимствомъ. Масса сельскаго армянскаго населенія находится въ бѣдности и нуждѣ, живетъ вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ въ мазанкахъ или землянкахъ и ведетъ жалкое

существованіе подъ вѣчнымъ страхомъ грабежа со стороны курдовъ и другихъ разбойниковъ. Ихъ города представляютъ груды развалинъ, въ жилищахъ нечистота и зловоніе, но въ домашнемъ обиходѣ армяне вообще опрятны; и въ этомъ отношеніи, какъ и по складу семейной жизни, они существенно отличаются отъ остальныхъ азіятскихъ народовъ. Равнымъ образомъ въ семейномъ быту женщина занимаетъ неизмѣримо высшее положеніе, въ смыслѣ бо́льшей самостоятельности, равноправности и признанія ея человѣческаго достоинства. Армянская домашняя жизнь имѣетъ строго патріархальный характеръ.

Армяне почитаютъ отца и мать и хорошо обращаются съ своими женами, а для дѣтей и жены отецъ — родъ полубога. Армянинъ проводитъ у себя дома лучшіе часы своей жизни. Онъ украшаетъ жену и дочь самыми дорогими нарядами; и тщательно заботится о томъ, чтобы въ домѣ былъ избытокъ ѣды и у всѣхъ было бы теплое платье. Но съ другой стороны онъ хочетъ, чтобы домъ принадлежалъ ему одному и не имѣетъ ни малѣйшаго поползновенія нарушить гаремоподобную замкнутость своей домашней обстановки. Пока живы отецъ и мать, вся семья живетъ неразлучно, безъ раздѣла имущества и въ безусловномъ подчиненіи главѣ дома. Ни одинъ членъ семьи не можетъ имѣть своей собственности; все пріобрѣтается въ общую пользу. Послѣ смерти отца старшій сынъ становится вмѣсто него главой дома; и только между внуками происходятъ раздѣлы. Молодыя дѣвушки пользуются полнѣйшей общественной свободой и являются всюду съ непокрытымъ лицомъ; юноши могутъ открыто ухаживать за ними, такъ что браки по привязанности не составляютъ рѣдкости. Молодая замужняя женщина поставлена совсѣмъ въ иныя условія. Подобно магометанкѣ она закрываетъ себѣ лицо „jaschmak", нерѣдко краснаго или голубаго цвѣта, и кромѣ того осуждена на годы молчанія. Она разговариваетъ только съ своимъ мужемъ, когда остается съ нимъ наединѣ, а со всѣми другими членами семьи объясняется знаками. Но по прошествіи шести-семи лѣтъ супружеской жизни, она становится совершенно свободной и вступаетъ въ права самостоятельной хозяйки, которая въ случаѣ смерти мужа замѣняетъ его въ роли главы семьи и пользуется такимъ же уваженіемъ со стороны домочадцевъ. Женщины избавлены отъ всякаго тяжелаго труда, и занимаются только домашнимъ хозяйствомъ и легкой работой въ саду.

Большинство армянъ считаетъ священнымъ долгомъ дать добрый совѣтъ и оказать щедрую помощь всякому члену семьи, соотечественнику или уроженцу одной съ ними мѣстности. Ихъ всѣхъ тѣсно связываютъ одинаковыя религіозныя вѣрованія, съ тѣми-же легендами и обычаями и, въ особенности, сознаніе, что армяне образуютъ особенную церковь. Народъ и церковь представляютъ нѣчто единое, чѣмъ отчасти объясняется глубина и устойчивость ихъ національнаго чувства. При этомъ они мягкосердечны, впечатлительны и всегда готовы оказать услугу ближнему. Въ русскомъ войскѣ армянинъ отличается слѣпымъ повиновеніемъ начальству; на нѣмецкой почвѣ онъ не уступаетъ вѣнскимъ жителямъ въ тонкости обращенія; въ Константинополѣ окружаетъ себя изысканной роскошью паши и толпой слугъ. Никто лучше образованнаго армянина не сживается съ турецкими нравами. Народъ называетъ его трусливымъ; турокъ пренебрегаетъ имъ за его мягкое обращеніе и низкопоклонство. Тѣмъ не менѣе армянинъ всегда вѣренъ

своей національности. Онъ искренно привязанъ къ своей родинѣ, въ глубинѣ его души всегда остается хотя бы слабый отголосокъ этого чувства, которое неразрывно связано съ нимъ. Всѣ народы, кромѣ армянъ, имѣютъ своихъ представителей среди турецкихъ ренегатовъ, особенно греки и евреи, затѣмъ французы и итальянцы и всего меньше нѣмцы и англичане. Переходъ въ исламъ особенно легокъ для армянина и представляетъ для него наиболѣе выгодъ, но онъ не считаетъ возможнымъ отречься отъ своей вѣры и народности. Это само по себѣ дѣлаетъ величайшую честь народу, къ которому другія націи относятся съ такимъ презрѣніемъ. Армяне приняли христіанство около 300 года, и не далѣе, какъ черезъ четыре поколѣнія оно настолько внѣдрилось въ нихъ, что его не могли искоренить никакія коварныя мѣры и насильственные поступки со стороны персовъ. Во время этого неумолимаго гоненія, армянскіе ученые упорно отстаивали мнѣніе, что Христосъ, за котораго они вынесли столько страданій, истинный Богъ и, что въ немъ нѣтъ ничего человѣческаго. Они настолько погрузились въ монофизитское ученіе о сверхъестественномъ Сынѣ Божіемъ, что разрывъ съ византійской церковью сдѣлался неизбѣжнымъ. До сихъ поръ армяне держатся этого ученія, не вѣрятъ въ чистилище, употребляютъ для причастія квашеный хлѣбъ и вино безъ воды. Верховный глава армянской церкви „katholikos", все еще живетъ въ ихъ національной Меккѣ, которую каждый истинный армянинъ долженъ посѣтить разъ въ жизни, а именно въ горномъ монастырѣ Эчміадзинѣ, близь древней армянской столицы Эривани, т. е. „видимой". Онъ же назначаетъ въ Константинополь и Іерусалимъ армянскихъ архіепископовъ и епископовъ, и не иначе, какъ на три года. Священники должны вступать въ бракъ, но послѣ смерти первой жены остаются вдовцами. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, когда возобновились персидскія преслѣдованія, весьма немногіе изъ нихъ перешли въ исламъ, хотя имъ не оставалось иного выбора, какъ отреченіе отъ религіи или смерть. Еще меньшая часть ихъ, и только тѣ, которые жили въ Европѣ и Сиріи, благодаря стараніямъ римской куріи, рѣшились на соединеніе съ католической церковью, но при этомъ горячо оспаривали непогрѣшимость папы, и, такимъ образомъ, вторично разошлись съ послѣднимъ на ватиканскомъ соборѣ.

Армяне выдѣляются среди другихъ восточныхъ народовъ по своей любознательности, уваженію къ наукѣ и склонности къ умственнымъ занятіямъ. Гдѣ бы не собралась горсть армянъ, они немедленно устраиваютъ рядомъ съ церковью школы и выписываютъ газеты. Ни одинъ народъ не располагаетъ на чужбинѣ такими богатыми средствами для поддержанія своей національной жизни, какъ армяне. Они имѣютъ школы и типографіи въ Эчміадзинѣ, Тифлисѣ, Константинополѣ, Смирнѣ, Іерусаимѣ, Мадрасѣ, Калькуттѣ, Вѣнѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Венеціи, Парижѣ и Амстердамѣ. Не менѣе усердно

посѣщаются школы на ихъ родинѣ, а именно въ Ванѣ, Эрзерумѣ, Эрзингіанѣ, Бейрутѣ, Харпутѣ, Мушѣ и Діарбекирѣ. Армянскія газеты совершенствуются съ каждымъ годомъ и число ихъ постоянно увеличивается. Все, что есть лучшаго и наиболѣе остроумнаго въ турецкихъ газетахъ, написано армянами, которые повидимому обладаютъ природнымъ талантомъ къ журналистикѣ. Ни одинъ народъ не посылаетъ столькихъ студентовъ въ нѣмецкіе университеты и высшія парижскія школы, какъ армяне. Но въ ихъ потребности къ образованію не видно ни малѣйшаго стремленія къ чему либо болѣе широкому и отвлеченному, такъ какъ они придаютъ цѣну только количеству пріобрѣтенныхъ ими частныхъ свѣдѣній. Они не отличаются особеннымъ творчествомъ и въ области знанія, а также въ книгахъ всего охотнѣе придерживаются отечественныхъ преданій. Болѣе образованные люди хорошо знакомы съ исторіей своего народа, постояннно ссылаются на ея блистательные моменты и толкуютъ о борьбѣ своихъ соотечественниковъ съ ассиріянами, римлянами, персами и арабами, какъ будто эта борьба происходила нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Вслѣдствіе этого, гдѣ бы не поселились армане и хотя бы достигли самыхъ почетныхъ должностей, но тѣмъ не менѣе національный огонь никогда не потухаетъ на ихъ очагѣ. Если греки дѣйствительно много дѣлаютъ для своихъ учебныхъ заведеній, госпиталей и товариществъ, то армяне дѣлаютъ еще больше для своихъ соотечественниковъ, только менѣе говорятъ объ этомъ.

Хотя въ научномъ отношеніи армяне произвели мало оригинальнаго, но тѣмъ не менѣе, благодаря своему природному уму, они создали довольно значительную литературу, которая начинается съ четвертаго вѣка нашего лѣтосчисленія.

Ихъ произведенія не лишены вкуса и отличаются ясностью изложенія. Что-же касается ихъ историческихъ сочиненій, то они до сихъ поръ считаются у насъ лучшими источниками. Армянскіе патріархи почти всегда стояли во главѣ литературной дѣятельности, потому что при вышеуказанныхъ условіяхъ религія должна была послужить основой для національной литературы. Но съ другой стороны тѣсная связь литературы и церкви была главной причиной, почему умственная жизнь въ Арменіи не возвысилась до оригинальной поэзіи и силы или естественно научнаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе армяне достаточно доказали свою даровитость не только въ земледѣліи, торговлѣ и промышленности, но и въ литературѣ и наукѣ. Равнымъ образомъ въ пользу дипломатическихъ, политическихъ и военныхъ способностей армянъ говоритъ множество видныхъ государственныхъ людей и генераловъ, вышедшихъ изъ ихъ среды, какъ: Нубаръ Паша, Дадіанъ-Бей, Оссіанъ-Эффенди и русскіе полководцы Лазаревъ, Лорисъ-Меликовъ Теръ-Гукасовъ (по арм. правописанію) и друг.

Армяне не представляютъ болѣе сплоченнаго народа, и только значительная часть ихъ осталась на прежней родинѣ, раздѣленная между турецкимъ, персидскимъ и русскимъ господствомъ. Почти всѣ болѣе или менѣе достаточные и образованные армяне живутъ разсѣянные въ далекихъ странахъ, въ качествѣ богатыхъ оптовыхъ торговцевъ и капиталистовъ, трактирщиковъ, поваровъ, скорняковъ, мастеровъ золотыхъ дѣлъ, извощиковъ, слугъ, врачей, ученыхъ, офицеровъ и чиновниковъ.

Численность различныхъ частей армянскаго населенія, болѣе или менѣе сосредоточеннаго между Малой Азіей, Персіей, и Кавказомъ доходитъ приблизительно до трехъ милліоновъ. Нѣкоторые полагаютъ, что ихъ не больше одного милліона, между тѣмъ, какъ сами армяне насчитываютъ до пяти милліоновъ. Но въ виду значительнаго числа армянскихъ жилищъ, обширнаго занимаемаго ими пространства, множества дѣтей, взрослыхъ и стариковъ (армяне обыкновенно достигаютъ глубокой старости), живущихъ совмѣстно въ одной хижинѣ, можно предположить, что собственно въ Арменіи населеніе доходитъ до трехъ милліоновъ, между тѣмъ какъ общая цифра всѣхъ армянъ простирается до девяти милліоновъ.

Армяне особенно благоденствуютъ въ Константинополѣ, гдѣ они затемняютъ собой коренныхъ греческихъ жителей. У Босфора расположенъ большой денежный рынокъ всей передней Азіи, прибалканскихъ и нижнедунайскихъ странъ, куда стекается вся наличная монета и, гдѣ армянинъ плаваетъ, какъ рыба въ водѣ, среди всевозможныхъ биржевыхъ сдѣлокъ. Въ Константинополѣ находится до 200,000 армянъ, которые вслѣдствіе своей неустанной дѣятельности наживаютъ болѣе или менѣе значительное состояніе въ видѣ сборщиковъ податей, банкировъ, купцовъ, маклеровъ, переводчиковъ, довѣренныхъ лицъ и управляющихъ турецкой знати, ювелировъ, портныхъ и скорняковъ, поваровъ, слугъ и носильщиковъ. Многіе имѣютъ въ окрестностяхъ города прекраснѣйшіе дома, переполненные восточной роскошью. Турокъ охотнѣе сносится съ податливымъ и скромнымъ армяниномъ, нежели съ греками и европейцами и нѣтъ ни одного зажиточнаго турецкаго дома, у котораго бы не было слуги армянина или повѣреннаго по дѣламъ. Равнымъ образомъ во всѣхъ значительныхъ торговыхъ городахъ Турціи: въ Адріанополѣ, Филиппополѣ, Салоникѣ, Бруссѣ, Трапезунтѣ, Бейрутѣ, Дамаскѣ, Іерусалимѣ и Багдадѣ, — вездѣ вы встрѣтите армянина, всевѣдущаго и осторожнаго дѣльца, который никогда не теряетъ спокойнаго самообладанія и знаетъ что въ сердцѣ и карманѣ каждаго. Вообще въ европейской Турціи, помимо Константинополя, насчитывается до ста тысячъ армянъ и столько же въ Азіятской Турціи, кромѣ Арменіи. Послѣ Турціи армяне всего больше процвѣтаютъ на почвѣ Россіи, и здѣсь они не только являются въ качествѣ зодчихъ, учредителей промышленныхъ предпріятій, но также врачей, профессоровъ, офицеровъ и чиновниковъ. Въ Одессѣ, Астрахани, Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ не мало знатныхъ фамилій армянскаго происхожденія. По эту сторону Кавказа въ Ставропольской губерніи и далѣе, вокругъ Чернаго моря, въ Екатеринославской и Таврической губерніи, въ Крыму, а также въ Польшѣ распространены многочисленные армянскіе поселенцы. Вообще число ихъ въ Европейской Россіи вѣроятно доходитъ до полумилліона. Равнымъ образомъ ихъ довольно много въ остальной Европѣ, а именно въ Семиградіи, Венгріи и Галиціи, такъ что, совмѣстно съ Австро-Венгріей, число ихъ приблизительно до-

ходитъ до двадцати тысячъ. Всѣмъ извѣстны армянскія торговыя фирмы въ Вѣнѣ, Тріестѣ, Венеціи, Марселѣ, Лондонѣ и Амстердамѣ. Въ Персіи до сихъ поръ живетъ до ста тысячъ армянъ, изъ которыхъ пять тысячъ переселились въ Остъ-Индію. Равнымъ образомъ они водворились въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ на сѣверномъ берегу Африки. Въ одной Америкѣ нѣтъ армянъ или, вѣрнѣе сказать, ихъ переселенцы не долго остаются здѣсь, потому что не могутъ примириться съ лихорадочной суетливостью американской жизни. Такимъ образомъ, болѣе четвертой части армянскаго народа разсѣяна по всему міру. Но ихъ нельзя сравнивать съ евреями и цыганами, такъ какъ между ними и этими народами существуетъ большое различіе. Въ армянинѣ нѣтъ ни единой искры цыганской страсти къ путешествіямъ; онъ тяжелъ на подъемъ, и привязывается къ мѣстности, избранной имъ для поселенія. Тяжелые удары судьбы не лишили ихъ родины и не разсѣяли по лицу земли, какъ это случилось съ евреями. Большинство армянъ до сихъ поръ живутъ въ своемъ первоначальномъ отечествѣ; ихъ переселенцы добровольно оставляютъ родину или вслѣдствіе того, что нужда и гнетъ сдѣлались для нихъ невыносимыми или по вызову своихъ соотечественниковъ, которымъ удалось хорошо устроиться на чужбинѣ (Franz von Löher in der Wiener Abendspost von 5, 6, 7 и 8 November 1878).

ПЕРСЫ И ИХЪ СОСѢДИ.

Курды и армяне ввели насъ въ кругъ большой иранской народной семьи, главнѣйшими представителями которой считаются нынѣшніе персы. Они конечно не могутъ быть названы чистокровными потомками тѣхъ древнихъ персовъ, которые нѣкода составляли основной элементъ иранской семьи, совмѣстно съ мидянами и жителями провинцій, обозначаемыхъ именемъ Аріаны и принадлежавшихъ старой персидской монархіи. Всѣ эти народы, повидимому, усвоили себѣ прозвище арійцевъ, откуда произошло названіе Эранъ или Иранъ, которымъ обозначаютъ извѣстную группу странъ и народовъ. Первое изъ этихъ названій болѣе древнее; второе представляетъ новѣйшую форму языка. Помимо вышеупомянутыхъ курдовъ, армянъ и кавказскихъ оссетиновъ, о которыхъ будетъ говорено ниже, мы должны считать представителями иранской группы собственно персовъ **татъ**, съ **гуранами, белуджей** и **афгановъ**.

Первые представляютъ собой осѣдлое земледѣльческое населеніе Ирана и говорятъ исключително на персидскомъ языкѣ. Мы встрѣчаемъ ихъ въ восточномъ Иранѣ, Кабулѣ, Гератѣ, Сегестанѣ, затѣмъ въ Балхѣ, Хивѣ, Бухарѣ, равно и въ Бадахшанѣ до плоской возвышенности Памира и даже до Куэнъ-Луня подъ именемъ таджиковъ, между тѣмъ какъ въ западномъ Иранѣ, т. е. собственно въ

персидскомъ государствѣ они сохранили старое названіе фарси т. е. персы. Тѣмъ не менѣе этимъ прозвищемъ обозначаютъ обыкновенно только жителей южной провинціи Фарсистана, потому что персы сами называютъ себя иранцами, а свою землю Ираномъ. Но это еще не даетъ намъ права считать нынѣшняго перса за чистокровнаго арійца. Помимо принятія ислама, персы не разъ вступали въ тѣсныя сношенія съ семитическими, а позднѣе и съ тюркотатарскими племенами, такъ что они главнымъ образомъ обязаны своему языку тѣмъ положеніемъ, какое имъ отведено среди другихъ иранскихъ народовъ. Остатокъ древняго населенія уцѣлѣлъ въ такъ называемыхъ парси или гербахъ, которые сохранили вѣру своихъ отцовъ, а именно древнее ученіе о свѣтѣ „Заратуштра"; они безусловно избѣгаютъ всякихъ брачныхъ сношеній съ другими иновѣрцами. Послѣ разоренія государства Сассанидовъ арабами, они сначала укрылись въ горахъ Хороссанъ, затѣмъ въ началѣ восьмаго столѣтія послѣ многихъ странствованій поселились въ Гуджератѣ и другихъ мѣстностяхъ Индіи. Въ Персіи существуютъ еще двѣ общины въ Іездѣ и Кирманѣ, состоящія изъ гербовъ, число которыхъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ доходитъ до 5000 душъ.

Парсы могутъ быть безусловно названы красивой породой людей. Это большей частью рослыя, сильныя и жилистыя фигуры съ мужественными и привлекательными чертами лица, которыя до извѣстной степени напоминаютъ античныя головы на персеполитанскихъ скульптурныхъ изображеніяхъ, а равно и монетахъ временъ Сассанидовъ, какъ напр. Шапура I и Нарзеса. У нихъ правильный овалъ лица, выступающій, слегка изогнутый орлиный носъ, приподнятыя брови и темные глаза красивой формы, съ невыразимо грустнымъ выраженіемъ, въ которомъ какъ бы отразилось тысячелѣтнее рабство. Къ этому нужно прибавить окладистую, хотя не особенно густую, бороду, составляющую внѣшнее украшеніе этого народа, о наружности котораго всѣ путешественники и писатели отзываются съ большой похвалой. Въ умственномъ отношеніи гебры вообще стоятъ на болѣе низкой степени развитія, нежели персы, и это вполнѣ понятно, такъ какъ они лишены всякихъ средствъ къ образованію. Но съ другой стороны они несравненно нравственнѣе своихъ властелиновъ. Нынѣшніе персы положительно лишены надлежащаго пониманія принциповъ чести, правды и справедливости, между тѣмъ какъ къ чести презираемыхъ гебровъ, нужно признать, что они подобно своимъ праотцамъ чувствуютъ инстинктивное отвращеніе ко всякой лжи и безусловно самые честные люди во всемъ Иранѣ. Само собой разумѣется, что и здѣсь бываютъ исключенія, такъ какъ къ гебрамъ примѣнимъ общій законъ, что образъ мыслей человѣка представляетъ продуктъ окружающаго его общества. Парсы набожно придерживаются своихъ старыхъ вѣрованій; хранители ихъ религіи „destur" (верховные жрецы) и „mobed" (жрецы низшаго разряда). Въ Персіи только два „destur'a", а именно, одинъ въ Іездѣ, другой въ Кирманѣ. Званіе ихъ мало по малу сдѣлалось наслѣдственнымъ, хотя, по предписанію Зоратуштры, только тотъ можетъ удостоиться избранія, кто прославился наибольшимъ количествомъ добрыхъ дѣлъ. Если „destur" окажется недостойнымъ своего званія, то его лишаютъ должности. Верховные жрецы, какъ лица наиболѣе уважаемыя въ народѣ, исполняютъ также судейскія обязанности, и въ качествѣ третейскихъ судей рѣшаютъ всякаго рода ссоры между своими единовѣрцами, а также

дѣла, касающіяся вопросовъ чести, наслѣдства и т. п. Персидское правительство съ своей стороны тѣмъ охотнѣе предоставляетъ имъ судейскія обязанности, что по исламскимъ понятіямъ онѣ неразрывно связаны съ духовнымъ саномъ. „Mobed“ встрѣчаются во всѣхъ гебрскихъ общинахъ; ихъ функціи ограничиваются отправленіемъ божественной службы. Божьи храмы („Aleschgah“ храмы огня) допущены только въ ихъ главныхъ населенныхъ пунктахъ и, вдобавокъ, не публично, а втайнѣ и въ частныхъ домахъ. Въ настоящее время огнепоклонники имѣютъ 26 храмовъ въ Іездѣ и въ окрестныхъ деревняхъ и три храма въ Кирманѣ и его окрестностяхъ. Всѣ эти храмы отличаются необыкновенно простымъ устройствомъ. Къ двору, обнесенному стѣнами, примыкаетъ комната, похожая на залу, гдѣ вся община собирается для молитвы; въ углу залы стоитъ алтарь, на которомъ „mobed“ шесть разъ разводятъ огонь, въ продолженіи 24 часовъ. Во время моленія, предписаннаго Зендавестой, всѣ присутствующіе мужчины и женщины обращаются лицомъ къ огню и развязываютъ поясъ („kosti“), который они постоянно носятъ на себѣ, въ знакъ своего религіознаго сообщничества. Этотъ поясъ, сообразно древнему обычаю, связанъ изъ 72 нитокъ и надѣвается на восьмомъ году жизни съ особенными празднествами и церемоніями; только послѣ этого молодой парсъ считается собственно принятымъ въ число вѣрующихъ. Въ настоящее время гебры вмѣсто древняго пояса употребляютъ тесемку, сотканную изъ овечьей шерсти, которую они трижды обматываютъ вокругъ тальи и связываютъ особеннымъ способомъ. Къ вышеупомянутой главной залѣ примыкаютъ еще двѣ комнаты, меньшихъ размѣровъ; изъ нихъ одна, совсѣмъ темная, представляетъ собой святилище, гдѣ на каменномъ алтарѣ подъ золой тлѣетъ святой огонь. Одни жрецы имѣютъ доступъ въ святилище. Различныя церемоніи, связанныя съ древнимъ богослуженіемъ, мало по малу приняли менѣе сложный характеръ у бѣдныхъ и здравомыслящихъ гебровъ; равнымъ образомъ вышли изъ употребленія многія омовенія, которыя были разнаго рода, смотря по степени осквернія. Теперь только одни жрецы исполняютъ болѣе или менѣе точно древнія предписанія.

Остальные персы сильно перемѣшаны съ арабскимъ, турецкимъ, монгольскимъ, афганскимъ и другими народными элементами. Они составляютъ главную массу нынѣшняго населенія страны, едва доходящаго до 6—7 милліоновъ душъ; это также красивая изящная порода людей, большей частью ниже средняго роста. Тучные субъекты составляютъ рѣдкость.

Австрійскій врачъ І. Е. Полакъ, хорошо знакомый съ Персіей, благодаря долгому пребыванію въ странѣ, описываетъ слѣдующимъ образомъ наружность перса. „У него довольно темная кожа, сравнительно съ европейцами и армянами; зрачокъ глазъ свѣтло-коричневый (рѣдко черный), волосы всегда прямые, темно-коричневаго цвѣта, съ каштановымъ оттѣнкомъ, окладистая густая борода, черепъ правильной овальной формы, лобъ умѣренной высоты и сплюснутый на вискахъ. При этомъ у всѣхъ персовъ большіе выпуклые глаза съ длинной верхней вѣкой, которая нерѣдко покрываетъ большую часть роговой оболочки глаза, дугообразныя брови, сросшіяся на переносьи, худощавыя щеки безъ окраски, тонкія губы, узкій подбородокъ, короткая шея съ мало выступающимъ кадыкомъ и широкій грудной ящикъ. Бедра и тазъ сильно развиты у женщинъ; но кости вообще тонкія, оконечности рукъ и ногъ особенно красивы и съ нѣжными суставами; волосы на головѣ очень густые; все тѣло покрыто ими. Персъ не жирѣетъ ни при какихъ условіяхъ жизни, равно какъ и чрезмѣрная худоба встрѣчается крайне рѣдко. Онъ немного выше средней величины европейской пѣхоты; особенно рослые стройные субъекты или очень

низкіе, составляютъ исключеніе. У перса строгія, но не рѣзкія, черты лица, которыя въ противоположность многимъ европейцамъ, онъ сохраняетъ до старости, потому что не возбуждаетъ себя нравственными аффектами и, вслѣдствіе привычки или наблюденія за собой, умѣетъ преодолѣть себя, по крайней мѣрѣ, по внѣшности. Онъ избѣгаетъ усиленныхъ тѣлодвиженій и жестовъ, которыми европеецъ всего больше поражаетъ его. Вообще по своей наружности онъ представляетъ красивый кавказскій типъ и черезъ это наглядно отличается отъ другихъ націй, живущихъ совмѣстно съ нимъ" (Polak. Persien. Das Land und seine Bewohner. Leipzig. 1865, Bd. I, s. 6—7). Женщины, по всѣмъ отзывамъ, очень хороши собой въ молодости, въ чемъ убѣждаетъ насъ и необыкновенная красота персидскихъ дѣвочекъ, которыя до девятилѣтняго возраста ходятъ съ непокрытымъ лицомъ. Персіянка средняго роста не особенно худощава и не полна. У ней большіе миндалевидные глаза, „отуманенные любовью" — „tscheschme chumar" туземныхъ лирическихъ поэтовъ, слегка приподнятыя сросшіяся брови и круглое лицо, воспѣтое пѣвцами, которые сравниваютъ его съ обликомъ луны (mah ruje). Оконечности рукъ и ногъ необыкновенно красивой формы; но цвѣтъ кожи рѣдко отличается бѣлизной, которая такъ цѣнится у персіянъ, и этотъ недостатокъ восполняется бѣлилами. Прекрасные каштановые волосы часто красятся лавзоніей въ красноватый цвѣтъ, брови въ черный, ладони, ногти и подошвы въ оранжевый. Но обычай татуировать мѣстами тѣло повсемѣстно вышелъ изъ употребленія.

Путешественники описываютъ не особенно лестными красками нравственныя свойства нынѣшнихъ персовъ. Они сами величаютъ себя восточными французами, и это названіе не лишено основанія. При наилучшихъ умственныхъ и физическихъ дарованіяхъ они отличаются тонкимъ вкусомъ, необыкновенными способностями ко всѣмъ отраслямъ искусства и промышленности, страстью ко всякаго рода увеселеніямъ, которая сохраняется у нихъ до преклонныхъ лѣтъ и чисто французскимъ легкомысліемъ. Послѣ китайцевъ они самый вѣжливый народъ на востокѣ, въ высшей степени любезны въ своемъ обхожденіи, разговорчивы до болтливости и находчивы; рѣчь ихъ пересыпана цвѣтами поэтическаго краснорѣчія, но при этомъ крайне напыщена и отличается лживостью. Персъ часто прибѣгаетъ къ клятвѣ для подтвержденія своихъ словъ; но это нисколько не служитъ ручательствомъ въ ихъ правдивости. Онъ даже не претендуетъ на то, чтобы ему вѣрили, и, если его поймаютъ во лжи, то онъ улыбаясь, сознается, что сказалъ неправду. Хотя персидскій языкъ выработанъ до тонкости, но въ немъ нѣтъ словъ для выраженія понятій о добродѣтели, благодарности, раскаянія, чести и совѣсти. Персъ въ высшей степени обладаетъ умѣніемъ владѣть своими страстями. По наружному виду нельзя вывести никакихъ заключеній объ его возрастѣ, потому что персъ не только краситъ волосы, руки, ногти и щеки до глазъ желтоватымъ порошкомъ лавзоніи, но даже бороду, черную, какъ вороново крыло, и придаетъ ей кирпичне-красный цвѣтъ. Равнымъ образомъ черты лица его представляютъ tabula rasa, потому что въ нихъ нельзя прочесть того, что происходитъ въ его душѣ. Онъ можетъ надолго затаить свой гнѣвъ, пока не наступитъ благопріятная минута для расплаты и мести. Онъ покланяется принципу

nil admirari; и если случается, что онъ по темпераменту увлечется чѣмъ либо, то можетъ настолько совладать съ собой, что никто не замѣтитъ его удивленія. У него есть способность къ поэзіи, музыкѣ и пѣнію, но онъ часто жертвуетъ мыслью для словъ, и риѳмы. Онъ остроуменъ, но не логиченъ въ своемъ мышленіи. Благодаря своимъ необыкновеннымъ умственнымъ способностямъ онъ схватываетъ мысль на лету, быстро запоминаетъ выученное, но скоро бросаетъ ученіе и

Знатный персъ.

старается извлечь возможную пользу изъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній. Онъ вообще не изобрѣтателенъ, но очень способенъ къ подражанію и перенимаетъ все, что видитъ; его искусная художественная рука подделываетъ европейскія фабричныя издѣлія, съ помощью самыхъ несовершенныхъ инструментовъ. Но вообще персамъ не достаетъ выдержки и выносливости въ работѣ. Какъ всѣ сангвиники, они поддаются первому впечатлѣнію, могутъ подобно дѣтямъ почти въ одно и то же время проливать слезы и смѣяться и все забыть въ слѣдующую минуту. Они въ высшей степени чувственны и падки къ этого

рода наслажденіямъ, склонны къ вину, сладострастію и роскоши, отчаянные игроки, но какъ всѣ восточные люди способны выносить величайшія лишенія и сохранить хорошее расположеніе духа, несмотря на крайнюю бѣдность, вмѣстѣ съ способностью къ остроумію и насмѣшкѣ. Персъ съ одинаковымъ спокойствіемъ выноситъ счастье и несчастье. Въ ѣдѣ онъ въ высшей степени умѣренъ и нетребователенъ; пища даже у зажиточныхъ классовъ состоитъ изъ риса и тушеной говядины или домашней птицы такъ наз. „пилау" и „чилавъ"; кромѣ того они охотно ѣдятъ „ширини" (schirini), т. е. всякаго рода сахарныя печенья, а также плоды и овощи приготовленные въ сахарѣ и уксусѣ. При этомъ, какъ бѣдные, такъ и богатые преимущественно питаются всякаго рода плодами и довольно вкуснымъ овечьимъ сыромъ. Въ случаѣ необходимости, персъ будетъ довольствоваться травами растущими въ пустынѣ, но вообще любитъ спиртные напитки и всякаго рода возбуждающія средства. Онъ дорожитъ спокойствіемъ и удобствами, но довольно подвиженъ, охотно предается всякимъ тѣлеснымъ упражненіямъ, особенно любитъ продолжительную ѣзду и путешествія, хотя бы связанныя съ разными затрудненіями, при этомъ страстный охотникъ, но не иначе, какъ верхомъ. Жестокость чужда его природѣ; съ животными онъ даже лучше обходится нежели съ людьми; но по приказанію другихъ способенъ на всякій звѣрскій поступокъ, такъ какъ не считаетъ себя отвѣтственнымъ за него. Всякая власть ненавистна ему, но онъ умѣетъ угодить каждому. Онъ не отличается воинственностью, долго выноситъ самый тяжелый гнетъ, но, подконецъ, насильственно сбрасываетъ его съ себя и прежде всего мститъ своему противнику безчестіемъ его семьи. Онъ постоянно говоритъ о своей добродѣтели и справедливости и отвращеніи къ гнету и произволу, но едва представится случай обращается въ самаго ужаснаго тирана и безъ зазрѣнія совѣсти присвоиваетъ себѣ имущество и собственность ближняго. Корыстолюбіе и алчность господствуютъ въ Персіи во всѣхъ классахъ, и въ этомъ отношеніи особенно отличаются „деллале", т. е. коммиссіонеры. Перса легко подкупить деньгами; но подкупъ въ большинствѣ случаевъ скоро обнаруживается. Несмотря на свое корыстолюбіе и склонность къ пріобрѣтенію денегъ, не разбирая законности источника, онъ также скоро тратитъ ихъ чтобы щегольнуть роскошью и, согласно обычаю, предлагаетъ посѣтителю въ подарокъ любой предметъ возбудившій его удивленіе. Хотя онъ любитъ угощать гостей, но у него нѣтъ никакого представленія о настоящемъ гостепріимствѣ. Онъ не задается мыслью объ обязанности гостепріимства и если принимаетъ гостей, то съ тою цѣлью, чтобы въ свою очередь получить отъ нихъ приглашеніе или вслѣдствіе того, что ему скучно сидѣть одному за своимъ столомъ. Театральныя представленія, фарсы, танцы и фейерверки доставляютъ ему наибольшее удовольствіе

онъ самъ природный актеръ и умѣетъ цѣнить хорошую игру: всякое зрѣлище привлекаетъ его.

Въ продолженіи первыхъ десяти дней мѣсяца мохарема, во всемъ исламѣ воздерживаются отъ всякихъ празднествъ, а въ Персіи, мірѣ шіитовъ, уже за мѣсяцъ до этого соблюдается трауръ, всѣ постятся, слушаютъ повѣствованіе элегій и присутствуютъ при „tazie“. Г. Вамбери наглядно описываетъ одно изъ такихъ представленій:

„Примкнувъ къ толпѣ, я скоро достигъ двора губернаторскаго дома, гдѣ по срединѣ воздвигнута была платформа въ 2 м. высоты, называемая здѣсь „saku“, вокругъ которой на высокихъ шестахъ развѣшаны были шкуры тигровъ и пантеръ, стальные и кожаные щиты, черныя знамена, обнаженные мечи и между прочимъ нѣсколько ламиъ для освѣщенія ночнаго представленія. На лѣвой сторонѣ обширнаго двора помѣстились дамы; другую сторону заняли мужчины. Въ бель-этажѣ сидѣлъ губернаторъ, устроитель „tazie“, его семья и городская знать. Все было облечено въ трауръ и имѣло мрачный, невыразимо печальный характеръ. Прежде чѣмъ началось представленіе піэсы, на сцену выступилъ дервишъ, который имѣлъ видъ помѣшаннаго, вѣроятно вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія опіума и громко крикнулъ: Ja Mu'menin! (о вы правовѣрные!) послѣ чего моментально наступила тишина. Онъ началъ читать длинную молитву, въ которой перечислилъ добродѣтели и геройскія дѣянія великихъ шіитовъ и въ такихъ же гиперболическихъ выраженіяхъ описалъ пороки и злые поступки суннитовъ. Когда онъ дошелъ до перечня выдающихся людей послѣдней секты, то воскликнулъ: „Братья, вы не хотѣли проклинать ихъ и предавать осужденію, а я говорю вамъ, проклятіе тремъ собакамъ и похитителямъ престола: Абу Бекру, Омару и Осману! Онъ остановился, между тѣмъ, какъ присутствующіе единогласно подтвердили его проклятія и заклинанія возгласомъ: „bischbad!“ „bischbad!“ (во истинно, да будетъ! во истинно да будетъ!). Послѣ этого дервишъ предалъ проклятію Аешахъ, жену пророка, Моавію, его преемника Іезида, Шамра и другихъ отъявленныхъ враговъ ереси. Онъ останавливался послѣ каждаго имени и въ толпѣ раздавался громкій „bischbad“. Въ заключеніе онъ произнесъ напыщенную хвалебную рѣчь шаху, нынѣшнему персидскому Улема и присутствующему губернатору, затѣмъ съ видимымъ волненіемъ сошелъ съ платформы и быстрыми шагами направился къ толпѣ, чтобы получить гонораръ за выказанное усердіе. Это былъ прологъ къ предстоящему зрѣлищу.

Вскорѣ на сценѣ появилось нѣсколько закутанныхъ фигуръ въ платкахъ которыя отчасти хоромъ, частью поочередно пропѣли элегію, чтобы тронуть толпу и подготовить ее къ величественному зрѣлищу. Оно началось съ появленія имама Гуссейна, окруженнаго женами и дѣтьми; при этомъ была изображена та сцена, когда онъ находится на пути въ Куфу, куда его призываетъ незначительное число приверженцевъ и онъ со всѣхъ сторонъ стѣсненъ войсками Іезида. Его мучитъ жажда, онъ старается облегчить страданія своей семьи словами утѣшенія. На заднемъ планѣ возвышается тронъ калифа Іезида, который возсѣдаетъ на немъ въ полномъ облаченіи, и, обращаясь къ своей вооруженной свитѣ, отдаетъ самыя жестокія приказанія относительно Гуссейна и его приближенныхъ. Али Экберъ, младшій сынъ Гуссейна, тронутый страданіями своихъ родителей, братьевъ и сестеръ, которые изнемогаютъ отъ жажды, предлагаетъ, несмотря на окружающаго непріятеля отправиться за водой къ ближайшему берегу Тигра. Родители и родственники стараются отговорить его отъ этого намѣренія въ нѣжнѣйшихъ выраженіяхъ и прибѣгаютъ къ самымъ горячимъ ласкамъ. Просьбы и вопли матери, мольбы отца въ высшей степени умилительны, и можно себѣ представить, какое сочувствіе вызываютъ рыданія несчастныхъ жертвъ въ толпѣ зрителей. Въ особенности женщины

такъ громко плакали и кричали, что я не разслышалъ многихъ словъ дѣйствительно прекраснаго діалога. Али Экберъ настаиваетъ на своемъ, мать падаетъ въ обморокъ, но вскорѣ бодрость опять возвращается къ ней; она хочетъ видѣть своего сына героемъ и молится объ его спасеніи. Отецъ самъ опоясываетъ мечомъ своего сына, который садится на лошадь; но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ изъ войска Іезида выступилъ могучій всадникъ, вскочилъ на коня и бросился за нимъ въ погоню, осыпая его самой оскорбительной бранью. Происходитъ упорная борьба, сцена получаетъ живой интересъ; общее напряженіе все болѣе и болѣе увеличивается; наконецъ всадникъ настигаетъ мужественнаго юношу; удары слѣдуютъ за ударами, кровь (приготовленная съ этой цѣлью краска), струится со всего тѣла Али Экбера; раздается раздирающій крикъ среди семьи, ожидавшей исхода битвы съ сокрушеннымъ сердцемъ. Али Экберъ падаетъ; его снимаютъ полумертвымъ съ лошади и несутъ на авансцену; мать, сестры и братья припадаютъ къ его зіяющимъ ранамъ; слезы родителей падаютъ на нихъ каплями вмѣсто бальзама, между тѣмъ какъ сѣтованія зрителей доходятъ до апогея. Женщины начинаютъ бить себя въ грудь въ знакъ печали, посыпаютъ голову пескомъ и рубленной соломой (вмѣсто пепла); всѣ находятся въ такомъ экстазѣ, въ какой едва ли когда нибудь приводятъ публику величайшіе трагики европейскаго искусства. Видъ умирающаго сына воспламеняетъ Гуссейна. Онъ также садится на лошадь, хочетъ отомстить смерть своего дѣтища; но вскорѣ Шамръ, всадникъ изъ войска Іезида преслѣдуетъ его и наноситъ ему смертельную рану. Появленіе его трупа еще больше увеличиваетъ общія слезы и стенанія. Его кладутъ рядомъ съ тѣломъ сына и обоихъ покрываютъ черными платками. Вслѣдъ затѣмъ происходитъ сильная рѣзня, въ которой погибаютъ остальные члены излюбленнаго дома. Всѣ лежатъ рядомъ на сценѣ вытянутые во весь ростъ; и въ то время, какъ благочестивые зрители проливаютъ слезы ужаса и неудовольствіи и едва рѣшаются взглянуть на сцену, актеры уходятъ и трагедія кончается.

„Это была первая піэса; — слѣдующая изображала Авраама, приносящаго въ жертву Исаака и была разыграна довольно вѣрно. Старый патріахъ, получивъ Божье повелѣніе, цѣлуетъ и ласкаетъ своего сына, но имѣетъ настолько присутствія духа, чтобы вслѣдъ затѣмъ связать его и положить на алтарь. Онъ вынимаетъ мечъ, прикладываетъ лезвее къ обнаженной шеѣ сына и хочетъ нанести смертельный ударъ, но тутъ является ангелъ съ двумя овцами. Исаакъ вскакиваетъ съ мѣста; вмѣсто него закалываютъ овецъ, изъ которыхъ будетъ приготовленъ сытный ужинъ для актеровъ. Какъ въ первой піэсѣ, гакъ и въ этой, меня поразило искусство и серіозный видъ дѣтей, участвовавшихъ въ представленіи. Нѣкоторыя изъ нихъ едва достигали шестилѣтняго возраста, между тѣмъ они твердо выучили наизусть свою роль, состоящую изъ нѣсколькихъ сотъ стиховъ. Равнымъ образомъ мимика и жестикуляція были настолько удовлетворительны, что даже у насъ, въ Европѣ, объ нихъ отозвались бы съ одобреніемъ. Но всего замѣчательнѣе, что всѣ монологи поются и у многихъ актеровъ прекрасные голоса; особенно хороши жалобные и мрачные напѣвы, которые произвели бы впечатлѣніе на всякое общество. Для „Tazie“ большей частью выбраны сюжеты, въ родѣ вышеописанныхъ; но ихъ представляютъ весьма разнообразнымъ способомъ. Они преимущественно видоизмѣняются въ изображеніи и богатствѣ эпизодовъ, равно и во внѣшнемъ великолѣпіи, сообразно тому, насколько артисты изучили свои роли, и степени большей или меньшей роскоши, какую можетъ позволить себѣ устроитель „Tazie“. Безусловно наилучшія „Tazie“ даются при дворѣ, въ Тегеранѣ, на которыя приглашается только турецкое посольство, какъ единственное, исповѣдующее магометанскую вѣру. Мнѣ дозволено было присутствовать на одномъ изъ этихъ представленій въ качествѣ гостя упомянутаго посольства; и я долженъ сказать, что великолѣпіе, съ

какимъ обставлены эти зрѣлища, навсегда останется въ моей памяти. Всѣ актеры были закутаны въ самыя тонкія и дорогія шали; ихъ оружіе было украшено настоящими алмазами и другими драгоцѣнными камнями. Сосуды были изъ золота и серебра; и, если принять во вниманіе необыкновенную естественность игры, то никому не покажется страннымъ мое замѣчаніе, что подобное представленіе въ Тегеранѣ настолько обманчиво въ цѣломъ, что совершенно переноситъ васъ во времена калифа Іезида и его ближайшихъ преемниковъ. Но само собой разумѣется, что общее впечатлѣніе нарушается въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что мужскія и женскія роли исполняются только актерами мужскаго пола, потому что женщина по исламскому закону не имѣетъ права являться въ публикѣ.

Что касается домашней жизни персовъ, то о нихъ можно сказать, что они поднимаются съ восходомъ солнца, лѣтомъ спятъ въ обѣденное время и только вечеромъ снова возвращаются къ жизни. Поэтому, если васъ приглашаютъ въ гости къ знакомому лицу, то просятъ прійти часъ или два спустя послѣ солнечнаго восхода или передъ закатомъ солнца. Если вы должны быть у какого нибудь сановника, то онъ назначаетъ вамъ часъ пріема совмѣстно съ двадцатью или болѣе другими посѣтителями; всѣ садятся полукругомъ около хозяина дома, и каждый расказываетъ во всеуслышаніе о своихъ дѣлахъ. При этомъ даютъ черный кофе, чай и ~~коньякъ~~ или такъ наз. „водяную трубку“, которая переходитъ изо рта въ ротъ; никто не находитъ этого неприличнымъ, и даже не всѣ считаютъ нужнужнымъ вытереть мунштукъ. Вообще въ Персіи неопрятность доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Ножи, вилки и ложки не въ употребленіи; одежда отличается роскошью и по внѣшности кажется опрятной и красивой, благодаря пестротѣ красокъ и матеріямъ, затканнымъ золотомъ и серебромъ; но при этомъ никто не обращаетъ вниманія на массу насѣкомыхъ, повидимому, придерживаясь поговорки: „живите и не мѣшайте жить другимъ“.

Персидская мужская одежда довольно живописна. Главнѣйшую принадлежность туалета составляетъ головной уборъ, который въ настоящее время большей частью замѣненъ остроконечной татарской шапкой изъ чернаго барашка (kullah“), и только люди извѣстнаго класса: сеиды, священники, школьные учителя, врачи, торговцы москотильныхъ товаровъ и пр. носятъ чалму. Считается безусловно неприличнымъ принять гостя съ непокрытой головой. Шея всегда открыта; короткая рубашка („pirahen“) покрываетъ тѣло отъ ключицъ до половины живота, затѣмъ надѣвается архалукъ и сверху одноцвѣтная одежда „käba“, которая ниже колѣнъ и настолько широка, что полы заходятъ одна на другую и прикрываютъ формы тѣла. Всякая одежда, которая не достигаетъ этой цѣли считается неприличной. „Käba“ подпоясывается кушакомъ. Въ прохладную погоду надѣваютъ кафтанъ („kaledscheh“) съ короткими рукавами, доходящими до локтя, который нерѣдко бываетъ подбитъ мѣхомъ. Если персъ хочетъ засвидѣтельствовать почтеніе своему начальнику, то онъ сверхъ остальной одежды накидываетъ широкую шубу, которая покрываетъ его отъ шеи до ногъ и съ такими длинными рукавами, что даже не видны кисти рукъ. Шаровары шьются изъ полушелковой голубой или пурпуровой матеріи и всегда невѣроятной ширины, чтобы удобно было сидѣть, поджавъ ноги. Нижнее бѣлье

не въ употребленіи, и поэтому даже зимой можно видѣть при ходьбѣ голыя икры. Ноги обуты въ короткіе чулки, доходящіе до щиколки („dschurab"), затѣмъ въ туфли или низко вырѣзанные башмаки („käfsch"), которые легко сбросить при входѣ въ комнату. Персъ носитъ перчатки только въ путешествіяхъ; въ остальное время они считаются неумѣстными. Платокъ („desmal"), наоборотъ, играетъ важную роль; но его употребляютъ не для сморканія носа, какъ у насъ, а для обтиранія тѣла, послѣ омовеній, предписанныхъ закономъ; въ него завертываютъ также различные предметы: акты, письма, говядину, овощи и т. п. У женщинъ платокъ служитъ для разныхъ символическихъ знаковъ и приказаній, а равно употребляется при различныхъ фигурахъ во время танцевъ (Polak. Persien. Bd. I s. 138—148). Дома женщины покрываютъ себѣ голову шапочкой изъ легкой шали, изъ-подъ которой сзади выпущены косы. Рубашка состоитъ изъ тонкаго флёра, затканнаго золотыми нитками, въ видѣ красивыхъ арабесокъ, такъ что она только номинально прикрываетъ грудь, между тѣмъ, какъ животъ совсѣмъ обнаженъ. Небольшой корсажъ, плотно прилегающій къ тѣлу, съ низкимъ вырѣзомъ спереди, спускается ниже таліи; куртка, похожая на мужскую по покрою дополняетъ туалетъ верхней части туловища. Персіянка, вмѣсто юбокъ носитъ нѣсколько паръ нижнихъ панталонъ и кромѣ того шаровары изъ тонкой шелковой матеріи, которыя всѣ доходятъ до щиколки ногъ. Благодаря нѣсколькимъ парамъ нижнихъ панталонъ и верхнимъ шароварамъ, собраннымъ складками, эта одежда получаетъ видъ юбки съ фижмами. Персіянка, какъ всѣ восточныя женщины, придаетъ большое значеніе своему платью, нарядамъ и украшеніямъ. Изъ драгоцѣнностей особенно цѣнятся браслеты и повязки для ногъ изъ нитокъ жемчуга. Но вообще каждая женщина навѣшиваетъ на себя такое количество всякихъ украшеній, какое дозволяютъ средства ея мужа. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ у знатныхъ арабовъ, живущихъ въ городахъ, увеличивающаяся роскошь въ гаремахъ составляетъ постоянно предметъ огорченія для супруговъ.

Что касается семейной и половой жизни персіянъ, то она скроена по общественному магометанскому образцу. Шіитъ также запираетъ своихъ женъ, которыхъ онъ пріобрѣтаетъ до извѣстной степени съ помощью купли, такъ какъ платитъ за нихъ большую или меньшую сумму родителямъ. Хотя иногда бываютъ браки по привязанности, но вообще у перса своеобразныя понятія о любви, несмотря на то, что это слово играетъ большую роль въ превосходныхъ стихотвореніяхъ его національныхъ поэтовъ. Мужъ отправляется вечеромъ въ „Enderun", какъ называется по персидски гаремъ, и покидаетъ его довольно рано утромъ; онъ проводитъ день въ „Birun", т. е. помѣщеніи для мужчинъ или внѣ дома. Хотя персы могутъ имѣть нѣсколько женъ, но вообще господствуетъ моногамія; „Enderun" обыкновенно населенъ многочисленной женской прислугой, которая находится въ безусловномъ подчиненіи у хозяина дома. Персы низшаго сословія, въ виду хозяйственыхъ соображеній, имѣютъ иногда нѣсколько женъ, потому что онѣ завѣдуютъ домомъ, зарабатываютъ деньги ручной работой, облегчаютъ жизнь мужу и подчасъ даютъ ему возможность достигнуть высшей цѣли всѣхъ желаній, а именно избавляютъ его отъ необходимости трудиться.

Мы приведемъ теперь нѣкоторыя подробности о жизни дѣвушки въ Персіи, сравнительно съ существованіемъ замужней женщины. Дѣвушки надѣва-

ютъ вуаль съ девяти лѣтъ, т. е., начиная съ этого возраста, онѣ не могутъ показываться внѣ дома съ открытымъ лицомъ. Можно было бы считать этотъ моментъ извѣстнаго рода признаніемъ совершеннолѣтія, потому что персы, особенно низшаго сословія, всегда торопятся пристроить своихъ дочерей. Главная причина подобной поспѣшности заключается въ томъ, что красивая дѣвушка представляетъ собой для бѣдныхъ родителей живой капиталъ, и всѣ ихъ надежды и желанія направлены къ тому, чтобы скорѣе пріобрѣсти его посредствомъ ея брака. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что на основаніи богословско-демократическихъ учрежденій ислама нѣтъ никакого различія между сословіями или, по крайней мѣрѣ, оно существуетъ въ весьма слабой степени, такъ что эта спекуляція можетъ иногда привести къ самымъ блестящимъ результатамъ. Такимъ образомъ наибѣднѣйшая дѣвушка, если она только одарена необыкновенной красотой, можетъ сдѣлаться женой высшаго государственнаго сановника и даже шаха. У шіитовъ существуетъ особенное учрежденіе, такъ называемый „временной бракъ“, который въ повсемѣстномъ употребленіи въ „странѣ солнца“. Бракъ бываетъ здѣсь двоякаго рода: безъ срока и на опредѣленное время, смотря по условію, начиная отъ одного часа до 99 лѣтъ. Замужнія женщины первой категоріи называются „aekdi“, второй—„sighi“. Вслѣдствіе такого дѣленія мусульманскіе брачные обычаи представляютъ существенныя видоизмѣненія. Равнымъ образомъ шіитъ не можетъ имѣть болѣе четырехъ „aekdi“ или законныхъ женъ, какъ это предписываетъ, между прочимъ и Коранъ, но законъ обходятъ такимъ способомъ, что „sighi“ заступаетъ мѣсто отвергнутой „aekdi“ (съ помощью законнаго развода); затѣмъ послѣдняя снова входитъ въ милость своего господина въ качествѣ „sighi“. Но такъ какъ при подобной своеобразной процедурѣ нерѣдко дѣло идетъ только о формальностяхъ, и въ Коранѣ заключается постановленіе, что разведенная жена можетъ быть принята въ домъ тотчасъ послѣ перваго развода, а послѣ втораго, только въ томъ случаѣ, если она въ это время успѣла вторично выйти замужъ, то изъ этого получаются двоякаго рода результаты. Во-первыхъ, персъ можетъ этимъ способомъ постоянно мѣнять своихъ законныхъ женъ, а во-вторыхъ, черезъ это происходитъ родъ обмѣна женъ между мужьями, при соблюденіи всѣхъ законныхъ формальностей. Шіиты объясняютъ такой порядокъ вещей тѣмъ, что они, согласно своимъ обычаямъ, никогда не берутъ съ собой женъ во время путешествій и походовъ. Въ Азіи, благодаря огромнымъ разстояніямъ, такія отлучки бываютъ иногда очень продолжительны, и персъ, оставляя домашній очагъ на нѣсколько мѣсяцевъ, вынужденъ „временно“ жениться на „sighi“. Нигдѣ нѣтъ недостатка въ такихъ „sighi“; самъ моллахъ большей частью приводитъ ихъ къ путешественнику и получаетъ должное вознагражденіе за совершеніе установленной церемоніи (потому что нужно также получить духовное благословеніе на бракъ съ „sighi“). Повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ у суннитовъ заключаются временные браки, но здѣсь инниціатива принадлежитъ женщинѣ. Коранъ запрещаетъ женщинамъ предпринимать путешествія къ святымъ мѣстамъ, безъ сопровожденія мужей. Если женщина хочетъ отправиться на богомолье въ Мекку и мужъ по какой либо причинѣ не можетъ сопутствовать ей, то она на время богомолья избираетъ себѣ супруга, такъ назыв. „muhalil“, который по прошествіи условленнаго срока долженъ развестись съ нею. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ оставляетъ у себя свою временную жену, но уже не имѣетъ права заниматься выгоднымъ ремесломъ „muhalil'a“. Послѣдніе преимущественно набираются изъ класса проводниковъ чужестранцевъ („metuasin“ или „delil“). Всѣмъ извѣстны формальности, которыя въ Персіи предшествуютъ заключенію брака. Жениху обыкновенно не удается видѣть лицо своей будущей супруги, и поэтому онъ долженъ прибѣгать къ посредничеству свахи (delaleh“),

которая, согласно своему ремеслу, всячески расхваливаетъ ему преимущества выбранной имъ дѣвушки. Если впослѣдствіи эти похвалы окажутся несоотвѣтствующими дѣйствительности, когда мужъ увидитъ лицо своей жены, то такія случайности неизбѣжны въ подобныхъ союзахъ, какъ и во всякой азартной игрѣ. Естественно, что этого рода разочарованія не особенно огорчаютъ перса, потому что разводъ такъ же легокъ, какъ и заключеніе брака (Schweiger-Lerchenfeld. Das Frauenlehen der Erde. Wien. Pest. Leipzig. 1881. s. 92—95).

Жизнь персидскихъ женщинъ преимущественно извѣстна намъ по наслышкѣ, и при этомъ нѣтъ недостатка въ противорѣчіяхъ. По свидѣтельству Генриха Бругша семья утратила всякую нравственную основу. Ни одинъ чужестранецъ не можетъ войти въ „Enderun“ (гаремъ), а равно и мусульманинъ, если онъ не находится въ близкомъ родствѣ съ семьей, но женщины умѣютъ устроить доступъ въ гаремъ своимъ любовникамъ, и, обыкновенно, не любовь, а деньги побуждаютъ ихъ къ этому. Какъ только дѣти встали на ноги, то о нихъ никто не заботится и они съ ранней юности видятъ въ гаремахъ непристойныя сцены и слышатъ откровенные незастѣнчивые разговоры о самыхъ неприличныхъ вещахъ. Мужчины, за исключеніемъ собственныхъ женъ, презрительно отзываются о женщинахъ и охотно слушаютъ скандальные разсказы. Между тѣмъ одинъ изъ новѣйшихъ наблюдателей говоритъ съ уваженіемъ о семейной жизни персовъ; по его словамъ, всякій образованный персъ хорошо обходится съ женой, выказываетъ особенную нѣжность къ дѣтямъ и приноситъ величайшія жертвы, чтобы доставить имъ съ восточной точки зрѣнія хорошее содержаніе, уходъ и воспитаніе (Aus Persien. Aufzeichnungen eines Oesterreichers, der 40 Monate im Reiche der Sonne gelebt und gewirkt hat. Wien. 1882. s. 91). Само собою разумѣется, что, если подъ словомъ „обхожденіе“ понимать чисто внѣшнія отношенія, то персы хорошо обращаются съ своими женами, насколько это вообще возможно при исламскихъ брачныхъ законахъ. Женщины почти не стѣснены относительно выхода изъ гарема, онѣ идутъ, когда вздумается, по своимъ дѣламъ или на базаръ для покупокъ, что составляетъ ихъ любимое занятіе. При этомъ онѣ, разумѣется, накидываютъ на себя съ головой голубое покрывало (чадру), а лицо завѣшиваютъ плотнымъ бѣлымъ полотенцемъ, такъ что нельзя составить себѣ понятія объ ихъ фигурѣ и лицѣ, и только изъ отверстій покрывала выглядываютъ черные блестящіе глаза, такъ что не иначе, какъ по голосу можно узнать старая или молодая женщина скрывается подъ этимъ нарядомъ. Приличіе требуетъ, чтобы прохожіе отворачивались при встрѣчѣ съ женщиной. При выходѣ изъ дому сверхъ обыкновенныхъ шароваръ одѣваютъ шелковые панталоны зеленоватаго или свѣтлоголубаго цвѣта, которыя покрываютъ ноги отъ тальи до пятъ. При этомъ женщины носятъ туфли; при ходьбѣ и каждомъ движеніи онѣ покачиваются изъ стороны въ сторону, такъ что ихъ фигура въ высшей степени неграціозна. Индивидуальность женщины играетъ большую роль въ обращеніи съ нею мужчинъ. Женщины съ выдающимися умственными способностями, а также тѣ, которыя умѣютъ пріобрѣсти вліяніе и пользоваться имъ, въ короткое время достигаютъ господства въ Персіи, даже внѣ гарема. Равнымъ образомъ значеніе подобной женщины находится въ тѣсной зависимости отъ степени вліянія и общественнаго положенія ея мужа. Хотя персъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ отличается скупостью, но въ дѣлахъ любви для него не существуетъ бережливости. Онъ нѣжно привязанъ къ семьѣ и представителямъ своего рода и считаетъ себя солидарнымъ съ ихъ счастьемъ и несчастьемъ, повышеніемъ и пониженіемъ. Измѣна въ семьѣ почти неслыханный фактъ и безусловно вызываетъ презрѣніе даже въ томъ случаѣ, когда служитъ для общаго блага. При необыкновенномъ развитіи семейнаго духа, персъ считаетъ вполнѣ естественнымъ, если человѣкъ, достигшій почестей и высокаго званія, старается вытянуть изъ неизвѣстности всѣхъ своихъ родственниковъ и доставить имъ

власть и положеніе (посредствомъ назначенія въ провинцію на должности чиновниковъ, раздачи денегъ, знаковъ отличія и т. п.). Если подобный выскочка лишается своего положенія, то всѣ члены семьи возвращаются вмѣстѣ съ нимъ къ прежнему ничтожеству и кончается господство женщинъ надъ извѣстной партіей. Также весьма характерны бранныя слова и проклятія персовъ. Они рѣдко касаются самого индивида, но обыкновенно относятся къ его семьѣ, въ особенности къ отцу, женѣ, могилѣ предковъ, потому что сообразно существующимъ понятіямъ поношеніе семьи несравненно оскорбительнѣе, нежели брань, обращенная на отдѣльное лицо.

У персовъ существуетъ неограниченное деспотическое правленіе; во главѣ его стоитъ шахъ или король, который очень доволенъ, когда его величаютъ „Schahinschah“, т. е. „король королей“. Ихъ деспотичскій гнетъ тяготѣетъ надъ министрами, которые въ свою очередь притѣсняютъ намѣстниковъ, а эти своихъ подчиненныхъ и слугъ; отъ послѣднихъ терпятъ христіане, евреи и гебры. Персидское населеніе въ городахъ состоитъ изъ священниковъ, чиновниковъ, воиновъ, купцовъ, ремесленниковъ и „luti“, т. е. праздношатающихся. Во главѣ его стоитъ духовенство; оно пользуется наибольшимъ могуществомъ въ странѣ; ему принадлежитъ значительная часть земель и учрежденій и доходъ съ наличнаго государственнаго имущества. Достаточно сдѣлаться „моллахомъ“, чтобы получать пенсіонъ отъ государства. Народъ относится съ величайшимъ уваженіемъ къ этимъ представителямъ и наставникамъ религіи; ихъ краснорѣчіе оказываетъ огромное вліяніе на толпу. Они также слывутъ за ученыхъ юристовъ. Особенный интересъ представляетъ каста „дервишей“ или странствующихъ апостоловъ и проповѣдниковъ; въ то же время они весьма опытные и безстыдные попрошайки и при этомъ большей частью отличаются красивой наружностью. Въ противоположность персидскому обычаю,—по которому мужчины брѣютъ себѣ голову и тщательно заботятся о бородѣ,—дервиши отращиваютъ свои черные волосы до такой длины, какая имъ заблагоразсудится и не носятъ никакого головнаго убора. Они безъ устали кричатъ: „Iahu“ (это Онъ!) и „Ia hay!“ (о Богъ!) и разсказываютъ легенды о святыхъ, сопровождая ихъ жестами, гримасами и скачками. Второй классъ, т. е. міръ чиновниковъ различныхъ степеней носитъ названіе „mirza“ (писаря, секретари). Отличительнымъ признакомъ „mirza“ служитъ свертокъ бумаги и письменный приборъ („kalamdan“) заткнутый за поясъ. Европеецъ преимущественно приходитъ въ соприкосновеніе съ этимъ классомъ населенія, среди котораго онъ всего чаще встрѣчаетъ „fizul“. Это прозвище примѣняется въ человѣку, который умѣетъ принаровиться къ самымъ разнообразнымъ условіямъ, вездѣ извлечь выгоду и, по возможности присвоить себѣ чужую собственность. Онъ любопытенъ, навязчивъ, знаетъ всѣ городскія новости и умѣетъ пользоватъся ими. Онъ ползаетъ, какъ червь, передъ высокопоставленными людьми, обращается надменно съ низшими и даетъ имъ

чувствовать свой авторитотъ. „Fuzul“ лжетъ систематически, и только тогда говоритъ правду, когда это ему безусловно полезно, распространяетъ ложныя извѣстія и клеветы, заводитъ интриги; благодар-

Танцующій дервишъ.

ность чужда ему; онъ старается всѣми способами унизить людей, нѣкогда оказавшихъ ему услугу. Онъ знаетъ на память нѣсколько стихотвореній, отдѣльныхъ строфъ и эпиграммъ, умѣетъ цитировать ихъ и при случаѣ сдѣлать подходящее замѣчаніе. Каждое слово со-

провождается у него клятвой; если его поймаютъ во лжи, то онъ сознается въ этомъ не робѣя и говоритъ „gau churdem“, т. е. „я хлебнулъ грязи (Polak. Persien. Bd. I s. 8). Замѣчательно, что третій классъ, а именно купцы („fidschir furusch“) сравнительно отличаются наибольшей честностью. Почти всѣ ремесленники дѣлятся на цехи и подчинены главному цеховому мастеру; ихъ мастерскія расположены другъ около друга рядами въ опредѣленныхъ кварталахъ города. Наиболѣе угнетенную и жалкую касту составляютъ „serbaz“ или солдаты, которые вербуются изъ бѣднѣйшихъ семействъ въ городахъ и деревняхъ и должны служить до старости при самыхъ печальныхъ условіяхъ. Самый опасный элементъ населенія составляютъ „luti“, настоящіе висѣльники, которые въ мирное время промышляютъ тайнымъ воровствомъ и уличнымъ разбоемъ; за извѣстную плату они готовы совершить убійство и оказать любую услугу этого рода; вдобавокъ неисправимые пьяницы, потребители опіума, лѣнтяи и тунеядцы.

Едва-ли не половина персовъ, живущихъ внѣ городовъ, имѣютъ постоянныя мѣста жительства и обрабатываютъ лежащія около нихъ земли. Ихъ деревни расположены по близости родниковъ и по обѣ стороны тянутся поля на такое разстояніе, на какое можно провести воду. За селеніями и между ними вездѣ—пустыня. Деревни состоятъ изъ глиняныхъ хижинъ и обыкновенно обнесены высокой глиняной стѣной для защиты отъ разбойниковъ и хищныхъ звѣрей. Въ деревняхъ люди и домашній скотъ живутъ въ грязи и въ непосредственной близости другъ около друга. Всѣ деревни составляютъ собственность знатныхъ и богатыхъ семействъ; большей частью подобный феодальный властеленъ имѣетъ при этомъ обширный садъ, высокую башню для склада зерноваго хлѣба и господскій домъ. Послѣдній обыкновенно мало отличается отъ остальныхъ бѣдныхъ жилищъ, потому что владѣлецъ рѣдко пользуется имъ и только въ дождливое время; лѣтомъ онъ живетъ въ палаткѣ, раскинутой на его землѣ. Деревенскіе жители платятъ своему господину и защитнику опредѣленную подать естественными продуктами; онъ вноситъ изъ нихъ государственныя повинности губернатору, а этотъ передаетъ ихъ въ безотчетное распоряженіе тому изъ министровъ, на содержаніе котораго назначена данная провинція.

Городскіе и сельскіе жители Персіи, равно и кочевники исповѣдуютъ шіитскую магометанскую вѣру. Къ религіи они относятся съ такимъ же легкомысліемъ, какъ и ко всему остальному. Несмотря на полное отсутствіе фанатизма, персъ хочетъ, чтобы его считали благочестивымъ и ревностнымъ исполнитемъ религіозныхъ обрядовъ. Хотя они никогда не читаютъ дома положенныхъ молитвъ, но если два перса сойдутся вмѣстѣ, то они считаютъ долгомъ исполнить въ этомъ отношеніи законъ, хотя каждый изъ нихъ знаетъ, что они

взаимно обманываютъ другъ друга. Они тѣмъ же способомъ исполняютъ и другія предписанія Корана, въ особенности съ питьемъ вина. Религіозная сторона персовъ не особенно бросается въ глаза, тѣмъ болѣе, что ихъ мечети, лишенныя минаретовъ, едва замѣтны. Особенно торжественно справляется только „Nauruz,“ первый день новаго года (2 марта); люди при встрѣчѣ цѣлуются другъ съ другомъ и по возможности занимаются благотворительностью. Свадьбу нельзя причислить къ религіознымъ обрядамъ, потому что она справляется въ частныхъ домахъ; равнымъ образомъ нѣтъ общественнаго погребенія; горе родныхъ не выражается публично; покойника хоронятъ безъ всякой пышности. Обыкновенно кладбище расположено среди селенія; издали видна только пустынная площадь и только на болѣе близкомъ разстояніи можно разглядѣть лежащіе въ безпорядкѣ камни, преимущественно трехъугольной формы, съ вырѣзанными на нихъ письменами. Путешествіе къ святымъ мѣстамъ едва ли не единственное изъ всѣхъ религіозныхъ предписаній, которое по возможности часто соблюдается въ Персіи, какъ и во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ. Здѣсь множество такихъ священныхъ мѣстъ; а также пользуется уваженіемъ всякая хорошо сохранившаяся могила святаго „Imamzadeh“, такъ что сюда равнымъ образомъ стекаются богомольцы и смотря по важности даютъ себѣ соотвѣтствующія названія. Богомолецъ, посѣтившій Мекку, называется „хаджи“; кто побывалъ въ Мешхедѣ или Кербелахѣ — „Мешхеди“ или „кербелахи“ и т. п. Значителиное число персовъ посѣщаютъ гробницу Али и его сыновей въ Кербелахѣ близь Багдада; кромѣ того ежегодно отправляются караваны богомольцевъ къ тому мѣсту, гдѣ погребены важнѣйшіе шіитскіе святые, внукъ пророка Гуссейнъ и калифъ Али. Время прибытія каравановъ большей частью совпадаетъ съ ярмарской въ Басрѣ, которая служитъ тогда сборнымъ пунктомъ шіитскихъ богомольцевъ съ арабскаго побережья, изъ Персіи и индійскихъ сосѣднихъ странъ. Вдобавокъ не только живыя люди совершаютъ путешествія въ священный городъ пустыни, но и покойники, потому что, если кто удостоится чести лежать въ землѣ освященной мученической кровью Гуссейна, то это одно служитъ предвкушеніемъ райскаго блаженства. Такимъ образомъ изъ самыхъ отдаленныхъ шіитскихъ странъ сюда являются многочисленные караваны съ покойниками, которые тщательно набальзамированы и уложены въ пахучія травы. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы умершій удостоился соучастія въ милости мученика.

Е. Винценти нагляднѣе, чѣмъ кто либо, описалъ персидскіе и другіе шіитскіе караваны, везущіе мертвецовъ въ Кербелахъ. Эта картина пустыни такъ живо рисуетъ сцену изъ первобытной восточной жизни и настолько полна самобытной жизни и очарованія, что мы считаемъ нелишнимъ познакомить съ нею нашихъ читателей: „Мѣстомъ сбора каравановъ съ пилигримами, пишетъ упомянутый ученый, служитъ большая площадь, передъ мечетью Гуссейна. Здѣсь среди толкотни отдыхаютъ длинными рядами верб-

люды, навьюченные гробами съ покровами изъ шалей. Передъ вашими глазами открывается самое странное и разнообразное зрѣлище, какое только можно себѣ представить. Въ тѣни платана богато одѣтый человѣкъ наслаждается своимъ „huka“. Это торговый магнатъ изъ Шираза, который везетъ богатые дары на могилу святаго. Толпа слугъ готовится подать ему роскошный обѣдъ, лакомый запахъ котораго раздражаетъ обонянiе двухъ голодныхъ растрепанныхъ дервишей. Оба, отправляясь на богомолье, принарядились самымъ страннымъ образомъ. На голой груди навѣшено безчисленное число всевозможныхъ колючихъ четокъ; за поясомъ бренчитъ цѣлый возъ талисмановъ изъ зубовъ акулъ и раковинъ. На плечахъ развѣвается шкура шакала; къ волосамъ привязана торчащая вверхъ голова хищнаго звѣря съ оскаленными зубами. Оба дервиша жадно слѣдятъ глазами за движенiями невольниковъ, прислуживающихъ богатому персу; едва кушанье снято со стола, какъ дервиши стремглавъ накидываются на него, чтобы наполнить свои кокосовыя чаши, и никто не рѣшается остановить ихъ.

„Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда подъ шелковымъ вышитымъ навѣсомъ расположилась нарядная группа женщинъ. Между ними и персомъ, сидящимъ подъ платаномъ, происходитъ обмѣнъ телеграфныхъ знаковъ въ видѣ подмигиванiя. Мудрено ли, что всякiй разъ, какъ ширазитъ повернетъ голову въ сторону навѣса, неутѣшная вдова Бахрейна забываетъ отвѣчать на вопросы своихъ болтливыхъ невольницъ. Она не имѣетъ теперь времени обратить должное вниманiе на гробъ своего добродѣтельнаго, усердно оплаканнаго мужа, который два мавра привязываютъ къ спинѣ двугорбаго верблюда. Она хочетъ исполнить послѣднее желанiе дорогаго покойника и сопровождаетъ его смертные останки въ градъ вѣчнаго успокоенiя; по всѣмъ вѣроятiямъ она также ласково снизойдетъ на требованiя живаго человѣка и, если Богу будетъ угодно, то вернется на Жемчужный островъ со вторымъ мужемъ. Не подлежитъ сомнѣнiю, что богачъ изъ Шираза приведетъ къ такому исходу; не все же обманываетъ насъ въ жизни! Даже дервиши въ шакаловыхъ шкурахъ, несмотря на свое обжорство вѣрно поняли игру глазъ со стороны обоихъ влюбленныхъ, какъ видно изъ ихъ ясныхъ намековъ на необыкновенную чувствительность интересной вдовы шiита. Рядомъ съ этой представляется другая картина. Богомолецъ-феллахъ изъ Луристана, собираясь въ путь, хочетъ отвязать веревку, которой его верблюдъ привязанъ къ забору. Изъ зеленой клѣтки, сплетенной изъ пальмовыхъ листьевъ, выглядываютъ дѣтскiя головки съ большими глазами, которыя съ завистью слѣдятъ за роскошной пирушкой чужестранцевъ. Дѣти молча гложутъ жесткiя лепешки изъ дурры, между тѣмъ какъ отецъ мрачно смотритъ на толкотню. Далѣе расположилась за ѣдой свита индiйскаго раджа, который самъ не прикоснулся до кушаньевъ своими дрожащими губами; изнемогая отъ горя, онъ припалъ къ великолѣпному гробу своего послѣдняго сына, единственной утѣхи его одинокой старости. Его лейбъ-дервишъ читаетъ ему громкимъ голосомъ легенду о мученической смерти Гуссейна, который былъ убитъ въ пустынѣ вмѣстѣ съ семидесятью приверженцами на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ Кербелахъ. Но старикъ не слышитъ его чтенiя.

„Но вотъ раздалось бренчанiе цимбалъ и металлическiе звуки трубъ! Какое то великолѣпное шествiе направляется ко входу храма. Не дочь-ли это шаха или невѣста калифа? Блестящiй верхъ паланкина отсвѣчиваетъ издали; большiе пучки перьевъ колеблятся на головахъ двугорбыхъ верблюдовъ; медленно выступаютъ тучные мулы въ серебряной сбруѣ, покрытые нарядными чапраками; за ними шествуетъ толпа горделивыхъ мавровъ. У занавѣси паланкина показывается раскрашенное лицо иранской куртизанки, въ свитѣ которой не мало придворныхъ персидскаго шаха. „Стройная, какъ нарцисъ, дщерь веселiя“, не думаетъ искать отпущенiя грѣховъ у могилы Гуссейна и ѣдетъ улыбаясь на

богомолье, окруженная знакомыми и друзьями. Она не везетъ богатыхъ даровъ умершему святому, но живымъ людямъ приходится дорого платить за ея улыбку. Она разглядываетъ съ видомъ знатока приземистыя сильныя фигуры конвоирующихъ ее бедуиновъ; ея искрящійся взоръ возбуждаетъ ихъ затаенныя желанія. Но тутъ среди веселыхъ звуковъ цимбалъ и трубъ глухо раздался мѣрный стукъ бубенъ и послышалось ужасающее по своей глубокой печали похоронное пѣніе. Веселая дщерь Ирана быстро спрятала за занавѣсью свою головку, украшенную золотомъ и драгоцѣнными камнями. Медленно движется хоръ нищихъ, развѣваются зеленыя знамена; хриплые вопли плакальщицъ прерываются время отъ времени монотоннымъ пѣніемъ строфъ Корана. „О горе! о горе!“ восклицаетъ хоръ пѣвцовъ. — „Увы! намъ жаль его!“ вопятъ женщины, размахивая голубыми платками, накинутыми на ихъ плечахъ. На серебряныхъ курильницахъ дымятся благоуханныя куренія южной Аравіи; хоръ мальчиковъ во весь голосъ прославляетъ умершаго. Длинная вереница верблюдовъ везетъ хлѣбъ и воду для бѣдныхъ, за которыми выступаетъ верблюдъ, везущій покойницу. Длинныя шелковистыя волосы, украшенныя драгоцѣнностями, свѣсились изъ гроба, гдѣ покоится тѣло молодой женщины. Непріятно поражаетъ слухъ рѣзкое выкрикиваніе тонкоголосыхъ пѣвцовъ, между тѣмъ, какъ нищенствующіе монахи пляшутъ и брянчатъ своими оловянными блюдами.

„Верблюды направляются къ преддверью мечети, гдѣ „вокругъ колодца отпущенія грѣховъ“ разставлены большимъ кругомъ ящики съ мертвыми тѣлами. Здѣсь подъ портикомъ расположилась на паперти группа индійскихъ богомольцевъ изъ Карнатики, самыхъ ревностныхъ приверженцевъ шіитскаго ученія. Глаза ихъ въ ожиданіи часа молитвы пристально устремлены на первобытные водяные часы: пробуравленный шарикъ изъ слоновой кости почти незамѣтно опускается между часовыми линіями, обозначенными на стеклѣ. Вблизи на циновкѣ сидитъ скрестивъ ноги „раисъ“ каравана, т. е. отвѣтственный вождь и опытный проводникъ. Большей частью это богобоязненный, богатый и опытный человѣкъ, который въ точности знаетъ маршрутъ богомольцевъ и представляетъ собой всѣ гарантіи особенной честности. Нерѣдко его назначаетъ персидскій шахъ, но въ большинствѣ случаевъ выборъ его зависитъ отъ соглашенія между главными соучастниками предстоящаго караваннаго путешествія. „Раисъ“ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ за цѣлость порученнаго ему товарнаго транспорта; онъ заключаетъ условія съ арабскими шейками, относительно конвоя, и властелинами земель, черезъ которыя лежитъ путь богомольцевъ. Онъ же представитель правосудія въ караванѣ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ даетъ ему право на жизнь и смерть виновныхъ; отъ него зависятъ и всѣ полицейскія распоряженія во время путешествія. Всѣ равны передъ нимъ или, по крайней мѣрѣ, должны считаться таковыми по стариннымъ караваннымъ обычаямъ, начиная съ набоба изъ Голконды, индійскаго шіитскаго государства, до бѣднаго богомольца съ берега Гермзира. Въ караванѣ можно встрѣтить надменнаго книжника изъ Бахрейна, смиреннаго иранца, за котораго поручились другіе богомольцы, чистокровнаго аристократа изъ королевской Испагани, равно и послѣдняго представителя почтеннаго цеха существующаго починкой старыхъ котловъ изъ персидскаго квартала Басры. Предводитель каравана имѣетъ при себѣ армянскаго писца, который служитъ ему и переводчикомъ, потому что онъ слишкомъ гордъ, чтобы объясняться на какомъ либо діалектѣ, кромѣ языка Саади и Фирдуси. Армянинъ вноситъ въ роспись имена богомольцевъ, ихъ товары и покойниковъ и принимаетъ деньги на дорожныя издержки, которыми завѣдуетъ его господинъ; на мертвецовъ также наложена пошлина за ихъ переселеніе въ вѣчность. Кромѣ того, въ караванѣ есть свои распорядители, сторожа и надсмотрщики различныхъ степе-

ней; затѣмъ въ составъ должностнаго персонала входятъ муллы (капелланы), возглашатели часовъ молитвы, и медикъ.

„Между тѣмъ караванъ готовится выступить въ путь, потому что сегодня четвергъ, особенно счастливый день для путешествій. Солнце опустилось ниже, и на солнечныхъ часахъ, устроенныхъ подъ остроконечной аркой воротъ, тѣнь, вдвое шире часовой стрѣлки, указываетъ, что наступилъ часъ молитвы „Assr". Раздается мелодическое воззваніе муэзина, и богомольцы спѣшатъ къ умывальнымъ кранамъ. „Раисъ" выступаетъ впередъ, чтобы принести жертву за счастливое возвращеніе и закалываетъ козленка, который падаетъ истекая кровью. Затѣмъ предводитель, въ видѣ сигнала, звонитъ въ караванный колоколъ, раздается зовъ сторожей, конвоирующіе бедуины спѣшатъ со всѣхъ сторонъ; ихъ начальникъ садится на коня. Сторожа („schuaf") выводятъ чернаго передоваго верблюда и привязываютъ къ сѣдлу смоляной фонарь, который долженъ служить путеводной звѣздой для всего каравана. Изъ ряда въ рядъ слышится своеобразный гортанный звукъ: крри!... крри!.., которымъ вожаки понукаютъ своихъ верблюдовъ; и тяжело навьюченныя животныя поднимаются на ноги. Еще громче раздается колоколъ; ему вторятъ цимбалы и бубны, и вся процессія богомольцевъ двигается въ путь. Наступаетъ вечеръ; далеко отсвѣчиваетъ издали мерцающій свѣтъ караваннаго фонаря. На темно-фіолетовомъ горизонтѣ отчетливо обрисовывается неподвижный полумѣсяцъ; изъ глубины небесной выступаютъ одно за другимъ символическія созвѣздія арабскаго неба, которому нѣкогда поклонялись сыны Измаила. Они служатъ путеводной нитью для каравана, сообразно старому неизмѣнному обычаю. Городъ скоро исчезаетъ въ туманной дали и пустыня принимаетъ богомольцевъ въ свои объятія. Вожаки верблюдовъ наигрываютъ на своихъ длинныхъ тростниковыхъ флейтахъ и животныя, привлекаемыя нѣжными жалобными звуками, бодро идутъ впередъ шагъ за шагомъ. Между тѣмъ богомольцы затягиваютъ старинную караванную пѣсню, звуки которой разносятся по пустынѣ. Передъ полночью, если оказывается возможнымъ, то караванъ останавливается. Разставляютъ сторожей и принимаютъ предосторожности противъ случайнаго нападенія. Въ обширномъ лагерѣ водворяется тишина. Но вскорѣ первый сонъ богомольцевъ прерванъ глубокими низкими нотами пропѣтой мелодіи:

„Внимайте, о слуги Аллаха:
Кто съ злобнымъ сердцемъ прокрадывается къ намъ, того схватятъ
Наши мертвецы и ему никогда не вернуться домой,
Но если онъ алчетъ хлѣба и утѣшенія въ молитвѣ,
Если жаждетъ воды и вѣчнаго мира,
Пусть идетъ къ намъ; мы накормимъ, напоимъ его,
Мы воздадимъ должное его благочестію" и пр...

Это сторожевая пѣсня предводителя каравана. Черезъ часъ снова раздается тотъ же голосъ:

„Вы спите сторожа?"

И сторожа отвѣчаютъ въ томъ же тонѣ:

„Мы бодрствуемъ, мы сторожимъ мертвыхъ Кербелаха.
Сладко спятъ мертвые, спятъ они въ Кербелахѣ,
Мы бодрствуемъ, мы сторожимъ" и пр.

Послѣднія слова замираютъ въ пустынѣ, какъ зовъ духовъ, и глубокая тишина снова водворяется среди каравана.

„Такъ странствуютъ они день и ночь съ своими сокровищами и гробами, пока наконецъ, вечеромъ не появится вдали на западномъ горизонтѣ золотая точка. Это шпицъ минарета великолѣпнаго храма Гуссейна, гдѣ покоится внукъ пророка. Шествіе продолжаетъ свой путь, и вотъ среди могильнаго уединенія зе-

ленѣющаго оазиса выростаетъ точно изъ земли бѣлый молчаливый городъ. Раздается радостный возгласъ: „Кербелахъ!“ и переходитъ изъ устъ въ уста. Зрѣніе и сердца богомольцевъ прикованы къ этому магниту вѣры; они съ молитвой падаютъ ницъ, цѣлуютъ священную землю, проливаютъ слезы восторга. Забыта далекая родина, потому они видятъ передъ собой обѣтованную землю. „Кербелахъ!“ Мертвыхъ ожидаетъ блаженство... Нельзя не позавидовать такому религіозному фанатизму“ (Er. V. Vincenti im Wanderer vom 3 August. 1862).

Персъ чувствуетъ особенную склонность къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, тайнѣ и загадочности. Каждое тайное общество возбуждаетъ его интересъ; всякая новая религіозная секта вскорѣ находитъ многочисленныхъ приверженцевъ. Такъ напр. онъ относится съ живѣйшей симпатіей къ масонству. Секта „Bâb“ имѣетъ наибольшее значеніе; съ 1847—1852 г. она распространилась по всей Персіи. Основателемъ ея былъ ученый „Сеидъ“ т. е. потомокъ пророка, который назвалъ себя „Bâb ed-Din,“ (врата вѣры). Онъ написалъ особый уставъ на арабскомъ языкѣ, отрицалъ Коранъ, ввелъ коммунизмъ имущества, полную эмансипацію женщинъ; и училъ, что, если кто погибнетъ ради защиты и распространенія проповѣдуемой имъ религіи, тотъ сдѣлается безсметрнымъ и въ моментъ разставанья съ жизнью снова оживетъ въ другомъ мѣстѣ.

Бабъ эдъ-Динъ впервые выступилъ въ свѣтъ въ 1843 г. Онъ былъ тогда 19-ти-лѣтнимъ юношей и назывался Мирза Али Магометъ. Потребность чего-то лучшаго и серьезное стремленіе къ знанію побудили его отправиться на богомолье изъ его родины Шираза въ Мекку; но послѣдствіемъ этого путешествія было его внутреннее отрѣшеніе отъ господствующей формы ислама. Вскорѣ онъ почувствовалъ призваніе произвести полную реформу отечественной религіи или, вѣрнѣе сказать, составить новую религію изъ помѣси магометанскихъ, еврейскихъ и христіанскихъ представленій и даже огнепоклонниковъ. Къ этому богато одаренному, благочестивому мечтателю, обладавшему необыкновеннымъ даромъ краснорѣчія стекались со всѣхъ сторонъ ревностные адепты; къ нимъ вскорѣ присоединилась молодая дѣвушка, которая соединяла въ себѣ всѣ нравственныя и внѣшнія преимущества, но впослѣдствіи погибла мученической смертью. Ей дано было лестное прозвище „Qurrat el Ain“ („освѣженіе глаза“). Бабъ, называемый своими приверженцами Hezret-e-Ala, т. е. „свѣтлѣйшее высочество“, отправилъ въ разныя стороны и даже въ столицу Тегерана своихъ наиболѣе ревностныхъ приверженцевъ, которые должны были проповѣдывать его ученіе въ качествѣ апостоловъ, подобно тому, какъ это сдѣлали прежде главы измаилитовъ, карматовъ, а равно и друзовъ (срb. Sacy, Exposé de la religion des Druses. Вступленіе р. 148). Эти первые апостолы, въ числѣ 18 человѣкъ, придали иной характеръ ученію даровитаго мистика и перенесли его на опасную почву политики. Бабъ не выразилъ имъ своего неудовольствія, хотя ихъ дѣйствія не соотвѣтствовали его личному характеру и дѣйствіямъ. Но такъ какъ онъ допустилъ подобное противорѣчіе, то ему пришлось раздѣлить съ ними печальную участь, которую они навлекли на себя, поднявъ оружіе противъ законныхъ властей. Послѣ двухъгодоваго заключенія, въ продолженіи котораго имъ было написано нѣсколько сочиненій, онъ былъ казненъ самымъ ужасающимъ образомъ среди всевозможныхъ истязаній и униженій. Подробности, приведенныя по этому поводу графомъ Гобино (Les religions et les philosophies de l'Asie centrale. Paris 1866) настолько-же возмутительны, какъ и невѣроятны. Впрочемъ казнь

Баба имѣла не то дѣйствіе, какое ожидали высшія власти, моллахи и первый министръ, такъ какъ число его тайныхъ приверженцевъ увеличилось до чрезвычайности и руководителями движенія рѣшено было убійство царствующаго властелина. Прямымъ послѣдствіемъ неудавшагося покушенія было общее неумолимое преслѣдованіе всѣхъ приверженцевъ Баба. Съ этого времени мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о нихъ.

Люди персидскаго происхожденія составляютъ главную массу осѣдлаго населенія Туркестана; тѣ изъ нихъ, которые говорятъ по персидски, называются **таджиками**. Многіе изъ нихъ скрещены съ турецкой кровью, и съ теченіемъ времени перемѣнили свой родной языкъ на турецкій; этихъ обозначаютъ именемъ **сартовъ**, которымъ также часто называютъ безъ различія національностей „осѣдлое" населеніе въ противоположность кочевникамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что таджиковъ и сартовъ больше милліона; незначительное число ихъ встрѣчается въ восточныхъ провинціяхъ; остальные исключительно распространены въ области Аральскаго моря и его притоковъ Сыръ и Аму-Дарья. Здѣсь они живутъ отдѣльными поселеніями или въ деревнятъ и городахъ; въ послѣднемъ случаѣ они въ большей или меньшей степени смѣшаны съ турецкимъ племенемъ ёсбегами.

Таджики и сарты по религіи суннитскіе магометане; поэтому они относятся враждебно къ своимъ шіитскимъ соплеменникамъ, живущимъ въ Персіи, съ которыми они, впрочемъ, сходятся по характеру. Они добродушны, услужливы, отличаются быстрымъ соображеніемъ и понятливостью; но при этомъ раболѣпны, вѣроломны и корыстолюбивы. Съ другой стороны нельзя не признать, что эти дурныя качества служатъ вѣрнымъ оружіемъ, благодаря которому угнетенные таджики могли вести борьбу за существованіе противъ грубаго насилія своихъ притѣснителей-турокъ. Эти туркестанскіе персы ведутъ безусловно мирный образъ жизни и заняты исключительно наживой. Въ то время, какъ деревенскіе жители извлекаютъ возможную пользу изъ почвы, воздѣлываютъ поля и сады, горожане посвящаютъ себя ремесламъ, торговлѣ и литературѣ. Таджикъ живетъ осѣдло и постоянно на одномъ мѣстѣ и, гдѣ бы не находилось его жилище въ деревнѣ, въ городѣ или одиноко среди поля, оно всегда носитъ одинъ и тотъ же характеръ. Вездѣ оно окружено высокой глиняной стѣной безъ оконъ, съ довольно низкимъ входомъ, такъ что обычаи, привычки и семейная жизнь таджиковъ скрыты отъ постороннихъ взоровъ, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. Въ деревняхъ главное занятіе таджиковъ составляетъ земледѣліе, такъ что можно смѣло утверждать, что въ Туркестанѣ оно преимущественно въ ихъ рукахъ. Что же касается промышленности городскихъ таджиковъ, то она почти исключительно ограничивается удовлетвореніемъ потребностей мѣстнаго населенія. Большинство ремесленниковъ публично занимается своимъ промысломъ на базарѣ и только немногіе работаютъ у себя на дому, какъ, напр., гончары, кожевники, фабриканты шелковыхъ матерій, ткачи, красильщики и пр. Произведенія таджидскихъ ремесленниковъ, въ особенности издѣлія изъ кожи, вышитыя шелками вещи (башмаки, ермолки, скатерти, различныя принадлежности платья, халаты), а также позументныя работы, сѣдла и чепраки, положительно не только заслуживаютъ похвалы, но и удивленія, если мы будемъ имѣть въ виду тѣ жалкіе инструменты, какими они пользуются. Таджикъ, какъ торговый и дѣловой человѣкъ, не имѣетъ себѣ равнаго, а въ ловкости и находчивости онъ не уступаетъ еврею. Въ туркестанскихъ городахъ также нѣтъ недостатка въ тунеядцахъ.

Подобный праздношатающійся таджикъ ежедневно посѣщаетъ базаръ даже безъ всякаго дѣла, съ единственною цѣлью убить время; и здѣсь у каждой чай-ханэ, у водяныхъ бассейновъ, осѣненныхъ деревьями, въ прохладныхъ дворахъ мечетей и пр. можно встрѣтить группы праздныхъ людей, занятыхъ болтовней (Alex. Pelzholdt. Umschau im russischen Turkestan. Leipzig. 1877. s. 354--366).

Другую отрасль иранскаго племени составляютъ мало извѣстные гальча, живущіе на высокихъ горахъ Средней Азіи. Ихъ нерѣдко называли ложнымъ именемъ горныхъ таджиковъ или горныхъ сартовъ. Хотя они несомнѣнно принадлежатъ къ одной народной семьѣ съ таджиками, но въ такой значительной степени отличаются отъ такъ называемаго таджикскаго типа, что непонятно, какъ могли ихъ смѣшивать съ нимъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ. Гальча настолько отличаются отъ таджиковъ, какъ эти отъ персовъ. Они составляютъ многія независимыя общины; изъ нихъ одни шіиты, другіе сунниты.

Гальча дѣлятся на магіанцевъ, живущихъ между Пянджакентомъ и Магіаномъ къ югу отъ перваго; фальгарцевъ, занимающихъ полосу отъ Урмитана и Варзаминора; мачинцевъ къ югу отъ Варзаминора; фанцевъ въ долинѣ Фанъ-Дарья и ягнаубцевъ въ долинѣ Ягнауба. Они всѣ говорятъ на различныхъ персидскихъ діалектахъ, но безъ труда понимаютъ другъ друга, за исключеніемъ ягнаубовъ, у которыхъ особый языкъ. Въ антропологическомъ отношеніи ягнаубы всего больше походятъ на своихъ сосѣдей фановъ; они высокаго роста, средняго дородства съ бронзовымъ цвѣтомъ лица и рукъ, между тѣмъ какъ кожа на остальномъ тѣлѣ бѣлая. Волосы не достигаютъ большой длины, но очень густые, они бываютъ чернаго, коричневаго (особенно у женщинъ), рыжаго цвѣта и даже часто бѣлокурые. Прямые волосы встрѣчаются довольно рѣдко, они чаще волнистые или курчавые; борода большей частью роскошная, иногда темнаго цвѣта, а также рыжая или бѣлокурая. Наружные углы глазнаго разрѣза никогда не бываютъ приподняты кверху; глаза каріе (цвѣта коричневаго дерева) или голубые; носъ необыкновенно красивой формы, продолговатый, изогнутый и красиво очерченный. Губы почти всегда тонкія и прямыя, зубы мелкіе и часто испорченные, вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія сухихъ плодовъ. Лобъ обыкновенно высокій и слегка нагибающійся кзади; надбровныя дуги рѣзко выступаютъ впередъ, выемка переносья иногда бываетъ очень значительная. Брови густыя и дугообразныя. Ротъ обыкновенно небольшой, подбородокъ овальной формы, къ которой приближаются и общія очертанія лица. Уши маленькія или средней величины, всего чаще плоскія и близко прилегаютъ къ черепу. Тѣлосложеніе сильное, съ крѣпкими мышцами и приземистое. Руки и ноги больше, нежели у таджиковъ, а также у татаръ и киргизовъ; лодыжки ногъ едва замѣтны, икры съ сильно развитыми мышцами, ноги совершенно прямыя; талья съ перехватомъ и слишкомъ тонка. Гальча высокаго роста, одарены силой и способны выносить всякія лишенія. У нихъ часто можно встрѣтить цѣлыя деревни, населенныя кретинами. Изъ болѣзней всего болѣе распространены: воспаленіе глазъ, затѣмъ каменная болѣзнь и ревматическія страданія надкостной плевы и костей рукъ и ногъ. Гальча преимущественно женятся на женщинахъ своего племени; исключенія составляютъ рѣдкость. Они обыкновенно имѣютъ одну жену, рѣдко двѣ или три. Такимъ образомъ они сохранили древній иранскій типъ, между тѣмъ, какъ таджики представляютъ собой племя метисовъ. Измѣренія 57 череповъ гальча, произведенныя К. Уйфальви, дали

указатель 86,21, такъ что ихъ можно причислить къ категоріи рѣзко выраженныхъ брахикефаловъ (Ujfalvy im Globus Bd. XXXII, s. 266).

То же мѣсто, какъ таджики на востокѣ, занимаютъ татъ и гураны на крайнемъ западѣ Ирана. Это преимущественно земледѣльческія племена; изъ нихъ татъ распространены въ закавказской области Баку, гураны въ Загрошѣ между курдскими племенами. Языки обоихъ этихъ племенъ приближаются къ персидскому.

Таджики, подъ именемъ парсивановъ образуютъ самый древній элементъ афганистанскаго населенія, хотя въ настоящее время они разумѣется не особенно многочисленны. Они представляютъ собой остатки стараго персидскаго населенія, говорятъ по персидски, какъ на своемъ родномъ языкѣ и сохранили настоящій персидскій типъ. Здѣсь также, какъ и въ Туркестанѣ ихъ можно отличить съ перваго всгляда отъ афгановъ и узбековъ; которые относятся къ нимъ довольно дружелюбно, такъ какъ всѣ они придерживаются суннитскаго вѣроисповѣданія. Парсиваны трудолюбивые люди и, вслѣдствіе этого, часто пользуются благосостояніемъ; они живутъ въ отдѣльныхъ деревняхъ или разсѣяны среди узбековъ, и въ этомъ случаѣ вступаютъ въ бракъ съ лицами чужаго племени. Вся земля къ сѣверу отъ Кабула и Герата подвластна афганамъ, но не населена ими. Даже афганская столица Кабулъ заключаетъ въ себѣ значительный процентъ чуждаго населенія, а непосредственно къ сѣверу отъ Кабула, въ такъ называемомъ Кугистанѣ (горная страна) живутъ таджики, которые мужественно отразили всѣ прежнія нападенія афгановъ на ихъ плодоносныя долины и до сихъ поръ удержались въ нихъ. Эти таджики, обозначаемые общимъ именемъ кугистани имѣютъ отдѣльныхъ хановъ и отличаются воинственностью, поэтому они доставляютъ не мало хлопотъ правительству Кабула, тѣмъ болѣе, что могутъ легко защищаться въ своихъ горахъ. Они всѣ говорятъ по персидски и мало или вовсе не знаютъ афганскаго языка; но ихъ персидское нарѣчіе довольно значительно разнится отъ нынѣшняго „ирани, какъ по выговору, такъ и словарю, потому что они употребляютъ множество словъ, которыя не встрѣчаются въ языкѣ нынѣшнихъ персовъ и вообще неизвѣстны имъ.

Страна афгановъ обнимаетъ собственно обширное высокое плато, отъ горъ Солимана на западъ до Фаррахъ-Руда и равнины Герата. Въ настоящее время довольно значительное число афгановъ живетъ внѣ политическихъ границъ Афганистана, въ особенности въ британскихъ владѣніяхъ, въ равнинѣ Пешауэра и у нижняго теченія Кабула, а также въ равнинѣ между горами Солиманъ и Индомъ. Эти британскіе афганы не представляютъ прежней обособленности; благодаря многократному скрещиванію они все болѣе и болѣе утратили свою національность и только высокомѣріемъ и непокорностью походятъ на своихъ остальныхъ соплеменниковъ. Настоящіе афганы ни въ

какомъ случаѣ не представляютъ скрещеннаго народа, и образуютъ отдѣльную самостоятельную націю съ рѣзко выраженнымъ типомъ и характеромъ, которая, по мнѣнію профессора Э. Трумпа, вѣроятно тождественна съ древними пактіэрами Геродота. Названіе „афганъ“ персидскаго происхожденія и неизвѣстно туземцамъ. Они сами называютъ себя въ единственномъ числѣ паштанъ (на востокѣ выгов. pachtûn, отсюда индійское названіе pathân, подъ которымъ авганы извѣстны въ Индіи), а во множественномъ паштанахъ или пахтанахъ; ихъ языкъ называется паштò или пахтò. Послѣдній принадлежитъ къ большой индогерманской отрасли языковъ и представляетъ совершенно самостоятельный древній діалектъ; онъ имѣетъ точки соприкосновенія, какъ съ иранскимъ, такъ и индійскимъ языкомъ; но по общему характеру ближе подходитъ къ послѣднему. Существуетъ западный и восточный діалекты, которые отличаются между собой различнымъ произношеніемъ. Письмо—арабско-персидскаго происхожденія, какъ у большинства азіятовъ, обращенныхъ въ исламъ.

Афганы могутъ быть названы самымъ сильнымъ и красивымъ племенемъ арійской народной семьи; они имѣютъ чисто арійскія черты и, по выраженію лица, отличаются отъ семитическаго и въ особенности еврейскаго типа, къ которому ихъ часто причисляли въ былыя времена. Особенно заслуживаетъ удивленія ихъ стройное и тѣмъ не менѣе сильное тѣлосложеніе. Афганы имѣютъ большой продолговатый носъ, густые длинные волосы, окладистую бороду и большіе черные глаза; при этомъ они отличаются легкостью движеній. Единичныя племена, какъ дуранаи и гильджи, кромѣ того выдѣляются своей длинной одеждой со складками; у высшихъ классовъ она иногда персидскаго покроя и сшита изъ сукна, шалей и другихъ матерій; у бѣднѣйшаго класса все платье состоитъ изъ полотна. Важную роль въ одеждѣ афгановъ играетъ кусокъ матеріи въ родѣ пледа, называемый „ланги“, который одѣвается различнымъ способомъ въ видѣ шали вокругъ тальи или же обвязывается чалмой вокругъ головы. Чалма въ большинствѣ случаевъ самая нарядная часть одежды афгановъ, потому что ея обшитыя бахрамой концы опущены сзади, вмѣстѣ съ густыми локонами, что придаетъ афгану живописный видъ.

Афганы, въ строгомъ значеніи слова, не составляютъ самобытной націи, но, подобно бедуинамъ, раздѣлены на множество племенъ, которыя часто вели между собой кровавыя войны и, отчасти, ведутъ до сихъ поръ. Правленіе страны имѣетъ строго автократическую форму и представляетъ своеобразную помѣсь турецкихъ и персидскихъ учрежденій. Во главѣ страны стоитъ эмиръ, ханъ par excellence, потому что у каждаго отдѣльнаго племени свой ханъ; но тѣмъ не менѣе власть эмира крайне проблематическаго характера. Онъ издаетъ повелѣнія только въ томъ случаѣ, если имѣетъ возможность склонить къ своему образу мыслей сердаріевъ отдѣльныхъ племенъ, посредствомъ подарковъ и обѣщаній. Это объясняется отчасти условіями, въ какія поставлены единичныя племена, изъ которыхъ каждое образуетъ нѣчто цѣльное, обозначаемое тюркменскимъ словомъ „улусъ“; обыкновенно такой улусъ въ свою очередь дѣлится на множество второстепенныхъ племенъ, такъ называемыхъ „чель“ или „кель“. Прерогативами высшей власти надъ улусомъ пользуется ханъ, а надъ послѣдними „чельвачи“ или аксакалъ „сѣдая борода“; но только ханъ имѣетъ право созывать народное собраніе „dscherga“ для обсужденія дѣлъ, касающихся общаго благосостоянія. Хотя ханы отдѣльныхъ племенъ

Афганъ на русской службѣ.

номинально подчинены царствующему властелину страны, но фактически эти основные принципы государственнаго строя не имѣютъ почти никакого значенія. Подобно тому, какъ всякій пастухъ или крестьянинъ не считаетъ нужнымъ слушаться хана, такъ и ханъ почти не обращаетъ вниманія на повелѣнія властелина страны, который можетъ побудить его къ повиновенію, только съ помощью увѣщаній или еще чаще платы. „Мы скорѣе готовы помириться съ распрями, возмущеніями и кровопролитіемъ, нежели выносить

какое либо начальство", говорятъ афганы. Это единственный народъ въ Азіи, который образовалъ рядъ небольшихъ республикъ и употребилъ всѣ усилія, чтобы удержать ихъ. То-же стремленіе къ демократизму составляетъ характерную черту почти всѣхъ афгановъ, которые не были покорены силой оружія; даже западныя племена, несмотря на аристократическое правленіе не безусловно покорны своимъ властямъ. Ханъ не болѣе, какъ важнѣйшій сановникъ, который можетъ удержаться на своемъ мѣстѣ только подъ условіемъ, если не иначе будетъ проводить общія мѣры, какъ съ согласія старѣйшинъ. Естественно, что при этихъ условіяхъ власть эмира не особенно велика, еслибы онъ вздумалъ примѣнять ее къ дѣламъ внутренняго управленія; но всѣ его воззванія противъ внѣшняго непріятеля исполняются безпрекословно. Этому обстоятельству нужно приписать неудачи, какія потерпѣли англичане въ афганскихъ походахъ. Они имѣли дѣло съ народомъ, который выше всего цѣнитъ свободу, и который спачала отнесся съ недовѣріемъ, а затѣмъ съ открытой ненавистью къ властелину, который хотѣлъ поддержать свой престолъ чужеземными штыками. Законы у афгановъ, если можно назвать ихъ этимъ именемъ, носятъ самый первобытный характеръ и соотвѣтствуютъ стремленію къ независимости, которымъ отличается народъ. Согласно постановленіямъ Корана для судебной расправы созываютъ родъ суда присяжныхъ, который состоитъ изъ вышеупомянутыхъ „сѣдыхъ бородъ". Кромѣ этого суда только древніе обычаи служатъ регуляторами общественной жизни и обусловливаютъ возможность совмѣстнаго существованія извѣстнаго числа людей. Такъ, напр., исключительно афганскимъ обычаемъ можно считать „Nannawatti", т. е. „я пришелъ"; этой фразой проситель заявляетъ о своемъ присутствіи при входѣ въ домъ или палатку, и, несмотря на повторенное приглашеніе, не садится до тѣхъ поръ, пока не исполнятъ его просьбы. Равнымъ образомъ, если женщина пошлетъ свое покрывало мужчинѣ на домъ, то этимъ она можетъ обезпечить себѣ его покровительство, и не было случая, чтобы покрывало было отослано обратно. Мы знаемъ изъ исторіи, что матери изъ рода властвующаго эмира обезпечивали такимъ способомъ престолъ своимъ сыновьямъ. Въ основѣ этихъ обычаевъ хотятъ видѣть гостепріимство; но послѣднее рѣдко встрѣчается у афгановъ и существуетъ только по имени; стоитъ афгану отойти на шагъ отъ входа въ палатку, чтобы онъ считалъ себя свободнымъ какъ птица отъ всякихъ обязательствъ относительно хозяина палатки, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ радушно угощалъ его. Во время рѣзни 1841 года, англійскіе бѣглецы, мучимые голодомъ и жаждой, были безжалостно убиваемы при входѣ въ домъ или палатку афгана. Извѣстно также, что афганскіе купцы часто отказывали въ кускѣ хлѣба голоднымъ хаджи и дервишамъ, а во время одного таможеннаго обыска въ горахъ Паропаминуса, болѣе чѣмъ на высотѣ 3000 футовъ, несмотря на сильный холодъ раздѣвали до нага всѣхъ хаджи и молла, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли у нихъ на тѣлѣ какой нибудь вещи подлежащей пошлинѣ. Афганъ обращается довольно кротко съ своими невольниками. Мужья покупаютъ своихъ женъ у ихъ отцовъ. Женщины необыкновенно красивы и отличаются нѣжнымъ тѣлосложеніемъ; естественно, что тиранство мужа и строгое заключеніе въ гаремѣ побуждаютъ ихъ прибѣгать ко всевозможнымъ интригамъ, чтобы обмануть бдительность ихъ сторожей. Въ то время, какъ господинъ и повелитель убиваетъ время въ „Hujra" (родъ клуба, гдѣ посѣтители заняты разговорами и куреніемъ, а путешественникамъ даютъ на сутки даровое помѣщеніе) или „Masdschid" (мечеть, гдѣ разрѣшена бесѣда, но курить не дозволяется) или же въ числѣ другихъ отправился въ хищническій походъ, къ женѣ пробираетзя возлюбленный, подъ прикрытіемъ бурки (подъ которой трудно различить полъ и возрастъ). Но горе женщинѣ, которую поймаютъ на мѣстѣ преступленія: ее сажаютъ верхомъ на осла, съ бритой головой, вымазываютъ лицо грязью и

растительнымъ масломъ и возятъ по всей мѣстности, подвергая поруганію народа. Мужу, наоборотъ, предоставлена полнѣйшая свобода; забота о гаремѣ одно изъ его важнѣйшихъ дѣлъ, а кража дѣвушекъ самое обыденное событіе. Тѣмъ не менѣе афганы единственные азіяты, у которыхъ слово любовь (minah) имѣетъ то-же значеніе, что у насъ. Многоженство существуетъ только у богатыхъ и знатныхъ и встрѣчается крайне рѣдко среди простонародья. Бракъ съ женой умершаго брата обязателенъ для всѣхъ. Уровень образованія крайне низокъ у афгановъ; одни только священники и купцы умѣютъ читать и писать; при этомъ въ употребленіи персидскій языкъ, который принятъ для всѣхъ оффиціальныхъ документовъ. На афганскомъ діалектѣ „пашто" существуютъ немногія и при этомъ довольно незначительныя историко богословскія и поэтическія произведенія. Вѣра въ колдуновъ и вѣдьмъ, въ астрологію и талисманы весьма расиространена.

Афганъ по преимуществу пастухъ или земледѣлецъ. Онъ привыкаетъ съ отроческихъ лѣтъ къ употребленію оружія, проводитъ большую часть времени на лошади, свыкается съ постоянной смѣной холода и жара, которая свойственна почвѣ его родины и, мало по малу, обращается въ воина и бандита. Афганъ стремится къ опасности и войнѣ. Въ послѣдней нѣтъ никогда недостатка въ странѣ, гдѣ господствуетъ кровавая месть и никогда не прекращается междоусобная война. Тѣмъ не менѣе Г. Вамбери находитъ, что афганъ ни въ какомъ случаѣ не обладаетъ храбростью свойственной большинству воинственныхъ азіятскихъ племенъ, хотя по богатству и изобилію навѣшаннаго на немъ оружія и внушительному виду его скорѣе можно принять за прославленнаго воина, нежели за труса.

Афганскія племена дѣлятся на восточныхъ и западныхъ, на такъ называемыхъ ларпаштуновъ (нижніе афганы) и барпаштуновъ (верхніе афганы). Къ первымъ принадлежатъ: вазираи въ сѣверной части горъ Солиманъ, далѣе къ югу второстепенныя племена, даулатъ и миранаи, къ которымъ примыкаютъ марраи; затѣмъ слѣдуютъ племена, обозначаемыя общимъ именемъ каибаръ, а именно: африди, шинвараи и вурукцаи; число ихъ приблизительно доходитъ до 150.000 душъ, но они часто враждуютъ другъ съ другомъ. Это худощавые мускулистые люди, съ рѣзко очерченными носами, выступающими скулами и съ темнымъ красноватымъ цвѣтомъ лица. Они всегда ходятъ вооруженные, и у ихъ пояса виситъ длинный афганскій ножъ. Эти восточныя племена наиболѣе отстали въ культурномъ отношеніи, за исключеніемъ племенъ въ долинѣ Пешауэра, которыя свыклись съ осѣдлой жизнью. Въ этнографическомъ отношеніи эти афганы сильно скрещены съ индійцами, а къ западу отъ Инда до Пешауэра живутъ аваны, теперешніе представители потомковъ баснословнаго короля Ану, которые названы въ „Пурани" (индійской священной поэмѣ) обитателями этой мѣстности. Живущіе здѣсь афганы составляютъ рядъ небольшихъ пограничныхъ республикъ вдоль всей линіи западной границы Пенджаба, которая тянется болѣе чѣмъ на 1133 км.; отсюда до Синда, каждая долина населена отдѣльнымъ племенемъ, а продольныя долины раздѣлены между двумя и болѣе народами, которыя держатся особнякомъ отъ сосѣдей и самостоятельно выбираютъ своихъ собственныхъ вождей. Изъ западныхъ племенъ самое значительное дуранаи, которое превосходитъ всѣ афганскія племена по числу и занимаемому пространству; за нимъ слѣдуетъ безпокойное хищническое племя гильджи или гильзаи и, наконецъ, повиндахъ, которые дѣлятся на четыре второстепенныхъ племени, состоящихъ изъ воиновъ и купцовъ. Общее число всѣхъ афганскихъ племенъ простирается приблизительно до 3.500.000 душъ.

Въ сосѣднемъ государствѣ Келатѣ, не совсѣмъ правильно обозначаемомъ на картахъ подъ именемъ Белуджистана, населеніе также

очень смѣшанное. Племена индійскаго происхожденія преобладаютъ въ горной странѣ, иранцы—въ низменностяхъ. Наиболѣе значительные представители первыхъ брагуи, вторыхъ белуджи, которые принадлежатъ къ позднѣйшимъ переселенцамъ и явились сюда съ запада. Ихъ языкъ сроденъ съ ново-персидскимъ и довольно близко подходитъ къ курдскому діалекту цаца; онъ начинается на западѣ у восточной границы Кирмана и простирается на востокъ до Инда, на сѣверѣ до владѣній афгановъ, а на югѣ до самаго моря. Только на западѣ, у персидской границы Сейстана белуджи до сихъ поръ сохранили господство надъ туземнымъ населеніемъ. Острова Тшандъ-Ку, Бурдга, Кенъ, Муцарка, гдѣ могутъ жить не болѣе 8500 семействъ, въ настоящее время населены белуджами. Они распадаются на безчисленное множество племенъ, управляемыхъ вождями, изъ нихъ три наиболѣе значительные: наруи къ западу отъ пустыни, а также отчасти близь Нушки и въ Сейстанѣ; риндъ и махци, преимущественно въ Качъ-Гандава. По сосѣдству съ харуи встрѣчаются еще въ Сейстанѣ белуджи сангурани и тавки. Первые изъ нихъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія считались „шалашными обитателями", такъ какъ ихъ хижины, построенныя изъ вѣтвей тамариска, появлялись вездѣ, гдѣ имъ попадалось пастбище, годное для скота. Въ новѣйшее время они перешли въ центральныя мѣстности Сейстана и вмѣсто прежняго кочеваго образа жизни обратились къ осѣдлымъ занятіямъ. Белуджи-тавки представляютъ собой смѣшанную расу, которая составилась изъ брагуи, белуджей и шахреки; они преимущественно пастухи и сельскіе хозяева. Численность ихъ, совмѣстно съ сангурани доходитъ до 7250 семействъ (Globus, Bd. XXXII, s. 189). Въ нѣкоторыхъ изъ белуджистанскихъ общинъ не болѣе двадцати душъ, но ихъ вожди настолько горды и надменны, какъ будто бы подъ ихъ начальствомъ было не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Этимъ племеннымъ дѣленіемъ обусловленъ и характеръ правленія, во главѣ котораго стоитъ неограниченный ханъ, возсѣдающій въ Келатѣ. По своему происхожденію онъ принадлежитъ не къ белуджамъ, а къ брагуи, въ рукахъ которыхъ политическое господство надъ страною. Слабость правленія объясняется тѣми же самыми причинами, какъ и въ Афганистанѣ, а именно, сильнымъ соревнованіемъ крупныхъ и мелкихъ племенъ, а также безконечными распрями и стычками. Белуджи, живущіе на границѣ Индіи, и въ особенности племена брагти и марри превосходятъ въ этомъ отношеніи своихъ западныхъ соплеменниковъ; по проворству, съ какимъ они переносятся съ мѣста на мѣсто на своихъ быстроногихъ коняхъ и по страсти къ разрушенію, они представляютъ собой настоящихъ кочевниковъ.

Белуджи красиваго и стройнаго тѣлосложенія; они необыкновенно сильны и легко переносятъ всевозможныя лишенія. Цвѣтъ кожи, а именно въ равнинахъ, при палящемъ солнцѣ, довольно темный; лицо съ рѣзкими чертами и су-

ровымъ выраженіемъ; носъ широкій; лобъ низкій, волоса на головѣ и борода густые и жесткіе, ноги поразительно большихъ размѣровъ. Характеръ белуджей представляетъ смѣсь жестокости, смѣлости, хитрости и живости. Законы, трудъ, торговля и подчиненіе властямъ совершенно чужды этимъ суровымъ хищникамъ; они пользуются безусловной свободой, въ нравахъ и обычаяхъ схожи съ афганами и строго придерживаются кровавой мести. Послѣдняя въ случаѣ неудовлетворенія переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и, подконецъ, прорывается, хотя повидимому, давно уже произошло примиреніе, при посредствѣ священника или даже женитьбы. Два белуджа различнаго племени или соплеменники „связанные" обязательствомъ кровавой мести, съ поразительнымъ инстинктомъ начинаютъ чувствовать ненависть другъ къ другу, съ первой встрѣчи, хотя бы до этого они никогда не видѣли другъ друга. Оба сохраняютъ равнодушный видъ и нѣкоторое время каждый изъ нихъ молча смотритъ на своего врага; затѣмъ они внезапно нападаютъ другъ на друга, рвутъ зубами и душатъ одинъ другаго безмолвнымъ постепеннымъ натискомъ или хватаются за горло. Одинъ неизмѣнно остается на мѣстѣ; но часто случается, что оба взаимно уничтожаютъ другъ друга, и при этомъ не слышно ни единаго звука. Белуджи причисляютъ себя къ шiитамъ, но при своемъ невѣжествѣ легко относятся къ религіи и исполнены суевѣрій. Свыше Магомета они признаютъ „Piir Kisri", выше котораго одинъ всемогущій Богъ; они клянутся имъ, когда говорятъ правду, что случается очень рѣдко. Ихъ главное занятіе воровство; въ разбояхъ и грабительствѣ они отличаются удивительной хитростью и хладнокровіемъ. Такъ, напримѣръ, во время хищническихъ набѣговъ на сосѣднія земли они садятся попарно на своихъ двугорбыхъ верблюдовъ, спиной къ спинѣ, чтобы видѣть мѣстность со всѣхъ сторонъ. Лучшую добродѣтель белуджей составляетъ гостепріимство, но и въ этомъ нельзя безусловно довѣрять имъ. Они живутъ въ деревняхъ, состоящихъ изъ черныхъ войлочныхъ палатокъ; каждая деревня образуетъ особый кланъ. Ихъ одежда состоитъ изъ широкихъ шароваръ, верхняго платья, большей частью голубаго цвѣта, скроеннаго на подобіе рубашки и подпоясаннаго поясомъ, затѣмъ изъ своеобразной шапки. Чалму они надѣваютъ только по праздникамъ. Оружіемъ служатъ у нихъ ружья, кинжалы, мечи и щиты, а также нерѣдко копья.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть о второмъ значительномъ племени Белуджистана—брагуи, хотя они не принадлежатъ къ иранскому и даже индо-германскому кругу народовъ, а составляютъ остатокъ большой расы, которая въ настоящее время ограничена южной Индіей, а нѣкогда населяла весь Индостанскій полуостровъ. Единичныя отрасли этого первобытнаго населенія извѣстны подъ общимъ названіемъ дравидовъ. Ихъ языкъ простирается отъ Хала на сѣверѣ до Ялавана на югѣ и отъ Кохака на западѣ до Гарранда на востокѣ и выказываетъ единичныя, совершенно ясныя черты сходства съ нарѣчіемъ Декана. Равнымъ образомъ нѣкоторые физическіе признаки указываютъ, что Индія была нѣкогда ихъ родиной. Брагуи несомнѣнно болѣе древніе поселенцы въ странѣ, нежели белуджи; въ Келатѣ политическая власть также въ ихъ рукахъ. Всѣ знатные люди, пользующіеся, какъ упомянуто выше, значительной самостоятельностью — брагуи, равно и самъ ханъ.

Брагуи средняго роста или немного ниже и съ чернокоричневымъ цвѣтомъ кожи; ихъ широкое лицо съ выступающими скулами, плоскими, монголообразными чертами, украшено короткой жидкой бородой и бакенбардами.

Волосы на головѣ густые и черные, какъ вороново крыло, глаза также черные и пронизывающіе; тѣлосложеніе сильное. Ихъ исторія малоизвѣстна; они кочевники въ настоящемъ смыслѣ слова; сухость климата заставляетъ ихъ перекочевывать весной въ болѣе высокую мѣстность съ своими семьями и стадами, а осенью возвращаться въ низменность. Они считаютъ горную страну своей родиной; поселенные здѣсь брагуи усердно занимаются земледѣліемъ и живутъ осѣдло въ деревняхъ. Всѣ брагуи суннитскіе мусульмане, но безъ строгаго отношенія къ религіи. Въ горной странѣ умершему безъ потомства ставятъ на могилѣ столбы „tscheba", около которыхъ въ первую весну послѣ его смерти собирается все племя и при обильномъ угощеніи со стороны родственниковъ чествуетъ память усопшаго. Здѣсь-же брагуи справляютъ свою свадьбу, и мѣсто, на которомъ происходили праздничные танцы обращаютъ въ „tschapa", чтобы увѣковѣчить его для потомства, т. е. огораживаютъ камнями, а по рединѣ ставятъ болѣе высокій камень. По мѣрѣ повышенія долинъ „tscheda" и „tschapa" устраиваются все болѣе и болѣе тщательнымъ образомъ. Одежда брагуи изъ года въ годъ состоитъ изъ широкой бѣлой рубашки и толстыхъ камлотовыхъ панталонъ того-же цвѣта, голова покрыта небольшой ермолкой. Брагуи отличаются прожорливостью, но больше всего любятъ мясо, и ѣдятъ его полусырымъ и безъ соли. По отзыву д-ра Беллью, имъ чужды пороки белуджей, какъ, напр., жестокость, скупость и мстительность; они крайне уживчивы, гостепріимны, благодарны и отличаются непоколебимой вѣрностью. Несмотря на отсутствіе культуры и нѣкоторую склонность къ грабежу и убійствамъ, это вообще миролюбивый, выносливый и неиспорченный народъ кочующихъ пастуховъ. Они также распадаются на множество клановъ или второстепенныхъ племенъ; ихъ лагерь называется „туманъ", а глава его „утмандаръ".

Лури или жители Луристана отличаются въ расовомъ отношеніи отъ брагуи, а въ племенномъ и отъ белуджей; они распадаются на большихъ лури бахтари и на малыхъ лури или феили. Въ Белуджистанѣ лури представляютъ собой родъ цыганъ, разсѣянныхъ во всей странѣ, въ видѣ отдѣльныхъ семействъ; по ремеслу они преимущественно музыканты, гончары, разнощики, а также изготовляютъ веревки и рогожи. Они не имѣютъ земли и никогда не занимаются земледѣліемъ; туземное населеніе смотритъ на нихъ, какъ на отщепенцевъ (Dr. H. W. Bellew. From the Indus to the Tigris, a narrative of a journey through, the countries of Balulschistân, Afghânistân, Khorassân and Irân in 1872. London 1874, p. 52—57).

ДАРДУ И ИХЪ РОДИЧИ.

Въ сѣверу и югу отъ Гинду-Куша живутъ народы арійскаго племени, къ которымъ принадлежатъ вышеописанные персы, афганы, гальча и белуджи. Въ антропологическомъ отношеніи жители Гинду-Куша распадаются на двѣ группы: иранскую и индійскую. Къ пер-

вой причисляются гальча и племена, населяющія Памиръ,— каратегинцы, дарвасцы, шугнанцы, сарыкульцы, ваханцы,—а также мѣстность по верхнему Бадакшану; ко второй группѣ принадлежатъ жители Дардистана, Читраля и Кафиристана, затѣмъ бальти и народы буришъ въ Тибетѣ. Важнѣйшимъ этнологическимъ элементомъ этой группы можно считать дарду, которые представляютъ собой остатки чистокровной арійской расы, дарада древнихъ индійцевъ, дарадаи грековъ, которые занимаютъ мѣстности между Гинду-Кушемъ и Каганомъ (35 до 37° с. ш. и 73 — 74° в. д. отъ Гр.) Дардистанъ не носитъ общаго названія у своихъ обитателей; его называютъ также Ягистаномъ, Кугистаномъ и пр. Горные народы дѣлятся на множество племенъ, и не только каждое изъ нихъ носитъ особое названіе, но и сосѣди въ свою очередь обозначаютъ ихъ различными именами, такъ что количество послѣднихъ необыкновенно велико. Соотвѣтственно съ этимъ мы встрѣчаемъ невѣроянное смѣшеніе языковъ и религій. Въ тѣсномъ смыслѣ мы должны понимать подъ именемъ дарду народъ, населяющій горную страну Шинаки; они говорятъ на такъ называемомъ діалектѣ шинаки и обозначаютъ свое племя именемъ послѣднихъ, нужно подразумѣвать не только шинаки съ племенами чилази, астори, гильгити и дурейли, но также жителей Читраля, Яссина, Гунза и Нагера, обозначаемыхъ общимъ названіемъ буришъ, или іекшунъ и, наконецъ, жителей Кафирстана, извѣстныхъ подъ именемъ кафиръ или сіахпошей. Хотя нарѣчія всѣхъ этихъ народовъ значительно отличаются между собой, но всѣ они въ совокупности, носятъ общій арійскій характеръ и вѣроятно были въ употребленіи прежде, чѣмъ санскритъ сдѣлался литературнымъ языкомъ. Только каджуна, нарѣчіе буришей, составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе, потому что не имѣетъ сходства ни съ какимъ другимъ языкомъ, и по своей изолированности до сихъ поръ представляетъ загадку.

К. Е. Уйфальви описываетъ слѣдующимъ образомъ физическій типъ занимающей насъ индійской группы народовъ Гинду-Ку: они выше средняго роста, стройнаго тѣлосложенія, съ волнистыми очень темными волосами, темными глазами и южно-европейскимъ цвѣтомъ кожи; бѣлокурые субъекты составляютъ величайшую рѣдкость. Тѣло покрыто густыми волосами, особенно ноги, черепъ гипердолихокефальный и небольшой. У 45 череповъ дарду, по измѣреніямъ Уйфальви, указатель ширины достигалъ 75,62; у 47 наибольшій горизонтальный діаметръ не превышалъ 53, а поперечный діаметръ доходилъ только до 300 мм. Равнымъ образомъ суставы рукъ и ногъ вообще изящнѣе и тоньше у народовъ дарду и кафиръ, между тѣмъ какъ у иранскихъ народовъ Памира они массивнѣе и грубѣе. Среди буришъ встрѣчаются часто рыжеголовые субъекты, что можно объяснить давнишнимъ скрещиваніемъ съ какимъ нибудь бѣлокурымъ племенемъ (Karl Eugen

von Ujfalvy. Aus dem westlichen Himalaya. Erlebnisse und Forschungen. Leipzig. 1884. s. 178—183).

Что касается распространенія этихъ индійцевъ Гинду-Ку, абсолютно неизвѣстныхъ до послѣдняго времени, то оно несравненно значительнѣе, нежели предполагали сначала, потому что они простираются до западнаго угла Гималаевъ и Каракорумскихъ горъ. Непосредственно около Гинду-Ку живутъ читрали или ко и кафиры. Читрали мусульмане; ихъ каста факировъ-мушкинъ, повидимому, представляетъ чисто арійскій типъ; они особенно выдѣляются овальной формой лица, правильными чертами, волнистыми волосами и поразительно красивыми большими глазами. Въ былыя времена женщины Читраля, благодаря своей необыкновенной красотѣ, цѣнились очень дорого на невольничьихъ рынкахъ Кабула, Пешауэра и Бадакшана (Ujfalvy, a. a. O s. 289).

Кафиръ или сіахпоши, т. е. „носящіе черное“ едва ли заслуживаютъ названіе „народа“, потому что состоятъ изъ несмѣтнаго количества мелкихъ враждующихъ между собой племенъ, которыя хотя и говорятъ на сродныхъ нарѣчіяхъ, но далеко не всѣ могутъ понимать другъ друга. Равнымъ образомъ относительно физическаго типа между ними замѣтна извѣстная разница; такъ напримѣръ въ болѣе высокихъ долинахъ Гинду-Ку встрѣчаются совсѣмъ свѣтлокожія племена, извѣстныя подъ названіемъ „красныхъ кафировъ“. Населеніе Кафиристана представляетъ три значительныя группы народовъ, а именно: румгали или лумгали, обитатели верхнихъ долинъ Гинду-Ку, на юго-западѣ по сосѣдству съ Афганистаномъ; вейгали въ юго-восточныхъ частяхъ страны до долины Кунара; бушгали къ сѣверу отъ послѣднихъ до города Кунара. Эти три главнѣйшихъ племени распадаются на множество второстепенныхъ подраздѣленій; однихъ вейгали насчитывается до 80 мелкихъ племенъ. Кромѣ того существуетъ еще нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, какъ напримѣръ: калаша въ восточныхъ горныхъ цѣпяхъ, которые признали господство Читраля и перешли въ исламъ и сефидпоши (одѣтые въ бѣлое). Послѣдніе составляютъ весьма незначительное племя; они живутъ къ сѣверу и по обѣимъ сторонамъ Гинду-Ку и подчинены небольшому государству Мунджанъ, въ бассейнѣ Оксуса. Ихъ называютъ также каттигали или виригали. Къ сіахпошамъ можно кромѣ того причислить племена въ сѣверномъ Афганистанѣ и въ долинахъ Горбандъ, Панджиръ и Ниджранъ. Въ настоящее время они подвластны Афганистану и ревностные мусульмане, равно, какъ нѣкоторыя племена румга и калаша (A. a. O. s. 311 до 312). Маіоръ Таннеръ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о могущественномъ племени чугуни, живущемъ въ долинѣ, къ сѣверу отъ Кунда, у которыхъ насчитывается до 6000 человѣкъ, годныхъ носить оружіе; это вполнѣ дикіе горцы, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица и худощавыми чертами; они рѣдко оставляютъ свои долины и спускаются въ Джелабадъ для продажи своего „ghi“ сыра и дровъ. Ихъ одежда состоитъ изъ длинныхъ носковъ выше колѣнъ изъ козьей шерсти и штановъ сшитыхъ изъ той-же матеріи; къ этому нужно прибавить своеобразные башмаки изъ недубленой кожи, которые очень искусно привязаны къ ногамъ. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о происхожденіи племенъ кафиръ; большинство ихъ язычники, т е. не магометане; ихъ религіозные обычаи живо напоминаютъ древнія вѣрованія изъ Ригъ-Веда, что отчасти указываетъ на тѣсную связь всѣхъ этихъ народностей въ доисламскія времена. Они поклоняются высшему существу подъ именемъ „Имбра“ къ нему всего ближе подходитъ по значенію его сынъ, пророкъ „Мани“, который никогда не жилъ на землѣ, но въ дѣлахъ людскихъ является заступникомъ передъ Имрой. Символическими изображеніями послѣдняго служатъ камни, но въ Кафиристанѣ нѣтъ рѣзныхъ или высѣченныхъ идоловъ. Кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ существуетъ еще цѣлое полчище божествъ; всѣмъ имъ приносятъ въ жертву коровъ и въ честь ихъ

жгутъ кедровыя вѣтви. Только нѣкоторыя семьи племени кафиръ, живущіе на юго западѣ отъ города Читраля, приняли исламъ; ихъ обыкновенно называютъ балаша. Сіахпоши охотно предаются пляскѣ, но родъ и способъ ихъ танцевъ отличается отъ ихъ восточныхъ сосѣдей. Вмѣсто одного или двухъ танцоровъ всѣ присутствующіе принимаютъ участіе въ пляскѣ, какъ мужчины, такъ и женщины. Положеніе женщины у сіахпошей несравненно хуже, нежели у китайскихъ народностей; ихъ заставляютъ работать въ полѣ, между тѣмъ какъ мужчины заняты только войной и охотой. Каждый можетъ имѣть столько женъ, сколько онъ въ состояніи прокормить, и пять-шесть женъ не составляютъ рѣдкости. Женщины очень распутны, и ревность мужей удовлетворяется весьма незначительнымъ денежнымъ штрафомъ. Черная одежда составляетъ характерный признакъ всѣхъ этихъ народностей, вслѣдствіе чего сосѣди дали имъ прозвище сіахпошей. Головной уборъ женщинъ въ высшей степени замѣчателенъ, по крайней мѣрѣ, у бушгали. На волосахъ заплетенныхъ тонкими косичками, надѣта черная шапочка, къ которой придѣланы два деревянные рога въ 1 ф. длины, прикрытые сверху чернымъ платкомъ. Деревни обнесены заборомъ въ 1 м. высоты; дома состоятъ изъ нѣсколькихъ этажей. Достойно замѣчанія, что сіахпоши сидятъ на стульяхъ, а не на полу, какъ ихъ сосѣди. Оружіе ихъ состоитъ изъ небольшаго лука около 1, 5 м. длины, стрѣлъ, сѣкиры и кинжала и мало по малу начинаетъ замѣняться саблями и кремневыми ружьями. Каждое племя управляется деревенскимъ старшиной, независимо отъ сосѣднихъ племенъ. Покойниковъ, нѣсколько дней сряду до погребенія, носятъ процессіей вокругъ деревни, между тѣмъ, какъ участники похоронъ пляшутъ около покойника (A. a. O. s. 312—316). Кафиры принадлежатъ къ гипердолихокефаламъ; они стройнаго роста, съ чрезвычайно выразительными чертами лица, темными волнистыми волосами и умными глазами. Они занимаются скотоводствомъ, земледѣліемъ и страстные охотники. У нихъ смѣлый и рѣшительный характеръ; они опасные враги, но менѣе фанатичны и жестоки, нежели ихъ племенные родичи дарду или ихъ коварные сосѣди іешкуны.

Буришъ или іешкуны населяютъ высокія долины по близости горнаго узла, который связываетъ Гинду-Ку съ горами Каракорумъ и Гималаями и составляетъ южную границу Памира. Эти жители Яссина, Гунза и Нагера по своему неукротимому, хищническому характеру на далекомъ пространствѣ внушаютъ общій страхъ; они фанатичные мусульмане, коварные и кровожадные; благодаря имъ всѣ ущелья въ сосѣднихъ горахъ представляютъ опасность для путешественниковъ. Что касается нагеровъ, то они по типу часто напоминаютъ своихъ южныхъ сосѣдей бальти, вслѣдствіе чего Уйфальви предполагаетъ тѣсное антропологическое сродство между этими двумя народами.

Къ югу и юго-востоку отъ предъидущихъ встрѣчаются многочисленныя племена дарду, распространенныя въ долинахъ Панджкора и рѣки Сватъ; сюда же принадлежатъ обитатели индійскаго Кугистана, Торуэля, Кандіи, Тангира, Дореля и Гора — всѣ на правомъ берегу Инда. На лѣвомъ берегу живутъ: чилази и собственно дарду, которые простираются къ востоку до центральныхъ мѣстностей Балтистана; равнымъ образомъ дарду живутъ въ Гильгитѣ, Бунджи Асторѣ, Гуресѣ—до Драса, и даже недалеко отъ Леха встрѣчаются ихъ буддійскіе соплеменники. Дарду, живущіе въ Бальтистанѣ, называются брокпа и особенно извѣстны своей неопрятностью. Въ физическомъ отношеніи дарду походятъ на читралей и кафировъ; только ихъ физіономіи носятъ рѣзкій отпечатокъ хищныхъ птицъ; у нихъ темные вьющіеся волосы, густая борода, блестящіе впалые глаза и кожа съ коричневымъ отливомъ. Черепъ сравнительно незначительнаго діаметра; лобъ прямой, высокій, но также нерѣдко очень низкій; надбровныя дуги сильно выступаютъ впередъ; брови изогнутыя, очень густыя и большей частью сросшіяся; височныя кости не особенно развиты; но

Продавецъ ковровъ въ Кашмирѣ.

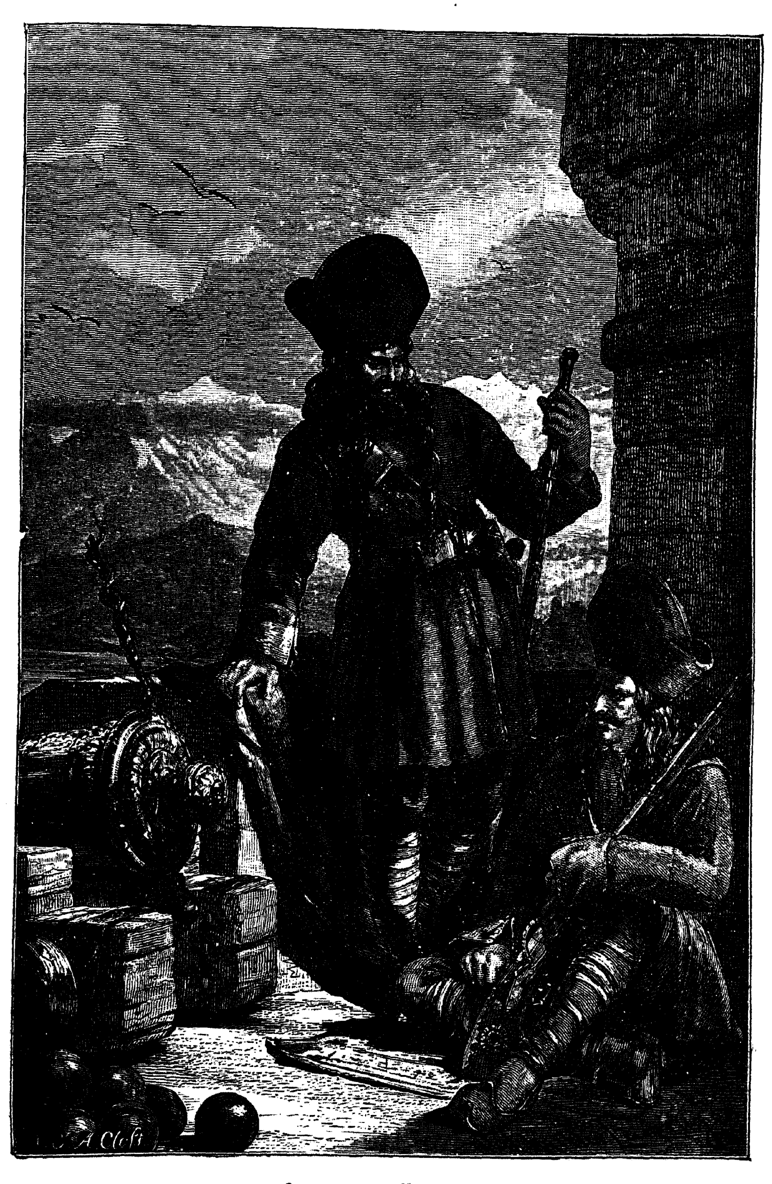
скуловыя дуги сильно выступаютъ впередъ. Ротъ средней величины; губы тонкія, уши небольшія и близко прилегаютъ къ головѣ; зубы большей частью испорченные. Дарду рослые, худощавые, но сильные люди, съ толстой шеей и оконечностями, которые въ большинствѣ случаевъ поражаютъ своими размѣрами. У женщинъ очень темные волосы и черные блестящіе глаза. Накожныя болѣзни головы встрѣчаются очень часто и, повидимому, происходятъ отъ ихъ крайней неопрятности. Они очень бѣдны, живутъ въ жалкихъ деревянныхъ хижинахъ и добываютъ скудное пропитаніе скотоводствомъ и земледѣліемъ. Женщины носятъ своеобразныя украшенія, которыя далеко не такъ изящны, какъ у бальти. Вообще дарду воинственны и дики, коварны, лѣнивы и апатичны; только чужеземное господство составляетъ для нихъ предметъ ужаса и побуждаетъ къ возмущенію. Они въ большинствѣ случаевъ фанатическіе сунниты; но исламъ мало отразился на ихъ нравахъ, такъ что многіе старые обычаи остались нетронутыми. Хотя дарду не имѣютъ письменныхъ знаковъ, но у нихъ сохранились многія любопытныя устныя преданія, относящіяся къ ихъ исторіи и миѳологіи, а также остатки древняго общиннаго быта, напоминающаго жизненныя условія старыхъ арійцевъ. Насколько исламъ имѣетъ чисто поверхностное значеніе можно видѣть изъ множества уцѣлѣвшихъ у нихъ древне-языческихъ вѣрованій и обычаевъ, слабому почитанію Корана и пристрастію къ собакамъ. У дарду, вопреки исламу, су-

ществуютъ касты. Первая и высшая изъ нихъ „шенъ“ можетъ быть сопоставлена по значенію съ индійской кастой могулъ; вторая „ястгунъ“ или „яшкунъ“, къ которой принадлежатъ „шенъ“ вступившіе въ бракъ съ женщиной низшей касты. Лица обоихъ кастъ могутъ заключать между собою брачные союзы, но кастовое различіе при такомъ бракѣ остается во всей силѣ. Затѣмъ слѣдуютъ касты: плотниковъ („tadschön“), такчей („tschadscha“), торговцовъ желѣзныхъ издѣлій („akar“), гончаровъ („kylal“), музыкантовъ („dom“) и кожевниковъ („kramm“), которые составляютъ низшую касту. Дарду, несмотря на исламъ, вѣрятъ въ злыхъ духовъ и добрыхъ волшебницъ; въ каждой деревнѣ, населенной чистокровными дарду, гдѣ первая каста является преобладающей, существуетъ большой камень, который болѣе или менѣе служитъ предметомъ почитанія. Огню приписываютъ цѣлительную силу. При всякой болѣзни дарду выжигаютъ себѣ раны на рукахъ, ногахъ и тѣлѣ; матери выжигаютъ своимъ дѣтямъ на макушкѣ головы, а подчасъ и надъ ушами, круги, величиною въ десятипфенниговую монету, съ цѣлью предохраненія отъ головной боли. Этого же обычая придерживаются кафиръ и бальти. Женщины, желающія имѣть дѣтей, обращаются съ молитвой къ дереву чили; этотъ обычай, повидимому, не проникъ къ гунза или нагерамъ; равнымъ образомъ онъ не встрѣчается въ Читралѣ и долинѣ Сватъ. Древній языческій обычай сожиганія мертвыхъ тѣлъ существовалъ у дарду до послѣдняго времени. Въ Гильгитѣ, Горъ, Гауза и Нагерѣ еще свѣжо преданіе о примѣненіи индійскаго обычая сожиганія вдовъ. Несмотря на господство полигаміи, женщины пользуются извѣстнымъ уваженіемъ, и ихъ положеніе благопріятнѣе, нежели у индусовъ. Даже въ суннитскомъ Чиласѣ, единственномъ пунктѣ, гдѣ проявляется нетерпимость ислама, женщины принимаютъ участіе въ общественныхъ совѣщаніяхъ и отличаются храбростью на полѣ битвы. Примѣрные бои въ большомъ ходу у дарду, и женщины чилази дерутся между собой желѣзными кольцами, надѣтыми на кисть руки. Три дня спустя послѣ рожденія ребенка, собираются родственники и друзья семьи, и отецъ даетъ имя новорожденному; до этого мать считается оскверненной, и она вообще должна послѣ родовъ жить двадцать дней отдѣльно отъ мужа. Мужчины и женщины ѣдятъ вмѣстѣ. Браки заключаются крайне просто. Отецъ жениха отправляется къ отцу дѣвушки съ нѣсколькими локтями сукна „pattii“ и съ тыквенной чашей, наполненной виномъ. Если эти подарки приняты, то дѣло считается оконченнымъ. Женщина безусловно связана съ мужемъ, который одинъ имѣетъ право расторгнуть бракъ. Жена не исключена изъ общества и можетъ принимать у себя друзей своего мужа. Послѣ смерти мужа его братъ можетъ взять себѣ въ жены всѣхъ вдовъ умершаго, и ни одна изъ нихъ не можетъ вторично вступить въ бракъ безъ его согласія. Случаи нарушенія супружеской вѣрности очень часты, и мужья не выказываютъ ни малѣйшихъ признаковъ ревности къ своимъ женамъ, а въ Гунза, гдѣ до сихъ поръ общественная жизнь въ главныхъ чертахъ приближается къ первобытному доисламскому состоянію, обычай требуетъ, чтобы мужъ предложилъ свою жену къ услугамъ гостя (A. a. O. s. 294). Умерщвленіе младенцевъ, въ случаяхъ незаконнаго сожительства, бываетъ довольно часто и не считается преступленіемъ. Деревни расположены вдоль дорогъ, проложенныхъ по теченію рѣкъ. Обыкновенно дома тѣсно скучены вмѣстѣ, и только изрѣдка бываютъ раскинуты. Нижній этажъ строится изъ сложенныхъ другъ на друга камней; верхній этажъ, къ которому ведетъ наружная лѣстница, состоитъ изъ кольевъ, крытыхъ травяными рогожами или бумажной тканью и образуетъ родъ бесѣдки. Деревни защищены первобытными деревянными блокгаузами. Посреди площади устроены колодцы. Многія семьи, помимо своихъ обыкновенныхъ жилищъ, имѣютъ пещеры въ горахъ, къ которымъ они одни знаютъ дорогу и гдѣ хранятъ свои сокровища и запасы. Изъ множества игръ дарду особенно заслуживаетъ вниманія родъ трикъ-трака съ игральными костями; у нихъ также существуетъ

музыкальный инструментъ на подобіе варгана; что касается пляски, то она процвѣтаетъ въ Яссинѣ, Гунза и Нагерѣ. Шинаки, несмотря на свое исламское вѣроисповѣданіе, изготовляютъ вино изъ винограда, который выдавливаютъ ногами и пьютъ его въ большомъ количествѣ, равно и „мо" — пиво сваренное по нашему способу, но мутное и довольно безвскусное. Къ настою изъ зерноваго хлѣба прибавляютъ кислое тѣсто приготовленное изъ „ladaky", за-

Брахманъ изъ Кашмира.

тѣмъ жидкость сливаютъ въ кувшины, закрытые шкурами, и сохраняютъ этимъ способомъ. Дарду особенно много охотятся зимой; оружіе состоитъ изъ кремневыхъ ружей, изготовленныхъ въ Гильгитѣ или вывезенныхъ изъ Бадахшана. Пулей служитъ небольшой камень залитый оловомъ; вмѣсто дроби употребляются также мелкіе камни. Ружья легки, стрѣляютъ очень далеко, и въ Гунза и Нагерѣ ставятся на подставки. Также въ большомъ ходу стрѣлянье въ цѣль изъ лука.



Солдаты изъ Кашмира.

Къ востоку отъ дарду и совмѣстно съ ними мы встрѣчаемъ магометанскій народъ бальти, говорящій на тибетскомъ нарѣчіи, который, преимущественно, состоитъ изъ шіитовъ или нурбакши и, по мнѣнію Уйфальви, принадлежитъ къ арійцамъ, хотя часто скрещенъ съ монгольскими элементами, благодаря сосѣдству съ ладаками.

Бальти высокаго роста и стройнаго тѣлосложенія съ пріятными чертами лицами, чѣмъ онъ отличается отъ большинства дарду, физіономія которыхъ напоминаетъ хищныхъ птицъ. Лобъ умѣренной высоты и слегка выпуклый, надбровныя дуги выдаются впередъ, что еще замѣтнѣе при глубокой выемкѣ надпереносья; брови густыя изогнутыя и рѣдко сросшіяся; носъ продолговатый, прямой или изогнутый, и вообще красивой, безусловно арійской формы; ротъ большей частью съ полными губами, подбородокъ овальный, скулы едва замѣтныя. Что касается остальныхъ характерныхъ признаковъ бальти, то мы можемъ указать на его небольшія уши, прилегающія къ головѣ и разрѣзъ глазъ, который представляетъ горизонтальную линію при узкомъ межглазничномъ промежуткѣ; волоса на головѣ всегда волнистые, густые и черные какъ вороново крыло, борода также густая, шелковистая и чернаго цвѣта, все тѣло покрыто волосами, шея пропорціональная, туловище коренастое, оконечности большей частью маленькія. Средній указатель черепа у 103 измѣренныхъ индивидовъ доходилъ до 72,52. Бальти спокойнаго и кроткаго характера, трудолюбивъ, чистосердеченъ и всегда готовъ оказать услугу путешественнику; у него нѣтъ ни скрытности ладаки, ни коварства дарду. Однако несмотря на свою прирожденную кротость онъ чувствуетъ особенное пристрастіе къ своеобразной рыцарской игрѣ, гдѣ кромѣ мужества требуется извѣстная ловкость. Бальтистанъ составляетъ родину благородной игры „поло". Здѣсь нѣтъ ни одной деревни, гдѣ бы не было луга, предназначеннаго для этой игры, т. е. совершенно ровной горизонтальной площади, въ видѣ правильнаго четырехъугольника, обнесеннаго низкими стѣнами. Обѣ партіи участвующихъ въ игрѣ верхомъ на лошадяхъ становятся на двухъ противоположенныхъ концахъ огороженной площади. Каждый всадникъ вооруженъ палкой въ $1^1/_2$ м. длины, къ концу которой прикрѣпленъ плоскій изогнутый кусокъ дерева, грушеобразной формы, расширенный кверху и имѣющій до 5 сант. въ діаметрѣ. Участникъ игры съ помощью этой палки долженъ бросить въ непріятельскій лагерь три раза сряду деревянное ядро, величиною съ яблоко, но такимъ образомъ, чтобы оно всякій разъ проскочило черезъ два колышка, вбитыхъ съ каждой стороны передъ играющими. „Поло" до сихъ поръ составляетъ любимое развлеченіе бальти.

Малоизвѣстные и изслѣдованные пакхпу и шакшу, кочующіе на склонахъ Каракорума и Куэнь-Луня въ долинѣ Кокша, равнымъ образомъ принадлежатъ по типу къ племенамъ дарду. У нихъ тотъ же гипердолихокефальный черепъ и физіономія хищной птицы съ высокимъ отступающимъ лбомъ, большимъ изогнутымъ носомъ и густой бородой.

Къ юго-востоку отъ дарду мы встрѣчаемъ кашмири, жителей высокой долины Кашмира, среди которыхъ пандиты, сохранившіе вѣру своихъ отцовъ, составляютъ наиболѣе благородный типъ арійскихъ индійцевъ. Кашмиры, принявшіе магометанство, по нѣкоторымъ признакамъ представляютъ собой смѣшанный, но поразительно красивый народъ, въ жилахъ котораго несомнѣнно течетъ нѣкоторая доля

крови дарду, хотя съ сильнымъ преобладаніемъ монгольскаго элемента. Кашмири горный житель въ тѣсномъ значеніи этого слова; типъ его до сихъ поръ носитъ извѣстный отпечатокъ арійскаго происхожденія, несмотря на то, что онъ подвергся значительнымъ видоизмѣненіямъ, вслѣдствіе болѣе, чѣмъ 800-лѣтняго скрещиванія съ самыми разнообразными чужеземными элементами. Хотя правильныя и привлекательныя черты лица составляютъ рѣдкость, но тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ здѣсь самобытную породу людей, настолько-же красивую, какъ и типичную, потому что типъ кашмира не менѣе характеренъ, нежели еврейскій и не имѣетъ ничего общаго съ сосѣдними горными индійцами: гадди, кулу, лагули и пагари.

„Саранги“ струнный инструментъ изъ Индіи (Смычкомъ водятъ по четыремъ толстымъ струнамъ; при этомъ звучатъ 15 тонкихъ металлическихъ струнъ, лежащихъ подъ ними). „Камаха“ гитара изъ Кашмира.

Кашмири вообще выше средняго роста, съ сильнымъ мускулистымъ тѣлосложеніемъ и большимъ черепомъ; указатель ширины доходитъ до 71,02, лобный 78,01, наибольшій горизонтальный діаметръ 540, вертикальный 335 мм. Глаза темные и блестящіе, носъ продолговатый и прямой, губы тонкія; разстояніе между носомъ и краями верхней губы довольно значительное; лицо овальное съ отпечаткомъ интеллигенціи и коварства; борода длинная и густая; шея толстая; оконечности отличаются большими размѣрами; суставы рукъ и ногъ грубой формы. Типъ кашмири въ большинствѣ случаевъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Женщины вообще высокаго роста и хорошо сложены и, хотя онѣ менѣе граціозны, чѣмъ обитательницы равнинъ Индостана, но болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи придаетъ имъ почти европейскій видъ; черты лица пропорціональны и ихъ нерѣдко можно назвать красивыми (A. a. O. s. 154). Что касается характера кашмири, то это самый малодушный, подобострастный и коварный народъ, когда либо существовавшій на землѣ, такъ что подчасъ трудно себѣ представить, что подобный низкій уровень нравственности можетъ совмѣщаться съ такимъ совершенствомъ тѣлесныхъ формъ и такими необыкновенными умственными способностями. Несмотря на свою физическую силу кашмири лѣнивъ и безпеченъ; при этомъ вѣроломенъ, лживъ и склоненъ къ воровству. Такимъ образомъ онъ можетъ служить разительнымъ примѣромъ

нравственно погибающей націи при полномъ физическомъ процвѣтаніи. Вообще кашмири выказываютъ особенное искусство въ ручныхъ работахъ, и при этомъ одарены удивительной способностью подражанія, такъ что они выдѣлываютъ по образцамъ часы съ самымъ сложнымъ механизмомъ и ружья новѣйшихъ сис-

Женщины кулу изъ Индіи.

темъ. У нихъ также есть любопытные музыкальные инструменты, изъ которыхъ „камаха“ (гитара) изображена на прилагаемомъ рисункѣ совмѣстно съ индійской „саранги“, которая обыкновенно служитъ аккомпаниментомъ для женскаго пѣнія. Кашмири выдѣлываютъ ткани изъ тончайшей козьей шерсти

и великолѣпные ковры, необыкновенно мягкіе и прочные. Ихъ шали извѣстны въ цѣломъ мірѣ, но съ нѣкотораго времени эта фабрикація въ упадкѣ, вслѣдствіе меньшаго спроса. Они также славятся, какъ искусные золотыхъ дѣлъ мастера и превосходные мѣдники. Кромѣ того они изготовляютъ красивыя вещи изъ папьемаше и нарисованнаго дерева; въ былыя времена у нихъ также процвѣтала рѣзьба на деревѣ. Чтобы убѣдиться насколько этотъ народъ одаренъ необыкновенными художественными способностями стоитъ только обратить вниманіе на великолѣпные мѣдные котлы, украшенные красивыми надписями, въ которыхъ кашмири готовятъ себѣ пищу, на изящную форму ихъ чайниковъ и кофейниковъ, на богато разукрашенные кувшины, тазы, подставки, лампы, самовары, „lota“, тарелки, тонко вычеканенныя плевальницы и проч.

На ряду съ кашмири пандиты, потомки прежнихъ кашмирскихъ брахманъ, никогда не переходившихъ въ исламъ, наиболѣе сохранили характерный типъ чистокровныхъ арійцевъ. Тѣ и другіе рѣзко отличаются отъ индійцевъ западнаго Гималая, типъ которыхъ изображенъ нами на прилагаемомъ рисункѣ въ видѣ двухъ женщинъ изъ мѣстности Кулу. У пандита высокій прекрасно очерченный лобъ, сглаженныя надбровныя дуги, безъ выемки надпереносья; носъ прямой или слегка изогнутый и образуетъ одну линію со лбомъ; брови густыя и дугообразныя, глаза черные и блестящіе съ миндалевиднымъ разрѣзомъ; ротъ небольшой, зубы синевато-бѣлые и здоровые. При этомъ пандитъ имѣетъ небольшія уши, прилегающія къ головѣ, пропорціональную шею, стройное туловище, маленькія руки и ноги, изъ которыхъ послѣднія отличаются особеннымъ изяществомъ. Темные, каштано-коричневые волосы вьются локонами; борода густая и обыкновенно коричневая, но бываетъ и бѣлокураго цвѣта. Кожа довольно свѣтлая, особенно по сравненію съ другими гималайскими народами, и густо покрыта волосами. Пандитъ большей частью выше средняго роста. Онъ фанатическій индусъ, въ высшей степени гордится своимъ происхожденіемъ и никогда не снисходитъ до того, чтобы видѣть равнаго себѣ въ брахманѣ равнины. Но помимо своего религіотнаго фанатизма пандитъ отличается любезнымъ и вѣжливымъ обращеніемъ; при этомъ не лишенъ чувства собственнаго достоинства, менѣе лживъ и коваренъ, нежели кашмири и легко изучаетъ иностранные языки. Большинство ихъ занимаетъ должности писарей и оффиціальныя мѣста въ правленіи; нѣкоторые предаются торговлѣ, но между ними нѣтъ ни земледѣльцевъ, ни ремесленниковъ. Кастовое устройство сохранилось и у кашмири принявшихъ исламъ, но не соблюдается въ такой строгости, какъ въ брахманистической Индіи (A. a. o. s. 152—156).

НАРОДЫ ИНДІИ.

Едва ли существуетъ на землѣ другая область, гдѣ бы можно было найти большее разнообразіе народностей и племенъ, стоящихъ на всевозможныхъ степеняхъ культуры, начиная отъ цивилизованнаго европейца и соревнующаго съ нимъ философски образованнаго индуса и, кончая первобытнымъ дикаремъ. У послѣдняго все еще процвѣтаетъ

Бегумъ съ дочерью изъ Бопала.

колдовство и другія суевѣрія и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ могли быть насильственно выведены человѣческія жертвы. Такимъ образомъ мы видимъ, что склоны горъ, опоясывающихъ обширный бассейнъ Ганга, населены разноименными горными племенами, которыя говорятъ на различныхъ діалектахъ, представляющихъ мало или даже никакого сродства съ нарѣчіями равнины.

Весь этотъ различный людъ, помимо европейскихъ переселенцевъ, дѣлится приблизительно на двѣ расы: арійскихъ индусовъ и народы дравида. Послѣдніе несомнѣнно составляли нѣкогда первобытное населеніе всего полуострова, но около 2000—1500 лѣтъ до Р. X. они были покорены переселившимися индусами и вытѣснены ими на югъ. Первая священная земля арійскихъ переселенцевъ въ Индіи, обозначаемая совмѣстно съ другими землями общимъ именемъ Индостана, занимала сначала небольшую область близь Дели у Джамуна. Но воинственный характеръ мѣстнаго населенія побудилъ пришлыя племена двинуться съ теченіемъ времени на юго-востокъ, внизъ по долинѣ Ганга, гдѣ они, по мѣрѣ своего водворенія, вытѣсняли все дальше и дальше первобытныхъ обитателей къ хребту Виндхья и другимъ горнымъ цѣпямъ, а также къ Гималаямъ и его сѣвернымъ отрогамъ. На югѣ какъ и на сѣверѣ, гдѣ только уцѣлѣли единичныя группы туземнаго дравидскаго населенія, онѣ приняли культуру арійскихъ индусовъ. Въ то время, какъ сѣверные дравиды совершенно разучились говорить на своемъ языкѣ и слились съ завоевателями, южные поселенцы, составлявшіе компактную массу, сохранили въ неизмѣнномъ видѣ свои первоначальные діалекты. Впослѣдствіи между дравидами и арійцами произошло значительное скрещиваніе, и при этомъ утраченъ былъ чистокровный типъ того и другого племени. Еслибы мы не имѣли въ діалектахъ обоихъ племенъ несомнѣнное доказательство ихъ различнаго происхожденія, то по наружному виду слѣдовало бы отнести ихъ къ одной и той-же расѣ. Только южные дравиды вообще отличаются болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи. Собственно такъ называемый арійскій индусъ, въ большинствѣ случаевъ, стройнаго тѣлосложенія, съ овальнымъ лицомъ, умѣренно-широкимъ лбомъ и носомъ, напоминающимъ европейскій типъ. Цвѣтъ кожи представляетъ различные оттѣнки отъ темнооливковаго до желтоватокоричневаго. Въ настоящее время индусы населяютъ сѣверныя равнины Индіи отъ Инда до долины Брахмапутры, а именно область, которая по ихъ имени названа Индостаномъ, въ противоположность южному Декану. Все высокое плато послѣдняго, совмѣстно съ гористыми частями, занято дравидами. Обѣ расы не представляютъ однородныхъ единицъ, но распадаются на множество различныхъ племенъ или классовъ, изъ которыхъ древніе индусы признавали только три, а именно: жрецовъ („брахмановъ"), воиновъ („кшатрія") и крестьянъ (ваисія „waiçya"), къ которымъ причислялись также ремесленники и купцы.

Послѣ завоеванія долины Ганга къ этимъ тремъ древнимъ арійскимъ и свѣтлокожимъ кастамъ прибавилась каста покоренныхъ, т. е. темнокожихъ первобытныхъ обитателей страны „судра“. Сообразно цвѣту кожи и касту стали обозначать словомъ „barna“ (краска). Съ этихъ поръ произошли еще различныя видоизмѣненія. Вообще народъ въ нижней долинѣ Ганга во многихъ отношеніяхъ совершенно иной, нежели болѣе чистая раса сѣверо-западныхъ провинцій. Такъ напр. брахманы, самая аристократическая каста Индіи, не соблюдаютъ здѣсь въ такой строгости чистоту касты и сословія, какъ ихъ собратья на сѣверо-западѣ, которые не только не вступаютъ съ ними въ бракъ, но даже не стали бы ѣсть вмѣстѣ съ ними. Тѣ изъ нихъ, которые водворились въ странѣ, вступили въ сношенія съ туземными женщинами, но ихъ дѣти считаются незаконными. Равнымъ образомъ произошло скрещиваніе представителей двухъ другихъ кастъ „кшатрія“ и „ваксія“ съ сельскимъ населеніемъ, такъ что въ настоящее время эти двѣ касты почти совершенно исчезли и собственно чистокровный арійскій индусъ составляетъ рѣдкость въ Индіи. Одни только ражпуты, потомки кшатріевъ, самое аристократическос и гордое племя нынѣшней Индіи представляютъ собой исключеніе. Кромѣ евреевъ врядъ ли найдется другой болѣе древній и чистокровный народъ, какъ ражпуты. Они образуютъ военную аристократію феодальнаго типа, отличаются храбростью и рыцарствомъ и необыкновенно щекотливы въ вопросахъ чести, а именно во всемъ, что касается ихъ женъ. Ражпуты образуютъ посредствующееe звено между древней и новѣйшей Индіей, и, еслибы имъ не мѣшало вліяніе англійскаго правительства, то у нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе продолжались бы кровавыя распри и опустошительныя войны до полнаго истребленія. Они населяютъ область, названную по ихъ имени Ражпутана въ западной Индіи. Къ ражпутамъ причисляютъ себя и горка въ гимайскомъ государствѣ Непалѣ, гдѣ они составляютъ военный и господствующій классъ. Кхатри, повидимому, также потомки старой касты воиновъ; въ настоящее время они встрѣчаются въ видѣ торговаго племени въ Пенжабѣ и въ восточномъ Афганистанѣ. Въ сѣверномъ Деканѣ живетъ далеко распространенное племя махраттовъ, которое переселилось въ болѣе позднее время и отличается въ физическомъ отношеніи отъ остальныхъ индійцевъ. Съ теченіемъ времени взамѣнъ отдѣльныхъ исчезнувшихъ кастъ возникло множество новыхъ. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ у индусовъ не менѣе 307 кастовыхъ подраздѣленій, изъ которыхъ каждое имѣетъ особое названіе; въ Бенгаліи число кастъ доходитъ до 1000 — и, если присоединить сюда болѣе тонкія различія, племенныя и другія подраздѣленія, то ихъ окажется нѣсколько тысячъ.

По Фридриху Миллеру у нынѣшнихъ индусовъ (этимъ именемъ называютъ всѣхъ туземцевъ, которые сохранили кастовое дѣленіе и признаютъ

Женщина изъ Кашмира толчетъ рисъ.

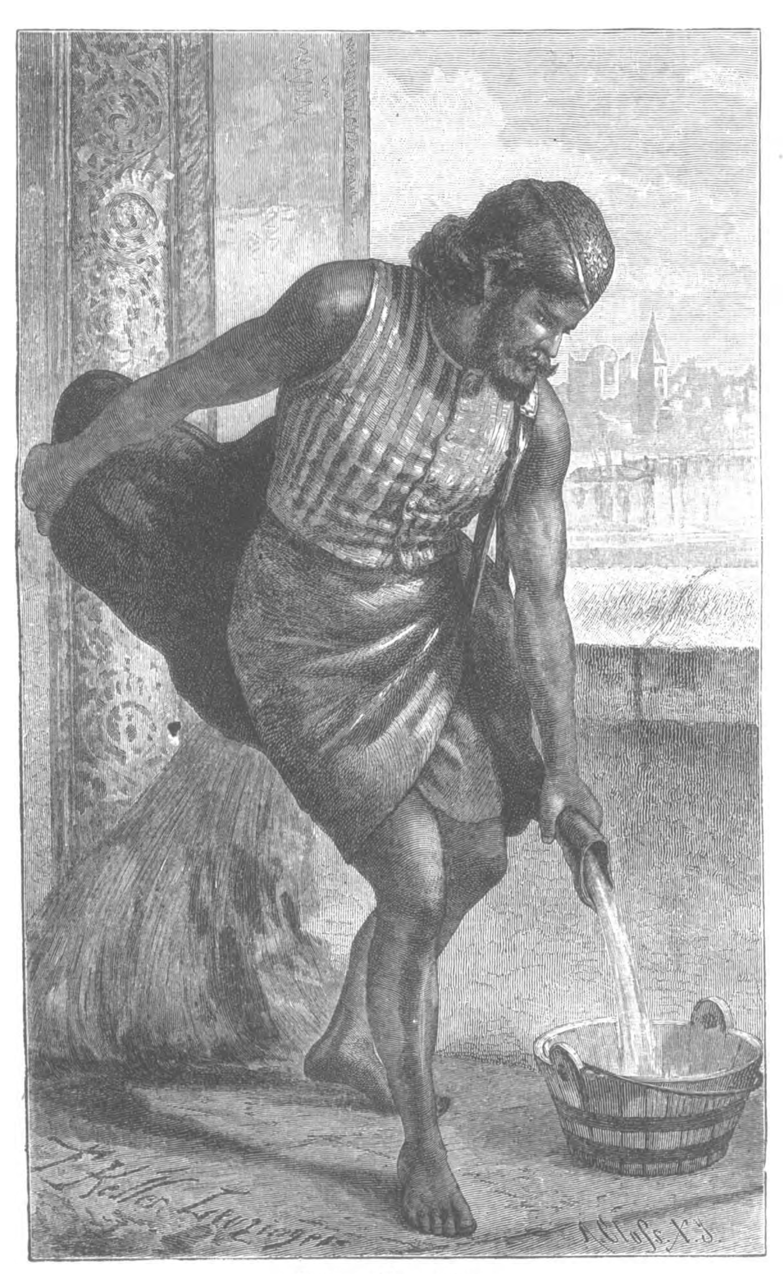
брахмановъ наивысшей кастой), общество дѣлится на слѣдующіе важнѣйшіе классы:

Брахманы въ настоящее время распространены во всей Индіи и отличаются отъ другихъ классовъ общества болѣе высокой степенью интеллигенціи, которую они выказываютъ во всякаго рода занятіяхъ. Они всего больше сохранили арійскій характеръ и отличаются тѣмъ благороднымъ типомъ, которымъ мы восхищаемся въ чистокровныхъ представителяхъ этого племени. Брахманы сосредоточены въ наибольшемъ числѣ въ Кашмирѣ, гдѣ они образуютъ аристократію, по отношенію къ простому народу, исповѣдующему исламъ. На сѣверѣ Пенжаба или Панжаба также живутъ брахманы, но большинство ихъ стали сики, т. е. магометанами. Они преимущественно славятся какъ солдаты. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ джатъ или ражпуты сдѣлались господствующимъ населеніемъ, брахманы встрѣчаются въ небольшомъ числѣ (въ Пенжабъ они переселились позднѣе съ юго-востока), между тѣмъ, какъ въ Марварѣ и Джесальмерѣ равно и въ Малва они составляютъ значительную часть населенія. Хотя брахманы у Сарасвати (наз. также кашастали), не исключены своими восточными собратьями изъ числа десяти родовъ подобно кашмири, но такъ какъ они больше придерживаются старинныхъ преданій, то имъ отведено низшее мѣсто въ правовѣрной іерархіи. Въ мѣстности, прилегающей къ Дели, брахманы образуютъ значительную часть промышленнаго мирнаго населенія, а также въ Джаипурѣ и Шаранпурѣ; но въ Рохилкандѣ, Миратѣ, Агра и западномъ Аудѣ (Оудэ) они не особенно многочисленны. Собственно центральнымъ пунктомъ индійскихъ брахмановъ можно считать нижній Дуабъ и восточный Аудъ съ сосѣдними округами. Здѣсь возникло послѣднее возмущеніе противъ Англіи. Южные брахманы (а именно, западнаго берега) считаютъ эту мѣстность своей первоначальной родиной. Равнымъ образомъ число брахмановъ значительно въ Банделькандѣ и Багелькандѣ. Между Гангесомъ и Гогра перевѣсъ остается на сторонѣ ражпутовъ, но близъ древней Айодхія, нынѣшнемъ Аудѣ они довольно многочисленны. Вообще брахманы, несмотря на свой воинственный характеръ не занимаютъ виднаго положенія въ упомянутыхъ мѣстностяхъ. По тѣлосложенію они несравненно болѣе уклоняются отъ чистаго арійскаго типа, нежели западные брахманы, что указываетъ на большую примѣсь другихъ элементовъ. Въ Камаонѣ и Гарвалѣ брахманы образуютъ большую часть населенія. Съ другой стороны горка въ Непалѣ, которые выдаютъ себя за ражпутовъ, повидимому, представляютъ смѣшанное племя, которое произошло отъ скрещиванія пришлыхъ брахмановъ съ туземными горцами. Бенгальскіе брахманы отличаются по наружному виду отъ остальнаго населенія страны, равно и отъ своихъ западныхъ собратьевъ въ Индостанѣ. Они образуютъ красивую, крѣпко сложенную и интеллигентную породу людей, которая достигла господствующаго положенія, между тѣмъ, какъ въ восточной Бенгаліи они уступаютъ въ числѣ магометанамъ и едва простираются далѣе Брахмапутры. Ихъ не особенно много въ Ориссѣ, но въ Гуджератѣ они составляютъ значительную часть населенія. Въ землѣ махраттовъ и Конканѣ они распространены еще больше и занимаютъ прочное и вліятельное положеніе. Здѣшніе брахманы замѣтно отличаются отъ остальнаго народа болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и благородными правильными чертами лица. Въ землѣ Телинга они также составляютъ многочисленный и уважаемый элементъ населенія. Хотя ихъ довольно много и въ Канарѣ, но они не могли достигнуть виднаго положенія въ странѣ и должны были уступить первенство лингаитамъ и магометанамъ. Въ Тамулѣ, гдѣ лингаиты не особенно многочисленны, они опять-таки составляютъ значительную и вліятельную часть населенія. Но во всякомъ случаѣ это не прежніе гордые брахманы, въ рукахъ которыхъ была нѣкогда судьба Индіи, такъ какъ они дошли до полнаго нравственнаго упадка и ничтожества. Разумѣется и между ними встрѣчаются по-

чтенныя личности; но большинство, подъ прикрытіемъ религіи, промышляетъ воровствомъ и мошенничествомъ и, пользуясь традиціонными преимуществами своей кисты, существуетъ насчетъ благотворительности. Брахманъ все еще слыветъ святымъ и безгрѣшнымъ, въ особенности у набожныхъ ассамезовъ, гдѣ онъ имѣетъ еще больше власти, нежели въ Бенгаліи; они называютъ его „Mahadeo“ (великій Богъ) и считали бы грѣхомъ въ чемъ либо противодѣйствовать ему.

Джатъ (ятъ). Это сильный рослый народъ, съ чисто арійскими очертаніямъ лица, который на сѣверо-западѣ Индіи, а именно въ Пенжабѣ пріобрѣлъ значительное вліяніе на общественный строй и жизнь мѣстнаго населенія. Въ Пенжабѣ древнее племя джатъ образуетъ зерно мѣстнаго земледѣльческаго населенія, а также главную составную часть народа синдъ въ бассейнѣ Инда сплошь до Белуджистана, гдѣ даже въ Келатѣ и Катшъ-Гандава всѣ земледѣльцы изъ племени джатъ; ихъ языкъ (въ отличіе отъ афганистанскаго языка и белуджи) извѣстенъ подъ именемъ джатъ. Во всякомъ случаѣ это арійское племя всего далѣе распространено къ западу и находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ персами Хорассана. Многіе изъ нихъ до настояшаго времени предпринимаютъ путешествія вглубь Персіи и Хивы, ведутъ торговыя дѣла и даже водворяются въ странѣ, когда это дозволяетъ имъ магометанское благочестіе или же возвращаются обратно въ Индію. Джатъ всегда пользовались большей общественной свободой въ Педжабѣ, такъ какъ у нихъ никогда не существовало индійскаго дѣленія на касты въ строгомъ значеніи этого слова. Въ тѣхъ же условіяхъ находились джатъ въ долинѣ Инда, которые равнымъ образомъ никогда не были подчинены игу брахмановъ. Отсюда понятно, почему остальные индійцы относились съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ джатъ, живущимъ въ Пенжабѣ и въ бассейнѣ Инда, и считали ихъ нечистымъ полуварварскимъ народомъ, который не хотѣлъ подчиниться древнимъ священнымъ учрежденіямъ. Впрочемъ, гиндуизмъ получилъ впослѣдствіи значеніе и въ Пенжабѣ, совмѣстно съ кастовымъ устройствомъ, но, какъ ясно видно изъ преданія, они были внесены сюда переселенцами съ юго-востока, т. е. изъ преимущественно брахманскихъ странъ. Далѣе къ востоку джатъ образуютъ большую часть населенія сѣвернаго Ражпутана, гдѣ вслѣдствіе изгнанія ражпутанъ изъ Айодхія и береговъ Ганга возникло нѣсколько джатскихъ республикъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ джатъ въ Малма, Бартпурѣ и Дольпурѣ, близь Дели, Агра и въ такъ называемомъ Дуабѣ, гдѣ они собственно поселены въ округахъ Аллигарѣ, Миратѣ и Музафарнагарѣ.

Кромѣ джатъ, которые преимущественно сосредоточены въ Манха (между Рави и Сатлуджемъ) и собственно индусовъ въ Пенжабѣ существуютъ еще различныя племена. Въ предгорьяхъ сѣвернаго Гималая живутъ гуджары, о которыхъ будетъ говорено ниже. У верхняго Инда до Калабага распространены гаккаръ, отчасти гуджары и аваны. Всѣ эти племена должны быть причислены къ джатъ по языку и наружности, несмотря на принятіе ислама и на многократное скрещиваніе съ афганами и другими магометанами, вслѣдствіе чего они окончательно утратили чистоту крови. Въ равнинахъ южнаго Пенжаба живутъ различныя племена, какъ напр. янъ, бхатти, сіалъ, каралъ, кахти и пр., которые почти всѣ безъ исключенія обратились въ магометанство и только въ силу старыхъ традицій сохранили свои племенныя названія. Но такъ какъ всѣ магометане, наравнѣ съ христіанами, могутъ вступать между собой въ бракъ, то племенныя различія постепенно исчезали все болѣе и болѣе и только отдѣльныя группы, живущія внѣ городовъ и дѣятельныхъ сношеній съ другими народами, сохранили свой національный типъ. При такихъ условіяхъ находятся сикхи. Хотя они также первоначально состояли изъ джатъ, но послѣ уничтоженія кастоваго различія ихъ послѣднимъ „гуру“ Говиндъ Сингхомъ, движимые ревностью новообращенныхъ, они асси-



Бенгальскій водоносъ.

милировали себѣ всевозможные элементы, не исключая даже отверженныхъ кастъ (какъ мехтаръ, т. е. метельщики). Только характерный нарядъ, длинные волосы и борода (они съ раннихъ лѣтъ не стригутъ себѣ волосъ) и гордая воинственная осанка придаютъ имъ нѣчто своеобразное, но о чистотѣ крови здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Почти всѣ князья и вожди сикхъ стараются выдать себя за ражпутовъ, но они ничто иное, какъ джатъ и въ сущности не имѣютъ основанія претендовать на болѣе аристократическую родословную, потому что джатъ, по крайней мѣрѣ, въ физическомъ отношеніи далеко превосходятъ ражпутовъ.

Ражпуты. Повидимому ражпуты первоначально были также чужды брахманства, какъ и джатъ. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ позднѣйшими кхатри (древними кшатрія), несмотря на одинаковый родъ занятій. Они были нѣкогда феодальными владѣльцами западнаго Индостана, но въ настоящее время обратились къ земледѣлію; число ихъ все болѣе и болѣе уменьшается отчасти вслѣдствіе постояннаго смѣшенія съ другими классами, частью же отъ истребленія множества дѣтей женскаго пола. Ражпуты, также, какъ и джатъ совсѣмъ не встрѣчаются въ гористой мѣстности на западъ отъ Джелама. Только въ сѣверо-восточномъ Пенжабѣ они составляютъ значительную часть жителей, между тѣмъ, какъ округа Джамму и Кангра почти исключительно населены ими. То же можно сказать о мѣстности, лежащей къ востоку отъ Сатлуджа, а именно о горахъ Симла. Въ долинѣ Ганга мы находимъ ихъ къ востоку отъ Джата, въ среднемъ Дуабѣ, въ Рохилкандѣ и въ восточномъ Аудѣ, тогда какъ нижній Дуабъ скорѣе можетъ считаться страной населенной брахманами. Ражпуты также довольно многочисленны далѣе къ востоку, въ Азимгарѣ и Газипурѣ. Затѣмъ они распространены на юго-западѣ въ Багелькандѣ и Банделькандѣ, въ Малва и Удеипурѣ, гдѣ они считаются самыми красивыми и сильными представителями своего племени. Въ Гуджератѣ они играютъ видную роль; равнымъ образомъ въ Каттиварѣ и нижнемъ Синдхѣ видны слѣды прежняго многочисленнаго ражпутанскаго населенія. Они всего могущественнѣе въ такъ называемыхъ ражпутанскихъ государствахъ, хотя и здѣсь перевѣсъ численности на сторонѣ джатъ.

Курми или кунди распространены въ среднихъ и восточныхъ частяхъ такъ называемыхъ сѣверо-западныхъ провинцій и составляютъ здѣсь значительную часть осѣдлаго земледѣльческаго населенія. Они особенно многочисленны къ югу отъ нижняго Дуаба. Затѣмъ мы встрѣчаемъ ихъ далѣе на западѣ, по обѣимъ сторонамъ Нербудда и въ Малва, гдѣ совмѣстно съ джатъ они образуютъ большую часть земледѣльческаго населенія. Въ Гуджератѣ, государствахъ Махраттъ и въ Нагпурѣ они обыкновенно собственники земли и тщательно обрабатываютъ свои участки. Курми, по чистотѣ крови, уступаютъ джатъ и ражпутамъ и вообще строй ихъ жизни не имѣетъ того демократическаго характера, какъ у двухъ первыхъ племенъ.

Гуджаръ, въ противоположность четыремъ предъидущимъ земледѣльческимъ классамъ представляютъ собой безпокойное пастушечье племя. Повидимому, они были первоначальными арійскими обитателями округа Хасара. Равнымъ образомъ гуджары довольно многочисленны въ цѣпи холмовъ, окаймляющихъ Кашмиръ. Но ихъ число всего значительнѣе въ Гуджератѣ, гдѣ они ведутъ болѣе осѣдлый образъ жизни. Они также нерѣдко встрѣчаются совмѣстно съ джатъ, какъ напр., вокругъ Дели, въ Дуабѣ, сѣверной Рашпутанѣ, Малвѣ и Банделькандѣ.

Ахиръ. Подобно тому, какъ гуджаръ могутъ считаться пастушескимъ племенемъ, распространеннымъ въ округахъ, населенныхъ джатъ, такъ и ахиръ составляютъ пастушеское племя въ странахъ ражпутанъ и брахмановъ. Собственно въ Индостанѣ они встрѣчаются до границъ Бенгаліи, и сверхъ того

съ давнихъ временъ распространены въ Гуджератѣ, Каттиварѣ и въ землѣ махраттовъ.

Гвала въ Бенгаліи и Орисса представляютъ собой тотъ же пастушескій элементъ, какъ гуджары въ земляхъ, населенныхъ джатъ, или ахиръ среди ражпутанъ и брахмановъ.

Кхатри. Хотя названіе указываетъ на непосредственную связь съ древними кшатрія, вслѣдствіе чего ихъ часто смѣшивали съ ражпутами, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время они дѣятельно занимаются торговлей, которая почти исключительно сосредоточена въ ихъ рукахъ, какъ въ Пенжабѣ, такъ и восточномъ Афганистанѣ. Они извѣстны во всей Азіи подъ именемъ „индійскихъ купцовъ“. Въ Кашмирѣ они менѣе многочисленны, нежели въ Пенжабѣ. Но въ горахъ и на восточномъ берегу Джелама распространено вышеупомянутое племя гаккаръ, которое повидимому также принадлежитъ къ кхатри. Хотя послѣдніе отчасти населяютъ мѣстность близь Дели, Агру, Лукновъ, Патну и даже встрѣчаются въ Калькуттѣ, но число ихъ ограничено, такъ что перевѣсъ остается на сторонѣ банія.

Банія (бани, баніаны) представляютъ собой одно изъ самыхъ многочисленныхъ сословій въ Индіи и занимаютъ въ Индостанѣ и на югѣ, то же положеніе, какъ и кхатри въ Пенжабѣ. Они также существуютъ исключительно торговлей, и только весьма немногіе посвящаютъ себя инымъ занятіямъ. Въ большихъ городахъ они пользуются значительнымъ вліяніемъ въ качествѣ банкировъ и оптовыхъ купцовъ. Они всего рѣже селятся въ Бенгаліи. По наружности банія и кхатри рѣзко отличаются отъ брахмановъ и болѣе подходятъ къ тому типу, который изображенъ на старыхъ египетскихъ памятникахъ. Это отчасти указываетъ на примѣсь чуждыхъ элементовъ.

Каястъ или каятъ (kaith) составляютъ низшую касту съ болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи, красивымъ тѣлосложеніемъ и лисьимъ выраженіемъ лица; но при этомъ они отличаются болѣе значительной степенью интеллигенціи и смышленностью. Въ нынѣшней Индіи они считаются представителями свѣтской учености и вслѣдствіе этого занимаютъ видныя мѣста во всѣхъ отрасляхъ управленія. Они всего многочисленнѣе и пользуются наибольшимъ значеніемъ въ Бенгаліи, гдѣ занимаютъ слѣдующее мѣсто послѣ брахмановъ.

Парбу играютъ въ Гуджератѣ ту же роль, какъ каяты въ Бенгаліи и въ другихъ мѣстахъ.

Касты ремесленниковъ возникли сравнительно въ новѣйшее время и повидимому представляютъ собой смѣшанные остатки древнихъ кастъ ваисія и судра. Они довольно сходны между собой и во всѣхъ частяхъ Индіи имѣютъ почти одинаковый типъ. Въ этомъ отношеніи отъ нихъ отличаются такъ называемые

Паріа или касты гелотовъ, которые отсутствуютъ въ сѣверо-западныхъ горныхъ странахъ, гдѣ не было насильственнаго порабощенія туземнаго населенія.

Ватталь въ Кашмирѣ, которыхъ нерѣдко называютъ кастой гелотовъ, представляютъ собой чистокровныхъ арійцевъ; они ведутъ безпокойный и бродячій образъ жизни. Ихъ женщины занимаются ремесломъ танцовщицъ и проституціей. Но среди джатъ въ Пенжабѣ существуетъ каста гелотовъ, которые въ деревняхъ занимаютъ особый кварталъ и зарабатываютъ себѣ существованіе различными ручными работами. Они извѣстны подъ именемъ чура. Въ Пенжабѣ, равно и въ Синдхѣ мы встрѣчаемъ бродячее племя, называемое чангаръ, которое считается нечистымъ и существуетъ рыбной ловлей. Равнымъ образомъ чамары въ Индостанѣ причисляются къ кастѣ гелотовъ, такъ какъ они занимаютъ положеніе старыхъ судра. На югѣ слѣдуетъ еще упомянуть палленъ (крѣпостные), затѣмъ саккили (башмачники) и тотти (занимаются вывозомъ нечистотъ). Во многихъ мѣстностяхъ туземныя племена мера,

намузи и др. причисляются къ гелотамъ, но безъ всякаго фактическаго основанія, такъ какъ они не входятъ въ составъ индійскаго общества (Fried. Müller, Allg. Ethnographie, s. 513—520).

Индійцы распадаются на значительное число различныхъ группъ, какъ въ соціальномъ отношеніи, такъ по языку и религіи. Помимо разнообразныхъ діалектовъ горныхъ племенъ и коренныхъ жителей, въ Индіи различаютъ въ настоящее время не менѣе 26 отдѣльныхъ нарѣчій. Несмотря на прежнюю связь между арійцами и коренными жителями, непріязнь побѣдителей къ послѣднимъ никогда не проходила окончательно. Равнымъ образомъ не произошло полнаго слiянія ихъ языковъ, и хотя въ бенгальскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются арійскіе корни и даже цѣлыя слова, но они рѣдко употребляются въ жаргонѣ сельскихъ племенъ и даже непонятны для нихъ. Наиболѣе распространенный изъ всѣхъ индійскихъ языковъ — инди или индустани, съ его различными оттѣнками, на которомъ говоритъ магометанское населеніе центральной Индіи, слѣдовательно не менѣе 60 милліоновъ людей. Этотъ языкъ сильно перемѣшанъ персидско-арабскими элементами, что нужно приписать вліянію чуждой національности, а именно магометанскимъ нашествіямъ. Съ распространеніемъ ислама подъ его знаменами собрались афганы, монголы, узбеги, и изъ сліянія этихъ различныхъ лингвистическихъ элементовъ образовался особый діалектъ „индустани", до сихъ поръ обозначаемый именемъ урди, т. е. „лагерный языкъ", возникшій среди войска, которому суждено было сдѣлаться всеобщимъ національнымъ языкомъ Индіи. Это господствующее нарѣчіе пишется арабскими буквами и распространено во всей Индіи.

Индустани распадается на множество діалектовъ, изъ которыхъ наиболѣе значительные: бриджъ-бхакка (брай-бхакка) въ области Дели и Агра; діалектъ канауджи между рѣками Гангомъ и Джамуна; діалектъ козали между Гангомъ и Гогра выше Лукнова, бходжпури между Лукновомъ, Аллахабадомъ и Бенаресомъ; маитхили на сѣверѣ Ганга, въ области Парніахъ; бандельканди въ Банделькандѣ, къ югу отъ рѣкъ Джамина и Чамбаль; хароти на востокѣ горъ Аравулли въ области Котахъ; уджайини въ Уджелѣ, марвари въ Марварѣ; на югѣ индійской пустыни распространенъ діалектъ ражпутанскихъ государствъ и т. п. Діалектъ дакхани, принятый на югѣ, отличается во многихъ отношеніяхъ отъ сѣвернаго языка.

Хромѣ индустани въ Индіи существуютъ еще слѣдующія арійскія нарѣчія: кашмири въ долинѣ Кашмира, на которомъ говоритъ 3-хъ милліонное населеніе; этотъ языкъ отличается своеобразнымъ строеніемъ и представляетъ значительныя уклоненія отъ сродственныхъ діалектовъ. Къ югу отъ горъ до Мультана, между Индомъ и Сатлуджемъ распространенъ панжаби съ его различными видоизмѣненіями, на которомъ говорятъ около 16 милліоновъ. Въ долинѣ нижняго Инда, отъ Мультана до моря, господствуетъ синдхи; это діалектъ населенія, численность котораго едва доходитъ до двухъ милліоновъ. На югѣ горъ Аравулли индустани постепенно переходитъ въ діалектъ гуджерати, который простирается къ Даману и горной цѣпи Виндхья. Населеніе, говорящее на этомъ діалектѣ, доходитъ до 6 милліоновъ. На полуостровѣ Качѣ принятъ особый діалектъ качи. На югѣ Гуджерата и горной цѣпи Виндхья

до Чота Нагпура на востокѣ и лингвистической области Телугу, Каннади и Тулу на юго-востокѣ и югѣ, слѣдовательно на побережьи къ Гоа, господствуетъ маратхи съ второстепеннымъ діалектомъ конкани, распространеннымъ на морскомъ берегу отъ Дамана до Ратнагири. Населеніе, говорящее на языкѣ маратхи, доходитъ до 10 милліоновъ. Между Парніахъ и Динаджпуронъ діалектъ инди переходитъ въ бенгали, который простирается вдоль Гималаевъ до Ассама. На востокѣ границей его распространенія служитъ горная цѣпь, которая тянется къ востоку отъ Бряхмапутры до Читтагонга. На западѣ этотъ діалектъ ограниченъ горами Раджмахалъ до рѣки Субанрикха, которая, простираясь далѣе къ морскому берегу, отдѣляетъ его отъ нарѣчія орійя. Послѣднее распространено отъ рѣки Субанрикха до Ганджама. Его сѣверозападную границу составляютъ діалекты кольхъ и кхондъ. Ассами, второстепенный діалектъ бенгали, распространенъ въ долинѣ Брахмапутра отъ Гвальпара до Садійя. Населеніе, говорящее на діалектѣ бенгали, доходитъ приблизительно до 22½ милліоновъ и не болѣе 2 милліоновъ употребляютъ нарѣчіе орійя, между тѣмъ какъ о населеніи Ассама нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Идусское населеніе въ Непалѣ говоритъ на своеобразномъ діалектѣ, такъ называемомъ непали, который причисляется къ бенгали, совмѣстно съ другими сродными нарѣчіями (орійя, ассами).

Всѣ перечисленные нами діалекты происходятъ отъ одного кореннаго языка, на которомъ написаны древнѣйшіе памятники индійской литературы и гимны Ведды (между 2000 и 1500 до Р. Х.). Изъ этого языка параллельно съ народными діалектами образовался литературный языкъ, который преимущественно обязанъ своимъ развитіемъ представителямъ индійской интеллигенціи, брахманамъ, и извѣстенъ подъ именемъ санскрита („законченнаго" или „священнаго" языка). Первые зачатки индійскаго народнаго языка совпадаютъ съ распространеніемъ буддизма въ Индіи. Относящіеся къ этому эдикты индійскаго короля Азола, — которые по времени принадлежатъ къ періоду, непосредственно слѣдовавшему за началомъ сношеній индійцевъ съ греками, — написаны на самомъ древнемъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ индійскихъ народныхъ діалектовъ. Въ немъ уже отчасти замѣтны фонетическія отличія отъ письменнаго языка. Пали, нынѣшній церковный языкъ южныхъ буддистовъ нѣсколько моложе этого діалекта и былъ первоначально распространенъ на сѣверо-востокѣ Индіи у границы Бенгаліи. Первые образцы діалекта пракрита, встрѣчаемые у драматическихъ писателей, относятся еще къ болѣе позднему періоду. Пракрита означаетъ „естественный, безъискуственно развившійся языкъ", или „простонародный языкъ" въ противоположность съ санскритомъ или „священнымъ языкомъ". Всѣ эти языки настолько близки къ санскриту, насколько сохранилось ихъ первоначальное строеніе, и, сравнительно съ старымъ языкомъ, въ нихъ большей частью не произошло другихъ существенныхъ измѣненій, кромѣ фонетическихъ. Между тѣмъ въ ново-индійскихъ діалектахъ первоначальное строеніе утрачено въ такой-же степени, какъ въ романскихъ языкахъ Европы и изъ остатковъ стараго языка образовался новый (F. Muller, Allg. Ethnographie, s. 511—513).

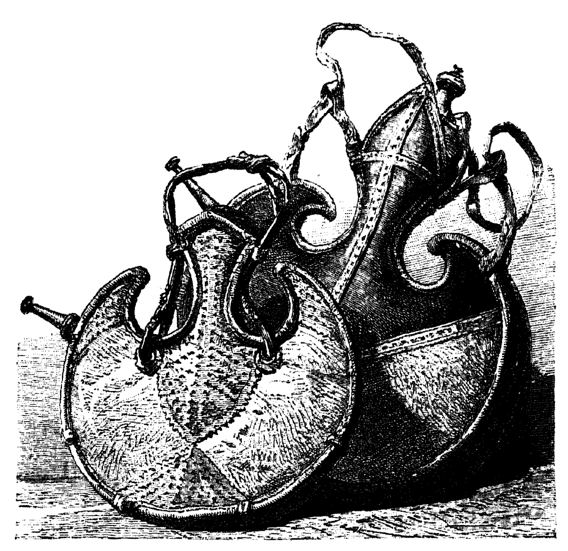
Приверженцы брахманскаго ученія по религіи и происхожденію составляютъ особую часть индійскаго населенія: къ нимъ принадлежатъ почти всѣ индусы арійскаго и дравидскаго племени. Они образуютъ значительное большинство, такъ что въ одной британской Индіи численность ихъ доходитъ до $140^1/_2$ милліоновъ душъ. Индія въ то же время представляетъ колыбель буддизма, который развился изъ брахманскаго ученія, но былъ подавленъ реакціонными стремленіями послѣдняго, такъ что господство его удержалось только на крайнемъ сѣверѣ, въ Непалѣ, и на югѣ, на островѣ Цейлонѣ. Религіозныя вѣрованія нынѣшнихъ индійцевъ представляютъ мало общаго съ древней арійской религіей; нѣсколько веддійскихъ стиховъ и формулъ, машинально повторяемыхъ священно-служителями безъ пониманія ихъ смысла, едва-ли не все, что сохранилось отъ религіи Ведды. Среди этого круга религіозныхъ вѣрованій, названныхъ брахманскимъ ученіемъ, по имени духовныхъ лицъ, исповѣдующихъ, его, существуютъ различныя секты, изъ которыхъ многія отличаются глубокой нравственной порчей. Двѣ наиболѣе распространенныя религіозныя партіи Индіи признаютъ Сива и Вишну и отдаютъ имъ божескія почести. Онѣ олицетворяютъ собой два самыхъ противоположныхъ полюса религіознаго мышленія, какіе когда либо существовали и могутъ существовать у людей: одна изъ нихъ признаетъ Вишну богомъ и источникомъ всякаго добра, между тѣмъ, какъ партія приверженцевъ Сива допускаетъ возможность достиженія добра только самимъ человѣкомъ и при посредствѣ его собственныхъ дѣяній. Это главное отличіе между обѣими сектами, которыя имѣютъ много общихъ чертъ. Затѣмъ нелишнимъ будетъ упомянуть здѣсь о „джаина", которые не представляютъ большаго значенія для индійскаго пантеона. Нѣкоторые считаютъ ученіе джаина особой религіей; другіе видятъ въ немъ развѣтвленіе буддизма; это ученіе преимущественно распространено въ Гуджератѣ и Майзурѣ, но имѣетъ также многочисленныхъ приверженцевъ въ Бомбеѣ и другихъ частяхъ Индіи. Въ Пенжабѣ джаина извѣстны подъ именемъ „сранги". Черезъ каждые шесть мѣсяцевъ они выщипываютъ себѣ волосы; ротъ завязанъ у нихъ лоскуткомъ бѣлой бумажной матеріи; при этомъ они постоянно носятъ съ собой бѣлую щетку и сметаютъ пыль съ мѣста, на которое хотятъ сѣсть. Они служатъ мишенью для всеобщихъ насмѣшекъ.

Гиндуизмъ не только заключаетъ въ себѣ упомянутую философію и служитъ выраженіемъ высшихъ нравственныхъ истинъ, но въ немъ встрѣчаются многія существенныя черты христіанскаго ученія. При этомъ нужно замѣтить, что онъ распространился въ Индіи не въ видѣ возобновляющаго элемента, а исключительно консервативнаго. Гиндуизмъ воспользовался всѣми существенными суевѣріями, даже наиболѣе грубыми, безнравственными и преступными и, снабдивъ ихъ философскимъ основаніемъ, какъ-бы кристаллизировалъ каждое изъ нихъ, и въ то-же время установилъ между всѣми такую тѣсную связь, что крайне затруднительно изслѣдовать какой либо отдѣльный пунктъ. Онъ не только призналъ отличія классовъ и племенъ, но наложилъ на

нихъ своеобразный отпечатокъ, давъ имъ отдѣльныя права и настолько сдѣлалъ ихъ чуждыми другъ другу, что люди различныхъ классовъ, скученные въ индійской деревнѣ, имѣютъ меньше обшихъ интересовъ, мыслей и ощущеній, нежели напримѣръ нѣмцы и французы. При этихъ условіяхъ патріотизмъ и сознаніе національности, въ нашемъ смыслѣ, положительно немыслимо для индуса до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать гиндуизмъ. Съ другой стороны не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что въ наше время гиндуизмъ клонится къ упадку. Процессъ разложененія уже начался въ брахманствѣ; философскій пантеизмъ, связавшій умы въ высшую касту, утратилъ прежнюю силу. Водвореніе христіанства на индійской почвѣ, близкое соприкосновеніе съ нимъ, очевидное превосходсто послѣдняго во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, распространеніе образованности и европейскихъ знаній — все это съ неудержимой силой вліяетъ на индуса и должно рано или поздно уничтожить кастовое устройство, которое всегда было враждебно европейскимъ нравамъ и религіи. Большіе праздники въ честь прежнихъ боговъ не привлекаютъ болѣе такой многочисленной толпы, какъ въ прежнія времена; возникаютъ деистическія школы, которыя отрекаются отъ старыхъ языческихъ боговъ. Свобода печати и британанское законодательство, проникнутое духомъ христіанской нравственности, благодѣтельное вліяніе котораго ощущаетъ индусъ, дѣйствуютъ не менѣе разлагающимъ образомъ на древній индусскій бытъ и прокладываютъ путь европейскому міровозрѣнію. Брахманская реформаторская партія, „брахма-самаджъ", основана Рамъ-Маханъ-Роемъ и поддерживается въ настоящее время Дебендра-Натхъ Тагоромъ; она отвергаетъ вѣрованіе въ божественное происхожденіе Ведды и стремится создать раціональный деизмъ, чуждый откровенія. Брахма-самаджъ, или такъ называемый брахмаизмъ, выступилъ въ видѣ новой религіи, имѣетъ свои храмы и капеллы, и поставилъ себѣ цѣлью соціальныя реформы, какъ напримѣръ уничтоженіе слишкомъ раннихъ браковъ, кастовыхъ ограниченій и улучшеніе участи женщины; онъ имѣетъ особенный успѣхъ въ среднихъ классахъ. Тѣмъ не менѣе весьма сомнительно, чтобы индійское общество, особенно высшіе классы, были достаточно подготовлены и развиты, чтобы понять и оцѣнить христіанское ученіе. По крайней мѣрѣ люди хорошо знакомые съ условіями индійскаго быта положительно держатся этого взгляда, который подтверждается жалобами миссіонеровъ, что язычники не только не считаютъ себя жалкими и ничтожными существами, но совершенно довольны своимъ положеніемъ и міросозерцаніемъ. Въ сущности во всей Индіи среди населенія, состоящаго изъ 254 милліоновъ, едва насчитывается 900.000 христіанъ, изъ которыхъ 250.000 европейцевъ или лицъ европейскаго происхожденія. Одинъ изъ католическихъ священниковъ, долго жившій въ Индіи, высказалъ по этому поводу слѣдующее мнѣніе: „Мы не можемъ разсчитывать на успѣхъ среди этого народа. Когда я разсказываю индусу о чудесахъ Спасителя, то онъ тотчасъ же приводитъ мнѣ длинный рядъ чудесъ совершенныхъ Кришну, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ христіанскія чудеса".

Религіозныя обязанности и формальности опутываютъ жизнь индуса непроницаемой сѣтью; ихъ повседневная жизнь представляетъ безконечную цѣпь обычаевъ и церемоній, исполняемыхъ съ поразительной добросовѣстностью, и, которыя должны быть устранены прежде, чѣмъ можно разсчитывать на какія-либо успѣхи культуры. Если въ семьѣ родится сынъ, то призываютъ домоваго жреца, чтобы онъ поставилъ „Ianam-Patri" или гороскопъ новорожденнаго, который тщательно сохраняется. Домъ, послѣ рожденія ребенка, считается нечистымъ двѣнадцать дней, впродоженіе которыхъ никто не ѣстъ и не пьетъ въ немъ. Женщина черезъ сорокъ дней совершаетъ общее омовеніе и жрецъ даетъ имя ребенку. До пятилѣтняго возраста у ребенка не стригутъ волосъ, затѣмъ его ведутъ въ „tirtha" (священную купальню), гдѣ брахманъ стрижетъ

его. Когда мальчику исполнилось 8—10 лѣтъ, ему брѣютъ голову и домовый жрецъ указываетъ ему, какъ онъ долженъ приготовить „tschanka“ (т. е. натереть коровьимъ пометомъ мѣсто, гдѣ ѣдятъ индусы), обучаетъ его „sandhya“ (религіозное созерцаніе, произнесеніе вслухъ священныхъ изреченій изъ Веддъ, питье воды небольшими глотками и пр., что исполняется тремя высшими кастами при восходѣ солнца, въ полдень и при закатѣ солнца), а также „gayatri“ (наиболѣе чтимый стихъ Ригъ-Веда, который произносится мысленно въ видѣ молитвы). Въ заключеніе жрецъ надѣваетъ на него съ лѣваго плеча на правую сторону священный шнурокъ изъ толстыхъ нескрученныхъ бумажныхъ нитокъ; послѣ чего въ домѣ устраиваются празднества. Съ этихъ поръ на мальчика смотрятъ, какъ на совершеннолѣтняго и онъ обязанъ исполнять всѣ правила, предписанныя каждому индусу. Такъ напр., онъ долженъ брить голову, кромѣ пучка волосъ на макушкѣ головы, обвивать бедра „dhoti“, платкомъ взамѣнъ нижняго бѣлья, носить на себѣ священный шнурокъ, держать



Кожанные кувшины для воды (Индія).

постоянно въ рукѣ деревянныя четки изъ базилика и имѣть на лбу священный значекъ краснаго или бѣлаго цвѣта. Когда онъ достигаетъ 12 — 14-лѣтняго возраста, то главная забота родителей заключается въ томъ, чтобы найти ему невѣсту, равную по происхожденію, потому что они хотятъ во что бы-то ни стало пристроить дѣтей при своей жизни. Обыкновенно предварительныя хлопоты по этому дѣлу поручаются домашнему цирюльнику, который посвященъ во всѣ тайны семьи. Если произошло соглашеніе между обѣими сторонами и сватовство принято, то обрученіе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Отецъ дѣвушки посылаетъ отцу жениха шесть финиковъ и рупію (индійская золотая или серебряная монета) въ знакъ того, что онъ готовъ выдать свою дочь за юношу. Когда цирюльникъ является къ отцу жениха съ подобнымъ порученіемъ, то домочадцы обливаютъ масломъ стѣны съ обѣихъ сторонъ дверей; затѣмъ вводятъ желаннаго гостя въ домъ и радостно привѣтствуютъ его. Послѣ этого собираются родственники и пять третейскихъ судей изъ той

же касты и заставляютъ домоваго жреца приготовить изъ муки „tschank", передъ которымъ юноша долженъ произнести молитву. „Tschank" есть ничто иное, какъ четырехъугольная площадка, посыпанная мукой, на которой жрецъ выводитъ своеобразные знаки съ цѣлью вывести изъ нихъ различныя предзнаменованія. По окончаніи этой церемоніи цырюльникъ бросаетъ въ колѣни юноши шесть финиковъ и рупію и со словами: „поздравляю тебя"; и затѣмъ чертитъ на его лбу священный знакъ, обыкновенно состоящій изъ бѣлыхъ и красныхъ черточекъ. Тогда отецъ жениха соотвѣтственно своему состоянію надѣляетъ присутствующихъ брахмановъ и цырюльника рупіями и мѣдными деньгами, и раздаетъ своимъ родственникамъ сахарныя печенья. Въ заключеніе всѣ поздравляютъ хозяина и расходятся по домамъ. Подобное обрученіе имѣетъ значеніе формальнаго обязательства и нарушеніе его составляетъ позоръ для обоихъ семействъ.

Иногда дѣтей обручаютъ въ самомъ раннемъ возрастѣ и дѣвушекъ выдаютъ замужъ между 8—10 годами; но онѣ остаются въ домѣ своихъ родителей до тринадцати лѣтъ. Обыкновенно устраиваются два свадебныхъ пиршества одно при обрученіи, другое при вступленіи молодой въ домъ мужа. Жрецъ узнаетъ заранѣе по звѣздамъ благопріятный день для заключенія брака, который и назначается родителями дѣвушки. Затѣмъ эти извѣщаютъ письменно о днѣ свадьбы родителей (а при случаѣ родственниковъ) юноши. Полученное извѣщеніе торжественно кладутъ на колѣни жениха, въ присутствіи собравшихся третейскихъ судей и родственниковъ. Въ этомъ извѣщеніи сказано: сколько экипажей и гостей будетъ участвовать въ свадебномъ шествіи, а также какой день назначенъ для свадьбы. Семь дней передъ свадьбой невѣсту и жениха моютъ и натираютъ мукой, растительнымъ масломъ и благовонными снадобьями, что нерѣдко бываетъ крайне необходимо. Женихъ въ день свадьбы пріѣзжаетъ въ домъ своего будущаго тестя верхомъ на лошади, въ сопровожденіи родныхъ и при звукахъ оглушительной музыки; здѣсь на него надѣваютъ нарядное платье, украшаютъ голову подобіемъ діадемы, сдѣланной изъ серебра и золота, а лобъ перевязываютъ повязкой изъ золотыхъ нитокъ. Затѣмъ на дворѣ разводятъ костеръ, вокругъ котораго жрецъ четыре раза сряду обводитъ жениха и невѣсту. Если невѣста обведена четыре раза вокругъ алтаря, то она не можетъ болѣе выйти замужъ, даже въ случаѣ смерти своего супруга. На слѣдующій день послѣ свадьбы родители или родственники невѣсты опять созывютъ всѣхъ гостей и угощаютъ ихъ всякаго рода сладкимъ печеніемъ; при этомъ бываетъ пѣніе въ особеннести на женской половинѣ, гдѣ нерѣдко поются неприличныя пѣсни и дамы предаются всякимъ забавамъ. На третій день гостямъ подаютъ рисъ съ кислымъ молокомъ, который истребляется въ большомъ количествѣ. На четвертый день раздаются свадебные подарки и общество расходится по домамъ. Богатые люди справляютъ свадьбы съ необыкновенной пышностью. Когда графъ Гобле д'Альвіелла отправился въ Бомбей къ сэру Мульгульдасу Натонбою, который въ это время праздновалъ свадьбу своихъ двухъ сыновей, то онъ увидѣлъ около двухъ тысячъ женщинъ, одѣтыхъ въ роскошныя ткани, въ бѣлый, голубой, желтый, красный и зеленый газъ, съ золотой и серебряной бахрамой. Онѣ сидѣли длинными рядами, скрестивъ подъ собой ноги. Передъ ними стояли тарелки и блюда со всевозможными лакомствами туземной кухни. Дамы, у которыхъ былъ такой-же недостатокъ приборовъ, какъ мѣстъ для сидѣнья прибѣгали къ помощи рукъ, и, вдобавокъ, самымъ непринужденнымъ способомъ. Между длинными рядами дамъ двигались слуги, обнаженные до пояса, которые разносили кушанье въ большихъ мискахъ и предлагали желающимъ. Парадный дамскій обѣдъ продолжался отъ двухъ до трехъ часовъ; затѣмъ наступила очередь мужчинъ. Національный танецъ служилъ заключеніемъ празднества, но онъ далеко не представлялъ тѣхъ чудесъ, какихъ ожидаютъ отъ него въ Европѣ. „Прежде

всего, разсказываетъ д'Альвіелла появились трое мужчинъ, одинъ съ тамбуриномъ, двое съ музыкальными инструментами, напоминающими гитары. За ними слѣдовали двѣ танцовщицы, которыя славились въ Бомбеѣ своей необычайной красотой, хотя ихъ наружность не предстивляла ничего особеннаго. Такія танцовщицы зарабатываютъ въ вечеръ до тысячи франковъ. Въ противоположность нашимъ балетчицамъ ихъ одежда на сценѣ скромнѣе, чѣмъ на улицѣ. Шея обѣихъ танцовщицъ была прикрыта платьемъ до горла; юбки спускались широкими складками; шаровары плотно прилегали къ щиколкамъ. „Nautsch", т. е. національный танецъ, состоялъ больше изъ пѣнія, нежели изъ танцевъ. Только время отъ времени та или другая изъ молодыхъ дѣвушекъ, танцуя, достигала средины залы, съ руками приподнятыми надъ головой, и при этомъ дѣлала легкія движенія бедрами, такъ что золотыя монеты привѣшанныя къ повязкамъ рукъ и ногъ, издавали своеобразный мѣрный звукъ. Пѣсни, которыми сопровождались риѳмическія движенія тѣла были любовнаго содержанія, но по грустному нѣсколько гнусливому напѣву можно было принять ихъ за гимны. Движенія танцовщицъ не были лишены извѣстной граціи, но трудно было вынести цѣльное впечатлѣніе при непониманіи языка и отсутствіи какихъ либо живыхъ элементовъ, которые мы напрасно надѣемся найти на востокѣ".

Если мы примемъ во вниманіе, что свадебныя празднества длятся цѣлую недѣлю, то мы можемъ легко себѣ представить, какіе чрезвычайные расходы связаны съ подобнымъ событіемъ. Это едва ли не единственная роскошь, которую позволяютъ себѣ индусы, но она иногда сразу разоряетъ недостаточныя семьи, такъ какъ у нихъ не хватаетъ мужества отказаться отъ стараго обычая. Такимъ образомъ рожденіе дѣвочки считается несчастьемъ и знатные ражпуты изъ боязни будущихъ расходовъ по случаю ея свадьбы предпочитаютъ топить своихъ дочерей въ тепломъ молокѣ, немедленно послѣ ихъ появленія на свѣтъ божій. Вообще умерщвленіе дѣтей женскаго пола въ большомъ ходу въ Индостанѣ (Revue d'Antropologie Vol. III p. 705—706. Globus, Bd. XVIII s. 30. Bd. XX s. 256). Многія дѣвушки вслѣдствіе недосмотра становятся больными и увѣчными. У племенъ, убивающихъ дѣтей женскаго пола, даже составилась особая брачная гильдія маклеровъ, которые крадутъ или даже покупаютъ дѣвушекъ съ цѣлью доставить взрослымъ мужчинамъ возможность купить себѣ женъ. Въ Манникгунгэ, близь Калькутты, существовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и, можетъ быть, существуетъ до сихъ поръ, формальный рынокъ, гдѣ тринадцатилѣтнія дѣвушки были выставлены для продажи.

Общественная жизнь индусовъ вращается около домашняго очага, хотя послѣдній весьма мало соприкасается съ внѣшнимъ міромъ, потому что домъ, а именно у высшихъ кастъ во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ святыню, гдѣ отецъ пользуется почти безграничной властью и въ то-же время долженъ заботиться объ удовлетвореніи физическихъ и духовныхъ потребностей семьи. Женатые сыновья вводятъ своихъ женъ подъ отцовскую кровлю, подъ которой выростаютъ и внуки. На ряду съ главой семьи стоитъ его супруга, которая по своему положенію обязана совмѣщать въ себѣ весьма разнообразныя и трудныя обязанности. Ея главная добродѣтель заключается въ бережливости, потому что индусъ по своему характеру врагъ всякой расточительности. Кромѣ того жена индуса представляетъ собой образецъ преданности, цѣломудрія и самоотреченія. Она въ большинствѣ случаевъ умна отъ природы и обладаетъ хорошей памятью, но вообще мало образованна, хотя воспитаніе дочери почти исключительно въ ея рукахъ. Невѣстки безусловно представляютъ собой самыхъ жалкихъ членовъ семьи, потому что не имѣютъ никакого самостоятельнаго занятія и находятся подъ полнымъ контролемъ свекрови. За исключеніемъ послѣдней весь женскій персоналъ семьи ведетъ крайне замкнутую жизнь и собственно имѣетъ сношенія съ одними дѣтьми. Женщины

не могутъ отлучаться изъ дому безъ дозволенія главы семьи и даже входить въ комнаты мужчинъ. Онѣ не смѣютъ, ни поднять покрывала, ни даже говорить съ своими мужьями въ присутствіи свекрови. Равнымъ образомъ считается неприличнымъ, если женщины ѣдятъ при мужчинахъ, такъ что пока эти не кончатъ своего обѣда, онѣ сидятъ на полу и торпѣливо ждутъ своей очереди. Онѣ обязаны наравнѣ съ дѣтьми купаться три раза въ день и мѣнять платье, потому что въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ чистоплотности имъ не дозволено взять въ руки ни одной домашней работы. Ихъ развлеченія весьма ограничены; тѣ изъ нихъ, которымъ далась грамотность читаютъ; другія занимаются шитьемъ и игрой въ карты, или слушаютъ дѣтскіе разсказы, но при этомъ не выказываютъ особеннаго пристрастія къ чему либо фантастическому, что вообще свойственно индійскому характеру, какъ это видно по многочисленнымъ индійскимъ сказкамъ, дошедшимъ до насъ. Впрочемъ всѣ помыслы дѣвушекъ чуть ли не съ пятилѣтняго возраста обращены на супружество, и онѣ усердно молятся, чтобы судьба послала имъ вѣрныхъ и любящихъ мужей. Женщина въ Индіи всего больше боится, чтобы мужъ совмѣстно съ ней не взялъ второй жены, потому что здѣсь полигамія разрѣшена, если у первой жены нѣтъ дѣтей. Но едва ли не худшее для нея несчастье вдовство. Если она потеряла мужа прежде, чѣмъ оставила домъ родителей, то должна всю жизнь оставаться вдовой. Ея считаютъ нечистымъ и отверженнымъ существомъ, и она не можетъ больше принимать участіе въ общественныхъ и домашнихъ событіяхъ. Впрочемъ въ новѣйшее время было нѣсколько случаевъ замужества вдовъ, что прежде составило бы неслыханное событіе. Прежній общій обычай „sati“ или „sutti“—(по которому жена должна была броситься въ костеръ, на которомъ сожигали трупъ ея мужа и подвергнуться той-же участи) — почти вышелъ изъ употребленія и встрѣчается только изрѣдка внутри страны, гдѣ вліяніе англичанъ слабѣе и нѣтъ лицъ, которыя донесли бы объ этомъ властямъ.

Впрочемъ положеніе индусскихъ женщинъ замѣтно измѣнилось въ послѣднее время, подъ вліяніемъ англичанъ. Мыслящіе индусы, которые имѣли случай познакомиться съ преимуществами западной культуры, по возможности примѣняютъ ее къ своимъ женамъ и дочерямъ. Женское образованіе уже сдѣлало значительные успѣхи, такъ что вообще существуетъ до 2000 женскихъ школъ, въ которыхъ получаютъ воспитаніе 50000 учениць. Но если принять во вниманіе громадное протяженіе страны, занимающей двѣ трети пространства всей Европы, и численность туземнаго населенія, доходящаго до многихъ милліоновъ, то этотъ прогрессъ окажется недостаточнымъ. Равнымъ образомъ нельзя упускать изъ виду, что школьное образованіе недоступно для значительнаго числа индійскихъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя проводятъ всю свою жизнь въ уединеніи „Zenana“ (женскіе покои); и если не будетъ возможности внести сюда просвѣщеніе, то онѣ не могутъ и не станутъ искать его. Вслѣдствіе этого въ Англіи составилось общество, которое посылаетъ желающихъ въ качествѣ учительницъ „Zenana“. Само собой разумѣется, что посѣянныя этимъ способомъ сѣмена не могутъ скоро созрѣть. Съ другой стороны было бы ошибочно думать, что слабое образованіе индусскихъ женщинъ не представляетъ счастливыхъ исключеній, такъ какъ новѣйшая индійская литература имѣетъ свои женскія знаменитости и въ этомъ отношеніи не уступаетъ Германіи. Въ Индостанѣ женщины писательницы исключительно посвящаютъ себя поэтическому творчеству и, помимо своего имени, носятъ еще другое, которое непосредственно относится къ ихъ произведеніямъ.

Если умираетъ брахманъ, кшатрія или ваисія, то его сыновья или внуки устраиваютъ сообразно своимъ средствамъ богатый катафалкъ, и кладутъ на него покойника, завернутаго въ шаль или въ шелковый платокъ. Умершему обыкновенно брѣютъ голову; послѣ этого старшій сынъ связываетъ ему

руки и выноситъ изъ дому вмѣстѣ съ братьями или родственниками. Остальные домочадцы сопровождаютъ трупъ до костра; и на пути бросаютъ черезъ него въ народъ цвѣты, сладости, мѣдныя и серебряныя деньги со словами: Sri Ram nam sat hai, т. е. „имя Сри Рамъ есть истинное“. По прибытіи на мѣсто сожженія, тѣни усопшаго приносятъ жертву, въ видѣ рисоваго шара, (сдѣланнаго изъ риса, простаго и кипяченаго молока и цвѣтовъ); затѣмъ около покойника на четыре стороны поливаютъ землю водой и разбиваютъ глиняный сосудъ. По окончаніи этой церемоніи трупъ кладутъ на костеръ въ шали или платкѣ, а иногда безъ всякой одежды и сожигаютъ; на четвертый день собираютъ оставшіяся кости и бросаютъ въ Гангъ. Домъ, въ которомъ былъ покойникъ, считается нечистымъ впродолженіе двѣнадцати дней. Четыре года спустя послѣ смерти, въ память умершаго устраивается особое торжество („sradh“), на которомъ брахмановъ угощаютъ различными кушаньями, потому что ѣда и питье на первомъ планѣ при подобныхъ празднествахъ. Достаточные люди ежегодно устраиваютъ поминки.

Обычаи у сики существенно отличаются отъ индусскихъ. Настоящіе сики ненавидятъ брахмановъ и обходятся безъ нихъ; они также не признаютъ Веддъ и другихъ священныхъ сочиненій индусовъ и только святой „Granth“ (книга) служитъ руководствомъ ихъ вѣры и жизни. Равнымъ образомъ кастовое дѣленіе не имѣетъ у нихъ значенія и они не носятъ священнаго шнурка, который въ употребленіи у трехъ высшихъ индусскихъ кастъ. У сики, вмѣсто наложенія священнаго шнурка, въ обычаѣ церемонія посвященія „tahul“, которая совершается надъ мальчиками семи—десяти лѣтъ въ Армитсарѣ, гдѣ находится святой храмъ сики. Эта церемонія происходитъ слѣдующимъ образомъ: пять сики, въ которыхъ долженъ быть непримѣнно „грантхи“ (т. е. чтецъ св. книги „Granth“) собираются у пруда святаго храма и наполняютъ сосудъ водой, въ который кладутъ немного сахару и мѣшаютъ обоюдоострымъ кинжаломъ. Посвящаемый стоитъ съ сложенными ладонями рукъ, приподнятыхъ кверху и произноситъ краткій символъ вѣры, переложенный на стихи. Грантхи брызгаетъ немного воды ему въ лицо и на него самаго и подноситъ ему сосудъ для питья; при этомъ посвящаемый восклицаетъ „Wah Guru!“ (Хвала Гуру!), Gurujl ki fathe! (Да побѣдитъ Гуру!), послѣ чего присутсутствующіе допиваютъ воду, оставшуюся въ сосудѣ. Заключеніемъ церемоніи служитъ купанье въ священномъ прудѣ. Въ былыя времена, повидимому, посвящали и дѣвушекъ; теперь этотъ обычай вышелъ изъ употребленія. Но вообще сики не утруждаютъ себя церемоніями; ихъ главная заповѣдь заключается въ чтеніи священной книги „Granth“ или въ слушаніи чтенія, которое обыкновенно производится грантхи въ dharmsal'ѣ (мѣсто сборища сики). Сики женятся нѣсколько позднѣе. нежели индусы, и отчасти поэтому представляютъ собой болѣе сильную породу людей. При свадьбѣ присутствуютъ одни грантхи, которые читаютъ соотвѣтствующую главу изъ святой книги; но при этомъ брачную чету не обводятъ четыре раза вокругъ огня, какъ у ундусовъ. Сики никогда не стригутъ, ни бороды, ни волосъ, а привязываютъ ихъ длинными косами вокругъ головы. Они носятъ узкіе штаны и высокую чалму, въ которой положено огниво, что обязательно для каждаго сики. Они также сожигаютъ своихъ мертвыхъ, но при этомъ не признаютъ „sradh“ и другія индусскія церемоніи, считая ихъ безбожными и ограничиваются чтеніемъ „Grandh“. Впрочемъ многіе сики придерживаются кастоваго дѣленія и пользуются услугами брахмановъ наравнѣ съ остальными индусами. Они считаютъ себя послѣдователями (сики) Нанака, также признаютъ святость „Granth“, только не отдѣлились отъ остальныхъ индусовъ. Извѣстно, что въ нынѣшнее время сики снова стремятся къ слiянію съ индусами, а именно съ тѣхъ поръ, какъ они лишились свѣтской власти и временныхъ преимуществъ, какія были предоставлены имъ.

Туземные магометане играютъ видную роль среди индусовъ; ихъ насчитываютъ въ Индіи до 50 милліоновъ, такъ что они составляютъ шестую часть всего населенія. Они не образуютъ особыхъ общинъ, а живутъ среди индусовъ другихъ вѣроисповѣданій, отъ которыхъ они отдѣлились вслѣдствіе принятія ислама. Введеніе ислама въ бассейнѣ Ганга относится къ одиннадцатому столѣтію, т. е. ко времени вторженія афгановъ; индусы склонились передъ силой меча и приняли въ это время ученіе Магомета, какъ впослѣдстіи въ Дели, при первыхъ моголахъ. Но во всякомъ случаѣ число мусульманъ, поселившихся тогда въ Индіи было весьма незначительно; ихъ скрещиваніе съ туземцами ограничилось немногими группами, какъ, напримѣръ, патанами, потомками афганскихъ и персидскихъ завоевателей. Патановъ всего больше на сѣверо-западѣ страны, но тѣмъ не менѣе во всей Индіи число ихъ не доходитъ до двухъ милліоновъ, такъ что въ этомъ отношеніи перевѣсъ остается на сторонѣ потомковъ тюрко-татарскихъ завоевателей. Большинство нынѣшнихъ приверженцевъ ислама въ Индіи не чужеземной крови и собственно принадлежатъ по происхожденію къ низшимъ индусскимъ кастамъ. Причины перехода въ исламъ совпадаютъ съ географическимъ распредѣленіемъ „муссальманъ", какъ ихъ называютъ англичане. Послѣ Пенжаба и Синда, которыхъ не могъ миновать ни одинъ завоеватель Индіи, и, гдѣ арабы, афганы и тюркотатарскіе народы поселились въ болѣе значительномъ числѣ, нежели въ какой либо другой мѣстности, мусульманъ всего больше въ Бенгаліи. Въ Пенжабѣ и Синдѣ, вдоль всей западной границы отъ моря вверхъ до Гималаевъ, они образуютъ повсемѣстно не менѣе 80 проц. населеленія, а въ округахъ близъ Пешауэра до 90 процентовъ. Такія цифры нигдѣ не встрѣчаются въ остальномъ государствѣ. На востокъ отъ Калькутты, къ сѣверу до предгорья Гималаевъ и на западъ до суровыхъ охотничьихъ народовъ у бирманской границы тянется широкая, заселенная полоса земли, на которой нигдѣ не находится менѣе 50, и даже среднимъ числомъ до 70 проц. магометанъ. Вокругъ Дели, бывшей императорской резиденціи Великаго Могола, владѣвшаго страной до прибытія англичанъ, живетъ 20 проц. магометанъ и только къ сѣверо-западу число ихъ увеличивается до 33 проц., затѣмъ снова понижается и нигдѣ въ цѣломъ Индостанѣ внизъ до земель дельты въ Бенгаліи не превышаетъ 19 проц. Соотвѣтственно наличному составу магометанъ, дѣленіе на касты преобладаетъ, только въ мѣстностяхъ, въ которыхъ процвѣтаетъ индусскій культъ, между тѣмъ, какъ среди приверженцевъ ислама, вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ народа, значительное большинство (въ Бенгаліи до 94 проц.) не имѣютъ никакого понятія о кастахъ и безразлично называютъ себя мусульманами. Въ Аудѣ сдѣлано наблюденіе, что дѣленіе на группы и умноженіе кастъ происходитъ тѣмъ-же способомъ среди высшихъ классовъ магометанъ, какъ у индусовъ. Съ принятіемъ ислама болѣе знатныя

семьи присвоили себѣ титулы: „шейкъ", „саядъ", „патанъ" и „моголъ"; а такъ какъ исламу чужды кастовыя понятія и могли только мѣшать распространенію новаго ученія, то основой дѣленія послужило прежнее распредѣленіе на группы и занятія. Но при этомъ подъ вліяніемъ индусскаго строя, нѣкоторыя группы, сообразно условіямъ мѣстности отдѣлились отъ другихъ въ видѣ касты (Emil von Schlagintweit in der Beil. zur Allg. Ztg. vom 29 August 1877).

Основныя положенія ислама подверглись такимъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ среди индійцевъ, что подчасъ трудно отыскать слѣды прежняго ученія. Здѣсь существуетъ множество сектъ, которыя время отъ времени ведутъ между собой ожесточенную борьбу. Въ политическомъ отношеніи наибольшее значеніе имѣетъ различіе между суннитами и шіитами. Сунниты составляютъ большинство; числовыя данныя колеблятся между 89 и 96 проц. суннитовъ; остатокъ магометанскаго населенія состоитъ изъ шіитовъ. Вообще индійскій мусульманинъ чуждъ ханжества и отличается особеннымъ религіознымъ усердіемъ. Что касается фанатиковъ вахаби, которые поставили себѣ задачей непрерывные крестовые походы противъ другихъ вѣроученій и имѣютъ приверженцевъ, начиная отъ своей родины Аравіи, до южнаго конца Индіи, то они пріобрѣтаютъ мало неофитовъ и замѣтно уменьшаются въ числѣ. Только въ Пенжабѣ вахаби встрѣчаются чаще, а именно въ пограничныхъ округахъ. Замѣчательно, что въ настоящее время вахаби въ Индіи причисляются къ ходжа („chodscha"), т. е. шіитамъ, такъ какъ они вѣрятъ въ продолженіе личности Али, четвертаго калифа, посредствомъ низшествія въ его нынѣшняго преемника имама. Они воздаютъ божескія почести этому земному представителю пророка, который живетъ въ Бомбеѣ и носитъ титулъ „Ага-хана". Ходжа предпріимчивые и богатые купцы; они занимаютъ въ Бомбеѣ особенную улицу, названную ихъ именемъ и поддерживаютъ дѣятельныя сношенія съ своими единовѣрцами въ другихъ мѣстностямъ Индіи. Въ настоящее время въ Бенгаліи, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, мусульмане и индусы встрѣчаются у одной и той же гробницы и даже предметъ поклоненія у нихъ общій, только каждая группа даетъ ему другое названіе. Такъ, напримѣръ, бенгальскій мусульманинъ вмѣсто того, чтобы начинать свое письмо словами „во имя Бога", пишетъ имя индусскаго божества. Впрочемъ, обычаи магометанъ почти вездѣ одинаковы, такъ какъ они установлены Кораномъ и преданіями. Но въ Индіи къ нимъ примѣшаны многія черты, заимствованныя изъ древнихъ индусскихъ и мѣстныхъ нравовъ; при этомъ простой магометанинъ обыкновенно отличается такимъ невѣжествомъ, что едва ли стоитъ выше язычника. За исключеніемъ „калимахъ", краткаго символа магометанской вѣры, повторяемаго наизусть, онъ почти равенъ по своему развитію индусу низшаго класса; вся разница заключается только во внѣшности, а именно въ одеждѣ. Многоженство встрѣчается рѣдко въ низшихъ сословіяхъ, потому что бѣднякъ не можетъ позволить себѣ подобной роскоши, но среди богатыхъ оно составляетъ обыденное явленіе. Жены знатныхъ людей мало бываютъ въ публичныхъ мѣстахъ и не иначе, какъ наглухо закрытыя покрываломъ (при этомъ въ буркѣ или въ широкой верхней одеждѣ), между тѣмъ какъ простыя женщины работаютъ при публикѣ, въ особенности на поляхъ, гдѣ онѣ всегда безъ покрывала и въ самой скудной одеждѣ. Магометане женятся очень рано, (также какъ и индусы), отъ 12 до 14 лѣтъ, вслѣдствіе чего къ 30-ти-лѣтнему возрасту они нерѣдко имѣютъ видъ дряхлыхъ стариковъ. Нельзя не удивляться, что народъ въ физическомъ отношеніи не дошелъ до бóльшаго упадка, нежели тотъ, какой наблюдается теперь. Все существованіе магометанина, по крайней мѣрѣ въ Пенжабѣ, сводится къ тремъ главнымъ моментамъ: рож-

денію, женитьбѣ и смерти. Если онъ родился здоровымъ на свѣтъ божій, то его первые дѣтскіе годы проходятъ незамѣтно и причиняютъ мало хлопотъ его родителямъ, потому что онъ не нуждается въ одеждѣ и ходитъ нагимъ до пяти — шестилѣтняго возраста. Обыкновенно ученіе также не затрудняетъ его, такъ какъ школьная дисциплина неизвѣстна ему; въ промежутки между играми, его пріучаютъ къ работѣ, чтобы онъ могъ добывать себѣ средства къ

Сипай.

существованію. Сынъ большею частью занимается тѣмъ же ремесломъ, какъ и его отецъ. Когда ему исполнится 12—14 лѣтъ, то родители стараются пріискать ему подругу жизни, на которой онъ женится, хотя, быть можетъ, до этого ни разу не видѣлъ ее. Если родители настолько бѣдны, что не могутъ позволить себѣ значительныхъ свадебныхъ расходовъ (часто 400—800 м.), то юноша долженъ ждать до тѣхъ поръ, пока не скопится требуемая сумма; кромѣ того, сверхъ другихъ расходовъ, въ простонародьи родители невѣсты требуютъ за нее порядочную сумму и до извѣстной степени продаютъ ее. Смерть у магометанъ проходитъ довольно незамѣтно и тихо; покойника моютъ

Заклинатели змѣй въ Мадрасѣ.

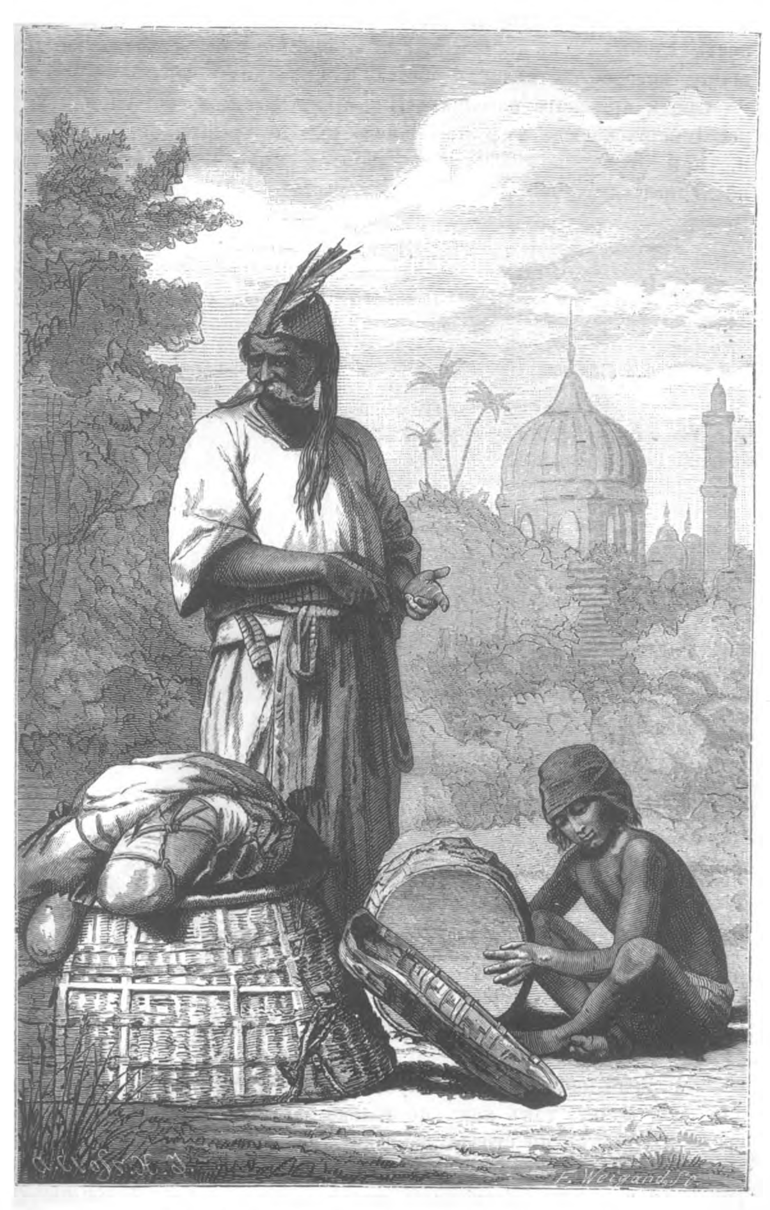
и завертываютъ въ холстъ; затѣмъ его кладутъ на простые носилки и четверо людей несутъ его скорымъ шагомъ, въ сопровожденіи немногихъ лицъ, къ мѣсту погребенія, гдѣ его хоронятъ въ тотъ же день, такъ какъ жаркій климатъ не допускаетъ дальнѣйшей проволочки. Вообще мусульманинъ грязенъ и нечистоплотенъ, а жена его отличается безнравственностью; за исключеніемъ земледѣльцевъ и торговаго класса, большинство живетъ въ бѣдности. Всѣ береговые жители славятся, какъ смѣлые мореплаватели, и даже туземная армія „сипаи“ или, какъ ихъ величаютъ англичане, „sepoy“. предпочтительно вербуется изъ магометанъ.

Среди магометанъ, индусовъ и сики встрѣчается значительное число такъ называемыхъ „факировъ“, которые ведутъ религіозную созерцательную жизнь насчетъ производительныхъ классовъ. Собственно въ Индіи подъ словомъ „факиръ“ подразумѣваютъ кающагося магометанина; среди индусовъ онъ большей частью извѣстенъ подъ именемъ „gosain“ или „goswâmi“, у вишнуитовъ — „bairagi“ у сиваитовъ — „yogi“ или „dschogi“. Эти аскеты иногда живутъ отдѣльно подъ деревьями, у могилъ или мѣстъ сожиганія мертвецовъ или цѣлыми группами по монастырямъ въ видѣ монаховъ, подъ присмотромъ „mahant“ или настоятеля. Большинство ихъ ничто иное, какъ тунеядцы, которые вмѣсто работы занимаются выпрашиваніемъ милостыни подъ религіозной маской, вслѣдствіе чего они съ давнихъ поръ сдѣлались мишенью народнаго остроумія, хотя это не мѣшаетъ имъ собирать обильную жатву, благодаря особенной благосклонности къ нимъ женщинъ. Нѣкоторые монастыри (впрочемъ весьма немногіе), отличаются строгой нравственностью и научными стремленіями, какъ напр. монастырь Нирмала Садху въ Амритсарѣ. Послушники избавлены отъ исполненія какихъ либо обѣтовъ и должны только подчиняться монастырскому уставу; они могутъ выйти изъ монастыря во всякое время и даже жениться. Эти факиры носятъ красновато-желтую (тѣлеснаго цвѣта) одежду, по которой ихъ можно сразу узнать и, въ особенности, по ихъ назойливому попрошайству, которое нерѣдко доходитъ до того, что они осыпаютъ проклятіями человѣка, неохотно подающаго милостыню

Многіе изъ этихъ факировъ настоящіе фанатики; другіе достигаютъ высшей степени человѣческаго уничиженія, какъ агхори или агхоръ-пантсъ, которые, судя по ихъ прозвищу, слывутъ за „учителей“ и нерѣдко становятся брахманами. П. Форбесъ Ватсонъ и В. Кайэ сообщаютъ о нихъ слѣдующія подробности. „Агхори представляютъ собой классъ народа, который часто можно встрѣтить у гхатъ (надъ спусками къ берегу Ганга) въ Бенаресѣ, а также подчасъ и въ другихъ мѣстностяхъ Индіи и даже въ Ассамѣ. Онѣ выдаютъ себя за оборотней и людоѣдовъ, ѣдятъ человѣческое мясо, доказываютъ, что въ мірѣ все одинаково, и что различія созданы нашимъ воображеніемъ. Побои и толчки не производятъ на нихъ никакого впечатлѣнія, равно и похвалы. Они ходятъ in puris naturalibus съ человѣческимъ черепомъ въ рукѣ, съ котораго обгладываютъ гніющее мясо, выцарапываютъ мозгъ и глаза, и затѣмъ вливаютъ въ него первый попавшій подъ руку напитокъ: водку, молоко или протухлую воду. Ѣдой служитъ имъ всякая всячина, разложившійся трупъ, пометъ домашняго скота, какое нибудь кушанье или совершенно неудобоваримая вещь. Агхори составляетъ для европейцевъ пред-

метъ ужаса и отвращенія своими взъерошенными волосами, налитыми кровью глазами и тѣломъ, покрытымъ грязью и насѣкомыми. По наружности онъ скорѣе походитъ на хищное животное, нежели на человѣческое существо. Но индусъ относится съ уваженіемъ къ этимъ несчастнымъ, и никто не рѣшится отогнать ихъ отъ своей двери. Они принадлежатъ къ наихудшему разряду людей, среди различнаго сброда, наполняющаго святой городъ Бенаресъ и способны на всякое преступленіе. Всего вѣроятнѣе, что упомянутые обычаи духовнаго сословія агхори относятся къ весьма давнему времени". Многіе факиры занимаются продажей тайныхъ врачебныхъ средствъ, талисмановъ и т. п.; другіе странствуютъ по странѣ съ лютней и барабаномъ въ качествѣ жонглеровъ, и въ этой области доходятъ до поразительнаго искусства. Заклинаніе змѣй также принадлежитъ къ числу ихъ любимыхъ занятій; они даже рѣшаются производить опыты надъ ядовитой очковой змѣей (Naja tripudians); при этомъ трудно сказать съ увѣренностью, насколько участвуетъ здѣсь простой обманъ. Нѣкоторые факиры, помимо выполненія своихъ главныхъ обязанностей, принимаютъ на себя особые, довольно странные обѣты. Одни обрекаютъ себя на постоянное молчаніе; другіе открываютъ ротъ только для звукоподражанія животнымъ; иной держитъ руку приподнятую кверху до тѣхъ поръ, пока она окончательно не приметъ этого положенія, между тѣмъ какъ его товарищъ тѣмъ же способомъ лишаетъ себя употребленія обѣихъ рукъ, и люди должны кормить его, что, впрочемъ, исполняется охотно и съ глубокимъ уваженіемъ, доходящимъ до богопочитанія. Наконецъ нѣкоторые втыкаютъ острое желѣзо въ тѣло и щеголяютъ въ этомъ видѣ передъ публикой, а іоги (yogi), благодаря долгому упражненію и гипнотизированію доводятъ себя до спячки, которая продолжается недѣли и даже мѣсяцы. Эти факиры встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ мѣстахъ, куда стекаются богомольцы, а также при религіозно-національныхъ празднествахъ, какъ напримѣръ „мела" въ Сонепурѣ, на сѣверѣ Индіи. Въ былыя времена, по случаю большихъ праздниковъ, они давали представленіе, называемое „чаракъ пуджа" („tscharak Pudscha"), которое состояло въ томъ, что въ мускулы спины продѣвали желѣзные крюки, привязанные къ канату, затѣмъ притягивали добровольнаго мученика къ поперечной балкѣ, которая вертѣлась вокругъ большаго столба на подобіе карусели. Теперь этотъ варварскій обычай вышелъ изъ употребленія (Emil von Schlaginweit, Indien in Wort und Bild. Leipzig 1880. Fol. Bd. I, s. 190).

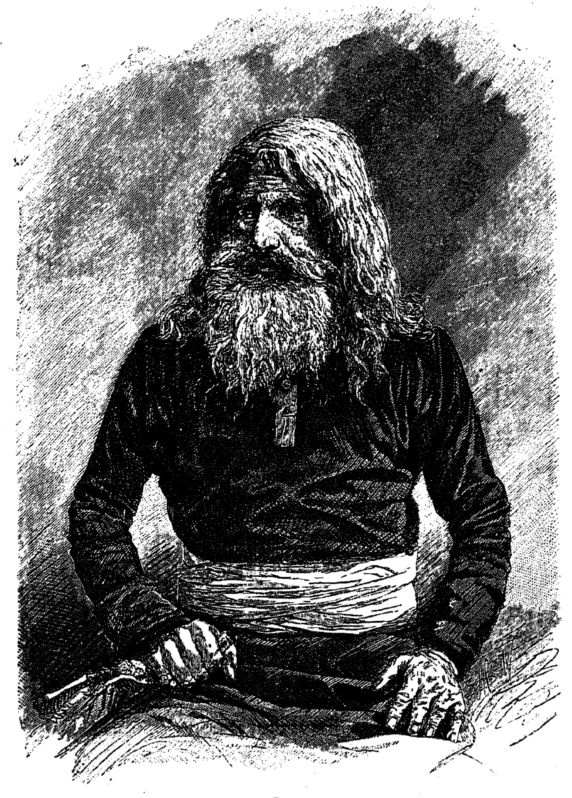
Многіе изслѣдователи отзываются самымъ лестнымъ образомъ объ умственныхъ дарованіяхъ индуса, но въ то-же время сообщаютъ мало утѣшительнаго объ его характерѣ. Онъ робокъ и услужливъ въ своемъ обращеніи съ европейцемъ и способенъ достигнуть цѣли только съ помощью хитрости, потому что не чувствуетъ никакого стремленія къ энергической дѣятельности. Тяжелый гнетъ, который продолжался столѣтіями, оказалъ особенно дурное вліяніе на характеръ индуса; нравственность его также стоитъ на весьма низкой степени. Чувство правды и мужская честь совершенно чужды ему, между тѣмъ какъ вѣроломство, измѣна и клятвопреступленіе составляютъ самыя обыденныя явленія. Въ индусѣ совмѣщаются странныя противоположности въ видѣ наружной податливости и кротости, доходящей до заботливости о больныхъ животныхъ, съ порывами дикой жестокости, хладнокровнымъ убійствомъ и обычаемъ умерщевленія дѣтей, который соблюдается здѣсь въ бо̀льшихъ размѣрахъ, нежели гдѣ либо. Что-же



Индійскій жонглеръ и сопровождающій его мальчикъ.

касается хорошихъ сторонъ индуса, то его можно похвалить за умѣренность, стойкость въ несчастіи, гостепріимство и безпрекословное послушаніе, которое составляетъ общую національную черту.

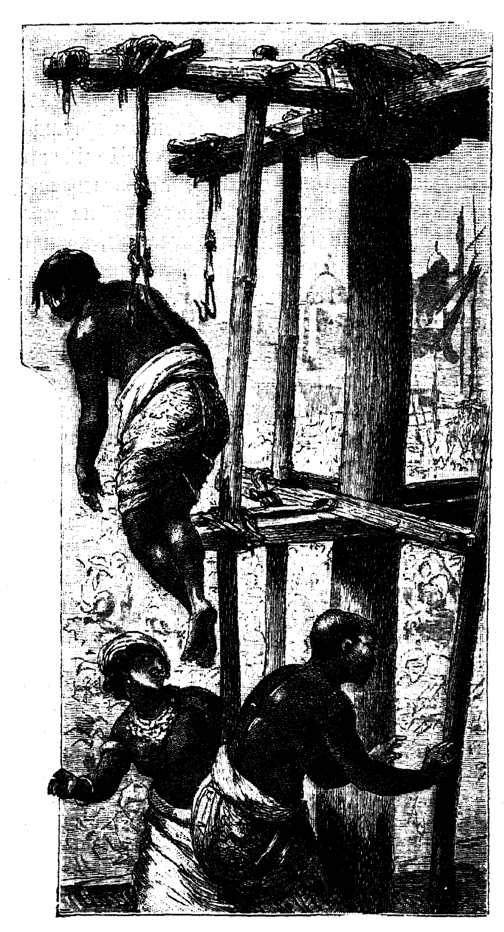
Среди арійскаго населенія Индіи мы должны еще упомянуть переселившихся сюда парсовъ; число ихъ не превышаетъ 70,000 душъ и, при этомъ, положительно клонится къ убыли. Эти персидскіе послѣдователи ученія Заратуштры искали убѣжища въ Индіи отъ



Факиръ.

ислама, враждебнаго всякой культурѣ, и нашли здѣсь подходящую для себя почву, такъ какъ не только занимаютъ почетное положеніе среди индусовъ, но стоятъ во главѣ всякаго торговаго предпріятія. Относительно цивилизаціи и знаній, они всего ближе подходятъ къ европейцамъ; ихъ религіозныя книги отличаются нравственностью и вѣрностью взглядовъ. Парсы съ большимъ упорствомъ придерживаются своихъ старыхъ нравовъ и обычаевъ, и поэтому настолько же враж-

дебно относятся къ христіанству, какъ и ихъ предки. Они ведутъ съ нимъ самую дѣятельную борьбу, какъ словесно, такъ и письменно, и съ этой цѣлью основали въ Бомбеѣ до десяти журналовъ и газетъ. Быть можетъ никто въ Индіи не обязанъ въ такой степени англій-



Религіозная церемонія „babbling чаракъ пуджа“.

скому правительству, какъ парсы; съ другой стороны они болѣе, чѣмъ кто либо, сознаютъ и цѣнятъ это, и относятся къ нему съ самой искренней благодарностью.

Повсемѣстно въ Индіи произошло сильное скрещиваніе пришлыхъ арійцевъ съ туземной дравидской расой, такъ что обѣ расы, какъ

арійцы, такъ и дравида, не могутъ считаться чистокровными. Въ сущности арійскій индіецъ не принадлежитъ къ средиземной расѣ, а представляетъ собой продуктъ скрещиванія средиземной и дравидской крови, равно какъ и культурный дравидъ не можетъ претендовать на чистоту своей расы, потому что въ немъ такая-же помѣсь крови дравида какъ и средиземной. Подобно тому, какъ для опредѣленія расы мы должны искать чистокровнаго средиземца или индогерманца внѣ Индіи, такъ и чистокровнаго дравида мы можемъ найти только тамъ, гдѣ онъ остался внѣ скрещиванія съ переселенцами чуждаго племени, а именно въ гористыхъ центральныхъ частяхъ Индійскаго полуострова. Съ этнологической точки зрѣнія дравидская раса распадается на двѣ, а включая сюда туземное населеніе Цейлона, на три существенно различныхъ между собой народныхъ племени, а именно: сѣверныхъ и южныхъ индійцевъ или племя мунда, племя дравида въ тѣсномъ смыслѣ и сингалезовъ. Что же касается языковъ различныхъ народовъ, причисляемыхъ къ расѣ дравида, то они всѣ носятъ одинъ и тотъ-же характеръ агглютинаціи, рѣзко отличающій урало-алтайскіе языки, вслѣдствіе чего многіе изслѣдователи предполагали генеологическое сродство между тѣми и другими, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что его не существуетъ въ дѣйствительности. Равнымъ образомъ между тремя подраздѣленіями дравида, мунда и сингалезами нѣтъ никакого генеологическаго сродства.

Къ мунда принадлежатъ многія некультурныя племена горной страны Чока-Нагпуръ, къ юго-западу отъ Калькутты, которыхъ обозначаютъ общимъ именемъ кольхъ. Они распадаются на множество группъ, изъ которыхъ всѣ до единой, не исключая и самой южной, предпочтительно называютъ себя именемъ племени.

Эти наиболѣе южные мунда, населяющіе провинцію Сингбумъ, извѣстны подъ именемъ ларка-кольхъ, т. е. „воинственныхъ", хотя въ настоящее время они вовсе не отличаются этимъ качествомъ. Народъ ларка, численность котораго доходитъ до 150.000 душъ, называетъ себя также хо, хоро (— человѣкъ, мужчина) и дѣлится въ свою очередь на племена „kili", члены которыхъ не могутъ вступать между собой въ бракъ. Они занимаются исключительно земледѣліемъ и пренебрегаютъ всякой другой работой. Ткацкое ремесло и кузнечество предоставлено ими индусскимъ кастамъ, вслѣдствіе чего послѣднимъ дозволено жить въ ихъ деревняхъ. Ларка самые рослые и представительные люди изъ всѣхъ кольхъ; но ихъ наружность весьма разнообразна, такъ что здѣсь можно встрѣтить отъ тонкихъ и правильныхъ до самыхъ грубыхъ, почти монгольскихъ чертъ лица. Въ цвѣтѣ кожи также замѣтно большое различіе оттѣнковъ, начиная отъ желтовато-коричневаго до темно-шоколаднаго. Ларка имѣютъ большей частью темно-каріе глаза и красивые черные волосы, то волнистые, то прямые; при этомъ женщины кольхъ причесываютъ ихъ на подобіе шиньоновъ, вплетая въ нихъ человѣческіе и медвѣжьи волоса, такъ что послѣдніе совсѣмъ прикрыты собственными волосами. Въ Кайбассѣ, главномъ городѣ провинціи, дамы кольхъ носятъ приличную и красивую одежду, между тѣмъ какъ мужчины ходятъ полунагіе. Ларка свободные собственники земли; ихъ бывшіе вожди („manki") владѣютъ отъ 12—15 деревень;

они сборщики податей и представители полицейской власти, разбираютъ возникающіе споры, самовольно назначаютъ деревенскихъ старшинъ („mund"); но при этомъ вообще кротко обращаются съ мѣстнымъ населеніемъ. Къ сѣверу отъ ларка, въ восточныхъ и юго-восточныхъ округахъ Чота Нагпуръ, равно, въ Сингбхумѣ и юго-западныхъ пограничныхъ горахъ живутъ мунда или мунда-кольхъ. Ихъ насчитываютъ до 400.000 душъ. Прозвище „мунда" дано имъ индусами и означаетъ управляемыхъ старшинами. Въ каждой деревнѣ одинъ изъ старшинъ и наиболѣе уважаемыхъ людей исполняетъ должность „мунда", т. е. старшины, мѣстнаго судьи. Народъ мунда равнымъ образомъ дѣлится на болѣе или менѣе многочисленныя племенныя семьи, члены которыхъ не могутъ вступать между собой въ бракъ. Ихъ племенныя прозвища заимствованы отъ различныхъ звѣрей, и въ этомъ они отличаются отъ ларка, съ которыми имѣютъ много общаго по одеждѣ, нравамъ, языку и обычаямъ. Форма ихъ лица менѣе правильна; приплюснутый носъ, толстыя губы и широкія скуловыя кости рѣзко отличаютъ ихъ отъ индогерманскаго типа. Они наравнѣ съ ларка имѣютъ особенное пристрастіе къ нарядамъ. На западѣ и сѣверо-западѣ, по сосѣдству съ мунда, живутъ урау-кольхъ, въ числѣ 600,000 душъ, изъ которыхъ 362,480 находится въ провинціи Чота Нагпуръ. Они также, какъ и мунда, управляются старшинами и носятъ общее съ ними прозвище, потому что урау — означаетъ „высшій". Они сами называютъ себя курункхъ, т. е. „бѣдный"; это названіе вполнѣ подходитъ къ ихъ положенію относительно побѣдителей, потому что они такой-же угнетенный и порабощенный народъ, какъ и мунда. У нихъ темный и даже иногда почти черный цвѣтъ кожи, но по физіономіи они походятъ на индусовъ и европейцевъ. Одежда походитъ на ларка; о чистоплотности они имѣютъ весьма смутное понятіе. Всевозможныя насѣкомыя находятся у нихъ въ изобиліи, но это не мѣшаетъ имъ любить всякаго рода украшенія. Урау большей частью коротко стрижетъ свои волосы и только на затылкѣ оставляетъ косу, которую мажетъ коровьимъ пометомъ и искусно свертываетъ ее, воткнувъ сверху небольшой деревянный гребень. Женщины татуируютъ себѣ лобъ и виски. По одеждѣ и образу жизни урау въ главныхъ чертахъ походятъ на другія племена, но ихъ языкъ носитъ самобытный характеръ; онъ принадлежитъ къ нарѣчіямъ дравидскихъ племенъ и схожъ съ діалектомъ тамилъ, вслѣдствіе чего Фр. Мюллеръ выдѣляетъ его, равно и раджмахалъ-кольхъ или пахаріа отъ остальныхъ діалектовъ кольхъ и племенъ мунда и причисляетъ его къ дравида въ тѣсномъ смыслѣ. Въ провинціи Мангбхумѣ и Рамгурхѣ мы встрѣчаемъ сонтхаль, правильнѣе санталь, которыхъ обыкновенно безъ всякаго основанія отдѣляютъ отъ кольхъ, хотя они представляютъ болѣе близкое сродство съ ларка и мунда, нежели урау. Они не занимаютъ точно разграниченнаго округа но встрѣчаются больше въ промежуточныхъ незанятыхъ пространствахъ земли. Они раздѣлены 87 меридіаномъ на двѣ части и простираются отъ Ганга до Байтарни. Ихъ главный центръ Санталь Перганнахъ или Санталія, гдѣ число жителей доходитъ до 200,000. Трудно сказать съ увѣренностію: дѣйствительно ли они „трусливы и малодушны", какъ говоритъ объ этомъ Гунтеръ въ своихъ Annals of rural Bengal. Во всякомъ случаѣ въ физическомъ отношеніи они вообще крѣпче бенгальцевъ, и многіе изъ ихъ женъ носятъ на себѣ 30-тифунтовую тяжесть, въ формѣ различныхъ украшеній. Ихъ наружность, судя по портрету одного санталя изъ Бхагальпурскихъ горъ, далеко не привлекательна, и они, повидимому, находятся на низкой степени варварства, такъ какъ между прочимъ „совершаютъ свои немногія религіозныя церемоніи въ пьяномъ видѣ" и „всѣ вступающіе въ бракъ въ продолженіи шести дней до свадьбы предаются разврату и сожительствуютъ съ кѣмъ попало". Они вообще веселаго, миролюбиваго характера, услужливы и не лишены умственныхъ способностей. Народъ бхумиджъ еще ближе по родству съ мунда, нежели сан-

таль; численность его доходитъ до 30,000 душъ; онъ распространенъ въ Сингбхумѣ и Дальбхумѣ между рѣками: Кассай и Субарнакекха. Къ югу отъ Сингбхума въ горахъ Катакъ и Кеанъюръ живетъ самобытный народъ джуангъ или паттунъ, который стоитъ на такой низкой степени культуры, что не имѣетъ понятія о тканяхъ и прикрываетъ свою наготу листьями. Онъ можетъ быть причисленъ къ кольхъ, равно и немногіе каррія или кхаррія, живущіе на югѣ Нагпура. Джуангъ необыкновенно малы ростомъ; мужчины рѣдко бываютъ выше 1520, женщины только 1423 мм.

Кольхъ исключителъно земледѣльцы, между тѣмъ, какъ вся городская промышленность, ремесла и торговля въ рукахъ индусовъ. Послѣдніе занимаются также всевозможными промыслами. Въ Сингбхумѣ существуетъ многочисленная каста скотоводовъ „gualos", которая занимаетъ довольно почетное положеніе; что касается низшихъ классовъ, то они повидимому состоятъ изъ гиндуизированныхъ первобытныхъ жителей и отличаются отъ остальнаго населенія болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи. Между кольхъ и индусами лежитъ цѣлая пропасть; при этомъ тѣ и другіе держаться особнякомъ отъ представителей всѣхъ другихъ не принадлежащихъ къ нимъ народностей. Такъ, напримѣръ, ни одинъ кольхъ не станетъ ѣсть за однимъ столомъ съ индусомъ или европейцемъ, какъ бы высоко они не стояли въ его мнѣніи. Тѣмъ не менѣе существуетъ различіе въ кастовомъ устройствѣ кольхъ и индусовъ; первые видятъ въ кастѣ особое соціальное положеніе, обусловленное извѣстнымъ занятіемъ, такъ какъ по ихъ понятіямъ первоначально всѣ люди были созданы одинаково. Но въ то время, какъ у индусовъ каста существуетъ въ самомъ народѣ, какъ извѣстный классъ, по сословію и профессіи, у кольхъ она совпадаетъ съ племенными различіями, такъ что можно было бы сказать каста мунда, ларка или урау, хотя вообще это учрежденіе повидимому чуждо имъ и занесено извнѣ. Кольхъ не имѣютъ никакихъ письменныхъ знаковъ, ни книгъ; ихъ діалектъ дѣлится на двѣ группы; съ одной стороны на языкъ урау похожій на тамиль; съ другой — на сродныя между собой нарѣчія мунда, ларка, санталь, бхумиджъ. Остальныя племена безъ особеннаго труда понимаютъ другъ друга; равнымъ образомъ между діалектами существуютъ смѣшанныя и промежуточныя формы. Такъ напримѣръ языкъ жителей бундгау въ сѣверозападномъ Сингбхумѣ составляетъ нѣчто среднее между мунда и ларка, но ближе къ первому. Миссіонеры особенно жалуются на трудности, встрѣчаемыя при составленіи предложеній, равно и на различіе въ самомъ способѣ мышленія и взглядахъ кольхъ сравнительно съ нашими. Религіозныя понятія кольхъ выражаются въ ихъ преданіяхъ и пословицахъ. Богъ у мунда и ларка извѣстенъ подъ именемъ „Сингбонга"; урау называютъ его „Дхарме"; — онъ творецъ самого себя. Его жилище на солнцѣ, которое создано имъ, но существуетъ отдѣльно отъ него; тѣмъ не менѣе ларка отождествляютъ Бога съ дневнымъ свѣтиломъ, и къ нему обращены молитвы и жертвоприношенія у всѣхъ кольхъ. На вѣрѣ въ Сингбонга основаны понятія о добрѣ и злѣ, и, хотя кольхъ также признаютъ единство человѣческаго рода, надѣятся на вѣчную жизнь и ожидаютъ будущаго судилища, но все это повидимому не имѣетъ у нихъ особеннаго значенія. Кольхъ, по всѣмъ описаніямъ, добродушный, воспріимчивый и честный народъ, исполненный чувства правды, который въ противоположность изолгавшимся и вѣроломнымъ индусамъ свято держитъ данную клятву. Но при этомъ нужно замѣтить, что на подобный образъ мыслей, дѣла и чувства кольхъ оказываетъ вліяніе не Сингбонга, а вѣра въ безчисленное множество злыхъ духовъ, такъ называемыхъ „бонга". Они невидимы и живутъ въ деревьяхъ, рѣкахъ, горахъ, скалахъ, но иногда показываются людямъ. Имъ молятся не въ храмахъ, а въ мѣстахъ, гдѣ предполагаютъ ихъ существованіе, большей частью въ рощѣ „sarna", находящейся при всякой деревнѣ кольхъ. Эти бонга носятъ различныя названія; въ честь имъ ларка справляютъ пять

празднествъ, при которыхъ свободно проявляются всѣ страсти и окончательно нарушается существующій порядокъ. Слуги забываютъ свои обязанности относительно господъ, дѣти къ родителямъ, жены къ мужьямъ; при этомъ нарушаются всѣ приличія и правила нравственности, въ особенности женщинами. Впрочемъ не всѣ празднества кольхъ имѣютъ такой дикій и безнравственный характеръ, хотя и здѣсь вся разница заключается собственно въ степени. Во всякомъ случаѣ ни одинъ праздникъ не обходится безъ пьянства и пляски. Почитаніе злыхъ духовъ не ограничивается оффиціальными празднествами, а непосредственно связано со всей жизнью кольхъ и санталь, которые главнымъ образомъ поклоняются двумъ злымъ духамъ „Zarnabonga" и „Jahkrburhi". У нихъ также есть идолы, въ видѣ рѣзныхъ деревянныхъ изображеній родителей, къ которымъ старшій сынъ обязанъ чувствовать почтеніе. Вѣра въ людей, одержимыхъ бѣсомъ распространена повсемѣстно; судя по разсказамъ, подобные субъекты имѣютъ ужасающій видъ, когда закованные въ цѣпяхъ, приходятъ въ безсильную ярость. Съ помощью нечистаго духа люди могутъ превращаться въ тигровъ; эти тигры, по разсказамъ, еще болѣе дики и кровожадны, нежели обыкновенные; если ихъ убиваютъ, то они снова превращаются въ людей. Естественно, что съ вѣрой въ бонго тѣсно связано колдовство. Если нельзя прямо приписать несчастіе гнѣву злаго духа, то причину послѣдняго находятъ въ заклятіи колдуна или вѣдьмы. Послѣдніе въ этомъ случаѣ должны быть убиты или изгнаны изъ страны. Чтобы отыскать виновниковъ обращаются къ „sokha" или обличителю колдовства, который съ помощью всевозможныхъ фокусовъ узнаетъ имя вѣдьмы, наворожившей несчастіе. Въ былыя времена ее убивали вмѣстѣ съ семьей; но теперь англійское правительство принимаетъ энергическія мѣры противъ подобныхъ злоупотребленій. Мужчины также, какъ и женщины обвиняются въ сношеніяхъ съ нечистыми духами, въ особенности послѣднія, и не только старыя и безобразныя, но между прочимъ и молодыя дѣвушки. Равнымъ образомъ суевѣріе кольхъ проявляется въ соблюденіи хорошихъ и дурныхъ примѣтъ. Ихъ религіозное чувство поддерживается желаніемъ сохранить имущество и оградить себя отъ всякихъ бѣдъ. Въ основѣ ихъ богослуженія лежитъ самый отъявленный эгоизмъ въ формѣ религіозныхъ обычаевъ. Пьянство и развратъ принадлежатъ къ національнымъ порокамъ и составляютъ причину распространенія дурныхъ болѣзней; къ этому нужно причислить безграничную лѣнь, между тѣмъ какъ проявленія жестокости, несовмѣстимой съ ихъ природнымъ добродушіемъ, могутъ быть объяснены суевѣріемъ (L. Nottrott. Die Gossnersche Mission unter den Kolh. Halle 1874. s. 29 — 154).

Племя савара въ провинціи Мадрасѣ, мехто въ Беласпурѣ и гадаба (гудба) въ восточномъ Бустарѣ и Джаипурѣ, повидимому, также принадлежатъ къ кольхъ, которые, несмотря на темный цвѣтъ кожи, по строенію костей и черепа, равно и чертамъ лица представляютъ сродство съ арійскимъ типомъ. Названныя здѣсь кольхъ до сихъ поръ говорятъ на своемъ языкѣ, между тѣмъ, какъ другія, причисляемыя къ нимъ племена, утратили его и приняли чуждое нарѣчіе. Къ нимъ принадлежатъ коль или кули въ Гуджератѣ, которые по имени тождественны съ предъидущими; они представляютъ собой дикое земледѣльческое племя, но по языку и нравамъ ничѣмъ не отличаются отъ брахманскихъ индусовъ. Рамузи живутъ на югѣ Пуна до Колапура; варали въ лѣсахъ на юго-востокѣ Дамана, катоди или каткари на западѣ Гхата между Пуна и Назикъ, а также на во-

стокѣ и сѣверѣ между Даманъ Ганга и Тапти. Далеко распространенное племя бхиль или бхилла живетъ въ лѣсахъ, покрывающихъ возвышенности вдоль рѣкъ Тапти, Нербудда и Махи, они простираются на востокъ до Варада у области Гонда. На югѣ они достигаютъ западнаго Гхата до Пуна и Дамана. Они встрѣчаются также въ горахъ Гуджерата и оттуда къ западу и сѣверу. Бхиль крайне смѣшанное племя; они большей частью переняли языкъ и нравы тѣхъ культурныхъ народовъ, среди которыхъ они поселены. Мера (мхаиръ) живутъ въ Аравули между Комульмеромъ и Аджмиромъ, гдѣ они занимаются земледѣліемъ; мина, племя, тѣсно сродное съ предъидущимъ, распространено въ отрогахъ горъ, которые проходятъ отъ Аджмира къ Джамуна. (F. Müller, Allg. Ethnogr., s. 462—463).

Бхиль средняго роста, около 1683 мм. высоты, и болѣе сильнаго тѣлосложенія, нежели индусы; черты лица нѣсколько грубыя носъ почти плоскій; скуловыя кости выступаютъ впередъ; черные волосы висятъ безпорядочными прядями. Діаметръ головы относительно высоты роста очень великъ и доходитъ до 335 мм. Женщины стройнѣе мужчинъ и съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Одежда бхиль состоитъ изъ набедреннаго передника („languti") въ три пальца ширины. Мужчины постоянно вооружены лукомъ и стрѣлами, которыми они даже убиваютъ тигровъ. Главное занятіе — охота и рыбная ловля. Относительно пищи они не особенно разборчивы, такъ какъ между прочимъ ѣдятъ крысъ и змѣй. Бхиль распадаются на множество племенъ; они сами дѣлятъ себя на „udschvala", т. е. „блестящіе" и „kâla", т. е. „черные", обозначая этимъ чистокровную и смѣшанную расу. Каждое племя имѣетъ отдѣльнаго вождя, князя „rawut", которому слѣпо повинуется; онъ же предводительствуетъ при всѣхъ грабительскихъ набѣгахъ. Бхиль не могутъ существовать безъ войны; если нѣтъ внѣшняго непріятеля, то они вступаютъ въ борьбу съ сосѣдними племенами; всѣ соединяются въ случаѣ общей опасности. Въ долинахъ раздается воинственный крикъ „кисри", который передается изъ одной деревни въ другую; нѣсколько часовъ спустя сотни воиновъ собираются въ опредѣленномъ пунктѣ, готовые выступить въ походъ. Деревни „pal" расположены всегда на возвышенностяхъ по направленію главныхъ дорогъ; каждый домъ образуетъ родъ крѣпости. Селеніе огорожено высокимъ заборомъ изъ кустарника и колючихъ растеній. При наступающей опасности женщины и дѣти загоняютъ скотъ въ глубокія пещеры. Кастовое устройство чуждо бхиль. Женъ берутъ изъ другаго племени; при свадьбѣ не бываетъ никакихъ праздненствъ. Въ назначенный день сходится молодежь; каждый юноша выбираетъ себѣ дѣвушку и удаляется съ нею на нѣсколько дней въ лѣсъ, когда онъ снова появляется въ обществѣ съ избранной имъ красавицей, то она считается его женой. Развода не существуетъ. Религія также носитъ самый первобытный характеръ; главными божествами признаются стихіи и болѣзни; храмомъ служитъ высокая груда камней, облитыхъ красной охрой или скала, украшенная грубой рѣзьбой. Особеннымъ уваженіемъ пользуется гигантское дерево „мховахъ" (mhowah), которое доставляетъ имъ пищу, топливо и охмѣляющіе напитки; они вѣшаютъ на его вѣтвяхъ желѣзную утварь, такъ какъ этотъ металлъ у нихъ въ большомъ почетѣ (Globus, Bd. XXI, s. 193—195). Равнымъ образомъ бхиль заимствовали нѣкоторыя религіозныя представленія у индусовъ, ставятъ Ханумани во главѣ своего пантеона, почитаютъ Махадево, Кали и т. п. Весьма немногіе изъ нихъ сдѣлались магометанами. Бхиль имѣютъ особыхъ жрецовъ („rawel") и бардовъ („bhat") и оказываютъ имъ большое уваженіе; у нихъ также есть предсказатели („bareva"), которые одновременно

съ этимъ занимаются медициной. Недавно среди бхиль появился реформаторъ по имени Сурджи. Онъ проповѣдуетъ вѣру въ единаго Бога, миръ и дружбу и беретъ клятву съ своихъ приверженцевъ, что они будутъ воздерживаться отъ всякихъ преступленій и проступковъ, спиртныхъ напитковъ и умерщвленія живыхъ существъ, а также, что они не станутъ употреблять другой пищи, кромѣ продуктовъ земли и будутъ купаться передъ ѣдой (Globus, Bd. XXIX, s. 224). Общее число бхиль доходитъ до двухъ и даже, быть можетъ, до трехъ милліоновъ душъ. Въ долинахъ Мевара встрѣчается довольно много бхилала, т. е. метисовъ бхиль и ражпутовъ, которые представляютъ собой ухудшенную породу, такъ какъ не имѣютъ ни одного изъ хорошихъ свойствъ своихъ родителей. Бхиль, по всѣмъ отзывамъ, относятся съ благодарностью за оказанныя имъ благодѣянія и свято исполняютъ данное обѣщаніе.

Племя дравида въ болѣе тѣсномъ смыслѣ распадается на десять значительныхъ, лингвистически раздѣленныхъ между собой отраслей, изъ которыхъ самая сѣверная брахни распространена въ Белуджистанѣ. Мы уже упоминали выше о брахни, равно и о племенахъ урау-й раджмахаль-кольхъ, принадлежащихъ къ второй группѣ. Послѣдніе называютъ себя также малерами, т. е. горными жителями или пахаріа; мы считаемъ нелишнимъ привести о нихъ еще нѣкоторыя подробности, такъ какъ они живутъ отъ Бхагалпура у Ганга до Бирбхума на югѣ и Рамгара на западѣ, а по другимъ извѣстіямъ отъ Раджмахала до Бурдвана. Они встрѣчаются въ чистомъ видѣ только въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, гдѣ у нихъ сохранился древній языкъ, между тѣмъ какъ на югѣ приняты ими бенгальскій языкъ и нравы. Они средняго роста и съ темнымъ цвѣтомъ кожи, хотя болѣе свѣтлымъ, чѣмъ у арійскихъ бенгальцевъ, съ широкой грудью и длинными руками; носъ у нихъ большихъ размѣровъ, чѣмъ у народовъ монгольской расы и не такъ широкъ, какъ у африканскихъ негровъ, хотя рѣдко изогнутый и съ сильнымъ утолщеніемъ на концѣ вслѣдствіе округленныхъ ноздрей. Лицо овальное, губы полныя, но не такія какъ у негровъ; глаза походятъ на европейскіе; волосы густые и висятъ прядями.

Несравненно болѣе значительную группу составляютъ тамули или тамили, которые живутъ ниже Гхата отъ Паликата до мыса Коморина и лежащей надъ нимъ горной страны. У западной границы Гхата, а именно въ южномъ Траванкорѣ отъ мыса Каморина до Тривандрама распространенъ языкъ тамиль. Численность тамули доходитъ до 7—8 милліоновъ.

Тамуле крѣпкаго тѣлосложенія, усердный работникъ, и при этомъ безусловно представляетъ собой самый образованный и предпріимчивый элементъ расы дравида, имѣетъ даже свою довольно значительную литературу, но вообще пользуется дурной репутаціей за свое вѣроломство и жестокость. Онъ признаетъ кастовое дѣленіе, которое, впрочемъ, существуетъ у него въ весьма слабой степени. Тамуле высшей касты никогда не женится на дѣвушкѣ низшей касты, но ничего не имѣетъ противъ временной связи съ нею. Тамули вѣрятъ въ высшее существо, но не придаютъ ему особеннаго значенія, такъ какъ оно не причиняетъ имъ особеннаго вреда; и, наоборотъ, относятся съ

большимъ уваженіемъ къ злому духу „Мункандиˮ, котораго они стараются умилостивить жертвоприношеніями (Globus. Bd. XXVII, s. 92). Почитаніе нечистой силы у народа тамули существуетъ съ болѣе древняго времени, нежели брахманство, и проявляется въ наиболѣе рѣзкой формѣ у „шанаръˮ въ окрестностяхъ Тинневелли. Шанаръ въ наиболѣе южныхъ частяхъ Декана составляютъ одну изъ низшихъ кастъ судра; число ихъ доходитъ до полумилліона душъ. При ихъ служеніи нечистой силѣ, кровь животныхъ замѣняетъ человѣческую, и все еще справляется церемонія, которая, повидимому, напо-

Женщина племени клингъ.

минаетъ прежнія человѣческія жертвы. Во время большой засухи дѣлаютъ человѣческую фигуру, которая должна изображать „великаго грѣшникаˮ; затѣмъ ее съ шумомъ тащатъ по улицамъ, осыпая побоями и бранью, и въ заключеніе сожигаютъ среди плача и воплей на общественномъ кладбищѣ (Globus, Bd. XVIII s. 134). Между тумули встрѣчается очень много брахмановъ, первобытныхъ арійскихъ переселенцевъ, которые имѣютъ притязаніе на чистоту крови, но, повидимому, уже не представляютъ больше собой настоящихъ арійцевъ, а по черному цвѣту кожи едва ли уступаютъ самымъ чер-

нымъ паріа. Къ тамули принадлежитъ также рабочее населеніе сѣвернаго и сѣверо-западнаго Цейлона, которое едва ли превышаетъ полмилліона. Равнымъ образомъ къ тамули нужно причислить такъ называемыхъ клингъ или калинга, которые встрѣчаются въ приморскихъ городахъ задней Индіи и Малайскаго архипелага. Коричневый полунагой клингъ въ одномъ мѣстѣ является въ видѣ возницы, въ другомъ — ливрейнаго лакея; онъ прислуживаетъ за столомъ, спитъ ночью на циновкѣ у двери своего господина, исполняетъ должность лодочника, носильщика, прачки, цирюльника и т. п.; только никогда не занимается ремеслами. Кромѣ того къ тамули причисляются, по крайней мѣрѣ, по языку дикія племена ируларъ и курумбаръ, которыя живутъ въ Нилгерри на сѣверъ отъ Коимбатура; изъ нихъ послѣдніе особенно заслуживаютъ вниманіе, потому что представители этого племени пользуются у бадага большимъ уваженіемъ въ качествѣ жрецовъ и колдуновъ. Въ каждомъ округѣ у бадага можно встрѣтить отдѣльнаго жреца изъ племени курумбаръ, котораго призываютъ во время посѣва и жатвы для открытія полевыхъ работъ; кромѣ того часто обращаются къ его помощи, когда хотятъ предохранить поле отъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Еще значительнѣе телугу или телинга. Судя по названію мѣстечекъ и стариннымъ извѣстіямъ, они были нѣкогда распространены до устья Ганга; теперь они отодвинулись къ берегу и живутъ вдоль его почти до Мадраса; внутри страны они соприкасаются на западѣ съ канарезами, а на сѣверѣ съ махратами и индусами. Телугу входитъ въ составъ 20-ти-милліонаго индійскаго населенія; но тѣмъ не менѣе они сохранили свой родной языкъ. Это нарѣчіе имѣетъ общіе корни съ тамиль, но вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей во флексіяхъ и діалектическихъ видоизмѣненій, изъ телугу образовался особый языкъ, который отличается отъ тамиль, какъ португальскій отъ испанскаго, нѣмецкій отъ датскаго. Сосѣди не понимаютъ ихъ и даже пограничные жители не овладѣли ихъ языкомъ. Телугу выше и сильнѣе, нежели тамули; стройная фигура, широкія плечи и правильныя черты лица придаютъ имъ сходство съ индусами сѣверной Индіи. Телугу придерживается своей касты, и не жалѣетъ расходовъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы выставить въ благопріятномъ свѣтѣ своихъ сотоварищей; здѣсь не существуетъ рабскаго подчиненія относительно высшихъ кастъ; невольничество, повидимому, никогда не было въ обычаѣ. Исламъ нашелъ болѣе легкій доступъ у телугу, нежели гдѣ либо.

Телугу неохотно разстается съ оружіемъ. Въ англійскихъ владѣніяхъ ношеніе оружія запрещено закономъ, но въ Хайдарабадѣ всѣ вооружены и даже дѣти носятъ за поясомъ кинжалы или пистолеты. Каждый знатный человѣкъ обязанъ имѣть пять сортовъ оружія; это магическое число пополняется ружьемъ въ два метра длины, большею частію съ кремневымъ замкомъ, золотой или серебряной насѣчкой на стволѣ и вкладнымъ прикладомъ, двумя пистолетами, кривой шпагой и кинжаломъ въ формѣ полумѣсяца. Это оружіе всегда держится на-готовѣ: ружье и пистолеты заряжены, шпага выточена. Въ спокойное время никто не думаетъ прикасаться къ нимъ; они непосредственно служатъ для украшенія; но при ссорахъ клинки моментально вынимаются изъ ноженъ. По духу предпріимчивости телугу превосходятъ остальныхъ жителей южной Индіи. Въ противоположность другимъ индусамъ, которые привязаны къ

своей родинѣ и скорѣе готовы умереть съ голоду, нежели переселиться въ другую, болѣе благодатную мѣстность, телугу спокойно оставляютъ свою родину и нерѣдко достигаютъ на чужбинѣ обезпеченнаго и почетнаго положенія. Уже въ древнія времена у нихъ были цвѣтущія колоніи среди тамиль, и даже теперь ежегодно до 70,000 телугу и тамиль переселяются на Цейлонъ, изъ которыхъ возвращаются на родину не болѣе 53,000. Телугу не раздѣляетъ предразсудка правовѣрныхъ индусовъ, что человѣкъ, совершившій морское путешествіе, потерянъ для своей касты. Не только цѣлыя семьи и мужчины отправляются на Цейлонъ, но и молодыя дѣвушки ѣдутъ туда искать счастья въ качествѣ проститутокъ и нерѣдко получаютъ большіе доходы. Въ оффиціальномъ отчетѣ о Корингѣ за 1877 годъ, упомянуто между прочимъ, что одна изъ этихъ дщерей веселія, пожертвовала на построеніе новаго храма 60,000 марокъ.

У телугу, какъ и у ихъ сосѣдей малабаровъ на юго-западѣ, среди земледѣльческаго класса, а именно у различныхъ низшихъ кастъ господствуетъ поліандрія, какъ, напр., у редди (375,061 душъ), тоттіяръ (29,499), наиръ въ Малабарѣ (327,211) и въ государствѣ Траванкоръ, а равно мапилла (mopla), гдѣ встрѣчаются магометанскіе фанатики; число послѣднихъ въ Малабарѣ доходитъ до 612,789 душъ. Подъ словомъ поліандрія подразумѣваютъ своеобразный обычай, по которому нѣсколько мужчинъ, состоящихъ въ близкомъ родствѣ, имѣютъ совмѣстно одну жену. Въ настоящее время подобный обычай существуетъ только у народовъ, стоящихъ на самой низкой степени культуры. Въ южной Индіи это составляетъ крупное общественное зло, которое ведетъ къ нравственнымъ страданіямъ, недовѣрію, ревности, семейнымъ раздорамъ и непримиримой ненависти. Высшія власти и миссіонеры напрасно ведутъ борьбу противъ этого безнравственнаго обычая, существованіе котораго съ одной стороны поддерживается дурнымъ мнѣніемъ, какое индусъ низшаго сословія имѣетъ о женщинѣ, и корыстолюбіемъ священнослужителей. Дѣвушка 16—20 лѣтъ выходитъ замужъ за 5—6 лѣтняго мальчика и немедленно вступаетъ въ сожительство съ его взрослыми родственниками, не исключая своего свекра; обвѣнчанный мужъ считается отцомъ всѣхъ ея дѣтей и, когда достигнетъ зрѣлости, то имѣетъ передъ собой некрасивую, устарѣвшую жену и въ свою очередь предается разврату. Въ южной Индіи при этихъ условіяхъ у женщины совершенно исчезаетъ чувство стыдливости; но изъ предосторожности она старается не выказывать привязанности къ людямъ другой касты, потому что это считается нарушеніемъ супружеской вѣрности. Поліандрія ведетъ къ полному перевороту въ постановленіяхъ прежняго имущественнаго и наслѣдственнаго права. Приданое, получаемое мужемъ за женой при женитьбѣ, переходитъ по наслѣдству къ ней и ея дѣтямъ; все остальное имущество послѣ смерти мужа переходитъ къ его сестрамъ, ихъ сыновьямъ и дочерямъ, внукамъ и внучкамъ, сестрамъ матери и ихъ дѣтямъ, въ крайнемъ случаѣ къ бабкѣ съ материнской стороны. Въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ, оставшееся имущество получаютъ священнослужители и общественныя учрежденія безъ различія религіи, хотя бы умершій былъ индусъ, магометанинъ или христіанинъ. Этотъ порядокъ наслѣдованія по женской линіи называется „Aliya Santana“ или „Marumakkatâyam“. Ученые пытались различнымъ способомъ объяснить поліандрію. По всѣмъ вѣроятіямъ она представляетъ слѣдствіе жизни, исполненной нужды и лишеній, потому что она не встрѣчается у высшихъ и достаточныхъ классовъ и свойственна только беднѣйшимъ слоямъ населенія (Schlgintweit, Indien, Bd. I s. 98—101).

Канарезы (каннади, карната) живутъ въ Маизурѣ и Канара. Сѣверозападная граница, которая начинается ниже Годавери, составляетъ страну махраттовъ, восточную границу владѣній телугу и та-

миль и западную границу земли тулу. На югѣ область канарезцовъ простирается за горную равнину Майссуръ. Къ канарезцамъ примыкаютъ по языку дикія племена котаръ или кохатаръ и бадагаръ (бургхеръ), живущія въ лѣсахъ Нилгерри между Майссуромъ и Коимбаторомъ. Далѣе къ нимъ принадлежатъ кудагу, кодугу или кургъ некультурное племя, населяющее горную страну, которая лежитъ между рѣкой Гемавати на сѣверѣ и ущельемъ Тамбатшери на югѣ и граничитъ на западѣ южнымъ Канара и сѣвернымъ Малаяла, а на востокѣ Майссуромъ. Языкъ кодугу примыкаетъ къ древнему канарезскому нарѣчію, но въ немъ встрѣчается множество словъ, заимствованныхъ изъ тамиля и малаялама.

Котары, презираемое племя, которое исключительно посвятило себя промысламъ. Они изготовляютъ всѣ деревянныя, металлическія и кожаныя издѣлія, равно и веревки и снабжаютъ ими остальныя племена. При этомъ они хорошіе музыканты, мѣстами занимаются земледѣліемъ; но имъ запрещено держать буйволовъ и доить ихъ, такъ какъ это занятіе считается священнымъ. Котары не гнушаются падалью и усердные потребители опіума; всѣ другія племена избѣгаютъ сношеній съ ними, вслѣдствіе ихъ неопрятности. Число ихъ доходитъ приблизительно до 1,000 душъ.

Бадагары составляютъ населеніе въ 15,000 душъ; они живутъ въ 300 деревняхъ и распадаются не менѣе, какъ на 18 кастъ, изъ которыхъ каждая представляетъ свои особенности. Названія ихъ слѣдующія: водеару, конгару, адикари (которые въ свою очередь дѣлятся на ланга и мясныхъ адикари), канакару, тшитри, белли, харувару, хаттара, анеару, мари, каштури, думахъ, гонайя, кумбарару, маника, двѣ касты веллаларъ и тореа. Первыя семь кастъ образуютъ родъ аристократіи; изъ нихъ каждая въ отдѣльности гордится своимъ дворянствомъ и считаетъ, что всѣ остальныя касты далеко уступаютъ ей въ знатности. Послѣдняя каста тореа представляетъ собой паріевъ среди бадагаръ. Имъ запрещено ѣсть за однимъ столомъ съ людьми другихъ кастъ; при этомъ они осуждены на самыя унизительныя занятія. Бадагары земледѣльческій народъ. Они съ большимъ усердіемъ обрабатываютъ свои поля, а именно ихъ жены, которыя отличаются неутомимымъ трудолюбіемъ и энергіей. Въ своемъ образѣ жизни бадагары вообще заимствовали многое отъ индійцевъ. Ихъ религія заключается въ служеніи Сивѣ, но въ видоизмѣненной, чувственной формѣ. Обыкновенно „mahalinga" состоитъ у нихъ изъ большаго неотесаннаго камня продолговатой формы. У входа въ храмъ стоитъ священный быкъ (Basappa). Кромѣ того бадагары воздаютъ божескія почести камнямъ, могильнымъ холмамъ, остаткамъ древнихъ зданій и другимъ вещественнымъ предметамъ, которые были освящены старѣйшинами или деревенскими жрецами. При этомъ вездѣ играетъ большую роль страхъ передъ злобой и могуществомъ боговъ и нигдѣ не замѣтно ни малѣйшаго признака вѣры въ ихъ милосердіе и благость.

Жители Кургъ или кудагу представляютъ собой красивую атлетическую породу людей, обыкновенно выше средняго роста и за немногими исключеніями хорошаго тѣлосложенія. Женщины сравнительно ниже мужчинъ и большею частью средняго роста, хотя довольно неуклюжи. Представители обоихъ половъ весьма трудолюбивы и почти исключительно посвящаютъ себя земледѣлію; мужчины между прочимъ занимаются охотой. Кудагу хорошо одѣты; мужчины носятъ чалму и длинное платье до ногъ, подпоясанное шалью или платкомъ; къ этому поясу они привязываютъ тяжелый наирскій ножъ. Женщины завертываютъ себя въ широкую шерстяную ткань, которая опускается складками до колѣнъ и повя-

зываютъ голову бѣлымъ платкомъ. Оба пола, по окончаніи работы, ежедневно купаются въ теплой водѣ. Въ Кургѣ равнымъ образомъ господствуетъ обычай одновременнаго сожительства женщины съ нѣсколькими братьями; но этотъ обычай начинаетъ нѣсколько приходить въ упадокъ. Наиболѣе значительныя мѣстечки въ странѣ, которыя можно назвать городами, населены наирами т. е. брахманскими судра. Въ сосѣднемъ Малабарѣ наиры принадлежатъ къ брахманской индусской кастѣ, а именно къ классу воиновъ, которые дѣлятся на 30 разрядовъ; они считаютъ себя воинами по происхожденію, пренебрегаютъ всякими занятіями и избѣгаютъ соприкосновія съ теіарами или земледѣльцами, которое можетъ осквернить ихъ. Въ этомъ отношеніи наиры въ Кургѣ представляются въ несравненно болѣе благопріятномъ свѣтѣ, нежели ихъ малабарскіе соплеменники, такъ какъ въ сущности не придаютъ особеннаго значенія брахманскимъ предписаніямъ.

Изъ остальныхъ группъ дравида мы упомянемъ малабаровъ или малаяла, которые распространены на Малабарскомъ берегу и по западной сторонѣ Гхата отъ Мангалора до Тривандрама, а затѣмъ тулу или тулува. Языкъ тулу, представляющій близкое сродство съ древнеканарезскимъ, былъ нѣкогда далеко распространенъ въ Канара; въ настоящее время на немъ говорятъ не болѣе 150,000 людей, на узкой береговой полосѣ и онъ замѣтно клонится къ вымиранію. Изъ племенъ, населяющихъ Нилгерри наиболѣе замѣчательное тода, туда или тударъ въ окрестностяхъ Оттакаманда; и, хотя число его не превышаетъ 700 человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу увеличивается. Ихъ языкъ представляетъ близкое сродство съ канарезскимъ. Тода пастушечье племя, которое отличается замѣчательной чистотой расоваго типа; ихъ единственное богатство заключается въ буйволовыхъ стадахъ. Хотя доказано, что они не коренные жители страны, но тѣмъ не менѣе окружающія племена, а именно бадагары считаютъ ихъ собственниками почвы въ Нилгерри и вслѣдствіе этого платятъ имъ ежегодную дань естественными произведеніями. Судя по всѣмъ описаніямъ, тода высокаго роста (среднимъ числомъ 1,80 м.) и мускулистаго тѣлосложенія, съ римскими носами, большими красивыми глазами и тонкими пучкообразными волосами, которые раздѣлены по срединѣ головы проборомъ и падаютъ по обѣ стороны локонами или свернуты въ видѣ пушистой короны, что составляетъ ихъ единственное украшеніе. При этомъ у нихъ роскошная черная борода. Строеніе черепа замѣчательно однообразное, между тѣмъ, какъ индивидуальныя способности, представляютъ рѣзкія уклоненія отъ общаго уровня остальной массы народы. Уже нѣсколько столѣтій тода ведутъ совершенно замкнутую жизнь. Избранный ими родъ скотоводства не особенно затрудняетъ ихъ и доставляетъ имъ средства къ безбѣдному и сравнительно спокойному существованію. Хотя лѣса изобилуютъ дичью, но у нихъ нѣтъ охотничьихъ снарядовъ, и имъ даже не приходитъ въ голову сохранить для посѣва извѣстную часть получаемаго ими зерноваго хлѣба; они не чувствуютъ никакого стремленія къ богатству и могуществу. Подобная неизмѣняемость, несмотря на борьбу съ

природой и соприкосновеніемъ съ культурными народами, составляетъ едва ли не самое характерное отличіе первобытнаго состоянія. Но у тода нѣтъ той жестокости, которая вообще свойственна дикимъ народамъ.

Тода распадаются на пять кастъ, которыя не вступаютъ между собой въ бракъ, а именно: пейки, пекканъ, куттанъ, кенна и тоди. Въ бракѣ господствуетъ поліандрія. Женщина, сожительствуетъ со всѣми братьями въ семьѣ мужа; дѣти по порядку рожденія принадлежатъ разнымъ отцамъ, начиная отъ старшаго брата до младшаго. Вслѣдствіе этихъ условій нѣтъ никакихъ сердечныхъ отношеній между названными отцами и дѣтьми. Отъ новорожденныхъ женскаго пола избавляются посредствомъ удушенія, и оставляютъ въ живыхъ только одну дѣвочку. Жену пріобрѣтаютъ съ помощью взноса опредѣленной суммы. Свадебная церемонія заключается въ томъ, что невѣсту приводятъ въ домъ ея будущаго мужа, гдѣ она нагибается передъ нимъ, и этотъ по очереди

Рыболовы на западномъ берегу Индіи.

кладетъ ей на голову сперва правую, потомъ лѣвую ногу. Затѣмъ она идетъ за водой для варки кушанья и, такимъ образомъ, вступаетъ въ права и обязанности хозяйки дома. Взаключеніе устраиваются пиршества. Погребальныя церемоніи, наоборотъ, очень сложны и связаны съ большими расходами. У тода двѣ подобныхъ церемоніи: одна изъ нихъ такъ называемое „зеленое погребеніе“ слѣдуетъ непосредственно послѣ смерти и заключается въ сожиганіи трупа на кострѣ; вторая — „сухое погребеніе“ происходитъ годъ спустя съ большой пышностью и сопряжено съ безумными тратами. Въ каждой деревнѣ, принадлежащей племенамъ: куттанъ, кенна и тоду есть свой деревенскій жрецъ, но онъ не приноситъ жертвъ и не исполняетъ никакихъ другихъ религіозныхъ церемоній, а долженъ только заботиться о буйволовыхъ самцахъ и доить ихъ, что считается самой священной и почетной обязанностью. Такой жрецъ избирается изъ касты пейки, которая извѣстна также подъ именемъ „moch“ (бож-

ихъ дѣтей) или изъ пеккакъ, и обязанъ выполнить извѣстныя церемоніи, чтобы, приготовиться къ своему сану. Кромѣ того въ каждой деревнѣ есть нѣсколько святыхъ отшельниковъ, которые, оставаясь въ своихъ жилищахъ, ведутъ строгую аскетическую жизнь и пользуются большимъ почетомъ въ народѣ. Само собой разумѣется, что тода вѣрятъ въ злыхъ духовъ и въ колдовство. При этомъ отдѣльныя племена взаимно считаютъ другъ друга колдунами.

Гондъ или гонда составляютъ главное населеніе Гондвана, а именно той полосы земли, которая лежитъ между Вейна Ганга, Пранита и Годаваръ на западѣ, Индравати на востокѣ и такъ называемыми горами Гондвана, т. е. горной цѣпи на югѣ Нербудда. Гонда бываютъ различнаго роста, то выше, то ниже, что нерѣдко встрѣчается у народовъ, которые частью живутъ въ горахъ, отчасти въ низменностяхъ; цвѣтъ кожи темный и даже иногда почти черный. У нихъ широкій лобъ, маленькіе глубоко лежащіе красноватые глаза, толстыя губы, густые длинные волосы, широкая грудь и удлиненныя бедра.

Ку, кхундъ, кхондъ, кандъ въ былыя времена часто отождествлялись съ гонда. Между тѣмъ они представляютъ особое племя и живутъ по сосѣдству съ послѣдними, на югѣ Маханади, въ Ранапурѣ и Чандра-Дандпатѣ, между Гумзиромъ, Даспалла и Боадомъ, на западѣ Ганджама и озера Чилька, къ сѣверо-западу до 100° 40′ восточной долготы и къ югу-западу до Буштара около 19° 40′ южной широты. Палконда и Ранапуръ находятся подъ властью вождей кхундъ, какъ вообще вся земля населеннан кхундъ, которая представляетъ богатую лѣсами, холмистую страну провинціи Орисса.

Кхундъ по существующимъ описаніямъ суровый, дикій народъ, преданный пьянству. Они отличаются воинственнымъ характеромъ и при этомъ очень гостепріимны, такъ что скорѣе готовы подвергнуться опасности, нежели нарушить этотъ древній, свято соблюдаемый обычай. Одежда у взрослыхъ мужчинъ и женщинъ состоитъ изъ платка, привязаннаго вокругъ тальи. Мужчины свертываютъ свои длинные волосы въ узелъ и прикрѣпляютъ ихъ къ головѣ или сбоку желѣзной шпилькой. Оба пола любятъ украшенія и носятъ на шеѣ цѣпочки, а на рукахъ и ногахъ обручи изъ желѣза, костей и выкрашеннаго дерева. Хижины построены изъ досокъ и съ соломенной крышей. Отъ сорока до пятидесяти подобныхъ хижинъ составляютъ деревню. Когда дома дѣлаются ветхими и грозятъ обрушиться, что случается приблизительно черезъ четырнадцать лѣтъ, то старую деревню бросаютъ и строятъ новую. Кхундъ преимущественно занимаются земледѣліемъ. Пахатная земля, принадлежащая деревнѣ, дѣлится по числу жителей на небольшіе участки, которые составляютъ неотчуждаемую собственность. Кхундъ воздѣлываютъ рисъ, табакъ, горчицу, перецъ и другія пряныя коренья. Изъ домашнихъ животныхъ они держатъ буйволовъ, рогатый скотъ, свиней и козъ. Образъ правленія строго патріархальный. Во главѣ семьи стоитъ старшій („abbaya“). Нѣсколько семействъ образуютъ деревню подъ властью деревенскаго старшины („muliko“); изъ нѣсколькихъ округовъ составляется племя, подчиненное племенному вождю. Вся земля, принадлежащая кхундъ, или такъ наызваемая Раджвара, распадается на 30 небольшихъ областей, управляемыхъ раджами, которые платятъ дань англійскому правительству. Относительно нанесенія ранъ и убійства у кхундъ господствуетъ право возмездія; въ послѣднемъ случаѣ ближайшій родственникъ убитаго обязанъ отомстить убійцѣ. Женщина въ семьѣ занимаетъ до-

вольно почетное и независимое положеніе. Когда жена недовольна мужемъ, то она имѣетъ право покинуть свой домъ и предложить себя въ жены кому либо другому. Молодежь мужскаго пола съ раннихъ лѣтъ обучается употребленію оружія, а именно лука и праща. У кхундъ, настолько же, какъ у кольхъ играетъ большую роль вѣра въ злыхъ духовъ. Ихъ вліянію приписываютъ болѣзни и другія несчастія, и поэтому стараются умилостивить ихъ жертвами. Въ извѣстную пору, какъ напримѣръ во время посѣва и жатвы, при большомъ праздникѣ („tonki"), справляемомъ съ наступленіемъ декабрскаго полнолунія, равнымъ образомъ, по поводу несчастныхъ случаевъ и эпидемическихъ болѣзней приносятся человѣческія жертвы. Для этихъ жертвъ („merias") обыкновенно служатъ дѣти, похищенныя въ равнинѣ, которыхъ формально откармливаютъ, и даже въ случаѣ достиженія зрѣлости, женятъ съ тою цѣлью, чтобы ихъ потомки могли также быть употреблены въ видѣ „merias" (F. Müller, Allg. Ethnogr., s. 471—472).

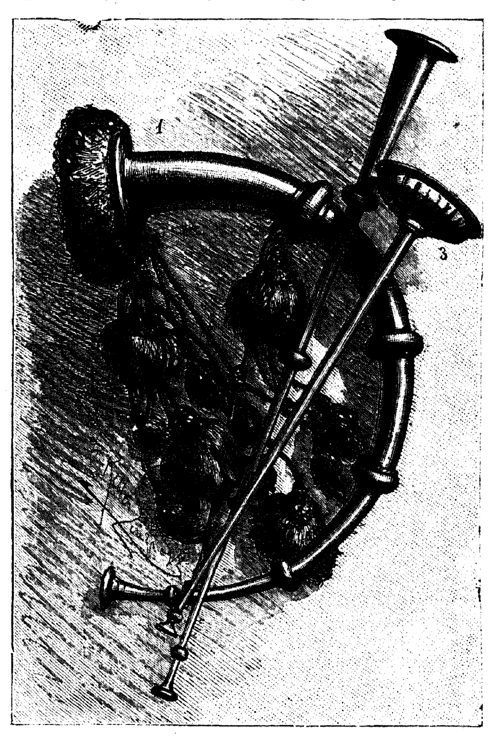
Князь изъ Ориссы.

Третью группу большой дравидской расы образуетъ первоначальное населеніе острова Цейлона, какъ это ясно показываетъ основное нарѣчіе сингалезскаго языка, элу. Въ послѣднемъ также есть гортанныя буквы, но оно благозвучнѣе южно-индійскихъ языковъ; его грамматическое строеніе отличается богатствомъ, изяществомъ и простотой; въ письменномъ, равно и въ разговорномъ языкѣ множество троппъ и метафоръ, но въ настоящее время замѣтно преобладаніе индійскаго элемента. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошло мало по малу сильное скрещиваніе съ индійцами, переселившимися съ материка. Такимъ образомъ

нынѣшніе сингалезцы уже не составляютъ болѣе чистокровныхъ дравида. Сравнительно болѣе уцѣлѣвшими остатками первобытнаго населенія можно считать веддахъ или ведда, которые живутъ въ лѣсистыхъ областяхъ такъ называемый Ведаратта, на востокъ Цейлона и къ востоку отъ горъ Махавали.

Сингалезцы средняго роста, довольно пропорціональны, вообще нѣсколько слабаго тѣлосложенія. Рослые люди составляютъ рѣдкость, но съ годами повидимому развивается извѣстная тучность и болѣе у мужчинъ, нежели у женщинъ. Вообще сингалезцы отличаются такимъ-же слабымъ развитіемъ мышцъ на ногахъ, какъ египтяне и арабы. У женщинъ часто можно встрѣтить изящныя плечи и руки, и хотя онѣ пользуются репутаціей необыкновенной красоты, но, по общимъ отзывамъ, положительно безобразны. Лица сингалезцовъ большей частью съ непріятнымъ выраженіемъ, особенно у взрослыхъ мужчинъ, которые нерѣдко ходятъ съ бритыми головами, вслѣдствіе чего еще рельефнѣе выступаетъ некрасивое очертаніе черепа. Большинство ихъ брахикефалы и даже съ остроконечными головами и сильно выступающими скуловыми костями. Носъ широкій и тупой, переносье вдавленное, губы нѣсколько вздутыя; но ротъ не особенно великъ. Форма лица овальная; мужчины всегда безбородые, вслѣдствіе чего ихъ физіономія имѣетъ женоподобный характеръ. Зубы у обоихъ половъ большей частью дурные и истертые, и вслѣдствіе постояннаго жеванія бетеля окрашены въ красноватый цвѣтъ, губы отъ сильнаго выдѣленія слюны принимаютъ тотъ же оттѣнокъ, что очень нравится туземцамъ, равно и жителямъ другихъ индійскихъ острововъ. Цвѣтъ кожи коричневый различныхъ оттѣнковъ, преимущественно каштано-коричневый; тѣ изъ туземцевъ, которые отличаются болѣе свѣтлой окраской выдаютъ себя за португальцевъ или, по крайней мѣрѣ, за ихъ потомковъ. Всего поразительнѣе прическа мужчинъ, особенно стариковъ и юношей; они зачесываютъ назадъ свои черные, прямые, большей частью замѣчательно густые волосы и придерживаютъ ихъ полукруглымъ изогнутымъ гребнемъ. Но такъ какъ послѣдній воткнутъ не на передней части головы, а надъ затылкомъ и зубья упираются отвѣстно въ кожу, то вслѣдствіе изогнутой формы гребня, оба угла его торчатъ кверху. Такимъ образомъ, если вы посмотрите спереди на пожилаго сингалезца, то при его рѣзкихъ морщинистыхъ чертахъ лица, жидкой сѣдой бородѣ и обнаженной передней части головы, упомянутые концы гребня производятъ впечатлѣніе роговъ, что придаетъ ему поразительное сходство съ чортомъ, какимъ рисуетъ послѣдняго народное воображеніе. Зачесанные этимъ способомъ волосы завязываютъ на затылкѣ узломъ, и такъ какъ молодые люди на Цейлонѣ большей частью имѣютъ нѣжную кожу и тонкія черты лица, то съ перваго взгляда подчасъ бываетъ трудно узнать: видишь ли передъ собой мужчину или женщину. Въ этомъ случаѣ васъ можетъ вывести изъ затрудненія различіе одежды. Мужчины преимущественно носятъ небольшой передникъ называемый „kombay“, который служитъ жалкимъ подобіемъ одежды и вовсе не соотвѣтствуетъ своей цѣли, то есть прикрытію наготы. Въ городахъ имъ запрещено являться въ этомъ первобытномъ костюмѣ, и поэтому они носятъ здѣсь длинный платокъ, большею частью краснаго цвѣта, которымъ обвиваютъ тѣло и ноги въ видѣ спирали. Сверхъ того они надѣваютъ иногда бѣлую куртку; тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ магометанство, носятъ бѣлый халатъ и бѣлую чалму. Одежда женщинъ состоитъ изъ юбки, доходящей до ногъ и короткой кофты, которая отчасти прикрываетъ плечи и грудь и обыкновенно не вполнѣ доходитъ до юбки, такъ что, если приподняты руки, то вокругъ таліи можно видѣть полосу обнаженной коричневой кожи, въ палецъ шириною. Ноги всегда босыя; голова также ничѣмъ не прикрыта. Прямые черные волосы при-

чесаны также какъ у мужчинъ, только немного длиннѣе. Дѣти ходятъ голыя и носятъ только небольшіе передники (Edwin Balz im Schwäb, Merk, von 13 Sept. 1877). Сингалезцы вообще кроткаго и уступчиваго характера; въ психологическомъ отношеніи они представляютъ помѣсь самыхъ противорѣчивыхъ свойствъ. Несмотря на свою воспріимчивость, они отличаются сдержаннымъ обращеніемъ. Имъ не достаетъ энергіи, а также у нихъ нѣтъ никакихъ проявленій чистосердечія, доброжелательства къ людямъ и великодушія. Они безропотно покоряются ударамъ судьбы и руководствуются въ своихъ рѣше-



1) Тутури, тромбонъ жрецовъ индусскаго храма.
2) Бхангулль, " " " "
3) Пунхама Атта, изъ Мадраса.

ніяхъ впечатлѣніями минуты; вся ихъ личность представляетъ нѣчто неопредѣленное и нерѣшительное. Тоже можно сказать и относительно буддизма (которое исповѣдуетъ большинство); они далеко не такъ упорны и строги въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, какъ индусы. Несмотря на свою лѣнь, сингалезцы занимаются хлѣбопашествомъ и особенно воздѣлываніемъ риса. Ихъ хижины представляютъ больше удобствъ, нежели у многихъ другихъ народовъ; стѣны отчасти построены изъ глины, частью состоятъ изъ циновокъ; крыша сдѣлана изъ черепицъ. Мебель довольно простая; но они издавна имѣютъ стулья, кровати и ковры, и украшаютъ ихъ слоновой костью. Домашними животными

служатъ зебу, которые употребляются для ѣзды и пашни, а затѣмъ слоны. Сингалезцы ведутъ крайне простой образъ жизни и всего охотнѣе проводятъ дни въ праздности; во избѣжаніе скуки фигляры и фокусники забавляютъ ихъ своими продѣлками, между тѣмъ какъ туземные музыканты мѣрно барабанятъ по своимъ котламъ, въ противоположность индійцамъ, у которыхъ преобладаютъ духовые инструменты. Потребности сингалезцовъ замѣтно увеличились, благодаря столкновенію съ европейцами, и старые обычаи все болѣе и болѣе исчезаютъ между ними (Louis Rousselet, l'Inde des Rajahs. Paris 1874 s. 774).

Веддахъ въ лингвистическомъ отношеніи представляютъ близкое сродство съ сингалезцами; они распадаются на два класса: джунгель и деревенскихъ веддахъ. Первые живутъ въ большихъ лѣсахъ на восточной сторонѣ острова, не имѣютъ постоянныхъ жилищъ и опредѣленной системы хлѣбопашества. Что касается ихъ умственныхъ способностей, то соображеніе и память очень мало развиты у нихъ; они даже не умѣютъ считать, что подтверждается отсутствіемъ числительныхъ именъ. Равнымъ образомъ по Гартскорну они не имѣютъ никакой религіи (Globus, Bd. XXVIII, s. 256); но это невполнѣ справедливо, потому что они вѣрятъ въ безчисленныхъ злыхъ и добрыхъ духовъ и почитаютъ своихъ предковъ. Наиболѣе дикіе изъ этихъ веддахъ встрѣчаются въ Нилгала, гдѣ они разсѣяны по всей странѣ небольшими семьями и живутъ въ пещерахъ, хотя имѣютъ нѣсколько хижинъ изъ древесной коры. Они почти исключительно существуютъ охотой, и славятся, какъ искусные стрѣлки; даже слово веддахъ означаетъ на сингалезскомъ языкѣ „охотникъ“ или „стрѣлокъ“. Ихъ главное оружіе большой лукъ въ 2 метра длины изъ упругаго дерева, которымъ они владѣютъ совершенно свободно, между тѣмъ какъ европеецъ съ трудомъ можетъ натянуть его. Ихъ кулинарное искусство въ самомъ первобытномъ состояніи, такъ что они нерѣдко довольствуются обжиганіемъ мяса на огнѣ. Хотя веддахъ довольно безобидный народъ, но тѣмъ не менѣе они внушаютъ страхъ своимъ сосѣдямъ. Ихъ супружеская жизнь можетъ служить примѣромъ для другихъ народовъ; полигамія совершенно неизвѣстна; но они преимущественно женятся на младшихъ сестрахъ. Кастъ не существуетъ у нихъ. Веддахъ ниже ростомъ, нежели сингалезцы; цвѣтъ кожи также темнѣе; при этомъ они очень дѣятельны, одарены крѣпкими мышцами и замѣчательно выносливы. У нихъ узкій, но очень высокій черепъ, почти мезогнатическій и съ слабо развитыми скуловыми костями. Лицо довольно правильное, носъ красивой формы, хотя немного приплюснутый и съ большими ноздрями; ротъ большой, губы толстыя, борода короткая и жидкая. Прямые волосы падаютъ длинными прядями на голое тѣло. Подобіемъ одежды служитъ небольшой грязный лоскутъ, которымъ веддахъ прикрываютъ свою наготу (Globus, Bd. XXXI s. 294).

Цейлонъ составляетъ британскую колонію; поэтому туземцы подчинены англійскимъ властямъ; между тѣмъ какъ въ Индіи до сихъ поръ 50 милліоновъ людей, находятся подъ господствомъ туземныхъ князей, которые большей частью носятъ титулъ „ража“ или „раджа“ (radschah). Число этихъ князей, стоящихъ въ болѣе или менѣе рѣзко выраженной вассальной зависимости отъ Англіи, доходитъ до 84. Весьма немногіе изъ нихъ непосредственно подчинены министру, къ которому они должны обращаться за совѣтомъ; большей частью во главѣ дѣлъ стоитъ коллегія „дарбаръ“, хотя ея постановленія рѣдко исполняются, такъ какъ не считаются обязательными для всѣхъ. Слово „дарбаръ“ означаетъ также парадный пріемъ, въ родѣ тѣхъ, какіе бываютъ при европейскихъ дворахъ. Въ Остъ-Индіи на этихъ пріе-

Труппа комедіантовъ изъ Сингапура.

махъ являются только знатнѣйшіе изъ туземцевъ, чтобы поднести дань и въ свою очередь получить почетные подарки. Такіе „дарбаръ“ бываютъ между прочимъ у англійскаго вице-короля въ Индіи и посѣщаются большинствомъ индійскихъ князей; само собой разумѣется, что всѣ принятыя въ этихъ случаяхъ формальности точно установлены этикетомъ. Большая часть индійскихъ государствъ пользуется благоустройствомъ, потому что ихъ властелины стараются во всемъ подражать англійскимъ властямъ.

ТИБЕТСКІЕ НАРОДЫ.

На самомъ сѣверѣ Индіи, въ области Гималаевъ живутъ племена, которыхъ нельзя причислить, ни къ дравида, ни къ арійцамъ, потому что они тибетскаго происхожденія, хотя большей частью смѣшались съ индійцами и достигли той-же степени культуры. Сюда принадлежитъ населеніе Непала и Бутана, гдѣ вліяніе сосѣдняго Тибета сказывается преобладаніемъ буддизма. Въ Непалѣ невары представляютъ собой подобный буддійскій, индійско-тибетскій народъ, затѣмъ бутія, которые, въ качествѣ пастуховъ, кочуютъ въ горахъ. Въ странѣ господствуетъ также сильное смѣшеніе языковъ, такъ что не переходя границъ Непала, можно встрѣтить не менѣе тринадцати отдѣльныхъ діалектовъ. Преобладающую расу составляютъ воинственные гурка, которые наравнѣ съ высшими народами Гималаевъ принадлежатъ къ арійской семьѣ, хотя представляютъ собой смѣшанный типъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія гурка въ наказаніе за ихъ вторженіе на Тибетъ были покорены китайцами; но впослѣдствіи имъ удалось свергнуть иноземное иго. Гурунгъ, магары и кхасы, которыхъ обозначаютъ общимъ именемъ гурка, образуютъ классъ военныхъ, отличаются храбростью и выносливостью, считаютъ себя потомками индійскихъ раджпутовъ и придерживаются брахманства. Они высокаго роста, сильнаго тѣлосложенія и пользуются хорошей репутаціей за свой честный и твердый характеръ. Остальное населеніе составляютъ индусы среднихъ кастъ, у которыхъ сожиганіе вдовъ встрѣчается довольно часто, тогда какъ въ восточныхъ полосахъ выступаетъ тибетское племя, наиболѣе многочисленное въ сосѣднемъ Сиккимѣ. Между тѣмъ внутри страны, а также въ округахъ Тераи удержались остатки первобытныхъ жителей, какъ, напримѣръ, кусунда, хаю и чепанги, которые, въ качествѣ охотниковъ, ведутъ бродячую жизнь въ лѣсахъ горнаго Непала. Но въ лингвистическомъ отношеніи, по изслѣдованіямъ Годгсона, они

представляютъ сродство съ тибетскимъ населеніемъ, такъ что послѣднее въ этихъ полудикаряхъ можетъ видѣть представителей своего прежняго до-культурнаго состоянія. Отличительными признаками здѣшнихъ туземцевъ служитъ: слабое тѣлосложеніе, незначительное развитіе мыщцъ, чрезмѣрная длина рукъ, сравнительно съ высотой роста, вслѣдствіе удлиненія локтевой кости, низкій лобъ и довольно широкія скуловыя кости. Жители Бутана, бутія, распространенные въ Сиккимѣ и Гурвалѣ равнымъ образомъ тибетскаго происхожденія; но они выше ростомъ и болѣе сильнаго тѣлосложенія; цвѣтъ кожи также нѣсколько темнѣе. У бутія черные волосы, черные, узкіе глаза и широкія лица съ выступающими скулами; они храбры и выносливы; но вообще довольно неопрятны въ одеждѣ, которая состоитъ изъ передника, шерстяной куртки и плаща. Тибетскій Далай Лама считается номинально верховнымъ свѣтскимъ главой гималайскаго государства Бутана, а именно отдѣльныхъ кантоновъ, управляемыхъ настоятелями буддійскихъ монастырей, которыхъ внѣшнее могущество затемняется духовнымъ главой „Choigyâl“ или „Déva Dhârma Radschah“. Кромѣ этого раджа и настоятелей монастырей въ Бутанѣ есть еще множество свѣтскихъ правителей, обложенныхъ данью, которые такъ безжалостно угнетаютъ своихъ подданныхъ, что даже достаточные люди одѣваются бѣдно изъ боязни возбудить алчность властей. Въ числѣ другихъ повинностей правителю доставляютъ кисловатый, возбуждающій напитокъ, „chong“, пріятный на вкусъ, но не особенно хмѣльной, который изготовляется изъ отвара темно-краснаго проса (eleusine coracana); его пьютъ или вѣрнѣе всасываютъ изъ тростинокъ. Туземцы стрѣляютъ изъ лука не только отравленными стрѣлами, но и пулями, и при этомъ мѣтко попадаютъ въ цѣль, хотя на небольшемъ разстояніи. Они защищаютъ себя отъ выстрѣловъ панцырными рубашками, желѣзными шинами и щитами изъ буйволовой кожи. Что касается нравовъ туземцевъ, то считаемъ нелишнимъ упомянуть, что въ Тибетѣ, какъ мѣстами во всей Индіи, господствуетъ поліандрія, т. е. многомужество, а именно въ той формѣ, что близкіе родственники, большей частью родные братья, довольствуются одной женой. Дѣти называютъ отцомъ только старшаго брата, а младшихъ величаютъ дядями, такъ что титулъ отца связанъ съ старшинствомъ. Но такъ какъ этотъ обычай встрѣчается только среди неимущихъ классовъ, то можно думать, что въ основѣ его лежатъ экономическія соображенія. Замужнія женщины строго соблюдаютъ супружескую вѣрность; но дѣвушки до брака открыто предаются разврату. Жители тибетскихъ Гималаевъ ниже средней величины роста европейцевъ; они отличаются отъ индійцевъ равнинъ сильно развитыми мышцами предплечья при такихъ же малыхъ размѣрахъ верхнихъ и нижнихъ конечностей, между тѣмъ, какъ горный воздухъ способствовалъ расширенію груди. Черепъ хорошо развитъ, но скуловыя кости слишкомъ широки, а подбородокъ

узокъ. Между тѣмъ переносье настолько плоско и сглажено, что въ профиль едва выступаетъ надъ глазницами и даже совершенно незамѣтно у молодыхъ субъектовъ при выпуклости глазъ. У тибетцевъ такіе-же косолежащіе глаза, какъ у чистокровныхъ монголовъ; и нужно замѣтить, что это явленіе вовсе не обусловлено строеніемъ черепа, т. е. инымъ разрѣзомъ глазныхъ впадинъ и зависитъ отъ расположенія мягкихъ частей въ окружности глазъ. Шлагинтвейтъ объясняетъ гладкую поверхность кожи вліяніемъ климатическихъ условій и указываетъ въ видѣ примѣра на гладкую лоснистую кожу чистокровныхъ тибетскихъ ордъ лепха и муреми, живущихъ въ тепломъ и влажномъ климатѣ, между тѣмъ какъ сродственныя имъ горныя племена при суровомъ и сухомъ воздухѣ имѣютъ болѣе грубую кожу (Hermann von Schlagintweit-Sakünlünski. Reisen in Indien und Hochasien. Iena 1871. Bd. II s. 25—53).

Густавъ Крейтнеръ, одинъ изъ членовъ сцехенійской экспедиціи, проѣхавшій изъ Китая въ Тибетъ, описываетъ слѣдующимъ образомъ обитателей этой страны. „Тибетцы принадлежатъ къ великой монгольской расѣ, но отличаются съ выгодной для нихъ стороны многими характерными признаками отъ своихъ собратьевъ, настоящихъ монголовъ и китайцевъ. Къ внѣшнимъ отличіямъ, болѣе или менѣе общимъ съ послѣдними, принадлежатъ: маленькіе черные глаза, выступающія скуловыя кости, приплюснутый носъ, большой ротъ и тонкія губы. При этомъ всѣ горные жители выше ростомъ и болѣе сильнаго тѣлосложенія. Когда я впервые увидѣлъ тибетцевъ, а именно въ Та-тзіенъ-лу, то они произвели на меня наилучшее впечатлѣніе. Они покинули свои высокія горы и дикія ущелья, чтобы взглянуть на насъ, европейцевъ. Ихъ величавая наружность и въ особенности спокойствіе и примѣрный соблюдаемый ими порядокъ, составляли рѣзкій контрастъ среди крикливой и шумной толпы китайскаго городскаго населенія. Вообще эти сильныя мускулистыя фигуры съ загорѣлыми, худощавыми и серіозными физіономіями далеко не производили впечатлѣнія „дикарей", какъ ихъ называютъ китайцы. Въ черныхъ, глубоко лежащихъ глазахъ, осѣненныхъ густыми спутанными волосами, просвѣчивалъ мрачный огонь религіознаго фанатизма. Не менѣе эффектна была ихъ красновато-коричневая одежда, длинная, со складками, подпоясанная желтымъ кожанымъ кушакомъ или наброшенная на плечи на подобіе римской тоги, такъ что при этомъ еще замѣтнѣе выступалъ бронзовый цвѣтъ обнаженной груди и правой руки. Дополненіемъ этого наряда служили высокіе сапоги изъ желтой кожи и серьги въ видѣ большихъ серебряныхъ и золотыхъ колецъ, осыпанныхъ бирюзой. Мужчины постоянно вооружены, и хотя не всѣ снабжены китайскими кремневыми ружьями, но у каждаго за поясомъ тибетскій мечъ. Нерѣдко мечи отличаются необыкновенно искусной отдѣлкой; рукоятка украшена большимъ коралломъ или цѣнной бирюзой; ножны богато выложены серебромъ. Каждый тибетецъ носитъ на груди золотую, серебряную или мѣдную коробочку въ видѣ талисмана противъ злыхъ демоновъ, съ разными формами заклинанія на внутренней сторонѣ. Такія золотыя коробочки обильно украшенныя бирюзой, цѣнятся очень дорого. Тибетскія женщины и дѣвушки съ волосами черными, какъ смоль, заплетенными въ двѣ косы, алыми щеками, въ широкихъ одеждахъ со складками, похожихъ покроемъ и цвѣтомъ на мужскія, въ своихъ золотыхъ, серебряныхъ, коралловыхъ и бирюзовыхъ браслетахъ, серьгахъ и ожерельяхъ, далеко превосходятъ во всѣхъ отношеніяхъ представительницъ женскаго пола въ Китаѣ. Одежда

тибетцевъ не вездѣ одинакова; въ женскихъ нарядахъ замѣтно даже большое разнообразіе и, главнымъ образомъ, относительно прически. Волосы заплетены то въ двѣ косы, то въ безчисленное множество мелкихъ косъ, связанныхъ въ одну и унизанныхъ цѣлымъ ворохомъ золотыхъ и серебряныхъ вещей и колецъ, украшенныхъ самыми рѣдкими и драгоцѣнными камнями. Мнѣ случалось встрѣчать женщинъ, которыя въ видѣ колосальныхъ шиньоновъ, накалывали себѣ на голову плетеныя косы изъ хвоста яка, между тѣмъ какъ другія прикрѣпляютъ къ волосамъ чеканенныя серебряныя чашечки, которыя от-

Житель Тибета.

свѣчиваютъ на солнцѣ, какъ два большихъ блестящихъ глаза. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины носятъ на платьяхъ и въ волосахъ нанизанные металлическіе вѣнки иногда изъ нѣсколькихъ сотъ рупій (индійская серебряная монета, стоимостью въ 2 марки). Лицо у женщинъ никогда не имѣетъ опрятнаго вида, потому что у нихъ въ обычаѣ намѣренно грязнить его. Хотя мужчины пока еще не переняли у китайцевъ обычая сморкаться въ пальцы, взамѣнъ носоваго платка, но во всякомъ случаѣ нечистоплотность тибетцевъ сразу бросается въ глаза при входѣ въ ихъ жилище.

„Тибетскій домъ, обложенный со всѣхъ сторонъ кучами навоза, скорѣе

походитъ на укрѣпленную башню, нежели на обыкновенное жилище. Вся постройка выведена изъ сѣраго песчаника безъ цемента. Оконныя отверстія, запираемыя въ случаѣ надобности ставнями, расположены изрѣдка и безъ всякой правильности вдоль стѣнъ, иногда очень высокихъ. Посѣтитель входитъ въ каменное отверстіе со сводомъ, продѣланное въ стѣнѣ, которое ведетъ въ четырехъугольныя сѣни. Въ нижнемъ этажѣ устроены хлѣвы для рогатаго скота и овецъ и конюшни для лошадей. Если домъ одноэтажный, то жилыя комнаты расположены между хлѣвами и конюшнями и отдѣлены отъ нихъ перегородками изъ досокъ. Если въ домѣ два или нѣсколько этажей, то жильемъ служитъ всегда верхній этажъ. Нигдѣ нѣтъ настоящихъ лѣстницъ. Расколотый пополамъ древесный стволъ съ глубокими зарубками служитъ передвижной лѣстницей, которая приставляется, смотря по надобности, къ той или другой двери. Жилыя комнаты представляютъ мрачныя помѣщенія, лишенныя свѣта, съ разсѣлинами въ стѣнахъ, черезъ которыя безпрепятственно проходитъ воздухъ. Слои грязи, скопившейся на стѣнахъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, время отъ времени покрываются известью и штукатуркой. Въ закоптѣломъ потолкѣ сдѣлано четырехъугольное отверстіе для выхода дыма. Очагъ устроенъ въ углубленіи землянаго пола. Плохо сколоченная деревянная подставка съ нѣсколькими наложенными сверху досками служитъ постелью для богатыхъ людей; бѣдняки спятъ на полу. Равнымъ образомъ только у достаточнаго класса можно встрѣтить низенькіе столики и два или три кожанныхъ матраца, которые служатъ любимымъ сидѣніемъ женщинъ, когда онѣ собираются по вечерамъ у пылающаго огня. Стулья и скамьи извѣстны тибетцамъ только по наслышкѣ. Дома безъ крышъ. Выложенная каменными плитами платформа заканчиваетъ строеніе. Здѣсь тибетцы раскладываютъ для просушки зерновой хлѣбъ, собранный на полѣ, и молятся передъ небольшой статуей Будды о благословеніи и благополучіи своей семьи и имущества. Въ зимнее время обитатели дома при всякой возможности собираются на платформѣ, чтобы погрѣться на солнцѣ. Тѣ изъ тибетцевъ, которые исключительно занимаются скотоводствомъ, перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто съ своими большими черными палатками, которыя они сами ткутъ изъ шерсти домашнихъ животныхъ.

„Тибетцы отличаются добродушіемъ; сношенія съ ними могли быть гораздо искреннѣе, если бы гнетъ религіи не мѣшалъ свободному развитію ихъ природныхъ свойствъ. Они чистосердечны въ словахъ и дѣйствіяхъ, во всемъ, что не имѣетъ связи съ религіей, великодушны, какъ въ частныхъ сношеніяхъ, такъ и въ торговлѣ съ вѣроломными китайцами, хотя всякій разъ остаются въ убыткѣ, когда имѣютъ дѣло съ послѣдними. Они пользуются у сосѣдей репутаціей храбрыхъ воиновъ, но ихъ мужество никогда не переходитъ въ жестокость. Мужчины охотно занимаются физическими упражненіями и при всякомъ удобномъ случаѣ взаимно пробуютъ свои силы. Они такіе же хорошіе пѣшеходы, какъ и наѣздники и готовы на невѣроятныя жертвы, чтобы имѣть лучшаго коня во всей мѣстности. Равнымъ образомъ тибетцы выказываютъ замѣчательную выносливость въ качествѣ носильщиковъ. Въ бесѣдѣ они также неутомимы, какъ и въ работѣ, и могутъ до безконечности продолжать свѣтскій разговоръ безъ малѣйшей натяжки, такъ какъ въ ихъ рѣчахъ съ полнотой содержанія соединяется остроуміе и юморъ. Только высшее общество усвоило до нѣкоторой степени формальную вѣжливость и фразистый принужденный способъ выраженія китайцевъ.

„Главную пищу тибетцевъ во всей странѣ составляетъ „dsamba“. Чтобы изготовить это кушанье насыпаютъ въ котелъ большое количество толченаго чая, заливаютъ водой и варятъ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, затѣмъ жидкость переливаютъ въ кадку, кладутъ въ нее соли и большой кусокъ масла и мѣшаютъ палкой до тѣхъ поръ, пока не разойдется масло. Въ это время

семья съ нетерпѣніемъ слѣдитъ за процедурой, и мысленно поглощаетъ содержимое кадки. Наконецъ хозяйка, къ общему удовольствію, разливаетъ похлебку присутствующимъ. У каждаго своя деревянная чаша, употребляемая для ѣды и питья, которую онъ всегда носитъ при себѣ и никому не дозволяетъ пользоваться ею. Вслѣдъ затѣмъ, хозяинъ дома приноситъ небольшой мѣшокъ съ поджаренными ячменными отрубями. Всѣ моментально опускаютъ руки въ мѣшокъ; каждый, захвативъ горсть отрубей, бросаетъ къ себѣ въ чашу и спѣшитъ выказать передъ другими свое кулинарное искусство. Нѣсколько минутъ спустя является цѣлая груда аппетитныхъ круглыхъ клецокъ. Одна быстро исчезаетъ за другой, между тѣмъ никто изъ присутствующихъ не выказываетъ ни малѣйшихъ признаковъ насыщенія; я видѣлъ разъ собственными глазами, какъ одинъ тибетецъ впродолженіи часа съѣлъ 32 клецки. Изготовленіе этого кушанья въ горячемъ чаѣ представляетъ то преимущество, что тибетцы, по крайней мѣрѣ, два раза въ день, смываютъ грязь съ своихъ рукъ. Деревянныя чаши никогда не моются послѣ употребленія; ихъ только облизываютъ языкомъ и затѣмъ носятъ на груди, какъ святыню. Тибетцы охотно ѣдятъ копченое мясо своихъ домашнихъ животныхъ (якъ, овца, свинья, курица). Они чувствуютъ также пристрастіе къ куренію и добываютъ табакъ изъ Китая. Къ сожалѣнію опіумъ уже имѣетъ и здѣсь значительное число приверженцевъ.

„Тибетцы совсѣмъ раздѣваются для сна. При общемъ недостаткѣ въ теплыхъ одѣялахъ, они зарываются на ночь подъ солому, которую держатъ цѣлыми ворохами на платформѣ дома, въ комнатахъ и на дворѣ.

„Мертвыхъ погребаютъ тремя способами. Бѣдняки бросаютъ своихъ покойниковъ въ горныя рѣчки, привязавъ къ трупу для тяжести большой камень. Мнѣ не разъ приходилось видѣть на днѣ прозрачной воды смертные останки людей, иногда въ нетронутомъ видѣ, а подчасъ одно туловище или отдѣльно руки и ноги, между тѣмъ какъ на берегу валялась голова, растерзанная хищными птицами. Покойниковъ болѣе достаточнаго класса вѣшаютъ на деревьяхъ посредствомъ петли, накинутой на шею, и предоставляютъ въ жертву воронамъ и другимъ хищнымъ птицамъ, а кости, какъ и въ первомъ случаѣ, бросаютъ въ рѣку, изъ которой берутъ воду для питья и кушанья. Особенно богатыхъ покойниковъ рубятъ на мелкіе куски, толкутъ ихъ кости и смѣшиваютъ съ „dsamba". Затѣмъ ихъ смертные останки уносятъ на ближайшія горы и разбрасываютъ въ видѣ корма для хищныхъ птицъ. Это древній обычай, не имѣющій никакого отношенія къ нынѣшней религіи.

„Тибетцы имѣютъ особенныя письмена и лѣтосчисленіе, хотя астрономическія знанія заимствованы ими отчасти изъ Индіи и частью отъ китайцевъ. Они пишутъ слѣва направо; письменность возникла у нихъ съ введеніемъ буддизма" (Ausland 1881, s. 806—810). Тибетскій языкъ не благозвученъ для слуха; въ корняхъ нѣтъ перемѣны окончаній; склоненія и спряженія образуются съ помощью частицъ, которыя первоначально составляли отдѣльныя слова, но потеряли свое самостоятельное значеніе. Книгопечатаніе извѣстно тибетцамъ, но они вырѣзаютъ на деревѣ не отдѣльные слова, а цѣлыя страницы и печатаютъ ихъ. Все, что есть замѣчательнаго въ тибетской литературѣ заимствовано изъ Индіи; это большей частью переводы буддійскихъ сочиненій. Сюда принадлежитъ также собраніе тибетскихъ сказокъ, содержаніе которыхъ преимущественно взято изъ Пантшатантра. Въ Тибетѣ съ самыхъ раннихъ временъ, чуть ли не съ VII столѣтія, тщательно сохранялись санскритскія рукописи, занесенныя сюда, совмѣстно съ введеніемъ буддизма; онѣ переводились на народный языкъ съ той педантичной точностью, съ какой обыкновенно стараются передать буквальный смыслъ каноническихъ сочиненій".

Хотя божественное происхожденіе, которое тибетцы приписываютъ своему Далай Ламѣ явно противорѣчитъ господствующему религіоз-

ному ученію, но въ общемъ они все-таки придерживаются тайныхъ и явныхъ доктринъ сѣверной буддійской школы. Въ половинѣ XIV столѣтія появился великій реформаторъ Тзонгъ-каба. Онъ предписалъ безбрачіе „ламъ“ т. е. монахамъ, запретилъ колдовство, употребленіе табака, всѣ спиртные напитки и чеснокъ, потому что Будда не выноситъ при молитвѣ дурнаго запаха. Результатомъ его реформы было раздѣленіе религіи на двѣ секты, а именно на такъ называемую „желтую“ принявшую нововведенія и „красную“, которая осталась вѣрна

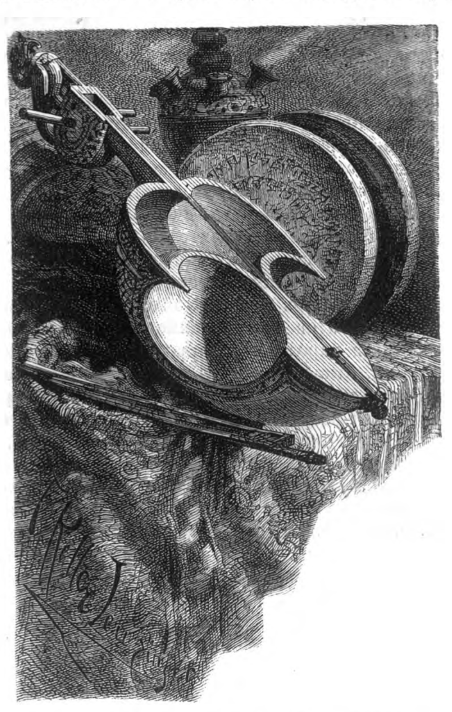
Лама въ божественной маскѣ.

старинѣ. Эти названія объясняются цвѣтомъ парадной одежды священнослужителей обѣихъ сектъ, которая въ первомъ случаѣ сдѣлана изъ желтаго сукна, а во второмъ изъ краснаго. Высшій духовный глава красной секты живетъ въ Сакіа-Ушонгъ, городѣ, лежащемъ у границы Сиккима, между тѣмъ, какъ ея многочисленные приверженцы разсѣяны въ областяхъ южной Гималайской цѣпи; желтая секта составляетъ вообще въ Тибетѣ преобладающій элементъ населенія. Со временъ реформатора Тзонгъ-каба появилась вѣра въ безсмертіе высшихъ духовныхъ лицъ.

Если умираетъ одинъ изъ святыхъ, то это означаетъ только перемѣну внѣшней формы, потому что его душа тотчасъ же переселяется въ тѣло новорожденнаго ребенка. Ламы немедленно отыскиваютъ послѣдняго, и замѣчательно, что подобное счастье всегда выпадаетъ на долю дѣтей влiятельныхъ родителей. Такимъ образомъ для сыновей знатныхъ людей представляется возможность захватить бразды правленiя въ свои руки. Когда отысканъ новый Далай Лама, то по существующему повѣрiю распускаются почки на деревьяхъ ростущихъ около хижины его матери; всюду появляются цвѣты и изъ горныхъ утесовъ течетъ молоко и медъ. Депутацiя ламъ, посланныхъ на поиски новаго Далай Ламы, раскладываетъ передъ ребенкомъ различные предметы, которымъ пользовался при жизни умершiй духовный властелинъ, какъ напримѣръ табакерки въ видѣ пузырьковъ, чайныя чаши, деньги, украшенiя и пр. Если ребенокъ прикоснется къ которой либо изъ принесенныхъ вещей, то это разрѣшаетъ всѣ сомнѣнiя; народъ ликуетъ, посланные ламы поютъ хвалебные гимны и ребенка несутъ торжественной процессiей въ резиденцiю, гдѣ его провозглашаютъ Далай-Ламой. Самый способъ прiискиванiя новаго правителя ясно указываетъ, что онъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенiя, и что страной управляетъ каста жрецовъ. Для послѣднихъ прямой разсчетъ чтобы Далай-Лама пользовался безусловнымъ почитанiемъ со стороны народа, потому что только при подобномъ представительствѣ ихъ влiянiе простирается не только на всю Монголiю, но и на Пекинскiй дворъ. Далай-Лама съ дѣтства воспитывается такимъ образомъ своими наставниками, что онъ на всю жизнь остается ребенкомъ. Постоянно окруженный недовѣрчивыми придворными, которые слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, онъ находитъ высшее счастье въ сознанiи своего мнимаго величiя и въ твердой вѣрѣ въ свое безсмертiе. Подобно тому, какъ магометане отправляются на богомолье въ Мекку, такъ ежегодно десятки тысячъ буддiйскихъ пилигримовъ стремятся въ Потала за благословенiемъ Далай-Ламы. Въ Ласса стекаются сокровища богомольцевъ изъ плодоносныхъ равнинъ Китая, необозримыхъ пустынь Монголiи, изъ дикихъ ущелiй Гималаевъ и Куэнъ-Луня. Никакой слитокъ золота не кажется богомольцу слишкомъ тяжелымъ, никакой камень нефритъ слишкомъ цѣннымъ; онъ спѣшитъ повергнуть его къ ступенямъ престола Далай-Ламы и удостоиться величайшаго счастья. Благословенiе духовнаго владыки стоитъ дорого и никто не получаетъ его даромъ. Дворецъ Потала, въ которомъ живетъ Далай-Лама возвышается на каменномъ утесѣ, среди болотистой равнины, въ двухъ километрахъ разстоянiя отъ столицы Ласса. Здѣсь можно встрѣтить представителей различныхъ нацiй въ фантастическихъ костюмахъ и на богато разукрашенныхъ коняхъ, которые собрались сюда со всѣхъ концовъ буддiйскаго мiра. Въ ожиданiи лицезрѣнiя Далай-Ламы имъ приходится вооружиться терпѣнiемъ. Наконецъ

Вертящiеся молитвенные футляры ламъ въ Тибетѣ.

извѣстное число избранныхъ требуется во дворецъ. Многіе на колѣняхъ вползаютъ по ступенямъ; праздничная одежда превращается въ лохмотья; но это не имѣетъ никакого значенія для богомольца; небесное просвѣтленіе отвлекаетъ его душу отъ земныхъ заботъ; въ глазахъ свѣтится огонь религіознаго воодушевленія. Но прежде, нежели ему дозволятъ вступить въ святилище, дворцовый экономъ принимаетъ собственноручно принесенные имъ дары. Низшая плата за благословеніе Далай-Ламы должна представлять стоимость въ 18 нѣмецкихъ марокъ. Богатыя депутаціи, преимущественно изъ Урги нерѣдко дарятъ золотыя вещи на нѣсколько сотъ тысячъ. Какъ только богомольцы входятъ въ покой, гдѣ Далай-Лама возсѣдаетъ на престолѣ, то немедленно бросаются на землю. Далай-Лама иногда произноситъ нѣсколько торжественныхъ словъ, или же молча принимаетъ богомольцевъ, которымъ разрѣшается поочередно преклонить колѣна передъ его престоломъ. При этомъ Далай-Лама кладетъ правую руку на голову стоящему передъ нимъ на колѣняхъ. Такимъ образомъ каждый благословляется отдѣльно. Знатныхъ особъ, прибывшихъ изъ далекихъ странъ, угощаютъ чаемъ, печеніемъ, сушенными плодами и конфектами. Тотъ-же порядокъ, какъ въ Потала, соблюдается и въ Тешу-лумбо, гдѣ духовный владыка безостановочно благославляетъ приходящихъ къ нему богомольцевъ. Кромѣ упомянутыхъ здѣсь высшихъ духовныхъ особъ въ Тибетѣ, какъ и въ Монголіи, существуетъ еще 103 безсмертныхъ „kutuktu“ или настоятелей значительныхъ монастырей. Ихъ вѣчное существованіе равнымъ образомъ связано съ нѣкоторыми видоизмѣненіями тѣлесной формы. Они всего чаще называются „безсмертными буддами“. Монастыри разсѣяны по всей странѣ, и каждый изъ нихъ составляетъ отдѣльный городъ, населенный нѣсколькими тысячами монаховъ. Естественно, что при тѣхъ богатствахъ, какія ежегодно получаютъ монастыри отъ богомольцевъ, чуть ли не двѣ трети тибетскаго населенія принадлежитъ къ кастѣ жрецовъ.



Саринде. — Небольшой двойной барабанъ съ тибетскими молитвами и изрѣченіями.

Обыкновенно не стоитъ никакого труда сдѣлаться ламой. Отецъ брѣетъ голову сыну, покупаетъ ему коричневую рясу изъ грубой ткани, навѣшиваетъ на шею четки и посылаетъ въ ученіе къ какому нибудь пожилому монаху. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, юноша становится ламой. Это большей частью

ограниченные люди, которые подъ гнетомъ непонятаго ученія размножаются въ странѣ, какъ сорная трава и подъ прикрытіемъ монашеской рясы обманываютъ и эксплуатируютъ народъ въ качествѣ знахарей и предсказателей. Тѣ изъ юношей, которые со временемъ хотятъ сдѣлать карьеру и достигнуть высшихъ должностей на различныхъ ступеняхъ духовной іерархіи, имѣютъ возможность получить основательное образованіе въ высшихъ школахъ значительныхъ монастырей. Втрѣчаются очень богатые лама, а также и безпріютные бѣдняки, которые нанимаются у нихъ въ пастухи и подъ открытымъ небомъ исполняютъ обязанности благочестія. Каждый лама молится безпрерывно, и это настолько обращается въ привычку, что не составляетъ для него никакого затрудненія, тѣмъ болѣе, что онъ повторяетъ молитву механически. Ни одинъ тибетскій лама или мірянинъ не разстается съ своимъ молитвеннымъ футляромъ и всюду носитъ его съ собой. Подобный футляръ состоитъ изъ жестяной коробки съ рукояткой, въ которую вкладываютъ молитвы, написанныя на пергаментѣ. Если повернуть футляръ слѣва на право, то съ помощью особеннаго приспособленія выдвигается хвалебная молитва, таинственный смыслъ которой выражается немногими словами: „O mani pene chum!“ При поворотѣ футляра въ противоположную сторону, получаются слова „Amtsche Denga“, въ которыхъ заключается проклятіе, весьма близкое по значенію съ однимъ нѣмецкимъ выраженіемъ. Богатые тибетцы, которые находятъ даже этотъ родъ молитвы слишкомъ утомительнымъ для себя, вмѣсто упомянутыхъ футляровъ устраиваютъ по близости проточной воды родъ мельницъ съ громадными цилиндрами и колесами, которые находятся въ постоянномъ вращательномъ движеніи, благодаря неутомимой силѣ воды. Ламы оказываютъ громадное вліяніе на страну и ея изолированное положеніе. Они поддерживаютъ фанатическія вѣрованія народа, обманываютъ его съ помощью мнимаго колдовства и прорицаній, относящихся къ его семейной жизни. Богатство монастырскихъ общинъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе въ странѣ, что каждый клочекъ земли находится во владѣніи ламъ. Ни одинъ тибетскій крестьянинъ не называетъ своей собственностью поземельный участокъ, гдѣ находится его домъ и обрабатываемое имъ поле; это не болѣе, какъ ленное помѣстье, пожалованное ему кастой жрецовъ, и котораго онъ можетъ лишиться, при малѣйшемъ неудовольствіи съ ихъ стороны. Обязательство болѣе сильное, нежели всѣ контракты образованнаго міра, ставитъ тибетца въ непосредственную зависимость отъ милости своихъ угнетателей; забота о насущномъ хлѣбѣ устраняетъ самую мысль о правосудіи, не говоря уже о серьезной постановкѣ этого вопроса. Такимъ образомъ главную причину отчужденія страны отъ всего остальнаго міра нужно искать въ неограниченной власти и уваженіи, какими пользуются жрецы и въ ихъ вліяніи на народъ.)

Къ югу Гималаи составляютъ приблизительно границу буддійской религіи, съ введеніемъ которой арійское вліяніе проникло на сѣверъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ послѣднее совершенно отсутствуетъ, какъ, напримѣръ, въ бассейнѣ Брахмапутры и преимущественно въ Ассамѣ, мы встрѣчаемъ въ горахъ рядъ народностей, какъ гаро, кхасіа, мишми, нага, аборъ, лушаи и пр., которые находятся въ состояніи первобытной дикости и ведутъ постоянную борьбу изъ-заграницъ съ цивилизованными жителями болѣе низменныхъ мѣстностей. Мы считаемъ лишнимъ утомлять читателя описаніемъ этихъ племенъ и коснемся только важнѣйшихъ изъ нихъ. Къ послѣднимъ безусловно принадле-

житъ еще нетронутый цивилизаціей народъ нага, который живетъ въ горахъ того же имени и занимаетъ южную часть округа Сибсагара въ Ассамѣ. Здѣсь встрѣчаются деревни, лежащія въ недалекомъ разстояніи, обитатели которыхъ не понимаютъ другъ друга, такъ какъ говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ. Равнымъ образомъ можно видѣть въ подзорную трубу деревни раскинутыя во всѣхъ направленіяхъ, о существованіи которыхъ не знаютъ жители сосѣдней мѣстности, потому что не могутъ различить ихъ простымъ глазомъ. Эти своеобразныя условія, повидимому, существуютъ съ незапамятныхъ времемъ и объясняются отчасти безпрерывными распрями между различными племенами.

Общественное положеніе отдѣльнаго индивида обусловлено у нага татуировкой. Эта операція можетъ только тогда быть произведена, когда мальчикъ вышелъ изъ отроческаго возраста и убилъ какого нибудь мужчину или женщину, въ доказательство чего онъ долженъ принести голову своей жертвы. Послѣ представленія этого трофея онъ большей частью складываетъ оружіе и занимаетъ мѣсто въ совѣтѣ государства, которое нерѣдко состоитъ изъ одной деревни. Доставленная имъ голова передается вождю, и по этому случаю устраивается большое празднество. Герой, совершившій подобное достославное дѣло, пріобрѣтаетъ право на „ak“, т. е. на полученіе ордена. Головы, добытые съ помощью хитрости, имѣютъ, повидимому, такое же значеніе, какъ и тѣ, которыя пріобрѣтены въ бою. Равнымъ образомъ безразлично голова ли это мужчины, женщины или ребенка. Каждое отдѣльное племя считаетъ себя самымъ могущественнымъ въ мірѣ, и ничтожнѣйшій изъ принадлежащихъ къ нему людей насмѣшливо улыбается при одной мысли, что англичане могутъ сравниться съ ними силой. Впрочемъ, такое самомнѣніе не лишено нѣкотораго основанія. Благодаря самобытной системѣ ночныхъ нападеній, они настолько прославились ими и навели такой страхъ на сосѣдніе народы, что вся страна къ югу отъ Брахмапутры обратилась въ пустыню. Каждое изъ этихъ безчисленныхъ племенъ носитъ отдѣльное названіе, и занимаетъ приблизительно нѣсколько сотъ квадратныхъ километровъ земли, на которыхъ скучено отъ 500 до 2.000 домовъ. При существующей системѣ обработки земли, можетъ одновременно воздѣлываться только десятая часть почвы. Несмотря на давній обычай отсѣченія головъ, численность населенія, повидимому, достигла maximum'а, и хотя, по слухамъ, нѣкоторыя горы и даже цѣпи совершенно необитаемы, но англійскій путешественникъ С. Е. Пиль не нашелъ подобныхъ мѣстъ, за исключеніемъ вершинъ и склоновъ высочайшихъ горъ. Отдѣльныя племена не только разнятся между собой по языку, но и по физическимъ свойствамъ, такъ что, помимо характерной татуировки, можно сразу отличить по внѣшности іобака отъ баннара и послѣдняго отъ мутона или намсангіа. Религія племенъ нага, повидимому, не представляетъ цѣльной системы и ограничивается страхомъ передъ легіономъ злыхъ духовъ, „deota“, которые являются въ ихъ воображеніи въ извѣстномъ свѣтѣ, соотвѣтствующемъ ихъ узкому міровоззрѣнію. Все непонятное для нихъ считается дѣломъ „deota“. Каждое дерево, скала, тропинка имѣютъ въ отдѣльности своего демона, въ особенности развѣсистыя деревья и водопады. Если человѣкъ страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей, то это значитъ, что онъ одержимъ бѣсомъ, котораго нужно умилостивить дарами, въ видѣ спиртныхъ напитковъ и съѣстныхъ припасовъ. „Deota“ вездѣсущіе и не имѣютъ другого занятія, какъ только доставлять мученія людямъ. Ихъ можно удалить посредствомъ подарковъ и противодѣйствующаго колдовства. Нага не имѣютъ никакого понятія о высшемъ суще-

ствѣ, и эта идея вообще совершенно чужда имъ. У нихъ также нѣтъ отдѣльныхъ жрецовъ, кромѣ „deoris“, т. е. людей, которыхъ призваніе заключается въ томъ, чтобы оказывать помощь умирающимъ и погребать покойниковъ. Въ каждой деревнѣ есть два или болѣе „deoris“. Они обвязываютъ покойника листьями и кладутъ его на особаго рода постель, пока не начнется разложеніе, тогда голову отдѣляютъ отъ туловища и уносятъ въ особое мѣсто, гдѣ хранятся черепа.

Кромѣ нага, считаемъ не лишнимъ упомянуть о лушаи, а также о гаро и кхасіа. Первые, при всей своей дикости и кровожадности, имѣютъ превосходную общественную организацію, не лишены умственныхъ способностей, усердно занимаются ремеслами и искусно ведутъ свои торговыя дѣла. Д-ръ Арх. Кампбелль хвалитъ ихъ за кроткій характеръ, что нѣсколько противорѣчитъ прежнимъ извѣстіямъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ родины лушаи, находится мѣсто жительства племенъ гаро. Они занимаютъ самый крайній западный конецъ горной гряды въ Ассамѣ, къ югу отъ Брахмапутры. Они устраиваютъ бамбуковыя платформы на столбахъ или столы, на которыхъ раскладываютъ по обѣту дары богамъ, въ видѣ жертвы искупленія. Маіоръ Годвинъ Аустенъ высказываетъ предположеніе, что подобно тому, какъ примѣненіе дерева при постройкѣ древнихъ индусскихъ храмовъ повліяло на позднѣйшій архитектурный стиль въ Индіи, такъ и эти первыбытныя временныя подставки могли привести къ сооруженію каменныхъ памятниковъ этой формы у сосѣднихъ горныхъ племенъ кхасіа, живущихъ далѣе къ востоку. Достовѣрно извѣстно, что въ настоящее время народъ кхасіа воздвигаетъ громадные монолиты и долмены, которые имѣютъ большое сходство съ доисторическими мегалитскими остатками въ Европѣ. Равнымъ образомъ далеко распространены по всей области Гималаевъ религіозные памятники „cairus“ (въ видѣ груды камней), происхожденіе которыхъ покрыто непроницаемой тайной. Они встрѣчаются на гребняхъ горныхъ перевалов и на отдѣльныхъ вершинахъ и вездѣ одинаковымъ способомъ передъ ними воздвигнуты столбы, увѣшанные благочестивыми приношеніями, въ видѣ тряпокъ, флаговъ, лошадиныхъ и бычачьихъ (яка) хвостовъ. Повсемѣстно „cairus“ носятъ одинъ и тотъ же характеръ, между тѣмъ мѣстности, гдѣ они распространены, населены людьми трехъ различныхъ расъ и религій: индусами, буддистами и мусульманами. Р. Б. Шау полагаетъ, что эти „cairus“ ничто иное, какъ древніе памятники до-буддійской религіи, которая нѣкогда была господствующей на этихъ горахъ и могла быть распространена по всей полосѣ земли между Индіей и Туркестаномъ.

ПОЛУОСТРОВЪ ЗАДНЕЙ ИНДІИ.

Большой полуостровъ задней Индіи, называемый также „золотымъ“, съ его дикими и частью высоко цивилизованными народными племенами, къ сожалѣнію до сихъ поръ крайне недостаточно изслѣдованъ, какъ въ этнографическомъ, такъ и антропологическомъ отношеніи. Только въ настоящее время эта область вступила въ кругъ научныхъ изысканій, благодаря французамъ, которые ревностно стараются собрать свѣдѣнія объ этой обширной странѣ и распространить ихъ. Мы почти не имѣемъ никакихъ извѣстій о первобытныхъ жителяхъ полуострова задней Индіи, но большинство склоняется къ тому предположенію, что здѣсь парвоначально поселилось чисто негритянское населеніе или, по крайней мѣрѣ, одноплеменное съ нимъ. При этомъ является вопросъ: существуютъ ли въ задней Индіи чернокожіе люди съ рунообразными волосами, исключая, разумѣется, жителей Андаманскихъ острововъ и семангъ на полуостровѣ Малакка? Насколько намъ извѣстны жители задней Индіи, то мы должны отвѣтить отрицательно на этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, относительно нынѣшняго времени. Кромѣ семангъ, представляющихъ этнологическую связь съ андаманцами, нигдѣ въ задней Индіи мы не встрѣчаемъ темнокожихъ людей съ курчавыми или рунообразными волосами, такъ что догадка о существованіи подобнаго первобытнаго населенія должна быть отнесена къ числу недоказанныхъ гипотезъ. Равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ данныхъ, въ пользу арійскаго происхожденія отдѣльныхъ народностей задней Индіи, о которомъ не разъ поднимался вопросъ, хотя нельзя отрицать, что нѣкоторые изъ горныхъ народовъ подходятъ къ индусскому типу. Теперь не можетъ быть и рѣчи объ этнической группировкѣ всѣхъ этихъ различныхъ племенъ, такъ что мы должны пока довольствоваться возможно точнымъ изученіемъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

На сѣверо-западѣ незамѣтно совершается переходъ между племенами горной страны Ассама и задней Индіи. Мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлый рядъ народовъ, которые носятъ различныя названія, хотя быть можетъ всего удобнѣе было бы сгруппировать ихъ подъ общимъ именемъ шанъ. Они также представляютъ собой до извѣстной степени переходъ къ китайцамъ, живущимъ къ сѣверо-востоку отъ нихъ, отъ которыхъ заимствованы ими многіе обычаи. Путешественникъ, прибывшій съ востока, тотчасъ же замѣчаетъ при вступленіи въ долину Лу-кіангъ, что жители уже не китайцы, хотя носятъ китайскую одежду. Далѣе къ западу по направленію къ Тенгъ-юехъ, одежда принимаетъ

иной характеръ, особенно у женщинъ. Туземцы сами называютъ себя па-ію, между тѣмъ какъ англичанинъ Юлэ далъ имъ вышеупомянутое прозвище „шанъ". Въ Бирманѣ па-ію настолько смѣшались съ бирманцами, что почти усвоили ихъ языкъ. Къ сѣверу это населеніе простирается до верхняго теченія Иравадди, гдѣ на лѣвомъ берегу носятъ названіе диджу, а на правомъ фелоновъ. Въ долинѣ Хукунгъ, по сосѣдству па-ію, живетъ другой народъ, который преимущественно извѣстенъ у бирманцевъ подъ именемъ качинъ, по англійскому правописанію кахіенъ, но онъ самъ называетъ себя чингпо или сингфу. По мнѣнію Адольфа Бастіана къ этому народу принадлежатъ кхамти, въ области которыхъ находятся неизслѣдованные истоки Иравадди; а къ шанъ слѣдуетъ причислить смѣшанные племена у рѣки Ланъ-тсанъ-кіангъ, т. е. верхняго теченія Ме-кхонга. Здѣсь эти народы извѣстны подъ именемъ лао, такъ что всѣ вышеупомянутыя названія, повидимому, относятся къ тѣмъ-же народнымъ группамъ. Считаемъ также нелишнимъ замѣтить, что большинство этихъ именъ, равно и названія кха, мои, тсіамъ, куи, которыми обозначаютъ горныхъ и лѣсныхъ жителей внутри полуострова задней Индіи, ошибочно принимаются за названія племенъ. Имя „мои" въ Кохинхинѣ, „куи" въ Камбоджѣ и у Лао означаетъ „дикари", между тѣмъ „кха" и „сингфу" значитъ „человѣкъ". Кромѣ этихъ общихъ названій, существуютъ еще другія болѣе точныя этническія обозначенія, такъ что мы видимъ цѣлый рядъ народовъ кха, напримѣръ: кхіенгъ, кхо, гніахеунъ, сокъ, боловенъ, коло, но весь вопросъ заключается въ томъ, дѣйствительно ли они принадлежатъ къ одной семьѣ.

Относительно па-ію и качиновъ мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія отъ различныхъ англійскихъ путешественниковъ и австрійца Густава Крейтнера. Ростъ мужчинъ у па-ію ниже средняго и они довольно красиваго тѣлосложенія; форма головы правильнѣе, нежели у китайцевъ. Каріе глаза лежатъ почти горизонтально, носъ прямой, общій характеръ физіономіи напоминаетъ европейцевъ. Лица у женщинъ отличаются болѣе тонкими чертами; глаза темные и живые, но отсутствіе бровей и рѣсницъ производитъ непріятное впечатлѣніе. Цвѣтъ лица желтоватокоричневый; у знатныхъ фамилій кожа имѣетъ еще болѣе свѣтлый оттѣнокъ. Одежда мужчинъ состоитъ изъ короткой голубой куртки съ янтарными или серебряными пуговицами, короткихъ широкихъ панталонъ до колѣнъ изъ голубой бумажной ткани и такихъ же башмаковъ съ кожаными подошвами. Лѣтомъ большая соломенная шляпа прикрываетъ волосы, заплетенные въ косу; въ остальное время постояннымъ головнымъ уборомъ служитъ чалма. Женщины также предпочтительно носятъ одежду темноголубаго цвѣта. Куртка доходитъ у нихъ до колѣнъ, равно и панталоны, колѣна обнажены до икръ и обвиты кольцеобразно однимъ вьющимся растеніемъ. Нога до щиколки покрыта плотно прилегающей повязкой на подобіе камашей. Башмаки не въ употребленіи. Головной уборъ состоитъ изъ длинной, широкой, головной ленты, обвитой вокругъ головы, въ видѣ чалмы и напоминаетъ до извѣстной степени европейскую шляпу цилиндръ, но безъ полей. Отверстія ушныхъ мочекъ украшены серебряными цилиндрами, кусочками бамбука, а въ Китаѣ даже сигарами. Всѣ женщины па-ію курятъ табакъ, а мужчины предпочитаютъ опіумъ. Характеръ народа серіозный и спокойный;

въ сношеніяхъ нѣтъ формальной вѣжливости: ложь повидимому строго запрещена, подъ страхомъ наказанія. Главное занятіе земледѣліе; но рядомъ съ этимъ па-ію изготовляютъ серебряныя издѣлія, плетутъ солому, и у нихъ процвѣтаетъ ткацкое искусство. Пища состоитъ изъ мяса и продуктовъ полей; чай также какъ у китайцевъ любимый напитокъ. Па-ію поютъ во время полевыхъ работъ и въ походахъ, а дома аккомпанируютъ свои дикія мелодіи игрой на бамбуковыхъ флейтахъ и струнныхъ инструментахъ. Ихъ религія представляетъ смѣсь буддизма съ суевѣрными ученіями китайцевъ. Суевѣріе и колдовство сильно распространены; но вообще народъ выказываетъ такое же равнодушіе къ религіи, какъ и китайцы. Па-ію имѣютъ одну законную жену; бракъ заключается безъ всякой религіозной церемоніи, по взаимному соглашенію родителей жениха и невѣсты. Мертвыхъ зарываютъ въ землю, затѣмъ оставшіеся родственники ставятъ у могилы камень въ видѣ памятника.

Между па-ію и качинами существуетъ рѣзкое различіе. Послѣдніе малы ростомъ, слабаго, но довольно красиваго тѣлосложенія; живые глаза, съ смѣлымъ вызывающимъ выраженіемъ, составляютъ странный контрастъ съ ихъ робкимъ обращеніемъ. Голова правильной овальной формы, носъ большой и прямой, пунцовыя губы тонко очерчены. Зубы всегда черные, вслѣдствіе жеванія бетеля. Мужчины носятъ почти такую же одежду, какъ па-ію, только чалма съ бѣлыми и голубыми полосами и за поясомъ всегда продѣтъ мечъ. Волосы зачесаны лучеобразно съ макушки на лобъ и обрѣзаны въ кружокъ надъ бровями. Они всегда вьющіеся, волнистые, чернаго или коричневаго цвѣта и доходятъ сзади только до затылка. Оба пола носятъ въ ушахъ самые разнообразные предметы; для украшенія шеи служатъ серебряные обручи ожерелья изъ бусъ и нанизанныхъ раковинъ венерокъ. Равнымъ образомъ нѣтъ недостатка въ браслетахъ и кольцахъ. Женщины и дѣвушки носятъ на голомъ тѣлѣ короткую пеструю куртку изъ бумажной ткани, которая только отчасти прикрываетъ грудь и плечи, затѣмъ юбку до колѣнъ, привязанную къ таліи; то и другое украшено раковинами. Руки и ноги голыя и обвиты, какъ у па-ію, кольцами вьющагося растенія. Вообще качины отличаются неопрятностью. Вся тяжелая работа исполняется женщинами и дѣвушками; онѣ находятся въ такомъ подчиненіи, что даже не смѣютъ поднять глазъ на своего господина и повелителя; ихъ смерть возбуждаетъ сожалѣніе только съ денежной стороны, въ смыслѣ утраты рабочей силы. Мужчины не занимаются ручными работами, и проводятъ время въ посѣщеніи сосѣдей, чтобы выпить „scheru“ и покурить опіума. При господствующей безнравственности, бракъ у низшихъ классовъ составляетъ торговую сдѣлку, гдѣ прежде всего обращено вниманіе на количество приданаго и физическую силу невѣсты. У достаточныхъ людей бракъ сопровождается особенными обычаями и церемоніями, которыя также происходятъ при погребеніи. Качины хоронятъ своихъ мертвецовъ. Ихъ религія не имѣетъ ничего общаго съ буддизмомъ. Она обнимаетъ вѣрованіе въ высшее существо, создавшее весь міръ, даже небо и адъ; но главный культъ состоитъ въ почитаніи „Nat“ или духа покровителя, которому приносятъ жертвы. Горы, долины, деревья и воды, даже солнце и мѣсяцъ находятся подъ вѣденіемъ „Nat“. Рабство существуетъ издавна, но судьба невольниковъ не особенно тяжела, и ихъ дѣти болѣе или менѣе считаются членами семьи. Простой народъ питается рисомъ, овощами, свининой и сушеной рыбой; мужчины ѣдятъ отдѣльно отъ женщинъ. Деревни качиновъ состоятъ изъ трехъ, и ни въ какомъ случаѣ не болѣе десяти дворовъ и обнесены каменной стѣной въ 2 м. высоты. Жилища представляютъ жалкія бамбуковыя зданія, построенныя безъ желѣза и камня и укрѣпленныя на столбахъ. Немногія хозяйственныя строенія сгруппированы съ наружной стороны стѣны и обыкновенно примыкаютъ къ опушкѣ густаго и мрачнаго дѣвственнаго лѣса. Качины подчинены приблизительно двадцати наслѣдственнымъ князьямъ „tsobwa“, которые владѣютъ не-

большой территоріей и пользуются полной самостоятельностью, такъ какъ, повидимому, китайское правительство имѣетъ только косвенное вліяніе на этотъ свободолюбивый, необузданный и вѣроломный народъ. Качины живутъ въ постоянной враждѣ съ бирманцами, такъ что нерѣдко дѣло доходитъ до кровопролитія. Они обыкновенно чувствуютъ другъ къ другу безотчетный страхъ; но вообше горные жители имѣютъ то преимущество надъ бирманцами, что эти еще болѣе трусливы, нежели они (Kreitner. Im fernen Osten. Reisen des Grafen Béla Széchenyi in Indien, Japan, China, Tibet und Birma in den Jahren 1877—1880. Wien 1881 s. 959—965). Качины или сингфу долины Кукунга только по имени подчинены бирманскому „wun“ или губернатору Магонга, потому что не обращаютъ никакого вниманія на его распоряженія и дѣйствуютъ совершенно самовластно. Одно несомнѣнно, что они отъ всей души ненавидятъ бирманцевъ. Въ Паткои и другихъ горахъ, лежащихъ къ востоку, между Хикунгомъ и Иравадди, живетъ племя миру. Они носятъ китайскія украшенія и привозятъ на продажу китайскіе товары въ Хукунгъ; у нихъ въ употребленіи глиняные сосуды, мѣдная кухонная посуда, желѣзные кованные плуги и чугунныя сковороды; все это разумѣется китайской фабрикаціи. Мѣдь не играетъ никакой роли въ торговлѣ у сингфу и миру; при болѣе крупныхъ торговыхъ оборотахъ употребляются серебряные слитки вѣсомъ въ 250 г., которые въ случаѣ надобности разрубаются на болѣе мелкіе куски. Они получаютъ ихъ отъ іюнъ-нанъ и шанъ. Равнымъ образомъ въ обращеніи серебряныя рупіи, но вслѣдствіе низкаго качества металла онѣ неохотно принимаются торговцами. Здѣсь всего поразительнѣе крайняя дороговизна соли. Сингфу раздѣляютъ китайцевъ на два класса: на ѣдящихъ и не ѣдящихъ свинину. Первые собирались прежде большими партіями у Пхунгмаи, притока Иравадди, для закупки янтаря и яшмы въ Хукунгѣ. Но въ новѣйшее время эта торговля значительно уменьшилась. Всего больше препятствуютъ сношеніямъ съ сосѣдними бирманцами такъ называемые „gham“ или деревенскіе вожди сингфу. Эти „gham“ торгуютъ невольниками и терпятъ сильные убытки отъ ихъ побѣговъ въ сосѣднія британскія владѣнія; вслѣдствіе этого они относятся крайне непріязненно къ англичанамъ и ихъ стремленіямъ уничтожить рабство (Journal of the Geogr. Soc. of London 1871 p. 342—348). Качинъ или сингфу простираются къ востоку до Момеина; они вообще считаются дикими, вѣроломными и необузданными, и, по разсказамъ бирманцевъ никого не пропускаютъ черезъ свои горы. Хотя они номинально подвластны Бирманской имперіи, но фактически совершенно независимы, живутъ между собой во враждѣ, и наносятъ вредъ сосѣдямъ своими разбойничьими набѣгами. Повидимому сами бирманцы не умѣютъ обходиться съ качинами, потому что во владѣніяхъ шанъ, которыя живутъ съ ними въ мирѣ, они смирны и уступчивы. Долгія сношенія маіора Сладена съ качинами привели его къ выводу, что при надлежащемъ обращеніи съ ними они довольно обходительны и не лишены вообще умственныхъ способностей, хотя съ примѣсью нѣкотораго вѣроломства и хитрости, свойственной всѣмъ дикимъ народамъ. Качины усердно занимаются торговлей, жадны на наживу, но гостепріимны къ чужестранцамъ.

Европейцы рѣдко имѣютъ сношенія съ шанъ, которые отличаются воинственностью и, по слухамъ, почти всегда находятся во враждѣ съ сосѣдями и между собой. Быть можетъ вслѣдствіе этихъ постоянныхъ мелкихъ войнъ, болѣе слабыя племена перешли въ британо-бирманскія владѣнія и поселились на пространствѣ между Рангуномъ и Проме, гдѣ они усердно занимаются садоводствомъ. Шанъ очень похожи на китайцевъ по одеждѣ и созвучію языка и имѣютъ особые письменные знаки, нѣсколько отличные отъ бирманскихъ, но которые вѣроятно составлены по образцу послѣднихъ или азбуки талаингъ. Въ своихъ родныхъ горахъ они преимущественно занимаются скотоводствомъ; и ежегодно въ январѣ и декабрѣ пригоняютъ большіе табуны пони въ Маль-

меинъ и Рангунъ; они также успѣшно приручаютъ слоновъ. Шанъ изготовляютъ превосходныя издѣлія изъ стали, въ особенности такъ называемые бирманскіе ножи „dah“, съ длинной рукояткой; ихъ сталь по доброкачественности можетъ выдержать сравненіе съ наилучшей европейской. Они татуируютъ почти все тѣло, подчасъ не исключая даже лица, и при этомъ, никогда не употребляютъ красной краски, а только темную, синевато-коричневаго оттѣнка; и хотя способъ татуировки очень похожъ на бирманскій, но въ другомъ родѣ, такъ что ихъ можно сразу отличить. Одно изъ принадлежащихъ къ нимъ племенъ чинъ, татуируетъ лица своихъ женъ съ цѣлью оградить ихъ отъ плѣна, при своихъ непрерывныхъ мелкихъ войнахъ; но тѣ чинъ, которые живутъ въ англійскихъ владѣніяхъ, уже отстали отъ этого обычая. Сладенъ отзывается съ большой похвалой объ изящной и опрятной одеждѣ женщинъ. Мужчины носятъ куртки и штаны изъ темносиняго сукна; женщины, наоборотъ, предпочитаютъ свѣтлыя и яркія краски; ихъ куртки бѣлыя или блѣднозеленыя, между тѣмъ, какъ рукава и воротникъ свѣтло-краснаго цвѣта. Темносиняя широкая кайма на подолѣ богато вышита серебромъ и представляетъ подобіе оборки. Своеобразные камаши, остроконечныя туфли и безчисленное множество украшеній, браслеты, ожерелья, серги и цѣпочки дополняютъ этотъ странный и богатый костюмъ, который не лишенъ вкуса и производитъ пріятное впечатлѣніе.

Шанъ—буддисты; христіанскіе миссіонеры до сихъ поръ не распространяли на нихъ своей дѣятельности. На сѣверѣ владѣній шанъ, среди различныхъ племенъ, живущихъ между Тибетомъ, Іюнъ-нанъ и Бирманомъ, которыя по всѣмъ вѣроятіямъ, болѣе или менѣе принадлежатъ къ фамиліи шанъ въ болѣе широкомъ значеніи этого слова, существуютъ католическія миссіи, почти исключительно руководимыя лицами изъ французскаго духовенства. Имъ собственно наука землевѣденія обязана наиболѣе драгоцѣнными свѣдѣніями объ этомъ малоизвѣстномъ уголкѣ земли и его обитателяхъ (Ausland 1875, s. 460 — 461). Равнымъ образомъ британскій путешественникъ Т. Т. Куперъ сообщилъ весьма любопытныя извѣстія о племенахъ, живущихъ у Ланъ-цанъ-кіанга. Онъ встрѣтилъ въ деревнѣ Годеахъ своеобразную расу метисовъ, которые лицомъ и тѣлосложеніемъ очень походятъ на тибетцевъ, но только съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Нравы, обычаи и религія безусловно тибетскіе, равно и одежда, только съ единственнымъ отличіемъ, что мужское платье сдѣлано не изъ овчины, а изъ грубой шерстяной ткани. Языкъ представляетъ помѣсь китайскаго, тибетскаго и нарѣчія племени лен-су, къ которому причисляютъ себя жители деревни Годеахъ, хотя во всемъ остальномъ не имѣютъ съ нимъ никакого сходства. Вождь или представитель высшей власти въ деревнѣ платитъ ежегодную дань Китаю, но вообще правитъ самостоятельно своими подданными и облеченъ неограниченною властью, кромѣ приговоровъ о жизни и смерти, которые зависятъ отъ китайскаго мандарина въ Атенцэ. Гостепріимство примѣняется въ широкихъ размѣрахъ. Часто встрѣчаемый въ Тибетѣ зобъ составляетъ здѣсь обыденное явленіе, начиная отъ дряхлыхъ стариковъ и кончая чуть ли не грудными дѣтьми. Туземцы Ва-фу-пина большей частью обращенные христіане изъ племенъ Лен-су и Лу-зеу. Они привѣтливы и гостепріимны. Ихъ дома похожи на тибетскіе, а нарѣчіе представляетъ смѣсь китайскаго языка и діалектовъ лен-су и лу-зеу; по одеждѣ и манерамъ они живо напоминаютъ китайцевъ, хотя ихъ высокія фигуры и правильныя черты лица не представляютъ ничего общаго съ обитателями Небесной Имперіи.

На длинной полосѣ земли, занимающей приблизительно 80 килом. между Ланъ-Заномъ и Ну-кіангомъ отъ Ва-фу-пина на сѣверѣ и Вейфифу на югѣ живутъ дикіе лу-зеу; они извѣстны своей жестокостью, за исключеніемъ немногихъ обращенныхъ въ христіанство по близости миссіи Тсъ-ку, которые носятъ обычную китайскую одежду и ведутъ трудовую жизнь въ качествѣ мирныхъ земледѣльцевъ. Во всякомъ случаѣ многіе изъ представителей этого

племени до сихъ поръ ведутъ кочевой образъ жизни и совсѣмъ не цивилизованы. Они не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, не воздѣлываютъ полей и добываютъ себѣ средства къ существованію охотой и разбойничьими набѣгами на сосѣднія племена, для которыхъ они составляютъ предметъ ужаса. Вооруженные лукомъ и отравленными стрѣлами, они успѣшно охотятся за оленями, кабанами, дикими козами, медвѣдями и леопардами. Ихъ религія безусловно языческая: они приносятъ въ жертву птицъ, чтобы умилостивить злаго духа. Кожа у нихъ темнѣе, нежели у остальныхъ племенъ этой мѣстности, но это можно отчасти объяснить ихъ нечистоплотностью. Они также татуируютъ себѣ лицо и тѣло голубой краской и носятъ свои волосы длинными спутанными локонами. Одежда ихъ состоитъ изъ лоскутка бумажной матеріи или звѣриной шкуры, привязанной вокругъ таліи въ видѣ пояса; только нѣкоторые изъ вождей носятъ родъ плаща изъ леопардовыхъ шкуръ, а также козьяго и лисьяго мѣха. Оружіе ихъ заключается въ лукѣ и стрѣлахъ, отравленныхъ сокомъ одного вида лютика, который извѣстенъ въ Ассамѣ подъ именемъ „mischmi-bi"; затѣмъ они носятъ копья и ножи въ 45 сантим. длиною, которые расширяются, начиная отъ рукоятки и оканчиваются широкимъ и тупымъ остріемъ. Лу-зеу независимы отъ китайцевъ и не платятъ имъ дани, хотя ихъ можно встрѣтить иногда подъ знаменами Небесной имперіи. Китайскіе мандарины чувствуютъ нѣкоторый страхъ къ этому смѣлому и предпріимчивому племени, которое можетъ выставить на поле битвы до 1.200 человѣкъ, годныхъ носить оружіе, и поэтому поддерживаютъ съ ними дружелюбныя отношенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы удовлетворить его разбойничьимъ наклонностямъ насчетъ магометанъ, они ежегодно приглашаютъ его участвовать въ своихъ хищническихъ походахъ. Лу-зеу не умѣютъ ни читать, ни писать и, вслѣдствіе этого, для своихъ сношеній съ китайцами изобрѣли особый языкъ знаковъ, съ помощью котораго обѣ стороны передаютъ другъ другу важныя извѣстія. Они рѣдко являются на восточной сторонѣ Ланъ-цанъ-кіанга и не иначе, какъ съ враждебными цѣлями, относительно другихъ племенъ или магометанъ. Такимъ образомъ это дикое племя мало извѣстно китайцамъ и другимъ народамъ, за исключеніемъ развѣ французскихъ миссіонеровъ, такъ какъ послѣдніе, повидимому, находятся съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ. Господствующее туземное племя отличается во многихъ отношеніяхъ отъ лу-зеу, которые занимаютъ пограничную страну на западномъ берегу рѣки Ланъ-цана и платятъ дань покорившему ихъ вождю іа-зеу. Они занимаются земледѣліемъ, живутъ въ небольшихъ блокгаузахъ и выказываютъ другіе признаки цивилизаціи.

Мосо, очевидно, представляютъ собой остатки прежняго могущественнаго племени, которое все болѣе и болѣе утрачиваетъ свою самобытность и ассимилируется съ іа-зеу, вождю которыхъ они подчинены. По наружному виду мосо почти не отличаются отъ китайцевъ; мужчины носятъ обычную синюю куртку изъ бумажной матеріи, короткіе китайскіе штаны и косу, а также отчасти брѣютъ себѣ голову. Костюмъ женщинъ при всей своей фантастичности не лишенъ граціи. Онъ состоитъ изъ маленькой шапочки, краснаго и чернаго сукна съ висячей кистью, которая кокетливо одѣвается немного на бокъ и очень идетъ къ молодымъ лицамъ, затѣмъ изъ широкой кофты съ длинными рукавами, корсажа, закрытаго на груди и плотно прилегающаго къ тѣлу и короткой юбки домашняго тканья „kilt", собранной продольными складками. Ноги замѣчательно красивой формы и, вмѣсто чулокъ, обвиты отъ щиколки до колѣна бѣлой и голубой бумажной тканью; къ этому нужно прибавить кожаные башмаки съ острыми концами, загнутыми кверху. Таковъ въ общихъ чертахъ костюмъ дамъ мосо, и хотя цвѣтъ кожи у нихъ темнѣе, нежели у китаянокъ, но онѣ безспорно красивы и хорошо сложены. Украшеніемъ служатъ огромныя серебряныя серьги, похожія формой на ручку обыкновеннаго ключа, серебряныя кольца и браслеты, а также ожерелья изъ стеклян-

ныхъ бусъ. Въ религіозномъ отношеніи мосо исповѣдуютъ одновременно буддизмъ и китайское поклоненіе мертвымъ. У нихъ особое нарѣчіе; но они не имѣютъ письменныхъ знаковъ. Китайскій языкъ даже въ бо́льшемъ употребленіи, нежели мѣстное нарѣчіе, и, такъ какъ въ школахъ учатъ читать и писать только по-китайски, то по всѣмъ вѣроятіямъ, нарѣчіе мосо, какъ и языки другихъ племенъ, современемъ окончательно выйдетъ изъ употребленія въ этой части Іюнъ-нана. Дома у мосо большей частью построены изъ дерева, и по наружному виду чрезвычайно похожи на китайскіе. Они воздѣлываютъ рисъ на террасахъ у склоновъ горъ.

Іа-зеу, по внѣшности, ничѣмъ не отличаются отъ китайцевъ, кромѣ своеобразной одежды женщинъ, которая почти такая же, какъ у мосо, съ тою разницей, что красивая маленькая шапочка иногда замѣнена здѣсь капишономъ изъ краснаго сукна съ множествомъ нашитыхъ на немъ раковинъ каури. Ихъ религія и храмы совершенно китайскіе, а также нравы и обычаи; и хотя они имѣютъ самобытный разговорный языкъ, но всѣ мужчины, видѣнные Куперомъ, могли говорить, читать и писать по-китайски. Въ школѣ, которая находится при каждомъ храмѣ (что въ обычаѣ и въ другихъ, болѣе цивилизованныхъ частяхъ Китая), обучаютъ одному китайскому языку, такъ что единственное видимое различіе между іа-зеу и китайцами заключается собственно въ томъ, что первые вообще менѣе опрятны, нежели послѣдніе. Вождь іа-зеу несравненно могущественнѣе всѣхъ вождей другихъ племенъ въ Ланъцанѣ, потому что его власть, помимо собственнаго племени (благодаря побѣдамъ его предковъ), простирается на мосо и на многочисленныя племена лен-су. Въ его владѣніяхъ добывается большое количество золота. Онъ одинъ имѣетъ право дозволить разработку золотыхъ пріисковъ, и получаетъ треть добытаго золота, изъ которой въ былыя времена платилъ дань китайскому правительству. Іа-зеу платятъ подать своему вождю естественными продуктами и обязаны работать на него; онъ пользуется вполнѣ деспотической властью, потому что подданные во всѣхъ отношеніяхъ его рабы. Вообще всѣ вожди въ этой странѣ держатъ невольниковъ въ своихъ домахъ.

Мукворы по наружному виду, языку и нравамъ почти не отличаются отъ іа-зеу или мосо. Они вооружены кремневыми ружьями (T. T. Cooper Reise zur Auffindung eines Ueberlandweges von China nach Indien Iena 1877, s. 281—295).

Бирманцы составляютъ главный элементъ населенія въ западныхъ частяхъ полуострова задней Индіи; они занимаютъ долину средняго Иравадди и несмотря на деспотическое правленіе достигли въ Бирманѣ довольно значительной степени образованности. По наружному виду они малы ростомъ, приземисты, но сильнаго тѣлосложенія, съ своеобразнымъ строеніемъ ногъ и бедеръ, сплошь покрытыхъ іероглифообразной голубой татуировкой. У нѣкоторыхъ тѣмъ-же способомъ татуирована грудь и плечи въ знакъ того, что они принадлежатъ къ высшему классу. У бирманцевъ широкое лицо, выступающія скуловатыя кости, плоскій тупой носъ, нѣсколько вздутыя губы, небольшіе, сѣрые, косолежащіе глаза и блѣдно-желтая кожа, цвѣта незрѣлаго лимона; и, хотя все это далеко не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о красотѣ, но тѣмъ не менѣе въ ихъ наружности есть нѣчто особенно привлекательное. Несомнѣнно, что благопріятному впечатлѣнію, главнымъ образомъ, способствуетъ выраженіе мужества и сознанія собственнаго достоинства, которымъ отличаются лица болѣе пожилыхъ людей, между

тѣмъ какъ физіономія молодыхъ субъектовъ, носитъ отпечатокъ безотчетной веселости и юношеской смѣлости. Женщины сходны по типу съ мужчинами, только меньше ростомъ и изящнѣе. Ихъ круглыя миніатюрныя лица, съ тупыми носами и ласкающимъ выраженіемъ глазъ, хотя не могутъ быть названы красивыми, но производятъ болѣе пріятное впечатлѣніе, нежели прославленная красота индіянокъ (Gräfin Nostitz Helfers Reisen in Vorderasien und Indien. Leipzig 1879. Bd. II s. 83—84).

Одежда бирманцевъ въ высшей степени проста и состоитъ у мужчинъ изъ „potzo", бумажной или чаще шелковой шали, въ 4 метра длины и 1 метръ ширины, самыхъ пестрыхъ красокъ, преимущественно въ видѣ большихъ клѣтокъ, голубыхъ, зеленыхъ, красныхъ и желтыхъ. Они обвертываютъ „potzo" вокругъ тальи и бедеръ и живописно закидываютъ одинъ конецъ его на плечи. Головнымъ уборомъ служитъ небольшой платокъ яркихъ цвѣтовъ, такъ называемый „gumbung", къ которому привязываютъ иногда широкій локонъ волосъ. Женщины ходятъ съ открытой головой и не носятъ другой одежды, кромѣ большаго, четырехъ-угольнаго бумажнаго или шелковаго платка, который отъ тальи доходитъ до щиколки ногъ, плотно прилегаетъ къ тѣлу и завязанъ подъ лѣвой рукой двумя верхними концами, что, разумѣется, составляетъ не особенно удобный костюмъ при сильномъ вѣтрѣ. Со времени господства англичанъ чувство приличія настолько развилось у женщинъ, что теперь онѣ прикрываютъ грудь и плечи кофтой изъ толстаго англійскаго тюля. Оба пола никогда не стригутъ своихъ жесткихъ черныхъ волосъ; мужчины свертываютъ ихъ въ пучокъ на макушкѣ головы, между тѣмъ какъ женщины зачесываютъ назадъ свои волосы и связываютъ узломъ на затылкѣ. Вообше бирманцы тщательно выбриваютъ бороду и бакенбарды и оставляютъ небольшіе усы; обувь считается лишней, и только женщины носятъ иногда кожаныя сандаліи по извѣстному классическому образцу.

Пища бирманцевъ простая и питательная; подобно всѣмъ народамъ южной и восточной Азіи рисъ играетъ самую важную роль въ ихъ кухнѣ; затѣмъ слѣдуютъ плоды, соленая рыба и такъ называемая „ngapi"; десертомъ служатъ орѣхи бетели и длинныя остъиндскія сигары. „Ngapi" представляетъ родъ тѣста, приготовляемаго изъ риса и рыбы, заготовленной въ прокъ, съ довольно сильныхъ протухлымъ запахомъ. Въ большомъ ходу орѣхъ бетеля (Areca catechu L.), дѣйствующій охмѣляющимъ образомъ: листья употребляются для жеванья, а орѣхи, также какъ и въ Индіи, считаются необходимой потребностью жизни. Затѣмъ оба пола безъ различія возраста выказываютъ такое-же пристрастіе къ остъ-индійскимъ сигарамъ (cheroots). Бирманскіе мальчики даже превосходятъ американскихъ въ куреніи, такъ что нерѣдко можно видѣть дѣтей, которые тянутся отъ материнской груди къ сигарѣ и втягиваютъ въ себя табачный дымъ. Бирманцы носятъ менѣе драгоцѣнныхъ вещей, нежели индусы, но придаютъ наибольшее значеніе ушнымъ украшеніямъ. Мочки ушей сильно растянуты, вслѣдствіе большаго отверстія (нерѣдко въ 3 сант.); въ которое вдѣваютъ самые разнообразные предметы, кусочки дерева, драгоцѣнные камни, небольшіе золотые и серебряные слитки. Если нѣтъ подъ рукой этихъ украшеній, то мужчины замѣняютъ ихъ сигарами и другими мелкими вещами домашняго употребленія, между тѣмъ, какъ женщины при случаѣ вдѣваютъ въ уши цвѣты и даже цѣлые букеты, что производитъ довольно странное впечатлѣніе. Браки заключаются только въ случаѣ зрѣлости жениха и невѣсты и носятъ характеръ гражданскаго договора, безъ всякаго отношенія къ духовной власти. Законъ запрещаетъ многоженство и признаетъ одну жену, на-

зываемую „mica“. Число наложницъ не ограничено никакими предписаніями. Мужъ можетъ при извѣстныхъ условіяхъ отослать жену къ ея родителямъ; но разводъ связанъ съ большими издержками. Наложницы живутъ въ одномъ домѣ съ законной женой и обязаны прислуживать ей; когда она выходитъ изъ дому, то эти сопровождаютъ ее и несутъ сзади кружку съ водой, жестянку съ бетелемъ и опахала. Если умираетъ мужъ, то наложницы переходятъ вдовѣ, въ томъ случаѣ, если онѣ были его невольницы и онъ не успѣлъ передъ смертью освободить ихъ формальнымъ актомъ. Что касается положенія бирманскихъ женщинъ, то онѣ могутъ во всякое время выходить изъ дому и принимаютъ участіе во всѣхъ дѣлахъ повседневной жизни. Онѣ стоятъ за прилавкомъ, покупаютъ и продаютъ, заключаютъ различныя сдѣлки, что на остальномъ востокѣ считается привилегіей однихъ мужчинъ. Ихъ обращеніе исполнено чувства собственнаго достоинства, безъ малѣйшей тѣни цинизма или раболѣпства, потому что здѣсь женщинѣ предоставлены тѣ же права, что и мужчинѣ. Она можетъ заниматься торговлей и промыслами, имѣть поземельную собственность и самостоятельно управлять ею безъ всякой опеки. По закону жена совершенно независима отъ мужа, имѣетъ право оставить его, если бракъ заключенъ на извѣстное время, и даже прежде назначеннаго срока, только обязана выплатить ему деньги, внесенныя имъ при заключеніи свадебнаго договора. Впрочемъ, подобные случаи встрѣчаются довольно рѣдко. Равнымъ образомъ, по всѣмъ отзывамъ, бирманки ведутъ себя ничуть не хуже женщинъ другихъ націй. Хотя онѣ не носятъ покрывала, но во всей ихъ фигурѣ и манерахъ столько прирожденной скромности, что этого совершенно достаточно, чтобы внушить къ нимъ уваженіе. Американскій путешественникъ, Франкъ Винцентъ, съ большой похвалой отзывается о бирманцахъ и говоритъ, что это простодушный, немного лѣнивый, но чистосердечный и общительный народъ, который привѣтливо обходится со своими и гостепріименъ относительно чужестранцевъ. Что касается чистосердечности, то эта черта характера несовмѣстима съ систематичной лживостью, которую приписываетъ имъ графиня Ностицъ. „Туземцы, говоритъ она, считаютъ первымъ и постоянно соблюдаемымъ правиломъ никогда не говорить правды, даже въ томъ случаѣ, если ложь не приноситъ имъ никакой выгоды“. Этотъ порокъ, впрочемъ, единственный, который она могла подмѣтить у вѣчно довольныхъ и веселыхъ бирманцевъ, составляетъ самое обыденное явленіе у азіятскихъ народовъ. Бирманцы выше всего цѣнятъ спокойствіе и жизненныя удобства. Они охотно проводятъ время въ куреньи и болтовнѣ; днемъ спятъ или слушаютъ дикую музыку, а затѣмъ поютъ далеко за полночь. Подобное препровожденіе времени живо напоминаетъ цыгана, воспѣтаго въ превосходномъ стихотвореніи Ленау, который, по словамъ поэта, съ утра до ночи пьетъ, куритъ, играетъ на скрипкѣ и видитъ въ этомъ единственное назначеніе жизни. Впрочемъ, бирманцы въ былыя времена были еще безпечнѣе, нежели теперь.

„Бирманцы, говоритъ маіоръ Алланъ въ своей запискѣ, поданной въ Калькуттскій департаментъ иностранныхъ дѣлъ,—отличаются отъ остальныхъ азіатовъ въ томъ отношеніи, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ раболѣпствѣ; при этомъ они живаго характера и сразу замѣчаютъ смѣшную сторону въ людяхъ. Личное и домашнее несчастіе не долго огорчаетъ ихъ. Хотя чувство національности довольно слабо въ нихъ, но они выказываютъ нѣкоторую привязанность къ родинѣ и въ особенности къ своимъ семьямъ. При своемъ полномъ невѣжествѣ они стараются уяснить себѣ окружающія ихъ явленія, если это не требуетъ особеннаго умственнаго напряженія, и, такимъ образомъ, выказываютъ извѣстную степень любознательности. Ихъ нельзя назвать жестокими, но они равнодушно смотрятъ на кровь, проливаемую ихъ властелинами. Къ числу ихъ добродѣтелей нужно отнести умѣренность, воздержаніе и выносливость, а къ недостаткамъ — отсутствіе выдержки, вслѣд-

ствіе чего всякая дисциплина или занятіе, требующее усидчивости, въ высшей степени утомительно для нихъ. Тѣмъ не менѣе они не лишены нѣкоторой предпріимчивости, и въ мелочной торговлѣ выказываютъ замѣчательную изворотливость; въ этомъ отношеніи особенно отличаются женщины. Хотя бирманцы по природѣ не имѣютъ склонности къ лжи и обману, но крайне легковѣрны и способны къ чудовищнымъ преувеличеніямъ; тѣ изъ нихъ, которые занимаютъ оффиціальныя должности, высокомѣрны и хвастливы; и, если за ними нѣтъ строгаго надзора, то способны на всякій произволъ и взяточничество и любятъ выказывать свою власть. Храбрость не принадлежитъ къ числу ихъ добродѣтелей, поэтому военная хитрость имѣетъ у нихъ болѣе значенія, нежели мужество. Они плохо владѣютъ оружіемъ и небрежно относятся къ нему, и хотя живутъ въ лѣсистой странѣ, но стрѣляютъ плохо и несмѣлые охотники. Если въ послѣдней войнѣ съ европейцами они выказали недостатокъ мужества, то это нисколько не мѣшаетъ имъ быть неумолимыми относительно слабѣйшаго врага; ихъ проворство и жестокость обнаруживаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше ихъ безпокоитъ исходъ битвы.

Впрочемъ, на ряду съ трусостью у нихъ проявляется извѣстное презрѣніе къ смерти. Ученіе о переселеніи душъ, которое образуетъ интегрирующую составную часть буддійскаго вѣроисповѣданія, непосредственно ведетъ къ тому, что его приверженцы выказываютъ поразительное равнодушіе къ уничтоженію человѣческаго существованія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это касается ихъ лично. Бирманцы исповѣдуютъ буддизмъ, который у нихъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо сохранился внѣ посторонняго вліянія, какъ доказываетъ ихъ вѣра въ боговъ покровителей, и поэтому здѣсь всего менѣе нарушаются монашескіе обѣты бѣдности и цѣломудрія. У бирманцевъ существуетъ выработанная система національнаго воспитанія, по которой всѣ мальчики должны по закону провести три года въ „khyung“, т. е. монастырѣ, гдѣ они прислуживаютъ „phungyi“ или монахамъ, а эти съ своей стороны обучаютъ ихъ чтенію, письму, ариѳметикѣ и религіи. Каждый „phungyi“ обязанъ посвятить себя учительской дѣятельности и они всегда считали своимъ главнымъ назначеніемъ стремиться къ тому, чтобы всѣ дѣти мужескаго пола, безъ всякихъ изъятій, могли читать и писать. „Число „phungyi“ очень значительно; они живутъ въ монастырѣ, соблюдаютъ безбрачіе и въ большинствѣ случаевъ отличаются цѣломудріемъ. Они всегда безъ денегъ и не имѣютъ надобности въ нихъ. Каждое утро они обходятъ деревню со своими воспитанниками, и въ каждомъ домѣ получаютъ порцію риса и даже готоваго кушанья, которымъ питаются они сами и мальчики. Послѣдніе впродолженіе трехъ лѣтъ не имѣютъ никакого отношенія къ родителямъ и кормятся насчетъ всей общины; они привыкаютъ къ подчиненію и послушанію относительно старшихъ и получаютъ элементарное общественное воспитаніе, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіяхъ ихъ дальнѣйшей жизни. Обыкновенно мальчикъ носитъ въ монастырѣ желтое монашеское платье, и остается здѣсь отъ десяти до тринадцати лѣтъ, послѣ чего онъ становится монахомъ или возвращается въ міръ. Однако, несмотря на крайне ограниченное воспитаніе, получаемое въ „khyung“’ѣ, оно совершенно достаточно, чтобы распространить извѣстное образованіе въ народѣ. Дѣвушки, наоборотъ, не получаютъ никакого воспитанія; говорятъ, что въ Бирманскомъ государствѣ также трудно найдти грамотную женщину, какъ мужчину, который бы не умѣлъ читать и писать. Тѣмъ не менѣе женщины занимаютъ видное положеніе въ обществѣ (Ausland, 1867, s. 788). Хотя бирманцы относятся съ величайшей терпимостью и равнодушіемъ ко всѣмъ другимъ религіознымъ вѣрованіямъ, но до сихъ поръ всѣ попытки обратить ихъ въ христіанство остались безуспѣшными. Ихъ монахи ведутъ длинные диспуты съ миссіонерами, но считаютъ свои религіозныя книги настолько же древними и непреложными, какъ христіане свое священное писаніе, и чтобы убѣдиться

въ противномъ требуютъ точныхъ математическихъ доказательствъ, которыя, конечно, не могутъ быть представлены имъ. По своему характеру бирманцы имѣютъ много общаго съ китайцами; они остроумны и предпріимчивы, отличаются смышленостью и духомъ независимости, хотя довольно лѣнивы. Они не признаютъ кастъ и чужды расовыхъ предразсудковъ; при этомъ безусловно признаютъ превосходство европейцевъ и заимствуютъ у нихъ различныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ они считаютъ для себя честью породниться съ послѣдними и въ Пегу охотно выдаютъ за нихъ своихъ дочерей, если церемонія брака исполнена по ихъ законамъ. Женщина, выданная замужъ при этихъ условіяхъ, считаетъ себя законной женой, и не только требуетъ соотвѣтствующаго обращенія, но заявляетъ притязаніе, чтобы ей оказывали почести, связанныя съ общественнымъ положеніемъ ея мужа.

Оскаръ Пешель причисляетъ бирманцевъ къ малайско-китайскимъ племенамъ, а именно къ народамъ, представляющимъ общіе внѣшніе признаки монгольской расы; ихъ нарѣчіе такое же односложное, какъ у китайцевъ, но болѣе богатое корнями, которые примѣняются въ разговорѣ для точнѣйшаго опредѣленія смысла. Бирманцы пишутъ слѣва направо, не раздѣляя слова; ихъ азбука заключаетъ 44 буквы, которыя большей частью состоятъ изъ круговъ или частей круга. Книгопечатаніе неизвѣстно; въ общемъ употребленіи длинныя полосы темной бумаги, на которой пишутъ каменными карандашами. Бирманская литература состоитъ изъ произведеній, писанныхъ на діалектѣ пали, преимущественно богословскаго и юридическаго содержанія, затѣмъ изъ буддійскихъ легендъ, балладъ и сочиненій объ астрономіи, космографіи и астрологіи, какъ на діалектѣ пали, такъ и на бирманскомъ языкѣ.

Наиболѣе тѣсную связь съ бирманцами представляютъ мугхъ, жители прибрежной страны Аракана, лежащей у Бенгальскаго залива, называемые также „малыми брамма“ въ противоположность большимъ брамма или бирманцамъ. Языкъ, употребляемый въ Араканѣ, древнѣе бирманскаго, который составляетъ его діалектъ, менѣе выработанъ, нежели этотъ послѣдній и нѣсколько грубѣе его. Собственно мугхъ — природные жители Аракана и составляютъ половину всего населенія страны; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ такъ называемыми магометанскими мугхъ, которые хотя и водворились окончательно въ странѣ, но должны считаться въ ней пришельцами. Они говорятъ между собой на бенгальскомъ или туземномъ языкѣ. Одежда ихъ та жа, что у остальныхъ мугхъ, отъ которыхъ они рѣзко отличаются строеніемъ лица. Старики носятъ бороды, что составляетъ рѣдкость у природныхъ араканцевъ и стригутъ себѣ волосы, между тѣмъ какъ мугхъ, настолько же бережетъ ихъ, какъ Самсонъ.

Къ этимъ двумъ бирманскимъ народамъ и мугхъ примыкаетъ рядъ некультурныхъ горныхъ племенъ, которыхъ Фр. Миллеръ обозначаетъ общимъ именемъ народовъ лохита. Рѣку Брахмапутру также называютъ Лохита. Эти народы представляютъ такое же этнографическое сродство съ бирманцами, какъ обитатели Гималаевъ съ тибетцами.

Мы упоминали выше о племенахъ, населяющихъ пограничныя Ассамскія горы, какъ мишми, нага, лушаи и т. п. Въ собственно такъ называемой задней Индіи, а именно въ горахъ Юма, отдѣляющихъ Араканъ отъ долины Иравадди, живутъ многочисленныя племена кхіенгъ, къ которымъ можно также причислить сингфу. Горные жители аренгъ-кхіенгъ или „дикіе горцы" принадлежатъ къ первобытнымъ обитателямъ Марама; они отличаются болѣе стройнымъ тѣлосложеніемъ, нежели араканцы, языкъ которыхъ совершенно непонятенъ для нихъ. Чувство стыдливости, повидимому, мало знакомо имъ, потому что лоскутокъ сукна, которымъ они прикрываютъ свою наготу, даже не заслуживаетъ названія одежды. Они носятъ деревянный щитъ, окованный металломъ, вслѣдствіе чего на лѣвой рукѣ подобно тому, какъ на пальцахъ отъ ношенія колецъ, образуется впадина, тѣмъ болѣе, что туземцы носятъ щитъ съ дѣтства и увеличичиваютъ его соотвѣтственно росту. Кхіенгъ хорошіе стрѣлки изъ лука и вообще отличаются красивой наружностью. Женщины носятъ въ видѣ серегъ слоновую кость, бамбукъ, лоскутки краснаго сукна въ 10 сантим. въ поперечникѣ, вслѣдствіе чего у нихъ растянуты уши и имѣютъ самую уродливую форму. У верхняго Коладина дикіе хлингъ-джу или шенду составляютъ величайшую язву для окрестныхъ жителей. Ихъ набѣги бываютъ иногда весьма опустошительны и наводятъ тѣмъ большій страхъ, что отличаются необыкновенной быстротой при соблюденіи полнѣйшей тишины. Впрочемъ, шенду нападаютъ только на тѣ племена, которыхъ хотятъ наказать за прежній набѣгъ, или въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ племенная вражда изъ поколѣнія въ поколѣніе. Равнымъ образомъ аренги рѣдко грабятъ обитателей равнины. Національнымъ оружіемъ араканскихъ горцевъ служитъ короткое копье съ длиннымъ клинкомъ, на одномъ концѣ котораго придѣланъ шипъ. У племени комуи, ками или куми особенно поражаетъ нарядный видъ домовъ, убранныхъ всѣми дѣтскими украшеніями полудикихъ людей. Наружность мужчинъ производитъ пріятное впечатлѣніе по ихъ живости, красивому и сильному тѣлосложенію, между тѣмъ какъ женщины достигаютъ чудовищной тучности. Къ этимъ племенамъ лохита нужно еще причислить ябаинъ или цабаингъ, живущихъ въ бассейнѣ Ситанга; мру или міу въ горахъ между Араканомъ и Читагонгомъ, тхокъ-сакъ у восточныхъ рукавовъ рѣки Науфа, лунгъ-кхе у верховьевъ Коладина и тхунгъ-лхо въ Тенассеримѣ. Лоло или коренные жители китайской провинціи Юнъ-нанъ также принадлежатъ къ вышеупомянутымъ племенамъ; они преимущественно занимаются горнымъ промысломъ и достигли извѣстнаго искусства въ ковкѣ оружія. Наиболѣе значительный народъ этой группы карены; они живутъ въ горахъ Аракана, Пегу, въ южномъ Бирманѣ, въ долинахъ Иравадди и Салуена, а также встрѣчаются отдѣльными группами до Менама.

Прозвище „карены“ заимствовано изъ бирманскаго языка; они сами называютъ себя кайя и распадаются на множество племенъ, говорящихъ однимъ языкомъ. Хотя сосѣдніе народы называютъ ихъ черными, бѣлыми и красными каренами, но эти прозвища у нихъ не въ употребленіи. Главнѣйшими племенами считаются сгау (бирманскіе карены), пво (талаингъ-каренъ) и дау-бія, которые распространены въ горахъ до сѣверной окраины округа Тунгну. Кромѣ того здѣсь встрѣчаются племена: мопагха, бгхаи, тару и многія другія. По внѣшности существуетъ весьма близкое фамильное сродство между тремя вышеназванными племенами, изъ чего можно вывести заключеніе объ ихъ общемъ происхожденіи; но замѣчательно, что при этомъ мы находимъ въ ихъ діалектахъ весьма значительныя различія. Каренъ-ни (красные карены) или талихъ, названные такъ по красному цвѣту ихъ одежды, равно и дикіе племена остальныхъ кареновъ живутъ на склонахъ горъ Шанъ между Ситангъ и Салуэномъ. Бѣлые карены распространены во всемъ Бирманскомъ государствѣ и отчасти усвоили себѣ обычаи бирманцевъ. Высшія религіозныя понятія совершенно недоступны имъ. Если вы ихъ спрашиваете объ отвлеченныхъ предметахъ, какъ, напримѣръ, относительно ихъ представленій о загробной жизни, они отвѣчаютъ вамъ: „Намъ это неизвѣстно и мы не думаемъ объ этомъ; знаемъ только, что являемся на свѣтъ Божій и должны снова исчезнуть; а такъ какъ міръ прекрасенъ, то и послѣ должно быть хорошо“. У кареновъ нѣтъ никакого богослуженія, хотя они крайне суевѣрны и больше всего боятся колдовства. Только нужда заставляетъ ихъ прибѣгать къ молитвѣ. Если ихъ постигаетъ несчастіе, то они вспоминаютъ о существованіи двухъ демоновъ, которые карая ихъ, даютъ этимъ знать, что требуютъ пищи. Чтобы умилостивить ихъ они выставляютъ съѣстные припасы и въ честь ихъ справляютъ празднества. Карены невысокаго роста, красиваго и коренастаго тѣлосложенія, хотя менѣе сильнаго, нежели бирманцы; они необыкновенно ловки и ихъ физіономія не носитъ такого рѣзкаго отпечатка монгольскаго происхожденія. Скуловыя кости не особенно выступаютъ впередъ; глаза лежатъ на болѣе прямой линіи; цвѣтъ кожи свѣтлѣе и почти такого же оттѣнка, какъ у жителей южной Европы. Въ наружности кареновъ всего болѣе поражаютъ ихъ красныя щеки, длинныя лица и прямые носы; при этомъ молодыя дѣвушки ежеминутно краснѣютъ, чѣмъ, по замѣчанію графини Ностицъ, онѣ отличаются отъ всѣхъ другихъ азіятскихъ типовъ. Карены настолько же лѣнивы, какъ и остальные азіяты, но ихъ охотно нанимаютъ въ качествѣ дровосѣковъ, потому что они въ противоположность бирманцамъ не считаютъ предосудительнымъ рубить деревья въ такъ называемыхъ священныхъ лѣсахъ, на старыхъ кладбищахъ и т. п. Татуировка существуетъ у нихъ также, какъ у бирманцевъ и талаингъ, но этотъ обычай замѣтно выходитъ изъ употребленія у туземцевъ принявшихъ христіанство. Буддизмъ не особенно распространенъ среди нихъ. Карены, населяющіе округъ Юксейлендъ, принадлежатъ къ племени сгау; у нихъ также какъ и въ Бенгаліи существуетъ перемѣнная система полеваго хозяйства. Въ каждой деревнѣ можно встрѣтить „zokay“ (zoke, tsau-kay) въ семьѣ котораго санъ вождя передается по наслѣдству; но онъ самъ въ свою очередь подчиненъ „zokay-hyuk“ или верховному главѣ. Въ былыя времена „zokay-hyuk“ и старѣйшіе деревни рѣшали спорные случаи и назначали наказанія; они пользовались неограниченной, всѣми признаваемой властью. Но теперь ихъ авторитетъ исчезъ, хотя должность „zokay“ существуетъ по прежнему и онъ завѣдуетъ внутренними дѣлами общины. „Zokay“ не получаетъ жалованья и не имѣетъ никакихъ преимуществъ кромѣ того, что всѣ жители деревни принимаютъ участіе въ обработкѣ его поля. Каждая деревня состоитъ изъ длиннаго дома, похожаго на казармы, съ входомъ по срединѣ; комнаты расположены по обѣимъ сторонамъ; въ каждой изъ нихъ живетъ отдѣльная семья. Юноши помѣщены въ особомъ зданіи, такъ называемомъ „lu-hyu-kan“. Мужчины выходятъ съ утра на по-

левыя работы, потому что хлѣбопашество и воздѣлываніе бетеля составляетъ ихъ главнѣйшее и единственное занятіе; женщины остаются дома, толкутъ рисъ, присматриваютъ за домашней птицей, свиньями и козами и готовятъ кушанье. Но во время посѣва и жатвы всѣ жители деревни безъ различія пола и возраста работаютъ на полѣ. Одежда кареновъ состоитъ изъ блузы „thindeing", обшитой красными полосами, которая одѣвается черезъ голову и доходитъ только до колѣнъ. Мѣстныя ткани изготовляются изъ хлопка. Карены вплетаютъ въ свои длинные волосы лоскутки кисеи, и за неимѣніемъ золотыхъ и серебряныхъ вещей втыкаютъ въ проколотыя уши цвѣты. Они постоянно носятъ съ собой широкій, продолговатый топоръ для рубки деревьевъ. У нихъ за плечами виситъ мѣшокъ съ платьемъ, различными мелочами и жестянкой бетеля; кромѣ того привѣшана на ремнѣ коническая корзина, называемая „nov-loway", въ которой переносятъ всевозможныя вещи. Одежда женщинъ состоитъ изъ голубой нижней юбки и голубой блузы съ краснымъ бордюромъ, большей частью украшенной бѣлыми тяжелыми пуговицами. Въ торжественныхъ случаяхъ надѣвается красноватый головной уборъ съ птичьими крыльями, сверхъ того ожерелья изъ мелкихъ ядеръ, латунные и стеклянные браслеты на суставахъ рукъ и обручи у щиколки ногъ. Женщины также носятъ на спинѣ вышеупомянутую корзину; и вообще въ ловкости и силѣ не уступаютъ мужчинамъ. Тѣ и другія замѣчательно выносливы въ ходьбѣ и никогда не чувствуютъ усталости. Они безъ труда поднимаются на крутыя горы и проходятъ по 50 км. въ день. Женщины не представляютъ ничего привлекательнаго: у нихъ широкія лица и толстыя неуклюжія ноги. Оба пола весьма неопрятны и носятъ одно и тоже платье впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже послѣ купанья надѣваютъ его. Въ дождливое время платье бываетъ постоянно мокрое, что отчасти служитъ замѣной стирки. Между мужчинами и женщинами нѣтъ никакой разницы, относительно умѣнія владѣть топоромъ, переноски тяжестей, куренья, жеванія бетеля и даже потребленія спиртныхъ напитковъ. Ихъ главную пищу составляетъ вареный рисъ съ приправой изъ чилійскаго перца. Они перегоняютъ изъ риса хмѣльный напитокъ, который употребляется при всякомъ празднествѣ; рисъ служитъ также для изготовленія различныхъ печеній. Вообще карены лучше питаются нежели бирманцы, потому что не раздѣляютъ буддійскаго предубѣжденія относительно убиванія животныхъ (Adolf Bastian in der Zeitschr. d. Ges. f. Erdk. zu Berlin 1866).

Въ Пегу, т. е. у нижняго теченія Иравадди, по сосѣдству съ бирманцами и каренами живетъ народъ монъ, извѣстный у бирманцевъ подъ именемъ талаингъ, языкъ котораго не имѣетъ ни малѣйшаго сродства съ бирманскимъ. Когда европейцы впервые посѣтили страну, талаинги составляли господствующую націю въ южномъ Бирманѣ и считали себя туземной расой, т. е. древнѣйшими переселенцами въ Пегу; но въ настоящее время они встрѣчаются только на востокѣ и югѣ дельты Иравадди, въ Мартабанѣ и Тенассеримѣ. Въ древности бирманцы едва доходили до Проме и немного южнѣе, гдѣ утесъ Акуктунгъ вдается въ Иравадди; но съ тѣхъ поръ талаинги подверглись вліянію бирманцевъ, которые постепенно подчинили ихъ своему вліянію.

Талаинги мало отличаются отъ бирманцевъ и, такъ какъ при этомъ они носятъ ту же одежду, то ихъ легко перемѣшать другъ съ другомъ. Вообще цвѣтъ кожи свѣтлѣе у талаинговъ; у нихъ болѣе тонкія черты лица и небольшая борода. Но ихъ языкъ, въ фонетическомъ отношеніи, рѣзко отличается

отъ бирманскаго; въ послѣднемъ звукъ R, совершенно отсутствуетъ, тогда какъ въ талаингъ онъ встрѣчается очень часто. Обѣ народности настолько слились другъ съ другомъ и браки между ними такъ часты, что, быть можетъ, уже не далеко то время, когда бирманская раса сдѣлается господствующей, а талаинги забудутъ свой языкъ и примутъ бирманскiй, потому что даже теперь едва ли можно встрѣтить талаинга, который бы не владѣлъ въ совершенствѣ бирманскимъ языкомъ. Хотя талаинги имѣютъ свои письменные знаки, но они рѣдко пользуются ими и обыкновенно пишутъ на своемъ языкѣ бирманскими буквами (Zeitschr. d. Ges. f. Erdk. zu Berlin 1874). По свидѣтельству профессора Бастiана азбука языка талаингъ отличается отъ бирманской незначительными отступленiями, обусловленными, большимъ преобладанiемъ гортанныхъ звуковъ. Всѣ буквы круглыя и представляютъ сходство съ письменными знаками тамуловъ и телингу въ Деканѣ. Форма ихъ, повидимому, произошла изъ четырехъугольныхъ письменныхъ знаковъ пали, который по нѣкоторымъ даннымъ, былъ въ употребленiи чуть ли не до V столѣтiя. Хотя талаинги, наравнѣ съ бирманцами, исповѣдуютъ буддiйскую религiю и познакомились съ нею при посредствѣ того-же священнаго языка пали, но тѣмъ не менѣе они отличаются отъ бирманцевъ своеобразнымъ поклоненiемъ невидимымъ духамъ. Талаингъ, пройдя время искуса въ монастырѣ, гдѣ онъ провелъ всю молодость, всецѣло поручаетъ себя и свою будущую судьбу покровительству могущественнаго „nat“ и тогда знахарь указываетъ ему день женитьбы. Онъ воздѣлываетъ свое рисовое поле и гдѣ нибудь вблизи въ скрытомъ мѣстѣ строитъ „nat-tseng“, миніатюрный домъ для духа, гдѣ онъ приноситъ ему въ жертву часть пищи, иногда арракъ, ладанъ и т. п. Онъ срубаетъ часть лѣса, чтобы развести плантацiю и на первомъ срубленномъ деревѣ приноситъ въ жертву рисъ, соль и нгапи съ воззванiемъ къ „nat“, чтобы послѣднiй отвратилъ отъ него нужду и простилъ ему, что онъ осмѣлился срубить дерево въ любимомъ мѣстопребыванiи духа. „Nat-tseng“ снабженъ въ миніатюрномъ видѣ всей домашней утварью. Если заболѣваетъ талаингъ, то онъ призываетъ знахаря, который устраиваетъ пляску духовъ, послѣ чего слѣдуетъ жертвоприношенiе, жгутъ ладонъ и призываютъ музыкантовъ. Дѣйствительно усиленныя благочестивыя упражненiя, къ которымъ прибѣгаетъ знахарь, не только облегчаютъ страданiя больнаго, но часто совершенно излечиваютъ его. Женщины иногда воображаютъ, что онѣ одержимы бѣсами и подъ влiянiемъ этого истерическаго явленiя исполняютъ пляску, отъ которой падаютъ въ изнеможенiи (O'Riley въ „Journal of the Jndian Archipelago“. October 1850).

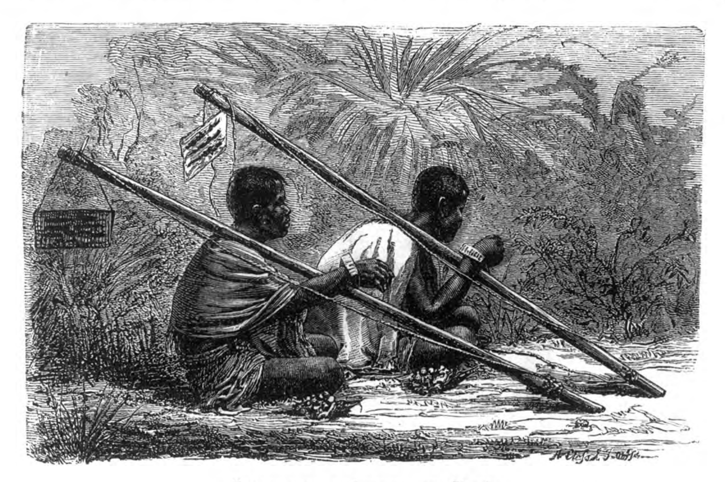
Народы тхаи живутъ къ востоку отъ бирманцевъ и талаингъ и занимаютъ большую часть Индо-китайскаго полуострова. Они распадаются на нѣсколько отдѣловъ, на собственно тхаи или сiамцевъ, составляющихъ главное населенiе Сiамскаго государства, лао, ахомъ и вышеупомянутыхъ кхамти и кхассiя. Лао тождественны съ шанъ, (имя которыхъ послужило къ образованiю слова „сiамъ“) и живутъ къ югу отъ китайцевъ; они населяютъ внутреннiя и сѣверныя части полуострова и дѣлятся на бѣлыхъ лао (lao-pung-kah) и черныхъ лао (lao-pung-dam). Ихъ языкъ сроденъ съ тхаи, но представляетъ сравнительно болѣе раннюю степень фонетическаго развитiя, такъ что находится въ томъ же соотношенiи съ послѣднимъ, какъ нарѣчiе ракхаингъ къ бирманскому языку. Пе-и (или, какъ они сами называютъ себя локъ-тхаи) и папе, живущiе по сосѣдству съ лао, не принадлежатъ къ вышеупомянутымъ племенамъ и скорѣе могутъ быть

причислены къ тхаи или сіамцамъ. Ахомъ, завоеватели Ассама, принадлежатъ къ народу шамъ. Въ настоящее время ихъ нарѣчіе обратилось въ мертвый языкъ и уступило мѣсто діалекту осѣдлыхъ жителей Ассама, такъ называемому ассами, который представляетъ близкое сродство съ бенгальскимъ языкомъ. Къ народамъ тхаи слѣдуетъ также причислить племена міаотзе (міау-тзи) „сыновья земли", т. е. природные обитатели страны, которые распространены въ гористыхъ частяхъ китайскихъ провинцій Сзе-чуенъ, Квей-чау, Ху-нанъ, Хухъпехъ, Юн-нанъ, Квангъ-зи и у границъ Кванъ-тунга. Сюда же можно отнести жителей Хуи-нана.

Сіамцы стройнаго и сильнаго тѣлосложенія, но съ некрасивыми и грубыми чертами лица, при этомъ довольно неповоротливы, хотя отличаются мягкостью обращенія. У сіамца въ большинствѣ случаевъ тупой носъ и выступающія скулы, мрачное неинтеллигентное выраженіе глазъ, большой ротъ и широкія ноздри; губы окрашены бетелемъ, а зубы всегда черные, какъ уголь. Прямые и черные волосы коротко острижены и только на макушкѣ головы оставленъ небольшой пучекъ. Женщины носятъ ту же прическу, но ихъ волосы немного тоньше и они больше заботятся о нихъ. Собственно красивы только дѣти и представляютъ собой характерное и привлекательное явленіе своей роскошной коричневой фигурой, пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ, живымъ плутоватымъ выраженіемъ лица и необыкновенно блестящими, черными, влажными глазами. Но съ достиженіемъ зрѣлости все это исчезаетъ безслѣдно; особенно дѣвушки скоро старѣются и положительно становятся безобразными. По отзыву другаго наблюдателя, а именно Моугота, сіамскія женщины несравненно красивѣе мужчинъ, а молодыя дѣвушки отъ 12—20 лѣтъ могли бы служить моделью для европейскихъ скульпторовъ. Вообще мужчину трудно отличить отъ женщины по одеждѣ. Оба пола носятъ кусокъ цвѣтной, шелковой или бумажной матеріи, обвернутой вокругъ тальи, затѣмъ „languti", набедренный платокъ, который застегиваютъ на тѣлѣ, загнутыми концами. Верхней одеждой, смотря по времени года, служитъ куртка или платокъ. Въ особенности женщины носятъ большей частью куртку или полосу матеріи, сложенную складками на груди. Взрослые не носятъ ни колецъ, ни цѣпочекъ и вообще никакихъ украшеній въ ушахъ и на тѣлѣ; все это можно встрѣтить въ большомъ изобиліи на дѣтяхъ достаточныхъ родителей, которыя нерѣдко увѣшаны различными драгоцѣнностями, золотыми и серебряными пряжками и т. п. Оба пола постоянно жуютъ бетель, вслѣдствіе чего вся полость рта принимаетъ черный цвѣтъ и только тѣ субъекты, которые побывали въ Европѣ или получили высшее образованіе не слѣдуютъ этому отвратительному обычаю. Знатныхъ людей постоянно сопровождаетъ невольникъ, который несетъ за ними всѣ необходимыя вещи при жеваніи бетеля: плевальницу и небольшіе сосуды съ листьями бетеля, известью и орѣхами арека. Эти приборы представляютъ своего рода художественныя произведенія и единственную роскошь, которую позволяютъ себѣ бѣдняки. Они дѣлаются изъ массивнаго золота или вызолоченнаго серебра и украшены узорами. Куреніе табака въ такомъ же ходу, какъ и жеваніе бетеля и чуть ли не у каждаго сіамца за ухомъ сигара. Главной пищей служитъ рисъ, рыба, овощи, плоды, лукъ, а также похлебка изъ перца и кореньевъ.

Сіамцевъ обыкновенно называютъ „тхаи", хотя это слово имѣетъ скорѣе юридическій смыслъ и означаетъ свободнаго человѣка въ противоположность невольнику. Помимо лицъ, обязанныхъ нести въ мирное время сторожевую и морскую службу, которыя принадлежатъ къ несвободнымъ людямъ, суще-

ствуютъ еще крѣпостные или рабы. Послѣднiе дѣлятся на три класса. Во-первыхъ, къ нимъ принадлежатъ военноплѣнные, которые составляютъ собственность лица, взявшаго ихъ въ плѣнъ; но они могутъ внести за себя выкупъ и обыкновенно платятъ сумму около 48 тикалъ (120 рейхсмарокъ). Затѣмъ слѣдуютъ индивиды, которые обращены въ рабство за долги; они обязаны служить своему господину какъ бы въ видѣ платежа процентовъ. Эта форма рабства прекращается съ платежемъ суммы долга; поэтому рабъ можетъ принудить своего господина продать его другому, если этотъ внесетъ за него слѣдуемый капиталъ. Дѣти родителей, попавшихъ въ рабство за долги, равнымъ образомъ становятся невольниками, подобно тому, какъ брачный союзъ между рабами не служитъ препятствiемъ для розничной продажи обоихъ супруговъ. Третiй классъ составляютъ невольники, которые считаются безусловной собственностью господина. Сюда преимущественно относятся субъекты, проданные въ дѣтствѣ родителями, вслѣдствiе ли стѣсненныхъ обстоятельствъ или потому, что были введены въ долги проигранной тяжбой. При



Транспортъ плѣнныхъ въ Сiамѣ.

такой продажѣ всегда заключается письменный договоръ. Хотя сiамцы вообще преданы своимъ семьямъ, но тѣмъ не менѣе мужу предоставлено право въ случаѣ надобности продать свою жену. Въ низшихъ классахъ населенiя такая продажа совершается безъ всякихъ препятствiй, потому что въ большинствѣ случаевъ мужъ покупаетъ жену какъ товаръ, изъ чего слѣдуетъ по сiамскимъ понятiямъ, что онъ всегда можетъ сбыть ее по своему усмотрѣнiю. Но если за женой было извѣстное приданое, то она поставлена въ совсѣмъ иныя условiя. Мужъ можетъ продать ее только въ уплату долга, сдѣланнаго съ ея вѣдома. Вообще въ семьяхъ господствуетъ согласiе; мужья хорошо обращаются съ своими женами; послѣднiя занимаютъ почетное положенiе въ домѣ и пользуются свободой. Они безпрепятственно ходятъ по улицамъ, бываютъ на рынкѣ, посѣщаютъ и принимаютъ знакомыхъ.

Сiамцы обращаютъ особенное вниманiе на внѣшность и дѣла этикета. У каждаго свой особый титулъ, начиная съ короля и кончая послѣднимъ чиновникомъ; при этомъ такая же постепенность соблюдается въ мѣстоименiяхъ,

сообразно положенію говорящаго или того лица, къ которому обращена рѣчь, подобно тому, какъ нѣкогда въ европейскихъ языкахъ проводилось строгое различіе между вы и ты, онъ и они. Сіамцы соблюдаютъ это различіе даже относительно мѣстоименія „я“; такъ, напримѣръ, гдѣ этого требуетъ вѣжливость, они говорятъ: „я, слуга господина“, или употребляютъ еще болѣе смиренное выраженіе: „я тончайшій волосокъ“ (въ смыслѣ ничтожества), или „я, пылинка на подошвѣ священной особы милостиваго господина“, или же „я маленькая тварь“ и т. п. Въ настоящее время многіе сіамцы, въ особенности высшихъ сословій и, между прочимъ, послѣдніе короли безусловно покровительствуютъ наукѣ и духовной жизни и стараются по возможности сдѣлать

Сіамская актриса.

доступными для народа преимущества, связанныя съ высшей культурой. Описаніе Адольфа Бастіана невольно приводитъ насъ къ тому заключенію, что сіамцы, помимо поощренія со стороны властей, еще до этого стояли приблизительно на такой же степени развитія, какъ европейцы въ средніе вѣка, незадолго до того времени, когда схоластики познакомили міръ съ плодами греческой и римской учености. Сіамцы заимствовали свою умственную культуру изъ Индіи, совмѣстно съ буддизмомъ. Большая часть литературныхъ сіамскихъ произведеній написана не на живомъ нарѣчіи страны тхаи, а на священномъ языкѣ пали. Свѣтская литература обнимаетъ приблизительно до 250 томовъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ большую цѣну; они состоятъ преимущественно

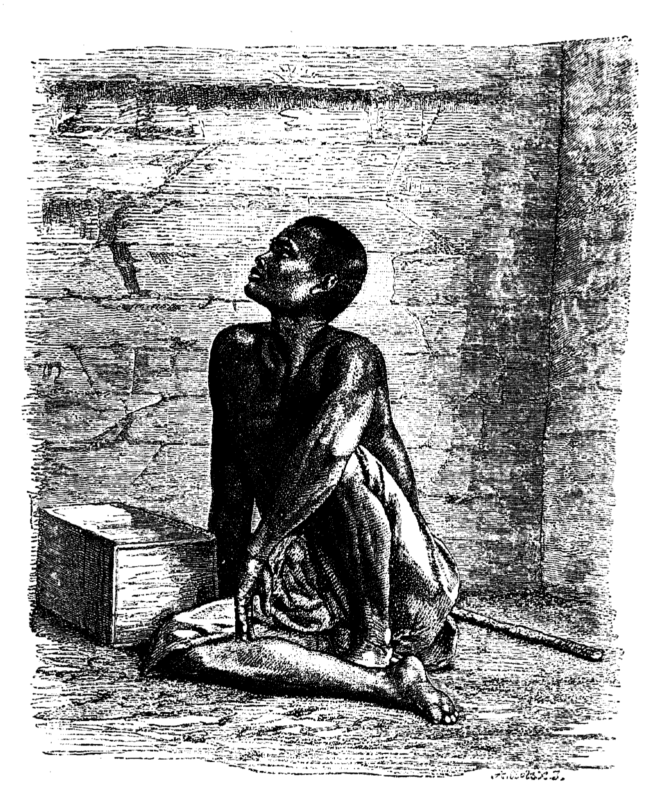
изъ историческихъ хроникъ, юридическихъ, медицинскихъ, астрономическихъ и философскихъ сочиненій, наконецъ разсказовъ, романовъ, комедій, трагедій, пѣсенъ и эпическихъ произведеній. Въ драмахъ и театральныхъ пьесахъ, подобно тому, какъ было нѣкогда въ Европѣ, нѣтъ выработанныхъ діалоговъ, а только указано въ какомъ смыслѣ долженъ импровизовать актеръ. Кромѣ того, существуютъ театральныя пьесы, текстъ которыхъ отчасти напоминаетъ оперное либретто. Драматическій стихотворный размѣръ довольно запутанный; при этомъ послѣднія слова первой и второй строфы должны составлять рифму съ средними словами третьей строфы. Бастіанъ приводитъ въ переводѣ образцы поэтическихъ произведеній, и между прочимъ любовныя пѣсни, которыхъ мы вообще не встрѣчаемъ у восточныхъ азіятовъ. До сихъ поръ при дворѣ обращено особенное вниманіе на театральныя представленія.

Сіамъ представляетъ избирательное, но деспотически управляемое государство, съ двумя королями, изъ которыхъ одинъ существуетъ только по имени. Здѣсь мы встрѣчаемъ безчисленное множество монастырей, переполненныхъ монахами, такъ называемыхъ „phra“ или „талапойны“ (какъ ихъ обыкновенно величаютъ европейцы), которые стоятъ на различныхъ ступеняхъ духовной іерархіи и подчинены особому суду. Школьное образованіе, обязательное для мальчиковъ находится въ рукахъ монаховъ, какъ и въ Бирманскомъ государствѣ. Равнымъ образомъ сіамецъ на 12 или 13 году своей жизни поступаетъ послушникомъ въ монастырь и добровольно налагаетъ на себя десять обѣтовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе: бѣдность и цѣломудріе. Послушники большей частью возвращаются въ міръ и снимаютъ съ себя желтую монашескую одежду, другіе, наоборотъ, готовятся къ посвященію въ духовный санъ. Впослѣдствіи, если монахъ раскаивается, что поступилъ въ орденъ, то стоитъ ему только заявить объ этомъ своему учителю и подвергнуть себя въ уединеніи двадцатидневному покаянію, чтобы безпрепятственно вернуться въ міръ. Монахи не составляютъ особой касты, потому что буддизмъ не признаетъ кастовыхъ различій: каждый можетъ сдѣлаться монахомъ, даже рабъ, если онъ получилъ на это дозволеніе своего господина. „Талапойновъ“ даже нельзя назвать духовенствомъ въ строгомъ значеніи этого слова, но они играютъ роль во всѣхъ важныхъ событіяхъ семейной жизни, какъ напримѣръ послѣ родовъ, при стрижкѣ волосъ, во время свадьбы и погребальныхъ торжествъ. При этомъ они исполняютъ различные религіозные обычаи, хотя лично отъ себя, а не за другихъ людей. Заработокъ, получаемый ими при церемоніяхъ, едва оказывается достаточнымъ для скуднаго пропитанія. Такимъ образомъ они являются пастырями душъ, и имѣютъ дѣло съ публикой, а не съ прихожанами. Тѣмъ не менѣе народъ относится съ большимъ уваженіемъ къ этому духовному ордену. На ряду съ господствомъ буддизма въ Сіамѣ существуетъ множество суевѣрныхъ представленій и обычаевъ, заимствованныхъ изъ Индіи и Китая. Сіамцы вѣрятъ въ кривоногихъ, рогатыхъ и волосатыхъ идоловъ китайской миѳологіи, въ сиренъ, оборотней, великановъ, лѣсныхъ и горныхъ фей, духовъ, пребывающихъ въ огнѣ, водѣ и воздухѣ. Однимъ словомъ, признаютъ всѣхъ чудовищъ азіятскаго Пантеона и весь Пандемоній брахмановъ, начиная отъ нага, божественнаго змія, извергающаго пламя, до орла Гаруда, который похищаетъ людей и уноситъ ихъ на своихъ крыльяхъ. У нихъ также существуетъ вѣра въ талисманы, которые дѣлаютъ человѣка неуязвимымъ, ограждаютъ отъ болѣзни и дурнаго глаза и способствуютъ плодородію. Сіамцы, кромѣ того, придаютъ большое значеніе предсказаніямъ астрологовъ и колдуновъ относительно дождя и засухи. Эти же ловкіе шарлатаны, живущіе насчетъ суевѣрнаго народа, предсказываютъ также войну и миръ, счастье и несчастье въ игрѣ и торговлѣ, указываютъ благопріятные дни для бракосочетанія, путешествія, начала постройки дома, однимъ словомъ для всевозможныхъ предпріятій.

Къ сѣверу отъ сіамцевъ живутъ лао или восточные шанъ, которые мало по малу проникли на югъ вдоль долины Меконгъ. По существующему предположенію ихъ первоначальныя мѣста жительства находились въ горахъ восточнаго Тибета. Вообще лао не отличались воинственностью, и поэтому довольно медленно двигались къ бассейну Менама, гдѣ они составляютъ основной элементъ населенія. До сихъ поръ нарѣчія лао и сіамцевъ настолько схожи, что оба народа безъ труда понимаютъ другъ друга. Сіамскія преданія переносятъ первоначальную родину своего народа внутрь Лаоса, священной земли, гдѣ совершилось много религіозныхъ чудесъ. Сіамцы обозначаютъ себя именемъ „малыхъ тхаи" и называютъ „большими тхаи" своихъ сосѣдей лао, населяющихъ Ксіенгъ-Маи и мѣстности, лежащія далѣе на сѣверъ, которыя въ настоящее время находятся въ зависимости отъ Бирманскаго государства. Что касается этимологіи слова лао, то оно до сихъ поръ остается невыясненнымъ. По нѣкоторымъ даннымъ имя „лао" означаетъ „старые". Жители нижняго Лаоса называютъ себя леа; этимъ же именемъ обозначаютъ ихъ аннамцы; отсюда, вѣроятно, произошло европейское прозвище лао или лаотье.

Въ настоящее время область Лоаса дѣлится на значительное число провинцій; намѣстники носятъ королевскій титулъ и назначаются сіамскимъ дворомъ, которому безусловно подчинены. Сношенія народа съ мандаринами носятъ довольно патріархальный характеръ, такъ что вымогательства со стороны послѣднихъ встрѣчаются рѣже, нежели въ другихъ странахъ; но уголовныя узаконенія буквально составляютъ кодексъ тѣлесныхъ наказаній съ всевозможными подраздѣленіями. Лао представляетъ много задатковъ къ развитію и, повидимому, способенъ къ прогрессу; онъ отличается пытливымъ умомъ и вѣротерпимостью въ религіозныхъ вопросахъ. Сѣверныхъ лао можно сразу отличить отъ бирманцевъ по болѣе свѣтлому цвѣту кожи; они имѣютъ гордую осанку и вообще подвижнѣе и дѣятельнѣе своихъ южныхъ соотечественниковъ. У послѣднихъ даже нѣтъ рынковъ, которые вездѣ встрѣчаются на сѣверѣ. Но при этомъ сѣверные лао относятся крайне недовѣрчиво къ чужестранцамъ, и настолько трудолюбивы, что почти не видно праздныхъ людей. Это можно частью объяснить любовью къ наживѣ и торговымъ оборотамъ. Но къ своему несчастью они чувствуютъ такую страсть къ азартнымъ играмъ, что въ игорныхъ притонахъ можно встрѣтить людей всѣхъ возрастовъ, лежащихъ на грязныхъ циновкахъ. Музыка лао нѣжна, мелодична и носитъ сентиментальный характеръ. Всѣ населенныя мѣстечки Лаоса, какъ мелкія, такъ и болѣе значительныя, по крайней мѣрѣ въ южныхъ частяхъ страны, расположены вдоль Меконга. Дома окружены садами и соединены между собой тропинками. Лао воздѣлываютъ рисъ который составляетъ ихъ главную пищу, затѣмъ табакъ, хлопокъ, сахарный тростникъ, тутовое дерево и пр. Жилища также, какъ и въ Сіамѣ, построены на столбахъ, имѣющихъ до 1,50—2 м. высоты; поэтому они совершенно защищены отъ сырости, а также змѣй, скорпіоновъ и муравьевъ, которые въ этомъ жаркомъ поясѣ составляютъ язву страны. Соломенныя крыши домовъ падаютъ отвѣсно; стѣны вездѣ двойныя, сплетены изъ бамбука и съ внутренней стороны покрыты листьями; въ жилые покои ведетъ лѣстница. Домашняя утварь крайне проста; циновки и подушки служатъ замѣной мебели. Въ пріемной виситъ всякаго рода оружіе: копья, кремневыя ружья, охотничьи снаряды, рыболовныя сѣти и т. п. Одежда также

какъ у сіамцевъ состоитъ обыкновенно изъ „languti“ (набедреннаго платка). Знатные люди носятъ шелковый платокъ „languti“ и, кромѣ того узкую куртку съ рукавами и застежками на груди, а также иногда родъ шарфа, который набрасываютъ на плечи. Лао большей частью красиваго и сильнаго тѣлосложенія; нерѣдко можно встрѣтить геркулесовскія фигуры. Выраженіе лица представляетъ своеобразную смѣсь хитрости и равнодушія, робости и самоувѣренности. Волосы коротко выстрижены, какъ у сіамцевъ и только на макушкѣ



Лао изъ внутреннихъ провинцій Сіама.

головы оставленъ небольшой пучокъ. Для „languti“, куртки и шарфа лао выбираютъ самые яркіе цвѣта, которые представляютъ эффектный контрастъ съ темной окраской ихъ кожи. Головной уборъ и обувь не въ употребленіи; шляпу носятъ только лодочники для защиты отъ солнечныхъ лучей. Дѣти украшаютъ себѣ руки и ноги золотыми, серебряными и мѣдными обручами и даже подчасъ замѣняютъ ихъ повязками изъ шелковой или бумажной ткани. Кромѣ того они навѣшиваютъ на себя талисманы, которыми снабжаютъ ихъ буддій-

скіе бонзы. Взрослые люди считаютъ подобныя украшенія излишними и носятъ только серьги, а затѣмъ кольца съ блестящими камнями, которые пріобрѣтаютъ за дорогую цѣну въ Бангкокѣ. За ушами всегда красуются небольшія сигары, завернутыя въ бамбуковый листъ. Лао въ большинствѣ случаевъ татуируютъ себѣ животъ и бедра; но этотъ обычай менѣе распространенъ на югѣ и постепенно выходитъ изъ употребленія. Женщины также одѣты довольно скудно. Онѣ обвязываютъ бедра „languti“, который падаетъ ниже колѣнъ и образуетъ родъ юбки; затѣмъ набрасываютъ на плечи кусокъ ткани. Женщины не стригутъ своихъ роскошныхъ черныхъ волосъ, а носятъ ихъ въ видѣ шиньоновъ, обвитыхъ свѣтлой лентой и украшаютъ ихъ цвѣтами; ожерелья и браслеты въ общемъ употребленіи. Многія дѣвушки и женщины производятъ пріятное впечатлѣніе своей наружностью, такъ что даже европеецъ назвалъ бы ихъ красивыми. Молодыя дамы лао несравненно привлекательнѣе большинства женщинъ Менама, особенно въ тѣ моменты, когда онѣ расчесываютъ свои длинные волосы, что составляетъ ихъ любимое занятіе. Но съ наступленіемъ старости, онѣ совершенно отвыкаютъ отъ чесанія волосъ, и тѣ изъ нихъ, которыя перешли 35-ти-лѣтній возрастъ при своихъ огромныхъ зобахъ и безобразныхъ пучкахъ косматыхъ волосъ на затылкѣ, могли бы произвести эфектъ между типичными колдуньями. Зобъ встрѣчается даже у молодыхъ дѣвушекъ и составляетъ общую принадлежность пожилыхъ женщинъ; но мужчины совершенно избавлены отъ этой болѣзни. Многоженство исключительно въ обычаѣ у знатныхъ людей, но и здѣсь только одна жена считается законной. Строгое соблюденіе супружеской вѣрности безусловно необходимо во многихъ отношеніяхъ, въ виду существующихъ законовъ о наслѣдствѣ. Дѣти короля не могутъ наслѣдовать его сана, если ихъ мать не урожденная принцесса. Въ семейной жизни примѣняются китайскіе законы; но вообще женщины не слишкомъ строго соблюдаютъ свои супружескія обязанности, тѣмъ болѣе, что лао замѣчательно снисходительны въ этомъ отношеніи, и соблазнитель платитъ только денѐжный штрафъ. Рабство въ обычаѣ; человѣкъ можетъ сдѣлаться невольникомъ за долги или по приговору суда, но это составляетъ рѣдкость; преобладающее большинство состоитъ изъ дикарей, вывезенныхъ изъ восточныхъ горъ. Съ ними вообще обходятся довольно кротко. Они исполняютъ всѣ полевыя и домашнія работы, потому что лао настолько лѣнивъ, что если не можетъ имѣть невольниковъ, то заставляетъ работать жену. Онъ самъ занимается только охотой и рыбной ловлей.

Далѣе къ Корату распространены выходцы изъ южнаго Лаоса, которые встрѣчаются здѣсь совмѣстно съ сіамскими переселенцами. Между Коратомъ и Меконгомъ живутъ квуи, которыхъ называютъ также сваи, т. е. данники, потому что, въ видѣ натуральной повинности, на нихъ наложенъ сборъ естественныхъ произведеній. Горы, лежащія къ сѣверу отъ озера Тули-сапъ, принадлежатъ самрехамъ, соплеменникамъ королевской семьи въ Камбоджѣ. Такъ называемомъ каменъ-донгъ (лѣсные камены) или каменъ-боранъ (старые камены) населяютъ гряду холмовъ, которые тянутся отъ рѣки Баттамбанга вдоль западнаго берега озера до морскаго побережья. Каменъ-донгъ обязаны платить ежегодную дань кардамомамъ. Они представляютъ близкое сродство съ самрехами; въ Камбоджѣ они извѣстны подъ именемъ хаклёховъ. Ксонгъ или ла-сонгъ живутъ въ суровой горной странѣ у Чандабуна; это большей частью сбродъ всевозможныхъ національ-

ностей; но тѣмъ не менѣе при своей замкнутости они составили особую расу, съ отдѣльнымъ языкомъ. Болотистыя мѣстности у озера Тули-сапъ населены нынѣшними камбоджанами (камены, кхмеръ или кохмъ), которые въ недалекомъ разстояніи отъ Паномпина примыкаютъ къ кохинхинцамъ или аннамцамъ; послѣдніе выселились сюда изъ Саигона.

Камбоджане имѣютъ овальную форму головы, широкія и въ то же время продолговатыя лица при крайне неуклюжей фигурѣ, такъ какъ ихъ толстыя кривыя ноги слишкомъ коротки, сравнительно съ длиной туловища. Бѣлокъ глаза ослѣпительной бѣлизны; волосы слегка курчавые, ротъ широкій и большой, лобъ замѣтно выступаетъ впередъ; носъ приплюснутый и тупой. Но и здѣсь, какъ у всякой другой расы, встрѣчаются самыя разнообразныя физіономіи; прямые и даже орлиные носы не составляютъ рѣдкости, хотя ноздри почти всегда расширенныя. Въ то время, какъ волны переселенцевъ съ сѣвера все болѣе и болѣе наводняли Сіамъ, въ Камбоджѣ до извѣстной степени удержалось первобытное населеніе, хотя въ настоящее время оно весьма незначительно по сравненію съ его прежнимъ распространеніемъ на материкѣ и сосѣднихъ островахъ. Камбоджане причисляютъ себя къ буддистамъ, но ихъ религія носитъ характеръ крайняго пантеизма, доведеннаго до нелѣпости.

Провинціи Бинтуанъ и Биндинхъ принадлежали ціампа, которые отчасти погибли въ войнахъ съ Аннамскимъ государствомъ и частью спаслись бѣгствомъ въ Камбоджу, гдѣ они встрѣчаются въ видѣ отдѣльныхъ колоній, большей частью, совмѣстно съ ихъ единовѣрцами кхенъ (чвеа или малайцами). Прилагаемое къ нимъ прозвище лои собственно принадлежитъ суровому дикому племени, кочующему въ горахъ, у мыса С.-Джемса.

У верхняго Меконга, къ сѣверу отъ Тонкина, живутъ кванто, которые имѣютъ пальмовыя книги и своеобразныя письмена. Говорятъ, что въ лѣсахъ Тонкина встрѣчаются до сихъ поръ остатки первобытныхъ туземцевъ гіао-хи, съ вывороченнымъ внутрь большимъ пальцемъ ногъ. Продольныя долины отвѣсной цѣпи горъ, которая тянется вдоль Меконга и отдѣляетъ Аннамскія владѣнія отъ остальныхъ частей полуострова Задней Индіи населены помѣсью различныхъ племенъ, обозначаемыхъ общимъ именемъ кха, которые до сихъ поръ мало извѣстны. Сюда принадлежатъ банары, которые занимаютъ плоскую возвышенность аннамской провинціи Биндинъ. Къ сѣверо-западу отъ нихъ живутъ беунгао, къ сѣверо-востоку халанги, къ сѣверу седаны, а за ними кварры. На западѣ банары граничатъ съ племенами: баннамъ на востокѣ съ кейонгъ, на юго-востокъ съ брау. Къ югу отъ банаровъ живутъ хіараи или хانграи, за которыми слѣдуютъ радехи, банонги и еще далѣе на югъ стіенги; послѣдніе отчасти находятся въ извѣстной зависимости отъ Камбоджи. Но вообще всѣ эти дикія горныя племена крайне трудно поддаются классификаціи, потому что до сихъ поръ этнологія Задней Индіи еще совершенно не выяснена: въ Камбоджѣ они извѣстны подъ именемъ пномъ;

аннамцы называютъ ихъ мои, тонкинцы—міонгъ, сіамцы—кха. Предполагаютъ, что аннамцы сродны съ тхаи или сіамцами, а равно и съ бирманцами и что ихъ общей колыбелью слѣдуетъ считать сѣверныя страны Азіи, откуда и произошли эти три главныхъ народа Индо-Китая. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи находяться мои и другіе дикари къ аннамцамъ? Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что существуютъ разнаго рода „дикари", которыхъ нужно различать, какъ въ этническомъ, такъ и лингвистическомъ отношеніи. Мои совсѣмъ иной народъ, нежели живущіе къ сѣверу отъ нихъ лао, которые вопреки предположенію Фр. Гарнье, все-таки отличаются отъ аннамцевъ. По нѣкоторымъ даннымъ лао и аннамцы быть можетъ представляютъ собой двѣ отрасли китайскаго первобытнаго населенія, между тѣмъ какъ большинство сѣверныхъ дикарей Задней Индіи, напр., тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ Тонкинѣ, вѣроятно принадлежатъ къ народной семьѣ лао. Что касается южныхъ мои, то въ настоящее время едва ли мыслимо опредѣлить ихъ этнологическое положеніе; поэтому мы должны довольствоваться предположеніемъ, что они населяли нѣкогда всю сѣверную Кохинхину, пока аннамцы и, быть можетъ, ціампа не принудили ихъ отступить въ горную страну.

Мои, насколько намъ извѣстно, живутъ въ деревняхъ, и въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ безусловно представляютъ собой невольниковъ, живущихъ тамъ аннамцевъ, которые, въ качествѣ заимодавцевъ, заставляютъ ихъ работать на себя въ видѣ уплаты долга. Мои не особенно тяготятся своимъ зависимымъ положеніемъ, потому что этимъ способомъ пріобрѣтаютъ многія вещи, которыя иначе были бы недоступны для нихъ. Въ бассейнѣ рѣки Донгъ-Наи мои носятъ имя мокао, и здѣсь ихъ нравы и обычаи тѣ-же что у белё и беноновъ. Въ нравственномъ отношеніи мокао во многомъ уступаютъ туземцамъ, живущимъ у рѣкъ: Даре-Глунъ и Дреманъ, впадающихъ въ Меконгъ. При этомъ они въ высшей степени суевѣрны и неохотно вступаютъ въ борьбу съ лѣсными звѣрями. Было бы ошибочно составить себѣ понятіе объ этомъ народѣ по тѣмъ мои, которые живутъ во французской Кохинхинѣ, потому что мои въ аннамскихъ колоніяхъ настолько же отличаются отъ своихъ независимыхъ собратій, какъ эти отъ аннамцевъ. Независимыя племена белё и бенона въ высшей степени приличны въ обращеніи, не особенно суевѣрны, привязаны къ семьѣ, уважаютъ права другихъ, но болѣе всего дорожатъ своей свободой. Въ лѣсахъ живетъ мирное, мужественное и трудолюбивое населеніе, которое при первой встрѣчѣ крайне недружелюбно относится къ чужеземцу, но это продолжается только до тѣхъ поръ, пока не убѣдятся въ его доброжелательствѣ. Между аннамскимъ языкомъ и мои существуетъ такая значительная разница, что аннамцы должны были прибѣгнуть къ условному языку, хотя послѣдній понятенъ только для дикарей, живущихъ у границы. Насколько извѣстно у мои для счета принята десятичная система. Они не дѣлятъ дня на часы. Если нужно опредѣлить сколько потребуется времени, чтобы дойти отъ одного пункта до другаго, то они указываютъ на небо, и говорятъ „отъ солнца на этомъ мѣстѣ, до солнца на такомъ то мѣстѣ"; если-же путешествіе можетъ продлиться больше одного дня, то говорятъ „провести въ лѣсу одну, двѣ ночи и т. д. Жилища всѣхъ мои одинаковы; главное строеніе, въ которомъ помѣ-

щается отъ 15—20 человѣкъ и болѣе, имѣетъ 40—50 м. длины и 15 ширины; оно построено на столбахъ, такъ что полъ возвышается на 2—3 м. надъ землей и нужно подняться на лѣстницу, чтобы войти въ домъ. Посреди хижины, устроены вдоль, на равномъ разстояніи одинъ отъ другаго, 5—6 очаговъ, т. е. простыхъ рамъ, покрытыхъ пепломъ; каждый очагъ принадлежитъ отдѣльной семьѣ. Вокругъ главнаго строенія сгруппированы шесть—семь хижинъ для помѣщенія домашней птицы, храненія риса, различной утвари и т. п. Все это обнесено двойной, иногда тройной живой изгородью изъ бамбука. Возлѣ жилья можно всегда встѣтить множество свиней, куръ, и утокъ; мои достигли особеннаго искусства въ откармливаніи каплуновъ. Въ семьѣ занятія распредѣлены между мужемъ и женой, которая пользуется большимъ почетомъ и уваженіемъ. Нарушеніе супружеской вѣрности составляетъ небывалое явленіе; многоженство встрѣчается рѣдко; что же касается поліандріи, то путешественникъ Готье не видѣлъ ни одного примѣра, который бы подтверждалъ ея существованіе. Главное лицо въ домѣ—ребенокъ, окруженный любовью и заботою своихъ родителей; еслибы кто нибудь осмѣлился поднять на него руку, то это считалось бы величайшимъ преступленіемъ. Мои придаютъ большое значеніе учтивости; ихъ празднества отличаются веселіемъ; разговоръ оживляется подъ вліяніемъ рисовой водки; но дѣло никогда не доходитъ до ссоры. Обыкновенно рабовъ покупаютъ въ дѣтскомъ возрастѣ, и они воспитываются вмѣстѣ съ дѣтьми своего господина. Рабство не прекращается даже въ томъ случаѣ, если невольникъ женится на дочери господина. Онъ можетъ быть проданъ во всякое время, но это право не простирается на его дѣтей, родившихся въ домѣ, хоть послѣднія все еще находятся въ извѣстной зависимости отъ семьи господина. Рабство не представляетъ ничего унизительнаго; невольникъ не болѣе, какъ помощникъ своего господина, пріобрѣтенный за деньги, который становится участникомъ его благосостоянія. Господинъ не можетъ принудить невольницу быть его наложницей, и даже въ случаѣ ея согласія не имѣетъ права, сожительствовать съ нею. Дочь послѣ замужества остается въ домѣ своихъ родителей, куда долженъ переселиться и ея мужъ, если онъ не въ состояніи дать тестю невольника взамѣнъ дочери. Такимъ образомъ дочери для мои составляютъ источникъ богатства. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, лейтенантъ Готье, описывая этихъ дикарей, рисуетъ такую идиллическую картину, что къ ней нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ. Прежде всего считаемъ нужнымъ замѣтить, что эти достойные люди носятъ самый первобытный костюмъ, т. е. ходятъ почти нагіе и, вдобавокъ, несмотря на приписываемое имъ добродушіе, намазываютъ свои стрѣлы сильнѣйшимъ ядомъ, тайну котораго заботливо скрываютъ. Другой новѣйшій путешественникъ, д-ръ Рейсъ, сдѣлалъ инаго рода наблюденія у многихъ племенъ мои. Онъ встрѣтилъ у нихъ между прочимъ многоженство; у племени тіома каждая изъ женъ занимаетъ отдѣльное помѣщеніе, и всѣ живутъ вмѣстѣ только въ томъ случаѣ если онѣ родныя сестры; равнымъ образомъ у нѣкоторыхъ племенъ, по ихъ собственному сознанію, существуетъ обычай съѣдать тѣла убитыхъ враговъ (Bull Soc. geogr. Paris 1883. S. 495, 497).

Мои распадаются на значительное число племенъ; изъ нихъ д-ръ Рейсъ называетъ только тѣ, надъ которыми онъ могъ сдѣлать личныя наблюденія, а именно: барія, каокангъ, ла-кагне-донгъ, бангъ, тіома, лаисъ, рде, латесъ и шопъ. Къ сѣверу отъ мои тянутся владѣнія вышеописанныхъ народовъ лао. Изъ сосѣднихъ народовъ этимъ лао подвластны рѣзко отличные отъ нихъ ктоль, затѣмъ топунъ и кираи. На востокѣ, та же безъимянная цѣпь горъ, которая

отдѣляетъ собственно Аннамъ, отъ внутреннихъ частей полуострова, образуетъ границу Лаоса относительно той части Аннамскаго государства, которая носитъ спеціальное названіе Тонкина. Но лао встрѣчаются и въ предѣлахъ Тонкина. По свидѣтельству французскаго миссіонера патера Фіо, вся область гористаго На-хама населена лао, исключая немногихъ деревень, въ которыхъ живутъ мео. Послѣдніе брѣютъ себѣ голову и оставляютъ одну косу на подобіе китайцевъ, имѣютъ тѣ-же обычаи, вступаютъ въ бракъ только между собой и признаютъ культъ предковъ. По своимъ нравамъ они отличаются отъ всѣхъ окрестныхъ жителей, пользуются полной независимостью и распространены также въ западномъ Тонкинѣ. Мео необыкновенно крѣпкаго тѣлосложенія и хорошо одарены въ умственномъ отношеніи; они сами изготовляютъ необходимыя для нихъ орудія, воздѣлываютъ рисъ, маисъ, просо, ленъ, бобы, огурцы, дыни, а также опіумъ, который продаютъ по дорогой цѣнѣ; но сами потребляютъ его въ весьма умѣренномъ количествѣ. При этомъ они умѣютъ приготовлять маисовое вино, выдѣлываютъ тростниковый сахаръ и бумагу изъ волоконъ бамбука. Мео ловкіе торговцы, выгодно сбываютъ свои произведенія; но тѣмъ не менѣе отличаются замѣчательной расточительностью. Ихъ языкъ указываетъ на нѣкоторое сродство съ міаотзе южнаго Китая.

Народы Тонкина представляютъ между собой значительныя различія въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Населеніе Тонкина ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ къ одной народности. Въ равнинахъ живутъ аннамцы, нынѣшніе властелины страны, и тонкинцы, которые составляютъ главную массу населенія.

Они имѣютъ мало общаго съ аннамцами, несравненно смышленѣе и дѣятельнѣе ихъ и торгуютъ всевозможными товарами. Имъ нравится нажива; но они также усердно расточаютъ деньги, какъ стараются пріобрѣсти ихъ, и меньше всего заботятся о завтрашнемъ днѣ. Тонкинецъ склоненъ къ мотовству, это взрослый беззаботный ребенокъ, любитель зрѣлищъ, веселія и празднествъ; онъ не останавливается ни передъ какими расходами, когда дѣло идетъ объ устройствѣ роскошной церемоніи или погребенія. Онъ походитъ характеромъ на китайцевъ съ той разницей, что послѣдніе больше думаютъ о будущности и никогда не доходятъ до такой безумной расточительности. Тонкинецъ охотно обѣдаетъ у своихъ друзей и за столомъ толкуетъ о своихъ дѣлахъ. Они всѣ отличаются прирожденнымъ веселіемъ и подвижностью, необыкновенно ловки въ своихъ движеніяхъ; при этомъ чистосердечны и далеко не такъ плутоваты, какъ ихъ сосѣди аннамцы. Благодаря этимъ свойствамъ, они производятъ на европейца болѣе пріятное впечатлѣніе, нежели другіе народы дальняго востока; христіанство также нашло у нихъ доступъ, и теперь число христіанъ въ Тонкинѣ доходитъ до 420,000. Что касается наружности, то у нихъ не такой приплюснутый носъ, какъ у китайцевъ и менѣе выступающія скулы. Они не особенно крѣпкаго тѣлосложенія и съ жидкой бородой; цвѣтъ лица оливковый. Мужчины отчасти неуклюжаго тѣлосложенія; женщины слишкомъ тучны, но онѣ пополняютъ этотъ недостатокъ величественной наружностью, нѣжной кожей, прекрасными черными глазами и густыми бровями. Онѣ никогда не стригутъ своихъ черныхъ какъ смоль волосъ, свертываютъ ихъ на

затылкѣ въ видѣ шиньона и прикрѣпляютъ пряжкой. Ихъ ростъ большей частью ниже средняго. У нихъ существуетъ характерный обычай обмѣниваться подарками при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ что нельзя нигдѣ показаться безъ подарка, и вамъ каждый разъ дарятъ въ свою очередь. Въ противоположность аннамцамъ и китайцамъ, тонкинцы очень любятъ чужеземныя произведенія. Жеваніе бетеля въ общемъ употребленіи. Все населеніе живетъ въ большихъ или менѣе значительныхъ деревняхъ, обнесенныхъ бамбуковыми заборами. Дома построены изъ дерева или бамбука и глины; крыши соломенныя, а у болѣе достаточныхъ людей кирпичныя. Деревни преимущественно населены крестьянами, но въ нѣкоторыхъ живутъ плотники, столяры, кузнецы, ткачи и пр. Крестьяне составляютъ безусловно самую здоровую и нравственную часть населенія, между тѣмъ какъ чиновный міръ, преданный опіуму и всякимъ излишествамъ, угнетаетъ и эксплуатируетъ низшіе классы. Чиновники большей частью аннамцы, къ которымъ тонкинцы относятся съ глубокой ненавистью.

Маленькій аннамецъ.

Обитатели горъ не имѣютъ ничего общаго съ тонкинцами равнинъ; они выше ростомъ, съ болѣе свѣтлой кожей и вообще простодушнѣе ихъ. Многія племена ведутъ кочевой образъ жизни, не держатъ ни воловъ, ни буйволовъ для обработки полей, устраиваютъ свои жилища на небольшихъ лѣсистыхъ горахъ, дѣлаютъ подсѣки, и на пеплѣ, сѣютъ рисъ и другія растенія, необходимыя для ихъ пропитанія. Если почва истощена или истребленіе сорныхъ травъ и лѣса представляетъ слишкомъ большія затрудненія, то они покидаютъ свои хижины, взваливаютъ пожитки себѣ на спину и отыскиваютъ гдѣ нибудь новое мѣсто жительства, поставленное въ болѣе благопріятныя условія. Подобный образъ жизни можно встрѣтить у семи значительныхъ семействъ составляющихъ народъ кса, который по своему происхожденію принадлежитъ къ лао. Весьма многочисленные муонги также мѣняютъ мѣста жительства, но дѣлаютъ это только во время войны или голода; изъ нихъ насчитывается отъ 5—6000 католиковъ. У муонговъ есть своего рода дворянство (а именно остатки такъ называемые „lanj“), которое стоитъ во главѣ различныхъ племенъ; при этомъ правленіе переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. По нѣкоторымъ дан-

нымъ, нарѣчіе муонговъ ничто иное, какъ жаргонъ аннамскаго языка, передѣланный такимъ своеобразнымъ способомъ, что аннамцы не въ состояніи понимать его, между тѣмъ какъ муонги, въ случаѣ надобности, могутъ даже объясняться на аннамскомъ языкѣ. Впрочемъ нельзя безусловно вѣрить этому лингвистическому показанію, потому что у большинства горныхъ племенъ свои самобытныя нарѣчія, какъ напр. у тхи, которыхъ считаютъ первобытными обитателями страны и у горцевъ нонгъ, населяющихъ сѣверныя части Тонкина смежныя съ Китаемъ. Всѣ эти различныя племена почти сплошь язычники. Многіе изслѣдователи считаютъ эти народы, въ особенности муонговъ, первобытной туземной расой, отъ которой произошли аннамцы, и предполагаютъ, что послѣдніе подверглись такому существенному видоизмѣненію подъ вліяніемъ китайской крови и цивилизаціи. По мнѣнію д-ра Гарванда муонги и ихъ соплеменники представляютъ болѣе близкое сродство съ туземцами горнаго узла Аттопо въ Сіамѣ, которые почти не имѣютъ ничего общаго съ аннамцами. Гарвандъ признаетъ также, что малайцы оказали сильное вліяніе на аннамцевъ. Но вообще этотъ вопросъ нельзя считать окончательно рѣшенымъ.

Собственно аннамцы (по-китайски ніанъ-нанъ) близкіе родичи тонкинцевъ, держатся особнякомъ отъ своихъ западныхъ сосѣдей и по религіи и нравамъ примыкаютъ къ китайцамъ. Они исповѣдуютъ буддизмъ въ томъ видѣ, какъ его признаютъ китайцы (фоизмъ). Совмѣстно съ китайской цивилизаціей, ученіе Конфуція нашло доступъ между образованными аннамцами.

Рука знатнаго аннамца.

Аннамцы небольшаго роста и худощавы; у нихъ довольно темный цвѣтъ кожи, прямые гладкіе волосы, жидкая борода слабый голосъ и глуповатое выраженіе лица. По описанію Г. Бинто, это большей частью уродливыя существа; оба пола въ высшей степени безобразны и нечистоплотны, распространяютъ вокругъ себя отвратительный запахъ кокосоваго масла и безостановочно жуютъ бетель. Они часто заболѣваютъ неизлѣчимыми болѣзнями, и въ это время къ нимъ нельзя подойти вслѣдствіе множества насѣкомыхъ, которыми осыпано ихъ тѣло. Нравы аннамцевъ представляютъ весьма неутѣшительную картину; женщины настолько-же безстыдны, какъ и некрасивы. Одежда до извѣстной степени напоминаетъ китайскую, только головной уборъ у мужчинъ почти такой-же, какъ у малайцевъ. Дѣти до пятилѣтняго возраста ходятъ нагіе, съ коротко остриженными волосами и только на макушкѣ головы оставленъ небольшой клокъ волосъ. Ногти на рукахъ знатныхъ людей дости-

гаютъ иногда невѣроятной длины. Аннамецъ большей частью легкомысленъ, уступчивъ и живаго характера; при этомъ совмѣщаетъ въ себѣ трусость съ жестокостью, воруетъ при всякомъ удобномъ случаѣ и занимается морскими разбоями. Европейцы внушаютъ ему особенный страхъ, такъ что два-три солдата могутъ обратить въ бѣгство населеніе цѣлой деревни. Во время войны они довольно искусно сооружаютъ укрѣпленія, за которыми по возможности защищаются отъ враговъ; но въ открытомъ полѣ выказываютъ полное безсиліе. Они опасны только въ томъ случаѣ, когда сидятъ въ засадѣ, и при этомъ значительно превосходятъ непріятеля въ числѣ; они мучатъ плѣнныхъ съ возмутительной жестокостью (Bull. Soc. Géogr. Paris 1864 p. 64—68). Аннамцы въ большинствѣ случаевъ лживы, скрытны и нравственно испорчены. Къ числу

Аннамскія дѣти.

ихъ добродѣтелей можно отнести кротость и состраданіе къ несчастнымъ; аннамецъ помнитъ оказанныя ему благодѣянія, понятливъ и охотно исполняетъ приказанія при ласковомъ обращеніи съ нимъ. Благодаря любознательности и хорошей памяти, онъ быстро усвоиваетъ сообщаемыя ему свѣдѣнія. При своемъ непостоянномъ и легкомысленномъ характерѣ онъ рѣдко доходитъ до ожесточенія и, несмотря на свойственную ему мстительность, охотно прощаетъ врагу, если этотъ сдѣлаетъ малѣйшій шагъ къ примиренію. Въ несчастіи и болѣзни аннамецъ выказываетъ замѣчательную выносливость. Онъ изготовляетъ мелкія вещи самой тонкой работы, почти безъ помощи инструментовъ, и можетъ самостоятельно научиться всякому ремеслу. Несмотря на свое честолюбіе и стремленіе къ обогащенію, онъ становится при случаѣ щедръ до расточительности; вообще не стыдится бѣдности и безропотно переноситъ ее. Его умѣренность заслуживаетъ удивленія. Онъ преимущественно питается рисомъ,

который служитъ для него замѣной хлѣба и не пренебрегаетъ даже такими кушаньями, которыя внушаютъ намъ полнѣйшее отвращеніе. Чай или отваръ другихъ ароматическихъ листьевъ составляетъ его единственное питье. Аннамцы ведутъ всякаго рода торговлю, и въ этомъ отношеніи выказываютъ необыкновенную смышленность. У нихъ множество ярмарокъ и рынковъ, но они должны довольствоваться внутренней торговлей, потому что имъ запрещено покидать родину и торговать внѣ предѣловъ государства; изъ чужеземныхъ народовъ одни только китайцы, а въ послѣднее время французы, имѣютъ право производить мѣновую торговлю въ извѣстныхъ пунктахъ страны. Въ Аннамскомъ государствѣ мало крупныхъ капиталистовъ и нѣтъ никакихъ торговыхъ товариществъ и страховыхъ обществъ; мѣстная промышленность, равнымъ образомъ, не встрѣчаетъ никакой защиты и поощренія со стороны правительства. Несмотря на свою древнюю культуру, аннамцы отстали въ умственномъ отношеніи отъ другихъ народовъ и даже въ значительной степени отъ своихъ учителей, китайцевъ. По примѣру Китая, только тѣ аннамцы могутъ достигнуть почета и должностей, которые выдержали научныя испытанія. Аннамскій языкъ настолько отличается отъ китайскаго, что оба народа не понимаютъ другъ друга, но тѣмъ не менѣе у нихъ одинаковые письменные знаки. Аннамцы воспользовались всѣми преимуществами китайской культуры и даже религіей, которая здѣсь на столько же разнообразна, какъ и въ Китаѣ. Самую видную роль играетъ ученіе Конфуція, хотя имѣетъ значеніе только въ оффиціальномъ и ученомъ мірѣ. Гораздо болѣе распространено ученіе Будды; но оно не имѣетъ никакой внѣшней или іерархической связи съ китайскимъ, индійскимъ или тибетскимъ буддизмомъ и не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на нравы туземцевъ, которые относятся къ нему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Вслѣдствіе этого, католическіе миссіонеры имѣютъ довольно много прозелитовъ среди аннамскаго населенія. Буддійскія священныя книги извѣстны только бонзамъ; простой народъ не имѣетъ понятія ни объ ихъ содержаніи, ни объ основныхъ правилахъ ученія. Въ Аннамѣ наибольшимъ почетомъ пользуется культъ духамъ-покровителямъ; у каждой деревни свой духъ-покровитель, для котораго построенъ особый храмъ. Этотъ культъ не представляетъ никакого единства и не подчиняется никакимъ общимъ правиламъ. Каждая деревня слѣдуетъ въ этомъ отношеніи старымъ обычаямъ. На ряду съ этимъ господствуетъ культъ предковъ, который имѣетъ для семьи то же значеніе, какъ вышеупомянутый культъ для всей общины. Затѣмъ слѣдуютъ разнаго рода демоны, колдуны, вѣдьмы, предсказатели и другіе шарлатаны, которые считаютъ себя послѣдователями и учениками китайца Лао-тзе. Но за кого не выдавалъ бы себя этотъ классъ людей, одно несомнѣнно, что онъ болѣе овладѣлъ явленіями такъ называемаго магнетизма и соннамбулизма, нежели это когда либо удавалось самымъ знаменитымъ европейскимъ и американскимъ медіумамъ. Въ Аннамѣ населеніе сосредоточено въ болѣе или менѣе значительныхъ деревняхъ. Здѣсь нѣтъ отдѣльныхъ домовъ, построенныхъ особнякомъ, какъ въ Европѣ, ни крестьянскихъ дворовъ, разсѣянныхъ среди открытаго поля. Аннамскія селенія, подобно тонкинскимъ, обнесены высокимъ и крѣпкимъ бамбуковымъ заборомъ, большей частью съ воротами, которые запираются на ночь; около нихъ на караулѣ стоятъ пять, шесть человѣкъ и поочередно обходятъ поля для защиты отъ воровъ. Такимъ образомъ каждое мѣстечко до нѣкоторой степени образуетъ небольшую республику, которая имѣетъ свои права, нравы, обычаи и самоуправленіе. Большая часть населенія состоитъ изъ земледѣльцевъ, но встрѣчаются цѣлыя плавучія деревни, построенныя на плотахъ и мѣстечки на морскомъ берегу, которыя существуютъ рыбной ловлей. Затѣмъ есть деревни, гдѣ всѣ жители занимаются торговлей, въ другихъ живутъ исключительно столяры или плотники, кузнецы и т. д., но такъ, что цѣлое селеніе образуетъ одну мастерскую, занятую опредѣленнымъ ремесломъ. Этимъ объ-

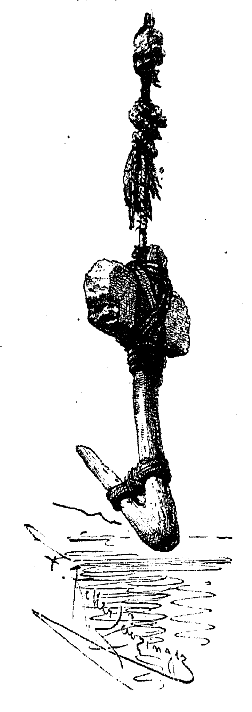
ясняется то рѣзкое различіе, какое наблюдается въ характерѣ населенія отдѣльныхъ мѣстечекъ. Такъ, напримѣръ, извѣстная часть населенія отличается большимъ простодушіемъ и честностью, другая испорчена въ конецъ. Лучшій классъ — земледѣльцы, наихудшій — мандарины, для которыхъ пьянство, игра, куреніе опіума, зрѣлища, музыка и обжорство составляютъ главное препровожденіе времени. Затѣмъ всѣ ихъ желанія направлены къ тому, чтобы провести правителя и добиться почестей, такъ какъ это даетъ имъ возможность эксплуатировать народъ, продавать правосудіе и обогащаться на счетъ несчастныхъ. Само собою разумѣется, что и между мандаринами встрѣчаются почтенныя личности, но такіе исключенія крайне рѣдки и примѣръ, который подаетъ король и его дворъ, всего менѣе можетъ расположить аннамскихъ сановниковъ къ добродѣтели. Короче сказать, государственныя учрежденія не дурны въ теоріи, но непримѣнимы на практикѣ, потому что во главѣ правленія стоятъ недостойные люди, заслуживающіе полнаго презрѣнія.

МАЛАЙЦЫ И НЕГРИТОСЫ.

Именемъ малайцевъ или малайской расы обозначаютъ свѣтлокожее населеніе острововъ Индійскаго Архапелага и Южнаго океана отъ Суматры и окружающихъ мелкихъ острововъ на западѣ, до острова Пасхи на востокѣ, и отъ Формозы и Сандвичевыхъ острововъ на сѣверѣ, до Новой Зеландіи на востокѣ, и отъ Формозы и Сандвичевыхъ острововъ на сѣверѣ, до Новой Зеландіи на югѣ. Къ этой расѣ нужно причислить береговыхъ жителей полуострова Малакки, а также, судя по языку и другимъ этнологическимъ признакамъ, господствующее населеніе острова Мадагаскара, лежащаго въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ материкомъ. Въ этнологическомъ и культурно-историческомъ отношеніи малайская раса распадается на два большихъ отдѣла, а именно: западный и восточный или собственно малайцевъ и полинезійцевъ, которые были подробно описаны выше. Поэтому, мы коснемся только западнаго отдѣла малайскихъ народовъ. Ихъ главное мѣсто жительства въ полуостровѣ Малаккѣ, примыкающемъ къ Задней Индіи. Нигдѣ языкъ и нравы малайцевъ не сохранились въ такой чистотѣ, какъ въ Малаккѣ, гдѣ они основали нѣсколько независимыхъ государствъ и, при посредствѣ индійскаго и магометанскаго вліянія, выработали самобытную цивилизацію и литературу. Къ малайцамъ слѣдуетъ причислить и тѣ племена, которыя населяютъ внутреннія части полуострова и извѣстны у мѣстныхъ жителей подъ именемъ орангъ-бенуа „люди страны“. Весьма вѣроятно, что это чистокровныя малайскія племена, которыя остались въ своемъ первобытномъ состояніи и говорятъ на родномъ языкѣ, сравнительно мало развитомъ и свободномъ отъ чуждыхъ элементовъ. Трудно сказать съ

увѣренностію: переселились ли они въ страну еще въ болѣе раннюю эпоху, нежели цивилизованные малайцы или же представляютъ собой ихъ древнюю отрасль. Что касается орангъ-гунунгъ („обитатели горъ"), орангъ-лаутъ („морскія жители") и орангъ-дагангъ („купцы"), которыхъ часто называютъ малайскими племенами, то это не болѣе, какъ извѣстные классы населенія, которые не составляютъ отдѣльныхъ народовъ. Кромѣ Малакки, малайцы встрѣчаются почти на всѣхъ островахъ Остъ-индскаго архипелага, а также въ самой Индіи и на берегахъ Цейлона. Затѣмъ непосредственно къ малайцамъ можно причислить старо-китайцевъ на сѣверной оконечности Суматры, а также, быть можетъ, пассумахъ и реджангъ внутри Палембанга и лампонгъ на юго-востокѣ Суматры.

Малайскій типъ, а именно той группы, которая населяетъ полуостровъ Малакку, судя по описанію Фридриха Миллера, представляетъ слѣдующія характерныя черты: высота роста доходитъ до 1,37—1,52 м.; мужчины всегда выше и стройнѣе женщинъ; черепъ одинаковой длины и ширины; задняя часть головы приплюснута и четырехъугольной формы; скуловыя кости сильно развиты; нижняя челюсть широкая и выступаетъ впередъ. Носъ приплюснутый и съ большими ноздрями; разрѣзъ вѣкъ не такъ великъ, какъ у средиземной расы, но менѣе узкій, чѣмъ у монголовъ. Глаза черные съ матовымъ блескомъ; ротъ большой и широкій губы толстыя, но не вздутыя. Цвѣтъ кожи мѣдно-коричневый съ желтоватымъ оттѣнкомъ недожареннаго кофе. Бороды почти нѣтъ, равно и волосъ на остальномъ тѣлѣ. Волосы на головѣ прямые и жесткіе, чернаго цвѣта, съ коричневымъ оттѣнкомъ. Ноги худощавыя съ слаборазвитыми икрами; груди у женщинъ мало развиты, острой пулеобразной формы; грудной ящикъ небольшой и часто совсѣмъ плоскій.


Малайскій якорь.

Основную черту характера малайской расы составляетъ скрытность въ соединеніи съ жестокостью, которая выражается по внѣшности молчаливостью и серьезнымъ, суровымъ обращеніемъ. При этомъ сдержанныя манеры свойственны всѣмъ народамъ малайской расы. Малаецъ избѣгаетъ всякой близости съ людьми; но строго соблюдаетъ границы, предписанныя ему идеей свободной индивидуальности и уваженіемъ къ извѣстному сословію. Этимъ объясняются церемоніальные обычаи, принятые на Малаккскомъ полуостровѣ; во всемъ остальномъ проявляется дикость и необузданность, совмѣстно съ безчеловѣчной жаждой крови, которая отличаетъ малайцевъ отъ представителей другихъ расъ. Равнымъ образомъ весьма характерно то обстоятельство, что всѣ малайцы превосходные, неустрашимые моряки; каждый изъ нихъ не задумываясь предпринимаетъ далекія морскія путешествія на маленькомъ, ненадежномъ челнокѣ. Всѣ изслѣдователи находятъ необыкновенныя мореплаватель-

Свайныя постройки малайцевъ.

ныя способности у малайцевъ, такъ что въ Азіи имъ принадлежитъ та же историческая роль, какъ нѣкогда норманамъ въ Европѣ; Малаецъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы познакомиться съ чужими странами и народами. Это южно-азіятскій космопотитъ. Онъ одаренъ большой наблюдательностью, легко воспринимаетъ новыя идеи, и поэтому быстро свыкается съ чуждыми нравами и обычаями. Вслѣдствіе этого космополитическаго направленія его характера, въ немъ мало развиты чувства и добродѣтели, которыя необходимы для хорошаго семьянина. Вообще семейныя узы довольно слабы у малайцевъ. Дѣтоубійство составляетъ обыденное явленіе; съ старыми и безпомощными людьми обращаются довольно жестоко. Родители почти не имѣютъ никакой власти надъ дѣтьми. Проституція сильно распространена вслѣдствіе сластолюбія, свойственнаго всей расѣ, и даже сами родители нерѣдко поощряютъ ее ради выгоды. Стремленіе къ наживѣ доходитъ до страсти и наполняетъ всю душу малайца. Ради наживы онъ совершаетъ съ величайшимъ безстыдствомъ всевозможныя преступленія, рѣшается на убійство, воровство, ложь и т. п. Не столько оскорбленное чувство чести, какъ надежда на добычу влечетъ его къ войнѣ. Поэтому, на островахъ Малайскаго Архипелага морской разбой считается почетнымъ и рыцарскимъ занятіемъ. Малаецъ храбръ на войнѣ и идетъ на встрѣчу непріятелю съ смѣлымъ пренебреженіемъ къ смерти. Онъ спокойно намазываетъ свои стрѣлы ядомъ и въ густой травѣ вколачиваетъ въ землю острые бамбуковые колья. Но если съ одной стороны онъ не внушаетъ къ себѣ симпатіи по своей скрытности, молчаливости, раболѣпству относительно властей, суровости съ низшими, жестокости,

мстительности и раздражительному характеру, то съ другой — онъ производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ кроткимъ обращеніемъ съ дѣтьми и вѣжливыми, приличными манерами, исполненными достоинства. Его крайней воспріимчивости нужно приписать и глубокое, присущее ему религіозное чувство, которое проявляется во множествѣ обычаевъ и религіозныхъ преданій. Малайская раса несомнѣнно способна къ значительному духовному развитію, хотя въ меньшей степени, нежели папуасы. Относительно умственныхъ дарованій и подвижности нынѣшній малаецъ превосходитъ жителей Явы, которые также принадлежатъ къ самымъ образованнымъ народамъ малайской расы; но тѣмъ не менѣе малайская культура до сихъ норъ стоитъ ниже яванской. Малайцы на материкѣ, въ противоположность своимъ соплеменникамъ, живущимъ на островахъ, обладаютъ преимущественно тѣми качествами, которыя встрѣчаются у людей смѣлаго характера, сознающихъ свое независимое соціальное положеніе, а именно чрезмѣрную страстность, болѣзненное чувство чести и безумное пренебреженіе къ смерти. Они отличаются также извѣстной честностью и откровенностью, хотя эти свойства весьма рѣдки среди малайской расы. Благодаря индійскому вліянію, малайскій языкъ рано сдѣлался письменнымъ и съ водвореніемъ ислама принялъ много чуждымъ элементовъ.

Фридрихъ Миллеръ описываетъ слѣдующимъ образомъ малайцевъ: одежда мужчинъ состоитъ изъ широкихъ шароваръ, доходящихъ до колѣнъ, такъ называемаго „sarong“ (короткой и узкой юбки, собственно платка), обвитаго вокругъ бедеръ и открытой на груди куртки. Талья опоясана шарфомъ; ноги обуты въ сандаліи. Голова прикрыта платкомъ, свернутымъ на подобіе чалмы или большой соломенной шляпой „rattan“. Богатые и знатные люди всего чаще носятъ желтыя шелковыя ткани, между тѣмъ какъ у простонародья преобладаетъ синій цвѣтъ и бумажныя ткани. Женщины носятъ также „sarong“, а иногда и куртку, которая застегивается спереди пуговицами. Серьги, кольца и браслеты считаются исключительно женскими украшеніями. Съ наступленіемъ зрѣлости у обоихъ половъ подпиливаютъ зубы, окрашиваютъ ихъ въ черный цвѣтъ и даже подчасъ выкладываютъ золотыми пластинками. Дома всѣ деревяннные, построены на столбахъ и, обыкновенно, составляютъ четырехъугольникъ отъ 30 м. длины, 6—9 м. ширины и 2 м. 50 сант. до 3 м. 50 сант. высоты. Свободное пространство подъ хижиной служитъ хлѣвомъ для мелкаго скота и помойной ямой, куда сметаются всѣ нечистоты съ бамбуковаго пола. Помимо необходимыхъ кухонныхъ принадлежностей, домашняя утварь подобной хижины состоитъ преимущественно изъ циновокъ, подушекъ набитыхъ мохомъ, которыя служатъ для сидѣнья и сна, затѣмъ изъ смоляныхъ факеловъ, завернутыхъ въ листья пизанга для ночнаго освѣщенія и т. п. Множество стоящихъ рядомъ хижинъ образуютъ деревню („kampong“.) Послѣдняя обнесена землянымъ валомъ или полисадникомъ; посреди находится площадь, большей частью вымощенная, гдѣ происходятъ народныя сборища. Пища малайцевъ преимущественно растительная и состоитъ главнымъ образомъ изъ риса, саго и другихъ растительныхъ продуктовъ, а также рыбы. Мясо ѣдятъ только по случаю праздниковъ; соль далеко не вездѣ употребляется для приправы кушаньевъ. Напитками служатъ пальмовое вино (taddy) и рисовая водка; затѣмъ въ видѣ возбуждающихъ средствъ распространены бетель и арека (называемая малайцами „sirih“ и „pinang“.) Табакъ употребляется только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Ѣдятъ два раза въ день, утромъ въ десять часовъ и вечеромъ въ семь; кушанье подаютъ въ бамбуковыхъ чашахъ; его берутъ двумя первыми пальцами правой руки.

Малайцы преимущественно занимаются рыбной ловлей и торговлей, которая прежде была въ цвѣтущемъ состояніи, но теперь все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ. Земледѣліе достигло въ Малаккѣ значительныхъ размѣровъ; туземцы воздѣлываютъ рисъ, кофе, табакъ, сахарный тростникъ, перецъ и т. п.

Промышленность довольно развита; сюда относятся ткацкое и красильное производство, доведенное до значительнаго искусства, затѣмъ токарное и столярное ремесла, выдѣлка кожъ, изготовленіе оружія и золотыхъ издѣлій. Добываніе и обработываніе желѣза и другихъ металловъ давно извѣстны малайцамъ, и они, повидимому, самостоятельно дошли до выдѣлки стали. Само собой разумѣется, что такая мореходная нація, какъ малайцы должна имѣть основательное понятіе о кораблестроеніи. Даже такой знатокъ этого дѣла, какъ британскій вице-адмиралъ Герардъ Осборнъ, безусловно признаетъ, что ма-

Яванская танцовщица.

лайскія "prauen„ и "prahu„ представляютъ своего рода мастерскія произведенія кораблестроительнаго искусства. Равнымъ образомъ малайскіе матросы необыкновенно способны ко всякаго рода техническимъ производствамъ. Чтобы сдѣлать лодку имъ нуженъ только молотокъ, горсть гвоздей и малайскій топоръ. Съ этимъ универсальнымъ инструментомъ они производятъ чудеса. Рукоятка его имѣетъ метръ длины и образуетъ кривую линію. Топоромъ владѣютъ одной или двумя руками; желѣзное лезвее его доходитъ до 10 сант. длины. Это орудіе можетъ быть примѣнено къ различнымъ работамъ: малайцы рубятъ имъ деревья, сколачиваютъ бочки и даже употребляютъ его въ видѣ

рѣзца. Никакое дерево не кажется имъ слишкомъ толстымъ или твердымъ — они легко справляются съ нимъ съ помощью одного топора.

Основой древнемалайскихъ государственныхъ учрежденій служили семьи („suku"), во главѣ которыхъ стояли верховные вожди („panghulu"). Санъ ихъ не былъ наслѣдственнымъ, но зависѣлъ отъ выбора; при этомъ мѣриломъ служило происхожденіе по матери, вслѣдствіе чего званіе „panghuli" обыкновенно переходило къ младшимъ братьямъ, рожденнымъ отъ той же матери или къ сыну сестры. „Panghuli" собственно не пользуются правительственною властью: они исполняютъ роль судей въ своихъ семьяхъ и какъ бы ихъ представителей во внѣшнихъ сношеніяхъ; въ случаѣ грозящей опасности они собираются для совѣщанія, послѣ чего сообщаютъ о принятомъ рѣшеніи своимъ семьямъ. Они получаютъ отъ послѣднихъ опредѣленную подать естественными продуктами, и кромѣ того подарки. Каждая семья владѣетъ участкомъ земли, который не можетъ быть переданъ въ другія руки и предоставляется какъ бы въ аренду отдѣльнымъ хозяйствамъ. Все это напоминаетъ отчасти русскій міръ и задругу южныхъ славянъ. Что касается законовъ о наслѣдствѣ, то на первомъ планѣ поставлена семья матери. Отецъ не считается основателемъ домашняго очага; онъ не болѣе, какъ производитель потомства. Имущество жены неприкосновенно для мужа и составляетъ собственность ея дѣтей. Принадлежащее ему имущество не переходитъ его дѣтямъ и считается наслѣдственнымъ достояніемъ дѣтей его сестеръ, а во второй линіи его — братьевъ. Этимъ можно объяснить обычай, что не женихъ сватается къ невѣстѣ, а мать невѣсты предлагаетъ ему въ жены свою дочь. Если семья невѣсты богата и онъ не платитъ за нее выкупа, то не имѣетъ никакихъ правъ на ея дѣтей. Но, если онъ сдѣлалъ подарокъ родителямъ невѣсты, а они съ своей стороны взяли на себя свадебныя издержки, то мужъ и жена имѣютъ одинаковыя права на дѣтей и пріобрѣтенное имущество. Если же мужъ купилъ жену, то дѣти и все имущество принадлежатъ ему, и все оставшееся послѣ него наслѣдство переходитъ къ семьѣ. Полигамія дозволена закономъ, но фактически возможна только при извѣстномъ достаткѣ мужа. Вообще малайскія женщины пользуются наилучшей репутаціей, какъ относительно супружеской вѣрности, такъ и неусыпной заботливости о домашнемъ хозяйствѣ, особенно въ земледѣльческихъ округахъ. Большая часть вышеупомянутыхъ учрежденій съ теченіемъ времени подверглась существеннымъ перемѣнамъ, такъ какъ лежащій въ основѣ ихъ семейный строй долженъ былъ постепенно придти въ упадокъ, подъ вліяніемъ магометанскаго деспотизма.

Къ національному оружію малайцевъ принадлежитъ мечъ („clewang"), такъ называмая „cris" различной формы съ рукояткой, изогнутой внутрь, затѣмъ копье, пращъ и самострѣлъ съ небольшими, большею частію отравленными стрѣлами. Но эти различные виды оружія почти вышли изъ употребленія, кромѣ меча и „cris"; въ послѣднее время малайцы отдаютъ предпочтеніе ружьямъ, вслѣдствіе чего они сдѣлались предметомъ ужаса для жителей Индійскаго архипелага.

Нынѣшніе малайцы безусловно принадлежатъ къ магометанамъ, и поэтому слѣды прежнихъ религіозныхъ воззрѣній сохранились только у отдѣльныхъ племенъ, какъ напр. вѣрованіе, что души умершихъ переселяются въ животныхъ, особенно тигровъ, который на этомъ основаніи считается священнымъ. Умноженію подобныхъ суевѣрій способствовало раннее вліяніе брамизма и буддизма и, въ особенности, безчисленное множество названій индійскихъ божествъ. Но съ XIII вѣка исламъ въ большинствѣ мѣстностей уничтожилъ всѣ слѣды старой вѣры. Такимъ образомъ въ обыденной жизни и въ народной поэзіи безсознательно проявляются эти три элемента, а именно вѣра въ колдовство представляетъ особенно курьезную смѣсь самыхъ разнородныхъ представленій. Сверхъ того у малайцевъ тѣсно связанъ съ колдовствомъ общій

страхъ передъ „untus“, ночными духами или привидѣніями (F. Müller. Allg. Ethnogr. s. 326—329).

Если мы сдѣлаемъ еще шагъ далѣе къ востоку, то вступимъ въ Остъ-Индскій архипелагъ и на такъ называемые Филиппинскіе острова, гдѣ на-ряду съ малайцами, все еще довольно многочисленными, встрѣчается отчасти другая мало извѣстная народность чуждаго племени. Но мы, прежде всего, обратимъ вниманіе на живущіе здѣсь малайскіе народы, изъ которыхъ самые значительные сунданезы и яванцы. Первые распространены на западѣ острова Явы и до извѣстной степени представляютъ собой нѣчто среднее между малайцами, живущими на материкѣ, и яванцами и баттаками Суматры. Яванцы, наоборотъ, занимаютъ центръ густо населеннаго острова. Они могутъ считаться самымъ образованнымъ народомъ малайской расы, такъ что, по всему вѣроятію, имъ слѣдуетъ приписать индійское вліяніе, которое такъ рано проявилось на островѣ. Непосредственно къ яванцамъ примыкаютъ балинезы на островѣ Бали, гдѣ равнымъ образомъ можно прослѣдить раннее индійское и яванское вліяніе. Сюда принадлежатъ также мадурезы, жители Мадуры и окружающихъ мелкихъ острововъ, равно и восточнаго берега Явы до Сурабайи и Кедири, гдѣ пріютились вытѣсненные ими яванцы.

У яванцевъ болѣе свѣтлая кожа, нежели у жителей прочихъ острововъ, но и между ними встрѣчаются различные оттѣнки отъ темно-коричневаго до свѣтло-желтаго съ легкимъ коричневымъ отливомъ. Мужчины, помимо длинной, доходящей до колѣнъ „sarong“, носятъ еще штаны; знатные люди изъ тщеславія привѣшиваютъ въ видѣ шпаги „cris“, но при этомъ всѣ, даже высшіе туземные чиновники, ходятъ босикомъ; у рабочаго люда верхняя часть тѣла всегда обнажена. Они обвиваютъ голову платкомъ и завязываютъ его различнымъ способомъ, смотря по господствующей модѣ, но всегда такъ, что узелъ остается незамѣтнымъ. Кучера, слуги и люди, которымъ приходится долго оставаться на солнцѣ, носятъ деревянную шляпу, окрашенную въ черный, красный или золотистый цвѣтъ съ отверстіемъ по срединѣ, изъ котораго выглядываетъ пучокъ связанныхъ волосъ. Совершенно иного характера, такъ называемая придворная одежда, предписанная этикетомъ при дворахъ яванскихъ князей. Туловище обнажено и выкрашено въ желтый цвѣтъ сандальнымъ порошкомъ. Нижняя часть тѣла прикрыта длинными широкими шароварами и платкомъ, обвитымъ вокругъ таліи. Женщины сверхъ того носятъ шарфъ и низко опущенный поясъ. Мужчины прикрываютъ голову черной, богато разукрашенной шапкой, съ золотымъ ободкомъ, называемой „kuluk“ или „koyah“, которая по формѣ напоминаетъ европейскую шляпу цилиндръ, безъ полей. Мужчины обыкновенно связываютъ свои волосы узломъ и прикрываютъ ихъ головнымъ платкомъ, свернутымъ на подобіе чалмы; но въ торжественныхъ случаяхъ волосы распущены по плечамъ. Женщины украшаютъ свои распущенные волосы пахучими цвѣтами и носятъ въ ушахъ золотыя или серебряныя серьги.

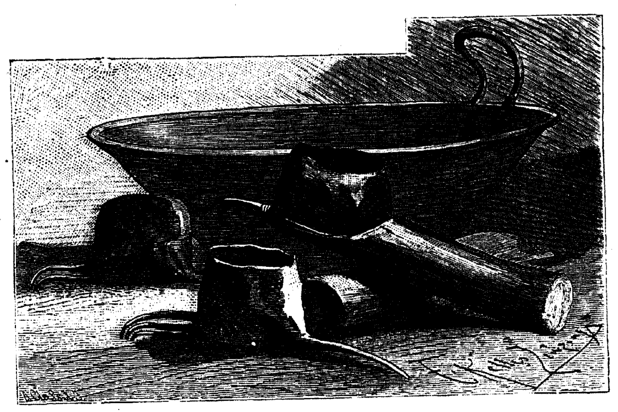
Дома яванцевъ четырехъугольные, построены изъ бамбука и крыты пальмовыми листьями и травой. Выступающая крыша образуетъ родъ веранды. Дверь нерѣдко такъ высоко отстоитъ отъ земли, что въ домъ нельзя иначе войти, какъ съ помощью приставной лѣстницы. Въ этомъ случаѣ пустое пространство подъ жильемъ служитъ хлѣвомъ для домашнихъ животныхъ (овецъ, козъ и домашней птицы). Внутри дома стоитъ длинная скамья, сплетенная изъ

Тѣлохранитель малайскаго князя (Ява).

бамбука, на которой спятъ и отдыхаютъ. Въ каждомъ хозяйствѣ можно встрѣтить необходимую кухонную утварь, какъ напримѣръ ступки для толченія риса, горшки, сковороды, различные сосуды, а также прялку и ткацкій станокъ, на которыхъ женщины изготовляютъ ткани для домашняго обихода. Главную пищу составляетъ варенный рисъ; бѣдняки довольствуются кукурузой и сладкимъ картофелемъ и даже не пренебрегаютъ дождевыми червяками, которыхъ проглатываютъ живыми. Куриное и вяленое буйволовое мясо ѣдятъ только въ торжественныхъ случаяхъ. Приправой служитъ испанскій перецъ и родъ сыра, изготовленнаго изъ полугнилой рыбы и улитокъ. Любимымъ напиткомъ служитъ вино, добытое изъ кокосовой пальмы и затѣмъ доведенный до броженія рисовый отваръ съ сахаромъ и имбиремъ, напоминающій по вкусу аракъ. Изъ возбуждающихъ средствъ вездѣ распространено жеваніе бетеля, а въ новѣйшее время въ большомъ употребленіи табакъ и опіумъ. Хлѣбопашество, а именно воздѣлываніе риса доведено до значительной степени искусства; земледѣльческія орудія большей частью превосходнаго качества. Вездѣ видны несомнѣнные признаки общаго благосостоянія; дома лучше, нежели у нѣмецкихъ крестьянъ, живущихъ въ горахъ; почти въ каждомъ хозяйствѣ можно встрѣтить нѣсколько буйволовъ, пони и куръ; и, хотя остальной инвентарь

не особенно богатъ, но нерѣдко въ числѣ другихъ вещей, можно встрѣтить европейскія лампы и различные предметы роскоши. Все это вполнѣ естественно въ странѣ, гдѣ земледѣліе настолько прибыльно, что, сообразно мѣстнымъ условіямъ, всякій трудъ щедро вознаграждается. „Lura" (представитель мѣстной власти), получаетъ въ полное распоряженіе 2 акра рисоваго поля, садъ, и, кромѣ того, двадцать гульденовъ ежемѣсячнаго жалованья; но при этомъ на немъ лежатъ различные обязательства и, между прочимъ, все полицейское управленіе. Впрочемъ, послѣднее не требуетъ особыхъ затратъ, потому что туземцы, при своей прирожденной интеллигенціи, составляющей чуть ли не общее явленіе, выказываютъ необычайную склонность къ спокойствію, порядку и соблюденію приличій. Общественная безопасность вполнѣ обезпечена; смертная казнь черезъ повѣшеніе составляетъ рѣдкость.

Всѣ яванскія деревни имѣютъ болѣе или менѣе одинаковый видъ; по срединѣ площать „alunalun", гдѣ находится мечеть, окруженная деревьями, а также нерѣдко школа. Деревня обнесена плотной бамбуковой изгородью, около

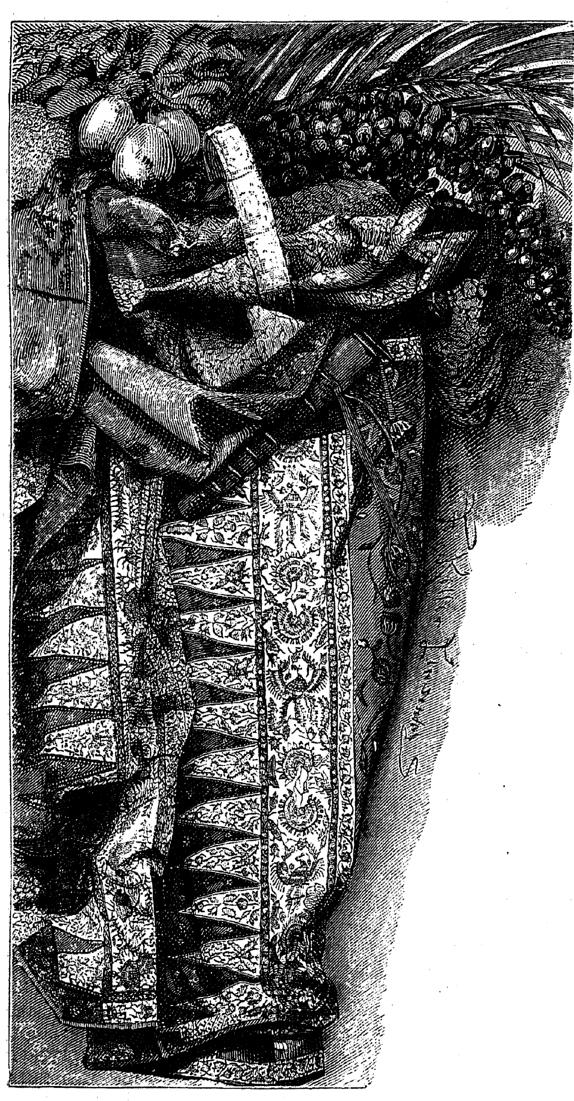


Сосуды, мѣдные котлы и жолоба для изготовленія набивныхъ яванскихъ тканей.

16 метр. высоты, обсаженной роскошнымъ кустарникомъ, которая совершенно закрываетъ деревню и обезпечиваетъ отъ внезапныхъ непріятельскихъ нападеній. Города („nagara") большей частью построены по тому же плану, какъ и деревни. На главной площади, большей частью рядомъ съ мечетью, возвышается обширный, четырехъугольный княжескій дворецъ („kadaton" или „kraton"), окруженный рвами и валомъ и состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Эти дворцы нерѣдко имѣютъ въ окружности до двухъ часовъ ходьбы и могутъ вмѣстить отъ 10 до 15,000 человѣкъ.

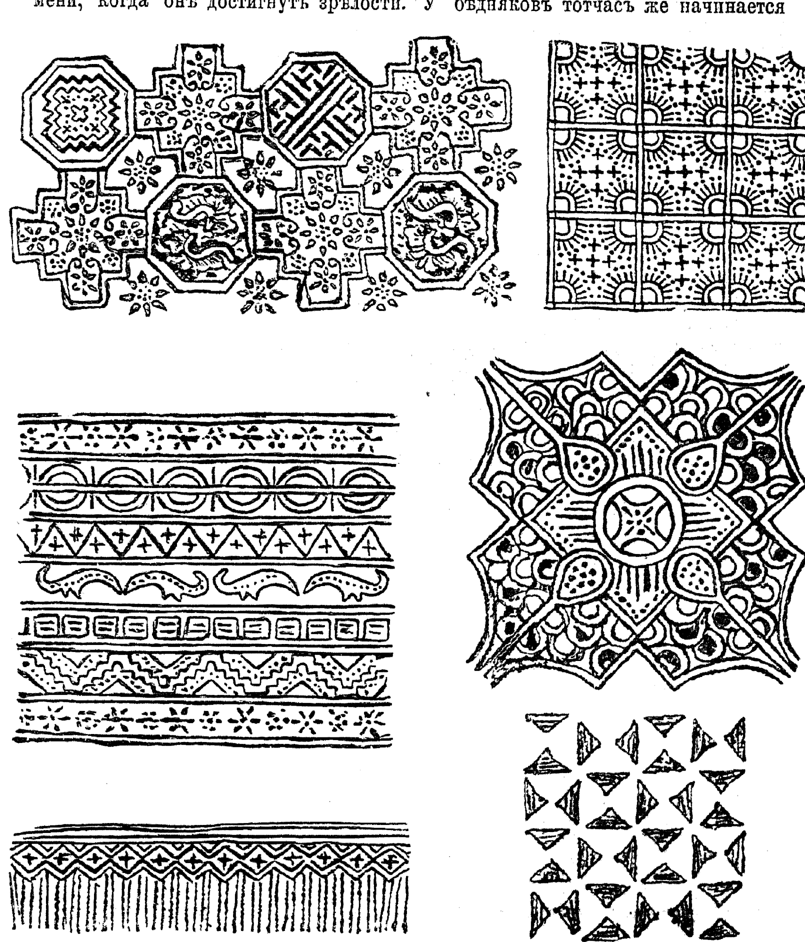
Европеецъ, по крайней мѣрѣ, выноситъ здѣсь то отрадное впечатлѣніе, что всѣ тяжелыя работы исполняются исключительно мужчинами. Хотя яванскія женщины малы ростомъ и также приземисты, какъ нѣмецкія крестьянки, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ по красотѣ формъ, едва прикрытыхъ „sarong" и легкой бумажной тканью, напоминаютъ миніатюрныя античныя статуи. У женщинъ свободная и непринужденная походка, что, быть можетъ, слѣдуетъ приписать тому, что онѣ привыкаютъ съ ранней молодости носить на головѣ различные предметы; также никогда не видно, чтобы у нихъ носки были заворочены внутрь. При этомъ нужно замѣтить, что если осанка малайскихъ женщинъ безукоризненна при ходьбѣ, то онѣ совершенно не умѣютъ держать

себя въ сидячемъ и во всякомъ другомъ положеніи. Подобныя наблюденія можно дѣлать чуть ли не на каждомъ шагу, потому что вся жизнь малайцевъ больше проходитъ на улицѣ, чѣмъ въ ихъ полуоткрытыхъ домахъ. Въ послѣднихъ они только спятъ, готовятъ кушанье и ѣдятъ цыганскимъ способомъ. Тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ обоняніе гуляющаго не подвергается слишкомъ большому испытанію, потому что специфическій запахъ, свойственный малайской расѣ, далеко не такъ непріятенъ, какъ китайскій. Равнымъ образомъ ему не приходится страдать отъ излишней назойливости: народъ замѣчательно сдержанъ и никогда не преслѣдуетъ иностранца своими криками и любопытствомъ, какъ это въ обычаѣ на востокѣ. Домашняя жизнь яванскаго поселянина свидѣтельствуетъ объ его спокойномъ характерѣ, чувствѣ приличія, а также исключительно матеріальномъ міросозерцаніи. Хотя онъ любитъ всякаго рода спортъ, но фантазія его менѣе развита, нежели у индійца, и, если онъ не находится подъ вліяніемъ аффекта, то едва ли не предпочитаетъ всему мирную и безмятежную жизнь. Многоженство дозволено, но фактически почти никогда не



Набивныя бумажныя ткани изъ Явы. Серебряный поясъ, который служитъ знакомъ отличія малайскаго надзирателя и яванскій „Klewang“.

встрѣчается, потому что часто практикуемый разводъ гораздо удобнѣе и дешевле. Свидѣтельство о разводѣ дается безъ всякихъ затрудненій и стоитъ всего полгульдена. Равнымъ образомъ весьма распространенъ безнравственный обычай выдавать дѣвочекъ замужъ въ дѣтскомъ возрастѣ, задолго до того времени, когда онѣ достигнутъ зрѣлости. У бѣдняковъ тотчасъ же начинается



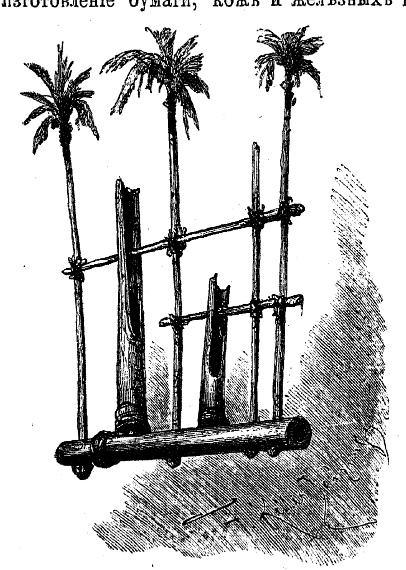
Оттиски рисунковъ на листовой мѣди для набиванія тканей (Ява).

сожительство супруговъ, но говорятъ, что въ болѣе достаточныхъ классахъ ожидаютъ наступленія зрѣлости невѣсты. Въ деревняхъ женщины и дѣти часто осыпаны мукой, повидимому, для защиты отъ палящихъ лучей солнца. Подростающіе мальчики носятъ фески, которыя не въ употребленіи у взрослыхъ; дѣти обоего пола до пятилѣтняго возраста ходятъ совершенно нагія. При

этомъ комично видѣть, какъ голые ребятишки смущенныя приближеніемъ европейца хватаются рукой за какую нибудь часть тѣла, какъ бы для прикрытія наготы. Свадебные обычаи бываютъ различные, смотря по мѣстности, но вообще очень сложные и связаны съ многими церемоніями.

Подобно вышеописанному древне-малайскому семейному строю, яванцы распадаются на опредѣленное число семействъ, подчиненныхъ верховному главѣ. Члены семьи живутъ въ одномъ мѣстѣ. Изъ коллективной поземельной собственности, принадлежащей всей общинѣ, каждой семьѣ отводятъ извѣстный участокъ „dessa", назначенный для обработки, и она должна платить пятую часть получаемаго дохода князю, то есть землевладѣльцу, въ видѣ арендной платы. Яванское общество распадается на два сословія—родовое дворянство и народъ. Первое обусловлено родствомъ съ княжеской фамиліей. Князь выбираетъ изъ дворянства чиновниковъ, которыхъ нѣсколько степеней. Сообразно этимъ степенямъ установлены опредѣленныя правила, которыя строго соблюдаются при сношеніяхъ съ чиновнымъ міромъ. Образъ правленія безусловно деспотическій. Тѣсно связанный съ нимъ этикетъ простирается даже на повседневную жизнь яванцевъ. Такъ, напримѣръ, при встрѣчѣ младшаго съ старшимъ, или бѣдняка съ знатнымъ человѣкомъ, соблюдается въ обращеніи извѣстная торжественная почтительность и даже разговоръ долженъ происходить на изысканномъ языкѣ. Каждый человѣкъ, способный носить оружіе, обязанъ служить въ войскѣ, а въ мирное время исполнять приказанія своего бывшаго военачальника.

Къ наиболѣе значительнымъ отраслямъ яванской промышленности принадлежатъ: кораблестроеніе, которое имѣетъ большой сбытъ, варка сахара и соли, изготовленіе бумаги, кожъ и желѣзныхъ издѣлій, а также рѣзьба на деревѣ. Сюда можно также отнести ткацкое и красильное искусство, хотя этого рода товары не производятся особыми ремесленниками, а изготовляются женщинами въ домахъ. Особенно заслуживаютъ вниманія такъ называемыя набивныя ткани изъ хлопка, которыя представляютъ большое разнообразіе рисунковъ, тисненныхъ съ полосокъ листовой мѣди, составленныхъ вмѣстѣ. Что касается торговли яванцевъ, то она почти исключительно производится внутри страны.



„Анклонгъ", музыкальный инструментъ изъ бамбука. (Ява).

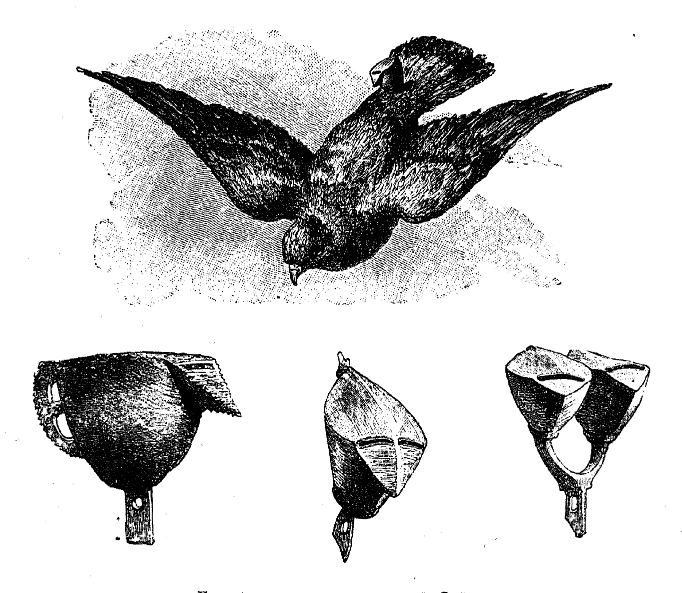
Съ XV столѣтія исламъ сдѣлался господствующею религіей яванцевъ, но ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ фанатизмѣ. Они называютъ себя мусульманами или, еще чаще, исламомъ (сламомъ по ихъ произношенію) и увѣрены, что обрѣзаніемъ, омовеніями и празднованіемъ Рамазана достаточно исполняютъ предписанія пророка. У нихъ не считается грѣхомъ работать въ пятницу; они также заимствовали множество обрядовъ изъ индусской и буддійской религіи и различные культурные элементы изъ Индіи. Сюда же нужно

отнести помимо многочисленныхъ санскритскихъ элементовъ въ языкѣ и классической литературѣ, древне-яванскій „vayang“ и музыку. Изъ музыкальныхъ инструментовъ всего болѣе заслуживаетъ вниманіе „анклонгъ“, сдѣланный изъ бамбука, о которомъ можно составить себѣ понятіе по прилагаемому рисунку. Равнымъ образомъ весьма оригинально устроена яванская голубиная почта. Изъ легкаго дерева дѣлаютъ трубочки различной формы и привязываютъ ихъ къ хвосту голубей, такъ что при полетѣ слышенъ своеобразный звукъ. Танцы положительно носятъ индійскій характеръ; равнымъ образомъ и разсѣянныя по странѣ развалины великолѣпныхъ храмовъ относятся ко времени процвѣтанія индійской религіи на островѣ. Обращеніе народа въ христіанство никогда не производилось съ особеннымъ усердіемъ и по весьма основательной причинѣ. На Явѣ, какъ только рѣчь зайдетъ о туземцѣ христіанскаго вѣроисповѣданія, то предполагаютъ заранѣе, что онъ плутъ и пьяница. Говорятъ, что богомолье въ Мекку имѣетъ то же вліяніе на нравы и обычаи туземцевъ, какъ и принятіе христіанства.

Несравненно низшую степень развитія представляютъ батта или баттаки, населяющіе плоскую возвышенность Тобахъ, внутри Суматры. Ихъ языкъ дѣлится на три различныхъ діалекта, а именно: тобахскій, мандаилингскій и даирійскій. Имя „батта“ есть ничто иное, какъ насмѣшливое прозвище, данное цѣлому народу его врагами и притѣснителями, магометанскими малайцами, и означаетъ собственно „оборванца“, или даже отчасти „шута“. Племенными родичами баттаковъ слѣдуетъ считать жителей Ніаса, Ментавея или Мантави и островов Бату. Не менѣе близкое родство съ ними должны представлять гова на Мадагаскарѣ, потому что господствующій здѣсь языкъ малагаси всего больше подходитъ къ батта и его второстепеннымъ діалектамъ.

Вообще баттаки ниже ростомъ и изящнѣе, нежели малайцы, живущіе на Суматрѣ, но ни въ какомъ случаѣ не уступаютъ имъ въ силѣ. У нихъ пропорціональное тѣлосложеніе, широкія плечи, маленькія руки и ноги; при этомъ они соединяютъ физическую силу съ необыкновенной ловкостью и выносливостью. По типу лица баттаки больше отличаются отъ малайцевъ, нежели по тѣлосложенію; разрѣзъ вѣкъ менѣе узкій, разстояніе между глазъ значительнѣе, переносье шире и болѣе тупой носъ, что, въ связи съ темнымъ цвѣтомъ кожи, придаетъ имъ сходство съ неграми. Но это только кажущееся сходство, потому что у нихъ нѣтъ рунообразныхъ волосъ, своеобразной берцовой кости и непріятнаго накожнаго испаренія, т. е. наиболѣе отличительныхъ признаковъ негритянской расы. Часть баттаковъ сохранила свою независимость; другіе подчинены голландцамъ. Все различіе между ними заключается въ томъ, что у послѣднихъ бо̀льшее количество деревень. Каждая деревня находилась прежде подъ властью особаго начальника, облеченнаго саномъ жреца, и составляла болѣе или менѣе самостоятельную общину, и только въ военное время всѣ были подчинены общему начальнику. Они согласились признать власть голландцевъ, въ силу убѣжденія, что ихъ религія останется неприкосновенной. Послѣдняя есть ничто иное, какъ весьма развитой и приведенный въ систему фетишизмъ, съ крайне развѣтвленной жреческой кастой, вліяніе которой тѣмъ болѣе заключаетъ въ себѣ задатки прочности, что она, подобно исламу, является представительницей правосудія. Всѣ туземцы умѣютъ читать и писать, потому что изученіе священнаго писанія строго предписано каждому гражданину и составляетъ какъ бы долгъ чести для свободнаго человѣка. У батта-

ковъ существуютъ книги, написанныя или, вѣрнѣе сказать, тщательно нарисованныя кистью на корѣ одного вида березы. Они также имѣютъ нѣкоторое понятіе о переплетномъ искусствѣ. Обѣ крышки книги сдѣланы изъ той же массы, какъ бумага, только болѣе плотной. Листья бумаги по формѣ, цвѣту и твердости поразительно похожи на старый пергаментъ и не уступаютъ ему въ прочности; матеріаломъ для нихъ служитъ древесное лыко и кора, тщательно расколоченныя вальками и спресованныя въ компактную массу. Переплетъ состоитъ изъ двухъ пластинокъ, въ палецъ толщины, поверхность которыхъ украшена самыми изящными тисненными арабесками, которые мѣстами выведены съ помощью грабштиха. Листья, сложенныя вѣерообразно, образуютъ одну длинную полосу и подклеены на мѣстахъ сгиба тонкой плотной тканью, похожей на полотно. Все это скрѣплено двумя красивыми, туго сплетенными



Голубиная почта на островѣ Явѣ.

кожанными кольцами, которые можно передвигать и снимать. Письменные знаки напоминаютъ китайскіе и, повидимому, принадлежатъ къ тому же разряду письма. Начинаютъ читать съ послѣдней страницы и строки, слѣва направо. Отвѣсно расположенныя строки украшены сверху и снизу особыми заглавными буквами. Изъ промысловъ самое видное мѣсто занимаетъ у баттаковъ обработка металловъ, которая, разумѣется, имѣетъ главной цѣлью изготовленіе оружія и утвари, служащей къ украшенію домовъ. Достойно замѣчанія, что форма ихъ „klewang", или короткаго меча, имѣетъ совсѣмъ иной видъ, нежели у сосѣднихъ малайцевъ и старокитайцевъ. Въ то время, какъ оружіе у этихъ двухъ народовъ имѣетъ тупое и очень широкое остріе или, говоря точнѣе, округленную форму и поэтому годится только для нанесенія ударовъ,—„klewang" баттаковъ представляетъ полнѣйшее сходство съ тесакомъ, которымъ въ настоящее время вооружена нѣмецкая пѣхота. Для усиленія удара одна сторона клинка тупая на нижнемъ концѣ и постепенно переходитъ въ

тонкое остріе, вслѣдствіе чего можетъ быть съ успѣхомъ употреблено въ видѣ штыка. Рукоятка меча у малайцевъ и старокитайцевъ похожа на нѣмецкій охотничій ножъ и настолько мала, что нѣмецъ съ трудомъ могъ бы ухватиться за нее, между тѣмъ какъ рукоятка „klewang'a" у баттаковъ, хотя такихъ же размѣровъ, но снабжена весьма характерными небольшими рожками, которые должны служить опорой для третьяго и четвертаго пальца правой руки. Копья баттаковъ, употребляемыя также въ видѣ метательнаго оружія (прекрасно приспособленнаго относительно примѣненія центра тяжести), а равно и „kris", съ прямымъ клинкомъ объ одномъ лезвеѣ, отличаются превосходной отдѣлкой и вполнѣ цѣлесообразны, но не представляютъ никакихъ особенностей. Извѣстная игра баттаковъ состоитъ изъ метанья копья на разстояніи пятидесяти шаговъ въ гульденъ, подаренный щедрымъ иностранцемъ. Ружья баттаковъ въ высшей степени оригинальны и представляютъ самобытный продуктъ мѣстной промышленности; они также фабрикуютъ порохъ, хотя, разумѣется, довольно плохаго качества. Подобное ружье всегда небольшаго калибра и состоитъ изъ длиннаго ствола, сдѣланнаго изъ крѣпкаго кованнаго желѣза и такъ тщательно просверленнаго, что въ этомъ отношеніи оно можетъ выдержать сравненіе съ лучшими европейскими стволами. Между тѣмъ, наружная поверхность ствола неровная и безъ всякой отдѣлки, такъ какъ ружейный мастеръ довольствуется тѣмъ, что шлифуетъ одну верхнюю сторону параллельно оси, но въ такомъ совершенствѣ, что невольно возникаетъ трудно разрѣшимый вопросъ, какъ онъ достигаетъ такихъ результатовъ со своими первобытными инструментами? Стволъ ружья вдѣланъ въ длинную рукоятку, изогнутую, какъ у пистолетовъ, и безъ приклада. Замокъ такого же устройства, какъ у старыхъ нѣмецкихъ кремневыхъ ружей во время тридцатилѣтней войны. Въ стволъ насыпаютъ большое количество пороха, безъ пыжа, потому что баттакамъ не извѣстно употребленіе шомпола, затѣмъ прямо на порохъ спускаютъ пулю, предварительно смочивъ ее слюной. Поэтому, во время охоты и на войнѣ дуло ружья должно быть постоянно обращено вверхъ, чтобы не выкатилась пуля. Стрѣлять приходится сверху внизъ при моментальномъ прицѣлѣ. Для охоты на слоновъ, тигровъ и носороговъ, пулю замѣняютъ желѣзными стрѣлами, отъ двухъ до трехъ дюймовъ длины. Стрѣлокъ, намѣтивъ цѣль, беретъ ружье въ

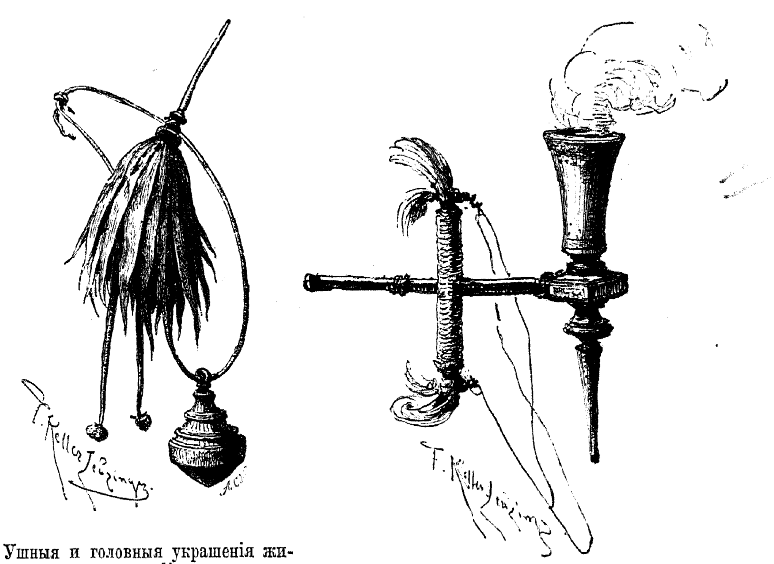
Щитъ и пр. жителей Ніаса.

лѣвую руку, которая служитъ для него точкой опоры. Онъ цѣлится, не прикладывая ружья къ плечу, что составляетъ нелишнюю предосторожность во избѣжаніе перелома ключицы, потому что прямой стволъ, при отсутствіи приклада, сильно отдаетъ назадъ во время выстрѣла. Затѣмъ онъ зажигаетъ правой рукой фитиль о медленно горящій трутъ, воткнутый въ пѣтушиный клювъ, и зарядъ летитъ по волѣ вѣтра. Одновременно съ этимъ стрѣлокъ прибѣгаетъ къ такому своеобразному и комическому маневру, который могъ бы разсмѣшить самаго отчаяннаго ипохондрика. Чтобы избѣгнуть все еще сильнаго толчка въ правое плечо, онъ дѣлаетъ, „съ быстротой обезьяны", два поворота на лѣвой ногѣ, въ тотъ самый моментъ, когда зарядъ вылетаетъ изъ ружейнаго ствола. Само собою разумѣется, что для этого требуется не малая доля ловкости, пріобрѣтенной долгимъ упражненіемъ и печальнымъ опытомъ.

Баттаки прирожденные охотники, и съ помощью своего первобытнаго оружія дѣлаютъ чудеса. Племена, живущіе внутри страны, равно и бѣдняки, нерѣдко употребляютъ лукъ и стрѣлы, и хотя это оружіе на войнѣ несравненно опаснѣе вышеописаннаго гремящаго ружья, но дикари несравненно болѣе цѣнятъ послѣднее. Помимо оружія, баттаки изготовляютъ съ большимъ вкусомъ трубки для куренія, въ 1 метръ длины, на подобіе турецкихъ, сдѣланныя изъ латуни и бронзы, съ насѣчкой и выпуклыми украшеніями. Женщины носятъ на рукахъ и ногахъ обручи и пряжки, изъ трехъ различныхъ металловъ, подобранныхъ такимъ образомъ, что три различныхъ цвѣта постоянно симметрически повторяются. Это украшеніе весьма оригинально и недурно на темной кожѣ туземныхъ женщинъ.

Что касается образа жизни баттаковъ, то они представляютъ переходную степень отъ охотничьяго быта къ земледѣльческому. Независимые баттаки живутъ внутри страны въ небольшихъ укрѣпленныхъ деревняхъ, расположенныхъ среди лѣса и занимаются воздѣлываніемъ одного вида риса, который годится только для мѣстнаго потребленія, а также кукурузы, банановъ и другихъ тропическихъ плодовъ. За исключеніемъ князей, всѣ живутъ въ моногаміи. Голландцамъ удалось искоренить у подвластныхъ имъ племенъ нескончаемыя распри и кровавую месть; но у независимыхъ племенъ держатся старые порядки и способствуютъ уменьшенію населенія, такъ что охота на кабановъ и оленей по прежнему доставляетъ имъ значительную прибыль. Темную сторону ихъ быта составляетъ людоѣдство, который носитъ своеобразный характеръ. Основой его у баттаковъ служатъ древнія предписанія, которыя могутъ быть названы религіозными, потому что вся государственная жизнь этого народа есть своего рода ѳеократія; своимъ законамъ они приписываютъ божественное происхожденіе. Такимъ образомъ, здѣсь жертвой людоѣдства становятся: 1) всѣ, фактически нарушившіе какимъ либо способомъ супружескую вѣрность; 2) каждый совершившій ночное воровство; 3) военноплѣнные; 4) каждый взявшій жену изъ своего племени, что строго запрещено; 5) каждый, кто измѣннически нарушитъ общественное спокойствіе, т. е. сдѣлаетъ нападеніе на деревню, чей либо домъ или человѣка, не заявивъ предварительно о своей враждѣ. Субъектъ, совершившій одно изъ этихъ преступленій, долженъ явиться передъ „совѣтомъ", и, если его найдутъ виновнымъ, то онъ осуждается на смертную казнь. Послѣ произнесенія приговора, судьи выпиваютъ глотокъ пальмоваго вина или какого либо другого напитка въ знакъ того, что „все кончено для виновнаго", какъ гласитъ принятая въ этомъ случаѣ формула. Нѣсколько дней спустя приводятъ осужденнаго и, въ присутствіи собравшагося народа, привязываютъ къ столбу. Затѣмъ самый знатный человѣкъ изъ оскорбленной партіи выступаетъ впередъ и отрѣзаетъ у несчастнаго уши, а въ другихъ мѣстностяхъ щеки, которыя считаются самыми лакомыми кусками. Остальные слѣдуютъ его примѣру и, танцуя вокругъ жертвы, съ пѣніемъ священныхъ стиховъ, одинъ за другимъ отрѣзаютъ отъ тѣла куски мяса и проглатываютъ, обмакнувъ пред-

варительно въ приправу изъ соли, перца и бетеля. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока, кто нибудь изъ состраданія или по неосторожности, не перерѣжетъ артеріи у несчастнаго, и этотъ не изойдетъ кровью или солнечный ударъ не положитъ конецъ его страданіямъ. Тогда мертвеца отвязываютъ и зарываютъ въ землю. Главный жрецъ беретъ столбъ, служившій орудіемъ пытки и уноситъ его въ непроходимую часть лѣса, гдѣ послѣ трехдневнаго поста вырѣзаетъ изъ столба древко копья съ обычными, фантастическими изображеніями: обезьяны, человѣка съ ползущей на его груди змѣей и головъ пантеры и крокодила. Такое копье считается волшебнымъ; въ заключеніе къ нему привязываютъ пучокъ волосъ съ головы погибшаго преступника. Въ битвѣ жрецъ, вооруженный этимъ копьемъ, находится впереди войска; но если онъ гибнетъ

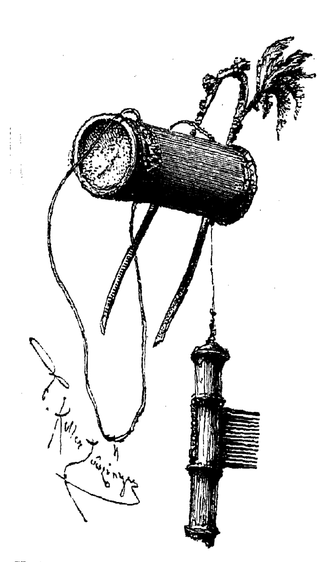


Ушныя и головныя украшенія жителей остр. Ментавея.

Табачная трубка жителей остр. Ментавея.

во время неудачнаго отступленія, то копье попадаетъ въ руки европейцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ финалъ этой ужасающей трагедіи имѣетъ болѣе человѣчный характеръ. Когда каждый изъ присутствующихъ отрѣзалъ свою долю мяса и оскорбленная справедливость получила такимъ образомъ достойное возмездіе, то главный судья подходитъ къ злополучной жертвѣ и отсѣкаетъ ей голову, чтобы положить конецъ возмутительному зрѣлищу. Затѣмъ онъ привѣшиваетъ голову за волосы передъ своимъ жилищемъ; но предварительно вынимаетъ изъ нея мозгъ и, посредствомъ обкуриванья или иной процедуры, старается предохранить его отъ гніенія. Мозгъ не ѣдятъ, но сохраняютъ особеннымъ способомъ, такъ какъ онъ служитъ сильно дѣйствующимъ волшебнымъ средствомъ. Внутренности не употребляются въ пищу; но сердце и руки считаются наиболѣе лакомыми кусками. Мясо ѣдятъ сырымъ или поджареннымъ и всегда съ упомянутой приправой соли, перца и бетеля, а также съ лимоннымъ сокомъ. Никто не имѣетъ права взять кусокъ мяса домой, по-

тому что все должно быть съѣдено на мѣстѣ казни. Но это предписаніе рѣдко исполняется въ точности, вслѣдствіе вліянія женщинъ. Законодатели по своей прожорливости запретили женскому полу употребленіе человѣческаго мяса. Но здѣсь красавицы, какъ и вездѣ, умѣютъ обойти законъ и пользуются наиболѣе лакомыми кусками запрещеннаго жаркаго. Послѣднее ѣдятъ также съ рисомъ; кровь пьютъ въ чистомъ видѣ или смѣшанную съ пальмовымъ виномъ. Въ древнія времена баттаки съѣдали своихъ родителей и другихъ родственниковъ по восходящей линіи. Если который либо изъ нихъ чувствовалъ дряхлость и тяготился жизнью, то созывалъ всѣхъ своихъ родственниковъ и заявлялъ имъ о рѣшеніи пожертвовать свою особу на праздничное жаркое. Родственники, пользуясь этимъ заманчивымъ предложеніемъ, вели тщательно вымытаго старика подъ дерево съ прямыми отвѣсными вѣтвями. Онъ вѣшался на одну изъ нихъ, ухватившись за нее обѣими руками, и если не въ состояніи былъ удержаться въ такомъ положеніи извѣстный срокъ и падалъ преждевременно на землю, то присутствующіе родственники разрубали его въ куски и съѣдали съ глубокимъ умиленіемъ. Пока отецъ или тесть, дядя, дѣдъ или зять висѣлъ на деревѣ, вся семья плясала хороводомъ вокругъ дерева, напѣвая принятую въ подобномъ случаѣ пѣсню съ припѣвомъ: „созрѣвшій плодъ падаетъ на землю!“ Въ другихъ мѣстностяхъ человѣка утомленнаго жизнью, заставляли выдергивать съ корнями особый видъ травы. Но едва силы измѣняли ему, какъ онъ попадалъ въ руки распорядителей семейнаго пикника. Этотъ обычай вышелъ теперь изъ употребленія, къ немалому огорченію политико-экономовъ старой школы и большинства баттаковъ, которые все еще чувствуютъ сильное пристрастіе къ человѣческому мясу, на что мы имѣемъ достаточно доказательствъ (Ausland, 1879, s. 121—167).



Небольшой бамбуковый колчанъ, гребень, щипцы для выдергиванія волосъ на бородѣ (у жителей остр. Ментавея).

Замѣчательно, что язычники, живущіе на островѣ Ніасѣ, имѣютъ то же оружіе и такіе же трехцвѣтные шейные обручи, какъ баттаки. Не подлежитъ сомнѣнію, что это не простая случайность, потому что вышеописанная своеобразная форма клинка у баттаковъ, равно и рога у рукоятки нигдѣ не встрѣчаются, кромѣ оставшихся въ язычествѣ жителей острововъ Ніаса и Бату, лежащихъ у самаго берега Суматры, а затѣмъ у даяковъ на островѣ Борнео, на разстояніи ста часовъ пути. Баттаки представляютъ величайшее сходство со всѣми этими племенами и выказываютъ то же пристрастіе къ человѣческому мясу, хотя въ болѣе смягченной формѣ, нежели даяки. Всякій, кому извѣстно съ какой щепетильной добросовѣстностью каждое племя сохраняетъ типическія формы своего оружія въ продолженіи вѣковъ, не станетъ оспаривать, что указанное явленіе служитъ весьма силь-

нымъ доказательствомъ прежняго сродства и глубокой древности вышеупомянутыхъ племенъ.

Даяки или, какъ они сами называютъ себя, оло-нгаджу распадаются на три отдѣла: а именно, біаджу или жителей южнаго берега Борнео, между устьемъ рѣки Барито и горами Кота—Варингинъ (къ нимъ принадлежатъ племена: оло-пулопетахъ, оло-менгкатипъ, оло-кахайянъ, оло-сампитъ и др.); затѣмъ — отъ-дано-мовъ, живущихъ внутри Борнео вдоль рѣкъ, и даяковъ-паре, на восточной сторонѣ острова.

Всѣ даяки приземисты, хотя выше ростомъ, нежели малайцы. Они крѣпкаго и пропорціональнаго тѣлосложенія съ хорошо развитыми мускулами. Между ними нѣтъ неуклюжихъ фигуръ и карликовъ, а равно уродовъ и калѣкъ, но встрѣчаются альбиносы съ красноватой, грубой кожей, которая лупится въ видѣ чешуи; при этомъ у нихъ свѣтло-коричневые волосы и сѣрые глаза. Обыкновенный цвѣтъ кожи у даяковъ мѣдно-коричневый, съ желтоватымъ оттѣнкомъ; у женщинъ большей частью свѣтлѣе, нежели у мужчинъ. Волосы блестящаго чернаго или темно-коричневаго цвѣта, жесткіе и прямые, иногда длинные сзади и распущенные вдоль спины, но надъ лбомъ всегда коротко остриженные. Старики имѣютъ сѣдые волосы, но у нихъ никогда не бываетъ лысинъ. Даяки тщательно выдергиваютъ немногіе волосы, растущіе на ихъ лицѣ. У нихъ темно-коричневые или черные глаза, вообще замѣчательно блестящіе; характерную особенность лица составляютъ широкія ноздри и выступающія скулы (Karl Bock, Unter den Kannibalen auf Borneo. Iena, 1882, s. 207—208). Одежда мужчинъ состоитъ изъ платка около 4 — 5 метр. длины, продѣтаго между ногъ и нѣсколько разъ обвитаго вокругъ туловища, съ концами, висящими сзади и спереди. Женщины носятъ короткое платье, плотно прилегающее къ тѣлу. Украшеніемъ служатъ обручи на рукахъ и ногахъ изъ слоновой кости, дерева или металла, затѣмъ различныя серьги. Для защиты отъ солнца и дождя даяки носятъ большія пестро-раскрашенныя шляпы. Кромѣ того, каждый воинъ носитъ у пояса или рукоятки меча, талисманъ, состоящій изъ зубовъ хищныхъ звѣрей, кусочковъ дерева, небольшихъ камней и пр., который играетъ у даяковъ ту же роль, какъ мѣшокъ съ цѣлебными средствами у индійцевъ Сѣверной Америки. Жилища всѣ деревянныя и построены на столбахъ. Но по внѣшности между ними существенное различіе, которое заключается въ томъ, что на сѣверо-западѣ въ среднихъ частяхъ Борнео они имѣютъ видъ небольшихъ хижинъ, которыя построенны на столбахъ въ 2—3 метра высоты и заняты двумя или тремя семействами. Между тѣмъ въ южномъ и восточномъ Борнео дома достигаютъ 60—65 метр. длины, поддерживаются сотнями крѣпчайшихъ столбовъ въ 6—7 метр. высоты и служатъ помѣщеніемъ для нѣсколькихъ десятковъ семействъ. Подобные дома раздѣлены на двѣ половины; одна служитъ мѣстомъ общаго сборища, другая состоитъ изъ множества келій, по числу семействъ. Въ каждой изъ нихъ устроенъ небольшой очагъ для варки пищи. Въ домѣ два выхода; лѣстницами служатъ балки съ зарубками. Въ каждой деревнѣ есть общественные дома, въ которыхъ вывѣшиваютъ черепа убитыхъ враговъ и, гдѣ проводятъ ночь молодые, неженатые люди. Эти дома значительно выше остальныхъ жилищъ и построены на столбахъ въ 8 метр. высоты. Пища даяковъ состоитъ, преимущественно, изъ варенаго риса, который разводится съ замѣчательнымъ стараніемъ. У сѣверо-западныхъ племенъ существуетъ родъ семипольнаго хозяйства въ томъ отношеніи, что только черезъ восемь лѣтъ они снова обработываютъ то же поле; сорную траву, выросшую за это время, сожигаютъ для удобренія почвы. Племена, принявшія этотъ способъ хозяйства, осуждены на

Сторожевая хижина на остр. Борнео.

постоянное странствованіе, такъ какъ ихъ маленькія хижины должны неизбѣжно находиться по близости принадлежащихъ имъ полей. Изъ домашнихъ животныхъ и птицъ они держатъ только свиней, собакъ и куръ, но ѣдятъ ихъ мясо, а равно обезьянъ и крокодиловъ только въ торжественныхъ случаяхъ.

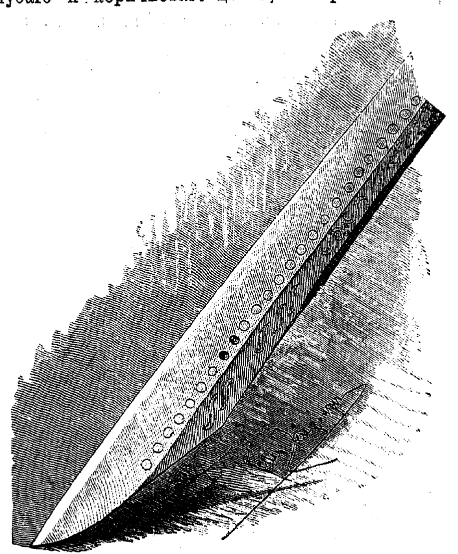
Въ нравственномъ отношеніи даяки стоятъ довольно высоко: разбои и воровство неизвѣстны у нихъ; что касается умственнаго развитія, то они равны малайцамъ, только опрятнѣе и трудолюбивѣе ихъ и отличаются большей искренностью. Они живутъ въ моногаміи, относятся съ уваженіемъ къ женамъ и подчиняются ихъ вліянію во всѣхъ рѣшеніяхъ, привязаны къ своимъ дѣтямъ, семьямъ и соплеменникамъ. Но всѣ эти добрыя качества, которыя могли бы способствовать введенію цивилизаціи, затемняются ихъ варварскимъ обычаемъ охотиться за черепами; а племя баху-трингсъ даже пожираетъ своихъ враговъ и убиваетъ военноплѣнныхъ. Не говоря о менѣе важныхъ событіяхъ жизни, ни одни роды, свадьба и погребеніе не могутъ быть отпразднованы надлежащимъ образомъ, если по этому случаю не доставлено большее или меньшее количество непріятельскихъ головъ. Голландцы, съ помощью оружія и торговли, въ значительной степени способствовали уменьшенію этого ужаснаго обычая, но

тѣмъ не менѣе возможно, что прежде, нежели онъ окончательно выйдетъ изъ употребленія, даяки вслѣдствіе самоистребленія исчезнутъ съ лица земли. Добываніе головъ происходитъ не въ открытомъ бою, а съ помощью убійства, совершаемаго изъ засады. Трупъ (принадлежитъ ли онъ мужчинѣ, женщинѣ или ребенку), оставляютъ на мѣстѣ, и воинъ, кичась своимъ мужествомъ, несетъ голову домой въ бамбуковой корзинѣ, сплетенной въ видѣ ранца и украшенной непріятельскими волосами. Благополучная доставка головы на домъ считается великимъ торжествомъ, по поводу котораго устраивается пирушка для деревенскихъ жителей и убиваютъ нѣсколькихъ свиней. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ варятъ сердце и кожу со лба убитаго и даютъ ѣсть мальчикамъ, чтобы сдѣлать ихъ мужественными и храбрыми. Побѣдитель, принесшій голову, можетъ выставить ее въ видѣ трофеи передъ сво-

Черепа, добытые и препарированные даяками (одинъ въ видѣ маски и раскрашенный, другой, очищенный отъ мяса съ рѣзными узорами).

имъ домомъ и украсить свои волосы перомъ изъ хвоста водяной птицы ангинги. Количество этихъ перьевъ указываетъ на число добытыхъ головъ. Что касается нравовъ вообще, то по свидѣтельству Ф. Грабовскаго, даякъ чувствуетъ большое пристрастіе къ купанью, куренью и, въ особенности, къ игрѣ и въ такой степени, что съ этой цѣлью нерѣдко продаетъ свою жену китайцу, большей частью на три мѣсяца. Иные не курятъ, но тѣмъ усерднѣе жуютъ „siri“. Нерѣдко подъ вліяніемъ ревности, разгаръ страстей достигаетъ здѣсь такихъ размѣровъ, что на улицахъ открыто совершаются убійства. Туземецъ, не помня себя отъ ревности, бросается какъ безумный черезъ толпу съ обнаженнымъ клинкомъ и поражаетъ перваго встрѣчнаго. Разумѣется, черезъ это онъ самъ становится предметомъ преслѣдованія и каждый можетъ безнаказанно убить его. Подобные случаи носятъ названіе „amok“ и составляютъ довольно обыденное явленіе. По отзыву Грабовскаго, обычаи, преданія, религіозныя представленія и обряды даяковъ отчасти исполнены глубокаго смысла и далеко не такъ первобытны, чтобы можно было приписать имъ низшую сте-

пень культуры. Равнымъ образосъ они выказываютъ значительную степень изобрѣтательности относительно устройства своей жизни и отличаются замѣчательной физической ловкостью. Всего замѣчательнѣе пристрастіе даяковъ къ фарфору. Въ углу дома, по близости очага, обыкновенно разставлено нѣсколько фарфоровыхъ сосудовъ, вымѣненныхъ на мѣстные продукты у малайскихъ купцовъ, которые въ свою очередь покупаютъ ихъ у китайцевъ въ Сингапурѣ или Макассарѣ. Даякъ раздѣляетъ страсть голландцевъ къ голубому фарфору и даже больше цѣнитъ старую посуду, нежели любой изъ европейцевъ. Къ числу ихъ величайшихъ драгоцѣнностей принадлежитъ рядъ „gadji blanga", родъ вывезенныхъ изъ Китая глазированныхъ кружекъ, зеленаго, голубаго и коричневаго цвѣта, которыя неизмѣнно украшены выпуклыми изображеніями ящерицъ и змѣй. Стоимость ихъ доходитъ отъ 170 до 5,400 марокъ, смотря по величинѣ, рисунку и, главнымъ образомъ, древности, разумѣется въ томъ случаѣ, если вещь вполнѣ сохранилась. Сообразно туземному преданію, эти дорогіе сосуды сдѣланы изъ остатковъ той глины, изъ которой „Махарата" (всемогущій) сотворилъ сперва солнце, а затѣмъ луну. Имъ также приписываютъ цѣлебную силу и свойство охранять домъ отъ злыхъ духовъ. Эта безумная страсть къ фарфору даяковъ, а равно и англичанъ весьма выгодна для китайцевъ при ихъ врожденной изворотливости, такъ что въ Самариндѣ можно купить мастерское подражаніе древнимъ вазамъ за 9—10 марокъ. Трещины, шрамы, пятна и другіе признаки древности воспроизведены съ необыкновенною точностью. Тѣмъ не менѣе даяки, въ противоположность многимъ лондонскимъ знатокамъ, никогда не обольщаются подобными искусственными „gadji blanga" и предпочитаютъ заплатить сотни и тысячи марокъ за неподдѣльный экземпляръ. Каждый такой пластическій родичъ солнца и луны имѣетъ свою родословную и передается по наслѣдству изъ рода въ родъ.


Даякскій мечь изъ Борнео съ мѣдными заклепками, означающими число добытыхъ череповъ. (Два отверстія еще должны быть заполнены).

Образецъ правленія у даяковъ тождественъ съ другими малайскими племенами. Каждое изъ племенъ, независимыхъ другъ отъ друга, имѣетъ своего отдѣльнаго вождя. Званіе это частью наслѣдственное и отчасти выборное, и въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно выпадаетъ по большинству голосовъ на долю лица, наиболѣе вліятельнаго въ имущественномъ отношеніи. Но фактически власть вождей незначительна, потому что всѣ важныя дѣла и предпріятія рѣшаются народнымъ собраніемъ. Судъ руководствуется въ своихъ приговорахъ обычнымъ правомъ („Hadat"). Даяки представляютъ собой воин-

ственный, хотя не особенно храбрый народъ, что можно отчасти видѣть по вооруженію, которое бываетъ различно, смотря по мѣстности. Оно обыкновенно состоитъ изъ шлема, ожерелья (изъ зубовъ хищныхъ звѣрей), панцыря, сдѣланнаго изъ леопардовой или медвѣжьей шкуры, древесной коры или плетенныхъ шнурковъ, деревяннаго щита, браслетовъ, а также нерѣдко обручей на ногахъ, меча, метательнаго копья въ 1,5—2 метр. длины съ зазубринами, и другихъ вещей, которыя отчасти служатъ въ видѣ украшенія, частью для защиты и нападенія, какъ напримѣръ самострѣлъ, лукъ и стрѣлы. Наконечники маленькихъ стрѣлъ, которыя служатъ для самострѣловъ, намазаны ядомъ („upas"). Даяки большей частью искусные кузнецы и, не смотря на свои первобытныя орудія, изготовляютъ превосходные мечи и сабли („mandau").

„Pavaug-Satok" (мечи даяковъ).

Въ старину даяки часто сожигали своихъ мертвецовъ, а пепелъ сохраняли въ глиняныхъ сосудахъ. Въ настоящее время покойниковъ обыкновенно зарываютъ въ землю, а въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ (въ восточномъ Борнео), выставляютъ въ лѣсу въ деревянныхъ гробахъ. До окончанія погребальной церемоніи прекращается всякая работа и наступаетъ общій трауръ, который носитъ различный характеръ, смотря по мѣстности. Вездѣ за умершихъ приносятъ человѣческія жертвы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ періодъ времени отъ момента смерти до погребенія, хотя бы такой срокъ длился нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ и даже лѣтъ; у другихъ племенъ жертвоприношеніе совершается тотчасъ послѣ погребенія. Въ ожиданіи момента, когда можетъ быть принесена человѣческая жертва, покойника замѣняетъ деревянная фигура, одѣтая въ его платье. По окончаніи жертвоприношенія въ видѣ ли человѣческаго существа или человѣческой головы, на упомянутую деревянную фигуру надѣваютъ полное вооруженіе и военный костюмъ умершаго и выставляютъ ее въ лѣсу, среди множества другихъ изображеній умершихъ воиновъ.

Къ первобытнымъ религіознымъ представленіямъ даяковъ принадлежитъ вѣрованіе въ существованіе умершихъ въ видѣ духовъ. Они дѣлаютъ имъ незначительныя жертвоприношенія съѣстными припасами, а именно выставляютъ вареный рисъ съ небольшимъ количествомъ рыбы или мяса. Мѣстопребываніемъ могущественныхъ духовъ считаются высокія горы, гдѣ имъ приносятъ въ жертву различныя кушанья и куръ. Передъ особенно важными предпріятіями даяки проводятъ въ постѣ три дня и три ночи на горахъ и молятъ духовъ о покровительствѣ. Многія изъ восточныхъ племенъ поклоняются солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ. Затѣмъ у отдѣльныхъ племенъ существуетъ цѣлый рядъ

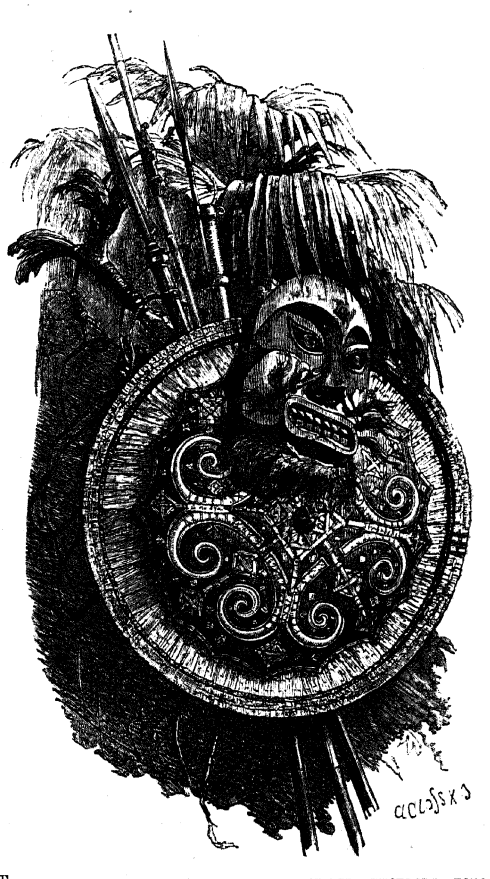
различныхъ божествъ, о которыхъ трудно сказать въ точности, насколько въ нихъ преобладаетъ мѣстный или чужеземный (буддійскій) элементъ.

Помимо даяковъ на островѣ Борнео существуетъ множество мелкихъ племенъ, которыхъ этнологическое положеніе не опредѣлено въ точности, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что они отчасти принадлежатъ къ циклу малайскихъ народовъ. Изъ этихъ племенъ въ сѣверномъ Борнео наибольшее значеніе имѣютъ аггипалуанъ и мурутъ, которые достигли большаго искусства въ изготовленіи яда „upas" и намазываютъ имъ свои стрѣлы; затѣмъ дазунъ, койджоэсъ и пеманъ.

На юго-западѣ большаго острова Целебеса живутъ манкассары, въ центрѣ, а равно и на западѣ южной оконечности буги или вуги (на малайскомъ языкѣ орангъ-буги, на бугинезскомъ — товуги, то есть люди изъ земли Буги). Хотя языки этихъ двухъ народовъ не могутъ быть названы діалектами, но между ними существуетъ, повидимому, такая тѣсная связь, что ихъ трудно отдѣлить другъ отъ друга. Къ буги, вѣроятно, принадлежатъ также обитатели острововъ, которые тянутся къ югу отъ Целебеса до Тимора. Ваджо или баджо, населяющіе Целебесъ и нѣкоторые изъ ближайщихъ острововъ, называемые также орангъ-лаутъ, безусловно представляютъ собой, по мнѣнію Фридриха Миллера, смѣшанное племя, которое произошло отъ скрещиванія буги-макассарскихъ туземцевъ съ пришлыми малайцами.

Буги отличаются гордымъ, воинственнымъ и мстительнымъ характеромъ, никогда не забываютъ нанесеннаго имъ оскорбленія и нерѣдко мстятъ за него по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но при этомъ они гостепріимны; тѣ изъ нихъ, которые живутъ у европейцевъ, оказываются при хорошемъ обращеніи вѣрными и усердными слугами и вообще составляютъ пріятный контрастъ съ льстивыми и раболѣпными яванцами. Они также стоятъ выше другихъ малайцевъ по честности, энергіи и нравственности. Буги самые предпріимчивые купцы архипелага; но они чувствуютъ неудержимую страсть къ игрѣ, пѣтушинымъ боямъ и куренію опіума, которое часто доводитъ ихъ до дикаго обычая „amok". Буги едва ли не самый смѣлый наѣздникъ въ мірѣ; онъ вскакиваетъ на дикую лошадь безъ сѣдла и стремянъ и, управляя ею съ помощью короткой узды сплетенной изъ тростника, гонится за оленями, въ одной „sarong", наброшенной на плечахъ. Онъ ловитъ звѣря на всемъ скаку тростниковымъ арканомъ, который прикрѣпленъ къ нижнему концу его копья. Буги не менѣе смѣлы и выносливы на морѣ: на своихъ хрупкихъ челнокахъ („lippalipas") они вступаютъ въ борьбу съ самыми опасными бурунами, въ большихъ лодкахъ („prahu" или „prauen") разъѣзжаютъ по всему Индійскому архипелагу отъ Сингапура до Новой Голландіи. Одежда почти та же, что у остальныхъ малайцевъ; буги не выйдетъ изъ дому безъ „kris" за поясомъ и копья въ рукахъ, его любимаго оружія, лезвіе котораго спрятано въ ножнахъ. Женщины производятъ пріятное впечатлѣніе, могутъ принимать участіе въ общественной жизни и даже вступать на престолъ. Онѣ вообще красивѣе яванскихъ женщинъ; всѣ имѣютъ черные волосы, черные огненные глаза и коричневую кожу всевозможныхъ оттѣнковъ. Въ молодости, среди большихъ празднествъ, имъ подпиливаютъ отчасти передніе зубы, остальные принимаютъ черный цвѣтъ, вслѣдствіе постояннаго жеванія бетеля. Въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ женщины чувствуютъ сильную робость въ присутствіи бѣлыхъ. При заключеніи брака, же-

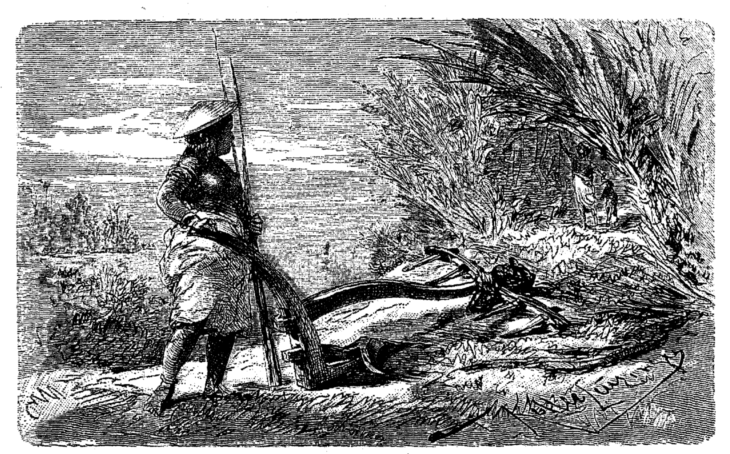
нихъ, сообразно своему общественному положенію и средствамъ, платитъ родителямъ невѣсты извѣстный выкупъ, который состоитъ изъ денегъ, буйволовъ, лошадей и пр. Во время празднествъ выступаютъ на сцену танцовщицы, которыя вообще отличаются нравственной распущенностью. Жилища буги въ Индійскомъ архипелагѣ большей частью построены на столбахъ въ 1,30 до 2 метр. высоты; матеріаломъ для нихъ служитъ бамбукъ и отчасти дерево. Помимо торговли и промысловъ буги въ равнинахъ преимущественно воздѣлываютъ рисъ, а въ горахъ разводятъ турецкую пшеницу, кофе, малайскій перецъ и пр. При этомъ они употребляютъ плугъ самаго первобытнаго устройства. Изъ сока молуккскаго пальмоваго дерева „arenga“ они вывариваютъ сахаръ и хмѣльный, освѣжающій напитокъ, извѣстный подъ названіемъ „пальмоваго вина“ (sapower), который въ общемъ употребленіи; другой такой же національный напитокъ дѣлается изъ краснаго риса. Буги вообще крайне умѣренны, и только въ торжественныхъ случаяхъ закалываютъ буйвола, а горные жители, при своей бѣдности, нерѣдко питаются одной турецкой пшеницей, но тѣмъ не менѣе производятъ впечатлѣніе сильныхъ и здоровыхъ людей. Буги въ большинствѣ случаевъ отличаются крѣпкимъ и красивымъ тѣлосложеніемъ и имѣютъ довольно свѣтлую кожу. Они преимущественно составляютъ экипажъ малайскихъ судовъ и всѣ исповѣдуютъ магометанство.



Богато украшенная шляпа изъ пальмовыхъ листьевъ, деревянная маска, мечъ, самострѣлъ и пика изъ Борнео. Копье съ многоугольной рукояткой изъ Суматры. Бамбуковая палка съ петлей для ловли оленей изъ Макассара (южн. Целебесъ).

Фридрихъ Миллеръ причисляетъ также къ малайскимъ народамъ альфуровъ, живущихъ на сѣверѣ Целебеса, равно на Молуккскихъ и другихъ мелкихъ сосѣднихъ островахъ. Ихъ языкъ распадается на много діалектовъ. Голландскіе ученые Ветъ и ванъ-Мушенбрёкъ дер-

жатся того мнѣнія, что имя „альфуры“ не имѣетъ никакого отношенія къ этнологіи, такъ какъ это не названіе народа, а означаетъ собственно извѣстное общественное положеніе. По ихъ словамъ „альфурами“ называются вообще дикія, нецивилизованныя племена на востокѣ упомянутаго архипелага безъ какого либо отношенія къ ихъ происхожденію, которыя остаются въ язычествѣ и избѣгаютъ какихъ либо сношеній съ европейцами. Магометанъ и христіанъ не называютъ больше этимъ именемъ. Такимъ образомъ здѣсь существуетъ нѣсколько подраздѣленій и, смотря по степени варварства, говорятъ о туземцахъ, что они находятся въ состояніи большаго или меньшаго альфуризма.



Малайскій плугъ на Целебесѣ.

Имя это составлено изъ арабскаго члена al и испанскаго слова furo, которое означаетъ „дикій“, „нелюдимъ“. Жители Церама, которыхъ малайцы и голландцы называютъ альфурами, представляютъ, по мнѣнію В. Іоста, смѣшанную расу, состоящую изъ папуасовъ и малайцевъ. По внѣшности и характеру они во многомъ похожи на папуасовъ, между тѣмъ какъ ихъ различныя нарѣчія должны быть, повидимому, причислены къ малайской отрасли языковъ и, во всякомъ случаѣ, сильно перемѣшаны съ послѣдними. Къ такому же разнородному населенію принадлежатъ альфуры на полуостровѣ Джилоло, туземцы острововъ Буро и Тимора до Флореса, а равно Сандальныхъ острововъ и далѣе на востокъ до Тиморлаута. Судя по описанію путешественниковъ, всѣ эти племена отличаются въ такой же степени отъ малайцевъ, какъ отъ папуасовъ. Относительно чертъ лица и волосъ альфуры напоминаютъ папуасскій типъ; они высокаго роста,

стройнаго тѣлосложенія и съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, нежели малайцы (A. R. Wallace, The Malay Archipelago. Bd. II, s. 276—277). На берегахъ Церама преобладаетъ малайскій типъ. Здѣсь утвердился исламъ, но христіанство также проникло сюда до извѣстной степени. Внутри острова туземцы сохранили свою полную самобытность.

Альфуры на Церамѣ въ племенномъ отношеніи дѣлятся на два большихъ союза: ули-сива или пата-сива въ западной половинѣ острова и ули-лима или пата-лима въ восточной. Каждое племя избираетъ своего вождя („kapalasanirie"), облеченнаго въ то же время званіемъ высшаго духовнаго лица, которое большей частью передается по наслѣдству. На ряду съ нимъ поставленъ „makaressi"; затѣмъ въ каждой деревнѣ есть старшина и священникъ („mauen"). Всѣ эти лица сходятся для совѣщаній о войнѣ и мирѣ, распредѣленія саговыхъ деревьевъ, долговыхъ взысканій и пр.. и ихъ приказанія исполняются въ точности. Что касается наружности альфуровъ, то мужчины большей частью отличаются высокимъ ростомъ и пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ; женщины хотя значительно ниже, но при этомъ нерѣдко поразительно красивы. Взрослые мужчины обыкновенно достигаютъ 1,65—170 метр. роста, но кажутся еще выше, благодаря прическѣ. Волосы (которые у дѣтей коричневаго цвѣта), не ростутъ пучками, какъ у чистокровныхъ папуасовъ и достигаютъ до 30—45 сант. длины; альфуры связываютъ ихъ полоской пальмоваго листа въ густой пучекъ, торчащій съ лѣвой стороны головы, что придаетъ имъ рѣшительный видъ. Но здѣсь волосы никогда не образуютъ короны вокругъ головы, какъ у даяковъ и тиморцевъ и, въ особенности, у настоящихъ папуасовъ. Волосы чернаго цвѣта и волнистые, но никогда не бываютъ такіе курчавые, какъ у негровъ. Глаза большіе, темно-коричневые или черные; при этомъ почти у всѣхъ мужчинъ густыя, слегка завитыя бороды; волосы растутъ также обильно на тѣлѣ. Цвѣтъ кожи темно-коричневый; скуловыя кости сильно выступаютъ впередъ; губы толстыя; зубы всегда испорченные вслѣдствіе жеванья бетеля; носъ большой и рѣзко очерченный, что придаетъ имъ поразительное сходство съ еврейскимъ типомъ. Альфурамъ свойственъ особенный запахъ, который еще больше усиливается отъ частаго втиранія кокосовымъ масломъ. По достиженіи болѣе зрѣлаго возраста они выказываютъ склонность къ отучнѣнію, что особенно замѣтно при ихъ несчастной привычкѣ затягивать невообразимымъ образомъ талью кускомъ ткани „tjidaco", который составляетъ единственную принадлежность ихъ туалета. Ткань изготовляется туземными женщинами изъ вымоченнаго лыка расколоченнаго камнями; наиболѣе плотный кусокъ образуетъ поясъ въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются въ Европѣ при гимнастическихъ упражненіяхъ. Короткій расширенный конецъ „tjidaco" спущенъ спереди подъ поясомъ и прикрываетъ нижнюю часть живота, между тѣмъ какъ длинный конецъ, обвитый вокругъ бедеръ, продѣваютъ между ногъ и привязываютъ

Юноша изъ Тимора.

къ тальи. Женщины также носятъ „tjidaco", только изъ менѣе жесткой ткани и, сверхъ того, „sarong", сплетенный изъ пестрой травы или сотканный изъ хлопчатой бумаги. Верхняя часть тѣла остается обнаженной. Впрочемъ, оба пола носятъ при всякой возможности такую массу цѣпочекъ и стеклянныхъ бусъ, что впечатлѣніе наготы совершенно сглаживается. Женщины связываютъ свои длинные волнистистые волосы на затылкѣ полосками пальмовыхъ листьевъ или свертываютъ ихъ въ пучокъ. Татуировка не существуетъ въ видѣ украшенія, но на убранство головы обращено особенное вниманіе. Въ свернутый пучокъ волосъ втыкаютъ деревянный гребень съ четырьмя зубцами, обвитый длинными красными или черными полосами, съ нашитыми на нихъ раковинами и фарфоровыми пуговицами. Гребень также употребляется съ тою цѣлью, чтобы волосы не свѣшивались на лобъ. Кромѣ того, спереди къ волосамъ прикрѣпляютъ кусокъ перламутра, равно и два пучка перьевъ: казуара и какаду; райская птица уже составляетъ роскошь, которую могутъ позволить себѣ весьма немногіе. Праздничный головной уборъ дѣвушекъ еще красивѣе; онъ состоитъ изъ бамбуковыхъ, роттанговыхъ и пальмовыхъ листьевъ, зелени, желтыхъ и красныхъ растеній и образуетъ родъ прелестнаго шлема, изъ подъ котораго разсыпаются темныя волны длинныхъ блестящихъ волосъ. Равнымъ образомъ въ большомъ ходу вѣнки изъ пахучихъ цвѣтовъ. Оба пола украшаютъ себя браслетами изъ рѣзныхъ раковинъ, широкими обручами изъ выкрашеннаго роттанга на всѣхъ суставахъ, выше и ниже колѣнъ; они также подчасъ красятъ себя желтыми черточками и во всѣ обручи, повязки и даже „tjidaco", втыкаютъ пучки красныхъ листьевъ или сухой крашеной травы и бамбука. Украшеніемъ можно также считать узоры на кушакѣ и переднемъ концѣ „tjidaco"; при этомъ каждый бѣлый кружокъ означаетъ голову отрѣзанную въ видѣ побѣдной трофеи.

Деревянные щиты, украшенные человѣческими волосами изъ Малайскаго архипелага. — Соломенная шляпа изъ той же мѣстности.

Альфуры равнымъ образомъ устраиваютъ свои деревни въ лѣсу, преимущественно, по близости ручья и рощъ, богатыхъ саговыми деревьями. Ихъ дома построены на бамбуковыхъ столбахъ въ 1—1,30 метр. высоты; полъ также

сдѣланъ изъ расколотыхъ бамбуковыхъ палокъ и покрытъ художественно сплетенными циновками. Жилище состоитъ изъ одного покоя безъ оконъ; но со стороны фасада устроена небольшая низкая галлерея съ навѣсомъ изъ пальмовыхъ листьевъ, примыкающихъ къ двухскатной крышѣ главнаго строенія, которая съ задней стороны доходитъ до земли. Здѣсь находится также небольшой балконъ съ очагомъ для варки кушанья. Въ каждой хижинѣ единственной мебелью служитъ постель изъ стеблей саговой пальмы. Всѣ неженатые молодые люди спятъ вмѣстѣ въ обширномъ общественномъ строеніи „baileo“; послѣднее можно встрѣтить въ каждой деревнѣ и нерѣдко заключаетъ до ста постелей. Здѣсь происходятъ сборища для совѣщанія о дѣлахъ, касающихся всего племени; на случай внезапнаго непріятельскаго нападенія приготовлены пустые древесные стволы и крѣпкіе дубины, чтобы немедленно подать сигналъ къ тревогѣ. Въ „baileo“ вывѣшиваютъ добытыя головы въ небольшихъ корзинахъ,

Изготовленіе саго на Остъ-Индскихъ островахъ.

сплетенныхъ изъ пальмовыхъ листьевъ. Передъ каждымъ такимъ зданіемъ положенъ камень, большей частью плоской формы „batu astana“, который играетъ большую роль при кровавыхъ празднествахъ альфуровъ, потому что у нихъ также процвѣтаетъ обычай добыванія головъ. Способъ войны такой же, какъ у даяковъ, хотя объявляютъ заранѣе о началѣ военныхъ дѣйствій. Если эта формальность выполнена, то никому нѣтъ пощады. Альфуръ пестрѣляетъ большей частью въ спину врага, затѣмъ набрасывается на него, перерѣзаетъ ему горло до позвонка, и, захвативъ рукою волосы, сворачиваетъ голову немного на сторону и отдѣляетъ ее однимъ ударомъ отъ туловища. Вся эта процедура длится не болѣе нѣсколькихъ секундъ, послѣ чего воинственный герой поспѣшно возвращается во-свояси. Подходя къ деревнѣ, онъ трубитъ въ бамбуковый рожокъ, чтобы извѣстить жителей о совершенномъ подвигѣ; тогда всѣ отъ мала до велика спѣшатъ къ „baileo“; даже прекрасный полъ принимаетъ участіе въ празднествахъ, устроенныхъ въ честь тріумфатора, который среди общаго пѣнія и танцевъ торжественно кладетъ принесенную голову на „batu astana“. Затѣмъ слѣдуетъ пиршество, сопровождаемое попойкой; дѣвушки поютъ хвалебныя пѣсни герою, намазываютъ его тѣло растительнымъ масломъ, а онъ съ

своей стороны обыкновенно пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы посвататься къ своей возлюбленной. Добытая имъ голова оставляется нѣкоторое время на камнѣ для просушки, послѣ чего ее вывѣшиваютъ въ „baileo"; при этомъ воинъ въ видѣ побѣдной трофеи беретъ волосы или нижнюю челюсть и прячетъ ихъ вмѣстѣ съ своими сокровищами, браслетами, фарфоровыми блюдцами и пр. Между тѣмъ въ деревнѣ, гдѣ жилъ убитый, все облекается въ трауръ, никто не смѣетъ прикоснуться къ барабану; женщины выражаютъ свое горе воплями и подбиваютъ мужей къ кровавой мести.

Каждаго юношу, достигшаго пятнадцатилѣтняго возраста, опоясываютъ „tjidaco", и съ этихъ поръ на него возлагаютъ надежду, что онъ по примѣру другихъ добудетъ голову. Онъ уже ночуетъ въ „baileo", причисляется къ воинамъ и пріобрѣтаетъ право участвовать въ ихъ совѣщаніяхъ и празднествахъ. Оружіе альфуровъ состоитъ изъ лука и стрѣлы, затѣмъ копья, легкаго дротика и, главнымъ образомъ, ножа яванской или бугинезской фабрикаціи. Для защиты противъ непріятеля служитъ узкій щитъ („salawaku"), украшенный раковинами. Чѣмъ храбрѣе воинъ, тѣмъ меньше его щитъ, и альфуръ, защищаясь такимъ „salawaku", имѣющимъ не болѣе 60 сант. длины, съ успѣхомъ парируетъ во время боевой пляски направленныя противъ него метательныя копья. Послѣ каждой добытой головы воинъ выламываетъ раковину изъ щита и большей частью замѣняетъ ее пучкомъ волосъ убитаго. Кромѣ войны мужчины занимаются охотой, рыбной ловлей и добываніемъ саго. Они отличаются ловкостью во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, настигаютъ на бѣгу кабана въ открытомъ полѣ и лазаютъ съ необыкновеннымъ искусствомъ.

Саго служитъ главнымъ средствомъ для пропитанія альфуровъ, и они, преимущественно, занимаются разведеніемъ его. Для ѣды сырое саго смѣшиваютъ съ холодной или горячей водой и употребляютъ въ видѣ густой каши „papeda", или же толкутъ въ муку и пекутъ изъ него саговый хлѣбъ въ особыхъ приспособленныхъ для этой цѣли глиняныхъ печахъ. Альфуръ всю жизнь питается „papeda" саговымъ хлѣбомъ. Утромъ и вечеромъ онъ большей частью ѣстъ холодную саговую кашу, за обѣдомъ теплую; затѣмъ въ видѣ приправы служитъ небольшое количество рыбы, перецъ, дикіе лимоны, соль или морская вода. Поваренная соль тѣ же деньги для альфуровъ, а послѣднія настолько рѣдки у нихъ, что они обыкновенно приправляютъ безвкусную „papeda" ничего не стоющей морской водой. Кромѣ того, они изготовляютъ очень вкусный пуддингъ и пальмовое вино, охотно выпиваютъ стаканъ водки, но не напиваются до-пьяна. Оба пола жуютъ бетель, который постоянно носятъ съ собой въ красивыхъ коробочкахъ; но куреніе у нихъ не въ употребленіи.

У альфуровъ повсемѣстно господствуетъ полинезійскій обычай налагать „pamali", то есть „tabu" (запрещеніе) на нѣкоторые предметы и даже на живыхъ людей. Между прочимъ „pamali" подлежатъ также дѣвушки въ періодъ менструаціи и женщины во время родовъ. Никто не смѣетъ приближаться къ нимъ. Подобно тому, какъ у юношей, такъ и у дѣвушекъ, наступленіе половой зрѣлости служитъ поводомъ къ праздничной церемоніи. Каждая семья имѣетъ въ лѣсу или на морскомъ берегу небольшую хижинку изъ пальмовыхъ листьевъ, напоминающую отчасти наши собачьи конуры, съ тою разницей, что въ ней устроено низкое мѣсто для сидѣнья. Молодая дѣвушка должна удалиться сюда при появленіи первыхъ признаковъ наступленія зрѣлости и оставаться тутъ до окончанія менструаціи или же до тѣхъ поръ, когда ея родители соберутъ необходимыя деньги для слѣдующаго затѣмъ торжества. Это продолжается иногда нѣсколько недѣль и все время никто не приближается къ „pamali"; она не ѣстъ ничего варенаго, питается только саго, сушеной рыбой и бананами и не имѣетъ права вымыться. Равнымъ образомъ женщина, чувствуя приближеніе родовъ, отправляется въ упомянутую пальмовую хижинку; она также считается „pamali" въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ рож-

денія ребенка; затѣмъ она моется и можетъ возвратиться въ домъ своего мужа. Супружеское соитіе совершается не въ хижинѣ, а на открытомъ воздухѣ въ лѣсу; альфуры не считаютъ нужнымъ снимать для этого „tjidaco", но всегда берутъ съ собой свернутыя вмѣстѣ циновки. Мѣста подобныхъ тайныхъ свиданій, а равно и ведущая къ нимъ дорога обозначена сухими вѣтками, воткнутыми въ землю, въ видѣ трехъ паръ крестовъ. Соблюденію дѣвственности не придаютъ никакого значенія. Альфуры женятся на нѣсколькихъ женахъ; послѣ смерти мужа вдова въ большинствѣ случаевъ выходитъ замужъ за его брата. Убійство и смертельные побои, по словамъ туземцевъ, составляютъ небывалое явленіе; воръ долженъ возвратить украденное; вдобавокъ его обыкновенно наказываютъ розгами изъ вѣтвей роттанга. При нарушеніи супружеской вѣрности преступникъ обязанъ заплатить мужу выкупъ, внесенный имъ при заключеніи брака, и оставить у себя возлюбленную; если, наоборотъ, виновенъ мужъ, то его соучастница платитъ штрафъ законной женѣ. Невольничество вышло изъ употребленія.

Мечъ, головные уборы (изъ плетеныхъ пальмовыхъ листьевъ) гребни, бамбуковыя коробочки, деревянный сосудъ для питья изъ Тимора.

Оффиціальныя обязанности духовныхъ лицъ состоятъ изъ пророчествъ, заговариванья, болѣзней и церемоній такъ называемаго „союза Какіанъ". Цѣль и мистеріи послѣдняго теперь уже не составляютъ тайны. Такъ, напримѣръ, въ союзъ принимаютъ юношей съ различными церемоніями; они должны поститься цѣлыми днями; при этомъ священники, главная опора и распространители Какіана, вредно дѣйствующіе на толпу въ смыслѣ увеличенія суевѣрій, показываютъ копья, смоченныя свиной кровью въ доказательство того, что юноши умерщвлены діаволомъ. Вслѣдъ затѣмъ они распускаютъ слухи, что ихъ могуществу удалось возвратить къ жизни мнимо-убитыхъ, которые берутъ на себя клятвенное обязательство слѣпаго послушанія и соблюденія вѣчной тайны во всемъ, что прямо или косвенно касается союза. Главная цѣль послѣдняго — сохраненіе старыхъ обычаевъ, взаимная помощь въ соціальныхъ и общественныхъ дѣлахъ и принятіе мѣръ противъ чужеземнаго вліянія, въ особенности, относительно богослуженія. Такимъ образомъ, альфуры прежде всего вѣрятъ въ діавола и въ злыхъ духовъ, подъ которыми они, быть можетъ, подразумѣваютъ души умершихъ; для защиты отъ нихъ они носятъ небольшіе талисманы изъ камня. Мы встрѣчаемъ также у нихъ далеко распространенный обычай, по которому при постройкѣ новаго „baileo" зарываютъ подъ однимъ изъ столбовъ только что отрѣзанную чело-

вѣческую голову. Альфуры завертываютъ умершихъ въ циновки и относятъ въ лѣсъ, гдѣ кладутъ подъ дерево, чтобы дать высохнуть скелету или же зарываютъ въ землю безъ всякихъ праздничныхъ церемоній.

Альфуры сильно подвержены накожнымъ болѣзнямъ; въ особенности распространены: „cascado“ (ихтіозисъ), проказа, а у дѣтей различныя сыпи, которыя, хотя и не представляютъ опасности для жизни, но доходятъ до ужасающихъ размѣровъ; сифилисъ совершенно неизвѣстенъ.

Въ характерѣ альфуровъ есть не мало симпатичныхъ сторонъ; они простодушны, отличаются честностью, храбрые охотники и большіе любители музыки и танцевъ. Къ числу ихъ музыкальныхъ инструментовъ принадлежатъ: сигнальный рогъ, раковины тритоны, бамбуковыя трубы, барабаны („tifa“) различной величины, первобытная однострунная скрипка съ такимъ же смычкомъ, затѣмъ, металлическіе бубны и „тріангль“, которые они вымѣниваютъ у буги. Ихъ пѣсни безусловно мелодичны и большею частью поются хоромъ, полнымъ груднымъ голосомъ. Не менѣе эффектны ихъ любимые танцы „maku“ и „jakaleli“ (военная пляска), которые дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ, какъ на зрителей, такъ и самихъ участниковъ. Оба танца исполняются только мужчинами, но кромѣ того существуетъ особая пляска, исполняемая дѣвушками, которая представляетъ большое сходство съ индійскимъ „nautsch“.

Альфуры, живущіе на берегу, и особенно тѣ изъ нихъ, которые приняли христіанство, даже по внѣшности отличаются отъ своихъ дикихъ соплеменниковъ, хотя далеко не съ выгодной стороны. Они носятъ свои длинные, напомаженные волосы съ прямымъ проборомъ и зачесываютъ ихъ назадъ круглымъ черепаховымъ гребнемъ, что придаетъ имъ женственный видъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ существуетъ обычай брить безслѣдно бороду. Дѣвушки довольно красивы, но, благодаря тому, что рѣдко моются морской водой и усердно натираютъ тѣло растительнымъ масломъ, выдѣляютъ рѣзкій запахъ, свойственный ихъ племени. Одежда также не отличается изяществомъ. Мужчины носятъ черную, длинную, суконную куртку съ длинными широкими рукавами, которую надѣваютъ черезъ голову; у дѣвушекъ такая-же куртка только короче и съ узкими рукавами; затѣмъ дополненіемъ мужскаго костюма служатъ некрасивые голубые шаровары, въ видѣ мѣшка, доходящіе до колѣнъ, между тѣмъ, какъ дѣвушки носятъ голубые яванскіе „saronge“. Альфуры христіанскаго и магометанскаго вѣроисповѣданія живутъ совмѣстно въ деревняхъ („negorijen“), но ихъ хижины отдѣлены другъ отъ друга. Дома похожи на тѣ, какіе встрѣчаются у горныхъ альфуровъ, но теперь ихъ рѣже ставятъ на столбахъ, а строятъ прямо на утоптанной землѣ. Въ каждой деревнѣ можно встрѣтить церковь, а также большей частью „baileo“, безъ котораго неохотно обходятся туземцы, только вмѣсто череповъ привѣшаны початки кукурузы, бычачьи головы и пр. Равнымъ образомъ на священномъ камнѣ „batu astana“ положены иногда кусочки ладона, мѣдныя монеты и другія христіанскія приношенія по обѣту. Насколько перемѣна вѣры осталась безъ всякаго вліянія на внутренній міръ альфуровъ можно видѣть изъ того, что многіе и даже едва ли не большинство альфуровъ совершаютъ обрѣзаніе сыновей на четырнадцатомъ году жизни. На дѣвушекъ также отразилось вліяніе ислама въ томъ отношеніи, что онѣ выбриваютъ волосы на тѣлѣ и вмѣсто „tjidaco“ носятъ подъ платьемъ шнурокъ, обвитый вокругъ таліи. Встрѣчаются, напримѣръ, христіанскія семьи, гдѣ надъ однимъ ребенкомъ совершено крещеніе по христіанскому обряду, совмѣстно съ обрѣзаніемъ; второй сынъ не крещенъ, но каждое воскресенье ходитъ въ церковь; третій при первомъ удобномъ случаѣ становится членомъ союза Какіанъ. Крещеніе дѣтей стоитъ денегъ, и потому родители, по возможности, избѣгаютъ всѣхъ подобныхъ церемоній и, если даже рѣшаются на нихъ въ виду долгихъ и настойчивыхъ требованій миссіонера, то празднуютъ въ одинъ и тотъ-же день крещеніе нѣсколькихъ дѣтей, свадьбу

и конфирмацію. Безусловно хорошій и добродѣтельный по своимъ результатамъ обычай дикихъ альфуровъ, — по которому неженатые молодые люди должны спать въ „baileo“,—не существуетъ у ихъ соплеменниковъ, принявшихъ христіанство. Вся семья проводитъ ночь въ одномъ домѣ и нерѣдко случается, что дочери спятъ со своими возлюбленными, а сыновья съ своими наложницами. При этомъ господствуетъ свободная любовь, не признающая никакихъ обязательствъ; если дѣвушка выходитъ замужъ, то соединяется преимущественно съ тѣмъ человѣкомъ, отъ котораго она имѣла нѣсколькихъ дѣтей. Родители вовсе не желаютъ, чтобы ихъ дѣти вступали въ бракъ, потому что въ этомъ случаѣ они начинаютъ заботиться о своемъ собственномъ благосостояніи и перестаютъ работать въ родительскомъ домѣ и на ихъ саговыхъ плантаціяхъ. Было-бы лишнимъ распространяться далѣе объ образѣ жизни здѣшнихъ дѣвушекъ, если бы на Церамѣ и окружающихъ островахъ не существовало въ высшей степени оригинальнаго обычая, такъ называемаго „djodjaro“. Этимъ именемъ обозначаютъ молодыхъ дѣвушекъ одной деревни, которыя находятся подъ вѣдѣніемъ „capitan djodjaro“ и обучаются искусству пѣнія и танцевъ, занимая въ то-же время весьма опредѣленное хотя и неблаговидное общественное положеніе. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что „djodjaro“ вербуются исключительно изъ христіанскихъ дѣвушекъ, между тѣмъ, какъ всѣ дѣвушки мусульманскаго вѣроисповѣданія безусловно цѣломудрены и непреступны. Если вы напримѣръ посѣтите раджу, то встрѣтите у него нѣсколько десятковъ „djodjaro“ въ христіанско-малайскомъ нарядѣ; при этомъ признакомъ ихъ христіанскаго вѣроисповѣданія служитъ носовой платокъ, сжимаемый въ правой рукѣ, но который остается безъ употребленія. „Djodjaro“ умѣютъ вездѣ быть полезными: онѣ прислуживаютъ за столомъ, машутъ опахаломъ, поютъ, если этого пожелаютъ и могутъ нѣсколько часовъ сряду выплясывать европейскіе танцы. Но ихъ любимый танецъ „menari“. Дѣвушки становятся полукругомъ съ протянутыми руками, размахиваютъ носовымъ платкомъ, и, повторяя речитативомъ одни и тѣ же слова, дѣлаютъ различныя тѣлодвиженія, покачиваютъ бедрами, опускаются на землю, затѣмъ снова подымаются внезапно на ноги, такъ что невольно удивляешься ихъ выносливости и гибкости членовъ. Если „djodjaro“ желаетъ пригласить европейца на танецъ, то садится ему на колѣни. По словамъ г. Іоста лучшее достоинство береговыхъ альфуровъ заключается въ томъ, что они порядочные кораблестроители и матросы (Verhdl. Berl. Gesellsch. für Anthrop. 1882. s. 64—76).

Въ настоящее время малайскія племена распространены и на Филиппинскихъ островахъ, которые мы не можемъ разсматривать какъ нѣчто отдѣльное въ смыслѣ языка, этнографическихъ и этнологическихъ условій. Фердинандъ Блиментриттъ, спеціально посвятившій себя изученію этихъ народовъ насчитываетъ до 51 народности малайскаго происхожденія, которыя сохранились болѣе или менѣе въ чистомъ видѣ (Blumentritt, Versuch einer Ethnographie der Philippinen. Gotha 1882.) Этнологическая связь всѣхъ этихъ острвитянъ сказывается съ одной стороны въ языкѣ, — который хотя и распадается на нѣсколько діалектовъ, не допускающихъ непосредственнаго пониманія въ обыденной жизни, но представляетъ несомнѣнное единство,—а съ другой въ общихъ обычаяхъ почти одинаковыхъ на отдѣльныхъ островахъ. Поэтому мы не станемъ утомлять читателя описаніемъ всѣхъ живущихъ здѣсь племенъ и коснемся только главнаго изъ нихъ тагаловъ, послѣ котораго наибольшее значеніе имѣютъ

бизаясы. На ряду съ этими двумя племенами мы встрѣчаемъ въ Люзонѣ на западѣ сѣверовосточныхъ Кордильеровъ смѣшанное племя ираясовъ. Часть ихъ, такъ называемые каталанганы живущіе у Каталангана, восточнаго рукава, Ріо-де-Илагана, произошли отъ скрещиванія тагаловъ съ китайцами; между тѣмъ какъ другая часть у Иларёна, повидимому, обязана своимъ происхожденіемъ скрещиванію тагаловъ съ негритосами. Въ горахъ, на западной сторонѣ Люзона, живутъ игорроты, смѣшанное племя, вѣроятно тагальской и китайско-яванской крови. Они существенно отличаются отъ тагаловъ, а также отъ ираясовъ. Въ восточныхъ Кордильерахъ, между Балеромъ и Кафигураномъ, мы встрѣчаемъ дикія тагальскія племена илунгутъ или илонготы, неизвѣстнаго происхожденія. Манобосы, на восточной сторонѣ Минданао представляютъ собой смѣшанное племя, которое произошло отъ скрѣщиванія тагаловъ съ китайцами.

Испанцы, властелины Филиппиновъ обозначаютъ именемъ „indios“ всѣхъ туземцевъ, принявшихъ христіанство, которые встрѣчаются среди многихъ племенъ, но у тагаловъ составляютъ исключеніе. Тагалы отличаются пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ и, хотя они нѣсколько меньше ростомъ, нежели европейцы, но выше и плотнѣе яванцевъ и сунданезовъ. Кожа никогда не принимаетъ болѣе темнаго оттѣнка, чѣмъ мѣдно-красный и иногда переходитъ въ матовый желтовато-соломенный цвѣтъ, который ни въ какомъ случаѣ не пооизводитъ непріятнаго впечатлѣнія на европейца. Волосы постоянно черные съ синеватымъ оттѣнкомъ воронова крыла; при этомъ гладкіе, блестящіе и необыкновенно густые. Растительность бороды скудная. Лобъ узкій, но не особенно низкій; глаза большіе, красивой формы и нерѣдко съ кроткимъ, осмысленнымъ выраженіемъ. Носъ, наоборотъ, приплюснутый и тупой, ротъ большой съ крѣпкими зубами, поразительной бѣлизны по природѣ, но которые всегда испорчены подпиливаніемъ и жеваніемъ бетеля. Тѣмъ не менѣе молодыя дѣвушки представляютъ собой восхитительныя существа по своей красотѣ и привлекательному обращенію; онѣ безъукоризненно сложены, съ роскошными волосами и большими темными глазами. Ко всѣмъ этимъ преимуществамъ нужно прибавить кроткое лицо, миньятюрныя руки и ноги, изящное округленіе формъ, гибкую и стройную фигуру и классическую красоту бюста, ничѣмъ не прикрытаго. По выходѣ замужъ онѣ становятся кроткими, любящими и вѣрными женами, но къ несчастью быстро старѣются подъ знойнымъ небомъ своей родины и тучнѣютъ, вслѣдствіе чего нарушается красота стройныхъ изящныхъ формъ. Едва пройдетъ первый цвѣтъ молодости, какъ онѣ пріобрѣтаютъ особенный запахъ вслѣдствіе куренія, жеванія бетеля и нечистоплотности, что заставляетъ европейца избѣгать ихъ близости. Верхняя часть тѣла молодыхъ представительницъ тагальскаго племени, а равно и метисокъ большей частью покрыта туземной, иногда очень дорого стоющей, прозрачной тканью, безукоразненной бѣлизны, которая отъ тальи внизъ переходитъ въ пеструю полосатую одежду, съ широкими складками („saya“), верхняя часть которой едва достигаетъ колѣнъ и такъ крѣпко перевязана темнымъ платкомъ („tapis“) что частыя пестрыя складки „saya“ напоминаютъ издали лепестки гранатнаго цвѣтка. Такимъ образомъ дѣвушки при ходьбѣ могутъ дѣлать только небольшіе шаги, что въ связи съ ихъ опущенными глазами придаетъ имъ самый скромный видъ. На голыхъ ногахъ одѣты вышитыя туфли („chinelas“) такія узкія, что маленькій палецъ не помѣщается въ нихъ и придерживаетъ туфли съ внѣшней стороны. Болѣе бѣдныя женщины носятъ одну „saya“ и такъ называемую рубашку такую короткую, что она часто не доходитъ до тальи; на восточныхъ остро-

вахъ даже взрослыя дѣвушки и женщины помимо талисмана, купленнаго у католическаго священника, носятъ только эти двѣ принадлежности туалета, которыя послѣ купанья, пока солнце не высушитъ ихъ, совсѣмъ прозрачны и обрисовываютъ формы тѣла. Разумѣется трудно сказать на сколько хорошенькія представительницы тагальскаго племени могутъ быть названы чистокровными. Нѣкоторыя имѣютъ почти бѣлую кожу и приближаются къ европейскому типу, чѣмъ они замѣтно отличаются отъ своихъ соплеменницъ внутри Люзона. Мужчины бѣднѣйшихъ классовъ носять шляпу и пантолоны изъ грубой „guinara“, между тѣмъ какъ знатные тагалы щеголяютъ въ рубахахъ изъ дорогихъ туземныхъ тканей, сдѣланныхъ изъ ананасовыхъ и банановыхъ волоконъ, подчасъ съ шелковыми полосками или сшитыхъ изъ одной юфи (китайскаго флоретоваго шелку), которая представляетъ то неудобство, что ее нельзя мыть. Шляпа („salakot“) индійскаго плетенья служитъ для защиты отъ солнца и дождя и иногда окована серебромъ на значительную сумму. „Prinzipalia“ (тагальское дворянство) пользуется исключительнымъ правомъ носить короткую куртку сверхъ рубахи; вдобавокъ представителей этого класса можно узнать по чванству, нерѣдко доведенному до комизма, и пожелтѣвшей шляпѣ цилиндръ, которая переходитъ въ семьѣ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Тагальскій щеголь носитъ лакированные сапоги на голыхъ ногахъ, длинныя узкія панталоны, чернаго цвѣта или пестрые съ полосами, накрахмаленную рубашку со складками, европейскаго покроя; на головѣ у него шелковая шляпа цилиндръ, а въ рукахъ тросточка.

Тагалы страстные почитатели пѣтушьихъ боевъ, и по этому поводу держатъ пари, которые удовлетворяютъ свойственной имъ страсти къ азартнымъ играмъ. Они даже не пренебрегаютъ въ этомъ случаѣ чужой собственностью. Если бы кто нибудь имѣлъ неосторожность довѣрить тагалу наличныя деньги, то игра настолько прельщаетъ его, что онъ не въ состояніи устоять противъ соблазна. Страсть эта не только доводитъ многихъ до неоплатныхъ долговъ, обмана и воровства, но и до уличнаго гвабежа. По слухамъ, разбойничьи шайки на землѣ и на морѣ, преимущественно, составляются изъ раззорившихся игроковъ. Тагалы также чувствуютъ большую склонность къ опіуму. Они вообще кроткаго, сдержаннаго и робкаго характера, и, хотя не особенно охотно занимаются работой, но выносливы въ трудѣ и ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать лѣнивыми. Говорятъ, что тагалъ можетъ быть хорошимъ солдатомъ и при искусномъ предводителѣ храбро дерется на полѣ битвѣ; но въ качествѣ матроса онъ менѣе пригоденъ, чѣмъ китаецъ и уступаетъ ему въ силѣ. Тѣмъ не менѣе неизмѣнная преданность, которую выказываетъ тагалъ при различныхъ условіяхъ жизни, какъ солдатъ, матросъ и слуга, даетъ ему большое нравственное преимущество надъ всѣми другими малайскими племенами, которыя большей частью отличаются вѣроломствомъ. Хотя его господинъ нерѣдко сурово обращается съ нимъ, но онъ сохраняетъ ту же непоколебимую привязанность къ семьѣ, которая снабжаетъ его кровомъ и рисомъ. Тагалъ никогда не выражаетъ печали, удивленія или страха, и тщательно избѣгаетъ поводовъ обидѣть кого-бы то ни было, въ особенности своихъ соплеменниковъ, зная по себѣ въ какую безумную ярость можетъ привести его всякое оскорбленіе. Въ денежныхъ дѣлахъ онъ никогда не рѣшается заявлять о своихъ требованіяхъ болѣе одного или двухъ разъ и готовъ скорѣе отказаться отъ слѣдуемыхъ ему денегъ, нежели встать въ непріязненныя отношенія къ своему должнику. Тагалъ не выноситъ никакихъ шутокъ и глубоко оскорбляется всякимъ нарушеніемъ этикета и малѣйшимъ посягательствомъ на его личную свободу или кого либо другаго. По его понятіямъ только тотъ, кто даетъ ему хлѣбъ, имѣетъ право распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію. Вообще тагалы могутъ быть безусловно названы добродушнымъ народомъ. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ не безъ основанія упрекаютъ въ ковар-

ствѣ, но если съ ними поступаютъ но справедливости, то это самыя чистосердечныя существа въ мірѣ. Въ населенныхъ ими мѣстностяхъ Люзона можно путешествовать съ большей безопасностью, нежели въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи и спать также спокойно съ открытой дверью, какъ у насъ за нѣсколькими замками и засовами. Въ обращеніи тагала и въ манерахъ есть нѣчто привлекательное и утонченное и какъ бы врожденная благовоспитанность. При всей своей покорности къ высокопоставленнымъ лицамъ, онъ сохраняетъ извѣстную степень гордости и благородства. Тагалы тщательно соблюдаютъ приличія и во всемъ выказываютъ изящный вкусъ.

Въ то время, какъ китайцы всего охотнѣе предаются торговлѣ и барышничеству, тагалы, преимущественно, занимаются изученіемъ полезныхъ ремеслъ и, въ особенности, такихъ, которыя не требуютъ, слишкомъ сильнаго физическаго напряженія. Кромѣ того, они разводятъ плодовыя деревья, занимаются огородничествомъ, рыболовствомъ, охотой, рубкой лѣса и собираніемъ воска. Они также довольно искусные земледѣльцы, но во всѣхъ работахъ, главный трудъ лежитъ на женщинѣ. Тагалы вообще выказываютъ особенныя способности къ разнаго рода мастерствамъ. Такъ, напримѣръ, они изготовляютъ рѣзныя вещи изъ дерева и слоновой кости и необыкновенно тонкія и изящныя золотыя издѣлія, которыя тѣмъ болѣе заслуживаютъ удивленія, что для всѣхъ этихъ работъ въ бамбуковой хижинѣ туземца вы не встрѣтите другихъ инструментовъ, кромѣ молоточка, небольшой наковальни и стальной иголки. Нѣкоторыя изъ ихъ золотыхъ и серебряныхъ вещицъ едва ли не превосходятъ европейскія издѣлія этого рода, а именно: изящно сплетенныя цѣпочки изъ тончайшей золотой проволоки, затѣмъ серьги, пуговицы и булавки, такой нѣжной работы, что приходится прибѣгать къ увеличительному стеклу, чтобы разглядѣть всѣ мелкія украшенія. Ножи и оружіе, выкованное тагалами, могутъ занять видное мѣсто на любой всемірной выставкѣ, потому что въ этой области, равно въ прядильномъ и ткацкомъ искусствѣ, они достигли значительной степени совершенства. Ткани, извѣстныя въ торговлѣ подъ именемъ „sinamay“, „abaica“ и „pina“, могутъ выдержать сравненіе съ самыми элегантными европейскими матеріями, тѣмъ болѣе, что отличаются богатствомъ и прочностью красокъ. Нерѣдко нити этихъ изящныхъ тканей настолько тонки, что работница должна прясть и ткать подъ сѣткой, потому что малѣйшая тяга воздуха можетъ порвать ихъ. Лучшіе и тончайшіе сорта европейскаго батиста по нѣжности и достоинству далеко уступаютъ этимъ тканямъ; кромѣ того, тагальскія женщины украшаютъ ихъ великолѣпными вышивками, которыя въ такой же мѣрѣ заслуживаютъ наше удивленіе. Всѣ тагалы одинаково хорошо владѣютъ рѣзцомъ и топоромъ. Они сами изготовляютъ „banka“ или челноки съ веслами со всѣми рыболовными снарядами, равно и свои небольшіе дома со всею необходимою домашнею утварью (Dr. Mundt-Lauff im Ausland, 1880, s. 154—157).

Тагалы чувствуютъ особенное пристрастіе къ музыкѣ и восполняютъ отсутствіе оперъ и симфоній простыми, весьма мелодичными пѣснями и музыкальными способностями, благодаря которымъ быстро усвоиваютъ музыкальныя пьесы другихъ народовъ. Такимъ образомъ, ихъ музыка производитъ довольно пріятное впечатлѣніе на слухъ и нервы европейца. Пѣніе большей частью сопровождается мѣрнымъ выбиваніемъ такта по плоскому металлическому барабану; въ пляскѣ обыкновенно участвуютъ только два лица: мужчина и женщина, которые стоятъ другъ противъ друга. Пляска состоитъ изъ граціознаго нагибанія и поворотовъ тѣла съ соотвѣтствующими движеніями рукъ и головы при этомъ танцующій не дѣлаетъ прыжковъ, а только медленнымъ размѣреннымъ шагомъ выступаетъ съ поклономъ то въ одну, то въ другую сторону. Большинство тагаловъ умѣютъ читать, писать и считать и весьма немногія изъ человѣческихъ расъ превосходятъ ихъ въ даровитости и воспріимчивости, какъ въ области искусствъ и ремеслъ, такъ и отвлеченныхъ наукъ. Все, что

непосредственно дѣйствуетъ на чувства, въ особенности, форма и краски производитъ непосредственное и глубокое впечатлѣніе на тагаловъ, такъ что между ними встрѣчаются даже превосходные живописцы и скульпторы, воспитавшіе себя безъ посторонней помощи и работы которыхъ ни въ чемъ не уступаютъ произведеніямъ китайскихъ и индостанскихъ художниковъ. Инструменты, употребляемые этимъ народомъ, все еще находятся въ крайне жалкомъ и первобытномъ состояніи; но тѣмъ не менѣе вы нерѣдко встрѣчаете здѣсь превосходнѣйшія столярныя и плотничьи работы. Равнымъ образомъ, эти малайцы безъ всякой теоретической подготовки воспроизводятъ многіе предметы повседневнаго употребленія, которые, по мнѣнію европейцевъ, не могутъ быть сдѣланы безъ основательныхъ знаній въ математикѣ и механикѣ. Ихъ языкъ необыкновенно благозвучный и мягкій безъ склоненій и спряженій; недостатокъ флексій восполняется различными оборотами разговорной рѣчи. Языкъ тагаловъ имѣетъ ту особенность, общую съ другими малайскими языками, что для указанія мѣста или направленія они рѣдко употребляютъ такія выраженія, какъ: спереди, назади, вправо, влѣво и пр. и замѣняютъ ихъ названіями четырехъ странъ свѣта. Если тагалъ хочетъ указать на какомъ мѣстѣ стола должна лежать вещь, то онъ говоритъ: „положи ее на южную сторону“ или „на восточную сторону“ и пр.

Къ тагаламъ нужно также причислить жителей Формозы, языкъ которыхъ представляетъ тѣсное сродство съ тагальскимъ. Туземцы острововъ Сулу принадлежатъ къ тому же племени, какъ и Филиппиновъ, хотя въ болѣе раннюю эпоху они, повидимому, подверглись скрещиванію съ даяками, а позднѣе съ малайцами. Это смѣлые пираты, до фанатизма преданы магометанству, вслѣдствіе чего испанцы называютъ ихъ „moros“; кромѣ того, господствующія у нихъ феодальныя учрежденія существенно отличаютъ ихъ отъ малайцевъ, живущихъ на Филиппинскихъ островахъ. Всѣ здѣшнія султанства распадаются на множество мелкихъ ленныхъ княжествъ, главы которыхъ носятъ титулъ „datto“ и, вѣроятно, были первоначально единственными властелинами страны. Многоженство допускается ихъ религіей; но обыкновенно даже знатные люди довольствуются одной женой, хотя вообще безнравственность этихъ морскихъ разбойниковъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ (Blumentritt Ethnogr. d. Philipinen. s. 53 — 54). Не менѣе дурной репутаціей пользуются жители Формозы, которые славятся своими разбоями на берегахъ и преданы людоѣдству.

Вся восточная гористая часть острова Формозы находится во власти туземцевъ, тогда какъ на западѣ живутъ китайцы. Вслѣдствіе частыхъ браковъ между послѣдними, въ особенности съ племенемъ хакка и туземными женщинами, образовалась особая раса, такъ называемая, пепохоановъ. Коренные обитатели острова ведутъ жалкое существованіе, отчасти промышляя рыболовствомъ, между тѣмъ какъ большинство, раздѣленное на племена, живетъ въ деревняхъ, построенныхъ въ лѣсу и не имѣетъ другихъ средствъ для пропитанія, кромѣ охоты. Они находятся между собой въ постоянной враждѣ, часто погибаютъ отъ оспы, заболѣваютъ отъ сырого холоднаго климата, имѣютъ мало дѣтей и въ огромномъ количествѣ потребляютъ китайскую водку, такъ что этотъ народъ рано или поздно долженъ подвергнуться полному вымиранію или слиться съ китайскими переселенцами. Каждое племя имѣетъ особое названіе и говоритъ почти самобыт-

нымъ языкомъ; многіе изъ здѣшнихъ діалектовъ или нарѣчій совсѣмъ вымерли, какъ, напримѣръ, фаворлангъ и сидеія. Туземное населеніе острова Формозы не имѣетъ общаго названія, такъ что по примѣру д-ра Шетелига мы будемъ придерживаться китайскаго дѣленія на хеквановъ и хинвановъ. Къ первымъ принадлежатъ туземцы, живущіе на берегахъ или вдоль границъ, которые находятся въ торговыхъ сношеніяхъ съ китайцами и мало или вовсе не придерживаются варварскаго обычая отрѣзанія головъ. Подъ именемъ хинвановъ, число которыхъ неизвѣстно, китайцы подразумѣваютъ дикихъ жителей лѣсовъ и горъ внутри острова.

Мужчины этого племени, по наблюденіямъ г. Іоста, достигаютъ 1,55—1,60 метр. высоты роста, женщины значительно ниже. У нихъ гладкіе, совершенно прямые волосы и, повидимому, не такіе жесткіе, какъ у малайцевъ. Мужчины отличаются красивыми, стройными фигурами и въ молодости имѣютъ привлекательныя, округленныя формы тѣла; у большинства небольшіе каріе или черные глаза, жидкія рѣсницы и брови, тонкія губы съ прекрасными зубами и хорошо очерченный, иногда орлиный носъ. Цвѣтъ кожи красновато-коричневый; у женщинъ значительно свѣтлѣе и нерѣдко принимаетъ желтовато-блѣдный оттѣнокъ, напоминающій китаянокъ; въ разгоряченномъ состояніи или подъ вліяніемъ вина, краска выступаетъ на щекахъ у обоихъ половъ. Не смотря на сильное развитіе скуловыхъ костей, лица имѣютъ довольно пріятное выраженіе, а многія дѣвушки положительно красивы. У нихъ нѣтъ ничего общаго съ альфурами и негритосами; скорѣе оба пола напоминаютъ японцевъ, а женщины даже фигурой похожи на нихъ. Послѣднія отличаются силой и здоровьемъ и нерѣдко поразительно толстыми икрами, которыя онѣ предохраняютъ отъ укола шиповъ чулками, связанными на подобіе штиблетовъ, между тѣмъ, какъ непокрытыя ноги мужчинъ покрыты шрамами. Г. Іостъ не встрѣчалъ у туземцевъ чесотки и другихъ накожныхъ болѣзней, равно и сифилиса. Растительность волосъ на лицѣ и тѣлѣ очень скудная; бороды совсѣмъ нѣтъ, а только легкіе слѣды усовъ. У дѣтей обоего пола выстрижены волосы на затылкѣ и надъ лбомъ; впослѣдстіи стрижка прекращается; мужчины носятъ свои длинные волосы съ проборомъ по срединѣ и связываютъ ихъ сзади пучкомъ, который доходитъ до половины спины и обвитъ красными нитками. Женщины причесываютъ волосы тѣмъ же способомъ и повязываютъ голову большимъ голубымъ платкомъ. Оба пола, въ особенности женщины, украшаютъ себя татуировкой; послѣдняя производится при наступленіи зрѣлости, накалываніемъ остраго шипа, послѣ чего небольшія ранки натираютъ сажей. Татуировка у мужчинъ встрѣчается только на лбу, у женщинъ на всемъ лицѣ, кромѣ губъ, а внутри острова и на рукахъ. Передъ наступленіемъ періода зрѣлости у дѣвушекъ выбиваютъ два глазныхъ зуба верхней челюсти. Что касается одежды, то она состоитъ лѣтомъ изъ одного кушака въ три пальца ширины, обвитаго вокругъ тальи, длинные концы котораго покрываютъ спереди нижнюю часть живота. Въ дождливое время мужчины носятъ куртки безъ рукавовъ, которыя иногда одѣваются отдѣльно подъ куртку; кромѣ того, въ употребленіи юбки изъ леопардовыхъ шкуръ, но еще чаще изъ прочной домашней ткани съ пестрыми нитями, подобранными съ большимъ вкусомъ въ видѣ рисунковъ. Мужчины носятъ также шапки изъ мѣха козули и соломенныя шляпы собственнаго плетенія. Одежда женщинъ скромнѣе и болѣе прикрываетъ наготу тѣла, но это ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать чувству стыдливости, потому что факты, сообщаемые г. Іостомъ, совершенно опровергаютъ подобное предположеніе. Куртка у женщинъ похожа на мужскую, но доходитъ большей частью до колѣнъ; онѣ также носятъ часто передникъ, покрой котораго напоминаетъ „sarong", кромѣ того, короткій жилетъ, упомянутые привязные рукава и четырехъугольный кусокъ ткани, прикрывающій грудь. На голову надѣтъ платокъ, а на икрахъ штиблеты, то есть куски

ткани, привязанные къ икрамъ толстыми нитками. Оба пола носятъ родъ тоги, которая привязана къ шеѣ и виситъ на спинѣ.

Оружіе туземцевъ состоитъ изъ лука и стрѣлъ, затѣмъ изъ деревяннаго копья въ 3—4 метр. длины, наконечникъ котораго составляетъ небольшой китайскій ножъ; но это оружіе почти вышло изъ употребленія и замѣнено китайскими кремневыми ружьями, которыя, во всякомъ случаѣ, неопасны для непріятеля. Каждый хинванъ неизмѣнно носитъ на рукѣ или спинѣ мѣшокъ изъ сыромятной кожи или родъ сѣтки, въ которую складываетъ все, что ему попадется подъ руку, трубку, листья табаку, кремень и огниво, съѣстные запасы и даже при случаѣ отрѣзанную голову непріятеля. Всѣ тяжести носятъ женщины на спинѣ съ помощью ремня, перекинутаго на лобъ; мужчины считаютъ лишнимъ утруждать себя подобнымъ занятіемъ. Дѣти часто сидятъ верхомъ на спинѣ матери, привязанные накрестъ широкой тесьмой. Оба пола, въ особенности мужчины, любятъ наряжаться. Любопытно, что въ этомъ отношеніи низшія человѣческія расы представляютъ поразительное сходство съ міромъ животныхъ, гдѣ самецъ является всегда болѣе статнымъ и разукрашеннымъ, нежели самка. То, что даетъ природа животнымъ, безсознательно выполняется народами низшей культуры. Страсть женщинъ къ нарядамъ проявляется уже на высшихъ степенямъ образованности. Хинваны употребляютъ въ видѣ украшеній ожерелья изъ пестрыхъ стеклянныхъ бусъ, привозимыхъ изъ Европы, или красивыхъ рѣзныхъ палочекъ бамбука, затѣмъ обломки шлифованнаго мрамора, раковины, куски металловъ въ нѣсколько сантиметровъ въ поперечникѣ, которые они втыкаютъ въ ушныя мочки; къ числу украшеній принадлежатъ также тонкіе мѣдные обручи на суставахъ ногъ и верхней части руки, полоски фланели съ нашитыми на нихъ фарфоровыми пуговицами; повязки для лба съ раковинами и плоскими кусочками мрамора; вѣнки изъ цвѣтовъ и, наконецъ, браслеты изъ китайскихъ косъ, которыми особенно гордится юноша, такъ какъ они добыты вмѣстѣ съ головой. Единственный музыкальный инструментъ хинвановъ представляетъ родъ варгана; они также любятъ пѣть хоромъ. Объ ихъ танцахъ ничего неизвѣстно.

Деревни хинвановъ большей частью расположены въ лѣсу на небольшихъ возвышеніяхъ, по возможности защищены отъ непріятельскихъ нападеній, между прочимъ, укрѣпленіями изъ бамбуковыхъ кольевъ. Всѣ жилища построены изъ бамбука или шифера. Для входа служитъ широкая и высокая дверь; крыша сдѣлана изъ соломы или травы. Посреди хижины день и ночь горитъ огонь, на которомъ варятъ кушанье въ глиняныхъ горшкахъ собственнаго издѣлія. Для сна устроены бамбуковыя нары, покрытыя художественно сплетенными циновками, которыми по справедливости славятся здѣшнія женщины. Для освѣщенія служатъ факела изъ бамбука или пучковъ травы. У стѣнъ стоятъ обрубки бамбука, наполненные водой. Работа распредѣлена между обоими полами: мужчины охотятся, ловятъ рыбу, изготовляютъ оружіе и по заведенному обычаю ведутъ войну съ какимъ нибудь другимъ племенемъ; женщины обработываютъ поле, сажаютъ рисъ, ленъ, табакъ и просо, рубятъ дрова, толкутъ рисъ, ткутъ и прядутъ, сопровождаютъ мужей на охоту, чтобы принести мясо убитой дичины, которое сушится на мѣстѣ или дома на очагѣ. Въ пищу употребляютъ просо, кабанье и оленье мясо, медвѣжатину и рыбу. Все мясо, добытое на охотѣ, а равно и всякая другая ѣда дѣлится поровну между мужчинами и женщинами. Собака, единственное домашнее животное хинвановъ (съ которой они всегда хорошо обращаются), также получаетъ свою часть. Если въ хижину является гость, то его большей частью угощаетъ сама хозяйка, которая при этомъ пробуетъ всякій кусокъ. Прежній, общеупотребительный напитокъ изъ перебродившаго проса или риса, въ настоящее время повсемѣстно замѣненъ китайскимъ „samschu“, къ которому оба пола чувствуютъ особенное пристрастіе. Весьма своеобразенъ обычай выпиванія чаши за дружбу,

въ родѣ нѣмецкаго „Bruderschaft": оба пріятеля садятся на землю, обнимаютъ другъ друга за шею, произносятъ небольшую рѣчь о вѣчной дружбѣ, затѣмъ одновременно подносятъ къ губамъ тыквенную чашу съ водкой и разомъ выпиваютъ ее до послѣдней капли. Мужчины и женщины одинаково любятъ табакъ и почти не выпускаютъ трубки изо рта. На югѣ острова всѣ жуютъ бетель.

Холостые мужчины и юноши, подобно альфурамъ, спятъ вмѣстѣ въ общественномъ зданіи, построенномъ на столбахъ, въ которомъ также вывѣшиваютъ головы враговъ и справляются празднества. Такіе общіе ночлежные дома, какъ извѣстро, въ обычаѣ не только у жителей Палауана, но и на многихъ другихъ островахъ Южнаго Океана. Хинваны живутъ между собой въ постоянной враждѣ, а равно и съ китайцами; но при этомъ они, преимущественно, придерживаются самаго жалкаго и трусливаго способа войны. Такъ, напримѣръ, они ложатся въ засаду по близости непріятельской деревни и, выждавъ удобный случай, стрѣляютъ въ спину кому попало, даже женщинѣ или ребенку; убитой жертвѣ обыкновенно отсѣкаютъ голову. Затѣмъ герой поспѣшно прячетъ добытую голову въ свою охотничью сумку и съ торжествомъ возвращается домой въ деревню, гдѣ его встрѣчаютъ съ почетомъ; по этому поводу устраиваютъ пирушку, и чествуемый юноша можетъ съ успѣхомъ посвататься къ избранной имъ дѣвушкѣ. Кромѣ того, всякій можетъ купить себѣ подругу жизни за мѣдную проволоку, кусокъ фланели и т. д. Тѣмъ не менѣе полигамія не въ обычаѣ. Мужчина, согласно обычаю, долженъ жить только съ одной женой; но разводъ не представляетъ никакихъ затрудненій и хинванъ вообще не особенно ревнивъ. Дѣвушки охотно выходятъ замужъ за китайцевъ, хотя хинвановъ ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ дурномъ обращеніи съ женами. Г. Іостъ не берется рѣшить, насколько основателенъ упрекъ въ людоѣдствѣ, между тѣмъ „отсѣченіе головъ" составляетъ любимую игру дѣтей, которые поражаютъ мнимаго непріятеля деревянными ножами и маленькими луками. Кровавая месть въ полномъ ходу. Если кто нибудь убитъ въ деревнѣ, то всѣ въ горѣ; не слышно никакого шума и предписывается строжайшій постъ.

(Религіозныя воззрѣнія хинвановъ крайне первобытны; у нихъ нѣтъ ни боговъ, ни храмовъ, но господствуетъ тотемизмъ, какъ въ Сѣверной Америкѣ; каждое племя и даже деревня поклоняется какому нибудь животному и считаетъ себя подъ его особенной защитой. У нихъ также существуетъ полинезійскій „tabu", который носитъ у нихъ названіе „hiang". Они не имѣютъ жрецовъ, но старухи въ качествѣ предсказательницъ, повидимому, пользуются у нихъ большимъ вліяніемъ, и во время пляски приводятъ себя въ такой экстазъ, что въ ними дѣлаются судороги и родъ бреда, которому придаютъ такое же значеніе, какъ изреченіямъ оракула. Хинваны вѣрятъ въ хорошія и дурныя предзнаменованія, въ особенности, по крику и полету извѣстныхъ птицъ. Говорятъ, что у нихъ до сихъ поръ существуетъ давній обычай, по которому женщины до 34 и даже 37 лѣтъ въ случаѣ беременности прибѣгаютъ къ упомянутымъ старухамъ, и тѣ бьютъ ихъ и мнутъ животъ, чтобы изгнать плодъ, что въ связи съ большой смертностью дѣтей, оспой и неумѣреннымъ употребленіемъ водки, препятствуетъ увеличенію населенія. Тѣмъ не менѣе, г. Іостъ находитъ ихъ во всемъ остальномъ скромными и добродушными. По мнѣнію доктора Шетелига, хинваны и хекваны, которые по языку мало или вовсе не схожи между собой, могутъ быть причислены по формѣ ихъ черепа къ двумъ различнымъ расамъ: а именно, хинваны къ полинезійцамъ, хекваны — къ малайцамъ. Мы видѣли выше, что даже многіе обычаи хинвановъ напоминаютъ полинезійцевъ (Verhdl. Berl. Gesellsch. fur Anthrop. 1882, s. 53 — 63).)

Теперь мы снова вернемся къ Филиппинамъ. Здѣсь почти на всемъ

архипелагѣ и, главнымъ образомъ, на сѣверномъ берегу Люсона разсѣяна особая раса, которая, повидимому, составляла коренное населеніе острововъ и отличается темнымъ цвѣтомъ кожи. Это такъ называемые негритосы или „aetas“, т. е. черные. Они принадлежатъ къ папуасской расѣ и еще сохранили въ цѣлости свои расовые признаки, хотя послѣднее относится собственно къ малочисленнымъ племенамъ Люсона. Бернаръ де-ла-Фюэнтъ различаетъ двѣ расы, изъ которыхъ одна, вѣроятно, вышедшая изъ Индіи, имѣетъ совершенно черную кожу и достигла нѣкоторой цивилизаціи; другая стоящая на болѣе низкой степени культуры съ темновато-мѣднымъ цвѣтомъ кожи, представляетъ тождество съ папуасами. „Aetas“ говорятъ на особомъ языкѣ, на которомъ отразилось вліяніе сосѣднихъ малайскихъ діалектовъ.

„Aetas“ или негритосы малы ростомъ и слабаго тѣлосложенія; ноги ихъ почти безъ икръ. Средній ростъ мужчинъ 1445 милиметровъ, по Семперу 1486 милиметровъ, у женщинъ 1406 милиметровъ. Форма головы совершенно негритянская; челюсть мало выдается впередъ, губы слетка вздутыя, носъ приплюснутый; волосы рунообразные, густые, чернаго или темно-коричневаго цвѣта и никогда не бываютъ глянцевитые. Негритосы коротко стригутъ ихъ. Борода скудная и составляетъ рѣдкость, такъ что въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются одни бакенбарды. Особенно поразительны ихъ вздутые животы, а затѣмъ ловкость, съ какой туземцы пользуются пальцами ногъ для хватанія и точки опоры. Они живаго темперамента и не лишены умственныхъ способностей; нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались осѣдлыми и занимаются земледѣліемъ. Но вообще они ведутъ въ лѣсахъ кочевой образъ жизни; единственной защитой отъ непогоды служатъ для нихъ легкіе навѣсы изъ пальмовыхъ листьевъ, поставленные вкось противъ вѣтра или солнца. До наступленія зрѣлости они ходятъ совсѣмъ нагіе, затѣмъ обвязываютъ себѣ бедра платкомъ или носятъ узкую повязку. Дополненіемъ этого первобытнаго „костюма“ служатъ своеобразныя серьги, обручи на рукахъ и ногахъ и цѣпочки на шеѣ. У нихъ также въ обычаѣ татуировка; у нѣкоторыхъ племенъ рѣзцы обточены пилообразно, у другихъ холостые люди носятъ въ волосахъ тростниковые гребни, въ знакъ своего безбрачнаго состоянія. Обыкновенно помолвка происходитъ въ дѣтскомъ возрастѣ, но бракъ заключается по достиженіи зрѣлости. Моногамія составляетъ общее правило. Женщины родятъ легко и быстро; при трудныхъ родахъ старуха исполняетъ роль повивальной бабки. На женѣ лежитъ вся тяжелая работа; мужъ занимается только охотой; онъ имѣетъ также неограниченную власть надъ членами семьи. Пища состоитъ изъ лѣсныхъ плодовъ и другихъ растительныхъ продуктовъ, а также меда, дичины и рыбы. Оружіемъ служитъ лукъ, стрѣлы и большой ножъ. Празднества сопровождаются пѣніемъ и танцами. Если умираетъ негритосъ, то его хоронятъ въ горахъ, и въ могилу кладутъ часть принадлежащаго ему имущества. О религіи негритосовъ ничего не извѣстно; до сихъ поръ у нихъ не открыли ни идоловъ, ни святилищъ, гдѣ бы они молились своимъ богамъ (Blumentritt a. a. O. s. 3—9).

Трудно рѣшить, слѣдуетъ ли признать чистокровными негритосами или метисами племена, живущія внутри большихъ острововъ: Борнео, Целебеса, Джилоло; хотя ихъ вообще отличаютъ отъ малайцевъ, но нѣкоторыя изъ нихъ считаются тождественными съ альфурами. Что же касается семангъ, которые распространены въ области Кедахъ на полуостровѣ Малаккѣ, то они несомнѣнно чистокров-

ные негритосы. У нихъ рунообразные волосы, вздутые животы, толстыя губы, черная кожа, приплюснутый носъ и скошенный лобъ папуаса, и только языкъ туземцевъ Перака носитъ до извѣстной степени своеобразный характеръ. Они всѣ существуютъ охотой, строятъ себѣ хижины изъ вѣтвей и изготовляютъ скудную одежду изъ древесной коры. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляются ткани, пріобрѣтаемыя отъ малайцевъ. Говорятъ, что семангъ поклоняются солнцу, но это показаніе требуетъ провѣрки. По свидѣтельству малайцевъ, они съѣдаютъ своихъ покойниковъ, исключая головы, которую отсѣкаютъ отъ туловища; женщины составляютъ общее достояніе. Семангъ находятся подъ властью вождей или старшинъ. Еще менѣе извѣстны удаи; нѣкоторые принимаютъ ихъ за подраздѣленіе якуновъ. Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія дошли до насъ, они меньше ростомъ и отличаются еще болѣе дикими нравами, только въ рѣдкихъ случаяхъ строятъ себѣ хижины и живутъ подъ открытымъ небомъ, безъ религіи, законовъ и какой либо формы правленія. Естественно, что удаи также не имѣютъ никакого представленія о письменныхъ знакахъ; языкъ ихъ совершенно неизвѣстенъ. Якуны обвиняютъ ихъ въ людоѣдствѣ и сожительствѣ съ лѣсными звѣрями, въ особенности съ гиббономъ. Они ходятъ почти нагіе, съ непокрытою головой, никогда не моются и употребляютъ въ видѣ оружія отравленныя стрѣлы и деревянныя копья, обожженныя на огнѣ. Равнымъ образомъ къ негритосамъ, повидимому, принадлежатъ каланги на островѣ Явѣ, которые относительно яванцевъ представляютъ собой родъ паріевъ. Кромѣ того, существуетъ положительное сродство между послѣдними и папуасами, а именно съ такъ называемыми „минкопи" или андаманцами. Они распадаются на шесть племенъ, изъ которыхъ каждое говоритъ на своемъ собственномъ діалектѣ.

Минкопи карлики, такъ какъ обыкновенно ихъ ростъ на нѣсколько сантиметровъ ниже $1^1/_2$ метр.; но тѣмъ не менѣе члены тѣла и туловище представляетъ между собой полное соотвѣтствіе. Кожа совсѣмъ черная и блестящая, какъ бы полированная. Передняя часть головы правильной формы и не сплюснутая; губы и ноздри нормальной величины; уши небольшія и красивыя; ястребиные носы встрѣчаются довольно часто; торчащіе пучками волосы обыкновенно коротко острижены. Минкопи одарены довольно значительной мышечной силой. Мужчины и женщины считаютъ лишнимъ обременять себя какой либой одеждой. Женщины, быть можетъ, сознавая, что они не могутъ претендовать на красоту, при своемъ тѣлосложеніи карлицъ и угловатыхъ некрасивыхъ формахъ, также коротко выстригаютъ волосы на головѣ, хотя при этомъ посыпаютъ себѣ черепъ порошкомъ красной охры. У минкопи нѣтъ и слѣдовъ бороды. Рѣдко можно встрѣтить ихъ иначе, какъ съ кошкой или собакой на рукахъ. Они относятся съ такой же нѣжностью къ дѣтямъ европейцевъ, но при первомъ же знакомствѣ хотятъ непремѣнно удостовѣриться: какого пола ребенокъ. Въ ихъ нравахъ всего поразительнѣе обычай, что женщины должны рожать публично. Ребенокъ, подобно своимъ родителямъ, остается нагимъ, какъ дождевой червякъ и только во время сырой погоды новорожденнаго покрываютъ плащемъ изъ листьевъ. Между дѣтьми и родителями существуютъ самыя нѣжныя отношенія, и вообще минкопи живутъ между собой

въ любви и согласіи. Они кочуютъ болѣе или менѣе многочисленными шайками отъ 10 до 300 душъ. Естественно, что при такомъ образѣ жизни они относятся довольно небрежно къ постройкѣ своихъ хижинъ. Въ землю втыкаютъ четыре прямыхъ или кривыхъ столба, изъ которыхъ два побольше и два покороче и накрываютъ ихъ крышей изъ листьевъ. Тѣмъ не менѣе, они производятъ чудеса своими жалкими орудіями и инструментами. Они рубятъ деревья и выдалбливаютъ челноки съ такимъ искусствомъ и стараніемъ, что даже китайцы могли бы поучиться у нихъ; сѣти ихъ, сплетенныя изъ тонкихъ шнурковъ, отличаются не менѣе тщательной отдѣлкой. Ихъ лукъ сдѣланъ изъ твердаго прочнаго дерева и имѣетъ 2 метра длины; хотя нужна большая сила, чтобы натянуть его, но минкопи почти всегда попадаютъ имъ въ цѣль. Они сажаютъ на корточки своихъ покойниковъ и, связавъ ихъ, хоронятъ въ этомъ положеніи, безъ какихъ либо выраженій печали. По прошествіи извѣстнаго срока, когда окончится процесъ разложенія, они вырываютъ кости и дѣлятъ между членами семьи, которые громко оплакиваютъ умершаго. Если между послѣдними находится вдова, то она получаетъ черепъ и съ этихъ поръ носитъ его на шнуркѣ, обвитомъ вокругъ шеи (Dr. Frederic J. Mouat, Adventures and Researches among the Andaman Islanders. London, 1863).

Этнологическое положеніе жителей Никобарскихъ острововъ остается пока сомнительнымъ; они сами называютъ себя байю, то есть людьми и считаютъ Большой Никобаръ своей первоначальной родиной. Языкъ ихъ непріятенъ для слуха, переполненъ гортанными и носовыми звуками, выговаривается съ трудомъ и какъ бы съ шипѣніемъ. Всѣ здѣшніе туземцы принадлежатъ къ одной расѣ, и только на Большомъ Никобарѣ, наименѣе извѣстномъ изъ здѣшнихъ острововъ, существуетъ еще другая народность, а именно шобаенги или шомбенги, съ которыми мы ближе познакомились только въ новѣйшее время. Адольфъ фонъ-Рёпсторфъ, одинъ изъ наиболѣе основательныхъ изслѣдователей Никобаровъ, считаетъ туземцевъ острова Шовра особой расой. Они сами называютъ себя тататъ и наравнѣ съ шомбенгами имѣютъ косо лежащіе монгольскіе глаза. Вѣроятно, эти два народа представляютъ остатки первобытнаго монгольскаго населенія, вытѣсненнаго нынѣшними обитателями острововъ.

Никобарцы имѣютъ свѣтло-коричневую кожу, черные прямые волосы, жидкую бороду, каріе глаза, немного скошенный лобъ, широкій носъ, вздутыя губы и нормальный ростъ, не уступающій по величинѣ европейскому. Подобно многимъ дикимъ народамъ никобарцы искуственно уродуютъ себя отчасти черезъ сплющиваніе затылка у новорожденныхъ и частью жеваніемъ бетеля и протыканіемъ ушныхъ мочекъ. Ротъ у дѣтей имѣетъ нормальную форму, но у взрослыхъ принимаетъ уродливыя очертанія, вслѣдствіе жеванія орѣха бетеля, жженой извести и листьевъ. Всѣ безъ исключенія мужчины и женщины курятъ въ неумѣренномъ количествѣ китайскій табакъ, изъ котораго свертываютъ небольшія сигаретки. Въ ушныхъ мочкахъ продѣланы большія отверстія, въ которыя туземцы втыкаютъ различныя украшенія, напримѣръ кусочки дерева, различныя украшенія и листья. Всѣ острова слабо населены. Если кто имѣетъ около 400 рупій (стоимость каждой—2 марки), много дѣтей, достаточное количество кокосовыхъ орѣховъ и свиней, тотъ считается богатымъ. Число дѣтей большей частью весьма незначительно; во многихъ семьяхъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, изобиліе дѣтей составляетъ величайшую рѣдкость. На Никобарскихъ островахъ дѣвочекъ родится меньше, нежели мальчиковъ, и это одна изъ причинъ, почему женщина здѣсь цѣнится дороже, и съ нею обходятся человѣчнѣе, нежели у

всѣхъ другихъ восточныхъ народовъ. Никобарцы не имѣютъ никакого понятія о поліандріи, хотя она, какъ извѣстно, встрѣчается на островѣ Цейлонѣ. Полигамія не существуетъ вслѣдствіе вышеупомянутыхъ условій. Дѣти развиваются очень рано. Дѣвушки выходятъ замужъ по склонности отъ 12—13 лѣтъ; родители и родственники не торгуютъ ими, какъ въ другихъ мѣстностяхъ; неподходящій женихъ часто получаетъ отказъ. Само собой разумѣется, что при этомъ играетъ роль не только личная симпатія, но принимаютъ въ разсчетъ и матеріальное благосостояніе жениха. Дѣвушки при замужествѣ получаютъ приданое, состоящее изъ свиней, кокосовыхъ и пандановыхъ деревьевъ. Согласно своеобразному обычаю не жена вступаетъ въ домъ мужа, а послѣдній переселяется въ хижину ея родителей. Поэтому очагъ родителей, имѣющихъ однихъ сыновей постепенно пустѣетъ, между тѣмъ какъ у отца многихъ дочерей все болѣе и болѣе увеличивается семья. Женщинѣ предоставлена полная свобода; она можетъ когда ей угодно выходить изъ дому, наравнѣ съ мужчинами, и пользуется любовью и уваженіемъ своихъ дѣтей. Въ случаѣ смерти мужа, власть въ домѣ переходитъ къ его вдовѣ. Заботливость о беременной женщинѣ доходитъ до трогательной нѣжности; она и мужъ ея освобождаются отъ всякихъ работъ; для обоихъ наступаетъ рядъ праздничныхъ дней; они посѣщаютъ поочередно родственниковъ; ихъ появленіе въ чьей либо хижинѣ составляетъ радостное событіе, по поводу котораго закалываютъ лучшую свинью, которую тутъже съѣдаютъ. Беременной женщинѣ дозволяютъ только посѣять небольшое количество сѣмянъ въ саду, потому что въ этомъ случаѣ отъ почвы ожидаютъ необыкновеннаго плодородія. Европеецъ, который впервые видитъ первобытный костюмъ туземцевъ и непринужденное обращеніе обоихъ половъ, легко можетъ приписать имъ свободныя половыя отношенія; между тѣмъ у этихъ полунагихъ дикарей есть своего рода чувство приличія и нравственныя правила, которыхъ мы не всегда находимъ у представителей болѣе цивилизованныхъ расъ. Невѣрность женъ составляетъ большую рѣдкость; супруги всего чаще разлучаются вслѣдствіе взаимнаго недовольства вызваннаго какими нибудь недоразумѣніями. Если одинъ изъ нихъ вступаетъ во второй бракъ, то дѣтей прижитыхъ въ первомъ супружествѣ отдаютъ родственникамъ. Государственная организація жителей Никобарскихъ острововъ носитъ крайне первобытный характеръ. У нихъ нѣтъ главы и подданныхъ въ нашемъ смыслѣ; но во многихъ деревняхъ встрѣчаются такъ называемы капитаны съ громкими именами, какъ напримѣръ; капитанъ Нельсонъ или Джонсонъ, капитанъ Лондонъ и проч. Конечно существованіе этихъ капитановъ, какъ указываютъ ихъ имена, нужно приписать вліянію Англіи (Vogel, Vom indischen Ozean. bis zum Goldlande. Berlin 1877 s. 292 bis 294).

Что касается вышеупомянутыхъ шомбенговъ, то по наблюденіямъ г. Рёпсторфа, это народное племя отличается отъ прибрежныхъ жителей, не только по наружному виду, но по языку, образу жизни и нравамъ. Оно преимущественно занимается земледѣліемъ, питается бананами, ямсомъ, рѣчными рыбами, разводитъ свиней, но не имѣетъ, ни куръ, ни какихъ либо домашнихъ животныхъ. Въ деревняхъ господствуетъ полнѣйшая тишина; не слышно попугаевъ и обезьянъ. Шомбенги хорошіе работники, судя по громаднымъ пространствамъ расчищеннаго лѣса, но ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать предусмотрительными земледѣльцами. Они бросаютъ свои деревни по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, такъ какъ пользуются землей только до тѣхъ поръ, пока она плодородна, затѣмъ переходятъ на другое мѣсто. Шомбенги вѣроятно имѣютъ хорошія орудія, потому что въ противномъ случаѣ они не могли бы срубать громадныя деревья и расчищать такія значительныя пространства земли. Изъ этнографическихъ вещей, собранныхъ г. Рёпсторфомъ всего болѣе заслуживаютъ вниманія два копья изъ пальмоваго дерева, желтая плетеная повязка для волосъ, двѣ нитки нанизанныхъ бѣлыхъ зеренъ, два шнура изъ плетенной

травы съ краснымъ кантомъ, кусокъ шнура, свитаго изъ травы и кухонный сосудъ изъ бамбуковой коры. Нужно замѣтить, что шомбенги вообще не отличаются особенной изобрѣтательностью въ кулинарномъ искусствѣ Они ѣдятъ бананы въ сыромъ видѣ, а ямсъ и „gunya" поджариваютъ въ золѣ; затѣмъ въ большомъ ходу одинъ видъ прѣсноводныхъ улитокъ, какъ видно изъ разбросанной всюду скорлупы. По словамъ г. Рёпсторфа видѣнные имъ шомбенги несомнѣнно принадлежали къ другой расѣ, нежели береговые жители, такъ какъ, сравнительно съ послѣдними, цвѣтъ кожи былъ у нихъ нѣсколько свѣтлѣе; и при этомъ они имѣли болѣе темные волосы и глаза. Величина роста взрослыхъ мужчинъ колебалась между 1582 и 1632 мм.; единственная видѣнная имъ женщина доходила до 1545 мм. Всѣ эти туземцы имѣли пріятное выражаніе лица, косолежащіе монгольскіе глаза при весьма скудной растительности волосъ, такъ что Рёпсторфъ встрѣтилъ только одного субъекта съ довольно густыми усами. Ихъ языкъ, повидимому трудно поддается изученію; береговые жители плохо понимаютъ его и даже нерѣдко въ превратномъ смыслѣ. Шомбенги не представляютъ и слѣда сродства съ папуасами или негритосами. Рёпсторфъ считаетъ ихъ народнымъ племенемъ монгольскаго происхожденія, не имѣющимъ ни малѣйшаго папуасскаго элемента, но которое такъ мало отличается отъ прибрежныхъ жителей, что только опытный глазъ въ состояніи различить между ними шомбенга.

КИТАЙЦЫ.

Вообще этимъ именемъ обозначаютъ осѣдлое земледѣльческое населеніе Китая (China, вѣрнѣе Schina); но въ этнологическомъ отношеніи китайцы представляютъ собой только извѣстную часть различныхъ народовъ, которые живутъ на пространствѣ нынѣшняго Китая и подвластны этому древнѣйшему изъ всѣхъ существующихъ государствъ. Хотя они сами по себѣ имѣютъ огромное значеніе и безусловно заслуживаютъ вниманія, но тѣмъ не менѣе въ „Естественной исторіи племенъ и народовъ", мы коснемся только мимоходомъ этого старѣйшаго изъ культурныхъ народовъ, населяющихъ нашу планету. Китайцы, благодаря своей высокой цивилизаціи, существенно отличной отъ нашей, сдѣлались издавна предметомъ такихъ многочисленныхъ и подробныхъ изслѣдованій, что мы не можемъ сообщить о нихъ ничего новаго нашимъ читателямъ, равно какъ и о другомъ значительномъ культурномъ народѣ Азіи, а именно японцахъ. Поэтому мы ограничимся тѣмъ, что представимъ въ общихъ чертахъ картину этихъ народовъ, которые собственно не входятъ въ программу нашей книги и надѣемся, что приложенные нами многочисленные рисунки дадутъ болѣе наглядное понятіе о типѣ и наружности этихъ людей, нежели какое бы то ни было описаніе.

Нынѣшніе китайцы принадлежатъ къ монгольской или точнѣе къ верхне-азіятской расѣ; и, согласно преданію, пересилились въ незапамятныя времена въ бассейнъ Хоангхо и Янгъ-це-Кіанга, гдѣ по нѣкоторымъ даннымъ они встрѣтили своихъ родичей міао-це, которые и были вытѣснены ими. Міао-це родовое названіе многочисленныхъ племенъ, населяющихъ горную цѣпь, которая возвышается въ сѣверо-восточномъ углу провинціи Юн-нана и проходитъ по южной сторонѣ провинціи Куэй-Чеу, и отчасти черезъ Куангъ-зи, затѣмъ постепенно сливается съ равниной, къ востоку отъ границы Куангъ-тунга. Равнымъ образомъ на островахъ Формозѣ и Хайнанѣ до сихъ поръ живутъ многочисленныя племена, принадлежащія къ первобытному населенію.

Что касается внѣшности, то упомянутыя горныя племена очень мало отличаются другъ отъ друга, но въ то же время у нихъ нѣтъ ничего общаго съ китайцами. Они меньше ростомъ, темнѣе и, съ болѣе рѣзкими чертами лица, нежели ихъ длинно-косые сосѣди. Они менѣе стѣснены въ своихъ привычкахъ и молодежь обоего пола отличается болѣе веселымъ и живымъ характеромъ, что располагаетъ въ ихъ пользу. Мужчины носятъ большей частью чалмы изъ краснаго или синяго сукна и неизмѣнный „tao“ или ножъ, распространенный также у горныхъ племенъ Читтагонга. Женщины носятъ иногда родъ чепца; чалмы встрѣчаются только у тѣхъ племенъ, гдѣ женскому полу предоставлена высшая распорядительная власть въ семейныхъ дѣлахъ. Брачные обычаи этихъ первобытныхъ племенъ носятъ крайне своеобразный характеръ. За немногими исключеніями сватъ, въ видѣ посредника между женихомъ и родителями невѣсты, совершенно неизвѣстенъ. Если юноша желаетъ вступить въ бракъ, то ему предоставляется выбрать невѣсту по своему вкусу. Свадебный сезонъ совпадаетъ со временемъ празднествъ новаго года. Молодежъ обоего пола сходится на рынкахъ, устроенныхъ въ дворахъ храмовъ. Молодые люди ходятъ вслѣдъ за красавицами, которыя въ это время разглядываютъ разложенные товары; если одному изъ нихъ понравится дѣвушка, то онъ безъ дальнѣйшихъ церемоній вступаетъ съ нею въ разговоръ, и, если ему заблагоразсудится, то немедленно дѣлаетъ предложеніе. Въ случаѣ ея согласія, бракъ считается рѣшеннымъ, и чета отправляется въ храмъ, чтобы принести молитву божеству. Затѣмъ женихъ сопровождаетъ невѣсту къ ея родителямъ, гдѣ изготовляются требуемые письменные документы. Различныя увеселенія, сопровождающія свадебное торжество, длятся шесть дней. Если родятся дѣти, то первенца дарятъ съ установленными по этому поводу формальностями родителямъ мужа, а второго ребенка родителямъ жены. Новобрачный долженъ прожить отъ семи до десяти лѣтъ у тестя, а по происшествіи этого срока можетъ возвратиться въ домъ своего отца. Наиболѣе достачные изъ туземцевъ, въ противоположность настоящимъ китайцамъ, имѣютъ обыкновеніе давать въ приданое за дочерьми деньги, которыя выплачиваютъ въ тотъ день, когда ихъ дочь вмѣстѣ съ мужемъ переселяется въ домъ его родителей. Но есть исключенія изъ этихъ общихъ правилъ. Въ племени луукъ-туунгъ-іейау, согласно существующему обычаю, невѣста отправляется въ сопровожденіи своихъ подругъ и слуги, несущаго зонтикъ, въ домъ своего будущаго свекра, гдѣ и совершатся бракосочетаніе. Три дня спустя послѣ свадьбы, она возвращается съ мужемъ въ домъ своихъ родителей и остается здѣсь до рожденія перваго ребенка, послѣ чего снова переселяется къ свекру, у котораго оба супруга водворяются окончательно. У племени лонгъ-чи-міау попеченіе о дѣтяхъ преимущественно лежитъ на отцѣ, и онъ даже послѣ смерти не освобождается отъ этой обязанности. Такъ напримѣръ, если умираетъ отецъ, то его хоронятъ съ обращен-

нымъ назадъ лицомъ, въ доказательство того, что онъ и на томъ свѣтѣ не перестаетъ заботиться о своихъ дѣтяхъ.

У большинства племенъ существуетъ обычай украшать покойника цвѣтами и носить его по главнымъ улицамъ города или деревни, гдѣ жилъ умершій. Зимой подобная процессія устраивается три дня сряду, лѣтомъ бываетъ всего одинъ день. Если покойникъ былъ богатъ или имѣетъ достаточныхъ родственниковъ, то его тѣло кладутъ въ каменный саркофагъ, и черезъ короткій срокъ вырываютъ изъ земли, чтобы родня умершаго могла удостовѣриться по его наружному виду и степени разложенія, какого рода участь предстоитъ ей. Если черты лица хорошо сохранились, то это служитъ предзнаменованіемъ счастливой будущности; но если уже началось разрушеніе, то суевѣрные родственники убѣждаются, что ихъ ожидаетъ самая печальная участь. Племя лухъ-н'цехъ-тзце совсѣмъ иначе поступаетъ съ своими покойниками. Они вырываютъ мертвыя тѣла черезъ годъ послѣ погребенія, но не для того, чтобы заглянуть въ будущее, а съ единственной цѣлью тщательно перемыть кости. Если до истеченія года заболѣваетъ кто либо изъ членовъ семьи умершато, то не дожидаясь положеннаго срока вырываютъ его кости и промываютъ ихъ. Этотъ обычай объясняется тѣмъ, что данное племя держится того вѣрованія, что здоровье живущихъ находится въ тѣсной зависимости отъ чистоты костей ихъ умершихъ родственниковъ. Китайцы, вслѣдствіе этого, дали имъ прозвище „промывальщиковъ костей“. Не менѣе своеобразенъ обычай существующій у ланкухехъ-міау, которые погребаютъ своихъ мертвецовъ долгое время спустя послѣ смерти. Погребеніе происходитъ только въ извѣстные особенно благопріятные дни, которыхъ по ихъ астрологическимъ вычисленіямъ бываетъ не болѣе четырехъ въ годъ, такъ что въ промежутки отъ одного изъ этихъ дней до другаго покойниковъ сохраняютъ въ закрытыхъ гробахъ, недоступныхъ для воздуха, Затѣмъ мы встрѣчаемъ еще четыре племени съ такими мудренными именами, что мы считаемъ лишнимъ затруднять ими читателя, но которыхъ погребальные обычаи во всѣхъ отношеніяхъ отличаются отъ тѣхъ, какіе встрѣчаются у остальныхъ первобытныхъ обитателей страны. Вмѣсто обычнаго погребенія они сжигаютъ своихъ мертвецовъ; но предварительно покрываютъ ихъ шелковыми саванами или шкурами домашнихъ животныхъ: лошадей, коровъ, козъ и овецъ. Равнымъ образомъ эти племена придерживаются Индійскаго обычая „сутти“ или сжиганія вдовъ. Если умретъ отецъ, мать, дѣтъ, бабка или глава племени, то ихъ семья, а въ послѣднемъ случаѣ и все племя соблюдаютъ трехъ-дневный постъ.

У шуріи-кіа-міау, одного изъ наиболѣе богатыхъ первобытныхъ племенъ, существуетъ весьма замѣчательная и въ то же время возмутительная религіозная церемонія. Разъ въ году они собираются для молитвы въ своемъ обширномъ храмѣ, гдѣ находится идолъ собаки. По этому случаю богатые люди устраиваютъ для своихъ бѣдныхъ соплеменниковъ роскошный пиръ, по окончаніи котораго передъ идоломъ убиваютъ человѣка. Обыкновенно послѣдній, получивъ хорошую сумму, добровольно соглашается принести себя въ жертву собачьему божеству, какъ для блага собственной семьи, такъ и съ тою цѣлью, чтобы въ продолженіи года оградить свое племя отъ чумы, голода и войны. Передъ смертью несчастный выпиваетъ огромное количество вина. Шуріи-кіа-міау преимущественно обязаны своимъ благосостояніемъ торговлѣ солью. Они упаковываютъ этотъ продуктъ не въ боченки и не въ мѣшки, а въ распиленные обрубки бамбуковыхъ стволовъ. Нѣкоторыя племена стараются инымъ способомъ обезопасить себя отъ чумы. Въ этомъ случаѣ козломъ искупленія становится по возможности сильный и здоровый субъектъ. Его лицо вымазываютъ краской, послѣ чего онъ начинаетъ кривляться и дѣлаетъ всевозможные жесты руками, чтобы сосредоточить на себѣ зародыши чумы. Жрецъ усердно помогаетъ ему въ этой комедіи. По выполненіи всѣхъ предписанныхъ продѣлокъ,

бѣднякъ немедленно изгоняется изъ деревни или города своими соплеменниками подъ звуки барабана и „гонгонга“ (металлическій бубенъ).

Многія племена справляютъ ежегодно на третьемъ мѣсяцѣ большой праздникъ, символическое значеніе котораго заключается въ окончательномъ уничтоженіи всѣхъ страданій и несчастныхъ случаевъ истекшихъ двѣнадцати мѣсяцевъ. При этомъ зарываютъ въ землю большой глиняный кувшинъ, наполненный порохомъ, камнями и кусочками желѣза, затѣмъ къ нему прокладываютъ мину съ порохомъ и поджигаютъ ее. Происходитъ взрывъ, отъ котораго летятъ во всѣ стороны осколки кувшина, вмѣстѣ съ содержимымъ. Камни и куски желѣза означаютъ прошлогоднія несчастія, уничтоженіе которыхъ съ помощью

Дѣвушка изъ Шангхая.

взрыва заставляетъ присутствующихъ забывать всѣ непріятности дѣйствительной жизни. Эта церемонія сопровождается гомерической попойкой. Гостей принуждаютъ пить слѣдующимъ простымъ, но остроумнымъ способомъ. Зажигаютъ небольшую лампу, которая быстро переходитъ изъ рукъ въ руки, между тѣмъ какъ одинъ изъ присутствующихъ ходитъ вокругъ стола и старается затушить ее; если это ему удастся, то субъектъ, въ рукахъ котораго потушена лампа, обязанъ выпить чашу вина. У нѣкоторыхъ племенъ существуютъ своего рода бои быковъ. Сельскіе хозяева одного племени соединяютъ своихъ быковъ съ быками другаго племени и для увеселенія публики выводятъ ихъ попарно на арену, напоивъ предварительно одуряющимъ напиткомъ, которое приводитъ животныхъ въ воинственное настроеніе. Каждый подобный бой длится нѣсколько дней, послѣ чего побѣдоноснаго быка приносятъ въ жертву одному изъ главныхъ мѣстныхъ божествъ.

Вышеупомянутыя первобытныя племена пользуются репутаціей хорошихъ земледѣльцевъ и скотоводовъ. Ихъ работники усердно трудятся въ полѣ и замѣчательно выносливы. Въ то время, какъ въ южномъ Китаѣ плугъ тянутъ буйволы и быки, а на сѣверѣ, кромѣ того, лошади, у кореннаго населенія пашутъ сами крестьяне и крестьянки. Законъ предоставляетъ сельскимъ хозяевамъ большую власть надъ ихъ рабочими. При наймѣ полеваго работника, хозяинъ заключаетъ съ нимъ письменное условіе, въ которое вносится возрастъ послѣдняго, срокъ его службы и наказаніе, которому онъ подвергается въ случаѣ побѣга (Gray, Bilder aus dem chinesischen Leben. Von Leopold Katscher. Leipzig und Heidelberg. 1881, s. 324—328).

Собственно такъ называемые китайцы, несомнѣнно, представляютъ собой смѣшанный народъ. Коренное пришлое населеніе, ассимилировавшее себѣ множество чуждыхъ элементовъ, постепенно образовало великій китайскій народъ, который хотя и представляетъ собой этнологическую единицу, но лингвистически распадается на нѣсколько отраслей, которыя вслѣдствіе существеннаго различія языковъ даже въ обыденной жизни не могутъ имѣть между собой непосредственныхъ сношеній. Но съ другой стороны, несмотря на мѣстныя разновидности, по всему обширному государству распространился въ сущности единый расовый типъ и почти окончательно вытѣснилъ всѣ другіе элементы (Verhdl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1873, s. 37—48). Изъ многихъ отраслей этого народа особенно заслуживаютъ вниманія хакка, которые совмѣстно съ хокло и китайцами пунти населяютъ Куангъ-тунгъ.

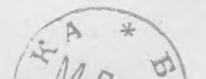
Китайцы малы ростомъ и приземисты, рѣдко бываютъ выше 1,50 метр., но вообще хорошо сложены, хотя выказываютъ склонность къ тучности. Лицо круглое, глаза черные, косолежащіе и узкіе, съ большимъ межглазнымъ промежуткомъ и глубокими глазными впадинами, вѣки безъ рѣсницъ, брови густыя, скуловыя кости выступаютъ впередъ. Къ этому нужно присоединить низкій сплюснутый лобъ, маленькій носъ, мясистыя губы, болѣе вздутыя, нежели у европейцевъ, грубые жесткіе и черные волосы, скудную растительность бороды и желтоватый цвѣтъ лица, который у женщинъ нерѣдко переходитъ въ болѣзненную блѣдность, а на югѣ принимаетъ темно-коричневый оттѣнокъ. Лицо безъ всякаго выраженія; вся фигура показываетъ отсутствіе чувства собственнаго достоинства. Статный мужчина, по понятіямъ китайцевъ, долженъ отличаться толщиной, имѣть длинныя ногти и маленькія ноги. Равнымъ образомъ, относительно другаго пола, у китайца совсѣмъ иной идеалъ красоты, нежели у насъ. Большая голова, толстыя щеки, узкіе глаза, массивное приземистое тѣлосложеніе и, въ особенности, маленькія ноги неотразимо дѣйствуютъ на молодаго китайца, такъ что при встрѣчѣ съ дѣвушкой, обладающей этими преимуществами, съ лица его моментально исчезаетъ обычное презрительное выраженіе. Искусственное уродованіе ногъ посредствомъ тугой шнуровки существуетъ у однихъ китайцевъ. Вообще принято считать, что этотъ обычай возникъ въ десятомъ столѣтіи нашей эры, хотя относительно этого мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ. Шнурованіе ногъ распространено не только среди знати, но у низшихъ классовъ народа или собственно, какъ утверждаетъ Велькеръ, у китаянокъ внутри материка (Arch. f. Anthrop. Bd. IV, s. 142—144). По точнымъ изслѣдованіямъ этого ученаго, величина дамской ноги, доведенной посредствомъ шнуровки до наибольшаго изящества, едва доходитъ до 7,5 сантим. и даже бываетъ меньше этого, а подошва башмака имѣетъ приблизительно 6—5 сантим. Тѣмъ не менѣе нужно

замѣтить, что вліяніе этого уродованія на походку и образъ жизни далеко не такъ сильно, какъ обыкновенно думаютъ (Globus, Bd. XXXVIII, s. 304). Что же касается нравственной стороны китайцевъ, то они трудолюбивы, искусны въ ремеслахъ, умны, осторожны и въ высшей степени умѣренны, но въ то же время вѣроломны, пронырливы, обидчивы, трусливы, склонны къ сластолюбію и чувствуютъ особенное пристрастіе къ опіуму. Они вообще крайне вѣжливы, но при этомъ въ высшей степени кичатся своей страной и древней культурой.

Знатная дама изъ Шангхая.

Китайская государственная хроника застаетъ страну вполнѣ благоустроенной, такъ что исторія не представляетъ намъ никакихъ данныхъ относительно состоянія варварства, описаннаго въ сагахъ. Насколько извѣстно, у китайцевъ издавна существовалъ хорошо организованный государственный строй, который могъ сложиться только при высокой степени культуры. Съ древнѣйшихъ временъ они имѣли весьма сложныя письмена и необыкновенно богатую литературу, которая соотвѣтственно природнымъ склонностямъ всей націи была направлена къ практическимъ цѣлямъ. Этимъ можно отчасти объяснить и тотъ фактъ, что многія изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ изобрѣтеній и открытій были извѣстны китайцамъ съ незапамятныхъ временъ. Глубокая древность китайской культуры собственно и привела поверхностныхъ критиковъ къ весьма распространенному, но совершенно

Знатная японская дама.



ложному мнѣнію о застоѣ этого народа. Китайцы, оторванные, впродолженіе столѣтій, отъ какихъ либо сношеній съ чужими націями, кромѣ немногихъ сосѣднихъ народовъ, не только сохранили въ цѣлости культурныя сокровища прошлыхъ временъ, но еще болѣе увеличили ихъ, хотя медленно, шагъ за шагомъ, и эти сокровища составляютъ безусловно продуктъ ихъ самостоятельнаго мышленія. До сихъ поръ внутри Китая существуетъ непримиримая ненависть къ чужеземцамъ; такъ что во многихъ мѣстностяхъ жизнь европейскаго путешественника подвергается серьезной опасности. Но куда бы онъ не направилъ свой путь, вездѣ онъ встрѣчаетъ слѣды однообразной

Вышитый башмакъ для изувѣченной ноги знатной китаянки.

китайской цивилизаціи, среди которыхъ въ настоящее время наблюдаются проблески пріобрѣтеній европейской науки, хотя этотъ прогресъ совершается крайне медленно и только въ матеріальномъ отношеніи (Rob. K. Douglas въ Popular Science Review 1873, s. 375—384). Для дальнѣйшей характеристики мы воспользуемся этнографическимъ описаніемъ Китая, составленнымъ Фридр. Миллеромъ, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей цѣли, въ смыслѣ краткаго очерка наиболѣе выдающихся особенностей.

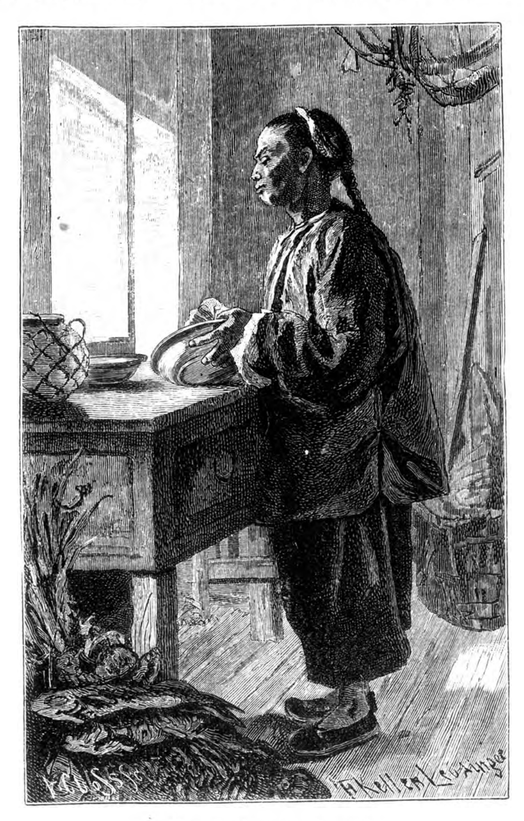
Одежда китайцевъ состоитъ изъ шелковой, бумажной или полотняной рубашки и шароваръ изъ тѣхъ же тканей, затѣмъ у бѣдняковъ изъ кофты или верхняго платья, похожаго на кафтанъ, которое у болѣе достаточныхъ людей шьется изъ различныхъ матерій, смотря по климату и времени года. Вокругъ тальи надѣтъ поясъ, къ которому у знатныхъ людей привѣшанъ футляръ съ вѣеромъ и табачный кисетъ. Въ теплыхъ мѣстностяхъ и лѣтомъ голова покрыта воронкообразной шляпой изъ бамбука или рисовой соломы; зимой ее замѣняетъ

полукруглая бархатная шапка съ приподнятыми полями. Ноги обуты въ сапоги или неуклюжіе башмаки изъ шелковой матеріи, нанки или холста съ толстой подошвой изъ папки. Сельскіе жители, во время работы, носятъ шляпу съ широкими полями и короткій плащъ, сплетенный изъ листьевъ тростника. Ноги обнажены выше колѣнъ. Одежда женщинъ состоитъ изъ длинной бумажной или шелковой юбки зеленаго или красноватаго цвѣта. Императорская фамилія носитъ желтый цвѣтъ, а въ случаѣ траура бѣлый. Покрой платья остается неизмѣннымъ, потому что китайцы не имѣютъ понятія о колебаніяхъ моды.

Штопальщикъ башмаковъ въ Кантонѣ.

Со времени покоренія Манджуріи, т. е. съ 1644 года они брѣютъ голову и оставляютъ только пучокъ волосъ на макушкѣ, который виситъ вдоль спины, въ видѣ косы. Приверженцы Лао-тзе не переняли этаго обычая. Женщины до замужства носятъ распущенные волосы, которые падаютъ локонами по плечамъ; затѣмъ ихъ связываютъ пучкомъ и пришпиливаютъ на затылкѣ двумя булавками, воткнутыми на крестъ. Нѣкоторыя требованія чистоплотности, какъ напримѣръ купанье, здѣсь совершенно неизвѣстны. Дома, въ особенности по формѣ кровли, напоминаютъ просторныя палатки, сдѣланныя изъ прочнаго матеріала; они почти всегда одноэтажные съ маленькими комнатками и бумажными окнами, обращенными во дворъ. На сѣверѣ дома протапливаютъ подземными печами. У богатыхъ господствуетъ большая роскошь въ убранствѣ ком-

натъ; кромѣ того распространены искусно распланированные сады. Расположеніе городовъ и деревень вездѣ одинаковое; вы видите нѣсколько немощенныхъ улицъ; нигдѣ нѣтъ высокихъ зданій или башенъ, и вокругъ всего выведенъ земляной валъ или кирпичная стѣна. Китаецъ пантофагъ, т. е. ѣстъ все, что ему попадется подъ руку. Разумѣется простой народъ преимущественно питается рисомъ; кромѣ того китайцы любятъ свинину и собачье мясо. У бога-



Китайскій поваръ (понти).

тыхъ роскошь въ столѣ доходитъ до утонченности. Мы приведемъ для примѣра меню обѣдовъ у высшихъ классовъ, которое приблизительно заключается въ слѣдующемъ: „Плавательное перо акулы съ омарами. Грибы съ рубленнымъ птичьимъ мясомъ.—Яичница изъ голубиныхъ яицъ. Тюленій мозгъ подъ соусомъ.—Печеная говядина съ клецками.—Морскія улитки.—Жареная колбаса изъ свернутыхъ кусковъ свинины.—Шпинатъ съ рубленымъ птичьимъ мясомъ.—Краббы, испеченные въ яичной мукѣ.—Теплое миндальное молоко съ пирожнымъ изъ ноздреватаго тѣста.—Грибы подъ соусомъ.—Жареная птица,

Жаренная лососина подъ соусомъ.—Тушенная баранья грудинка.—Жареный поросенокъ.—Жареныя утки“ и пр. Китайцы не знаютъ другаго масла, кромѣ касторовагo, и готовятъ на немъ всѣ кушанья. Вино совершенно неизвѣстно; вмѣсто этого общеупотребительнымъ напиткомъ служитъ чай высшихъ сортовъ затѣмъ теплая рисовая водка „samtschu“, а на сѣверѣ кумысъ и такъ называемая „баранья водка“. Мелко нарѣзанное кушанье накладываютъ въ чашеобразные сосуды и разносятъ на дощечкахъ; ѣдятъ обыкновенно двумя палочками. Въ болѣе значительныхъ городахъ существуютъ дешевыя столовыя для простаго народа, которому растительная пища видимо идетъ въ пользу, пото-

Швея изъ Хонгконга.

му что онъ остается такимъ-же крѣпкимъ и выносливымъ. Принимая во вниманіе этотъ фактъ, нельзя не признать извѣстной разницы между кавказской и монгольской расой. Равнымъ образомъ китайцы легко мирятся съ безпрерывной работой, не имѣя даже одного свободнаго дня въ недѣлю; но при этомъ нужно замѣтить, что во время работы они часто дѣлаютъ довольно продолжительные паузы, пьютъ чай, курятъ трубки съ табакомъ или опіумомъ, такъ что количество производимаго ими труда весьма незначительно. Вообще китайцы очень любятъ неспѣлые плоды, а затѣмъ болѣе или менѣе сильная степень гніенія также представляетъ для нихъ необыкновенную прелесть. Это одно уже служитъ источникомъ многочисленныхъ болѣзней, въ особенности

кроваваго поноса. Такимъ образомъ, начальство часто бываетъ поставлено въ необходимость запретить продажу огурцовъ, къ которымъ всѣ классы населенія чувствуютъ положительное пристрастіе. Эта овощь, равно и дыни, разводятся въ такомъ невѣроятномъ количествѣ и настолько дешевы, что послѣднiй нищій можетъ пресытиться ими и довести себя до холеры. Кромѣ того, безчисленное множество дынныхъ корокъ выбрасывается на улицу и ихъ доѣдаютъ нищіе. Замѣчательно, что послѣдніе, несмотря на скудное пропитаніе, пользуются вообще наилучшимъ здоровьемъ.

Китаецъ—земледѣлецъ par excellence; каждый клочокъ земли обработанъ самымъ тщательнымъ образомъ и удобренъ человѣческими экскрементами и кухонными остатками. Скотоводство въ пренебреженіи; но китайцы усердно занимаются шелководствомъ и разведеніемъ хлопка; у рѣкъ и на морскомъ берегу существуетъ рыбный промыселъ. Семейная жизнь довольно проста; китаецъ имѣетъ только одну жену, но ему предоставлено право держать наложницу, дѣти которой считаются законными. Восточный гаремъ съ евнухами не существуетъ въ Китаѣ. Только нѣкоторые члены императорскаго дома и семьи первыхъ наслѣдственныхъ князей могутъ брать себѣ въ услуженіе евнуховъ. Эта опасная и безчеловѣчная операція доведена въ Китаѣ до полнаго оскопленія мужскаго половаго аппарата (Carter Stent, Chinesische Eunuchen oder der Ursprung, Charakter, Habitus, Obligenheiten und Zurichtung der Hämlinge Chinas. Leipzig, o. j.). Обрученіе совершается въ ранней молодости; формальное сватовство неизмѣнно происходитъ черезъ посредство извѣстныхъ лицъ, послѣ чего ставятъ гороскопъ для жениха и невѣсты и опредѣляютъ день и часъ брачнаго торжества, сопровождаемаго рядомъ празднествъ. Обѣ стороны должны быть китайскаго происхожденія и, по возможности, равны относительно общественнаго положенія и имущества. Браки съ чужеземцами запрещены закономъ; разводы допущены только въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ, случаяхъ. Китайская семья представляетъ собой въ миніатюрномъ видѣ государство съ неограниченной властью главы дома; оказанное ему сопротивленіе признается достойнымъ смерти. Съ своей стороны, онъ обязанъ содержать членовъ семьи и защищать ихъ; на него падаетъ отвѣтственность за ихъ поведеніе, равно какъ и ихъ заслуги приносятъ ему пользу, потому что въ этомъ случаѣ родители награждаются за своихъ дѣтей дворянствомъ. Между тѣмъ добрыя дѣла родителей никогда не отражаются на дѣтяхъ. Китаецъ всегда желаетъ имѣть сына, рожденіе котораго считается радостнымъ событіемъ; на рожденіе дѣвочки смотрятъ, какъ на особенное несчастіе. Поэтому, бѣдняки подкидываютъ дѣтей женскаго пола тотчасъ послѣ ихъ рожденія. Равнымъ образомъ, въ большомъ ходу умерщвленіе дѣтей и, въ особенности, вытравленіе плода (Dr. E. Martin. Etude médico-legale sur l'enfanticide et l'avortement dans l'Empire chinois. Paris, 1872). Дѣтей обрѣзаютъ съ раннихъ лѣтъ, пріучаютъ къ скромному обхожденію и знакомятъ съ первыми житейскими правилами. Для неимущихъ устроены дешевыя общественныя школы и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вечерніе уроки, чтобы не мѣшать дневному заработку. Въ обыденной жизни оба пола строго отдѣлены другъ отъ друга; женщины не могутъ являться въ публикѣ и должны быть неотлучно при семьѣ, хотя вообще занимаютъ довольно независимое положеніе. Многіе мужья въ полномъ подчиненіи у своихъ женъ. Скромность и замкнутая жизнь ставится въ такую же заслугу замужнимъ женщинамъ, какъ и дѣвушкамъ. Между тѣмъ многія дѣвушки предаются проституціи, которая хотя и запрещена закономъ, но процвѣтаетъ во всей силѣ на такъ называемыхъ „цвѣточныхъ" судахъ (Gustav Schlegel, Jets over de prostitutie in China. Batavia, 1866).

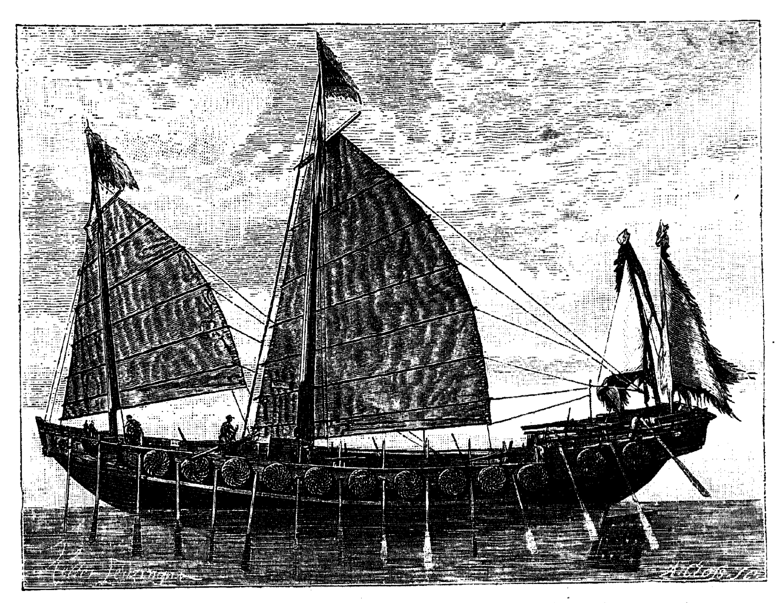
Китайское государство представляетъ въ большомъ видѣ семью, во главѣ которой стоитъ императоръ. Китаецъ безусловно смотритъ на послѣдняго, какъ на отца, который искренно заботится о благѣ своей многочисленной семьи. Ему совершенно чужда привязанность къ императорской фамиліи и ея инте-

ресамъ, чѣмъ объясняется частая смѣна династій въ Китаѣ, изъ которыхъ каждая встрѣчаетъ безусловное послушаніе со стороны подданныхъ. Всякій чужестранецъ или не принадлежащій къ числу гражданъ имперіи, считается безправнымъ. Старость и опытность пользуются особеннымъ уваженіемъ, но еще выше ставится знаніе. Ученые, вышедшіе изъ всѣхъ слоевъ населенія, составляютъ единственную аристократію страны, такъ какъ ученость даетъ личное дворянство и открываетъ путь къ должностямъ и отличіямъ. Граждане дѣлятся на четыре класса: ученые, земледѣльцы, ремесленники и купцы. Низшую и презираемую часть населенія составляютъ палачи, слуги, публичныя

До-до, китайская актриса.

женщины, актеры, число которыхъ довольно значительно благодаря пристрастію китайцевъ къ театру, и, наконецъ, бродяги. Каждый гражданинъ можетъ свободно вступить въ ученую корпорацію; отсюда выбираются кандидаты на различныя должности и поступаютъ на мѣста послѣ цѣлаго ряда испытаній. Императоръ пользуется безграничной властью; онъ управляетъ страной, сообразно постановленіямъ древнихъ мудрецовъ, и самостоятельно раздаетъ мѣста. Ему непосредственно подчинены 13 высшихъ правительственныхъ учрежденій, въ томъ числѣ 8 министерствъ, за которыми постепенно слѣдуетъ рядъ низшихъ присутственныхъ мѣстъ. Во главѣ каждой провинціи стоитъ генералъ-губернаторъ или вице-король. Управленіе и правосудіе находятся въ довольно жалкомъ состояніи. Китай переполненъ тайными обществами; здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо развито пиратство и нищенство. Распорядительная власть и юстиція не отдѣлены другъ отъ друга; наказанія отличаются варварствомъ. Бамбуковые удары не считаются здѣсь безчестіемъ. Изъ видовъ смертной казни въ употреб-

леніи: повѣшеніе, отсѣченіе головы и сажаніе на колъ. Сравнительно ничтожныя военныя силы страны долго находились въ жалкомъ состояніи; но говорятъ, что теперь введены различныя улучшенія, благодаря содѣйствію европейцевъ. Въ настоящее время сухопутное войско, а равно и флотъ вооружены по-европейски, хотя на ряду съ военными кораблями, построенными въ Европѣ, существуетъ множество туземныхъ военныхъ судовъ. Для торговыхъ цѣлей служатъ почти исключительно извѣстныя китайскія суда, такъ называемыя „джунки", но торговля преимущественно внутренняя; несравненно болѣе развита промышленность и техническое производство, которымъ издавна занимались китайцы. Изъ болѣзней всего болѣе распространены накожныя сыпи,

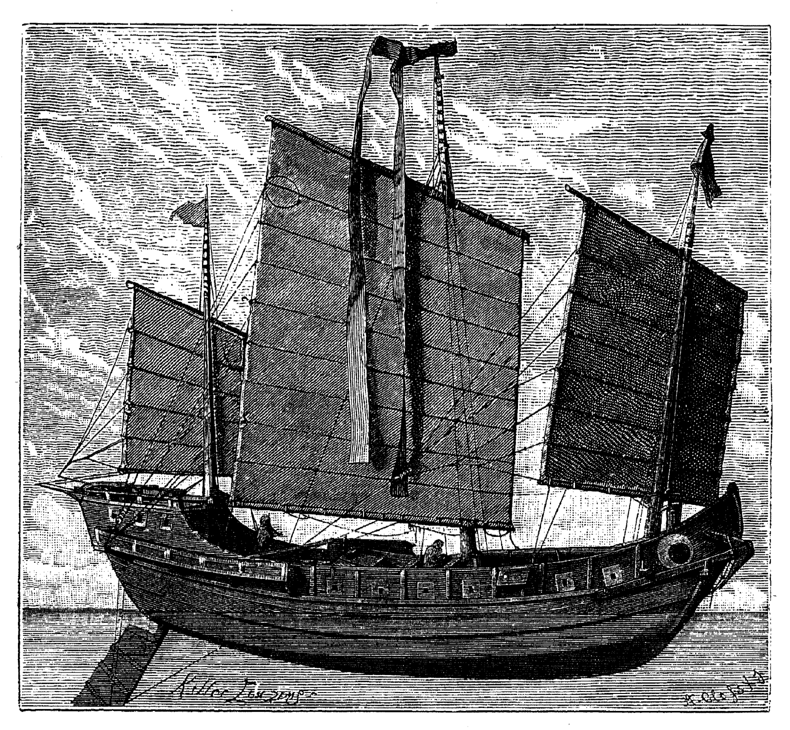


Китайское военное судно съ кремневыми ружьями вдоль борта (съ модели).

вслѣдствіе господствующей нечистоплотности; медицина стоитъ на крайне низкой степени развитія. Покойниковъ торжественно хоронятъ въ деревянныхъ гробахъ, которые опускаютъ въ могилы, вырытыя въ пустыряхъ. Трауръ продолжается 27 мѣсяцевъ; весной и осенью умершимъ приносятъ жертвы на могилахъ. Относительно религіознаго міровоззрѣнія китайцевъ, нужно имѣть въ виду то различіе, какое существуетъ между народной оффиціально признаваемой религіей,—въ основѣ которой лежитъ древній культъ поклоненія силамъ природы безъ храмовъ, идоловъ и жрецовъ,—и религіей, какая была видоизмѣнена Конфуціемъ. Его ученіе собственно и составляетъ религію образованныхъ людей, тогда какъ отдѣльные философы держатся „tao", то есть мистическаго отрицанія древней народной религіи, а неразвитая масса исповѣдуетъ буддизмъ, въ формѣ фоизма. При этомъ китайскій народъ въ высшей степени суевѣренъ, придаетъ большое значеніе предсказаніямъ и, въ особенности, „feng-shui", которое представляетъ своего рода землегаданіе и имѣетъ рѣшающее вліяніе во всѣхъ случаяхъ его жизни (Eitel, Feng-shui, or the rudiments of natural

science in China, London, 1873). На югѣ Китая распространенъ исламъ, а также на западѣ въ Джунгаріи встрѣчаются китайскіе магометане. Затѣмъ отъ окрестностей Пекина до западной границы государства тянется безпрерывная цѣпь постовъ католическихъ миссіонеровъ, преимущественно французовъ, и, наконецъ, повсемѣстно внутри страны, встрѣчаются многочисленныя цвѣтущія общины туземныхъ христіанъ.

Китайскій языкъ состоитъ изъ односложныхъ коренныхъ словъ, занимающихъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ предложеніи, чѣмъ вос-



Китайская торговая „джунке".

полняется недостатокъ флекцій. Онъ распадается на два главныхъ отдѣла, а именно народный и письменный языкъ; кромѣ того, существуетъ еще разговорный языкъ образованнаго класса (діалектъ мандариновъ), который какъ бы составляетъ третій отдѣлъ. Народный языкъ, раздѣленный въ настоящее время на множество, весьма далекихъ одинъ отъ другаго нарѣчій, вообще менѣе выработанъ, нежели письменный языкъ или упомянутый „діалектъ мандариновъ". Въ то время, какъ эти два допускаютъ только гласныя и носовыя буквы въ концѣ слова, въ народномъ языкѣ все еще встрѣчаются согласныя на

концѣ отдѣльныхъ коренныхъ словъ. Поэтому послѣдній, сравнительно съ двумя остальными, больше сохранилъ свою первоначальную форму и долженъ быть прежде всего принятъ во вниманіе при опредѣленіи лингвистическаго сродства китайцевъ съ другими народами. Мы не можемъ сказать, какъ велико число людей, говорящихъ по-китайски, потому что не имѣемъ точныхъ данныхъ относительно цифры населенія. Показанія настолько различны, что одни насчитываютъ 200,

Китайскій кули (съ осломъ).

другіе 537 милліоновъ душъ; между тѣмъ положительно извѣстно, что Китай болѣе населенъ, чѣмъ самыя многолюдныя мѣстности Европы и, сверхъ того, населеніе такъ быстро возростаетъ, что избытокъ его неизбѣженъ. При этомъ у китайцевъ замѣтно извѣстное равнодушіе къ жизни, которымъ можно объяснить существованіе нѣкоторыхъ варварскихъ обычаевъ. Выселеніе изъ страны совершается въ грандіозныхъ размѣрахъ, такъ что сыновъ Небесной имперіи можно встрѣтить во всѣхъ направленіяхъ розы вѣтровъ (F. Ratzel, Die chinesische Auswanderung Breslau, 1876). Они разсѣяны вдоль берега острова Хаинана, на западномъ

берегу Формозы, въ Анамѣ и Сіамѣ, во французской Кохинхинѣ, на полуостровѣ Малаккѣ, а именно въ Сингапурѣ, на Явѣ и островѣ принца Уэльскаго до Цейлона, въ Австраліи и на многихъ островахъ Тихаго океана. Равнымъ образомъ они довольно многочисленны и на западномъ берегу Америки, въ Калифорніи и Перу, на Ямайкѣ, сахарныхъ островахъ Маврикія и Соединенія, гдѣ они извѣстны подъ именемъ „кули", то есть наемныхъ работниковъ. Вообще китайцы трудолюбивѣе и дѣятельнѣе туземцевъ; вездѣ, гдѣ сыны Небесной имперіи водворяются на болѣе продолжительное время, они захватываютъ въ свои руки торговлю и промыслы и представляютъ собой наиболѣе достаточный классъ населенія. Хотя они не достигаютъ такого блестящаго положенія въ странахъ, гдѣ господствуютъ европейцы или ихъ потомки, какъ, напримѣръ, въ Калифорніи и Австраліи, но и здѣсь они являются опасными конкуррентами для европейскихъ работниковъ, такъ что приняты были даже законодательныя мѣры противъ китайскаго переселенія. Обширная родина китайцевъ представляетъ такое разнообразіе климатовъ, что они болѣе другихъ народовъ обладаютъ способностью акклиматизироваться въ самыхъ различныхъ поясахъ земнаго шара. У нихъ почти никогда не является желанія водвориться окончательно въ какомъ либо новомъ мѣстѣ, потому что всѣ ихъ помыслы обращены на то, чтобы вернуться въ старое отечество съ собраннымъ капиталомъ. Если смерть постигаетъ ихъ на чужбинѣ, то они по возможности принимаютъ мѣры, чтобы ихъ тѣло было перевезено въ Небесную имперію. Обыкновенно переселяются одни мужчины и, по прибытіи на мѣсто, никогда не вступаютъ въ бракъ съ туземными женщинами. Немногія выселившіяся китаянки, въ большинствѣ случаевъ, ведутъ разгульный образъ жизни.

КОРЕЙЦЫ.

Корейцы несравненно менѣе извѣстны, нежели китайцы и японцы; они населяютъ гористый полуостровъ Корею, который отдѣленъ Бѣлыми горами, отъ лежащей къ сѣверу Манджуріи, и до послѣдняго времени, наравнѣ съ Тибетомъ, считался одной изъ наиболѣе замкнутыхъ странъ земнаго шара. Корейцы также, какъ и китайцы, представляютъ собой смѣшанный народъ, образовавшійся, съ одной стороны, изъ потомковъ синъ-пи, много разъ выступавшихъ въ исторіи верхней Азіи, а съ другой — изъ сіенъ-панъ, осѣдлаго племени, живущаго на югѣ Кореи. Они обязаны своей національностью и язы-

комъ воинственному народу као-ли, который покорилъ весь полуостровъ своей власти. Языкъ корейцевъ многосложный, состоитъ изъ корней и представляетъ отдаленное сродство съ японскимъ и урало-алтайскимъ языкомъ. У корейцевъ монгольскій типъ, хотя они больше походятъ на японцевъ, нежели на китайцевъ. Они средняго роста, довольно коренасты и крайне выносливы. Сѣверные жители крѣпче южныхъ и находятся почти въ дикомъ состояніи. Сильно выступающія скуловыя кости корейцевъ имѣютъ округленную форму; носъ при-

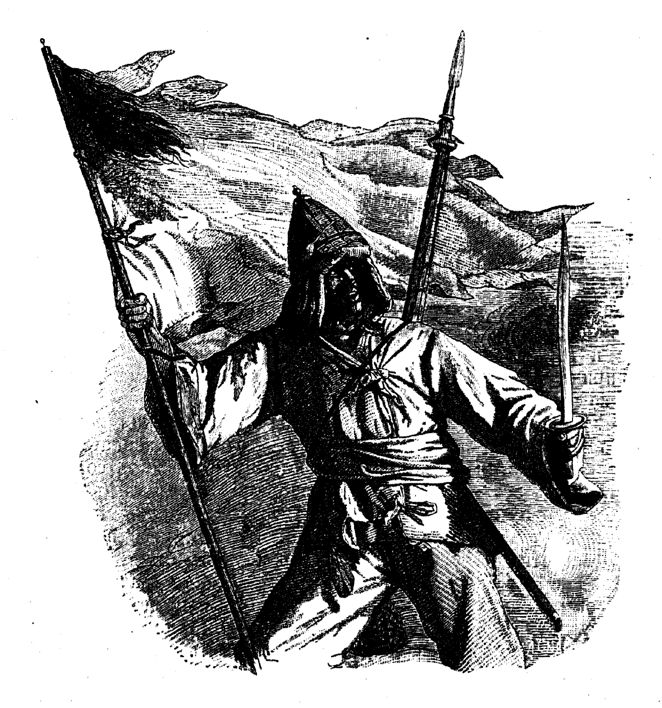
Житель Кореи.

плюснутъ у переносья, ноздри широкія, глаза черные и косолежащіе, тѣлосложеніе болѣе стройное и сильное, нежели у сосѣднихъ народовъ.

Въ настоящее время въ Кореѣ царствуетъ туземная династія, глава которой носитъ титулъ короля, хотя въ то же время обязанъ платить дань китайской манджурской династіи и получаетъ отъ нея свой санъ. Корейское посольство ежегодно отвозитъ дань въ Пекинъ, гдѣ получаетъ календарь отъ императора и, съ своей стороны, сообщаетъ извѣстія о семьѣ короля и всѣхъ событіяхъ, совершившихся въ Кореѣ. Король не имѣетъ права носить желтый императорскій цвѣтъ и корону, похожую на императорскую, но въ своемъ государствѣ онъ является неограниченнымъ монархомъ и имѣетъ власть надъ

жизнью и смертью своихъ подданныхъ, не исключая самыхъ знатныхъ людей. Ему оказываютъ почти божескія почести; если кто произноситъ его имя, то это считается важнымъ преступленіемъ. Онъ долженъ только заботиться объ общемъ благѣ и соблюденіи законовъ и ограждать народъ отъ притѣсненій высшихъ сановниковъ. Между тѣмъ король въ большинствѣ случаевъ лѣнивый, нравственно испорченный человѣкъ, тупой, неспособный, съ 12-ти-лѣтняго возраста живущій въ гаремѣ и состарѣвшійся раньше времени. Вмѣсто него управляютъ честолюбивые министры, которые пользуются почти безграничной властью. Если умираетъ король, то каждый изъ его подданныхъ обязанъ носить трауръ въ продолженіи 27 мѣсяцевъ; на такой же срокъ прекращаются всѣ общественныя удовольствія. Народъ не имѣетъ никакого значенія въ Кореѣ и не вмѣшивается ни въ какія дѣла. Вслѣдствіе самобытнаго дѣленія на касты, обусловленнаго не религіозными, а политическими причинами, вся власть сосредоточена въ рукахъ дворянъ, которые настолько интересуются простымъ народомъ, насколько возможно притѣснять и эксплуатировать его. Дворянство переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну; дворяне избавлены отъ обязанности нести военную службу; ихъ особа считается неприкосновенной; знакомъ отличія ихъ званія служитъ шапка изъ конскихъ волосъ. Въ большинствѣ случаевъ, они являются мучителями своихъ согражданъ, въ случаѣ надобности вымогаютъ у нихъ деньги и не считаютъ для себя обязательнымъ долгъ, сдѣланный въ видѣ займа или при покупкѣ. Отъ нихъ происходятъ всѣ злоупотребленія въ странѣ. Хотя въ настоящее время дворяне большей частью живутъ въ крайней бѣдности, но они ни при какихъ условіяхъ не считаютъ для себя возможнымъ приняться за какой либо трудъ. Высшее дворянство распадается на два класса: гражданскихъ и военныхъ сановниковъ; изъ нихъ первые пользуются несравненно большимъ значеніемъ и могуществомъ. За этими двумя классами слѣдуетъ весьма малочисленная каста такъ называемыхъ полудворянъ, которые до извѣстной степени составляютъ переходъ отъ дворянъ къ классу мѣщанъ. Они также имѣютъ право занимать извѣстныя должности; изъ нихъ преимущественно выбираются правительственные секретари и переводчики съ китайскаго языка. За полудворянами слѣдуетъ каста мѣщанъ, состоящая изъ лучшихъ и наиболѣе достаточныхъ горожанъ. Послѣдніе отличаются отъ массы простаго народа только тѣмъ, что, по корейскимъ понятіямъ, имѣютъ больше свѣтскаго лоска и образованія, которое собственно заключается въ изученіи китайскаго письменнаго языка. Къ этому классу принадлежатъ купцы, промышленники и большинство ремесленниковъ. Слѣдующую затѣмъ касту составляетъ наибольшая масса населенія, а именно сельскіе жители, землледѣльцы, пастухи, охотники, рыбаки и т. д., которые, разумѣется, всего многочисленнѣе въ странѣ. Между простыми свободными людьми и „крѣпостными", занимающими послѣднюю ступень общественной іерархіи, мы встрѣчаемъ особый классъ „презираемыхъ кастъ", которыя, въ свою очередь, дѣлятся на различныя степени и съ матеріальной стороны поставлены въ довольно выгодныя условія, хотя по своему соціальному положенію стоятъ ниже такъ называемаго „простаго" народа. Королю безусловно предоставлено право переводить изъ низшихъ степеней въ высшія, даже такихъ лицъ, которые принадлежатъ къ любой изъ презираемыхъ кастъ, и бывали случаи, что они получали мандаринство, совмѣстно съ дворянствомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ еще одно своеобразное учрежденіе, не существующее ни въ Китаѣ, ни въ Японіи, а именно крѣпостное право, которое удержалось до сихъ поръ, хотя не въ такой строгости, какъ въ былыя времена. Во многихъ отношеніяхъ крѣпостные поставлены въ тѣ же условія, въ какихъ прежде находились русскіе крестьяне, съ той разницей, что крѣпостничество никогда не достигало въ Кореѣ такого развитія, какъ въ Россіи, было облечено въ болѣе мягкія формы и, подобно кастамъ, представляетъ нѣсколько степеней. Крѣпостные, принадлежащіе дворянамъ и частнымъ лицамъ, пользуются хорошимъ обращеніемъ, такъ что во-

обще ихъ участь нельзя назвать особенно тяжелой. Они исполняютъ роль домашней прислуги и воздѣлываютъ землю своего господина. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ собственные дома и обработываютъ отведенную имъ землю, и хотя отдаютъ большую часть дохода своему господину, но, при свойственной имъ бережливости, зачастую бываютъ богаче его и пользуются этимъ для выкупа на волю. Госпожа обыкновенно сама выбираетъ среди малолѣтнихъ дочерей своихъ крѣпостныхъ нѣсколько дѣвочекъ для домашней прислуги и воспитываетъ ихъ вмѣстѣ съ собственными дѣтьми. Подобная заботливость считается лишней относительно мальчиковъ, которые воспитываются своими родителями и, по достиженіи юношескаго возраста, нерѣдко получаютъ свободу безъ осо-



Вооруженный кореецъ.

бенныхъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ женитьбы на свободной женщинѣ, дѣти, прижитыя въ такомъ бракѣ, считаются свободными по матери.

Оффиціальную религію Кореи, если только здѣсь можетъ быть рѣчь о какой либо религіи, составляетъ буддизмъ, который впервые былъ перенесенъ изъ Китая въ 372 году по Р. Х. и мало по малу распространился по всей странѣ. Корейцы относятся съ такимъ безусловнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ религіознымъ обычаямъ и формальностямъ, что въ этомъ отношеніи едва ли стоятъ выше самыхъ дикихъ племенъ. Ихъ „бонзы“ или священники, по своему общественному положенію, занимаютъ послѣднее мѣсто даже среди наиболѣе презираемыхъ кастъ, и хотя стоятъ выше крѣпостныхъ, но считаются несравненно ниже простаго народа. Впрочемъ, они и не заслуживаютъ луч-

шей участи по своему полному уничиженію и невѣроятной степени нравственной распущенности и одичалости. Само собой разумѣется, что при этихъ условіяхъ въ Кореѣ не могли возникнуть богатые храмы или капища для идоловъ и жертвоприношеній. Даже въ наиболѣе значительныхъ и многолюдныхъ пунктахъ вы едва ли встрѣтите что либо другое, кромѣ жалкихъ алтарей, запущенный видъ которыхъ ясно свидѣтельствуетъ о полномъ пренебреженіи, съ какимъ относится къ нимъ мѣстное населеніе.

Корейцы по своей наружности и открытому обращенію производятъ болѣе пріятное впечатлѣніе, нежели ихъ сосѣди. Даже люди низшихъ классовъ при серьезныхъ и сдержанныхъ манерахъ отличаются непринужденной веселостью, которая еще болѣе проявляется при ближайшемъ знакомствѣ. Честность составляетъ ихъ общее свойство; они искренны и добродушны и относятся съ полнымъ довѣріемъ къ чужестранцу, если убѣждены въ его доброжелательствѣ; всѣ путешественники хвалятъ ихъ за привѣтливое обращеніе. Корейцы пропорціонально сложены; ихъ ловкая и твердая походка составляетъ контрастъ съ неувѣренными тѣлодвиженіями японцевъ, которыхъ они, также какъ и китайцевъ, превосходятъ ростомъ и силой. Равнымъ образомъ они болѣе воинственны, нежели эти два народа, и вообще отличаются большей дѣятельностью и энергіей. Однако, несмотря на эти преимущества и симпатичныя стороны характера, они далеко отстали отъ своихъ сосѣдей, относительно утонченности нравовъ и умственнаго развитія. Они остались такими же первобытными, какъ ихъ создала природа; имъ совершенно не достаетъ свѣтскаго обращенія, и того лоска, который встрѣчается даже у низшихъ класовъ въ Китаѣ и Японіи. Тотъ же недостатокъ образованности проявляется въ Кореѣ у высшихъ сословій и чиновниковъ, которымъ нельзя отказать въ чувствѣ собственнаго достоинства и извѣстной величавости въ пріемахъ въ тѣ моменты, когда вы видите ихъ при отправленіи общественныхъ обязанностей, но въ частной жизни выступаетъ во всей наготѣ грубый человѣкъ природы.

Въ Кореѣ полигамія дозволена закономъ; участь женщинъ почти такая же, какъ въ Китаѣ. Число женъ зависитъ отъ общественнаго положенія и благосостоянія мужа, и такъ какъ въ среднихъ и низшихъ сословіяхъ достатокъ составляетъ исключеніе, то въ большинствѣ случаевъ въ домѣ можно встрѣтить только одну жену. Бракъ не сопровождается никакими особенными празднествами и свадебными обрядами. Какъ только будущій мужъ вошелъ въ соглашніе съ отцомъ или родственниками невѣсты относительно выкупа, который онъ долженъ внести за нее или приданаго, то бракъ считается заключеннымъ; онъ уводитъ дѣвушку къ себѣ въ домъ и можетъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, наравнѣ съ другимъ имуществомъ. Женщины занимаютъ въ домѣ отведенныя имъ комнаты; въ высшемъ и болѣе достаточномъ классѣ общества, онѣ еще болѣе отрѣшены отъ внѣшняго міра, нежели китаянки. Въ селахъ, гдѣ на нихъ отчасти лежитъ полевая работа, онѣ пользуются сравнительно большей свободой и менѣе стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ, но и здѣсь онѣ должны проводить большую часть дня въ домѣ, что не обязательно для женскаго населенія въ китайскихъ деревняхъ. Въ городахъ и болѣе населенныхъ пунктахъ считается безнравственнымъ, если женщины появляются днемъ на улицѣ, и въ это время онѣ вообще рѣдко выходятъ изъ дому. Подобное отчужденіе женщинъ соблюдается довольно строго во всей Кореѣ. Но, чтобы вознаградить ихъ за дневное заточеніе, введена слѣдующая своеобразная мѣра: лѣтомъ въ 9 часовъ вечера, а зимой немного ранѣе, по данному сигналу, въ городахъ запираютъ ворота; затѣмъ всѣ мужчины удаляются съ улицъ, которыя на нѣсколько часовъ предоставлены въ пользованіе женщинъ, какъ для прогулки, такъ и отдыха на свѣжемъ воздухѣ. Если случится, что кто либо изъ мужчинъ замѣшкался на улицѣ долѣе положеннаго срока, то онъ, не поднимая глазъ, спѣшитъ по возможности въ свое жилище; и горе тому, кто, вопреки строгому запрещенію, осмѣлится причинить малѣй-

шее безпокойство женщинамъ. По существующему обычаю, который строго соблюдается, мужчина, встрѣтивъ въ это время женщину внѣ дома, долженъ закрыть себѣ лицо вѣеромъ и перейти на другую сторону улицы, чтобы не быть узнаннымъ и не встревожить прогуливающихся дамъ. Судя по характернымъ и красивымъ чертамъ лица мужчинъ, можно предположить, что женскій полъ не уступаетъ имъ въ наружности. Однако, несмотря на строгую систему отчужденія женщинъ въ Кореѣ, онѣ не отличаются особенно хорошей нравственностью.

Погребальные обычаи также несложны, какъ и свадебные, и не связаны ни съ какими празднествами. Покойника кладутъ въ простой деревянный гробъ или даже безъ гроба завертываютъ въ саванъ и погребаютъ. Съ покойникомъ никогда не кладутъ въ могилу украшеній или какихъ либо цѣнныхъ вещей. Иногда вырываютъ кости и снова хоронятъ ихъ; сожиганіе труповъ бываетъ въ рѣдкихъ случаяхъ и только у высшихъ сословій. Трауръ по умершимъ родственникамъ не считается обязательнымъ и соблюдается во всей строгости только послѣ смерти родителей.

Дома и другія зданія въ городахъ и деревняхъ почти сплошь одноэтажные и грубо выстроенные изъ глины, съ соломенной или глиняной крышей. Въ болѣе значительныхъ городахъ встрѣчается много деревянныхъ и кирпичныхъ домовъ, но въ мелкихъ мѣстечкахъ и деревняхъ изъ этого матеріала построены только жилища туземныхъ чиновниковъ, обнесенныя каменными стѣнами изъ четырехъугольныхъ неотесанныхъ плитъ, что служитъ ихъ характернымъ признакомъ. Строеніе, крытое черепицей, составляетъ въ деревнѣ довольно рѣдкое явленіе и служитъ свидѣтельствомъ извѣстнаго благосостоянія владѣльца. Внутреннее устройство домовъ въ южныхъ и среднихъ провинціяхъ напоминаетъ японскія жилища; но въ Кореѣ не имѣютъ понятія о томъ изяществѣ и чистотѣ, какими отличаются всѣ постройки въ Японіи. Въ селахъ почти нигдѣ нѣтъ половъ; ихъ замѣняетъ земля, на которой построенъ домъ; посуда для ѣды и питья составляетъ единственную утварь. Одинъ или два стула въ видѣ особеннаго украшенія встрѣчаются только у самыхъ знатныхъ людей. Въ домахъ средняго сословія полъ выложенъ, по японскому обычаю, циновками изъ обыкновенной широкой соломы. Корейцу не нужны европейскія стулья и кресла, потому что онъ, подобно японцу, всегда сидитъ на землѣ, скрестивъ подъ собой ноги; въ этомъ положеніи онъ предается цѣлыми часами спокойному созерцанію, которое гораздо болѣе свойственно ему, нежели жителямъ сосѣднихъ острововъ. Столовъ также не существуютъ и они замѣнены низкими скамейками около 30 сантиметровъ высоты, которыя употребляютъ для ѣды. Обыкновенныя европейскія кровати не въ обычаѣ; корейцы спятъ на матрацахъ или безъ нихъ на полу; деревянныя подставки подъ матрацы принадлежатъ уже къ предметамъ роскоши. Одѣяла сшиты изъ простой бумажной ткани и подбиты невыдѣланной ватой. Вообще внутреннее убранство корейскихъ домовъ показываетъ полное отсутствіе вкуса и потребности въ внѣшнихъ украшеніяхъ; въ этомъ отношеніи даже не составляютъ исключенія такъ называемые дворцы знатныхъ людей, которые въ смыслѣ комфорта далеко уступаютъ домамъ достаточнаго класса въ Китаѣ. Кореецъ ведетъ простой образъ жизни и отличается умѣренностью, въ особенности въ пищѣ, хотя любитъ хорошо поѣсть. Рисъ играетъ главную роль въ столѣ корейцевъ; его приготовляютъ китайскимъ способомъ, въ видѣ разсыпчатой каши. Къ рису добавляютъ различныя овощи, рыбу, домашнюю птицу и время отъ времени свинину; говядина составляетъ большую рѣдкость, потому что скотоводство въ Кореѣ ведется въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Способъ приготовленія кушаньевъ напоминаетъ китайскую кухню, но вообще гораздо ниже послѣдней. Въ пищу употребляется также пшеница, просо, маисъ и т. д., изъ послѣдняго приготовляютъ муку и пекутъ особый видъ хлѣба. Для ѣды служитъ обыкновенная фаянсовая посуда (отчасти китайской фабрикаціи), глиняныя миски,

44*

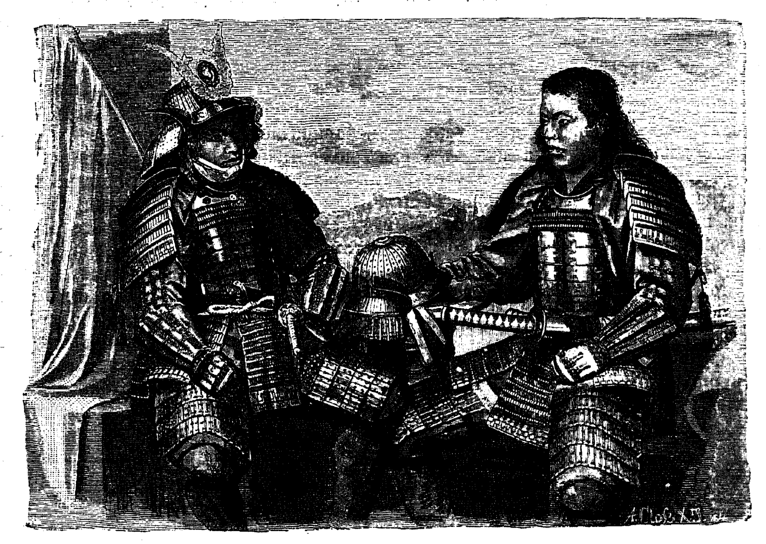
въ которыхъ подаютъ рисъ, затѣмъ блюда различной величины. Но корейцы не употребляютъ, подобно китайцамъ, деревянныхъ палочекъ, а ѣдятъ деревянными и глиняными ложками съ длинными ручками и, кромѣ того, ножами и вилками. Они изготовляютъ вино изъ проса и риса и пьютъ его въ неумѣренномъ количествѣ; но чай не составляетъ для нихъ необходимости. Корейцы страстные любители музыки и пляски, которая имѣетъ у нихъ довольно монотонный характеръ. Но театральныя представленія и всякія зрѣлища, повидимому, совершенно неизвѣстны имъ (Ernst Oppert, Ein verschlossenes Land. Reisen nach Korea. Leipzig, 1880).

ЖИТЕЛИ ЯПОНСКИХЪ ОСТРОВОВЪ.

Мы должны ограничиться такимъ-же краткимъ очеркомъ японцевъ, какъ это сдѣлали относительно китайцевъ. Этотъ второй культурный народъ восточной Азіи въ извѣстномъ смыслѣ опередилъ китайцевъ, потому что оказался болѣе податливымъ чужеземному вліянію и добровольно открылъ къ себѣ доступъ европейской цивилизаціи, что въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ повело къ радикальному перевороту всѣхъ прежнихъ условій. Вслѣдствіе этого въ настоящее время мы видимъ передъ собой новую Японію, въ которой многіе старые унаслѣдованные обычаи вырваны съ корнемъ, издавна укоренившіяся идеи поколеблены, хотя новый порядокъ вещей еще не успѣлъ окончательно утвердиться и вездѣ видны несомнѣнные признаки недозрѣлаго переходнаго состоянія. Старая Японія удержалась только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, недоступныхъ для европейцевъ, или такихъ, куда они могли проникать только изрѣдка и въ одиночку.

Туземцы Японіи распадаются на два племени: собственно японцевъ и аино. Первые (Nippon jin) представляютъ собой смѣшанный народъ, образовавшійся изъ первобытнаго туземнаго населенія, названнаго въ японской исторіи „emishi“ и переселенцевъ монгольской расы, которые задолго до нашей эры заняли южную часть страны и оттуда въ качествѣ завоевателей проникли на сѣверъ. По существующему предположенію первые хотя и не принадлежали къ одному племени съ аино, но представляли съ ними извѣстное сродство. Что касается первобытнаго населенія южной Японіи, то оно вѣроятно было отчасти вытѣснено и частью ассимилировано позднѣйшими пришельцами, какъ это случилось съ „emishi“ на сѣверѣ острова Гондо. Долгое время спустя послѣ того времени, когда совершился этотъ процессъ скрещиванія въ южной Японіи на сцену выступилъ Іимму-Тенно. Основаніе государства микадо, расширенное самимъ Тенно и его преемниками, относится также, какъ и покореніе извѣстной части Кореи,

къ началу третьяго столѣтія нашего лѣтосчисленія. За этимъ событіемъ слѣдовало отчасти добровольное, частью вынужденное переселеніе корейцевъ (позднѣе китайцевъ, хотя въ меньшей степени) и повторялось время отъ времени, впродолженіе VIII—X столѣтія, между тѣмъ какъ „emishi" распространились съ сѣвера между болѣе южными провинціями. Эти различные чуждые элементы мало по малу слились съ японскимъ народомъ и въ значительной мѣрѣ способствовали постепенному изчезновенію его первоначальнаго характера. Такимъ образомъ, по изслѣдованіямъ В. Дёница и Эдвина Бэльца въ образованіи нынѣшняго японскаго народа участвовали три этническихъ фактора: 1) Аины (aïno) первобытные обитатели средней и сѣверной Японіи,



Японскіе воины.

вліяніе которыхъ мало замѣтно на нынѣшнемъ японскомъ населеніи. 2) Монголоидное племя, схожее по наружности съ высшими классами у китайцевъ и корейцевъ; оно проникло съ материка черезъ Корею и сначала поселилось въ юго-западной части главнаго острова, откуда распространилось по всей странѣ. 3) Второе монголоидное племя, повидимому, схожее съ малайскимъ, которое водворилось сначала на Кіу-сіу, а затѣмъ перешло на главный островъ и постепенно покорило его своей власти. Это племя, преобладающее по численности имѣетъ до сихъ поръ чистокровныхъ представителей, въ Сатсумѣ и окрестностяхъ и дало японцамъ ихъ царствующій родъ. Что касается двухъ послѣднихъ элементовъ, то они и теперь замѣтно представляютъ собой различные типы, чѣмъ объясняется то разнообразіе отзывовъ о на-

ружности и тѣлосложеніи японцевъ, какое мы встрѣчали до послѣдняго времени у большинства изслѣдователей. Въ то время, какъ одни въ видѣ характеристики японскаго народа называютъ его „необыкновенно мускулистымъ“ и „закаленнымъ какъ сталь“, другіе говорятъ что у большинства впалая грудь, худощавое и слабое тѣлосложеніе.

Если мы примемъ въ разсчетъ преобладающую массу японскаго населенія, а именно земледѣльцевъ и ремесленниковъ, носильщиковъ и моряковъ, то первая характеристика будетъ ближе къ истинѣ, потому что при видѣ нагаго кули не можетъ быть и рѣчи о слабомъ тѣлосложеніи. Ни одинъ изъ этихъ людей не можетъ быть названъ тучнымъ, но всѣ одарены крѣпкими мышцами. Къ числу ихъ отличительныхъ признаковъ можно отнести темную кожу, напоминающую по цвѣту малайцевъ и плотную приземистую фигуру съ сильно развитыми костями и членами тѣла. Лицо всегда короткое и плоское съ низкимъ лбомъ и глазами, лежащими почти на прямой линіи, съ выступающими скулами, приплюснутымъ тупымъ носомъ и широкими толстыми ноздрями. Ротъ довольно великъ и въ большинствѣ случаевъ полуоткрытый; всѣ движенія крайне неуклюжи. Этотъ типъ больше распространенъ на сѣверѣ и сѣверозападѣ, чѣмъ на югѣ, и преимущественно принадлежитъ сельскому земледѣльческому населенію, хотя имѣетъ своихъ представителей въ высшихъ слояхъ общества. Разумѣется, на ряду съ этими сильными, не рѣдко атлетическими фигурами, встрѣчается не мало такихъ субъектовъ, которые составляютъ полную противоположность съ ними, по слабому развитію мышцъ и костей и нетвердой осанкѣ. Къ выдающимся особенностямъ втораго типа принадлежитъ свѣтлая, желтоватобѣлая кожа и болѣе стройное, нѣжное и пропорціональное тѣлосложеніе. Голова брахикефальная съ прогнатичнымъ овальнымъ лицомъ и высокимъ лбомъ. Глаза большіе, полузакрытые спадающими вѣками, болѣе или менѣе косо лежащіе, съ опущеннымъ внутреннимъ угломъ и приподнятыми бровями. Скуловыя кости не особенно замѣтны, равно и прогнатизмъ рта; носъ тонко очерченъ и слегка изогнутъ. Представители этого племени довольно часто имѣютъ сношенія съ европейцами и производятъ довольно жалкое впечатлѣніе сравнительно съ рослыми фигурами людей германской расы (которые изъ чужеземцевъ всего чаще встрѣчаются въ восточной Азіи и большей частью въ видѣ здоровыхъ и сильныхъ субъектовъ). Нерѣдко по ихъ невзрачной наружности составляли сужденіе о цѣломъ народѣ, но не слѣдуетъ забывать, что и они потомки поколѣній, которыя обладали желѣзнымъ здоровьемъ и пользовались такимъ тяжелымъ оружіемъ, что оно до сихъ поръ возбуждаетъ наше удивленіе. Во всякомъ случаѣ этотъ типъ отличается благородными правильными чертами лица, и такъ какъ онъ преобладаетъ въ высшихъ классахъ общества и больше встрѣчается на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, то можно скорѣе предположить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пришлымъ элементомъ завоевателей страны. Къ этому типу принадлежатъ стереотипныя овальныя лица женщинъ, изображаемыя японскими живописцами, съ косымъ разрѣзомъ глазъ, тонкимъ орлинымъ носомъ и миніатюрными красными губами, хотя всѣ черты преувеличены до карикатуры и могутъ отчасти служить мѣриломъ японскаго искусства. Въ дѣйствительности женскій полъ далеко превосходитъ идеалъ туземныхъ художниковъ; у большинства дѣвушекъ здоровый цвѣтъ лица, розовыя щеки, тонко очерченный ротъ съ пунцовыми губами; и при этомъ черные волосы съ синеватымъ отливомъ, которые онѣ заботливо причесываютъ. Тѣмъ не менѣе онѣ въ крайне рѣдкихъ случаяхъ соотвѣтствуютъ нашимъ понятіямъ о женской красотѣ, и вообще рано развиваются и также быстро отцвѣтаютъ. У обоихъ вышеприведенныхъ типовъ японскаго населенія растительность бороды крайне скудная; между тѣмъ и другимъ типомъ существуетъ множество подраздѣленій и переходныхъ степеней. Вслѣдствіе этого въ здѣшнемъ обществѣ

насъ особенно поражаетъ съ перваго взгляда чрезвычайное разнообразіе въ чертахъ лица и оттѣнкахъ кожи. Хотя послѣдняя обыкновенно темнѣе европейской, но въ отдѣльныхъ случаяхъ почти также бѣла, какъ у германцевъ. Нерѣдко можно встрѣтить лицо съ безукоризненно правильными и соразмѣрными чертами, которое настолько уклоняется отъ господствующаго монгольскаго типа, что вамъ кажется будто вы видете передъ собой цивилизованнаго европейца. Между юношами класса самураи бываютъ субъекты съ такими нѣжными и женоподобными лицами, что ихъ можно принять за дѣвушекъ. Но они составляютъ исключеніе, и вообще японскій народъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ красивой породой людей. Тѣмъ не менѣе у нихъ интеллигентныя физіономіи, и при этомъ большей частью живыя и выразительныя. Японская раса, сравнительно съ европейцами, отличается небольшимъ ростомъ; мужчины среднимъ числомъ едва доходятъ до 150 сант. высоты и, слѣдовательно, ниже китайцевъ и корейцевъ. Въ Японіи, какъ и въ Китаѣ средній ростъ женщинъ далеко уступаетъ мужчинамъ; но здѣсь нѣтъ, ни великановъ, ни карликовъ, а равно и особенно тучныхъ людей, которые такъ часто встрѣчаются у китайцевъ и многихъ другихъ народовъ. Только борцы („simotŏri“) составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе и отличаются чрезмѣрной полнотой тѣла. Весьма значительное искривленіе ногъ, вслѣдствіе изогнутыхъ внутрь колѣнъ, нерѣдко нарушаетъ гармоничное впечатлѣніе, производимое остальной фигурой и особенно замѣтно у мужчинъ, когда они надѣваютъ узкій европейскій костюмъ. Это искривленіе вѣроятно происходитъ отъ своеобразнаго способа, какимъ матери, няньки и старшія сестры носятъ грудныхъ дѣтей. Обыкновенно ребенка плотно привязываютъ къ спинѣ большимъ платкомъ, который придерживаетъ его тѣло и верхнюю часть ногъ, такъ что колѣни соединены, а ноги приходятся врозь. Дѣти происходящіе отъ скрещиванія бѣлыхъ съ японцами представляютъ сходство съ послѣдними, равно, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ монгольскій типъ рѣзко передается метисамъ и имѣетъ перевѣсъ надъ европейской расой.

Японскій народъ обладаетъ многими симпатичными свойствами, которыя мало или вовсе не встрѣчаются у другихъ восточныхъ людей. Чужестранецъ, пріѣхавшій въ государство Нипонъ, пріятно пораженъ чистоплотностью жителей, ихъ привѣтливымъ гуманнымъ обращеніемъ, не лишеннымъ чувства собственнаго достоинства и воспріимчивостью къ красотамъ природы, а равно и другими преимуществами восточной цивилизаціи. Къ наиболѣе характернымъ чертамъ японскаго міра нужно отнести: величайшую опрятность, изящество, чувство приличія и мѣры, благородную гордость и сознаніе человѣческаго достоинства. Японцы трудолюбивы, довольствуются малымъ, легко выносятъ перемѣны погоды, услужливы, умѣютъ примѣняться къ людямъ и обстоятельствамъ, охотно перенимаютъ чужіе обычаи; но при этомъ отличаются любопытствомъ. Японцы не уступаютъ въ правдивости европейцамъ, хотя крайне сдержанны и не сообщительны. Но кто имѣлъ съ ними болѣе продолжительныя сношенія, находитъ у нихъ, кромѣ вышеуказанныхъ, много другихъ хорошихъ сторонъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ слѣпая преданность и любовь дѣтей къ родителямъ и горячая привязанность къ родинѣ. Тѣмъ не менѣе, на ряду съ этими симпатичными свойствами есть и такія, которыя не особенно рекомендуютъ ихъ. Хотя по чувству приличія они во многихъ отношеніяхъ далеко превосходятъ большинство европейцевъ, но при этомъ

безразлично относятся къ наготѣ человѣческаго тѣла и позволяютъ себѣ многое, что по нашимъ понятіямъ считается безусловно циничнымъ. То пристрастіе, какое чувствуютъ всѣ японцы къ цвѣтамъ, красотамъ природы, и предметамъ графическаго и образовательнаго искусства идетъ рука объ руку съ грубой чувственностью, пагубныя слѣдствія которой очевидны даже для человѣка, непосвященнаго въ медицину. На ряду съ горячей привязанностью къ родинѣ и своего рода

Продавецъ съѣстнаго въ Тока.

уваженіемъ къ закону, японцы, нерѣдко относятся съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ самымъ возмутительнымъ поступкамъ, и въ ихъ чиновничьемъ мірѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо господствуетъ взяточничество и непотизмъ. Несмотря на живое стремленіе къ знанію и быстроту, съ какой они пріобрѣтаютъ свѣдѣнія, послѣднія остаются безъ примѣненія вслѣдствіе недостатка усидчивости, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ не о слѣпомъ подражаніи. Нерѣдко на ряду съ поверхностными и отрывочными знаніями, вы встрѣчаете въ японцахъ ничѣмъ не мотивированную недобросовѣстность. Японское юношество едва ли не самое послушное изъ всѣхъ. При воспитаніи, равно и въ

Японская дама съ служанками.

обращеніи съ животными, къ побоямъ прибѣгаютъ только въ крайнихъ случаяхъ, такъ какъ вообще стараются избѣгнуть слишкомъ сильныхъ аффектовъ. Японцы далеко превосходятъ въ самообладаніи нашихъ хладнокровныхъ сѣверянъ и могутъ съ улыбкой говорить о вещахъ, которыя бы глубоко взволновали насъ; они также способны на холодную разсчитанную жестокость, спокойно нападаютъ на жертву и безъ сожалѣнія уничтожаютъ ее. По наблюденіямъ новѣйшаго изслѣдователя профессора Рейнъ, японская нація во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ дѣтей и отличается такой-же беззаботной довѣрчивостью, веселостью, склонностью къ ребяческимъ играмъ во всѣхъ возрастахъ; всякая новизна интересуетъ и увлекаетъ ее и также скоро наскучиваетъ. Однимъ словомъ это народъ, къ которому подходитъ отзывъ Цезаря о галлахъ „rerum novarum cupidi“, такъ какъ въ немъ проявляется то-же непостоянство и недостатокъ выдержки. Впрочемъ послѣднее болѣе относится къ высшимъ слоямъ общества, нежели къ простому народу, за которымъ проф. Рейнъ готовъ признать тѣ характерныя черты, какія Тунбергъ приписываетъ всей японской націи. Сообразно этому отзыву, японцы,—въ большинствѣ случаевъ, разсудительны и осторожны, податливы и вѣжливы, трудолюбивы и умѣренны, чистоплотны, добродушны и привѣтливы, правдивы, честны и не лишены чувства справедливости; но при этомъ любопытны, подозрительны, суевѣрны и склонны къ чувственности. Японецъ даже при самомъ тяжеломъ трудѣ сохраняетъ свою природную веселость и ровное расположеніе духа, что въ связи съ ненарушимымъ согласіемъ, съ какимъ справляются всѣ работы въ домѣ и на полѣ, составляетъ одно изъ самыхъ завидныхъ свойствъ японскаго народнаго характера (J. J. Rein, Japan, nach Reisen und Studien im Anftrage der Königl. preuss. Regierung dargestellt. Leipzig 1881 Bd. I s. 455—459).

По словамъ барона фонъ-Гюбнера все имѣетъ въ Японіи веселый видъ. Все улыбается въ этой странѣ — небо, растительность, люди. Японцы смѣются и болтаютъ между собой безъ умолку; даже нищіе стараются возбудить смѣхъ шутками и переряживаніями, чтобы этимъ способомъ получить болѣе щедрую милостыню. Въ свободные часы, взрослые, наравнѣ съ дѣтьми, предаются всевозможнымъ играмъ. Нерѣдко дѣдъ, отецъ и внукъ одновременно и съ одинаковымъ рвеніемъ забавляются спусканіемъ фантастически разукрашеннаго бумажнаго змѣя; иные въ видѣ развлеченія устраиваютъ днемъ фейерверки. При этомъ уличная жизнь представляетъ безконечное разнообразіе. Тутъ, съ пѣніемъ и говоромъ спѣшатъ носильщики, съ длиннымъ шестомъ на плечахъ, къ которому привѣшаны тюки и ящики съ товарами или съ телѣжкой, которую они подталкивая, везутъ передъ собой. Здѣсь разнощикъ съѣстнаго тащитъ на плечѣ два перегороженныхъ ящика, которые покачиваются на короткой палкѣ. Въ одномъ изъ нихъ тлѣютъ уголья; но вотъ подходитъ покупатель, походная харчевня останавливается и на открытомъ воздухѣ, смотря по требованію разогрѣвается вареный рисъ, жареная рыба и другія дешевыя кушанья. Большая часть этихъ переносныхъ харчевенъ въ извѣстные часы имѣетъ опредѣленныя мѣста для остановокъ, около которыхъ всегда толпятся кули. Рисъ составляетъ главную пищу японцевъ, и насколько онъ полезенъ для нихъ можно судить по ихъ замѣчательной мышечной силѣ. Въ полдень шумная уличная жизнь

затихаетъ на часъ или два, потому что всякій, кто только имѣетъ возможность, старается дать себѣ отдыхъ на это время. Такая привычка, обусловленная въ жаркое время года потребностью климата, соблюдается и зимой, и такъ какъ съ улицы можно наблюдать за тѣмъ, что дѣлается внутри домовъ, то въ эти часы вы можете увидѣть ихъ обитателей спокойно дремлющихъ на „makura", деревянныхъ обрубкахъ, которые служатъ замѣной подушекъ. Послѣднія не могли войти здѣсь въ употребленіе вслѣдствіе вычурной прически женщинъ, которая должна сохраниться и ночью. Улицы представляютъ особенно привлекательное зрѣлище по вечерамъ при блистательномъ освѣщеніи, которое существуетъ во всѣхъ японскихъ городахъ. Не только всѣ лавки открыты и также ярко освѣщены какъ театры, но масса товаровъ разложена вдоль улицъ на импровизированныхъ освѣщенныхъ лоткахъ. Вездѣ невообразимая толпа, такъ что нѣтъ никакой возможности идти скорымъ шагомъ, но тѣмъ не менѣе даже среди наибольшей тѣсноты вы встрѣчаете вездѣ вѣжливое и привѣтливое обращеніе.

Продавецъ съѣстнаго въ Тока.

Въ каждомъ городѣ есть особый кварталъ, преимущественно посвященный всякаго рода увеселеніямъ, такъ называемая „Iosiwara" (поле радости) гдѣ, начиная съ семи часовъ вечера до поздней ночи расхаживаютъ фокусники, комедіанты, гимнасты и даютъ среди улицы свои представленія, которыя весьма интересны и отличаются непринужденной веселостью. Можно также побывать въ театрѣ за незначительную плату. Вся публика располагается на полу въ лежачемъ положеніи, какъ въ партерѣ и ложахъ, такъ и въ галлереяхъ. Посреди партера устроены для актеровъ подмостки въ 60 сант. высоты, которые служатъ сценой; кулисы существуютъ только на заднемъ фонѣ и указываютъ мѣсто, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Они придѣланы къ подвижному кругу и замѣняются одни другими; такъ напримѣръ въ то время, когда на сценѣ происходитъ дѣйствіе въ комнатѣ, съ внутренней стороны незамѣтно для зрителей выдвигается новый задній фонъ посредствомъ простаго поварачиванія круга и комната внезапно превращается въ садъ и т. д. Оркестръ составляютъ нѣсколько дѣвушекъ, которыя сопровождаютъ слова, произносимыя актерами, звучной игрой на лютнѣ. Представители высшихъ сословій дозволяютъ своимъ дочерямъ посѣщать театръ, несмотря на грубое ничѣмъ не замаскированное изображеніе семейныхъ и уличныхъ сценъ. Что же касается простаго народа, то театръ принадлежитъ къ числу его наиболѣе любимыхъ увеселеній. Равнымъ образомъ въ большомъ ходу рукопашные бои, и правительство, повидимому, намѣренно поощряетъ пристрастіе къ этого рода состязаніямъ. Третьимъ источникомъ наслажденія служатъ общественныя купальни и чайныя. То и другое составляетъ наиболѣе характерную черту японской жизни. Оба пола купаются совмѣстно, не стѣсняясь полной наготой. То, что мы называемъ стыдомъ совершенно незнакомо японцамъ, и хотя развратъ ничуть не сильнѣе въ Японіи, нежели въ другихъ мѣстахъ, но нельзя отрицать нѣкоторую распущенность нравовъ. Тѣмъ не менѣе законъ строжайшимъ образомъ караетъ невѣрность жены.

Жена и мать занимаютъ въ Японіи среднее положеніе между восточнымъ униженіемъ женщины и европейской свободой. Она читаетъ и пишетъ, играетъ на гитарѣ, принимаетъ самостоятельно гостей и посѣщаетъ храмы и общественныя купаньи. Но при этомъ существуетъ странный обычай, по которому жена, по желанію мужа, должна принять въ домъ его возлюбленную, въ качествѣ „mekaké" и раздѣлить съ нею, если не свои права, то любовь мужа. Рѣзкая разница такихъ отношеній съ полигаміей заключается въ томъ, что жена остается домоправительницей; „mekaké" теоретически ея служанка; и дѣти послѣдней обязаны считать хозяйку дома своей матерью. Впрочемъ въ настоящее время уже замѣтно общее стремленіе къ моногаміи. Бракъ въ Японіи представлялъ прежде ничто иное, какъ гражданскій договоръ, не имѣвшій, по крайней мѣрѣ у низшихъ классовъ, никакого отношенія къ церкви и государству. Обыкновенно браку предшествовало торжественное обрученіе, которому придавали еще бóльшее значеніе, нежели по нынѣшнимъ американскимъ законамъ. Довѣренное лицо со стороны родителей жениха или невѣсты, въ качествѣ свата, устраивало свиданіе обоихъ семействъ въ театрѣ или въ чайной. Если молодые люди при такомъ знакомствѣ влюблялись другъ въ друга, то за этимъ слѣдовалъ обмѣнъ подарковъ, игравшій главную роль при обрученіи. По прошествіи опредѣленнаго срока невѣсту приводили въ домъ жениха, что было началомъ брака. Съ 1870 года при заключеніи брачнаго союза требовалось извѣщеніе и согласіе мѣстныхъ властей; затѣмъ постановлены были извѣстныя ограниченія относительно сословій и женѣ дано право ходатайствовать о разводѣ. Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ жена не болѣе, какъ главная служанка въ домѣ. Даже на свадебномъ пирѣ она должна смиренно прислуживать мужу и подавать ему кушанье. Мужъ и жена никогда не ѣдятъ за однимъ столомъ; а въ высшихъ класахъ никогда не являются вмѣстѣ въ общественныхъ мѣстахъ. Замужняя женщина обезображиваетъ свою наружность тѣмъ, что краситъ въ черный цвѣтъ свои прекрасные зубы и выбриваетъ брови, чтобы доказать мужу, что она отреклась отъ „нѣжныхъ взглядовъ" и желанія нравиться мужчинамъ. Въ домѣ она „nio-bo" полная хозяйка, „okusama" домоправительница и прежде всего „o-kami-san", то есть почтенная госпожа, какъ ее обыкновенно называютъ домочадцы. То же положеніе занимаетъ она относительно „mekake" или наложницъ мужа и ихъ дѣтей. Японскія матери кормятъ своихъ дѣтей отъ двухъ до пяти лѣтъ, пока ребенокъ самъ не отвыкнетъ отъ сосанія; при этомъ въ большинствѣ случаевъ онѣ отличаются изобиліемъ молока. Множество дѣтей умираетъ въ раннемъ возрастѣ, не столько по недостатку привязанности къ нимъ родителей, сколько отъ неправильнаго ухода. Одежда дѣтей, по цвѣту и покрою, мало отличается отъ той, какую носятъ взрослые; но во всемъ остальномъ дѣти пользуются несравненно большей свободой. Поцѣлуи и пожиманіе рукъ въ смыслѣ выраженія нѣжности также неизвѣстны японской семьѣ, какъ и полинезійской. Тѣмъ не менѣе Алькокъ не безъ основанія называетъ Японію раемъ дѣтей. Ровное и кроткое обращеніе считается первымъ условіемъ хорошаго воспитанія; сильныя выраженія гнѣва и тѣлесныя наказанія считаются неприличными, такъ что въ этомъ отношеніи Японія далеко опередила многія націи. Здѣсь родители не отстаютъ отъ дѣтей и наравнѣ съ ними забавляются игрой въ кубарь, спусканьемъ бумажнаго змѣя и т. д. Хотя множество дѣтей считается особенной милостью небесъ, но тѣмъ не менѣе семьи вообще немногочисленны и рѣдко можно встрѣтить больше троихъ дѣтей. Новорожденному даютъ имя на седьмой день, а на тридцатый брѣютъ голову, затѣмъ его моютъ, наряжаютъ по праздничному, и мать несетъ его въ храмъ, гдѣ она жертвуетъ нѣсколько монетъ и обращается къ семейному божеству съ благодарственной молитвой. По выполненіи этой церемоніи младенца представляютъ родственникамъ, которые подносятъ матери различные символическіе подарки. Черезъ четыре мѣсяца наступаетъ новое торжество: ребенка одѣваютъ какъ взрослаго, и если онъ сынъ самураи, то

крестный отецъ даритъ ему парадную одежду, украшенную изображеніями журавлей и черепахъ, въ видѣ символа продолжительной жизни. Слѣдущее затѣмъ празднество справляется на 11-й день 11-го мѣсяца; при этомъ ребенку выбриваютъ мѣстами голову и даютъ рости остальнымъ волосамъ. Когда мальчикъ достигаетъ пятнадцатилѣтняго возраста, то онъ становится мужчиной, мѣняетъ имя, прическу и признается годнымъ къ женитьбѣ. Почтеніе къ родителямъ считается первой обязанностью дѣтей. Поэтому древній японскій законъ приговаривалъ къ стодневному заключенію непокорнаго сына, который вступалъ въ бракъ во время траура по родителямъ, дѣду или бабкѣ, а тотъ, кто почему-либо отказывался носить трауръ подвергался годовому тюремному заключенію. Бывали примѣры, когда почтительный сынъ, чтобы пріобрѣсти средства для приличнаго погребенія своего отца продавалъ родную дочь какому нибудь „iosiwara". Японская дѣвушка не иначе отдается проституціи, какъ съ согласія или даже принужденія со стороны родителей. Разумѣется подобная продажа дочерей обусловлена низкимъ нравственнымъ уровнемъ родителей; болѣе цивилизованное японское общество настолько же возмущается этимъ, какъ и европейское.

Желаніе нравиться составляетъ одну изъ наиболѣе отличительныхъ чертъ японской женщины. Для бѣднѣйшей изъ горожанокъ нѣтъ большаго удовольствія, какъ ходить цѣлый день по лавкамъ и прицѣниваться къ матеріямъ. Задолго до слѣдующаго праздника съ глубокимъ душевнымъ волненіемъ готовитъ она себѣ новый туалетъ. Но вотъ наступаетъ давно ожидаемый день; она встаетъ рано утромъ и, пока ея дѣвическій нарядъ лежитъ нетронутый въ углу комнаты, она спѣшитъ заняться медленной процедурой завивки волосъ. Среди простаго народа встрѣчаются особы женскаго пола заслужившія извѣстность своимъ парикмахерскимъ искусствомъ, для которыхъ нужно нѣсколько часовъ труда и изученія, чтобы устроить красивую модную прическу изъ тщательно напомаженныхъ волосъ. Послѣдніе обыкновенно украшены кокетливо подобраннымъ кускомъ крепа, который прикалываютъ большими шпильками изъ свѣтлой черепахи съ коралловыми головками. Шиньонъ у японскихъ женщинъ также не всегда состоитъ изъ собственныхъ волосъ и, если вы пристальнѣе всмотритесь въ ихъ лица, то убѣдитесь, что относительно румянъ и бѣлилъ имъ нечего брать уроки у европейскихъ дамъ. Изъ какого нибудь потаеннаго угла комнаты вынимается цѣлая коллекція ящиковъ, въ которыхъ содержатся всевозможныя „бѣлила" для шеи, рукъ и лица, румяны для рта и щекъ, черная краска для глазъ, „золотая" для губъ—и все это очевидно дѣлается не съ цѣлью скрыть пожилой возрастъ и казаться моложе, потому что дѣти раскрашены всего усерднѣе.

Японская одежда достаточно извѣстна по рисункамъ; она состоитъ большей частью изъ длинной одежды, напоминающей халатъ, которая подпоясывается вокругъ тальи кушакомъ, вслѣдствіе чего фигуры мужчинъ и женщинъ кажутся почти одинаковыми. Башмаки, въ нашемъ смыслѣ, употребляются только у японцевъ, перенявшихъ европейскую цивилизацію. Низшія сословія носятъ въ сырую погоду деревянные башмаки, въ сухую — сандаліи. Первые состоятъ изъ двухъ деревяшекъ и производятъ при ходьбѣ непріятный стукъ; сандаліи дѣлаются изъ соломы въ видѣ одной подошвы; ту и другую обувь привязываютъ къ пяткѣ бичевкой, обвитой вокругъ ступни. Чулки похожи на наши руковицы, только не съ однимъ, а съ двумя вмѣстилищами для пальцевъ, а именно для большаго и маленькаго пальца ноги. Деревянные башмаки и сандаліи снимаютъ передъ дверью; здѣшній простолюдинъ даже въ собственное жилище входитъ босикомъ или въ чулкахъ, такъ какъ дома вообще отличаются необыкновенной чистотой. Поэтому чужестранецъ, чтобы угодить хозяину дома долженъ оставить свою обувь у входа. Чуть ли не треть мужскаго населенія, преимущественно изъ класса рыбаковъ, кули и „betto" (конюхи) ходятъ совсѣмъ нагіе, кромѣ широкаго пояса; но при этомъ тѣло ихъ обыкновенно покрыто великолѣпной синей или красной татуировкой.

Трудно представить себѣ что либо болѣе простое и изящное, какъ обыкновенный мѣщанскій домъ въ Японіи. Наравнѣ съ землей устроены лавки; въ первомъ этажѣ—жилье: оба этажа соединены своеобразной лѣстницей, которая большей частью состоитъ изъ поставленныхъ одинъ на другой ящиковъ. Тяжелая крыша выложена большими кирпичами, которые, по словамъ мѣстныхъ жителей, нажимая домъ сверху, придаютъ ему большую силу противо-

Дѣвушка изъ Озаги.

дѣйствія землетрясеніямъ. Столбы, поддерживающіе крышу, соединены картонными подвижными простѣнками. Полъ состоитъ изъ неотесанныхъ досокъ, которыя небрежно настланы на многочисленныхъ поперечныхъ балкахъ. Большія, мелко сплетенныя циновки въ 2 — 3 сантиметра толщины, съ тщательно загнутыми краями, образуютъ щегольской и опрятный паркетъ, который настолько мягокъ, что вполнѣ замѣняетъ постели и стулья. Средоточіемъ семейной жизни служитъ „chibachi“, т, е. четырехъугольная жаровня, красиво ла-

кированная снаружи и всегда наполненная угольями, на которой сверху устроены выдвижныя желѣзныя палочки съ отдѣленіями для различныхъ кухонныхъ потребностей. Внутри жаровни горитъ яркій огонь изъ древесныхъ угольевъ; посреди, возвышается пирамида бѣловатой золы, которую тщательно просѣваютъ. Два мѣдныхъ прута, воткнутые въ золу, служатъ для передвиганія полочекъ и мѣшанія угольевъ. „Chibachi“ представляетъ своего рода развлеченіе въ праздные дни; зимой около него грѣется вся семья, а затѣмъ круглый годъ на немъ готовятъ кушанье, Японцы не рѣдко сидятъ часами около этого своеобразнаго очага и задумчиво чертятъ палочкой по золѣ. Уютное существованіе близь „chibachi“ въ особенности нравится женщинамъ. Мужчины въ Японіи, также, какъ у насъ въ Европѣ, выходятъ изъ дому по дѣламъ или для развлеченія. У стѣнъ вмѣсто шкаповъ и другой мебели красуются всего двѣ вещи: комодъ и сундукъ. Первый представляетъ образецъ столярнаго искусства на ряду съ самой грубой слесарной работой; онъ сдѣланъ изъ некрашеннаго дерева съ металлической обивкой по угламъ; въ немъ устроены потаенные ящики для храненія драгоцѣнностей. Что же касается сундука, то онъ состоитъ изъ выдвижныхъ картонныхъ стѣнокъ, какъ и вся комната и можетъ быть разобранъ на части. Сюда складываютъ кухонныя принадлежности, посуду, метла, однимъ словомъ, все то, что можетъ нарушить изящество внѣшней обстановки. Въ верхнемъ отдѣленіи сундука хранятся шерстяныя и шелковыя одѣяла и миніатюрныя подушки съ пирамидальными подставками округленными снизу, на подобіе дѣтскихъ деревянныхъ лошадокъ, которыя покачиваются изъ стороны въ сторону, сообразно движеніямъ спящаго. Сверхъ подушки положена несшитая тетрадь бумаги. Всѣ четыре стороны подушечной пирамиды тщательно прилажены и покрыты лакомъ; внутри устроены небольшіе ящики, въ которыхъ японскія женщины хранятъ кошельки, ключи, иногда письма и священныя вещи. Каждый вечеръ онѣ отрываютъ листъ отъ тетради, на которую кладутъ голову или вѣрнѣе затылокъ, чтобы не смять своей гигантской прически. Кромѣ этой необходимой домашней утвари и гитары, висящей на стѣнѣ, въ домѣ японца можно встрѣтить только нѣсколько птицъ и цвѣты. Роскошь богатыхъ заключается, преимущественно, въ большомъ изяществѣ или лучшей лакировкѣ столярныхъ издѣлій, а также въ чистотѣ циновокъ и подушечной бумаги.

Японскому народу по справедливости приписываютъ наиболѣе строгое соблюденіе правилъ вѣжливости. Если два офицера или купца встрѣчаются на улицѣ, то они останавливаются, отвѣшиваютъ другъ передъ другомъ все болѣе и болѣе глубокіе поклоны, и затѣмъ уже продолжаютъ путь. Въ этомъ привѣтствіи нѣтъ ни чванства, ни принужденности, потому что нерѣдко близкіе пріятели, которые видятся ежедневно, стараются соблюсти тѣ же правила вѣжливости. Эти церемоніи имѣютъ у женщинъ еще болѣе сложный характеръ. Любопытно наблюдать даже за бѣднѣйшей изъ горожанокъ, когда она принимаетъ свою пріятельницу. Обѣ касаются нѣсколько разъ лбомъ циновки, на которой сидятъ. Ихъ веселыя оживленныя физіономіи свидѣтельствуютъ о томъ удовольствіи, какое имъ доставляетъ свиданіе. Если онѣ взаимно оказали другъ другу небольшую услугу, то это служитъ поводомъ къ различнымъ выраженіямъ благодарности. „Приношу величайшую благодарность за вашу любезность и за ваши прежнія одолженія“ — повторяетъ нѣсколько разъ вся семья, не исключая маленькихъ дѣтей. Хозяйка дома сама набиваетъ маленькую трубку, закуриваетъ ее, тщательно обтираетъ и подаетъ посѣтительницѣ, вмѣстѣ съ неизбѣжной чашкой чая. Разговоръ принимаетъ мало по малу болѣе интимный характеръ. Пріятельницы, подобно тому, какъ у насъ въ Европѣ, сообщаютъ другъ другу городскія новости, входятъ въ подробности туалета. Затѣмъ служанка приноситъ изъ амбулатной харчевни обѣдъ, для котораго нѣтъ опредѣленнаго часа, потому что хозяйка во всякомъ случаѣ должна изъ любезности предложить его своей гостьѣ. Чайникъ красуется на первомъ мѣстѣ на „chibachi“; въ углу комнаты стоитъ кострюля изъ бѣлой жести, съ мѣдными

обручами, наполненная превосходнымъ японскимъ рисомъ. Чай и рисъ играютъ здѣсь ту же роль, какъ у насъ хлѣбъ и вода. Остальную ѣду приносятъ съ улицы на лакированныхъ подносахъ, какъ, напримѣръ, рыбу и овощи съ пахучими листьями и приправой изъ травъ, затѣмъ вафли, яблоки, виноградъ и проч. Если мы перейдемъ отъ взаимныхъ отношеній лицъ, занимающихъ равное общественное положеніе къ обращенію слугъ съ господами, то послѣднее во многомъ напоминаетъ „доброе старое время" въ Европѣ. „Kodzukai" при встрѣчѣ съ „danna-san" (господиномъ), а также при прощаньи строго соблюдаетъ должное ему уваженіе, но въ остальное время считаетъ себя членомъ господской семьи и пользуется наилучшимъ обращеніемъ. Онъ свободно расхаживаетъ по дому, нерѣдко принимаетъ участіе въ разговорѣ, и въ случаѣ удачнаго замѣчанія или остроумной шутки встрѣчаетъ одобреніе со стороны собесѣдниковъ. Онъ посвященъ во всѣ домашнія дѣла, и во многомъ спрашиваютъ его совѣта.

Японцы отличаются общительностью; особенно любятъ устраивать пикники въ красивой мѣстности, гдѣ они наслаждаются ѣдой, пьютъ и курятъ; но у нихъ нѣтъ такихъ вечернихъ увеселеній, какія существуютъ въ Европѣ, какъ, напримѣръ, баловъ, концертовъ и проч. Если юноши въ городахъ вздумаютъ повеселиться въ компаніи, то устраиваютъ оргію и собираютъ самое дурное общество. Японцы любятъ музыку; у нихъ существуютъ лютни, цитры, флейты и литавры. На лютнѣ играютъ небольшой роговой лопаточкой; эта музыка преимущественно служитъ аккомпаниментомъ рапсодическаго или меланхолическаго пѣнія. Карты и кости запрещены; шахматы въ большомъ ходу, но способъ игры существенно отличается отъ той, какая извѣстна у насъ подъ этимъ именемъ. Общественныя сборища отличаются строгимъ соблюденіемъ внѣшнихъ приличій. Если гости чувствуютъ на себѣ дѣйствіе „saki", хмѣльнаго напитка изъ жженнаго риса, то стараются привести себя въ нормальное состояніе нѣсколькими чашками чая; но если это не удается имъ, то они молча удаляются, чтобы протрезвить себя сномъ. Пѣніе, инструментальная музыка и танцы предоставлены, какъ на всемъ востокѣ дѣвушкамъ. Тѣ изъ нихъ, для которыхъ это занятіе составляетъ ремесло, называются „гейша". По внѣшнему виду онѣ представляютъ нѣчто среднее изъ трехъ низшихъ классовъ, увеселяющихъ публику изъ-за денегъ, а именно „якуша" (актрисъ), „гейша" (танцовщицъ) и „іоро" (публичныхъ женщинъ). „Гейша" увеселяютъ зрителей не только танцами, но также гнусливымъ пѣніемъ и представленіемъ пантомимъ. Съ этой цѣлью ихъ приглашаютъ то въ „Jôrôya" (публичный домъ), то въ частные дома или въ приличную чайную по требованію одного или нѣсколькихъ зажиточныхъ горожанъ, которые хотятъ здѣсь пріятно провести день со своими семьями. Во время большихъ храмовыхъ празднествъ „гейша" должны шествовать въ процессіи въ полномъ нарядѣ; кромѣ того, при многихъ парадныхъ обѣдахъ на нихъ возлагается обязанность подавать кушанье высшему сановнику. Съ этими „гейша" и „іора" не слѣдуетъ смѣшивать странствующихъ танцовщицъ „onadaiou", которыя принадлежатъ къ презираемой кастѣ паріевъ іэта или іэтори. Люди этой касты занимаются въ видѣ промысла убиваніемъ домашнихъ животныхъ и сдираніемъ шкуръ съ падали; японцы считаютъ ихъ нечистыми и избѣгаютъ всякаго соприкосновенія съ ними. Дочери этого отверженнаго класса одарены всѣми физическими преимуществами, такъ что красота и миловидность этихъ „anadaiou" вошла у японцевъ въ пословицу. Тѣмъ не менѣе они почти никогда не вступаютъ въ сношенія съ ними, равно и съ другими дочерьми этого племени, которыя находятся внѣ всякаго общенія съ остальнымъ населеніемъ. Неизвѣстно ни одного случая, гдѣ бы дѣвушка іэта отдалась за деньги и торговала своей красотой (Ausland, 1871, s. 699—700).

Замѣчательно, что японцы считаютъ неприличнымъ пользоваться носовымъ платкомъ, подобно европейцамъ. Вмѣсто этого они употребляютъ четырехъугольные листы бумаги, которые немедленно бросаютъ послѣ сморканія. Муж-

чины и женщины курятъ легкій, тонко нарѣзанный табакъ, въ стальныхъ трубкахъ, которыя такъ малы, что приходится безпрестанно набивать ихъ. Туземцы вовсе не потребляютъ опіума. Почва весьма плодородна, и нужно удивляться съ какимъ искусствомъ обработанъ всякій клочекъ земли. Чай и хлопокъ разводятся въ огромномъ количествѣ, равно и всякаго рода плоды. Пища также, какъ у китайцевъ, преимущественно состоитъ изъ риса, рыбы и овощей. Кулинарное искусство процвѣтаетъ въ Японіи, такъ что одинъ и тотъ же продуктъ изготовляется самымъ разнообразнымъ способомъ. Если европеецъ хочетъ познакомиться съ японскими кушаньями, то долженъ научиться ѣсть палочкой, потому что, въ противномъ случаѣ, хозяинъ дома будетъ кормить его изъ своихъ рукъ. Жизнь въ Японіи представляетъ то удобство, что самый обильный обѣдъ стоитъ бездѣлицу, равно и остальное содержаніе. Этимъ объясняется существованіе желѣзныхъ денегъ такой низкой стоимости, что за одинъ долларъ даютъ десять тысячъ подобныхъ монетъ. Одной изъ нихъ достаточно, чтобы осчастливить бѣдняка; эта монета составляетъ также обычное пожертвованіе, которое бросаютъ въ огромный ящикъ, поставленный передъ каждымъ алтаремъ. Японскіе храмы отличаются своеобразной конструкціей и нерѣдко достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ; они наполнены всякаго рода идолами, представляющими продуктъ самой дикой фантазіи, которые большею частью имѣютъ такой отвратительный видъ, что скорѣе могутъ возбудить ужасъ, нежели любовь и довѣріе. Въ каждый праздникъ японцы отправляются цѣлыми толпами въ храмы, но больше съ цѣлью развлеченія, нежели для молитвы, которая сравнительно занимаетъ весьма незначительную часть дня. Въ это время у каждаго значительнаго храма устраиваются балаганы, панорамы, театръ и проч. Равнымъ образомъ въ большомъ ходу всякаго рода лоттереи и различныя игры, какъ, напримѣръ, „бросаніе вѣеровъ“, стрѣльба изъ лука и самострѣла; при этомъ побѣдитель неизмѣнно получаетъ небольшой призъ. Въ Японіи насчитываютъ до тридцати различныхъ религіозныхъ сектъ, которыя въ продолженіи столѣтій мирно существуютъ другъ около друга. Но это явленіе вполнѣ понятно для того, кто знаетъ, какую пріятную и беззаботную жизнь ведутъ японцы изо дня въ день, не заботясь ни о чемъ, кромѣ ближайшихъ семейныхъ дѣлъ. Культъ солнца („siu-siu“) составляетъ господствующую религію государства, которую исповѣдуютъ высшіе и средніе классы. Низшіе сословія преданы буддизму, между тѣмъ какъ ученые придерживаются культа ками или „sinto“, чистаго деизма, признающаго высшее существо, распространенное по всей вселенной, но которое слишкомъ велико и свято, чтобы непосредственно обращаться къ нему съ молитвой. У японцевъ также рас-

Японскія золотыя, серебряныя и бронзовыя монеты, равно и бумажныя деньги.
1) Связка изъ 100 мѣдныхъ старинныхъ „sen“. 2) Большая золотая монета „ohoban“ служитъ только для подарковъ. 3) Золотая монета „koban“. 4) Ita-kane и ko-tama (серебр.). 5) Itsibu (бумажн.). 6) Itsibu (серебр.).

пространено понятіе о безсмертіи души, вѣчномъ блаженствѣ и наказаніи за гробомъ. Храмы и часовни весьма многочисленны; каждая семья имѣетъ свою небольшую домашнюю часовню, хотя бы въ видѣ модели, въ полметра высоты; равнымъ образомъ много монастырей, монаховъ и нищенствующихъ монахинь; встрѣчаются и отшельники. Японцы погребаютъ своихъ мертвыхъ крайне своеобразнымъ способомъ. Покойника обмываютъ, завертываютъ въ бѣлую простыню, на которой жрецъ пишетъ молитвы, и чтобы придать трупу нѣкоторую гибкость, послѣдній натираютъ мазями. Затѣмъ мертвецу сгибаютъ руки и ноги, приблизительно въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся у ребенка въ чревѣ матери и кладутъ въ цилиндрическій гробъ, который ставится въ глиняную урну и сравнительно занимаетъ небольшое мѣсто.

Второй, въ настоящее время довольно малочисленный элементъ населенія японскихъ острововъ составляютъ айны, которые преимущественно живутъ на островѣ Іессо, хотя также распространены на Курильскихъ островахъ и въ южной части Сахалина. До сихъ поръ не рѣшено къ какой собственно расѣ принадлежатъ эти айны или курильцы. По мѣнію Дёница и Гильгендорфа ихъ слѣдуетъ безусловно отнести къ монголамъ, которые, быть можетъ даже менѣе отличаются отъ японцевъ, чѣмъ германцы отъ романскихъ народовъ; между тѣмъ Фридр. Миллеръ причисляетъ айновъ къ гипербореямъ или арктической расѣ. Японцы называютъ ихъ различными именами, какъ напр. іеби, что приблизительно означаетъ „варваръ", „дикарь", атзамоіеби, т. е. „восточные варвары", а также маодъимъ или мосино, т. е. „обросшіе волосами". Айны первоначально жили на азіятскомъ материкѣ. Остатки ихъ, извѣстные у русскихъ подъ именемъ гиляковъ, до сихъ подъ удержались въ своей древней родинѣ и населяютъ земли, лежащія къ югу отъ нижняго Амура. Между тѣмъ айны, выселившіеся на острова, сначала заняли Японію, откуда послѣ тяжелой борьбы они были вытѣснены японцами.

Айны небольшаго роста и едва достигаютъ 1,50 метр. высоты, но они вообще сильнѣе и плечистѣе японцевъ. Цвѣтъ кожи, хотя значительно видоизмѣненный, вслѣдствіе загара и недостатка чистоты, во всякомъ случаѣ темнѣе, нежели у японцевъ, и имѣетъ коричневый оттѣнокъ, напоминающій колоритъ кожи берберовъ и едва ли еще не больше индійцевъ Сѣверной Америки. Голова несоразмѣрно велика, сравнительно съ укороченными членами тѣла, которые отличаются необыкновенно развитыми мышцами. Лицо плоское, четырехъугольной формы съ выступающими скуловыми костями и нѣсколько вздутыми губами, носъ приплюснутый и тупой на концѣ, съ большими ноздрями и широкимъ приплюснутымъ переносьемъ. Хотя глаза у айновъ не косолежащіе, но довольно узкіе; ихъ характернымъ признакомъ служитъ спадающая складка на верхней вѣкѣ. Лобъ въ большинствѣ случаевъ высокій и плоскій, и при этомъ сильно скошенный. Сравнительно съ другими народами, въ особенности японцами и китайцами, айны прежде всего поражаютъ необыкновенной растительностью волосъ. Волнистыя бороды, нерѣдко достигающія 60 сантиметр. длины, равно и роскошные, большей частью рыжіе волосы, нетронутые бритвой и ножницами, придаютъ имъ мужественный видъ, которому вовсе не соотвѣтствуетъ ихъ неуклюжая осанка. Хотя разсказы о необычайной растительности волосъ у айновъ нерѣдко преувеличены, но тѣмъ не менѣе у пожилыхъ субъектовъ она безусловно значительнѣе, нежели у европейцевъ, такъ что даже грудь и спина покрыты густыми волосами. Что касается свой-

ства волосъ у айновъ, то они всего ближе подходятъ къ волосамъ монголовъ, какъ по толщинѣ и эллиптической формѣ поперечнаго разрѣза, такъ и по черному цвѣту и большей упругости. При этомъ на бородѣ, равно и на всемъ тѣлѣ, они не выказываютъ ни малѣйшихъ признаковъ курчавости, какъ и у другихъ сосѣднихъ народовъ. Айно, робкій и застѣнчивый отъ природы, въ особенности проявляетъ эти качества въ присутствіи японцевъ. Его добродушіе и кротость даже вошли въ поговорку въ Японіи. Айны доживаютъ до глубокой старости, и при этомъ сохраняютъ силы и бодрость. Одеждой служатъ длинные кафтаны, которые запахиваются на груди и украшены первобытными синими узорами въ родѣ тѣхъ, какіе нашиты на одеждѣ низшихъ классовъ Японіи. Зимой они еще накидываютъ на себя звѣриныя шкуры и шубы, но и въ самое суровое время года ходятъ босикомъ и съ непокрытой головой. На островѣ Іессо нѣтъ ни льна, ни хлопка, но айны умѣютъ изготовлять изъ нѣкоторыхъ растеній грубыя ткани.

Айны живутъ въ низкихъ тростниковыхъ хижинахъ, построенныхъ на сваяхъ, которыя имѣютъ видъ гнѣздъ. Стѣны, выведенныя изъ фашинника, достигаютъ значительной толщины. Входъ составляетъ единственное окно и въ то же время служитъ дверью. Небольшой корридоръ въ 1 метръ длины ведетъ въ единственную четырехъугольную комнату съ отверстіемъ, сдѣланнымъ въ крышѣ съ цѣлью вентиляціи, а также для выхода дыма. Полъ составляетъ утоптанная земля, покрытая грубыми рогожами. Посреди комнаты находится очагъ, надъ которымъ устроенъ крюкъ для копченія дичины и рыбы. Вокругъ стоитъ и виситъ кухонная утварь, инструменты и оружіе, принадлежности одежды и большой котелъ, въ которомъ топятъ китовый жиръ. Мебели не существуетъ. Подъ хижиной на сваяхъ разложены рыболовные снаряды: гарпуны, невода и сѣти. Вокругъ дома вбиты шесты, на которыхъ одѣты оленьи и медвѣжьи головы, въ видѣ трофей охотничьяго искусства обитатей. Въ большихъ деревняхъ, между домами оставлена большей частью улица въ 3—4 метра ширины, которая примыкаетъ къ площади, обнесенной высокимъ частоколомъ, на которой въ извѣстныя времена года среди обильныхъ возліяній приносятъ въ жертву старыхъ лошадей, медвѣдей, пойманныхъ на охотѣ, и ланей. Собаки живутъ въ величайшей дружбѣ съ айнами, и не только вѣрные сторожа дома, но храбрые товарищи своихъ хозяевъ на охотѣ и во время ихъ странствованій. Айны, съ своей стороны, не только относятся съ глубокой благодарностью къ собакѣ, но почти боготворятъ ее.

Женщины этого племени довольно большаго роста, хотя только по сравненію съ своими мужьями. Онѣ имѣютъ привычку окрашивать полость рта синеватымъ сокомъ растенія „Koutsi-kf-sa“ (mundia). Тѣмъ же красильнымъ веществомъ онѣ татуируютъ себѣ руки (начиная съ плеча) и ноги, и выводятъ при этомъ довольно правильныя фигуры. Широкая синяя полоса вокругъ рта еще болѣе безобразитъ ихъ наружность, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать красивой. Красныя ягоды, нанизанныя на шнуркахъ, которыя онѣ носятъ въ видѣ ожерелья, служатъ имъ и серьгами. Онѣ связываютъ свои длинные волосы въ пучокъ и завертываютъ въ кусокъ синей ткани. На женщинъ возложена не только вся домашняя работа, но и воздѣлываніе почвы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это оказывается возможнымъ. Онѣ изготовляютъ съ большимъ искусствомъ различныя принадлежности одежды изъ древесной коры, и хотя ткань довольно грубая, но украшена весьма красивыми рисунками. Айны держатся полигаміи; развитію многоженства не мало способствуетъ то обстоятельство, что никакая степень родства, даже самаго близкаго, не служитъ въ этомъ отношеніи препятствіемъ. Рисъ единственное хлѣбное растеніе, разводимое на островѣ Іессо. Его ѣдятъ въ сыромъ видѣ, и только мочатъ нѣкоторое время въ водѣ. Равнымъ образомъ айны употребляютъ въ пищу листья различныхъ растеній. Медвѣжье и оленье мясо составляетъ главный контингентъ ихъ кухни, въ которой встрѣчаются и болѣе лакомыя блюда,

Айно изъ Іессо.

какъ напримѣръ болотныя птицы и лососина. Вообще море въ изобиліи доставляетъ имъ средства для питанія. Къ числу ихъ любимыхъ кушаньевъ принадлежитъ китовый жиръ, въ особенности различные ягели и родъ икры собственнаго приготовленія. Кулинарное искусство стоитъ на самой первобытной степени развитія; рыбу и мясо преимущественно ѣдятъ въ копченомъ видѣ.

Мужчины исключительно занимаются охотой и рыбной ловлей. Они упражняются съ ранняго дѣтства въ бѣганіи и усиленныхъ прыжкахъ. На охотѣ они неутомимо преслѣдуютъ дичь, несмотря ни на какія затрудненія и препятствія, и добыча никогда не ускользаетъ отъ нихъ. Лѣтомъ, когда море спокойно, они охотятся за выдрами, которыхъ убиваютъ стрѣлами; зимой или во время бури они ловятъ ихъ у берега силками и западнями, примѣняемыми для различныхъ цѣлей, напримѣръ, для ловли лисицъ и даже орловъ, что всего труднѣе себѣ представить. Оружіе состоитъ изъ стрѣлъ съ камышевымъ или агатовымъ наконечникомъ, тесака обожженнаго на огнѣ, небольшаго крючка и копья, которое служитъ для воинственныхъ цѣлей, но также нерѣдко употребляется въ видѣ украшенія. Айны отравляютъ свои стрѣлы сокомъ Aconitum japonicum, который изготовляется особеннымъ способомъ. Зерна этого растенія толкутъ вмѣстѣ съ перцемъ (xanthoxylon piperitum) и однимъ видомъ длинноногихъ пауковъ, затѣмъ добытую жидкость разогрѣваютъ на огнѣ, и обмакиваютъ въ нее оружіе. Рана, отравленная этимъ ядомъ, весьма опасна и большей частью кончается смертью. Айны не имѣютъ понятія о нашихъ медицинскихъ средствахъ и въ случаѣ болѣзни приготовляютъ снадобья изъ различныхъ растеній и лечатся ими. При сильной рвотѣ и колотьѣ они употребляютъ въ видѣ лекарства ягели, растущіе на стволѣ „thujia“ (жизненное дерево) и, какъ говорятъ, съ большимъ успѣхомъ.

Айны не умѣютъ охотиться за китами въ открытомъ морѣ, но ловятъ съ большимъ искусствомъ многочисленныхъ китовъ, прибиваемыхъ къ берегу и снимаютъ съ нихъ жиръ, который продаютъ по баснословно-дешевымъ цѣнамъ въ Матсмайѣ. Женщины изготовляютъ удобреніе изъ рыбныхъ остатковъ и въ болѣе удобныхъ мѣстахъ разводятъ въ небольшомъ количествѣ огородныя овощи. Лѣтомъ айны совершаютъ путешествія въ Матсмай и Хакодатэ для обмѣна добытыхъ ими звѣриныхъ шкуръ на саки (обезьянъ, къ которымъ они чувствуютъ особенное пристрастіе), а также сахарный песокъ, одежду изъ бумажныхъ тканей и перецъ, употребляемый ими въ большомъ количествѣ въ видѣ противодѣйствія холоду.

Айны въ обращеніи другъ съ другомъ отличаются замѣчательной вѣжливостью. При встрѣчѣ они потираютъ себѣ руки, поднимаютъ ихъ ко лбу и нѣсколько разъ гладятъ бороду, чтобы выразить этимъ свое удовольствіе. Привѣтливость составляетъ основную черту ихъ характера; но въ умственномъ отношеніи они стоятъ на весьма низкой степени развитія. Они не только не имѣютъ письменныхъ знаковъ и монеты, но даже ни малѣйшаго представленія о музыкѣ, которая встрѣчается, хотя и въ первобытномъ видѣ, у наиболѣе дикихъ народовъ. Умственный уровень айновъ настолько низокъ, что они не въ состояніи опредѣлить съ точностью собственный возрастъ. Они придерживаются культа своихъ предковъ, тѣсно связаннаго съ колдовствомъ и суевѣріями. Основная черта его — безграничное почитаніе мертвыхъ. По другимъ извѣстіямъ айны воздаютъ божескія почести солнцу и мѣсяцу, а равно медвѣдю „kamui“, который вообще играетъ первую роль въ ихъ жизни. Если весной собака нападетъ на слѣдъ медвѣженка, то его приносятъ въ деревню, гдѣ одна изъ женщинъ кормитъ его своей грудью, какъ ребенка. Затѣмъ молоко кормилицы замѣняютъ рыбой, такъ что питомецъ достигаетъ мало по малу значительныхъ размѣровъ. Осенью устраивается праздникъ, на которомъ его убиваютъ съ различными церемоніями. Въ этомъ обычаѣ насъ всего болѣе поражаетъ трудно объяснимый фактъ, что айцы такъ заботливо вскармливаютъ молодаго медвѣдя, считаютъ его не только фетишомъ, но и высшимъ существомъ, воздаютъ ему божескія почести, не имѣя въ виду другой цѣли, какъ доставить себѣ вкусное жаркое. Не менѣе своеобразенъ обычай выставлять черепа медвѣдей, убитыхъ на охотѣ, на столбахъ заборовъ или шестахъ по близости жилья (Dr. B. Scheube, Der Bärenkultus und die Bärenfeste der Aino. Yokohama, 1880).

Показанія относительно численности айновъ на о-вѣ Іессо весьма различны, начиная отъ 17,000 до 80,000; и повидимому цифра 17,000 всего ближе къ дѣйствительности. Они живутъ небольшими деревнями вдоль морскаго берега и болѣе значительныхъ рѣкъ, и почти не встрѣчаются въ гористыхъ частяхъ внутри острова. Чистокровные айны просуществуютъ недолго, и можно безошибочно сказать, что въ непродолжительномъ времени съ лица земли исчезнетъ еще одинъ индивидъ изъ большой народной семьи.

АЗІЯТСКІЕ АРКТИЧЕСКІЕ НАРОДЫ.

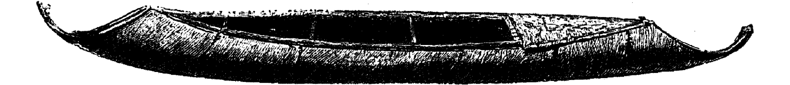
Айны или курильцы по географическому положенію своихъ мѣстъ жительства принадлежатъ къ японцамъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ ихъ расовое происхожденіе составляетъ спорный вопросъ, а Фридрихъ Миллеръ и большинство этнологовъ причисляютъ ихъ къ арктическимъ народамъ. Къ послѣднимъ почти несомнѣнно принадлежатъ гиляки, которые представляютъ извѣстное сродство съ айнами. Изъ остальныхъ народовъ этой группы, къ которымъ относятся также американскіе иннуиты и алеуты, наиболѣе заслуживаютъ вниманія чукчи съ коряками и камчадалами, юкагиры, енисейскіе остяки и котты. Мы считаемъ лишнимъ распространяться здѣсь о дикихъ, кровожадныхъ и преданныхъ шаманству гилякахъ, такъ какъ ихъ нравы во многомъ напоминаютъ айновъ и ограничимся краткими замѣтками. Въ настоящее время они населяютъ мѣстности у нижняго Амура и берегъ Татарскаго пролива, а равно сѣверную половину большаго острова Сахалина до 50″ 30′ с. ш. Численность ихъ простирается до 3—8,000. Ихъ односложный языкъ существенно отличается, какъ отъ языка айновъ, такъ и сосѣднихъ тунгусовъ, которые вообще принадлежатъ къ другой народной семьѣ. Отличительными признаками гиляковъ служатъ: косо-лежащіе глаза, выступающія скулы, скудная борода, черные густые волосы, приплюснутый носъ и острый подбородокъ. У нихъ грубыя и жесткія черты лица съ суровымъ и наглымъ выраженіемъ глазъ. Емкость одного гилякскаго черепа, измѣреннаго Бернардомъ Девисомъ доходила до 1638 куб. сант.; Вирховъ опредѣлилъ его указатель ширины въ 77,3, а указатель высоты въ 78,3, что представляетъ результаты почти параллельные съ тѣми, какіе были получены при измѣреніи череповъ айновъ и сосѣднихъ гольдовъ. Сахалинскіе гиляки во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ на материкѣ, а также отклоняются отъ нихъ

до нѣкоторой степени по языку. У нихъ господствуетъ законъ кровавой мести, какъ и вообще Lex talionis.

Главный народъ восточной Сибири чукчи. Названіе это произошло отъ слова „tchauktschu", означающее на ихъ языкѣ „люди", изъ котораго русскіе, политическіе властелины Сибири, составили прозвище „чукчи". Численность этого народа простирается до 10,000 душъ; онъ населяетъ оконечность сѣверовосточнаго угла азіятскаго материка, за исключеніемъ побережья Ключинской губы на сѣверѣ до Анадырскаго залива на югѣ. Его южную границу составляетъ рѣка Анадыръ, а на западѣ онъ распространенъ до Шелагскаго мыса; равнымъ образомъ чукчи встрѣчаются къ югу отъ Анадыра, гдѣ они смѣшаны съ коряками и въ сущности составляютъ съ послѣдними одинъ народъ. Тѣсное сродство между ними не только доказывается полнымъ тождествомъ языковъ, но у обоихъ тотъ же образъ жизни, тѣ-же нравы, утварь и оружіе, такъ что коряки отличаются отъ чукчи только большей нечистоплотностью. Послѣдніе сами дѣлятъ себя на два разряда: кочующихъ, бродячихъ или такъ называемыхъ „оленьихъ" чукчей и на осѣдлыхъ, береговыхъ. Къ первымъ относятся тѣ чукчи, которые имѣютъ стада оленей и пользуются нѣкоторымъ достаткомъ; они живутъ внутри страны и рѣдко посѣщаютъ берегъ. Они ведутъ кочевой образъ жизни вслѣдствіе суроваго климата и крайняго безплодія почвы. Все ихъ богатство состоитъ изъ оленей, чѣмъ обусловлены ихъ вѣчное странствованіе, потому что они принуждены слѣдовать за своими стадами въ тѣ мѣстности, гдѣ послѣдніе находятъ себѣ пищу. Олень при отсутствіи другихъ растеній исключительно питается мохомъ, который большую часть года покрытъ снѣгомъ. Чукчи проводятъ лѣто на немногихъ клочкахъ земли, свободныхъ отъ снѣга въ это время года. Естественно, что при такомъ образѣ жизни они не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, а только складныя палаткообразныя хижины, „яранга" которыя возятъ съ собой и раскладываютъ на мѣстахъ своего временнаго жительства. Пріобрѣтеніе оленьяго стада составляетъ высшую цѣль, къ которой стремится чукча, не имѣющій понятія о нашихъ потребностяхъ комфорта. Если эта цѣль достигнута, то онъ чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ; никакія желанія и честолюбивые планы не нарушаютъ болѣе спокойствія его созерцательной жизни. Олень доставляетъ ему все необходимое: мясо для пищи, шкуры для одежды и жилища, сало и жиръ для освѣщенія и топлива; жилы и кишки служатъ ему нитками для сшиванія платья и парусовъ, которые также изготовляются изъ звѣриныхъ шкуръ. Даже кости не остаются безъ употребленія и служатъ матеріаломъ для различныхъ орудій и инструментовъ. Между этими чукчи встрѣчаются очень богатые люди, которые владѣютъ оленьими стадами отъ десяти до ста тысячъ головъ; но тѣмъ не менѣе подобные Крезы ведутъ такой-же образъ жизни, какъ ихъ остальные соплеменники.

Осѣдлый береговой чукча несравненно бѣднѣе своихъ кочевыхъ собратій. Хотя онъ принадлежитъ къ тому-же народу, но, не имѣя оленей, лишенъ возможности жить внутри страны, и поэтому осужденъ жить на берегу, гдѣ кормится охотой на лисицъ и ловлей морскихъ животныхъ и рыбъ. Что касается оленьихъ шкуръ, которыя нужны ему для жилища и одежды, то онъ пріобрѣтаетъ ихъ у кочевыхъ чукчи въ обмѣнъ на добычу своей охоты. У нихъ до сихъ поръ въ употребленіи различныя каменныя орудія. Эти береговые чукчи, осужденные на осѣдлый образъ жизни, разсѣяны на берегу Ледовитаго моря отъ Шелагскаго до Восточнаго мыса (чукчи Ледовитаго моря) и отсюда простираются на побережьи Берингова моря до Анадырскаго залива (беринговые чукчи). Впрочемъ, названіе „осѣдлыхъ" только условно можетъ быть примѣнено къ нимъ. Если въ какомъ нибудь мѣстѣ оказывается недостатокъ въ съѣстныхъ запасахъ, то нерѣдко случается зимой, что они переселяются на новое жилье. Чукчи рѣдко живутъ отдѣльными семьями, а большей частью

сообща въ селеніяхъ, и такъ какъ въ одной палаткѣ часто помѣщается нѣсколько семействъ, то „яранга“ раздѣлена навѣшанными шкурами на соотвѣтствующее число отдѣленій. Эти палатки представляютъ своего рода образцовое произведеніе искусства, онѣ состоятъ изъ плетенаго остова, сложеннаго въ высшей степени цѣлесообразно изъ большихъ китовыхъ и моржевыхъ костей и покрытаго большими и мелкими лоскутьями моржевыхъ, тюленьихъ и оленьихъ шкуръ, а равно и парусиной, вымѣненной у какого нибудь китолова. Несмотря на суровый климатъ, эти жилища служатъ для чукчи достаточной защитой отъ сырости и холода при ихъ теплой мѣховой одеждѣ. Въ видѣ топлива, а также освѣщенія, употребляютъ китовый жиръ, горящій въ плошкахъ. Дровъ и угля не существуетъ. Въ былыя времена чукчи, подобно эскимосамъ и другимъ народамъ сѣверо-западной Америки, имѣли подземныя жилища, остатки которыхъ встрѣчаются мѣстами и до сихъ поръ, но у нынѣшняго поколѣнія они больше не въ употребленіи. Чукчи Ледовитаго моря имѣютъ очень мало сношеній съ своими соплеменниками, живущими у Берингова пролива, такъ что между обоими народами наблюдаются нѣкоторыя различія. У послѣднихъ, напримѣръ, меньше суевѣрій и они вообще не признаютъ своего племеннаго сродства съ чукчами Ледовитаго моря. Дѣйствительно, по нѣкоторымъ даннымъ, племена, живущія отъ Восточнаго мыса до Чукотскаго,



Сибирская лодка, сдѣланная изъ коры.

представляютъ собой метисовъ, которые произошли отъ скрещиванія чукчей съ эскимосами сосѣдней Америки и усвоили языкъ и нравы чукчей.

Всѣ береговые чукчи превосходные мореходцы. Ихъ челноки, называемые байдарами, имѣютъ около 8 метр. длины; они сдѣланы изъ пловучаго лѣса и обтянуты плотными моржевыми шкурами, которыхъ обыкновенно употребляютъ двѣ или три, смотря по величинѣ лодки. Шкуры сшиты ремнями изъ моржевыхъ или тюленьихъ шкуръ; такіе же ремни служатъ для прикрѣпленія скамеекъ для сидѣнія и снастей. Такая лодка отличается необыкновенной легкостью; она плоскодонная и пустая сидитъ въ водѣ не болѣе 1,25 сантиметр. глубины и потому можетъ выдержать большой грузъ; въ ней помѣщается до 28 человѣкъ. Чтобы удержать равновѣсіе и усилить ходъ, по обѣимъ сторонамъ лодки привязаны тюленьи шкуры, наполненныя воздухомъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Чукчи предпринимаютъ на этихъ лодкахъ путешествія въ Америку къ эскимосамъ, живущимъ на восточномъ берегу Берингова пролива, съ которыми имѣютъ торговыя сношенія. При этомъ у нихъ существуетъ своеобразный способъ застрахованія отъ крушенія на морѣ. Во время переѣзда черезъ Беринговъ проливъ, въ случаѣ сильной бури, хозяинъ лодки прибѣгаетъ къ крайнему средству для спасенія своей особы и имущества, а именно, онъ выбрасываетъ за бортъ одинъ за другимъ всѣхъ находящихся съ нимъ людей, а затѣмъ и свой грузъ. Его спутники „съ величайшей готовностью покоряются своей судьбѣ безъ какихъ либо признаковъ оппозиціи“. Равнымъ образомъ во время ловли моржей чукчи выѣзжаютъ далеко въ открытое море; но эта ловля преимущественно происходитъ зимой, когда животныя выплываютъ на ледъ, чтобы погрѣться на солнцѣ. Для охоты на моржей и китовъ употребляютъ крайне простое орудіе, въ видѣ короткаго метательнаго копья. Оно состоитъ изъ небольшой деревянной рукоятки и остраго наконечника, сдѣланнаго изъ шлифованнаго моржеваго зуба, который, вонзаясь въ мясо животнаго, выпадаетъ изъ рукоятки, но остается соединен-

нымъ съ нею посредствомъ ремня. Остріе все болѣе и болѣе входитъ въ рану, вслѣдствіе подергиванія ремня, такъ что животное гибнетъ отъ сильной потери крови, затѣмъ его вытаскиваютъ на берегъ и съ него сдираютъ шкуру. Мясо употребляютъ въ пищу, хотя оно далеко не отличается хорошимъ вкусомъ. Изъ возбуждающихъ средствъ, первое мѣсто занимаютъ табакъ и водка. Чукчи одинаково пристрастны къ тому и другому. Они получаютъ водку и въ особенности огнестрѣльное оружіе съ американскихъ судовъ, которыя преимущественно посѣщаютъ эти берега для торговли съ туземцами. Зимой часто можно встрѣтить чукчи въ пьяномъ видѣ. Они также потребляютъ въ большомъ количествѣ табакъ во всѣхъ видахъ, и не только жуютъ, но даже проглатываютъ его. Чукчи куритъ табакъ изъ своей длинной рогообразной трубки и при этомъ такъ усердно затягивается дымомъ, что нерѣдко черезъ шесть-весемь минутъ совершенно теряетъ сознаніе. Обыкновенно головка этихъ своеобразныхъ трубокъ настолько мала, что вмѣщаетъ весьма незначительное количество табака. Пріобрѣтеніе этого заманчиваго зелья едва ли не единственный поводъ, заставляющій ихъ посѣщать ярмарку въ Нижне-Колымскѣ; здѣсь можно получить отъ нихъ самые дорогіе мѣха бурыхъ лисицъ за ничтожное количество табака. Бѣдняки, для которыхъ недоступно куреніе настоящаго табака, замѣняютъ его моржевой шерстью, выдергиваемой по мѣрѣ надобности изъ одежды.

Въ послѣднее время чукчи многое переняли отъ русскихъ относительно одежды. Вообще оба пола носятъ одинаковую одежду, а именно куртку изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ, штаны, привязанные у колѣнъ ремнями изъ тюленьей кожи, и высокіе мѣховые сапоги изъ оленьихъ шкуръ. Мужчины и женщины отличаются другъ отъ друга только прической. Мужчины совсѣмъ коротко стригутъ волосы и оставляютъ только на головѣ узкую полосу въ въ видѣ волосянаго вѣнка; женщины, наоборотъ, носятъ длинные волосы, которые заплетаютъ въ двѣ косы, связывая ихъ вмѣсто тесемокъ неизмѣнными ремнями изъ тюленьей кожи. Обыкновенно голова остается ничѣмъ непокрытой, и только знатные люди пожилаго возраста носятъ шапки изъ тюленьихъ шкуръ, напоминающія своимъ покроемъ ночные чепцы. Уши, шея и поясъ украшены стеклянными бусами, нанизанными на ремняхъ. На ряду съ этимъ украшеніемъ весьма распространена татуировка на рукахъ и груди, а у женщинъ, сверхъ того, на лбу, щекахъ и на носу. Она состоитъ большей частью изъ параллельныхъ линій.

Въ основѣ семейныхъ отношеній лежитъ признаніе правъ сильнѣйшаго, хотя и здѣсь мужчины часто находятся подъ башмакомъ или, говоря точнѣе, подъ мѣховымъ сапогомъ своихъ женъ. Повидимому, женщины не отличаются особенно кроткимъ характеромъ, такъ какъ нерѣдко можно замѣтить слѣды ногтей на лицахъ ихъ супруговъ. Но въ то же время на нихъ возложены всѣ хозяйственныя заботы, какъ, напримѣръ, приготовленіе пищи, сшиваніе и раскидываніе палатокъ, навьючиваніе и развьючиваніе животныхъ, шитье одеждъ для всей семьи, между тѣмъ какъ мужъ только стережетъ стада, а у береговыхъ чукчей занимается охотой и рыбной ловлей. Въ домашнемъ быту чукчи выказываютъ крайнюю жестокость, и нерѣдко въ порывѣ гнѣва отсѣкаютъ уши у своихъ женъ и даже руки до плечъ. Вообще чукчи настолько раздражительны, что даже нарушаютъ права гостепріимства и наносятъ тяжелое оскорбленіе гостю, если онъ не съумѣлъ достаточно оцѣнить предложенное ему угощеніе. Чукчи охотно уступаютъ другъ другу все, что они называютъ своею собственностью, не исключая женъ. Тайныя любовныя связи наказываются смертью. Чукчи относятся съ величайшимъ уваженіемъ къ своему вождю „Erema“, никогда не мстятъ ему и безусловно подчиняются всѣмъ его приказаніямъ и приговорамъ. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ они не прощаютъ нанесенныхъ имъ обидъ, спокойно выжидаютъ удобнаго момента для мести и, при первой возможности, стараются убить врага. Сынъ обязанъ отомстить за своего отца; часто месть переходитъ

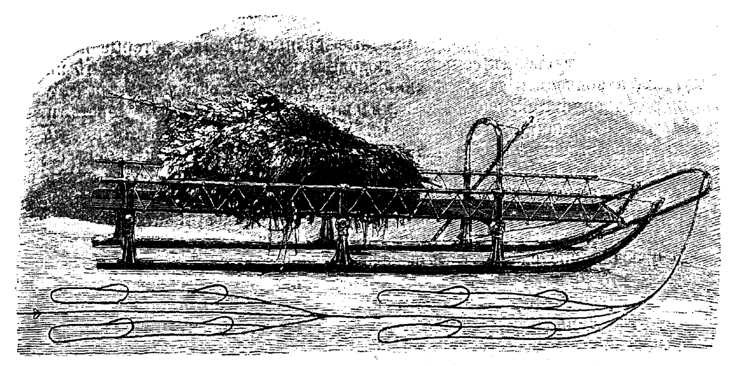
отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока, наконецъ, представится случай покончить вражду смертоубійствомъ и исполнить, такимъ образомъ, существующія постановленія относительно кровавой мести. Лейтенантъ Нордквистъ безусловно признаетъ чукчей Ледовитаго моря, живущихъ у Ключинской губы, неиспорченнымъ, честнымъ, храбрымъ и добродушнымъ народомъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные изслѣдователи приписываютъ этому народу въ высшей степени раздражительный и суровый характеръ.

У чукчей не существуетъ никакихъ особенныхъ брачныхъ обычаевъ. По словамъ Августиновича (долго жившаго среди этого народа въ качествѣ врача), если у молодаго, большей частью пятнадцатилѣтняго юноши, явилось желаніе вступить въ бракъ, то онъ отправляется къ знакомой семьѣ и заявляетъ о своемъ желаніи породниться съ нею. По заключенному условію онъ долженъ стеречь оленьи стада своего тестя отъ трехъ до пяти лѣтъ, и въ это время сожительствуетъ съ своей невѣстой, какъ съ женой. Если въ продолженіи положеннаго срока онъ велъ себя приличнымъ образомъ, то родители невѣсты отводятъ дочь къ родителямъ жениха и назначаютъ ей въ приданое извѣстное число оленей. Затѣмъ, въ семьѣ жениха устраиваютъ свадебный пиръ.

Чукчи считаютъ для себя позорнымъ умирать естественной смертью. Поэтому нерѣдко случается, что утомленные жизнью старики, которые не хотятъ быть въ тягость своимъ семьямъ, молодые люди, страдающіе какимъ нибудь недугомъ, а подчасъ и совсѣмъ здоровые субъекты, чтобы увидѣться съ умершими родственниками, спокойно заявляютъ о своемъ желаніи умереть, и ихъ убиваютъ безъ малѣйшаго колебанія. Убійцей долженъ быть кто нибудь изъ близкихъ родственниковъ: сынъ, братъ, дядя или племянникъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія близкій другъ или знакомый. Если по чему либо ни одинъ изъ нихъ не соглашается оказать подобной услуги, то чукча обращается къ постороннему лицу и обѣщаетъ ему за убійство опредѣленное вознагражденіе. Въ ожиданіи смерти онъ находится въ наилучшемъ расположеніи духа, надѣваетъ праздничное платье, и съ веселой физіономіей выражаетъ свою радость каждому, кто прощается съ нимъ. Посѣтители просятъ его передать поклонъ своимъ умершимъ родственникамъ и друзьямъ, которыхъ онъ встрѣтитъ на томъ свѣтѣ. День, назначенный для смерти добровольнаго мученика, составляетъ праздникъ для его семьи, родственниковъ и знакомыхъ; всѣ съ ранняго утра толпятся по близости палатки, въ которой онъ проводитъ послѣднія часы своей жизни. Въ то время, какъ онъ нетерпѣливо ждетъ появленія убійцы, его жена и дѣти хладнокровно ожидаютъ на дворѣ смерти главы дома. Но вотъ наступаетъ рѣшительная минута, и шумящая передъ тѣмъ толпа сразу стихаетъ. Чукчи, обрекшій себя на смерть, снимаемъ верхнее платье, садится на постель и, по возможности, плотно прижимается лѣвымъ бокомъ къ стѣнѣ палатки. Исполнитель смерти протыкаетъ на-угадъ стѣну остріемъ копья; въ случаѣ промаха чукча, обрекшій себя на смерть, приставляетъ остріе къ своимъ ребрамъ съ громкимъ восклицаніемъ: „akalpekalschelmagdle!“, т. е. убей меня скорѣе! Тогда убійца изъ всей силы пронзаетъ ему насквозь грудную полость, послѣ чего разомъ вынимаетъ назадъ оружіе. Раздается пронзительный крикъ и чукча падаетъ на землю, обливаясь кровью; близкіе родственники спѣшатъ въ палатку и уже застаютъ его безъ признаковъ жизни. Дѣти и жена спокойно и безстрастно смотрятъ на бездыханный трупъ человѣка, бывшаго ихъ единственнымъ защитникомъ, котораго они видѣли живымъ не далѣе, какъ нѣсколько секундъ тому назадъ. Трупъ сожигаютъ, если этого желалъ покойникъ, или же выносятъ изъ палатки и отвозятъ за нѣсколько верстъ на гору. Двухъ оленей припрягаютъ къ санямъ, въ которыхъ запряжены собаки, двухъ ведутъ сзади; затѣмъ всѣхъ четырехъ закалываютъ на мѣстѣ погребенія. Если у покойника было стадо оленей, то послѣднее также приводятъ на мѣсто погребенія. Въ назначенномъ мѣстѣ роютъ продолговатую четырехъугольную яму, опускаютъ въ нее трупъ и покрываютъ шкурой, послѣ чего убитыхъ оле-

ней кладутъ по четыремъ сторонамъ могилы. Этимъ оканчивается погребальная церемонія; яму не зарываютъ землей, такъ что покойникъ и убитыя животныя становятся жертвой хищныхъ звѣрей. Всѣ присутствующіе при погребеніи остаются до вечера у могилы. Если покойникъ былъ человѣкъ болѣе или менѣе зажиточный, то убиваютъ нѣсколькихъ оленей изъ его стада и устраивается пиръ, который иногда длится до полуночи; въ немъ участвуютъ также ближайшіе родственники умершаго. По окончаніи пира, всѣ возвращаются въ деревню, а стадо оленей остается на мѣстѣ, подъ охраной сторожей, которые въ слѣдующіе три дня водятъ его вокругъ могилы. Затѣмъ стадо гонятъ на пастбище, и могила остается заброшенной, потому что друзья и родственники не считаютъ болѣе нужнымъ заботиться о ней (Globus, Bd. XI, s. 139—140).

Коряки живутъ къ югу отъ рѣки Анадыра, гдѣ они распространены на полуостровѣ Камчаткѣ до рѣчки Укой на востокѣ и до Харіуски на западѣ; затѣмъ они населяютъ всю береговую полосу отъ Пенчина до Нукчана. Они также дѣлятся на осѣдлыхъ, которые жи-



Нарты (сани).

вутъ въ прибрежныхъ областяхъ и, преимущественно, питаются рыболовствомъ, и бродячихъ, кочующихъ внутри страны со своими олеными стадами. Осѣдлые коряки распадаются на пять племенъ: олуторы или элутеаты, камены и парены, палланы и укины.

Осѣдлые и кочевые коряки отличаются другъ отъ другъ какъ по своему тѣлосложенію, такъ и нравамъ. Первые походятъ на камчадаловъ и „оленьихъ" чукчей, и представляютъ собой такихъ же рослыхъ субъектовъ. Кочевые коряки, наоборотъ, малы ростомъ и худощавы. У нихъ небольшая голова, черные волосы, маленькіе глаза и короткій тупой носъ, между тѣмъ какъ ротъ несоразмѣрно великъ. Они въ высшей степени ревнивы относительно своихъ женъ; если женщина обличена въ нарушеніи супружеской вѣрности, то мужъ убиваетъ ее на мѣстѣ преступленія, одновременно съ ея возлюбленнымъ. Говорятъ, что вслѣдствіе этого жены кочующихъ коряковъ стараются выказать особенную нечистоплотность, чтобы не сдѣлаться предметомъ соблазна для чужестранцевъ. Между тѣмъ, осѣдлые коряки довольно снисходительны въ этомъ отношеніи и вовсе не ревнуютъ своихъ женъ къ чужеземцамъ. У коряковъ также, какъ у чукчей, повсемѣстно существуетъ обычай предлагать гостю

жену или дочь, и онъ наноситъ тяжелую обиду хозяину дома, если не пользуется этимъ дозволеніемъ. Кромѣ того, здѣсь сильно распространена пэдерастія. Коряки не считаютъ нужнымъ скрывать этотъ противоестественный порокъ, такъ что многіе мужчины разряженные, какъ женщины, открыто предаются своему постыдному ремеслу, прибѣгая къ всевозможнымъ уловкамъ волокитства для достиженія цѣли.

Камчады называютъ себя ительменъ (выговаривается какъ итенеменъ), т. е. „жители“ (первобытные жители). Они живутъ въ южной

Камчадалъ.

части полуострова Камчатки, ниже рѣки Укоя на востокѣ и Харіуски на западѣ, до той части курильскаго мыса Лопатки, который заселенъ айнами, затѣмъ на Шумшу, главнѣйшемъ изъ курильскихъ острововъ. По своему наружному виду камчадалы похожи на остальныхъ туземцевъ сѣверной Азіи, но имѣютъ болѣе продолговатыя лица, менѣе выступающія скулы, большой ротъ, большіе зубы и весьма широкія плечи. Вообще камчадалы кроткаго характера, гостепріимны и настолько простодушны, что ихъ легко обмануть, въ особенности, если кто воспользуется ихъ склонностью къ пьянству. Между ними гос-

подствуетъ величайшая дружба; они охотно помогаютъ другъ другу въ случаѣ бѣды. На ряду съ пьянствомъ, бездѣлье составляетъ для нихъ величайшее счастье.

Жилища камчадаловъ, какъ и ихъ сосѣдей, отличаются крайней нечистоплотностью, изобилуютъ насѣкомыми и обыкновенно бываютъ двоякаго рода, смотря по времени года. Зимнія жилища представляютъ собой большія ямы, вырытыя въ землѣ въ 1,6 метра глубины, крытыя дерномъ и землей, съ четырехъугольнымъ отверстіемъ, которое служитъ одновременно окномъ, дымовой трубой и дверью. Лѣтомъ камчадалы живутъ въ легкихъ деревянныхъ хижинахъ въ 4 метра высоты, крытыхъ травой и прутьями. Здѣсь они также коптятъ дичину и рыбу и хранятъ на зиму. Въ этихъ хижинахъ всегда хорошій воздухъ, потому что двери, устроенныя съ обѣихъ сторонъ, расположены другъ противъ друга. Домашняя утварь состоитъ изъ дощечекъ, кружекъ и корытъ, сдѣланныхъ изъ березоваго дерева. Желѣзныя издѣлія распространены благодаря русскимъ. Прожорливость едва ли не главная черта характера камчадаловъ. Они преимущественно добываютъ себѣ средства существованія рыболовствомъ. Коренья и ягоды, собираемыя женщинами, считаются не болѣе, какъ лакомствомъ. Рыбу разрѣзаютъ на куски, сушатъ или коптятъ; остатки бросаютъ въ большія ямы, гдѣ рыба приходитъ въ броженіе и принимаетъ отвратительный вонючій запахъ и вкусъ, послѣ чего эту навозную жижу вычерпываютъ ковшами. Изъ хмѣльныхъ напитковъ камчадалы особенно любятъ настой мухоморовъ. Ихъ одежда изготовляется изъ шкуръ лѣсныхъ звѣрей, собакъ и морскихъ животныхъ; они также носятъ по двѣ одежды, надѣтыхъ одна на другую. Подобно тому, какъ у многихъ другихъ народовъ, на женщинѣ лежитъ все домашнее хозяйство, изготовленіе шкуръ для одежды, распластываніе и копченіе рыбы и даже постройка жилища. Для морскихъ путешествій служатъ своеобразныя туземныя лодки (байдары), а на сушѣ, какъ у чукчей, въ употребленіи нарты, запряженныя собаками. Камчадалы также живутъ въ полигаміи; обыкновенно каждый мужчина имѣетъ по двѣ и по три жены. Дѣвственность невѣсты имѣетъ мало значенія; жены, съ своей стороны, не ревнуютъ мужей. До появленія русскихъ въ здѣшней мѣстности, отдѣльныя семьи жили независимо другъ отъ друга и не признавали иной власти, кромѣ старшинъ, которыя не имѣли права вмѣшиваться во внутреннія семейныя дѣла. Что касается религіозныхъ понятій камчадаловъ (которые придаютъ большое значеніе лѣвой сторонѣ), то они въ высшей степени спутаны и мало отличаются отъ тѣхъ, какія мы встрѣчаемъ у другихъ народовъ сѣверной Азіи. Но у нихъ нѣтъ шамановъ, и ихъ замѣняютъ старыя женщины. Камчадалы бросаютъ своихъ мертвецовъ на съѣденіе собакамъ въ томъ убѣжденіи, что эти скорѣе доставятъ ихъ на тотъ свѣтъ. Съ этой цѣлью на шею покойника надѣваютъ кожанный ремень, вытаскиваютъ изъ хижины и отдаютъ собакамъ, собравшимся вокругъ хижины. Число нынѣшнихъ камчадаловъ едва доходитъ до 2,000 душъ (Friedr. Müller, Allg. Ethnogr., s. 226—227), изъ которыхъ большинство обращено русскими въ христіанство, хотя, разумѣется, только по внѣшности. Многіе камчадалы, помимо роднаго языка, говорятъ порусски, а равно и на корякскомъ нарѣчіи.

Юкагиры (юкахиры) называютъ себя адонъ-домни, между тѣмъ, какъ коряки обозначаютъ ихъ именемъ этель (aetäl); они живутъ къ востоку отъ якутовъ и тунгусовъ у рѣкъ: Яна, Индигирки, Алазея, Колыма и верхняго Анадыра. Въ настоящее время они представляютъ только жалкіе остатки значительнаго народнаго племени, который еще до вторженія якутовъ и тунгусовъ жилъ осѣдло въ сѣверо-восточной Сибири и, кромѣ юкагировъ, обнималъ собой исчезнувшіе народы:

омоковъ, шелаговъ и аніуйловъ. Большинство нынѣшнихъ юкагировъ говоритъ по-тунгусски или по-русски, а нѣкоторыя племена, хотя плохо, но все-таки читаютъ и пишутъ по-русски. Юкагиры въ древнія времена кочевали у истоковъ Колыма и только впослѣдствіи перешли на свои нынѣшнія мѣста жительства. Только весьма незначительная часть ихъ осталась у истоковъ Колыма и Ясачной и составляетъ нынѣшнее племя такъ называемыхъ юкагировъ. Остальные, вслѣдствіе войнъ съ сосѣдними чукчами и коряками, а подъ конецъ съ русскими, значительно уменьшились въ числѣ и смѣшались съ другими племенами, въ особенности тунгусами. Тѣмъ не менѣе, относительно развитія умственныхъ способностей, они стоятъ далеко выше послѣднихъ и отличаются отъ нихъ чистоплотностью и трудолюбіемъ, а также болѣе довѣрчивымъ и веселымъ характеромъ.

По свидѣтельству древнихъ источниковъ, юкагиры были нѣкогда воинственнымъ народомъ и отличались красивымъ и сильнымъ тѣлосложеніемъ, которое они, впрочемъ, сохранили до сихъ поръ, равно и энергію во всѣхъ движеніяхъ. Они средняго роста, съ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, который особенно преобладаетъ между женщинами. У нихъ болѣе продолговатое, нежели круглое лицо, слегка выступающія скулы, сравнительно большіе глаза, кроткій и пріятный взглядъ (преимущественно у женщинъ), продолговатый тонкій носъ, иногда изогнутый, съ довольно широкими ноздрями, высокій и открытый лобъ. Волосы на головѣ темно-коричневые, у нѣкоторыхъ субъектовъ черные, и только въ рѣдкихъ случаяхъ бѣлокурые, но вообще довольно жидкіе; растительность бороды скудная. Юкагиры не имѣютъ своей національной одежды; одни носятъ русское платье, другіе одѣваются какъ тунгусы. Зимой они накидываютъ сверхъ платья „камлю", то есть одежду изъ прокопченныхъ оленьихъ шкуръ, которая доходитъ до колѣнъ, похожа покроемъ на рубашку съ узкими рукавами и всегда съ капишономъ. Лѣтомъ „камлю" надѣваютъ прямо на тѣло. Зимой и осенью жилищами служатъ небольшіе бревенчатые дома; лѣтомъ юкагиры живутъ въ конусообразныхъ палаткахъ „урусахъ". Пища всегда готовится на открытомъ воздухѣ и состоитъ, преимущественно, изъ рыбы и только въ рѣдкихъ случаяхъ изъ мяса дикихъ утокъ или дикихъ оленей. На ряду съ рыболовствомъ, охота на лисицъ и бѣлокъ составляетъ главное занятіе мужчинъ, между тѣмъ какъ женщины во множествѣ собираютъ мучнистые сладковатые коренья одного туземнаго растенія, которые сберегаютъ на зиму. Юкагиры отличаются честностью и менѣе суровыми нравами, нежели ихъ сосѣди; они веселаго характера, любятъ музыку и пѣніе; при этомъ слова пѣсни и мелодія всегда бываютъ импровизированныя. Теперь они всѣ принадлежатъ къ православной церкви; но шаманы все еще занимаются въ тайнѣ своимъ ремесломъ. Юкагиры сочетаются бракомъ по христіанскому обычаю, но за невѣсту платятъ ея родителямъ „колымъ" (выкупъ). Они хоронятъ своихъ мертвецовъ въ гробахъ. Вообще суевѣріе не особенно распространено и господствуетъ только у юкагировъ, живущихъ въ тундрахъ, которые заимствовали ихъ отъ тунгусовъ.

Два небольшихъ народа, чуванцы и омоки, представляютъ собой отрасли юкагирскаго племени. Численность омоковъ доходитъ приблизительно до 250 индивидовъ; они живутъ въ сѣверной части бассейна Колымы. Ростъ ихъ выше средняго; они отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и своими продолговатыми безбородыми лицами напоминаютъ чукчей; волосы на головѣ черные и жесткіе, одежда того же покроя, какъ у якутовъ, а въ образѣ жизни нѣтъ никакого отличія отъ русскихъ поселенцевъ. Они говорятъ по-русски, хотя имѣютъ собственный языкъ, и живутъ въ юртахъ. Всѣ крещены, и довольно развиты въ умственномъ отношеніи; при этомъ трудолюбивы, отличаются чест-

ностью и кроткими нравами. До 200 человѣкъ омоковъ не только приняли христіанскую религію, но и русскую одежду, и языкъ. Численность ихъ увеличивается въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что они должны исчезнуть съ лица земли въ самомъ непродолжительномъ времени (Globus, Bd. XI, s. 122—123).

Что касается остальныхъ отраслей азіятскаго арктическаго населенія, то наиболѣе заслуживаютъ вниманія енисейскіе остяки, живущіе у верхняго Енисея и его притоковъ между Енисейскомъ и Туруханскомъ, арины или аринцы въ Саянскихъ степяхъ и котты близь Агула, притока Кана. Енисейскіе остяки распадаются на два, рѣзко отличныхъ между собой племени сымскихъ и имбацкихъ остяковъ. Первые живутъ преимущественно у Сыма, а также разсѣяны между деревнями: Анциферовой и Подкаменной Тунгуски, у рѣкъ: Колъ-сыма, Сыма, Дубчеса, на лѣвомъ берегу Енисея и рѣкъ: Питъ и Кія на правомъ. Имбацкіе остяки живутъ у рѣки Бахты до Курейки на сѣверѣ. Ихъ центральный пунктъ — рѣка Елогуй, изъ девяти притоковъ котораго два протекаютъ мимо деревень: Верхней и Нижней Имбацкой (Castren, Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. Petersburg, 1858, s. VII, ff.). Ф. Миллеръ причисляетъ эти народы къ гиперборейской расѣ, такъ какъ, съ одной стороны, они отличаются по языку отъ окружающихъ ихъ урало-алтайцевъ, а съ другой — значительно разнятся отъ послѣднихъ въ физическомъ отношеніи. Всѣ эти племена ведутъ жалкую бродячую жизнь, строятъ себѣ хижины изъ кольевъ и березовой коры, которыя переносятъ съ мѣста на мѣсто, и не имѣютъ другихъ средствъ существованія, кромѣ рыболовства, охоты и небольшихъ оленьихъ стадъ. Они платятъ дань (яссакъ) русскому правительству мѣхами, въ числѣ которыхъ должны быть и соболи. Общая цифра индивидовъ, принадлежащихъ къ этой народной группѣ, едва доходитъ до 1,000. Кастрѐнъ, посѣтившій эти народы, встрѣтилъ только пять коттовъ, которые сохранили свой языкъ и національность. Эти пять индивидовъ, по словамъ Кастрена, уговорились заложить небольшую деревню близь Агула, съ цѣлью поддержать свою національность. Къ нимъ присоединилось нѣсколько уже обрусѣвшихъ коттскихъ семействъ, такъ что въ настоящее время число коттовъ можетъ быть значительнѣе, нежели при Кастренѣ..

НАРОДЫ СѢВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Въ Сибири проводятъ строгое различіе между образомъ жизни номадныхъ и странствующихъ народовъ. Первыхъ называютъ „кочующими инородцами“ и относятъ къ нимъ бурятовъ, киргизовъ, калмыковъ и др.; вторые извѣстны подъ именемъ „бродячихъ инородцевъ“, къ которымъ принадлежатъ тунгусы, самоѣды, остяки, сирены и проч. Различіе заключается въ томъ, что кочующіе народы имѣютъ совершенно опредѣленныя мѣста жительства для зимы, лѣта и даже нерѣдко для осени, гдѣ находятся постоянныя хижины, называемыя юртами, сколоченныя изъ дерева, которыя, смотря по времени года, даютъ болѣе или менѣе надежную защиту отъ холода. Между тѣмъ кочующіе народы находятся въ постоянномъ странствованіи и круглый годъ переходятъ съ мѣста на мѣсто, чтобы найти себѣ средства къ существованію и пищу для своихъ огромныхъ оленьихъ стадъ. Многіе изъ кочующихъ народовъ, несмотря на періодическую смѣну мѣстъ жительства, усердно занимаются земледѣліемъ, какъ, напримѣръ, буряты въ Иркутской губерніи, идинчи, балаганчи, аларчи и кудинскія племена.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ племенами, причисляемыми къ арктической или гиперборейской группѣ, живутъ **тунгусы**. Они населяютъ восточную Сибирь, а именно ту полосу земли, которая граничитъ съ сѣвера Ледовитымъ моремъ, съ востока землей чукчей и коряковъ, а на западѣ бассейномъ Енисея. Вездѣ на этомъ огромномъ пространствѣ, покрытомъ горами, болотами и непроходимыми дѣвственными лѣсами, встрѣчаются шайки бродячихъ тунгусовъ, общее число которыхъ доходитъ до 70,000 душъ. Тунгусы представляютъ собою одну изъ трехъ отраслей такъ называемыхъ алтайцевъ, которые совмѣстно съ уральцами и урало-алтайцами составляютъ главную массу населенія сѣверной и средней Азіи. Что касается двухъ остальныхъ отраслей, то онѣ извѣстны подъ названіями: монгольской и турецкой. Но такъ какъ въ нашей книгѣ мы преимущественно имѣли въ виду географическую группировку народовъ, и она не вполнѣ совпадаетъ съ этнологическимъ положеніемъ отдѣльныхъ народныхъ индивидовъ, то мы сочли нелишнимъ привести слѣдующую таблицу, въ которой показано принимаемое до сихъ поръ сродство урало-алтайцевъ между собой:

Урало-алтайцы.

Уральцы. — Алтайцы.

Самоѣды. Финны. — Тунгусы, монголы, турки.

Угры, болгары, пермяки, финны. — Восточные монголы, калмыки, буряты.

Якуты, татары, киргизы, казаки, узбеки, туркмены и друг.

Въ общей сложности урало-алтайцы, въ свою очередь, причисляются къ такъ называемой монгольской, точнѣе средне- или верхне-азіятской расѣ, къ которой считаютъ возможнымъ отнести не только японцевъ и корейцевъ, но также китайцевъ и остальные народы южной Азіи, говорящіе на односложныхъ нарѣчіяхъ, не исключая тибетцевъ.

Тунгусская отрасль алтайцевъ обнимаетъ собой два народа, собственно тунгусовъ и манджуровъ. Тунгусы, разсѣянные у Подкаменной Тунгуски, носятъ прозвище чапогировъ, между тѣмъ какъ у нижняго теченія Тунгуски ихъ обозначаютъ именемъ оротонговъ (тунгусы-оротонгъ). Племена, живущіе на сѣверѣ, по обѣимъ сторонамъ Амура до Яблоноваго хребта, отъ истоковъ Амазара до Алдая, извѣстны подъ названіемъ орочоновъ, тогда какъ ихъ восточные сосѣди на лѣвомъ берегу Амура называются маніаграми. Дауры живутъ вдоль Амура отъ впаденія Кумары до Уссури, кхоадсонги отъ впаденія Уссури до рѣки Дондонъ-бирра, гельганы или гольды отъ кочевьевъ кхоасонговъ до озера Кисы; мангуты между кочевьями гольдовъ и гиляковъ.

Типъ тунгусовъ по внѣшнему виду носитъ рѣзкій отпечатокъ монгольской расы и всего рельефнѣе проявляется въ строеніи черепа и чертахъ лица. А. Миддендорфъ встрѣтилъ въ этомъ народѣ чистѣйшій монгольскій типъ, выраженный въ двухъ формахъ, то короткаго, то высокаго черепа. Въ обоихъ случаяхъ отличительными признаками были: широкія выступающія скуловыя кости, большія глазныя впадины обусловленныя высотой и выпуклостью надбровныхъ дугъ, и при этомъ узкій разрѣзъ глазъ съ приподнятымъ наружнымъ угломъ, вдавленное переносье и умѣренный прогнатизмъ челюстей. Высота черепа настолько значительна, что верхняя половина лица до линіи глазъ кажется гораздо больше нижней. Въ бассейнѣ Амура между тунгусами-нигидалъ встрѣчаются типичныя китайско-японскія лица. По отзыву большинства путешественниковъ, физіономіи тунгусовъ отличаются интеллигентнымъ выраженіемъ, чему отчасти способствуетъ большой четырехъугольный лобъ съ далекоотстоящими надбровными буграми. Косолежащіе глаза, несмотря на узкій разрѣзъ, кажутся болѣе нормальной величины, вслѣдствіе темной радужной оболочки, и производятъ пріятное впечатлѣніе по веселому и оживленному выраженію. Носъ довольно красивой формы и замѣтно выдѣляется на плоскомъ лицѣ. Челюсти въ большинствѣ случаевъ прогнатичны, и хотя ротъ немного великъ, но губы никогда не бываютъ вздутыя; верхняя губа обыкновенно удлиненная, уши не особенно большія и плотно прилегаютъ къ головѣ. Но всего поразительнѣе у туземцевъ сѣверной Сибири красота зубовъ. Нерѣдко можно встрѣтить шестидесяти и семидесятилѣтнихъ стариковъ съ совершенно здоровыми, гладкими зубами, жемчужной бѣлизны. Зубная боль и гнилые зубы составляютъ невиданное явленіе. По мнѣнію одного якутскаго врача туземцы обязаны этимъ преимуществомъ своимъ привычкамъ, роду пищи и заботливому уходу за зубами съ дѣтскаго возраста. Они никогда не ѣдятъ сахара въ какомъ бы то ни было видѣ, и даже лишены возможности имѣть его. Кромѣ того они ежедневно зимой и лѣтомъ потребляютъ большое количество кислаго молока, которое дѣйствуетъ какъ антискорбутное средство, и послѣ каждой ѣды жуютъ кусочки смолы, чтобы очистить зубы и десны отъ остатковъ пищи. Эта смола продается во всѣхъ сибирскихъ аптекахъ и въ большомъ употребленіи у русскихъ дамъ.

Кожа монгольской расы имѣетъ желтоватый оттѣнокъ, который большей частью встрѣчается и у тунгусовъ. Во всякомъ случаѣ болѣе темный цвѣтъ

ихъ лицъ происходитъ главнымъ образомъ отъ загара, мороза, копоти и толстаго слоя грязи, потому что тѣ части тѣла, которыя покрыты одеждой имѣютъ почти тотъ-же оттѣнокъ, какъ у русскихъ. По свидѣтельству Миддендорфа, чисто вымытыя лица тунгусовъ имѣли совсѣмъ другой видъ и кожа была настолько прозрачна, что на щекахъ просвѣчивалъ яркій румянецъ. Волосы прямые и жесткіе, у мужчинъ всегда черные, у женщинъ часто темнокаштановаго цвѣта. Растительность волосъ на лицѣ крайне скудная, такъ что нерѣдко замѣтны только слабые признаки бороды, которая начинаетъ рости на тридцатомъ году жизни. Сѣдина составляетъ рѣдкость и встрѣчается въ незначиной степени у весьма немногихъ стариковъ. Растительность волосъ на тѣлѣ также скудная, и если у какого либо индивида волосы гуще обыкновеннаго, то это приписываютъ дѣйствію злого духа. По свидѣтельству Гмелина, тунгусы чувствуютъ такое отвращеніе къ волосамъ, что мужчины тщательно выщипываютъ бороду, и такъ долго повторяютъ эту процедуру, что подконецъ волосы перестаютъ рости. Тунгусы большей частью средняго роста и стройнаго тѣлосложенія, хотя грудь значительной ширины; всѣ члены ихъ тѣла необыкновенно пропорціональны. При этомъ они отличаются упругими и крѣпкими мышцами и сильнымъ развитіемъ связокъ. Несмотря на то, что въ членахъ тѣла и во всемъ туловищѣ нерѣдко замѣтна склонность къ полнотѣ, но тучность принадлежитъ къ весьма рѣдкимъ явленіямъ. Нижнія оконечности небольшихъ размѣровъ, даже у людей высокаго роста, и, обыкновенно, меньше 20 сантиметровъ; но это ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ тунгусамъ быть замѣчательно выносливыми въ ходьбѣ, такъ что, въ сравнительно короткое время, они совершаютъ огромные переходы въ своихъ обширныхъ пустыняхъ. Хотя нельзя безусловно считать небольшую ногу отличительнымъ признакомъ всей монгольской расы, но этотъ признакъ здѣсь настолько же является преобладающимъ, какъ у китайцевъ, гдѣ женщины кромѣ того принимаютъ мѣры чтобы остановить естественное развитіе ногъ. Пропорціональному, крѣпкому тѣлосложенію народа соотвѣтствуетъ и значительная физическая сила, которая сказывается въ замѣчательной выносливости при всякомъ тѣлесномъ напряженіи. Всѣ движенія производятся легко и быстро, при этомъ въ особенности поражаетъ своеобразное сокращеніе мышцъ какъ бы толчками. Нѣчто подобное Миддендорфъ наблюдалъ и въ ихъ говорѣ; слова произносятся съ усиліемъ и обрываются внезапно среди неоконченной рѣчи, что производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто у нихъ природная склонность къ заиканью. На ряду съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ тунгусы отличаются замѣчательной выносливостью, которую слѣдуетъ приписать суровому образу жизни, на какой они осуждены съ дѣтства. Съ одинаковымъ равнодушіемъ переносятъ они величайшую усталость, морозы и жару; даже голодъ и жажда не вызываютъ у нихъ ни малѣйшаго ропота. Нерѣдко охотникъ, вернувшись вечеромъ домой послѣ неудачной охоты, ложится спать голодный, но это не нарушаетъ его хорошаго расположенія духа, потому что онъ надѣется, что слѣдующій день принесетъ ему большую прибыль. Всѣ пять чувствъ; въ особенности зрѣніе, необыкновенно развиты у тунгусовъ; тѣмъ не менѣе Миддендорфъ сдѣлалъ надъ ними, какъ и надъ самоѣдами слѣдующее замѣчательное наблюденіе: онъ убѣдился въ ихъ полной неспособности различать сродные цвѣта, какъ напримѣръ желтый, зеленый и голубой. Они въ состояніи были опредѣлить только болѣе рѣзкіе оттѣнки этихъ красокъ и не иначе, какъ послѣ долгаго разсматриванья. Всѣ темные цвѣта кажутся имъ черными.

Умственныя способности тунгусовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ благопріятному впечатлѣнію, производимому ихъ наружностью. На ряду съ значительной физической силой, легкостью движеній и ловкостью они въ значительной степени одарены личнымъ мужествомъ и храбростью. Тунгусъ не отступаетъ ни передъ какой опасностью и безбоязненно вступаетъ въ борьбу, хотя бы противникъ далеко превосходилъ его силой. Вооруженный „paljma“ (рогатиной) онъ выхо-

дитъ одинъ на огромнаго медвѣдя и обыкновенно остается побѣдителемъ въ неравной борьбѣ съ разъяренннымъ звѣремъ. Быстрота соображенія служитъ лучшимъ доказательствомъ хорошихъ умственныхъ способностей тунгуса, хотя при этомъ онъ отличается непостоянствомъ воли и слишкомъ поверхностнымъ мышленіемъ. Это вообще веселый и беззаботный народъ, настолько же легкомысленный, какъ и легковѣрный и особенно заслуживающій хорошаго отзыва за свое добродушіе, гостепріимство и необыкновенно ласковое и привѣтливое обращеніе. Тунгусы настолько увѣрены въ гостепріимствѣ своихъ земляковъ что нерѣдко въ одиночку отправляются въ дальній путь, не взявъ съ собой никакихъ съѣстныхъ припасовъ. Путешественникъ въ этомъ случаѣ присоединяется къ первой попавшейся шайкѣ кочевниковъ и, если застаетъ ихъ за ѣдой, то садится рядомъ и ждетъ приглашенія; поэтому вѣжливые хозяева съ своей стороны прежде всего заботятся объ угощеніи гостя. Тунгусы въ высшей степени просты въ обращеніи: въ ихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ нѣтъ никакого притворства; ложь настолько чужда имъ, что они считаютъ лишнимъ подтвержать клятвой правдивость своихъ словъ; недовѣріе къ другимъ также неизвѣстно имъ, что вѣроятно и послужило поводомъ обвинять ихъ въ легкомысліи. По словамъ мѣстныхъ жителей, тунгусы берегутъ чужую собственность больше своей; кража составляетъ величайшую рѣдкость; вора наказываютъ палочными ударами, и онъ считается на всю остальную жизнь посрамленнымъ и обезчещеннымъ. Тунгусы всегда честно признаютъ сдѣланный долгъ и добросовѣстно выплачиваютъ его, и съ своей стороны въ этомъ отношеніи безусловно довѣряютъ каждому. Убійство всегда чаще совершается въ поединкѣ; но такъ какъ въ этомъ случаѣ обѣ стороны считаются виновными, то убійца не подлежитъ наказанію. Если-же убійство совершено при другихъ условіяхъ, то оно считается преступленіемъ, и виновный, въ былыя времена, по приказанію вождя, не только подвергался жестокому тѣлесному наказанію, но обязанъ былъ заботиться о семьѣ убитаго. Несмотря на свою живость и сангвиническій темпераментъ, тунгусы живутъ между собой въ мирѣ и согласіи, такъ что весьма рѣдко можно услышать у нихъ бранныя слова и проклятія. Ссоры и оскорбленія обыкновенно влекутъ за собой рыцарскій поединокъ, съ предварительнымъ вызовомъ и соблюденіемъ всѣхъ правилъ, принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ. Въ былыя времена оружіемъ нерѣдко служили стрѣлы; пролитіе первыхъ капель крови считалось достаточнымъ удовлетвореніемъ оскорбленной чести. Часто поединки происходятъ даже между близкими родственниками.

Тунгусы, исключительно существуя охотой и рыболовствомъ, вынуждены въ силу естественныхъ условій вести скитальческую жизнь; поэтому они рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ болѣе двухъ — пяти дней. Они попеременно занимаются охотой за соболями и рыбной ловлей, и, такъ какъ при этомъ имѣютъ многочисленныя стада оленей, то должны постоянно отыскивать для нихъ новыя пастбища. Зимой они, преимущественно, возвращаются въ тѣ же самыя горныя долины, гдѣ среди отвѣсныхъ утесовъ, выслѣживаютъ дичь. При скитальческой жизни въ семьѣ существуетъ строгое распредѣленіе труда. Мужчины исключительно занимаются охотой и рыболовствомъ, стерегутъ стада и совершенно не касаются домашняго хозяйства, которое всецѣло предоставлено женщинамъ. На послѣднихъ лежитъ устройство юртъ, добываніе топлива, варка пищи, починка снарядовъ и одежды. Онѣ пользуются каждой свободной минутой, чтобы приняться за ту или другую работу, какъ напримѣръ дубленіе кожъ, шитье одежды, изготовленіе предметовъ украшенія мужу, себѣ и дѣтямъ. Мужъ, отправляясь утромъ на охоту, заранѣе объявляетъ женѣ, куда она должна прійти и, гдѣ онъ будетъ вечеромъ. Тунгусы вообще отличаются замѣчательной памятью относительно мѣстности и несмотря на отсутствіе какихъ либо слѣдовъ дороги или тропинки безошибочно находятъ среди обширной пустыни мѣсто условленной встрѣчи. Поэтому многіе изъ нихъ въ состояніи начертить на пескѣ или снѣгу совершенно вѣрныя карты съ обозначеніемъ

путей и направленія рѣкъ. Они всегда легко находятъ потерянныя вещи и пропавшихъ оленей и, подобно индійцамъ, безъ труда находятъ слѣды людей и могутъ въ точности опредѣлить ихъ число и принятое ими направленіе. Если

Вождь кочевыхъ тунгусовъ.

рѣшено перекочевать на другое мѣсто, то жена тунгуса навьючиваетъ складную юрту и все имущество на оленей и отправляется съ семьей на условленный пунктъ. Младшихъ дѣтей вмѣстѣ съ люльками привязываютъ къ сѣдлу

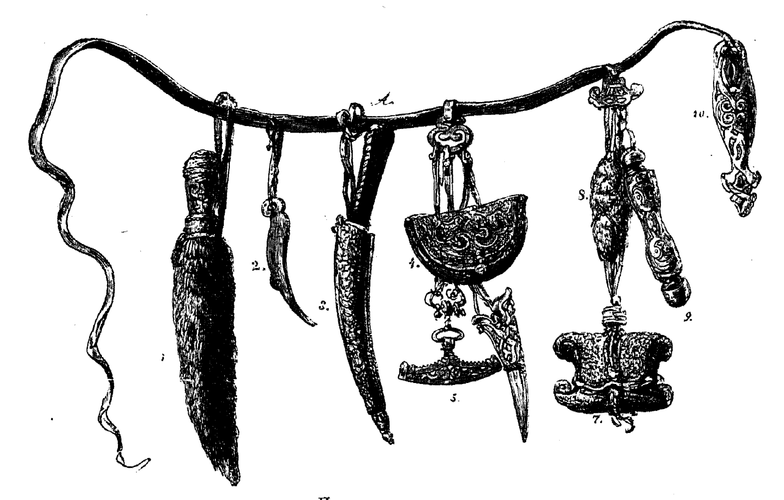
оленя; груднаго ребенка, завернутаго въ шкуру, мать беретъ къ себѣ на руки. Но такъ какъ продолжительное путешествіе съ маленькими дѣтьми не безопасно при сильныхъ морозахъ, то семья тунгуса находитъ временное убѣжище въ небольшихъ блокгаузахъ, построенныхъ въ лѣсу изъ частокола, которые значительную часть года стоятъ пустые.

Занятія мужчинъ ничуть не легче, чѣмъ у женщинъ, хотя этому трудно повѣрить съ перваго взгляда. Охота въ Сибири требуетъ точныхъ свѣдѣній относительно свойствъ и образа жизни преслѣдуемой дичи, поэтому тунгусы, подобно большинству сибирскихъ народовъ, преимущественно ловятъ ее западнями, и только весьма незначительная часть убивается ружьемъ. Ловля пушныхъ звѣрей производится съ помощью самострѣловъ, а также волчьихъ ямъ. Самострѣлъ представляетъ весьма остроумное приспособленіе и въ сущности состоитъ изъ лука и стрѣлы; имъ можетъ быть убитъ такой крупный звѣрь, какъ лось и такой мелкій, какъ соболь. При этомъ у тунгусовъ существуютъ относительно охоты извѣстные законы, которые строго соблюдаются. Районъ охоты раздѣленъ на извѣстные округа, которые различаютъ по традиціоннымъ примѣтамъ, ручьямъ и другимъ природнымъ межевымъ знакамъ. Одно или нѣсколько семействъ владѣютъ совмѣстно общимъ округомъ, на которомъ имѣютъ право охотиться, и если случится, что одинъ изъ охотниковъ увидитъ на межѣ своего округа звѣря, перебѣжавшаго на сосѣднюю землю, то онъ можетъ преслѣдовать его и въ чужомъ округѣ. Но въ этомъ случаѣ охотнику принадлежитъ только мясо убитаго имъ звѣря, а шкуру онъ долженъ отдать владѣльцамъ округа. Исключеніе допускается при томъ условіи, если охотникъ напалъ на слѣдъ хищнаго звѣря, медвѣдя или волка, тогда онъ можетъ преслѣдовать его черезъ два или даже три округа и оставить у себя шкуру; кромѣ того онъ получаетъ опредѣленную награду отъ сосѣдей. Равнымъ образомъ не менѣе строго соблюдаются условные охотничьи знаки. Деревцо срубленное въ лѣсу, въ которое воткнута стрѣла остріемъ внизъ, означаетъ: „я натягиваю вблизи лукъ!“ Если-же стрѣла воткнута наискось остріемъ кверху, то это служитъ знакомъ, что охотникъ отошелъ на далекое разстояніе. Ущемленный сучокъ означаетъ близость охотника, вѣтвь положенная поперегъ дороги—запрещеніе слѣдовать далѣе въ этомъ направленіи. Рыболовство также производится различными способами. Рыбу ловятъ гарпунами или сѣтями, которыя при отсутствіи пеньковой пряжи изготовляются изъ оленьихъ жилъ или конскаго волоса. Запруда съ первобытными вершами составляетъ повсемѣстно наиболѣе употребительный способъ рыбной ловли.

У тунгусовъ не существуетъ никакихъ ремеселъ, кромѣ кузнечества. Они покупаютъ у русскихъ свои наковальни, вѣсомъ около 2 килограммъ, молотъ, щипцы и пилы, а равно и желѣзо, и сами не въ состояніи устроить никакихъ инструментовъ, кромѣ раздувательныхъ мѣховъ въ 45 сантиметр. длины. Изъ ихъ желѣзныхъ издѣлій наиболѣе заслуживаютъ вниманія различныя украшенія въ родѣ тѣхъ, какія мы видимъ на одеждѣ тунгусскаго вождя, изображеннаго на вышеприведенномъ рисункѣ. У мангутовъ или мангу, живущихъ около Амура, въ употребленіи поясъ, къ которому привѣшаны различныя вещи, а именно: ножъ въ кожаномъ футлярѣ, желѣзный инструментъ для чистки трубокъ, кривой ножъ, кисетъ съ трутомъ, огниво, костяной ножъ для чистки рыбы и развязыванія узловъ, второй кисетъ изъ осетровой кожи, также для трута, мѣшечекъ съ огнивомъ и футляръ для иголокъ. Такимъ образомъ, не считая застежекъ, къ поясу привѣшано до девяти различныхъ вещей.

Тунгусы, преимущественно, питаются дичиной и рыбой. Мясо всякаго животнаго, убитаго на охотѣ, считается годнымъ для пищи; но они не ѣдятъ никакихъ пресмыкающихся и земноводныхъ. У нихъ не существуетъ другаго способа приготовленія пищи, кромѣ варки въ водѣ; при этомъ они съѣдаютъ не только твердые куски, но и отваръ; соль не составляетъ потребности и употребляется въ рѣдкихъ случаяхъ. Растительная пища большей частью счи-

тается лакомствомъ. Тунгусы весьма охотно ѣдятъ хлѣбъ, и, если имъ удастся купить муки, то они приправляютъ ею похлебку. Дико растущія луковицы (Lilium martagon) пользуются у нихъ большимъ почетомъ; но все-таки величайшимъ лакомствомъ считается мука, поджаренная въ маслѣ или жирѣ. Тунгусы ѣдятъ въ большомъ количествѣ лѣсныя ягоды; они изготовляютъ изъ брусники (Vaccinium vitis idaea) и рыбьей икры родъ тѣста и сберегаютъ на зиму. Они также толкутъ ягоды черемухи (prunus padus), мѣшаютъ съ масломъ и дѣлаютъ изъ нихъ круглыя лепешки, которыя сушатъ на огнѣ или же разбавляютъ черемуховую кашу оленьимъ молокомъ и замораживаютъ. Въ былыя времена живущіе въ лѣсахъ тунгусы не знали другихъ напитковъ, кромѣ воды, березоваго сока и настоя изъ Rhododendron dauricum и листьевъ шиповника. Но теперь повсемѣстно вошелъ въ употребленіе чай, въ особенности кирпичный, и сдѣлался необходимымъ для туземцевъ. Къ сожалѣнію, тунгусы позна-



Поясъ мангутовъ.

комились также съ водкой, и тамъ, гдѣ она потребляется въ большомъ количествѣ, уже замѣтны ея пагубныя послѣдствія. Табакъ распространенъ повсемѣстно, тѣмъ болѣе, что туземное населеніе чувствуетъ къ нему особенное пристрастіе. Хотя чай и табакъ не оказываютъ такого непосредственнаго вреда на здоровье, но дѣйствуютъ въ высшей степени пагубно въ экономическомъ отношеніи. Для пріобрѣтенія этихъ и другихъ предметовъ роскоши легкомысленный и сластолюбивый тунгусъ нелѣпо расточаетъ свой наиболѣе цѣнный мѣновой товаръ, а именно соболей, которыми онъ долженъ заплатить „ясакъ“, и, такимъ образомъ, входитъ въ долги, такъ что подъ конецъ становится нищимъ. Этими предметами роскоши снабжаютъ его пронырливые якуты, которые, въ качествѣ настоящихъ паразитовъ, заставляютъ своихъ потребителей платить за все по дорогой цѣнѣ соболиными мѣхами. Между тѣмъ, тунгусъ всегда честно и открыто признаетъ свои долги. Къ упомянутымъ неутѣшительнымъ условіямъ примѣшивается еще то обстоятельство, что пушные звѣри и, въ особенности, соболь начинаетъ быстро уменьшаться въ числѣ. Тунгусы, съ своей стороны, не въ состояніи выбиться изъ своего затруднительнаго положеніи и безостановочно клонятся къ полному разоренію среди окружающаго

торговаго міра, который все болѣе и болѣе деморализируетъ ихъ (Karl Hiekisch, Die Tungusen. Eine ethnologische Monographie. St.-Peterburg. 1879).

Вторая отрасль тунгусской народной семьи, манджуры, живутъ въ такъ называемой Манджуріи. Это живой, воинственный народъ, одаренный замѣчательной энергіей; въ 1644 году ему удалось завладѣть китайскимъ престоломъ и до послѣдняго времени удержать господство надъ страной и ея многочисленными ордами, далеко превосходящими его численностью. Въ старыхъ китайскихъ хроникахъ упоминается о многихъ тунгусскихъ племенахъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ судьбѣ Небесной имперіи. Къ нимъ принадлежатъ ламуты (приморскіе тунгусы) у Охотскаго моря, которые въ послѣднее время все болѣе и болѣе проникаютъ въ Камчатку, гдѣ они заняли среднюю часть западныхъ горъ и такъ называемую Шибе, въ долинѣ Или, у русско-китайской границы.

Манжу или манджуры отличаются красивымъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и болѣе стройными и представительными фигурами, нежели китайцы. Они грубы и нечистоплотны, но при этомъ честны, прямодушны и храбры. Въ былыя времена они были преданы шаманству, но съ тѣхъ поръ какъ завладѣли страной, обратились къ китайскому культу, въ особенности буддизму и отчасти усвоили китайскую цивилизацію. Они занимаются хлѣбопашествомъ и садоводствомъ только въ южныхъ частяхъ своей родины; между тѣмъ какъ большинство ихъ пастухи, охотники и рыболовы. Еще больше заслуживаютъ вниманія ламуты, численность которыхъ простирается до 2,000 душъ. Они отличаются честностью, чувствомъ законности и необыкновенной подвижностью, при этомъ искренно преданы русскимъ и ненавидятъ чукчей. Ламуты превосходные стрѣлки и любятъ охоту, на которую обыкновенно ходятъ съ однимъ ружьемъ; рогатина служитъ имъ только противъ медвѣдей. Весьма незначительная часть ламутовъ занимается рыбной ловлей. Они кочевники въ полномъ значеніи этого слова не употребляютъ нартъ и ѣздятъ верхомъ на оленяхъ, которыхъ имѣетъ каждый ламутъ въ большемъ или меньшемъ числѣ. Прилипчивыя эпидемическія болѣзни совершенно неизвѣстны у нихъ, а равно и сифилисъ весьма распространенный между сибирскими туземцами. Лица ламутовъ имѣютъ своеобразный характеръ: прямой лобъ, тонкія губы, ротъ и носъ умѣренной величины, круглый подбородокъ, волосы большей частью гладкіе, темно-коричневаго цвѣта. Они небольшаго роста и худощавы, но при этомъ отличаются необыкновенной живостью и ловкостью въ движеніяхъ. Они живутъ въ большихъ коническихъ палаткахъ („урусахъ"), составленныхъ изъ шести длинныхъ шестовъ, которые лѣтомъ покрыты дублеными овчинами, а зимой невыдѣланными оленьими шкурами. Въ каждой палаткѣ помѣщается по двѣ семьи, но тѣмъ не менѣе въ ней господствуетъ безукоризненная чистота и порядокъ. Вообще ламуты опрятностью отличаются отъ всѣхъ туземцевъ; при этомъ вѣжливы, обходительны и гостепріимны. Равнымъ образомъ въ приготовленіи кушаньевъ соблюдается чистоплотность; главной пищей служитъ оленье мясо; но ламуты также ѣдятъ рыбу и бѣлокъ. Мужчины и женщины носятъ одежду, плотно прилегающую къ тѣлу и одинаковаго покроя, она шьется изъ оленьихъ шкуръ и всегда украшена стеклянными бусами и пестрой овечьей кожей. Ламуты православнаго вѣроисповѣданія и очень благочестивы, но при этомъ у нихъ удержались слѣды ихъ прежней языческой религіи. Такъ, напримѣръ, нерѣдко случается, что чета сожительствуетъ отъ одного до трехъ лѣтъ, прежде чѣмъ повѣнчается по христіанскому обряду. Этотъ обычай называется „полубракомъ". Мертвыхъ кладутъ въ гроба и хоронятъ въ лѣсу, по близости палатокъ (Globus, Bd. XI, s. 123—124).

Среди тунгусскихъ племенъ живутъ **якуты** или **саха-ларъ** въ числѣ 20,000 душъ; они составляютъ сѣверо-восточную отрасль многочисленной тюркской народной семьи. Ихъ мѣста жительства, преимущественно, простираются по обѣимъ берегамъ Лены до Ледовитаго океана и далѣе къ западу до Анабара, а на востокъ до Яна, Индигирки и Колыма. На югѣ они встрѣчаются до Алдана и верхней Маи.

Якутка въ праздничномъ нарядѣ.

Въ Якутскѣ ихъ языкъ особенно распространенъ среди купечества. Онъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ тюркскихъ нарѣчій большей древностью, и между ними играетъ ту же роль, какъ санскритскій языкъ. Якуты большей частью ведутъ кочевую жизнь и до послѣдняго времени придерживались шаманства, но теперь исповѣдуютъ христіанскую религію. Равнымъ образомъ прежнія непріязненныя отно-

шенія между тунгусами и якутами приняли болѣе миролюбивый характеръ; многія тунгусскія племена охотно вступаютъ въ бракъ съ якутами и легко подчиняются ихъ вліянію. Якуты распадаются на различныя племена, которыя, въ свою очередь, представляютъ нѣсколько подраздѣленій. У каждаго племени есть свои старшины, изъ которыхъ составляется такъ называемая „Инородческая управа". Поселенія якутовъ извѣстны подъ именемъ „ночлеговъ" и встрѣчаются только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть пастбища для скота и лошадей, въ чемъ заключается ихъ главное богатство. Кромѣ того, якуты съ неутомимымъ усердіемъ занимаются охотой, а именно за пушными звѣрями и достигли въ этомъ замѣчательнаго искусства.

По словамъ Альбина Кона физіономія якутовъ носитъ рѣзкій отпечатокъ монгольской расы, который доходитъ почти до каррикатуры. Чрезмѣрное развитіе жевательнаго аппарата придаетъ имъ сходство съ англійскими догами, такъ какъ нижняя челюсть настолько выступаетъ впередъ, что между верхними и нижними рѣзцами образуется значительное пустое пространство. Ротъ настолько великъ, что почти равняется длинѣ нижней челюсти, а въ недалекомъ разстояніи отъ угловъ рта находятся ушныя раковины огромныхъ размѣровъ, крайне воспріимчивыя къ каждому звуку, который непосредственно передается мало развитому мозгу, втиснутому въ низкій лобъ. Приплюснутый черепъ покрытъ густыми волосами, отдѣленныя пряди которыхъ точно вырѣзаны изъ чернаго дерева; маленькіе, глубоко лежащіе глаза выглядываютъ какъ свѣтлыя точки надъ выступающими скулами. Къ этому нужно прибавить желтоватую, слегка окрашенную мѣстами кожу, похожую на пергаментъ, которая обтягиваетъ худощавое, мускулистое тѣло, хотя довольно сильное, но лишенное гибкости (Globus, Bd. XXV, s. 217). Якуты настолько привыкли ко всякаго рода лишеніямъ, что, повидимому, совершенно не чувствуютъ холода и могутъ до невѣроятной степени выносить голодъ. Ихъ пища состоитъ изъ квашеннаго коровьяго и кобыльяго молока, вареной говядины и конины; хлѣбъ не въ употребленіи. Жиръ—ихъ величайшее лакомство: они ѣдятъ его въ свѣжемъ и протухшемъ видѣ, сыромъ или растопленномъ, и при этомъ въ огромномъ количествѣ. Въ большіе праздники каждый гость выпиваетъ нѣсколько фунтовъ горячаго масла, только что снятаго съ огня. Впрочемъ, якуты неразборчивы относительно ѣды и питья. Лѣтомъ они пьютъ воду изъ лужъ, а зимой добываютъ ее изъ снѣга и льда. Между прочимъ, они варятъ кашу изъ рыбы и толченой коры лиственницы или сосны, прибавляютъ въ нее немного муки и молока, въ особенности жира и съ наслажденіемъ ѣдятъ это кушанье. Оба пола чувствуютъ пристрастіе къ табаку и глотаніемъ дыма приводятъ себя въ родъ опьяненія. Они съѣдаютъ невѣроятное количество пищи и спятъ цѣлыми сутками, но могутъ долго оставаться безъ ѣды и сна. Подобно большинству сибиряковъ, они живутъ вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ въ юртахъ, въ которыхъ всегда вонючій удушливый воздухъ. Якуты у Колыма немного опрятнѣе, но только по сравненію съ ихъ соплеменниками; они рѣдко моются, спятъ большей частью въ платьѣ, и если имѣютъ рубашку, что не всегда бываетъ, то носятъ ее до тѣхъ поръ, пока она не превратится въ лохмотья. Національная одежда шьется изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ, состоитъ изъ верхняго платья „кухлянки" и нижняго, составленнаго изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна, „селья", надѣвается какъ передникъ, между тѣмъ какъ другая, „сатуро", покрываетъ туловище сзади. Кромѣ того, якуты носятъ высокіе сапоги „торбасы" или „унти", которые доходятъ до половины верхней части ноги и, наконецъ, шапку съ наушниками „бергеза". Такая одежда служитъ достаточной защитой даже отъ такихъ морозовъ, при которыхъ замерзаетъ ртуть.

Разумѣется, лѣтомъ одежда гораздо легче. Женщинъ по внѣшности трудно отличить отъ мужчинъ. Полигамія процвѣтаетъ, несмотря на принятіе христіанства. Якутъ покупаетъ свою жену или женъ у родителей и платитъ имъ колымъ, состоящій изъ оленей, мѣховъ и дешевыхъ русскихъ издѣлій. Женщины не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о ревности. Якуты живутъ отдѣльными племенами, и обыкновенно женятся на женщинахъ своего племени, чему можно приписать уменьшеніе плодовитости. Лѣтомъ племя складываетъ свои палатки, навьючиваетъ ихъ на оленей, которые замѣняютъ ему коровъ и лошадей и перекочевываетъ въ болѣе открытую мѣстность, гдѣ жвачные тайги находятъ обильныя пастбища. Весной, когда рѣки и ручьи освобождаются отъ льда, луга покрываются травой и начинаютъ зеленѣть деревья, якуты справляютъ большой праздникъ „юзехъ“ или „изехъ“, древнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ у народовъ тюркскаго племени, хотя не представляющій ничего эффектнаго (Ausland, 1850, s. 776). При этомъ поются пѣсни, о поэтическомъ достоинствѣ которыхъ можно судить по слѣдующему отрывку:

Послѣ морозовъ далъ намъ Богъ тепло
Телились наши коровы,
Показалась трава,
Нашъ скотъ на волѣ и даетъ много молока,
Мы готовимъ изъ него кумысъ,
Пьемъ его и веселимся.

Разумѣется, трудно найти что либо скромнѣе этого произведенія поэтическаго творчества. О риѳмѣ и размѣрѣ стиха здѣсь не можетъ быть и рѣчи, равно и о народныхъ пѣсняхъ въ ихъ настоящемъ значеніи (Ausland, 1851, s. 591). До сихъ поръ еще ни одному якуту не приходило въ голову заняться земледѣліемъ; онъ также имѣетъ довольно смутное понятіе о скотоводствѣ (A. a. O., s. 236). О промышленности нѣтъ и помину, хотя отдѣльные индивиды выказываютъ стремленіе къ художественнымъ произведеніямъ. Такъ, напримѣръ, Албинъ Конъ видѣлъ сахарницу изъ мамонтова зуба, на которой якутскій художникъ вырѣзалъ простымъ ножемъ или даже быть можетъ кускомъ кремня, вполнѣ первобытное, но поразительно вѣрное изображеніе оленя и медвѣдя. Эти рисунки представляютъ полнѣйшее сходство съ нѣкоторыми находками костяныхъ вещей до-исторической Европы, но превосходятъ ихъ по точному воспроизведенію природы (см. Globus, Bd. XXV, s. 247). Якуты въ высшей степени гостепріимны и отличаются безпримѣрной любовью къ ближнему, напоминающей патріархальныя времена. Богатые, въ случаѣ нужды, не только помогаютъ своимъ бѣднымъ соплеменникамъ, одѣваютъ и кормятъ ихъ, но если у кого изъ нихъ олени сдѣлаются добычей волковъ, то замѣняютъ ихъ новыми. По словамъ якутскаго архіерея Хитрова, онъ зналъ одного туземца, который просуществовалъ такимъ образомъ три года и получилъ отъ своихъ сосѣдей до тридцати оленей, что уже составляетъ здѣсь порядочное состояніе. Кромѣ того, у якутовъ существуетъ обычай, что дичь, убитая на охотѣ, а именно олени, дѣлятся между всѣми членами семьи или общины, изъ которыхъ каждый поочередно получаетъ шкуру, кромѣ самого охотника. Послѣдній рискуетъ даже потерять свои права на охоту въ случаѣ нарушенія этого обычая, который считался священнымъ у его предковъ. Отказъ отъ предложенной вещи составляетъ для нихъ оскорбленіе; они также долго помнятъ о всякой подаренной имъ бездѣлицѣ. Якуты вѣжливы, услужливы и не имѣютъ склонности къ обману, но при этомъ невѣроятно лѣнивы и безпечны, скрытны и въ высшей степени суевѣрны. Шаманъ до сихъ поръ играетъ у нихъ видную роль. Ссоры бываютъ рѣдко и разбираются мѣстнымъ самоуправленіемъ; объ уголовныхъ преступленіяхъ никогда не слышно. Якуты, живущіе по близости большихъ русскихъ селеній, отличаются совсѣмъ иными нравами, такъ какъ они испорчены постоянными сношеніями съ ссыльными весьма сомнительной нравственности.

Къ западу отъ якутовъ и тунгусовъ живутъ самоѣды, которыхъ причисляютъ къ уральцамъ; они только отчасти встрѣчаются въ Сибири и, преимущественно, распространены на сѣверѣ Европейской Россіи. Ихъ первоначальнымъ мѣстомъ жительства служила Саянская горная цѣпь, откуда они распространились вдоль рѣкъ, вытекающихъ изъ этихъ горъ, а именно Енисея и Оби. Впослѣдствіи они были разъединены вторженіемъ остякскихъ и татарскихъ племенъ и вытѣснены въ болѣе сѣверныя страны. Въ былыя времена самоѣды представляли собой многочисленный народъ, и, хотя отъ нихъ уцѣлѣла только незначительная часть, но и теперь ихъ общая цифра доходитъ до 16,000 душъ. Нынѣшніе самоѣды населяютъ берега Ледовитаго океана отъ Бѣлаго моря до Хатангской бухты и простираются на сѣверѣ отъ Ледовитаго моря до Саянскихъ горъ на югѣ. Они распадаются на четыре племени, которыя говорятъ на различныхъ діалектахъ: 1) Юракскіе самоѣды простираются отъ Бѣлаго моря на западѣ до Енисея на востокѣ, гдѣ они кочуютъ въ безлѣсныхъ тундрахъ Ледовитаго океана. По Кастрену, у юракскихъ самоѣдовъ существуетъ пять различныхъ нарѣчій, а именно: канинъ-тиманшское, ишимское, обдорское, кондинское или касимское и юракское въ тѣсномъ смыслѣ. 2) Тавгійскіе самоѣды живутъ къ востоку отъ юракскихъ и кочуютъ въ тундрахъ вдоль Ледовитаго океана до Хатангской бухты. Тавги извѣстны также подъ именемъ авамскихъ самоѣдовъ. 3) Енисейскіе самоѣды живутъ между двумя предъидущими племенами на тундрахъ нижняго Енисея. Кастренъ различаетъ въ ихъ языкѣ два нарѣчія, а именно: хантай-карассинское и байхашское. 4) Остякскіе самоѣды населяютъ лѣсистый районъ у рѣки Оби и ея притоковъ, между Тымомъ и Чулымомъ. По Кастрену ихъ языкъ дѣлится на три нарѣчія, а именно: сѣверное (тымъ-нарынское), среднее (кетьское) и южное (чулымское). Изъ названныхъ нами четырехъ племенъ первые два ведутъ кочевую жизнь и держатъ стада оленей, четвертое преимущественно кормится охотой и рыбной ловлей, между тѣмъ какъ третье по роду занятій можетъ быть одинаково причислено къ первымъ двумъ и къ послѣднему племени. Равнымъ образомъ эти племена различаются между собой относительно жилищъ: кочевые живутъ въ палаткахъ, а тѣ изъ нихъ, которые промышляютъ охотой и рыбной ловлей, строятъ небольшія хижины.

Слово „самоѣды“ не въ употребленіи у племенъ, обозначаемыхъ этимъ именемъ, такъ какъ они сами называютъ себя хосово или хасоваръ (смотря по произношенію), т. е. „человѣкъ“. Сосѣдніе остяки прозвали ихъ орхои, что означаетъ „дурной“ или „дикій человѣкъ“. По объясненію здѣшнихъ туземцевъ слово „самоѣдъ“ есть ничто иное, какъ бранная кличка, данная имъ первыми русскими охотниками, которые явились въ ихъ страну для добычи мѣховъ. Этимологія этого слова, составленнаго изъ двухъ русскихъ словъ „само“ и „ѣдъ“, вполнѣ соотвѣтствуетъ преданіямъ прошлаго, которые до сихъ поръ держатся въ народѣ. По разсказамъ самихъ самоѣдовъ, а равно и остяковъ, у первыхъ существовалъ нѣкогда обычай, что старики негодные больше для ра-

боты и ѣзды на оленяхъ добровольно подвергали себя насильственной смерти при соблюденіи различныхъ шаманскихъ обычаевъ и съѣдались собственными дѣтьми въ томъ убѣжденіи, что это доставитъ имъ болѣе легкую жизнь послѣ смерти. Существуетъ еще другое менѣе сложное объясненіе, которое находятъ въ буквальномъ переводѣ слова „хосово", а именно: „chos" означаетъ по русски „само" „owo" — единъ (одинъ) передѣланное въ „ѣдъ".

Сибирскіе самоѣды живутъ лѣтомъ на крайнемъ сѣверѣ Азіи у береговъ Ледовитаго океана. Въ сентябрѣ они перекочевываютъ къ югу, къ извилинамъ, образуемымъ устьями рѣкъ Оби и Таса. Здѣсь они остаются до тѣхъ поръ, пока не замерзнутъ эти мореобразныя устья и черезъ ледъ двигаются еще далѣе на югъ, гдѣ густые лѣса съ разсѣянными между ними тундрами доставляютъ имъ надежное убѣжище для суроваго времени года. Каждый разъ, когда самоѣды предпринимаютъ это путешествіе отъ сѣвернаго берега устьевъ Оби и Таса, они приносятъ благодарственную жертву за время благополучно проведенное на сѣверѣ, а вслѣдъ затѣмъ искупительную жертву, чтобы имъ удалось въ цѣлости перебраться черезъ ледъ и достигнуть лѣсовъ, дающихъ имъ убѣжище. Каждый глава семьи старается изловить семь оленей, преимущественно бѣлыхъ; бѣдняки приводятъ сообща семь животныхъ, богатые вдвое и втрое больше, но во всякомъ случаѣ общая цифра пойманныхъ оленей не должна превышать 7×7. Затѣмъ обращенныхъ въ жертву оленей загоняютъ въ кустарникъ, среди котораго находится хотя одна большая лиственница Несчастныя животныя погибаютъ подъ этимъ деревомъ мучительной смертью, такъ какъ ихъ не закалываютъ, а душатъ ремневыми веревками, называемыми „тиндсянъ", послѣ чего съ нихъ сдираютъ шкуру и сырое еще не остывшее мясо съѣдается или, вѣрнѣе сказать, пожирается присутствующими. При этомъ сердце и языкъ каждаго животнаго въ отдѣльности вдѣваютъ на палку, воткнутую въ землю и вымазанную кровью. Нѣкоторое время спустя то и другое снимаютъ съ палокъ, варятъ и съѣдаютъ, въ видѣ особеннаго лакомства. Что касается внутренностей жертвенныхъ животныхъ, то ихъ привязываютъ къ вершинѣ лиственницы, между тѣмъ какъ палки остаются воткнутыми въ землю.

Болѣе или менѣе продолжительное пребываніе отдѣльныхъ семействъ въ томъ или другомъ пунктѣ безусловно зависитъ отъ того, насколько времени хватитъ корма для ихъ оленьихъ стадъ. Если кто либо заболѣетъ изъ семьи, то они остаются на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока больному не станетъ лучше въ томъ убѣжденіи, что, когда олени похудѣютъ отъ недостатка корма и, даже нѣсколько головъ падетъ изъ стада, то болѣзнь должна неизбѣжно пройти. Только въ случаѣ оспы, которая считается діавольскимъ навожденіемъ, ниспосланнымъ на человѣка за грѣхи, они немедленно переходятъ на другое мѣсто и оставляютъ больнаго безъ присмотра, въ особенной, устроенной съ этой цѣлью хижинѣ. Впрочемъ и въ другихъ болѣзняхъ самоѣды не прибѣгаютъ ни къ какимъ лекарствамъ. Они убѣждены, что можно преодолѣть всякую болѣзнь съ помощью принесенной жертвы. Если у самоѣда болитъ нога, то онъ приноситъ въ жертву песцовый мѣхъ, нѣсколько разъ обмахиваетъ имъ больную ногу, затѣмъ вѣшаетъ его на дерево и произноситъ при этомъ слѣдующее заклятіе: „Какъ болитъ моя нога чтобы тебѣ болѣть! теперь ты здоровъ, а я боленъ, чтобы сталось обратно!" Для заклинанія болѣзней обыкновенно приглашаютъ шамана. Этотъ тщательно осматриваетъ больнаго, и разспросивъ его о причинахъ болѣзни, переноситъ ее на оленя, котораго онъ самъ выбираетъ изъ стада, чтобы подвергнуть всевозможнымъ истязаніямъ, и, такимъ образомъ, заставляетъ несчастное животное испытывать тѣ-же, если не худшія страданія. Шаманъ производитъ поочередно эти попытки передачи на многихъ оленяхъ, пока не убѣдится, что угадалъ настоящую болѣзнь и передалъ ее животному. Въ случаѣ выздоровленія больнаго, истерзаннаго оленя зарываютъ живьемъ въ землю. Если всѣ заклинанія шамана оказываются напрас-

ными, и больной умираетъ, то покойника вытаскиваютъ за ноги изъ „чума“ (хижины), только не обычнымъ ходомъ, а съ противоположной стороны черезъ отверстіе, сдѣланное съ этой цѣлью. Лицо и голову умершаго зашиваютъ въ шерстяной платокъ; затѣмъ его опускаютъ въ деревянный гробъ и кладутъ вмѣстѣ съ нимъ различные предметы, которые онъ употреблялъ при жизни, какъ, напримѣръ: его ружья и пороховницу, топоръ и ножъ, трубку и табакъ, лучшую одежду и даже при случаѣ бутылку водки. Такимъ образомъ покойника снабжаютъ всѣмъ необходимымъ, послѣ чего его зарываютъ въ глубокую яму и на могилѣ воздвигаютъ земляной холмъ, на который кладутъ его сломанныя сани и котелокъ, тщательно продырявленный для даннаго случая. Въ заключеніе пригоняютъ любимыхъ оленей умершаго и душатъ ихъ у его могилы; рога втыкаютъ въ холмъ, а мясо съѣдается присутствующими въ видѣ поминокъ. При разставаніи съ могилой, всѣ въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ бранятъ смерть, что она похитила у нихъ отца, брата, дядю или друга, а затѣмъ возвращаются домой. Если жена переживетъ мужа, то она должна цѣлый годъ оплакивать его, и, при этомъ, крайне своеобразнымъ способомъ. Такъ, напримѣръ, дѣлаютъ большую куклу, на которую надѣваютъ платье умершаго, и вдова впродолженіи года должна также заботиться о куклѣ, какъ предже заботилась о мужѣ: во время ѣды ставить передъ ней деревянное блюдо съ кушаньемъ, а передъ сномъ раздѣть ее и положить съ собой въ постель. Если вдова видитъ во снѣ своего покойнаго мужа, то на слѣдующій день приносятъ въ жертву оленя, чтобы этимъ успокоить его тѣнь.

Что касается самоѣдскихъ нравовъ вообще, то мы укажемъ только тѣ черты, которыя бросаютъ особенный лучъ свѣта на жизнь этихъ сибирскихъ кочевниковъ, потому что въ остальномъ они представляютъ мало своеобразнаго. Перекочевки съ мѣста на мѣста со всей семьей и домочадцами, палатками, стадами и всѣмъ имуществомъ называются „кааладъ“, а караванъ составляемый въ этомъ случаѣ „анассъ“; шесть саней (нартъ), связанныхъ вмѣстѣ, изъ которыхъ каждые запряжены парой оленей управляемыхъ однимъ вожакомъ называемымъ „анкишъ“; мѣсто стоянки, гдѣ раскинуты юрты, а вокругъ пасутся стада оленей, обозначается именемъ „чугоръ“ или „миди“. Тропинки, проложенныя въ тундрахъ, вслѣдствіе болѣе или менѣе одинаковаго направленія, принимаемаго „анассами“ (караванами), называются „анасснидами“. При этомъ самоѣды одарены особенной способностью узнавать мѣста прежнихъ стоянокъ и находить слѣды дорогъ, даже покрытыхъ снѣгомъ. Такъ напримѣръ, если самоѣдъ предполагаетъ, что попалъ на мѣсто стоянки котораго либо изъ своихъ соплеменниковъ, то начинаетъ разгребать снѣгъ, чтобы узнать: много ли прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ удалился его предшественникъ. Если оленій пометъ лежитъ въ болѣе верхнихъ слояхъ снѣга, то это служитъ признакомъ, что мѣсто покинуто недавно, если глубже, то слѣдовательно прошелъ болѣе продолжительный срокъ. Если нѣтъ нигдѣ значка, по которому самоѣдъ могъ бы узнать, въ какую сторону направился его предшественникъ, то онъ тѣмъ же способомъ разрѣшаетъ свое недоумѣніе по слоямъ снѣга. Вообще самоѣды имѣютъ обыкновеніе оставлять на мѣстахъ стоянокъ извѣстныя примѣты большей частью въ видѣ палокъ воткнутыхъ въ снѣгъ и наклоненныхъ въ ту сторону, по которой они отправились въ путь. Кромѣ того они вырѣзаютъ на палкахъ особые значки называемы „пиддине“, по которымъ ихъ соплеменники узнаютъ, чей собственно караванъ стоялъ здѣсь. Эти значки бываютъ различнаго рода, какъ, напримѣръ:

Э, Є, ⊥, V, V, <, T,)||(

и т. д., но тѣмъ не менѣе каждый хозяинъ знаетъ большей частью значки другихъ хозяевъ. Равнымъ образомъ олени каждаго отдѣльнаго владѣльца отмѣчены извѣстнымъ значкомъ, который выжигается на правой ляшкѣ живот-

наго, а иногда на обѣихъ ногахъ, съ тою цѣлью, что если олень сбѣжитъ или пристанетъ къ другому стаду, то можно было бы сразу узнать, кому онъ принадлежитъ. Кромѣ того въ общемъ употребленіи особенное тавро, ⊙ которымъ отмѣчаютъ оленей, обреченныхъ на искупительныя жертвы.

Хотя женщина поставлена въ полную зависимость отъ мужчины, жена играетъ роль рабы мужа, а дочь относительно отца и братьевъ, не болѣе какъ вещь, которую они могутъ продать по своему усмотрѣнію, но тѣмъ не менѣе во время перекочевокъ нарты (сани) хозяйки дома составляютъ предметъ особенной заботливости самоѣда, который доходитъ почти до кокетства относительно саней своей жены. Сани хозяйки дома выше и шире всѣхъ остальныхъ, чтобы она могла удобнѣе помѣститься въ нихъ съ маленькими дѣтьми. Въ то время какъ во всѣхъ другихъ саняхъ запряжены по два оленя, въ нарты хозяйки дома впрягаютъ четверню красивыхъ большей частью бѣлыхъ или пѣгихъ оленей. На нихъ надѣваютъ особую упражь; подпруга шьется изъ кусковъ разноцвѣтнаго сукна; при этомъ она оторочена красной каймой и украшена пестрыми лентами; къ санямъ привѣшано множество колокольчиковъ различной величины. Даже одѣяло, которымъ прикрыты сани, обшито разноцвѣтной каймой и украшено полосами яркаго сукна. Хозяйка ѣдетъ впереди всѣхъ; къ ея санямъ привязанъ домашній фетишъ, въ видѣ летящей птицы, вырѣзанной изъ дерева и прикрѣпленной къ палкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ вереница по возможности эффектно разукрашенныхъ саней съ взрослыми дочерьми. Даже дѣти 7—8 лѣтъ имѣютъ свои маленькія нарты запряженныя парой наиболѣе кроткихъ оленей, которыми они научаются править съ самаго ранняго возраста. Новое мѣсто стоянки выбирается хозяиномъ или опытнымъ оленьимъ пастухомъ, которые, опередивъ поѣздъ, заѣзжаютъ то въ ту, то въ другую сторону. Но по прибытіи на мѣсто новой стоянки, первенствующая роль женщинъ прекращается, и онѣ немедленно приступаютъ къ работѣ. Онѣ должны разставить юрты, наколоть дровъ, развести огонь, наносить воды, а въ случаѣ отсутствія послѣдней натаить надъ огнемъ снѣгу въ котлахъ. Мужчины тотчасъ-же убиваютъ оленя, съѣдаютъ лучшіе куски сыраго мяса, а менѣе лакомыя части вмѣстѣ съ объѣдками бросаютъ въ юрту женщинамъ, которыя должны довольствоваться этимъ для утоленія своего голода. Мужчины, насытившись до пресыщенія, ложатся спать, между тѣмъ какъ женщины должны предварительно высушить ихъ обувь, починить и вычистить одежду и все убрать въ юртѣ, и только тогда имѣютъ право насладиться отдыхомъ.

Дѣвушки находятся въ полномъ распоряженіи отца или братьевъ, представляютъ собой рабочую силу, а по достиженіи извѣстнаго возраста продаются какъ товаръ. Мужчина, желающій вступить въ бракъ, посылаетъ въ качествѣ свата своего отца или какого нибудь другаго, но непремѣнно пожилаго родственника. Этотъ входитъ въ юрту, гдѣ есть взрослыя дѣвушки, дѣлаетъ предложеніе и уговаривается относительно „калана“ (по татарски „калымъ“), т. е. выкупа, который долженъ быть выплаченъ за невѣсту ея отцу или братьямъ. Условія вырѣзаютъ въ видѣ значковъ на длинной палкѣ, одинъ конецъ которой остается у отца или брата невѣсты, между тѣмъ какъ другая половина этого своеобразнаго документа вручается свату. Въ случаѣ тяжбы обѣ половины палки должны быть предъявлены и если онѣ плотно прилегаютъ одна къ другой, то условія брачнаго договора утверждаются безъапелляціонно. Само собой разумѣется, что во время предварительныхъ переговоровъ обѣ партіи убиваютъ оленей и взаимно угощаютъ другъ друга, при этомъ лучшіе куски достаются съ одной стороны свату, а съ другой владѣльцу невѣсты, т. е. ея отцу или брату. Что касается дѣвушки, то на нее не обращаютъ никакого вниманія и не считаютъ нужнымъ спрашивать ея согласія. Затѣмъ женихъ можетъ придти къ своей невѣстѣ и видѣть ее, но держится отъ нея въ почтительномъ отдаленіи и не получаетъ ее до тѣхъ поръ, пока не выплатитъ выкупа, который смотря по условію можетъ состоять изъ оленей, болѣе или менѣе цѣнныхъ мѣховъ и другихъ предметовъ. По выдачѣ калана родители

невѣсты выносятъ соотвѣтствующее количество приданаго и упаковываютъ въ сани. Невѣсту также кладутъ въ богато убранныя нарты, покрываютъ наглухо мѣховымъ одѣяломъ и отвозятъ въ юрту жениха, гдѣ ее цѣлую недѣлю прячутъ за занавѣсью, чтобы она могла привыкнуть къ своему новому жилищу, послѣ чего женихъ ведетъ ее къ брачному ложу. Если невѣста сохранила свою дѣвственность до брака, то ея мать получаетъ цѣнный подарокъ, состоящій изъ красивыхъ оленей или другихъ мѣховъ. Тѣмъ не менѣе дѣвушкѣ не ставятъ въ упрекъ, если она отступила отъ цѣломудрія до брака, потому что по понятіямъ самоѣдовъ женщина и создана для этого; но соблазнителя строго преслѣдуютъ и онъ обязанъ искупить свое преступленіе штрафомъ, который платитъ родителямъ невѣсты въ видѣ большаго или меньшаго количества оленей. Относительно замужнихъ женщинъ вопросъ ставится нѣсколько иначе. Если жена оказывается виновной въ нарушеніи супружеской вѣрности, то мужъ наказываетъ ее самымъ жестокимъ образомъ и, кромѣ того, имѣетъ право требовать обратно отъ ея родителей внесенный за нее выкупъ. Поэтому подобное преступленіе составляетъ рѣдкое явленіе и встрѣчается только у бездѣтныхъ родителей или въ случаѣ несовершеннолѣтія мужа, а именно, когда родители, желая увеличить число рабочихъ рукъ въ хозяйствѣ покупаютъ для своего семи—или восьмилѣтняго сына взрослую невѣсту. Послѣдствія такихъ ненормальныхъ условій сами собой очевидны. Мальчикъ, достигнувъ зрѣлости, прогоняетъ свою старую жену или отстраняетъ ее и покупаетъ себѣ другую. Только отецъ не можетъ жениться на родной дочери и братъ на сестрѣ, а во всѣхъ другихъ случаяхъ не существуетъ никакихъ другихъ ограниченій. Бываютъ и такіе примѣры, что молодая дѣвушка, купленная старымъ мужемъ, лишаетъ себя жизни удушеньемъ, потому что по самоѣдскимъ понятіямъ этого рода самоубійство не только не составляетъ преступленія, но даже пріятно Богу, который видитъ въ этомъ добровольную жертву, достойную награды. Дѣвушка, лишая себя жизни этимъ способомъ, надѣется имѣть на томъ свѣтѣ жениха, который ей больше по сердцу. Случалось также, что отецъ въ убѣжденіи, что жена произвела на свѣтъ не его ребенка, убивалъ послѣдняго и бросалъ на съѣденіе собакамъ.

Для облегченія родовъ, отецъ и мать прибѣгаютъ къ высшей степени оригинальному симпатческому средству, имѣющему нравственную основу. Родильница въ наиболѣе тяжелые для нея моменты должна исповѣдываться передъ старой женщиной, если она согрѣшила противъ цѣломудрія до брака или впослѣдствіи была невѣрна мужу, и пересчитать число бывшихъ съ нею такого рода случаевъ. При этомъ старуха завязываетъ на тонкомъ шнуркѣ соотвѣтствующее число узловъ съ нашептываньемъ какихъ-то таинственныхъ словъ. Одновременно съ этимъ мужъ долженъ исповѣдываться передъ старикомъ и пересчитать сколько разъ для удовлетворенія своей похоти онъ предавался скотоложству, и если онъ оказывается виновнымъ въ подобныхъ грѣхахъ, то старикъ завязываетъ узлы на своемъ шнуркѣ. Затѣмъ сравниваютъ число простунковъ обоихъ супруговъ и, отрѣзавъ кусокъ шнурка, съ лишнимъ количествомъ узловъ, кладутъ на нижнюю часть живота родильницы. Если обѣ стороны вѣрно пересчитали свои грѣхи, то послѣ примѣненія этого средства роды будутъ легкіе; если-же случается противное, то это приписываютъ тому, что который либо изъ супруговъ утаилъ часть грѣховъ и, слѣдовательно, не достаетъ одного или двухъ узловъ, которые должны быть развязаны. Страданія въ этомъ случаѣ служатъ искупленіемъ за грѣхи, въ которыхъ не покаялся виновный, и только откровенное сознаніе въ нихъ, равно и раскаяніе можетъ облегчить наказаніе т. е. ниспосланныя страданія (Bernhard von Struve im Ausland. 1880, s. 743—744, 775—777).

Къ самоѣдамъ по своему происхожденію принадлежатъ слѣдующія племена: сойоты, между Саянскими горами, Алтаемъ и Шангаемъ и

рѣками: Тазъ и Башкаусъ. Въ настоящее время они находятся подъ верховнымъ владычествомъ Китая и извѣстны у китайцевъ подъ именемъ уль-янгъ-хаи; маторы живутъ у рѣки Тубы къ востоку отъ Енисея и къ сѣверу отъ Саянскихъ горъ; койбалы по обѣимъ сторонамъ верхняго Енисея; карагасы въ Саянскихъ горахъ у рѣки Уды и камасинцы близъ Абаканска и Канска. Въ настоящее время всѣ эти племена отрѣшились отъ своего языка и нравовъ; большая часть ихъ ассимилировалась съ татарами, между тѣмъ какъ отдѣльныя группы смѣшались съ бурятами.

Самоѣды представляютъ во многихъ отношеніяхъ тѣсную связь съ сосѣднимъ народомъ остяками, которые стоятъ на самой низкой степени умственнаго развитія. Эти остяки, въ числѣ 25,000 душъ живутъ въ Тобольской и отчасти Томской губерніи и имѣютъ такъ много общаго съ самоѣдами по своимъ нравамъ, обычаямъ, религіи и семейному строю, что мы считаемъ лишнимъ распространяться о нихъ. Тѣмъ не менѣе они принадлежатъ къ другой отрасли, нежели самоѣды, а именно къ угрской семьѣ, къ которой причисляются вогулы, охотничье племя въ 7,000 душъ, разсѣянное въ сѣверномъ Уралѣ у Кондара и вверхъ до Сосвы. Вогулы въ умственномъ и въ физическомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ остяковъ и ведутъ одинаковый съ ними образъ жизни (Albin Kohn. Sibirien und das Amurgebiet. Leipzig 1876 s. 28).

МОНГОЛЬСКІЕ НАРОДЫ.

Мы обозначаемъ этимъ именемъ вторую значительную группу альтайцевъ, а именно тѣ азіятскіе народы, которые до сихъ поръ занимаютъ обширную внутреннюю страну, названную по ихъ имени Монголіей, а также области, лежащія въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею. Между ними различаютъ три отдѣльныхъ семьи. Буряты или буреты въ южной части Иркутской губерніи и въ мѣстности прилегающей къ озеру Байкалу отъ китайской границы до бассейна рѣки Лены и отъ Онона до Оки. Восточные монголы, обозначаемые общимъ именемъ монголовъ, населяютъ Монголію т. е. ту страну, которая простирается отъ Сибири, на сѣверѣ до Китая, на югѣ, отъ Манджуріи, на востокѣ до высокой Татаріи или восточнаго Туркестана на западѣ. Это настоящая родина монгольскаго племени, гдѣ до сихъ поръ находится основной элементъ этого народа и откуда выселились другія отрасли. Восточные монголы дѣлятся на два разряда: монголы

калка или халка на сѣверѣ пустыни Гоби и монголы шара или шарайголъ на югѣ до Тибета. Третью семью составляютъ западные монголы или калмыки. Ихъ первоначальнымъ мѣстомъ жительства считаютъ Джунгарію. Но вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и передвиженія вызваннаго завоевательными походами Чингизъ-хана, отдѣльныя племена этой отрасли перешли на западъ, гдѣ водворились въ различныхъ мѣстностяхъ. Равнымъ образомъ значительный потокъ переселенія двинулся къ Алтаю, а оттуда къ Киргизской степи и далѣе къ области истоковъ Тобола, затѣмъ вдоль Мугоджарскихъ горъ къ рѣкѣ Уралу и устью Волги. Но въ 1771 году большая часть переселенцевъ внезапно оставила новыя мѣста жительства и среди невѣроятныхъ опасностей снова вернулась въ Китай. Оставшаяся часть находится въ настоящее время подъ властью русскаго правительства. Теперь эти калмыки мирно кочуютъ между Волгой и Ураломъ и въ Европейской Россіи отъ Астрахани и Ставрополя до Саратова, имѣютъ частыя сношенія съ гернгутерской Сарептской общиной. Что касается калмыковъ, поселившихся на Алтаѣ, то они также извѣстны подъ именемъ черныхъ калмыковъ, въ отличіе отъ телеутовъ или бѣлыхъ калмыковъ, которые живутъ въ Томской губерніи и подверглись сильному турецкому вліянію. Нѣкоторыя монгольскія племена, а именно такъ называемые аймаки и хазарахи живутъ въ сѣверо-восточномъ Кранѣ и нерѣдко переселяются отсюда въ сѣверо-западную Индію; они говорятъ на монгольскомъ діалектѣ, на которомъ замѣтно сильное вліяніе персидскаго языка.

Монголы, несмотря на свой воинственный и суровый характеръ, представляютъ собой лѣнивый, фегматичный, кочевой народъ и далеко уступаютъ охотничьимъ тунгузскимъ племенамъ въ энергіи и живости. Благодаря этимъ свойствамъ, равно и тому обстоятельству, что они поголовно правовѣрные буддисты (ламаисты), слѣдовательно приверженцы ученія, проповѣдующаго миръ и всепрощеніе, этотъ нѣкогда грозный народъ побѣдителей не представляетъ въ настоящее время особенной опасности для своихъ сосѣдей. Между тѣмъ изъ всѣхъ народовъ высокой Азіи монголы безпорно самые могущественные и сильные, и еслибы между ними явился новый Темучинъ, то они могли бы овладѣть Китаемъ и даже, быть можетъ цѣлой Азіей. Ихъ прежніе походы при Темучинѣ (Чингизъ-ханѣ), Темирѣ (обыкновенно называемомъ Тимурленгомъ или Тамерланомъ) и Баберѣ (основатель индійскаго государства) достаточно показываютъ, что они способны совершить чудеса подъ предводительствомъ талантливаго человѣка, который съумѣлъ бы воодушевить ихъ. Монголы основали самое обширное государство, когда либо существовавшее въ мірѣ, завоевали всю Азію и овладѣли значительною частью Европы, но ни одно государство не было такъ кратковременно, какъ монгольское (Fried. Müller, Allgem. Ethnogr. s. 386—387).

Всѣ буряты, за исключеніемъ одного „аймака“ (улуса) располо-

женнаго на китайской землѣ, находятся подъ русскимъ владычествомъ, но управляются своимъ выборнымъ „тайджи“ или княземъ и „шуленга“ или старшинами. „Тайджи“ утверждается въ своемъ званіи русскимъ губернаторомъ, который при этомъ вручаетъ ему кинжалъ. Буряты безъ особеннаго сопротивленія покорились казакамъ въ 1644 году. До этого они всѣ безъ исключенія были преданы шаманству; только въ концѣ семнадцатаго столѣтія буряты, живущіе по ту сторону Байкала приняли буддизмъ, между тѣмъ какъ остальные перешли въ православіе. Но въ дѣйствительности религія бурятъ представляетъ помѣсь шаманства и буддизма, и даже буряты принадлежащіе къ православію, то открыто, то втайнѣ, придерживаются одного изъ этихъ двухъ культовъ. Вообще буряты, живущіе къ востоку, западу или сѣверу отъ Иркутска, преимущественно, шаманисты, а всѣ забайкальскіе буряты исповѣдуютъ буддизмъ.

Вообще культъ шаманскихъ бурятъ крайне простъ, такъ какъ шаманъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ пророка, жреца, поэта, наставника, лекаря и судью. Буряты въ высшей степени суевѣрны и, кромѣ своего Бога, вѣрятъ еще въ другія могущественныя существа „tadebijo“ или „chattyya“ (т. е. хозяевъ). Ихъ нравы и характеръ значительно измѣнились съ переходомъ въ буддизмъ; исчезла прежняя дикость и жестокость; они сдѣлались кроткими и податливыми и въ то же время необыкновенно флегматичными. У нихъ существуетъ природное отвращеніе къ работѣ и нерѣдко только голодъ можетъ побудить ихъ къ дѣятельности. Они скрытны, угрюмы, молчаливы, не особенно услужливы, хотя гостепріимны, умѣренны и невзыскательны въ образѣ жизни. Но, благодаря русскимъ, познакомились съ табакомъ и спиртными напитками, къ которымъ чувствуютъ особенное пристрастіе. Вообще они довольно миролюбиваго характера. Убійство составляетъ величайшую рѣдкость; грабежи и разбои никогда не случаются среди бурятъ, но они склонны къ воровству. Буряты принадлежатъ къ самымъ трусливымъ племенамъ и только въ тѣхъ случаяхъ выказываютъ мужество, гдѣ перевѣсъ силы на ихъ сторонѣ. Отвлеченныя понятія совершенно чужды имъ. Съ недавняго времени нѣкоторые изъ нихъ занялись первобытнымъ хлѣбопашествомъ и уже достигли благопріятныхъ результатовъ. Бурятъ имѣетъ особенную склонность къ ремесламъ и музыкѣ и въ непродолжительномъ времени оказывается искуснѣе своихъ наставниковъ. Наиболѣе цивилизованное изъ ихъ племенъ—буряты-коримъ или хоринги пользуются извѣстнымъ достаткомъ и въ большинствѣ случаевъ умѣютъ читать и писать. Менѣе цивилизованные буряты живутъ лѣтомъ въ юртахъ, зимой въ войлочныхъ палаткахъ и занимаются охотой и скотоводствомъ, хотя плохіе скотоводы, охотятся рѣдко и преимущественно зимой; но всѣ они превосходные наѣздники. Въ юртѣ мужчины и женщины собираются вокругъ очага, т. е. ямы, вырытой по срединѣ, надъ которой виситъ огромный, никогда не вычищаемый котелъ съ національнымъ кушаньемъ, употребляемымъ въ то же время въ видѣ напитка. Оно приготовляется изъ полукислаго снятаго молока и ржаной муки и должно быть доведено до извѣстной степени броженія. Мужчины и женщины сидятъ на коврѣ, съ поджатыми ногами по восточному обычаю и наслаждаются куреніемъ своего кальяна, который распространяетъ отвратительный запахъ. Всего поразительнѣе стремленіе къ роскоши, которое проявляется въ юртахъ достаточныхъ людей, тѣмъ болѣе, что на ряду съ этимъ живутъ бѣдняки въ величайшей нуждѣ и нравственномъ униченіи. Цѣлый разрядъ людей, какъ, напримѣръ, слуги, пастухи и работники едва имѣютъ достаточно одежды, чтобы избѣгнуть наготы и съ тру-

домъ заработываютъ настолько, чтобы прикрыть свое полуобнаженное тѣло. Буряты носятъ кожаную и мѣховую одежду, а по ту сторону Байкала ихъ нарядъ отличается богатствомъ и блескомъ и особенно оригиналенъ у молодыхъ дѣвушекъ, которыя, также какъ и женщины, вплетаютъ въ свои косы конскій волосъ, чтобы сдѣлать ихъ длиннѣе и гуще. Мужчины свертываютъ въ одинъ пучекъ свои густые, длинные и мягкіе волосы, черные какъ вороново крыло. При этомъ богатые навѣшиваютъ ремень съ нашитыми на немъ серебряными рублями и другими монетами, а ихъ жены, сверхъ того, украшаютъ свою одежду серебряными деньгами и даже золотыми пластинками въ талеръ величины. Между тѣмъ бѣдняки, взамѣнъ всей этой роскоши, носятъ узкій ремешекъ, иногда съ двумя-тремя серебряными пятачками и не столько съ цѣлью украшенія, но въ видѣ талисмана противъ злыхъ чаръ. Буряты готовы на всякія пожертвованія изъ-за серебряныхъ монетъ, въ особенности молодыя женщины и дѣвушки, которыя чувствуютъ къ нимъ такое пристрастіе, что не въ состояніи ни въ чемъ отказать счастливому обладателю ихъ. Что касается нравственности бурятъ, то Альбинъ Конъ вообще сообщаетъ мало утѣшительнаго. Нѣтъ ни одной молодой женщины или дѣвушки, которая бы не готова была продать себя за звонкую монету. Вслѣдствіе излишествъ въ половыхъ отношеніяхъ въ юртахъ Нерчинской степи свирѣпствуютъ тайныя почти неизлѣчимыя болѣзни, отъ которыхъ гибнетъ много жертвъ. Бурятъ также покупаетъ свою жену у ея родителей и платитъ за нее колымъ; во время свадьбы устраивается пиръ, на которомъ главную роль играетъ конина и квашеное молоко; свадебныя празднества длятся отъ 3—7 дней, смотря по состоянію новобрачныхъ. Изъ семейныхъ праздниковъ особенно заслуживаетъ вниманія торжество, справляемое по случаю вступленія мальчика въ отроческій возрастъ. У забайкальскихъ бурятъ господствуетъ еще слѣдующій обычай. Здѣсь нерѣдко случается, что если у молодой четы родится ребенокъ, то новорожденнаго похищаютъ черезъ нѣсколько дней. Родители жалуются, плачутъ, но тѣмъ не менѣе просятъ сосѣдей не отыскивать ребенка. Оказывается, что богатая бурятская чета на случай, если у ней родится мальчикъ, заранѣе заключаетъ условіе съ бѣднымъ семействомъ, которое должно принять къ себѣ новорожденнаго и воспитать его. Бѣднякъ бурятъ прокрадывается ночью въ домъ богатаго, и этотъ вручаетъ ему ребенка. На слѣдующее утро поднимается плачъ, что ребенокъ украденъ. Нѣсколько лѣтъ спустя въ домѣ богача появляется молодой бурятъ, для котораго приготовляютъ торжественную встрѣчу. Этотъ вновь прибывшій юноша и есть похищенное дитя богатыхъ родителей. Онъ выросъ въ юртѣ бѣдной семьи, не зная о своемъ происхожденіи, привыкъ къ труду, нуждѣ и лишеніямъ и, слѣдовательно, не изнѣжился. Изъ народныхъ празднествъ, первое мѣсто занимаетъ праздникъ новаго года, который наступаетъ съ первымъ весеннимъ полнолуніемъ и называется „sagan sara“ (бѣлый мѣсяцъ). Въ этотъ день, по окончаніи богослуженія, буряты поздравляютъ другъ друга и взаимно обмѣниваются подарками „chadak“, бѣлыми шелковыми лентами, со словами: „Sain udur sain bylyk“ (т. е. счастливый подарокъ въ счастливый день). Кромѣ этого праздника, буряты по старому обычаю справляютъ молебствіе въ степи и въ этихъ случаяхъ воздвигаютъ небольшіе холмы (курганы). Такія религіозныя празднества, преимущественно, происходятъ въ іюнѣ. По окончаніи молебствія устраиваются различныя забавы, въ видѣ конскаго бѣга, поединка силачей и упражненій въ стрѣльбѣ (Ausland, 1877, s. 120). Численность бурятъ доходитъ до 230,000; они распадаются на нѣсколько отдѣловъ; изъ нихъ 150 тысячъ живутъ по ту сторону Байкала. Западные буряты замѣтно уменьшаются въ числѣ, несмотря на преимущества, предоставленныя имъ русскимъ закономъ. Между восточными и западными племенами существуетъ очень мало различій, какъ относительно образа жизни, такъ жилищъ и одежды. Въ Забайкальи они заработываютъ много денегъ извозомъ, потому что восточные буряты достав-

ляютъ большую часть китайскаго чая, вывозимаго изъ Кяхты въ Иркутскъ на ярмарку. Бурятъ, промышляющій извозомъ, всего чаще запрягаетъ быковъ въ свою двухколесную тѣлегу „арбу", и при этомъ употребляетъ для упряжи русскій хомутъ и дугу. Забайкальскіе буряты имѣютъ свои храмы „дацаны" и своихъ ламъ, т. е. буддійскихъ жрецовъ, которые, несмотря на свое ужасающее невѣжество, пользуются безграничнымъ вліяніемъ на народъ и эксплуатируютъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Религіозныя церемоніи совершаются въ домахъ, палаткахъ и храмахъ, существуютъ также положенныя молитвы для извѣстныхъ праздниковъ, но нѣтъ запрещенія работать въ эти дни.

Бурятка.

Буряты по своему тѣлосложенію походятъ на остальныхъ монголовъ, въ особенности на калмыковъ. Ихъ физіономія напоминаетъ бульдоговъ; скуловыя кости выступаютъ впередъ, челюсти сильно развиты, лобъ низкій и узкій, глаза черные, съ узкимъ косымъ разрѣзомъ, волосы густые, носъ небольшой и настолько приплюснутый, что конецъ его никогда не превышаетъ уровня лба, цвѣтъ кожи темный и желтовато-коричневый, черепъ очень широкій и бракихефальный. По измѣреніямъ Мальюса, указатель черепа колеблется между 83,2 до 93,8, среднимъ числомъ 89,6. Емкость черепа весьма значительна и доходитъ среднимъ числомъ до 1723 кубическ. сантиметр. (Arch. f. Anthrop. Bd. X, s. 438). Бедра короткія и искривленныя. Буряты необыкновенно легки вѣсомъ и настолько малосильны, что пять-шесть человѣкъ не сдѣлаютъ того, что одинъ русскій. Ихъ говоръ представляетъ діалектъ монгольскаго языка и

распадается на нѣсколько подраздѣленій, а именно на этой сторонѣ Байкала на нарѣчія: кудинское, верхоленское, ленское, затѣмъ на обхонское, идинское, балаганское, аларское и тункинское, между тѣмъ какъ по ту сторону Байкала господствуютъ нарѣчія: селенгинское, баргазинское и кударинское. Изъ нихъ селенгинское нарѣчіе всего ближе подходитъ къ монгольскому языку. Для письма служатъ монгольскіе и тибетскіе письменные знаки; ихъ священныя книги большей частью написаны на тибетскомъ языкѣ. Съ начала нынѣшняго столѣтія буряты стали знакомиться съ русскимъ языкомъ; съ этихъ поръ насчетъ общинъ основано нѣсколько приходскихъ училищъ, такъ что въ настоящее время многіе изъ нихъ если не въ совершенствѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ весьма удовлетворительной степени могутъ объясняться по-русски.

Восточные или настоящіе монголы распадаются, какъ упомянуто выше, на два большихъ монгольскихъ племени: калка и шара. Первые раздѣлены на 83 улуса, часть которыхъ находится подъ русскимъ владычествомъ; общая цифра ихъ доходитъ до четырехъ милліоновъ душъ, такъ что, во всякомъ случаѣ, это самое многочисленное изъ всѣхъ монгольскихъ племенъ и при этомъ пользуется наибольшимъ благосостояніемъ. Монголъ средняго роста и сильнаго тѣлосложенія. Его угловатый черепъ вполнѣ гармонируетъ съ его широкими плечами, между тѣмъ какъ большое плоское лицо съ маленькими темными глазами и узкимъ разрѣзомъ вѣкъ, выступающія скулы, короткій плоскій носъ, относительно большой ротъ съ жидкими усами и огромныя оттопыренныя уши ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть притязаній на красоту. Кожа имѣетъ коричневый оттѣнокъ, густые жесткіе волосы на головѣ чернаго цвѣта. Прическа похожа на китайскую, при гладко выбритой передней части головы; на затылкѣ красуется настоящая или фальшивая коса, которая виситъ до земли. Женщины представляютъ собой такія же изнѣженныя слабыя существа, какъ и китаянки; ихъ лица отличаются отъ мужскихъ только отсутствіемъ бороды и менѣе сильнымъ загаромъ. Что касается прирожденныхъ свойствъ монгола, то несравненно легче указать на темныя стороны его характера, нежели перечислить его добродѣтели. Къ главнымъ, свойственнымъ ему недостаткамъ, принадлежитъ прожорливость, затѣмъ баснословная нечистоплотность въ соединеніи съ малодушіемъ, которое происходитъ отъ прирожденной трусости. Въ борьбѣ съ непріятелемъ онъ считаетъ лучшей побѣдой удачно выполненное бѣгство. Фридрихъ Миллеръ представляетъ слѣдующую характеристику монгола: „Вслѣдствіе флегматичности, присущей монголу, которая выражается отчасти въ его дѣтскихъ чертахъ лица, онъ отличается въ большинствѣ случаевъ кроткимъ и миролюбивымъ нравомъ, какъ это показываютъ и его занятія. Онъ преимущественно скотоводъ и земледѣлецъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ предается рыболовству и охотѣ. Если буддизмъ сдѣлалъ такіе большіе успѣхи въ центральной и восточной Азіи и по числу приверженцевъ сдѣлался первой религіей на землѣ, то онъ прежде всего обязанъ этимъ кроткому настроенію духа монголовъ. Впрочемъ, флегматическій характеръ ни въ какомъ

случаѣ не мѣшаетъ ихъ воинственности. Разумѣется, монголу не достаетъ личнаго мужества, которымъ отличаются другія расы; онъ только тогда становится храбрымъ воиномъ, когда другіе поощряютъ его своимъ примѣромъ и умѣютъ возбудить въ немъ фанатизмъ. Вездѣ, гдѣ монголы являлись побѣдителями, ими предводительствовали вдохновленные люди, и они брали перевѣсъ надъ врагами стремительнымъ нападеніемъ цѣлыми массами. Однако, ни одно изъ обширныхъ воздвигнутыхъ ими государствъ не долго переживало смерть своего основателя, и они сами черезъ короткое время становятся жертвой покоренныхъ ими народовъ. Даже большія государства на дальнемъ востокѣ, съ сплошнымъ монгольскимъ населеніемъ, созданныя путемъ завоеванія, прежде всего обязаны своей долговѣчностью флегматичности обитателей, равно и тому обстоятельству, что они не подверглись серьезнымъ нападеніямъ со стороны болѣе одаренныхъ расъ. События послѣдняго времени достаточно показали, въ какой степени они способны къ противодѣйствію въ данномъ направленіи.

Государственный строй народовъ монгольской расы можетъ быть названъ патріархальнымъ въ строгомъ значеніи этого слова. Глава общины или государства находится въ такомъ же отношеніи къ его отдѣльнымъ членамъ, какъ отецъ къ членамъ своей семьи. Они обязаны выказывать ему такое же послушаніе и уваженіе, какъ дѣти своему отцу, и онъ можетъ требовать отъ нихъ соотвѣтственныхъ жертвъ. Вообще монголы до сихъ поръ сохранили этотъ бытъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они образовали болѣе значительныя государства, весь строй ихъ жизни, носитъ на себѣ явный патріархальный характеръ. Этотъ строй, не допускающій проявленія индивидуальности, лишаетъ монгольскую расу всякой самодѣятельности. Монголу чуждо какое бы то ни было общественное движеніе; онъ держится во всемъ заранѣе начертаннаго пути. Отсюда та приверженность къ формѣ, которая постоянно проявляется въ немъ и навязанный ему духъ рабства. Патріархальныя учрежденія неизбѣжно влекутъ за собой особенное почитаніе всего, что передано родителями и предками. Все, что они думали и дѣлали, должно быть хорошо, потому что въ ихъ пользу говоритъ долгій опытъ. Величайшая премудрость заключается въ томъ, чтобы знать все это и жить по данному образцу. Благодаря этимъ взглядамъ, монголъ представляетъ собой типъ крайняго ретроградa, дѣлающаго медленные успѣхи въ цивилизаціи. Съ другой стороны, это міровоззрѣніе усиливаетъ привязанность ко всему туземному, которая сильнѣе переходитъ въ плоть и кровь каждаго отдѣльнаго индивида, нежели въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются различные взгляды и стремленія. „Рука объ руку съ упомянутыми особенностями выступаетъ преобладаніе холоднаго разсчетливаго разсудка и недостатокъ воодушевленія и творческой фантазіи. Благородныя чувства любви и дружбы недоступны монголу. У него вездѣ на первомъ планѣ холодный разсчетъ, который прежде всего имѣетъ въ

виду пользу и цѣлесообразность. Поэзія не играетъ большой роли у монгольской расы и также, какъ ихъ философія и религія, тѣсно связана съ землей. Для монгола существуетъ только видимый міръ, о которомъ онъ имѣетъ извѣстное понятіе; онъ считаетъ лишнимъ думать о другомъ, невидимомъ мірѣ" (F. Müller. Allg. Ethn., s. 417—419). При этомъ считаемъ нелишнимъ добавить, что приведенная характеристика не только относится къ восточнымъ монголамъ, но можетъ быть въ одинаковой степени примѣнена къ западнымъ монголамъ или калмыкамъ, такъ какъ вообще обѣ группы по образу жизни и нравамъ, мало отличаются другъ отъ друга. Поэтому, мы не признаемъ нужнымъ раздѣлять ихъ и представимъ одно общее описаніе, отмѣтивъ только тѣ особенности, которыя встрѣтятся у того или другаго народа.

Одежда мужчинъ также, какъ у китайцевъ, состоитъ изъ широкой одежды со складками, сшитой изъ бумажной матеріи и доходящей до колѣнъ, которая зимой замѣняется овчиннымъ тулупомъ, опоясаннымъ кожанымъ кушакомъ, съ неизмѣнной трубкой и табачнымъ кисетомъ. Обувью служатъ китайскіе шелковые башмаки и неуклюжіе кожаные сапоги съ толстой подошвой; на головѣ надѣта темная войлочная шляпа съ загнутыми полями или суконная шапка, отороченная зимой мерлушкой или лисьимъ мѣхомъ. Въ дождливую погоду въ употребленіи суконные плащи, которые у знатныхъ людей краснаго цвѣта, у простонародья чернаго. Затѣмъ оба пола носятъ шаровары. Одежда женщинъ мало или вовсе не отличается отъ мужской. Только кафтаны бываютъ нерѣдко различнаго покроя и съ болѣе или менѣе богатой отдѣлкой; равнымъ образомъ шляпы и сапоги снабжены нѣкоторыми украшеніями. Волосы раздѣлены прямымъ проборомъ, заплетены въ двѣ косы и украшены бусами и кораллами. Косы висятъ спереди по обѣимъ сторонамъ вдоль плечь. Одежда калмыковъ ничѣмъ не отличается отъ монгольской. Здѣсь она также совершенно одинакова у обоихъ половъ; вся разница заключается въ длинѣ, а также въ большемъ или меньшемъ количествѣ украшеній. Главную принадлежность туалета составляетъ верхнее платье въ видѣ халата, подъ которое надѣваютъ кафтанъ доходящій до колѣнъ „бешметъ" и штаны „шолбуръ". Зимой въ употребленіи овчинные тулупы, а въ дождливое время широкіе плащи изъ косматаго войлока, которые привязываются къ шеѣ ремнемъ. Затѣмъ монголы и калмыки носятъ на головѣ маленькія шапки, обыкновенно желтаго цвѣта, которыя зимой подбиты и оторочены мѣхомъ. Ноги обуты въ широкіе сапоги съ высокими каблуками изъ черной кожи или краснаго сафьяна у богатыхъ. Бѣдные люди ходятъ лѣтомъ босикомъ; у мужчинъ при сильной жарѣ обнажена верхняя часть туловища; женщины всегда одѣты. Дѣти до семилѣтняго возраста ходятъ почти нагіе, и только во время холода на нихъ надѣваютъ овчинные тулупы и войлочные чулки. Вообще все платье не чистятъ, не чинятъ, а носятъ до тѣхъ поръ, пока оно не сгніетъ отъ пота и не обратится въ лохмотья. Приверженцы человѣческаго равенства должны быть вполнѣ удовлетворены относительно калмыковъ, потому что у нихъ едва ли мыслимъ такой фактъ, чтобы кто нибудь изнывалъ отъ зависти, при видѣ болѣе богатой одежды своего достаточнаго сосѣда, и только тотъ имѣетъ щеголеватый видъ, кто случайно надѣлъ новое платье. Подобно китайцамъ монголы и калмыки не имѣютъ никакого понятія о купаньѣ. Монголъ скорѣе согласится пить воду, нежели употреблять ее для мытья. Съ ранняго дѣтства онъ относится къ водѣ съ священнымъ ужасомъ, и проливной дождь также вредно дѣйствуетъ на его здоровье, какъ на верблюда. Въ большинствѣ случаевъ онъ умираетъ старикомъ не умывъ ни разу своего лица, впродолженіе всей жизни.

Монголы и калмыки живутъ въ круглыхъ юртахъ (кибиткахъ), которыя у монголовъ носятъ названіе „gyr". Остовъ юрты состоитъ изъ рѣшетчатыхъ деревянныхъ стѣнъ, отдѣльныя части которыхъ скрѣплены ремнями. Сверху устроено отверстіе, которое служитъ окномъ и дымовой трубой; сбоку находится дверь. Съ внѣшней стороны, кибитка покрыта на подобіе колпака множествомъ войлоковъ привязанныхъ шерстяными тесемками или веревками. Высота юрты у боковыхъ стѣнъ доходитъ обыкновенно до 1, 6 м.; посреди она вдвое выше и имѣетъ въ поперечникѣ около 4—6½ м. Внутренняя обстановка въ высшей степени проста. Напротивъ двери немного влѣво находится постель, состоящая изъ войлоковъ, направо вдоль стѣны виднѣется рядъ тюковъ, въ которыхъ содержится движимое имущество семьи. На мѣшкахъ ближайшихъ къ кровати разостланъ войлокъ или коверъ и надъ нимъ къ жердямъ крыши привѣшаны идолы („бурханы"). На стѣнѣ между тюками и дверью висятъ сѣдла, уздечки и ружья съ фитилями. Направо отъ постели сложена кухонная утварь: бурдюкъ, въ которомъ квасятъ кумысъ, нѣсколько котловъ, блюда, чашки, ведра, треногіе таганы и висятъ запасы мяса. Посреди юрты устроенъ очагъ со всѣми его удобствами и непріятными сторонами; кругомъ обыкновенно разостлано нѣсколько шкуръ для домочадцевъ, а равно и гостей. Противъ дверей между очагомъ и постелью обычное мѣсто хозяйки дома, а рядомъ налѣво отъ мѣшковъ помѣщается хозяинъ дома. Направо между мѣстомъ хозяйки и дверью сидятъ женщины принадлежащія къ семьѣ, а на другой сторонѣ у дверей—мужчины. Рядомъ съ хозяиномъ дома оставлено мѣсто для почетнаго гостя, для котораго растилается войлокъ. Таковъ безъ исключенія внѣшній видъ каждой юрты. Богатый и бѣдный довольствуется упомянутой утварью, съ тою разницей, что у перваго больше мѣшковъ и котлы болѣе значительныхъ размѣровъ. Затѣмъ у достаточныхъ людей мѣшки наполнены матеріями, мѣхами и различной одеждой; у бѣдняковъ почти исключительно овчинами и изношенными лохмотьями. Но такъ какъ въ юртахъ не только готовятъ кушанье, но зимой приходится держать отчасти домашнихъ животныхъ, какъ напримѣръ телятъ, ягнятъ и собакъ, то можно себѣ представить, какая въ нихъ господствуетъ нечистота. Войлоки юртъ никогда не чистятся; остатки прогорѣлаго масла, смѣшаннаго съ накопившейся пылью, образуютъ отвратительную клейкую массу, покрывающую стѣны. При этомъ здѣсь кишатъ всевозможныя насѣкомыя, отъ которыхъ избавляются первобытнымъ способомъ, а именно юрту переносятъ на извѣстное разстояніе и ставятъ на новомъ мѣстѣ. Вообще нужно замѣтить, что не только простой народъ, но и князья, не гнушаются домашними насѣкомыми, и если монголъ рѣшится убить одно изъ нихъ, то съ видимымъ удовольствіемъ облизываетъ кровь съ своего ногтя. При случаѣ онъ также готовъ раздавить пьявку зубами (G. Kreitner. Im fernen Osten. s. 733).

Пища монголовъ и калмыковъ преимущественно состоитъ изъ продуктовъ скотоводства, которое можно считать ихъ главнымъ занятіемъ. Изъ кушаньевъ у монгола на первомъ планѣ кирпичный чай съ просовой мукой, приправленной солью, масломъ и молокомъ. День и ночь надъ очагомъ съ тлѣющимъ верблюжьимъ пометомъ виситъ котелъ съ чаемъ и никогда не пустѣетъ, несмотря на то, что одна чашка наполняется вслѣдъ за другой. Въ пищу употребляется мясо всѣхъ домашнихъ животныхъ, кромѣ свинины; его варятъ въ водѣ безъ всякихъ приправъ, даже безъ соли, затѣмъ разрѣзаютъ на куски, которые при ѣдѣ обмакиваютъ сперва въ соленую воду. Тѣмъ не менѣе домашнихъ животныхъ убиваютъ по возможности рѣдко. Если случайно околѣетъ баранъ, то его употребляютъ на жаркое; при этомъ особенно лакомымъ кускомъ считается курдюкъ. Вообще монголы не пренебрегаютъ мясомъ павшихъ, болѣе или менѣе жирныхъ животныхъ; и даже ламы ѣдятъ падаль, хотя имъ запрещена конина и верблюжье мясо. Прожорливый монголъ можетъ съѣсть сразу не менѣе 5 килограм. баранины, и встрѣчаются даже такіе лакомки, ко-

торые въ продолженіи одного дня могутъ уничтожить цѣлаго барана средней величины! Монголъ считаетъ баранину особенно лакомой ѣдой, между тѣмъ калмыкъ предпочитаетъ конину и говядину. Простые люди преимущественно питаются жидкой мучной кашей, и для этой цѣли покупаютъ у сосѣднихъ татаръ крупно смолотую пшеничную муку. Хлѣбъ не въ употребленіи у монголовъ, хотя они охотно ѣдятъ китайскія булки, а время отъ времени пекутъ лепешки и дѣлаютъ лапшу изъ пшеничной муки. У сибирской границы они уже привыкли до извѣстной степени къ ржаному хлѣбу. Но такъ какъ вода въ степяхъ рѣдко бываетъ годной для питья, то ее замѣняютъ квашеннымъ кобыльимъ, коровьимъ или овечьимъ молокомъ. Главной составной частью пищи служитъ молоко, приготовленное различнымъ способомъ, то въ видѣ жидкости или простокваши, то масла или сыра и, наконецъ, охмѣляющаго напитка „кумыса“. Изъ молока перегоняютъ также крѣпкую водку, и, если она очищена надлежащимъ способомъ, то не уступаетъ нашей хлѣбной водкѣ. На таганъ ставятъ большой низкій котелъ, наполняютъ его на три четверти молокомъ и прикрываютъ сверху деревяннымъ кружкомъ, состоящимъ изъ двухъ половинокъ, которые плотно прилегаютъ къ котлу. Затѣмъ края тщательно замазываютъ глиной. Въ каждой половинѣ кружка сдѣлано круглое отверстіе, которое имѣетъ въ поперечникѣ около 4 сантиметр.; въ эти отверстія воткнуты изогнутыя деревянныя трубки, проведенныя въ два деревянныхъ чана. Всѣ щели опять-таки старательно замазываются и подъ котломъ разводятъ большой огонь; дистиллированное кипяченое молоко перегоняется, въ деревяные чаны. Этимъ кончается вся процедура, которая возможна только лѣтомъ при изобиліи молока.

Хотя нельзя похвалить монголо-калмыцкую кухню, въ смыслѣ опрятности, но кушанья приготовлены вкусно и питательно. Посуду никогда не моютъ, а только изрѣдка вылизываютъ или счищаютъ пальцемъ; равнымъ образомъ мясо никогда не моютъ, а прямо опускаютъ въ котелъ для варки. Поэтому часто случается, что въ похлебкѣ плаваютъ волосы, трава и другіе предметы, а чай, приготовленный въ котлѣ отзывается кониной, которую варили въ немъ за день или за два передъ тѣмъ. Монголы ѣдятъ всѣ кушанья руками, обыкновенно довольно грязными. Мясо кладутъ въ ротъ большими кусками, и, наполнивъ его до полнѣйшей возможности, срѣзаютъ остальное ножомъ у самаго рта. Кости обгладываютъ начисто до послѣдняго волокна, а нѣкоторые даже раскалываютъ ихъ, чтобы вынуть мозгъ. Ѣда подается два раза въ день, затѣмъ тотчасъ послѣ ужина или часъ спустя, всѣ ложатся спать съ трубкой во рту. Послѣдняя играетъ большую роль, въ особенности въ жизни калмыковъ, у которыхъ, по словамъ Радлова, куреніе табака распространено болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Женщины и дѣти курятъ наравнѣ съ мужчинами; мать суетъ даже трубку въ ротъ груднаго младенца. Если въ юрту калмыка входитъ гость, то всѣ присутствующіе тотчасъ же вынимаютъ молча трубки изъ сапоговъ и зажигаютъ ихъ. Затѣмъ начинается общая передача трубокъ съ обычнымъ привѣтствіемъ „Nä tabysch bar?“ (что дурнаго?), на что слѣдуетъ неизмѣнный отвѣтъ: „Tabysch jogula!“ (ничего?) Нѣсколько минутъ только слышны эти слова, потому что каждый спѣшитъ выкурить поданную трубку и снова набить ее. Вообще пріемъ посѣтителя не требуетъ большихъ издержекъ, такъ какъ главнымъ угощеніемъ служитъ кумысъ. Этотъ благородный напитокъ пьютъ до послѣдней капли, пока, наконецъ, всѣ, одинъ за другимъ падаютъ въ безчувственномъ состояніи, между тѣмъ какъ сидящіе болтаютъ безъ умолку и производятъ оглушающій шумъ. Только жены и дѣти остаются трезвыми, потому что по понятіямъ калмыковъ женщины хорошаго тона, не имѣющія взрослыхъ дѣтей не должны напиваться до-пьяна. Восточный монголъ также склоненъ къ пьянству и, если ему удается добыть отъ китайца кружку рисовой водки, то онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не выпьетъ ее до послѣдней капли въ обществѣ своихъ друзей.

Изъ домашнихъ животныхъ монголы и калмыки разводятъ верблюдовъ, лошадей, рогатый скотъ, овецъ и козъ, и въ этомъ заключается ихъ главное богатство. Верблюдъ служитъ собственно вьючнымъ животнымъ для этихъ народовъ, такъ какъ при своей умѣренности особенно пригоденъ для жизни въ степяхъ и пустыняхъ. Изъ его шерсти изготовляютъ веревки и грубыя ткани; молоко, нѣсколько солоноватое на вкусъ, служитъ приправой для чая, а мясо, хотя довольно жесткое, охотно употребляется въ пищу бѣднякамп. Быки служатъ у этихъ народовъ для переноски тяжестей и верховой ѣзды; но коровы даютъ мало молока. Овцы крупнѣе европейскихъ и снабжены курдюками. Шерсть у нихъ волосистая, стрижется два раза въ году; она не можетъ быть употреблена на сукно, но вполнѣ пригодна для изготовленія войлока. Мужчины главнымъ образомъ ходятъ за скотомъ и оберегаютъ его. Хотя это занятіе, повидимому, не особенно обременительно въ теплое время, но зимой въ высшей степени тягостно, такъ какъ скотъ находится не въ хлѣвахъ, а подъ открытымъ небомъ. На ряду съ скотоводствомъ монголы и калмыки отчасти занимаются охотой; кромѣ того при отсутствіи цеховой промышленности, большая часть вещей изготовляется дома. Кромѣ дубленія кожи и изготовленія войлока, они сами готовятъ уздечки, сѣдла, дуги и даже нерѣдко ножи и огниво. Всѣ другіе предметы, необходимые для домашняго обихода, монголъ покупаетъ у китайцевъ и въ весьма небольшомъ количествѣ у русскихъ купцовъ въ Кяхтѣ и Ургѣ. На обязанности женщинъ лежитъ домашнее хозяйство и забота о дѣтяхъ.

Монголы и калмыки имѣютъ только одну жену признанную закономъ, но при этомъ имъ дозволено брать наложницъ, которыя живутъ вмѣстѣ съ законной женой; ихъ вступленіе въ домъ не связано ни съ какими церемоніями. Въ то время, какъ главная жена ровня мужу по своему происхожденію, наложницъ берутъ изъ болѣе бѣдныхъ семействъ или онѣ купленныя рабыни, которыя при случаѣ могутъ быть снова перепроданы. Поэтому на законную жену смотрятъ какъ на полновластную хозяйку дома, которая распоряжается въ юртѣ. Рожденныя ею дѣти наслѣдуютъ всѣ права отца, между тѣмъ, какъ дѣти наложницъ считаются незаконными; они не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство, но могутъ быть усыновлены съ разрѣшенія мѣстныхъ властей. Положеніе замужней женщины незавидное. Тѣсный горизонтъ кочевой жизни еще больше съуживается для нея. Она находится въ полной зависимости отъ мужа и проводитъ всю жизнь въ юртѣ, гдѣ занята дѣтьми и домашнимъ хозяйствомъ. Что касается нравственныхъ свойствъ монгольскихъ женщинъ, то нужно замѣтить, что онѣ хорошія матери и хозяйки, но ихъ супружеская вѣрность далеко не безъукоризненная. Впрочемъ развратъ составляетъ общее явленіе, и ему предаются не только замужнія женщины, но и дѣвушки. Это ни для кого не тайна и не считается особеннымъ преступленіемъ. Въ домашнемъ быту жена монгола пользуется одинаковыми правами съ нимъ, но внѣ юрты она не имѣетъ никакого значенія. Монголъ—хорошій семьянинъ и сердечно любитъ своихъ дѣтей, которыя получаютъ самое простое воспитаніе, какое только можно себѣ, представить. Дѣти являются на свѣтъ безъ труда; затѣмъ новорожденному тотчасъ даютъ кусокъ сала для сосанья, и только нѣсколько дней спустя онъ получаетъ материнское молоко. Его завертываютъ въ войлокъ и кладутъ въ люльку похожую на ящикъ, гдѣ онъ цѣлыми днями предоставленъ самому себѣ, и только время отъ времени къ нему подходитъ мать и кормитъ его грудью. Какъ только ребенокъ можетъ бѣгать его оставляютъ на произволъ судьбы. Старшіе члены семьи пользуются большимъ уваженіемъ; ихъ совѣты и даже приказанія исполняются безпрекословно. Если умираетъ монголъ, то его трупъ обыкновенно завертываютъ въ войлокъ и накрываютъ нѣсколькими камнями или древесными вѣтвями, послѣ чего въ короткій промежутокъ времени отъ пожираютъ хищные звѣри и собаки. ихъ ма-

Вся жизнь монголовъ и калмыковъ проходитъ въ бездѣльи, кото божествъ,

гопріятствуютъ условія скитальческой пастушечьей жизни. Уходъ за стадами ихъ единственная забота, и во всякомъ случаѣ оставляетъ имъ много свободнаго времени. Весь трудъ и тяжелая сторона жизни выпадаетъ на долю женщинъ, между тѣмъ какъ мужъ проводитъ время въ ѣдѣ, питьѣ, куреньи и снѣ. Алтайскій калмыкъ тунеядецъ по преимуществу. Только осенью онъ навѣшиваетъ на себя ружье и впродолженіе нѣсколькихъ недѣль странствуетъ на лыжахъ по горамъ, чтобы добыть надлежащее количество мѣховъ для взноса ясака. Лѣтомъ онъ посѣщаетъ своихъ друзей и знакомыхъ и наслаждается кумысомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ это время почти все населеніе Алтая рѣдко бываетъ въ трезвомъ видѣ. Между тѣмъ калмыкъ вполнѣ доволенъ такимъ образомъ жизни, и правъ съ своей точки зрѣнія, потому что ничто не заботитъ его и онъ не чувствуетъ ни малѣйшаго стремленія къ какимъ либо перемѣнамъ. Если онъ нуждается въ одеждѣ или пищѣ, то получаетъ ихъ отъ болѣе богатаго сосѣда, потому что всѣ жители данной мѣстности составляютъ какъ бы одну семью и богатый употребляетъ свой достатокъ на то, чтобы кормить окрестныхъ бѣдняковъ. Это не стоитъ ему даже большаго труда, потому что сравнительно лучшее положеніе достигнуто имъ не тяжелой работой; онъ былъ только счастливѣе другихъ; его стада умножались и остались здоровыми, между тѣмъ какъ чума лишила бѣдняка сосѣда послѣдняго скота. Этотъ въ высшей степени развитой коммунизмъ особенно распространенъ у тѣхъ калмыковъ, которые всего ближе подходятъ къ такъ называемому „естественному состоянію", какъ, напримѣръ, у живущихъ въ долинахъ Чулышмана, Башкауса и Телецкаго озера. Условія жизни у монголовъ совсѣмъ иные, но и они въ высшей степени гостепріимны. Мужчины и женщины одинаково разговорчивы и вѣжливы. Болтовня съ гостемъ за чашей, наполненной чаемъ, составляетъ ихъ главное удовольствіе; въ обращеніи съ людьми равнаго съ ними положенія, они называютъ другъ друга „нохоръ", т. е. господинъ.

Хотя они скитаются съ мѣста на мѣсто, но обыкновенно каждое племя имѣетъ свои стоянки, которыя посѣщаетъ попеременно одни за другими, смотря по времени года, такъ что зимой и въ періодъ дождей они посѣщаютъ безводныя мѣстности, между тѣмъ какъ въ сухое время выбираютъ пункты болѣе богатые водой. Когда глава племени назначаетъ перекочевку, всѣ тотчасъ же укладываютъ вещи, навьючиваютъ на верблюдовъ и съ пѣніемъ слѣдуютъ за вождемъ и его свитой, которые ѣдутъ впереди, болтаютъ и курятъ. По прибытіи на мѣсто, юрты раскидываютъ съ такой же быстротой, съ какой онѣ были сняты и стараются сдѣлать ихъ по возможности обитаемыми для кратковременной стоянки. Строй жизни этихъ народовъ былъ нѣкогда патріархальный. Нѣсколько семействъ, связанныхъ родствомъ, составляли „хотонъ" подъ начальствомъ старшины „ага"; нѣсколько хотоновъ образовали „аймакъ", во главѣ котораго стоялъ „зайсангъ"; званіе послѣдняго было наслѣдственное. Нѣсколько аймаковъ составляли улусъ, во главѣ котораго былъ „нойонъ"; нѣсколько улусовъ образовали племя подъ начальствомъ тайша, а всѣ племена вмѣстѣ одинъ народъ, подчиненный „хану". Въ настоящее время, когда эти народы утратили свою независимость и находятся отчасти подъ китайскимъ и частью русскимъ владычествомъ, положеніе дѣлъ измѣнилось. Со времени подчиненія монголовъ манджурской династіи, аймаки раздроблены на нѣсколько независимыхъ между собой владѣній, подчиненныхъ мѣстнымъ князьямъ, которые хотя носятъ титулъ хана, но фактически не болѣе, какъ уполномоченные вожди; у калмыковъ существуютъ только улусы съ нойонами во главѣ, которые подчинены астраханскому губернатору. Въ былыя времена одинъ изъ этихъ князей, обыкновенно торгоутскій, былъ облеченъ званіемъ [illegible]це-хана (khaani-orotschi) или тайши. По словамъ д-ра В. Радлова, алтайскіе [illegible]ыки распадаются на семь различныхъ подраздѣленій или „тюлшиновъ". [illegible]ѣ каждаго подраздѣленія стоитъ зайсангъ; это званіе наслѣдственное [illegible] семьѣ, но по желанію народа можетъ быть передано и другому. Зай-

сангу подчинены пять „темишей“, которыхъ достоинство одинаково наслѣдственное; подъ властью темишей находятся „шуленги“.

Монгольское общество дѣлится на три класса: дворянство, духовенство и воиновъ. Всѣ семьи, состоящія въ родствѣ съ властелиномъ, образуютъ дворянство, касту патриціевъ, которая одна владѣетъ землей. Дворяне „тайтцзи“ носятъ на своихъ шапкахъ голубыя пуговицы; изъ нихъ властелинъ выбираетъ своихъ министровъ, обыкновенно не больше трехъ, которые носятъ красную пуговицу (стеклянный шарикъ) и называются „тутзелактцзи“. Монгольскіе князья находятся въ зависимости отъ Китая, но тѣмъ не менѣе постановлено разъ навсегда, что великій ханъ въ Пекинѣ не можетъ отстранить отъ должностей которое либо изъ вліятельныхъ монгольскихъ семействъ, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ имѣетъ право смѣнить вождя. Монгольскіе князья платятъ дань скотомъ и, въ свою очередь, получаютъ отъ пекинскаго двора подарки, въ видѣ шелковыхъ платковъ, шубъ и другихъ предметовъ роскоши. Простой народъ во многихъ отношеніяхъ занимаетъ такое же унизительное положеніе относительно дворянства и духовенства, какъ низшія касты въ Индіи, сравнительно съ привилегированными сословіями. Ни одинъ простолюдинъ не смѣетъ сѣсть на одѣяло знатнаго человѣка; равнымъ образомъ ни одинъ знатный человѣкъ не будетъ пить изъ одной чаши съ простолюдиномъ. Только крайняя необходимость можетъ заставить кого либо изъ знатныхъ войдти въ хижину бѣдняка.

Религія этихъ народовъ есть ничто иное, какъ буддизмъ въ формѣ тибетскаго ламаизма. Послѣдній имѣетъ такое же отношеніе къ двумъ другимъ подраздѣленіямъ этого ученія (южному и фоизму), какъ у насъ католичество къ различнымъ христіанскимъ сектамъ. Ламаизмъ представляетъ сложную іерархію съ верховнымъ главой, которому воздаются такія же почести, какъ святому. Это Далай-лама (буквально жрецъ океана) въ Тибетѣ. На ряду съ нимъ ставится „Банъ-Изинъ-ердени“, который равенъ ему по святости, если не по своему политическому значенію; затѣмъ слѣдуетъ „Гуисонъ Томба“ или „Кхутукту“ (правильнѣе „хутухту“) въ Ургѣ, и, наконецъ, кутухты или „хигены“ различныхъ храмовъ Монголіи. Число такихъ высшихъ представителей духовной власти доходитъ до десяти; ихъ назначаетъ Далай-лама; но они утверждаются въ своемъ званіи китайскимъ правительствомъ. Всѣ эти господа безсмертны и представляютъ собой земное воплощеніе какого нибудь святого и только мѣняютъ тѣло, подобно тому, какъ другіе смертные снимаютъ изношенное платье и надѣваютъ новое. Душа каждаго изъ нихъ покидаетъ ослабѣвшее тѣло, отыскиваетъ болѣе юное и входитъ въ него; затѣмъ ламы или „хуваракъ“ находятъ его и снова отводятъ въ прежнее жилище (Globus, Bd. XXVIII, s. 379). Калмыки имѣютъ верховной главой ламу, который до 1800 года былъ возводимъ въ это званіе Далай-ламой, но съ тѣхъ поръ назначается русскимъ правительствомъ. Онъ живетъ на берегу Волги въ Калмыцкомъ базарѣ, по близости Астрахани и каждое лѣто объѣзжаетъ степь. Монголы также, какъ и калмыки, заражены самыми нелѣпыми суевѣріями и придаютъ большое значеніе предзнаменованіямъ и сверхъестественнымъ явленіямъ, хотя эта черта рѣзко противорѣчитъ съ здравымъ практическимъ умомъ, который они проявляютъ въ обыденной жизни. На ряду съ культомъ Будды, у нихъ до сихъ поръ господствуетъ шаманство, а именно у горныхъ калмыковъ, у которыхъ „камъ“ все еще пользуется большимъ вліяніемъ. О самомъ божествѣ калмыки имѣютъ весьма смутное представленіе, и только немногіе изъ нихъ могли дать въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе опредѣленные отвѣты г. Радлову. Сообразно ихъ показаніямъ, у нихъ существуютъ два главныхъ божества: доброе называется „Ульгенъ“, а также „Тенгри-ханъ“ (небесный князь) или „Паяна“ и злое „Ерликъ“, „Кёмёсъ“ или „шайтанъ“. Эти названія заимствованы отъ сосѣднихъ народовъ: „Ерликъ“ отъ монголовъ, „шайтанъ“ отъ тюркскихъ магометанскихъ племенъ. Кромѣ того, у нихъ много второстепенныхъ божествъ,

равнымъ образомъ, заимствованныхъ у сосѣднихъ народовъ; они также покло-няются горамъ и рѣкамъ, которыхъ считаютъ властелинами питающей ихъ земли, и, наконецъ, душамъ умершихъ предковъ. Но всѣ эти представленія о высшихъ существахъ находятся въ хаотическомъ состояніи и по своей неопредѣленности сливаются между собой. Даже понятія о добромъ и зломъ божествѣ не строго отдѣлены другъ отъ друга, потому что Ерликъ или шайтанъ то является отцомъ людей, то истребителемъ ихъ.

Изъ литературныхъ произведеній монголо-калмыцкаго творчества первое мѣсто занимаютъ народные разсказы. Каждый туземецъ, имѣющій притязаніе считаться образованнымъ человѣкомъ, знаетъ ихъ наизусть, но они обыкновенно передаются разсказщиками по профессіи. Многія изъ этихъ эпическихъ произведеній весьма значительнаго объема и служатъ свидѣтельствомъ необыкновенной памяти этого первобытнаго народа. Кромѣ этимъ героическихъ поэмъ, подчасъ нелишенныхъ поэтическаго достоинства, не меньшій интересъ заслуживаетъ „сказка Сиддхи-кюра", одинаково популярная среди монголовъ и калмыковъ. Сиддхи-кюръ (siddhi — чародѣйская сила, kür — трупъ), какъ извѣстно, есть ничто иное, какъ монгольская переработка древней буддійской рецензіи индійскаго собранія сказокъ называется Фетȃлапанчати, т. е. двадвать пять разсказовъ „Фетȃла" (демона, живущаго въ мертвецахъ, который одаренъ чародѣйской силой). Это собраніе, перешедшее вмѣстѣ съ буддизмомъ къ монголамъ, а отъ нихъ къ калмыкамъ, имѣетъ важное культурно-историческое значеніе, потому что мы встрѣчаемъ здѣсь общеизвѣстныя сказки европейскихъ цивилизованныхъ нȁродовъ. Всего яснѣе видно это изъ разсказа Арджи-Бȯрджи-хана, который представляетъ полное тождество съ описаніемъ божьяго суда въ „Тристанѣ и Изольдѣ" Готфрида Страсбургскаго.

Во всей Монголіи господствуетъ одинъ языкъ, который, смотря по мѣстности, распадается на разные діалекты, нерѣдко въ такой степени отличные по выговору, что сѣвернымъ монголамъ не легко объясняться съ своими южными соплеменниками. Слова, употребляемыя въ одной мѣстности, иногда совсѣмъ непонятны въ другой. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Пржевальскаго, который считаетъ нынѣшній монгольскій языкъ испорченнымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, смѣшаннымъ съ тунгусскими или китайскими элементами. Письменные знаки схожи съ китайскими; монголы пишутъ сверху внизъ и слѣва направо. Къ монгольскимъ народамъ принадлежатъ телеуты или бѣлые калмыки, которые живутъ у Телецкаго озера. Приморскіе монголы исчезли неизвѣстно куда, такъ что нельзя опредѣлить въ точности, куда собственно дѣлись остатки этого народа, если только они не смѣшались съ горными калмыками, кочующими вдоль верхняго Башкауса и Чулышмана. Телеуты до сихъ поръ встрѣчаются въ киргизскихъ степяхъ далеко на юго-западѣ и западѣ между киргизъ-кайсаками Средней орды, въ качествѣ крѣпостныхъ и рабовъ. Отрасли этого народа издавна живутъ осѣдло въ деревняхъ, а именно въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ у рѣки Томи, въ Кузнецкомъ и Томскомъ уѣздѣ, гдѣ они занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Хотя телеуты называются бѣлыми калмыками, но они несомнѣнно принадлежатъ восточно-тюркско-татарскому племени, какъ и вообще между алтайскими калмыками многіе не монгольскаго, а тюркскаго происхожденія.

Равнымъ образомъ, вымирающіе карагасы (небольшой, полудикій охотничій народъ) безусловно принадлежатъ къ монгольскому племени; ихъ физіономія свидѣтельствуетъ о весьма близкомъ сродствѣ съ бурятами. Между тѣмъ въ болѣе древнемъ описаніи („Этнографическій Сборникъ“, ч. IV, 1858) говорится, что общій типъ ихъ лица скорѣе напоминаетъ кайсаковъ Средней орды, нежели монголовъ. Самый западный изъ пяти улусовъ этого народа находится вблизи ручьевъ, впадающихъ въ Канъ, правый притокъ Енисея.

Въ заключеніе къ жителямъ Монголіи причисляютъ въ географическомъ отношеніи тангутовъ, которые населяютъ гористыя части Нань-шана въ восточной провинціи Кань-су, низменности въ Куку-Норѣ, равно и восточную часть Цайдама. Они особенно многочисленны у истоковъ Хуанъ-Хо, гдѣ называютъ себя хара-тангутами и отличаются отъ первыхъ болѣе дикими наклонностями, а также сильнымъ тѣлосложеніемъ. По внѣшности тангутъ отличается отъ монгола и ближе подходитъ къ жителю Тибета; равнымъ образомъ сходство языковъ несомнѣнно указываетъ на его тѣсную этнологическую связь съ послѣднимъ.

ТЮРКСКАЯ НАРОДНАЯ СЕМЬЯ.

Въ настоящее время отдѣльныя отрасли этой народной семьи простираются отъ зеленаго побережья Средиземнаго моря до ледяныхъ береговъ Лены въ Сибири. Но тѣмъ не менѣе ея первобытной родиной слѣдуетъ считать Туркестанъ, гдѣ уже съ глубокой древности разъѣзжали толпами полудикіе кочевники на быстроногихъ коняхъ, по сосѣдству съ иранскимъ культурнымъ міромъ, который и не подозрѣвалъ грозившей ему опасности. Вѣроятно, отсюда въ началѣ нашего лѣтосчисленія двинулись многія племена въ различныхъ направленіяхъ и примкнули къ отдѣльнымъ завоевателямъ, подчинившимъ верхне-азіятскіе народы своей власти. Турки были первыми изъ народовъ монгольской расы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ исторіи западныхъ странъ. Издавна извѣстные римлянамъ, они подобно монголамъ, основали большія могущественныя государства, покорили римскую имперію и привели въ трепетъ всю Европу. Престолы: Китая, Персіи, Индіи, Сиріи, Египта и государства калифовъ подпали подъ власть турокъ. За исключеніемъ ихъ сѣверо-восточной вѣтви, якутовъ, они являются поголовно приверженцами ислама и неизмѣнно слѣдуютъ завѣту пророка завоевать рай съ оружіемъ въ рукахъ. Несмотря на

многочисленныя завоеванія, они почти всѣ остались кочевниками и пастухами; но въ случаѣ необходимости немедленно превращались въ разбойничьи воинственныя орды. Только османлисы завладѣвшіе юго-восточной Европой, и отчасти Малой Азіей, а также нѣкоторыя тюркскія племена Средней Азіи предались земледѣлію. Вся Средняя Азія отъ окраинъ Гоби до самой границы Европы находится въ рукахъ турокъ, которые отчасти покорили иранскіе народы, т. е. арійскихъ первобытныхъ обитателей страны, частью загнали ихъ въ самыя отдаленныя горныя равнины. Тѣмъ не менѣе, судя по новѣйшимъ извѣстіямъ, число среднеазіятскихъ арійцевъ во всякомъ случаѣ несравненно значительнѣе, чѣмъ предполагали до сихъ поръ. Тюркская отрасль языка области Камула въ настоящее время распространена непрерывно на всемъ протяженіи до береговъ Адріатическаго моря, хотя распадается на различные діалекты обозначаемые общимъ именемъ „тюркскихъ“. Ихъ можно раздѣлить на двѣ опредѣленныя группы: восточную и западную тюркскую; и можно до сихъ прослѣдить, какъ изъ первой черезъ различныя промежуточныя степени образовалась вторая группа діалектовъ. Повидимому родиной этого языка нужно считать востокъ, и по всѣмъ вѣроятіямъ западныя долины горъ Тяньшаня; равнымъ образомъ почти несомнѣнно, что другія культуры, а именно иранская, оказали вліяніе на строеніе западнаго языка. Восточнотюркскій языкъ распадается на три діалекта: китайско-татарскій, узбекскій и языкъ туркменовъ. Изъ этихъ трехъ діалектовъ только первый распространенъ въ восточномъ Туркестанѣ и распадается на два второстепенныя нарѣчія: языкъ магометанъ отъ Камула до Кашгара и нарѣчіе кочевниковъ Тянь-шаня и Джунгаріи, т. е. кара-киргизовъ. Различіе между этими двумя діалектами незначительно;— главная разница заключается въ томъ, что жители городовъ восточнаго Туркестана усвоили множество чужихъ, а именно персидскихъ словъ, не вошедшихъ въ сѣверное нарѣчіе. Послѣднее въ свою очередь пользуется многими словами китайскаго и въ особенности монгольскаго происхожденія, вошедшими въ употребленіе благодаря буддизму, которому предано большинство народовъ, говорящихъ на этомъ діалектѣ. Совершенно подобное же различіе существуетъ между обоими діалектами и въ письменномъ отношеніи: у немагометанъ большей частью въ употребленіи древніе уйгурскіе письменные знаки, которыми нерѣдко должны пользоваться мусульманскіе священники, перешедшіе съ сѣвера на югъ въ качествѣ миссіонеровъ. Между тѣмъ въ южныхъ городахъ арабское письмо вошло въ общее употребленіе.

Изъ тюркскихъ народовъ, говорящихъ на сѣверномъ діалектѣ, особенно заслуживаютъ вниманія кара-киргизы. Этотъ народъ представляетъ собой настоящихъ киргизовъ; китайцы называютъ ихъ бурятами или бурутами (не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ монгольскими бурятами), турки—дикими или черными киргизами, кара-киргизами, между тѣмъ какъ русскіе обозначаютъ ихъ именемъ „дикокаменныхъ“

или „каменныхъ“ киргизовъ по скалистымъ горамъ, которыя служатъ ихъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Они живутъ отчасти въ Джунгаріи, затѣмъ въ восточномъ Алтаѣ, въ горныхъ мѣстностяхъ истоковъ Сыра и у его значительныхъ притоковъ Чу и Таласа въ Алатау, горныхъ хребтахъ, лежащихъ въ окрестностяхъ озера Иссыкъ-куль и на югѣ до истоковъ Аму-дарьи на Памирѣ. Они говорятъ на чистомъ тюркскомъ діалектѣ и дѣлятся на двѣ народности: правую (on) и лѣвую (sol), которыя въ свою очередь распадаются на племена и семьи. Ихъ можно также раздѣлить на сѣверныхъ и южныхъ кара-киргизовъ. Къ сѣверу отъ Сыръ-дарьи ихъ кочевья имѣютъ наибольшее распространіе отъ востока на западъ, между тѣмъ какъ на сѣверѣ къ нимъ примыкаютъ киргизъ-кайсаки, а на югѣ осѣдлое населеніе Кокана и китайскаго Туркестана. Къ югу отъ Сыра преимущественно съ сѣвера на югъ тянутся другія земли, занятыя этими кочующими племенами, тогда какъ съ восточной стороны къ нимъ примыкаетъ осѣдлое населеніе восточнаго Туркестана, а съ западной населеніе Кокана и Бухары. Къ югу отъ Сыръ-дарьи ихъ кочевья прерываются поселеніями воинственныхъ и фанатичныхъ горныхъ сартовъ.

Сѣверные кара-киргизы не имѣютъ между собой ни малѣйшей связи и никакихъ общихъ государственныхъ учрежденій. Ихъ многочисленныя племена совершенно отдѣлены другъ отъ друга и враждуютъ между собой, и даже каждое отдѣльное племя развѣтвляется въ свою очередь на новыя подраздѣленія, которыя равнымъ образомъ находятся между собой во враждѣ. Всѣ ихъ военныя силы поглощены безконечной внутренней борьбой и, кромѣ того, распрями съ сосѣдними кайсаками, такъ что при всей дикости они были безъ труда покорены китайцами и коканцами; а затѣмъ въ новѣйшее время, за малыми исключеніями, одно племя за другимъ добровольно признали русское господство. Мѣста жительства сѣверныхъ кара-киргизовъ отдѣлены отъ южныхъ дикимъ почти недоступнымъ горнымъ массивомъ близь истоковъ—Чу и Нарына, гдѣ находится малочисленное племя черпковъ, также признавшихъ русское господство. Конокрадство составляетъ любимое занятіе кара-киргизовъ, и они предаются ему при всякомъ удобномъ случаѣ. Они выѣзжаютъ передъ разсвѣтомъ, нерѣдко толпами въ 100 человѣкъ, и проводятъ цѣлый день въ какомъ нибудь ущельи, что разумѣется дѣлаютъ они въ жаркую пору года, потому что въ холодное осеннее время они перегоняютъ днемъ своихъ коней. Къ вечеру они отправляются въ то мѣсто, гдѣ представляется возможность совершить какой либо грабежъ. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ они надѣваютъ самое старое платье и вооружаются кромѣ сабли и пикъ длинными палками, утолщенными на концѣ, называемыми „батикъ“ (batik), которыми они управляютъ съ большимъ искусствомъ. Эти палки имѣютъ отъ 1—2 м. длины. Если они встрѣтятъ днемъ толпу своихъ соплеменниковъ, которая далеко уступаетъ имъ въ численности, то немедленно набрасываются на нее съ страшнымъ крикомъ и свистомъ, кружатся вокругъ, размахивая надъ головой своими палками. Если тѣ, на которыхъ они сдѣлали нападеніе, не хотятъ добровольно сойти съ лошадей, то ихъ бьютъ до тѣхъ поръ, пока они не свалятся на землю. Обыкновенно удары направлены на затылокъ или берцовую кость. У сброшеннаго съ сѣдла непріятеля отнимаютъ лошадь и даже одежду, если она окажется годной и оставляютъ его въ одной рубахѣ [1]). Кара-киргизы, имѣя постоянно

[1]) Новѣйшіе путешественники свидѣтельствуютъ, что кара-киргизы далеко не такъ дики, какъ ихъ представляли прежде. *Прим. перев.*

дѣло съ лошадьми, въ большинствѣ случаевъ умѣютъ лечить ихъ отъ всякихъ болѣзней; въ этомъ отношеніи особенно искусны тѣ изъ нихъ, которые знаютъ киргизскія молитвы, и разумѣется они играютъ видную роль у этого суевѣрнаго народа. Замѣчательно, что кара-киргизы, несмотря на свое крайнее суевѣріе, не имѣютъ большаго запаса сказокъ.

Южные кара-киргизы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются отъ сѣверныхъ. Правый отдѣлъ „оn" распадается на двѣ группы адене и тагаи; изъ нихъ племена тагаи, по преимуществу, могутъ быть отнесены къ южной киргизской семьѣ. Важнѣйшія изъ этихъ племенъ сары-багишъ, богу, султу, черики, саяки, чонъ-багишъ и бассыцъ. Изъ нихъ саяки живутъ въ Тянь-шанѣ у истоковъ Нарына, черики на югѣ Иссыкъ-куля, а чонъ-багишъ въ горахъ къ сѣверо-западу отъ Кашгара. Всѣ они очень бѣдны, но тѣмъ не менѣе южные кара-киргизы усвоили коканское полуобразованіе и находятся въ непосредственной связи съ прежнимъ ханствомъ Коканъ, нѣкогда владѣвшимъ частью Тянь-шаня, которая теперь перешла во власть русскихъ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ также этихъ кара-киргизовъ въ Коканѣ, гдѣ они вмѣстѣ съ кипчаками и воинственными фанатичными сартами образуютъ господствующее племя. Въ Тянь-шанѣ вліяніе Кокана на бурутовъ было всегда незначительное. Между кара-киргизскими племенными вождями даже были выработаны опредѣленныя правила освященныя временемъ и обычаемъ, которыми они руководствуются при грабежѣ каравановъ. Эти правила состоятъ въ слѣдующемъ: 1) каждый караванъ при переходѣ черезъ аулъ воинственнаго племеннаго вождя долженъ заплатить „зякетъ" (пограничную пошлину); 2) караванъ обязанъ внести выкупъ для свободнаго проѣзда (транзитную пошлину); 3) караванъ долженъ поднести главѣ племени подарки, которые бы соотвѣтствовали его значенію и могуществу; 4) ни одинъ караванъ не имѣетъ права миновать аулы знаменитыхъ вождей, но долженъ сдѣлать остановку и воспользоваться ихъ гостепріимствомъ. Послѣднее заключается въ томъ, что караванъ получаетъ на ужинъ одного или двухъ тощихъ барановъ и обязанъ въ свою очередь на слѣдующій день поднести извѣстный подарокъ. Но если подарокъ не соотвѣтствуетъ значенію вождя, оказавшаго гостепріимство путникамъ, то караванъ по существующему правилу подвергается наказанію. Понятно, что подобныя стѣсненія наносили не малый ущербъ торговлѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ Тянь-шань на нѣсколько дней пути къ сѣверу отъ Кашгара, сдѣлался русской областью, мѣстныя условія приняли иной характеръ. Лишеніе власти кара-киргизовъ, подпавшихъ подъ русское господство, какъ и слѣдовало ожидать, отразилось благотворно на всѣхъ тѣхъ, кому приходится странствовать по Кашгарской области. Кара-киргизы извѣстны также подъ именемъ алайскихъ-киргизовъ и кочуютъ по обѣимъ сторонамъ Памира, и даже небольшая часть ихъ распространена до пастбищъ у рѣки Каракаша, что можно считать самымъ южнымъ пунктомъ, до котораго когда либо доходили эти кочевники. Ихъ родичи каракалпаки (черные калпаки) изготовляютъ превосходные ковры, живутъ въ войлочныхъ юртахъ по берегамъ Сыръ-Дарьи и къ югу отъ Аральскаго моря, слѣдовательно вдали отъ своихъ племенныхъ родичей.

Узбеги или узбеки представляютъ собой безспорно господствующій народъ въ Туркестанѣ; это тотъ самый народъ, который въ десятомъ столѣтіи былъ извѣстенъ у своихъ южныхъ сосѣдей подъ именемъ гузеновъ. Ихъ мѣста жительства простираются отъ восточнаго Туркестана, Бухары, Балха, Хивы и Ферганы до Каспійскаго моря и Оксуса или Аму-Дарьи. До завоеванія страны русскими они составляли военный господствующій классъ въ трехъ ханствахъ: Хивѣ, Бухарѣ и Коканѣ и совершенно подчинили своей власти таджиковъ.

Мейендорфъ насчитываетъ до $1^1/_2$ милліона узбековъ. Въ Коканѣ они положительно сохранили бо̀льшую чистоту крови, нежели въ Бухарѣ (гдѣ они смѣшались съ иранскими таджиками), и по тѣлосложенію нѣсколько отличаются отъ киргизовъ, а именно они выше ростомъ, волосы на лицѣ нѣсколько гуще и длиннѣе, и вообще ихъ наружность менѣе безобразна, чѣмъ у киргизовъ. У нихъ скорѣе коричневый, нежели желтый цвѣтъ кожи, носъ широкій и совершенно приплюснутый на концѣ; глаза продолговатые; лобъ скошенный сверху

Узбекъ.

и сильно выступающій на нижней сторонѣ; борода вообще скудная; ростъ въ большинствѣ случаевъ высокій, тѣлосложеніе пропорціональное, съ хорошо развитыми мышцами. Р. Шау утверждаетъ, что они менѣе похожи на татаръ, чѣмъ киргизы, и не безъ основанія приписываетъ это примѣси таджикской крови. Тѣмъ не менѣе въ ихъ наружности много общаго съ киргизами, но по языку они настолько же отличаются отъ послѣднихъ, какъ и отъ другихъ некочующихъ тюркскихъ племенъ.

Имя узбековъ впервые встрѣчается во второй половинѣ XV столѣтія. Проф. Вамбери, описывая узбековъ, говоритъ, что эта нація, распространенная во

всей центральной Азіи, дѣлится на множество племенъ. Его взглядъ раздѣляли многіе ученые, хотя весьма сомнительно, чтобы узбеки представляли собой самобытное народное племя. Мы скорѣе готовы согласиться съ мнѣніемъ проф. Пешеля, который признаетъ узбековъ господствующей расой въ кипчакскомъ или западномъ монгольскомъ государствѣ, образовавшейся изъ помѣси различныхъ азіятскихъ народностей. Такимъ образомъ, имя узбекъ имѣло не этнографическое, а политическое значеніе, и узбековъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать націей, а ея составныя части народными отраслями. Въ цѣломъ это ничто иное, какъ помѣсь тюрко-монгольскихъ жителей центральной Азіи, которые не имѣли между собой ничего общаго, кромѣ исторической и политической связи, и поэтому могли отличаться другъ отъ друга относительно языка, нравовъ и физіономіи. Кромѣ того, нужно замѣтить, что при той степени могущества, какую достигли узбеки, люди различнаго происхожденія не колеблясь обозначали себя именемъ этого значительнаго племени. Такъ, напримѣръ, и теперь нѣкоторыя знатныя фамиліи въ Кашгарѣ произвольно называютъ себя узбеками, хотя послѣдніе не признаютъ ни малѣйшаго сродства съ ними. Узбеки отчасти живутъ въ селеніяхъ и частью въ видѣ постоянно вооруженныхъ и готовыхъ къ войнѣ кочевниковъ. Съ одной стороны, они представляютъ собой суровыхъ, но добродушныхъ дѣтей природы, чуждыхъ хитрости, которая обыкновенно неразрывно связана съ восточной цивилизаціей, а съ другой — они безъ удержи предаются своимъ страстямъ, такъ что большинство преступниковъ въ странѣ принадлежитъ этому племени. Дороги не безопасны отъ ихъ разбоевъ, и поэтому караваны, чтобы избавиться отъ нападеній узбековъ, добровольно платятъ имъ извѣстную контрибуцію. Узбеки малодушны, мстительны и отличаются крайнимъ невѣжествомъ, такъ что только люди высшихъ классовъ умѣютъ читать и писать. Единоборство, примѣрные бои, лошадиный бѣгъ съ дорогими призами составляютъ ихъ любимое развлеченіе. У нихъ также есть свои пѣвцы романсовъ; при этомъ они особенно цѣнятъ турецкую поэзію, т. е. народную поэзію тюркскихъ племенъ, населяющихъ персидскую провинцію Мазендеранъ. Собаки пользуются у нихъ особеннымъ почетомъ. Если вы спросите узбека: не продастъ ли онъ свою жену? то это нисколько не оскорбитъ его, но вы нанесете ему кровную обиду вопросомъ: не продастъ ли онъ свою собаку? „Sakki ferasch“ или „торгующій собаками“ — самая бранная кличка, какая только существуетъ между узбеками (Litter. Gaz. vom 26 Febr. 1841). Число узбековъ въ русскомъ Туркестанѣ, за исключеніемъ живущихъ въ городѣ Самаркандѣ, доходитъ приблизительно до 30,000. Значительная часть ихъ сосредоточена въ Ходжендѣ, гдѣ большинство имѣетъ постоянныя мѣста жительства; изъ нихъ около 6,000 душъ ведутъ болѣе или менѣе кочующій образъ жизни. Узбеки, какъ и всѣ турки, не имѣютъ никакого понятія о государственномъ порядкѣ и преимуществахъ осѣдлости и никакой любви къ домашнему очагу. Въ небольшихъ государствахъ, у верховьевъ Оксуса, значительная часть населенія до сихъ поръ ведетъ кочевую жизнь, предоставляя выгоды торговли другимъ національностямъ. Тѣмъ не менѣе они вездѣ образуютъ собой господствующее народное племя, которому подчинено остальное населеніе; Въ узбекахъ Меймене, состоящихъ изъ двухъ племенъ: минъ ачмайли и дасъ мы находимъ тѣхъ же смѣлыхъ неустрашимыхъ наѣздниковъ и только узбеки Шахризебса превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Узбеки распадаются на нѣсколько вѣтвей и отраслей; изъ нихъ наиболѣе значительныя: мингъ, изъ которой происходятъ ханы Кокана; чагатаи, живущіе осѣдло въ Наманганѣ; курама на Сыръ-Дарьѣ, между Ташкентомъ и Коканомъ занимаются земледѣліемъ; наконецъ, кипчаки, почти совершенно уничтоженные въ 1853 году, господство которыхъ до этого продолжалось цѣлыхъ десять лѣтъ. Они составляютъ переходную ступень между осѣдлыми и кочевыми тюркскими племенами, и хотя имѣютъ пашенную землю въ Кокан-скомъ ханствѣ, но извѣстную часть года странствуютъ съ мѣста на мѣсто со

своими стадами верблюдовъ и овецъ. Они пользуются большимъ уваженіемъ за свое мужество, и считаются храбрыми воинами. Узбекъ только тогда гордится своимъ происхожденіемъ, когда онъ принадлежитъ къ какому нибудь могущественному племени. Они группируются вокругъ послѣдняго, производятъ нападенія на сосѣднія государства и подчиняютъ ихъ своей власти, и только энергіи, выказанной ими въ подобные моменты, обязаны они своими успѣхами и господствомъ въ большинствѣ ханствъ западной центральной Азіи. По своимъ религіознымъ вѣрованіямъ они въ высшей степени фанатичные мусульмане. Впрочемъ, теперь они далеко не пользуются такимъ значеніемъ, какъ въ былыя времена.

Близкое сродство съ узбеками представляютъ кочующія разбойничьи племена, извѣстные подъ названіемъ туркомановъ или туркменовъ. Они большей частью населяютъ тѣ полосы пустынной земли, которыя тянутся по ту сторону Оксуса отъ Каспійскаго моря до Балха и отъ названной рѣки къ югу до Герата и Астрабада въ Персіи. Повидимому, ихъ можно считать наиболѣе чистокровными представителями нынѣшняго турецкаго элемента и близкими родичами древнихъ селджукксхихъ турокъ. Туркмены живутъ съ незапамятныхъ временъ по близости непроходимыхъ пустынь, и благодаря этой защитѣ, сохранили чистоту расы болѣе всѣхъ другихъ тюркскихъ племенъ, у которыхъ монгольское вторженіе произвело поразительныя перемѣны въ крови и нравахъ. Туркмены распадаются на различныя племена, отрасли, роды и семьи. По существующему преданію, родиной всѣхъ туркменскихъ племенъ былъ полуостровъ Мангышлакъ. Каждое изъ нихъ занимаетъ до извѣстной степени опредѣленную область, и хотя всякій захватъ чужой земли долженъ неизбѣжно вести къ столкновеніямъ, но въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ все-таки произошло значительное передвиженіе племенъ и еще чаще ордъ и ихъ подраздѣленій. Всѣ туркменскія племена похожи между собой по языку, религіи, обычаямъ и міровоззрѣнію, хотя въ большинствѣ случаевъ находятся другъ съ другомъ во враждѣ; они дѣлятся на осѣдлыхъ, которые занимаются земледѣліемъ и отчасти рыболовствомъ, а затѣмъ кочевыхъ. Туркмены, живущіе еще далѣе на западъ у Каспійскаго моря, кромѣ земледѣлія и рыболовства занимаются еще добываніемъ соли и нефти, которая вывозится въ Персію. Большая часть туркменовъ, разсѣянныхъ у Аральскаго моря, подчинена Россіи, и только одно племя—гокланы, находится подъ персидскимъ господствомъ.

На востокѣ лѣвый берегъ Аму-Дарьи или Оксуса почти отъ бухарскаго города Чарджуя до афганскаго города Ходжа-Сала занятъ туркменами. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними, немного выше Чарджуя, живетъ племя сакаръ, въ числѣ 3,000 кибитокъ или семействъ. Затѣмъ слѣдуютъ саяты и ески, которые совмѣстно составляютъ около 200 кибитовъ и принадлежатъ къ большому племени чодоръ, кочующему на Устюртѣ и въ хивинскомъ оазисѣ. Далѣе къ юго-востоку начинаются многочисленныя поселенія племени эрсаровъ или эрссари и тянутся вдоль рѣки до афганской границы и даже вглубь афганскихъ владѣній. Племя эрсаровъ распадается на четыре отрасли, изъ которыхъ три живутъ на лѣвомъ берегу Оксуса и одна на правомъ. Это одно изъ самыхъ значительныхъ туркменскихъ племенъ; численность его до-

ходитъ до 30,000 кибитокъ. Къ востоку, въ западной части хивинскаго оазиса, живутъ іомуты или іомуды, т. е. одна изъ отраслей этого племени, которая называетъ себя байрамъ-шали и кочуетъ въ числѣ 15—20,000 кибитокъ. Что касается второй отрасли іомудовъ кара-чуха, то въ Хивинскомъ ханствѣ находится всего около 1,000 кибитокъ; остальные, въ числѣ 15,000 кибитокъ, кочуютъ у Каспійскаго моря и въ сосѣдствѣ послѣдняго, между рѣками Гюргеномъ и Атрекомъ; въ лѣтнее время многіе изъ нихъ доходятъ до Узбоя. Отрасль кара-чуха, въ свою очередь, распадается на два племени: шарифъ-джафарбай (8,000 кибитокъ) и акъ-атабаи или тхони (7,000 кибитокъ). Первые живутъ у Каспійскаго моря, вторые далѣе къ востоку. Кромѣ того, вся отрасль кара-чуха-іомудовъ по образу жизни дѣлится на осѣдлыхъ „чомуръ", которые занимаются земледѣліемъ, и кочевыхъ, называемыхъ „чорва". Число чомуровъ доходитъ до 6,000 семействъ; изъ нихъ 5,000 постоянно живутъ въ персидской провинціи Астрабадѣ; остальная тысяча населяетъ большіе аулы на сѣверномъ берегу Атрека и къ сѣверу отъ Красноводскаго залива. У чорва насчитываютъ до 9,000 кибитокъ. Они проводятъ зиму отъ ноября до начала марта на персидской землѣ; остальные восемь мѣсяцевъ въ русскихъ владѣніяхъ, на сѣверѣ отъ Атрека, отчасти по близости моря, частью въ земляхъ, прилегающихъ къ Сумбару, главному притоку Атрека. Къ сѣверу отъ Красноводска, между заливами: Красноводскимъ и Кара-Бугасомъ кочуютъ постоянно туркмены шихецъ, называемые также шихліари. Въ ихъ сосѣдствѣ и по близости у киргизовъ, на Мангышлакѣ отъ Кара-Бугаса до предгорья Тюбъ-Карагана кочуютъ различныя туркменскія племена. Такую же помѣсь разныхъ племенъ представляютъ собой огурчинскіе туркмены, населяющіе острова: Челекенъ и Огурчинскъ. Ихъ главное занятіе состоитъ изъ рыбной ловли и добыванія нефти. Число туркменовъ постоянно кочующихъ въ русскихъ владѣніяхъ доходитъ до 3,000 кибитокъ. Къ востоку отъ іомудовъ, между Атрекомъ и Гюргеномъ, мы встрѣчаемъ туркменовъ гокланъ, признающихъ владычество Персіи. Ихъ насчитываютъ до 4,000 кибитокъ. Гокланы населяютъ холмистую мѣстность между предгоріями Копетъ-Дага и Эльбурсомъ; часть ихъ, а именно около 2,000 семействъ, находится въ Хивинскомъ ханствѣ.

Текинцы или туркмены Текэ представляютъ собой одно изъ наиболѣе многочисленныхъ и могущественныхъ племенъ. Они населяютъ два сравнительно плодородныхъ оазиса: Ахалъ и Мервъ, вслѣдствіе чего различаютъ туркменовъ ахалъ-теке и туркменовъ мервъ. Оба принадлежатъ собственно къ одному и тому же племени и распадаются на двѣ большихъ отрасли: тохтамышей и отамышей; изъ нихъ первое миролюбивѣе и втрое многочисленнѣе послѣдняго. Мужской полъ у текинцевъ отличается красотой, высокимъ ростомъ и сильнымъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, между тѣмъ какъ женщины малы ростомъ и съ довольно безобразными формами тѣла. Текинцы распадаются на осѣдлыхъ и кочевыхъ; первыхъ опять-таки называютъ чомурами, вторыхъ чорвами. Осѣдлые текинцы занимаются хлѣбопашествомъ, винодѣліемъ, разведеніемъ овощей и обработкой шерсти, хлопка, шелка, дерева, кожи и металловъ, между тѣмъ какъ кочующіе текинцы исключительно преданы скотоводству, въ особенности разведенію верблюдовъ, лошадей, овецъ и рогатаго скота. Они славятся умѣніемъ владѣть оружіемъ, и въ этомъ отношеніи съ ними не можетъ сравниться ни одинъ народъ Средней Азіи; къ тому же дозволенные закономъ разбойничьи набѣги „alamane" часто доставляютъ имъ случай для военныхъ упражненій. Текинцы предпринимаютъ разбойничьи набѣги въ Хиву, Бухару, преимущественно, въ Персію; при этомъ забираютъ множество плѣнныхъ, которыхъ продаютъ въ видѣ рабовъ. Въ этихъ набѣгахъ нерѣдко принимаютъ участіе отъ 4—5,000 человѣкъ, и съ такими сравнительно незначительными силами текинцы не разъ осаждали городъ Мешхедъ, заключающій до 70,000 жителей. Что касается мужества и храбрости, то они превосходятъ

остальныхъ азіятовъ. Женщины занимаютъ у нихъ лучшее положеніе, нежели въ остальной Средней Азіи; при этомъ текинцы рѣдко имѣютъ больше одной жены, и въ сношеніяхъ между собой отличаются правдивостью и честностью. У нихъ много народныхъ пѣсенъ, поговорокъ, загадокъ, сказокъ и легендъ.

Далѣе вверхъ по рѣкѣ Мургабъ живутъ туркмены-сарыкъ, въ числѣ 13,000 кибитокъ. Они занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; ихъ многочисленныя стада пасутся на роскошныхъ сѣверныхъ склонахъ Паропамиза. Ихъ овцы отличаются необыкновенной величиной отъ остальныхъ среднеазіятскихъ видовъ этого животнаго. Кромѣ овецъ они имѣтъ значительное количество верблюдовъ. Въ Мервѣ живутъ также солоры или салыры, которые потеряли свою независимость 13 лѣтъ тому назадъ. Въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія они жили у Гери Руда, но вслѣдствіе наглыхъ разбоевъ, производимыхъ ими въ Хорасанѣ, были изгнаны персами. Послѣ этого салыры поселились у Мургаба, отсюда перешли къ Сурабаду на Гери Рудѣ и, наконецъ, съ дозволенія персидскихъ властей вернулись въ старыя мѣста жительства у Гери Руда. Но едва прожили они здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, какъ на нихъ напали текинцы изъ Мерва и отняли у нихъ стада; салыры послѣдовали за текинцами, которые дозволили имъ поселиться среди нихъ. Число салыровъ доходитъ до 2—3000 семействъ.

Численность туркменовъ простирается приблизительно отъ 950,000 до 1.000,000 душъ. Что касается характера туркменскихъ племенъ вообще, то вслѣдствіе своей обособленности и вѣковой борьбы они превратились въ дикую орду разбойниковъ и убійцъ и сдѣлались бичемъ для своихъ сосѣдей. Совершаемыя ими жестокости составляютъ обыденное явленіе въ Центральной Азіи и часто бываютъ вызваны не менѣе суровымъ обращеніемъ съ ними. Хищничество туркменовъ не имѣетъ границъ; они ничего не щадятъ, когда дѣло касается добычи, что послужило поводомъ для поговорки: „Туркменъ на лошади не знаетъ ни матери, ни отца". Набѣги туркменовъ преимущественно направлены на сосѣднія персидскія провинціи, изъ которыхъ многія почти обращены въ пустыню. Хива и Бухара сравнительно потерпѣли меньше отъ ихъ нападеній.

Въ то время, какъ прежніе путешественники видѣли одни только недостатки въ туркменахъ, новѣйшіе изслѣдователи находятъ въ нихъ на ряду съ героической храбростью многія похвальныя качества. Такъ, напримѣръ, они прославляютъ ихъ за ту свободу и почетное положеніе, какимъ у нихъ пользуются женщины, а также за ихъ нѣжную, не всегда разумную любовь къ дѣтямъ, ненарушимость даннаго слова и неизмѣнное гостепріимство. Трогательна также ихъ привязанность къ своимъ лошадямъ, которыхъ они окружаютъ самымъ заботливымъ уходомъ. Лучшая тончайшая шерсть употребляется ими не на одежду женъ и дѣтей, а на попоны, которыя служатъ лѣтомъ для защиты лошадей отъ зноя, а зимой отъ холода. Туркменская лошадь не знаетъ конюшни и при своихъ рѣдкихъ качествахъ съ избыткомъ вознаграждаетъ хозяина за его заботы о ней; она не уступаетъ ему въ выносливости и также легко терпитъ голодъ и жажду, стужу и жаръ. Вся наружность туркмена вполнѣ соотвѣтствуетъ его безпокойной скитальческой жизни. Невзгоды климата и почвы не оказываютъ никакого вліянія на его мускулистое худощавое тѣло. Темныя лица туркменовъ съ нѣсколько выступающими скулами имѣютъ почти бронзоватый отливъ. Маленькіе, блестящіе глаза, смѣло выглядывающіе изъ-подъ надбровныхъ дугъ, выражаютъ увѣренность въ своихъ силахъ, которая также видна въ ихъ осанкѣ, исполненной чувства собственнаго достоинства, и въ гордой походкѣ. При этомъ у туркменовъ черные какъ смоль волосы и ослѣпительно бѣлые зубы. Національный костюмъ туркменовъ состоитъ изъ широкаго длиннаго халата, сшитаго смотря по состоянію, изъ шелковой или болѣе простой матеріи, а затѣмъ изъ высокой бараньей шапки, которая служитъ подушкой во время сна. Одежда женщинъ та же, какъ у мужчинъ, съ той разницей, что вмѣсто шапки у нихъ голова обвита шалью. Кромѣ того женщины

носятъ всевозможныя металлическія украшенія на шеѣ, рукахъ, въ волосахъ, а также кольца и серьги; послѣднія бываютъ иногда поразительной величины. Туркменъ не придаетъ никакого значенія внѣшнему блеску и болѣе всего на свѣтѣ дорожитъ красивымъ оружіемъ и лошадьми. Хотя разбои и война составляютъ главное занятіе туркменовъ, но у нихъ, какъ упомянуто выше, существуетъ земледѣліе, садоводство, скотоводство и рыбная ловля; при этомъ нѣкоторые продукты привозятся изъ другихъ мѣстъ или вымѣниваются на товары. Охота не играетъ большой роли въ жизни туркменовъ; важнѣйшей добычей считаются дикіе ослы, которые попадаются многочисленными стадами и мясо которыхъ очень цѣнится туземцами. О промышленности въ широкомъ значеніи этого слова не можетъ быть и рѣчи, потому что она ограничивается удовлетвореніемъ ближайшихъ потребностей, а именно изготовленіемъ сѣделъ, ремней, войлока, земледѣльческихъ орудій, и, наконецъ, ковровъ, въ чемъ текинцы достигли извѣстнаго искусства.

Всѣ туркменскія племена ведутъ одинаковый образъ жизни. У нихъ не существуетъ начальства; каждый туркменъ пользуется полной независимостью. Единственное, къ чему они относятся съ особеннымъ уваженіемъ — это физическая сила и обычаи; и хотя они, согласно преданію, признаютъ свое общее происхожденіе, но въ дѣйствіяхъ руководствуются вездѣ своими собственными, а не общественными интересами. Поэтому всѣ туркменскія племена живутъ другъ съ другомъ во враждѣ и даже между отраслями каждаго отдѣльнаго племени не всегда существуетъ согласіе. Впрочемъ обычай ("adat") установилъ только опредѣленныя правила въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ и собственно въ такихъ случаяхъ, гдѣ затронуты личные или семейные интересы, какъ бракъ, погребеніе, различныя празднества, набѣги, распредѣленіе добычи и пр.; общее благо вовсе не принимается въ разсчетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ постановленій, касающихся очистки арыковъ и пользованія водой. Но и эти постановленія заключаются собственно въ томъ, чтобы лица, трудившіяся надъ очисткой каналовъ, имѣли бы такое-же право пользоваться водой, какъ и всѣ остальные. Подобныя условія вызваны полукочевымъ образомъ жизни этого народа и необъятнымъ пространствомъ степей, при которомъ всегда является возможность оставить одно мѣсто и перейти на другое въ случаѣ избытка населенія и, если послѣднее начинаетъ чувствовать себя стѣсненнымъ въ какомъ либо отношеніи. Туркменъ прежде всего хочетъ быть безусловно свободнымъ и независимымъ, и готовъ пожертвовать всѣмъ для достиженія этой цѣли, какъ видно изъ слѣдующей туркменской пословицы: „Туркменъ не нуждается ни въ тѣни деревъ, ни въ защитѣ властей". Тѣмъ не менѣе совмѣстная жизнь многочисленными обществами принудила ихъ, до извѣстной степени къ соблюденію общихъ интересовъ, хотя бы только въ отношеніи пользованія водой и орошенными полями. Съ этой цѣлью они избираютъ изъ своей среды „аксакаловъ„ и хановъ, которые называются „кіатхуда" у туркменовъ, живущихъ у хивинской и персидской границъ; но эти ханы въ дѣйствительности не имѣютъ никакой власти. Они не могутъ никого принудить къ исполненію распоряженія, вызваннаго необходимостью, или склонить своихъ соплеменниковъ къ какому бы-то ни было общему соглашенію. Хотя нѣкоторые изъ нихъ пользуются значительнымъ вліяніемъ и имъ подчасъ удается провести то или другое крупное предпріятіе, но это вліяніе не составляетъ неотъемлемой принадлежности ихъ власти и даже самый вліятельный человѣкъ не можетъ принудить ничтожнѣйшаго изъ соплеменниковъ къ исполненію своихъ приказаній. У текинцевъ управленіе предоставлено народному собранію, представителями котораго являются выборные подъ предсѣдательствомъ хана. Старѣйшины, равно и ханъ, избираются народнымъ собраніемъ, получаютъ жалованье, состоящее изъ опредѣленнаго количества воды, денегъ и земли и считаются „слугами народа".

Всѣ туркмены сунниты, хотя „муллы“ („mollah“) весьма малочисленны у нихъ и вообще духовенство не пользуется особеннымъ уваженіемъ; но если мулла умный человѣкъ и обладаетъ краснорѣчіемъ, то нерѣдко пріобрѣтаетъ вліяніе и получаетъ титулъ „ишана“ (ischan“), т. е. „избранный и излюбленный Богомъ человѣкъ, которому все удается“. Но его вліяніе имѣетъ извѣстные предѣлы, и онъ долженъ имѣть достаточно такта, чтобы знать, гдѣ возможно употребить свое вліяніе и гдѣ послѣднее окажется безсильнымъ. Во время своихъ разбойничьихъ набѣговъ туркмены находятся подъ властью одного или двухъ предводителей „сердаріевъ“, которые извѣстны своей опытностью и знаніемъ дорогъ. Обыкновенно сами сердаріи заявляютъ, что думаютъ предпринять набѣгъ и приглашаютъ желающихъ присоединиться къ нимъ. Случается также, что извѣстное число людей за неимѣніемъ другихъ занятій рѣшаются сдѣлать набѣгъ и выбираютъ себѣ въ предводители какого нибудь знаменитаго сердарія. Они повинуются послѣднему во время всего похода и предоставляютъ ему опредѣленную часть добычи. Съ окончаніемъ похода прекращается все значеніе сердаріевъ, если только они не принадлежатъ къ числу хановъ или старѣйшинъ. Такимъ образомъ туркмены, не имѣя наслѣдственныхъ хановъ, находятся почти при такихъ же условіяхъ какъ тѣ первобытные народы, для которыхъ остался недоступнымъ общественный строй и учрежденія культурныхъ народовъ. Однако необходимость заставляетъ ихъ постепенно измѣнять прежній образъ жизни, въ настоящее время у нихъ утвердилась прочная семейная жизнь, а въ деревняхъ, гдѣ жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, мы уже встрѣчаемъ жилища, построенныя изъ глины, и поземельную собственность. Равнымъ образомъ у нихъ явилось своего рода начальство въ лицѣ аксакаловъ, хановъ и кіатхудовъ, хотя они до сихъ поръ не имѣютъ большаго вліянія. Впрочемъ не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ значеніе постепенно увеличивается, такъ какъ правительства Персіи, Хивы, Бухары и Афганистана, вступивъ въ сношенія съ туркменами, заставили ихъ выбрать изъ своей среды довѣренныхъ лицъ и представителей, которые мало по малу пріобрѣли извѣстную власть и передали ее своимъ сыновьямъ, такъ что здѣсь уже до нѣкоторой степени существуютъ наслѣдственные ханы.

Кайсаки т. е. „разбойники“ называемые большей частью, хотя неправильно „киргизами“, представляютъ собой какъ бы переходный народъ. Послѣднее названіе дано имъ русскими послѣ ихъ знакомства съ настоящими киргизами; они сами называютъ себя именемъ хазаковъ, которое имѣетъ тождественное значеніе съ татарскимъ названіемъ „казаки“, общеупотребительнымъ въ Россіи. Кайсаки (хазаки), наиболѣе распространенное изъ всѣхъ тюркскихъ племенъ, имѣютъ много монгольскихъ чертъ. Но по языку ихъ слѣдуетъ отнести къ тюркскимъ народамъ. По внѣшности они походятъ на узбековъ въ туркестанскихъ ханствахъ и говорятъ, подобно имъ, на одномъ изъ алтайскихъ языковъ, а именно на телеутскомъ діалектѣ, весьма близкомъ къ тюркскому нарѣчію. У нихъ свѣтлая кожа и ростъ ниже средняго, между тѣмъ какъ, по словамъ Спонвилля, они высокаго роста, хорошо сложены, съ изящными и пропорціональными формами тѣла. По другимъ описаніямъ ихъ лицо имѣетъ непріятное выраженіе; у нихъ впалые глаза съ продолговатымъ разрѣзомъ; скуловыя кости толстыя и широкія, лицевой уголъ такой же, какъ у европейцевъ. Женщины вообще красивѣе и съ болѣе нѣжными чертами лица.

Метисы, происшедшіе отъ скрещиванія съ калмыками, которые встрѣчаются здѣсь весьма часто, отличаются безобразной наружностью. Кайсаки, какъ всѣ мусульмане, ростятъ бороду и стригутъ усы, чтобы не мочить ихъ при питьѣ; но борода у нихъ скудная, всего гуще на подбородкѣ и подъ старость становится еще болѣе рѣдкой. Они

Женщина изъ племени кайсаковъ съ дочерью.

вообще достигаютъ глубокой старости; цвѣтъ волосъ на головѣ и бородѣ остается почти неизмѣннымъ; воспаленіе глазъ составляетъ рѣдкость; лихорадки и дизентерія не особенно распространены у жителей степей, которые вообще пользуются здоровымъ климатомъ. Въ настоящее время они также большей частью подчинены Россіи и дѣлятся на три орды: большая орда (Улу-Джусъ) на югѣ Балхаша до Иссыкъ-куля, средняя (Орта-Джусъ) между Балхашемъ и сибирскимъ

городомъ Омскомъ, и, наконецъ малая орда (Кичикъ-Джусъ), которая всего многочисленнѣе въ западной части степей до Ташкента и Чу. Такимъ образомъ можно сказать, что кайсакамъ принадлежитъ обширное пространство земли, которое тянется на западѣ отъ устьевъ Волги и рѣки Урала къ востоку до Джунгаріи и граничитъ на сѣверѣ Сибирью, а на югѣ Туркестаномъ. Это пространство навсегда останется областью кочевыхъ народовъ и какъ бы создано для номаднаго образа жизни. Земледѣліе даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ можетъ существовать только въ ограниченныхъ размѣрахъ, хотя нѣтъ недостатка въ пунктахъ, гдѣ обработка полей могла бы быть вполнѣ прибыльной. Но кайсакъ чувствуетъ глубокое отвращеніе къ осѣдлой жизни; онъ по природѣ пастухъ и избираетъ для своихъ странствованій ту страну, которая по своимъ свойствамъ болѣе соотвѣтствуетъ его склонностямъ. Онъ вполнѣ доволенъ своей судьбой, когда съ быстротой вѣтра несется по степи на своемъ конѣ, а также въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые проводитъ въ горахъ, гдѣ находитъ богатыя пастбища для своихъ стадъ. Къ осени онъ снова загоняетъ весь скотъ въ долину и переноситъ сюда свои войлочныя кибитки. Но съ наступленіемъ весны, когда обширное пространство покрывается травой и появляются милліоны цвѣтущихъ тюльпановъ и кудрявокъ, зимнія юрты исчезаютъ и начинается непрерывное передвиженіе безчисленныхъ стадъ. Что касается нравовъ, обычаевъ и культурнаго состоянія кайсаковъ, то между ними и вышеописанными киргизами нѣтъ никакой существенной разницы, поэтому мы считаемъ лишнимъ распространяться далѣе объ этомъ народѣ. Но, чтобы дать понятіе о своеобразномъ нарядѣ женщинъ у кайсаковъ, мы помѣщаемъ прилагаемый рисунокъ.

Всѣ изслѣдователи утверждаютъ единогласно, что у кайсаковъ не существуетъ танцевъ; но съ другой стороны они имѣютъ многочисленныя пѣсни, которыя по своему необыкновенному однообразію, меланхолической и тихой мелодіи представляютъ вѣрное подобіе монотонныхъ степей. Грустные напѣвы кайсаковъ не лишены благозвучія, но среди громкаго ликованія во время веселыхъ празднествъ производятъ довольно странное впечатлѣніе. Женскіе голоса крайне мелодичны и пріятны для слуха; всего чаще встрѣчается контръальтъ съ своеобразнымъ металлическимъ звукомъ. Аккомпаниментомъ пѣнія служитъ обыкновенно родъ трехъ-струнной балалайки. Что-же касается текста пѣсни, то это всегда ничто иное, какъ импровизація на извѣстную тему съ опредѣленной мелодіей. Въ чисто лирическихъ пѣсняхъ всего своеобразнѣе то, что мы называемъ мелодіей, хотя она едва уловима въ пѣніи степныхъ виртуозовъ. Здѣсь почти каждая модуляція выражается повышеніемъ и пониженіемъ голоса и слышатся только однѣ дрожащія ноты, которыя болѣе напоминаютъ стоны и жалобный плачъ, нежели пѣніе и отъ тихаго піано возвышаются до фортиссимо, затѣмъ постепенно переходятъ въ анданте и, наконецъ, внезапно обрываются на „u-it“, какъ голосъ утопающаго. Весь напѣвъ скорѣе выражаетъ величайшее горе, нежели радость, и еслибы вы не знали, что пѣвецъ испытываетъ удовольствіе, то вы почувствовали бы къ нему искреннее состраданіе. Вообще можно сказать, что въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ отражается весь задушевный міръ мрачнаго и флегматичнаго мечтателя:

„Тихо какъ тѣнь, скользящая по волнамъ,
„Безмолвно какъ лунный свѣтъ, отраженный въ водѣ,
„Крадется Зулейка на крыльяхъ страстныхъ желаній
„Къ робко ожидающему ее Мухаммеду,
„Среди ночной тишины"..

Въ подобныхъ строфахъ и серенадахъ пѣвецъ любви изливаетъ передъ возлюбленной свое душевное томленіе. Онъ облекаетъ въ музыкальную форму просьбы и предложенія обращенныя къ сердцу красавицы, которое онъ желалъ бы взять приступомъ. Обыкновенно эти мольбы влюбленнаго юноши подтвержденныя клятвой, не остаются безъ успѣха: ему немного и недолго приходится повторять ихъ, чтобы умилостивить свою возлюбленную.

Турецкіе полицейскіе солдаты.

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь племенъ къ семьѣ тюркскихъ народовъ нужно отнести еще много другихъ менѣе значительныхъ и такихъ, которыхъ мѣста жительства распространены до восточной Европы. Къ первымъ принадлежатъ сибирскіе татары, которые съ давнихъ временъ переселились въ страны, первоначально занятыя финнами и самоѣдами, и, благодаря частымъ сношеніямъ съ этими народами, смѣшались съ ними. Сибирскіе татары ведутъ отчасти кочевой, отчасти осѣдлый образъ жизни и дѣлятся на три группы: тобольскіе и томскіе татары (около 40,000 чел.), енисейскіе татары (22,000 чел.) и бѣлые калмыки или телеуты въ Томской губерніи (4,000), которые первоначально были чистокровными калмыками, а

теперь совершенно отуречились. Подъ именемъ барабинцевъ подразумѣваютъ племена, населяющія степь Бараба, между Иртышемъ и Обью. Равнымъ образомъ у сѣвернаго и сѣверо-восточнаго склоновъ Кавказа живутъ тюркскія племена, а именно: карачаи, кумыки и бассіанскіе турки; послѣдніе—къ юго-востоку отъ горы Эльбуруса. На европейской почвѣ мы встрѣчаемъ ногайцевъ въ числѣ 50,000 чел., которые со временъ Петра Великаго живутъ между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ у Кубани, Кумы и Волги, равно и въ Крыму; они заключаютъ въ себѣ многочисленные остатки нынѣ исчезнувшихъ хазаровъ, печенѣговъ и куманцевъ, а также сильно смѣшаны съ монголами. Затѣмъ слѣдуютъ казанскіе татары, которые представляютъ собой остатки населенія прежняго могущественнаго кипчакскаго царства на р. Волгѣ; численность ихъ доходитъ до 1 милліона душъ; они живутъ въ россійскихъ губерніяхъ: Казанской, Оренбургской, Самарской, Ставропольской и въ прилегающихъ мѣстностяхъ. Взаключеніе мы назовемъ османлисовъ, господствующую расу въ Европейской Турціи, которая отчасти распространена въ Малой Азіи и въ Сѣверной Африкѣ.

Изъ всѣхъ тюркскихъ народовъ османлисы или османы несомнѣнно достигли наибольшей степени цивилизаціи и не столько благодаря собственнымъ усиліямъ, сколько въ силу неотразимаго вліянія, которое должны были оказать на нихъ многовѣковыя близкія сношенія съ европейцами. Тѣмъ не менѣе, если мы присмотримся ближе къ культурѣ османовъ, то найдемъ ее далеко неудовлетворительной. Разумѣется новѣйшій европейскій турокъ, котораго мы исключительно будемъ называть османомъ, едва ли можетъ занять мѣсто въ „Естественной исторіи племенъ и народовъ“, но въ азіятской родинѣ своего племени, Анатоліи, онъ сохранилъ въ неизмѣненномъ видѣ прежнія характерныя черты. Здѣсь османъ остался пастухомъ, земледѣльцемъ и воиномъ, предоставивъ почти всю промышленность европейцамъ. Османъ ничего не создаетъ, а больше разрушаетъ безъ всякой другой цѣли, кромѣ уничтоженія, и это стремленіе лежитъ въ крови турка, который настолько же невѣжественъ, какъ суевѣренъ и фанатиченъ. Хотя сосѣдній персъ даже фанатичнѣе его, но османъ по своему характеру придаетъ больше значенія догматическимъ тонкостямъ и видитъ тѣсную связь между религіей и внѣшнимъ блескомъ и могуществомъ государства. Исторія и величіе османства заключается въ исламѣ и исходитъ изъ него. Слава ислама есть вмѣстѣ съ тѣмъ и слава османовъ. Турокъ скупъ на слова; его рѣчь полна значенія; онъ считаетъ благодарность священнымъ долгомъ, но лѣнивъ по природѣ и не придаетъ никакой цѣны, ни времени, ни труду. Онъ готовъ изъ-за пустяковъ пройти пѣшкомъ сотни километровъ или же навьючить лошадь ненужными вещами, а самъ идетъ пѣшкомъ. Если вы скажете ему, что онъ напрасно утруждаетъ себя и тащитъ съ собой весь скарбъ, то ваше замѣчаніе даже не будетъ понято имъ. „Это мои вещи“, отвѣтитъ онъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, „я взялъ ихъ съ собой; на лошади мало мѣста, и мнѣ приходится идти пѣшкомъ“! Того же взгляда держатся не только погонщики вьючнаго скота, но и презираемый всѣми носильщикъ „hamal“; такъ думаютъ и высшіе сановники — паши, которые руководятся въ государственныхъ дѣлахъ этого рода соображеніями. Османъ положительно непонятенъ для насъ; мы прежде всего готовы объяснить особенности его характера природной лѣнью. Отсюда повидимому происходитъ медленность его рѣчи, тяжеловатая походка, равнодушная, исполненная важности физіономія и даже

его вѣжливость, источникомъ которой служитъ боязнь причинить безпокойство ближнему. Онъ не допускаетъ мысли, чтобы можно было одновременно заниматься двумя дѣлами; его апатичный характеръ проявляется въ ничтожнѣйшихъ мелочахъ повседневной жизни. Почтенная, нерѣдко озабоченная физіономія пожилыхъ людей, проникнутыхъ глубокимъ сознаніемъ долга, представляетъ поразительный контрастъ съ наглостью и бездѣліемъ мальчиковъ и подростающихъ юношей. Въ Смирнѣ расхаживаютъ они по улицамъ цѣлыми толпами, рука объ руку, съ громкимъ пѣніемъ и криками, безцеремонно толкая прохожихъ. „Они важно выступали впередъ въ своемъ изысканномъ нарядѣ", разсказываетъ профессоръ Сеппъ, ихъ яблочнозеленые, желтые и красные кафтаны съ вычурными узорами, несмотря на будничный день, имѣли совсѣмъ праздничный видъ и были настолько новы, что отстраняли всякую мысль о работѣ. Между ними были такіе щеголи, которые приложили столько труда и заботливости на свой туалетъ, что въ этомъ отношеніи не уступали любой молодой дѣвушкѣ. У нихъ были даже букеты и банты на груди и кольца въ ушахъ. Причина такого явленія, какъ трудолюбіе въ старости и тунеядство въ молодости, заключается въ чрезмѣрной нѣжности и снисходительности родителей къ дѣтямъ. Молодость считается священной у турокъ, наравнѣ съ болѣзнью и сумашествіемъ и бываетъ слишкомъ продолжительна. Пожилые люди никогда не примѣняютъ тѣлесныхъ наказаній къ своимъ питомцамъ и требуютъ отъ постороннихъ людей такой же терпимости къ нимъ (Beil. zur Allg. Zeit. vom I Januar 1877). Маленькій турокъ, судя по выраженію его лица, положительно не лишенъ интеллигенціи. Въ дѣйствительности османскій мальчикъ представляетъ собой „kütschük adam" т. е. маленькаго взрослаго человѣка достигшаго преждевременной зрѣлости. У взрослыхъ людей всего болѣе поражаетъ однообразіе чертъ лица или, вѣрнѣе сказать, отсутствіе какихъ либо характерныхъ чертъ, такъ что собственно существуетъ одинъ типъ: называется ли тотъ или другой субъектъ Ахмедомъ или Селимомъ—вся разница заключается въ имени Повидимому эти люди подчинены особенному закону развитія, при которомъ юношескіе зародыши глохнутъ и видоизмѣняются съ возрастомъ. Османлисы внутри страны напоминаютъ отчасти дикихъ звѣрей, которыхъ инстинкты они раздѣляютъ въ большей или меньшей степени. Не удивительно, что при этихъ условіяхъ вся тягость жизни, а также трудная полевая работа лежитъ на обязанности женщинъ. Онѣ не только заперты въ гаремѣ и завѣшаны покрываломъ, но о нихъ даже не упоминаютъ, потому что не принято говорить о женщинахъ, и это дѣлается, повидимому, отчасти изъ приличія, частью изъ пренебреженія къ женскому полу. Черная маска изъ лошадинаго волоса и свѣтлоголубой клѣтчатый плащъ совершенно скрываютъ женщину отъ глазъ прохожихъ. Путешественникъ Огюстъ Шуази встрѣтилъ однажды османа ѣдущаго верхомъ на ослѣ, между тѣмъ какъ его жена шла около него пѣшкомъ съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, тяжело нагруженная множествомъ всякой посуды. Французъ былъ настолько возмущенъ подобнымъ безчеловѣчнымъ обращеніемъ, что сдѣлалъ выговоръ осману. Сначала мусульманинъ не понялъ его и, наконецъ, отвѣтилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, что „онъ дѣлаетъ это по необходимости, чтобы не нагрузить слишкомъ осла". Въ этомъ отвѣтѣ исчерпывается вся исторія турецкой женщины. Поношенное и грязное черное платье нерѣдко составляетъ единственную одежду женщинъ бѣднѣйшихъ классовъ; къ этому нужно прибавить вуаль изъ грубой мягкой ткани, скорѣе желтоватаго, чѣмъ бѣлаго цвѣта, при этомъ зачастую грязный и изорванный, изъ подъ котораго выглядываютъ истощенныя лица съ прекрасными темными глазами. Это большей частью жены солдата или гиганта носильщика, странствующаго по улицамъ. Носильщикъ, „hamel", одѣтъ въ грубую ткань изъ верблюжьяго волоса, такого же коричнево-желтоватаго цвѣта, какъ его икры и геркулесовскій затылокъ. Это платье, плотно прилегающее къ тѣлу въ такой степени напоминаетъ шерсть, что человѣкъ становится похожимъ на вьючное

животное. Такимъ является „hamel“ на дѣлѣ. На немъ надѣто сѣдло, состоящее изъ подушки на изогнутой деревянной колодкѣ съ цѣлью предохранить шею отъ острыхъ тяжелыхъ предметовъ, при этомъ онъ обладаетъ невѣроятной физической силой. Его жизненныя потребности, какъ у всякаго османа крайне ограничены: его обѣдъ состоитъ изъ луковицы, лепешки и небольшаго количества риса. Турокъ предпочитаетъ свое спокойствіе, такъ называемый „кейфъ“ всякой наживѣ и охотно даетъ „бакшишъ“ подарокъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь все продажное, и каждаго можно подкупить деньгами. При домахъ рѣдко можно встрѣтить цвѣтникъ, такъ какъ садоводство требуетъ бо́льшаго напряженія силъ, нежели на то способна эта лѣнивая раса. Земля обрабатывается въ тѣхъ размѣрахъ, насколько это необходимо для существованія; въ случаѣ неурожая люди мрутъ отъ голода. Что же касается характера османовъ вообще, то это добродушные, привѣтливые люди, которые представляютъ собой какъ бы взрослыхъ дѣтей. Каждая бездѣлица можетъ насмѣшить его, даже слово, сказанное на иностранномъ языкѣ, и, хотя онъ самъ отличается необыкновенной обидчивостью, но готовъ безцеремонно расхохотаться въ лицо путешественнику, если онъ употребитъ какое нибудь неправильное выраженіе. Османъ положительно не въ состояніи вести какой либо разговоръ. Между тѣмъ онъ не лишенъ проницательности и въ этомъ отношеніи далеко превосходитъ европейца; его пословицы выказываютъ весьма значительную степень здраваго смысла; но ему совершенно недостаетъ остроумія. Несмотря на свое чванство онъ отличается необыкновеннымъ чувствомъ равенства, и въ сущности между пашей и кераджи нѣтъ никакой разницы въ образованіи и знаніи вообще. Всѣ знаютъ коранъ и св. Писаніе и ничего кромѣ этого. Такимъ образомъ нерѣдко случается, что люди низшихъ классовъ достигаютъ самыхъ почетныхъ должностей; при этомъ ничто не измѣняется въ нихъ, кромѣ платья. Вслѣдствіе этого чувство подобострастія невѣдомо турку; онъ уважаетъ только физическую силу. Если онъ относится съ уваженіемъ къ франку, то не вслѣдствіе его умственнаго превосходства, а только въ виду большихъ матеріальныхъ средствъ, которыя находятся въ распоряженіи европейцевъ. На томъ же основаніи „карбаче (karbatsche)) играетъ такую важную роль въ государствѣ султана; полицейскія мѣры примѣняются съ помощью палочныхъ ударовъ; вездѣ „карбаче“ служитъ проводникомъ идеи равенства въ Турціи. Образъ правленія въ странѣ резюмируется въ нѣсколькихъ словахъ: каждый можетъ дѣлать все, что ему вздумается, пока онъ не дойдетъ до той степени злоупотребленія, когда потребуется вмѣшательство „карбаче“. Нигдѣ нѣтъ большей свободы, какъ при неограниченныхъ правленіяхъ востока при безнаказанно совершаемыхъ злоупотребленіяхъ и господствѣ „карбаче“.

Османъ никогда не выражаетъ публично своего горя. Впрочемъ вѣра въ судьбу „кисметъ“ и фатализмъ заставляютъ его мириться съ несчастіемъ. „Это было предписано свыше!“—такова обычная панацея для душевныхъ страданій, подобно тому, какъ увѣренность въ скоромъ свиданіи облегчаетъ печаль разлуки. Погребеніе мертвыхъ, какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, богатыхъ и бѣдныхъ совершается очень просто. Трупъ моютъ тотчасъ послѣ смерти, затѣмъ затыкаютъ ему ротъ, уши и ноздри ватой и, завернувъ въ полотно, кладутъ въ открытый гробъ; шаль служитъ замѣной гробовой крыши. Покойника не держатъ въ домѣ, и послѣ короткихъ молитвъ, которыя можетъ прочесть каждый мусульманинъ, его уносятъ на мѣсто погребенія. Въ городахъ первые попавшіеся прохожіе попеременно служатъ носильщиками. Затѣмъ его хоронятъ безъ дальнѣйшихъ церемоній, съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку. Мусульманину чужда траурная пышность, которой окружаетъ покойника христіанская церковь и которая производитъ такое тяжелое впечатлѣніе на переживших родственниковъ. Кладбище обсаженное цвѣтами, составляетъ для мусульманина мѣсто отдыха, а не печали и страха.

Турокъ высказываетъ своего рода тонкость чувствъ и своеобразную деликатность, доведенную до весьма значительной степени; онъ чистосердеченъ, вѣренъ данному слову, набоженъ, гостепріименъ и даже необыкновенно кротокъ, если не видитъ необходимости отсѣкать головы своимъ ближнимъ. Все у него является какъ бы случайнымъ; на него находятъ припадки веселости, дикости или трудолюбія; но это мимолетные кризисы: въ основѣ его характера лежитъ однообразіе, неподвижность и отсутствіе сообщительности. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ характеромъ османа, мы убѣждаемся, что даже его свѣтлыя стороны тѣсно связаны съ присущими ему недостатками. Такъ напр. его великодушіе происходитъ отъ неосторожности; равнымъ образомъ слѣдуетъ замѣтить, что похвалы, расточаемыя его щедрости, сильно преувеличены, потому что послѣдняя нерѣдко бываетъ вызвана необходимостью. Чужестранецъ, входящій въ хижину османа, въ сопровожденіи „zaptie" (полицейскаго солдата) легко можетъ впасть въ заблужденіе и приписать радушный пріемъ сердечному побужденію со стороны хозяина, между тѣмъ, какъ привѣтливая улыбка на его лицѣ скрываетъ въ дѣйствительности совсѣмъ иныя чувства. Турокъ не лишенъ добродушія и охотно жертвуетъ на благотворительныя учрежденія, но онъ только основываетъ, а не поддерживаетъ ихъ. Равнымъ образомъ случается, что для спасенія своей души и блага богомольцевъ онъ проложитъ дорогу, но ни ему самому и никому другому не приходитъ въ голову исправлять ее, и, хотя нѣкоторое время спустя богомольцамъ приходится вязнуть въ грязи по испорченному въ конецъ шоссе, но они попрежнему усердно молятся за великодушнаго строителя дороги. Турокъ считаетъ лишнимъ заботиться о поддержаніи улицъ, мечети, своего дома, а также сбереженіи одежды или чего бы то ни было. Онъ безусловно равнодушенъ ко всему на свѣтѣ, безпечно прозябаетъ изо дня въ день, и, если по небрежности навлечетъ на себя всевозможныя бѣды, то, не приписываетъ ихъ собственной винѣ, а говоритъ: „Богу такъ угодно! это было предписано свыше"! Между тѣмъ въ своеобразной природѣ восточнаго человѣка много контрастовъ; она непосредственно реагируетъ противъ всякой тягости и физическаго страданія. Но это проявленіе энергіи носитъ пассивный характеръ и вполнѣ согласуется съ его обычной апатіей. Турокъ отличается необыкновеннымъ терпѣніемъ, но у него нѣтъ ни малѣйшей инициативы. Онъ превосходитъ европейца въ томъ отношеніи, что менѣе ненасытенъ и прямодушнѣе его; равнымъ образомъ наши понятія о милосердіи далеко уступаютъ тому чувству состраданія, съ камимъ турокъ относится къ путешественникамъ; идея благотворительности какъ бы прирожденная ему. Но всѣ добрыя качества, какими отличается османъ исчезаютъ безслѣдно, равно, какъ и его индивидуальность при первомъ столкновеніи съ западной культурой, такъ какъ въ этомъ случаѣ вмѣстѣ съ предразсудками онъ безвозвратно отрекается и отъ своихъ принциповъ. Въ странахъ, гдѣ онъ находится подъ вліяніемъ европейцевъ, въ немъ нечего искать признаковъ прежней народности, и можно только изучать ея остатки. Османъ никуда не выселяется, но исчезаетъ въ смыслѣ расы въ первоначальной родинѣ своего племени, подобно геологическимъ видамъ прошлыхъ временъ, для которыхъ миновалъ положенный срокъ существованія. Мы видимъ здѣсь несомнѣнный фактъ, поражающій каждаго наблюдателя, а именно, что османское племя исчезаетъ незамѣтно съ лица земли.

КАВКАЗСКІЕ НАРОДЫ.

Кавказскіе народы сами по себѣ заслуживаютъ изученія. Европейцы привыкли считать кавказцевъ красивымъ рыцарскимъ народомъ, гдѣ мужчины, воодушевленные непримиримою ненавистью къ русскимъ пришельцамъ, нетерпѣливо несутъ тягостное для нихъ иго, между тѣмъ какъ женщины, идеалы красоты, поступаютъ въ турецкіе гаремы, чтобы избѣгнуть чужеземнаго господства. Хотя съ нашей стороны непростительно разрушать такое поэтическое представленіе, но, тѣмъ не менѣе, мы должны заявить истины ради, что подобный идеалъ никогда не существовалъ и не существуетъ и въ настоящее время. Равнымъ образомъ общеупотребительное выраженіе „кавказская раса“, требуетъ болѣе подробныхъ поясненій. Если этимъ терминомъ мы хотимъ вообще обозначить идеалъ человѣческой красоты, какимъ онъ представляется соотвѣтственно нашимъ понятіямъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ идеалъ скорѣе всего можно встрѣтить на прибрежьи юго-восточной оконечности Чернаго Моря. Но если здѣсь идетъ рѣчь о расѣ въ собственномъ значеніи этого слова, т. е. о неизмѣнномъ повтореніи въ теченіи вѣковъ и тысячелѣтій извѣстныхъ формъ первоначальнаго типа, то, въ виду значительныхъ разновидностей этихъ народовъ, мы должны признать, что упомянутый терминъ не выдерживаетъ критики. Всякій изслѣдователь при ближайшемъ знакомствѣ съ народами Колхиды прежде всего приходитъ къ выводу, что здѣсь существуютъ два основныхъ типа: одинъ бѣлокурый, голубоглазый съ высокимъ лбомъ, другой съ черными какъ смоль волосами, черными глазами и бѣлой кожей, но при этомъ нерѣдко съ приплюснутой формой головы и низкимъ лбомъ. Восточный берегъ Чернаго моря постоянно служилъ ареной непріятельскихъ вторженій и даже въ мирное время усердно посѣщался чужеземными народами. Встарину, когда Абхазская низменность еще не была присоединена къ Россіи, здѣсь селились не только арабы, бѣжавшіе изъ Турціи, но даже негры; отъ ихъ скрещиванія съ женщинами Абхазіи и Самурзакана произошла необыкновенно красивая порода мулатовъ. Но, если мы приемъ во вниманіе, какое множество народовъ селилось на Кавказѣ съ древнѣйшихъ временъ и какое сильное вліяніе они имѣли на туземныя племена, то намъ придется отказаться отъ идеи первобытной расы, сохранившей свой прежній типъ. Съ другой стороны, можно съ увѣренностью сказать, что вслѣдствіе безконечнаго скрещиванія и постояннаго обновленія крови достигнута была та степень физической красоты, какой отличается мѣстное населеніе. Равнымъ образомъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ самая пестрая помѣсь

различныхъ народностей,— какъ напр. въ Австріи,— встрѣчаются самые красивые люди. Потомки монголовъ и русскихъ на сибирской границѣ всегда красивѣе чистокровныхъ представителей этихъ двухъ расъ.

Мы видимъ изъ вышесказаннаго, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія подводить подъ одинъ типъ черкесовъ, грузинъ, кавказцевъ и т. п.; нѣкоторыя изъ этихъ названій имѣютъ условное значеніе — о другихъ въ Европѣ имѣютъ превратное понятіе. Затѣмъ жители кавказскихъ низменностей распадаются, по крайней мѣрѣ, на четыре рѣзко различныя между собой группы, тогда какъ число горныхъ племенъ составляетъ легіонъ. Такимъ образомъ этнографическое описаніе Кавказа должно ограничиться изслѣдованіемъ отдѣльныхъ типовъ, потому что здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ общемъ характерѣ населенія. Относительно кавказцевъ можно признать единственное дѣленіе, основанное на естественныхъ условіяхъ, а именно дѣленіе на горные народы и народы низменностей; третій элементъ составляютъ завоеватели страны — русскіе и привлеченные ими колонисты, а затѣмъ иностранцы. Фридрихъ Миллеръ, имѣя въ виду одну этническую связь, дѣлитъ кавказское племя на сѣверное и южное и выключаетъ при этомъ тѣ народы, которые, подобно татарамъ и осетинамъ, принадлежатъ къ другимъ этнологическимъ семьямъ, между тѣмъ какъ мы считаемъ необходимымъ познакомиться съ ними на ихъ родной почвѣ. Такъ напр. Миллеръ обозначаетъ именемъ кавказцевъ народы, живущіе къ югу отъ Кубани и Терека, которые по своимъ физическимъ свойствамъ рѣзко отличаются отъ болѣе сѣверныхъ племенъ, а съ другой стороны представляютъ сродство съ живущими къ югу отъ нихъ членами средиземной расы, а именно армянами и семитами. Но по языку они не имѣютъ никакой связи съ послѣдними и составляютъ особое племя. До сихъ поръ никому не удалось доказать научно связь этихъ народовъ съ индо-германцами или семитами. Равнымъ образомъ нельзя допустить ихъ связи съ какимъ либо народомъ монгольской расы, потому что помимо совершенно различнаго физическаго типа, строеніе кавказскихъ нарѣчій не имѣетъ ничего общаго съ урало-алтайскими языками (о которыхъ только и можетъ быть поднятъ вопросъ), равно какъ между корнями тѣхъ и другихъ, нѣтъ ни малѣйшаго сродства. Вслѣдствіе этого Фридрихъ Миллеръ считаетъ кавказскіе народы остатками нѣкогда болѣе значительной народной семьи, пострадавшей отъ наплыва семитическаго и индо-германскихъ и урало-алтайскихъ племенъ и которая удержалась въ цѣлости до настоящаго времени, только благодаря гористой почвѣ своей родины. Старое представленіе о безчисленномъ множествѣ самобытныхъ кавказскихъ нарѣчій—не болѣе какъ заблужденіе; также доказано, что нарѣчія, исключительно существующія на Кавказѣ и не имѣющія никакой связи съ извѣстными семьями языковъ, распадаются на три главныя группы, которыхъ подраздѣленія представляютъ

болѣе или менѣе близкое сродство между собой. Эти три группы носятъ слѣдующія названія: картвельской или карталинской, восточнокавказской и западно-кавказской. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ придерживаться естественнаго дѣленія на народовъ низменностей и горцевъ.

Среди народовъ равнинъ древнѣйшимъ культурнымъ элементомъ на Кавказѣ слѣдуетъ признать народы картвельскаго племени. Они составляютъ группу племенъ, потомковъ древнихъ иберійцевъ, которые говорятъ на общемъ, хотя діалектически весьма разнообразномъ языкѣ картли и въ средніе вѣка были въ сущности единственными владѣльцами бассейновъ: Ріона и верхней Куры, почти до притоковъ Алазани. Сюда принадлежитъ картвельская семья языковъ, а также, по Фридриху Миллеру, южный отдѣлъ кавказцевъ. Основной элементъ этой группы составляютъ грузинцы или грузины, какъ ихъ называютъ русскіе. Они сами обозначаютъ себя именемъ картли, картхвель и населяютъ область къ востоку отъ Сурамскихъ горъ между главной цѣпью и водораздѣломъ р. Аракса до высотъ Закатали. Ихъ первоначальнымъ мѣстомъ жительства служили горы Памба и высоты Алагёза, откуда они распространились къ востоку и западу.

Грузины имѣютъ темные волосы, черные, прямо лежащіе глаза умѣренной величины, длинный острый носъ, иногда загнутый на концѣ, стройный ростъ, маленькія ноги и необыкнотенно красивыя руки. Они исполнены чувства собственнаго достоинства, славолюбивы, придаютъ большое значеніе почестямъ и пышности, храбры, гостепріимны, одарены хорошими способностями, но крайне невѣжественны и отличаются грубыми нравами. Въ русскихъ закавказскихъ владѣніяхъ они принадлежатъ къ восточной православной церкви, между тѣмъ какъ ихъ остальные соплеменники исповѣдуютъ исламъ. Мужчины одѣты въ одноцвѣтное верхнее платье мериносовое или шелковое („kaba“) безъ воротника, съ висячими разрѣзными рукавами; нижнее стеганое на ватѣ платье (архалукъ) шьется изъ шелковой или бумажной матеріи и доходитъ до колѣнъ; широкіе бумажные шаравары, подбитые шелковой матеріей, едва прикрываютъ колѣна или же стягиваются шнуркомъ у щиколки ногъ. Они носятъ дома туфли, съ загнутыми къ верху носками, а на улицѣ башмаки той-же формы. На головѣ надѣта высокая мѣховая шапка или суконная обшитая мѣхомъ (kudi“). Слегка изогнутый мечъ виситъ на ремнѣ перекинутомъ черезъ плечо; къ поясу привѣшаны: кинжалъ, ножъ, шило въ футлярѣ, пистолетъ, патронташъ и пороховница; ружье въ чехлѣ красуется за плечами. Женщины не носятъ другой одежды кромѣ архалука и красныхъ шароваръ, а зимой еще сверхъ того надѣваютъ верхнее платье („kathibi“), подпоясанное вокругъ тальи; ноги обуты въ туфли. Головной уборъ ихъ состоитъ изъ войлочнаго кружка и повязки; сзади виситъ длинный вуаль; лицо, кромѣ носа и глазъ, закрыто бѣлымъ платкомъ изъ грубой бумажной матеріи; волосы заплетены въ мелкія косички. Онѣ красятъ себѣ лицо бѣлилами и ярко-красными румянами. Здѣсь существуетъ пять сословій: 1) „Mthawar или „thawad“, высшее дворянство, прежніе ленники короля; 2) „asnaur“, низшее дворянство, ленники предъидущихъ; 3) купцы и торгующіе ремесленники пользующіеся такими-же правами, какъ и „asnaur“'ы; 4) „msachuri“ или крестьяне, которые нѣкогда обязаны были служить у дворянъ въ качествѣ оруженосцевъ и рейтаровъ, и 5) „gischi“, прикрѣпленные къ землѣ, которые исполняютъ всѣ полевыя работы. Грузины занимаются сельскимъ хозяйствомъ, шелководствомъ и, въ особенности, земледѣліемъ. Они

рано достигли извѣстной степени культуры, между тѣмъ, какъ ихъ сѣверные сосѣди, кавказскіе горцы, остались варварами. Въ новѣйшія времена русскіе нравы и обычаи оказали большое вліяніе на высшіе классы, живущіе въ городахъ, что особенно замѣтно въ постройкѣ домовъ и воспитаніи. Въ числѣ своеобразныхъ обычаевъ нужно упомянуть, что дѣвушки наканунѣ дня св. Георгія ѣдятъ много соленаго, въ надеждѣ, что явится женихъ и предложитъ имъ напиться. Во время засухи запрягаютъ двѣнадцать женщинъ въ плугъ, затѣмъ во время пашни всѣ молятся, кричатъ, смѣются и плачутъ, чтобы вымолить у Бога дождя. При избыткѣ дождя выносятъ на улицу голое новорожденное дитя.

Грузинъ.

Близкіе родичи грузинъ имеретинцы, суаны или сванеты, мингрельцы, лазы и аджары. Имеретинцы, т. е. жители провинціи Имеретіи принадлежатъ и по языку къ грузинамъ, съ которыми численность ихъ доходитъ до 700,000 душъ. Сванеты населяютъ Сванетію къ сѣверу отъ Имеретіи, а равно и Мингрелію; уже Страбонъ въ своемъ описаніи называетъ ихъ свободнымъ народомъ. Сельская община рѣшаетъ всѣ, даже самыя ничтожныя дѣла. Путешественникъ Густавъ Радде долженъ былъ обратиться къ ней за дозволеніемъ посѣтить капеллу XIII-го столѣтія, и собраніе не могло со-

стояться до тѣхъ поръ, пока не явился съ поля отсутствующій пастухъ. Кровавая месть уничтожена вполнѣ выработанной системой штрафовъ; за каждаго убитаго члена общины назначается извѣстная вира, состоящая изъ опредѣленнаго числа коровъ и овецъ. Корова равняется десяти рублямъ или четыремъ овцамъ; за выбитый глазъ платятъ двѣнадцать коровъ; за отрѣзанный палецъ назначена особая вира въ видѣ одной коровы. Подобно разбойникамъ верхнегерманскихъ горъ, они носятъ на большомъ пальцѣ правой руки зубчатый кастетъ, которымъ разбиваютъ лицо и носъ противнику. Хотя суаны номинально считаются подданными русскаго государя, но это самый неукротимый народъ на всемъ Кавказѣ. Русскіе, снабженные даже наилучшими рекомендаціями къ вождямъ сельскихъ общинъ, не иначе рѣшаются посѣщать округа, занятые этимъ дикимъ населеніемъ, какъ въ сопровожденіи казаковъ, потому что туземцы не придаютъ никакого значенія своей и чужой жизни, что составляетъ главную характерную ихъ черту. Вообще свѣтъ не много потеряетъ, если исчезнетъ это постепенно вымирающее племя, которое, повидимому, находится въ совершенно нецивилизованномъ состояніи. Идеалъ мужчины, по понятіямъ сванетовъ, заключается въ грубой силѣ и мужествѣ. Рожденіе дочери считается не только несчастіемъ, но и стыдомъ, отъ котораго они часто избавляются посредствомъ дѣтоубійства. Вслѣдствіе этого обычая число женщинъ весьма ограничено, такъ что красавицы Сванетіи пользуются бо́льшимъ почетомъ, нежели женщины въ какой либо другой странѣ. Такимъ образомъ при многочисленныхъ распряхъ, которыя господствуютъ здѣсь между отдѣльными личностями и цѣлыми мѣстечками, судья долженъ прежде всего задать себѣ вопросъ: „Oú est la femme?“ Женихъ, получившій отказъ, находитъ себѣ утѣшеніе въ томъ, что спроваживаетъ на тотъ свѣтъ своего соперника или угрожаетъ смертью человѣку, который женится на его возлюбленной; это какъ бы національный завѣтъ чести. Мингрельцы отличаются меньшей дикостью и, совмѣстно съ гурійцами, занимаютъ Мингрелію, Одиши и Гурію у Чернаго моря, а также между послѣднимъ и рѣками: Ріономъ и Ингуромъ. Близкое средство съ ними представляютъ лазы или турецкіе грузины въ сосѣднемъ Гюрджистанѣ.

Лазы и аджары заслуживаютъ названіе рыцарей не только потому, что они всѣ конные и хорошо вооружены, и не потому, что подобно средневѣковымъ рыцарямъ, скрытые въ своихъ неприступныхъ твердыняхъ, производятъ разбои по дорогамъ; но они и ведутъ себя настоящими рыцарями, отличаются многими благородными чертами характера, не уступая въ этомъ представителямъ стараго французскаго и нѣмецкаго дворянства, свято держатъ данное слово и неизмѣнны въ дружбѣ. Они требуютъ такого безусловнаго уваженія къ ихъ семейной жизни и къ женамъ, которыя живутъ въ монастырскомъ уединеніи (хотя не всегда придерживаются строгой нравственности), что за каждое нарушеніе своей чести мстятъ убійствомъ и смертельными побоями. Около ста или двѣсти лѣтъ тому назадъ они приняли магометанство, но по своему происхожденію тѣ-же грузины и говорятъ ихъ языкомъ. У нихъ большей частью красивая, даже изящная наружность, высокій, но не чрезмѣрный ростъ, строй-

ное, хотя не особенно сильное тѣлосложеніе и длинные свѣтлые волосы. Подобно всѣмъ горцамъ они отличаются граціозными движеніями, привѣтливы въ обращеніи, разговорчивы, общительны, хотя грубы во внѣшнихъ пріемахъ, беззаботны и не подчиняются никакимъ законамъ. Одежда прекрасно принаровлена къ условіямъ гористой почвы ихъ родины и въ высшей степени характерна; она состоитъ изъ шароваръ, широкихъ сверху и плотно прилегающихъ къ ногамъ отъ колѣнъ до щиколки, а затѣмъ фантастически вышитой куртки, обыкновенно коричневаго цвѣта. Одежда эта шьется изъ самодѣльной, весьма плотной и теплой ткани. Бѣлье равнымъ образомъ фабрикуется дома; для этой цѣли передъ каждой хижиной находится небольшое поле, засѣянное льномъ. Чалмы неизвѣстны въ Грузіи; туземцы носятъ большія шляпы изъ того-же сукна, какъ и куртка. Мужчины опоясываютъ себѣ талію кожанымъ кушакомъ, нерѣдко богато украшеннымъ серебромъ и латунью, къ которому привѣшана тыквообразная пороховница, небольшая металлическая фляжка съ растительнымъ масломъ для смазыванія ружейнаго замка и веревка, которая повидимому служитъ для связыванія плѣнныхъ. За поясомъ неизмѣнно красуется обоюдоострый мечъ или кинжалъ, а равно одинъ или два пистолета въ серебряной оправѣ. За плечами виситъ длинное одноствольное ружье съ кремневымъ замкомъ, безъ котораго лазъ никогда не выходитъ изъ дому, что вполнѣ понятно, такъ какъ онъ искусный стрѣлокъ, а въ его горахъ нѣтъ недостатка въ зайцахъ, дикихъ гусяхъ и другой дичи. Не менѣе живописны и оригинальны жилища лазовъ. Деревни существуютъ только по имени; въ дѣйствительности вы видите только разбросанные дома. Единственными признаками, по которымъ вы узнаете селеніе, служатъ болѣе или менѣе значительные клочки обработанной земли, нѣсколько арыковъ съ прозрачной водой и группа деревьевъ, большей частью орѣшника, подъ тѣнью которыхъ тянется длинное четырехъугольное зданіе, напоминающее птичью клѣтку. Это первобытное зданіе безъ минарета и есть мечеть. Частныя жилища имѣютъ почти одинаковый видъ, съ такой же открытой галлереей и нависшей крышей; вдобавокъ, они всѣ сдѣланы изъ дерева, начиная со столбовъ и кончая верхушкой кровли, такъ какъ здѣсь это единственный строительный матеріалъ. Вообще лазы довольно охотно занимаются земледѣліемъ, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ мануфактурнаго производства они достигли значительной степени искусства. Что касается ружей, пистолетовъ, сабель, кинжаловъ, вышивокъ и серебряныхъ издѣлій, то турецкая Грузія занимаетъ первое мѣсто на Анатолійскомъ рынкѣ. Но лазъ мало способенъ къ торговымъ оборотамъ и даже не въ состояніи вести мелочную торговлю; немногія лавки въ Гюрдистанѣ (около 200 во всѣхъ деревняхъ въ совокупности), исключительно содержатся иностранцами, преимущественно армянами, привлекаемыми двухъмѣсячной богатой прибылью, послѣ чего они переходятъ на новое мѣсто. Лазы не чувствуютъ также особенной склонности къ пастушечьей жизни; ихъ стада (впрочемъ довольно многочисленныя), исключительно пасутся наемными курдами. Лазы чувствуютъ большое пристрастіе къ различнымъ украшеніямъ, нарядному платью, танцамъ и пѣнію, всякимъ сборищамъ и увеселеніямъ, особенно къ хмѣльнымъ напиткамъ и игрѣ, при этомъ они замѣчательно общительны, но въ религіозномъ отношеніи выказываютъ полный индиферентизмъ. Ихъ малочисленные муллы и муфти, въ большинствѣ случаевъ уроженцы Луристанскаго берега или окрестностей Трапезунта, гдѣ населеніе отличается особенной набожностью.

Всѣ вышеназванные карталинскіе народы въ началѣ среднихъ вѣковъ входили въ составъ могущественнаго государства, властелинъ котораго жилъ въ Мцхетѣ близь Тифлиса. Это государство, вслѣдствіе наслѣдственнаго дробленія и несчастныхъ войнъ съ персами и турками, пришло въ такой упадокъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія

послѣдній король Грузіи, Кахетіи и Имеретіи, потомокъ древняго рода Багратидовъ, добровольно подчинился Россіи; вслѣдъ затѣмъ медіатизированы были властелины Мингреліи и Гуріи. Въ настоящее время эти народы, численность которыхъ доходихъ до 900,000 душъ, за исключеніемъ лазовъ и аджаровъ, исповѣдуютъ греческую религію. Они вполнѣ довольны русскимъ господствомъ и не выказываютъ ни малѣйшаго стремленія вернуться къ своей прежней самостоятельности, при которой каждый турецкій султанъ и персидскій шахъ начиналъ съ ними войну по своему усмотрѣнію, жегъ ихъ селенія, уводилъ въ плѣнъ мужское населеніе и наполнялъ свои гаремы ихъ женами и дочерьми. Въ характерѣ этихъ народовъ много средневѣковаго; дворянство нѣкогда отличалось рыцарствомъ, но было крайне невѣжественно и неспособно создать что либо, простой народъ, жившій въ рабской зависимости, былъ крайне лѣнивъ и склоненъ къ плутовству. Но въ настоящее время уже нѣтъ такой разницы между сословіями, какъ прежде: дворянство начинаетъ учиться, а народъ, хотя съ видимой неохотой, но принялся за работу. Пристрастіе къ вину составляетъ одну изъ ихъ отличительныхъ чертъ, но такъ какъ они могутъ безнаказанно пить его въ большомъ количествѣ, то этого нельзя ставить имъ въ вину; они также много поютъ, хотя ихъ пѣніе не особенно пріятно для слуха. Языкъ ихъ выразителенъ, и въ то же время весьма неблагозвученъ вслѣдствіе преобладанія такихъ буквъ, какъ „tzh и „schch". Для письма обыкновенно принято грузинское нарѣчіе. Въ одеждѣ замѣтна довольно значительная разница между отдѣльными племенами; знатные люди носятъ обще-европейскій костюмъ или еще чаще такъ называемый „черкесскій нарядъ".

Вторую важнѣйшую группу образуютъ народы турецко-татарскаго племени. Они нигдѣ не встрѣчаются такими сплоченными массами, какъ карталинцы, и разсѣяны почти по всему Кавказу. Ихъ собирательное имя татары, хотя простой народъ въ Россіи, а именно солдаты обозначаютъ большей частью этимъ именемъ упомянутые народы нехристіанскаго вѣроисповѣданія, что разумѣется нерѣдко служитъ поводомъ къ недоразумѣніямъ въ смыслѣ уясненія ихъ различій. Низменности Куры и Аракса почти исключительно заняты ими; кромѣ того они живутъ въ восточной части Тифлисской губерніи въ перемежку съ грузинами, въ Эриванской губерніи и въ Карабагѣ (южной части Елизаветпольской губерніи) совмѣстно съ армянами. Затѣмъ мы встрѣчаемъ ихъ кочующія племена въ степяхъ отъ Каспійскаго моря до Владикавказа, а также многочисленныя колоніи на восточномъ берегу Дагестана; отрасль ихъ живетъ даже въ долинахъ Эльбруса. Общая цифра тюрко-татарскихъ народовъ, включая кочевниковъ, доходитъ болѣе чѣмъ до 1,100.000. Языкъ весьма близокъ къ турецкому и принадлежитъ къ такъ называемой восточно-тюркской вѣтви, онъ далеко уступаетъ османли въ изяществѣ и благозвучіи и до извѣстной степени понятенъ всѣмъ обитателямъ Кавказа. Одежда, кромѣ

мелкихъ подробностей, почти персидская, и только на границѣ Турціи народъ большей частью одѣтъ по-турецки. Низшіе классы, большей частью, обладаютъ добрыми качествами тюркской расы: выдержкой, умѣренностью, и при этомъ вѣрны данному слову; но долгое персидское господство не оказало особенно благопріятнаго дѣйствія на высшіе слои общества, хотя и здѣсь нѣтъ недостатка въ здоровыхъ элементахъ.

Жители горъ, въ виду болѣе легкаго обзора, дѣлятся на три группы: восточную или лезгинскую, центральную и западную или черкесскую. Восточная группа горцевъ, не только самая многочисленная, но также наиболѣе интересная, потому что здѣсь съ 1839 до 1859 года велась ожесточенная религіозная война противъ русскихъ и господствовалъ знаменитый вождь Шамиль, игравшій одновременно роль священника, героя и тирана. Мѣстное населеніе можетъ быть легко раздѣлено на два типа чеченцевъ и дагестанцевъ. Первые насѣляютъ Чечню и отроги горъ, идущихъ къ Тереку, а также за предѣлы послѣдняго; они распадаются на значительное число отдѣльныхъ племенъ съ различными нравами и языками. Подраздѣленіе этой группы, населяющей Малую Чечню между Владикавказомъ и Аргунью, довольно замѣтно отличается отъ прочихъ племенъ. Вообще характерные признаки, приписываемые чеченцамъ, не говорятъ въ ихъ пользу; они считаются вороватыми, коварными и злобными; ихъ способъ веденія войны противъ русскихъ можетъ быть безусловно названъ разбойничьимъ, такъ какъ они дрались изъ-за засады. Впрочемъ никакая общая связь не соединяетъ между собой чеченцевъ и если Шамиль путемъ насилія и жестокости съумѣлъ соединить подъ своими знаменами отдѣльныя племена, то другіе держали сторону русскихъ или оставались нейтральными.

Общая цифра чеченцевъ доходитъ до 140,000 душъ; это прозвище было дано имъ русскими; грузины называютъ ихъ кистенами, кистининами, лезгины—мицджегенами, между тѣмъ, какъ они сами обозначаютъ себя именемъ нахтчуои. Собственно чеченцы живутъ къ востоку отъ своихъ родичей карабулаковъ до рѣки Аксаи. По угламъ каждой деревни выведены симметрическія башни. Кистинены, подобно всѣмъ остальнымъ кавказскимъ горцамъ, носятъ „черкеску", гамаши и сандаліи; ихъ оружіе состоитъ изъ винтовокъ въ неизмѣнныхъ войлочныхъ чехлахъ, длиннаго кинжала, пистолетовъ въ серебряной оправѣ, продѣтыхъ за туго перетянутымъ поясомъ, и шашки, которую они почти не употребляютъ. Весьма немногіе изъ нихъ имѣютъ лошадей. Походка и всѣ движенія кистиненовъ чрезвычайно граціозны; при этомъ у нихъ весьма привлекательныя черты лица. Хотя бритыя головы и остриженныя бороды свидѣтельствуютъ объ ихъ исламскомъ вѣроисповѣданіи, но они плохіе магометане, несмотря на всѣ старанія мюридовъ Шамиля. Здѣсь видны до сихъ поръ слѣды прежняго христіанства, но все это перемѣшалось съ исламомъ и язычествомъ, такъ что образовалась какая-то смѣшанная религія. Они называютъ христіанъ невѣрующими, но чествуютъ святаго Георгія; не ѣдятъ свинины, живутъ въ многоженствѣ, женятся на вдовахъ своихъ братьевъ, не имѣютъ ни мечетей, ни моллаховъ. Въ каждомъ аулѣ между наиболѣе уважаемыми гражданами одинъ считается старшиной, но онъ пользуется номинальной

властью; въ болѣе важныхъ спорныхъ случаяхъ выбираются посредники изъ стариковъ, хорошо знающихъ старые обычаи. У нихъ, какъ и у сосѣднихъ горныхъ народовъ, повсемѣстно распространенъ обычай „udsmobiloba“ (т. е. побратимства), который заключается въ томъ, что, если двое людей, оказавшихъ другъ другу услугу или близко знакомыхъ между собой, хотятъ заключить дружескій союзъ, то они должны исполнить особый установленный для этого обрядъ. Въ чашу наливаютъ водку или пиво; затѣмъ старшій или болѣе

Чеченецъ.

достаточный изъ двухъ пріятелей бросаетъ въ нее серебряную монету, оба по очереди пьютъ три раза и при этомъ всякій разъ цѣлуются, а взаключеніе желаютъ другъ другу побѣды надъ врагами, клянутся быть братьями и не щадить одинъ для другаго своей крови. Этотъ, освященный временемъ обычай, какъ всѣ другіе обычаи, соблюдается съ такой строгостью, что не рѣдко бываютъ случаи, гдѣ названные братья исполняютъ другъ за друга долгъ кровавой мести и даже жертвуютъ своей жизнью. Гостепріимство соблюдается по мѣрѣ возможности; хозяинъ разумѣется никогда не ѣстъ съ гостями и все время стоя прислуживаетъ имъ. Подавая воду, онъ снимаетъ съ головы папаху и не

надѣваетъ ее до тѣхъ поръ, пока ему не возвратятъ обратно кувшина. Только тогда, когда гости насытились, онъ садится въ уголъ, наскоро утоляетъ свой голодъ и отдаетъ остатки своей семьѣ или друзьямъ, которые тѣснятся у дверей. Затѣмъ нѣсколько дѣвушекъ, большей частью красивыхъ собой, въ длинныхъ красныхъ или желтыхъ архалукахъ, опоясанныхъ ремнями, по обычаю горцевъ импровизируютъ пѣсню въ честь гостя, восхваляютъ его за храбрость, смѣлость, искусство въ стрѣльбѣ, ловкую верховую ѣзду и тому подобныя качества, которыя онѣ высоко цѣнятъ въ мужчинѣ. Иногда подъ звуки лютни и другихъ инструментовъ, по волосянымъ струнамъ которыхъ водятъ смычкомъ, какъ на віолончели, дѣвушки, исполняютъ свой живой національный танецъ, съ короткими, необыкновенно быстро слѣдующими одинъ за другимъ па; при этомъ онѣ, подобно европейскимъ танцовщицамъ, становятся на кончики большихъ пальцевъ.

Ингуши или галгаи, называемые также халха, обозначаютъ себя именемъ ламуровъ; они населяютъ земли у рѣкъ: Кумбалаи, Сунджаха и Шалгира и, равнымъ образомъ, составляютъ отрасль кистеновъ или чеченцевъ, отъ которыхъ ничѣмъ не отличаются. Они только богаче своихъ сосѣдей; въ ихъ одеждѣ, украшеніяхъ и оружіи даже замѣтна нѣкоторая роскошь; многіе изъ нихъ имѣютъ лошадей; одежда женщинъ красивѣе и опрятнѣе; онѣ носятъ длинныя, нерѣдко шелковыя рубашки и архалуки, обшитые позументами собственнаго издѣлія.

Третью группу кистеновъ составляютъ небольшіе горскіе народы туши, хевсури и пшавы, живущіе у истоковъ Алазани и въ долинахъ Арагвы. Въ физическомъ отношеніи они не представляютъ ничего типичнаго, но въ нихъ замѣтно проявляются самые разнообразные элементы, заимствованные у сосѣднихъ народовъ. Эти элементы, сглаживаясь мало по малу, составили этнологическое цѣлое, гдѣ индивиды рѣзко различаются между собой, но всѣ въ совокупности представляютъ ту же степень дикости, имѣютъ тотъ же пугливый взглядъ и осанку, исполненную чувства собственнаго достоинства. У вышеназванныхъ племенъ, особенно у хевсуровъ, существуютъ крайне своеобразные брачные обычаи, изъ которыхъ мы укажемъ на важнѣйшіе, со словъ Густава Радде, который подробно изучалъ ихъ. Здѣсь женщина не можетъ родить ни въ своемъ домѣ, ни даже въ деревнѣ, гдѣ живетъ ея семья. Беременная женщина считается нечистой и не имѣетъ права принимать участіе въ празднествахъ, равно, какъ и ея мужъ. Она по возможности скрываетъ свое положеніе, и, когда наступаетъ время родовъ, удаляется на разстояніе 1 или 2 км. отъ деревни, въ жалкую хижину, кое-какъ покрытую соломой, расположенную на отдаленномъ склонѣ, которая была построена ея предшественницами и нерѣдко состоитъ изъ трехъ шестовъ и одной боковой перегородки. Эти родильныя хижины называются „satschechi“. Мать должна собственно родить здѣсь безъ всякой помощи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается помощь посторонней женщины, а въ послѣднее время даже иногда отводятъ родильницамъ уголъ въ домѣ. Послѣдній настолько тѣсенъ, что въ немъ едва можетъ помѣститься одинъ человѣкъ. Согласно древнему обычаю, мужъ не имѣетъ права помогать своей женѣ и даже приближаться къ ней. Если стоны продолжаются слишкомъ долго и предвидятся тяжелые роды, то мужъ осторожно подкрадывается къ мѣсту и пугаетъ больную выстрѣломъ изъ ружья; въ болѣе легкихъ случаяхъ родильница ложится на корзину, наполненную рубленной соломой. Наконецъ появляется на свѣтъ дитя, и тогда родные, обыкновенно маленькія дѣвочки, съ наступленіемъ сумерекъ, приносятъ матери молоко, сыръ и хлѣбъ, который здѣсь хуже, чѣмъ, гдѣ либо на Кавказѣ. Сосуды, въ которыхъ ставятъ съѣстные припасы но близости хижины, не могутъ уже быть употреблены въ хозяйствѣ, потому что считаются нечистыми. Мать проводитъ съ ребенкомъ цѣлый мѣсяцъ въ родильной хижинѣ (у псхавовъ сорокъ дней) и даже послѣ этого не смѣетъ вступить въ хижину своего мужа. Въ по-

слѣднее время относительно этого уже сдѣланы нѣкоторыя уступки, такъ какъ родильница остается всего пять-шесть дней въ уединенной хижинѣ, затѣмъ переселяется въ деревню и живетъ шесть или семь недѣль отдѣльно отъ другихъ, въ маленькой лачугѣ, построенной изъ плитъ чернаго шифера. Такія лачуги постоянно встрѣчаются по близости деревень хевсуровъ и большей частью у протекающаго мимо ручья; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ лачугъ устроены первобытныя мельницы, другія спеціально назначены для родильницъ, а также для дѣвушекъ и женщинъ въ періодъ менструаціи. Въ это время женщины должны носить старое платье. Въ хорошую погоду онѣ спятъ на крышѣ, а въ лѣтніе мѣсяцы собираютъ всевозможныя дикія травы и уничтожаютъ ихъ въ невѣроятномъ количествѣ. Вечеромъ эти „нечистыя существа“ должны позаботиться о коровахъ; къ ночи онѣ снова удаляются въ уединеніе. Процесъ совершается нормально, и женщина рѣдко проводитъ въ хижинѣ „samrewlo“ болѣе двухъ дней. По окончаніи періода менструаціи, а также родовъ, женщина передъ возвращеніемъ въ деревню, должна совершить общее омовеніе всего тѣла. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ родильную хижину сжигаютъ. Новорожденнаго хевсура кладутъ въ колыбель, выложенную мѣхами, которая представляетъ ничто иное, какъ неуклюжій, четырехъугольный продолговатый ящикъ, укрѣпленный на двухъ плотныхъ дугообразныхъ деревяшкахъ, который можетъ покачиваться изъ стороны въ сторону. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка даютъ знать роднымъ черезъ гонца. Но, такъ какъ всякаго рода служба точно опредѣлена и исполняется по очереди жителями деревни, то и въ настоящемъ случаѣ извѣстіе передается лицомъ, обязаннымъ нести службу въ данный моментъ. Родственники немедленно жертвуютъ овцу или платятъ 6 абасъ (1 руб. 20 коп.) духовенству. Но это дѣлается только въ томъ случаѣ, если родится мальчикъ; для дѣвочекъ такія выраженія радости считаются лишними. Въ то время, какъ мать остается въ одиночествѣ, отецъ въ продолженіи цѣлой недѣли угощаетъ своихъ родственниковъ и пріятелей водкой и пивомъ. Но онъ самъ въ первыя семь недѣль не принимаетъ участія ни въ какихъ празднествахъ и остается дома, куда ему приносятъ его долю мяса и пива отъ происходящихъ въ это время пиршествъ. Если младенецъ умираетъ въ этотъ промежутокъ времени, то его трупъ крестятъ по стариннымъ обычаямъ хевсуровъ т. е. мажутъ пепломъ, разведеннымъ водой. Если ребенокъ остается въ живыхъ, то его креститъ русскій священникъ, такъ какъ за этимъ строго слѣдятъ. Но и до сихъ поръ всего чаще встрѣчаются старинныя имена, заимствованныя хевсурами изъ окружающей природы. Браки хевсуровъ не плодовиты, но родители относятся съ величайшей любовью къ своимъ дѣтямъ, особенно къ сыновьямъ. Въ проявленіяхъ этой привязанности есть свои особенности. Родители ласкаютъ тайкомъ своихъ дѣтей. Отецъ никогда не беретъ на руки своего однолѣтняго или двухлѣтняго сына, а мать считаетъ стыдомъ выказывать въ обществѣ нѣжность къ своимъ дѣтямъ.

Брачные союзы заключаются чуть ли не въ колыбели, т. е. родители опредѣляютъ заранѣе будущіе браки. Особенно у богатыхъ хевсуровъ существуетъ обычай пріискивать невѣстъ для грудныхъ младенцевъ. Но бракъ заключается только тогда, когда дѣвушкѣ исполнится 20 лѣтъ. Замедленіе брака бываетъ преднамѣренное, равно и то обстоятельство, что въ семьѣ рѣдко можно встрѣтить болѣе трехъ дѣтей, не есть простая случайность. У хевсуровъ считается великимъ стыдомъ, если у молодой четы родится ребенокъ, прежде, чѣмъ пройдутъ первые четыре года послѣ брака. Даже послѣ этого опять положенъ трехлѣтній срокъ до рожденія втораго ребенка. Хевсуры убѣждены, что при частыхъ дѣтяхъ, которыя быстро слѣдуютъ одни за другими, младшія лишаютъ старшихъ необходимаго ухода. Хевсурскія дѣвушки славятся своимъ цѣломудріемъ. Паденіе дѣвушки до брака счится такимъ позоромъ, что въ большинствѣ случаевъ она рѣдко переживаетъ его. Беременная дѣвушка кончаетъ

свою жизнь повѣшаніемъ или застрѣливаетъ себя. Подобные примѣры встрѣчаются и до сихъ поръ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ туземное духовенство („dekanosse") относится довольно снисходительно къ распущенности нравовъ въ половыхъ отношеніяхъ, пока это не имѣетъ никакихъ послѣдствій и не касается иностранцевъ. Но во всякомъ случаѣ хевсурскія дѣвушки, особливо по сравненію съ пшхавскими, считаются скромными и цѣломудренными. Дѣвушки у пшхавовъ нерѣдко заходятъ со стадами въ уединенныя пастбища, гдѣ назначаютъ свиданіе своимъ возлюбленнымъ и всецѣло предаются имъ; эти свиданія не только въ большомъ ходу, но даже не считаются особенно позорными.

Хотя браки заблаговременно назначаются родителями, но когда женихъ и невѣста достигаютъ надлежащаго возраста, то сватовство происходитъ въ извѣстномъ порядкѣ. Похищеніе дѣвушекъ въ обычаѣ до сихъ поръ. Обыкновенно женихъ въ полномъ вооруженіи является ночью съ нѣсколькими товарищами въ уединенный домикъ „samrewlo", гдѣ находится его нѣвеста. Дѣвушка сопротивляется, но только для виду, чтобы не сказали, что она добровольно послѣдовала за нимъ. Ее похищаютъ и увозятъ въ домъ отцовскаго жениха, гдѣ устраивается небольшая пирушка для товарищей похитителя. Затѣмъ дѣвушка возвращается въ домъ своихъ родителей, и тутъ снова происходитъ пиршество и назначается время свадьбы, которая слѣдуетъ черезъ пять-шесть дней. При этомъ молодыхъ благословляетъ не главный священникъ, а „chuzessen", который присутствуетъ при погребеніи мертвыхъ. Похищенію дѣвушки нерѣдко предшествуетъ формальное сватовство. Въ этомъ случаѣ женихъ посылаетъ въ домъ невѣсты сваху, въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей. Родители дѣвушки, выслушавъ посланныхъ, отвѣчаютъ отказомъ, подъ предлогомъ, что они недостойны такой чести, хотя это дѣлается большей частью только для виду. Переговоры продолжаются: хвалятъ поочереди жениха и невѣсту; затѣмъ убиваютъ одну изъ приведенныхъ овецъ, готовятъ обѣдъ и начинается пирушка. По окончаніи послѣдней невѣсту ведутъ въ сопровожденіи ея родныхъ и сосѣдей въ домъ родителей жениха, гдѣ она проводитъ нѣкоторое время, не видя ни разу своего будущаго мужа, послѣ чего возвращается въ родительскій домъ. Брачная церемонія представляетъ ту особенность, что священникъ пришпиливаетъ булавкой платье невѣсты къ платью жениха или даже сшиваетъ ниткой. Бракосочетаніе происходитъ у очага, т. е. у огня, разведеннаго въ хижинѣ родителей жениха. Хевсурскій священникъ подаетъ жениху и невѣстѣ по восковой свѣчкѣ и ставитъ передъ ними кушанье; они встаютъ изъ-за стола; онъ молитъ Бога о ниспосланіи благополучія ихъ дому, здоровья, многочисленнаго потомства и пр., затѣмъ слѣдуетъ общій пиръ.

Замѣчательно, что даже послѣ заключенія брака отношенія мужа къ женѣ должны нѣкоторое время составлять тайну; считается стыдомъ, если мужъ ласкаетъ свою жену при постороннихъ и разговариваетъ съ нею. Тѣмъ не менѣе, сообразно обычаю, молодая чета проводитъ вмѣстѣ первыя три ночи послѣ свадьбы. Затѣмъ молодая возвращается въ родительскій домъ; мужъ можетъ посѣщать ее, но не долженъ имѣть съ нею никакихъ близкихъ сношеній. Совмѣстная супружеская жизнь начинается только нѣкоторое время спустя. Дома большей частью двухъэтажные, такъ какъ деревни расположены на склонахъ крутыхъ горъ; въ этомъ случаѣ въ верхнемъ этажѣ стоитъ неуклюжая постель хозяина, или, вѣрнѣе, продолговатый ящикъ на довольно высокихъ ножкахъ, съ боковой спинкой. Изъ нижняго этажа въ верхній ведетъ небольшое отверстіе въ каменномъ полу, черезъ которое человѣкъ пролѣзаетъ съ трудомъ. Если жена хевсура хочетъ посѣтить его ночью, то она не иначе можетъ попасть къ нему, какъ этимъ путемъ. Супружеская чета проводитъ вмѣстѣ только первыя три ночи. Послѣ заключенія брака молодые начинаютъ самостоятельную жизнь; мужъ получаетъ отъ отца или братьевъ принадлежа-

щую ему долю имущества и заводитъ свое собственное хозяйство. Этотъ постоянный дѣлежъ въ большинствѣ случаевъ незначительной собственности составляетъ главную причину бѣдности хевсуровъ. Браки не отличаются прочностью, и въ этомъ почти всегда виноватъ мужъ, которому сравнительно съ женой, какъ на всемъ востокѣ, предоставлены большія права. Онъ можетъ безнаказанно отослать свою жену во всякое время, безъ всякой другой причины, кромѣ той, что она перестала нравиться ему. Другой причиной разлуки супруговъ служитъ безплодіе жены. Отвергнутая жена можетъ вернуться въ ро-

Кавказскій еврей.

дительскій домъ и снова выйти замужъ. По словамъ Эристова, нѣкоторые хевсуры женятся до десяти разъ и всегда, подъ предлогомъ, негодности прежнихъ женъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ среди хевсуровъ водворилось русское духовенство, въ этомъ отношеніи замѣтно нѣкоторое улучшеніе. Если жена недовольна мужемъ, то она также можетъ оставить его, но мужъ получаетъ за нее выкупъ въ размѣрѣ восемнадцати рублей, который обыкновенно выплачивается движимымъ имуществомъ, а именно рогатымъ скотомъ. Выкупленная жена можетъ снова выйти замужъ. Если вдова имѣетъ единственнаго сына, то вторичный бракъ составляетъ для нея позоръ. Въ бы-

лыя времена невѣрную жену наказывали тѣмъ, что у ней отрѣзали уши и носъ. (Dr. Gustav Rodde, Die Chewsuren und ihr land Cassel 1878).

Вторую главную группу восточныхъ горныхъ народовъ, образуютъ жители Дагестана лезгины, храбрый, полудикій народъ, весьма различный между собой по внѣшнему виду, но схожій по характеру, а именно въ любви къ свободѣ, которая составляетъ ихъ общее отличительное свойство. Численность ихъ простирается до 400,000; то обстоятельство, что среди этого, менѣе чѣмъ полумилліоннаго населенія встрѣчаются 27 различныхъ языковъ или діалектовъ, даетъ достаточное понятіе о разнообразіи разсѣянныхъ здѣсь племенъ. Въ югозападномъ Дагестанѣ существуетъ одинъ аулъ, по имени Иннокхъ, состоящій изъ 28 домовъ, гдѣ жители говорятъ на особомъ языкѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ говоромъ другихъ кавказскихъ народностей. Наиболѣе видное мѣсто среди лезгинскихъ племенъ занимаютъ авары, которые не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ аварамъ, участвовавшимъ въ переселеніи народовъ въ Европу. Аварскій языкъ (hunderil-matsch) распадается на нѣсколько нарѣчій и распространенъ въ самой сѣверной части Дагестана между Боттлихомъ и Темиръ-ханъ-шурой; у аваровъ существуетъ также письменный языкъ, для котораго они пользуются арабскими буквами. Изъ ихъ среды вышли руководители большихъ народныхъ движеній, и даже мѣсто рожденія Шамиля, Химри, находится въ ихъ землѣ. За ними слѣдуютъ казыкумыки, которые опять-таки не имѣютъ ничего общаго съ татарскими кумыками или живущими къ югу отъ Терека, а также съ самымъ именемъ кумыковъ, которое было дано имъ чужеземцами. Они называютъ себя лакъ, между тѣмъ какъ у аваровъ они извѣстны подъ именемъ тумалъ. Казыкумыкскій языкъ, преимущественно, распространенъ въ среднемъ Дагестанѣ и отчасти въ округѣ Дарго. Между Койсу, верховьями Манаса и истоками Буама живутъ акуша, а въ юговосточной части Дагестана кюрины. Языкъ уденовъ, нѣкогда имѣвшій обширную область распространенія, въ настоящее время встрѣчается только на югѣ Кавказа въ двухъ деревняхъ: Варташенъ и Ниджъ.

Что касается политической организаціи лезгинскихъ горскихъ жителей до русскаго завоеванія, то она состояла одновременно изъ наслѣдственныхъ ханствъ и независимыхъ общинъ. Ханы, потомки древнихъ арабскихъ завоевателей, господствовали, преимущественно, въ сѣверномъ и центральномъ Дагестанѣ, гдѣ численность ихъ подданныхъ доходила приблизительно до 125,000 душъ, между тѣмъ какъ независимыя общины обнимали остальную часть населенія. Послѣднія представляли собой республики въ самой первобытной формѣ, съ народными собраніями. Ихъ возникновеніе относится къ незапамятнымъ временамъ. Въ горахъ Дагестана нѣтъ почти другихъ дорогъ, кромѣ извилистыхъ тропинокъ, которыя идутъ зигзагами вверхъ и внизъ нерѣдко на самомъ краю обрыва, надъ пропастью въ нѣсколько сотъ метровъ глубины. Аулы въ югозападномъ Дагестанѣ становятся все живописнѣе по мѣрѣ приближенія къ снѣговой линіи, но и тѣмъ недоступнѣе по своему мѣстоположенію. Поселенія въ долинахъ становятся все рѣже и, наконецъ, совер-

шенно исчезаютъ, и въ то же время чуть ли не на каждомъ нависшемъ утесѣ вы встрѣчаете жилища горцевъ, въ видѣ крѣпостей безъ оконъ. Непрерывныя войны, веденныя ими въ продолженіи всего послѣдняго столѣтія, какъ съ сосѣдями, такъ и между собой, поставили ихъ въ необходимость выбирать для своихъ деревень легко защищаемыя мѣста, такъ что нѣкоторыя поселенія расположены на недоступныхъ выступахъ скалъ, на высотѣ 500—700 м. надъ уровнемъ долинъ. Вслѣдствіе недостатка лѣса всѣ жилища состоятъ изъ неотесаннаго камня; они большей частью двухъ или трехъ этажные и съ плоскими крышами. При этомъ они построены ступенеобразно, т. е. каждый этажъ немного отступаетъ назадъ относительно непосредственно лежащаго подъ нимъ, такъ что плоская крыша нижняго этажа служитъ какъ бы террасой для слѣдующаго. Въ Дагестанскихъ домахъ не существуетъ оконъ, а только двери въ видѣ небольшихъ отверстій, которыя запираются деревянными выдвижными ставнями. Въ дурную погоду эти жилища необыкновенно холодны, мрачны и едва обитаемы. Что касается пищи лезгиновъ, то они преимущественно существуютъ овцеводствомъ; равнымъ образомъ на высочайшихъ горахъ встрѣчаются многочисленныя стада козъ; кромѣ того въ нѣкоторыхъ долинахъ они разводятъ въ небольшомъ количествѣ рожь, просо и пшеницу. Но вообще пахатная земля составляетъ рѣдкость и цѣнится очень дорого.

Несмотря на видимую дикость и необузданность лезгиновъ, они имѣютъ писанные законы и неписанное или обычное право. Послѣднее „adat" возникло съ первыми зачатками народной жизни у этихъ горцевъ, между тѣмъ какъ первые были введены арабами не ранѣе VIII столѣтія, совмѣстно съ магометанскимъ вѣроисповѣданіемъ въ видѣ „scharіat" или узаконеній Корана. Всѣ вопросы, касающіеся религіи, брака и наслѣдства рѣшаются сообразно постановленіямъ Корана, а всѣ тѣ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о личныхъ оскорбленіяхъ, нарушеніи правъ собственности и всякихъ другихъ, а равно и нарушеніи постановленій общихъ собраній, переносятся на судъ „adat". Съ этой цѣлью въ каждой деревнѣ существуетъ судилище изъ десяти-пятнадцати наиболѣе уважаемыхъ жителей. Выслушиваніе показаній и приведеніе къ присягѣ свидѣтелей происходитъ тѣмъ же способомъ, какъ у насъ, съ той разницей, что вмѣсто обращенія къ Высшему существу, во многихъ мѣстностяхъ Дагестана свидѣтель клянется дѣствительностью своего брака, т. е. признаетъ послѣдній недѣйствительнымъ, если его показаніе окажется ложнымъ. Въ этомъ случаѣ онъ обязанъ немедленно отослать свою жену къ ея родителямъ и возвратить полученное за нею приданое. Кромѣ показаній свидѣтелей или прямыхъ уликъ, лезгинскій законъ допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ косвенныя или отрицательныя доказательства, т. е. обвиненіе, на основаніи подозрѣній, если это обвиненіе истца подтверждено подъ присягой свидѣтелями, число которыхъ мѣняется сообразно обстоятельствамъ и отъ десяти можетъ дойти до семидесяти. Если всѣ они единогласно признаютъ виновность подозрѣваемаго субъекта, то это равняется судебному приговору. Впрочемъ истецъ можетъ отказаться отъ своей клятвы и потребовать „очистительной" присяги въ пользу подсудимаго. Вся эта процедура буквально есть ничто иное, какъ древній англосаксонскій и скандинавскій обычай „клятвеннаго отреченія", и, хотя на практикѣ онъ уже вышелъ изъ употребленія въ остальной Европѣ, болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ тому назадъ, но въ горахъ Дагестана онъ удержался до настоящаго времени.

Само собой разумѣется, что „adat", лезгиновъ, смотря по мѣстности, представляетъ существенныя различія. Чуть ли не каждая деревня имѣетъ свой „adat", который болѣе или менѣе отличается отъ обычнаго права сосѣдней деревни. Вездѣ господствуетъ обычай кровавой мести. Однако, несмотря на этотъ и другіе не менѣе кровавые обычаи, лезгины ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поголовно названы разбойниками и убійцами, и скорѣе можно сказать о нихъ, что они до фанатизма великодушны и благородны. При этомъ

они страстные любители музыки, достигли извѣстнаго искусства въ стихосложеніи и нерѣдко одарены въ значительной степени поэтическимъ чувствомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ умственномъ отношеніи лезгины превосходятъ всѣхъ горцевъ; несмотря на суровый климатъ и большей частью безплодную почву, у нихъ до извѣстной степени существуетъ промышленность и образцовое земледѣліе въ смыслѣ тщательной обработки полей; одно племя имѣетъ даже письменную литературу. Что касается ихъ промышленности, то прежде всего слѣдуетъ упомянуть стальныя издѣлія и оружіе; несмотря на отсутствіе заводовъ и значительныхъ фабричныхъ заведеній, они были въ состояніи отлить часть пушекъ, которыми они пользовались во время войны противъ русскихъ; клинки, изготовляемые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ славятся на всемъ Кавказѣ. Исламъ былъ единственной связью, нѣкогда соединившей весь Дагестанъ подъ однимъ знаменемъ, и мало можно встрѣтить мусульманъ настолько преданныхъ своей религіи, какъ эти горскіе жители. Только этой преданностью исламу можно объяснить, почему такому искусному фанатику, какъ Шамиль удалось соединить подъ своимъ аскетическимъ господствомъ такіе разнообразные народные элементы. Искренняя привязанность лезгиновъ къ религіи производитъ пріятное впечатлѣніе на путешественниковъ по контрасту съ скептицизмомъ знати и, нерѣдко искусственно поддерживаемымъ фанатизмомъ массы, въ Персіи и Турціи. Кромѣ того лезгины сравнительно съ чеченцами славятся своей храбростью, вѣрностью и честностью; объ ихъ гостепріимствѣ даже не стоитъ упоминать, такъ какъ за исключеніемъ большихъ дорогъ, оно встрѣчается на всемъ Кавказѣ. Естественно, что при свѣжемъ прохладномъ воздухѣ, правильномъ образѣ жизни, отсутствіи спиртныхъ напитковъ, восхожденіи на горы и господствующей чистотѣ нравовъ, лезгины достигаютъ глубокой старости. Проституція не существуетъ у нихъ; мужчина, соблазнившій дѣвушку, подвергается смертной казни. Если беременная дѣвушка выходитъ замужъ и это становится извѣстнымъ, то ей отсѣкаютъ ротъ и уши, и она изгоняется изъ селенія. Во всѣхъ деревняхъ мужчины носятъ мѣховыя шапки и овчинные тулупы съ рукавами, доходящими до земли. Лезгины живутъ особнякомъ отъ другихъ націй; въ болѣе высокихъ горахъ даже нѣтъ евреевъ, которые распространены повсемѣстно у подошвы Кавказа; только въ Кирсѣ поселилось нѣсколько еврейскихъ купцовъ, о которыхъ проводникъ, сопровождавшій путешественника А. Беккера, выразился слѣдующимъ образомъ: „И сюда забрались проклятые:“

Центральную группу кавказскихъ жителей составляетъ всего одинъ народъ, а именно, осетины. Хотя они не особенно многочисленны, но съ давняго времени служили предметомъ изученія, потому что это единственный горный народъ, несомнѣнно арійскаго происхожденія. Ихъ языкъ принадлежитъ къ мидійско-персидской отрасли; а нравы нерѣдко поразительнымъ образомъ напоминаютъ древнегерманскіе; между прочимъ они варятъ вполнѣ годное пиво, называемое „ludi“. Ихъ область простирается по главной горной цѣпи отъ Адай Хоха и безъ малаго за Казбекское ущелье; по религіи они частью магометане, отчасти христіане; говорятъ что между ними есть и язычники. Они съумѣли поставить себя въ хорошія отношенія къ русскимъ, что было особенно важно для послѣднихъ во время войны съ Шамилемъ, такъ какъ грузинская дорога, служащая единственнымъ средствомъ сообщенія черезъ хребетъ между Баку и Таманью проходитъ черезъ землю осетиновъ. Черты лица этихъ горцевъ не представляютъ особенно характернаго исключительнаго типа; глаза большей частью

коричневые съ лѣнивымъ безучастнымъ выраженіемъ, хотя оссетины не лишены извѣстной хитрости и наблюдательности. Впрочемъ представители высшихъ сословій рѣзко отличаются отъ низшихъ; у первыхъ болѣе мужественныя и благородныя очертанія лица, высокій, стройный ростъ, который даже нерѣдко можетъ быть названъ гигантскимъ, потому что мужчины въ 2, 13 м. высоты не составляютъ исключенія; послѣдніе гораздо ниже ростомъ и неуклюжѣе. Многіе оссетины коротко стригутъ волосы на головѣ, но ростятъ свою большей частью скудную бороду. Вообще оссетины по внѣшности далеко уступаютъ остальнымъ жителямъ Кавказа, и не имѣютъ, ни такой благородной наружности, ни такихъ выразительныхъ чертъ лица. Женскій полъ трудно поддается наблюденіямъ, потому что женщины никогда не показываются въ мужскомъ обществѣ. Впрочемъ южный Кавказъ несравненно богаче красивыми дѣвушками и женщинами, нежели сѣверный. У нихъ въ большинствѣ случаевъ блестящіе живые глаза, хотя также встрѣчается и совершенно вялое, апатичное выраженіе глазъ. Красивыхъ женщинъ, сравнительно съ безобразными гораздо меньше у оссетиновъ нежели у остальныхъ кавказскихъ народовъ, и если здѣсь встрѣчается красота, то она достигаетъ классическаго совершенства и приводитъ въ восторгъ наблюдателя своимъ сходствомъ съ древнеклассическими статуями. Оссетины низменностей нѣжнѣе сложены и меньше ростомъ, нежели живущіе въ горахъ, хотя имъ приходится болѣе трудиться нежели послѣднимъ даже относительно добыванія топлива. Во всякомъ случаѣ большинство женщинъ далеко не могутъ быть названы красивыми и представляютъ мало привлекательнаго, чему въ значительной степени способствуетъ весь строй ихъ жизни; онѣ почти утопаютъ въ грязи; лица ихъ отличаются грубыми чертами и нерѣдко съ отталкивающимъ выраженіемъ тупоумія.

Образъ жизни оссетиновъ представляетъ слѣдующую картину. Ихъ одежда состоитъ большей частью изъ грубой, всегда грязной полотнянной рубашки и стараго обыкновенно разорваннаго грязнаго платья, сшитаго изъ толстаго сукна, преимущественно коричневаго цвѣта. Платье это имѣетъ такой видъ, какъ будто оно уже вышло поношеннымъ изъ рукъ портнаго. Ноги обуты въ башмаки, сплетенные изъ бечевокъ или ремней, которые привязываются къ ногамъ на подобіе древне-римскихъ и греческихъ сандалій. Эта обувь весьма практична для гористыхъ мѣстностей, такъ какъ на нихъ не скользишь, ни по камнямъ, ни по льду; зимой оссетины носятъ войлочные сапоги, доходящіе до колѣнъ („dsabrtoe"). Панталоны („chalaf") шьются лѣтомъ изъ полотна, а зимой изъ сукна; шаровары („salbar") всегда суконные. Равнымъ образомъ они носятъ иногда, въ особенности на югѣ, грузинскіе башмаки („tsustito"). Бурка или мѣховой плащъ, съ шерстью, обращенной кверху („nümoet"), равно и башлыкъ составляютъ ихъ постоянный дорожній костюмъ. Богатые одѣваются также, какъ и бѣдные и нерѣдко, какъ будто, щеголяютъ своими лохмотьями, чтобы выразить этимъ общее равенство и избѣгнуть вражды со стороны своихъ соплеменниковъ. Парадный нарядъ оссетина рѣзко отличается отъ его будничнаго платья. Онъ одѣваетъ въ этомъ случаѣ чистую рубашку изъ тонкаго полотна. Тѣсно прилегающій къ тѣлу камзолъ или бешметъ, по оссетински „koröt" и верхнее платье „черкесска" („zucha") сшиты изъ болѣе тон-

каго голубаго, коричневаго, желтаго и даже краснаго сукна и доходятъ до колѣнъ; грудь съ обѣихъ сторонъ украшена патронташами („pertz“ множ. „pertzito“). Этотъ нарядъ очень эффектенъ и идетъ къ нимъ. Въ упомянутыхъ кожанныхъ патронташахъ положены патроны; у богатыхъ они въ серебряной оправѣ, у бѣдныхъ въ нейзилберной или изъ другаго меттала; но они служатъ большей частью только для украшенія. Спереди, за туго перетянутымъ поясомъ красуется кинжалъ („kema“), а по бокамъ одинъ или нѣсколько пистолетовъ („dambadsa“). Сабля („stard“) виситъ на ремнѣ, перекинутомъ черезъ плечо; ружье большей частью спрятано въ чехлѣ изъ медвѣжьяго мѣха или изъ шкуры бѣлаго козла. На головѣ оссетины носятъ цилиндрическую папаху („hud“) изъ черной овчины или простую мѣховую шапку; впрочемъ форма той и другой зависитъ отъ моды. Многіе оссетины брѣютъ начисто свои головы, и поэтому никогда не снимаютъ папахи; ночью она замѣняетъ имъ подушку. Главнымъ украшеніемъ служитъ оружіе и поясъ, богато украшенный серебряными пуговицами (ron“). Сабельные клинки сдѣланы изъ высшей степени упругаго и крѣпкаго желѣза, такъ что оссетины разрубаютъ ими мягкое желѣзо и даже камни. Умѣніе владѣть саблей и пистолетомъ считается высшимъ достоинствомъ мужчины; что же касается ихъ искусства въ стрѣльбѣ, то оно нерѣдко доведено ими до невѣроятной степени совершенства.

Женщины обыкновенно грязно одѣты и носятъ длинную рубашку изъ бумажной или полотняной ткани, доходящую до щиколки ногъ, а снизу широкіе шаровары изъ ситцу или (зимой) изъ сукна, преимущественно, коричневаго цвѣта. Въ праздничные дни онѣ охотно наряжаются въ пестрыя платья. Сверхъ рубашки онѣ надѣваютъ родъ халата, доходящаго до щиколки ногъ, который шьется изъ легкой или тяжелой матеріи, смотря по времени года. При работѣ онѣ засучиваютъ вверхъ халатъ и рубашку, такъ что шаровары видны до колѣнъ. Обувь ихъ большей частью та же, что у мужчинъ. Онѣ носятъ на головѣ платокъ, доходящій до плечъ, и прикрываютъ имъ лицо кромѣ лба и глазъ, если увидятъ посторонняго мужчину. Дѣвушки заплетаютъ свои волосы въ косы и обвиваютъ голову чернымъ шелковымъ платкомъ въ видѣ круглой шапочки. Женщины изъ богатыхъ семействъ въ праздничные дни носятъ отчасти на головѣ, частью на плечахъ длинный прозрачный бѣлый вуаль. Талья и грудь у нѣкоторыхъ дѣвушекъ зашиты въ кожаный корсетъ, который доходитъ до бедеръ и не снимается до замужества. Лѣтомъ въ аулѣ и на пастбищѣ дѣти ходятъ совсѣмъ нагіе; дѣвочки носятъ иногда четырехъугольный кусокъ полотна, привязанный къ тальѣ тонкой веревкой.

Дома оссетиновъ, смотря по мѣстности, построены изъ ивняка, смазаннаго глиной, или изъ дерева и камня. Способъ постройки въ равнинахъ значительно отличается отъ того, какой употребляется въ ущельяхъ. Здѣсь сакли поднимаются вверхъ по стѣнамъ горъ; задніе покои и нижній этажъ высѣчены въ скалѣ; послѣдній состоитъ большей частью изъ просторныхъ хлѣвовъ для скота, особенно мелкаго, какъ напр. овецъ, козъ и т. п. На крышахъ навалены большія кучи навоза, который вывозится весной на поля или служитъ для изготовленія „кизяка“ т. е. топлива. Каменныя строенія состоятъ изъ глыбъ, наложенныхъ другъ на друга безъ цемента. Въ устройствѣ комнатъ не придерживаются никакой особенной системы, а распредѣляютъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ позволяетъ пространство. Въ каждомъ домѣ знатнаго оссетина, кромѣ помѣщенія для скота, находится кладовая, семейная комната, гдѣ посрединѣ устроенъ очагъ, на которомъ никогда не переводится огонь, спальня или какая либо другая домашняя комната и, наконецъ, кунацкая, пріемная для гостей. Всѣ остальныя комнаты, кромѣ послѣдней мрачныя и безъ оконъ; свѣтъ проникаетъ или сквозь открытую дверь или изъ отверстія въ крышѣ надъ очагомъ. Мука и зерновой хлѣбъ хранятся въ кладовой въ толстыхъ выдолбленныхъ древесныхъ стволахъ, напитки въ бурдюкахъ, вслѣдствіе чего кавказскія вина имѣютъ особенный привкусъ.

Всего характернѣе семейная комната; очагъ состоитъ изъ нѣсколькихъ камней, а надъ нимъ виситъ крюкъ на цѣпи, къ которому прикрѣпленъ мѣдный котелъ. Цѣпь эта составляетъ родъ святыни, и еслибы кто либо осмѣлился выбросить ее изъ комнаты, это считалось бы смертельнымъ оскорбленіемъ. Вокругъ очага разставлены высокія и низкія деревянныя скамьи; къ стѣнѣ прислоненъ диванъ („tachta“) съ прорѣзными деревянными ручками и спинкой; рядомъ стоитъ кресло своеобразной формы для хозяина дома или почетныхъ гостей. Столы немногимъ выше скамеекъ; остальная мебель состоитъ изъ случайно собраннаго хлама. Пріемная въ домѣ богатыхъ людей меблирована такимъ же способомъ, только по стѣнамъ развѣшано оружіе, праздничное платье, бычачьи и другія шкуры. Немедленно по приходѣ почетнаго гостя диванъ покрываютъ войлокомъ; въ углу дивана навалено множество подушекъ, одѣялъ, ковровъ, чтобы онъ могъ удобно помѣститься на немъ въ теченіи дня и расположиться ночью. При многочисленной семьѣ къ главному зданію пристроены различные флигеля, двери которыхъ всегда обращены во дворъ; иногда изъ такого скопленія построекъ образуется подконецъ родъ довольно значительной крѣпости съ хорошо защищенной башней и бойницами. Подобное помѣщеніе называется „galuan“. Въ оссетинскихъ деревняхъ нерѣдко можно встрѣтить нѣсколько такихъ „galuan“овъ иногда только одинъ. Между этими зданіями извиваются кривыя узкія переулки. Чѣмъ древнѣе аулъ, тѣмъ выше гнѣздятся на отвѣсныхъ стѣнахъ горъ эти первобытные крѣпости, изъ которыхъ иныя имѣютъ подчасъ семь, восемь и даже четырнадцать этажей. Нѣкоторые galuan'ы существуютъ съ древнѣйшихъ временъ.

Каждый такой „galuan“ подчиненъ старѣйшему изъ племени; въ каждой семьѣ главой считается хозяинъ дома. Оссетины рано встаютъ лѣтомъ и довольно поздно зимой; женщины встаютъ раньше мужчинъ и на нихъ возложены всѣ домашнія работы. Важнѣйшей изъ нихъ считается уходъ за скотомъ, который впрочемъ въ лѣтніе мѣсяцы питается на пастбищахъ, подъ надзоромъ мальчика или старика; дома оставляютъ только нѣсколько коровъ, овецъ или козъ, чтобы имѣть подъ рукой молоко, необходимое для домашняго обихода, часть котораго обыкновенно употребляется на изготовленіе сыра. Хлѣбъ и въ особенности лепешки („чурекъ“) пекутся ежедневно, и только на югѣ изготовляютъ хлѣбъ („пури“) по грузинскому способу. Эти лепешки, неудобоваримы для европейскаго желудка, сначала пекутся на сковородѣ, затѣмъ въ золѣ очага.

На женщинахъ лежатъ всѣ полевыя и домашнія работы; мужчины участвуютъ только въ посѣвѣ и жатвѣ и до наступленія „nüchas“, народнаго собранія, проводятъ время въ dolce far niente. Даже „nüchas“, на которыхъ обсуждаются общественныя дѣла, большей частью проходятъ въ пустой болтовнѣ. Оссетинъ вообще отличается умѣренностью. Его завтракъ состоитъ изъ куска хлѣба съ сыромъ или остатковъ мяса. Если въ домѣ нѣтъ, ни мяса, ни сыра, то онъ довольствуется кускомъ хлѣба и небольшимъ стаканомъ арака, а въ случаѣ отсутствія послѣдняго—одной водой; вообще оссетины неохотно пьютъ молоко, а также не употребляютъ масла, хотя умѣютъ приготовлять его. Ихъ обѣдъ состоитъ изъ творожныхъ лепешекъ, поджаренныхъ въ бараньемъ салѣ, вареной баранины, похлебки изъ баранины съ приправой изъ чесноку, луку или какой либо другой зелени. Всякое другое мясо составляетъ исключеніе (телятины они никогда не ѣдятъ). Если убита дикая коза или быкъ, что случается только въ праздничные дни или по поводу посѣщенія кунака, т. е. друга, то все мясо немедленно уничтожается, такъ что невольно удивляешься какимъ образомъ обыкновенно умѣренный оссетинъ можетъ поглощать такое количество пищи; но онъ считаетъ лишнимъ дѣлать запасы вяленаго или соленаго мяса. Изъ творогу оссетины приготовляютъ нѣсколько весьма невкусныхъ и неудобоваримыхъ національныхъ кушаньевъ, какъ напримѣръ „dzüka“ изъ вареннаго „wolkei-dzuka“ изъ поджареннаго творогу и, наконецъ, „dübsa“ изъ

творогу свареннаго въ мясной похлебкѣ и т. п. Во время обѣда пьютъ аракъ и пиво, оставшееся отъ послѣдняго праздника, что случается довольно рѣдко. Пиво варятъ изъ одного солода безъ хмѣля, но оно весьма вкусно. За исключеніемъ лѣтнихъ полевыхъ работъ осетинъ проводитъ все остальное время въ болтовнѣ и бездѣльи; вечеромъ онъ идетъ на плоскую крышу дома, гдѣ собираются его не менѣе праздные сосѣди, и здѣсь за безконечными трубками табаку идутъ толки объ общественныхъ дѣлахъ и обсуждается мѣстная chronique scandaleuse. Затѣмъ хозяинъ возвращается къ своей семьѣ, сообщаетъ женамъ услышанныя сплетни, разсказываетъ дѣтямъ сказки и, послѣ проведеннаго такимъ образомъ дня, ложится въ постель.

Женщины представляютъ собой несчастныя забитыя существа, которыя работаютъ съ ранняго утра до поздняго вечера и даже не слышатъ благодарности за свой трудъ. Онѣ должны выгнать скотъ на пастбище и приготовить завтракъ, затѣмъ пойти на мельницу и смолоть муку или же сѣсть за ткацкій станокъ, такъ какъ все полотно, необходимое въ домѣ, соткано ихъ руками; онѣ же снабжаютъ обувью всю семью, шьютъ платье для мужа и дѣтей, тѣмъ болѣе, что для мужчины считается позоромъ, если онъ примется за иголку. Кромѣ того женщины ткутъ сукно, изготовляютъ войлокъ и т. п., потому что осетинки не только матери семействъ, но и портнихи, ткачихи, башмачницы и швеи для своихъ домашнихъ, и всему этому придается большое значеніе при женитьбѣ. Такъ напримѣръ за искусную золотошвейку, женихъ платитъ особенно значительную сумму, потому, что за невѣстой не даютъ приданаго, а наоборотъ, будущій мужъ вноситъ за нее калымъ.

Гостепріимство считается одной изъ главныхъ обязанностей у осетиновъ и свято соблюдается ими. Если чужеземецъ прибылъ въ аулъ, то онъ останавливается передъ домомъ, въ которомъ хочетъ провести ночь, затѣмъ, не дожидаясь приглашенія хозяина, въѣзжаетъ на дворъ. Здѣсь онъ слѣзаетъ съ лошади и, по приглашенію хозяина, входитъ въ пріемную, которая отдается въ его полное распоряженіе, какъ и весь домъ, хотя приличіе не дозволяетъ, чтобы онъ входилъ въ комнату, гдѣ находятся женщины. Взаимныя отношенія между гостемъ и хозяиномъ, а равно и его домашними самыя утонченныя, даже у простыхъ крестьянъ; при этомъ, какъ уже не разъ было замѣчено, кавказскіе горцы въ обхожденіи легко усвоиваютъ внѣшніе пріемы высшихъ классовъ.

При общей бѣдности осетиновъ ясли служатъ часто колыбелью для новорожденныхъ дѣтей. Ребенку даютъ имя того, кто подарилъ ему первую рубашку или той женщины, которая сшила ее. Новорожденнаго мальчика немедленно отдаютъ на воспитаніе въ чужой домъ и онъ не видитъ матери до семилѣтняго возраста. Когда ему исполнится шесть лѣтъ, то воспитатель „atalyk“ приводитъ его обратно въ родительскій домъ. Въ этотъ день въ послѣднемъ происходитъ пиршество, и отецъ мальчика даритъ его воспитателю и кормилицѣ довольно значительную сумму денегъ, вслѣдствіе чего этотъ обычай соблюдается только богатыми людьми. Какъ только мальчикъ вернется въ домъ родителей, то онъ долженъ ежедневно выгонять стадо на пастбище; отецъ практически учитъ его земледѣлію, скотоводству, пріучаетъ владѣть оружіемъ и т. п. Если у него нѣтъ ни отца, ни матери, то ему предоставляется полная свобода, что разумѣется не всегда приводитъ къ хорошимъ результатамъ. Когда сынъ достигаетъ пятнадцати или шестнадцатилѣтняго возраста отецъ покупаетъ ему въ жены двѣнадцати или тринадцатилѣтнюю дѣвушку. Свадебныя празднества весьма своеобразны и сложны, равно и погребальные обычаи; при этомъ главную роль играютъ наемныя плакальщицы.

Западная группа горныхъ народовъ обнимаетъ племена, живущія на южной сторонѣ Кавказа, почти до вершины Эльбруса, между тѣмъ, какъ на сѣверной сторонѣ они простираются далѣе къ востоку до

Владикавказа. Они дѣлятся на два большихъ племени: 1) адыге или адиге и 2) азега или абхазцевъ, изъ которыхъ оба представляютъ многочисленныя подраздѣленія. Адиге извѣстны у турокъ подъ именемъ черкесовъ; ихъ называютъ также кабардинцами, потому что они отчасти населяютъ Кабарду. Къ племени адиге, въ тѣсномъ смыслѣ, принадлежатъ слѣдующіе народы; абадзехи на сѣверномъ склонѣ кавказскаго горнаго кряжа, а именно въ долинахъ рѣкъ, впадающихъ въ Кубань: Шагуаша (Бѣлой), Лабы, Пшиши, Псекупса, Вуанобата и Ссупса; шапсуги и наткуаджи или натухайцы въ горахъ и равнинахъ, примыкающихъ къ крѣпости Анапа, и затѣмъ кабардинцы, жители Большой и Малой Кабарды. Большая Кабарда лежитъ между рѣками Малка и Терекомъ и граничитъ къ югу владѣніями оссетиновъ. Малая Кабарда занимаетъ правый берегъ Терека до предгорій Кавказа и Сунджи. Бесленеевцы населяютъ бассейнъ Кубани и рѣкъ: Ферса, большого и малаго Тегена и Воарпа; мохоши въ области бассейновъ Чехураджа, Белогіака и Шеде; кемгуи и темиргои между Кубанью и нижнимъ теченіемъ Лабы и Бѣлой; хатіукуаи между рѣками Бѣлой и Шишой; бжедухи въ равнинахъ рѣкъ Пшиши и Псекупса; сханы или сханеевцы на островѣ Карабуканѣ образуемомъ двумя рукавами рѣки Кубани. Такимъ образомъ имя адиге служитъ коллективнымъ названіемъ всѣхъ этихъ племенъ, которыя не представляютъ между собой никакой связи, имѣли различныя нарѣчія и нравы и вели другъ съ другомъ нескончаемыя войны; они населяли нѣкогда горы отъ Тамани до вершины Питцунда и сѣверное предгорье до Кубани и за предѣлами ея. Ихъ покореніе потребовало длинный рядъ войнъ противъ единичныхъ племенъ, такъ какъ они никогда не соединялись вмѣстѣ противъ общаго врага; они были окончательно побѣждены въ 1864; но съ этого времени началось ихъ постоянное выселеніе въ Турцію. Около 400,000 черкесовъ оставили свою родину, большая часть которой совсѣмъ опустѣла. Ихъ нравы описаны весьма различно; въ то время какъ одни изображаютъ ихъ геройскими защитниками свободы, другіе распространяются объ ихъ пристрастіи къ чужой собственности; одно повидимому несомнѣнно, что на ряду съ хищничествомъ у нихъ сохранились древнія рыцарскія понятія о чести и вѣрности. Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ особенно отличаются кабардинцы, которые въ средніе вѣка были христіанами и впослѣдствіи перешли въ исламъ; ихъ нравы служили мѣриломъ для всего Кавказа, а ихъ одежда принята почти во всей странѣ, включая даже ихъ сосѣдей, кубанскихъ и терекскихъ казаковъ. Съ русскими кабардинцы жили большей частью въ хорошихъ отношеніяхъ, и смѣлая попытка Шамиля втянуть Кабарду въ священную войну, противъ невѣрныхъ, кончилась неудачей.

Абхасцы сродны съ черкесами по духу, хотя ихъ вообще описываютъ лѣнивыми и вѣроломными. Они населяютъ Цебельду, равно и береговую полосу между Питцундой и Ингуромъ, восточная половина

котораго называется Самурзаканіей. Къ нимъ принадлежатъ слѣдующіе народы: саадзенъ или джигиты; абсне или абшазы, самбалъ или цебельдинцы на южной сторонѣ главнаго горнаго хребта къ западу отъ мингрельцевъ; баракаи, баги, шегерай-тамъ, кизильбеки, башильбаевцы, бассоги на сѣверной сторонѣ горнаго кряжа, у истоковъ рѣкъ: Кхода, Урупа, большой и малой Лабы и большого Зеленчука; наконецъ убыхи, на южномъ склонѣ главнаго хребта, между натухайцами и джигитами. Абхазцы, число которыхъ доходитъ до 125,000 не примкнули къ выселенію и, по внѣшности придерживаются христіанства, хотя присутствіе церквей и священниковъ среди горцевъ ни въ какомъ случаѣ не служитъ доказательствомъ что народъ исповѣдуетъ христіанскую религію.

Въ дѣйствительности религія абхазцевъ представляетъ помѣсь язычества, магометанства и христіанства. Въ VI вѣкѣ у абхазцевъ введено было христіанство. Послѣ завоеванія страны турками жители обратились къ исламу, который однако не могъ окончательно вытѣснить слѣды христіанства. Такъ, напримѣръ, абхазскіе магометане не отказываются отъ употребленія вина, ѣдятъ мясо нечистыхъ животныхъ и даже совмѣстно съ христіанами празднуютъ нѣкоторые праздники, какъ: Рождество, Пасху и т. п., хотя съ другой стороны байрамъ такой же праздникъ для здѣшнихъ христіанъ, какъ для приверженцевъ ислама. Во время большихъ праздниковъ, въ особенности Рамазана постятся тѣ и другіе, во избѣжаніе взаимнаго неудовольствія. При этомъ приверженцы обѣихъ религій, наравнѣ съ язычниками, чтутъ священныя рощи, боятся горныхъ и лѣсныхъ духовъ и, чтобы умилостивить ихъ, приносятъ имъ по старому обычаю, хотя втайнѣ, небольшія жертвоприношенія.

Абхазцы отличаются отъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ своими узкими лицами, сдавленнымъ съ боковъ черепомъ, короткимъ подбородкомъ, выступающимъ носомъ и темнокоричневыми волосами. У нихъ не такой живой темпераментъ, какъ у черкесовъ; они также считаются менѣе мужественными и воинственными и нападаютъ на непріятеля только въ томъ случаѣ, когда послѣдній несравненно малочисленнѣе ихъ. Но они въ такой же степени склонны къ хищничеству и воровству, какъ и черкесы. Абхазцы одни изъ древнѣйшихъ обитателей Кавказа и въ незапамятныя времена владѣли большой областью, но были вытѣснены изъ своихъ первоначальныхъ мѣстъ жительства черкесами и вслѣдствіе многихъ войнъ съ послѣдними, а также русскими и турками, значительно уменьшились въ числѣ. Женщины, какъ и на всемъ востокѣ, играютъ здѣсь весьма жалкую роль и немногимъ выше рабынь въ домѣ. Между ними много красавицъ, особенно среди высшихъ классовъ и въ ранней молодости. Какъ видно изъ описаній невольничьихъ рынковъ, абхазскія женщины относительно красоты уступаютъ только черкешенкамъ; слѣдующее за ними мѣсто по цѣнѣ принадлежитъ имеретинкамъ и грузинкамъ.

Одежда абхазцевъ почти та-же, что у черкесовъ, равно ихъ деревни, и жилища мало отличаются отъ черкесскихъ. Главная разница заключается въ томъ, что абхазскіе дома не выстроены рядами и не обнесены общимъ дворомъ, а разсѣяны въ одиночку по лѣсу. При каждомъ домѣ небольшой дворикъ и только въ видѣ безопасности они окружены общимъ заборомъ. Семья живетъ совмѣстно съ домашними животными, но для посѣтителей существуетъ особая пріемная. Вмѣсто печи устроенъ каминъ изъ хвороста и глины; изъ того же матеріала сдѣланы стѣны. Для защиты отъ дождя служитъ длинная крыша со стропилами, крытая соломой и травой. Постель представляетъ родъ дивана и состоитъ изъ деревянной подставки, крытой войлокомъ, съ подушками набитыми шерстью. На стѣнахъ развѣшаны мѣха, платье, оружіе и пестрыя циновки, которыя они сами приготовляютъ изъ соломы.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ высказать слѣдующія общія замѣчанія о нынѣшнихъ жителяхъ Кавказа. Большинство кавказскихъ племенъ настолько одарено здравымъ смысломъ, что они не могутъ остаться слѣпыми религіозными фанатиками; не смотря на проповѣдь ихъ имамовъ исламъ не пустилъ у нихъ глубокихъ корней, даже въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Если они такъ долго бились противъ русскихъ, то не изъ слѣпаго повиновенія Шамилю, не изъ ненависти къ гяурамъ и не изъ страсти къ хищничеству; къ этому побуждала ихъ только любовь къ независимости. Многія племена внутри горъ до сихъ поръ язычники, но христіанство мало по малу находитъ у нихъ доступъ. Гордый и благородный горецъ исполненъ чувства собственнаго достоинства, даже въ своей нерѣдко изодранной одеждѣ, поношенной мѣховой шапкѣ и грязной буркѣ; его движенія просты, манеры безукоризнены, платье украшено съ большимъ вкусомъ; его національныя пѣсни полны воэзіи. Его любовь къ лошади нерѣдко сильнѣе любви къ женѣ, которая занимаетъ самое жалкое, зависимое положеніе.

Кавказъ съ древнѣйшихъ временъ служитъ воротами, черезъ которыя совершалось переселеніе народовъ изъ Азіи въ Европу и обратно. Каждый изъ проходившихъ народовъ оставлялъ здѣсь часть своего кочующаго населенія, слѣды котораго мало по малу окончательно сгладились, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти разнородные элементы оказали извѣстную долю вліянія на характерныя особенности нынѣшнихъ кавказскихъ народовъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вышеприведенный обзоръ различныхъ народовъ азіатскаго материка привелъ насъ къ порогу Европы, населенной наиболѣе цивилизованными людьми земнаго шара. Мы считаемъ нашъ трудъ оконченнымъ, потому что здѣсь „Естественная исторія народовъ“ должна перейти въ „Исторію культуры“. Само собой разумѣется, что не можетъ быть и рѣчи о рѣзкомъ переходѣ отъ одного къ другому. Природа не любитъ скачковъ natura non facit saltus; какъ вездѣ, такъ и тутъ происходитъ постепенное сліяніе различныхъ стадій образованности. На крайнемъ востокѣ Европы, гдѣ съ одной стороны примыкаютъ вышеописанные кавказскіе народы, съ другой кочевники Сибири и дальняго сѣвера,—до сихъ поръ живутъ отдѣльныя племена, о которыхъ мы должны упомянуть въ нашей книгѣ, хотя по своимъ нравамъ и міровоззрѣнію они существенно отличаются отъ своихъ азіат-

скихъ сосѣдей. Эти, отчасти разсѣянные, частью поглощенные чуждыми народностями, члены монгольской и тюркской семьи большей частью ведутъ въ этническомъ смыслѣ жалкое существованіе и осуждены на неизбѣжную смерть, какъ вслѣдствіе прогрессивнаго культурнаго движенія, такъ и неудержимо совершающагося процесса амальгамированія. По тому же направленію, по какому простираются сѣверныя тундры по эту сторону низкаго Уральскаго хребта странствуетъ и самоѣдъ въ сѣверной Россіи на своихъ легкихъ саняхъ, за-

Болгаринъ.

пряженныхъ оленями, къ западу отъ Чесской губы у Ледовитаго моря. Съ одной стороны его кочевья простираются черезъ Ледовитое море до мѣста жительства лапландцевъ на большомъ Кольскомъ полуостровѣ, а съ другой къ югу до береговъ величественной Печоры, одного изъ самыхъ крайнихъ постовъ зырянъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что весь сѣверо-востокъ Европы нѣкогда принадлежалъ весьма развѣтвленной финской семьѣ, отдѣльные представители которой до сихъ поръ занимаютъ значительное пространство. Къ финской же народной семьѣ, причисляемой наравнѣ съ самоѣдами къ большой группѣ урало-алтайцевъ принадлежатъ кромѣ угровъ и болгаръ еще два народа: пермяки и финны въ тѣсномъ смыслѣ. Изъ нихъ только послѣдніе образуютъ сплошную народность, преимущественно, въ ве-

ликомъ княжествѣ Финляндіи, названномъ ихъ именемъ; остальные раздроблены до невѣроятной степени. Что касается угровъ, то въ сѣверномъ Уралѣ насчитывается не болѣе 7,000 **вогуловъ**; въ среднемъ и южномъ Уралѣ живутъ многочисленные **башкиры** (800,000 душъ), а также **мещеряки** и **тептяри**, общее число которыхъ доходитъ до 200,000. Эти племена представляютъ не сплошныя массы, а болѣе или менѣе значительныя группы, тѣсно живущія другъ около

Крымскіе татары.

друга, среди постепенно поглощающаго ихъ русскаго элемента, которому они нерѣдко далеко уступаютъ въ культурѣ. Только одна отрасль угровъ, а именно **мадьяры** нашла себѣ новую родину въ далекихъ бассейнахъ Дуная и Тейссы, окаймленныхъ Карпатами, и составила особую націю со всѣми аттрибутами культурнаго народа. Благодаря тысячелѣтнимъ сношеніямъ и скрещиванію съ окружающими арійцами, они давно утратили грубыя невыразительныя черты лица своихъ прежнихъ соплеменниковъ и достигли замѣчательной физической красоты, такъ что въ сущности только одинъ языкъ служитъ свидѣтельствомъ ихъ сродства съ далеко отставшими отъ нихъ вогу-

лами и остяками. Равнымъ образомъ остальные представители восточныхъ финновъ не сдѣлали никакихъ успѣховъ въ культурномъ отношеніи. Къ нимъ принадлежатъ болгарскіе черемиссы, которые въ числѣ 200,000 человѣкъ живутъ въ Казанской и Вятской губерніи и на лѣвомъ берегу Волги, занимаются земледѣліемъ; затѣмъ слѣдуетъ мордва (700,000), племя существующее земледѣліемъ и пчеловод-

Крестьянская дѣвушка изъ Херсонской губерніи.

ствомъ, и почти равные съ нимъ по числу чуваши, которые, хотя и болгарскаго происхожденія, но усвоили турецкій языкъ своихъ сосѣдей, такъ называемыхъ казанскихъ татаръ. Въ V-мъ вѣкѣ нашей эры отрасль воинственныхъ болгаръ направилась на юго-западъ къ Дону и Днѣпру, окончательно покорила земли по нижнему Дунаю, гдѣ основала государство среди издавна поселившихся здѣсь славянъ, съ

которыми она въ непродолжительномъ времени вполнѣ ассимилировалась не только по языку, но и по типу. Взамѣнъ своей національной самобытности они дали завоеваннымъ славянамъ свое имя. Нынѣшніе болгары на Балканскомъ полуостровѣ представляютъ собой трудолюбивый, интеллигентный народъ, для котораго пѣніе служитъ первымъ развлеченіемъ; они стали славянами по языку, равно и внѣшнему виду, и только циркуль краніолога можетъ найти въ ихъ черепѣ признаки прежняго финскаго происхожденія. Тому же процессу ассимиляціи подвергаются **пермяки** (въ тѣсномъ смыслѣ), **зыряне** и **вотяки**, которые уже всѣ занимаются земледѣліемъ и въ меньшей

Великороссъ за чаемъ.

степени финны въ Финляндіи, которые образуютъ сплошную народную массу и издавна достигли довольно высокой культуры, между тѣмъ какъ ихъ родичи **эсты** и **ливы** въ остзейскихъ губерніяхъ въ значительной степени утратили свою самобытность. Что касается полукочевыхъ лапландцевъ, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ Европы, то они здѣсь полные хозяева, такъ какъ никто не думаетъ оспаривать у нихъ занятую ими безплодную область.

По сосѣдству съ различными отраслями финской народной семьи живутъ тюркскія племена. Помимо османлисовъ, достигшихъ на Балканскомъ полуостровѣ политическаго господства надъ болгарами, сербами, албанцами и греками, могуществу которыхъ были положены

предѣлы только въ недавнее время, мы встрѣчаемъ въ южной Россiи остатки нѣкогда могущественнаго татарскаго кипчакскаго царства на Волгѣ. Число этихъ татаръ въ Оренбургской, Казанской, Самарской и Ставропольской губернiяхъ и прилегающихъ мѣстностяхъ простирается до одного миллiона. Они живутъ и на Крымскомъ полуостровѣ

Ямщикъ изъ Орловской губернiи.

гдѣ находятся на такомъ же уровнѣ культурнаго развитiя, какъ и окружающее ихъ русское населенiе.

Теперь, оставляя въ сторонѣ османовъ, мы снова вернемся къ народнымъ элементамъ, которые уже были перечислены нами; изъ нихъ большинство находится въ предѣлахъ русскаго мiра, этого наиболѣе могущественнаго представителя большой славянской семьи. Совмѣстно съ романцами, живущими на западѣ и югѣ, и германцами, зани-

мающими сѣверо-западную и центральную Европу, славяне образуютъ одинъ изъ главныхъ отдѣловъ арійской народной группы, который представляетъ собою такую преобладающую часть населенія, что остальные элементы на ряду съ ними почти не могутъ быть приняты въ разсчетъ. Европейскіе арійцы, по преимуществу, достигли высшей степени образованности и стоятъ на вершинѣ пирамиды, основаніе которой было положено первобытнымъ человѣкомъ природы, затѣмъ

Гречанка.

слѣдуютъ разнообразныя наслоенія полукультуры, и, наконецъ, то, что составляетъ вѣнецъ зданія и, что мы называемъ „цивилизаціей“ и высшимъ разцвѣтомъ человѣческой культуры. Здѣсь на высотѣ, недосягаемой для безчисленнаго множества народовъ, романцы и германцы оспариваютъ другъ у друга пальму первенства; славяне, какъ болѣе юные, и вступившіе позже другихъ въ ряды историческихъ націй, стоятъ особнякомъ, тѣмъ болѣе, что различные представители этого племени еще не достигли одинаковой, общей для всѣхъ культуры. Причину этого нужно въ значительной степени приписать условіямъ

занимаемой ими почвы. Неизмѣримыя равнины восточной Европы скорѣе способствуютъ застою, нежели развитію духовныхъ силъ; поэтому изъ 90 милліоновъ славянъ наибольшая восточная половина, а именно, около 63 милліоновъ, населяющихъ большую сарматскую низменность, замѣтно отстали въ цивилизаціи отъ своихъ западныхъ собратій. Кромѣ того восточные славяне, собственно великороссы, не разъ подвергались скрещиванію съ другими народами, вслѣдствіе чего составилось мнѣ-

Guitanos изъ Андалузіи.

ніе, что они не болѣе, какъ ославянившіеся финны и монголы, слѣдовательно, народъ не арійскаго происхожденія, который не можетъ имѣть никакого притязанія на имя „русскихъ“ и долженъ называться „москвитянами“. Затѣмъ въ противоположность этимъ москвитянамъ чистокровными славянами и настоящими „русскими“ признаны были малороссы или рутены, общее число которыхъ доходитъ до 14 1/2 милліоновъ человѣкъ. Въ настоящее время эта нелѣпая теорія давно отвергнута и доказано, что великороссы и малороссы—двѣ отрасли одного

и того же племени. Все, что можно сказать въ данномъ случаѣ, это то, что славянскій элементъ усиливается въ русскомъ народѣ по мѣрѣ приближенія отъ сѣвера къ югу и обратно, а также, что онъ уменьшается къ востоку и соотвѣтственно съ этимъ увеличивается примѣсь чуждыхъ составныхъ частей. Въ Россіи славянскій элементъ поглотилъ все остальные. Это ясно доказываетъ безусловно арійскій характеръ сказокъ у великороссовъ, а также ихъ тѣлосложеніе и благородныя черты лица. Если мы сравнимъ великорусскіе и малорусскіе типы, изображенные на приведенныхъ нами рисункахъ, то убѣдимся, что

Еврей изъ Херсонской губерніи.

они носятъ одинъ и тотъ же характеръ; если ихъ физіономіи уступаютъ западнымъ европейцамъ въ выразительности, то мы все таки не можетъ отрицать красоты женскато пола въ Россіи и представительной наружности у мужчинъ. Среди такъ наз. южныхъ славянъ, говорящихъ на сербскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, сербовъ, кроатовъ, босняковъ, герцоговинцевъ, черногорцевъ и пр., встрѣчаются идеально красивые мужскіе типы. Эти арійскіе славяне представляютъ безбрежное море, въ которомъ исчезаютъ разрозненныя азіятскія народности, попавшія на европейскую почву и забываютъ мало

по малу свою національность. Конечно великій славянскій народъ въ культурномъ отношеніи не можетъ сравниться съ германцами или романцами, но не подлежитъ сомнѣнію, что славяне имѣютъ всѣ данные, чтобы сдѣлаться культурнымъ народомъ и дойти до этого безъ посторонней помощи. До сихъ поръ западъ служитъ для нихъ опорой; та культура, какая существуетъ у славянъ, перенята и заимствована ими у сосѣдей; но и эти въ свое время достигли цивилизаціи тѣмъ же путемъ. Во всякомъ случаѣ младшій членъ историческаго арійства можетъ утѣшать себя надеждой, что переживетъ своихъ устарѣвшихъ родичей и что ему принадлежитъ будущность.

Германцы и романцы настоящіе культурные народы въ полномъ значеніи этого слова. Они совершенно не подходятъ подъ тѣ рамки, какія были намѣчены нами въ „Естественной исторіи племенъ и народовъ". Но какъ бы ни было высоко ихъ нынѣшнее культурное развитіе, они въ свое время представляли точно такую же амальгаму народовъ, какую мы можемъ наблюдать до сихъ поръ на славянскомъ востокѣ. Это время давно прошло; тѣмъ не менѣе остается непреложной истиной, что теперь во всей Европѣ настоящій чистокровный аріецъ составляетъ миѳъ. Не говоря уже о до-историческихъ народахъ неизвѣстной національности, о существованіи которыхъ свидѣтельствуютъ многочисленные остатки, разсѣянные по всей Европѣ, въ видѣ первобытныхъ костяныхъ орудій, гигантскихъ памятниковъ, болѣе или менѣе разрушенныхъ человѣческихъ костей и т. п., мы встрѣчаемъ еще иберійцевъ и лигуровъ на юго-западѣ и западѣ Европы и финновъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ. Всѣ эти доарійскіе народы уцѣлѣли до настоящаго времени въ видѣ ли отдѣльныхъ этнологическихъ частицъ или же вошли въ составъ нынѣ существующихъ націй и легко узнаваемы по ихъ отличительнымъ признакамъ. Въ западныхъ Пиринеяхъ по эту и ту сторону горъ, до сихъ поръ живетъ загадочный народъ баски, языкъ котораго euskaldunak не поддается никакимъ попыткамъ классификаціи. Присутствіе древнихъ лигуровъ замѣтно до сихъ поръ среди населенія сѣвернаго побережья Средиземнаго моря, между тѣмъ какъ древнѣйшая отрасль арійскихъ переселенцевъ, а именно кельты, вытѣснены въ отдаленнѣйшіе углы Европы: въ Бретань, княжество Валлисъ, нѣкоторые острова Ирландскаго моря, шотландскую горную страну и западную Ирландію. Изъ сочетанія всѣхъ этихъ элементовъ, къ которымъ въ силу историческаго хода событій присоединилось много другихъ, образовались нынѣшнія романскія націи: итальянцы, французы, испанцы и португальцы; въ германцахъ также течетъ не малая доля славянской крови, не только на сѣверѣ, но и на юго-востокѣ и югѣ до Баваріи и Виртемберга. Что касается австрійской имперіи, то здѣсь не можетъ быть и рѣчи о чистокровномъ германскомъ элементѣ. Равнымъ образомъ, сѣверные германцы повсемѣстно болѣе или менѣе проникнуты посторонними элементами, какъ напр. скандинавы и болѣе

всѣхъ англичане. Только на отдаленномъ островѣ Исландіи германскій элементъ сохранилъ безусловную чистоту крови; но здѣсь онъ встрѣчается рука объ руку съ умственнымъ отупѣніемъ. Даже такой народъ, какъ эллины,—которые на всѣ времена остались идеаломъ всего прекраснаго,—уже съ древнѣйшей эпохи нашей исторіи жили въ перемежку съ первобытнымъ иллирійскимъ народомъ пелазгами, по сосѣдству съ которыми на берегахъ Эгейскаго моря поселились киликійцы, малоазіатскіе ликійцы и кареры. Всѣ иллирійскіе народы погибли за исключеніемъ одного изъ нихъ, который называетъ себя скипетарами, т. е. горцами, и извѣстенъ у сосѣднихъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова, подъ именемъ албанцевъ, между тѣмъ какъ турки величаютъ ихъ арнаутами. Они оказали извѣстное вліяніе на эллиновъ и въ болѣе позднія времена. Но если историческіе обитатели греческихъ областей являются продуктомъ многихъ народныхъ помѣсей, то нынѣшній ново-грекъ (называющій себя римляниномъ), сравнительно съ древними эллинами безусловно представляетъ собой метиса съ сильной примѣсью албанской, и въ особенности славянской крови, хотя этнологически онъ можетъ считаться истиннымъ потомкомъ своихъ славныхъ предковъ, какъ эго показываетъ его языкъ и во многихъ отношеніяхъ его нравы.

Такимъ образомъ изъ вышеприведеннаго бѣглаго обзора слѣдуетъ тотъ выводъ, что высшая цивилизація не есть достояніе наиболѣе чистокровныхъ народовъ, но скорѣе свойственна тѣмъ, которые представляютъ гармоническое сочетаніе различныхъ элементовъ. Наше описаніе племенъ, живущихъ въ четырехъ остальныхъ частяхъ свѣта, достаточно подтверждаетъ эту истину. Чистота крови можетъ сохраниться только подъ условіемъ изолированія отъ другихъ національностей, и мы постоянно находили эти малодоступныя чистокровныя племена на низшей степени культуры. Достиженіе извѣстной цивилизаціи возможно только подъ условіемъ бóльшаго или меньшаго отрѣшенія отъ національной неподвижности. Ни китайцы, ни японцы, наиболѣе культурные изъ описанныхъ нами народовъ, несмотря на строгое отчужденіе отъ другихъ національностей не могли избѣгнуть этническихъ вліяній внутри страны. Еще менѣе избѣгли ихъ полуцивилизованные народы задней, а равно и передней Индіи, гдѣ даже выработанная кастовая система не могла оградить арійскую народность отъ вторженія чуждой крови, вслѣдствіе чего возникли многочисленныя касты метисовъ. Наиболѣе нагляднымъ примѣромъ того, что чистота крови не благопріятствуетъ увеличенію культуры служатъ въ Европѣ два народа, сохранившіе среди насъ неприкосновенность своего племени: цыгане и евреи. Цыгане, настоящіе арійцы, предки которыхъ населяли Джатъ въ Пенжабѣ, представляютъ собой прототипъ кочеваго народа и не уступаютъ евреямъ въ упорствѣ, съ какимъ они отстояли свою національность среди окружающаго осѣдлаго населенія, чему отчасти способствовала самобытность ихъ языка.

Подобно тому, какъ еврей посвятилъ себя торговлѣ, такъ и цыганъ, извѣстнымъ ремесламъ, которыя онъ почти исключительно захватилъ въ свои руки. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ цыгане больше поддались вліянію окружающей среды, они дѣлаютъ быстрые успѣхи въ культурѣ. Guitanos въ Испаніи не только превосходятъ въ умственномъ отношеніи своихъ племенныхъ родичей восточной Европы, но и въ физической красотѣ. Однако, несмотря на живой умъ и богатую фантазію, цыгане вообще отличаются бѣдностью культурныхъ произведеній. Великій мистикъ и проповѣдникъ временъ Іакова II, Джонъ Бёніанъ, былъ единственный значительный писатель, вышедшій изъ ихъ среды. Евреи далеко превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи, но и на нихъ оправдывается законъ, что упорное отстаиваніе чистоты племени ни въ какомъ случаѣ не способствуетъ культурному развитію. Въ Венгріи, Галиціи и Польшѣ, а равно и въ юго-западной Россіи, евреи выступаютъ въ видѣ сплошнаго народнаго элемента, такъ что имъ не стоитъ особеннаго труда сохранить неприкосновенность своей національности. Но въ то же время они стоятъ здѣсь ниже, чѣмъ гдѣ либо въ культурномъ отношеніи и нигдѣ не заражены въ такой степени всякими суевѣріями и мрачнымъ фанатизмомъ. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ они становятся малочисленнѣе и тѣмъ выше степень ихъ культуры. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ исчезли преграды, отдѣлявшія другъ отъ друга людей, и гдѣ браки между евреями и окружающими ихъ несемитами составляютъ обыденное явленіе, они достигли высшей цивилизаціи и нерѣдко являются ея руководителями. „Естественная исторія“ европейскихъ народовъ, должна прежде всего имѣть въ виду исторію происхожденія народовъ. Только тогда, когда намъ извѣстны въ точности элементы, изъ которыхъ образовались культурныя націи настоящаго времени и когда мы вполнѣ изучили эти элементы, получаются необходимые данные для этнографическаго описанія нынѣшнихъ европейцевъ. Это описаніе не можетъ ограничиваться одною „Естественной Исторіей“, а должно необходимо коснуться всѣхъ тѣхъ моментовъ, которые составляютъ общую культурную жизнь этихъ народовъ. Въ необъятной области, гдѣ этнографія переходитъ въ исторію культуры, мы встрѣчаемъ пока только неопредѣленные абрисы и неясныя очертанія. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ новѣйшей науки заключается въ томъ, чтобы уловить ихъ и воплотить по возможности въ живыхъ образахъ.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ

ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ.

Фр. Гельвальда.

Австралія и Полинезія.

ТОМЪ I.

Т и п ы.

Жилища и могилы.

Образъ жизни, занятія, развлеченія.

Прическа, головные уборы, украшенія.

Домашняя утварь, оружіе и проч.

Животныя и растенія.

Америка.

ТОМЪ I.

Типы.

Жилища.

Одежда, прическа и головные уборы.

Домашняя утварь, оружіе и проч.

Африка.

ТОМЪ II.

Типы.

Жилища.

Образъ жизни, занятія, развлеченія.

Одежда, прическа, головные уборы, украшенія.

Домашняя утварь, оружіе и проч.

Азія.

ТОМЪ II.

Типы.

Жилища.

Образъ жизни, занятія, развлеченія.

Прическа, головные уборы, украшенія, обувь.

Домашняя утварь, оружіе и проч.

Европа.

Типы.

ТОМЪ I.

ТОМЪ II.

Образъ жизни и занятія.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

АФРИКА.

АЗІЯ.